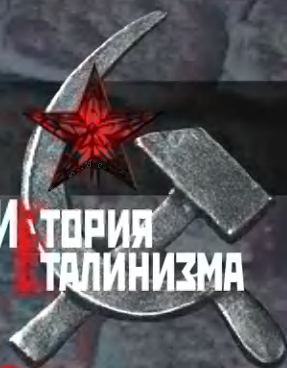

АЛЕКСАНДР ФУРСЕНКО, ТИМОТИ НАФТАЛИ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ХРУЩЕВА

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
ПРОТИВНИКА
АМЕРИКИ

**Совет при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Президентский центр Б. Н. Ельцина

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

**ALEKSANDR FURSENKO
AND TIMOTHY NAFTALI**

**KHRUSHCHEV'S COLD WAR
THE INSIDE STORY
OF AN AMERICAN ADVERSARY**

**W.W. NORTON & COMPANY
NEW YORK
LONDON
2006**

АЛЕКСАНДР ФУРСЕНКО
ТИМОТИ НАФТАЛИ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

ХРУЩЕВА

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
ПРОТИВНИКА
АМЕРИКИ

РОССПЭН
Москва
2018

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)63
Ф95

**Еврейский
музей**
и Центр толерантности

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Еврейского музея и Центра толерантности*

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynne Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров, А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов, О. В. Хлевнюк

Фурсенко А.

Ф95 «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки / Александр Фурсенко, Тимоти Нафтали ; [пер. с англ. О. Р. Щелоковой, В. Т. Веденеевой]. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 734 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2294-1

Книга канадско-американского исследователя Тимоти Нафтали и известного российского историка академика Александра Александровича Фурсенко (1927–2008) посвящена исследованию внешней политики СССР, проводившейся Н. С. Хрущевым. На основании многочисленных источников из российских, американских и европейских архивов авторы проследили сложную динамику взаимодействия Хрущева с президентами США – Дуайтом Эйзенхауэром и Джоном Кеннеди – взаимодействия, для которого было характерно как стремление к превосходству, так одновременно и к мирному сосуществованию.

За это исследование А. А. Фурсенко и Т. Нафтали в 2007 году были награждены престижной британской премией – медалью герцога Вестминстерского за военную литературу (The 2007 Duke of Westminster's Medal for Military Literature).

Монументальная монография Фурсенко и Нафтали будет интересна не только специалистам-историкам, но и всем интересующимся историей внешней политики.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-8243-2294-1

© Aleksander A. Fursenko and Timothy Nattali, 2006

© Щелокова О. Р., Веденеева В. Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

Издательство «Политическая энциклопедия», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бывают времена, когда личность одного человека по степени влияния на международные события может соперничать с идеологиями, социальными институтами или общественными движениями. Значимость таких людей выходит за пределы их собственных культур, определяя не только развитие других обществ, но и ход соперничества за ведущую роль на международной арене между странами. В середине двадцатого века «холодная война» вступила в свою – как это станет понятно позднее – самую опасную фазу. Пять отдельных кризисов: Суэцкий, Иракский, Берлинский (происходивший дважды) и Кубинский – вспыхивали один за другим; каждый из них, судя по всему, мог вылиться в третью мировую войну. Большую часть этого времени мир находился во власти полной неуверенности в будущем. И руководители, и обычные граждане одинаково не представляли, чем закончится дело: то ли два крупных противника, Советский Союз и Соединенные Штаты, останутся в том состоянии неопределенности, которое можно определить как «ни мира, ни войны», то ли они внезапно развяжут разрушительную атомную войну. И тем не менее один руководитель отличался от других верой в свою способность определять ход истории.

8 января 1962 года в речи, остававшейся секретной свыше сорока лет, Никита Сергеевич Хрущев заявил своим коллегам в Кремле, что позиция СССР в борьбе сверхдержав настолько слаба, что у Москвы нет иного выбора, кроме как постараться задать тон международной политике. «Мы должны увеличивать давление, не впадать в спячку, и, усиливая, мы должны дать оппоненту почувствовать усиление». Чтобы охарактеризовать мир, в котором политическая напряженность повсеместно приводила к крайнему пределу, угрожая военной конфронтацией, Хрущев обратился к образу наполненного до краев стакана вина, сравнив его с мениском. «Потому что, если у нас нет мениска, – объяснял он, – мы позволяем противнику спокойно жить».

И этим «противником», которому Хрущев не хотел позволить «спокойно жить», были Соединенные Штаты. Стремился ли советский руководитель к войне? Вино в стакане, объяснял Хрущев в

характерной для него колоритной манере, не должно переливаться через край, но, пока Советский Союз остается более слабой сверхдержавой, он должен балансировать на грани войны, чтобы выводить противника из равновесия. Эта стратегия опасна всегда, в любую историческую эпоху, но в ядерную эру такой подход был потенциально самоубийственным. Всего один мировой лидер, и тот не часто проявлял столь колоссальное высокомерие. Однако стратегию, о которой Хрущев объявил в 1962 году, он, в разных формах, осуществлял еще с 1955 года, когда начал влиять на внешнюю политику Кремля. Но почему Хрущев верил, что он сможет справиться с последствиями советской тактики давления? Почему он был уверен, что Соединенные Штаты непременно поймут, что вино все-таки не прольется?

Президенту Джону Ф. Кеннеди (который, как и остальные члены правительства США, никогда не узнал ни о произнесенной в январе 1962 года речи о «мениске», ни о стоящей за этой метафорой стратегии) пришлось приложить немало усилий, чтобы понять Хрущева. Кеннеди располагал лишь множеством свидетельств, что Хрущев – человек противоречивый. С одной стороны, руководитель коммунистической партии говорил о необходимости разрядки и разоружения. В июле 1962 года Хрущев будет вынужден признать Декларацию о нейтралитете Лаоса, что ослабит напряженность противостояния между США и СССР в Юго-Восточной Азии. У себя на родине, как считалось, он положил конец сталинским репрессиям, освободил политических заключенных и осудил предшествующий кровавый режим. Однако тот же самый руководитель произносил очень жесткие антизападные речи и временами, казалось, был готов превратить «холодную войну» в смертельное соперничество. Бесконечно хвастаясь советским оружием массового уничтожения, Хрущев предьявлял ультиматум за ультиматумом, чтобы вынудить Запад принять его представление о том, каким должно быть положение дел на Ближнем Востоке, в Центральной Европе и Латинской Америке.

Сколько бы информации ни поставляла разведка или эксперты по региональной политике, американские руководители, участники «холодной войны», все равно не могли в достаточной мере понять, что представляет собой Кремль, и не были уверены, что понимают происходящее в московских коридорах власти. Случались ли там какие-нибудь споры? Какими были их цели? Рассматривали ли они возможность начать войну? Какую роль в развитии событий играла личность диктатора – в данном случае Никиты Хрущева?

Позднее Хрущев оставил намек, где можно найти ответы на некоторые из этих вопросов. «Я должен буду работать, не пользуясь фактически архивным материалом», – признался он в конце шестидесятых годов, когда его воспоминания записывались на магнито-

фон¹. Отстраненный от руководства в октябре 1964 года, Хрущев предполагал временем и принялся диктовать свои воспоминания, сотни часов воспоминаний. Однако результатом, хотя и завораживающим, стала занявшая две тысячи страниц смесь исторической правды и самообмана². Ответы надо искать в другом месте. «Я [...] буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить, – признался, диктуя на магнитофон, Хрущев. – Факты были записаны протокольно. С ними можно будет детально ознакомиться»³.

Эти памятные записки и протоколы – стенограммы решений и дискуссий – эпохи Хрущева, включая и «речь о мениске», оставались в московских архивах закрытыми до лета 2003 года. Хотя в первые годы после падения Берлинской стены многие архивы были открыты, самая тайная кремлевская информация о Хрущеве так и осталась засекреченной в архиве, контролируемом Администрацией президента Российской Федерации. Некоторые из этих материалов авторам этой книги показали в середине девяностых годов, при подготовке книги о Кубинском ракетном кризисе. В материалах, хотя и весьма добротных, не содержалось информации о других эпизодах противостояния между Востоком и Западом эпохи Хрущева – таких, как Суэцкий, Иракский и Берлинский кризисы. В 2001 году собрание протоколов Хрущева и памятных записок Президиума Центрального Комитета – высшего органа Коммунистической партии Советского Союза, принимавшего решения, – было передано из секретного в более доступный архив, а в 2003 году эти материалы были полностью рассекречены. Написанные от руки Владимиром Малиным, заведующим Общим отделом ЦК КПСС, эти записки зафиксировали споры, решения и чаяния советского руководства с того самого года, когда Хрущев начал определять курс советской внешней политики, отмеченный кризисами в Венгрии, Суэце, Берлине и на Кубе. В этих материалах отражены надежды и опасения Кремля того времени, когда западные государственные деятели и журналисты предполагали, что близится ядерная катастрофа. Если бы сотрудникам ЦРУ удалось выкрасть эти материалы в 1962 году, то разведка США и государственный департамент смогли бы объяснить Кеннеди основные принципы политики его противника.

Используя эти и другие найденные в Москве материалы, в нашей книге мы пытаемся воссоздать как представления Хрущева о «холодной войне», так и его стратегию и тактику, выяснить масштаб его личной ответственности за обусловленные этой стратегией события на мировой арене. В 1956–1962 годах мир был свидетелем кризисов на Ближнем Востоке, в Центральной Европе и Карибском бассейне, но война между сверхдержавами все-таки не разразилась. Почему миру

так повезло? Потом, в 1963 году, когда Хрущев был еще у власти, сверхдержавы пришли к такому компромиссу, который, похоже, мог предотвратить большинство этих кризисов. Систематизируя данные о международной обстановке, в которой действовал Хрущев, мы также надеемся показать, как поступали и реагировали сверхдержавы и как, независимо от них, действовали не столь крупные игроки, также влиявшие на ход событий.

Хрущев без прикрас и рассекреченный, каким мы его увидели, предстает перед нами самым провокационным и самым дерзким из всех советских руководителей политическим лидером, который, как это ни странно, больше всех других деятелей Кремля стремился к долговременному соглашению с американцами. Он был не менее жестоким или идеологизированным, чем другие, пережившие Сталина, члены советского руководства. Если бы такой сложный человек стоял во главе небольшой страны, то его эксцентричность заслуживала бы своих легенд, но вряд ли бы стала существенным фактором понимания хода мировых событий. Однако Хрущев занимал наивысшую должность в государстве – самом могущественном противнике, с которым когда-либо сталкивались Соединенные Штаты. В этой стране было одиннадцать временных зон, она занимала территорию площадью около восьми миллионов квадратных миль [20 719 904 квадратных километров. – *Примеч. пер.*], а численность ее населения оценивалась в двести миллионов человек. Помимо Советского Союза Кремль контролировал обширную территорию стран-сателлитов. К 8 мая 1945 года, Дню победы в Европе, советская армия заняла Польшу, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Румынию и треть Германии, включая восточную половину гитлеровской столицы – Берлина. Ко времени капитуляции Японии, 14 августа 1945 года, Москва расширила свое военное присутствие на Манчжурию, северные острова Японии и северную часть Кореи. Но все это далось огромной ценой. Ни один военный победитель никогда не страдал так, как пострадал во Второй мировой войне Советский Союз. Нацисты разрушили тысячу семьсот советских городов и семьдесят тысяч деревень – в целом около трети национального богатства Советского Союза⁴. (Без учета человеческих жертв.) Боевые потери, вдвое больше, чем у нацистской Германии, достигли примерно семи миллионов человек. Потери среди гражданского населения были даже выше – примерно от семнадцати до двадцати миллионов человек.

Однако то, что могло бы заставить другие цивилизации сосредоточиться на себе, похоже, побуждало Советский Союз выходить на мировую арену. Через пять лет после окончания Второй мировой войны Россия взорвала собственную атомную бомбу, угрожая своим соседям, помогла прийти к власти в Китае коммунистам и приняла

участие во вторжении Северной Кореи в Южную Корею. Эта яркая демонстрация имперского размаха вызвала страх и опасение, ибо помимо своего международного политического влияния Советский Союз обладал и безграничными военными амбициями.

В сонме кандидатов на руководство советской империей Хрущев был всегда не более чем «темной лошадкой». Родившись в русской крестьянской семье в 1894 году, Никита Сергеевич проучился в школе всего четыре года, прежде чем начать работать слесарем в украинской части Российской империи. После большевистской революции 1917 года обширный аппарат коммунистической партии создал возможности для продвижения людей амбициозных и энергичных. Благодаря связям, практическому опыту и таланту Хрущев постепенно делал партийную карьеру в Харькове и Киеве, пока в 1929 году не перебрался в Москву. Он отличался большой работоспособностью, легкостью, с которой вникал в подробности сельского хозяйства и инженерного дела, а также своей преданностью Иосифу Сталину, который к тому времени начал первую череду больших чисток. Сталин обратил внимание на Хрущева и в 1938 году отправил его обратно в Украину, где тот со временем стал отвечать за оборону этого региона и его освобождение в ходе войны с нацистской Германией. В 1949 году Сталин вернул Хрущева в Кремль, назначив его руководителем Московского городского комитета партии. К этому времени он стал полноправным членом Политбюро (позже – Президиума) Центрального Комитета и считался человеком из ближнего окружения Сталина.

Несмотря на постоянно ухудшавшееся после войны здоровье, Сталин был человеком слишком параноидальным, чтобы готовить себе преемников. И действительно, в последние месяцы своей жизни диктатор явно давал понять, что готовится репрессировать некоторых из самых близких к нему людей. Когда в марте 1953 года Сталин умер на своей подмосковной даче через несколько дней после случившегося с ним обширного сердечного приступа, в выигрыше, явными наследниками, оказались другие, а не Хрущев.

Как только стало ясно, что эта болезнь Сталина станет для него последней, для руководства страной была создана группа из четырех человек. Главой официального правительства, Совета Министров, стал Георгий Маленков, самый компетентный администратор и самый молодой из этой четверки. Вокруг него группировались Лаврентий Берия, руководитель секретных служб, человек в зловещем пенсне, – он стоял во главе КГБ и был министром внутренних дел; многолетний член Политбюро и министр иностранных дел Вячеслав Молотов и, наконец, Никита Хрущев, ставший после смерти Сталина Первым секретарем ЦК КПСС. Прежний сталинский титул – генерального секретаря – не получил никто.

Берия внушал своим подельникам слишком сильный страх, чтобы могло возникнуть более или менее надежное соглашение о разделе властных полномочий. Или глава тайных служб репрессирует и уничтожит их всех сразу, или им придется устранить его первыми. Через три месяца Берия казнена, и в заговоре, лишившем его власти, ведущую роль сыграл Хрущев. В течение следующих полутора лет оставшиеся три члена «коллективного руководства» поддерживали шаткий альянс.

Это повествование начинается с того момента в 1955 году, когда Хрущев, выйдя из тени более известных Молотова и Маленкова, вышел на мировую арену. Его влияние на советскую стратегию резко возросло, и к началу шестидесятых годов Советский Союз почти вернулся к единоличному правлению эпохи Сталина. Кроме того, в это десятилетие Хрущев занял доминирующую позицию в определении внешней политики, сосредоточившись на борьбе за власть с двумя американскими президентами – Дуайтом Д. Эйзенхауэром и Джоном Ф. Кеннеди. Амбициозный, настойчивый и нетерпеливый, Хрущев собирался по-своему повлиять на ход мировой истории. И здесь будет рассказано о том, что он предпринимал, чтобы этого добиться.

Глава 1

ВОСХОДЯЩАЯ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Британский посол сэр Уильям Хейтер скучал, но для западного дипломата в Советском Союзе середины пятидесятых годов XX века это привычно. Дело было 8 февраля 1955 года, в предпоследний день сессии Верховного Совета, совершенно символического парламента Союза Советских Социалистических Республик, и Хейтер, сидя в комнате для дипломатов вместе с другими иностранными полномочными представителями, не ожидал ничего нового. В число обязанностей иностранного представителя в советской Москве входила также обязанность присутствовать на бесконечных публичных собраниях коммунистических руководителей, а затем составлять отчеты для Министерства иностранных дел или государственного департамента. Если повезет, то среди идеологической болтовни можно было обнаружить какие-то новые оттенки смысла. Однако в этот день Хейтеру и всему остальному миру предстояло изумиться: их поразит внезапное восхождение новой кремлевской звезды¹.

Без всякого предупреждения, через несколько часов обсуждения незначительных вопросов на возвышении поднялся рядовой бюрократ по имени Александр Волков и объявил, что ему предстоит зачитать заявление Председателя Совета Министров Георгия Маленкова². За два года после смерти Сталина, наступившей в марте 1953 года, в Кремле сформировалось новое «коллективное руководство», возглавлявшееся относительно смелым пятидесятидвухлетним Председателем Совета Министров Георгием Маленковым. Наряду с Маленковым членами этой «тройки» были два других влиятельных кремлевских деятеля: Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) Никита Хрущев и министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. До западных дипломатов доходили слухи о напряженных отношениях внутри «тройки», но никто всерьез не ожидал, что свой пост потеряет относительно молодой и энергичный Маленков.

Вся кремлевская верхушка находилась на возвышении, на трибуне для руководства, однако Волков зачитал заявление так, как если

бы Маленкова в зале не было. В этом заявлении советский премьер признавал свою «вину и ответственность» за недостатки в советском сельском хозяйстве (в 1955 году продукции, произведенной советскими колхозами, не хватало для удовлетворительного обеспечения населения) и просил принять его отставку. «Неужели я и впрямь услышал то, что, как мне показалось, я услышал?» – спросил своего соседа британский посол. Хейтер, как и другие в этой комнате для дипломатов, следил за слухами о разногласиях в Кремле, но привычно от них отмахивался. Маленков казался человеком умным и – по крайней мере среди западных наблюдателей – пользовался уважением. Предполагалось, что он может выдержать любой вызов со стороны Молотова и менее известного Хрущева. Но в тот день стало ясно, что контролирует ситуацию кто-то другой.

Как только заявление было зачитано, сразу же на голосование поставили резолюцию об утверждении отставки Маленкова. Никаких дискуссий не последовало. Около тысячи трехсот присутствующих в зале делегатов в знак одобрения подняли руки так, словно их дернул за веревочки прятавшийся где-то наверху хозяин театра марионеток. И через десять минут эпоха Маленкова уже стала историей. Затем был объявлен обеденный перерыв. Дипломаты только что стали свидетелями беспрецедентной передачи власти в Советском Союзе. Владимир Ленин умер в январе 1924 года, находясь у власти. Так же, во власти, в следующем поколении, умер и Сталин. В 1953 году наследники Сталина арестовали руководителя его карательных органов, Лаврентия Берия, потом его казнили, но во всем остальном структура руководства осталась нетронутой. Однако теперь советское руководство сменилось одним поднятием рук.

Когда через три часа заседание Верховного Совета продолжилось, состоялось представление новой иерархии. На место Маленкова глава КПСС шестидесятилетний Никита Хрущев назначил маршала Николая Булганина. Булганин, пятидесятидевятилетний советский министр обороны, был человеком с маленькой седой бородкой и неплохим чувством юмора – особенностями, позволившими ему выделиться среди флегматичных и грузных кремлевских знаменитостей. Хрущев объяснил, что Булганина избрал Центральный Комитет Коммунистической партии. И еще одним поднятием рук новым советским премьером стал Булганин³.

После избрания Булганина шестидесятичетырехлетний советский министр иностранных дел Молотов – в своем фирменном пенсне и со строгими усиками – подошел к трибуне, чтобы зычным голосом зачитать первый, после эпохи Маленкова, доклад о международной политике. Это было воинственное заявление. А с точки зрения британского посла и других западных наблюдателей, оно было еще и очень

неутешительным. Изгнанный Маленков открыто заявлял о возможности мирного взаимодействия между Москвой и капиталистическими странами. А Молотов в своей речи вернулся к той характерной для сталинизма теории, что мир может наступить лишь благодаря уничтожению враждебного западного мира: «Ослабление напряженности в международных отношениях может быть достигнуто не иначе, как упорной борьбой против наиболее агрессивных кругов и их происков. Следовательно, эта борьба не только не должна быть ослаблена, но и неизбежно должна быть продолжена и проводиться с еще большей настойчивостью, умением и последовательностью»⁴.

Со сцены Никита Хрущев – приземистый, коренастый мужчина с почти идеально круглой лысой головой и таким же круглым полнощеком лицом с глубокими морщинками от смеха и двойным подбородком – одобрил речь Молотова аплодисментами, но ничего не сказал. К удивлению присутствовавших иностранных дипломатов, он излучал самоуверенность, свидетельствующую о том, что новым руководителем, может быть, станет он.

* * *

«Это было очень по-русски», – объяснял директор Центральной разведки Аллен Уэлш Даллес президенту Соединенных Штатов Дуайту Дэвиду Эйзенхауэру и Совету национальной безопасности⁵. Это был не первый сюрприз Кремля для Центрального разведывательного управления Даллеса. За десять лет после окончания Второй мировой войны, ознаменованных началом «холодной войны», американской разведке так и не удалось составить сколько-нибудь глубокого представления о советской системе принятия решений. Ни в Кремле, ни вообще среди элиты любой советской бюрократии не было ни одного американского агента, и американская прослушка не дала никакой существенной информации о советском политическом руководстве высшего уровня. Кремль был «черным ящиком», с обитателями которого западные представители могли хоть как-то познаться лишь на публичных мероприятиях коммунистической партии или на дипломатических приемах в Москве. «Очень по-русски» было для ЦРУ синонимом непостижимого.

О перестановке в Москве президент Эйзенхауэр впервые узнал 8 февраля от своего пресс-секретаря Джеймса К. Хагерти, прочитавшего об этом в отчетах телеграфных агентств. Не больше помог президенту и государственный департамент, возглавлявшийся старшим братом Аллена Даллеса Джоном Фостером Даллесом. Хотя среди первых представителей Запада, заметивших напряженность в «коллективном руководстве» еще годом раньше, был и посол США в Москве

Чарльз «Чип» Болен, посольство не предупредило Вашингтон, что в Москве назревают значительные политические изменения.

За пределами администрации Эйзенхауэра новости из Москвы сразу же вызвали глубокую озабоченность. «Устранение Маленкова – неудача для народов свободных стран», – заявил Уильям Аверелл Гарриман, который во время Второй мировой войны был специальным представителем Франклина Рузвельта в Москве⁶. Аналогичное ощущение сложилось и у Уолтера Беделла Смита – посла президента Трумэна, а во время войны – начальника штаба при Эйзенхауэре. «Мне это не очень нравится, – сказал Смит корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс». – Это явно означает, что отношения с Советами не станут сколько-нибудь легче»⁷. После смерти Сталина в отношениях между Востоком и Западом наступила небольшая оттепель, и большинство государственных деятелей, дипломатов и журналистов ставили это в заслугу Маленкову. В марте 1954 года советский премьер открыто заявил, что в атомной войне победить невозможно; это совершенно противоречило прежним высказываниям Сталина, подчеркивавшего неизбежность третьей мировой войны. Под руководством Маленкова Кремль оказал давление на своего китайского союзника, вынудив его заключить перемирие и положить конец Корейской войне, начавшейся в 1950 году после того, как Сталин поддержал северокорейского лидера Ким Ир Сена в его решении напасть на Южную Корею. Кроме того, Кремль отказался от территориальных претензий, который Сталин предъявлял двум соседям Советского Союза, Финляндии и Турции, и прекратил колониальный контроль СССР над незамерзающим китайским портом Порт-Артуром. Во внутренней политике Маленков делал акцент на производстве потребительских товаров и повышении уровня жизни рядовых советских граждан, что также, судя по всему, предвещало более миролюбивую политику. Многие опасались, что после отставки Маленкова с поста премьера эта «мягкая политика» прекратится⁸.

Новости о политической смерти Маленкова президент Эйзенхауэр воспринял спокойно, даже с оттенком оптимизма. Эйзенхауэр, учившийся в Военной академии США в Вест-Пойнте, а в годы Второй мировой войны ставший самым известным в мире генералом, предпочитал иметь дело с теми иностранными руководителями, которые имели военный опыт. Он предположил, что избрание Булганина на роль нового советского премьера отражает усиление влияния на кремлевские дела Советской армии. «Знаешь, – сказал Эйзенхауэр Хагерти, получив эти новости, – если ты военный и знаешь, каково оно, это разрушительное оружие, это делает тебя большим пацифистом, чем ты обычно был»⁹.

ЦРУ и государственный департамент предупреждали президента, чтобы он не считал этот момент началом режима Булганина. Николай Булганин (судя по всему, известный советским солдатам как «генерал-заяц») имел репутацию человека малозначительного. Высокопоставленные вашингтонские кремленологи полагали, что он был просто ширмой для новой сильной личности – возможно, для нового советского руководителя партии Никиты Хрущева¹⁰. В самом деле, ЦРУ или государственный департамент США, сообщавшие президенту Эйзенхауэру о политике Кремля в 1955 году, делая свои прогнозы, были уверены только в одном: в конце концов кто-то так или иначе окажется на вершине власти. «Невозможно осуществлять диктатуру без диктатора», – сказал группе журналистов Джон Фостер Даллес¹¹.

* * *

В 1955 году Советский Союз не был диктатурой одного человека, однако политический спектакль, разыгранный 8 февраля, свидетельствовал как о возвышении Никиты Сергеевича Хрущева, занявшего в узком кремлевском кругу положение первого среди равных, так и о его международном дебюте. С этого момента и до тех пор, пока, через десять лет, его не сместит с должности другое поколение кремлевских бонз, Хрущеву предстояло оказывать огромное влияние и на Советский Союз, и на его отношение к остальному миру. В то время это понимали лишь смутно, но эпоха Хрущева в советской политике уже началась.

С сентября 1953 года под всеми кремлевскими резолюциями ставились две подписи: Маленкова как представителя правительства и Хрущева – от имени партии. Со времени Ленина Советский Союз управлялся, судя по всему, двумя параллельными организациями. В СССР имелся премьер, возглавлявший Совет Министров (на деле – правительство с министром обороны и министром иностранных дел). У Коммунистической партии Советского Союза была своя собственная руководящая структура – Центральный Комитет, которым, в свою очередь, руководил узкий круг лиц, примерно двенадцать, именуемый Политбюро, или, после 1952 года, Президиумом. При Ленине и Сталине советское правительство действовало исключительно как административное подразделение коммунистической партии, обладавшей в советском государстве всей исполнительной властью. Однако на протяжении шестнадцати месяцев Маленков и Хрущев правили страной так, как если бы партия и административные органы были равны.

Хрущев был слишком честолюбивым и слишком часто не соглашавшимся с Маленковым по внутривластным вопросам, чтобы эта система разделения властей оказалась долговечной. Хотя оба руководителя мечтали улучшить участь рядовых советских крестьян, они радикально расходились во взглядах на то, как это сделать. Маленков относился к марксистской экономике несколько скептически. Ни в коей мере не капиталист, он, тем не менее, понимал важность повышения закупочных цен и зарплат как фактора роста производительности труда. Ему было ясно, что без финансовых стимулов плановая экономика может развиваться лишь до определенного предела. В первой после Сталина реформе сельского хозяйства, о которой Маленков объявил осенью 1953 года, фигурировали такие пункты, как повышение для производителей цен на сельхозпродукцию, которую колхозы должны были продавать государству, и снижение налогов на частные подворья крестьян.

Хрущев же полагал, что проблемой советской экономики является производство, а не производительность¹². По его мнению, советский гражданин станет питаться лучше в том случае, если не изменять плановую экономику, а ее развивать. В 1954 году Хрущев выступил поборником программы подъема целины, в соответствии с которой триста тысяч комсомольцев отправили в Поволжье, Западную Сибирь и Казахстан возделывать земли, до тех пор еще не освоенные государственной сельскохозяйственной системой. Кроме того, Хрущева не устраивало мнение Маленкова, считавшего, что советскую экономику следует переориентировать на увеличение производства товаров легкой промышленности или на расширение объемов выпуска потребительских товаров. Это не означало ни того, что Хрущев собирался лишить советских граждан предметов домашнего обихода, ни того, как опасались западные наблюдатели, что он хотел сохранить высокий уровень капиталовложений в производство вооружений. Нет, это было всего лишь отражением его доктринерского подхода к советской экономике, согласно которому все будущие успехи в экономике зависели от создания мощной основы в виде тяжелой промышленности.

* * *

Хрущев задумал сместить Маленкова при поддержке сталинского министра иностранных дел в 1939–1949 годах Вячеслава Молотова, после смерти Сталина снова назначенного на этот пост. Молотов был старейшим членом Президиума. В узкий круг партийного руководства Сталин ввел его еще в 1926 году. В начале пятидесятых годов Молотов впал в немилость, но смерть Сталина избавила его

от грозящих репрессий. Молотова не нужно было уговаривать стать сообщником в заговоре Хрущева. Он считал Маленкова «славным товарищем» и прекрасным «управленцем по телефону», но при этом – человеком, не имевшим никакого веса и обладавшим опасно наивными представлениями о внешней политике¹³.

22 января 1955 года Хрущев и Молотов провели официальное заседание Президиума, чтобы вынудить Маленкова подать в отставку. К середине пятидесятых годов Президиум вернул себе традиционную роль главного органа Центрального Комитета КПСС и, следовательно, всей советской системы. Созданный в 1919 году на VIII съезде партии как Политбюро, этот совет узкой группы лиц вначале включал Ленина, четырех других полноправных членов и трех кандидатов в члены Политбюро¹⁴. При этом предполагалось, что Политбюро будет рассматривать в основном срочные дела, решение которых нельзя было откладывать до созыва пленарных заседаний (или пленумов) Центрального Комитета, проводившихся два-три раза в год, однако со временем Политбюро стало собираться раз в неделю¹⁵. Хотя большевики и считали Ленина своим лидером, у него был лишь один голос в Политбюро, имевшим сменного председателя и принимавшим решения большинством голосов полноправных членов. При Сталине этот внутренний совет, как и все другие партийные органы, не собирался. Например, на начальном этапе большевистской истории ежегодно проводился, как минимум, один партийный съезд – для подтверждения изменений в доктрине и избрания Центрального Комитета; при Сталине же между XVIII и XIX съездами партии прошло тринадцать лет. Диктатор предпочитал управлять неофициальными методами, посредством «кухонного кабинета», членов которого он приглашал к себе на ночные застолья, обращаясь с ними как с марионетками. Наследники Сталина восстановили традицию еженедельных заседаний Президиума, в котором к началу 1955 года было девять полноправных членов, три кандидата в члены Президиума и постоянный председатель¹⁶.

С марта 1953 года на заседаниях Президиума председательствовал Маленков, что давало ему небольшое преимущество в формировании коллективного руководства. Органы советского правительства или сами члены Президиума предлагали свою политику Президиуму в виде письменных резолюций. Иногда представителей этих органов приглашали кратко информировать членов Президиума: часто проекты резолюций, которые раздавались заранее вместе с какими-либо важными сообщениями, говорили сами за себя. Председатели Президиума ревностно отстаивали свои прерогативы и не любили допускать посторонних. Государственной тайной был даже график заседаний. Правда, тем, кого допускали на заседания, позволялось вести

незапланированные дискуссии, однако после голосования – устного или поднятием рук – резолюция преподносилась всей остальной советской системе как единодушное решение КПСС. За пределами зала заседаний Президиума не допускалось даже намек на разногласия

Состоявшееся в январе 1955 года заседание Президиума, на котором был уволен его председатель, прошло цивилизованно и спокойно¹⁷. Позже распространились слухи, что в какой-то момент Маленков вышел из себя и разбушевался¹⁸. Однако на самом деле сцена была отрепетирована заранее, и все довольно точно придерживались сценария. Даже Маленков, судя по всему, знал роль, которую ему полагалось сыграть. Заседание началось с его признания, что он не справляется с работой. «Я не соответствую требованиям, – сказал он своим коллегам. – Я уже давно думал, как мне подать в отставку».

Выслушав обвинительный приговор, Хрущев, главный постановщик этого номера, ничего не сказал. Когда против Маленкова высказались все остальные полноправные члены Президиума, кроме Булганина, на должность председателя Совета Министров Хрущев предложил назначить вместо Маленкова Булганина¹⁹. По сигналу Молотов поддержал назначение, и следом за ним такое же мнение высказали давние члены Президиума – Лазарь Каганович и маршал Климент Ворошилов. Выдвижение Николая Булганина, отъявленного пьяницы, но безобидного советского министра обороны, главными заговорщиками было согласовано заранее²⁰.

Хрущев взял себе более важный пост Маленкова – председателя Президиума. Хрущев полагал, что Советским Союзом надо управлять через Президиум, и хотел контролировать его повестку. Его вступление в эту значительную должность было утверждено без дискуссий. Молотов, судя по всему, не претендовал ни на какие трофеи или, по крайней мере, не думал, что должен предпринимать какие-то действия ради укрепления своего положения в кремлевской элите.

В сравнении с тем, что могло бы произойти с ним при Сталине, ущерб, нанесенный Георгию Маленкову, был небольшим. Он лишился своего высокого поста и председательства, но не жизни. Фактически он даже не утратил своего членства в Президиуме. Молотов хотел, чтобы его оттуда вывели, но Хрущев высказался за то, чтобы сохранить Маленкова в составе Президиума. Ничего не сказав и на этот раз, Хрущев, тем не менее, знал, что голос Маленкова понадобится ему в тех вопросах внешней политики, по которым они оба не расходились. Завершая эти мероприятия, проходившие в обстановке строжайшей секретности, участники группы решили оповестить об этих изменениях на заседании Верховного Совета, которое должно было состояться через две недели.

Благодаря этим тайным закулисным маневрам Никита Хрущев стал самым могущественным человеком в огромной и беспокойной империи. В 1955 году Советский Союз все еще испытывал трудности, расширяя свое влияние и переваривая влияние и территории, приобретенные благодаря победе над нацистской Германией. На проходивших во время войны Ялтинской и Потсдамской конференциях Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз признали установившийся в Европе новый порядок. Англо-американцы не соглашались со Сталиным в том, как ему использовать свое влияние в Восточной Европе, однако западные союзники были достаточно прагматичны. Они понимали, что советские войска, освобождавшие оккупированные нацистами Польшу, Венгрию и Чехословакию и занимавшие Восточную Германию, Болгарию и Румынию, не собирались ограничиваться денацификацией этих стран. Сталин не верил, что можно доверять соседу, если только этот сосед не был собратом-коммунистом.

В первые несколько лет после 1945 года Советы, создавая коммунистические режимы, назначали руководить ими людей, укрывавшихся во время войны в Москве. Ни один из них – ни Отто Гротеволь и Вальтер Ульбрихт из Германии, ни Клемент Готвальд из Чехословакии, ни Болеслав Берут из Польши – не были популярны на родине и до войны. Да и теперь, возглавив разоренные войной страны, отчаянно нуждавшиеся в помощи, которую Запад щедро оказывал странам-союзницам, они не стали сколько-нибудь популярней. Действительно: в восточноевропейской части империи Советского Союза уже произошло восстание, хотя и кратковременное. Забастовка строительных рабочих в Восточном Берлине вспыхнула 16 июня 1953 года. Она вызвала всеобщие демонстрации протеста, охватившие полмиллиона человек – жителей пятисот шестидесяти с лишним сел и городов Восточной Германии. На следующий день на улицах Восточного Берлина собралось, по примерным оценкам, восемьдесят тысяч человек, требовавших прекратить беспорядки. Как минимум, двадцать один демонстрант (а вероятно, и гораздо больше) были убиты и более четырех тысяч арестованы²¹. Положение в Восточной Германии оставалось нестабильным, и у Москвы были основания полагать, что точно такие же события могут произойти и в любой из других так называемых народных демократий.

Возникли проблемы даже с теми новыми социалистическими странами Европы, которые не находились под советской оккупацией. Иосип Броз Тито, популярный коммунистический партизанский вождь, освободивший Югославию без советской армии, хотел следовать более независимым социалистическим курсом. В 1948 году Сталин потерял терпение и приказал советской разведке убить юго-

славского лидера. Тито выжил, но отношения между двумя странами уже окончательно разладились.

Трудности в социалистическом лагере нарастали, и Советы наблюдали за постепенным усилением направленной против них западной коалиции. В 1949 году двенадцать стран во главе с Соединенными Штатами создали Организацию Североатлантического договора (НАТО) – антисоветский альянс, который со временем расширялся²². В 1952 году к НАТО присоединились Греция и Турция.

* * *

Никита Хрущев полагал, что с приходом к власти он приобрел и обязанность совершить переворот в советской внешней политике. Заявив о себе как о неоспоримом специалисте по сельскому хозяйству и промышленности, Хрущев в то же время пришел к твердому убеждению, что Сталин, а потом и Молотов управляли внешней политикой очень плохо. Просто до сих пор он этого мнения никогда не высказывал.

Хрущев считал, что во всем виноваты Сталин и Молотов: это их подход, думал он, привел и к милитаризированному противостоянию с капиталистами, и к сокращению взаимодействия с нейтральными развивающимися странами, и к ослаблению отношений Советского Союза с его социалистическими союзниками. Хрущевское толкование марксизма-ленинизма привело к тому, что к человеческому поведению он стал относиться оптимистичней, чем Сталин и Молотов, что сделало его большим интернационалистом, чем любой из них. Хрущев, хотя и относился к капиталистам с подозрением, хотел думать, что они способны измениться; он был убежден, что нации, проще говоря, большие группы людей, всегда более прогрессивны, чем несколько богачей или милитаристов, которые ими правят. Он полагал, что при наличии возможности все страны в конечном счете свободно выберут социализм, а потом и коммунизм. В качестве самой мощной прогрессивной мировой силы Советский Союз готов завоевать симпатии тех руководителей и режимов, которые, даже не будучи коммунистическими, были, по своему мировоззрению, антиимпериалистическими и антиколониальными. Одновременно Хрущев разделял позицию Ленина, выраженную большевистским руководителем почти в конце жизни: представление, что социалистический мир может наладить «мирное сосуществование» с капиталистами. И действительно, Хрущев полагал, что, если социалистический мир хочет раскрыть свой потенциал полностью, ему необходимо стремиться к мирному сосуществованию. Его долгий управленческий опыт человека, руководившего сельским хозяйством и промышлен-

ностью, научил его лучше, чем Сталин или Молотов, понимать цену военной конфронтации с Западом и то, какое влияние она оказывает на уровень жизни в Советском Союзе и в союзных ему коммунистических странах. Несколько его заграничных поездок в 1954 году, исключительно в социалистические страны – Восточную Германию, Польшу и Китай – укрепили его уверенность, что ахиллесова пята советского блока – это экономика.

Хрущев был убежден, что «холодная война» не является неизбежной. Хотя его и раздражало западное и, особенно, американское высокомерие; вину за международную напряженность после падения нацистской Германии он возлагал в основном на советские ошибки. В 1945–1946 годах Сталин оказывал давление на Турцию, чтобы вынудить ее или согласиться на создание советской военно-морской базы в Средиземном море, или хотя бы пересмотреть договор, который регулировал использование пролива, соединявшего Средиземное море с Черным. Аналогично советские усилия расколоть Иран и превратить его северную провинцию в государство-сателлит усилили опасения Запада, что Сталин не удовлетворится разделением Европы, договор о котором был заключен с союзными державами в Ялте и Потсдаме в 1945 году.

У Хрущева были личные воспоминания о третьей попытке и третьей неудаче Сталина переписать соглашение по итогам Второй мировой войны. По этому соглашению, каждый из союзников, а также Франция получали в управление долю бывшей столицы Гитлера – свою зону оккупации. Берлин находился внутри советской оккупационной зоны, проникая в нее на сто миль [около ста шестидесяти километров. – *Примеч. пер.*]. Сталина беспокоило, что свои права сохранять сухопутный, воздушный и железнодорожный доступы к Берлину через Восточную Германию западные державы использовали для ввода в свой сектора солдат и вывода их оттуда. Пытаясь выдавить западных союзников из западных секторов Берлина, он приказал советским военным блокировать автомобильные и железнодорожные подъездные пути.

Через несколько лет Хрущев заявил, что блокада Западного Берлина была ошибкой, Сталин сделал этот шаг, «не оценив наши возможности реалистически. Он ее как следует не продумал»²³. Вместо того чтобы сдать, президент США Гарри Эс Трумэн наладил массовую доставку по воздуху, транспортной авиацией, тонн продовольствия в Западный Берлин. Через одиннадцать месяцев Сталин прекратил блокаду. Советские потери включали не только затруднения, связанные с Берлином. Результатом блокады стало то, что Сталин, по сути, подтолкнул западные державы к созданию НАТО.

Хрущев не видел существенных улучшений в советской внешней политике после смерти Сталина. Он поддержал предложение Маленкова улучшить отношения с Западом и попытки установить дипломатические и экономические связи с «третьим миром», однако Молотов поставил жесткие пределы, за которые страна не должна заходить ни в одном, ни в другом направлениях. По самой, предположительно, важной внешнеполитической проблеме, стоявшей перед СССР, – о будущем разделенной Германии – Молотов решительно возражал против любых реальных изменений существующего подхода. Сталин настаивал на воссоединении Германии при условии, что она будет нейтральной и демилитаризованной. Хотя в своей оккупационной зоне Москва и создала коммунистический режим, организуя принцип германской стратегии Кремля была не защита Восточной Германии. Главная цель советской послевоенной политики состояла в том, чтобы помешать вступлению Западной Германии в западный блок.

Сталин не дождался осознания банкротства своей политики. Осенью 1954 года западные державы заключили в Париже ряд соглашений, которые, после их ратификации всеми атлантическими державами, должны были привести к включению Западной Германии в НАТО. В феврале 1955 года эти протоколы еще не были ратифицированы, но, судя по всему, это должно было произойти в мае. Однако для сохранения прежнего политического курса Молотову было нечего предложить, кроме адресованных Западу и немцам туманных угроз, намекающих на влияние этого шага на международные отношения.

Хрущев не был уверен, что у него есть какое-нибудь решение, но он знал, что Москве надо попытаться выработать новую тактику, чтобы предотвратить или хотя бы замедлить вступление Федеративной Республики Германии в НАТО. Хрущева меньше, чем сталинистов, беспокоило, что, став членом НАТО, Западная Германия так или иначе подготовит нападение на Советский Союз; его больше волновало, что европейская политика будет направлена на дальнейшее ослабление социалистического строя Восточной Германии. Ежемесячно, начиная с июньского восстания 1953 года, через Западный Берлин из Восточной Германии перебежали в среднем около пятнадцати тысяч человек; всего бежало около трехсот тысяч²⁴.

Равнодушие Молотова к потребностям восточных немцев было частью его в целом бесчувственного отношения ко всему советскому блоку. Хрущев обвинял Молотова в том, что советский бойкот Югославии продолжался после смерти Сталина еще два года. Однажды Сталин похвастался Хрущеву: «Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет», – но он пошевелил не только мизинцем, а Тито был все еще жив²⁵. За год до смерти Сталина агент

КГБ, следуя указаниям из Москвы, втерся в доверие к личным сотрудникам Тито. Действовавший под псевдонимом «Макс», этот агент был Иосифом Григулевичем (он же – Теодоро Кастро), нерезидентным посланником Коста-Рики в Белграде. Секретные сотрудники Сталина хотели, чтобы Макс подбросил оборудованную взрывным устройством коробочку с драгоценностями, которая распылит смертельный ядовитый газ в ту минуту, когда Тито ее откроет²⁶. Хотя после смерти Сталина заговоры против Тито прекратились, Молотов по-прежнему ненавидел Тито и продолжал препятствовать всяким попыткам примирения.

* * *

Не зная о планах Хрущева, западные державы предположили, что «холодная война» вступила в поистине ледяную фазу. Речь Молотова на заседании 8 февраля свидетельствовала, судя по всему, о возврате к старой советской конфронтационной риторике, и после отставки Маленкова ожидали, что сталинистские представления Молотова снова будут определять отношения Кремля с миром.

Ожидания Запада свидетельствовали не столько о восприятии настроений Молотова, сколько о недооценке Хрущева. До февраля 1955 года всякий раз, когда дипломаты встречали его на приемах, он громко разговаривал и казался сильно выпившим. «Хрущев, – вспоминал британский посол Хейтер, – выглядел довольно неуместно»²⁷. Свое мнение о Хрущеве посол США Чип Болен обобщил в телеграмме, отосланной им в Вашингтон в 1954 году: «[Хрущев] не особенно умен»²⁸.

Однако не все американские должностные лица относились к Хрущеву с таким пренебрежением. Новая советская знаменитость поневоле вызвала уважение у руководства Центрального разведывательного управления, особенно у его директора, Аллена Даллеса, видевшего в нем прагматичного реалиста. Еще в апреле 1954 года Даллес говорил о Хрущеве как о человеке, к которому стоит присмотреться. «Его [Маленкова] человек номер два, Хрущев, чрезвычайно меня интересует, – говорил Даллес сливкам американского офицерского корпуса в Национальном военном колледже. – В отличие от большинства руководителей Советского Союза он, похоже, обладает довольно неплохим чувством юмора. То ли это потому, что он украинец, то ли по другой причине, не знаю, но во всяком случае к этому типу следует присмотреться. У него явно несколько другой склад ума, чем у определенных советских руководителей, с которыми мы имели дело»²⁹.

Живое внимание ЦРУ привлекли публичные выступления Хрущева 1954 года, в которых он клеймил советских бюрократов, осуждая их за волокиту и некомпетентность. Управление отметило жалобы Хрущева на то, что в одной из областей СССР заработки сборщиков налогов превышали сумму всех собранных ими налогов. Не осталась незамеченной и его критика в адрес ежемесячных отчетов, которые должен был писать каждый цех. «Множество работников потеет над составлением и распространением этих отчетов, – похоже, говорил он, – и их отрывают от полезной работы»³⁰.

Глава ЦРУ, полагавший, что чем Советский Союз неэффективнее, тем меньшую угрозу он представляет, не думал, что реформаторские порывы Хрущева могут принести большую пользу Соединенным Штатам. «Думаю, это довольно опасный сигнал, – приходил он к выводу, – что мы имеем дело с таким реалистичным человеком, как Хрущев, явно имеющим смелость высказываться»³¹. Но в то же время он предположил, что Хрущев вряд ли будет высказываться по вопросам внешней политики, а если и выскажется, то примерно в таком же духе, что и Молотов.

* * *

Хрущев начал проводить новую политику и в отношении оккупированной Австрии, где все еще размещались сорок тысяч советских военных, что было первой проверкой его умения уменьшить влияние Молотова на внешнюю политику Кремля. В 1945 году союзники восстановили независимость Австрии, которую нацисты попытались уничтожить аншлюсом 1938 года. Затем Австрия была оккупирована всеми четырьмя державами. При Сталине, и даже при Маленкове, советская политика состояла в том, чтобы любой будущий мирный договор с австрийским правительством связывать с воссоединением Германии. Хрущев же считал этот подход бесплодным, поскольку до воссоединения двух Германий пройдут еще годы. При этом он полагал, что австрийское урегулирование может стать первым шагом в стремительной попытке заинтересовать западных немцев и привести их к менее конфронтационным отношениям с советским блоком. Возможно, если Австрии позволят воссоединиться в качестве нейтрального, демилитаризованного государства, немцы, которых не устраивало присоединение к западному военному блоку, могут отнестись к этому как к заманчивой альтернативе.

Во время недолгого политического альянса Хрущева и Молотова против Маленкова Хрущеву удалось убедить Молотова посмотреть на австрийскую проблему по-новому³². В суровой речи Молотова от 8 февраля содержалось не замеченное большинством западных ком-

ментаторов заявление, что Советский Союз больше не ставит подписание мирного договора с Австрией в зависимость от определения будущего разделенной Германии. Фактически это представляло собой ослабление старой сталинистской позиции.

Однако, как хорошо знал Хрущев, поддержка Молотова была чисто тактической. Для него предложение, сделанное Австрии, было, как и множество его дипломатических предложений на протяжении многих лет, уловкой. Молотов мог опасаться, что Западная Австрия (как и Западная Германия) вступит в НАТО, и хотел соблазнить австрийцев альтернативой³³. Молотов ожидал, что австрийцы отклонят советское предложение, но переговоры выведут западных немцев и американцев из равновесия и их можно будет легко затянуть.

На самом деле Хрущев не был заинтересован в затягивании этого дела. Переговоры с Веной должны были состояться как можно скорее, чтобы была возможность достичь соглашения до того, как западные германцы вступят в НАТО³⁴. «Вячеслав Михайлович... Как ты смотришь на заключение мирного договора с Австрией? – спросил он Молотова в конце февраля или в начале марта. – Следовало бы приступить к переговорам с австрийским правительством». По словам Хрущева, Молотов сопротивлялся всеми силами, ответив: «Что вы суете свой нос во внешнюю политику? Я стал политическим деятелем значительно раньше, чем вы ступили на эту стезю, прошел большой путь как министр иностранных дел, столько раз встречался и вел переговоры с крупнейшими государственными деятелями по всем вопросам, определяющим жизнь нашей страны. И вдруг сейчас, после смерти Сталина, вы не прислушиваетесь ко мне, а навязываете свои идеи, неправильные и вредные»³⁵.

Но Хрущев обманул «старого политика». Используя свои новые полномочия, он внес вопрос на Президиум, который, несмотря на возражения, Молотова, проголосовал за приглашение австрийской делегации в Москву³⁶. 24 марта приглашение отправили в Вену. Визит, продолжавшийся с 11 по 15 апреля, оказался очень плодотворным, договор был почти полностью готов³⁷.

Первый секретарь едва дождался окончания этой первой проверки, чтобы предпринять еще более решительное наступление на текущую советскую внешнюю политику. 12 марта 1955 года сторонники Хрущева в газете «Правда» опубликовали статью, свидетельствующую о советской заинтересованности в улучшении отношений с Белградом. Маршал Тито, говорилось в статье, должен «забыть прошлое и прийти к соглашению с Советским Союзом, чтобы работать во имя мира и международной безопасности»³⁸. Так началась большая публичная кампания в прессе, призванная ослабить поддержку

позиции Молотова, хотя и не направленная против советского министра иностранных дел лично.

К этой кампании Хрущев подключил самого известного в Советской России человека – маршала Георгия Жукова. В последние месяцы Второй мировой войны Жуков был равноправным партнером Дуайта Эйзенхауэра на восточном фронте. В качестве командующего Первого Белорусского фронта в апреле 1945 года он руководил наступлением на Берлин, а через несколько недель представлял Советский Союз на церемонии капитуляции Германии. Жуков вернулся на родину настолько героем, насколько это мог допустить Сталин. Стоя на трибуне Мавзолея Ленина рядом со Сталиным, Жуков смотрел, как советские военные, подразделение за подразделением, бросали к его ногам полковые знамена побежденных нацистов. Через год Жуков оказался в политической глуши: сравнительно удачливая жертва сталинской паранойи, он остался в живых, но был назначен на другую должность – командовать Одесским военным округом в южной Украине. «Это было примерно то же самое, – отмечал наблюдавший за Кремлем в течение многих лет Гаррисон Солсбери, – как если бы мистер Трумэн послал Эйзенхауэра руководить школой Национальной гвардии в Оклахоме»³⁹. После смерти Сталина Жуков, вернувшись в Москву, стал первым заместителем Булганина в Министерстве обороны. Когда Булганин стал премьером, Хрущев назначил Жукова министром обороны вместо Булганина, и вскоре его повысили, сделав членом Президиума.

Чтобы усилить давление на Молотова, прибегли к помощи Жукова: он получил задание произнести нужную речь в день Первого мая. Маршал был популярным и надежным союзником. Ни один советский гражданин не сомневался в преданности этого героя войны делу безопасности и укрепления могущества Родины. Его выступление для Хрущева было бы той легитимацией, которой, как он полагал, можно воспользоваться в борьбе с Молотовым. Среди стереотипных упоминаний о Великой Отечественной войне была одна фраза, имевшая огромное значение. «Внешняя политика Советского Союза, – сказал Жуков, – исходит из мудрого совета великого Ленина о возможности мирного сосуществования и экономического соперничества государств, независимо от их общественного или государственного устройства»⁴⁰.

Молотов, получивший копию речи заблаговременно, сразу же оценил масштабность этого вызова его авторитету во внешней политике. Включение слов о «возможности мирного сосуществования... государств» означало полный отказ от его конфронтационного подхода к Западу. В пять часов вечера 30 апреля, всего за несколько часов до предполагаемого выступления Жукова, Молотов раздал копии пись-

ма своим коллегам с требованием исправить положение о мирном сосуществовании. «Он устроил скандал», – вспоминал впоследствии Булганин⁴¹. Молотов доказывал, что утверждение Жукова равноценно поддержке «пацифизма». Целью советской политики он хотел сделать укрепление советской власти, а не международную разрядку.

Предложение Молотова было отклонено Президиумом.

Через неделю Хрущев использовал Жукова, чтобы еще раз дать понять, что первой страной, которая испытает на себе эту новую политику – мирного сосуществования, – станет Югославия. Несколько абзацев опубликованной в «Правде» статьи в честь десятилетия победы над Гитлером Жуков посвятил восхвалению доблестной борьбы Тито против нацистской Германии. В конце одного из разделов статьи Кремль поместил политическое заявление: «Как бойцы, участвовавшие в совместной борьбе наших народов против фашизма, мы хотели бы выразить желание, чтобы эти разногласия (возникшие между Белградом и Москвой) были бы незамедлительно преодолены, и между нашими двумя странами восстановились дружеские отношения».

Молотов пытался предотвратить публикацию этой статьи. Он считал Тито фашистом и не допускал мысли, что ему придется признавать заслуги коммунистических югославских партизан, действовавших во время Второй мировой войны. «Троцкий создал Красную Армию, – аргументировал Молотов, – но мы же его не восхваляем»⁴².

Но и на сей раз кремлевские бонзы отклонили его возражения. Статья вышла без изменений.

Среди этих бонз, голосовавших против советского министра иностранных дел, самым полезным для Хрущева был Анастас Микоян. Самым опытным в иностранных делах членом Президиума был, после Молотова, Микоян, время от времени, с 1926 года, занимавший должность советского министра внешней торговли. В 1936 году он посетил Соединенные Штаты для изучения технологий пищевой промышленности. Там он впервые попробовал американское мороженое, которое ему так понравилось, что по возвращении он инициировал производство этого лакомства в СССР. Если Хрущев, ратовавший за производство кукурузы, был «товарищем Кукурузным початком», то Микоян был «товарищем Мороженым в вафельном стаканчике». Однако в прошлом Микояна не все было так сладко. Он вел переговоры с нацистами, которые в 1939 году привели к договору между Гитлером и Сталиным. А в следующем году, когда Москва и Берлин одновременно вторглись в Польшу, он был среди подписавших смертный приговор сорока тысячам польских офицеров, захваченных в плен Советской Армией и позже похороненных в Катынском лесу. Человек сложный, Микоян тем не менее разде-

лял мнение Маленкова, что война отнюдь не является неизбежной, и Хрущев доверял его суждениям о внешней политике. Осенью 1954 года Хрущев предложил Микояну сопровождать его в поездке в Китайскую Народную Республику.

Когда 19 мая 1955 года на заседании Президиума Молотов назвал Жукова антиленинистом, Микоян и премьер Булганин бросились защищать маршала и, косвенно, новую политику мирного сосуществования⁴³. «Никогда не бросайте таких обвинений – “антиленинец”», – сказал Микоян. В Советском Союзе такого рода навет был сродни обвинениям в «антиамериканизме», которые выдвигал Джозеф Маккарти.

«[Молотов] – как заведенная пружина, – позже отмечал Хрущев. – Если ее натянуть, то будет работать, пока крутятся шестеренки и движутся маховики. Пока не выйдет весь завод пружины»⁴⁴. Хотя Молотов и признал, что называть Жукова антиленинцем было опрометчиво, он отказался отступить от своего принципиального несогласия с курсом, которым Хрущев и его союзники повели страну⁴⁵.

Однако у Хрущева уже были голоса, поддерживавшие его стремление начать с югославами переговоры на высшем уровне, и Белград согласился на советское предложение о приезде в мае советской делегации высшего уровня. Молотов пытался этот визит саботировать, но безуспешно. На двух внеочередных заседаниях Президиума, организованных накануне поездки в Югославию, он возражал практически против всего, что было подготовлено для делегации⁴⁶. В советской системе власти существовало правило, согласно которому официальные инструкции официальным делегациям – инструкции, которые обычно готовило Министерство иностранных дел, Президиум принимал без утверждения. МИД также готовило «заключительные» коммюнике, которые Советы затем предлагали своим партнерам по переговорам. Хотя Молотов и возглавлял министерство, Президиум вынудил советское внешнеполитическое ведомство не использовать в этих документах «молотовский» язык. И у Молотова они вызвали отвращение. Всякий раз, когда один из этих документов выносился на голосование, министр иностранных дел голосовал против. И всякий раз проигрывал со счетом в восемь голосов против одного – его собственного.

* * *

Визит в Югославию был первой поездкой Хрущева за пределы СССР со времени, когда он стал главным архитектором советской внешней политики. Однако югославы, похоже, не поняли перемен, которые произошли в Москве, и временами относились к советской

делегации так, как если бы Сталин и Молотов все еще находились у власти. 26 мая на церемонии прибытия в Белград принимающая сторона даже не озаботилась тем, чтобы перевести реплики Хрущева. «У нас все знают русский язык», – объяснил Тито. Хрущев усомнился, что причина в этом. «Я знаю украинский, но не могу понять всего, когда оратор говорит по-украински быстро, – позже вспоминал он, – а украинский гораздо ближе к русскому языку, чем русский – к сербохорватскому»⁴⁷. У советского первого секретаря сложилось отчетливое впечатление, что был соблюден не весь дипломатический протокол.

Несмотря на проявленное к нему неуважение, Хрущев исполнял роль превосходно. Даже зная, что у трех представителей советского Президиума не будет ни белых, ни черных дипломатических галстуков, принимавшие Хрущева югославы организовали в Зимнем дворце Тито, в пригороде Белграда, прием, на который полагалось приходить во фраках. Хрущев прибыл в зеленовато-голубом костюме. Множество слепивших вспышками фотокамер ждали его выхода из машины. К удивлению югославов и собравшихся иностранных журналистов, которые, толкаясь, подошли к Хрущеву так близко, что могли дотянуться до него рукой и его потрогать, начинающий советский лидер ответил на вызов с достоинством. «Он стоял там, – вспоминал Эдвард Крэнкшоу, московский корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф», – [и] позволял, чтобы его фотографировали, слегка потея». Со стороны казалось, будто Хрущев говорил себе: «А что со мной такое? Очевидно, что это то, с чем я должен смириться, и я с этим смирюсь». Он воспринял происходящее с достоинством, как «любой западный политик, привыкший к этому с пеленок»⁴⁸.

Однако напряжение, сопровождавшее поездку, тяготило Хрущева. К концу официального обеда он был сильно пьян. Начиная вести себя слишком напоказ, он выкрикивал журналистам: «А почему вы не приехать и не посетить нас в нашей стране?» Когда несколько репортеров посетовали, что они этого хотели, но им отказали в визах, Хрущев замахал руками и пообещал им всем визы. Спиртное продолжало течь рекой, и к концу этой очень долгой ночи Хрущева пришлось снести по лестнице к машине, которая должна была увезти его обратно в советское посольство. Микоян хотел увести Хрущева еще несколько часов назад, раньше, но советский руководитель этого не позволил. «Нет, – сказал Хрущев. – Ты думаешь, что я пьян. Но я не пьян. Ты армянин. Ты не умеешь пить столько, сколько я, но я хорошо себя чувствую. Я очень хорошо себя чувствую»⁴⁹.

В Югославии, как и на родине, Хрущев был на высоте, когда находился в неформальной обстановке, агитируя за социализм. Там он демонстрировал живость, энтузиазм и напористость, кото-

рые многим наблюдателям, людям разных культур, казались очень привлекательными. Во время посещения одного завода эти черты его характера проявились особенно ярко. Обойдя один из цехов, Хрущев втиснулся в маленький кабинет директора завода вместе с Микояном, Булганиным, директором завода и двумя журналистами. Хрущев внимательно выслушал директора, объяснявшего все аспекты деятельности рабочего совета. Когда Хрущев начал говорить, сразу же стало ясно, что он – руководитель. Он невыносимо пространно разглагольствовал о цементе, его свойствах, его использовании, и ни Микоян, ни Булганин ни разу его не прервали. В самом деле, когда Булганин попытался вогнать в краску освещавшую визит хорошенькую журналистку, Хрущев бросил на него такой быстрый и убийственный взгляд, что Булганин сразу же перестал любезничать и принял бесстрастный вид. «И я впервые понял, – вспоминал Крэнкшоу, который был вторым из находившихся в кабинете журналистов, – что это был человек большой внутренней силы, которому, очевидно, было совсем не трудно подчинять себе всех своих коллег у себя дома».

После возвращения делегации из Белграда именно Хрущев, а не Булганин, выступил 6 июня с официальным отчетом на заседании Президиума⁵⁰. Хрущев понимал, что на состоявшейся в верхах встрече с Тито не было достигнуто всего, на что он надеялся. По экономическим и межгосударственным вопросам советская делегация соглашения заключила, но деликатный вопрос отношений между советской коммунистической партией и партией Тито так и не был разрешен, и разрыв между ними сохранялся.

Перед отъездом делегации из Белграда Молотов настаивал, чтобы они прояснили, каким именно государством руководил Тито⁵¹. Каким оно было – буржуазным или пролетарским? Подразумевалось, что от ответа на этот вопрос зависело будущее их отношений. По мнению Молотова, пролетарское государство по определению должно было ставить интересы Советского Союза, лидера международного коммунизма, выше своих собственных местнических интересов.

На вопрос Молотова Хрущев и члены его делегации дали искусные ответы. Дмитрий Шепилов, главный редактор газеты «Правда», присоединившийся к делегации по просьбе Хрущева, ответил, что Югославия «не буржуазное государство; это народная республика»⁵². Но это такая народная республика, которая пока еще не всегда согласна с Москвой. За все время, пока советская делегация провела с Тито и его главным идеологом Эдвардом Карделем, югославы упорно отказывались отступать от некоторых своих позиций. Для Молотова это было основанием отказаться от тесных отношений с Белградом, но для Хрущева, Микояна, Булганина и его давнего покровителя в

руководстве Лазаря Кагановича это было приемлемо. Новый подход, заключавшийся в терпеливом давлении, призван был заменить характерную для сталинско-молотовской внешней политики политику отторжения. «Честно говоря, – сказал Хрущев своим коллегам через два дня, – мы должны поступать так, чтобы перетянуть Югославию на нашу сторону. Шаг за шагом [мы должны] укреплять нашу позицию. Мы должны проявить доверие и не допускать поражения»⁵³.

Идейный спор Хрущева и Молотова имел далеко идущие последствия и не ограничивался тем тупиком, в котором оказался Кремль в своих отношениях с Тито. Если бы Президиум согласился с Хрущевым и отказался от традиции принуждать потенциальных зарубежных союзников плясать под дудку идеологии, то численность потенциальных друзей СССР в мире могла бы утроиться. И самые существенные результаты изменение позиции принесло бы развивающимся странам. А для Молотова эта поездка стала предупреждением, что, каким бы ни было его официальное положение в правительстве, теперь он, сражаясь с Хрущевым за будущее советской внешней политики, находится в оборонительной позиции⁵⁴.

Через неделю после возвращения из Белграда Хрущев подтвердил свои достижения на секретном пленуме Центрального Комитета КПСС – на проходящей дважды в год встрече примерно трехсот членов ЦК⁵⁵. Он и Булганин рассказали небылицы о недозволенных нападках Молотова на Жукова и о его бескомпромиссной позиции по Югославии.

Эту антимолотовскую диатрибу Хрущев утаил от советской прессы, а у англичан и американцев не было никаких значительных тайных или журналистских источников в Кремле или достаточно близко от Кремля, чтобы узнать и о разногласиях между Хрущевым и Молотовым, и о последствиях этого для международной безопасности. Однако дальнейшие внешнеполитические инициативы Хрущева будут иметь такой масштаб и такое значение, что от внимания Лондона и Вашингтона они не укроются.

Глава 2 ЖЕНЕВА

Совещание великих держав – первое после состоявшейся в 1945 году в Подсдаме встречи Гарри Трумэна, Клементы Эттли и Иосифа Сталина – проходило на фоне усилий Никиты Хрущева лишить Вячеслава Молотова контроля над советской внешней политикой. 10 мая 1955 года Франция, Великобритания и Соединенные Штаты пригласили Хрущева и Булганина встретиться «в верхах» в Швейцарии, в Женеве. За четыре дня до этого завершилась официальная оккупация Западной Германии, и была провозглашена Федеративная Республика Германии, вступившая в НАТО как суверенное государство. Когда Западная Германия стала надежным членом Североатлантического военного альянса, администрация Эйзенхауэра наконец-то согласилась направить в Москву приглашение от имени трех держав. Два года британцы под руководством бывшего премьер-министра Уинстона Черчилля оказывали давление на Вашингтон, настраивая его на встречу с Советами, но правительство США противилось этому до тех пор, пока сохранялся шанс, что встреча с советскими представителями на высшем уровне может осложнить вступление Западной Германии в НАТО¹.

Трудно преувеличить глубину провала советской дипломатии, в результате которого это приглашение стало возможным. Сталин разрабатывал, а Молотов добросовестно проводил политику содействия воссоединению Германии как нейтрального, а возможно, и социалистического, государства. На практике это означало, что Советский Союз не признает Западную Германию как самостоятельное государство, и, хотя СССР возьмет на себя обязательство поддерживать Восточную Германию, это государство будет считаться лишь переходным – до воссоединения всей страны. Когда Сталин умер и в Западной Европе сложились условия, позволяющие принять ФРГ в НАТО, Кремль под влиянием Молотова стал придерживаться политики кнута и пряника. Москва предупреждала атлантические державы, что если западные немцы вступят в НАТО, то советский блок создаст свой собственный военный альянс и Кремль откажется уча-

ствовать в любом саммите четырех держав². Однако, если западные немцы откажутся вступить в атлантический альянс, Кремль обещал поддержать всегерманские выборы с международными наблюдателями и европейской системой безопасности, а также одобрить нормализацию отношений с Федеративной Республикой Германии.

В последнюю минуту Хрущев попытался использовать советскую политику применительно к Австрии как стимул для немцев пересмотреть вопрос о вступлении в НАТО. Однако эта попытка была предпринята слишком поздно и, возможно, не имела шансов на успех. Похоже, в этой стране была популярна идея ремилитаризации Западной Германии и ее вступления в НАТО. Западногерманский парламент, бундестаг, стремительно принимал законы, согласно которым в 1956 году должна была начаться военная подготовка ста пятидесяти тысяч молодых немцев, а через полтора года – еще двухсот пятидесяти тысяч³.

Незамедлительный ответ Кремля на вступление Западной Германии в НАТО наводил на мысль, что Москва не расположена участвовать в саммите. В статье, опубликованной 7 мая в «Правде», говорилось, что «Западная Германия превращается в плацдарм для развертывания крупных агрессивных сил», в связи с чем Советский Союз заявлял об аннулировании, со своей стороны, заключенных на случай войны договоров о взаимопомощи, которые Сталин подписал с Францией и Великобританией⁴. Маловероятно, чтобы в условиях «холодной войны» французы и англичане стали бы защищать Советский Союз от нападения США, но Москва хотела подчеркнуть этот момент. Кроме того, Кремль осуществил свою прежнюю угрозу создать антинаатовский военный альянс. 14 мая военные представители из Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии и Советского Союза встретились в Варшаве, чтобы создать организацию Варшавского Договора.

Однако, несмотря на всю официальную резкость Кремля, Хрущев не ставил под сомнение свое убеждение, что в долговременных интересах Советского Союза – улучшение отношений с Западом. По его мнению, западногерманское решение было последним в долгой череде международных событий, вызванных почти исключительно глупостью Сталина и Молотова. И это только подчеркивало необходимость нового подхода.

Хрущев ответил тем, что стал еще больше настаивать на договоре с Австрией. Хотя попытка удержать Западную Германию от вступления НАТО не принесла бы больших результатов; объединенная Австрия еще могла сыграть полезную роль в будущей дипломатии по германскому вопросу. Ну и в крайнем случае Москва смогла бы сэкономить деньги, сократив одну из своих затратных статей, связанных с

оккупацией [Австрии. – *Ред.*]. В начале мая Советы сообщили своим партнерам по венским переговорам, что они больше не настаивают на сохранении за СССР права вернуть свои войска в Австрию в случае, если там произойдут беспорядки. Тем самым устранялось последнее реальное препятствие к соглашению четырех держав, которое должно было положить конец десятилетней оккупации страны. Австрийский государственный договор [полное название – «Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии, подписанный в Вене 15 мая 1955 года». – *Ред.*] был подписан 15 мая 1955 года.

Одновременно Хрущев оказывал давление на советское Министерство иностранных дел, вынуждая его выработать более реалистический подход к международному разоружению. 10 мая – в день, когда от западных держав поступило приглашение на саммит, – Министерство объявило о плане ослабления международной напряженности путем поэтапного демонтажа арсеналов великих держав. Требуя сокращения обычных вооружений, численности вооруженных сил каждой страны и уничтожения всего ядерного оружия, Кремль предложил двухлетний план, который будет включать пункт о закрытии великими державами всех своих заграничных баз. Кроме того, в качестве меры ядерного разоружения предполагалось запретить испытания ядерного оружия: до сих пор ни одна ядерная держава этого не предлагала⁵. На том этапе «холодной войны» Советский Союз, создавая свою ядерную программу, похоже, не полагался на испытания в той же степени, что и Соединенные Штаты. После первого в СССР ядерного взрыва, произведенного в августе 1949 года, советские ученые осуществили лишь девятнадцать ядерных испытаний, в то время как американские – шестьдесят⁶.

Поэтому к приглашению на саммит Хрущев отнесся как к событию позитивному, а не как к свидетельству советской слабости. Он мечтал о большой сцене, с которой он мог бы предъявить Западу и самого себя, и свою новую политику. Ранее, в 1955 году, он встречался с медиамагнатом Уильямом Рэндольфом Херстом, но за те шестнадцать лет, в течение которых Хрущев был полноправным членом узкого круга кремлевских руководителей, он в действительности редко взаимодействовал с иностранными капиталистами. Если, думая о важности встречи с Тито, Хрущев хотел показать югославам, что Молотов уже не представляет ни позиции, ни цели Советского Союза, то аналогичные надежды он связывал и со своим появлением на саммите. Хрущев полагал, что оно окажет такое же влияние и на Эйзенхауэра, и на преемника Черчилля – сэра Энтони Идена, и на французского премьера Эдгара Фора.

Главной силой, стоявшей за американской подготовкой к Женевскому совещанию глав правительств четырех держав, был президент Дуайт Эйзенхауэр. Популярный генерал, главным военным достижением которого была организация успешной высадки в Нормандии (День Д), Эйзенхауэр командовал западными армиями, двинувшимися в 1945 году в сердце Германии. В последние бурные недели войны он, уступив давлению, направил советские войска на Берлин, хотя гитлеровская столица находилась внутри советской зоны, в сотне миль от ее определенной соглашениями границы, и сама по себе должна была быть разделена на четыре оккупационные зоны. «С какой стати мы должны подвергать опасности жизнь хотя бы одного американца или англичанина, – удивлялся Эйзенхауэр, – чтобы захватить зоны, которые мы вскоре передадим русским»?⁷ Этим решением Эйзенхауэр заслужил себе в Советском Союзе большое уважение. И оно было почти таким же большим, как неприязнь его коллег – таких людей, как Джордж Паттон и британский фельдмаршал Бернارد Лоу Монтгомери.

В качестве американского командующего в оккупированной Германии Эйзенхауэр в какой-то мере нашел общий язык с Советами. Он провел достаточно времени с советскими командирами, особенно с человеком, равным ему по должности в Советской армии – маршалом Георгием Жуковым, и поэтому не стал одним из тех, кто видел в коммунистах сплоченную враждебную группу. К тому же, побывав в Москве в 1945 году, он своими глазами увидел и бедность обычных советских граждан, и огромные разрушения, причиненные нацистами. Память о его совместных действиях с Жуковым и воспоминания о том, что он увидел в Москве позднее, никогда не позволяли ему признавать преувеличенную оценку советской мощи и готовности Кремля ее использовать.

Оказавшись в Белом доме, Эйзенхауэр обнаружил, что некоторые коллеги-республиканцы догадывались о его видении внешней политики. Весь первый год его президентства ушел на борьбу со сторонниками жесткой линии, членами партии самого Эйзенхауэра, пытавшимися лишить президента некоторых его полномочий, связанных с заключением договоров. Эйзенхауэр выиграл эту схватку, но это была настоящая битва, и ему пришлось прибегнуть к помощи некоторых демократов Конгресса⁸. Ни один президент США еще не сталкивался с таким масштабным бунтом коллег по Конгрессу с тех пор, как Франклин Рузвельт ратовал за продвижение «Нового курса».

Смерть Сталина, случившуюся меньше чем через два месяца после инаугурации Эйзенхауэра, американский президент воспринял как возможный поворотный пункт в «холодной войне», и, несмотря

на эти серьезные вызовы, исходившие от его собственной партии, он искал возможность ослабить напряженность «холодной войны». Его мотивы были не просто гуманитарными. Как и Хрущев – противник, которого он почти не знал, – Эйзенхауэр был обеспокоен ценой непрекращающейся конфронтации. В отличие от Хрущева Эйзенхауэр пришел к этому выводу потому, что ратовал за небольшое правительство и сбалансированные бюджеты. Он ужаснулся, когда увидел, сколько Соединенные Штаты тратят на оборону. Во время Корейской войны ежегодный оборонный бюджет возрос с тринадцати с половиной миллиардов долларов до примерно сорока пяти миллиардов долларов в год⁹. Внешнеполитическая стратегия Эйзенхауэра, которую он назвал «Новый взгляд», была нацелена на сокращение расходов на оборону до тридцати пяти миллиардов, и поэтому он больше полагался на рентабельное ядерное оружие, чем на обычное вооружение. Чтобы никто не подумал, будто Америка стала менее безопасной, Эйзенхауэр позволил своему государственному секретарю, Джону Фостеру Даллесу, угрожать «массовым возмездием» ядерным оружием в случае любой советской попытки напасть на Соединенные Штаты или на любого из их союзников. Угроза была осуществимой, потому что и Эйзенхауэр, и Даллес знали, что Соединенные Штаты обладают качественным и количественным преимуществом в ядерном вооружении. И тем не менее Эйзенхауэр надеялся и на некоторое разоружение, что могло бы привести к еще большему сокращению оборонных расходов. Ну а доктрина «массового возмездия» не оставляла сомнения в решимости Соединенных Штатов себя защитить.

* * *

Не все члены администрации Эйзенхауэра усмотрели в Женевском совещании благоприятную возможность снизить напряженность в отношениях между Востоком и Западом. Государственный секретарь Фостер Даллес неприязненно отнесся к самой идее встречи в верхах, когда Черчилль впервые предложил ее в 1953 году, так как не хотел ослаблять давление на Москву. Даллес полагал, что Советский Союз достаточно уязвим, чтобы при удачных обстоятельствах политика США привела к его краху¹⁰. «Политика давления, – доказывал он, – может увеличить разрыв между их потребностями и их ресурсами [и] привести к [их] распаду»¹¹. Его брат, директор Центральной разведки Аллен Даллес, был не столь уверен, что крах СССР произойдет в обозримом будущем, но полагал, что советский строй испытывает затруднения. Называя Австрийский договор «первой существенной уступкой Западу в Европе с конца войны», Аллен Даллес усматривал

в новой внешней политике Москвы свидетельство осознания советскими руководителями бедственности положения¹².

Эта общая убежденность в слабости Советов обусловила конфронтационный подход к Женевскому совещанию. Зачем идти на какие-то уступки сейчас, полагали братья Даллесы, если со временем Советы, судя по всему, станут лишь еще сговорчивей? Как сказал Аллен Даллес журналистам накануне саммита, «если напряженность ослабнет, Советы получают именно то, чего они хотят, – больше времени»¹³. Фостер Даллес – его брат, который поедет в Женеву, – полагал, что это произойдет лишь в крайнем случае, аргументируя это тем, что Запад настолько силен, что способен склонить мировое общественное мнение в свою пользу. В отличие от Эйзенхауэра, сосредоточившегося на возможной инициативе, связанной с разоружением, государственный секретарь уделял больше внимания подготовке нового германского предложения, которое, он был уверен, Советы отвергнут, а западные европейцы и демократы всего мира будут приветствовать.

Даллес поддержал британскую идею: на самом деле предложение многолетнего заместителя Уинстона Черчилля, министра иностранных дел сэра Энтони Идена, выдвинутое в 1954 году, – настаивать на создании демилитаризованной Восточной Германии в составе воссоединенной прозападной Германии. План Идена предполагал всегерманские выборы, сопровождаемые строгим контролем над вооружениями на протяжении ста пятидесяти миль по обе стороны от нынешней восточной границы советской оккупационной зоны в Германии. Это предложение было основано на том, что Советы могут согласиться на расформирование их восточногерманского государства-клиента, если им пообещают, что только что объединенная Германия не будет представлять военной угрозы для Востока. Даже если Германия решит вступить в НАТО, то, согласно условиям плана, войска НАТО никогда не окажутся на польско-германской границе.

Частным образом Даллес сказал президенту Эйзенхауэру, что Советы, похоже, никогда не примут ни плана Идена, ни чего-то подобного. Настаивая на этом, он подчеркнул, что Восточный Берлин эмоционально и идеологически тяготеет к новому советскому руководству. Советы, докладывая на Совету национальной безопасности, «опасаются впечатления, которое произведет на сателлитов утрата контроля над Восточной Германией»¹⁴. Тем не менее план Идена был полезен как уловка. Поскольку соглашения с коммунистами маловероятны, объяснял Даллес, США должны придерживаться такой политики, которая казалась бы примирительной, и одновременно выдвигать предложения, которые, как можно было предположить, Кремль отвергнет, а если примет, то из слабости.

Эйзенхауэр решил принять предложение Идена и стратегию Даллеса, но не был согласен с тем, что в Женеве вряд ли удастся договориться с Советами. Он был полон решимости не упустить шанс и сделать решительную попытку изменить климат международной политики. За несколько месяцев до этого Эйзенхауэр создал авторитетную экспертную группу, известную как «Комитет Гэйтера». Она была призвана оценить советскую военную мощь и способность Соединенных Штатов защититься от внезапного нападения. В феврале 1955 года Комитет сообщал, что источники американской разведки слишком слабы, чтобы сделать какие бы то ни было определенные выводы: «Оценки *специфических возможностей и непосредственных намерений* Советов основаны лишь на весьма немногочисленных неопровержимых фактах [курсив оригинала]»¹⁵. Американские подсчеты были в значительной степени основаны на экстраполяциях оборонных технологий США и на предположениях о советских производственных возможностях. Хорошо зная об этой слабости, Эйзенхауэр пытался расширить зону, доступную для разведки США, наблюдавшей за советскими военными сооружениями. В частности, можно было воспользоваться новым высотным самолетом-разведчиком, разработанным ЦРУ и имевшим наименование «U-2», однако полеты «U-2» предполагали бы нарушение советского воздушного пространства, что, по международным законам, приравнивалось к военным действиям, и Эйзенхауэра беспокоили возможные последствия. Однако непосредственно перед Женевским совещанием Эйзенхауэру предложили другой подход к разрешению этой проблемы разведки, предполагавший взаимодействие, а не конфронтацию, с Москвой. Небольшая группа советников под руководством Нельсона Рокфеллера порекомендовала взаимно открыть для воздушной разведки воздушные пространства и Советского Союза, и Соединенных Штатов. Если самолеты будут регулярно летать над территорией другой страны, то обе страны снизят угрозу внезапной атаки и между ними, может быть, возникнет определенное взаимное доверие. Эйзенхауэру эта идея очень понравилась, и он решил предложить ее в Женеве. Информацию о личной инициативе президента, получившей известность как «предложение по открытому небу», делегация США сохраняла в строгом секрете; в Женеве ее предложат Советам как сюрприз.

* * *

В биографии Хрущева, пера проницательного Уильяма Таубмана, автор неоднократно возвращается к сложному представлению Хрущева о самом себе. Гордясь своими достижениями человека, сде-

лавшего себя самостоятельно, почти самонадеянный Хрущев, тем не менее, болезненно осознавал и недостаток систематического образования, и свое простое происхождение. «Не было у меня образования, мало культуры, – сетовал он. – Чтобы управлять такой страной, как Россия, в голове надо иметь две Академии наук. А у меня было четыре класса церковно-приходской школы, а потом сразу вместо среднего – незаконченное высшее»¹⁶. Он всегда пытался себя проявить – сначала перед своим покровителем Лазарем Кагановичем в Киеве, а потом и перед самим Сталиным в Москве. В эпоху Сталина Хрущев произносил леденящие кровь речи и подписал множество смертных приговоров. Он неустанно старался не оставлять сомнений, что, несмотря на свои манеры, свидетельствовавшие о гораздо менее искушенном человеке, он был таким же стойким, умным и способным, как и всякий другой.

О Советском Союзе советский руководитель думал во многом так же, как и о самом себе. Хрущев хотел, чтобы Москву считали равным партнером Запада, хотя он хорошо понимал, как слаб Советский Союз по сравнению с Соединенными Штатами. Несмотря на советские успехи в испытании атомной бомбы в 1949 году и всего четыре года спустя – водородной, притязания Москвы на роль ядерной сверхдержавы, на одном уровне с Соединенными Штатами, были не многим более, чем позерством. В мае 1955 года у Советского Союза не было возможности применить ядерное устройство против какого-либо американского города. В марте 1951 года Сталин открыл в Москве конструкторское бюро под руководством главного конструктора В. М. Мясищева для создания самолета-бомбардировщика, способного долететь до континентальной территории США. Для достижения этой цели дальность полета самолета, после дозаправки, должна была составлять от 6875 до 7500 миль [от 11064 до 12070 километров. – *Примеч. пер.*]. Месяцем раньше руководство военно-воздушными силами США дало разрешение на производство первого американского межконтинентального бомбардировщика – боинга «Б-52» «Стратофортресс». Бомбардировщик первого поколения «Б-52» мог пролететь после дозаправки 7343 миль [11817 километров. – *Примеч. пер.*], перевозя 10 тысяч фунтов [4535 килограммов. – *Примеч. пер.*] снарядов на крейсерской скорости 523 мили [841 километров. – *Примеч. пер.*] в час. Новый советский бомбардировщик должен был сравняться с этим новым американским летательным аппаратом.

Советский самолет «Мясищев-4» («М-4»), получивший по кодификации НАТО название «Бизон», был запущен в серийное производство в 1954 году, но стал огромным разочарованием¹⁷. Ему не доставало дальности полета, чтобы поражать американские цели, потому что ОКБ Мясищева не могло создать надежного метода до-

заправки самолета. В лучшем случае боевой радиус «М-4» составлял 5 тысяч миль [8046 километров. – *Примеч. пер.*] и был слишком коротким, что достичь любого из побережий США из ближайшей к ним точки советской территории. Несмотря на надежды Президиума, единственными созданиями в Западном полушарии, которым могло угрожать нападение «М-4», были полярные медведи в Гренландии.

В 1955 году возможности нанести ядерный удар по Вашингтону не было и у советского военно-морского флота. Сталин содействовал созданию подводных лодок, однако до производства судна, способного запускать ракеты, должно было пройти еще много лет. У Советского Союза не было авианосцев.

Не обладая способами доставки ядерного оружия в Соединенные Штаты, Советы могли навредить Соединенным Штатам лишь единственным образом – нанести ущерб одному из его союзников по НАТО. В том же году, когда выяснилось, что самолет «М-4» оказался неудачным, КБ «Туполев» создало первый советский бомбардировщик, который, несомненно, мог нанести удары по Анкаре, Лондону и Парижу. «Ту-16» (по кодификации НАТО – бомбардировщик «Барсук») наконец-то сделал советскую военную угрозу осуществимой в Европе, хотя эти самолеты были уязвимы для противовоздушной обороны НАТО.

Поэтому основным источником советской мощи в Европе оставались обычные вооружения. По подсчетам Запада, в 1955 году советские Вооруженные Силы насчитывали 175 дивизий, или около четырех с половиной миллионов военных, хотя, как считалось, не все они были укомплектованы и некоторые были развернуты в Центральной Азии и на Дальнем Востоке¹⁸. В сравнении с ними, у США было двадцать дивизий, защищавших Европу. В разделенной Германии противостояние было не столь неравным. Там, в Западной Германии, четыреста тысяч военных, западных союзников, противостояли тремстам тысячам советских солдат и примерно восьмидесяти тысячам восточногерманских солдат в Германской Демократической Республике¹⁹. Однако во время войны Советы могли без труда привлечь две свои находившиеся в Венгрии дивизии и двадцать одну полностью оснащенных и хорошо подготовленных дивизий, которые они держали в Польше и на Западе СССР.

Это преимущество в обычных вооружениях не соблазняло Хрущева; он не собирался начинать войну с Западом. Кроме того, это было для него не столь важно потому, что, похоже, было не столь важно и для Соединенных Штатов. Политика массового возмездия, которой придерживалась администрация Эйзенхауэра, свидетельствовала об уверенности, что стратегического преимущества США достаточно, чтобы отразить любую нежелательную советскую опера-

цию. И эта уверенность, судя по всему, заставляла Джона Фостера Даллеса думать, что Советский Союз можно запугать и заставить его пойти на уступки. Хрущев хотел подорвать эту самоуверенность. Он понимал, что американцы собираются вести переговоры с «позиции силы» и что это может лишь повредить советским интересам.

Готовясь к Женеве, Хрущев попытался изменить психологический климат «холодной войны». Читая американские газеты в переводе, он увидел свидетельства того, что Вашингтон не знает о недостатках новых бомбардировщиков дальнего радиуса «М-4» и может принять за чистую монету некоторые советские преувеличения. В середине мая 1955 года в столице США вспыхнул спор о том, что представляло собой увиденное офицерами военно-воздушных сил США на репетиции советских показательных полетов к празднику Первого мая. Настоящий воздушный парад пришлось отменить из-за плохой погоды, но на репетиции американцы переоценили численность «М-4» в советском арсенале. Поскольку американцы предположили, что самолет отвечает всем техническим условиям летных качеств, которые Москва для него определила, они заключили, что Советы, несомненно, обладают таким ядерным оружием, которое может достичь американских городов.

Кремль был рад спору о технологии советского бомбардировщика, возникшему после этого в Соединенных Штатах, и считал его очень полезным. Руководимые сенатором от штата Миссури Стюартом Саймингтоном, бывшим министром ВВС при Трумэне и человеком с президентскими амбициями, некоторые конгрессмены начали критиковать разрыв между Соединенными Штатами и Советским Союзом в том, что касалось количества бомбардировщиков. «Теперь очевидно, – сказал Саймингтон, – что Соединенные Штаты, наряду с остальным свободным миром, видимо, утратили контроль в воздухе»²⁰. Несмотря на заверения администрации Эйзенхауэра, что ВВС США по-прежнему опережают Советы, некоторые журналисты и законодатели начали выдвигать предположения, сильно преувеличивая возможности «М-4». Комментаторы из обеих политических групп веселились, уточняя, что имела в виду администрация: то ли то, что Соединенные Штаты сохраняли лидерство по совокупным возможностям военно-воздушных сил, то ли их первенство в том, что тревожило всех больше всего – в количестве бомбардировщиков, способных перелетать через океаны²¹.

19 мая, когда эта полемика развернулась на первых страницах главных американских газет, Булганину и Жукову было поручено подготовить большое показательное воздушное выступление в советский День авиации, который отмечали 13 июля²². Весь воздушный флот страны, состоявший из трех или четырех «М-4», должен был

широкими кругами летать вокруг аэродрома в Тушино, чтобы создать впечатление, будто у Советского Союза имеется, как минимум, двадцать восемь таких самолетов. Если этот трюк сработает, то тогда в Женеве западные лидеры будут обращаться с Советским Союзом на равных и прекратят пытаться играть на его слабостях.

А в это время Хрущев воспользовался любезным приглашением посла Болена посетить проводившийся в посольстве США ежегодный прием в честь Четвертого июля [Дня независимости США. – *Примеч. пер.*]. Со времени установления в 1934 году дипломатических отношений между Соединенными Штатами и СССР ни один советский руководитель никогда не переступал порога Спасохауса – красивого, в стиле неоклассической архитектуры особняка; служивший резиденцией американского посла, он был построен для русского предпринимателя в 1914 году. Присутствие семи из девяти членов Президиума во главе с Хрущевым и Булганиным было ярким свидетельством советского желания изменить тон отношений. Кроме того, Хрущев хотел дать понять администрации Эйзенхауэра, а особенно государственному секретарю Даллесу, что ему хорошо известно мнение Вашингтона, будто Кремлем можно помыкать. Он сообщил собравшимся, что читал о предположениях некоторых западных журналистов, будто внешнеполитические действия нового советского руководства продиктованы слабостью. «Разумеется, мы сделали эти предложения не для того, чтобы кому-нибудь угодить, – сказал Хрущев. – Мы приняли эти решения потому, что это правильные решения, и именно этим мы руководствовались»²³. Хрущев заверил своих слушателей, что Советский Союз силен настолько, насколько это ему необходимо, и просто хочет мира.

Свои слова он подкрепил действиями. Через несколько дней Кремль сделал беспрецедентное предложение, связанное с недавним военным инцидентом. 23 июня два советских истребителя «МиГ» обстреляли патрульный самолет военно-морского флота США, летевший над международными водами в Беринговом проливе. Это был не первый случай в «холодной войне», когда советские ВВС атаковали самолет США. Но беспрецедентным было то, что после появления Хрущева и Булганина в Спасохаусе Советы предложили оплатить половину ущерба за инцидент, из-за которого летчику пришлось совершить на поврежденном самолете жесткую посадку на острове Святого Лаврентия. Семеро членов экипажа получили во время аварии травмы. Предложение государственному секретарю Даллесу от лица советского правительства сделал Молотов на заседании ООН в Сан-Франциско²⁴.

Кроме того, Хрущев интриговал и за кулисами, чтобы перед встречей в Женеве настроить советское правительство на нужный ему лад.

Молотов, возвращавшийся с заседания ООН на самолете, не смог посетить прием в посольстве США, проходивший 4 июля. Когда он вернулся, состоялось обсуждение нового советского заявления по германскому вопросу. Хрущев им воспользовался для того, чтобы убедиться, что его министр иностранных дел понимает: если Москва хочет более миролюбивых отношений во всем мире, она должна говорить мягче. Молотов только что вынес на одобрение своих коллег проект заявления по германскому вопросу. В нем повторялось избитое сталинистское утверждение, что для Советского Союза приемлема лишь объединенная, нейтральная Германия. «Заявление нехорошее, – посетовал Хрущев. – Язык задиристый, [как] дубинка». Булганин согласился: «Документ скучный... Товарищ Молотов, вы не уловили тон». Проект был отвергнут, и Молотову пришлось придумывать что-то другое, получше²⁵.

Проект Молотова был составлен в ответ на некоторые подстрекательские комментарии Фостера Даллеса. На пресс-конференции 28 июня государственный секретарь попытался разозлить Кремль. Он сказал, что Москва «утратила интерес к воссоединению Германии», и заявил, что советскую готовность обсуждать этот вопрос можно считать показателем стремления новых властей снизить градус международной напряженности²⁶.

Даллес задел слабое место существующей советской стратегии. Риторическая приверженность Советского Союза общегерманским выборам и воссоединению не имела большого смысла, когда население Восточной Германии составляло менее семнадцати миллионов и сокращалось, а население Западной Германии превышало пятьдесят миллионов и увеличивалось. Хрущев это понимал, но пока что не знал, как изменить советскую позицию. Его решимость защищать Восточную Германию была непреклонной, но он надеялся использовать систему четырех держав, чтобы провести определенное разоружение в Центральной Европе.

Публичное заявление, переданное 12 июля официальным советским новостным агентством ТАСС, свидетельствовало о неопределенности кремлевского коллективного представления о том, что делать с Германией дальше²⁷. Оно было очень четким вначале, когда взгляды Даллеса подвергались нападкам как ошибочные. «Этот вопрос был представлен таким образом, словно Советский Союз утратил интерес к объединению Германии, и словно в объединении Германии Советский Союз, предположительно, видит угрозу своей безопасности». Ответ Кремля был простым: «Всем известно, что Советский Союз неизменно придавал первостепенное значение вопросу воссоединения Германии». Однако дальнейшие шаги представлялись туманными. Если объединенная, свободная и демокра-

тическая Германия не может быть создана в ближайшее время, то тогда, как полагала Москва, воссоединение может быть достигнуто на «поэтапной» основе «в соответствии с созданием общеевропейской системы коллективной безопасности». Но Кремль нигде не заявлял, как этот поэтапный подход можно согласовать с самоопределением германского народа. Осталась неопределенной и советская надежда на то, что в Женеве Кремлю удастся так или иначе убедить другие оккупационные державы признать, что лучшим первым шагом к разрядке будет европейское разоружение и соглашение двадцати шести стран о европейской коллективной безопасности, а не германское воссоединение.

Хрущев не слишком надеялся договориться о чем-либо с Даллесом, но с оптимизмом относился к перспективе достичь взаимопонимания с главой американской делегации. Хрущев встречался с Эйзенхауэром лишь раз, в июне 1945 года, когда верховный главнокомандующий силами союзников посетил Москву. И тем не менее Хрущев полагал, что у него есть основания ожидать, что если в Женеве и произойдет какое-либо продвижение в сторону разрядки, то лишь благодаря Эйзенхауэру. Он знал, что в 1945 году маршал Жуков тесно сотрудничал с Эйзенхауэром в оккупированном Берлине. Их личное взаимодействие в эти первые послевоенные месяцы было позитивным и взаимно полезным. Жукову нравился Эйзенхауэр, и, когда стало ясно, что Соединенные Штаты включили в состав своей делегации министра обороны, Хрущев пообещал, что Жуков не только войдет в состав советской группы, но ему будет предоставлена и возможность встретиться с американским президентом лично.

* * *

Неуверенность Никиты Хрущева проявилась сразу же после его прибытия в Швейцарию в воскресенье, 17 июля. Когда официальный самолет Хрущева выруливал к аэродрому, он обратил внимание, что все другие лидеры, особенно президент Эйзенхауэр, прилетели в Женеву на гораздо более внушительных самолетах, чем его собственный. В 1955 году американским «бортом номер один» был «Super Constellation» длиной в 113 футов [34,44 метра. – *Примеч. пер.*] – самолет, созданный американской авиастроительной компанией «Локхид»: он мог вместить шестьдесят человек и пролететь четыре тысячи миль [2485 километров. – *Примеч. пер.*]. Имевший прозвище «Columbine III», президентский самолет носил имя аквилегии голубой [англ. *Rocky Mountain Columbine*. – *Примеч. пер.*] – цветка, символизирующего штат Колорадо, где провела детство его жена Мейми. В сравнении с ним хрущевский 73-футовый [22,25 метра. – *Примеч.*

пер.], на тридцать пассажиров, «Ил-14» выглядел, как позже жаловался Хрущев своему сыну, «как насекомое»²⁸. (После возвращения на родину Хрущев велел своим гражданским авиаинженерам создать для него официальный самолет, приличествующий мировой державе. Когда через четыре года они, наконец, разработали 177-футовый [53,94 метра. – *Примеч. пер.*] «Ту-114» на двести двадцать пассажиров, Хрущев демонстрировал свою гордость не только тем, что летал на этом чуде, возвышавшемся над землей на пятьдесят футов [15,24 метра. – *Примеч. пер.*], но и тем, что держал масштабную модель самолета на видном месте своего письменного стола в Кремле.)

На совещании, которое началось 18 июля в изящном женевском Дворце Наций, Хрущев нашел, как ему поважничать по-другому. Хотя официальным руководителем делегации Москвы был, в качестве советского премьера, Булганин, Хрущев вел себя как начальник Булганина и не оставлял сомнения, что к нему следует относиться, как к главному²⁹. Хрущев был сразу же и приятно впечатлен, когда Эйзенхауэр предложил, чтобы все лидеры неформально встречались на коктейлях между официальными рабочими встречами и обедами. Очевидно, что американец верил в ценность знакомства со своими советскими противниками, и будет обращаться с ними на равных. Хрущев заметил также, что Эйзенхауэр возлагал большие надежды на возможность возобновить знакомство с министром обороны Жуковым.

Однако не все увиденное Хрущевым в начале совещания улучшило его представление об американском президенте. Главы четырех делегаций председательствовали поочередно, сменяя друг друга. Когда очередь проводить совещание наступила для Эйзенхауэра, слева [по воспоминаниям самого Хрущева – справа. – *Примеч. пер.*] от него сел Даллес. На виду у всех Даллес передавал Эйзенхауэру рукописные записи, которые, по мнению Хрущева, президент просто зачитывал в микрофон, совершенно над ними не раздумывая. «И мне было жаль его: нельзя так вести себя перед всеми делегациями. Президент США терял свое лицо, – позже вспоминал Хрущев. – Складывалось такое впечатление, что он смотрит на совещание глазами своего государственного секретаря. Так оно и было»³⁰.

Хрущев все еще возлагал надежды на встречу двух военных. Позднее, в начале шестидесятых годов, он пользовался обходными каналами, чтобы сообщить о своих тайных проблемах Белому дому, где президентствовал Кеннеди. Теперь же он собирался использовать Жукова – человека, которому, как он полагал, Эйзенхауэр доверял. «Мы думали, что их знакомство, – объяснял Хрущев, – ...приведет к ослаблению напряженности между нашими странами»³¹. Намеченной

на 20 июля встрече президента США и советского министра обороны предстояло стать самой искренней из встреч между представителями сверхдержав в первом десятилетии «холодной войны»³².

Жуков говорил без обиняков. Он рассказал Эйзенхауэру о своих опасениях, что «темные силы» на Западе пытаются подорвать советско-американские отношения, и обвинил эти силы в создании ложного образа Кремля, приписывая ему стремление начать наступательную войну против Соединенных Штатов. Наоборот, заверил Жуков Эйзенхауэра, советский народ «сыт по горло» войной, и «ни у кого в советском правительстве или в Центральном Комитете партии никаких таких намерений нет». Сущность политической повестки Хрущева, сказал он, состоит в том, чтобы развивать советскую экономику и поднимать жизненный уровень советского народа. Война помешала бы осуществлению этой цели³³.

Эйзенхауэр не спорил с Жуковым. Он согласился с характеристикой цели советской политики, которую дал Жуков. Весь его «опыт взаимодействия в Берлине с маршалом Жуковым научил его доверять» тому, что тот сказал ему³⁴.

Потом Жуков объяснил, почему в СССР так много вооруженных сил находится в состоянии боеготовности. Время от времени советская разведка предупреждала руководство о «готовности [НАТО] уничтожить Советский Союз с баз, находящихся недалеко от советских границ». В таких условиях, объяснил Жуков, Москва вынуждена быть осторожной. Он напомнил Эйзенхауэру, что они оба были свидетелями того, как в 1941 году их страны стали жертвами жестоких и внезапных нападений. За полгода до того, как Япония напала на Перл-Харбор, на советскую территорию вторглись нацисты. «Эти вооружения, – объяснял Жуков, – были, конечно, бременем для советской экономики, но [Советы не] хотят повторения 1941 года и не более чем Соединенные Штаты могут себе позволить безответственно относиться к своей безопасности»³⁵.

Жуков «убеждал» Эйзенхауэра поверить ему как «солдату», что Советский Союз хочет найти выход из этого военного тупика. Он говорил, что две страны «должны по-настоящему стремиться к разрядке». Он надеялся, что Соединенные Штаты, даже являясь «богатой страной», будут в той же степени рады «избавлению от бремени вооружений»³⁶.

Ответ Эйзенхауэра был энергичным. Он, как и Жуков, считал, что ответственные лидеры обеих стран против войны. Тем не менее Эйзенхауэр также полагал, что «холодная война» была столь же психологическим явлением, сколь и столкновением интересов. Стараясь, чтобы его встреча с советским представителем не создавала впечатления, будто он чересчур пренебрегает Конгрессом США или

американской прессой (недавние утечки документов, связанных с Ялтинской конференцией, напоминали о том, что такого рода дипломатические документы недолго остаются секретными), Эйзенхауэр попытался объяснить роль общественного мнения, удерживающего правительство США от движения в сторону разрядки. Он предупредил Жукова, что не стоит ожидать улучшения «в одночасье». Потребуется «определенное время, пока будет преодолено нынешнее психологическое состояние недоверия и страха».

Встреча продолжалась и за обедом, во время которого президент США стал более откровенным. Когда советский маршал сказал, что хорошим первым шагом могло бы стать устранение спорных моментов в советских и американских формулировках, Эйзенхауэр объяснил, что президентская власть имеет свои пределы. Хрущев мог командовать «Правдой», но Эйзенхауэр в качестве президента мог контролировать лишь одну из трех ветвей власти в Вашингтоне и не мог распоряжаться никакими органами печати. «Зато необходимы, – сказал Эйзенхауэр, – мероприятия или ряд мероприятий, которые могли бы изменить психологический климат».

Жуков выступил за одновременное расформирование Варшавского Договора и НАТО. Вместо них он предложил создать общеевропейскую систему безопасности. Но в данном случае Жуков и Эйзенхауэр не попытались разрешить свои разногласия относительно того, как можно охарактеризовать коммунистическую Польшу – или как свободную страну, или как страну, находящуюся под советской военной оккупацией.

Не раскрывая своих карт, Эйзенхауэр проверил, как Жуков отреагирует на предложение об «открытом небе». Он спросил Жукова, что он думает о системе инспекции «таких крупных сооружений, как аэродромы, бомбардировщики дальнего действия и комплексы управляемых ракет, [которые] невозможно скрыть». Когда Жуков дал понять, что ему эта идея нравится, Эйзенхауэр осторожно спросил, будет ли такая идея «политически возможной в Советском Союзе». Ответ Жукова был совершенно однозначным. «Это было бы вполне возможно, и, если детали предложения подлежат изучению, он, в принципе, полностью согласен с мнением президента». Жуков сказал, что понимает: такая инспекция была бы гарантией против внезапного нападения³⁷.

После этой встречи военных друзей у Эйзенхауэра, естественно, возникла уверенность, что его предложение по «открытому небу» может положить начало изменению психологического климата. Но он еще не знал, что, поддерживая систему инспектирования, которая может выявлять крупные сооружения, советский маршал говорил лишь от своего имени, а не от лица своего шефа.

Хрущев пришел в ярость, когда на следующий день во время официальной встречи услышал о подробностях выдвинутого Эйзенхауэром предложения об «открытом небе». Для него было невозможно согласиться на инспектирование прежде разоружения. Если бы он позволил американским самолетам проводить разведку на каждом советском аэродроме, то Вашингтон вскоре бы обнаружил, что его страна была ядерным «бумажным тигром».

Из-за предложений по «открытому небу» в отношениях между Жуковым и Хрущевым возник разлад. Они расходились во мнениях о том, к чему могла привести прозрачность – увеличивала ли она угрозу первого американского удара или ее уменьшала. «[Военный] потенциал врага больше, – сказал Хрущев. – А тот, у кого потенциал больше, тот и больше заинтересован в разведке»³⁸. И в Женеве эти разногласия не закончились. Они привели к напряженности во взаимоотношениях двух лидеров, поскольку по мере усиления советской мощи мнение Хрущева о роли разведки в разоружении лишь укреплялось.

После официального заседания Хрущев подошел в буфете к стоявшему у барной стойки Эйзенхауэру. Чарльз Болен, служивший им переводчиком, слышал его слова: «Господин президент, нас не интересует причина, по которой вы выдвигаете это предложение, но кого вы, в самом деле, пытаетесь одурачить?» Не дав Эйзенхауэру времени ответить, Хрущев добавил: «С нашей точки зрения, это совершенно явная шпионская уловка, и те ваши советники, которые ее предложили, прекрасно знают, что они делают. Вряд ли вам следует ожидать, что мы воспримем это всерьез»³⁹.

Жесткий отказ удивил президента США. Это было его предложение; за этим стояло его личное стремление обезвредить горючую смесь скудных данных стратегической разведки и общественного беспокойства, существовавшего в накаленном до предела окружении в Вашингтоне. Когда Эйзенхауэр попытался рассеять подозрения Хрущева, указав на то, что разведка будет взаимной, советский руководитель лишь пообещал «изучить» вопрос, но остался непреклонным⁴⁰.

Выдвинутые на Женевском совещании предложения Эйзенхауэра и Даллеса по германскому вопросу оказались для Хрущева не более привлекательными. Ведь за ними сквозило нежелание признавать легитимность Восточной Германии как самостоятельного политического образования, не говоря о том, чтобы относиться к ней как к равноправному партнеру в европейском союзе. Запад настаивал на том, что не может быть ни сокращения вооруженных сил в Европе, ни соглашения о коллективной безопасности, ни минимального режима

инспектирования на месте до тех пор, пока не состоится воссоединение Германии.

Участники совещания, завершившегося 23 июля, согласились организовать в октябре, в той же Женеве, встречу четырех министров иностранных дел, на которой продолжится обсуждение европейской безопасности. Западная и советская стороны не сблизилась по ключевому вопросу о том, что должно произойти прежде: европейское разоружение или германское воссоединение. Советская сторона настаивала, что разоружение должно произойти до воссоединения Германии, но американцы, французы и англичане с этим не соглашались. В знак того, что встреча закончилась без враждебности, обе стороны согласились, что их министры иностранных дел будут обсуждать эти две цели одновременно – в надежде сократить это расхождение позже.

Несмотря на отсутствие прогресса как по вопросу о разоружении, так и по германскому вопросу, советская делегация уезжала в хорошем настроении. А это свидетельствовало о том, что на эту встречу в верхах она ехала без особых ожиданий. Вместо того чтобы признать поражением отсутствие всяких договоренностей, представители Президиума были в восхищении от того, что другие великие державы обращались с ними уважительно и действительно положили конец дипломатической изоляции Советского Союза. 24 июля на проходившей в аэропорту прощальной церемонии Булганин сказал, что «в Женеве уже был сделан новый шаг в направлении ослабления напряженности между государствами, [что] будет содействовать духу сотрудничества, который уже ощущается»⁴¹. В Москве Анастас Микоян, руководивший Кремлем в отсутствие Хрущева, сказал репортерам, что «международная обстановка изменилась, и погода хорошая. Когда погода хорошая, все хорошо»⁴².

Но реальная погода была не очень хорошей для президента Эйзенхауэра, который 24 июля прибыл в Вашингтонский национальный аэропорт под проливным дождем. Опасаясь любых сравнений с возвращением в Лондон премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена после его злополучной Мюнхенской встречи с Адольфом Гитлером в 1938 году, вице-президент Никсон запретил пользоваться зонтиками на церемонии прибытия⁴³. Под дождем, «лившимся потоком» на его лысую голову, промокший Эйзенхауэр был, понятное дело, не столь оптимистичен, как советские представители, когда говорил о новом международном климате в стоявшие перед ним микрофоны. Он приветствовал «многочисленные новые контакты», завязавшиеся между Востоком и Западом, но предупредил, что «предстоящие месяцы» покажут, чем все это обернется для мира на планете⁴⁴.

* * *

Вице-президент Ричард Никсон редко видел своего друга Фостера Даллеса таким усталым. Государственный секретарь, прилетевший через два часа после президента, тяжело опустился на заднее сидение своей служебной машины. Никсон поехал обратно в Вашингтон вместе с Даллесом и по дороге ободрял старика, в чем тот, похоже, очень нуждался. И Даллес, дав себе волю, отвел душу.

«Даже невозможно представить, каким огромным бременем была для меня эта встреча», – сказал Даллес. Судя по записи, которую в ту ночь, как и ежедневно, Никсон сделал на магнитофон, «[Даллес] сказал, что президент поработал великолепно. Однако, разумеется, он должен был предупреждать президента обо всех коварных приемах, которые могли быть применены внезапно, – чтобы, бросая спонтанные реплики, он не сделал бы заявлений, которые другая сторона могла бы подхватить и использовать против нас». По мнению Даллеса, президент мог не устоять и сказать что-то не то именно потому, что хотел произвести благоприятное впечатление.

Даллес признался, что никогда не был уверен, правильно ли будет вести себя президент на переговорах на высшем уровне. По дороге, в машине с Никсоном, государственный секретарь признался, что успокоился, убедившись, что Соединенные Штаты «ничего не потеряли» в Женеве: под этим подразумевалось, что президент мог бы совершить несколько пагубных ложных шагов. После благополучного окончания совещания Даллес позволил себе удовольствие признать, что оно было полезно, как минимум, в одном практическом отношении: «Президент показал себя коммунистам». В частности, встреча, на которую президент возлагал такие надежды – и к которой Даллес не проявлял ничего, кроме вежливого презрения, – обернулась провалом. Встреча Эйзенхауэра с его военным «приятелем», маршалом Жуковым, сообщил Даллес, «не имела большого значения, не считая того, что для президента было полезно встретиться с Жуковым именно так и самому убедиться, что даже человек, которого он считал другом, на совещании будет неизменно придерживаться жесткой коммунистической линии».

* * *

Завершившееся в Женеве совещание американская пресса охарактеризовала как хороший первый шаг. «Женева была не третьим актом, а прологом», – писала газета «Балтимор сан»⁴⁵. В том же духе высказалась и «Сент-Луис глоб демократ»: «[Женева] определила, каким будет путь – и... если мир проявит терпение и терпимость, то теперь этот путь не будет таким уж долгим»⁴⁶. «Нью-Йорк таймс»

высказалась тенденциозно: «Мы не можем разоружаться, не можем вполне доверять никаким договоренностям с Советской Россией до тех пор, пока опущен железный занавес и на советской почве не укоренилась свобода. Самое главное надо делать в первую очередь, а самое главное – именно это. Однако третья мировая война – это не решение. Самое главное – установить такой модус вивенди, с помощью которого можно избежать этой ужасной трагедии, и теперь, судя по всему, мы к нему немного приблизились»⁴⁷.

Вернувшись в Москву, Хрущев решил продолжать свою кампанию в защиту мира. Хотя ни одно из его предложений по разоружению, выдвинутых в Женеве, не получило сколько-нибудь значительного отклика со стороны Запада, Первый секретарь считал, что советская позиция была стратегически и тактически благоразумной. В июле Кремль объявил об одностороннем сокращении численности советских Вооруженных Сил на 640 тысяч человек. За последние пять лет своей жизни Сталин увеличил численность советских Вооруженных Сил на пятьдесят процентов, и Хрущев собирался, сократив численность армии, довести ее примерно до четырех миллионов человек⁴⁸.

Вторая инициатива была еще более впечатляющей. Хрущев полагал, что, в конечном счете, отношения между Западной Германией и Советским Союзом не могли не улучшиться из-за привлекательности российского рынка для германского капитала. В молодости Хрущев работал управляющим на руднике в Украине. Технология, которую использовали на руднике, была разработана германским концерном «Тиссен», и позже Хрущев часто ссылался на этот личный опыт, чтобы заявить о взаимных интересах германских капиталистов и советских коммунистов⁴⁹. С его точки зрения, этот выпавший на двадцатые годы период тесного и выгодного экономического взаимодействия между странами, известный как «эпоха Рапалло» (по названию итальянского города, где в 1922 году был подписан важный договор между двумя правительствами), представлял собой образец того, как следовало бы вновь взаимодействовать Западной Германии и Советскому Союзу. Рапальский договор привел к признанию Германией Советского Союза, отмене военных долгов и установлению преференциальной торговли между двумя странами. Тот факт, что партия Конрада Аденауэра Христианско-демократический союз получила значительную поддержку крупных немецких промышленников, которые, похоже, извлекают выгоду из возобновления торговли с Россией, был для Хрущева стимулом приложить усилия, чтобы подружиться с германским канцлером.

На самом деле первая попытка Хрущева завязать отношения с Бонном произошла еще до встречи в Женеве. В начале июня, почти через месяц после ратификации Парижских соглашений, Кремль

направил Аденауэру официальное приглашение посетить Москву и обсудить возможную нормализацию отношений.

Если и существовал человек, который в 1955 году еще меньше, чем Джон Фостер Даллес, был готов установить дипломатические отношения с Москвой, то им был семидесятидевятилетний Конрад Аденауэр. В своих публичных выступлениях канцлер называл Федеративную Республику Германии самым антикоммунистическим государством в Европе, и КГБ соглашался, что он был, как минимум, самым антикоммунистическим из всех европейских руководителей. «Аденауэр, – сообщала разведка в Кремль в 1955 году, – беспощадный враг Советского Союза»⁵⁰. Источник советской разведки в Западной Германии характеризовал канцлера как человека, убежденного в том, что «любые переговоры с Советским Союзом сродни договору с дьяволом»⁵¹.

И все-таки в июне Советы пригласили его в Москву. Аденауэр, прежде чем согласиться, подождал, когда закончится встреча в Женеве. А когда дата визита была назначена на начало сентября, Аденауэр фактически заверил, что его визит не принесет большой пользы. В августовской речи он заявил, что нормализация отношений с Кремлем невозможна, если Кремль не согласится на воссоединение Германии и не отпустит оставшихся немецких военнопленных, все еще удерживаемых в России.

КГБ и советское министерство иностранных дел к перспективе прорыва относились по-разному. Детально изучив прошлое Аденауэра, КГБ был настроен более оптимистично. «Отличительные черты Аденауэра как политика, – сообщал КГБ Хрущеву и другим советским переговорщикам, – осторожность, ловкость, проявленная им готовность к компромиссам, умеренное терпение в ведении самых трудных переговоров, хитрость, неразборчивость в средствах и настойчивость в целях»⁵². Кроме того, имевшиеся у разведки осведомители сообщали, что изменения на западногерманской политической сцене потребуют от этого умного человека проявить в отношениях с Востоком больше терпимости, если он хочет оставаться популярным. От главного редактора влиятельной газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» агенты Хрущева узнали, что Аденауэр стал жертвой своего собственного успеха. Руководивший возрождением немецкой экономики после ее разрушения во Второй мировой войне и вступлением Федеративной Республики Германии в НАТО, теперь Аденауэр стоял перед вопросом, как ему следует использовать эту новую в Европе силу. Это потребовало бы от него государственного подхода. Советскому министерству иностранных дел пришлось потрудиться, чтобы понять язык августовского заявления Аденауэра. Сотрудники Молотова предположили, что он готовит почву для того, чтобы вину

за разделение Германии и международную напряженность возложить на Москву⁵³.

Единственным из обитателей Кремля, уже встречавшихся с Аденауэром раньше, был Булганин. Булганин посетил Кёльн в двадцатых годах, будучи председателем Исполкома Моссовета. В то время Аденауэр был обер-бургомистром Кёльна. Булганин вспоминал Аденауэра как довольно вежливого человека, и у него создалось в целом положительное впечатление о нем.

* * *

Администрация Эйзенхауэра была недовольна намерением Аденауэра отправиться с визитом в Москву. Хотя западногерманский руководитель был, вне всякого сомнения, антикоммунистом, он был склонен преувеличивать мощь Советского Союза, что, как опасались Соединенные Штаты, могло подтолкнуть его к заключению неудачного договора с Москвой только для того, чтобы предотвратить войну. Чтобы успокоить эти опасения, Даллес накануне поездки канцлера написал ему: «Позвольте нам прежде всего напомнить, что нынешняя политика Советского Союза – порождение не его силы, но его слабости; не его успехов, но его провалов»⁵⁴. Государственный секретарь отмечал, что Москва понимает, что не может производить и пушки, и масло, а ее граждане хотят больше масла. Кроме того, он сказал Аденауэру, что сейчас не время ослаблять давление на Москву: «Они проповедуют тактику отступления, чтобы получить передышку. Но если им теперь нужна эта передышка (а, судя по всему, так оно и есть), у нас, думаю, есть возможность сделать воссоединение Германии той ценой, которую им придется заплатить. Там будет видно, заплатят ли они эту цену, и как быстро. Но я думаю, есть неплохие шансы, что объединение, на ваших условиях, может быть достигнуто через пару лет, если мы проявим решительность»⁵⁵.

Однако Аденауэр, как и предполагали некоторые советники Хрущева, оказался хитрым и проницательным. Приехав в Москву, он не последовал тактике, на которую возлагал надежды государственный департамент США. Через несколько дней откровенных бесед с Булганиным, Хрущевым и Микояном руководитель Западной Германии отменил свое условие, что Москва должна пообещать содействовать германскому воссоединению. Для того чтобы согласиться на нормализацию отношений, Аденауэру было достаточно предложения Булганина вернуть на родину около девяти тысяч немцев, все еще остававшихся в советском плену. В конце 1955 года Советский Союз и Западная Германия обменялись послами.

Москва продолжала следить за реакцией ее собственных германских союзников. В вопросе о непризнании Восточной Германии Аденауэр упорно продолжал стоять на своем. Бонн будет разговаривать с Москвой, но не с Восточным Берлином. После визита Аденауэра и Булганин, и Хрущев ездили в Восточный Берлин, чтобы убедить восточных немцев и мир, что приверженность Москвы немецкому коммунизму остается твердой. «Если кто-то... ждет, что мы забудем учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, он совершает огромную ошибку, – сказал Хрущев восточным немцам. – Тем, кто этого ждут, придется ждать до тех пор, пока рак на горе не свистнет»⁵⁶.

* * *

Пока западные державы обыгрывали Молотова на совещании министров иностранных дел, проходившем в Женеве в октябре 1955 года, Хрущеву удалось вбить последний гвоздь в гроб сталинской германской политики. За несколько недель до совещания западные державы придумали более мягкий вариант плана Идена. Если Германии будет позволено воссоединиться и после выборов она захочет вступить в НАТО, то Советы получат демилитаризованную зону вдоль бывшей разделительной линии в Германии между Востоком и Западом и договор о коллективной безопасности – «договор о гарантии воссоединения Германии». В результате НАТО будет защищать Москву, если какой-нибудь из ее членов нападет на Советский Союз. Составленное таким образом, чтобы быть привлекательным для немецкой общественности, это предложение должно было стать проверкой высказанной на словах советской приверженности германскому воссоединению и германскому самоопределению.

Хотя министры иностранных дел встретились в том же зале Дворца наций, в котором и происходила встреча в верхах, настроение было совершенно иным. Напряженность была такой, что, когда фотограф газеты случайно уронил футляр камеры, каждый из министров иностранных дел словно подпрыгнул⁵⁷.

Несмотря на эту нервную обстановку, Молотов клюнул на приманку, предложенную западными переговорщиками. Он дал понять, что ему нравится идея демилитаризованной зоны в Центральной Европе, где вооружения будут ограничены и подвергаться инспекции и где будет установлен предел численности французских, британских, американских и советских войск. Однако, когда советского министра иностранных дел спросили, признает ли Москва договор, по которому эта зона станет гарантией, что объединенная Германия в составе НАТО не представляет угрозы для Советского Союза, Молотов

понял, что попал в ловушку. И тогда он начал повторять избитые советские фразы о проблеме грядущей германской ремилитаризации.

4 ноября решением Президиума Молотов был вызван в Москву для обсуждения шаткой советской позиции. После напряженного двухдневного заседания Президиума руководство разработало для своей германской политики новый язык. Молотова и министерство иностранных дел попросили составить какие-нибудь тезисы, чтобы после возвращения Молотова в Женеву представить их участникам совещания в надежде, что они позволят Советам вернуть себе преимущество в конкурентной борьбе за германское общественное мнение.

6 ноября Молотов представил руководству доклад с изложением новой позиции⁵⁸. Хотя его составители отзывались о нем как о новом предложении, в документе излагалась, по сути, старая сталинистская политика в отношении Германии. В докладе утверждалось, что цель советской политики в Германии – воссоединение страны на основе общегерманских выборов. Чтобы создать для этого возможности, Советский Союз предлагает вывести все иностранные войска из обеих Германий в течение трех месяцев и сформировать всегерманский совет для обсуждения деталей возможного германского воссоединения. Чтобы обеспечить «демократическое и миролюбивое» развитие воссоединенной Германии, Москва также потребует отмены Парижских соглашений, например выхода Западной Германии из НАТО, чтобы объединенная Германия была бы нейтральной и не входила ни в один из блоков. Молотов дал понять, что это предложение было разработано исключительно для того, чтобы усилить военную пропаганду. Он не ожидал, что Запад его примет.

Хрущев отверг всю стратегию Молотова и сразу же отклонил это предложение. «Мы не будем этого делать, – сказал он. – Здесь слишком много скрытых опасностей»⁵⁹. Хрущев не был уверен, что Запад отвергнет это предложение. «Даллес будет маневрировать», – сказал Хрущев из уважения к своему противнику. По его мнению, был шанс, что американцы могут подвергнуть проверке советскую искренность, удалив все свои войска, к чему Советы были еще не готовы сами. Хрущев полагал, что любое упоминание советской стороны о выводе войск «дезориентирует» немцев и станет угрозой стабильности восточногерманского режима.

Молотов попытался возразить Хрущеву, сказав, что Советский Союз должен в этом вопросе снова встать на правильную сторону. Для Москвы было бы плохо, если бы создалось впечатление, что она против самоопределения германского народа. «[Запад] поддерживает выборы, – сетовал Молотов, – а вот мы – нет». Когда Молотов сказал, что на самом деле риск невелик, потому что в действительности Запад в любом случае не собирался осуществлять свои предложения,

Хрущев его прервал. Цинизм советского министра иностранных дел его раздражал. Молотов, предполагавший, схитрив, защитить старую сталинистскую позицию на всеобщих выборах, был готов рисковать будущим Восточной Германии. «Чего ради усиливать фронт НАТО, – спросил его Хрущев, – осуществляя воссоединение ради того, чтобы потом целая Германия усилила НАТО и была бы нацелена против политики мира и Советского Союза?»

Молотов обнаружил, что в этом споре у него нет союзников. «Я сомневаюсь в корректности выдвинутых предложений», – сказал Микоян. «Я согласен с мнением товарищей Хрущева и Микояна», – добавил советский «президент» (эта должность была чисто формальной) Климент Ворошилов. Разительный удар нанес Лазарь Каганович, который разделял многие из взглядов Молотова, но был ближе к Хрущеву из-за необходимости защищать социалистические режимы. «Мы не позволим им разорвать ГДР [Германскую Демократическую Республику] на куски, и мы им об этом говорили, – сказал Каганович, – пока они продолжают говорить о выборах».

Обдумывая вместе с коллегами новую тактику, Хрущев был среди них первым. Запад защелкнул капкан, поставив успешное завершение всех споров о разоружении в зависимость от согласия на воссоединение Германии. Если Москва не найдет выхода из нынешней стратегии переговоров, то Запад сделает вывод, что Советы можно будет игнорировать до тех пор, пока их не вынудят признать позицию НАТО по Германии и европейской безопасности. «Они поднимут крик, – сказал Хрущев, – что возобладала позиция силы... Это плохо». Пожалуй, пора дать немцам возможность уладить свои разногласия самим, а Москве пора прекратить свои попытки достичь соглашения по Германии на уровне четырех держав. «Всякий здравомыслящий политик, – заключил Хрущев, – понимает, что в условиях, когда Западная Германия принадлежит НАТО, этот вопрос сложен, и разрешить его не так просто».

На следующий день встреча возобновилась. Она началась с выступления Хрущева, обрисовавшего контуры новой политики. «Теперь они хотят говорить о выборах с позиции силы. Нам надо подготовить аргументы против этого»⁶⁰. Он повторил свое мнение, что пришло время изменить фокус дипломатии великих держав. Теперь в центре внимания должно быть разоружение и исключительно развитие контактов между блоками, тогда как разрешение германского вопроса следовало предоставить Бонну и Восточному Берлину. Визит Аденауэра оказался успешным, и потому для Москвы сейчас уже не имел большого значения исход переговоров великих держав по Германии, а после установления с ней дипломатических отношений у Советов появились новые возможности усилить свое влияние

в Западной Германии. Аденауэр не может жить вечно, и имелись основания надеяться, что его преемники будут более заинтересованы в развитии отношений с Востоком.

В ходе этого обсуждения Хрущев обратил особое внимание на то, что, по его мнению, должно стать новой целью Москвы в спорах по германскому вопросу: «Мы хотим сохранить строй, установившийся в ГДР». К тому же он был рад, что у Москвы есть представители, которые могут разъяснить это всему миру. Когда Хрущев объявил об отходе от прежней германской политики, его союзник в Президиуме Анастас Микоян поддержал эту смену приоритетов. «Наша позиция конструктивна», – сказал он.

Положив конец всевластию Молотова, единолично определявшего судьбы германской политики, Хрущев не просто изменил тональность высказываний Москвы, смягчив ее язык по вопросу германскому воссоединения. Признавая лидерство Хрущева в этом вопросе, Кремль согласился, что независимо от той пользы, которую принесет разрядка в Европе, она не должна происходить за счет Восточной Германии. Москва, если нужно, проявит терпение, позволив силам в Западной Германии или на остальном Западе внушить Эйзенхауэру, Идену и французам, что путь к разрядке и разоружению невозможен без признания того, что существуют две Германии. «Вопрос о европейской безопасности, – сказал Хрущев, – можно разрешить и при существовании двух Германий»⁶¹.

* * *

На следующий день Молотов сообщил журналистам, присутствовавшим на большом вечернем дипломатическом приеме в Кремле, что он возвращается в Женеву с новыми предложениями. «Я уезжал с хорошим багажом, – сказал Молотов, – и возвращаюсь туда сегодня вечером с лучшим багажом, потому что услышал там много хорошего»⁶². По возвращении Молотова в Женеву представители трех других держав узнали, что Москва отказывается от продолжения четырехсторонних переговоров по германской проблеме.

В своем часовом выступлении Молотов обрисовал контуры новой политики Хрущева – и сделал это на языке Хрущева. Он осудил Запад за его попытки строить отношения с Советским Союзом с позиции силы. Вступление Западной Германии в НАТО является «непреодолимым препятствием» к воссоединению в ближайшем времени, сказал он, добавив, что теперь выборы «вызвали бы всеобщее расстройство» в Германии. Также он подчеркнул, что Советский Союз поддерживает сохранение Восточной Германии, которую ждет «великое будущее, потому что она идет по магистральному пути про-

гресса, пути всего человечества, – с тех пор, как у нее появились сильные и верные друзья»⁶³.

Даллес резко отреагировал на речь Молотова и попросил сделать перерыв. Это предложение, сказал государственный секретарь на следующий день, посоветовавшись с Эйзенхауэром по телефону, «в значительной степени подорвало то доверие, которое возникло на совещании глав правительств»⁶⁴. Так же негативно отреагировали представители Франции и Великобритании⁶⁵. Даллес только пытался сделать вид, что это его изумило, хотя он еще летом предсказывал, что Кремль никогда не допустит, чтобы Восточная Германия прекратила свое существование. В ходе совещания, которое знаменитый американский журналист Уолтер Липпман назвал женевской авантюрой, три западные державы пытались вынудить Советы признать, что у их сателлита нет будущего⁶⁶. Было очевидно, что начальники Молотова не собирались уступать. Дискуссия продолжалась неделю и сопровождалась взаимными обвинениями. Завершившись безрезультатно, «маленькая Женева» прекратила свою работу без всяких договоренностей о дате продолжения переговоров.

Это был определяющий момент как для Хрущева и его курса советской политики, так и для «холодной войны». Молотов уже никогда не вернет своего влияния, и вскоре ему как министру иностранных дел найдут замену. Через несколько дней после завершения «маленькой Женева» Москва заявила о подписании соглашения, официально завершающего советскую оккупацию Германии и номинально передающего восточным немцам ответственность за защиту границ восточной зоны⁶⁷. 22 ноября западные немцы заметили, что восточногерманские военные заменяют на границе советских солдат⁶⁸. По Потсдамскому соглашению 1945 года на Москву возлагалась обязанность следить за продвижением военных в Восточную Германию и в разделенный Берлин. Хрущев хотел передать восточным немцам и эту обязанность, но Москва отложила вопрос на будущее. С утратой влияния Молотова на Хрущева защита Восточной Германии стала основным пунктом советской политики. Фактически до 1990 года Советский Союз не будет рассматривать никаких мер безопасности, которые ослабили бы его германского союзника или таили бы в себе риск воссоединения Германии в составе НАТО.

Теперь для Вашингтона и Москвы вопрос состоял в том, смогут ли два германских правительства сосуществовать в Центральной Европе со статусом-кво. Политика Даллеса, стремившегося вынудить Москву признать вхождение объединенной Германии в НАТО, провалилась. Существовал предел, до которого Хрущев мог идти на уступки ради ослабления международной напряженности.

Хрущев и Эйзенхауэр оценивали положение в Германии совершенно по-разному. Эйзенхауэр не верил, что немцы Восточной Германии подчинились коммунистическому режиму добровольно и не желают от него отказываться. То, что Хрущев с гордостью именовал Германской Демократической Республикой, Эйзенхауэр называл советской зоной. Будущий мир и стабильность в Европе зависели от того, каким образом разрешится противоречие между этими двумя видениями. Благодаря энергии и честлюбию Хрущева германский вопрос, остававшийся стержневой проблемой и для Москвы, и для Вашингтона все то время, пока Эйзенхауэр и Хрущев находились у власти, вскоре уступил место новым ключевым проблемам в регионах, находившимся вне традиционных зон американо-советского соперничества.

Глава 3

ОРУЖИЕ ДЛЯ ЕГИПТА

«Красный проект завоевания», – гласил крупный заголовок на портрете неулыбчивого Хрущева, помещенном на обложке американского журнала «Ньюсуик» от 28 ноября 1955 года. «Русский торгош-виртуоз Никита С. Хрущев, – гласила надпись, резюмирующая суть заголовка, – начал рассчитанное на месяц внедрение в бедные страны Азии, пытаясь всучить новую партию обещаний».

Большую часть 1955 года Хрущев тщательно скрывал свою роль в переориентации советской внешней политики. Битвы за советскую политику в отношении Австрии, Югославии и Германии шли за непроницаемыми стенами Кремля. Летом поползли слухи, что Молотова могут заменить ставленником Хрущева – Дмитрием Шепиловым, главным редактором «Правды». Но этого не произошло, и обычно суровый министр иностранных дел ухитрился отвлечь внимание несколькими не характерными для него публичными шутками насчет этих предположений¹. В Женеве Хрущева воспринимали как самого энергичного противника позиции Эйзенхауэра, выдвинувшего предложение об «открытом небе». Однако того, что он всецело определяет общее направление советской внешней политики, тогда еще не поняли.

Но именно в «третий мир» Хрущев собирался прийти в первую очередь, чтобы продемонстрировать новый и амбициозный советский подход к «холодной войне». «Позвольте нам подтвердить на практике, чья система лучше, – заявил он в конце 1955 года, во время государственного визита в Индию. – Мы говорим лидерам капиталистических государств: позвольте нам соперничать без войны»². И это соперничество за влияние Хрущев хотел распространить на развивающиеся страны, где распад больших европейских империй вызвал к жизни новое поколение руководителей, нуждавшихся в советах, деньгах и признании.

Событие, которое привлекло всеобщее внимание к амбициозным планам Хрущева в развивающемся мире, произошло в конце сентября 1955 года, когда президент Египта Гамаль Абдель Насер,

заявил, что его страна будет покупать оружие у стран советского блока. Действия Каира привели к переориентации ближневосточной политики, а Эйзенхауэр, Иден и руководство Франции восприняли их как самое масштабное притязание на власть в этом богатом нефтеносном районе – самое масштабное после 1942 года, когда к пригородам Александрии подошли танки немецкого фельдмаршала Эрвина Роммеля. Никто не ожидал, что, расширяя свое влияние, Советы устремятся именно на Ближний Восток. В девятнадцатом веке Британия и императорская Россия за этот регион не боролись. Да и советские режимы в основном держались вдалеке от этого региона (если не считать недолгую битву Сталина за Ливию, которую после Второй мировой войны он хотел сделать колонией, и определенную, и столь же недолгую, поддержку нового государства Израиль). Решение Египта покупать советское оружие стало для Кремля сигналом, что пора начать масштабное проникновение в регион, имевший стратегическое значение для Соединенных Штатов и Западной Европы. Какие бы выражения ни использовал Хрущев, пытаясь смягчить свое стремление завоевать влияние в постколониальном мире, очевидный советско-египетский альянс представлял собой ни больше ни меньше, как «реальную политику». Однако Запад не понимал, что дело легко может принять совсем другой оборот.

* * *

Первые советские усилия выстроить отношения с Египтом были предприняты еще до того, как Хрущев одолел Молотова. После смерти Сталина советские дипломаты несколько месяцев разъезжали по странам развивающегося мира, надеясь установить дипломатические связи и завязать торговые и культурные отношения. Но на деле выбор был пока невелик; парад суверенитетов в Азии и Африке произойдет лишь через пять лет. Поэтому основное внимание было приковано к Индии, Индонезии и Египту, хотя Москва делала попытки установить отношения и с некоторыми латиноамериканскими государствами. В конечном счете, из этих трех крупных партнеров ближе других к Советскому Союзу оказался Египет, что вряд ли можно было предвидеть заранее.

На этом первом этапе советско-египетские отношения были почти исключительно экономическими. Катализатором их расширения стало свержение египетского королевского дома военной хунтой под предводительством генерала Мохаммеда Нагиба в июле 1952 года. Несгибаемый египетский националист Нагиб мечтал уменьшить зависимость Египта от англичан, имевших серьезное влияние на свергнутого короля Фарука, и был готов принять помощь от кого-нибудь

другого. И в августе 1953 года советские и египетские представители заключили экономическое соглашение³. Переговоры о торговле продолжились осенью, и в результате следующей весной был подписан договор о товарообмене. Вскоре уже сорок процентов своего керосина Египет покупал у СССР и у входящей в советский блок Румынии. Взамен Советы покупали египетский хлопок.

Когда в 1954 году Нагиба сменил Насер, отношения с Москвой, судя по всему, перестали развиваться. Именно Насер, которому было всего тридцать пять лет, организовал свержение короля Фарука. Благодаря огромной харизме Насера, благодаря его влиянию на служивших с ним людей у него появилось немало преданных последователей. А когда под власть его харизмы подпали египтяне и другие народы (в значительной степени благодаря энергичным публичным выступлениям Насера по радио), число его сторонников стало исчисляться миллионами. Своим слушателям Насер представил обширную политическую программу. Он мечтал объединить весь арабский мир в одно государство и под египетским руководством. В книге своих размышлений, опубликованной под названием «Философия революции», Насер писал: «Мне почему-то кажется, что в арабском мире есть роль, бесцельно блуждающая в поисках героя. И я не знаю, почему мне казалось, что эта роль, обессиленная своими блужданиями, наконец-то остановилась, усталая и утомленная, около границ нашей страны и призывает нас действовать, изучить ее особенности, надеть ее костюм, раз уж другие не подготовлены ее играть»⁴.

Вначале Насер не особенно хотел тратить свое обаяние на Советы. Он совершенно не доверял коммунистам и предполагал, что Советы будут использовать арабских коммунистов, чтобы ослаблять его и угрожать арабскому национализму. Из-за особого интереса Насера к Судану, где он в свое время служил в армии, его особенно тревожили планы Москвы в этой бывшей британской колонии.

Главная цель Насера в первые месяцы его президентства состояла в ликвидации остаточного влияния Великобритании на Египет. Британия все еще держала свои войска в зоне Суэцкого канала, и Насер собирался договориться об их выводе из страны. Он не хотел давать Лондону предлог откладывать переговоры из опасения, что он близок к Москве.

Зная о глубоких финансовых трудностях Египта – у этой развивающейся страны было мало природных ресурсов и небольшой экспорт, и она все еще нуждалась в импорте промышленной продукции в больших объемах, – Насер разрешил своему правительству продолжать переговоры с советскими представителями по экономическим вопросам. В самом деле: Насер не уставал с ними говорить, пытаясь заинтересовать Москву своей великой мечтой о строительстве

Асуанской дамбы – колоссального проекта производства гидроэлектроэнергии и регулирования уровня Нила. Он надеялся, что Советы рассмотрят вопрос о предоставлении ему финансовой помощи, необходимой для его осуществления.

Кроме того, в 1953 году и в начале 1954 года Насер рассказал советским представителям, что надеется обеспечить египетскую армию современным оружием. Но он был очень стеснительным. Даже намекая на то, что, возможно, станет покупать его у стран советского блока, он не решался обратиться с официальной просьбой. И не говорил Кремлю о том, что предпочел бы покупать американское оружие. Проблемой для Насера стало то, что с 1950 года политика Соединенных Штатов была явно нацелена на предотвращение новой арабо-израильской войны и блокировку с этой целью поставок оружия на Ближний Восток. Соединенные Штаты совместно с Великобританией и Францией подписали Трехстороннюю декларацию 1950 года, официально известив арабов и израильтян о том, что они могут надеяться на приобретение любой военной техники, необходимой им для обеспечения внутренней безопасности и самообороны, но не более того⁵. Но Насеру было нужно больше.

* * *

Впечатляющее событие, которое произошло летом 1954 года в нескольких тысячах миль от Египта, едва не положило внезапный конец надеждам Кремля на тесное сотрудничество с Насером. В июне 1954 года был свергнут еще один режим – в Центральной Америке. СвERG его такой же, как и Насер, молодой прогрессивный полковник, что усилило нежелание Насера идти на слишком тесное сближение с Советским Союзом⁶. Случай с Хакобо Арбенсом в Гватемале, хотя он и произошел прежде появления Хрущева как главного игрока, определяющего советскую внешнюю политику, надолго останется наглядным примером того, какой неудачей может обернуться для Москвы любая ее попытка помочь режиму «третьего мира». Эта печальная история не только осложнила отношения Насера с Кремлем (напряженность сохранялась до тех пор, пока не случился прорыв 1955 года), но и повлияла на будущие отношения Хрущева с лидерами «третьего мира», особенно там, где доминировали Соединенные Штаты.

Когда в конце 1950 года президентом Гватемалы избрали Арбенса, Москва не считала его коммунистом, хотя в министерстве иностранных дел знали, что некоторые из его советников были руководителями Гватемальской коммунистической партии⁷. Кремль с одобрением наблюдал за тем, как в 1952 году гватемальский парламент прини-

мал закон о далеко идущей земельной реформе; в следующем году он позволил Арбенсу национализировать обширные площади неиспользуемой земли, принадлежавшей двум крупнейшим фирмам Гватемалы – «Юнайтед фрут компани» и Американской железнодорожной компании.

Неудивительно, что Вашингтон отнесся к этим событиям иначе. Земельная реформа Арбенса вызвала в Соединенных Штатах опасение, что он коммунист. Первую тайную операцию, нацеленную на свержение Арбенса, провела еще администрация Трумэна, но дело было завершено Дуайтом Эйзенхауэром и Джоном Фостером Даллесом, когда они пришли к власти в 1953 году. Эйзенхауэр разделял опасения Даллеса, полагавшего, что «третий мир» беззащитен перед коммунистическим проникновением. Говоря от имени новой администрации, Даллес объяснил сущность этой угрозы западной безопасности:

«На фронте свободного мира колониальные и зависимые регионы – это поля самых решительных битв. Поэтому курс Запада и курс советского империализма приходят в непримиримое столкновение... Советские руководители, разрабатывая свою стратегию завоевания мира, обнаружили, что национализм может быть средством поглощения колониальных народов... На первом этапе коммунистические подстрекатели разжигают националистические устремления народа, чтобы он яростно взбунтовался против существующего порядка. А затем, прежде чем только что завоеванная независимость сможет окрепнуть и сформироваться на ее собственных основаниях, коммунисты захватят власть в новом правительстве и используют силу, чтобы “втянуть” народ в советскую орбиту»⁸.

И вскоре новая администрация признала Гватемалу большим полем битвы в этой новой войне. Тайная операция, разрешение на которую дал президент Эйзенхауэр, была нацелена на ослабление поддержки Арбенса военными из армии Гватемалы. Как и все армии развивающихся стран, она была плохо оснащена, а ее командиры, хотя некоторые из них и служили какое-то время с Арбенсом, судили о его приверженности армии как институту современной Гватемалы с точки зрения возможностей ее обеспечить. Вашингтон наложил на поставку оружия эмбарго, и оно было максимально жестким. Рассчитанная таким образом, чтобы сопровождаться массовой пропагандистской кампанией, игравшая на страхах военных, опасавшихся коммунистического влияния, операция должна была увенчаться рядом мелких боестолкновений под руководством контрреволюционеров, которые спровоцируют переворот, осуществленный руками сочувствующих им военных⁹.

Столкнувшись с этим эмбарго и зная о пропагандистской кампании, Арбенс решил попытаться получить оружие в странах советского блока. Весной 1954 года Кремль организовал поставку в Гватемалу чешского оружия, перевозили его на шведском корабле «Алфхельм». Несмотря на меры, принятые с целью скрыть место назначения корабля даже от его капитана, пока корабль не достигнет Карибского моря, о советской операции знали почти все. Гватемальцы должны были заплатить за оружие сами, и сделка на 4,9 миллиона долларов должна была быть проведена через коммерческий телеграф – переводом денег между швейцарским «Объединенным банком» (совместно с государственным банком Праги) и чешской компанией «Инвеста»¹⁰.

Кремль действовал осмотрительно, но эта оружейная сделка спровоцировала ряд событий, ставших трагическими для Арбенса и Гватемалы. ЦРУ без труда перехватывало новости об этой операции. Вначале по ошибке стали преследовать западногерманское грузовое судно, но потом выяснилось, что оружие находится на «Алфхельме»¹¹. На пресс-конференции, состоявшейся 25 мая 1954 года, Фостер Даллес заявил, что перевозимый этим судном груз – явное свидетельство международного коммунистического заговора. «Алфхельм» быстро стал мощным символом, благодаря которому в Вашингтоне возникла огромная поддержка противодействия советским козням в «третьем мире». «Этот груз вооружения подобен атомной бомбе, заложенной на нашем заднем дворе», – сказал председатель палаты представителей Джон Маккормак. «Угроза коммунистического империализма, – писала газета “Вашингтон пост”, – уже не теоретическая, она наступила»¹².

То, что для Кремля обернулось лишь плохой репутацией, для режима Арбенса стало прологом его неизбежного падения. Когда «Алфхельм» прибыл к месту назначения, ЦРУ ускорило подготовку нападения. 18 июня 1954 года в страну вторгся небольшой отряд мятежников, проникший в глубь ее территории на несколько миль. Мятежники не собирались свергать Арбенса – оперативный сотрудник ЦРУ назвал их «крайне малочисленными и плохо обученными», – и его не свергли¹³. Предполагалось сделать другое: усилить тревогу, вызванную прибытием «Алфхельма», и создать ощущение нарастающего хаоса, что должно было подтолкнуть гватемальскую армию избавиться от Арбенса. И это произошло. Сторонники выжидательной позиции в гватемальской армии (а некоторым из них не сообщили о тайных закупках на Востоке) уже стали считать Арбенса марионеткой Москвы. Обнаружение «Алфхельма» помогло Соединенным Штатам добиться решительной реакции членов Организации американских государств (ОАГ), в 1950 году заявив-

шей о противодействии распространению коммунизма или советского влияния в Западном полушарии¹⁴.

Предоставив своим врагам столько доказательств, Советы обнаружили, что больше ничего для своих друзей они сделать не могут. Ни у одной из советских служб, включая КГБ, не было линии прямой связи с городом Гватемалой¹⁵. Советский военно-морской флот не мог переместить свои корабли в бассейн Карибского моря, и у Советского Союза не было поблизости никаких военных баз, которые могли бы поддержать любую демонстрацию силы.

23 июня 1954 года гватемальцы попросили Советский Союз о помощи. Они хотели, как минимум, чтобы советские дипломаты, используя Совет Безопасности ООН, добивались прекращения боевых действий. На следующий день Молотов велел членам советской делегации в ООН выразить «глубочайшие симпатии» Москвы народу Гватемалы и призвать Совет Безопасности к действиям¹⁶. Тем временем ситуация в стране становилась все хуже. 25 июня министр иностранных дел Гватемалы направил в Кремль телеграмму. В ней сообщалось, что пилотируемые мятежниками самолеты начали бомбить гватемальские города с баз в Гондурасе¹⁷. Это тревожное сообщение передали Хрущеву и другим членам Президиума, решившего обнародовать неутешительную переписку с министром иностранных дел Арбенса: ничего «лучшего» для обреченного режима они при всем желании сделать не могли.

Когда советское руководство убедилось, что гватемальскому правительству почти ничем не помочь, Арбенс сообщил своим министрам и лидерам своего движения о мятеже в армии. Через два дня Арбенс был свергнут военными, которые и опасались предполагаемого влияния Москвы, и хотели избежать ожидаемого возмездия Вашингтона.

* * *

В течение шести месяцев после падения Арбенса Насер не касался вопроса о советской военной помощи. События в Гватемале были достаточно веским основанием для осторожности, а после заключения летом того же года долгожданного военного соглашения с британцами стало очевидно, что было бы глупостью рисковать неудовольствием Запада – по крайней мере в ближайшее время. Британцы согласились покинуть свою военную базу в городе Суэц на южной оконечности Суэцкого канала к середине 1956 года. Насер не хотел давать англичанам никаких поводов нарушать это соглашение в следующие два года и оставлять их солдат на египетской территории.

Однако нейтралитет Насера оказался недолгим. В феврале 1955 года произошли два события. Они настолько поколебали его уверенность в положении Египта в регионе, что он решил не дожидаться 1956 года и создать современную египетскую армию. В тот месяц британское правительство стало инициатором соглашения об обороне, подписанного между Ираком и Турцией. Египет истолковал этот договор и как попытку Великобритании сохранить свое влияние в регионе после заключения договора о базе в Суэце, и как претензию Ирака на преобладающее положение. В современную эпоху Египет и Ирак продолжили многовековое соперничество между цивилизациями, существующими на берегах Нила и Евфрата, и нередко натравливали одну иностранную империю на другую в попытке добиться собственного доминирования в регионе. Иракский премьер-министр Нури аль-Саид, не обладая харизмой Насера, не уступал ему по части региональных притязаний. Близкий союзник Великобритании и дружественно относившийся к Соединенным Штатам, Нури считал, что соглашение с Турцией может быть основой для более широкого альянса, который объединил бы все прозападные арабские режимы под руководством Ирака, доминирующего на Ближнем Востоке. Но именно этого Кремль и боялся.

Британцы пытались привлечь и египтян. Прежде чем Турция и Ирак подписали между собой соглашение, в феврале 1955 года британский премьер-министр Иден посетил в Каире Насера и попытался убедить египетского лидера присоединиться к антисоветскому военному пакту. Насер, с его слишком скептическим отношением к британским целям, не спешил к нему присоединиться. Он сказал Идену, что если бы Советский Союз напал на Египет, то он бы обратился за помощью к Западу, но если бы на Египет напал Запад, то он бы обратился за помощью к Востоку.

Второе событие связано с Израилем. 28 февраля 1955 года, через четыре дня после подписания в Багдаде соглашения между Турцией и Ираком, десантники под командованием молодого офицера по имени Ариэль Шарон проникли на египетские военные позиции в секторе Газа. Миссия Израиля состояла в том, чтобы повредить базы, из которых, как считалось, палестинские террористы, так называемые федаи, наносили удары по Израилю¹⁸. Успешное нападение на египетскую территорию не только унизило Насера, но и усилило его глубокое подозрение, что Израиль является агентом британского империализма. Несмотря на историю борьбы евреев с британскими властями в Палестине, Насер упорно верил в существование непрекращающегося, тайного и согласованного взаимодействия между британским и израильским правительствами. Он убедил себя, что это Лондон приказал израильтянам напасть на Газу. «Западные дер-

жавы постоянно используют Израиль для организации всякого рода провокаций, направленных против нас», – позже признавался Насер Никите Хрущеву. С точки зрения Насера, нападение на Газу было расплатой за его отказ присоединиться к турецко-иракскому альянсу, так называемому Багдадскому пакту¹⁹.

В феврале 1955 года потребовалось лишь одно событие, чтобы вновь пробудить у Москвы интерес к более тесным отношениям с Египтом. Создание Багдадского пакта стало символом сжимающихся тисков, расставленных Западом и его союзниками вдоль всей периферии Советского Союза. Опасаясь, что к альянсу Турции и Ирака вскоре присоединятся Саудовская Аравия, Йемен, Иордания и Ливия и это превратит альянс в распространившийся на весь регион антисоветский блок, Москва заметила, что с арабскими националистами, а особенно с Насером, ее снова объединяют общие интересы. Его мечты об арабском единстве были не совместимы с образованием регионального блока, средоточием которого являлись Турция и Ирак.

Чтобы сигнализировать о своей готовности установить более тесные отношения, Советы внезапно и круто изменили свою политику по отношению к соседу Египта – Судану. В 1954 году советская пропаганда и суданские коммунисты выступали против союза Судана и Египта, создание которого, как было известно Москве, было одной из целей Насера. А в феврале 1955 года Москва начала открыто поддерживать единство стран долины Нила²⁰.

* * *

Неизвестно, какой была личная роль Хрущева в этой смене политического курса – в интересе к Судану. В феврале он был очень занят официальным смещением Георгия Маленкова с поста советского премьера. Однако есть свидетельства, что вскоре у него возник особый интерес к Насеру. Хрущев ободрился, когда, как он и ожидал, Насер, откликнувшись на изменение политики, начал переговоры о покупке советского оружия. Однако, когда Кремль ответил, что готов начать серьезные переговоры немедленно, Насер опять проявил уклончивость. Новости из Каира, поступившие в мае 1955 года, оказались для Хрущева обескураживающими. В разговорах, которые Насер вел в советском посольстве, он ссылался на «риски», сопряженные с покупкой советского оружия, что было тонким намеком на катастрофу в Гватемале. Более того, едва вернувшись с организационного собрания Движения неприсоединения, проходившего в индонезийском Бандунге, Насер, уже без намеков, со всей определенностью заверил Кремль, что не собирается присоединяться к

советскому блоку. Советскому послу Даниилу Солоду он сказал о возникшем у него опасении, что укрепление экономических и культурных связей между Египтом и Советским Союзом приведет к активизации деятельности Египетской коммунистической партии, что, как он полагал, противоречило интересам его революции. В свете антинасеровской пропаганды коммунистов, которой, как предполагал египетский лидер, руководили из Москвы, он объяснил Солоду, что имеет реальные основания сомневаться в искренности поддержки его режима Кремлем²¹.

Несколько раздраженный, Хрущев во время своего июньского визита в Югославию спросил Тито, какого он мнения о египтянине. Тито посоветовал ему набраться терпения. «Насер относится к СССР благожелательно»²², – ответил югослав.

Хрущев понял, что Москва будет привлекательна для Насера в том случае, если основой отношений будет общая заинтересованность двух лидеров в ослаблении имперского могущества Запада на Ближнем Востоке. Благодаря информации, поступавшей как из советского посольства в Каире, так и через официальное новостное агентство Москвы ТАСС, а также по каналам КГБ, выяснились причины упорного антикоммунизма Насера, и стало понятно, почему он предпочитает получать военную помощь из США²³. И все-таки Хрущев был настроен оптимистически, полагая, что две страны, и даже два лидера, смогут установить прочные отношения несмотря ни на что. Однако Насер не спешил идти ему навстречу, поскольку не разделял уверенности Хрущева в неизбежности тесных отношений между Москвой и Каиром. События в Багдаде и секторе Газа послужили предупреждением, что Египет должен стать сильнее, но отнюдь не свидетельствовали о том, что за помощью надо обращаться непременно к Востоку. До сих пор Насер отдавал предпочтение военной помощи США, раз уж ему удалось убедить американцев обойти положения Трехсторонней декларации. Американцы уже были щедры к Египту. В ноябре 1954 года Вашингтон предоставил Каиру экономическую помощь в размере сорока миллионов долларов²⁴.

В июне 1955 года египетский лидер решил, что, не идя на сближение с Советами, он должен сыграть на страхах США, опасавшихся советского влияния на Ближнем Востоке. Это должно было вынудить администрацию Эйзенхауэра пересмотреть свою политику по военной помощи.

«Русские предложили мне все оружие, какое нам нужно», – сказал 9 июня Насер послу США Генри Байроуду. Чтобы усилить эффект этого маленького обмана (на самом деле, обсуждая с Насером пакет предложений о военной помощи, Москва не снизошла ни до каких деталей), Насер известил посла США о военной миссии, с которой

он собирался отправиться в Москву в течении недели²⁵. Еще не получив скорого ответа от американцев, Насер решил сделать эффектный жест, чтобы привлечь внимание президента Эйзенхауэра: 16 июня он арестовал лидеров Египетской коммунистической партии и затем вернулся к послу США²⁶.

Байроуд посоветовал Вашингтону обнадежить Насера, дав ему основания поверить, что Соединенные Штаты продадут Египту оружие. Вашингтону предстояло установить баланс между этой политикой поддержки Насера и необходимостью не отталкивать от себя израильтян и британцев. Внутренняя политика еще более настоятельно, чем явно прозападная ориентация Израиля, подталкивала к тому, чтобы не игнорировать Израиль. Египет вызывал такую же озабоченность и у англичан, которые с успехом наложили вето на американскую помощь Насеру, когда в июне 1954 года шли переговоры о соглашении по базе в Суэце²⁷. Результатом этой дилеммы стала англо-американская программа «Альфа» – инициатива, нацеленная на достижение мирного урегулирования арабо-израильского конфликта посредством взаимных пограничных уступок, масштабных проектов регионального развития и экономической помощи обеим сторонам²⁸. Хотя переговоры Вашингтона и Лондона по программе «Альфа» начались еще в январе 1955 года, до сих пор к ее осуществлению еще не приступали²⁹.

На следующий день после ареста лидеров египетских коммунистов Вашингтон сообщил Египту, что ему разрешено покупать оружие, а его просьбы будут оцениваться с точки зрения принципов Трехсторонней декларации. Если египетские просьбы окажутся «приемлемыми», Насер может ожидать положительного ответа от Вашингтона³⁰.

Перечень своих пожеланий Насер передал американцам 30 июня. В общей сложности он хотел приобрести боевую технику стоимостью в двадцать семь миллионов долларов. Основными пунктами его запроса были 120 средних танков «М4», 15 танков-огнеметов «М24» и 26 реактивных бомбардировщиков «В-26». Перечень был доставлен начальником генерального штаба Насера – Али Сабри³¹. Аналогичный список Насер еще только собирался послать Советам.

На этот запрос Соединенные Штаты ответили быстро. У Насера были надежные союзники в администрации, включая президента. Увидев список того, что хотел Египет, Эйзенхауэр счел его разумным. Даллес не возражал против продажи. Фактически эти события вынудили его продолжать работу над общей концепцией политики США в регионе. Администрация пообещала, что эта концепция будет представлена в 1953 году, но решила сначала дождаться промежу-

точных выборов в Конгресс, намеченных на 1954 год, и только потом перейти к рассмотрению такого деликатного политического вопроса.

Проблема, с которой столкнулись составители этой общей концепции, состояла в том, что долгосрочные цели Египта на Ближнем Востоке были не совместимы ни с реалиями Ближнего Востока, ни с политикой США в этом регионе. Во-первых, Насер хотел получить финансовую компенсацию за палестинских беженцев. Он не настаивал на том, что эти беженцы имеют право вернуться в Палестину, какой она была до 1948 года, но полагал, что они заслуживают лучшей жизни во всех тех арабских странах, куда переселились. Однако другая цель Насера была нереальной и не могла быть достигнута никогда. Египетский министр иностранных дел объяснял Джону Фостеру Даллесу: «Если я хочу переехать на машине из Египта в Дамаск, то вынужден получать разрешение от господина Шарета [премьер-министра Израиля]». Египет хотел, чтобы Израиль уступил Иордании пустыню Негев, «включая Беэр-Шеву» – город, входивший в изначальный британский план для государства Израиль³². Ни израильтяне, ни американские евреи не допустили бы, чтобы это произошло мирно.

Другая, еще более существенная, проблема заключалась в том, что на самом деле Египет был не в состоянии заплатить за это оружие. В крайнем случае Насер был готов заплатить за него ниже номинальной цены. Египетское правительство стремительно теряло иностранные резервы, примерно по два миллиона долларов в месяц. У Каира оставалось лишь около двадцати четырех миллионов долларов в твердой валюте. В начале августа, через месяц после того, как представитель Насера передал список необходимого ему оружия, Насер явился в посольство США сам, чтобы просить об американской финансовой помощи для его приобретения.

Байроуд не вполне понял смысл этого разговора. В отличие от реакции Вашингтона на июньский список Насера, на его новый запрос администрация отвечать не спешила. И это промедление будет иметь серьезные последствия.

* * *

Тем временем Насер начал раздражать Хрущева. Не зная подробностей визитов Насера в посольство США, но, несомненно, что-то подозревая, Хрущев решил послать в Египет Дмитрия Шепилова, чтобы подвести Насера к идее создать военный альянс против Багдадского пакта. Прошло уже три месяца с тех пор, как Москва предложила поставлять оружие Египту, однако египтяне не только не приняли это предложение, но Насер, похоже, намеренно медлил сделать следующую

щий шаг. Шепилов, надежный товарищ Хрущева, понимавший его отношение к международным делам, был бы отличным представителем и наблюдателем.

«Дмитрий Прогрессивный» (прозвище, под которым Шепилов был известен среди московской элиты) был талисманом Хрущева. Став главным редактором «Правды» в 1952 году в возрасте сорока семи лет, он был самым важным союзником Хрущева, помогал ему ориентировать советскую прессу таким образом, чтобы она отражала рост значимости Хрущева. Именно Шепилов в январе 1955 года написал политический некролог Маленкову – изумительно своевременную статью с критикой подхода Маленкова к экономике. Хотя своей специальностью Шепилов избрал экономику, Хрущев решил подготовить его к ответственной работе, связанной с международными делами. В 1954 году Шепилова назначили председателем Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей – одного из многочисленных постоянных комитетов правительственных учреждений огромной советской бюрократии. Там Шепилов вел борьбу с мировоззрением Молотова и отстаивал линию Хрущева, который защищал курс на мирное сосуществование и считал бессмысленным сохранять расхождения с Тито.

После отставки Маленкова карьера Шепилова пошла в гору еще быстрее. Хрущев привлек Шепилова к подготовке визита в Белград; тогда он принял участие в написании дипломатического коммюнике, которое Советы предложили Югославской коммунистической партии в качестве варианта совместного заявления о братстве и солидарности. Югославы отказались принять совместное заявление, но эта неудача не имела отрицательных последствий для Шепилова. В начале июля 1955 года Хрущев вознаградил Шепилова за преданность, сделав его одним из трех новых секретарей Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза – по-настоящему новой команды Хрущева³³.

* * *

«До вашего приезда у нас были сомнения», – позже сказал Шепилову министр обороны Насера, маршал Абдель Хаким Амер³⁴. Визит Шепилова, продолжавшийся с 21 по 29 июля, помог рассеять существовавшее в Каире непонимание относительно советских намерений. При всех своих сомнениях в Советах Насер хотел дать им шанс себя проявить. Потому-то визит Шепилова стал, по желанию Насера, очень личным. Советского представителя пригласили на обед в Александрию, в дом Абдель Насера Хусейна, отца Насера.

В Москве ходили слухи, что когда-то в молодости Насер был поклонником Адольфа Гитлера, а на столе Насера стоял портрет Гитлера. Однако, по мнению Шепилова, фашистом он не был. Но зато, как показалось Шепилу, Насер был человеком довольно путаных политических представлений. «У него в голове была такая каша [из идей], особенно во время нашей первой встречи»³⁵, – позже вспоминал он.

Когда Шепилов спросил Насера, каковы его цели, тот познакомил главного редактора «Правды» с новым понятием: «Мы хотели бы построить умеренный социализм».

– А что это такое? – спросил Шепилов.

– Это социализм без капиталистов, без империалистов и без коммунистов, – последовал ответ.

Шепилов пренебрежительно усмехнулся: «Такого социализма не существует».

Но Насер хотел понять Москву. Он не собирался капитулировать перед человеком, которого послал Хрущев. И поэтому они проговорили несколько дней. «Вы написали книгу, не правда ли?» – в какой-то момент спросил Насер. Шепилов действительно написал работу по политической экономии. «А на английском она есть?» Да, в переводе на английский она существовала, и египетский лидер, неплохо читавший по-английски, пожелал получить ее экземпляр, чтобы еще лучше узнать воззрения Шепилова.

Визит Шепилова успокоил Насера, встревоженного политикой Москвы, и позволил ему сделать следующий шаг, а именно: приобретение советского оружия. Так и не услышав ничего конкретного от американцев, Насер дал разрешение на закупку военной техники за железным занавесом, отправив туда делегацию. Речь на этих первых переговорах шла о поставке советских самолетов. Египтянам требовались реактивные истребители «МиГ-15», и Насер попросил сохранять эти переговоры в тайне³⁶.

Советская сторона предложила проводить эти встречи в Праге. Любопытно, что Советы восстанавливали именно чешский тайный канал, изначально созданный ради возможности осуществлять секретные поставки оружия евреям в Палестину в 1947 и 1948 годах, до провозглашения государства Израиль. Теперь же, из-за изменений геополитических интересов Советского Союза, эта система будет служить арабам. Чтобы группа переговорщиков могла действовать в безопасности, под прикрытием, Каир, кроме того, решил не информировать свое посольство в Праге о существовании этой делегации. О переговорах знали и несколько чехов. Советы взяли на себя обязательство обеспечить защиту египетским переговорщикам, и Каир

попросил Москву предоставить канал связи между Насером и его представителями в Праге.

* * *

Однако Насер, приняв это решение, чувствовал себя еще очень неловко. Коммунисты были его врагами в Египте и его соперниками в борьбе за власть в остальных странах арабского мира. Насер мог бы подождать и еще, чтобы дать Соединенным Штатам другой шанс ему помочь, если бы в августе 1955 года в Судане не произошло событие, усилившее ощущение крайней неуверенности, присущее Насеру.

Для Насера и его соратников-революционеров Судан приобрел преувеличенно большое значение. С девятнадцатого века британцы и египтяне боролись за контроль над территорией, контролировавшей верховья Нила. В 1899 году британцы договорились об организации в регионе совместного англо-египетского владения и эффективно делили власть с руководителями Каира. Главной задачей руководимого Насером «Движения свободных офицеров» был отказ от этого совместного владения, что создало бы условия для объединения Судана и Египта. Эта цель была связана с обширными планами режима по экономическому развитию Нила. Но также и с традиционным египетским притязанием на древнее царство Нубию, так сильно напоминавшее о могуществе Египта в древние времена. Личные биографии молодых революционеров тоже сыграли свою роль. Двое из ближайших союзников Насера, братья Салемы, выросли в городе Порт-Судан, и с 1954 года Салах Салем был помощником Насера по суданским делам. С Суданом была связана и биография самого Насера. Первые годы Второй мировой войны он и его начальник штаба маршал Абдель Хаким Амер провели в Судане в качестве лейтенантов египетской армии³⁷. В свете этого уже не покажется столь удивительным, что именно события в Судане стали для Насера последней каплей, и он наконец-то решил заключить сделку о приобретении советского оружия.

Хотя новая линия, которой в этом вопросе придерживался Кремль после февраля 1955 года, похоже, устраивала Насера, ее осуждала пропаганда Суданской коммунистической партии, по-прежнему критиковавшей суданское правительство за «продажу Судана Гамаль Абдель Насеру»³⁸. Как и многие мировые лидеры, Насер не мог поверить, что коммунисты где бы то ни было могли действовать независимо от советской партии. Еще в июне Салаха Салема попросили узнать у советского посла Даниила Солода, что, как полагает Москва, она делает, позволяя суданским коммунистам критиковать режим Каира³⁹. Несмотря на заверения, поступавшие непосредственно из Москвы,

Насер с горечью осознал, что заявления Суданской коммунистической партии как нельзя лучше отражали истинные намерения Кремля в этом регионе. Однако потом два одновременных события убедили Насера, что его более опасные враги находятся не там.

19 августа в трех южных суданских провинциях вспыхнули вооруженные мятежи, правительство Хартума обвинило в этом Насера. Суданское руководство утверждало, что организатором мятежей был многолетний поборник суданско-египетского единства, лишь совсем недавно побывавший в Каире на торжествах в память третьей годовщины свержения короля Фарука. Насер не имел никакого отношения к этим мятежам. Более того, каким бы ни было изначальное отношение Насера к волнениям в Судане, его мнение быстро изменило событие, которое произошло в сотнях миль отсюда, в секторе Газа. Ранним утром 22 августа израильтяне убили египетского офицера и, как минимум, двух рядовых близ 95-го километра сектора Газа.

Как и в феврале, это недавнее нападение Израиля на Газу Насер связал с крупным геополитическим заговором. Он убедил себя, что за налетом израильтян стояла Великобритания, организовавшая его для того, чтобы отвлечь Египет от Южного Судана. Полагая, что черные жители Южного Судана не способны к политической самоорганизации, Насер сразу же решил, что мятежи, которые начались 19 августа, были, несомненно, устроены посторонними. Он предположил, что суданское правительство попросит Британию о вмешательстве для подавления мятежей, что приведет к фактическому разделению страны на проегипетский Северный Судан и пробританский Южный Судан.

Через несколько часов после израильского нападения на Газу самый надежный советник Насера, Али Сабри, встретился с советским послом⁴⁰. Теперь Каир хотел ускорить переговоры в Праге. По просьбе Насера Сабри изложил Советам возникшую у Каира теорию заговора. Насер ожидал британской военной интервенции в Южный Судан. Дорог, которые связывали бы Египет с Суданом, не существовало, и в любом случае Северный Судан был отрезан от южных областей болотами. Египетские военные могли добраться до мятежников только по воздуху. Египтяне настолько нуждались в том, чтобы им помогли в Судане, что, как объяснил Сабри, Каир разрешит советским летчикам прилететь на самолетах «МиГ-15», а советским военным транспортным самолетам он позволит приземлиться непосредственно в каирском аэропорту «Альмаза».

* * *

Воспользовавшись стремительным развитием событий на Ближнем Востоке, государственный секретарь Фостер Даллес от-

ветил на просьбу Насера о финансовой помощи, в которой тот нуждался для предполагаемой сделки – покупки оружия у США. Даллес недолюбливал тех, кто занимал в «холодной войне» выжидательную позицию. «Он полагал, что это безнравственно, – вспоминал генерал Эндрю Гудпастер, советник Эйзенхауэра по национальной безопасности. – Это аморально, что многие страны пытались занять нейтральную позицию в ситуации, когда правда и право подвергались, так сказать, опасности»⁴¹. Даллес не собирался позволять Насеру диктовать, как и когда госсекретарь США должен сделать свое долгожданное заявление по ближневосточной политике.

Не зная о резком изменении представлений Насера о непосредственных интересах Египта, государственный департамент продолжал работать над заявлением Даллеса. Во-первых, в Вашингтоне совершенно не заметили, какое глубокое впечатление мятежи в Судане произвели на египетского лидера. И, во-вторых, государственный секретарь был убежден, что Насер мог удовлетвориться и меньшим, чем конкретное предложение приемлемой сделки с оружием. 23 августа Байроуд получил указание встретиться с Насером и сообщить ему, что заявление скоро будет готово⁴². Байроуд явился к нему на следующий день и обнаружил Насера удивительно пассивным. Через несколько дней, вручая Насеру сигнальный экземпляр речи Даллеса, Байроуд заметил, что привычное воодушевление Насера покинуло его и на этот раз. «Было ощущение, что он несколько обескуражен общим направлением подхода и на самом деле не понимал значения некоторых положений», – телеграфировал Байроуд. Однако Насер был не столько обескуражен, сколько расстроен и разочарован. Он-то ожидал ответа на свою просьбу о финансовой помощи США, чтобы заплатить за оружие стоимостью в двадцать семь миллионов долларов. А Даллес туманно рассуждал о приверженности всеобщему мирному договору на Ближнем Востоке⁴³.

Когда Даллес вносил последнюю правку в свое заявление, Насер попросил у Советов еще больше оружия, чем прежде. Убедившись теперь, что Соединенные Штаты не будут субсидировать ему покупку танков «М4», с просьбой продать танки Насер обратился к Советам. Кроме того, он попросил предоставить ему финансовую помощь для покупки всех видов оружия, самолетов и этих танков, о которых просил недавно. Несмотря на свои более поздние публичные заявления, Насер был не в состоянии покупать какое бы то ни было современное оружие по коммерческим ценам.

В результате Советы, заключив сделку, добились своего, поскольку пытались потакать Насеру больше, чем это делали американцы. В начале сентября Президиум принял решение согласиться, в принципе, на продажу Египту танков, хотя их количество и модели еще

предстояло определить. И, что еще важнее, учитывая непосредственные опасения Насера, теперь Советы предоставили ему возможность приобрести артиллерийские орудия и истребители «МиГ-15», сообщив ему, что в качестве платы за большую часть этого вооружения они согласятся на товарообмен по бартеру. Оплатив пятую часть покупки египетскими фунтами, Каир получил возможность оплатить остальные приобретения поэтапно, продавая Советскому Союзу рис, хлопок, кожу и даже шелковые планки. На самом деле этот остаток долга представлял собой ссуду, которая увеличивалась на два процента в год⁴⁴. Эти условия были даже лучшие тех, которые Каир предлагал Вашингтону. 12 сентября советские и египетские переговорщики подписали соглашение в Праге.

* * *

Через неделю агенты американской разведки в Каире узнали из своих источников некоторые детали этой истории. Вечером в воскресенье 19 сентября посольство в Каире телеграфировало в Вашингтон: «Похоже, [египтяне] примут советское предложение по оружию... Говорят, масштабы советского предложения вызывают замешательство»⁴⁵. Единственным, кого это не удивило, был посол США Байроуд. Когда государственный департамент, продемонстрировав свою реакцию, попросил его предупредить Насера о том, что любая египетская оружейная сделка с Советами «вызовет в США самую серьезную публичную реакцию и значительно осложнит нашу возможность содействовать им», Байроуд ответил, что эта угроза уже не звучит внушительно, как когда-то⁴⁶. Он говорил об этом Насеру так часто, обещая, что союз с Соединенными Штатами будет для Каира полезен, что его речи стали звучать, как заезженная пластинка. Настало время перейти к конкретным действиям. Почему же Вашингтон не удовлетворил просьбу Насера, с которой он обратился в конце августа, – просьбу о финансовой помощи, чтобы купить американское оружие? «Совершенно ясно, что из-за нашего нежелания выделить несколько миллионов долларов мы позволили положению ухудшиться настолько, что такая цепная реакция, которая приведет к огромному поражению для политики США на Ближнем Востоке... станет в высшей степени возможной».

Советы частично подтвердили соглашение с Каиром о продаже вооружения. Молотову случилось оказаться в Нью-Йорке в третью неделю сентября: он приехал туда для участия в первом заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Даллес, воспользовавшись этим, стал расспрашивать его об этих сообщениях о продаже советского оружия Египту. Не упоминая конкретно Египет, Молотов подтвердил, что

переговоры с арабскими странами об оружии действительно идут, но «эти переговоры не должны вызывать неправильного понимания». Вопрос обсуждался «на коммерческой основе»⁴⁷. Получив – хотя и неопределенное – подтверждение советской стороны, Даллес, проинформировав президента Эйзенхауэра, обсудил со своим братом Алленом, стоит ли предпринять конкретные шаги, чтобы помешать Насеру довести дело до конца⁴⁸. Государственный секретарь был крайне обеспокоен. Он думал, что израильтяне могут нанести упреждающий удар еще до того, как поступит советское оружие. К тому же он никогда не отрицал возможности того, что, получив советское оружие, египтяне могут нанести удар по Израилю. В частном порядке Даллес обратился к представителям Великобритании и Франции в ООН, посоветовав им передать в свои столицы, что надо подготовиться к новой реальности – к участию Советов в делах Ближнего Востока.

Даллес, переговорив с Эйзенхауэром, намекнул, что этот процесс можно остановить только в Москве. Он полагал, что у Насера нет другого выбора, кроме как принимать оружие. Если он этого не сделает, то его свергнут его же военные. Но, возможно, кто-то мог вынудить Советы не вмешиваться в дела Ближнего Востока. Даллес сказал президенту, что представит на его рассмотрение свои соображения.

Аллен Даллес считал, что его брат делает ставку не на тех. Он сомневался, что Москва ответит на протест президента. Государственный секретарь и его брат расходились во взглядах на то, как следует вести переговоры с Насером. Фостер сказал, что Соединенные Штаты предложили Насеру оружие. Аллен хотел узнать, было ли сделано все, что нужно. Во всяком случае Фостер полагал, что Насера невозможно заставить отказаться от своих намерений, и, не зная, что делать, предложил подождать. Аллен в целом согласился, признав, что несколько дней ничего не значат. Однако потом он изменил свое мнение и отправил в Каир сотрудника ЦРУ, чтобы тот переговорил непосредственно с Насером.

Когда Москва согласилась поставлять Насеру «МиГи», это, разумеется, стало для Насера важным поворотным пунктом. Однако он почти единолично придал этому событию революционное значение, преувеличив масштаб оружейной сделки. Какими были представления Насера на этом этапе отношений с Москвой – об этом египетские источники сообщали очень скудно⁴⁹. Если исходить из советской информации, то, судя по всему, в сентябре 1955 года Насер был совсем не убежден, что его сближение с Москвой окажется долговременным. Он по-прежнему хотел установить тесные экономические и политические отношения с Вашингтоном. То же самое 25 сентября он сказал и личному представителю Аллена Даллеса в Каире – Кермиту

Рузвельту. Во время этой долгой беседы, продлившейся три с половиной часа, Насер играл роль человека, который извиняется, и постоянно утверждал, что, вероятно, совершил ошибку, обратившись за оружием к Востоку. Даже заключив с Москвой договор о поставке восьмидесяти самолетов «МиГ-15», он не собирался завершать свою игру, состоявшую в том, чтобы натравливать одну сверхдержаву на другую. Насер сказал Рузвельту, что Советы уже продали ему как средние бомбардировщики, торпедные катера и танки, так и истребители, а также артиллерийские орудия. По словам Насера, первая поставка этих вооружений ожидалась в начале октября⁵⁰.

Как и Аллен Даллес, Кермит Рузвельт полагал, что, несмотря на оружейную сделку, Насер остается «нашей лучшей надеждой». Исходя из этого, он посоветовал Насеру сделать публичное заявление, дезавуирующее любые предположения об агрессивных намерениях. Это предложение сотрудник ЦРУ конкретизировал лишь после переговоров с государственным департаментом. Аллен Даллес и впрямь ничего о нем не знал. А позже, когда Рузвельт сообщил ему о беседе, воспринял эту информацию скептически. Даллес полагал, что будет благоразумней, если Насер сохранит оружейную сделку в тайне – «в надежде, что практические действия, которые будут предприняты для исполнения договора, окажутся не столь эффективными и, возможно, [его] разочаруют»⁵¹. Насеру понравилась идея публичного заявления по поводу советской сделки, и он, воспользовавшись переговорами с Рузвельтом, сообщил Вашингтону, что хочет в скором времени встретиться с Фостером Даллесом, чтобы обсудить мирные предложения государственного секретаря.

На следующий день Насер дал Советам понять, что выступит с заявлением о покупке оружия у Чехословакии⁵². Ничего, разумеется, не сказав о том, что эта идея исходит от ЦРУ, Насер обратился к своему ближайшему помощнику, Али Сабри. Али Сабри сообщил советскому послу, что в своем выступлении решение Каира приобрести оружие у страны советского блока Насер объяснит как реакцию на угрозу со стороны Израиля. В ответ посол Солод посоветовал, чтобы Насер не упоминал об Израиле, а вместо этого сделал акцент на явной необходимости укреплять египетскую армию. Насер сказал, что он согласен. Но он не намеревался ограничиться этим. Он объявит о своей готовности начать переговоры об ослаблении напряженности в арабо-израильских отношениях. О прямых переговорах с Израилем не могло быть и речи, но он надеялся на переговоры через госсекретаря Даллеса.

Высказывания Насера напомнили Советам, что им еще предстояло с ним поработать. Выбор в пользу американцев оставался для него очень заманчивым. Солод отговаривал Насера от сотрудничества

с братьями Даллесами. Он напомнил египетскому руководству, насколько невыгодным для Египта был план государственного секретаря. «Если вы считаете, что вам необходим посредник, – советовал Солод Али Сабри, – то было бы лучше обратиться в ООН или к какому-нибудь нейтральному правительству»⁵³.

В ту ночь на рынке вооружений в Каире Насер в ходе трехчасового выступления объявил, что его правительство будет покупать оружие у социалистического мира. Новая хрущевская политика гибкого подхода к развивающемуся миру только что увенчалась ее крупнейшей победой.

* * *

«Гватемала, господин президент, Гватемала». Едва услышав новости, проамерикански настроенный посол Египта в Соединенных Штатах доктор Ахмед Хусейн, находившийся тогда в Каире, в волнении вбежал в кабинет Насера. Это было 28 сентября в девять утра. Он мог думать только об «Алфхельме» и о том, что после этого случилось с Арбенсом. Выслушав эту историю, Насер продемонстрировал непреклонную решительность. «К черту Гватемалу⁵⁴», – сказал Насер.

Если он и впрямь так когда-нибудь говорил, это было бравадой, чтобы поднять дух своих ближайших сотрудников. Ведь Насера и самого беспокоили последствия своего решения покупать оружие на Востоке. Готовясь сделать заявление, Насер пытался смягчить удар, но даже его американские сторонники Рузвельт и Байроуд предупреждали, что реакция американского общественного мнения на новости будет, как минимум, решительной.

Насер, все еще не доверяя Советам, тем не менее понимал, что иметь с ними дело полезно, и решил сблизиться с Москвой чуть больше, одновременно наблюдая за реакцией Запада. Это сближение происходило в двух направлениях. Во-первых, он решил предложить себя СССР в качестве посредника в его усилиях добиться дипломатического признания Саудовской Аравии и Иордании. Это был удачный шаг, поскольку означал, что Насер сможет следить за тем, что замышляют Эр-Рияд и Амман, и в конечном счете – получить выгоду от любой сделки, которую Москва с ними заключит. Тем самым Египет мог бы стать «серым кардиналом» в регионе. Другое решение Насера касалось отношений с Советами. Он будет добиваться от них определенных гарантий, требуя от Москвы увеличить военную помощь, ускорить исполнение заказов и, возможно, активнее выступать в защиту безопасности Египта. А пока частным порядком он не собирался капитулировать перед Вашингтоном, выразившим возмущение

сделкой в Чехословакии, и не отвечал на его реакцию собственной масштабной сделкой.

29 сентября, всего через два дня после своего выступления, Насер попросил Солода о немедленной встрече в его частной каирской квартире⁵⁵. Соединенные Штаты уже проинформировали египтян о визите специального представителя Джорджа Аллена, который, возможно, захочет встретиться с Насером 30 сентября, сразу же по прибытии. Источники Насера сообщили ему, что Аллен, может быть, предъявит Египту ультиматум. Если Египет откажется разорвать сделку с Чехословакией, Соединенные Штаты подтолкнут Израиль к военным действиям. Насер предупредил Советы, что если Египет вступит войну с Израилем, то проиграет ее через десять дней.

Солод выразил сомнение, что Соединенные Штаты предъявят такой ультиматум. Насер согласился. Но он сказал, что его решение покупать оружие у Советского Союза было «поворотным пунктом в истории не только для Египта, но и для всех арабских государств. Битва, которая начинается сейчас, станет решающей и для Египта, и для арабского мира». Борьба против западного империализма будет «долгой и трудной». Однако Египет должен ее продолжать. Насер сказал, что он предупредил египетских военных быть готовыми к «всевозможным неожиданностям».

Итогом обсуждения стал такой фундаментальный вопрос: «Какой будет советская позиция перед лицом этой американской угрозы Египту?» Насер попросил узнать у Хрущева, сможет ли СССР ускорить поставку «МиГов» и других вооружений, предусмотренных договором от 12 сентября. «Это подняло бы моральный дух армии, которая энергично поддерживает покупку оружия в Чехословакии». Насер заявил, что военным нужно увидеть это оружие, «особенно самолеты и танки»⁵⁶. Чтобы ускорить поставку самолетов, Насер попросил переправить их по воздуху непосредственно в Каир, через Албанию или Югославию.

Москва ответила быстро. Советский Союз не возьмет на себя никаких военных обязательств защищать Египет, но обещает политическую и моральную поддержку в случае угрозы Каиру со стороны Соединенных Штатов. 1 октября Солод передал этот ответ непосредственно Насеру⁵⁷. Насер слушал его внимательно, не пропуская ни слова. Он был разочарован, но старался этого не показывать. Другие новости оказались еще более обескураживающими. Москва отказалась ускорить отправку самолетов в Каир. Первая партия будет доставлена кораблем в конце октября. Чтобы сохранить лицо, Насер ответил, что для него менее важно получить эти самолеты скорее, чем быть уверенным в сокращении численности советских военных специалистов. Изначально Москва собиралась послать сто тридцать

экспертов, но Насер попросил, чтобы их численность сократили до двадцати⁵⁸.

Через несколько дней Москва сообщила, что готова начать дополнительные переговоры о вооружении. Хотя они будут проходить в Праге, египтянам придется обсуждать покупку торпедных катеров и подводных лодок с поляками. Насер предпочел бы продолжать переговоры с чехами, но Советы настойчиво потребовали, чтобы при обсуждении поставок оружия для военно-морского флота посредники были другими. «Чехословакия – сухопутная страна»⁵⁹, – объяснил Солод. Советская сторона сообщила, что поляки будут готовы к переговорам через несколько дней, когда приедут в Прагу. Советы согласились и на условие Насера, просившего, чтобы вместе с самолетами «МиГ-15» прислали не больше двадцати инструкторов и инженеров по обслуживанию воздушных судов.

Насер был готов приобрести оружие, но, как он обещал Кермиту Рузвельту из ЦРУ и послу США Байроуду, не собирался становиться заложником Москвы. У него не было желания отказываться от западной помощи, и он бы хотел, при возможности, не прибегать к советской экономической помощи, учитывая ее политические последствия. Он по-прежнему боялся допускать на территорию Египта советских граждан, и его опасения не рассеивались. Насер не хотел, чтобы Каир наводнили инженеры и экономисты, которые днем чертили бы схемы, а по ночам вместе с местными коммунистами занимались бы подрывной деятельностью. Он не доверял даже изображениям военной техники в руководствах по обслуживанию самолетов «МиГ-15»⁶⁰.

Насер опасался также, что Советы его предадут, если он пойдет на разрядку с Западом. В середине октября, когда в Праге начался новый раунд переговоров о вооружении, Насер спросил, не обменяют ли Советы свои новые отношения с Египтом на соглашение по Германии. Он слышал, что СССР может добавить свою подпись к ненавистной Трехсторонней декларации 1950 года, то есть поддержать западную инициативу, нацеленную на то, чтобы контролировать гонку вооружений на всем Ближнем Востоке. Говоря о предстоящих переговорах министров иностранных дел в Женеве, 18 октября Насер спросил Солода, есть ли хотя бы доля правды в сообщениях американской прессы о совершающейся сделке⁶¹. Когда советский посол сказал, что это англо-американская пропаганда, не подтвержденная фактами, Насер попросил, чтобы Советы сделали публичное заявление, дезавуирующее любые намерения присоединиться к Трехстороннему пакту. Он сказал, что это необходимо, чтобы ослабить усилия США отговорить Сирию и Саудовскую Аравию от приобретения оружия у стран советского блока. Насер сообщил, что

Соединенные Штаты уже предложили свое оружие, причем по себестоимости, Ливану. Насер хотел, чтобы Советы начали поставки и в другие страны региона. Обеспокоенный тем, что в противном случае суданцы обратятся к англо-американцам, он посоветовал Москве поставлять оружие в Хартум. Кроме того, египетский руководитель попросил Москву пересмотреть ее политику по отношению к борьбе за независимость во французской Северной Африке. До сих пор Советы не предпринимали никаких действий, и Насер, признав, что Египет снабжает повстанцев, хотел, чтобы Москва начала посылать финансовую помощь алжирским и тунисским борцам за свободу⁶². Ни на одну из этих просьб Советы не откликнулись. К этому времени Советский Союз проник на Ближний Восток уже довольно глубоко.

* * *

29 октября 1955 года, через неделю после того, как советский корабль «Краснодар» доставил в Египет первый груз тяжелого вооружения, катастрофа на советском военно-морском флоте произошла в самом СССР⁶³. Советский линкор «Новороссийск» (бывший итальянский «Джулио Чезаре»), водоизмещением 23 662 тонны, неизвестно почему взорвался в южном портовом городе Севастополе, где был пришвартован⁶⁴. В ходе инцидента погибли 599 моряков. Это была самая страшная советская военно-морская катастрофа с лета 1941 года, когда на минах подорвались эсминцы «Смелый» и «Суровый», а германская флотилия потопила эсминцы «Гневный», «Тучка», «Тайфун» и «Циклон»⁶⁵. Для советского руководства это было сигналом к пробуждению.

Трагедия предоставила Хрущеву удобный случай провести чистку во флоте. «Кузнецов – явно опасный человек, – сказал он, возлагая вину за катастрофу на Главнокомандующего Военно-Морским Флотом адмирала Николая Кузнецова. – [И] он никчемный главнокомандующий»⁶⁶. Хрущев и Кузнецов по-разному представляли себе будущее советского военно-морского флота. Кузнецов хотел иметь флот, оснащенный обычным вооружением и сравнимый с военно-морским флотом США как по масштабам, так и по боевым качествам. Хрущев же хотел сократить размеры военно-морского флота, ограничив его в будущем ракетными кораблями и подводными лодками, которые он предпочитал авианосцам. Катастрофа дала ему повод провести чистку во флоте и поставить на командные должности своих людей.

Удивительно, что, пока советские корабли доставляли оружие в Египет, а Насер настаивал на том, чтобы Советы помогали и другим странам региона, в Москве Хрущев увольнял адмиралов, стремясь

обеспечить сокращение советского военно-морского флота. И реакция Хрущева на трагедию «Новороссийска» стала лучшим доказательством того, что в 1955 году он обладал лишь политической и экономической стратегией советского доминирования в «третьем мире».

К 1957 году численность личного состава советского военно-морского флота будет сокращена с шестисот до пятисот тысяч человек; 375 военных кораблей встанут на консервацию; заказы на строительство новых крейсеров будут отменены, четыре недостроенных крейсера в Ленинграде пустят на металлолом⁶⁷. Со стратегической точки зрения самое важное решение касалось будущего советского авианосца. Сталин давал разрешение на строительство авианосцев в 1938 и 1950 годах, однако события помешали осуществлению обеих этих попыток⁶⁸. В 1941 году нацисты захватили советские верфи, на которых должны были строиться авианосцы. Смерть Сталина в 1953 году свела на нет и вторую попытку. Нынешние планы предусматривали строительство четырех авианосцев⁶⁹. Однако теперь Хрущев их отменил, полагая, что у Советского Союза нет на это средств. Возможность применять обычные вооружения в региональных войнах интересовала его меньше, и в будущем он был готов полагаться на способность Советского Союза угрожать использованием ядерного оружия.

Споры о новой советской военно-морской доктрине происходили в то время, когда Насер обратился с очередной просьбой о военной помощи. Ссылаясь на доказательства усиления активности Израиля, в середине ноября Каир запросил сотню самолетов «МиГ-15» вместо восьмидесяти, обещанных в сентябре, и пять подводных лодок вместо двух, обещанных ранее осенью⁷⁰. Вопрос был вынесен на заседание Президиума, намеченное на 16 ноября.

* * *

Чехословацкая оружейная сделка стала для Хрущева личной победой, и он начал обсуждение ответа Москвы Насеру. «Это будет рискованно»⁷¹, – сказал он своим коллегам. Но на этот риск стоило пойти. «Мы проводили независимую политику [на Ближнем Востоке]», – одобрительно сказал он. Но теперь существовал риск того, что Москву могут втянуть в ближневосточную войну. Ходили слухи, что Израиль готов нанести упреждающий удар, чтобы не дать Египту приобрести советское оружие. Хрущев высказался за то, чтобы регулировать поставки оружия Насеру, увеличивая их постепенно. О подводных лодках не могло быть и речи, но коллеги Хрущева высказались за увеличение до сотни количества поставляемых Насеру самолетов «МиГ-15». Не упоминалось и о танках. Вскоре после этого Москва договорится о продаже танков, которые Насер просил по-

ставить ему в августе. Правда, речь шла не о первоклассных танках «Т-54» или хотя бы о «Т-34», созданных на начальном этапе «холодной войны». Египет получит танки «ИС-3», модель которых была разработана во время Второй мировой войны. Кроме того, Насер в конце концов получил один или два эсминца. «Но подводных лодок мы ему дать не можем, не сейчас»⁷², – сказал Хрущев.

Однако была одна область, в которой советско-египетские отношения не улучшились: она касалась строительства Асуанской плотины. Зимой 1954 года в ходе продолжительного визита египетской делегации, прибывшей для обсуждения вопросов экономики, глава делегации генерал Хусейн Рагаб, заместитель министра обороны, спросил, помогут ли Советы с большим строительством, которое намечалось осуществить в верховьях Нила⁷³. Советский ответ был неопределенным, но обнадеживающим, и перед отъездом делегация договорилась об основах новых торговых отношений⁷⁴. Однако летом, судя по всему, Насеру было неловко просить о советской помощи⁷⁵. Если говорить о деньгах, то Насеру был нужен кредит в размере как минимум миллиарда рублей или ста миллионов египетских фунтов, который можно было предоставить в виде строительных материалов, оборудования и зарплат советских специалистов. Ответ Москвы был осторожным. Судя по всему, речь шла об огромной сумме, и, прежде чем оказать какую-либо помощь, Советы хотели, чтобы их группа из пяти или шести человек посетила участок для строительства близ Асуана. Однако египетское правительство отказалось рассматривать вопрос о предоставлении виз этим советским инженерам. Из этого в Кремле сделали вывод, что Насер против допуска в страну группы советских специалистов – из опасения, что они могут заняться вредоносной революционной деятельностью.

Насер всегда отдавал предпочтение западной помощи и, планируя строительство плотины, полагался именно на нее. После того как стало известно о чешской оружейной сделке, он снова принялся маневрировать, играя на опасениях Запада, связанных с ближневосточными амбициями Хрущева. Зная, что экономические вопросы Запад увязывает со стратегическими соображениями «холодной войны», осенью 1955 года Насер начал искусную кампанию, призванную убедить Запад в обоснованности его худших опасений относительно советских намерений и возможностей в Египте⁷⁶. Успеху этой стратегии способствовало его решение использовать страх Запада перед распространением советского влияния на Ближнем Востоке, чтобы добиться более выгодных условий западного финансирования строительства Асуанской плотины.

Главным элементом этой стратегии был визит на Запад египетского министра финансов в ноябре 1955 года. В Лондоне Абдель Моним

эль-Каиссуни заявил представителям британского министерства иностранных дел, что его страна сможет получить финансирование от коммунистического блока, если ее не удовлетворит предложение Запада. Через несколько дней Эль-Каиссуни встретился с президентом Всемирного банка Юджином Блэком и его заместителем Гарднером для обсуждения поддержки, которую Всемирный банк окажет проекту строительства Асуанской плотины.

Следующий удар Насер нанес таким образом, чтобы укрепить достижения Эль-Каиссуни. Через день после его встречи с Блэком египетские газеты опубликовали сообщение, основанное на заявлении министра производства Хасана Ибрагима, что «Египет получил от Польши предложение финансировать строительство верхней дамбы. Египетское правительство изучает это предложение... Никакого решения не будет принято до завершения переговоров министра финансов, проходящих в США». В следующие несколько дней Эль-Каиссуни встретился с высокопоставленными чиновниками государственного департамента. Стратегия сработала. Во время визита Эль-Каиссуни государственный секретарь Даллес заявил Совету национальной безопасности, что «Советы сознательно открыли новый фронт “холодной войны” на Ближнем Востоке»⁷⁷.

Но решающий удар нанес Лондон. 27 ноября, когда египетский министр финансов завершал свой визит, Энтони Иден послал Дуайту Эйзенхауэру «молнию», в которой говорилось: «В этом деле Польша будет действовать как подставное лицо точно так же, как в оружейной сделке это делали чехи»⁷⁸. Иден попросил США оказать Египту финансовую поддержку, чтобы не дать Советам участвовать в строительстве плотины. «Я уверен, что от нашего совместного успеха в отстранении русских от этого контракта может зависеть будущее Африки». Было бы катастрофой для Запада, объяснял Иден, если бы Эль-Каиссуни и Самир Хильми, генеральный секретарь Совета строительства верхней дамбы, уехали из Соединенных Штатов, не убедившись, что соглашение будет достигнуто.

Все это было вздором. Польша – ни по своей инициативе, ни в пользу Советского Союза – не делала никаких предложений о помощи. Не имея доступа к египетским материалам, трудно сказать, до какой степени дезинформация и слухи, в огромном количестве поступавшие в американское и британское правительства осенью 1955 года, были инспирированы Египтом. Предупреждение Идена было основано на сведениях, якобы собранных высокопоставленным агентом британской разведки в Каире, действовавшим под псевдонимом «Счастливый случай» («Lucky Break»). Похоже, это был египетский двойной агент, передававший дезинформацию для того, чтобы

обманом заставить британцев сыграть эту полезную роль, оказывая давление на американцев⁷⁹.

Независимо от масштабов шпионской активности Египта Насер поймал в свою ловушку и президента Эйзенхауэра, и премьер-министра Идена. Столь очевидная, как в этом случае, связь между причиной и следствием в истории международных отношений наблюдается редко. Коммюнике Идена возымело немедленное действие. На следующий день, 28 ноября 1955 года, Эйзенхауэр преодолел сомнения своих советников, связанные с Насером и Асуанской плотинной, в частности сомнения министра финансов Джорджа Хамфри, и решил, что Соединенным Штатам следует принять участие в этом проекте. Не имея представления о его масштабах, он еще не решил, каким именно должно быть это участие. Но заместитель государственного секретаря Герберт Гувер посоветовал послать в Каир Роберта Андерсона, уважаемого техасского банкира и бывшего заместителя министра обороны, поручив ему работать с Насером.

В Москве за этими событиями следили с изумлением и легким недоумением. Кремль послал телеграмму своему послу в Каире Даниилу Солоду, чтобы убедиться в том, что он никогда и никому ничего не говорил о предполагаемом участии стран советского блока в строительстве плотины. Солод заверил свое начальство, что он ничего не говорил и что эти утверждения не соответствуют истине⁸⁰. В Москве, в министерстве иностранных дел, решили, что Насер пустил в ход эту информацию для того, чтобы заключить более выгодную сделку с Западом.

Запад, со своей стороны, не допускал мысли, что Насер мог его обмануть. Опасаясь, что речь идет о конкуренции с Москвой за проект строительства, 1 декабря администрация Эйзенхауэра одобрила пакет предназначенной для него финансовой помощи. Предполагалось, что строительство будет длиться десять лет. Администрация решила поддержать предоставленный Всемирным банком заем в размере двухсот миллионов долларов, дополнительно выделив еще двести миллионов долларов от Соединенных Штатов и Великобритании (восемьдесят процентов этой суммы должен был выделить Вашингтон). Через две недели Соединенные Штаты обнародовали официальное коммюнике по визиту Эль-Каиссуни, в котором было объявлено, что США готовы поддержать проект строительства Асуанской плотины. Сев в самолет, направлявшийся из Лондона в Каир, Эль-Каиссуни подтвердил, что Запад инвестирует четыреста двадцать миллионов долларов в строительство верхней дамбы, общая стоимость которой составит девятьсот шестьдесят миллионов долларов. Маневр Насера, судя по всему, сработал.

Кульминацией политики Хрущева с его открытостью «третьему миру» в 1955 году стала пятидневная поездка, в сопровождении Николая Булганина, по трем странам Южной Азии в конце ноября – декабре. Хрущев предпринял ее не столько для того, чтобы получить информацию об этих странах, хотя он и хотел познакомиться и с ними, и с их населением, столько для того, чтобы улучшить там репутацию Советского Союза.

В Индии, Бирме и Афганистане Хрущев увидел страны с разными региональными и культурными потребностями, и в каждом случае он искал возможность завязать прочные отношения. Индия была важна для советской стратегии, нацеленной на усиление влияния Советов в развивающихся странах. Хрущев рассматривал Индию через призму идеологии, что побудило его сказать коллегам в Кремле, что положение в Индии, «как у Керенского»⁸¹. Он имел в виду, что Джавахарлал Неру был временным буржуазным лидером государства, держащего курс на социализм: эту же историческую роль в 1917 году в России сыграл Александр Керенский.

Хрущев был убежден, что Индия находится накануне революции, но не торопился увидеть конец эпохи Неру. Он был разочарован деятельностью Индийской коммунистической партии. Ближайшие союзники Москвы на субконтиненте были виновны в непримиримом сектантском отношении к правительству Неру, настаивая на свержении правительства, сформированного победившей на выборах партией, вместо того чтобы, воспользовавшись приверженностью Неру как индустриализации и народному образованию, так и его курсу на огосударствление собственности, заручиться поддержкой среди населения. Листая во время поездки журналы, издаваемые индийскими коммунистами, Хрущев нашел последних неинтересными и негибкими⁸².

Хрущев не хотел, чтобы местные коммунистические партии мешали улучшению отношений между Советским Союзом и этими странами. В частности, большие надежды он возлагал на установление очень прочных отношений с Индией. В середине декабря Хрущев решил, что перед возвращением в Москву ему с Булганиным стоит туда вернуться. Согласно первоначальному плану поездки предполагалось, что последним ее пунктом станет Афганистан. Однако Хрущев хотел произнести большую внешнеполитическую речь, чтобы показать индийцам, что он разделяет некоторые из их внешнеполитических приоритетов. И, что характерно для Хрущева, он сделал это, не обращая за помощью к штатным сотрудникам министерства иностранных дел или даже Центрального Комитета. Он считал, что Москва должна продолжать заявлять о своей поддержке притяза-

ний Индии на Кашмир. Кроме того, он хотел заявить, что Советский Союз одобряет возвращение Индии португальской колонии Гоа – одного из крошечных остатков Португальской империи, находящегося на Западном побережье Индии.

Индия была не единственным местом, где, как полагал Хрущев, Советский Союз мог бы получить политические выгоды. Когда бирманский лидер У Ну, посещавший Москву в том же году ранее, с похвалой отозвался о комфортабельности самолетов «Ил-14», которые русские предоставляли ему для перелетов, Хрущев решил подарить ему самолет, чтобы наглядно подтвердить свою приверженность улучшению отношений. При этом Хрущев и Булганин намеревались сделать еще больше для улучшения отношений с Мухаммедом Даудом, премьер-министром Афганистана.

В поездке два советских руководителя поддерживали связь с Президиумом по телеграфу. Во время переговоров с афганцами путешественники послали срочную телеграмму с требованием принять политическое решение по поводу продажи оружия этому государству. В 1955 году Афганистан был феодальной монархией без сколько-нибудь значительной коммунистической партии, не говоря о едином фронте прогрессивных сил. Мотивация, стоявшая за предложением, была стратегической. Хрущев хотел расширять свои связи в «третьем мире» и, кроме того, нуждался в дополнительном союзнике на советской границе. Афганистан подходил для обеих целей. Опыт недавних переговоров с Египтом оказался удачным и давал основания полагать, что и весь процесс может пройти гладко.

Однако в Москве Каганович и Молотов болезненно прореагировали на идею предоставления военной помощи правительству, которое было не просто некоммунистическим, но и традиционно монархическим, не претендовавшим на прогрессивные преобразования. «Это создает прецедент»⁸³, – сказал Каганович, опасаясь, что Советский Союз начнет засыпать просьбами о помощи.

Микоян, председательствовавший на заседании, вместе с Маленковым поддержал явное желание Хрущева осуществить сделку. Поддерживая эти правительства, ни тот, ни другой не ссылались на идеологию. Их мотивация была сугубо практической. «Нам надо стараться привлечь афганцев на нашу сторону», – сказал Маленков. А Микоян подчеркнул общую пользу поддержки развивающихся стран: «Мы должны предоставить помощь некоторым государствам, если хотим начать более серьезное соперничество с США. С точки зрения государственных интересов необходимо оказать помощь». Маленков и Микоян одержали победу, отстояв интересы Хрущева. В середине декабря советское правительство приняло решение предложить Афганистану пакет помощи в размере ста миллионов долла-

ров. По возвращении Хрущев позаботился о том, чтобы этот пакет включал и поставку вооружений⁸⁴.

Вернувшись в СССР 21 декабря, Хрущев мог похвастать своими многочисленными достижениями в «третьем мире». После февраля советское правительство заключило торговые соглашения с Индонезией, Индией, Бирмой, Афганистаном, Египтом и Сирией. При этом Египет, Сирия и Афганистан должны были получить как военную, так и экономическую помощь.

Год для Хрущева выдался удачным, и эти достижения в странах развивающегося мира сделали его особенно успешным. После января он оттеснил от реальной власти и Маленкова, и Молотова, и советская внешняя политика стала отражать его приоритеты. Москва восстановила хорошие отношения с Югославией, подписала мирный договор с Австрией и вступила на путь дипломатии с Федеративной Республикой Германией. Попытки Джона Фостера Даллеса навязать Советам не выгодные им уступки по германскому вопросу провалились, и инициатива в борьбе за разрядку и разоружение перешла к Москве. Однако в следующие месяцы Хрущев еще узнает, что ему не всегда будет удаваться манипулировать международной политикой так же легко, как это было в 1955 году. Оказалось, что инициатива может оставаться у него не всегда.

Глава 4 СУЭЦ

Предполагалось, что в дипломатической революции, начатой Хрущевым в 1955 году, кризисы или моменты международной напряженности, не помогут достижению целей, как на это рассчитывали в СССР. Летом 1956 года Гамаль Абдель Насер стал инициатором нескольких событий, втянувших Кремль в первый после Корейской войны международный кризис и ставших проверкой для новой внешней политики советского лидера. В конечном счете, из неожиданных событий на Ближнем Востоке Хрущев извлек другой, и более опасный, урок.

Идею национализации Суэцкого канала Насер и его египетские сторонники обсуждали уже несколько лет. Хотя канал полностью находился на египетской территории, им управляли европейские акционеры Всеобщей компании судоходства Суэцкого канала (Компании Суэцкого канала), арендовавшие его на девяносто девять лет (договор об аренде вступил в силу в 1869 году). Революционеры из египетской армии, называвшие себя свободными офицерами и свергшие в 1952 году короля Фарука, поклялись разорвать этот договор, символизировавший для них огромную колониальную цепь на шее Египта. Однако лишь 21 июля, после долгой и бессонной ночи, какой ее запомнил один из близких Насеру людей, египетский президент решил сделать 1956-й годом окончательного разрыва договора об аренде¹. В значительной степени это решение было реакцией на сделанное 19 июля правительством США заявление об отказе финансировать любимый проект Насера – строительство огромной верхней дамбы в Асуане. Это решение одновременно и удивило, и унизило Насера, надеявшегося заключить сделку с Вашингтоном.

В течение полугода Насер вел крупную игру с западными банками и министрами финансов, пытаясь обеспечить финансирование строительства дамбы. Его не устраивали предъявляемые Всемирным банком требования к финансовой отчетности и беспокоили другие ограничительные условия, которые могли навязать Соединенные Штаты и Соединенное Королевство, также принимав-

шее участие в переговорах о финансировании этого строительства. Одолеваемый сомнениями, Насер продолжал попытки договориться с Западом, надеясь заключить более выгодный для себя договор. Советы отказывались делать Египту серьезное предложение о помощи в строительстве дамбы, если Насер не согласится принимать восточногерманских и советских специалистов, а в 1956 году он считал эти условия еще более опасными, чем условия, выдвинутые Всемирным банком, Соединенными Штатами и Великобританией. В мае 1956 года, потеряв терпение, Насер решил признать Китайскую Народную Республику. Тем самым он надеялся усилить давление на Запад, вынудив его разработать такой план финансирования дамбы, который его бы устроил. Однако Насер просчитался и добился лишь того, что вызвал гнев представителей антикоммунистического блока в Конгрессе США, который должен был одобрять любой пакет помощи Египту. Не уверенная в мотивах Насера и не имевшая в Конгрессе поддержки, достаточной для участия в масштабном строительном проекте, который прославил бы режим Насера, администрация решила отступить².

Теперь Насер не только хотел нанести ответный удар Западу, совершив что-нибудь впечатляющее, но и вынужден был придумать способ пополнить государственную казну твердой валютой, чтобы можно было строить дамбу собственными силами. По соглашению с компанией, управлявшей каналом, Египет уже получал процент от суэцких пошлин. Национализация канала предоставила бы Египту все доходы от эксплуатации канала. И Насер решил объявить о национализации, что и произошло 26 июля.

«Запад молчать не будет, – записал в дневнике Насер, размышляя об опасностях своей инициативы. – Скорее всего нам придется столкнуться с военными угрозами, которые могут обернуться настоящей войной, если, используя наши ресурсы, мы не будем соблюдать осторожность»³. Главными акционерами канала были британское правительство и несколько состоятельных французских граждан. Национализация не только ставила под угрозу их права собственности, но и, скорее всего, была бы воспринята европейцами как угроза их стратегическим интересам. Из ста двадцати двух миллионов тонн груза, ежегодно перевозимых по каналу, более шестидесяти процентов составляла нефть. Через Суэц доставлялось две трети всей нефти, импортируемой Европой. Размышляя о вероятности войны, Насер предположил, что быстрый военный отпор первыми окажут скорее англичане, нежели французы. Канал был главной артерией, питавшей азиатские колонии Британии⁴.

Насер постарался ограничить круг людей, осведомленных о его плане до того, как он будет готов объявить о нем публично. Кроме лю-

дей из своего ближайшего окружения, Насер проинформировал и тех немногочисленных офицеров египетской армии, которым предстояло занять главное управление Компании Суэцкого канала в Порт-Саиде после того, как будет объявлено о национализации. Офицеры получили приказ слушать выступление Насера по радио и захватить здание в тот момент, когда он упомянет имя Фердинанда де Лессепса, французского прожектера, руководившего строительством канала.

Членам своего кабинета Насер сообщил о своем намерении лишь за несколько часов до выступления. Новости ошеломили министров, и некоторые из них из страха перед британскими и французскими репрессалиями сразу же попытались убедить его пересмотреть план⁵. Насер заверил их, что он уже просчитал риски и что британский премьер-министр Энтони Иден, ключевой игрок европейской стороны, слишком слаб волен, чтобы начать войну⁶.

После окончания совещания Насер произнес свою речь, которую передали по радио из Александрии; ее услышали миллионы египтян и обитателей арабского мира. Он говорил уверенно, не скрывая своего раздражения. Он перечислил все проявления неуважения, выпавшие на долю египетского народа в современную эпоху. Дойдя в своей речи до того момента, когда осуждению подверглись иностранные финансисты, особенно президент Всемирного банка Юджин Блэк, Насер произнес фразу-приказ: «Я взглянул на господина Блэка, сидящего на стуле, и в моем воображении он предстал в образе *Фердинанда де Лессепса*». В этот момент в трехстах милях от Александрии, в Порт-Саиде, египетские десантники заняли главное управление компании канала. В момент, когда это происходило, Насер сообщил своим слушателям о приказе, который только что отдал: «Сегодня, о граждане, Компания Суэцкого канала была национализирована»⁷. В попытке несколько смягчить горечь этого заявления для его западных слушателей, Насер пообещал выделить акционерам компенсацию⁸.

* * *

Узнав о национализации Суэцкого канала, Никита Хрущев был удивлен так же, как и арабские слушатели Насера. Египтяне ни о чем не предупреждали Москву заранее. Всего пять недель назад Насер принимал в Каире Дмитрия Шепилова, сменившего Молотова на посту советского министра иностранных дел. Хотя они и говорили о военных поставках и экономической помощи, но египетский президент ничем не дал понять, что в 1956 году он может бросить вызов западным державам. Ожидалось, что свой первый визит в Советский Союз Насер совершит в августе, и египтяне даже не упоминали о Суэце как о пункте предполагаемой повестки⁹.

Но в июне, во время визита Шепилова, Насер продолжал верить, что сможет договориться о финансировании Асуанской плотины с Соединенными Штатами, и еще не решил захватить канал. Но, поскольку официальное молчание Египта продолжалось и после того, как Насер свое решение изменил, Советы имели все основания полагать, что их умело обманывают. Утром, перед выступлением Насера, министр иностранных дел Египта Мохаммед Фавзи посетил советского посла в Каире, но ничего не сказал о Суэцком канале. Вместо этого он говорил о строительстве плотины и обратился со странной просьбой: чтобы Москва сделала вид, будто Советский Союз поможет Каиру за нее заплатить¹⁰. Через неделю после того, как Соединенные Штаты 19 июля заявили, что они не будут помогать Насеру в строительстве плотины, по Каиру поползли слухи, что к этому проекту, вместо США, собирается подключиться Москва¹¹. Эти слухи не соответствовали действительности: Москва по-прежнему относилась к проекту строительства Асуанской плотины с сомнением, и представители советского Министерства иностранных дел немедленно опровергли информацию о каких-либо сделках. Через Фавзи Насер попросил Кремль прекратить опровергать эти слухи. Хотя Фавзи не намекал ни на один из этих слухов, позже Советам стало ясно, что, пока Насер готовился захватить канал, ему было нужно использовать Москву как политическое прикрытие. Он не хотел, чтобы западные державы и египетский народ заподозрили, что национализация канала – это свидетельство его слабости, а не силы.

По каким бы причинам Насер ни держал Хрущева в неведении, его заявление захватило Советы врасплох. У Кремля не было готового плана, как поступать, если Египет захватит канал, и в Москве надеялись, что такой план не понадобится. Отношения с Насером Хрущев сделал основой своей стратегии создания альянсов в «третьем мире» и утверждения своего права на влияние на Ближнем Востоке. Но при этом он не собирался помогать Насеру в его планах установления в регионе египетской гегемонии. Чтобы ни на Западе, ни в Каире не создалось впечатления, будто такая помощь может быть оказана, Москва принялась рекомендовать египтянам соблюдать осторожность. Так что в июне одна из целей Шепилова состояла в том, чтобы уговорить Каир вести более осторожную внешнюю политику. Просьбы Египта о поставках самого современного советского вооружения, танков «Т-54» и реактивных истребителей «МиГ-19», наводили Москву на мысль, что у Каира могут быть агрессивные намерения в отношении Израиля. «Сейчас особенно важно, – советовал советский министр иностранных дел военному министру Насера маршалу Абдель Хакиму Амеру, – не позволить империалистам спровоцировать между арабами и израильтянами военный конфликт, ко-

торый империалисты надеются использовать, чтобы улучшить свое положение на Ближнем Востоке»¹². Решение Насера национализировать канал, как видим, было принято вопреки совету Москвы.

Это решение оказалось исключительно несвоевременным и для Кремля. В июле 1956 года Москве меньше всего были нужны дополнительные проблемы. В то лето Хрущев и его коллеги были поглощены событиями в Восточной Европе, за которые Хрущев ощущал определенную ответственность.

За пять месяцев до этих событий Хрущев в своей программной речи на XX съезде КПСС, обращенной почти к полутора тысячам коммунистических лидеров из пятидесяти шести стран, осудил преступления Сталина и объявил о начале очищения от сталинизма. «Сталин – преданный делу социализма, но все – варварскими способами»¹³, – заявил он перед съездом на заседании Президиума. «Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил».

Президиум спорил два месяца, пока не решил, что с этой речью можно выступить. Хрущев колебался, не зная, до какой степени ему следует критиковать Сталина «Мы должны тщательно продумать формулировки, – отмечал, вторя Хрущеву, его союзник Дмитрий Шепилов, выражая те же опасения, – чтобы не причинить вреда»¹⁴. Тогдашний советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов был против любых нападок на Сталина, но даже реформаторы из Президиума, в том числе и Хрущев, опасались, что антикоммунисты могут попытаться использовать эту критику, чтобы подорвать легитимность советского блока. Поэтому Хрущев надеялся, что с его речью ознакомят лишь партийных лидеров социалистического мира.

В мае отчасти благодаря администрации Эйзенхауэра, которая приобрела у израильской разведки копию текста выступления и передала его в «Нью-Йорк таймс», подлинная речь была опубликована в газетах всего мира и привела к повсеместной нестабильности в европейской империи Кремля. То, что началось как всеобъемлющая, сверху донизу, реформа в Советском Союзе, о которой объявил сам Хрущев, из-за сложившихся в Восточной Европе специфических условий превратилось в массовое движение за расширение политической свободы и демократию. Одним из факторов усиления этого движения усиливалась была некомпетентность руководства стран «советского блока», многие из которых были выбраны Сталиным, и их неспособность управлять процессом, который инициировал Хрущев. В первые недели после XX съезда КПСС сталинисты из государств – сателлитов Москвы в Восточной Европе тщетно пытались сохранить эти реформистские устремления в секрете.

Летом 1956 года ближе других к политическому взрыву подошла, судя по всему, Польша. Польский лидер Эдвард Охоб, который, характеризуя воздействие секретного доклада Хрущева, сравнивал его «с ударом по голове молотком», показал себя особенно неспособным справиться с новой политической ситуацией¹⁵. В конце июня польское правительство слишком жестко отреагировало на проходившую в Познани демонстрацию за «хлеб и свободу». Пятьдесят шесть рабочих погибли, и более трехсот были ранены в стычках с польскими военными.

Таким же нестабильным было положение и в Венгрии, где борьба за реформы шла в самой коммунистической партии. В июне члена Президиума ЦК КПСС Михаила Суслова отправили в Будапешт защищать партийное единство, однако это не ослабило политической напряженности, и тогда в июле туда выехал другой член Президиума, Анастас Микоян, с предписанием принудить венгров к полной смене руководства страны¹⁶.

* * *

Первое официальное сообщение от египетского лидера относительно новой ближневосточной проблемы Кремль получил утром после национализации¹⁷. Рассказывая Советам о сложившемся положении, египетский посол в Москве Мохаммед Эль-Коуни описал его как тревожное. «Сейчас против нас мобилизуются все [западные державы]»¹⁸, – объяснил он министру иностранных дел Шепилову. Каир предполагал, что война начнется с Израилем, хотя главным врагом Египта, как он ожидал, станет Великобритания. «Как только Израиль начнет операцию со своей стороны, – сказал посол, – Британия его поддержит». Эль-Коуни не уточнил, какой будет эта поддержка, но предположил, что Британия получит тайную помощь от Соединенных Штатов. Упомянув о роли Центрального разведывательного управления в свержении иранского националистического лидера Мохаммеда Мосаддыка в 1953 году, он предупредил, что «в прошлом США давали понять, что в Египте они могут совершить то же, что и в Иране».

Несмотря на эти опасения, Каир ограничился тем, что попросил у русских моральной поддержки. «Если вы [ее предоставите], – объяснил Эль-Коуни, – то этим вы поможете не только египетскому народу, но и другим арабским странам, которые тоже ждут эту поддержку». Шепилов, как и Хрущев, стремился к расширению связей с «третьим миром», он пообещал немедленно передать Кремлю предложения Эль-Коуни. И, хотя каких-либо официальных указаний на этот счет не поступало, Шепилов ощущал себя настолько уверенным,

что добавил: «...советское правительство сделает все необходимое, чтобы мероприятия, осуществленные египетским правительством по национализации Суэцкого канала, не привели к ненужным для него трудностям». Именно такой ответ и надеялся получить Насер.

Срочное сообщение от египетского правительства не произвело на Кремль заметного впечатления. Хрущев не стал созывать экстренное заседание Президиума для обсуждения египетских проблем, а советские вооруженные силы ни в юго-западных республиках Советского Союза, ни в Болгарии, ближайшем к Египту государстве-сателлите, не были приведены в боеготовность. В советской столице не было ощущения кризиса или неминуемого столкновения. Напротив, возобладало очень утешительное предположение, что западные державы хоть и неохотно, но все-таки согласятся с переменами в Суэце как с еще одним свидетельством деколонизации.

* * *

Британский премьер-министр Энтони Иден узнал о национализации Суэцкого канала поздно вечером 26 июля во время официального обеда, устроенного им для иракского короля Фейсала и премьер-министра Ирака Нури аль-Саида. Нури, который был таким же прозападным, как всякий арабский лидер в пятидесятых годах, сообщил многим собравшимся фактически то, что он сказал по секрету министру иностранных дел Великобритании Селвину Ллойд: «У вас теперь только один вариант действия – нанести удар, нанести удар прямо сейчас, жестокий удар... Если [Насера] оставить в покое, он уничтожит всех нас»¹⁹. Иден вряд ли нуждался в каких-либо наставлениях иракцев относительно того, как поступать с Насером. Он считал себя специалистом по Ближнему Востоку и давным-давно стал сторонником жесткого курса в англо-египетских отношениях. В глазах Идена Насер был «мусульманским Муссолини», тщеславным человеком, стремившимся к экспансии за счет британских интересов²⁰. В 1938 году Иден ушел в отставку, покинув правительство Чемберлена из-за разногласий по вопросу об умиротворении необузданного фашистского диктатора Италии Бенито Муссолини и не собиравшись умиротворять Насера, попустительствуя ему в вопросе о Суэцком канале.

Решимость Идена была результатом недавних горьких уроков. В последние годы Насер стал для британского премьер-министра чувствительной политической проблемой. В 1954 году, будучи министром иностранных дел в правительстве Черчилля, Иден пошел на риск и начал переговоры о выводе британских военных с их базы около канала – несмотря на возражения рядовых твердолобых импе-

риалистов его консервативного правительства. И с тех пор его противники из консервативной партии Великобритании критиковали каждый поступок Насера в качестве доказательства, что Иден его недооценил²¹. Как заключает Роберт Родс Джеймс, биограф Идена, эта политическая уязвимость привела его не к тому, чтобы добиваться одобрения традиционных империалистов, но к тому, чтобы расценивать поступки Насера как предательство его лично²². Советская оружейная сделка в сентябре 1955 года стала для Идена потрясением. Принятое через несколько месяцев в Иордании решение уволить британского командующего армии короля Хусейна – поступок, который связывали с вмешательством Насера в дела других арабских стран, – было воспринято как еще один удар по политике Идена на Ближнем Востоке. Национализация Суэцкого канала стала последней каплей.

Иден думал, что у него нет иного выбора, кроме как поступить с египетским лидером быстро и жестко. Насер «наступил нам на горло», заявил он на чрезвычайном заседании ближайших соратников, собравшихся после ухода иракцев и других приглашенных к обеду²³. Еще не сняв своего официального белого галстука, который полагалось надевать на официальные обеды, премьер-министр излучал уверенность и решительность. На это собрание, проходившее глубокой ночью, Иден пригласил и британских начальников штабов, и местных представителей его ближайших иностранных союзников, и французского посла, и американского поверенного в делах: он собирался посвятить их в свои планы. Иден надеялся, что французы в координированных действиях в ответ на вызов Насера примут участие и американцы.

Глава британского кабинета твердо решил добиться отмены национализации. Его ближайшей целью было перекрыть канал и лишить Египет всяких финансовых поступлений. Британских подданных, работавших на Компанию Суэцкого канала, попросят не выходить на работу, представители других стран, как он надеялся, заставят своих сограждан сделать то же самое. В конце концов Иден предположил, что главные пользователи канала, за исключением Советов и самих египтян, должны будут встретиться, чтобы обсудить, как на законных основаниях отнять канал у Насера. Иден, не церемонясь, говорил о том, что может повлечь за собой «отъем» канала. В присутствии французских и американских представителей он велел своим военачальникам как можно скорее подсчитать, какие военные силы потребуются, чтобы забрать канал обратно, и доложить, как можно осуществить операцию²⁴.

Воинственности Идена соответствовало и настроение в Париже, где французское правительство истолковало поступок Насера как

еще один удар по французскому престижу. После Второй мировой войны руководители Четвертой республики были свидетелями многочисленных несчастий: и потери Саара, провинции, оккупированной немцами и переданной Западной Германии в результате плебисцита; и перевооружения Германии; и поражения в Индокитае. А совсем недавно началась кровавая гражданская война в Алжире – североафриканской колонии Франции, которая была связана с Парижем так тесно, что стала полностью интегрированным *департаментом* страны. Хотя новый премьер-министр социалист Ги Молле и назвал борьбу в Алжире «идиотской войной, ни к чему не приводящей», он, как и все остальные представители французского политического класса в 1956 году, не собирался «удирать» из Северной Африки²⁵.

Ненависть к Насеру в большей степени объяснялась этой политической привязанностью к Алжиру, чем французскими финансовыми инвестициями в Суэцкий канал²⁶. Египтяне вооружали алжирских повстанцев и оказывали им решительную моральную поддержку. Многие французские политики и военные полагали, что путь к победе в Алжире пролегает через Каир. К тому же многие были убеждены, что Насер действует не один. Французы полагали, что за их поражением во Вьетнаме в 1954 году стоят происки Кремля, а теперь главным вдохновителем Насера они считали Хрущева. «По сути, это действительно идет во вред Франции, – заметил начальник французского генерального штаба генерал Поль Эли, – то, что советские усилия дестабилизировать западный мир достигли максимума»²⁷.

Как только в Париже узнали о собрании, которое Иден провел поздней ночью, французы сразу же принялись планировать совместную военную операцию. 27 июля правительство Молле приняло официальное решение применить в случае необходимости силу, чтобы отобрать у египтян контроль над каналом. И уже на следующий день в Лондон направился французский военный представитель адмирал Анри Номи. Ему было поручено сообщить, что Франция, безусловно, готова присоединиться к британцам с тем, чтобы как можно скорее начать военные действия против Египта²⁸. Немедленное нападение было неосуществимо. У британцев и французов на Ближнем Востоке было меньше одной воздушно-десантной дивизии, тогда как, по расчетам британцев, чтобы захватить и удержать канал, требовалось, как минимум, три дивизии²⁹. Чтобы атака была успешной, потребовалось бы передислоцировать вооруженные силы в восточное Средиземноморье. Для осуществления этой операции Франция предложила перебросить сюда часть своих военных из Алжира, хотя и понимала, что этого будет мало. По собственной инициативе Париж начал переговоры с израильтянами об усилении их огневой мощи, необходимой для нанесения удара³⁰.

У администрации Эйзенхауэра Насер не вызывал тех же эмоций, какие он вызывал по другую сторону Атлантического океана. Президент Эйзенхауэр и его государственный секретарь Фостер Даллес, два главных архитектора внешней политики США, не доверяли Насеру, но не видели в нем никакой угрозы. В отличие от французов или британцев проблему Насера американцы рассматривали почти исключительно через призму их противостояния с Советским Союзом. С апреля 1956 года Вашингтон принял ряд мер, самой впечатляющей из которых был отказ помогать строительству Асуанской плотины. Все это было сделано для того, чтобы излечить Насера от его мнимой привязанности к Хрущеву. «Главная цель, – писал Даллес, – дать полковнику Насеру понять, что он не может сотрудничать, как сейчас, с Советским Союзом, и в то же время пользоваться предоставленным США режимом наибольшего благоприятствования»³¹. Политика американской администрации состояла в том, чтобы дать Насеру второй или третий шанс, чтобы «избежать любого открытого разрыва, который неотвратимо вынудил бы Насера стать советским сателлитом, и нам бы хотелось оставить Насеру возможность восстановить хорошие отношения с Западом, если он того хочет»³².

Внезапная национализация Насером канала наводила на мысль, что египетский лидер, возможно, несправим, но ни Эйзенхауэр, ни Даллес не спешили принять решение. Команда юристов в государственном департаменте пришла к выводу, что Египет имел право экспроприировать канал, и президент согласился. «Неотъемлемое право любого суверенного государства отчуждать частную собственность на своей территории вряд ли можно поставить под сомнение, – позже вспоминал Эйзенхауэр, – при условии, что справедливая компенсация будет выплачена владельцам собственности, таким образом, экспроприированной»³³. Правда, Эйзенхауэр не знал, что Насер собирается делать с каналом теперь, завладев им: это было для Эйзенхауэра вопросом. Даст ли он гарантию, что канал и его порты останутся открытыми для всех торговых судов? В конце июля это было еще неясно. Также неясно Эйзенхауэру и Даллесу было и то, была ли национализация самоцелью или первым шагом, первым из нескольких ударов, задуманных Насером для подрыва позиции Запада на Ближнем Востоке или, может быть, для того, чтобы помочь Советам закрепиться в этом регионе. Ни Эйзенхауэр, ни Даллес не были готовы согласиться с мнением Франции, будто захват канала сродни ремилитаризации нацистской Германией Рейнской области в 1936 году, что, как выяснилось, было первым шагом на пути Гитлера к гегемонии. Но Эйзенхауэр пока не хотел делать окончательный выбор. Если у Насера не получится управлять каналом и он откажется

от его интернационализации, в таком случае Соединенным Штатам придется рассмотреть вариант военной операции³⁴.

А пока Эйзенхауэр полагал, что худшее, что могут сделать Соединенные Штаты, это необдуманно ввязаться в военные споры с Британией и Францией. Он был согласен с Даллесом, что решение должно исходить от гораздо более широкой группы государств, включать дипломатию, а любое решение о применении силы следовало отложить в ожидании дальнейшего развития событий на Ближнем Востоке. Обстоятельства внутренней политики усилили свойственную Эйзенхауэру осторожность. В Соединенных Штатах это был год президентских выборов (выборы были назначены на 6 ноября), и президент не ждал никаких возможных политических выгод от ближневосточной войны. На следующий день после национализации американская делегация отправилась в Лондон, чтобы посоветовать британцам отложить «на потом» вопрос о военном вмешательстве³⁵.

* * *

День 1 августа стал для Никиты Хрущева великим днем. Он был главным героем на церемонии открытия московского стадиона имени Ленина – крупнейшего в Европе и одного из самых больших в мире спортивного сооружения. Хрущев решил воспользоваться этим случаем, чтобы высказаться в поддержку Насера и Египта. После встречи Шепилова с египетским послом Москва оказала Египту ту словесную поддержку, о которой он просил³⁶. Чтобы дать понять, что советское правительство признает право Насера национализировать канал, воспользовались газетой «Правда», которая перепечатала текст речи Насера, произнесенной им 28 июля в Александрии. Однако ничто не указывало на то, что Москва считало проблему Суэца кризисом, требующим проведения широкой политической и дипломатической кампании. Никаких коммюнике из Москвы в Каир частным порядком не посылались, и Хрущев ничего не сказал публично.

Первоначальная реакция Москвы не понравилась Насеру, ожидавшему от Советов большего. Ранее, 1 августа, египетский посол передал Хрущеву послание Насера, в котором тот обещал оставить канал открытым и обеспечить «свободное пользование» всем странам³⁷. Похоже, Каир опасался, что сдержанная реакция Советского Союза отражала скептическое отношение к готовности Насера отделить вопрос о судоходстве от политики. Нет свидетельств того, что Москва обсуждала эту проблему с Каиром, но Насер хотел быть уверенным, что у Хрущева нет сомнений на этот счет. Передавая послание, его представитель в Москве заверил русских, что Египет предпринимает все усилия, чтобы «не дать этим державам [Британии, Франции

и Соединенным Штатам] возможность или предлог вмешаться во внутренние дела Египта»³⁸.

Приветствуемый десятками тысяч советских граждан, Хрущев воспользовался случаем и вставил в свое выступление несколько замечаний о сложившемся в Суэце положении, чтобы успокоить Насера. «Национализация Суэцкого канала, – сказал Хрущев, – была... в компетенции суверенного правительства, каким является египетское правительство». Предостерегая французов и британцев от чересчур острой реакции, Хрущев добавил: «Необходимо подчеркнуть, что Египет взял на себя обязательство не нарушать свободное судоходство в Суэцком канале и заплатить компенсацию акционерам компании. Следовательно, – заключил он, – необходимо оценить этот поступок спокойно, трезво приняв в соображение новую ситуацию и дух времени»³⁹.

Хрущев поборол искушение порисоваться или угрожать. Вместо этого он публично напомнил британцам о своей успешной политике невмешательства в Индии, Бирме и, до недавних пор, в самом Египте. И, как если бы это не было достаточным свидетельством осторожности Москвы в текущей ситуации, Хрущев сказал, что Советский Союз не менее других заинтересован в том, как будет управлять каналом Египет. «Советский Союз, будучи непосредственно заинтересован в сохранении свободного судоходства в Суэцком канале и принимая во внимание заявление египетского правительства, что Суэцкий канал будет свободным для всех, приходит к выводу, что нет оснований для этого проявления нервозности и беспокойства по этому поводу»⁴⁰.

Не вполне понимая происходящее в западных столицах, Хрущев не разделял беспокойства своего египетского союзника и полагал, что этих слов будет достаточно. «У нас нет свидетельств того, – сказал египетскому послу сотрудник министерства иностранных дел в день выступления Хрущева, – что западные державы готовят военное вторжение»⁴¹. Советская разведка не выявила агрессивных выступлений ни в Париже, ни в Лондоне. Однако КГБ предоставил руководству Кремля любопытную возможность наблюдать за тем, как Соединенные Штаты реагируют на развитие ситуации на Ближнем Востоке. Самое позднее в апреле 1956 года Советы начали американское посольство в Москве прослушивающей аппаратурой так плотно, что Кремль мог копировать буквально каждое отправленное или полученное телеграфное сообщение⁴². Эти перехваченные конфиденциальные сообщения убедили Советы, что Соединенные Штаты не заняли по Суэцу конфронтационной позицию; Хрущев и кремлевское руководство в целом предполагало, что никакие западные военные действия против Египта не могут быть предприняты без участия США. Хрущев еще не знал, что этот богатый источник сверх-

секретной информации о политике США в отношении Советского Союза в конечном счете окажется бесполезным руководством по событиям на Ближнем Востоке.

Из деликатности Кремль лишь намекнул египтянам на источник своих конфиденциальных сведений. Каиру сказали, чтобы он не сбрасывал со счетов возможность, что Соединенные Штаты могут сыграть роль миротворца в споре Египта с западными европейцами. «Соединенные Штаты следуют несколько другой линии в Суэцком вопросе»⁴³, – объяснил советский сотрудник египетскому послу. Стараясь успокоить Египет, Москва полагала, что экономические соображения не дадут Вашингтону поддержать британский или французский экстремизм. «Нефтяные компании США понимают, – продолжал советский сотрудник, – что на Ближнем Востоке есть огромные запасы нефти, и что любые предпринятые против Египта крайние меры окажутся неудачными, учитывая непреклонность позиции арабов»⁴⁴.

* * *

Информация, поступившая из Лондона в конце июля после встречи американской делегации с британскими чиновниками, оказалась не такой, на которую надеялся Эйзенхауэр. Британское правительство, и особенно Иден, приняли решение «выгнать Насера из Египта»⁴⁵. Лондон стремился не только отменить национализацию; главной целью операции англичан было свержение Насера. Американцам сообщили, что британцы начали планировать вторжение в Египет, подготовка которого займет шесть недель. Чтобы придать нападению определенную легитимность, британцы планировали провести совещание главных западных пользователей канала, чтобы предъявить Насеру ультиматум, который, как ожидалось, он отклонит.

Новости из Лондона привели президента США в уныние. Эйзенхауэр предполагал, что египтян одолеть легко, но беспокоился о реакции арабского мира на британское нападение, если оно совершится до того, как будет предпринято сколько-нибудь серьезное усилие договориться с Насером. Он предвидел диверсии на нефтепроводах, террористические атаки против британских войск и нападения на другие западные объекты. «Британцы, – говорил Эйзенхауэр своим высокопоставленным советникам, – отстали от времени, если думают, что можно так действовать в нынешних обстоятельствах»⁴⁶.

Обеспокоенный тем, что его британские союзники явно недооценивают последствий войны, Эйзенхауэр послал своего государственного секретаря в Лондон для поиска дипломатического решения. Даллес, прибывший туда 1 августа, представил американское предло-

жение, состоявшее в том, чтобы начать процесс установления международного управления каналом. Вместо того чтобы проводить фиктивное собрание, следовало бы, как предлагал Вашингтон, уговорить представителей всех двадцати четырех стран, которые подписывали договор изначально, и государств, их преемников, подписать рассчитанный на семьдесят один год международный договор, регулирующий использование Суэцкого канала. В 1888 году основные великие державы – Россия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция и Германия – встретились в Константинополе (нынешнем Стамбуле), чтобы заключить соглашение, гарантирующее свободное использование этого стратегического водного пути. Британцы закрывали канал во время Второй мировой войны, но после войны главным нарушителем Константинопольской конвенции был Египет – из-за своего запрета израильским судам проходить по каналу.

Заверяя британцев, что Соединенные Штаты намереваются ослабить Насера и помешать национализации, Даллес заявил, что Соединенные Штаты не будут принимать никакого участия в планировании военных операций и даже не поддерживают военное решение⁴⁷. Кроме того, Даллес объяснил (а это было отражением его разногласий с Эйзенхауэром), что администрация согласна с тем, что конечная цель – это устранение Насера, но он полагал, что этого можно достичь дипломатическим путем, умело используя мировое общественное мнение. Французы и британцы согласились с предложением провести встречу. Даллес заверил их, что на этой встрече будет одобрен ряд резолюций, которые вынудят Насера передать управление каналом международному совету. Совет будет устанавливать пошлины, займется надлежащим содержанием канала и гарантирует открытый доступ всем странам. Египту будет обещан процент от пошлин, но его величина будет определена международным советом.

Несмотря на свой обычный жесткий подход к Кремлю, Даллес полагал, что на эту встречу следует пригласить и представителей Советского Союза, поскольку в свое время правительство России подписало Константинопольскую конвенцию; в противном случае встреча будет совершенно нелегитимна. Он заверил британцев и французов, что приглашение не предполагает реальных консультаций или сотрудничества. Встреча может быть организована, объяснил он, таким образом, чтобы «изолировать русских»⁴⁸. Представители великих держав поедут на встречу, уже зная, какие выгоды они могут из нее извлечь. У Советов же не будет выбора, как только согласиться или остаться в меньшинстве. Кроме того, Соединенные Штаты полагали, что следует пригласить и Египет.

2 августа Великобритания, Франция и Соединенные Штаты приняли совместное заявление с предложением провести встречу всех

стран – подписантов Константинопольской конвенции и других государств, существенно заинтересованных в торговом судоходстве, осуществляемом через канал. Встреча должна была начаться в Лондоне 16 августа.

Вашингтон настаивал на рассмотрении дипломатических вариантов, и Идену пришлось временно приостановить свои действия, что не помешало ему приказать составлявшим планы военным продолжать подготовку к нападению на Египет. Вначале британские военачальники планировали совершить нападение 15 сентября, после ультиматума, предъявленного 1 августа. Иден хотел, чтобы они поняли, что участники встречи в Лондоне собираются лишь изменить срок действия ультиматума. Премьер-министр по-прежнему ожидал, что военные действия начнутся в сентябре⁴⁹. Он полагал – и надеялся, – что Насер отклонит требования, которые будут выдвинуты участниками встречи.

* * *

Официальное приглашение на Лондонскую конференцию, которое Советы получили 3 августа, имело своим результатом то, что оно наконец-то привлекло внимание Кремля к положению на Ближнем Востоке. Кроме того, оно побудило Насера обратиться с первой серьезной просьбой к Кремлю после его речи о национализации. За несколько часов до заседания Президиума, на котором предполагалось обсудить, как ответить на приглашение, Насер через советское посольство в Каире велел передать, что, как он надеется, Советы откажутся приехать в Лондон. Египет не собирался участвовать ни в какой конференции, организованной, поддержанной или как-то иначе устроенной британцами, и надеялся, что его ближайший союзник, Советский Союз, поступит так же⁵⁰. Если и проводить международное обсуждение, то Насер предпочитал, чтобы оно проходило в ООН.

«Может, Насер и прав, – заявил Хрущев своим кремлевским коллегам на первом после 26 июля официальном обсуждении Суэцкого вопроса. – Кто выбирает участников?» И ответил на свой же вопрос: «Англия, Франция и США. Нам не следовало бы на нее ехать. Он прав»⁵¹. Он был согласен с Насером и в том, что лучшим местом для обсуждения национализации канала была бы Генеральная Ассамблея ООН. Хрущев хотел пересмотреть вопрос, расширить его – так, чтобы Египет больше не находился в центре внимания. Дискуссия должна вестись «не только о Суэцком канале, но и о других каналах и проливах».

Хрущев предположил, что Лондонскую конференцию можно спокойно бойкотировать, не подвергая опасности Египет. Поскольку вопрос не стал камнем преткновения и не приводил к столкновениям

сверхдержав, Хрущев был уверен, что его можно разрешить дипломатически, в ООН. Особенно его обнадеживали свидетельства того, что Соединенные Штаты, судя по всему, обуздывали устремления их союзников. А пока, полагал Хрущев, Советский Союз должен продемонстрировать сдержанность. На его столе уже лежали предложения по проведению новой серии ядерных испытаний. Он посоветовал своим коллегам в Кремле отложить эти испытания до тех пор, пока международная напряженность не пойдет на спад⁵². К тому же Хрущев хотел, чтобы Каир был особенно осторожен. Советский посол должен был посоветовать Насеру еще раз публично подтвердить нейтралитет Египта в «холодной войне» и отказаться денонсировать заключенное в 1954 году с Лондоном Суэцкое соглашение об использовании баз и портов, даже если оно предусматривало британское вторжение в зону канала в случае необходимости⁵³.

Однако в следующие два дня вера Москвы в эффективность политики сдержанности и невмешательства несколько поколебалась. Новости о том, что, похоже, идут британские и французские военные приготовления, вынудили Хрущева задуматься о том, что Советский Союз должен настаивать на дипломатических действиях. Британцы делали так много у всех на виду, что Кремль не нуждался в шпионах, чтобы убедиться, что худшие опасения Насера могут стать реальностью. Британские газеты сообщали о морских приготовлениях в Портсмуте. Три британских авианосца, корабли Ее Величества «Тесей», «Бастион» и «Океан», должны были отправиться в плавание в первую половину недели. В воскресенье, 5 августа, на «Тесее» должна была разместиться шестнадцатая независимая парашютно-десантная бригада Королевской армии⁵⁴. Британцы, судя по всему, усиливали также свою военную базу на Кипре. Приказ переместиться туда получили полк Сомерсетской легкой пехоты, Суффолкский полк и два других пехотных батальона. На Кипре к ним должны были присоединиться сорок второй диверсионно-десантный отряд королевской морской пехоты, лейб-гвардейцы и третий батальон грендерской гвардии. Военное министерство Англии лишь заявило, что это были «военные меры предосторожности»⁵⁵.

Насер стал вызывать тревогу и у Москвы. Посол Евгений Киселев уведомил Москву, что Насер грозит терроризировать Соединенные Штаты, если Эйзенхауэр не признает национализацию Суэцкого канала. «Я сказал американскому послу, – признался Насер Киселеву, – что весь канал заминирован, и все работники Суэцкого канала могут быть уничтожены за пять минут, если будет предпринято какое бы то ни было нападение на Египет»⁵⁶. Насер добавил, что он угрожал Соединенным Штатам диверсиями на всех нефтедобывающих скважинах на Ближнем Востоке, «а особенно в Кабуле, Бахрейне и

Адене»⁵⁷. И, как если бы было мало этих угроз, свидетельствовавших о балансировании Насера на грани войны – так он, по крайней мере, заявлял Советам, – египетский лидер упомянул, что он рассматривает вариант разрыва англо-египетского соглашения 1954 года, по которому британцы разоружили их военную базу в Суэце⁵⁸.

Вероятность войны, которую могли развязать или Британия, или Насер, внезапно повысилась, и Хрущев подумал, что у Москвы нет иного выбора, кроме как принять непосредственное участие в качестве посредника. Хотя 3 августа Хрущев велел передать Насеру, что Советский Союз не пошлет свою делегацию на Лондонскую конференцию, теперь он пришел к выводу, что Советы должны там присутствовать. 5 августа он созвал чрезвычайное заседание Президиума, чтобы обсудить вопрос об отправке делегации во главе с министром иностранных дел Шепиловым⁵⁹.

Хрущев взялся определять сам, как объяснить Насеру этот поворот на сто восемьдесят градусов. На заседании 5 августа он продиктовал основные тезисы письма, в котором излагались его доводы для Насера. Советская оценка политического положения «остается прежней», объяснял он, но, исходя из полученной новой информации, «мы посылаем наших представителей [в Лондон], чтобы сорвать их военные замыслы». Хрущев надеялся, что, приняв во внимание британскую военную активность, Насер тоже изменит свое мнение об отправке делегации в Лондон. «Может, вы захотите послать вашего министра иностранных дел. Но это решать вам»⁶⁰. Кроме того, Хрущев хотел повлиять на мнение о конференции премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. Авторитет Неру в развивающемся мире был очень высоким, и можно было ожидать, что в качестве лидера бывшей британской колонии он поддержит право Египта национализировать Суэцкий канал. Индийцев пригласили на конференцию, но они еще не решили, стоит ли им туда ехать⁶¹.

Остальные члены советского руководства с восторгом поддержали предложение Хрущева, однако между ними существовали разногласия относительно того, как готовиться к встрече в Лондоне. Хрущеву, как и Идену, проблема Насера представлялась внутривосточной. Многие в Кремле сомневались, что Насеру удастся справиться с этим кризисом, но Хрущев был склонен поддержать египетского лидера. Некоторые кремлевские руководители, да и сам Хрущев, полагали, что Насер проводит национализацию неправильно. Его риторика была слишком резкой, а действия казались опрометчивыми и плохо подготовленными. Насер обнародовал заявление, признающее право всех государств пользоваться каналом, но в Кремле знали, что политика Египта не допускать Израиль к пользованию каналом вызвала в международном сообществе подозрение, что вопрос о канале

не будет обособлен от египетской политики. Более того, даже если вопрос о канале удастся оградить от прихотей Каира, Насер, как подозревали некоторые кремлевские руководители, будет неспособен им управлять. Опыт обсуждения с египтянами проекта строительства Асуанской плотины оставил впечатление, что иногда устремления египтян превосходят их профессиональную компетентность. Зная об этих опасениях своих коллег, Хрущев понимал, что он должен добиваться своего осторожно, используя предстоящие дипломатические переговоры.

Через шесть дней Министерство иностранных дел подготовило и представило Кремлю первые проекты того, что может сказать на конференции Шепилов. Оно предложило, чтобы советский представитель сосредоточился на изложении трех тезисов: Египет имеет право национализировать канал; пользователи канала имеют право ожидать, что Египет будет соблюдать положения Константинопольского договора 1888 года о свободе судоходства по каналу; Лондон – это не то место, чтобы решать, как урегулировать эту проблему дипломатическими методами. Активно пользовались каналом сорок четыре страны, но три западные державы пригласили лишь двадцать четыре из них. За исключением Советского Союза, от участия в конференции был отстранен социалистический мир и некоторые главные нейтральные государства. Это было сделано для того, чтобы участники встречи гарантированно приняли резолюции, которые ослабят египетский контроль над каналом. Цель Москвы состояла в том, чтобы настоять на проведении второй, расширенной конференции, на которой западные державы были бы забаллотированы странами, более сочувствующими египетскому суверенитету.

9 и 11 августа кремлевское руководство собралось снова, чтобы обсудить предложения министерства иностранных дел. И тогда обнаружилось, что к Насеру в Кремле относятся по-разному⁶². В ноябре 1955 года Хрущев, прежде чем настаивать на увеличении поставок оружия Египту, признался своим коллегам, что продажа оружия Египта оказалась «рискованной»⁶³. Учитывая недавние события на Ближнем Востоке, его коллеги начали переоценивать выгоды, которые принесло это рискованное дело. Маленков, оставшийся в Президиуме, несмотря на его отстранение от власти в начале 1955 года, выразил опасения людей, полагавших, что Советскому Союзу не следовало бы связывать себя с Насером слишком тесными отношениями: «Мы никогда не будем пленниками политического энтузиазма Насера»⁶⁴. Он посетовал, что в предложенных заявлениях слишком много ссылок на права Египта. Услышав об этом, Хрущев попытался изменить направление обсуждения и увести его от Насера⁶⁵. Хрущев полагал, что западные державы склоняются к применению силы, потому что

недооценивают советские намерения в регионе. «Очевидно, – объяснял он коллегам, – что Запад думает следующее: мы [СССР] хотим лишить их прав по конвенции [1888 года], мы хотим проглотить Египет, чтобы захватить канал». Хрущев хотел отместить эти подозрения, продемонстрировав, что Советский Союз хочет найти средний путь между Египтом и западными державами. «Мы понимаем беспокойство англичан и французов, – сказал он, – мы не менее заинтересованы [в этом деле], чем англичане. Свобода судоходства – вот что необходимо». Министр обороны Жуков пришел на помощь Хрущеву, поддержал его в споре. Он согласился с тем, что за агрессивностью, которую в последние две недели демонстрировали британцы и французы, стоит неправильное понимание советских намерений. «Они подозревают, – сказал Жуков, – что мы хотим выиграть войну, не сражаясь в ней».

В следующие дни КГБ предоставил информацию, укрепившую решимость Москвы воспользоваться переговорами в Лондоне, чтобы убедить французов и англичан найти мирное решение их проблем. Из источника во французском министерстве обороны Кремль узнал о том, что Франция и Британия подписали договор о совместном военном наступлении в ближайшем будущем. Согласно этому договору французские и британские войска должны занять Суэцкий канал после Лондонской конференции. Источник объяснил, что Соединенные Штаты не станут пытаться остановить англо-французское нападение. Хотя источник говорил об укреплении британской и французской решимости применить силу против Насера, он не исключал возможности, что Франция будет рада, если сможет добиться своего шантажом и запугиванием⁶⁶.

Очевидное подтверждение, что Соединенные Штаты, может быть, и не сдерживали, как предполагал Хрущев, своих союзников, поступило из другого конфиденциального источника. Вечером 13 августа из КГБ сообщили о беседе посла США Чарльза Болена с израильским послом Йосефом Авидаром. Она состоялась в ленинградском аэропорту, пока послы ожидали своих рейсов. Болену, улетавшему в Лондон, чтобы там присоединиться к делегации из США, Авидар сказал, что он и его правительство крайне обеспокоены положением в зоне Суэцкого канала и его долгосрочными последствиями. Окруженный враждебными арабскими государствами, Израиль не сможет продержаться и год, если Насер закроет канал для всех судов, кроме советских военных кораблей и военных кораблей союзников Египта. Однако Советам поразило не открытое заявление Израиля о своем беспокойстве, но ответ Болена, перехваченный КГБ.

«Вопрос с каналом далеко не решен», – так, согласно донесению, сказал Авидару Болен. Затем американский посол объяснил, что

Израиль сможет помочь Западу, если, спровоцировав Насера, заставит его совершить ошибку. «Перед Израилем стоит задача, – объяснил Болен, – создать в ближайшем будущем, во время конференции, такую напряженность вдоль египетской границы, чтобы вынудить Насера проявить его агрессивные намерения в отношении Израиля». Это был предлог, в котором нуждался Запад, чтобы уничтожить египетского лидера. «Мое правительство готово к любой борьбе с Египтом», – ответил, как сообщили, Авидар. Эту информацию быстро передал в Москву осведомитель КГБ, который, как он утверждал, подслушал разговор. Утром 14 августа копии этой записи получили для прочтения и Хрущев, и Булганин, и Шепилов⁶⁷.

* * *

Хрущева не было в Москве, и он не ознакомился с отчетом КГБ о беседе Болена и Авидара. 13 августа он уехал на юг Украины, чтобы лично посетить Донецкий угольный бассейн (Донбасс). В 1956 году Донбасс производил тридцать процентов всего советского угля, но из-за политической нестабильности в Польше, главном источнике потребляемого в Советском Союзе угля, был вынужден теперь производить его больше. Польские реформаторы требовали пересмотра эксплуататорских советско-польских экономических отношений. В конце сороковых годов Советы вынудили поляков продавать им уголь за десять процентов от мировой цены. Уголь был главной статьей экспорта Польши, а поскольку его большая часть уходила в Советский Союз в виде дани, Польша не могла заработать торговлей столько иностранной валюты, чтобы покрыть стоимость закупаемого ею западного оборудования и продуктов питания. Когда Хрущев начал десталинизацию, это обнадежило поляков, заявивших о необходимости пересмотреть этот рудимент сталинской эпохи. Однако, как бы Хрущев ни сочувствовал устремлениям поляков, он знал и то, что советской энергетической промышленности придется нелегко в случае замены польского угля собственным.

Пока Хрущев был на Украине, остальные члены Президиума занимались пересмотром советской повестки для Лондонской конференции. Все они еще раз согласились с тем, что их не устраивают проекты положений, подготовленные министерством иностранных дел. Маленков подчеркнул, что еще слишком много говорится о потребностях Египта, но недостаточно аргументов, объясняющих советскую заинтересованность в мирном урегулировании ситуации. Маленков хотел пойти дальше и вернулся к идее, о которой упомянул на заседании Президиума 11 августа. Можно было попросить Насера дать обещание использовать на содержание канала некоторые из резервов

Компании Суэцкого канала, а не расходовать их все на Асуанскую плотину. На прежнем заседании Маленков не получил одобрения своих коллег. Не больше преуспел он и на этот раз.

В отсутствие сколько-нибудь серьезного консенсуса по поводу того, как привести участников Лондонской конференции к мирному урегулированию, Кремль на этот раз решил, что Шепилов не повезет с собой никаких официальных предложений для представления их участникам конференции. Вместо этого он получил указание выступать с такими заявлениями, которые подчеркивали бы и право Египта национализировать Суэцкий канал, и надежду Москвы, что египтяне захотят прислушаться к некоторым официальным международным советам относительно управления каналом. За общепринятыми выражениями скрывалось предложение пойти на компромисс и установить международное наблюдение за каналом без международного контроля над ним. Шепилову было поручено пойти на сотрудничество с западными державами, особенно с Соединенными Штатами, если это сможет предотвратить войну в египетской пустыне.

* * *

Пока Советы готовились к Лондонской конференции, Белый дом сомневался, стоит ли ему руководить урегулированием спора между его западноевропейскими союзниками и Египтом. Между позициями Эйзенхауэра и Даллеса выявились тонкие различия; хотя оба и стремились избежать войны за канал, они, тем не менее, расходились во взглядах на то, каким должно быть лучшее, в длительной перспективе, решение ближневосточной проблемы. Даллес все больше и больше убеждался в том, что Насера следует устранить от руководства, он считал, что нужно вынудить египетского лидера согласиться на международный контроль над каналом; это станет первым шагом к его смещению.

Однако Эйзенхауэр был недоволен жестким отношением французов и британцев к вопросу о международном контроле. Он был не готов отказываться от политики, оставлявшей Насеру возможность вновь обратиться к Западу. Лучше почти всякого любого из своих советников Эйзенхауэр мог поставить себя на место руководителя, с которым он имел дело. У него был свой собственный канал в Панаме, и он понимал, почему Насер не заинтересован позволять другим контролировать Суэц. В результате Эйзенхауэр согласился признать международный надзор над каналом, если уж Насер отказался признавать международный контроль.

На последней встрече, состоявшейся в Белом доме перед отъездом государственного секретаря в Лондон, президент выразил свои

сомнения относительно стратегии Даллеса. Подход «все или ничего», направленный на достижение международного контроля над каналом, не приведет к стабилизации положения в регионе, потому что Насер никогда не согласится на такого рода международный режим⁶⁸. Египет в конце концов имел право владеть каналом, а владение предполагало право на управление.

Несмотря на подобные соображения, Эйзенхауэр не смог обуздать Даллеса. В тот август у него было много забот. Республиканский национальный партийный съезд в Сан-Франциско должен был состояться всего через две недели. Ходило множество слухов, что он подумывал о замене Ричарда Никсона как своего кандидата на пост вице-президента. И хотя на самом деле Эйзенхауэр об этом не думал, это продолжало вызывать раздражение. Лучшим объяснением пассивной реакции президента было, возможно, его плохое самочувствие. Эйзенхауэр все еще приходил в себя после недавнего приступа илеита, болезненного кишечного расстройства. Кроме того, за год до этого перенес серьезный сердечный приступ и теперь уже был не так энергичен, как раньше.

* * *

Дмитрий Шепилов забавно отличался от своего молчаливого и непреклонного предшественника, Вячеслава Молотова. Этот советский министр иностранных дел часто улыбался и был, казалось, доволен собой. 15 августа Шепилов вылетел из Москвы в Лондон. «Он больше похож на спортсмена, чем на политика», – отмечало по его прибытии новостное агентство «Рейтер». Он был модно одет и, в отличие от других делегатов на конференции, не стал надевать фетровую шляпу или котелок. Однако он постоянно расчесывал свои густые черные волосы, время от времени падавшие ему на лицо⁶⁹.

Лондонская конференция открылась на следующий день в историческом Ланкастер-хаусе. Красиво обставленный и, по слухам, даже еще более обширный, чем Букингемский дворец, Ланкастер-хаус, бывшая резиденция герцога Йоркского, находился на живописной улице Пэлл-Мэлл, недалеко от официальной резиденции королевы-матери. Поведение Шепилова вскоре указало британским и другим западным союзникам на то, что от Молотова его отличал не только более элегантный вид, но и нечто большее. Прибыв в Лондон, Шепилов сделал заявление для прессы в аэропорту, в зале ожидания. Лаконичный и приветливый, он изложил принципы, на которых Москва добивалась мирного урегулирования. «В наше время международные споры могут быть урегулированы лишь через переговоры заинтересованных стран, которые руководствуются принципами

справедливости и духа времени». Этот «дух» Шепилов определил как «строгое соблюдение... полного равенства между государствами»⁷⁰. Иными словами, СССР не примет никакого предложенного решения, наносящего ущерб египетскому суверенитету.

Действия Шепилова в первые несколько дней свидетельствовали о том, что для него успех переговоров в Лондоне определяется двумя факторами. Во-первых, он хотел организовать международное давление, чтобы удержать британцев и французов от военных действий в Средиземном море. Именно это соображение вынудило Советский Союз принять участие в Лондонской конференции, и оно останется неизменным условием Шепилова. Другой признак успеха определить труднее. Конференция позволила Советскому Союзу показать себя защитником молодых националистических движений во всем мире. Не было лучшего способа продемонстрировать преданность СССР этим хрупким новым государствам, чем поддерживать действия, свидетельствующие об их самоопределении.

Кроме того, Шепилов разрушал советский шаблон способами, которые не всегда понимали в Москве. Он переписал проекты тезисов, посланных ему телеграммой его заместителем Василием Кузнецовым. Там, где Кузнецов писал «мы», Шепилов написал «я»⁷¹. То, что Москва считала досадным, западные министры иностранных дел считали блистательным. Шепилов не только держал себя по-другому, но и его слова, казалось, представляли советскую позицию более гибкой; такого на Западе раньше никогда не слышали. Министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд сказал государственному секретарю Даллесу, что Шепилов в частной беседе согласился, что «управление каналом нельзя доверять такому человеку, как Насер»⁷².

Если не считать его эксцентричности, Шепилов верно следовал линии Хрущева – не давать западным державам никакого повода прекратить конференцию и воспользоваться советскими действиями как предлогом для нападения на Египет. Через несколько часов после встречи с Ллойдом Шепилов продемонстрировал столь же искреннее желание найти общий язык с Даллесом. «Я не собираюсь обсуждать корректность или некорректность действий Египта или Великобритании и Франции... Важно признать, что такое положение существует». Советский министр иностранных дел восхвалял Вашингтон, разделявший желание Москвы ослабить напряженность и урегулировать конфликт мирными способами⁷³.

Шепилов дал понять, что у Советского Союза есть источники, общавшие о расхождении между американской и западноевропейской позициями. Заверив Даллеса, что, упоминая о разногласиях между атлантическими партнерами, он «не собирается вбивать клин»

между Соединенными Штатами и их союзниками, Шепилов добавил, что «если это мнение верно, то совместными усилиями США и СССР могли бы найти выход из этого кризиса»⁷⁴. Советский министр иностранных дел сказал, что он слышал, будто Соединенные Штаты уже распространили проект предложения по интернационализации египетской Компании Суэцкого канала, управлявшей каналом. Не отмечая эту идею полностью, Шепилов в духе поиска компромисса сказал, что «она показалась ему очень категоричной, и ее могут плохо воспринять в некоторых частях мира». Стараясь не обнадеживать Шепилова чересчур, Даллес, тем не менее, сказал, что разделяет советскую точку зрения: да, задача состоит в том, чтобы достичь соглашения, примиряющего права Египта как суверенной страны и интересы стран, для которых жизненно необходима свобода судоходства по каналу. Однако он отказался уступать по вопросу о международном управлении каналом. «Не может быть всеобщей веры в способность одного Египта, – сказал он своему советскому партнеру, – управлять работой канала»⁷⁵.

На состоявшейся позже встрече с британцами и французами Даллес заверил их, что Соединенные Штаты не отступают от своего обязательства использовать конференцию для ослабления Насера⁷⁶. Даллес ничего не ждал от предстоящих официальных заседаний. Лондон, Париж и Вашингтон уже решили, чем завершится конференция. Непосредственная задача состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону значительное большинство из двадцати двух стран, представленных на конференции. Даллес хотел добиться, чтобы против предложения США, Британии и Франции не выступил весь развивающийся мир. «До ее окончания, – телеграфировал он Эйзенхауэру, – будет проведен ряд закулисных переговоров, как это бывает в Чикаго и Сан-Франциско»⁷⁷.

Однако Советы действовали не по сценарию. Через день после официального начала конференции Шепилов встретился с Даллесом частным образом, чтобы дать ход компромиссному предложению. Вместо того чтобы принуждать Египет передавать управление каналом международному органу, Шепилов предложил правило «египетского управления с участием других стран»⁷⁸. Советский министр иностранных дел понимал всю неопределенность этого предложения, но хотел, чтобы Даллес рассмотрел альтернативы американо-британо-французской позиции. Советский участник переговоров согласился с американцами, что в прошлом Египет демонстрировал политическую незрелость. Москва хотела, чтобы Вашингтон знал: она надеется, что Египет разрешит Израилю пользоваться каналом. Шепилов посоветовал сделать формулировки Конвенции 1888 года более определенными, чтобы обеспечить доступ к каналу всем госу-

дарствам. Однако советская позиция заключалась в том, что Египту надо простить его прежние ошибки и относиться к нему как к суверенной стране, которая будет соблюдать новые условия договора⁷⁹.

О советском предложении в сверхсекретной телеграмме Эйзенхауэру Даллес упомянул особо. Однако государственный секретарь не был заинтересован сотрудничать с Советами для достижения приемлемого компромисса. Он полагал, что если принять предложение Шепилова, то это поможет сотрудничеству Советов с арабами и приведет к «определенному ослаблению позиций англичан и французов». Он сказал президенту: «Сомневаюсь, стоит ли принимать советское соглашение по такой цене»⁸⁰. Зная, что тогда Эйзенхауэр был больше заинтересован в дипломатии, чем он, Даллес добавил: «Я сделаю все возможное, чтобы заключить договор с Советами, не предав англичан и французов».

От происходившего в Лондоне Эйзенхауэр держался в стороне. Похоже, он не прочитал полного описания того, что на самом деле предложил Шепилов. Это было неудачей, потому что, по сути, советский представитель приводил те же аргументы в пользу видоизмененного международного участия, что и сам Эйзенхауэр – Даллесу. 18 и 19 августа президент посылал Даллесу записки, отговаривая его занимать позицию, которую Насер ни за что не примет⁸¹. «Я не вижу причин не согласиться на то, чтобы правление обладало полномочиями наблюдения, а не управления»⁸², – написал Эйзенхауэр. Он добавил, что, как он надеется, «результаты конференции не пострадают от непреклонности позиций двух сторон по этому конкретному пункту». Не упоминая о советском предложении, Эйзенхауэр говорил, что ему нравится идея создания международного органа, который, консультируя Насера, предоставил бы управление каналом египетской компании.

Эйзенхауэр не настаивал, чтобы эти положения были отражены в позиции США на конференции. Даллес убедил его, что Насер может согласиться на интернационализацию канала. Но даже если Насер отвергнет эту первую попытку достичь дипломатического урегулирования, для Соединенных Штатов важнее заручиться поддержкой их западных союзников.

Любопытно, что, когда американская позиция была представлена Даллесом в окончательном виде, официально Шепилов не предложил того компромисса, который он изложил государственному секретарю частным образом. Пассивность овладела и Кремлем. Хотя Хрущев пристально следил за работой конференции, в Москве его не было, а члены Президиума не считали необходимым встречаться для обсуждения каких-либо новых указаний для Шепилова.

К счастью для Москвы, индийская делегация самостоятельно решила, до окончания конференции, предложить нечто созвучное идеям Шепилова и Эйзенхауэра о международном наблюдении без управления. Предложение было находкой для советской стороны, хотя нет свидетельств, что за ним стояла именно Москва. Здесь страна «третьего мира» добилась того успеха, которого собирался добиться Кремль. Канал останется египетским и под египетским управлением.

Индийское предложение не оказало никакого влияния на исход конференции, который был predetermined англичанами, французами и американцами еще до прибытия остальных участников. Индия не обладала влиянием западных союзников для того, чтобы убедить сторонников интернационализации сколько-нибудь существенно отойти от своей позиции. 23 августа председатель конференции, министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд, поставил на голосование предложение пяти держав (Пакистан и Иран поддержали предложение трех держав, когда были сделаны некоторые косметические изменения) и Индии. Предложение пяти держав получило восемнадцать голосов. Советский Союз, Цейлон (Шри Ланка) и Индонезия поддержали Индию, проголосовав за предложение, выдвинутое Нью-Дели. Великобритания, Франция и Даллес получили то, что хотели. Хотя канал будет по-прежнему «принадлежать» Египту, египетское правительство должно будет делегировать международному органу право им управлять, и взамен Каир получит процент доходов от пошлин. Было принято решение, что в начале сентября в Каире делегация во главе с австралийским премьер-министром Робертом Мензисом представит Насеру предложение, выработанное конференцией.

* * *

Хрущев не был удовлетворен итогами Лондонской конференции. Только что вернувшийся домой после своей поездки в Донбасс и еще одной, в Сибирь, советский руководитель не имел сил, чтобы заняться суэцкой проблемой. Но он и знал о голосовании в Лондоне, о восемнадцати голосах против четырех, и о том, что большинство собиралось навязать Насеру интернационализацию канала. Хрущеву раздражало, что, поддавшись своим опасениям относительно эффективности управления каналом (а Советы их разделяли), Запад упразднил любую возможность добиться мирного урегулирования.

И он решил вмешаться в это дело лично. На обеде в румынском посольстве, устроенном в честь двенадцатой годовщины вступления советской армии в Бухарест, он отвел в сторону французского и британского послов, чтобы отчитать их за ошибочность мнения

большинства в Лондоне. Он подчеркнул, что консультативный орган решил бы проблему примирения международных опасений в отношении управления каналом с суверенными правами Египта. В первую очередь, он обвинял англичан в том, что они добивались того результата конференции, который, как они знали заранее, Насер отвергнет. Намекая на полученные им разведанные, указывавшие на возможность англо-французской атаки после того, как Насер отвергнет эти условия, Хрущев предостерег западных послов. Если вспыхнет война, «арабы не останутся одни»⁸³, – пообещал он.

Единственной правдоподобной военной угрозой, о которой, как полагал Хрущев, он мог заявить, было бы намерение послать советских «добровольцев», чтобы защищать Египет. В 1950 году миллионы китайских «добровольцев» вторглись в оккупированную союзниками Северную Корею, чтобы избавить полуостров от западного влияния. Хрущев заявил иностранным послам, что, если бы у него был сын призывного возраста, который мог пойти добровольцем на фронт, «я бы сказал ему: иди. “Я тебя одобряю”»⁸⁴.

Хрущев послал в Лондон новые указания усилить риторику, которую предстояло использовать Шепилову на его заключительной пресс-конференции на следующий день. «Перед отъездом, – сообщил он в телеграмме, подписанной и председателем Совета министров Николаем Булганиным, – дай этим империалистам в морду!»⁸⁵ Время советского миролюбия в отношении суэцкого вопроса закончилось. Похоже, западные державы, включая Соединенные Штаты, никогда и не стремились к мирному урегулированию.

На следующий день в битком набитом зале Шепилов произнес жесткую речь в присутствии ста семидесяти пяти журналистов. Он сказал, что его мнение о госсекретаре Даллесе изменилось к худшему. План пяти держав, который он назвал планом Даллеса, предусматривал «вопиющее нарушение суверенных прав Египта», проистекавшее из «неприемлемой колониалистской позиции»⁸⁶. Выражения были сильными, но далеко не отражали степени раздражения Хрущева ходом конференции.

Хрущев все еще сердился, когда Шепилов вернулся в Москву. «Едва я вошел к себе в квартиру и поставил свой чемодан, – вспоминал позже Шепилов, – как тут же позвонил [Хрущеву]». Советский руководитель ему сказал: «Приезжай сюда». Когда Шепилов приехал в Кремль и они оказались вместе, Хрущев спросил: «Послушай, а почему ты не выполнил указания, которые я послал тебе с Булганиным?» Шепилов ответил: «Мы уже выиграли битву, и тогда зачем портить отношения с ними [с Францией, Великобританией и Соединенными Штатами]?» Разгневавшись еще больше, Хрущев сказал: «Так, значит, ты теперь хочешь руководить международной политикой»⁸⁷.

Шельмование Шепилова продолжалось и на официальном заседании Президиума, проходившем чуть позже. Один за другим члены Президиума сурово критиковали его за недостаточную жесткость на заключительной пресс-конференции. «Этот волюнтаризм ошибочен и опасен»⁸⁸, – заявил Хрущев. «Нечего толковать; когда указание дано, ты должен знать, как действовать», – добавил член Президиума Михаил Первухин. Георгий Маленков даже раскритиковал Шепилова за то, что на одной из встреч с Даллесом он был с ним слишком дружелюбным.

Это было проявлением затаенного гнева, смешанного с ревностью. Шепилов произвел хорошее впечатление на Западе, и его нужно было поставить на место. Но главным катализатором было дипломатическое поражение, которое Москва потерпела на Лондонской конференции. Запад проигнорировал ее желания, и, несмотря на свои усилия, Москва получила голоса всего трех стран, наряду с собственным.

Однако конференция не стала для Москвы провалом. Впервые СССР был признан в качестве игрока на Ближнем Востоке, и его участие усилило советское влияние на египтян. Также впервые с начала полемики Насер обратился к Москве за советом по внешней политике. В конце августа египетский руководитель позвонил советскому послу, чтобы переговорить с ним без свидетелей. Зная, что делегация во главе с Мензисом должна была прибыть в Каир менее чем через две недели, Насер спросил «мнения и совета Д. Т. Шепилова о дальнейших шагах и тактике». Он добавил: «Все советские рекомендации будут восприняты позитивно»⁸⁹.

На состоявшемся через два дня заседании Президиума Хрущев и его коллеги одобрили перечень политических рекомендаций для Египта⁹⁰. Москва разделяла убеждение Каира, что, несмотря на западные угрозы, предложения Лондонской конференции должны быть отвергнуты. Чтобы ослабить аргумент Запада, будто Насер захватил канал в надежде причинить ущерб другим странам, Советы заявили, что он, наоборот, провозгласил базовые принципы, в соответствии с которыми следует управлять каналом. Они перечислили и сами принципы. Первый заключался в том, что египетскую Компанию Суэцкого канала «не следует наделять никакими политическими функциями». Второй – в том, что «в своей управленческой деятельности она не будет зависимой от любых [правительственных] экономических органов», а третий – в том, что она должна иметь «юридический статус, соответствующий египетским законам, и действовать на основе особой администрации, принимая во внимание ее унитарный независимый бюджет». Как дополнительно заявили Советы, Египет объявит, что Компания Суэцкого канала обеспечит свободный проход по каналу «на основе полного равенства для судов

под всеми флагами без какой-либо дискриминации». Иными словами, в обмен на международное признание национализации Египет должен будет признать право Израиля пользоваться каналом⁹¹.

Москву по-прежнему беспокоило надлежащее функционирование канала при египтянах. Она предложила, чтобы египетская компания пообещала нанимать иностранных специалистов – инженеров, лоцманов и других профессионалов. Кроме того, Египет должен будет заявить, что он поддержит создание международной консультативной комиссии по каналу, которой будет разрешено осуществлять международное сотрудничество по вопросам технической помощи и использования тарифов и их сбору перед выходом судов из канала. Хотя Москва хотела, чтобы компания канала существовала отдельно от этой международной консультативной комиссии, она посоветовала Насеру тщательно продумать, каким образом Египет и компания будут связаны с ООН. Москва полагала, что помимо заявления о своей готовности поступать в соответствии с этими принципами Египет должен организовать в Каире совещание пользующихся каналом стран «для обсуждения проекта новой конвенции, которая гарантировала бы свободу прохода через Суэцкий канал, а также вопрос о форме международного взаимодействия»⁹².

Пока делегация во главе с Мензисом вела переговоры с Насером, Кремль не хотел, чтобы у Запада появился какой-либо предлог для военной интервенции. С середины месяца Москва получала сообщения о британских и французских усилиях помешать управлению каналом. Британское и французское правительства попросили своих граждан, работающих на Компанию канала в качестве лоцманов, уйти с работы. По советским оценкам, из двухсот восьмидесяти человек, работавших лоцманами и проводивших суда через канал, лишь пятьдесят были египтянами. Франция, например, предлагала своим гражданам, покидавшим канал, выходное пособие на тридцать шесть месяцев, а также пенсию в соответствии с временем, которое они проработали на Компанию канала. Чтобы помочь Каиру держать канал открытым и тем самым устранить любые англо-французские доводы в пользу войны, 30 августа Кремль решил послать тридцать опытных лоцманов, которые бы заняли вакантные места, обеспечив работу канала. Кроме того, он посоветовал Насеру официально попросить прислать ему добровольцев из стран советского блока – Польши, Румынии, Болгарии и Югославии, а также из Индии, Греции и Финляндии⁹³.

Пытаясь устранить любые предлоги для западного нападения, Москва предоставила египтянам определенную военную поддержку. В первую неделю сентября, когда Насер встречался с делегацией Мензиса, Советы отправили для египетской армии корабли с грузом

оружия. Одновременно, с помощью КГБ, Москва послала военные справочники и учебные фильмы и, возможно, несколько военных советников, чтобы показать египетским военным, как использовать это оборудование⁹⁴.

* * *

Действия американцев на Лондонской конференции разочаровали Хрущева. Подписав декларацию восемнадцати, Соединенные Штаты эффективно поддержали план, рассчитанный на то, чтобы вызвать гарантированный отказ со стороны Египта. Если Вашингтон не готов остановить своих союзников, то Кремлю было необходимо знать, всерьез ли воспринимать гнев Западной Европы, а особенно решимость Великобритании вредить Насеру.

У Хрущева имелись некоторые основания надеяться, что Британия не решится участвовать в каких бы то ни было западных заговорах против Насера. С 1951 года в Москве жили два бывших члена британского истеблишмента – Гай Бёрджесс и Дональд Маклин. До своего бегства с родины в мае 1951 года Бёрджесс и Маклин действовали как «кроты» советской разведки, в том числе в министерстве иностранных дел Соединенного королевства. Работая теперь под псевдонимами «Д. А. Элиот» и «мистер Фрезер», два бывших шпиона служили высокопоставленными консультантами советского министерства иностранных дел по вопросам британской политики и политиков. Хрущев и Президиум регулярно получали отчеты о встречах, которые два самых известных в Москве британца проводили со своими старыми друзьями и британскими журналистами, приезжавшими в Москву повидаться с ними⁹⁵.

В середине августа в Москву, чтобы встретиться с Бёрджессом, приехал Том Дриберг – лидер депутатов британской Лейбористской партии и журналист. Несмотря на слухи в британской прессе, что Лондон может нанести удар по Насеру, Дриберг сказал Бёрджессу, что Иден слишком слаб, чтобы попытаться навязать свою волю Египту силой: «Это все блеф»⁹⁶. Напомнив Бёрджессу, что «британские журналисты бывают, как правило, хорошими барометрами официального принятия решений», Дриберг заверил его, что «сейчас Флит-стрит не ожидает войны на Ближнем Востоке». Хрущев был настолько впечатлен этим отчетом о встрече, что выразил желание лично встретиться с Дрибергом⁹⁷. Во время их встречи, состоявшейся 30 августа, британский политический активист повторил советскому руководителю то же самое⁹⁸. Складывалось впечатление, что, несмотря на шумиху и крики после национализации Суэцкого канала Насером, по крайней мере Британия ничего не сделает.

Сентябрьские события укрепили веру Москвы в то, что ближневосточный кризис можно предотвратить. Как и ожидалось, Насер отказался принимать предложения, которые ему привезла делегация Мензиса. Однако через день после ее отъезда из Каира Насер потребовал провести новую международную конференцию, уверяя мир, что Египет вполне готов договариваться, но не на условиях, предложенных на Лондонской конференции блоком из восемнадцати стран. Тем временем Фостер Даллес предложил объединению пользователей Суэцким каналом, включающему все страны, использующие канал, начать переговоры с Египтом. Франция и Великобритания официально поддержали план Даллеса и предложили провести вторую конференцию в Лондоне для одобрения объединения пользователей Суэцким каналом. С точки зрения Москвы то, что произошло потом, свидетельствовало об ослаблении британского стремления начать войну. Противники Идена в Палате общин начали большую публичную дискуссию по всей суэцкой политике, критикуя его за чересчур воинственный настрой. 22 сентября премьер-министр удивил мир, потребовав от Совета Безопасности ООН провести обсуждение суэцкого вопроса. Советы и египтяне призывали к этому с июля, и теперь, явно под политическим давлением, с такой рекомендацией выступили и британцы. Дата начала переговоров была назначена на 5 октября.

Эти обнадеживающие события в Лондоне привели к пересмотру политики в Москве. И к министерству иностранных дел, и к сообществу советской разведки обратились с просьбой скорректировать оценки того, где мог произойти кризис.

Советское разведывательное сообщество ответило рядом очень тревожных сообщений. 20 сентября КГБ представил отчет о мерах, которые Франция и Британия примут в случае начала боевых действий с Египтом⁹⁹. Через несколько дней КГБ узнал о западном плане убить Насера, который Кремль воспринял настолько серьезно, что два офицера КГБ вылетели в Каир, чтобы помочь в обеспечении безопасности Насера¹⁰⁰. Источник КГБ неизвестен, но предостережение было основано на фактах. Иден дал понять своим главным советникам – а возможно, косвенно и советской разведке, – что он поддержал бы попытку убийства, если бы оно могло избавить его от проблем с Насером. «Я хочу, чтобы Насера убили, неужели вы не понимаете?» – сказал Иден по открытой телефонной линии высокопоставленному сотруднику министерства иностранных дел Соединенного королевства¹⁰¹. В начале октября представители Секретной разведывательной службы, организации внешней разведки Британии, прилетели в Вашингтон, чтобы обсудить с ЦРУ, каким образом американ-

цы могут им помочь в свержении Насера. Однако ЦРУ отказалось от всякого участия в покушении на убийство¹⁰².

Тем временем советская служба военной разведки, ГРУ, сообщила о существенном усилении западного военного присутствия в восточной части Средиземного моря. Советские военные, не сбрасывавшие со счетов возможности, что Соединенные Штаты могут в конечном счете содействовать англо-французскому нападению на Египет, учитывали и Шестой флот ВМС США, включая его в расчет численности западных войск. Однако начиная с августа наиболее крупные вооруженные силы в регионе развернули, по наблюдениям, англичане и французы. После 26 июля англичане увеличили численность своих военных в регионе с двадцати семи до сорока пяти тысяч человек, а французы, у которых там прежде вообще не было военных, располагали шестью тысячами солдат. Теперь район патрулировали три британских авианосца, хотя раньше в этой части Средиземного моря на дежурстве находился только один. В равной степени заслуживало внимания и значительное увеличение возможностей англичан осуществлять воздушные и морские перевозки. ГРУ обнаружило восемь дополнительных британских транспортных самолетов, а количество британских транспортных кораблей увеличилось более чем втрое. Большая часть этих военных мощностей была продемонстрирована на больших учениях под названием «Септекс-2», проводившихся 13 и 14 сентября для обучения вторжению с моря и с воздуха. Кроме того, Советы обнаружили, что в рамках стратегии, призванной измотать египтян психологически, англичане усилили воздушное движение своих бомбардировщиков между базами в Великобритании и островом Мальта¹⁰³.

Дипломатических специалистов Хрущева сложившаяся ситуация тревожила меньше, чем сотрудников советских разведслужб. Картина возможных сценариев, представленная политическими аналитиками советского министерства иностранных дел, была неоднородной. На основе четкого анализа британской политической сцены, какой она была в конце сентября, Кремль получил информацию, что в правительстве Идена усиливаются разногласия, и оно находится в состоянии кризиса¹⁰⁴. В советском докладе отмечалось, что к числу противников военных действий относились министр иностранных дел Ллойд и политический соперник Идена «Рэб» Батлер. В парламенте тори противостояли лейбористской партии, единогласно выступавшей против военных действий. Правда, и в самой партии существовал раскол относительно того, следует ли интернационализировать Суэцкий канал. В советском министерстве иностранных дел понимали, что Иден вынужден предпринимать решительные действия, но не отметили возможности, что противодействие может

стать слишком сильным. Свидетельством этого было то, что еще три месяца назад британские военные корабли, покинув порт, взяли курс на Средиземное море, но никаких атак не последовало. Создавалось впечатление, что Лондон не станет действовать без той или иной санкции ООН.

Однако аналогичное советское исследование французского политического руководства оказалось гораздо менее оптимистичным. В Париже все еще существовало замечательное единство сторонников жесткой политики в отношении Насера¹⁰⁵. Советские аналитики выявили три причины решимости французов: ярость французских акционеров всего партийного спектра, потерявших свои инвестиции после национализации Компании Суэцкого канала; роль евреев во французской общественной жизни во всех партиях, но особенно – в правящей социалистической, и, наконец, ощущение, что, если Насер победит в Суэце, маленькие «насеры» воодушевятся в Алжире, Тунисе и Марокко. Используя аналогию Гитлера, французская политическая элита проводила параллели между национализацией Суэцкого канала и нацистской ремилитаризацией Рейнской области в 1936 году. Насера следовало остановить прямо сейчас, пока положение не ухудшилось.

Кремль так и не пришел к заключению, чего именно французы, а особенно англичане, собирались добиться от обсуждений в Совете Безопасности, которые начались 5 октября. Министр иностранных дел Шепилов, возглавлявший советскую делегацию, выступил в ООН с предупреждением, что французы и англичане, может быть, просто ищут повод к войне. Он предположил, что европейцы уже готовы сказать своим согражданам: «Вы понуждали нас обратиться в ООН. Мы это сделали, но, как вы видите, он бессилён. Он ничего не может сделать. Необходимо предпринять другие шаги. Египет виновен. Распни его!»¹⁰⁶

Насер не сомневался в зловещих намерениях Лондона и Парижа в Нью-Йорке. Предвидя, что переговоры завершатся провалом, он в первые дни октября пытался перестраховаться. Свои ставки между Москвой и Вашингтоном Насер перераспределил так, чтобы защитить Египет был готов хотя бы один из них. 7 октября через руководителя КГБ в Каире Насер спросил Хрущева, «сможет ли египетское правительство, в случае нападения на Египет, рассчитывать на то, что Советы отправят добровольцев и пошлют подводные лодки»¹⁰⁷. Одновременно двум своим главным помощникам, Али Сабри и Мухаммеду Хайкалу, он велел встретиться с Кермитом Рузвельтом из ЦРУ, которого считали надежным тайным каналом связи с администрацией Эйзенхауэра.

Представителю ЦРУ Сабри и Хайкал сообщили, что помощь США Насеру нужна для того, чтобы отразить как британское военное вторжение, так и последующее советское проникновение в его страну. Каир скептически относился к британской дипломатии, предполагая, что маневрирование Лондона в Совете Безопасности имело целью создать предлог для войны. Члены консервативной партии Идена хотели показать Лейбористской партии, что для дипломатического урегулирования они сделали все возможное. А тем временем Каир ссылаясь на то, что Москва жаждет сыграть роль спасителя Египта. Насер хотел, чтобы американцы посоветовали своим британским друзьям не вносить на рассмотрение Совета безопасности враждебную резолюцию. Результатом было бы советское вето, что сделало бы Египет еще большим должником советской дипломатии. Сабри объяснил, что экономические затруднения уже вынудили Насера сблизиться с Советским Союзом гораздо теснее, чем он надеялся. «Он больше не в состоянии, – объяснил египетский представитель, – придерживаться своей политики ограничения египетской торговли с коммунистами тридцатью процентами торговли по каждому отдельному товару».

Если администрация Эйзенхауэра пришла к выводу, что она не сможет сделать ничего полезного в коридорах ООН, то египтяне надеялись, что Вашингтон хотя бы захочет согласиться с прогнозами ЦРУ относительно британских намерений на Ближнем Востоке. При всей своей обеспокоенности тем, какие шаги может предпринять Иден, Насер не обладал достоверной информацией, чтобы предсказать, как будет развиваться кризис. Он полагал (и, как выяснилось, ошибочно), что Соединенные Штаты должны лучше, чем он, знать, что замышляет их британский союзник¹⁰⁸.

События, происходившие в ООН в следующие несколько дней, привели обе сверхдержавы к убеждению, что они могут игнорировать обеспокоенность Насера¹⁰⁹. 12 октября министры иностранных дел Египта, Франции и Великобритании пришли к предварительному соглашению о шести принципах, на которых должно строиться осуществляемое Египтом управление каналом. Видимо, не получив никаких заверений от Москвы или Вашингтона, Насер велел своему министру иностранных дел, Мохаммеду Фавзи, согласиться на предъявленное Египту требование французов и англичан «изолировать» канал от политики. Но это было именно то обязательство, взять которое Москва побуждала египетское правительство с августа. Насер не разрешил Фавзи отвечать на вопрос, запретят ли опять Израилю пользоваться каналом. Однако признание Египтом общего правила аполитичного использования канала удовлетворило французских и британских переговорщиков. Кроме того, Египет согла-

силса признавать объединение пользователей до тех пор, пока разногласия между ним и администрацией канала могут разрешаться посредством арбитража. Хотя Египет намеревался собирать пошлины сам, Фавзи пообещал, что Каир примет соглашение, по которому часть пошлин будет направлена на работы по модернизации канала. Египтяне проявили такую гибкость, что в какой-то момент Шепилов, которого не допускали к египетско-французско-британским дискуссиям, телеграфировал своему руководству, что, как он опасается, из страха перед военной агрессией Каир делает, похоже, слишком много уступок¹¹⁰.

Когда в ООН было достигнуто соглашение на основе на шести принципов, Вашингтон и Москва предположили, что война на Ближнем Востоке гораздо менее вероятна. 12 октября, во время показанной по телевидению встречи с группой простых американцев, которая была организована в рамках кампании за избрание Эйзенхауэра и Никсона, Эйзенхауэр выразил свой оптимизм, заявив, что войну в Египте можно предотвратить. Он сказал: «Прогресс в урегулировании Суэцкого спора, достигнутый сегодня днем в ООН, более чем обнадеживающий. Египет, Британия и Франция встретились, в лице министров иностранных дел, и согласились договариваться по ряду принципов. Создается впечатление, что нас миновал очень большой кризис. Я не хочу сказать, что нам уже совершенно ничего не угрожает, но прямо перед тем, как прийти сюда сегодня ночью, я переговорил с государственным секретарем. И я могу сказать вам, что и в его сердце, и, по крайней мере, в моем звучит очень горячая благодарственная молитва»¹¹¹.

И у Эйзенхауэра, и у Хрущева были свои большие проблемы, мешавшие им полностью посвятить внимание событиям на Ближнем Востоке. 6 ноября американцы должны были пойти на выборы, чтобы или переизбрать Эйзенхауэра, или выбрать бросившего ему вызов соперника от демократов Эдлая Стивенсона. Хрущеву предстояло решить сразу несколько проблем. Ситуация в Польше и Венгрии обострялась с середины лета, и Кремль думал преимущественно о том, как предотвратить крах власти в коммунистических государствах. Это был необычный момент в «холодной войне». Ни одна из сверхдержав не хотела кризиса. И Эйзенхауэр, и Хрущев надеялись (каждый – по своим причинам), что западные европейцы найдут способ разрешить свои разногласия с Насером мирным путем.

Глава 5 ДВОЙНОЙ КРИЗИС

Хрущев нуждался в явном спокойствии на Ближнем Востоке. Возникшая в начале октября 1956 года настоятельная необходимость принимать решения по Восточной Европе оставляла ему очень мало времени или энергии, чтобы посвящать их Насеру и его проблемам. Но это не свидетельствовало об изменении восторженного отношения Хрущева к египетскому лидеру. Он по-прежнему был очень горд тем, что менее чем за год СССР стал фактором влияния на Ближнем Востоке, завязав прочные отношения с ведущим арабским националистом. Однако в Восточной Европе на карту были поставлены жизненно важные интересы СССР, и неуклонно ухудшающееся положение требовало немедленных действий Кремля.

В начале октября Польская коммунистическая партия восстановила в своих рядах Владислава Гомулку, популярного реформатора, которого посадили в тюрьму польские сталинисты. Гомулку считали человеком антисоветской направленности, и его возвращение свидетельствовало о резком ослаблении власти польского коммунистического руководителя Эдварда Охаба. Эти события вынудили Москву, снова обеспокоившейся будущим советско-польских отношений, перестать откладывать рассмотрение некоторых из настоятельных требований Варшавы. Москва до сих пор платила лишь одну десятую от мировой цены за польский уголь, главный экспортный продукт страны. Поляки отчаянно нуждались в больших объемах иностранной валюты для покупки западного оборудования и продуктов питания.

Причины советского промедления были чисто экономическими. Если Советский Союз перестанет покупать польский уголь со скидкой, то ему придется или платить за используемый уголь больше, или пытаться пополнять свои запасы, опираясь на внутреннее производство. Летняя поездка Хрущева по угледобывающему региону Донбасса оказалась обескураживающей. «Положение ужасное», – сообщил он своим коллегам, вернувшись в Кремль в конце августа¹. Несмотря на положение в Донбассе, который, чтобы стать эффективным, нуждался в дорогостоящих усовершенствованиях, после воз-

вращения Гомулки, занявшего видное положение в Варшаве, Хрущев полагал, что сможет дать полякам то, чего они хотели. 4 октября Президиум одобрил повышение цены, которую Советский Союз будет платить за польский уголь².

Кремль понимал, что для сохранения контроля над страной Охаб нуждается не только в уступке по уголю. В Польше усиливалось политическое давление сил, требовавших уменьшить ее зависимость от России. В сентябре Охаб потребовал, чтобы Советы вывели из польского Министерства внутренних дел своих советников, действовавших по линии КГБ. Кремль согласился на это требование в тот же день, когда дал понять о своей готовности согласиться с повышением цены на уголь³.

Тем временем положение в Венгрии, судя по всему, стало, пожалуй, еще хуже, чем в Польше. Как и в Польше, венгерские руководители обнаружили, что не могут проводить реформы так быстро, как этого требовала уличная интеллигенция. Москва пыталась спасти положение, добившись в июле смещения с должности партийного босса Матяша Ракоши, сторонника жесткой линии. Однако преемником Ракоши стал бесхребетный Эрнё Герё – настолько неуверенный в себе, что половину своего краткого срока пребывания во власти провел за пределами Венгрии, совещаясь с Тито в Югославии, Мао Цзэдуном в Пекине и Хрущевым в Крыму.

Герё недооценивал степень недовольства венгров коммунистической партией. В результате шаги, предпринятые им для смягчения ситуации, привели, наоборот, к ускорению политических перемен. В отчаянной попытке приобрести определенную легитимность в кругу завсегдатаев кофеен Герё разрешил перезахоронить в Будапеште останки Ласло Райка. Райк был одним из первых венгерских коммунистов, казненных в 1949 году на волне чисток и судебных процессов, захлестнувших Восточную Европу сразу же после войны. В напряженной атмосфере 1956 года Райк стал популярным символом несправедливости сталинистского режима Венгрии. Его посмертное возвращение, состоявшееся 6 октября, вызвало самую массовую в Восточной Европе политическую демонстрацию в тех пор, как там установили свою железную власть Советы.

Вид тысяч венгров, в красноречивом молчании шествовавших по улицам Будапешта, травмировал Герё. «Положение в стране значительно сложнее и острее, чем я себе представлял», – признался он советскому послу Юрию Андропову. «Перезахоронение останков Райка, – сказал он, – нанесло огромный удар по партийному руководству, авторитет которого, надо сказать сразу, был совсем не высок»⁴. Летом Герё, характеризуя проблему, говорил, что ограничивается венгерской интеллигенцией. Однако теперь враждебное отношение

к власти затронуло значительную часть рабочих и крестьян страны. Вскоре после демонстрации в память Райка в Венгерской коммунистической партии был восстановлен популярный Имре Надь, венгерский Гомулка. И теперь Хрущев столкнулся с серьезной, требующей решения проблемой в двух из его восточноевропейских государств-сателлитов.

* * *

Когда листья меняли свой цвет на деревьях Вашингтона, администрация Эйзенхауэра следила за событиями в Восточной Европе с интересом, но не делала серьезной попытки помочь демократическим силам ни в Польше, ни в Венгрии. Эйзенхауэр надеялся избежать каких бы то ни было внешнеполитических вызовов до ноябрьских выборов, но, если уж и могли возникнуть проблемы, то он ожидал, что они возникнут по поводу Суэцкого канала, а не будущего Польши или Венгрии.

В начале октября Белый дом получил несколько тревожных сообщений с Ближнего Востока, свидетельствовавших о том, что положение там по-прежнему нестабильно. В начале октября американский самолет-разведчик «U-2» обнаружил, что Израиль недавно приобрел от пятидесяти до шестидесяти реактивных истребителей «Мистэр IV–А» французского производства. В соответствии с Трехсторонней декларацией 1950 года, регулирующей действия трех западных великих держав на Ближнем Востоке, Франция была обязана информировать Соединенные Штаты и Великобританию о любых продажах оружия как арабским государствам, так и Израилю. Франция признала, что она продала Израилю свои первоклассные истребители, но не шестьдесят, а двадцать четыре⁵. Как минимум, один из союзников Америки в НАТО не говорил правду о своей военной активности в регионе.

Несмотря на это подозрительное наращивание сил в Израиле, в американской администрации полагали, что на самом деле напряженность в регионе пошла на спад. Британцы и французы вели переговоры в ООН, судя по всему, добросовестно, и не было выявлено никаких следов советского, египетского или израильского аномального поведения. 10 октября ЦРУ сообщало президенту Эйзенхауэру, что «умышленное начало полномасштабных арабо-израильских военных действий в ближайшем будущем маловероятно». Более определенно две недели спустя, 24 октября, о «снижении опасности военных действий по поводу Суэцкого канала» говорил наблюдательный комитет, созданный в составе разведывательного сообщества США, чтобы предупреждать администрацию об изменениях на Ближнем Востоке⁶.

Творцам американской политики было мало пользы от специалистов разведки США, когда предстояло выведывать планы союзников в отношении Суэца. Самые важные решения французов и британцев теперь принимались на секретных собраниях за закрытыми дверями; американцев на них не приглашали, и там у них не было никаких тайных агентов.

Еще перед началом обсуждения Суэцкого вопроса на Совете Безопасности французы вернулись на тропу войны с Египтом, с которой они сошли во время Лондонской конференции. Не довольный темпом развития событий в регионе и не уверенный, можно ли доверить военные действия правительству Идена, Ги Молле в конце сентября обратился к израильтянам. Для свержения Насера он предложил разработать план нападения с двух сторон. 30 сентября высокопоставленная израильская делегация во главе с министром иностранных дел Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном прибыла в Париж для консультации со своими французскими партнерами. Израильтяне были готовы, при помощи французов, напасть на Египет, если французы смогут дать гарантию, что Лондон не придет на помощь Иордании в том случае, если военные действия пройдут и вдоль иорданско-израильской границы. Французы, в свою очередь, отказались от участия в одновременном нападении на Египет, но пообещали вооруженным силам Израиля дополнительные танки и вездеходы. Обе стороны договорились, что свое наступление Израиль начнет 20 октября⁷.

Гарантия поддержки Великобритании оставалась для французов предварительным условием введения в дело их любых боевых сил. Разногласия о продолжении военных действий, усилившиеся в британском правительстве в начале октября, стали самыми острыми с тех пор, как Насер национализировал Суэцкий канал. Создавалось впечатление, что затяжная дипломатия лета и осени привела к ослаблению официальной поддержки нападения на Египет. Теперь против применения силы для решения вопроса о канале выступили два видных члена кабинета министров. Министр иностранных дел Селвин Ллойд, которого никогда не устраивало военное решение, теперь усмотрел реальную надежду в переговорах в ООН. В середине октября он, по его мнению, достиг соглашения со своим египетским коллегой по совокупности тех шести принципов, на которых должно было строиться урегулирование кризиса, включая крайне важное египетское обещание обособить проблему канала от внутренней политики. Ллойд предпочитал мирное урегулирование вопроса, и его мнение разделял британский министр обороны Уолтер Монктон. Он наблюдал за пересмотром Суэцкого военного плана, согласно кото-

рому любая возможная британская высадка в Египет откладывалась, как минимум, до весны 1957 года.

Однако Иден оставался таким же сторонником войны, как всегда. Гибкость египетских представителей в ООН, позволившая Ллойдю выработать взаимоприемлемые шесть принципов, угрожала цели премьер-министра, которая состояла в свержении Насера. 13 октября Иден поручил своему министру иностранных дел согласиться с предложением французов внести в этот дипломатический договор такую возмутительную поправку, чтобы сделать его неприемлемым для Насера. Французы предложили потребовать, чтобы Египет одобрил и американо-британско-французский план, поддержанный большинством на Лондонской конференции в августе и однажды уже отвергнутый Насером в сентябре. Позже, в тот же день, британцы представили Совету Безопасности ООН исправленный вариант дипломатического соглашения в качестве резолюции. Как и ожидали Иден и французы, Совет в интересах египтян наложил вето на исправленную резолюцию Совета Безопасности, и весь дипломатический процесс застыл.

Позорно уклонившись от переговоров в ООН, Иден обратился за моральной поддержкой к рядовым членам консервативной партии. Ностальгируя по империи, партийные ортодоксы всегда без колебаний поддерживали его силовую политику, направленную на избавление Египта от Насера. 13 октября на совещании консервативной партии Иден сказал приветствовавшим его участникам: «Мы отказались заявлять, что ни при каких обстоятельствах и никогда не применим силу. Никакое ответственное правительство никогда не может дать такого обещания».

Информация от британской разведки также усилила решимость Идена. Большая аналитическая записка от 11 октября была созвучна его предположению, что если Насеру удастся выйти из положения и удержать Суэцкий канал, то позиции Британии на Ближнем Востоке вскоре ослабнут⁸. Считалось, что это лишь дело времени – дожждаться, когда сторонники Насера в Ираке, Иордании и Персидском заливе успешно уничтожат все прозападные правительства и усилят влияние в регионе Каира и Москвы.

14 октября французская делегация прибыла в Лондон, чтобы обсудить британское участие в израильско-французском плане нападения на Египет и устранения Насера. Иден не был другом Израиля. Когда-то он блокировался с теми защитниками интересов арабского мира в министерстве иностранных дел, которые отказывались поддержать создание государства Израиль. Однако британский премьер-министр уже смирился с тем, что оттягивать войну он уже не может. Французы разъяснили существующие планы для операции двух стран и изло-

жили причины, по которым Великобритания должна превратить ее в трехстороннее нападение. Согласно их плану через несколько часов после нападения Израиля британцы совместно с французами смогут приказать египтянам и израильтянам вывести свои войска из зоны канала. Потом объединенные силы англичан и французов займут зону канала. Миру объявят, что целью была защита свободы судоходства по Суэцкому каналу. На деле же французы полагали, что эта скоординированная операция приведет к падению Насера и его режима. Несмотря на опасения своих министров иностранных дел и обороны, Иден согласился на участие Великобритании в этой операции.

После того как Иден одобрил стратегию французов, рухнуло последнее препятствие, мешавшее началу крупномасштабной военной операции против Насера. Когда британцы изъявили готовность встретиться с израильтянами, французы предложили своим союзникам провести встречу в Париже 21 октября, чтобы обсудить координацию нападения. Кроме того, было принято решение сохранять заговор в тайне от Соединенных Штатов и, разумеется, от Советского Союза.

* * *

Когда французы готовились к встрече в Париже, Хрущев находился в Варшаве. Положение в Польше стремительно менялось. Всего через несколько дней после восстановления членства Гомулки в польском Политбюро независимо настроенный Гомулка стал самой влиятельной фигурой в польском правительстве. Охаба вынудили уйти в отставку, и действия Гомулки, принявшего бразды правления от своего просоветского предшественника, превратили обеспокоенность Хрущева в панику. «Польша могла отколоться от нас в любой момент», – так, по его позднейшим воспоминаниям, он тогда думал⁹. Помимо удаления из польских органов безопасности людей из КГБ – просьба, которую Советы уже исполнили, – теперь поляки требовали отстранения советского маршала Константина Рокоссовского, которого раньше Москва вынудила их назначить своим министром обороны.

Хрущев полагал, что советские войска могут понадобиться, чтобы удержать Польшу в Варшавском Договоре. Но прежде он во главе делегации высшего уровня должен приехать в Польшу, чтобы напрямую пообщаться с Гомулкой и польским коммунистическим руководством. Для Гомулки это было бы шансом продемонстрировать свою преданность советскому блоку. Если бы Хрущев не получил нужных ему гарантий, то его войска вошли бы в Варшаву уже на следующий день. В ходе подготовки к вторжению двум боевым диви-

зиям было приказано занять опорную позицию в ста километрах от польской столицы.

Хрущев прибыл в Варшаву 19 октября в сопровождении членов Президиума Молотова, Микояна, Кагановича и Жукова. Гомулка отказался прислать Советам официальное предложение – поступок, который Хрущев позже охарактеризовал «как плевок нам в лицо»¹⁰. Когда советская делегация приехала, полякам не оставалось ничего другого, как ее встретить. Узнав о войсках, ожидающих на флангах, поляки были в тот момент были вынуждены продемонстрировать определенное почтение. Гомулка говорил о польско-советской солидарности и попросил Хрущева отказаться от использования советских войск. «Здесь все будет в порядке, – заверил он, – но не давайте советским войскам войти в Варшаву, или будет буквально невозможно контролировать события».

Хрущев колебался, не зная, удовлетвориться ли ему тем, что сказали ему Гомулка и другие члены польского правительства. Сначала он, видимо, думал, что кризис уже миновал, и сказал своему давнему союзнику Микояну, что, поразмыслив, решил, что применение войск было бы ошибкой. Однако, как только Хрущев вернулся в Москву вечером 19 октября, он, судя по всему, изменил свое мнение. «Мы решили, что завтра утром наши войска все-таки войдут в Варшаву»¹¹, – сказал Хрущев удивленному Микояну.

Благодаря некоторым искусным проволочкам Микояна, который был категорически против применения советских войск, нападения на польский народ не произошло. Микоян очень хорошо знал Хрущева. Хотя советский руководитель был склонен к смелым, решительным и неожиданным жестам, можно было и отговорить его от резких действий, два возможность успокоиться и как следует все обдумать. На состоявшемся через два дня, 21 октября, заседании Президиума Хрущев высказался за то, чтобы поймать Гомулку на слове. «Нам нужно продемонстрировать терпение»¹², – сказал он. И советские войска были сняты с боевой готовности.

* * *

В то время, когда конфликт в Польше был предотвращен, премьер-министр Израиля, Давид Бен-Гурион, прибыл в Париж планировать скоординированное нападение на Насера, на которого он был в большой обиде. Израильский лидер мечтал покончить с нападениями прорывавших границу с Израилем египетских нерегулярных войск, известных как федаи. Кроме того, он надеялся, что военная операция откроет для Израиля судоходство по Суэцкому каналу и проливу Эт-Тиран, по которым шли поставки в израильский портовый

город Эйлат. Его визит, как и визит министра Ллойда, сохранялся в секрете. Встречи должны были происходить в частном доме фешенебельного парижского предместья Севр, оставаясь недосягаемыми для испытующего взгляда международной прессы или каких-нибудь удачливых советских или американских разведчиков.

Бен-Гурион испытывал неудобство, вынужденно полагаясь на британцев, во многом потому, что именно они, как он думал, были повинны в том, что мешали созданию государства Израиль. Пытаясь сохранить отношения с арабами, британцы сознательно замедляли эмиграцию евреев в Палестину, остававшуюся под британским мандатом до 1948 года. Французский министр иностранных дел Кристиан Пино настаивал на том, чтобы израильский лидер не принимал во внимание его прежние разногласия с британцами. «Англичане, – говорил он, – не способны действовать без предложения»¹³. Бен-Гурион понял, что ему нужно найти предлог; это будет ценой за британское военное участие.

Но, если Бен-Гурион чувствовал себя неловко и имел подозрения, британский представитель в Севре испытывал отвращение и не боялся его демонстрировать. Ллойд, возражавший против решения Идена, в присутствии других делегатов вел себя так, как если бы ему приходилось нюхать что-то «вонючее». Все знали, что он предпочитает мирное разрешение кризиса, а приехал в Севре только потому, что так ему распорядился Иден. Когда Бен-Гурион спросил его, почему Англия просто не договорилась с Насером в ООН, министр иностранных дел, как попугай, повторил мысль Идена: «Любое дипломатическое урегулирование вопроса о Суэцком канале неприемлемо для Великобритании потому, что это означает, что Насер остается у власти». Его удаление было главной целью Идена.

Неудобный ответ английского джентльмена удовлетворил Бен-Гуриона. Убедившись теперь, что Лондон интересуется только бизнес, израильтяне согласились на сложный французский план. Началом действий станет израильское нападение на Египет, за которым последует англо-французская бомбардировка и десант союзников в зону канала. Стороны мелочно спорили о том, сколько времени должно пройти между атакой Израиля и вторжением европейцев. Бен-Гурион хотел, чтобы между ними почти совсем не было интервала. Он жил в Лондоне во время блицкрига, когда гитлеровская Люфтваффе бомбила город, и опасался, что арабские бомбардировщики начнут обстреливать израильские до того момента, когда французы и британцы добьются превосходства в воздухе. Англичан же волновало другое, и они, наоборот, надеялись на трехдневную отсрочку. Они достигли компромисса и согласились на отсрочку в тридцать шесть

часов¹⁴. В конце встречи, 22 октября, Израиль пообещал начать нападение ровно через неделю, 29 октября.

* * *

Советы ничего не знали об этих планах. Советской разведке было нелегко следить за перемещениями в Средиземном море, поскольку у Москвы не было высотных самолетов-разведчиков, сравнимых с американским «U-2». Однако через своего сирийского союзника и на основе статей хорошо осведомленных журналистов в британской и французской прессе Кремль собрал неплохую информацию о маневрах французских и британских соединений на Кипре и вокруг него. Маршал Жуков представил каждому члену Президиума специальный отчет об этих передвижениях. ГРУ, служба военной разведки, обнаружила в регионе французские и британские подкрепления, но не смогла ничего узнать о намерениях Парижа и Лондона¹⁵.

Дополнительным свидетельством того, что Москва не допускала и возможности скорого нападения, стали приготовления Кремля к визиту сирийского президента Шукри Аль-Куатли¹⁶. Уже запланированный визит должен был начаться 30 октября. В своих аналитических записках о потребностях Сирии советская разведка не упоминала о возможности ближневосточного конфликта. Ожидалось, что Аль-Куатли попросит у Москвы договор о дружбе и огромный заем для экономического развития.

Египтяне сами помогали Советам думать, что кризис уже миновал. Даже после провала переговоров в Нью-Йорке с французами и британцами египетское правительство уведомляло Советы, что его уже не тревожит возможность нападения западных войск на канал. «Это в значительной мере урегулировано»¹⁷, – заявил 16 октября в советском министерстве иностранных дел египетский представитель Эль-Коуни. Теперь египтяне употребляли такие выражения, как «мы выиграли», для объяснения того, что после национализации прошло почти три месяца, а французы и британцы все еще, судя по всему, были связаны дипломатическими обязательствами.

Насера гораздо больше волновали события в Иордании, чем какие бы то ни было западные нападения на его страну. Критикуя короля Хусейна за то, что он оказался таким же неспособным, как и король Фарук, египтяне беспокоились, что внутривосточная нестабильность в Иордании может привести к внешнему вмешательству Запада или его союзников. Особенно беспокоило Насера то, что его серьезного соперника в регионе, иракского премьер-министра Нури аль-Саида, попросят направить в Иорданию батальоны, чтобы защитить Амман от нападения Израиля.

Кремль демонстрировал безучастность, когда египтяне пытались вызвать у Советского Союза интерес к Иордании¹⁸. Благодарная за то, что угроза европейской войны с Египтом отступила, Москва была не особенно заинтересована в поисках нового источника раздоров с Лондоном или Парижем. Кремль посоветовал успокоиться и не горячиться. Каир говорил об отправке совместных египетско-сирийских войск в Иорданию, чтобы оказать ей поддержку. Москва же хотела, чтобы не произошло ничего такого, что могло бы дать британцам предлог послать дополнительные войска на Ближний Восток. После потери Суэцкого канала Лондон мог бы рассмотреть вариант использования Аммана как своего нового стратегического центра в регионе.

События разворачивались, но Москва не вполне понимала реальное положение в зоне Суэцкого канала, не имея никакой информации о британских намерениях. Том Дриберг, вернувшись в середине октября, заверил Гая Бёрджесса, что в отношениях с Насером Иден не собирался прибегать к силе. Передавая эту информацию советскому руководству, Бёрджесс добавил свою оговорку. Он не считал оптимизм Дриберга вполне оправданным¹⁹. Однако, поскольку советской разведке не удалось выявить никаких доказательств противного, Кремль, а особенно Хрущев, позволяли себе сохранять оптимизм в отношении Идена. Хрущев не верил, что британцы могут пойти войной на Египет. Он убедил себя, что борьба между Востоком и Западом (а именно так он истолковал агрессию против своего египетского союзника) в ядерную эпоху ограничится политическим и экономическим состязаниями²⁰.

* * *

За неделю, которая прошла между тайным совещанием в Севре и израильской атакой, Венгрия беспокоила Хрущева так сильно, что у него почти не было возможности проверить свои предположения относительно Ближнего Востока. Проникшись доверием к польскому Владиславу Гомулке, Кремль одновременно утрачивал всякое былое уважение к венгерскому Эрнё Герё. События в Польше придали смелости лидерам венгерского демократического движения, и они бросили вызов неумелому Герё. 22 октября студенты Будапештского технологического университета обнародовали перечень из шестнадцати требований. Требования включали вывод всех советских войск из Венгрии, назначение руководителем коммунистической партии Имре Надя, организацию национальных многопартийных выборов тайным голосованием и «пересмотр» всей системы советско-венгерских отношений. На следующий день, скандируя призывы к «национальной независимости и демократии», студенты снесли огромный памятник

Сталину, возвышавшийся над главной площадью города. Мятаж, выплеснувшись за пределы столицы, распространялся по стране; бунтовщики издевались над созданными по советскому образцу силами полиции, которым было поручено предотвращать неофициальные публичные выступления. В восточном городе Дебрецен, центре провинции близ венгерско-румынской границы, студенты заняли местное отделение партии и главное управление тайной полиции. Герё, только что возвратившийся с проводившихся в Югославии переговоров с Тито, был в недоумении и не знал, что делать.

23 октября Хрущев много говорил по телефону с Герё, получая свежую информацию об ухудшении положении в венгерской столице. Отчеты о восстании в Будапеште не оставили у Хрущева сомнений, что наступило время для советского военного вмешательства. Еще в июле советская армия разработала планы операции «Волна» – военной акции для подавления всяких уличных выступлений в Будапеште²¹. В Кремле обсуждали, какие меры следует сейчас принять в венгерской столице, и Микоян снова настойчивей всех призывал к сдержанности. Он полагал, что Москве следует отказаться от поддержки Герё, а Надю, как лидеру, дать шанс прекратить волнения. Может быть, Надю удастся повторить то, чего Гомулка добился в Варшаве.

Мнение Микояна были высмеяны остальными советскими руководителями. «Венгрия с Надем уже сейчас неуправляема»²², – сказал Молотов. Молотов настаивал на введении войск. Этого же добивались министр иностранных дел Шепилов, министр обороны Жуков и давние члены Президиума Каганович и Суслов. Жуков и Каганович ссылались на то, что не может быть сравнения между Польшей и нынешними беспорядками в Венгрии. На этот раз они должны были послать войска²³.

Операция «Волна» началась на следующий день. Две свои механизированные дивизии в Венгрии Москва привела в боевую готовность еще тогда, когда войска Варшавского Договора, судя по всему, собирались начать наступление на демократию в Польше. 24 октября тысячи военных из этих соединений были направлены в Будапешт. Кроме того, части механизированной дивизии из Румынии и одна дивизия из Украины были переброшены в Венгрию, чтобы поддерживать безопасность за пределами столицы²⁴. Чтобы обеспечивать Кремль достоверной информацией и проверить теории Микояна о способности Надя к руководству, в Будапешт также послали Микояна и Суслова.

Потрясающее сообщение о подавлении венгерского движения за свободу в СССР получили 28 октября. Суслов, к тому времени возвратившийся вместе с Микояном, сообщил, что 24 октября советские войска открыли огонь по группе демонстрантов, убив как минимум

семьдесят из них. После этой бойни отношения между венграми и советской армией совершенно испортились. Венгры начали размахивать траурными флагами, и 26 октября в одном из районов столицы началось тщательно подготовленное сражение между советскими военными и большой группой вооруженных венгерских бойцов за свободу. Для подавления восстания советская армия использовала как танки, так и пехотинцев. Суслов сообщал, что пострадали три тысячи венгров, шестьсот из которых погибли. Сама советская армия потеряла в сражениях триста пятьдесят человек. Тем временем Герё в разгар кровопролития ушел в отставку и был заменен Надем. В официальном отчете о встрече стенографисты Хрущева не писали слов «зверства», «невинные жертвы» и «военное преступление», и, несомненно, никто из присутствовавших не думал употреблять эти слова для характеристики того, что советская армия только что совершила в Будапеште. И тем не менее доклад Суслова оказал ужасающее влияние на ход обсуждения²⁵.

Собравшиеся не жаждали новой крови. После доклада Суслова защищал необходимость применения силы лишь пожилой маршал Климент Ворошилов. «Давайте не будем спешить с выводом войск, – сказал кремлевский ветеран. – Разведслужбы США работают усердней, чем товарищи Суслов и Микоян». Однако вскоре Ворошилова переспорили другие руководители, потребовавшие вывода войск из Будапешта. Ранее, в тот же день, только что созданное правительство Имре Надя потребовало прекращения огня с последующим выводом советских войск. Хрущев поддержал мнение большинства, что этому новому правительству следует дать шанс. Если Надь сможет установить контроль над Будапештом, тогда Советский Союз будет соблюдать прекращение огня и выведет свои войска из венгерской столицы.

В конце этого долгого и изнурительного заседания, проходившего 28 октября, Хрущев напомнил своим коллегам, что им не стоит забывать о пропагандистской войне с Западом, особенно в развивающемся мире. Теперь советская сдержанность будет резко контрастировать с тем, что империалисты пытаются сделать в Египте. «Это политически выгодно для нас, – сказал советский руководитель, еще не вполне забывший о проблеме Насера. – Англичане и французы возбуждают волнение в Египте. Давайте не переходить в их лагерь»²⁶.

* * *

Когда в Будапеште наступило временное прекращение огня и советские войска вышли из города, Израиль предпринял свое запланированное ночное нападение на Египет. 29 октября израильские самолеты сбросили парашютистов у входа на перевал Митла в цент-

ральном Синае, всего в сорока пяти милях от Суэцкого канала. Тем временем Ариэль Шарон, в то время полковник (а через несколько лет – премьер-министр), повел остальных бойцов 202-й парашютной бригады через Синайскую пустыню для соединения с этими силами авангарда. Армия обороны Израиля совершила внезапное нападение, что стало ее стратегическим преимуществом. Египтяне ожидали израильского нападения в Иордании, а не на Синае. Несколько дней солдаты Шарона держались на границе с Иорданией, чтобы отвлекать Насера. Своим неожиданным маневром Израиль достиг и тактического преимущества. За два часа до десанта парашютистов четыре израильских истребителя «P-51» «Мустанг» пересекли воздушное пространство Синая, чтобы разрушить египетские коммуникации. Летчики отважно снизили высоту своих самолетов до двенадцати футов и срезали ими вершины телефонных столбов, обеспечивавших связь между египетскими войсками²⁷.

На следующий день, в соответствии с Севрскими соглашениями, Франция и Британия предъявили свой совместный ультиматум. Израильский посол в Лондоне получил его копию в четверть пятого пополудни, а его египетский коллега – десятью минутами позже. Франция и Великобритания призвали обе стороны прекратить огонь и отвести свои войска на десять миль от Суэцкого канала. Защищая права нейтрального судоходства, Франция и Великобритания объявили о своем намерении «временно занять... ключевые позиции в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце»²⁸. Если или египтяне, или израильтяне не выполнят этих требований в течение двенадцати часов, британские и французские военные «введут свои войска в таком количестве, в каком это будет необходимо для принуждения к уступкам»²⁹.

* * *

Президент Эйзенхауэр был не очень удивлен, получив сообщение, что Израиль напал на Египет. Больше недели Белый дом пристально следил за наращиванием боевых сил в регионе. 20 октября по заданию ЦРУ начались ежедневные полеты самолетов «U-2» над восточным Средиземноморьем. Несколько дней велись споры, как истолковать передвижения израильских войск – как подготовку к нападению на Иорданию или на Египет. Но 28 октября, когда израильские танки и бронетранспортеры явно направились южнее, к Египту, а не восточнее, к Иордании, президент убедился, что Израиль собирался нападать на Египет.

Кроме того, Эйзенхауэр подозревал, что его французские и британские союзники создавали неприятности. Фотографии, сделанные с самолетов-разведчиков, свидетельствовали об угрожающем на-

ращивании британской и французской военной техники на острове Кипр. Когда эти снимки были проявлены и предоставлены Белому дому, Эйзенхауэр обратил внимание на резкое сокращение количества дипломатических сообщений от французов и британцев. Президент не знал, до какой степени они в сговоре с Израилем, но это молчание было совсем не утешительным.

Едва узнав, что Израиль напал на Египет, Эйзенхауэр сообщил своим советникам, что американские политики должны будут сделать все необходимое, чтобы восстановить мир в регионе. По условиям Трехсторонней декларации 1950 года Соединенные Штаты были обязаны прийти на защиту Египта в случае нападения на него любой из подписавших ее сторон. Франция и Великобритания были сторонами, подписавшими эту декларацию, и Эйзенхауэр разъяснил, что Соединенные Штаты выполняют свои обязательства перед Египтом, даже рискуя противостоянием с британцами и французами. «В этих обстоятельствах, – заявил президент США, – мы, пожалуй, не можем быть связаны нашими традиционными альянсами»³⁰. Сотрудникам своей команды национальной безопасности он велел не предоставлять Великобритании никакой экономической помощи – и особенно не защищать фунт стерлингов на иностранных валютных рынках, – если выяснится, что британцы – в заговоре с израильтянами³¹. Впоследствии это решение возымело заметные последствия. Кроме того, Эйзенхауэр хотел, чтобы Идену направили письмо, в котором заверят британцев, что Соединенные Штаты полагают, что они будут вынуждены поддержать Египет, если об этом попросят в соответствии с Трехсторонней декларацией³². И, наконец, Эйзенхауэр выразил желание, чтобы в тот же день делегация США в ООН вынесла на обсуждение резолюцию, призывающую к прекращению огня. Благодаря тактике промедления, к которой 29 октября, в конце дня, прибегли британцы и французы, обсуждение представленной в ООН резолюции Эйзенхауэра перенесли на следующий день, однако остальные его требования были исполнены немедленно.

Решимость Эйзенхауэра объяснялась его большим опасением, что выгоду из конфликта между Западом и арабами извлечет лишь Советский Союз. А с учетом возможности, что в своих происках Франция и Британия могут прибегнуть к помощи Израиля, воздействие конфликта на западное влияние на Ближнем Востоке Эйзенхауэр оценил еще пессимистичнее³³. Он пришел в ярость, заподозрив, что Париж и Лондон предположили, что он стерпит нападение на Насера, поскольку нуждается в голосах евреев на ноябрьских выборах. Американские евреи, если они голосовали солидарно, голосовали, как правило, за демократов, так что это предположение было нелепым³⁴. Однако Эйзенхауэр дал понять, что, какими бы ни

были результаты выборов, он планировал воспрепятствовать этой войне. «Меня совершенно не волнует, – сказал он своим главным советникам, – переизберут меня или нет. Мы должны выполнять наше обещание». Хотя, по его словам, он и сомневался, что американский народ «откажется от него в такой ситуации, как эта», но если он это сделает, «то так тому и быть»³⁵.

На следующий день французы и англичане выдвинули ультиматум. Это стало доказательством заговора и подтверждением того ощущения измены, которое возникло у Эйзенхауэра. С конца июля он, как только мог, убеждал французского премьер-министра Ги Молле и британского премьер-министра Энтони Идена не предпринимать никаких опрометчивых действий до выборов. Возможно, и после 6 ноября нападение европейцев на Ближний Восток Эйзенхауэр воспринял бы неодобрительно, но о том, какой будет его реакция до этой даты, он дал понять со всей определенностью. Эйзенхауэр думал и о Восточной Европе. Кровавое пролитие в Будапеште 24 и 26 октября стало трагическим подтверждением того, что Запад всегда говорил о банкротстве, нравственном и не только, так называемых народных республик. Имперская ностальгия, овладевавшая на фоне событий в Суэце Лондоном и Парижем, грозила ослабить тот резкий контраст между цивилизованным Западом и варварским Востоком, который хотел продемонстрировать Эйзенхауэр.

* * *

После нападения Израиля Каир ожидал услышать мнение Хрущева, но тот молчал. В начале дня 30 октября, пока британцы и французы еще не объявили о своем ультиматуме, ближайший помощник Насера Али Сабри передал через советское посольство послание Хрущеву. «С каждым часом положение ухудшается и становится очень опасным»³⁶. Насер хотел «неофициально» попросить о военной поддержке, чтобы помочь Египту защититься от трех армий – Британии, Франции и Израиля. Сабри добавил, что Насер с нетерпением ждет реакции на это неофициальное зондирование. Если Москва изъявит готовность поддержать Египет, то последует и официальный запрос.

Советский посол Киселев попытался быть полезным египтянам. Не получив никаких указаний от Москвы, он тем не менее спросил: «Исходя из того, что ситуация может спровоцировать третью мировую войну, какую именно поддержку, в практическом смысле, имеет в виду Насер?» Сабри подготовил ответ: «Существенным шагом было бы развертывание военных кораблей у берегов Египта». Он добавил: «Египет особенно нуждается в помощи воздушных сил». Насер хо-

тел, чтобы Сабри постарался увеличить вероятность привлечения к защите Египта советских добровольцев, особенно летчиков.

Насер не дожидался ответа, чтобы повторить эту же просьбу в письме в Кремль. «Враг полагается исключительно на воздушную мощь, – написал он. – Мы отчаянно нуждаемся в поддержке наших войск с воздуха». Насер хотел, чтобы советские военно-воздушные силы приняли участие в операции на стороне Египта. Он посоветовал послать в Египет советских летчиков-добровольцев на «МиГах» с египетскими знаками различия. «Мы подготовим воздушные базы и сообщим вам об их расположении»³⁷.

Хрущев проигнорировал обе египетские просьбы о советском военном вмешательстве. Он рискнул положиться на способность Насера справиться с этим военным кризисом собственными силами. Советская разведка считала, что в военном отношении египтяне равны израильтянам, и полагала, что египтяне окажутся в серьезной опасности лишь в случае участия западноевропейцев. Хрущев успокаивал себя утешительным предположением, что англо-французское нападение на Египет маловероятно. Узнав о нежелании США применить силу против Насера (Хрущев знал об этом из источников разведки), британцы будут сдержанны в отношении Египта. Вскоре после объявления англо-французского ультиматума советская разведка заверила Хрущева, что европейцы действительно не участвуют в заговоре Израиля против Египта. Напротив, ГРУ предсказывало, что британцы и, предположительно, французы «готовы помочь Египту изолировать канал от Израиля или какого-либо другого агрессора»³⁸. Не имея никакой внутренней информации о военных целях Британии и оставаясь пленником образа слабого премьер-министра, созданного источниками информации Бёрджесса и Маклина, Хрущев предпочел принять ультиматум западных держав за чистую монету и предоставить Насера самому себе, надеясь, что его защитят западные европейцы или Соединенные Штаты.

Хрущеву было несвойственно оставлять союзника в опасности, и если он так поступил в отношении Насера в конце октября, то причиной тому была Венгрия. Советский руководитель был неспособен справляться с двумя военными кризисами, по крайней мере не с этими конкретными кризисами. В Венгрии было столько проблем, что, по мнению Хрущева, ему не оставалось ничего другого, как бросить египетских союзников на произвол судьбы и надеяться на лучшее.

В день, когда израильтяне напали на Египет, советские войска (включая дополнительные соединения из других стран за пределами Венгрии) были приведены в боевую готовность. Их готовили к возможному возвращению в Будапешт для подавления любого нового антисоветского мятежа. 30 октября, когда поступили известия о

ближневосточном ультиматуме французов и британцев, требовавших у Египта и Израиля вывести войска с обеих сторон Суэцкого канала, Хрущев мучительно думал над тем, что делать в Венгрии дальше. В тот день о своей нерешительности Хрущев рассказал Лю Шаоци – представителю Мао в Москве. «Войска должны оставаться в Венгрии и в Будапеште»³⁹, – таким был совет китайского представителя. Но Хрущев был не столь уверен. «Есть два варианта, – объяснял он. – Первый – применить силу, второй – договариваться об отводе войск».

30 октября кремлевские руководители обсуждали не только вопрос о том, применить или не применить силу в Венгрии. Действия правительства Нада ставили под сомнение основное советское положение о стабильности чрезвычайно централизованной системы альянса, которую Кремль навязал Восточной Европе. И в Польше, и в Венгрии вину за любые уличные беспорядки Москва вначале возлагала на проявивших слабость местных коммунистов. Позднее, в Польше, кремлевские представители задались вопросом, а не подстрекал ли к этим беспорядкам сам Гомулка. Однако тогда Хрущева заверили, что Гомулка был истинным коммунистом, который понимал, что ему нужно дружить с Москвой. На том этапе Венгерского кризиса Кремль не знал, что ему думать о Наде или о движении, которое, судя по всему, привело его к власти.

Напряжение в Кремле возросло, когда Шепилов, Жуков и Хрущев начали обсуждать феномен национального коммунизма. «Нам еще долго придется бороться с национальным коммунизмом»⁴⁰, – заметил удрученный Шепилов. «Для нас в военно-политическом отношении – урок», – добавил Жуков. Сталин употребил это понятие, чтобы приговорить Тито к смерти. Эта разновидность коммунизма предполагала большее разнообразие путей построения социализма и менее тесные отношения с Москвой. Для Сталина этот термин был синонимом антисоветизма. Однако Хрущев и его коллеги еще не были готовы отказаться от управления иностранными коммунистическими лидерами, которые были к тому же ревностными националистами.

Стоит напомнить, что Хрущеву, в частности, не нравилось, как Сталин обращался с югославами. Он полагал, что их развели в сторону не только представители международного коммунистического движения. 30 октября это оптимистическое представление о братьях-коммунистах разделяли уже и другие представители кремлевской элиты, что побудило их взяться с энтузиазмом за разработку вопроса о национальном коммунизме. В конечном счете, Хрущев говорил для большинства присутствующих, когда заявил, что необходимо полностью пересмотреть отношение Москвы к своим восточноевропейским союзникам, к которым до сих пор относились как к колониям. До 1956 года советские войска размещались в Польше,

Румынии и Венгрии без всяких юридических оснований. В Венгрии, например, это размещение войск вначале оправдывалось соглашением с Будапештом, позволявшим Советскому Союзу защищать маршруты поставок, связывающие его с оккупационными войсками в Австрии. Однако оккупация Австрии завершилась в середине 1955 года, а советские войска все еще оставались в Венгрии.

Столкнувшись с угрозой полного развала Варшавского Договора, Кремль начал размышлять над тем, как сократить свое военное присутствие и присутствие сил безопасности в каждой из социалистических стран. Хрущев уже разрешил полякам выпроводить присланных из КГБ советников и советских офицеров. Если Москва собирается взять курс на менее имперские отношения, то ей придется допустить такую же независимость в Будапеште и начать переговоры с Польшей и Румынией о сокращении численности своих войск и там.

Дискуссия создавала ощущение нереальности. Несмотря на то что, потребовав многопартийных выборов, Надь нарушил основное негласное правило для лидеров социалистического блока, Хрущев полагал, что советского заявления о новом стиле обращения с сателлитами будет достаточно, чтобы Надь и венгерские мятежники снова поверили в Советский Союз. Эту поспешную, непродуманную политику можно объяснить лишь верой Хрущева в то, что другие коммунистические лидеры разделяют его ревностную преданность их обязательствам. Надь вполне мог возмущаться символами советской власти, но Хрущев доказывал, что он не делает ничего, что подорвало бы существование социалистической Венгрии. Это было проверкой предположения Хрущева, что даже самый независимый социалистический режим – такой, как в Югославии и, возможно, как теперь в Венгрии, – в конечном счете предпочтет союз с Москвой.

Через несколько часов после окончания заседания Москва получила первые сигналы того, насколько ошибочным оказалось это предположение относительно Нады. Днем 30 октября Надь объявил по венгерскому радио, что однопартийному государству в Венгрии пришел конец, и потребовал проведения многопартийных выборов. На следующее утро он собирался обнародовать решение своего правительства о выходе Венгрии из Варшавского Договора.

Кроме того, 30 октября Хрущев предполагал и очень надеялся на вмешательство Соединенных Штатов, которые удержат западных европейцев от нападения на Насера. И это предположение, хотя бы ненадолго, оказалось обоснованным. В конце дня, прямо перед истечением двенадцатичасового срока британско-французского ультиматума, Соединенные Штаты вынесли на рассмотрение Совета Безопасности ООН резолюцию с требованием немедленного прекращения огня на Синае. Впервые в «холодной войне» в спо-

ре с западными европейцами Москва оказалась по одну сторону с Вашингтоном. Советский представитель в ООН поддержал резолюцию США. Однако Британия, которая как один из пяти постоянных членов имела право вето на все резолюции Совета Безопасности, использовала его, чтобы провалить предложение своего американского союзника. И британцы, и французы сослались на шаткую отговорку, что ООН – не то место, где надо решать проблемы Ближнего Востока. Тем не менее теперь американцы заявляли о себе как о противниках войны на Ближнем Востоке.

Однако события 31 октября 1956 года опровергли основные предположения Хрущева о том, как отвечать на вызовы и в Венгрии, и в Египте. Буквально в то же самое время поступили две потрясающие новости. Из Венгрии сообщили, что, несмотря на ожидания Хрущева, Надь теперь требует выхода из Варшавского Договора. Тем временем в сотнях миль от Венгрии – под предлогом, что Израиль и Египет нарушили ультиматум Лондона и Парижа, – эскадрильи британских и французских самолетов начали бомбить египетские города и аэродромы. Советская разведка, всего за день до этого уверявшая Хрущева, что Британия не придет на помощь Египту, теперь начала предоставлять все более страшные описания потерь египетской боевой техники, в значительной степени сделанной в СССР и взятой в кредит⁴¹.

Эти события привели к тому, что Советский Союз остался без собственной стратегии преодоления обоих кризисов. Осознав всю ошибочность своей оценки ситуации и в Египте, и в Венгрии, Хрущев занял крайне оборонительную и воинственную позицию. Он созвал заседание Президиума и на нем гневно потребовал бросить вызов: «Если мы отступимся от Венгрии, это станет огромным стимулом для американцев, англичан и французов – империалистов. Они воспримут это как нашу слабость и перейдут в наступление. Тогда мы продемонстрируем слабость наших позиций. Наша партия с этим не согласится, если мы это сделаем. К Египту они прибавят Венгрию. У нас нет другого выбора»⁴². Нападение Британии и Франции на Египет нарушило расчеты, которые Хрущев связывал с Венгрией. За день до этого Хрущев был еще готов рисковать, надеясь на то, что Надь подавит мятеж в Венгрии и восстановит хорошие отношения как коммунистический союзник Советского Союза. Но теперь он уже не мог терпеть никакой неопределенности относительно будущего Венгрии в советской империи. Личный авторитет Хрущева и престиж Советского Союза будет уже не восстановить, если Москва быстро, одного за другим, потеряет двух союзников. Более того, если мир находится в кризисе, то он не допустит, чтобы складывалось впечатле-

ние, будто в Европе он отступает, даже если он намеревался со временем восстановить советскую власть политическими средствами.

Хрущев решил в первую очередь и жестко разобраться с венгерской проблемой. Принятое накануне решение Президиума не применять силу немедленно отменили. Была радикально пересмотрена и новая политика отношений со странами социалистического блока. Все, за исключением Микояна, все еще надеявшегося найти мирный выход из кризиса в Венгрии, большинством проголосовали за самое крупное после окончания Второй мировой войны военное нападение на европейских мирных граждан.

Обсуждение в Президиуме велось без ожесточения. Речь шла о понятиях – о власти, о партии, о стабильности и престиже, а не о судьбах людей. Однако принятое решение было жестоким. Части Советской армии Кремль приказал вернуть в Будапешт и разрешил использовать летальное оружие против гражданского населения, сопротивлявшегося восстановлению имперской власти Москвы над страной. Это одна из величайших трагедий двадцатого века – то, что альтернативная политика в отношении Восточной Европы никогда не была опробована. Со временем Кремль мог бы сказать, что не было другого выбора, кроме как использовать танки. И тем не менее кто мог сказать, что произошло бы в Будапеште, если бы ситуации позволили развиваться еще одну или две недели? Возможно, тогда советская реакция была бы еще более свирепой. Но ведь мог бы быть и другой исход.

В отношении Египта Хрущев был вынужден, как и прежде, не предпринимать никаких действий. Не считая того отчаянного положения, в котором он оказался из-за Венгрии, его, видимо, сдерживал реальный страх, что советское вторжение в Египет может выйти из-под контроля. Советский Союз не мог себе позволить рисковать войной на два фронта. Если бы он, например, удовлетворил просьбу египтян о советской помощи с воздуха, то вскоре советским летчикам пришлось бы стрелять в британских и французских, а позже, возможно, и в американских летчиков.

Хрущев не хотел даже пытаться выработать долговременную политическую стратегию, которая хотя бы продемонстрировала солидарность с египтянами. Ранее в тот же день в Кремль поступила настоятельная просьба от советского посла в Каире предпринять какие-нибудь публичные дипломатические действия. «Любое заявление, – советовал Киселев Кремлю, – подняло бы настроение арабов». И сотрудники КГБ, и советские дипломатические представители в Каире полагали, что пассивность Москвы вредит советским позициям в регионе. Они обратили внимание на тенденцию египетской прессы «преувеличивать мирную роль США в текущих собы-

тиях и замалчивать как наши усилия осудить англо-французское вторжение, так и усилия, направленные на ликвидацию конфликта». Советский посол сказал, что египтяне критикуют Советский Союз и за то, что он склонил Насера последовать его совету, и за то, что теперь, когда Египет оказался в этой критической ситуации, хранит молчание. Киселев хотел, чтобы Москва незамедлительно начала пропагандистскую кампанию, критикуя Соединенные Штаты за их лицемерие – за то, что, радуя за мир, они явно позволяли своим союзникам по НАТО совершать агрессию против суверенного государства⁴³. В ответ на просьбу Киселева в «Правде» на следующий день было опубликовано заявление, осуждавшее Францию, Британию и Израиль, повинных в организации заговора против националистических устремлений арабского мира. Однако никаких конкретных мер противодействия в заявлении не предлагалось⁴⁴.

В следующие три дня Хрущев был озабочен деталями осуществляемой под руководством Советов операции по подавлению контрреволюции в Венгрии и действовал так, как если бы огромные советские инвестиции в Ближний Восток он уже списал со счетов. Хрущев прилетел на польско-советскую границу, чтобы дать указания Гомулке. Затем он направился в Бухарест для встречи с румынами и чехами и в Софию – для обсуждения ситуации с болгарями. Наконец, 3 ноября, накануне советского нападения на Будапешт, он побывал у Тито в Югославии. Президиум собирался в его отсутствие, но не обсуждал ничего, кроме Венгрии. Кремль был поглощен планами создания того режима, который установится после Нады. Янош Кадар, член правительства Нады, тайно приехал в Москву; сразу же после наступления советских войск ему предстояло объявить о создании нового правительства. Во время этой второй советской атаки на Будапешт, которая началась 4 ноября, пострадало двадцать тысяч венгров, включая Имре Нады. Спасаясь бегством, он укрылся в посольстве Югославии, но позже его передали Советам⁴⁵.

* * *

Москва предоставила египтян самим себе и занялась ими только после того, как началось наступление на Будапешт. 4 ноября Кремль обнародовал свое первое официальное заявление по поводу англо-французской военной интервенции – беззубое требование прекратить огонь. На четвертый день после начала западного нападения военное положение Насера было ужасным. Благодаря численному превосходству западных летчиков и боевой техники египетские военно-воздушные силы понесли страшные потери. Советские военные подсчитали, что египтяне потеряли двадцать девять из своих сорока

восьми легких реактивных бомбардировщиков «Ил-28» и семьдесят шесть из своих восьмидесяти шести сделанных в СССР истребителей «МиГ-15бис». Такими же успешными были западные воздушные атаки, жертвами которых стали египетские военные. Только за 2 ноября европейские самолеты уничтожили пятьдесят египетских танков и теперь систематически уничтожали египетскую боевую технику. То, что было невозможно уничтожить с воздуха, израильтяне захватывали или уничтожали на земле. В СССР поступили сообщения, что израильтяне захватили всю боевую технику двух артиллерийских батальонов на Синае. Это произошло после того, как Насер оставил весь восточный берег Суэцкого канала⁴⁶.

Утром 5 ноября, когда Хрущев получил сообщения, что в Египте десантировались тысяча сто британских и французских парашютистов, он не погрузился в глубокое уныние и не печалился о будущем своего египетского союзника. Нет, на эти действия он прореагировал так, как если бы это был вызов ему лично, и снова продемонстрировал способность к эффектному, непредсказуемому поведению. Наверняка неизвестно, почему через неделю после начала ближневосточной войны Хрущев наконец-то захотел действовать решительно в интересах своего египетского союзника. Возможно, это объясняется тем, что он всегда хотел что-нибудь сделать, но, пока не был разрешен венгерский вопрос, он отказывался идти на риск, сопряженный с действиями на Ближнем Востоке. Однако 5 ноября репрессии в Будапеште были в полном разгаре, и венгерское сопротивление быстро слабело. Это дало ему свободу планировать решительные действия и в другом месте.

Какой бы ни была непосредственная причина, результатом стали невероятные по своему безрассудству действия. При том, что ситуация для Насера складывалась ужасно, а советская контратака на Ближнем Востоке с применением обычных видов оружия была для Москвы неприемлема, Хрущеву казалось, что он должен придумать, как принудить Францию и Британию к прекращению огня. Как это уже было 21 октября, во время обсуждения вопроса о Польше, он взял верх над своими кремлевскими коллегами, объяснив, как это должно произойти. Хрущев хотел, чтобы Советский Союз сплотил мир, предприняв согласованные усилия спасти Насера. «Мы должны прийти на Генеральную Ассамблею или на Совет Безопасности, – сказал Хрущев. – Мы должны предъявить ультиматум и осудить агрессоров»⁴⁷.

Впервые после Лондонской конференции ближневосточная политика вышла для Кремля на первый план. Москва пришла в себя после своего прежнего пассивного признания египетского отчаяния, и слова Хрущева свидетельствовали о том, что он опять полон энергии.

Он решил не сдаваться. Но что мог сделать Советский Союз? Потом говорили, что 30 октября во время визита сирийского президента Куатли маршал Жуков показал карту, доказывая сирийскому руководителю, что у Советского Союза нет способов, которыми он мог бы защитить Египет. Может быть, это было только легендой, но 5 ноября Хрущев понял, что военной поддержкой Кремль добился бы немного. «Мы бы предпочли сотрудничество, – сказал он своим коллегам. – Но если нет, то можем послать флот». Как он хорошо знал, без поддержки советский флот не выстоял бы в борьбе с Францией или Великобританией. Он же сам ратовал за то, чтобы тратить меньше денег на надводный флот, с тем чтобы иметь возможность вкладывать деньги в будущие подводные лодки.

Блеф был единственной реальной альтернативой, если Хрущев хотел вынудить европейцев согласиться на немедленное прекращение огня. Из сообщений западных газет Хрущев знал, что Запад очень внимательно следит за созданием советской баллистической ракеты среднего действия «Р-5М». После размещения в Европейской части СССР эти ракеты теоретически могли поражать цели в Лондоне и Париже. Как и в случае советского парка бомбардировщиков дальнего действия, западные расчеты сильно преувеличивали возможности Москвы. Советские испытания «Р-5М», первой советской ракеты с ядерной боеголовкой, начались в январе 1955 года. Хотя еще в 1956 году ЦРУ начало сообщать, что у Советов есть эта ракета, которую НАТО назвала «SS-3», окончательные этапы разработки и развертывания этой ракеты будут иметь место гораздо позже⁴⁸. В ноябре 1956 года ракеты «Р-5М» на боевом дежурстве не стояли⁴⁹.

Не имея никаких реальных военных вариантов, Хрущев решил, что у него нет другого выбора, кроме как сыграть на западных страхах перед советскими ядерными мощностями. Ядерный блеф был рискованным, но теперь Хрущев решился спасти Насера. Он предложил, чтобы Кремль направил угрожающие послания французам, британцам и израильтянам. Одновременно он хотел испробовать возможность сотрудничества с Соединенными Штатами, чтобы добиться прекращения огня. Вашингтон открыто заявлял, что выступает против действий его союзников на Ближнем Востоке. Ответ на предложение беспрецедентной совместной советско-американской миротворческой акции стал бы проверкой намерений США. Если бы это предложение было отвергнуто, Хрущев, как минимум, разоблачил бы реальные симпатии Эйзенхауэра и одержал бы пропагандистскую победу.

Кремль единодушно одобрил эту стратегию. Предполагалось послать телеграммы в Соединенные Штаты, французским и британским руководителям и, чтобы заручиться поддержкой в «третьем

мире», премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру, а также направить разъяснительное письмо Насеру. Хотя Хрущев сам определил тон этих документов и даже написал отдельные фразы, все послания были составлены так, чтобы распространять их за подписью советского президента Николая Булганина⁵⁰.

5 ноября, в двадцать один час сорок пять по московскому времени, радио «Москва» передало послание Булганина премьер-министру Идену: «В каком положении оказалась бы Британия, если бы на нее напали более сильные государства, обладающие всеми видами современного оружия уничтожения?» Булганин добавил: «Мы полны решимости сокрушить агрессора и восстановить мир на Востоке, применив силу».

В Вашингтоне, после полудня, Эйзенхауэр встревожился, услышав об угрозах Москвы европейцам. Заметив, что Хрущев и его кремлевские коллеги «в панике и ярости», президент объяснил: «Нет ничего опаснее диктатуры в таком психическом состоянии»⁵¹. Он не воспринял всерьез предложение Хрущева о совместных усилиях сверхдержав ради стабилизации положения в Египте. Его главная забота заключалась в том, чтобы СССР не укрепил своего влияния на Ближнем Востоке. Сообщения из Москвы способствовали лишь тому, что Эйзенхауэр удвоил усилия, принуждая британцев и французов согласиться на прекращении огня, чтобы не давать Советам предлога для дальнейших действий.

Французское правительство восприняло советскую угрозу всерьез. Посла США Дугласа Диллона пригласили на встречу с французским премьер-министром Молле и министром иностранных дел Пино. Французские и британские десантники без труда захватили город Порт-Саид в северной оконечности канала, сопротивление египетских военных слабело. Тем не менее французское правительство, похоже, понимало, что время проведения Суэцкой операции подходит к концу. У Парижа были все основания полагать, что послание Булганина потребует той или иной реакции Вашингтона, и существовала вероятность, что Соединенные Штаты потребуют вывода французов и британцев из Египта. Чтобы не дать американской стороне выдвинуть столь опрометчивое требование, Молле и Пино сказали Диллону, что они готовы согласиться на прекращение огня, возможно, уже на следующий день, но на определенных условиях. Они попросили, чтобы резолюция Совета Безопасности ООН была подготовлена Соединенными Штатами, а не Советским Союзом. Кроме того, Франция хотела сохранить за собой право оккупировать канал до тех пор, пока он не будет «функционировать нормально», и говорила о требовании провести «свободные выборы» в Египте, чтобы вопрос об окончательном урегулировании суэцкой проблемы

обсуждать не с Насером. Французы были еще явно не готовы отказаться от своих целей. Они надеялись, что Соединенные Штаты помогут им добиться того, чего они не могли достичь силой оружия⁵².

Кроме того, Энтони Иден понимал, что операция обречена. У нас нет в этом уверенности, но похоже, что утром 6 ноября Британию больше всего волновало не угрожающее послание Москвы. На повестке дня стояла возможность финансового кризиса, спровоцированного событиями на Ближнем Востоке. Это произошло из-за главного слабого места в британской операции – времени, необходимого, чтобы захватить канал и, как надеялись, добиться отставки Насера. Прошло восемь дней с тех пор, как Израиль совершил свое нападение, шесть дней с начала воздушной операции и два дня с тех пор, как британские и французские парашютисты десантировались близ Порт-Саида. За это время спекулянты иностранной валютой обеспокоились судьбой поставок нефти в Британию и начали демпинг своих вкладов в британских стерлингах. Как раз за два дня до этого насеристы в Сирии организовали диверсию на пересекавшем страну главном нефтепроводе, а египтяне начали топить корабли в Суэцком канале – другом главном пути доставки нефти в Британию.

Предполагая, что американцы будут неохотно поддерживать любые военные действия против Египта, британцы никогда не задумывались, как они справятся с экономическими последствиями операции. Теперь международные продажи приводили к обвальному снижению стоимости фунта стерлингов. В рамках международной финансовой системы, созданной после Второй мировой войны, национальные валюты были привязаны к фиксированной стоимости международным соглашением. Если спрос на валюту той или иной страны изменялся, то она была обязана реагировать, покупая или продавая либо облигации, стоимость которых оценивалась в их собственной валюте, либо золотые запасы. Британцам поневоле приходилось справляться с резким падением фунта, последовавшим за вторжением, но они были уверены, что министерство финансов США вмешается, чтобы помочь им защитить фунт, скупая его на валютных рынках. Но Эйзенхауэр уже решил не мешать обесценению британской валюты. Ежедневно, пока продолжалась военная операция, британцы в больших количествах теряли золото и доллары, твердую валюту, в которой они отчаянно нуждались, чтобы покупать нефть у Венесуэлы и других не-ближневосточных нефтепроизводителей. Утром 6 ноября канцлеру казначейства министру финансов Великобритании Гарольду Макмиллану стало ясно, что без американской помощи британское правительство войну не выдержит. А поскольку эта помощь не поступала, Макмиллан заключил, что Британия должна закончить свою маленькую египетскую войну⁵³.

Макмиллан был яростным милитаристом. К тому же он дал себя опутать паутиной ошибочных представлений, определявших политику Идена в отношении Суэца. Он слишком верил, что в критический момент Соединенные Штаты поддержат своих союзников. Во время Второй мировой войны он был политическим руководителем Эйзенхауэра в освобожденном Алжире. Как раз за месяц до начала боевых действий в Египте Макмиллан побывал в Вашингтоне, чтобы прозондировать отношение своего старого боевого товарища к британскому нападению на Египет. У него сложилось впечатление, будто к военной операции Эйзенхауэр относится с пониманием, если вообще ее не благословляет. Но он ошибся.

Иден знал, что им грозит беда, когда Макмиллан выступил против операции. Назначив встречу кабинета министров на утро, чтобы решить, как поступать с суэцкой операцией дальше, премьер-министр, что любопытно, поставил на второе место вопрос о том, как реагировать на поведение Советов. Опытному дипломату министерства иностранных дел Патрику Рейли, которого готовили на должность будущего британского посла в Москве, поручили написать ответ Булганину⁵⁴. Имея в своем распоряжении лишь несколько превосходных идей, о которых действующий британский посол Уильям Хейтер телеграфировал этим утром, Рейли мог руководствоваться только ими. Создавалось впечатление, что в этот беспокойный день мысль ответить Москве пришла лишь в последнюю очередь.

К ядерной угрозе Кремля британская разведка отнеслась со всей серьезностью. Честер Купер, руководитель представительства ЦРУ в Лондоне, вспоминает напряженную обстановку заседания Объединенного разведывательного комитета Великобритании, на которое его пригласили 6 ноября. У собравшихся руководителей британской разведки был только один существенный вопрос для американцев: «Есть ли у Советов ракеты, которые могут долететь до Лондона?» Когда Купер сообщил, что у Советов их нет, все заметно расслабилось⁵⁵.

В то утро члены британского кабинета министров решили найти способ прекратить огонь в Египте, хотя они и не достигли своей цели. Когда решение было принято, Иден дал указание министерству иностранных дел вызвать Рейли, чтобы составить проект ответа русским. Лондон хотел дать понять Москве, что у нее больше нет причин для тревоги. Суэцкая операция была близка к завершению. Рейли сказали, чтобы проект ответа он принес на Даунинг-стрит после обеда.

Рейли (в годы Второй мировой войны – личный помощник шефа британской разведки) на протяжении своей карьеры был свидетелем нескольких впечатляющих обсуждений. Однако 6 ноября 1956 года он обнаружил апатичного премьер-министра и смущенного мини-

стра иностранных дел. Иден взял проект ответа и покрутил его в руках. Отмечая какое-то выражение в одном месте и какое-то слово – в другом, он был похож на ребенка, размазывающего нелюбимую еду по тарелке. Непосредственного начальника Рейли Селвина Ллойда ответ британцев Советам интересовал еще меньше. Позже Рейли вспоминал, что министр иностранных дел то и дело жаловался, что в тот же день ему придется разговаривать с венесуэльским послом, разумеется, о нефти. Рейли удивился, что его попросили подождать в комнате, пока Иден переговорит по телефону с Ги Молле. Зная, что его поддерживает кабинет министров, Иден попросил француза согласиться на прекращение огня в этот же день.

В Париже американец Дуглас Диллон сидел в кабинете Молле, советуя французскому руководителю позвонить Идену; и тут раздался звонок. Последующая беседа Молле с Иденом положила конец нежеланию Франции согласиться на безоговорочное прекращение огня⁵⁶.

6 ноября британцы и французы столкнулись с самым ужасным развитием событий с тех пор, как совершил свое нападение Израиль. Единственным результатом стал крах британских и французских имперских притязаний на Ближнем Востоке и одновременно раздувание самомнения Советов. Наслаждаясь изменением ситуации и не догадываясь о закулисной роли, которую сыграл Вашингтон, принуждая Египет прекратить войну, Советы тешили себя иллюзией, что решающим для отказа от англо-французской военной операции стал страх перед их мощью, особенно мощью их ядерного оружия.

Для Хрущева провал операции Англии и Франции и в результате вывод их войск и войск Израиля из Египта был личной победой, доставившей ему удовлетворение. Это было почти чудом, что Египет пощадили. Ведь всего неделю назад Хрущев столкнулся с перспективой потерять своего ключевого союзника в развивающемся мире – такова была тогда цена восстановления порядка в восточноевропейской империи. Но, в конечном счете, события обернулись в пользу Хрущева. Сохранение Насера у власти послужило аргументом в пользу рискованной политики, за которую Хрущев ратовал на Ближнем Востоке с 1955 года и, кроме того, продемонстрировало, что в международной политике более слабая сверхдержава может получить пользу от ядерного блефа. Теперь Хрущеву казалось, что ядерный блеф является эффективным и не требующим затрат способом ослаблять противников Советского Союза. Забавно, что проблема защиты Египта – проблема, которая с июля 1956 года многократно свидетельствовала об ограниченности советских возможностей, – создала у Хрущева преувеличенное представление о возможностях его действий за границей.

Глава 6

«КОМЕТА ХРУЩЕВА»

В конце 1956 года ЦРУ собрало подборку из несколько шпионских снимков и предъявило их на большом совещании, чтобы представить президенту Эйзенхауэру панорамный вид сверху на Суэцкий канал. Гамаль Абдель Насер затопил большие корабли, чтобы в отместку за англо-французское нападение перекрыть Суэцкий канал, и теперь, когда война закончилась, Эйзенхауэр попросил показать ему ущерб, нанесенный каналу¹.

Эйзенхауэр, сохранивший свой стол в идеальном порядке, не хотел, чтобы на него или даже на стоящий рядом пюпитр что-нибудь клали. Вместо этого президент попросил принесшего фотографии изумленного аналитика ЦРУ разложить их на полу Овального кабинета. После этого Эйзенхауэр встал на четвереньки и, передвигаясь на них, начал рассматривать фотографии. Увиденное Эйзенхауэром вывело его, знаменитого своей сдержанностью, из себя. «Ну и дурак, ну и дурак, ну и дурак!» – бормотал он, останавливаясь, чтобы рассмотреть каждый из поврежденных кораблей. Более пятидесяти из них загромождали то, что, как он знал, было самым важным в мире судоходным торговым путем. Президент был убежден, что, если бы не англо-французское вторжение, Насер бы никогда не перекрыл Суэцкий канал. Прежде всего Каир чрезвычайно нуждался в доходах от пошлин. И действительно, египтяне уже очень напряженно и эффективно работали, чтобы разобрать это скопище поврежденных кораблей, но, несмотря на их усилия, до апреля 1957 года канал оставался закрытым².

Перекрытый Суэцкий канал символизировал для Эйзенхауэра рану, которую в 1956 году Запад сам себе нанес на Ближнем Востоке. Хотя Соединенные Штаты сыграли решающую роль в окончании Суэцкого кризиса и в результате снискали благодарность многих развивающихся стран, Эйзенхауэр был убежден, что Хрущев выиграл от победы гораздо больше. Из-за того, что французы и британцы открыто пытались свергнуть Насера, они потеряли значительную часть

остававшегося у них влияния в арабском мире, создав вакуум власти, который Кремль с его выгодными позициями мог отлично заполнить.

Эйзенхауэр дал понять, что он понимает, насколько чувствителен для египтян вопрос контроля над Суэцким каналом, но он все еще не мог понять Гамалы Абдель Насера. В 1957 году у Белого дома было достаточно доказательств, чтобы заключить, что агентом коммунистического влияния Насер был не больше, чем марионеткой Запада. Он был искусным политиком, готовым торговаться с любой стороной «холодной войны», чтобы достичь той цели, которая, как он считал, нужна Египту. И действительно, тщательный анализ действий Насера после 1954 года показал бы, что, несмотря на его сотрудничество с Кремлем, египетский лидер последовательно предпочитал иметь дело с Соединенными Штатами. В 1955 году Насер отложил покупку оружия у Советского Союза, чтобы посмотреть, не заинтересуются ли Соединенные Штаты сверхвыгодной сделкой Москвы. В начале 1956 года его представители месяцами договаривались с США о выделении миллионов долларов в виде обеспеченных займов для строительства Асуанской верхней дамбы. И эти переговоры продолжались до тех пор, пока Соединенные Штаты резко их не прекратили. Позже, накануне англо-французского нападения, он направил в Вашингтон секретную просьбу о дипломатической помощи, чтобы ему не пришлось обращаться к Хрущеву еще раз. И уже недавно, сразу же после прекращения огня в Египте, Насер снова подтвердил свою приверженность хорошим отношениям с Соединенными Штатами³. Идеологией Насера, если у него вообще была хоть какая-то идеология, был арабский национализм.

Однако опасения «холодной войны» настолько исказили призму, через которую администрация Эйзенхауэра смотрела на Ближний Восток, что правительство США убедило себя, будто коммунизм – при содействии Насера – стал главной политической силой, определявшей развитие региона в 1957 году. Если Соединенные Штаты ничего не сделают, то, как предполагала администрация, Советский Союз быстро заполнит политический вакуум, образовавшийся в результате краха французского и британского влияния. К тому же Эйзенхауэр убедился, что Советы хотят контролировать запасы нефти Ближнего Востока⁴. Тревогу президента за будущее региона усилил его государственный секретарь Джон Фостер Даллес, который всегда быстрее, чем его начальник, ощущал советский вызов и был еще меньше настроен на массовый феномен арабского национализма.

5 января 1957 года Эйзенхауэр объявил о новой политике активных политических действий, призванных противостоять этой угрозе Ближнему Востоку. В специальном послании Конгрессу он официально заявил, что покровительство США распространяется на весь

регион. Немедленно получившее название «Доктрина Эйзенхауэра», это заявление обосновало обязательство США оказывать экономическую и военную помощь (без прямого военного вмешательства) «любому государству или группе государств на Ближнем Востоке вообще» ввиду «усиления опасности со стороны международного коммунизма»⁵. Как позже объяснял Эйзенхауэр, целью было продемонстрировать решимость его администрации «воспрепятствовать продвижению Советского Союза к Средиземному морю, к Суэцкому каналу, к нефтепроводам и к подземным озерам нефти, снабжающим топливом дома и предприятия Западной Европы»⁶. Если бы заявление сочеталось с новой инициативой, направленной на решение арабо-израильского конфликта, то тогда в арабском мире его, может быть, встретили бы с большим одобрением. Однако, продемонстрировав, что они настойчиво преследуют призрак советского влияния, Соединенные Штаты дали понять, что отходят от своей традиционной роли честного посредника в регионе. В середине пятидесятых годов такие националисты, как Насер, обратились к Вашингтону как к противовесу имперским притязаниям Великобритании. Теперь же Вашингтон говорил так, как если бы он собирался стать преемником Британии в регионе. Неправильное понимание Эйзенхауэром политической динамики на Ближнем Востоке вскоре осложнило политику США в регионе и предоставило Хрущеву новые возможности расширить советское влияние⁷.

* * *

Эйзенхауэр и правительство США серьезно недооценили как намерения, так и возможности Москвы. В январе 1957 года Кремль не был расположен вести активные внешнеполитические действия на Ближнем Востоке или где-нибудь еще. Два одновременных осенних кризиса – в Венгрии и Египте – серьезно поколебали советскую самоуверенность и нанесли немалый урон руководящей роли Хрущева. Несмотря на успех советской армии в подавлении венгерского восстания и несомненную ловкость Хрущева, применившего новую тактику ядерного блефа, чтобы превратить в победу близившееся поражение в Египте, его доминирование в Президиуме подвергалось теперь серьезному пересмотру. К счастью для него, его коллеги не выработали общего мнения об ошибках, допущенных им в конце 1956 года. «Старая гвардия», которую Хрущев затмил в 1955 году, обвиняла его в том, что он просто пытался договориться о политическом решении с Имре Надем. Бывший советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов целых два года выражал недовольство наивностью Хрущева в его политических отношениях с такими иностран-

ными коммунистами, как Тито из Югославии, хотевшими стать не зависимыми от Москвы. Когда Надь попытался вывести Венгрию из Варшавского Договора и поддержал требование венгерских студентов пересмотреть отношения с Москвой, Молотов ощутил свою правоту. Озабоченность Молотова разделяли и Лазарь Каганович, член кремлевского руководства с двадцатых годов, и Георгий Маленков.

Однако Хрущев и его ставленники в Кремле истолковали венгерский инцидент по-другому, считая, что его причинами были неудачи социализма в Восточной Европе. Никто из них, включая Хрущева, не был психологически готов признать, что причиной непрочности позиций правительств Восточной Европы было отсутствие личной свободы при социализме. Однако причиной политического переворота в регионе они не считали и происки Запада; эта отговорка позволила бы им обойти трудные вопросы о том, что произошло в октябре 1956 года. Вместо этого группа, составлявшая большинство в Президиуме, пришла к тревожному выводу, что польское и венгерское правительства вынудили рабочих и студентов выйти на улицы потому, что им не удалось обеспечить своим гражданам достойный уровень жизни.

Этот анализ стал убедительным для Кремля, поскольку приводил к невысказанному, но разделяемому советским руководством предположению, что и сам Советский Союз не был гарантирован от политических беспорядков по аналогичным причинам. Всего через две недели после подавления советскими войсками восстания в Будапеште Хрущев потребовал немедленно пересмотреть бюджет на 1957 год – второй год пятилетки, план которой был принят в 1956 году. Он посоветовал срочно вкладывать деньги в советское жилищное строительство и выделить больше средств, предназначенных для повышения материального благосостояния советских тружеников⁸. Президиум единодушно поддержал это предложение, хотя денежное вливание могло бы стать дополнительным бременем для советского бюджета. Каковы бы ни были сомнения финансистов, их пересилило убеждение, что советский уровень жизни, особенно для промышленного рабочего класса, необходимо повысить, чтобы предотвратить политические волнения.

Влияние венгерских событий проявилось и в ужесточении отношения Кремля к политическому инакомыслию внутри страны. Хрущев не встретил противодействия, когда предложил Коммунистической партии начать борьбу с «антисоветскими и враждебными элементами» в СССР⁹. Он хотел, чтобы в Президиуме была создана подкомиссия для пересмотра приговоров по политическим преступлениям. После смерти Сталина в 1953 году в Советском Союзе произошло стремительное сокращение вездесущей системы ГУЛАГа – системы

концентрационных лагерей. Благодаря хрущевской политике десталинизации подавляющее большинство из двух с половиной миллионов узников ГУЛАГа уже были освобождены¹⁰. Венгерское восстание не вынудило Хрущева восстановить эту систему, но сыграло на существующих опасениях, что, может быть, его снисходительность оказалась чрезмерной. «Мы были напуганы, по-настоящему напуганы, – вспоминал позже Хрущев. – Мы боялись, что оттепель может дать волю потоку, который мы не сможем обуздать, и он нас затопит»¹¹. В декабре 1956 года Хрущев высказал вслух свое удивление, почему освободили некоторых опасных политических противников, которых следовало бы изолировать от всего населения. «Из тех, кого мы освободили из тюрем и ссылки, – признавался он 6 декабря Президиуму, – некоторые этого не заслуживают»¹². Увидев, как рабочие приняли знамя от венгерских студентов, он хотел воспрепятствовать тому, чтобы рассерженные советские рабочие нашли подобных антикремлевских вожаков у себя на родине.

В 1957 году Хрущев и его критики из «старой гвардии» были одного мнения об инакомыслии внутри страны. Когда Хрущев посоветовал, чтобы КГБ и МВД было дано поручение действовать безжалостней, чтобы искоренить диссидентов, Маленков и Молотов согласились. А Молотов еще и стал ворчать, что советская пропаганда стала слишком слабой. По его мнению, было опасно признавать, что советский уровень жизни невысок. Даже Микоян высказался о важности укрепления «партийного мировоззрения» народа¹³. Вскоре после этого советских военных и гражданских, заподозренных в симпатии к венгерским реформаторам, начали высылать в немногочисленные оставшиеся лагеря, где они и отбывали наказание¹⁴.

* * *

После провала англо-французского вторжения Кремль, по оценке Вашингтона, вернул себе былую самоуверенность в отношении своей политики на Ближнем Востоке. Любопытно, что в таких обстоятельствах Хрущева порицали лишь за неумелый подход к Суэцкому кризису, и в начале 1957 года это критическое отношение, судя по всему, разделяло большинство членов Президиума. Как старые сталинисты, так и некоторые из сравнительно молодых руководителей считали кризис побочным результатом сильного желания Хрущева распространить советские обязательства на Насера и другие арабские государства. Даже Микоян, друг и политический союзник Хрущева, находился на стороне людей, полагавших, что Суэцкий кризис был Советскому Союзу не нужен¹⁵.

Публичное заявление Эйзенхауэра, взявшего на себя обязательство бороться с коммунизмом на Ближнем Востоке, имело кратковременный и, несомненно, незапланированный эффект: Кремль снова выступил в поддержку Египта. Его поддержали даже те члены советского руководства, которые считали Насера ненадежным союзником, втянувшим Москву в нежелательный кризис. Египтяне недавно обратились к Советам за военной помощью по сниженным ценам, нуждаясь в ней для восстановления после потерь в Суэцком кризисе. Москву останавливала только цена, приводившая ее в замешательство. Кроме того, Кремль уже давно беспокоило, что именно сделает Насер с этим оружием. До национализации Суэцкого канала Хрущев предупреждал Насера не наращивать свой арсенал до такой степени, чтобы спровоцировать более сильные западные державы. Однако, когда Эйзенхауэр бросил вызов, оружейную сделку поддержали даже те, кто предлагал не спешить с предоставлением Насеру военной помощи. 31 января, менее чем через месяц после того, как президент США объявил свою новую доктрину, Москва одобрила пакет помощи для Каира стоимостью в несколько миллионов долларов¹⁶.

Однако это было лишь незначительным изменением политической конъюнктуры – не более, чем позой, чтобы показать Соединенным Штатам, что Советскому Союзу не страшна новая доктрина. Большинство членов Президиума были против любых новых ближневосточных авантур. Хрущев, хотевший сделать для арабов больше, чем просто послать им оружие, вскоре понял, что у его коллег есть пределы, дальше которых они не пойдут, отвечая на брошенный этому региону вызов США. Люди, скептически относившиеся к политике Хрущева, были готовы научить арабов помогать самим себе, но после Суэцкого кризиса в Кремле сложилось единодушное мнение, что ничего делать не надо и это увеличит шансы того, что советским военным никогда не придется сражаться на Ближнем Востоке.

Наличие этих пределов выявилось в реакции Кремля на угрозу, назревавшую в Сирии. В 1956 году советско-сирийские отношения оживились, и теперь Дамаск был встревожен перспективой западного возмездия. После объявления «Доктрины Эйзенхауэра» у сирийцев сложилось убеждение, что в скором времени власти США захватят их страну. Когда в марте 1957 года сирийцы обратились к Советам с просьбой прислать летчиков-добровольцев в Египет или в Сирию, Кремль ответил, что он продолжит поставлять оружие в Сирию, однако отправка летчиков-добровольцев «может повлечь за собой негативные последствия как для арабских государств, так и для Советского Союза»¹⁷. Маленков и Молотов, уже давно относившиеся к отношениям с Египтом скептически, возглавили противодействие расширению советской помощи Сирии.

Обидевшись на своих коллег, которые расстроили его планы, не поддержав ближневосточные инициативы, Хрущев, тем не менее, как и они, чувствовал, что сейчас не время делать то, что могло бы разозлить американцев. «Это опасный момент»¹⁸, – объяснил он на секретном заседании в Кремле. Об этом он заявил в апреле 1957 года, во время обсуждений в Кремле, когда он и Микоян докладывали о сложившемся к настоящему времени международном балансе сил. Они полагали, что, поскольку обе сверхдержавы относились ко всему с подозрением и до сих пор еще не оправились после событий 1956 года, шансы возникновения ядерной войны возрастали¹⁹. Москва была расстроена поражением в Венгрии. Запад проиграл в Египте. Тревожный мир, установившийся между Москвой и Вашингтоном после окончания Второй мировой войны, Хрущев и Микоян считали как никогда хрупким. В этих условиях Хрущев полагал, что Советский Союз должен удвоить свои усилия, чтобы добиться в том или иного виде разоружения.

Последующее усилие Хрущева изменить положение Советского Союза на переговорах в подкомитете ООН по разоружению, где крупнейшие мировые державы обсуждали этот вопрос с 1955 года, встретило такое же противодействие, как и его прежнее усилие помочь Сирии чем-то большим. Соединенные Штаты уже объявили об одностороннем сокращении своих вооруженных сил, и это обнадежило Хрущева. «Если враг готов пойти на реальные уступки, – объяснял он, – нам не стоит быть твердолобыми»²⁰. Однако вопрос о разоружении вызвал глубокие разногласия в советском руководстве. Хрущев, разумеется, не поладил с Молотовым²¹. Но постепенно и Маленков, бывший союзник Хрущева в борьбе за политику мирного сосуществования, стал все больше и больше сомневаться в возможности творческого подхода к достижению соглашения с Западом.

Но самой поразительной оказалась форма, в которую вылился спор о разоружении, вспыхнувший между Хрущевым и командованием советских вооруженных сил. Во главе с маршалом Жуковым советские военные заявили о своей позиции явно в пользу разоружения. Причиной этой готовности, довольно резко отличавшейся от позиции, занятой военными в Пентагоне, не согласными с предложением Эйзенхауэра об «открытом небе», было мнение о стратегической разведке. Руководители военной разведки Жукова не могли представить достаточно информации о боевых возможностях Запада на базах НАТО в Европе. Советам не удавалось создать свой собственный вариант самолета-разведчика «U-2», а шпионские спутники все еще оставались плодом воображения. Но то, чего не могла предоставить советской армии технология, могла бы обеспечить дипломатия. При мощной поддержке военных в ноябре 1956 года на переговорах о

разоружении в Лондоне советские представители предложили план частичного наблюдения с воздуха. Предполагалось, что наблюдение будет распространяться на тысячу шестьсот километров между Парижем и советско-польской границей²². Теперь во время этого следующего раунда переговоров советские военные надеялись добиться большего – возможно, открыть для наблюдения части территории Советского Союза, а советским самолетам разрешить наблюдать за открытыми для контроля частями территории Соединенных Штатов.

Если в спорах о Сирии Хрущеву пришлось столкнуться с разногласиями, то из обсуждения разоружения, проходившего в Кремле в апреле 1957 года, он, судя по всему, вышел победителем. Результатом стали личное поражение Молотова и Маленкова и односторонний компромисс между Хрущевым и советскими военными, от которого выиграл Хрущев. Новая политика имела своей целью признание взаимного сокращения вооруженных сил НАТО и Варшавского Договора, а также прекращение всех ядерных испытаний на два года. Хрущев согласился с Жуковым, что впервые в своей истории Советский Союз может открыть часть своей территории для иностранных самолетов, однако это предложение ему удалось представить в такой формулировке, которую, как он знал, Запад никогда не примет. Частью территории, которую предполагалось открыть для наблюдения, была Сибирь, в которой не было ракетных установок и имелось всего несколько стратегических аэродромов. А тем временем, как надеялся Хрущев, Соединенные Штаты разрешат наблюдение за их западными штатами, где, как он знал, американцы планировали разместить свои межконтинентальные баллистические ракеты и где уже было много стратегических воздушных баз. В действительности его уступка была совсем не уступкой.

* * *

У Хрущева было мало шансов насладиться своей победой, которой стал для него новый курс в советской политике разоружения. Он выиграл эту битву, но существенные изменения в политике Кремля наводили на мысль, что одерживать подобные победы станет все труднее. Зимой и в начале весны 1957 года в Кремле возник разлад, положивший конец кажущемуся единодушию по вопросу о том, как отвечать на внутрисполитические вызовы после Венгерского кризиса. Выдвинув, как ему было свойственно, множество новых инициатив, направленных на повышение уровня жизни советских граждан, Хрущев в скором времени обнаружил, что испытывает терпение даже своих ближайших союзников в советском руководстве. В марте 1957 года ему пришлось упрашивать Кремль начать радикальную реформу

существовавшего в СССР способа управления промышленным сектором экономики. Недовольный хронической неэффективностью советской промышленности, Хрущев решил, что пора децентрализовать руководство заводами, работающими в республиках. На практике это означало, что от союзников Маленкова и Молотова в московских министерствах власть переходила к его союзникам среди региональных партийных элит в советских республиках. Естественно, Молотов и Маленков воспротивились этой реформе²³. Но и на этот раз, благодаря ключевым голосам более молодых членов Президиума и его верному союзнику Микояну, Хрущев взял верх. Если бы Хрущев на этом остановился, то он смог бы договориться, обсудив политические риски этого вопроса так же, как он это сделал с вопросом о разоружении. Однако Хрущев был слишком нетерпелив, чтобы не настаивать на проведении дальнейших изменений.

В 1957 году единственным отрядным явлением советской экономики было ее сельское хозяйство. За три года с тех пор, как Хрущев призвал к освоению целины в Казахстане и Западной Сибири, производство продукции советского сельского хозяйства значительно возросло. С 1954 по 1956 год в сельскохозяйственный оборот было введено 137 тысяч квадратных миль [354 828 квадратных километров. – *Примеч. пер.*] находившихся под паром земель (в совокупности это примерно площадь Пенсильвании, Нью-Йорка и Огайо, вместе взятых)²⁴. И результаты были великолепными. В 1956 году был собран небывалый урожай как в традиционном черноземном регионе южной России, так и на недавно распаханых целинных землях. Прибыли оказались на двадцать процентов выше, чем в 1955 году, и примерно на пятьдесят пять процентов больше, чем в среднем в последние годы жизни Сталина, в 1949–1953 годах. Больше всего обрадовала Хрущева статистика, согласно которой половину всего зерна Советского Союза теперь давала его целина²⁵. Новости с животноводческих ферм были такими же обнадеживающими. Со времени смерти Сталина производство мяса увеличилось на сто шестьдесят два процента, а молока – на сто пять²⁶. Эта страна с почти двухсотмиллионным населением пока еще не обеспечивала себя продовольствием, но дефицит сокращался.

В этот период политической нестабильности Хрущев мечтал радовать советский народ оптимистическими легендами, и поэтому зимой и весной 1957 года он совершил несколько широко разрекламированных триумфальных поездок по регионам производства озимой пшеницы и хлопка. Он побывал на Юге России, Северном Кавказе, в Узбекистане и Киргизии. Энтузиазм колхозников, с которыми он встречался, смешанный с его собственным победным ощущением, образовал чарующую смесь. Останавливаясь в пути, Хрущев стре-

мился превзойти самого себя, выступая с еще более колоритными и амбициозными заявлениями. 8 марта в южном российском городе Краснодаре, центре производства пшеницы и животноводства, он объявил, что главная экономическая цель Советского Союза – «догнать и перегнать... наиболее высокоразвитые капиталистические страны»²⁷. Через несколько дней, немного севернее, в Ростове-на-Дону, он обругал западных империалистов, которые так сильно ошиблись, предсказав кризис сельского хозяйства в СССР²⁸. Однако самое яркое его заявление было сделано через два месяца, 22 мая, когда, повторив цель, которую он выдвинул для страны в Краснодаре, Хрущев выступил с предсказанием: «К 1960 году мы сможем догнать Соединенные Штаты по производству мяса на душу населения». Хрущев обещал почти утроить производство мяса в стране²⁹.

Когда об обещании «догнать и перегнать» сообщили в Москву, наиболее серьезные его оппоненты пришли в ярость. На первом заседании руководства после возвращения Хрущева из Краснодара Молотов и Каганович не скрывали своего раздражения. Они грубо напомнили, что нет оснований полагать, что Советский Союз может перегнать США по производству мяса в обозримом будущем, не говоря уж про три года³⁰. «Вы слишком много говорите!»³¹ – прикрикнули они на него, как позже вспоминал Хрущев.

Хрущев совершил большую политическую ошибку, когда, рискуя престижем целой страны, не предупредил о своих обязательствах остальных членов кремлевского руководства. Его действия разозлили не только сталинистов. Даже его ставленники полагали, что, прежде чем определять цели СССР, Хрущев должен был сначала обсудить ее с Президиумом, а потом – со специалистами по экономике в Центральном Комитете. Как и промышленные реформы, выступление Хрущева 22 мая в очередной раз напомнило об упрямом желании и стремлении Хрущева делать все самому, что было бы очень опасно, если предоставить его самому себе.

Не замечая того, что его действия вызывали серьезную тревогу в Президиуме, причем не только у его решительных противников, Хрущев опрометчиво перепутал самопродвижение со своей борьбой за повышение нравственности рядовых советских граждан. Он решил сам себе присудить Ленинскую премию – самую высокую награду, которую советское государство могло присудить своему гражданину, – за программу освоения целины. Это произошло всего через два года после того, как Хрущев уже получил Ленинскую премию. Тройка сталинистов – Молотов, Каганович и Маленков – официально против награждения не возражала, но в ходе обсуждения этого вопроса на заседании Президиума в апреле 1957 года каждый из них говорил, что время для награждения выбрано, по всей видимости, не-

удачно. «У нас нет культа личности, – сказал Каганович, – и [мы] не должны давать повод [думать так]»³².

Серьезная подготовка к смещению Хрущева началась после этой неуместной попытки наградить самого себя. Как и следовало ожидать, заговор возглавил Молотов. Молотов никогда не смирялся с тем, что этот выскочка переиграл его и в 1955, и в 1956 годах, что стоило Молотову утраты его исключительной роли в определении советской внешней политики. Противодействие Маленкова и Кагановича тоже объяснялось давним отсутствием чувства уважения к Хрущеву и особенно тем, как он захватил власть в 1955 году.

Однако опасной эту ситуацию для Хрущева сделало то, что вскоре к этой тройке ожесточившихся противников присоединились и другие члены Президиума, которые фактически извлекли выгоду из событий 1955-го и 1956 годов, но были против того Хрущева, каким он стал в 1957 году. Эти люди – Николай Булганин, Максим Сабуров и Михаил Первухин – перестали доверять Хрущеву. Они считали его нестабильным, своенравным человеком, который не выносит необходимости договариваться. У Хрущева были четкие представления как о вещах, в которых он немного разбирался, например о партийной работе и сельском хозяйстве, так и о сферах, как внешняя и военная политика, с которыми он только начал знакомиться. Не встречая препятствий, энергия Хрущева граничила с безрассудством. В ядерную эпоху совсем не подобало, чтобы во главе сверхдержавы стоял такой вспыльчивый человек.

В июне примерный опрос показал, что большинство членов Президиума согласны с тем, что Хрущев уже перешел границы, и его нужно снять с должности Первого секретаря. Чтобы сместить руководителя, требовалось всего шесть голосов членов Президиума из одиннадцати, а в заговоре участвовали восемь человек³³.

Хрущева, похоже, заговор застал врасплох. Недовольство членов антихрущевской группы вызвало, помимо прочего, то, что верный приверженец Хрущева – тогдашний председатель КГБ Иван Серов установил наблюдение за членами Президиума. Однако первым признаком того, что против Хрущева что-то замышляют, стало поступившее от Булганина приглашение на внеплановое заседание Совета министров 18 июня³⁴. За три дня до этого Хрущев обратил внимание на то, что его позиция подверглась открытой критике. Это произошло на заседании Президиума, когда обсуждались советские закупки станков в странах социалистического блока³⁵. Но это его не особенно насторожило, и он беззаботно покинул заседание. На самом деле открытая критика свидетельствовала об уверенности заговорщиков. В какой-то момент Ворошилов предложил отложить любые решения по вопросу «до следующего заседания Президиума Центрального

Комитета», что, как знали все заговорщики, было паролем для завершения эпохи Хрущева.

Вначале Хрущев пытался отказаться от своего участия в заседании, назначенного Булганиным, он ссылаясь на то, что устал и что в тот же день у него запланирована встреча в Ленинграде. Но Булганин настоял.

Оказавшись в Кремле, Хрущев обнаружил, что официальное заседание Президиума было созвано без его ведома. Единственным пунктом повестки дня было его будущее как партийного руководителя. Ошеломленный, Хрущев слушал, как заговорщики сообщали ему о том, что на этом чрезвычайном заседании он должен передать свои полномочия председателю Президиума Булганину. Микоян, которого заговорщики не посвятили в дело, заявил, вместе с Хрущевым, протест, но они потерпели поражение при голосовании.

До сих пор проигрыш в вотуме недоверия во время заседания Президиума всегда означал для советских руководителей политическую смерть. В январе 1955 года Георгий Маленков – первый, кого постигла такая судьба, – согласился с результатом и отказался от своих должностей. Однако Хрущев отказался снимать с себя полномочия, когда 18 июня 1957 года большинство членов Президиума проголосовали против него. Он спекулировал на том, что за пределами стен Кремля существует огромный советский партийный аппарат, который ему обязан, и что эти региональные и местные работники могут сохранить его во власти. Хрущев единолично, без посторонней помощи, восстановил доверие партии после многолетних, наносивших ей урон, сталинских репрессий. Он выдвигал работников из каждого региона, тем самым увеличивая число своих ставленников и постепенно делал лояльными даже тех, кого не взял с собой в Москву. Благодаря недавним успехам в сельском хозяйстве, улучшившим политический климат в селе, эти региональные руководители полагали, что их преданность была вознаграждена. Одновременно Хрущев наладил хорошие отношения с военными. Вместе с маршалом Жуковым он прилагал усилия, чтобы смыть позорное пятно сталинских лет, когда большинство офицеров советского Генерального штаба были репрессированы. Он усердно поддерживал посмертную реабилитацию таких почитаемых ветеранов Гражданской войны, как маршал Михаил Тухачевский, убитый в тридцатых годах.

И Хрущев немедленно потребовал заплатить ему по всем этим счетам. Советские военно-воздушные силы предоставили специальные самолеты в распоряжение региональных партийных секретарей, чтобы они могли прилететь в Москву на экстренное заседание Центрального Комитета. К концу дня 20 июня 1957 года 107 из 130 полноправных членов ЦК были в Москве, и 57 из них подписали

ходатайство с требованием созыва пленарного заседания для обсуждения будущего Хрущева. Подписавшие поддержали его позицию, что один Президиум не может сместить Первого секретаря партии.

Хрущев знал, что получит голоса поддержки, если ему удастся вынести обсуждение за пределы Президиума. Остальные политические сторонники Маленкова находились только в Москве; Молотов был человеком прошлого, а большинство других заговорщиков были политическими призраками. Но имелось одно досадное исключение. Его ставленник, щеголеватый министр иностранных дел и кандидат в члены Президиума Дмитрий Шепилов внезапно, в последнюю минуту присоединился к заговорщикам. Это было настоящим ударом по Хрущеву, который тесно сотрудничал с Шепиловым в бытность последнего главным редактором «Правды». Когда Шепилов лучше познакомился с иностранными делами, Хрущев поручил ему миссию, состоящую в сближении Насера с Москвой. Хрущеву удалось справиться с этой попыткой переворота, так что Шепилову пришлось уйти, и советским министром иностранных дел стал его заместитель Андрей Громыко.

Хрущеву не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в правильности своих расчетов. 22 июня все закончилось. Результаты голосования в Центральном Комитете оказались разгромными для заговорщиков, которым не оставалось ничего другого, как пойти на попятный³⁶.

Хрущев проявил сострадание к своим противникам. Четверо руководителей заговора – Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов – были выведены из состава Президиума. Но их не расстреляли и не арестовали. Положение их главных союзников (все они, в конечном счете, отреклись от своего противодействия Хрущеву) ухудшилось не столь радикально. Булганину было позволено остаться в Президиуме, но со временем он лишился должности председателя Совета Министров. Первухина вывели из Президиума, но назначили на должность советского посла в Восточной Германии. Почтенный маршал Ворошилов был слишком популярным среди советских людей, чтобы его наказывать. Ему было позволено остаться, хотя Хрущев редко к нему прислушивался.

Двое из старых сталинистов, Молотов и Каганович, просчитавшись, жалостливо молили сохранить им жизнь. Когда-то они замыслили убить Хрущева и, видимо, поэтому оба предположили, что за их грехи он может их казнить. «Товарищ Каганович, – так, говорят, Хрущев сказал одному из них по телефону, – ваши слова еще раз подтверждают, какие методы вы хотели использовать для достижения ваших подлых целей... Вы хотели убить людей. Вы меряете всех на свой аршин, но вы ошиблись. Мы придерживаемся ленинских принципов и будем придерживаться их впредь... Вы сможете спокойно

работать и жить, если вы, как и все советские люди, будете работать честно»³⁷. И Хрущев сдержал свое обещание.

* * *

Какое бы значение для Запада – с точки зрения оценки политической стабильности в Советском Союзе – ни имел неудавшийся заговор против Хрущева, но менее чем через четыре месяца это потеряло актуальность. Когда Советскому Союзу, чего никто не ожидал, удалось запустить в космос первый спутник, это, судя по всему, изменило баланс сил в соревновании сверхдержав. В одночасье страна, которая не могла произвести столько мяса, масла и угля, чтобы удовлетворить потребности своего собственного народа, заявила о своем технологическом превосходстве над Соединенными Штатами.

«Спутник Земли», или просто «спутник», дал начало космической эре и вместе с ней – состязанию сверхдержав в космосе. В середине пятидесятых годов и Соединенные Штаты, и Советский Союз взяли обязательство запустить в космос спутник когда-нибудь в течение Международного геофизического года (МГГ), 1957 года, совпавшего с повышенной солнечной активностью между 1 июля 1957 года и 31 декабря 1958-го. В начале 1957 года главный советский конструктор Сергей Павлович Королев посоветовал ускорить выполнение советской военной программы, чтобы создать межконтинентальную баллистическую ракету «Р-7» и использовать ее для запуска спутника в космос осенью того же года³⁸. Понадобилось произвести пять неудачных запусков прежде, чем в августе 1957 года ракета «Р-7» с учебной боеголовкой успешно стартовала с космодрома «Байконур» в советской Центральной Азии. Это уже само по себе было огромной победой для Хрущева, безраздельно верившего в будущую ракету с ядерной боеголовкой, хотя до военного развертывания «Р-7» оставалось еще несколько лет. Королев, которого мирное исследование космоса интересовало больше, чем уничтожение каких-либо целей на Земле, выступал за то, чтобы ракету «Р-7» использовать для вывода на орбиту первого искусственного спутника.

Весившая чуть больше 184 фунтов [83,46 килограммов. – *Примеч. пер.*], цилиндрическая ракета-носитель спутника была оснащена расходящимися в стороны соплами, выглядевшими, как модные «хвостовые плавники» тогдашних автомобилей. Единственная задача «спутника» состояла в том, чтобы выйти на орбиту и издавать звуки. На спутнике имелся аккумулятор, позволявший ему передавать низкочастотный звуковой сигнал («бип») радистам тех стран, над которыми он пролетал. Несмотря на опасения, возникшие позже на Западе, будто эти телеметрические сигналы, «бипы», были зашиф-

рованными сообщениями для советских агентов, на самом деле они не содержали в себе никакой информации³⁹. Их значение было чисто символическим.

Первоначально предполагалось, что ракета «Р-7» со спутником должна взлететь 6 октября. В этой дате не было ничего магического или идеологически значимого. Президиум, несомненно, знал о предстоящем запуске, но, поскольку вероятность аварии была высока, никакой пропагандистской кампании заранее не готовили. Советским людям ничего не скажут о спутнике до тех пор, пока запуск не окажется успешным. В последний момент Королев решил перенести запуск на два дня раньше⁴⁰. Конференция по МГТ только что началась в Вашингтоне, округ Колумбия, и доклад, прочитанный 30 сентября американским ученым, обеспокоил Королева, предположившего, что свой собственный спутник администрация Эйзенхауэра может запустить всего через несколько дней. В день запуска Хрущев планировал проехать через Киев, возвращаясь домой из своего южного уединения в Пицунде. Он не собирался делать большой крюк и ехать в восточном направлении, чтобы посетить запуск на Байконуре⁴¹.

* * *

Королев ошибся, когда предположил, что администрация Эйзенхауэра близка к тому, чтобы победить СССР в космосе. У Эйзенхауэра имелась очень подробно разработанная космическая политика, но она не включала в себя необходимость быть первыми в космосе. Представления президента США о перемещениях в космосе были неотделимы от его опасений, связанных со сбором информации в небе над Советским Союзом. Когда усилия Эйзенхауэра уговорить Советы одобрить его предложение об «открытом небе» оказались безрезультатными, военным пришлось разработать рискованную программу полетов самолета-разведчика «U-2», вызывавшую у него беспокойство. Эйзенхауэр никогда не мог избавиться от ощущения, что каждый вылет «U-2» представлял собой военную операцию, даже если эти полеты на большой высоте были не более чем булавочными уколами – еле заметными нарушениями суверенитета советского воздушного пространства. Он мечтал о том дне, когда бремя этого наблюдения можно будет переложить на разведывательные спутники, вне пределов суверенного советского воздушного пространства.

Чувствительность Эйзенхауэра к вопросу о суверенном воздушном пространстве страны повлияла и на то, как он организовал американскую программу создания спутников. В середине пятидесятых годов международный правовой статус космоса был еще не определен. Теоретически притязание страны на суверенитет могло, пред-

положительно, быть распространено на космос (это понятие – «космос» – вошло в обиход лишь десятилетием позже). Однако, когда Эйзенхауэр одобрил первую программу спутника-шпиона, страны мира еще могли совместно, без ограничений, пользоваться космосом так же, как они пользовались атмосферой Земли. Эйзенхауэр не хотел, чтобы право владения было распространено и на космос; напротив, он надеялся установить принцип, согласно которому спутник любого государства мог выходить на орбиту над другой страной без ее разрешения.

Идею, что космические корабли могут свободно облетать вокруг Земли, как полагал президент, было бы популяризировать проще, если бы первая американская спутниковая программа была вынесена на всеобщее обозрение и представлена как имеющая мирные цели. Создание несекретного спутника Эйзенхауэр поручил военно-морскому министерству США, которое назвало будущий спутник «Авангард» и не допускало к нему ни военных, ни командование военно-воздушных сил, предпринимавшее тайные усилия создать межконтинентальную баллистическую ракету. Теперь считается, что если бы Эйзенхауэр позволил руководить программой армейским ракетным специалистам, включая печально известного Вернера фон Брауна, строившего для Гитлера ракеты «Фау-2», то американский спутник могли бы запустить в космос уже в 1956 году⁴². Решение сделать «Авангард» несекретным имело и то непреднамеренное последствие, что миллионы американцев вскоре поверили, что Соединенные Штаты запустят спутник в космос первыми. В начале 1956 года журнал «National Geographic» уже назвал «Авангард» «первым в истории искусственными спутником, вращающимся вокруг Земли»⁴³. Если и возникали какие-нибудь разговоры о соревновании с Москвой в космосе, то они, как правило, предполагали убеждение, что Советы будут вторыми.

В пятницу, 4 октября 1957 года, американцы предполагали, что знаковым событием популярной культуры станет первая серия нового комедийного сериала «Предоставьте это Биверу». Белый дом не ожидал никаких больших международных событий. Президент уехал на свою ферму в Геттисберге в Пенсильвании, собираясь сыграть свою пятую на той неделе партию гольфа. И тут раздалась «бипы». Ракета «Р-7» с советским спутником взлетела с Байконура как раз после двух часов дня по восточному стандартному времени. Каждые девятью шесть минут и семнадцать секунд «Спутник» облетал вокруг Земли, а к вечеру на северо-востоке США радиолюбители услышали его звук. После восьми часов вечера те, у кого не было любительских радиоприемников, услышали этот звук впервые, когда запись сигнала

лов «Спутника» разместила в своей радиосети американская национальная телекомпания «Эн-Би-Си».

Если американские ученые приветствовали «Спутник», сразу же назвав его достижением на благо человечества, то СМИ и многие граждане истолковали его появление как первый выстрел, которым ознаменовалось начало нового и вызывающего ужас этапа «холодной войны». То, что газета «Нью-Йорк дейли ньюс» назвала «кометой Хрущева», не только поставило под вопрос превосходство американской науки, но и навело на мысль, что «Спутник» станет первым в череде советских военных достижений⁴⁴. Лидер сенатского большинства Линдон Джонсон, который 4 октября находился на своем тexasском ранчо и вышел из дома в надежде увидеть сверкающий оловянный шар, потребовал провести немедленные слушания по поводу угрозы, возникшей для безопасности США. «Скоро они будут бросать на нас бомбы из космоса, – сказал Джонсон, – как дети бросают камни в машины с эстакад скоростных магистралей»⁴⁵.

Белый дом безуспешно пытался развеять эти опасения. Эйзенхауэр никогда не стремился быть первым в космосе и не придавал этому определяющего значения. Он по-прежнему верил, что ученые, работающие для армии, вскоре обеспечат его межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) и надежным спутником-шпионом⁴⁶. На пресс-конференции он заявил американской публике, что нет оснований бояться из-за того, что Советы «запустили в воздух один маленький шарик»⁴⁷. Начальник его генерального штаба добавил, что «Спутник» – это не более, чем «одноразовый мячик в баскетбольной игре космоса»⁴⁸. Однако то, о чем впоследствии вспоминали как о как «волне безумной истерии», не закончилось⁴⁹. В течение года Эйзенхауэр подписал несколько законов, направленных на усиление преподавания научных дисциплин и иностранных языков в школах и университетах, и разрешил команде Вернера фон Брауна присоединиться к космической гонке. 31 января 1958 года спутник «Эксплорер-1» был выведен на орбиту военной ракетой-носителем «Юпитер».

Общественная реакция в Соединенных Штатах и во всем мире, где «Спутник» посылал приветствия на всех языках, пьянила Хрущева. Теперь о Советах восторженно говорили как о лидере ракетостроения, о чем русские раньше только мечтали. В довершение того удовольствия, которое доставлял Хрущеву «Спутник», ему нравилось, что американцы задним числом себя критиковали, сетуя на собственную слабость. Вначале сообщения о «Спутнике» в «Правде» были сдержанными. Но, заметив, какое возбуждение царит за границей, Кремль решил выпустить номер от 6 октября с заголовком крупными буквами на всю полосу, восхваляющим это достижение. Кроме того,

Хрущев пригласил Королева на заседание Президиума, проходившее 10 октября. Выслушав отчет конструктора о «Спутнике», Президиум проголосовал за награждение его орденом Ленина. И никто не ворчал, что эта награда была незаслуженной⁵⁰.

* * *

Торжества по поводу «Спутника» скрыли от публичного обозрения грязное сведение счетов в Кремле. За несколько часов до запуска «Спутника» советский министр обороны маршал Жуков выехал из Москвы, чтобы совершить запланированную ранее трехнедельную поездку в Албанию и Югославию. Его отъезд был для Хрущева сигналом для удаления из Президиума этого популярного в стране героя Второй мировой войны. На протяжении трех лет они оба были политическими союзниками в противостоянии твердолобым сталинистам. В 1955 году Хрущев заручился поддержкой Жукова в своей борьбе за ослабление противодействия Молотова политике мирного сосуществования с Западом. Позже Жуков помог Хрущеву сохранить свой пост, приказав советским военным транспортным самолетам доставить членов Центрального Комитета в Москву, чтобы они могли проголосовать против Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова и сорвать их попытку организовать государственный переворот. Однако в октябре 1957 года Хрущев хотел от него избавиться, обвинив в попытке узурпировать prerogatives Коммунистической партии в сфере национальной безопасности СССР.

Хотя остается неясным, что именно стало непосредственным поводом для этого кризиса, причины очевидны. Несмотря на общее понимание угрозы, которую представлял собой Молотов, и несмотря на давнее знакомство, возникшее еще на Украине, где Жуков был командующим войсками военного округа, а Хрущев местным партийным руководителем, эти две кремлевские знаменитости совершенно по-разному смотрели на роль партии в советской армии. Став кандидатом в члены Президиума в начале 1956 года, после XX съезда партии, Жуков прилагал усилия, чтобы ослабить позицию в армии политработников, прежних политических комиссаров. Отвечавшие за обеспечение идеологической надежности офицерского корпуса, комиссары представляли собой партийный контроль над армией, и неуважение маршала к ним как к институту тревожило таких людей, как Хрущев, ставивших на первое место КПСС. Жуков вызывал подозрения и тем, что позволил упразднить советы обороны республиканского уровня, укомплектованные представителями местной партийной элиты и находившиеся под ее контролем. Ходили слухи, что в среде военных он любил осуждать представителей партии, упо-

добляя их старым котам, «которые потеряли свой нюх». Более того, в своих публичных выступлениях министр обороны, судя по всему, намеренно ничего не говорил о подчиненности военных партии⁵¹.

Жуков казался Хрущеву особенно дерзким после того, как в июне спас его политическую карьеру. В августе маршал попытался возобновить спор о разоружении, который он проиграл весной. В то время Кремль решил предложить Западу такой план инспектирования с воздуха, с которым, как он знал, американцы согласиться не смогут, но Жуков был по-прежнему убежден, что Москве следует дать согласие на ограниченное воздушное инспектирование: это будет ценной, которую она заплатит за то, чтобы СССР получил возможность фотографировать американские военные объекты⁵². Он торопил Хрущева, требуя от него отказаться от противодействия этому плану. Кроме того, Жуков все громче и громче заявлял о своих разногласиях с Хрущевым относительно способа реформировать армию в условиях бюджетных трудностей. В конце 1955 года оба разошлись во мнениях о том, как тратить деньги на советский военно-морской флот. Если Хрущев хотел сосредоточиться на совершенствовании подводного флота, то Жуков стремился спасти программу строительства авианосцев⁵³. После неудавшейся попытки государственного переворота Жуков выразил озабоченность намерением Хрущева сократить численность группировки советских войск в Германии без всякого политического соглашения с Западом и был против любых сокращений бюджета, которые ставили под угрозу его цель повышения жизненного уровня советских военнослужащих⁵⁴.

Хрущев был не единственным членом в кремлевском руководстве, заметившим, что Жуков, судя по всему, предъявляет чрезмерные претензии. Маршал вызывал озабоченность не только своими политическими инициативами, но и тем, что он, похоже, изо всех сил старался добиться симпатии общества лично к себе. Недавно он, воспользовавшись ресурсами советской армии, бросил их на съемки фильма о Сталинградской битве, в котором подчеркивалась его историческая роль. Он даже заказал одному из выдающихся портретистов страны изобразить его на полотне в виде спасителя Матери-России, верхом на белом коне на фоне горящего Рейхстага⁵⁵.

Хрущев и его союзники истолковали в дурную сторону донесения о том, что теперь Жуков создает свою личную охрану. Без одобрения Кремля разведслужба Жукова организовала специальную школу для подготовки партизан и диверсантов. Воспоминания о службе телохранителей, преданных бывшему руководителю советской разведки Сталина Лаврентию Берии, были еще свежи в памяти партийных руководителей, и они не желали смотреть, как Жуков создает нечто вроде частной армии.

Хрущев, усиливший свою политическую позицию после неудачной попытки его свержения, не считал, что должен терпеть Жукова. Как только советский министр обороны покинул столицу, Хрущев попросил главного соперника Жукова в армии начальника Главного политического управления армии генерала А. С. Желтова опорочить Жукова перед Президиумом⁵⁶. Желтов, главный политический комиссар армии, утверждал, что Жуков не доверяет представителям партии в армии. «Если бы вы навесили на политработников рыжие бороды и дали им кинжалы, – якобы сказал Жуков Желтову, явно намекая на монгольские орды, которые пронеслись через Россию в средние века, – то они зарезали бы всех командиров». Желтов жаловался, что Жуков наложил на него так много ограничений, что он не мог совершать инспекционные поездки в войска без одобрения маршала.

Через два дня в Ленинграде и Москве прошли экстренные собрания для младших офицеров, на которых обсуждались обвинения против Жукова. Кроме того, состоялось внеочередное тайное совещание всех ныне живущих маршалов советских вооруженных сил, чтобы продумать, каким образом устранить Жукова. Члены Президиума посетили эти мероприятия⁵⁷.

25 октября, накануне возвращения Жукова в Москву, Кремль принял официальное решение сместить его сразу же, как он только вернется⁵⁸. И прямо на следующий день, непосредственно после прибытия Жукова в советскую столицу, его позвали в Кремль, чтобы официально сообщить о выдвинутых против него обвинениях⁵⁹. На этом впечатляющем собрании герой войны отверг обвинения, назвав главные критические замечания Желтова «дикими». Он согласился, что допустил «некоторые ошибки», повышая собственный престиж в обществе, но было слишком поздно. «Я считаю, что опасно оставлять его во главе министерства», – сказал Булганин. «Был создан режим террора», – добавил, цветисто выразившись, Микоян. Брежнев уловил опасения Президиума, обеспокоенного, судя по всему, не столько личными амбициями Жукова, сколько долговременными последствиями принижения им роли КПСС в армии. «Политика нацелена на раскол [между армией и партией]», – сказал Брежнев. Осуждение Жукова довел до конца Хрущев: «Мне теперь неприятно рассматривать эту драматическую ситуацию с Жуковым... Зачем обрезать нити, связывающие партию с армией?» Решение Хрущева сместить Жукова немедленно было принято единогласно. Его должны были огласить по радио в тот же день, чтобы предотвратить любые попытки сопротивления сторонников Жукова в армии. На должность министра обороны группа выбрала маршала Родиона Малиновского, неохотно поддержавшего Желтова в критике Жукова⁶⁰. Во время Второй мировой войны Малиновский тоже был выдающимся военна-

чальником, но Хрущев, работавший с ним, полагал, что его можно контролировать.

Хрущев действовал быстро, чтобы изменить те направления внешней политики, которые отражали влияние Жукова. Во-первых, он потребовал проголосовать за выход Советского Союза из лондонских переговоров о разоружении, продолжавшихся первые десять месяцев 1957 года. Хрущев разделял мнение Жукова, что переговоры необходимы. Его по-прежнему беспокоила вероятность возникновения ядерной войны, но он не соглашался с Жуковым, что советскую позицию нужно изменить. Вместо этого он хотел принудить Запад изменить предложенные им условия разоружения, отказавшись от переговоров. Новейшие западные предложения, с которыми представителей Москвы ознакомили 29 августа, не привели к преодолению еще существующих расхождений между двумя сторонами.

Кремль и Белый дом достигли понимания лишь по вопросу о весьма незначительном сокращении численности своих армий: с 2,8 миллионов солдат, моряков и летчиков до 2,5. Договорились они даже о том, что все ядерные испытания следует приостановить на срок от десяти месяцев до двух лет. Однако каждая из сторон продолжала навязывать такие предварительные условия, которые делали невозможным переход от заявлений об общих целях к подписанию соглашений⁶¹.

Отстаивая позицию советской стороны, Хрущев отказывался соглашаться на сокращение армии до двух с половиной миллионов человек до тех пор, пока не будет заранее решено, что за этим сокращением последует второе, до 1,3 миллионов человек. Что же до запрета ядерных испытаний, то здесь неприемлемое предварительное условие поставили американцы. Убеждаемый своими советниками Эйзенхауэр, стремившийся к запрету испытаний, настойчиво твердил, что Соединенные Штаты не поддержат запрета ядерных испытаний без одновременного запрета на производство расщепляемых материалов. Иначе говоря, ядерные запасы сверхдержав следовало заморозить на их нынешнем уровне.

Цель Хрущева не сводилась лишь к принуждению к некоторым тактическим изменениям. Он собирался раз и навсегда покончить с предложением Эйзенхауэра по «открытому небу»⁶². После отставки Жукова он мог отменить советские предложения, сделанные в ноябре 1956 и в апреле 1957 года, – предложения открыть для американских самолетов часть Восточной Европы и СССР⁶³. Они были внутривнутриполитическими уступками Жукову, и теперь в них уже не было необходимости.

Хрущевская более жесткая политика разоружения встревожила и министерство иностранных дел, и Анастаса Микояна. Против

нее возразил и заместитель министра иностранных дел Валериан Зорин, представитель советской стороны на лондонских переговорах. Он же представлял министерство в то время, пока министр иностранных дел Андрей Громыко, заменивший Шепилова, находился в ООН. Зорин назвал это предложение непродуманным, но, не имея голоса в Президиуме, не мог сделать ничего, чтобы помешать союзникам Хрущева его ратифицировать⁶⁴. В числе проигравших оказался и Микоян, в конце концов решивший не воевать с Хрущевым по этому вопросу. К проблеме разоружения СССР мог вернуться и позже.

После победы Хрущева над матерыми сталинистами и Жуковым у него появилась надежда, что он наконец-то сможет управлять ближневосточной политикой страны. Сирийское правительство уже подписало торговое соглашение с Москвой, а осенью 1957 года появились свидетельства, что в ответ на это Соединенные Штаты подстрекают Турцию оккупировать Сирию. 10 октября, пока Жуков, который мог бы возразить Хрущеву, совершал свой заключительный, в качестве советского министра обороны, визит на Балканы; Хрущев настоял на том, что Советский Союз должен взять на себя обязательство помочь Сирии⁶⁵. Чтобы удержать Турцию от вторжения в Сирию, он предложил мобилизовать советские войска в южных республиках. Президиум одобрил это предложение, и, когда Турция воздержалась от вторжения, Хрущев решил, что одержал небольшую личную победу.

Однако через месяц Хрущеву пришлось получить хороший урок, когда он попытался воспользоваться своим успехом, чтобы зайти слишком далеко и слишком быстро. Избежав политической смерти в июне и устранив Жукова в октябре, он, несмотря на свой успех, был на вершине власти пока еще не один. Хотя эпоха тягостных споров с Молотовым и Кагановичем уже завершилась, в Президиуме еще оставались люди независимых взглядов. Кроме того, даже после устранения Жукова сохранил свою силу базовый консерватизм советских вооруженных сил, сопротивлявшихся распространению оборонных обязательств на «третий мир».

Этот небольшой, но жесткий урок Хрущев получил, когда предложил создать в Средиземноморье военный альянс под советским руководством, по образцу Багдадского пакта. В середине ноября он предложил Президиуму проект плана, предполагающего предоставление гарантий безопасности Египту, Сирии, Югославии и Греции. Но своего Хрущев не добился. Микоян отказался поддержать эту идею. Не поддержали ее и представители военного командования, которых Хрущев пригласил на заседание специально для того, чтобы они выслушали его предложение. Хотя нового министра обороны Родиона Малиновского, заменившего Жукова, Хрущев подобрал

сам, полагаясь на его надежность, Малиновский также нашел эту идею неудачной, полагая, что сейчас не время для ее осуществления. А потом убедительно выступил начальник Генерального штаба маршал В. Д. Соколовский. Он охладил пыл защитников плана, сказав, что Насер, ключевой союзник Москвы в регионе, может его и не поддержать. Официально Президиум не отказался от этого предложения; его просто переслали бюрократам в министерства обороны и иностранных дел, и с тех пор о нем больше никогда не слышали⁶⁶.

Эти споры в Президиуме о советской политике на Ближнем Востоке происходили в недавно оборудованном зале заседаний Кремля. Чтобы наглядно продемонстрировать свою власть после провалившегося переворота, Хрущев перенес заседания Президиума из комнаты, где они издавна проводились, в зал, смежный с анфиладой его кабинетов в здании около импозантных Спасских ворот, выходящих на Красную площадь. Центральное место в новом помещении для заседаний занимал большой овальный стол, за которым могли разместиться от сорока до сорока пяти человек. То, что кабинет самого Хрущева был рядом, напоминало о том, чей голос за этим столом самый веский⁶⁷.

* * *

В 1957 году правлению «старой гвардии» в Кремле пришел конец. Что будет дальше, оставалось неясным. В лучшем случае, с точки зрения Хрущева, Советский Союз был почти диктатурой. Можно было не сомневаться, что все будущие политические инициативы будут исходить от него. В значительной степени так происходило еще с 1955 года, но теперь уже не было необходимости в напряженных переговорах. И тем не менее, если его предложения были слишком впечатляющими (как, например, его требование создать советский Багдадский пакт), он мог ожидать некоторого противодействия.

Если о происходящих в Москве крупных политических событиях года остальной мир смог узнать хотя и не так много, то все политические споры шли по-прежнему скрытно. У Соединенных Штатов не было возможности узнать, какими станут приоритеты новой советской политики в результате политических побед Хрущева. После октября 1957 года в советской внешней политике произошли изменения, самым заметным из которых был выход из лондонских переговоров по разоружению, но они вряд ли были радикальными. Оставалось увидеть, каким государственным деятелем хотел стать этот более могущественный Хрущев.

Глава 7

ПЕРЕВОРОТ В ИРАКЕ

14 июля 1958 года Хрущев убедился, что его трехлетние усилия, когда он почти в одиночку стремился укрепить советское влияние на Ближнем Востоке, оказались удачными. В половине шестого утра группа армейских офицеров ворвалась в королевский дворец в Багдаде и расстреляла королевскую семью. Премьер-министр Нури аль-Саид бежал из столицы. Новый режим во главе с бригадным генералом Абд аль-Каримом Касимом провозгласил республику, которая во внешней политике будет придерживаться нейтралитета и положит конец союзу Багдада с Великобританией и Западом¹. Но удивило Хрущева не это. Он предполагал, что по мере того, как развивающийся мир будет уходить из сферы влияния Запада, к власти будут неизбежно приходиться касимы и насеры. Но он не ожидал, что революция в Ираке произойдет так скоро.

Гамаль Абдель Насер, его ближайший друг в регионе, недавно посетивший Москву, не давал советскому руководителю никаких оснований ожидать внезапного падения прозападного режима в Ираке. Действительно, сообщения из Каира свидетельствовали о совершенно противоположном. Во время встреч Хрущева и Насера в апреле и мае египетский лидер сетовал на медленный успех своей политики в арабском мире, выделяя роль служившего помехой консервативного Ирака. «Империалистические державы, – предсказывал он, – будут всеми силами создавать для нас трудности и устраивать провокации... используя для этих целей Израиль, Ирак и Иорданию»². В лучшем случае Насер предвидел упорное, но безрезультатное противостояние в Багдаде между силами, которые он поддерживал, силами арабского национализма, и силами, действовавшими при поддержке Великобритании. Насер не осмеливался предсказать националистическую революцию в сколько-нибудь близком будущем.

Собственные источники Хрущева сообщали ему не многим более. Прежде чем иракский бригадный генерал Касим перекроил ближневосточную политику, он уже был в какой-то степени известен Советскому Союзу. Москва знала, что примерно в 1956 году Касим

договорился с руководством Иракской коммунистической партии³. Он и его сторонники в иракской армии планировали сговориться с коммунистами, чтобы свергнуть династию Фейсала и консервативное правительство Нури. Кремлю даже сказали, что Касим считал себя коммунистом.

Однако сведения были слишком разрозненными, чтобы привести к каким-либо определенным выводам относительно Касима. Этот представитель Ирака никогда не обращался к какому бы то ни было советскому представителю за помощью. Поэтому, услышав о новостях из Багдада, Хрущев все-таки усомнился, что речь определенно шла о победе в пользу коммунизма, хотя революция, несомненно, приближала к более прогрессивному режиму⁴. Недавний опыт общения Хрущева с Насером – человеком, сочувствовавшим советской власти, но не коммунизму, – был достаточным основанием, чтобы скептически относиться к этой новой арабской националистической знаменитости. В феврале Насер объединил Сирию с Египтом, чтобы создать Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Бывшее сирийское правительство относилось к Советскому Союзу дружелюбно и даже не препятствовало деятельности местной коммунистической партии. После объединения Дамаска и Каира все это изменилось⁵. Руководителю Сирийской коммунистической партии Халеду Багдашу на некоторое время пришлось покинуть страну из опасения за свою безопасность при новом режиме, оказавшемся под влиянием Египта. То же самое могло произойти и в Ираке. Уже шли разговоры, что Касим хотел сделать Ирак членом ОАР.

Каким бы ни было отношение Касима к иракским коммунистам, Хрущев сразу же понял, что эти неожиданные события в Ираке произошли во благо советских стратегических интересов. Революция стала вызовом позициям Запада на Ближнем Востоке и явилась испытанием для «Доктрины Эйзенхауэра». Ирак был не только центральной страной Багдадского пакта, но и одной из всего двух арабских стран, приветствовавших в 1957 году доктрину президента. «Можем ли мы представить себе Багдадский пакт без Багдада?» – размышлял Хрущев. – «Одного этого соображения достаточно, чтобы вызвать у [Джона Фостера] Даллеса нервный срыв»⁶.

Но на самом деле, разумеется, Хрущев не собирался доводить Даллеса до нервного срыва. Новости из Багдада принесли другие заботы. Соединенные Штаты могли не признать новое положение в Ираке без борьбы. Так называемая «Доктрина Эйзенхауэра» представляла собой обязательство помочь любой ближневосточной стране, ставшей жертвой агрессии «международного коммунизма». Даже если Москва сейчас не играла решающей роли во внутренней политике ни в одном из арабских государств, Хрущев имел основания

полагать, что Эйзенхауэр взял на себя обязательство осуществить американскую военную интервенцию, если ближневосточная страна уйдет из-под влияния Запада.

Некоторую уверенность Хрущеву могло придавать то, что его первоначальный тест «Доктрины Эйзенхауэра» оказался успешным. В октябре 1957 года Советы провели мобилизацию войск на своей южной границе, чтобы помешать союзнику США Турции напасть на Сирию – в качестве мести за решение Дамаска подписать торговый договор с Кремлем⁷. Турция не совершила нападения, и Хрущев расценил это как доказательство того, что при угрозе советских военных действий союзники США и, возможно, даже сами Соединенные Штаты не тронут союзников Москвы на Ближнем Востоке⁸.

Но даже при этих условиях Хрущев не видел оснований использовать Ирак, чтобы провоцировать Эйзенхауэра, если он мог без этого обойтись. Кроме того, революция была и вызовом нынешней советской политике. Стоит ли и с Ираком обращаться так же, как с Египтом и Сирией – двумя государствами, которые Кремль обещал защищать? Хрущев надеялся, что не окажется в ситуации, когда Кремль окажется вынужденным принять такое решение. Осенью 1957 года он безуспешно попытался получить поддержку Президиума для создания в регионе оборонительного альянса под руководством Москвы. Наученный этим опытом, он знал, что потребуются определенные усилия, чтобы убедить коллег распространить советские военные обязательства и на Ирак⁹.

У Хрущева имелась и другая причина, чтобы занять выжидательную позицию относительно ситуации в Ираке. Революция произошла как раз тогда, когда он пытался справиться с неотложной проблемой в другой части света. На пути советских переговоров с Китайской Народной Республикой о военной помощи и будущем совместном планировании возникло серьезное препятствие. Советские заявления и свойственная Мао Цзэдуно подозрительность, в их совокупности, вызвали решительное и резкое противодействие Пекина, и Хрущев ожидал, что в ближайшие несколько дней у него появится возможность встретиться с китайским лидером лично, возможно даже в Пекине¹⁰.

* * *

В Вашингтоне новости из Ирака встретили с тревогой и определенным отчаянием. «Арабский мир находится в стадии революционного возбуждения»¹¹, – заключило ЦРУ в сообщении, которое вызвало волнение и в администрации Эйзенхауэра. Существовало широко распространенное предположение, что Касим был марио-

неткой Насера или, как минимум, египетские спецслужбы помогли ему завоевать свое нынешнее положение. В Иракской революции Вашингтон усмотрел и руку Кремля. Эйзенхауэр выразил мнение большинства сотрудников, когда заявил, что впечатляющие события, разворачивающиеся в Персидском заливе, «инспирированы Насером под руководством Кремля»¹².

Особенно беспокоила администрацию потеря Ирака. С 1954 года Вашингтон был рад полагаться на антисоветскую региональную оборонительную организацию, созданную британцами в сотрудничестве с Турцией и Ираком. Выбор Багдада как центра управления этим альянсом свидетельствовал о предположении Запада, что Ирак достаточно стабилен, чтобы служить опорой сопротивления насеризму и коммунизму в слабых арабских государствах¹³. Теперь лишённому этой региональной опоры Вашингтону казалось возможным, что арабские националисты, вдохновившись, могут покончить с режимами, установившимися в Иордании, Ливане и Кувейте. Возможно, они свергнут режим и в Саудовской Аравии. Единственной внушающей доверия силой, которая могла этому противодействовать, была, судя по всему, западная решимость помочь этим установившимся режимам сдержать напор насеризма.

Фостер Даллес позвонил президенту Эйзенхауэру 14 июля в 8.29 утра по вашингтонскому времени. Он сообщил новость: из-за событий в Багдаде ливанское правительство Камиля Шамуна требует предоставления военной помощи США. Ливан был второй из тех двух арабских стран, которые открыто поддержали «Доктрину Эйзенхауэра»¹⁴. Шамун возглавлял слабый прозападный режим. Хотя и благодарный Центральному разведывательному управлению, организовавшему ошеломляющий успех его парламентской фракции на выборах 1956 года, он был несговорчивым клиентом. Став президентом в 1952 году, Шамун, возглавлявший малочисленное христианское большинство Ливана, пообещал как сторонникам, так и противникам, что останется только на один срок. Он оказался непопулярным руководителем, и, когда появились многочисленные доказательства того, что он не собирается уходить со своего поста после окончания срока, в стране начала разгораться гражданская война, громче всех о неприятии Шамуна заявляло многочисленное исламское население страны. Несколько месяцев Вашингтон пытался убедить его уйти в отставку в интересах ливанского антинасериистского и антикоммунистического движения.

До иракской революции непримиримость Шамуна ставила Вашингтон перед неприятным выбором. В отчаянной попытке удержаться у власти в мае ливанский президент попросил США предоставить ему военную помощь. Хотя большого желания защищать

Шамуна не было, но опасения, что Ливан может дойти до насеризма или, что еще хуже, до коммунизма, было достаточно, чтобы серьезно задуматься о планировании американского военного вторжения в Ливан. Еще в октябре 1957 года, когда возникла напряженность между Турцией и Сирией, начальники штабов начали составлять планы совместной англо-американской интервенции для оказания помощи Ливану и Иордании¹⁵. Правда, отдав приказ планировать эту вероятную операцию, президент Эйзенхауэр был не особенно счастлив, что Соединенным Штатам придется прибегнуть к военному решению, чтобы стабилизировать положение в Ливане. Но он полагал, что у него нет выбора. Благодаря перехвату сообщений, которыми обменивались Сирия и лидер главной группировки мятежников в Ливане, стало ясно, что Насер принимает деятельное участие в вооружении и финансировании противников Шамуна¹⁶. Весной по мере нарастания кризиса недовольные высказывания по поводу беспокойного ливанца можно было услышать и в Овальном кабинете. «Как можно спасти страну от ее собственных руководителей?»¹⁷ – однажды, отчаявшись, воскликнул Эйзенхауэр.

Однако, когда события в Ираке приняли неожиданный оборот, Эйзенхауэр уже не нуждался ни в каких убеждениях, чтобы начать первую за его президентство военную интервенцию. Благодаря просьбе Ливана Америке представилась возможность доказать, что она готова исполнить свои обязательства перед регионом, «избежать разрушения всей нашей системы безопасности»¹⁸. Теперь уже вопрос состоял в том, как правильно поступить с Шамуном: Эйзенхауэр опасался, что с Ирака начнется массовое дезертирство, переход на антиамериканскую сторону. «Иордания не удержится», – предостерегал Эйзенхауэр, понимая, что если уйдет Ливан, то следующей страной, которая перейдет под управление насеристов, станет восточный сосед Израиля – Иорданское Хашимитское Королевство.

14 июля на поспешно созванном утреннем заседании Совета национальной безопасности предпочтения Эйзенхауэра, выступавшего за непосредственные действия США в Ливане, стали политикой. Своим советникам он сказал: «Или мы действуем сейчас, или убираемся с Ближнего Востока»¹⁹. Взволнованный вызовом, стоявшим перед его правительством, он прибегал к очень ярким аналогиям, чтобы объяснить, почему нет иного выхода, кроме как продолжать демонстрировать силу в Ливане. Он напомнил об ошибке, какой стало умиротворение Гитлера, совершившееся в 1938 году в Мюнхене. Кроме того, президент приравнивал неблагоприятный исход событий на Ближнем Востоке к величайшему поражению, уже нанесенному Америке в «холодной войне» – победе Мао в Китае в 1949 году. «Потерять этот регион из-за бездействия, – сказал он, – было бы гораздо хуже по-

тери, постигшей нас в Китае, учитывая стратегическое положение и ресурсы Ближнего Востока»²⁰.

Но уговаривать его советников не было необходимости. Как раз перед тем, как президент объявил о своем решении продемонстрировать силу в Ливане, Аллен Даллес нарисовал зловещую картину положения в регионе. Хотя у ЦРУ не было твердых доказательств того, что Насер «стоял во главе» переворота, можно было не сомневаться, что новым правительством руководили «пронасеровские элементы» иракской армии. Надежды на какое-либо прозападное сопротивление были смутными. Смерть иракского наследного принца была подтверждена, а король Фейсал и Нури аль-Саид скрылись вместе с сорока восьмью иракскими армейскими офицерами, которые «ушли в отставку». В Иордании, где правительство недавно раскрыло готовившийся против него в армии насеристский заговор, выступил с заявлением король Хусейн. Король Хусейн объявил, что после исчезновения его троюродного брата, иракского короля Фейсала, он встает во главе Арабского Союза – иракско-иорданской организации, созданной в том же году ранее, в качестве конкурента египетско-сирийского насеровского союза, ОАР. В Персидском заливе переворот вызвал волнения среди шейхов. Без вмешательства Запада, который бы сверг новый режим в Ираке, королю Саудовской Аравии Сауду пришлось бы пойти на компромисс с Насером. Тем временем появились свидетельства, что может пасть и Кувейт. Директор ЦРУ сообщил, что руководитель Кувейта прибыл в Дамаск, столицу Сирии, для переговоров с Насером. Возможно, это станет первым шагом процесса его присоединения к ОАР. Хотя специалисты по американской национальной безопасности сходились во мнении, что военная интервенция США может возбудить на Ближнем Востоке антизападные настроения, царило единодушное убеждение, что бездействие обойдется дороже, чем ярость арабской общественности.

Но Эйзенхауэр еще не знал, как далеко придется зайти Соединенным Штатам, чтобы стабилизировать ситуацию. Его ближайшие планы ограничивались лишь приказом армии США дислоцироваться в Бейруте²¹. Но, как признал Эйзенхауэр тем утром в переговорах со своими специалистами по национальной безопасности и как позже, днем, он это объяснил руководству Конгресса, ему было известно, что, возможно, в регионе придется пойти и на большее. Вероятность диверсий новых иракских правителей на нефтяных скважинах и поступившие в тот день сведения о колебаниях Кувейта и Саудовской Аравии угрожали потерей главного источника нефти для НАТО. По мнению Эйзенхауэра, почти неизбежно, что новый иракский режим, стоит ему упрочить свои позиции, попытается нанести ущерб западным интересам в Персидском заливе. Если возникнет впечатление,

что это вот-вот произойдет, у Соединенных Штатов не будет другого выхода, кроме как приказать войскам идти дальше, за пределы Ливана²².

Среди советников Эйзенхауэра не было полного единодушия относительно того, что делать после Ливана. Хрущев оказался прав, предположив, что развитие событий особенно обеспокоит государственного секретаря Даллеса. Вместе с вице-президентом Никсоном Фостер Даллес надеялся, что революцию в Багдаде еще можно подавить. К военному решению Никсон склонялся чуть больше Даллеса, который хотел выяснить, остались ли какие-нибудь заслуживающие доверия прозападные иракские лидеры, прежде чем соглашаться на контрпереворот, который будет организован разведкой США. Однако оба считали, что Соединенным Штатам придется быть готовыми к совместным с англичанами военным действиям и занять Кувейт и нефтяные месторождения восточной Саудовской Аравии, чтобы защитить западные интересы на Ближнем Востоке²³. Военные советники президента вначале были более осторожными. Став свидетелями того, что случилось с французами и британцами во время Суэцкого кризиса двумя годами ранее, они не хотели, чтобы Соединенные Штаты увязли в непопулярной неокOLONиальной войне в Персидском заливе. Нэйтан Твайнинг, председатель объединенного комитета начальников штабов, выступал за совместную военную стратегию, которая ограничивала бы Соединенные Штаты Ливаном, тогда как другие страны будут проводить свои собственные военные интервенции. Британцы могли вторгнуться в Ирак и Кувейт, потому что эти страны были их зонами особого интереса. Израильтян можно будет подтолкнуть к вторжению на Западный Берег, а турок – к вторжению в Сирию. Явное нежелание американских военных вступать в небольшие военные конфликты с применением обычных вооружений вызвало у государственного секретаря досаду. «Они думают только о том, чтобы бросать атомные бомбы, – сказал Даллес Никсону, – и им не нравится, когда мы от этого отказываемся»²⁴.

Государственный секретарь и военные сходились во взглядах только по одному вопросу: чего можно ожидать в этом кризисе от Советов. Ни государственный департамент, ни Пентагон не беспокоились, что расширенная военная интервенция на Ближнем Востоке может спровоцировать начало третьей мировой войны с Советским Союзом. Существовало всеобъемлющее ощущение уверенности, что Соединенные Штаты опережают Москву в гонке стратегических вооружений. Никто в Вашингтоне не мог объяснить, почему так, но складывалось впечатление, что Хрущев решил не создавать больших эскадрилий бомбардировщиков дальнего действия, и Советы явно сталкивались с трудностями, пытаясь повторить успех своего

«Спутника» и создать заслуживающие доверия ракетные войска, вооруженные межконтинентальными баллистическими ракетами. В результате возникло предположение, что у Москвы не будет иного выхода, кроме как смириться с демонстрацией силы США на Ближнем Востоке. «Наши военные советники, – объяснял Даллес Конгрессу, – полагают, что теперь мы обладаем значительным превосходством, которому СССР не захочет бросить вызов... Поэтому есть вероятность, что, если мы будем действовать решительно и быстро, они [Советы] могут вообразить, что Насер ушел слишком быстро. Они могут отвести войска прежде, чем будет задет их престиж, и возникнет угроза всеобщей войны».

Эйзенхауэр разделял уверенность своих советников, что СССР вряд ли применит в регионе военную силу²⁵. Для Эйзенхауэра, особенно чувствительного к успеху Насера и Хрущева, которым удалось привлечь на свою сторону арабский мир, борьба за общественное мнение в регионе являлась более веской причиной в пользу ограничения любого военного участия США. Должно было быть четкое моральное обоснование для использования американских войск на Ближнем Востоке. Хотя у Эйзенхауэра и вызывала озабоченность проблема доступа Запада к нефти Персидского залива, он не хотел, чтобы это стало основанием для любого расширения военного вмешательства помимо отправки войск в Бейрут. Руководствуясь этим важным внешнеполитическим соображением, он, кроме того, осознавал, что имеется существенный внутривосточный фактор, свидетельствующий в пользу дисциплинированной реакции на изменчивое и все еще неопределенное положение на Ближнем Востоке²⁶. Эйзенхауэр полагал, что существующие соглашения с Ливаном и тот факт, что Шамун попросил этой помощи, дают ему все необходимые полномочия, чтобы уже на следующее утро послать американских морских пехотинцев в Ливан. Однако у него не было необходимого одобрения Конгресса на масштабные операции за пределами Бейрута.

Британцы подвергли испытанию сдержанный подход Эйзенхауэра к развивающемуся кризису. 14 июля президент получил известие, что Лондон хочет предпринять военное выступление против режима Касима. Британцы уже думали об отправке войск в Иорданию – как для того, чтобы укрепить боевой костяк своего иорданского союзника, так и для того, чтобы начать свое наступление на Багдад. И они не хотели действовать в одиночку.

Гарольд Макмиллан, бывший канцлер казначейства, который после Суэца заменил на посту британского премьер-министра разжалованного Энтони Идена, предпринял попытку призвать к совместным действиям, тем вечером позвонив по телефону президенту Эйзенхауэру. События в Багдаде угрожали британцам даже еще боль-

ше, чем американцам. По словам историка Уильяма Роджера Луиса, революция свидетельствовала о «фактическом крахе Британской империи на Ближнем Востоке»²⁷. В первую очередь, именно Иден был инициатором создания Багдадского пакта, и, хотя на самом деле Макмиллан только выиграл от ошибок Идена, особенно от разгрома в Суэце, новый премьер-министр разделял сильную антипатию Идена к Насеру. В 1956 году Макмиллан страстно говорил о том, что у Британии нет иного выхода, кроме как устранить Насера: «Если этого не произойдет, мы погибли»²⁸. Через два года он разделял убеждение Вашингтона, что кукловодом, стоящим за режимом Касима, был Насер. Британия рисковала не только своим имперским престижем. Огромное значение для британской экономики имел доступ к дешевой нефти, а события в Ираке угрожали интересам Британии в Персидском заливе. Едва получив новости из Багдада, Макмиллан забеспокоился о Кувейте. «Кувейт с его огромными объемами производства нефти, – записал премьер-министр в своем дневнике, – это ключ к экономической жизни Британии – и Европы»²⁹. Кувейт поставлял Британии половину потребляемой ею нефти и приносил британским нефтяным компаниям от трети до половины всех прибылей. Кувейтская нефть оценивалась в фунтах стерлингов, тем самым поддерживая британскую валюту и помогая британским банкам³⁰. Убытки для британской финансовой системы от потери этих активов были бы неисчислимыми.

Несмотря на столь высокие политические и экономические ставки, Макмиллан решил ни в коем случае не совершать одной ошибки – не начинать никаких серьезных боевых действий Британии в регионе без твердой гарантии, что Соединенные Штаты ее поддержат. «Если мы сделаем это с ливанцами, – околичностями объяснил Макмиллан Эйзенхауэру (поскольку он говорил по телефону, подключенному к трансатлантической линии без шифрования), – на самом деле это лишь часть гораздо более крупной операции, потому что нам придется воспринимать это как одно целое... Я целиком это поддерживаю, пока мы рассматриваем это как операцию, которую нужно довести до конца».

Ответ Эйзенхауэра разочаровал британского руководителя. Он отказался обеспечивать Макмиллану поддержку, необходимую британскому руководителю для расширения зоны военных действий. «Если теперь мы планируем начать большую операцию, которая, возможно, распространится на всю Сирию и Ирак, – сказал президент, – это выйдет далеко за пределы всего, что я имею право сделать по закону»³¹. Кроме того, Эйзенхауэр отказался намекнуть, будто он ожидает или даже надеется, что со временем Соединенные Штаты примут участие в нападении на Сирию или Ирак.

Положив трубку, президент обернулся к своему государственно-секретарю, который был свидетелем доступной ему половины телефонного разговора Эйзенхауэра в Овальном кабинете. Беседа явно беспокоила президента. В какой-то момент Макмиллан упомянул о том, что насеристы могут уничтожить нефтепроводы, проложенные через Ирак и Кувейт; этот кошмарный сценарий уже тревожил Эйзенхауэра весь день. «Значит, мы действительно в состоянии войны», – сказал Эйзенхауэр Даллесу, напомнив о разговоре, и с грустью добавил: «[Ну и что] нам тогда делать?» Эйзенхауэр знал, что оставил у британского руководителя ощущение того, что американская армия остановится в Ливане, вынудив британцев разбираться с остальными беспорядками в регионе. Американского руководителя расстроил этот образ Соединенных Штатов, не исполняющих своих обязательств, но Эйзенхауэр полагал, что не может предоставить британцам ту свободу действий, которую они хотели. Ему нужно было посмотреть, чем закончатся события на Ближнем Востоке, и только после этого искать дополнительные основания для дальнейшего вмешательства³².

* * *

Утренняя высадка батальона американской морской пехоты в Бейруте и его окрестностях широко освещалась в мировой прессе 15 июля. Однако ни пресса, ни советская разведка не могли сообщить Хрущеву, не предвещает ли прибытие морских пехотинцев в Ливан более широкое наступление. «Мы играем в шахматы в темноте»³³, – признался Хрущев Насеру спустя два дня. Как бы Хрущев ни осуждал факта присутствия американских военных в Ливане, но, пока они не продвинулись дальше, сама по себе высадка, по его мнению, не угрожала советским интересам. В первую очередь его беспокоила защита революционного Ирака, который теперь он считал передним краем советского влияния в регионе. Если он позволит Ираку уйти, что произойдет с Египтом и Сирией?

Проблема заключалась в том, что у Хрущева не было подходящей военной карты, которую можно было бы разыграть, если бы Запад действительно напал на Ирак Касима. Летом 1958 года возможностей советских вооруженных сил для защиты стратегического союзника на Ближнем Востоке было не больше, чем во время Суэцкого кризиса 1956 года или напряженности между Турцией и Сирией меньше года назад. И опять хрущевское решение 1955 года сократить расходы на конвенциональные виды вооружений, особенно на надводные корабли, ограничивало его действия во время распространявшихся на обширные территории военных кризисов. В советском военно-морском

флоте не было авианосцев, необходимых для быстрой переброски войск в регион.

Но можно было немедленно снова разыграть политическое представление и пригрозить западным державам войной, если они применят силу против Ирака. Однако Хрущев подозревал, что его кремлевские коллеги, возможно, не готовы защищать Багдад. Более привлекательным, вплоть до дальнейшего развития событий в регионе, представлялся видоизмененный вариант его сирийской стратегии 1957 года, уравнивающий эти внешне- и внутривосточные соображения. 16 июля Москва заявила: «Советский Союз не может оставаться безучастным к событиям, создающим серьезную угрозу в районах, прилегающих к его границам, и оставляет за собой право принять необходимые меры, диктуемые интересами мира и безопасности»³⁴. Между тем эффективность публичного заявления должны были усилить предпринятые в последнюю минуту маневры советских войск на Кавказе и действия болгарской армии. Кроме того, проводилась подготовка к тому, чтобы объявить о признании иракского режима всеми странами советского блока. И наконец, Кремль принял решение направить президенту Эйзенхауэру экстренное частное послание, в котором акцентировалось существование советских интересов в Ираке.

Хотя истинной, затаенной целью Хрущева была защита режима Насера, на первом этапе принятия решения относительно этого кризиса с самим египетским лидером Москва не советовалась. Насер, во время переворота отдохнувший в Югославии, с трудом установил связь с Хрущевым. Он хотел, чтобы первым шагом стало признание Москвой режима Касима «как можно скорее»³⁵. 15 июля заместитель Насера маршал Амер передал это сообщение в советское посольство в Каире. Египетское правительство полагало, что для Касима будет полезно не только советское признание, но и признание всего советского блока, «включая Китайскую Народную Республику»³⁶.

Не получив ответа от Хрущева, Насер начал беспокоиться, что, может быть, Москва не предпринимает достаточно усилий для защиты Ирака. Узнав через день о решении США послать морских пехотинцев в Ливан, он решил, что ему следует лично посоветоваться с Хрущевым. Сейчас его волновало, как добраться в Москву, чтобы обсудить меняющуюся ситуацию на Ближнем Востоке³⁷.

Утром 16 июля югославский посол в Москве обратился к Кремлю с вопросом, примут ли Насера, если он ненадолго приедет в Советский Союз. Чтобы принять решение, Хрущев созвал Президиум, и советское руководство постановило отправить в Белград советский самолет «Ту-104» в ту же самую ночь, дав указания посадить на него еги-

петского руководителя и сопровождающих его лиц и ранним утром тайно вылететь в Москву³⁸.

* * *

В Джорджтауне было модно обедать в Лоншане. 17 июля офицер советской военной разведки (ГРУ) Юрий Гвоздев, выдававший себя за торгового атташе при советском посольстве, предложил пообедать там Фрэнку Хоулмэну, главному редактору вашингтонского отдела газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» и президенту национального прессклуба. Хоулмэн и Гвоздев время от времени встречались с 1955 года. Хоулмэн любил «сплетничать» с советскими представителями, пытаясь что-нибудь от них узнать, и в местном отделении ГРУ его считали очень близким вице-президенту Ричарду Никсону. Русские обратили внимание на Хоулмэна и признали его интересным связным в начале пятидесятых годов, когда он защищал их право на членство в прессклубе. Гвоздев был вторым человеком из ГРУ, с которым общался Хоулмэн. Первым его связным был Георгий Большаков, вернувшийся в Москву в 1955 году и позже, в годы Кеннеди, снова игравший выдающуюся роль в качестве тайного канала информации³⁹.

У Гвоздева было сообщение, которое он должен был передать Хоулмэну. «Война скоро начнется», – сказал он. Кремль знал, что международная пресса скоро получит свидетельства военных «учений» на Кавказе и в Болгарии. Однако советское руководство хотело недвусмысленно и напрямую известить Белый дом. «Любое действие Соединенных Штатов или Британии по отношению к Ираку будет означать войну», – отметил Хоулмэн, выслушав Гвоздева. Москва не хотела, чтобы Эйзенхауэр считал, будто это пустая угроза. Гвоздеву поручили сообщить американцам, что советская армия может реагировать так же быстро, как и армия США. Кроме того, Гвоздев сообщил о большой вероятности, что русских «добровольцев» перебросят на Ближний Восток по воздуху. И, чтобы напугать Вашингтон еще больше, он заметил, что любое столкновение сверхдержав из-за Ирака выйдет за пределы Ближнего Востока. «Если [будет] война, – предостерег Гвоздев, – [то] русские не воспользуются европейскими базами и нападут непосредственно на США»⁴⁰.

У Советов не было никаких надежных неофициальных каналов связи с Эйзенхауэром или Фостером Даллесом. Возможно, поэтому они и решили передать сообщение через вице-президента. Никсон был хорошо известен Хрущеву. «Он занимал особое место среди американских политических лидеров, – позже вспоминал советский руководитель. – Мы считали его человеком реакционных взглядов, человеком, враждебным Советскому Союзу. Одним словом, он был

маккартистом»⁴¹. Лучшего канала связи с вице-президентом, чем Хоулмэн, Советам было бы не найти. Мало было тех журналистов, которых Никсон считал своими друзьями. Но Хоулмэн из «Нью-Йорк дейли ньюс» был исключением⁴².

Впервые к его помощи русские прибегли в начале 1958 года, чтобы сообщить Белому дому об интересе Хрущева к саммиту, и Хоулмэну явно понравилась возникшая в результате интрига. Когда бы он ни получил какие-либо новости от русского связного, он оставлял шутиливую записку для многолетней секретарши Никсона Роуз Мэри Вудс: «Это Фрэнк Хоулмэн, шпион». Однако в то июльское утро по поводу самого последнего сообщения Гвоздева Хоулмэн не шутил. Поскольку Никсона на месте не было, суть заявлений Гвоздева Хоулмэн передал одному из помощников вице-президента. Он подчеркнул, что уверен: они исходят от советского руководства.

Когда Никсон вернулся после обеда, копии сообщения Хоулмэна он велел переслать и братьям Даллесам, и Джону Эдгару Гуверу. Частное предостережение, поступившее через офицера советской разведки, подтвердило то, о чем сообщали более открытые предупреждения, поступившие в Вашингтон в тот же день. Из Москвы пришло сообщение официального советского агентства печати (ТАСС), что советские наземные и воздушные силы, приблизительно двадцать четыре дивизии, начнут маневры в Закавказском и Туркестанском военных округах на границах с Турцией и Ираном. Через несколько часов напряжение усилил Белград, сообщив по своему правительственному радио, что болгарские наземные, морские и воздушные силы начнут маневры на следующий день под командованием советского маршала авиации Н. С. Скрипко⁴³.

* * *

Пока Вашингтон осознал, что советское руководство предпринимает первые усилия стабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке, Хрущев попытался справиться с другим проявлением кризиса. Насер, прибывший 17 июля в Москву, хотел услышать от Хрущева, что Кремль будет новым союзником Египта.

В конечном счете два руководителя провели вместе восемь часов; Хрущев шел на все, убеждая Насера, что выжидательная позиция Москвы по отношению к ситуации в Ираке свидетельствует о железных нервах, а не о пренебрежении. «Люди со слабыми нервами, – помощник Насера услышал эти слова от Хрущева, – потерпят неудачу»⁴⁴. В то же время Хрущев хотел, чтобы Насер понял, что решимость – не синоним безрассудства. «Теперь мы втянуты в игру, в которую играют на очень высокой скорости и в которой каждый

должен действовать быстро, не имея возможности судить, что собираются делать другие игроки»⁴⁵. Москва признает иракский режим, а потом делает ставку на блеф, как она делала, защищая Сирию в 1957 году. Однако Насер хотел, чтобы она взяла на себя больше обязательств.

Когда просочились сведения о стремительном визите Насера в Москву, западные дипломаты услышали слухи – возможно, распространяемые египетскими источниками, – что Насер приезжал для того, чтобы предостеречь Хрущева от слишком жесткой реакции⁴⁶. Советский руководитель, сообщали эти источники, пришел в такую ярость, узнав об американском вторжении в Ливан, что задумал пригрозить отправкой советских добровольцев в Ирак, как он это грозил сделать в Египте во время Суэцкого кризиса. Однако на самом деле их роли были прямо противоположными: у Хрущева было гораздо больше, чем у Насера, оснований беспокоиться, что реакция его союзника будет чересчур острой. Еще до Иракской революции Насер предъявлял советскому руководству огромный список советского оружия, которое он хотел бы купить. В мае 1958 года он попросил продать ему советские баллистические ракеты промежуточной дальности и средние бомбардировщики, но эту просьбу Хрущев поспешил отклонить⁴⁷. В разгар этого нового кризиса Насер снова попросил продать ему советские ракеты. «Для таких военных систем ваша страна слишком мала», – ответил Хрущев. Он был поражен, что его союзник обращается с такими дерзкими просьбами, когда заявленной целью Москвы было предотвращение западного военного вторжения в регион. «Если возникнет необходимость использовать это оружие, – сказал Хрущев Насеру, – то тогда было бы лучше запустить его с нашей территории. [И] вы можете быть уверены, что если агрессоры начнут войну против вашей страны, то вам мы поможем, запустив эти ракеты с нашей территории»⁴⁸. Хрущев не пошел навстречу Насеру и тогда, когда тот попросил о советской военной помощи новому иракскому режиму, армию которого он охарактеризовал как плохо оснащенную⁴⁹. Он сказал Насеру, что Москва подумает о предоставлении Ираку кое-какого оружия старого образца (что Египет уже обещал сделать), но это была вся военная помощь, которую он мог пока пообещать Багдаду.

Хрущев подчеркнул, что Касиму, который был для него человеком неизвестным и непредсказуемым, не следует давать Западу повод для нападения. Он посоветовал Насеру порекомендовать иракцам осторожность. По мнению Советов, Касим должен был заявить, что будет соблюдать все договорные обязательства Ирака. По крайней мере на ближайшее время Багдад останется в Багдадском пакте и не будет создавать угрозы нефтяным скважинам.

На следующий день Москва признала иракское революционное правительство, и в тот же день Хрущев получил телеграмму от Касима, из которой явствовало, что Ирак хочет восстановить дипломатические отношения, прерванные предыдущим режимом⁵⁰. Кроме того, Касим дал публичное обещание защищать нефтяные скважины Ирака и гарантировать бесперебойный экспорт нефти. Судя по всему, Насер входил в контакт с Касимом, чтобы объяснить ему, как успокоить Хрущева и привлечь Советы на свою сторону.

* * *

В Вашингтоне последовавшие из Москвы предостережения не привели к тому сдерживающему результату, на который она надеялась. Советские действия привели лишь к тому, что «ястребы» из администрации получили подтверждение: Кремль ограничен в размерах военной помощи, которую он мог предоставить своему ближневосточному союзнику в ответ на вторжение в регион американских войск. 18 июля Даллес заявил руководителям Конгресса, что советское военное вторжение на Ближний Восток маловероятно⁵¹. Даллес полагал вероятным «эффектный жест» Советов – например, поставки крупных партий оружия в Каир, – но не произойдет ничего, непосредственно угрожающего американским военным в Ливане.

Вашингтон не прекращал планировать возможные военные внешнеполитические акции против Ирака. 15 июля – в тот же день, когда произошла высадка в Ливан, – Эйзенхауэр приказал погрузить на корабли военных из Первой дивизии корпуса морской пехоты, расквартированной в Соединенных Штатах, и готовить их к боевым действиям в восточной части Средиземного моря или в Персидском заливе⁵². На следующий день он одобрил дополнительную рекомендацию объединенного комитета начальников штабов, советовавших переместить в Персидский залив батальон морской пехоты из военной базы на Окинаве в Тихом океане⁵³. И эти приказы он не изменил ни после открытого предостережения Москвы, последовавшего 16 июля, ни после частного предостережения, переданного через советского агента Гвоздева на следующий день.

Публичные заявления Кремля не оказали заметного влияния и на британские планы. После официального запроса, поступившего от короля Хусейна 16 июля, Лондон решил выделить для защиты режима Иордании две тысячи двести парашютистов-десантников и гвардейскую бригаду⁵⁴. Встретившись на следующий день с государственным секретарем Даллесом и президентом Эйзенхауэром, министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд снова попросил США о военной помощи с тем, чтобы эти операции в Иордании могли быть совместными⁵⁵. Одновременно для защиты от волне-

ний в Кувейте британское правительство приказало переместить в Персидский залив подкрепления из Адена, располагавшиеся на побережье Аравийского моря⁵⁶.

Несмотря на военные приготовления англичан и американцев, они все еще сомневались, стоит ли посылать в Ирак свои войска, но заявления русских имели для них меньше значения, чем новости об изменении ситуации в Ираке. Касим эффективно избавлялся от врагов и устанавливал в стране жесткий контроль. 16 июля Лондон и Вашингтон узнали о печальной судьбе Нури аль-Саида, с которым было связано большинство официальных надежд на контрреволюцию. Переодетый в женскую одежду, он попал в плен и был казнен. Еще 17 июля министр иностранных дел Великобритании предупреждал Фостера Даллеса, что «если новое правительство Ирака добилось эффективного контроля над страной, то не может быть и речи о том, чтобы думать об отвоевании страны с военной точки зрения»⁵⁷. По мнению обоих правительств, в Ираке не было реального движения сопротивления, которое могло бы стать основой для проведения военной интервенции.

Затем Вашингтон и Лондон стали свидетелями поразительных перемен в иракских заявлениях. В день революции группировка Касима поклялась выйти из Багдадского пакта. А теперь поступали исходившие из Багдада сигналы, что Ирак, может быть, из него не выйдет. 15 июля Касим встретился и с американским, и с британским послами. Американцу он сказал: «[Мы], иракцы, стремимся к хорошим отношениям с Соединенными Штатами»⁵⁸. Аналогично он пообещал сэру Гарольду Качча, виконту Худ, представителю Ее Величества, что «даже и дружба с какой-либо арабской страной не помешает [англо-иракским отношениям]», добавив, что «не будет предпринято шагов во вред британской торговле»⁵⁹. Еще более утешительным стало сделанное 18 июля (на следующий день после встречи в Москве Хрущева и Насера) публичное заявление, что новый режим обязуется гарантировать непрерывную поставку нефти. «Учитывая важность нефти для мировой экономики, – заявил Касим, – правительство Иракской республики хочет заявить о своем желании видеть, что продолжается производство нефти и ее поставка на те рынки, где она продается. Причиной этому – ее значимость для благосостояния государства и национальных и международных экономических и промышленных интересов»⁶⁰. Чтобы успокоить Запад, Касим, опасавшийся диверсий, добавил, что его правительство предприняло «все необходимые шаги» для защиты нефтяных скважин, насосных станций и других, связанных с нефтью, предприятий Ирака.

Обещание Ирака защищать нефтяные скважины убедило британцев, что если уж надежды на свержение Касима оказались тщетными, то так или иначе можно будет вести дела с этим режимом. Опасения Макмиллана подкреплялись подозрениями о связи между Касимом и Насером. Однако, учитывая довольно умеренные заявления Касима, британцы начали переоценивать природу этой революции и ее лидера. Окредив его «иракским Кассиусом», дипломаты в Багдаде, сообщая о Касиме министерству иностранных дел, теперь характеризовали его как «отлично подготовленного штабного офицера, крайне популярного, [который] регулярно соблюдал Рамадан, но без уклона в явный фанатизм»⁶¹. Реагируя на эту новую информацию, Макмиллан телеграфировал министру иностранных дел Ллойдю, который все еще оставался в Вашингтоне, совещаясь с американцами, что есть «хороший шанс... исходя из характера этих людей и некоторых их первых заявлений, что они могут оказаться в большей степени иракскими националистами, чем насеристами»⁶².

Вашингтон был не столь впечатлен резким, казалось бы, изменением позиции Багдада и продолжал рассматривать варианты военных действий⁶³. Но окончательно прекратило американские разговоры о вторжении поступившее 18 июля известие, что ОАР подписала взаимный договор об обороне с Ираком. Тем самым была завершена быстрая консолидация власти Касима, и появилась гарантия, что любое вторжение США в Ирак спровоцирует гораздо более масштабную войну⁶⁴. В ту же ночь Фостер Даллес сказал французскому послу, что теперь «невозможно изменить статус-кво в Ираке военными средствами»⁶⁵. То же самое он заявил и британцам⁶⁶. Это резкое изменение политики произошло несмотря на то, что в последние дни перспективы успешного вторжения, казалось, улучшились. По их собственной инициативе Иордания и Турция совместно предложили предоставить своих военных для вторжения в Ирак⁶⁷. Однако, поскольку режим Касима твердо контролировал Ирак, администрация Эйзенхауэра прекратила рассматривать вариант вторжения. Для Соединенных Штатов было бы неправильно, объяснил президент, «занимать позицию поддержки королей, выступающих против их собственного народа»⁶⁸.

* * *

Любопытно, что, пока Лондон и Вашингтон решительно отказывались от замысла свержения режима Касима военным путем, Никита Хрущев приходил к убеждению, что Запад вот-вот нападет на Багдад. Вечером 18 июля или утром 19 июля, по московскому времени, Хрущева, вероятно, озарило, либо он получил нечто такое – до-

несение разведки, а может, просто сообщение ТАСС или иностранной прессы, – что заставило его еще больше опасаться возможности нападения западных военных или их союзников на Ирак. Можно усомниться, что советская военная разведка засекала перемещение подразделения американской морской пехоты, покинувшего базу в Окинаве, или перемещение кораблей британской армии из Адена в Персидский залив, однако источником информации были, скорее всего, утечки сведений о намерениях соседей Ирака. Около полуночи 16 июля турки передали официальное сообщение американцам, что, опасаясь советского вторжения в Ирак, Иорданию или Сирию, правительства Пакистана, Ирана и Турции просят США предпринять упреждающие действия⁶⁹. На следующий день – в тот же день, когда Насер посетил Хрущева, – турецкое и иорданское правительства уведомили и британцев, и американцев, что они готовы вторгнуться в Ирак при поддержке Запада. Турки сообщили об этом и французам, в чье Министерство иностранных дел были внедрены агенты советской разведки⁷⁰. Лондон и Вашингтон одновременно отклонили предложения Аммана и Анкары, как только оставили всякую надежду на немедленный контрреволюционный переворот⁷¹. Но тогда Москва, похоже, не знала об этой предосторожности Запада.

На укрепление позиции Запада в регионе указывали Хрущеву и сведения, поступавшие из Ливана и Иордании. Численность американских военных в Ливане возросла до восьми тысяч человек после того, как поздно вечером 15 июля или 16 июля высадились два дополнительных батальона. У британцев в Иордании было чуть больше трех тысяч военных. Новости содержали в себе и нечто такое, что, как впоследствии признавал Хрущев, обеспокоило его в этот критический период. 17 июля советская военная газета «Красная звезда» опубликовала комментарий командующего Шестым флотом США вице-адмирала Чарльза Брауна, что Соединенные Штаты «готовы немедленно высадить военных практически в любой точке Средиземного моря»⁷². Американская бравада всегда раздражала Хрущева, и это заявление поступило в особенно неудачное для него время. «Если бы он был гражданином Советского Союза, – с пафосом заявил он, – его бы предали суду или... посадили в сумасшедший дом»⁷³.

С учетом этих событий Хрущев 19 июля созвал, вопреки обыкновению, субботнее заседание Политбюро, чтобы обсудить, что делать дальше. Чувствуя, что заседание может стать поворотным пунктом в советском подходе к разрешению этого кризиса, он пригласил на него стенографиста. Обычно записи, имеющие отношение к решениям, вел заведующий Общим отделом ЦК КПСС Владимир Малин (иногда в них отражались прения по существу дела). Однако на этот раз по итогам заседания появилась еще и стенограмма, которую можно

было быстро преобразовать в выступления, письма и меморандумы о предпринимаемых действиях. Хрущев полагал, что сейчас главное – время. До сих пор советские предостережения не возымели действия, и кто знает, когда нанесут удар американцы, британцы или их союзники?⁷⁴

Хрущев был вспыльчив. Диктуя тезисы своего гневного письма президенту Эйзенхауэру, он намеренно использовал самую обидную, какая только была, аналогию, чтобы привлечь внимание бывшего главнокомандующего сил союзников: «Господин президент, – диктовал он, – вы начали агрессию. Теперь вы хотите осуществить нападение, как вы заявляете, местного характера. Однако Гитлер, напав на Польшу, тоже считал, что начинает лишь местный военный конфликт. Он думал, что они покончат с Польшей, потом, по отдельности, покончат с Францией, а впоследствии – и с Советским Союзом. Вот как он действовал, но это привело к мировой войне и катастрофе для Германии». Хрущев подчеркнул, что как ветераны Второй мировой войны он и Эйзенхауэр не имеют права забывать уроки этой войны⁷⁵.

Несмотря на свой гнев, советский руководитель был не готов угрожать ядерной войной из-за Ирака. Вместо этого он предложил, чтобы Москва непосредственно обратилась и к Макмиллану, и новому французскому президенту – Шарлю де Голлю, вернувшемуся к власти в июне 1958 года после двенадцатилетнего отсутствия, и к премьер-министру Индии Неру, и к Эйзенхауэру. Хрущев предложил бы им участвовать вместе с ним в саммите по проблеме Ближнего Востока, который проходил бы под покровительством Совета Безопасности ООН.

Кроме того, он надеялся заручиться поддержкой мирового общественного мнения. Размышляя здраво, советский руководитель полагал, что лично Дуайт Эйзенхауэр не хотел мировой войны, но был не вполне уверен, что старый герой войны сможет сдерживать таких «ястребов» из своего окружения, как Даллес и Никсон. Хрущев ратовал за то, чтобы международные профсоюзы провели масштабную пропагандистскую кампанию, чтобы воспрепятствовать любым попыткам Запада применить силу против Ирака.

Послание к западным трудящимся Хрущев хотел завершить обычным марксистским цветистым выражением: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Однако главный по идеологии Суслов, которого мало заботило, что популярно, а что непопулярно в Великобритании и Соединенных Штатах, осторожно намекнул, что такое обращение может быть бесполезным. Другие члены Президиума поддержали идею расширить целевую аудиторию за пределы международного пролетариата и включить в нее писателей, студентов и женщин. Так поступал

и опытный специалист по улаживанию конфликтов в международных делах Анастас Микоян, сославшийся на то, что все носившее в этом воззвании налет коммунистической идеологии могло быть искажено американскими лидерами таким образом, чтобы поддержку невмешательства представить неприемлемой политической позицией. Обращение к пролетариям вычеркнули, и были подготовлены обращения не только к участникам международного профсоюзного движения, но и к прогрессивным избирателям.

Поступили и дополнительные рекомендации в пользу смягчения риторики в послании к Эйзенхауэру. Хрущев решительно отклонил совет включить в его текст заявление, напоминающее руководителям и всему миру, что Советский Союз не покушается на богатства Ближнего Востока. «Весь мир знает, что у нас нет никаких материальных интересов [на Ближнем Востоке]», – огрызнулся он. В письме не должно было быть никаких извинений. «Это письмо надо подготовить с позиций силы... Необходимо сказать, что мы делаем это заявление, так как не можем оставаться равнодушными, – сказал он, – но не хотим решать эту проблему военными средствами». Другое предложение, исходившее от Микояна, Хрущев принял. «Ради компромисса, – сказал Хрущев, – я на этом не настаиваю [на упоминании о Гитлере]».

Именно тогда, когда Хрущеву казалось, что он уже выработал стратегию разрешения кризиса, кремлевский старейшина-сталинист неожиданно бросил ему решительный вызов. Воспроизводя некоторые опасения, на которые осенью 1957 года намекали военные, ветеран советских вооруженных сил маршал Ворошилов заявил, что ему не нравится направление, которого советское правительство собирается придерживаться на Ближнем Востоке. «Думаю, что нам следовало бы избегать употребления выражений, имеющих несколько угрожающий тон, – аргументировал он, – что, [например], “мы не можем оставаться нейтральными”». Ссылаясь на два предыдущих заявления советского правительства по ближневосточному кризису, Ворошилов предупредил, что угрозы, когда их повторяют, утрачивают свою ценность.

Ворошилов не был кремлевским тяжеловесом и, возможно, не был им никогда. Несмотря на его популярность среди обычных советских граждан, коллеги считали Ворошилова тупоголовым политическим генералом, который и в сражениях проявил себя не лучше. Позднее многие историки возлагали на него вину за удручающее поражение Советов в финско-советской войне 1939–1940 годов и за ошибки, допущенные им во время обороны Ленинграда от нацистов⁷⁶. Не лучше было и политическое чутье Ворошилова. В июне 1957 года при попытке совершения государственного переворота он встал на сторо-

ну противников Хрущева, и ему удалось вернуться на правильную сторону, на сторону Хрущева, лишь благодаря тому, что через четыре месяца помог ему сместить маршала Жукова⁷⁷. А совсем недавно Ворошилов снова попал в беду, когда во время приема в финском посольстве в Париже признал, что Советский Союз приветствует вступление Шарля де Голля в должность президента Франции. Эта реплика оскорбила Французскую коммунистическую партию, и, чтобы исправить положение, потребовалось нескольких дипломатических писем и сурового выговора Президиума, вынесенного Ворошилову⁷⁸.

Несмотря на недостатки самого Ворошилова, его выступление свидетельствовало о тревоге части кремлевских руководителей, опасавшихся, что поддержка прогрессивных режимов Ближнего Востока может вызвать войну с Соединенными Штатами. Ворошилова никто не поддержал, но, пока он зондировал Хрущева, стало очевидно, что ни сам советский руководитель, ни кто-либо другой из присутствовавших не хочет воевать с Вашингтоном. Все руководствовались убеждением, что единственный способ защищать советские интересы на Ближнем Востоке – это угрожать войной, которой не хотела ни одна из сторон.

«ХРУЩЕВ: Если мы не повторим [эту угрозу применить силу], они воспримут это как наше отступление.

ВОРОШИЛОВ: Если мы собираемся ее повторить, то тогда нам следовало бы как-то подготовиться. Мы заявили, что мы не можем быть равнодушными; это значит, что нам придется вмешаться.

ХРУЩЕВ: Это не так.

ВОРОШИЛОВ: Это для нас невыгодно.

ХРУЩЕВ: Это именно то, чего они хотят; они говорят: “Вперед, давайте действовать, русские действовать не будут”.

ВОРОШИЛОВ: Ладно, они не обращают внимания на наши заявления; они будут продолжать ту же политику, а это значит, что нам стоило бы подумать о том, что делать дальше. Мы же не будем воевать.

ХРУЩЕВ: Мы не говорим об объявлении войны, мы говорим о послании. Что нам следовало бы им сказать? “Мы умоляем вас. Если вы собираетесь проглотить арабов, то, берегитесь, как бы не поперхнуться”. Но ведь именно это стоило бы сообщить [в послании]. В таком случае было бы лучше его не писать»⁷⁹.

И тут в защиту Хрущева выступил Микоян, к тому же полагавший, что в интересах Советского Союза – защищать новые антиколониальные режимы «третьего мира». Он был убежден, что в администрации Эйзенхауэра продолжается спор о том, стоит ли вторгаться в Багдад, и что его итог зависит от оценки советской готовности начать войну, чтобы защищать Ирак. Чтобы повлиять на результат таким образом,

так, чтобы это было полезно советским интересам, сказал Микоян, надо, чтобы американцы «почувствовали страх». Но Ворошилов не сдавался. Он был убежден, что Запад решил вторгнуться в Ирак, чтобы сокрушить революцию. Таким образом, повторяя свою клятву не оставаться в стороне, Советский Союз ставил себя в затруднительное положение: или ему пришлось бы вступить в войну, которой он не хотел, или позорно отступить. Хрущев отверг эту логику: «Мы будем вынуждены это повторять, или, если мы будем молчать, они нас перехитрят».

Однако Ворошилов все равно не сдавался, и тогда раздраженный Хрущев спросил его: «Вы не читаете документы. Что сказал командующий Шестого флота [США]?» На ответ Ворошилова: «Он [вице-адмирал Браун] угрожает тем, что у него достаточно сил», – Хрущев спросил: «Зачем он это сказал [?]: чтобы нас напугать». Ворошилов понял, что его загнали в угол. «Но мы же не испугались», – ответил он. «[Следовательно], – сказал Хрущев, подводя итог, – нам надо это сказать».

Хрущев настаивал на том, чтобы обнародовать письма западным лидерам как можно раньше. «Было бы хорошо сделать это за два часа, – сказал он, – но было бы лучше, если бы это можно было сделать от десяти минут до двух». Он собирался посоветовать, чтобы 22 июля организовали встречу в Женеве с участием шести мировых лидеров. Не стоило терять время, если была хоть какая-то надежда устроить эту встречу, и поэтому он распорядился, чтобы письма зачитали по радио «Москва». Это было необычным способом передавать сдержанное дипломатическое сообщение. Обычно Запад ожидал от радио «Москва» лишь пропаганду, и существовала опасность, что эти письма будут восприняты аналогично. Однако Хрущев полагал, что Вашингтон все еще рассматривает возможность нападения на Ирак. «История, – написал он Эйзенхауэру, – оставила нам немного времени, чтобы предотвратить войну»⁸⁰.

* * *

Заканчивалась первая неделя ближневосточного кризиса, и Джон Фостер Даллес пребывал в унынии. Иракские революционеры укрепили свои позиции в правительстве. Судьбы Иордании и Кувейта висели на волоске, и из слабых арабских режимов пока казался стабильным лишь ливанский. Советская угроза в образе насеризма оставалась. Европейская реакция на письмо Хрущева от 19 июля лишь усилила отчаяние Даллеса. Бессвязное письмо, к тому же переданное по радио в почти одинаковых вариантах, адресованных де Голлю и Макмиллану, произвело сенсацию среди сторонников Вашингтона.

В частности, британская общественность настойчиво требовала провести встречу в верхах, чтобы предотвратить столкновение сверхдержав. Расстраивало то, что Хрущев оказался таким успешным именно тогда, когда Советский Союз был таким слабым.

Даллес пытался сделать так, чтобы у государственных деятелей Британии, разделявших опасения их общества, сложилась более широкая картина «холодной войны». Выпивая в своей резиденции с британским послом лордом Худом, Даллес размышлял о незащищенности Советов. В последние месяцы благодаря американским самолетам-разведчикам стало ясно, что, вопреки страхам перед советским численным превосходством по бомбардировщикам, на самом деле все обстояло совершенно иначе. Советы допустили стратегическую ошибку, не построив достаточно бомбардировщиков дальнего действия. А если у них нет и ракет дальнего действия, то Советы не могли вступить в войну с американцами и победить. И Даллес начал размышлять о том, что эта благоприятная возможность могла означать для Вашингтона. «Может, у нас уже больше не будет другого такого случая. Но, может, у нас просто не хватает смелости воспользоваться такими шансами». Даллес сокрушался, что в Вашингтоне никто не готов начать войну с Москвой, хотя это было «нашей последней законной возможностью». Он добавил: «А платить за это, через десятилетие, придется, вероятно, нашим преемникам»⁸¹.

Эйзенхауэр не разделял ни уныния Даллеса, ни тревоги британцев. 20 июля кризис казался ему уже не таким угрожающим. Не встретив серьезного вооруженного сопротивления каких-либо противников Шамуна, Соединенные Штаты понесли в Ливане незначительные потери. Уже шли переговоры о постепенном отстранении Шамуна от должности⁸². В письме Хрущева от 19 июля президент не усмотрел ничего такого, что бы поколебало его уверенность. Судя по всему, Советы согласились с американским присутствием в Ливане. Зато казалось, что больше всего Хрущев опасался англо-американского нападения на Ирак – того, чему оба правительства уже так или иначе препятствовали. Учитывая все эти благоприятные признаки, Белый дом не видел оснований устраивать для Хрущева ту встречу в верхах, как он ранее намеревался. Это не принесло бы существенных положительных результатов ни для Соединенных Штатов, ни для их региональных союзников, но предоставило бы Советам потрясающую возможность обрушиться с новой критикой на политику США.

21 июля администрация решила порекомендовать Советам использовать вместо этого Совет Безопасности ООН, чтобы уладить там их спор. Соединенные Штаты были готовы обсуждать Ближний Восток и там, но не усматривали необходимости в экстренной встре-

че великих держав и, дополнительно, Индии. Письма, переданного советскому послу вечером 22 июля, Хрущев не увидел до 23 июля⁸³.

Ожидая ответа от американцев, Хрущев побуждал своих кремлевских коллег задуматься о методах укрепления иракского режима. Насер предупреждал, что иракская армия в плохом состоянии. Однако до сих пор Хрущев не думал о том, как помочь вооруженным силам Касима сделать то, что могло вызвать враждебную реакцию Запада. 25 июля начальник Генерального штаба советских Вооруженных Сил В. Д. Соколовский и председатель Государственного комитета по внешним экономическим связям С. А. Скачков представили план снабжения двух иракских пехотных дивизий советской боевой техникой⁸⁴. Это нужно было сделать в аварийном режиме, чтобы в течение месяца Ирак получил все. Транспортная накладная будет включать пятьдесят бронетранспортеров, сотню танков и большое количество советского артиллерийского оружия, винтовок, пулеметов и боеприпасов. У Советского Союза не было границы с Ираком, поэтому у Каира выяснили, можно ли эту боевую технику выгрузить в сирийском порту Латакия и перевезти по суше в Багдад. На следующий день Кремль одобрил этот план, хотя и столкнулся с неожиданным нежеланием Насера, который предложил, чтобы оружие с советских складов поступало прямо в Египет⁸⁵. «Существуют разногласия внутри иракского режима», – объяснил Насер, – разногласия по поводу того, обращаться ли за военной помощью к Москве⁸⁶. Иракцы не хотели, добавил он, «чтобы США, Англия и Багдадский пакт узнали о военных поставках из Советского Союза»⁸⁷. По тому нежеланию, которое проявил Египет, Москва поняла, что это именно Насер беспокоится о последствиях прямых отношений между Кремлем и Касимом⁸⁸. Египет, судя по всему, надеялся, что Ирак вскоре присоединится к Сирии и, как и она, войдет в состав Объединенной Арабской Республики. И Египет не хотел, чтобы кто бы то ни было побуждал Багдад к слишком независимым действиям. Как выяснилось, Ирак согласился принять советскую военную помощь напрямую.

Пока решался вопрос о способе доставки советской помощи иракской армии, Хрущева отвлекла проблема в другой части света⁸⁹. Китайско-советские отношения, которые, как полагал Хрущев до Иракской революции, будут его главной внешнеполитической проблемой июля, так и не остались на заднем плане. Его усилия вовлечь Китай в новый оборонительный альянс приводили к противоположным результатам.

В значительной степени трудности Хрущева в отношениях Пекином были таким же непредусмотренным следствием его новой военной доктрины сокращения расходов, как и нынешние заботы в Ираке. Полагая, что для защиты советских интересов во всем мире

выгоднее иметь подводные лодки с атомным оружием, чем авианосцы, Хрущев столкнулся с проблемой развертывания советских подводных лодок в Тихом океане. В случае войны советский дальневосточный порт Владивосток окажется незащищенным от блокады НАТО. И Хрущев обратился к Мао в надежде, не предложит ли Китай воспользоваться его портами, хотя бы во время войны. Он также надеялся, что Мао разрешит Москве разместить вдоль китайского побережья радиостанции, чтобы поддерживать связь с советским Тихоокеанским флотом⁹⁰.

Однако, захваченный событиями, сопутствующими ситуации в Ираке, Хрущев пренебрег щепетильностью китайцев. 15 июля Кремль получил от Мао письмо с просьбой о помощи в расширении и модернизации китайского Военно-морского флота⁹¹. Несколько месяцев советские военные советники в Китае уговаривали китайское руководство обратиться с просьбой о советской военной помощи. Но советники не просто пытались всеми силами помочь Китаю. Усилия Хрущева реформировать советский военно-морской флот привели к внутривластной битве, способствовавшей падению маршала Жукова в 1957 году. Так что советские советники пытались привлечь китайцев на сторону тех, кто по-прежнему выступал против стремления Хрущева сократить численность военно-морского флота⁹².

Хрущева не удивляло, что советские военачальники усложняют китайско-советские отношения. Он относился к военным с подозрением и не доверял советам, которые они ему давали⁹³. Обмениваясь шутками с Насером в мае 1958 года, он предупредил, что военкомы никогда не одобряли тех новых систем вооружений, которые им не нравились, и обычно преувеличивают угрозы, чтобы получить именно ту технику, какую хотят они⁹⁴.

Ошибка Хрущева заключалась в том, что вместо того, чтобы следовать первоначальному плану и послать личное письмо Мао, тезисы которого написал бы неизменно осторожный Микоян, он по своей воле решил передать устное сообщение через советского посла Павла Юдина⁹⁵. Что бы ни сказал Юдин китайскому руководителю, но он умудрился рассердить Мао, у которого после общения с послом сложилось впечатление, будто Хрущев думает, что может разговаривать с ним так, как если бы Китай был вассалом Москвы. То, что было задумано как просьба Хрущева о китайской помощи для достижения его целей в интересах советского военно-морского флота, Мао истолковал по-другому. Он воспринял это так, будто Советы предлагают китайцам войти в состав совместного китайско-советского Тихоокеанского флота, который будет контролироваться Кремлем.

22 июля Юдин направил в Кремль полное отчаяния сообщение, что Мао отклонил просьбу, усмотрев в ней «выражение великорус-

ского шовинизма». У Мао была дурная привычка отзываться о советских как о русских, что всегда раздражало Хрущева⁹⁶. Теперь Мао требовал встречи в верхах, чтобы обсудить эту оскорбительную идею «совместного китайско-советского» военно-морского флота, выразить недовольство поведением в его стране некоторых советских советников и обсудить многочисленные правонарушения, совершенные Советским Союзом в Китае.

Стало ясно не только то, что Мао неправильно истолковал цели Хрущева, но и то, что он, судя по всему, усмотрел в этой просьбе тайное усилие подлых русских притязать на какую-то власть над Китаем. Историк Чэнь Цзянь говорил, что даже если это не объяснялось параноидальными склонностями Мао, надо учитывать, в 1958 году он был особенно чувствителен к тому, что считал вызовом его заботе как о китайском суверенитете, так и о своем личном авторитете революционного лидера. Как и Хрущев, он уже начал масштабные реформы. Тем летом Мао приступил к воплощению в жизнь теории Большого скачка – целого комплекса радикальных мер, направленных на ускорение китайской индустриализации и ликвидацию традиционного сельского хозяйства⁹⁷.

Хрущев был удивлен тем, что вышло из его инициативы с китайцами, но вначале он полагал, что следует отклонить просьбу Мао о немедленной личной встрече. События на Ближнем Востоке развивались ежедневно и стремительно. «Мы за встречу, но обстоятельства не позволяют ее провести», – так Хрущев велел советскому министерству иностранных дел написать Мао⁹⁸. Получив совет Эйзенхауэра разрешить Иракский кризис в рамках Совета Безопасности, Хрущев лелеял надежду на встречу в верхах – на этот раз, может быть, в Вашингтоне. Из источников разведки он знал, что, несмотря на нежелание американцев, как минимум, французское правительство предпринимало усилия, чтобы устроить того или иного рода саммит великих держав.

Хрущев изменил свое мнение через четыре дня, обменявшись еще двумя письмами с Эйзенхауэром⁹⁹. Убедившись теперь, что в ближайшее время саммит в Нью-Йорке по ближневосточному вопросу маловероятен, Хрущев решил, что теперь он может отвлечься на общение с Мао¹⁰⁰. Воспользовавшись особой высокочастотной телефонной связью, которую Москва поддерживала со своими ключевыми посольствами, 28 июля он позвонил в Пекин Юдину, чтобы договориться о немедленной встрече с китайским лидером. Он предложил начать переговоры 30 июля и попросил китайцев решить, должен ли этот визит быть официальным или неофициальным¹⁰¹.

Когда они созванивались, Мао в столице не было. На следующий день у него была запланирована встреча в Бэйдайхэ – в горо-

де, расположенном в двухстах пятидесяти милях восточнее Пекина. С Юдиным встретились китайский премьер Чжоу Эньлай и его помощник. Чжоу понял, в чем состоит просьба советского посла. Однако он знал, что прежде, чем дать какой-либо окончательный ответ Хрущеву, ему необходимо одобрение Мао. Выехав из советского посольства, он направился к китайскому руководителю и через час вернулся с ответом от Мао: он примет Хрущева 30 июля¹⁰².

Встреча в верхах, состоявшаяся по настоянию Хрущева в июле 1958 года, оказалась нелегкой. Мао отказался принять объяснение Хрущева, что Юдин неправильно понял суть устного сообщения. Хрущев упорно пытался объяснить, как его военные реформы улучшат возможность Советского Союза защищать его союзников, включая Китай. Он напомнил об успехе, которого добился во время Суэцкого кризиса, хвастая ракетами промежуточного действия, способными уничтожить Британию и Францию. «Когда во время суэцких событий мы написали письма Идену и Ги Молле, – сказал он Мао, – они немедленно прекратили агрессию». Хрущев сказал, что «теперь, когда у нас есть межконтинентальные ракеты, мы еще и держим Америку за глотку». Беззаботно добавив: «А они-то думали, что до Америки не достать», – он объяснил, что это было главным средством спасения нового прогрессивного режима в Ираке¹⁰³.

Мао очень интересовало, как Москва справляется с угрозами Ираку. Иракский кризис не только явился проверкой готовности Советского Союза защитить союзника, но и давал представление о готовности Соединенных Штатов признать те изменения в развивающемся мире, которые противоречили их собственным интересам. Мао был оптимистичнее Хрущева и считал, что Запад отступит. Пекин присоединился к Москве и вместе с ней 17 июля признал новую Иракскую республику, предупредив от себя, что «время, когда агрессоры, чтобы завоевать страну, могли полагаться на дипломатию канонеров, ушло навсегда»¹⁰⁴. Однако Мао сомневался, что англо-американское нападение на Ирак произойдет. Он был убежден, что Лондон и Вашингтон понимают, что следующим шагом будет мировая война. Хрущев соглашался с этим теоретически, но был не столь уверен в своей способности сдержать Соединенные Штаты на Ближнем Востоке.

Мао оказался проницательным, его предсказание сбылось. Пока Хрущев находился в Китае, американцы и британцы думали, стоит ли признавать режим Касима. Британцы этого хотели¹⁰⁵. Теперь, когда Макмиллан убедился, что Касим, похоже, не спешивший присоединить Ирак к Объединенной Арабской Республике Насера, был в первую очередь иракским националистом, он выступил за то, чтобы Запад признал Ирак. Это стало бы частью стратегии, нацеленной на

то, чтобы вбить клин между Багдадом и Каиром. А вот американцы не выражали большого желания спешить с признанием Ирака – отчасти из-за нежелания вызвать разочарование Турции и Ирана. Однако в конце концов администрация Эйзенхауэра согласилась с Лондоном, что непосредственного общения с Касимом избежать невозможно. Буквально накануне своей последней встречи с Мао, 3 августа, Хрущев узнал, что Соединенные Штаты и Великобритания признали иракский режим. «Это еще одна горькая пилюля, которую им придется проглотить»¹⁰⁶, – с удовлетворением сказал Хрущев.

Мао был так же рад, как Хрущев, услышав, что его прогноз подтвердился. У китайского руководителя имелись очень эгоистичные причины не хотеть, чтобы этот кризис в связи с Ираком продолжался и дальше. Его беспокоило, что на саммите, а особенно на саммите в ООН, Хрущева могут соблазнить обменяться одолжениями, чтобы обеспечить сохранение Ирака. У Мао были собственные планы, связанные с эскалацией конфликта в Тайване и конфронтацией с его националистическим правительством, оккупировавшим горстку островков близ побережья Китая. Мао не хотел, чтобы Советы пообещали установить мир в Китайском проливе ценой мира на Ближнем Востоке.

Явный дипломатический успех Москвы на Ближнем Востоке смягчил неоднозначные результаты состоявшихся в Пекине переговоров между Мао и Хрущевым. В конце концов, советский лидер получил у китайцев разрешение на создание радиостанций для советского подводного флота, главного элемента новой стратегии. Однако Китай не позволил воспользоваться портовыми сооружениями. Самое большее, чего Хрущев смог добиться, было обещание Китая открывать на время войны порты от Тяньцзиня (Тиенцина) до северо-вьетнамского Хайфона. И, самое главное, Хрущев уехал с ощущением, что китайцы по-прежнему одобряют его базовый подход к мировым делам.

* * *

Хрущев вернулся из Пекина, чтобы отпраздновать свою победу в Персидском заливе. Убежденный, что Соединенные Штаты действительно собирались вторгнуться в Ирак, он решил, что Эйзенхауэра остановила его политика публичных и частных угроз. Москва, ничего не узнавшая о принятом 18 июля англо-американском решении отложить нападение на Ирак, признание Лондоном и Вашингтоном иракского режима истолковала по-своему, сочтя, что угроза интервенции США уже миновала. Хрущев уже не был так заинтересован в ближневосточном саммите.

«Теперь мы вступили во вторую фазу борьбы на Ближнем и Среднем Востоке»¹⁰⁷, – объявил Хрущев на официальном заседании Президиума, состоявшемся на следующий день. «Первой фазой нашей стратегии была защита Ирака на начальном этапе его революции»¹⁰⁸, – сказал он. Второй фазой стало укрепление этого геополитического выигрыша.

Хрущев уже не думал, что встреча в верхах с Эйзенхауэром и Макмилланом необходима. «Какой была цель, когда мы предлагали встречу в верхах? – спросил он. – Предотвратить войну на Ближнем Востоке и не допустить ликвидации Ирака». Чтобы напомнить своим коллегам, почему для Москвы Ирак был средоточием этого кризиса, Хрущев конкретизировал: «Уничтожение Ирака – это атака на нашу политику с точки зрения престижа нашей страны. Следовательно, уничтожение Ирака – это уничтожение Египта и Сирии; это было бы ликвидацией движения национального самоопределения в арабском мире».

Теперь, когда миновали опасения, что из-за Ирака разразится война, Хрущев определил организующий принцип новой фазы борьбы. «Теперь осталось сделать только одно: вывести войска из Ливана и Иордании». Он не думал, что для достижения этой цели ему следует поехать в Нью-Йорк или Женеву. Он не считал, что этот вопрос требует присутствия Эйзенхауэра, Макмиллана или де Голля. Вспоминая, что сказал ему Мао, Хрущев спрашивал себя, действительно ли он вообще хочет поехать на Совет Безопасности. «Учитывая алфавитный порядок, значит ли это, что мне придется сидеть рядом с Чан Кайши?» Когда ему сказали, что между ним и представителем Тайваня будет еще два места, Хрущев отозвался: «Это будет плохой спектакль, и в этом спектакле [для меня] отведена плохая роль»¹⁰⁹.

Однако Хрущев не хотел, чтобы китайский руководитель говорил ему, что дискуссия Совета Безопасности по проблеме вывода американских войск из Ливана была не той, которая его тогда устраивала или была ему нужна. Курс СССР – улучшение отношений с Западом через переговоры на высшем уровне. Но встречу на высшем уровне можно было отложить до тех пор, когда американцы будут к ней готовы и можно будет взаимно согласовать широкую повестку, включающую разные вопросы – от будущего двух Германий до разоружения. «Зачем нам ехать на встречу с Эйзенхауэром сейчас? – воскликнул Хрущев. – Заявить, что он сукин сын? Это мы уже знаем, а нужно и что-то еще. Для нас теперь основа для встречи очень ограниченная, на самом деле ее достаточно лишь для оскорблений»¹¹⁰.

Хрущев был очень доволен развитием событий на Ближнем Востоке. 4 августа он объяснял своим коллегам, что Москва не может быть уверена, какое направление режим Касима примет в будущем.

Никто не мог гарантировать того, что Багдад будет и впредь следовать советским рекомендациям или поддерживать хорошие отношения с Иракской коммунистической партией. Однако на Хрущева произвело впечатление, что Касим, следуя рекомендации Москвы, передал через Насера, что он вновь подтверждает прежние иракские обязательства. И действительно, еще в течение полугода Багдад официально не выходил из Багдадского пакта. Хрущев был рад своим достижениям еще больше, когда в конце августа Касим ловко дал понять Москве, что, хотя он и не коммунист, готов сотрудничать с Иракской коммунистической партией. «Я не из тех, кто боится коммунистической пропаганды», – подчеркнул он, информируя только что прибывшего советского посла¹¹¹. В той же беседе он дал понять, что в высшей степени доверяет Москве. Признав, что у него нет своей разведки, он попросил, чтобы Кремль «информировал его конфиденциальным образом о происках колониалистов и их приспешников – как внутри страны, так и за пределами Ирака»¹¹².

Оказалось, что у советского руководителя нет необходимости ехать в Нью-Йорк или куда-то еще, чтобы добиться вывода западных войск из Ливана. Американская интервенция была непопулярна в Ливане с самого начала. На самом деле послу США в Бейруте, Роберту Макклитоку, нужно было всего лишь сойти на берег, чтобы предотвратить высадку первого контингента американских морских пехотинцев. Когда миновал самый напряженный момент, Шамун все-таки согласился уйти в отставку; на его место был назначен лидирующий мусульманский кандидат – командующий вооруженными силами генерал Фуад Шехаб¹¹³. Британцам стало легче размещать свои войска в Иордании, но, когда американские военные начали покидать Ливан, британцы решили вывести оттуда и своих. 25 октября последние американские и британские солдаты покинули, соответственно, Ливан и Иорданию. Хрущев думал, что он достиг второй фазы.

Иракский кризис стал для советского руководителя определяющим моментом. С точки зрения Хрущева, большой успех ему обеспечили эмоциональные предостережения. Судьба Ирака была главным компонентом его политики ослабления американской мощи на Ближнем Востоке, и Хрущев был убежден, что Соединенные Штаты, вероятно, не позволят ликвидировать Багдадский пакт без борьбы. Именно этим убеждением объяснялся его преувеличенный страх перед американской военной авантюрой лета 1958 года. Однако к неудовольствию Вашингтона революция укрепила свои позиции в Ираке. Англо-американской интервенции не произошло, но Багдадский пакт прекратил свое существование. Во второй раз за полгода Хрущев уверовал в то, что именно страх перед советской мощью не дал более

сильному Западу уничтожить одного из новых союзников СССР в «третьем мире».

До публикации в 2003 году кремлевских нот и протоколов Хрущева западные политики и исследователи не понимали, какое значение для него имело то, что он считал Иракским кризисом 1958 года. В то время в Вашингтоне и Лондоне, где о политике Хрущева судили, похоже, по его неспособности организовать саммит, большим личным поражением советского руководителя считали итог летней напряженности на Ближнем Востоке. Просочившаяся на Запад в августе 1958 года информация, что во время кризиса он встречался с Мао, только укрепили мнение, что от своего требования провести встречу в верхах он отказался из слабости. Западным исследователям внешней политики казалось, что Хрущева очень запугал лидер китайских коммунистов, не хотевший, чтобы советский лидер явился на заседание в Нью-Йорке в присутствии Чан Кайши.

Запад совершенно не заметил той огромной самоуверенности, которую Хрущев приобрел в результате спасения иракской революции. Вместо того чтобы почувствовать царившее в Кремле ощущение триумфа, западные аналитики начали предсказывать политическую смерть Хрущева, исходя из того, что Эйзенхауэр и Мао не дали осуществиться его мечтам о саммите великих держав. Бывалый западный дипломат, не склонный, как говорили, «к опрометчивым предсказаниям», сообщил газете «Нью-Йорк таймс»: «Это даже может быть концом эпохи»¹¹⁴. И это действительно был конец эпохи. Но произошел он не так, как это предсказывали на Западе.

Глава 8

«КОСТЬ В МОЕМ ГОРЛЕ»

Из Иракского кризиса 1958 года Никита Хрущев сделал два вывода: во-первых, Запад, всецело настроенный на уничтожение прогрессивного иракского режима, отступил под советским давлением, и, во-вторых, единственный язык, который понимает Запад, это язык силы¹.

Однако на самом деле это был односторонний взгляд на произошедшее. Хрущев так никогда и не понял, почему, в силу какой совокупности причин в 1956 году Британия и Франция приняли решение остановить военную интервенцию в Египет. Точно так же он не мог вполне осознать, что советская политика имела мало общего с нежеланием Эйзенхауэра вторгаться в Ирак летом 1958 года. Однако представления руководят международной политикой, а Хрущеву представлялось, что результаты обоих кризисов – это его огромные личные успехи. Если в начале Иракского кризиса он преувеличивал угрозу своему положению, то теперь, когда ему удалось его сохранить, он испытал огромное облегчение.

«История на нашей стороне»², – говорил Хрущев еще Насеру в мае. Теперь же, когда, по его мнению, летние события подтвердили, что обстоятельства в развивающемся мире складываются в его пользу, он мог себе позволить пойти на определенный дополнительный риск, чтобы упрочить эти завоевания. Первый риск был связан с оказанной Египту поддержкой проекта строительства Асуанской плотины. Два года советские государственные деятели убеждали Хрущева, что СССР не может себе позволить оказать эту помощь, и Кремль отказался предоставить эту поддержку лишь в 1958 году, во время визита Насера. Однако падение режима Фейсала в Ираке и последующий распад Багдадского пакта вдохновили Хрущева. Подписание асуанского соглашения стало бы его способом отблагодарить Насера и упрочить советско-египетские отношения. В октябре 1958 года военного министра и заместителя Насера маршала Амера пригласили в Москву для завершения переговоров по Асуану³.

Если непомерное самодовольство Хрущева, ощущавшего себя победителем, вылилось лишь в обязательство СССР участвовать в грандиозной стройке в египетской пустыне, то у Запада не было необходимости обращать какое бы то ни было внимание на уроки, которые советское руководство извлекло из событий в Ираке. Однако убежденность Хрущева в своем успехе на Ближнем Востоке имела далеко идущие последствия, обусловив его подход к проблемам внешней политики и в других частях света.

Для остального мира, особенно для Соединенных Штатов и государств Западной Европы, 1958 год запомнился скорее не кратковременным конфликтом на Ближнем Востоке, а началом новой череды стычек между Востоком и Западом по поводу будущего разделенной Германии и особенно – представительства НАТО в Западном Берлине. Историки пришли к мнению, что каждый из берлинских эпизодов надо рассматривать как отдельный кризис⁴. Новые кремлевские материалы подтверждают, что Хрущев предпринял три отдельные попытки настоять на своем в Германии. Первая из них произошла в ноябре 1958 года.

Одержав, как он и предполагал, победу в Ираке, осенью 1958 года Хрущев под влиянием этого принял решение пойти на риск конфронтации с Западом. Как мы увидим, на него повлияло и решение в скором времени разместить советское ядерное оружие в Восточной Германии, что было частью стратегии «нового подхода», принятой Кремлем в 1955 году. То, что Хрущев решил тогда занять именно такую позицию по Германии, стало отражением влияния двух других людей, которые помогли подготовить почву для событий ноября 1958 года. И оба они были немцами.

* * *

Иссохший и морщинистый, западногерманский канцлер Конрад Аденауэр был искусным выдумщиком, любившим рассказывать историю о том, как, будучи школьником, он устроил один из величайших жульнических заговоров в своей гимназической истории. Когда одноклассник нашел ответы на ежегодные экзамены по немецкому языку и латыни, будущий канцлер придумал схему, по которой все ученики класса, двадцать один человек, смогут воспользоваться этими ответами так, что их не поймут. Рассудив, что у начальства возникнут подозрения, если все они сдадут отличные или почти отличные контрольные, юный Аденауэр распорядился, чтобы каждый мальчик сделал в экзаменационной работе определенное количество ошибок, в зависимости от тех отметок, которые он получал до сих

пор. И никого из них не поймали. В самом деле: выпускной класс 1894 года был объявлен лучшим из всех, какие были в конце века⁵.

Осенью 1958 года советское руководство было вынуждено признать, что почти два года Аденауэр использовал свой талант притворщика, чтобы вести куда более опасную игру с Москвой. В какой-то момент, в 1956 году или в начале 1957 года, Аденауэр пришел к выводу: для того чтобы стать в полной мере суверенным государством, Федеративной Республике Германии (ФРГ) необходимо ядерное оружие. Но по условиям соглашений о создании в 1955 году независимой Западной Германии Аденауэр отказался от приобретения или разработки будущей западногерманской армией ядерного оружия. Это решение пользовалось большой популярностью у западных немцев. Кроме того, оно было условием нормализации отношений между СССР и ФРГ в том же году, но несколько позднее.

Однако представления Аденауэра о военной мощи постоянно изменялись. В первые послевоенные годы он думал, что можно построить суверенную Западную Германию и без армии. А потом случилась Корейская война, которая, похоже, стала для него подтверждением наихудших сценариев относительно готовности Кремля применить силу, чтобы добиться распространения коммунизма⁶. Результатом этого стало желание Западной Германии вступить в Организацию Североатлантического договора. В конце пятидесятых годов – возможно, в качестве реакции на ядерный блеф Хрущева во время Суэцкого кризиса – Аденауэр решил, что ему необходимо укрепить самооборону Германии. В мае 1957 года западные немцы официально попросили у Соединенных Штатов тактическое ядерное оружие – оружие ближнего действия, которое могло быть использовано в бою пехотой. Имея такое оружие, Западная Германия сама бы обеспечивала свою безопасность, что было самой важной предпосылкой суверенитета.

Эти мысли о необходимости ядерного оружия германский канцлер решил пока сохранять в тайне от немецкого народа – до тех пор, пока не вернет себе парламентское большинство на выборах, намеченных на осень 1957 года. Западногерманское общественное мнение пока еще было единодушно против ядерных вооружений, и Аденауэр не мог рисковать, позволяя выносить этот вопрос на выборы. Вместо этого он повел энергичную кампанию, построив ее на обещании «не проводить новые эксперименты» и искусно изображая своего главного соперника, Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), опасным, но неумелым экспериментатором, обладающим статусом-кво⁷.

Аденауэр особенно гордился тем, как ловко ему удалось обмануть Советы. В апреле 1957 года он устроил встречу с советским послом в

Бонне, на которой отрицал, что его правительство обладает ядерным оружием или что просило ядерное оружие у Соединенных Штатов. «Советский посол никогда не спрашивал меня, попрошу ли я ядерное оружие в будущем»⁸, – позднее, одобряя себя, говорил старик государственному секретарю Даллесу. Через месяц после этой встречи с советским послом Аденауэр официально попросил у Соединенных Штатов «самое современное и эффективное оружие» (этим эвфемизмом называли средства доставки ядерного оружия)⁹.

Несмотря на превосходные источники КГБ, которые Советы имели в Западной Германии, всерьез к возможности существования западногерманского ядерного арсенала Хрущев начал относиться лишь весной 1958 года – и только потому, что Аденауэр намеренно раскрыл свои планы. После своего переизбрания канцлер почувствовал, что может делать новые шаги, в том числе приобрести ядерное оружие для бундесвера. Хотя на выборах Аденауэр победил с небольшим преимуществом и ему приходилось править в коалиции с небольшой Свободной демократической партией, он полагал, что у него достаточно власти, чтобы продолжать добиваться своих целей¹⁰. После фальстарта в январе 1958 года в марте Аденауэру удалось провести через бундестаг закон, позволяющий приобретать ядерное оружие. Споры были долгими и яростными. В какой-то момент депутат от СДПГ сравнил Христианско-демократический союз (ХДС) Аденауэра с нацистской партией, что вынудило представителей правящей партии с возмущением покинуть зал заседаний. Но Аденауэр получил то, чего хотел. Он заявил, что надеется на улучшение отношений с Советами, но «первоочередная задача Германии – это безопасность Федеративной Республики»¹¹.

Хотя, казалось бы, все ясно указывало на то, что инициатором этого закона именно канцлер, Хрущеву было трудно поверить, что за дебатами в бундестаге стоял Аденауэр. Даже считая Аденауэра умным и грозным противником, Хрущев не мог отделаться от мысли, что человек в его возрасте – восьмидесяти двух лет – не может иметь силы воли, необходимой для тайного руководства всеми этими политическими играми. Поэтому ответственность за ядерную стратегию Хрущев возложил на западногерманского министра обороны Франца Йозефа Штрауса, которого он характеризовал как Гитлера при Гинденбурге, каким был теперь Аденауэр. Более того, Хрущеву казалось, что Аденауэр – политик слишком хитрый, чтобы пропагандировать ядерный вариант. Он предположил, что на самом деле Аденауэр хотел улучшить отношения с Советским Союзом¹². Мотивы, которыми руководствовался канцлер, полагал Хрущев, не были продиктованы личным желанием самого канцлера, убежденного антикоммуни-

ста. Нет, Хрущев решил, что именно немецкое общественное мнение заставило Аденауэра иметь дело с Кремлем.

Поэтому, когда в конце марта 1958 года в Москве узнали, что канцлер победил в дебатах, проходивших в бундесвере, Советы ответили на это активной общественной кампанией, адресатом которой был прежде всего народ Западной Германии. 31 марта министр иностранных дел Громыко предупредил западных немцев, что их правительство оказалось во власти тех же самых консервативных руководителей, которые позволили Гитлеру прийти к власти в 1933 году. Одновременно с аналогичным официальным посланием Верховный Совет обратился и к Бундестагу¹³. За кулисами Советы пытались заручиться помощью СДПГ. Советские представители неофициально передали проекты дипломатических протестов Москвы руководству СДПГ заблаговременно, чтобы обострить обсуждение новой внешней политики ХДС.

Заключительный маневр был направлен непосредственно на самого канцлера. Под предлогом скорейшего заключения некоторых культурных и торговых соглашений Москва договорилась о том, чтобы в середине апреля 1958 года в Бонн пригласили Микояна. Микоян был моложе Хрущева, но членом Политбюро, или Президиума, был на десять лет больше него, и Германия давно была сферой его большого интереса. В двадцатых годах в качестве наркома внешней торговли Микоян сыграл значительную роль в реализации так называемого Рапалльского договора, получившего это название в память итальянского города, в котором советские и германские дипломаты встретились для обсуждения военного и экономического сотрудничества. В конечном счете, Микоян подписал многие из документов, устанавливающих экономические отношения между Веймарским Берлином и Москвой.

Целью визита Микояна в 1958 году было установление тех или иных отношений с Аденауэром. Кроме того, ему предстояло понять причины резкого изменения западногерманской политики и оценить людей, которые за этим стояли. Кремль все еще верил Аденауэру, который в 1957 году заявил о своем личном противодействии приобретению ядерного оружия.

Визит Микояна в Бонн оказался безрезультатным. Усилия Советов хитростью склонить общественное мнение в свою пользу ни к чему не привели, а Микоян, к своему удивлению, стал еще одной советской жертвой коварства Аденауэра. Встречаясь с представителем Хрущева, западногерманский канцлер признал, что после 1957 года он действительно изменил свое мнение. Теперь он собирался приобрести американскую ракету «Матадор», которая могла нести как ядерные, так и обычные заряды¹⁴. Это было бы сокрушительным

ударом по советским предположениям, но Аденауэру как-то удалось убедить Микояна (а через него – и Хрущева), что решение приобрести американское ядерное оружие может быть пересмотрено, если наметится какой-нибудь прогресс в переговорах великих держав по всеобщему разоружению.

Аденауэр мастерски разыграл этот спектакль. Ему удалось убедить Советы, что в трагедии западногерманского перевооружения он играл свою роль вынужденно, и, хотя Бундестаг и уполномочил его сделать Западную Германию ядерной державой, ничего плохого не произойдет. Кремль решил, что, несмотря на неудачу своей попытки повлиять на результаты голосования в Бундестаге через общественную дипломатию, нет необходимости пересматривать советскую политику в отношении Западной Германии. Странно, что, пытаясь справиться с Аденауэром на этом этапе, Советский Союз явно не предполагал делать каких-то шагов навстречу Соединенным Штатам, без которых Бонн не мог приобрести ядерное оружие в ближайшем будущем. Москва, которая, по-видимому, ничего не знала о просьбе Аденауэра о предоставлении ФРГ тактического ядерного оружия, с которой он обратился в мае 1957 года, вероятно, предполагала, что Эйзенхауэр даст Аденауэру ракеты «Матадор», если он попросит о них официально. Однако советская политика, нацеленная на то, чтобы это предотвратить, в первую очередь следила за изменением поведения Западной Германии¹⁵. И, пока этим летом тучи войны собирались на Ближнем Востоке, Кремль решил, что он может себе позволить занять по отношению к Аденауэру выжидательную позицию.

* * *

Запас терпения Хрущева в отношениях с западными немцами был бы еще более значительным, если бы не возникшие в то же время трудности в его отношениях с восточногерманскими союзниками. События, которые произошли в Восточной Германии в 1958 году, усилили опасность, грозившую Москве в связи с намерением Бонна иметь ядерное оружие. Экономическое неравенство между двумя Германиями усиливалось, Восточная Германия становилась все слабее. В июле 1958 года восточногерманское руководство начало свою собственную кампанию – вроде хрущевской кампании «догнать и перегнать», вступив в соревнование с Западной Германией, с которой предполагалось сравнивать Восточную. Однако эти усилия не только не мобилизовали восточных немцев, но и привели к политической напряженности. Через Западный Берлин можно было бежать на Запад, и ежемесячно Восточную Германию покидали свыше двенадцати тысяч человек. Большинство из них составляли высококвалифициро-

ванные восточные немцы: инженеры, врачи и другие профессионалы, без которых Берлину было не обойтись¹⁶.

За провалом экономической политики Восточного Берлина стоял один очень влиятельный немец. Вальтер Ульбрихт был почти на поколение младше Аденауэра, однако в германских политических диспутах он участвовал с двадцатых годов, когда был функционером Коммунистической партии Германии. Бежав от нацистов в 1933 году, следующие двенадцать лет Ульбрихт провел в Москве; со временем Сталин согласился, чтобы он стал первым секретарем Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) – коммунистической партии в советской зоне оккупации¹⁷. Ульбрихт, человек с характерной седой бородкой, обладал изумительным свойством вызывать почти такую же безраздельную неприязнь как у коммунистов, так и у капиталистов. Его считали человеком бесцеремонным и высокомерным, начетчиком. Но Сталину он нравился, и Хрущев решил его терпеть.

Ульбрихт едва не потерял свой пост в 1953 году, когда попытка СЕПГ навязать советской зоне непродуманные планы коллективизации привела к восстаниям в Восточном Берлине. С новыми трудностями Ульбрихт столкнулся в 1958 году: ему пришлось иметь дело с последствиями массового недовольства, когда он попытался усилить контроль над восточногерманской экономикой, чтобы сделать ее более эффективной. Вместо того чтобы сосредоточиться на внутривосточных проблемах, Ульбрихт в качестве реакции попытался принудить к ускорению переговоров с Западом о будущем Германии. Он предположил, что договоры, закрепляющие восточные границы Восточной Германии и закрывающие пути отхода через Западный Берлин, укрепят контроль СЕПГ над бывшей советской зоной оккупации.

В сентябре 1958 года Ульбрихт дал понять, что восточногерманский режим хочет получить от Москвы дополнительную защиту. Он не скрывал своей озабоченности стремлением Бонна иметь ядерное оружие. Новое оружие не могло достичь Москвы, но могло навредить немецким товарищам в случае внезапной войны. Помимо этого вопроса средней срочности существовала и насущная проблема нарастающего неравенства двух Германий. Паритет – это самое лучшее, на что могла надеяться Восточная Германия в ее соперничестве со своим более крупным и более многочисленным капиталистическим собратом. Однако из-за бегства на Запад части ее лучших граждан и роста политической, экономической, а теперь уже и военной мощи другой Германии у восточногерманских руководителей возникало ощущение того, что эти проблемы надо решать безотлагательно.

Осенью 1958 года Хрущев поручил заняться германской проблемой советскому министерству иностранных дел. В сентябре 1958 года произошел нелепый обмен нотами между двумя Германиями и оккупационными державами. Обе стороны рассуждали о том, когда нужно начать обсуждение мирного договора между каждой Германией и оккупационными державами – или до, или после образования всегерманской комиссии, которая и сама была предназначена для того, чтобы подготовить мирный договор. Но, когда дипломатическая риторика была отброшена, все свелось к тому, что западные немцы, хотевшие, чтобы Восточная Германия исчезла, надеялись на всегерманские выборы. Но даже в том маловероятном случае, если бы все взрослые люди из семнадцати миллионов жителей Восточной Германии проголосовали бы за коммунистов, Ульбрихт все равно потерпел бы поражение. И восточногерманские руководители очень хорошо это понимали. Сохранение коммунистической Германии они связывали с договорной системой, гарантировавшей равенство двух Германий. С их точки зрения, первым шагом к этой цели было бы подписание Москвой соглашения с Восточной Германией, которое объявило бы об официальном окончании Второй мировой войны и позволило бы восточногерманским солдатам и полиции заменить их советских коллег на границах Западного Берлина и Западной Германии¹⁸.

После этого обмена нотами, который лишь подтвердил пропасть, разделявшую официальные позиции Бонна и Восточного Берлина, Ульбрихт обратился за помощью к Москве. Он считал, что Кремль слишком пассивен как в своем отношении к Аденауэру, так и к ухудшению ситуации в Восточной Германии. Вначале Ульбрихт искал поддержку в советском посольстве в Восточном Берлине. Бывший кремлевский тяжеловес Михаил Первухин, находившийся теперь в качестве советского посла в Восточном Берлине, а по сути – в ссылке после своего участия в неудавшемся заговоре против Хрущева в июне 1957 года, поддержал требование Ульбрихта, который хотел, чтобы Советы предприняли определенные шаги к подписанию мирного договора с Восточной Германией. В начале октября Первухин встретился с Ульбрихтом, обратившимся к Москве с просьбой поддержать эту инициативу. Информировав об этой встрече Кремль, Первухин выразил согласие с восточногерманским руководителем¹⁹.

В отличие от восточных немцев и советского посла в Берлине советское министерство иностранных дел не видело причин спешить с германским вопросом в октябре 1958 года. В МИДе сохраняли хладнокровие, считая, что восточных немцев надо успокоить, а западных немцев, которые в последнее время вели себя непредсказуемо, сдер-

живать. Но, судя по всему, особого кризиса не назревало, да и Кремль тогда не оказывал давления, требуя действовать. Еще было время подождать до тех пор, пока Западная Германия приобретет ядерное оружие, если это вообще когда-нибудь произойдет. Было время и разобраться с любыми экономическими трудностями Восточной Германии. Так, решив чем-то занять каждого и не создавать проблем, советское министерство иностранных дел сделало выбор в пользу изысканной неформальной политики. В соответствии с проектом, подготовленным для рассмотрения в Кремле, Советы собирались пригласить Францию, Великобританию и Соединенные Штаты на конференцию четырех держав для разрешения германского вопроса.

«Эта рекомендация, – писали специалисты по германским вопросам в своей справке для Президиума, – лишит оснований главный довод, на который ссылается Запад, выступая против подготовки мирного договора с Германией, а именно тот, что главным предварительным условием для переговоров по такому договору является образование объединенного германского правительства»²⁰. Передавая это скромное предложение своим кремлевским начальникам, министр иностранных дел Андрей Громыко объяснял, что Запад, несомненно, его отклонит. Он считал, что это будет полезно, хотя и не поможет решению германской проблемы. Да в МИДе никто и не думал, что такое возможно. Нет, это обращение имело тактический смысл. Оно было призвано «привлечь внимание к проблеме подготовки мирного договора и образования германской федерации за счет западной идеи общегерманских выборов»²¹.

Иногда министры иностранных дел опережают на шаг или два своих политических руководителей. А иногда на шаг или два отстают. Но на этот раз и по этому вопросу советское министерство иностранных дел шло настолько не в ногу с Никитой Хрущевым, что при таком походе казалось, что с таким же успехом оно могло бы определять и политический курс Дуайта Эйзенхауэра. А Хрущев, как это вскоре все обнаружат, устал вести игру с Западом по германскому вопросу.

* * *

В сентябре и октябре 1958 года Хрущев не очень активно общался с германскими руководителями – главным образом, потому, что внутривнутриполитические проблемы почти не оставляли ему времени для внешней политики. Всю осень, но особенно в октябре, он был занят сложным обсуждением того, каким к середине шестидесятых годов должно стать советское общество²². С двадцатых годов Кремль составлял пятилетние планы и для экономики страны, и для социаль-

ных программ. И вот впервые в советской истории, он решил подготовить семилетний план, требовавший еще более сложных оценок и поднимавший еще больше вопросов, связанных с управлением. Отражая желание Хрущева достичь грандиозных целей, о которых было заявлено как о составной части его кампании 1957 года «догнать и перегнать Америку», план должен был быть амбициозным с точки зрения не только его временной протяженности, но и перспективы улучшения уровня жизни в СССР. Кремль надеялся увеличить производство продуктов питания и потребительских товаров, построить больше жилья, открыть больше дошкольных учреждений и детских садов, завершить строительство Северо-Крымского канала, предназначенного для орошения крымского сельскохозяйственного района и снабжения южноукраинских городов пресной водой. Хрущева волновали детали семилетнего плана; в верхах обсуждали все – от прогноза уровня производства молока в стране и потребности в новых сахарорафинадных заводах до стоимости строительства жилья. Советская система полагалась на Кремль: он должен был наметить все эти цели, а потом, используя кнут и пряник, надеяться, что на реализацию этих целей будут работать тысячи бюрократов всей страны.

Хотя кремлевские рассуждения о будущих достижениях были, как правило, больше похожи на фантазии, особенно обсуждение производства пшеницы в 1965 году, даже Хрущев чувствовал: существуют пределы. Он понимал, что Советский Союз не может добиться того, чего хотелось бы его коллегам с их желанием несколько облегчить жизнь советских людей, особенно тяготы, которые ложились на плечи женщин. Комиссия Центрального Комитета порекомендовала постепенно переходить к тридцати–тридцатипятичасовой рабочей неделе. Советские граждане, обязанные работать и по субботам, работали, как минимум, сорок два часа в неделю. Жалоб на длинный рабочий день становилось все больше, особенно среди женщин, численно доминировавших в сфере образования и медицины. Единственная в высшем кремлевском руководстве женщина, Екатерина Фурцева, не только выступала за сокращение рабочей недели, но утверждала, что правительство должно повысить размер пособий многодетным семьям, чтобы позволить женщинам иметь больше детей²³. Но Хрущев сомневался, что страна может осилить эти похвальные цели.

В начале ноября Хрущеву не терпелось утвердить главные пункты новой экономической программы партии. Семилетний план предстояло обнародовать лишь на XXI съезде КПСС, в январе, но Хрущев, судя по всему, поставил перед собой личную цель – завершить обсуждение основных положений плана до 7 ноября, сорок первой годовщины большевистской революции. Следующее очередное заседа-

ние Президиума было запланировано на четверг, 6 ноября. На этом заседании Хрущеву предстояло разочаровать Фурцеву и тех, кто поддерживал сокращение рабочей недели и увеличение помощи семьям. Его беспокоила не только цена этих инициатив. У него были и идеологические сомнения в целесообразности любой помощи, оказываемой непосредственно конкретным людям. Он предпочитал выделять деньги местным советам, населенным пунктам и общественным организациям. Он не хотел, чтобы люди становились подопечными государства. Наоборот, он надеялся, что благодаря этим общественным организациям люди приобретут самостоятельность. Но самым главным для Хрущева было то, что в 1958 году Москва не могла себе позволить никаких экспериментов с поддержкой повышения рождаемости или сокращения рабочей недели. В противном случае Советский Союз не сможет догнать Соединенные Штаты в обозримом будущем.

* * *

Прозаический проект министерства иностранных дел относительно Германии лег на стол Хрущева именно тогда, когда тот, ломая голову, думал, как объяснить ограниченность финансовых средств, которые Советский Союз может выделить в ближайшей перспективе на обеспечение своих граждан. Он был так занят, что мог бы отложить рассмотрение германской проблемы, как это произошло летом, когда, по всей видимости, возникла угроза Ираку, но он этого не сделал.

Вместо этого Хрущев решил пойти на самую большую – до сих пор – внешнеполитическую авантюру в своей карьере. Усиление его разочарования в отношении Германии вкупе с внутрисполитическими проблемами привело к эмоциональному взрыву, и он не смог сдерживать своего раздражения. Новые архивные данные свидетельствуют, что хотя события в Ираке и повысили его самомнение и удовлетворенность собственной внешней политикой, но момент этого взрыва во многом определило стремительное изменение позиции СССР в том, что касалось ядерного оружия.

По контрасту с неутешительными новостями о советской экономике Хрущев, несомненно, одновременно получал обнадеживающие сообщения о состоянии работ по совершенно секретной операции «Атом»²⁴. В марте 1955 года Кремль одобрил план развертывания баллистических ракет средней дальности «Р-5М», с дальностью действия 1200 километров, или 750 миль, как в дальневосточном и закавказском регионах СССР, так и за пределами страны – в Восточной Германии и Болгарии. У этого первого поколения баллистических ра-

кет не хватало дальности, чтобы нанести удар по Парижу и Лондону с территории Европейской части России, Белоруссии или Украины. Однако операция «Атом» столкнулась с трудностями – главным образом, из-за узких мест производства, обусловленных неэффективностью советской оборонной промышленности, и крайние сроки развертывания неоднократно срывались. В конце концов Москва решила отказаться от их размещения в Болгарии, но, как узнал Хрущев осенью 1958 года, их размещение в Восточной Германии наконец-то началось.

Летом 1958 года СССР построил специальные базы севернее Берлина, включавшие жилье для военных, которым предстояло охранять и обслуживать ракеты и хранилища для ядерных боеголовок. Неизвестно, назначал ли Хрущев срок, к которому эти ракеты должны были быть приведены в состояние боеготовности, но они были доставлены на эти базы в конце ноября или в начале декабря 1958 года. В начале ноября Хрущев мог с уверенностью ожидать, что Советский Союз вскоре будет представить реальную ядерную угрозу Лондону и Парижу. Теперь это было уже не то пустое бахвальство, к которому он прибегал с 1956 года. Не сообщив Ульбрихту об операции «Атом», Хрущев намекнул, что он теперь больше уверен в соотношении советских и американских вооруженных сил. «Чем больше западные державы знают, что в сфере ядерного оружия и ракет существует баланс, – сказал Хрущев восточногерманскому руководителю, – тем лучше для нас»²⁵.

* * *

В сорок первую годовщину большевистской революции Москва выглядела более празднично, чем в сороковую. Западные журналисты говорили о множестве разноцветных лампочек, дикихвинных для советских магазинов. Макс Френкель из «Нью-Йорк таймс» заметил, что, хотя некоторые из этих лампочек расположены в виде декоративных цветочных гирлянд, большинство были нанизаны так, что имели вид графиков, демонстрирующих прогресс в промышленности²⁶. Лишь очередное заседание Президиума, состоявшееся в четверг, 6 ноября, отделяло большинство кремлевских начальников от трехдневных праздничных выходных. Неизвестно, ожидал ли кто-нибудь, какой «праздник» приготовил для них Хрущев. К несчастью, хотя Малин и был готов записывать его реплики, Хрущев не пригласил стенографиста, который бы зафиксировал то, что, как оказалось впоследствии, было одним из самых важных кремлевских заседаний его эпохи²⁷.

Он начал с обескураживающего доклада о том, что советское правительство смогло и чего не смогло сделать для помощи трудящимся страны. Фурцевой и ее сторонникам – Анастасу Микояну и Аверкию Аристову – он объяснил, что вопросы о рабочей неделе и помощи семьям следует пересмотреть. Было слишком поздно включать эти реформы в существующий вариант семилетнего плана. Для Хрущева это было мучительно – признать, что мечта об улучшении жизни советских граждан пока еще недостижима. Просто она слишком дорого стоит.

Затем Хрущев перешел к следующему вопросу и преподнес свой внешнеполитический сюрприз. Он решил отклонить предложение Министерства иностранных дел перейти к следующему дипломатическому этапу обсуждения германского мирного договора. Ему нужна смелая инициатива. Он устал от дипломатии, устал от игр и риторики игр, сопровождающих процедуры подписания мирного договора. И, хотя до этого еще не дошло, он полагал, что это лишь дело времени, и что это произойдет, когда Вашингтон предоставит Аденauerу ракеты малой дальности, способные нести ядерные боеголовки. «Что остается от Потсдамского соглашения?» – спросил Хрущев, имея в виду договор об управлении нацистской Германией, подписанный Гарри Трумэном, Иосифом Сталиным и британским премьер-министром Клементом Эттли в августе 1945 года в пригороде Берлина. Он перечислил нарушения Западом этого договора: «Они втянули Германию в НАТО, они дают ей ядерное оружие». Хрущев сделал вывод, что от соглашения ничего не осталось. «Не пора ли отказаться от Потсдамского соглашения?» – спросил он. Хрущев был готов заявить об этом миру и намекнул, что удачная возможность представится всего через несколько дней. В следующий понедельник, 10 ноября, он планировал выступить на собрании в честь советско-польской дружбы, которое, как ожидалось, посетит польский лидер Владислав Гомулка. Хотя в центре внимания этого мероприятия были советско-польские отношения, опять обострившиеся в последние месяцы, Хрущев полагал, что это подходящее место, чтобы объявить об официальном окончании Второй мировой войны.

Всего в нескольких фразах одной речи советский руководитель решительно откажется от системы европейской стабильности, сложившейся после 1945 года. Хрущев выступил так, что его коллеги не усомнились: он понимал, какими будут хотя бы некоторые из последствий этого выступления. Он хотел, чтобы были составлены планы немедленного вывода советских военных из Восточного Берлина и Восточной Германии. Он подпишет мирный договор с восточными немцами, по которому они сами будут нести ответственность за свои собственные границы. Но у мира будет одно важное последствие:

если американцы захотят посетить их политический остров, то есть Западный Берлин, то им придется просить разрешения у восточных немцев, чтобы пересечь восточногерманскую территорию, по воздуху или по суше.

Не было оснований полагать, что Запад согласится на это без борьбы. Какой будет реакция восточногерманских военных, если американцы и британцы, как это, разумеется, и произойдет, решат усилить свои воинские контингенты в Берлине вследствие хаоса, который возникнет после отказа Советов от существующих правил управления зоной? Послевоенный договор разрешал союзникам свободно вводить войска в Западный Берлин, и к ноябрю 1958 года в городе уже было около одиннадцати тысяч солдат НАТО.

Хрущев не настаивал, чтобы это предложение проанализировали заранее. Министерство иностранных дел разрабатывало его, исходя из разных предполагаемых вариантов, и предварительного военные ничего не планировали. Родиона Малиновского, советского министра обороны, на заседание Президиума даже не пригласили. Отказ от послевоенного европейского урегулирования Хрущев представил просто как свое желание. И этого было достаточно для его приспешников, восторженно его поддержавших. Суслов, Брежнев, Козлов и Кириченко поддержали эту идею единодушно. Лишь Громыко и Микоян высказались чуть менее одобрительно, а опасения Громыко были представлены как несущественные. Громыко, не входивший в число руководителей КПСС, был вынужден согласиться со своим начальником, но упомянул, что эту идею следовало бы заранее обсудить с восточными немцами. Советский министр иностранных дел тоже полагал, что стоило бы как-то разъяснить, что собираются делать Советы, если откажутся от Потсдамского соглашения. В руках умелого спорщика этот аргумент мог бы стать впечатляющим, но Громыко, который «боялся Хрущева до такой степени, что это было неприлично», только попросил у Кремля больше указаний²⁸.

Несогласие Микояна было явным и впечатляющим. Он сразу же понял, что Хрущев говорил о будущем Берлина. «Как далеко мы собираемся с этим зайти? – спросил он, опасаясь, что Запад может сказать, что Хрущев хочет получить Берлин. Добавив: «У меня есть сомнения», – Микоян сказал, что не думает, будто Хрущев откажется от Потсдамского соглашения сколь-нибудь скоро.

Микоян указал на наиболее опасный элемент предложения Хрущева. По результатам Второй мировой войны Берлин, крупный столичный город Гитлера, оказался в аномальном положении. Державы союзников соперничали между собой за то, кто займет город, символ победы над нацизмом. Сразу же после успеха союзников в Нормандии летом 1944 года Уинстон Черчилль начал кампанию,

призванную убедить Эйзенхауэра, верховного главнокомандующего силами союзников, устремиться на Берлин, чтобы закончить войну раньше и отрезать Советы, наступавшие с востока. Эйзенхауэр предпочел развернуть свои войска широким фронтом, чтобы занять как можно больше западных частей Германии, и не был убежден, что стремительное продвижение советской армии на Берлин в какой-то мере ускорит окончание войны. В результате войска под командованием маршала Георгия Жукова дошли до города первыми, в конце апреля 1945 года, вынудив Гитлера совершить самоубийство в подземном бункере (после того, как он заставил покончить с собой свою жену Еву Браун). Еще до захвата Берлина Жуковым лидеры трех союзных держав решили в Ялте, что они будут управлять оккупированным городом совместно. Черчилля, Сталина и Рузвельта не волновали практические подробности тыловой жизни и то, как будут снабжаться французский, британский и американский секторы Берлина, уходившие в глубь советской зоны оккупации на сотни миль. В случае необходимости такие решения должны были приниматься на местах военными командирами.

Отношения между Востоком и Западом в атмосфере победы были настолько хорошими, что, когда в конце июня 1945 года маршал Жуков заверил союзных генералов, что «западные войска могут входить в город беспрепятственно», все считали, что этого достаточно, чтобы гарантировать автомобильный и железнодорожный доступ к Берлину²⁹. Однако система более четких правил воздушного сообщения возникла не из-за соображений политического характера, а из-за того, что существовала вероятность авиакатастроф в нерегулируемом воздушном пространстве. В Берлине была создана служба воздушной безопасности четырех держав, и в сентябре 1945 года было подписано соглашение, определившее три воздушные трассы, или коридора, которыми могли пользоваться западные самолеты, чтобы пролетать в западные сектора Берлина над советской зоной³⁰.

Эти меры оставались неопробованными в течение трех лет, до июня 1948 года. Микоян, находившийся в то время в Москве, вспомнил о международном кризисе, возникшем, когда Сталин попытался вытеснить из Берлина западные державы. Раздраженный решениями союзников по координации экономики оккупационных зон, Сталин перекрыл все сухопутные и водные пути к Западному Берлину, когда были определены британский, американский и французский сектора. Вынужденные полагаться на воздушные коридоры, гарантированные сентябрьским соглашением 1945 года, западные державы установили беспрецедентный «воздушный мост», чтобы сохранить жизнь жителям Западного Берлина. В марте 1949 года Сталин прекратил блокаду, ничего не получив от Запада взамен. И тогда Микоян окон-

чательно понял, что западные державы поставили своей целью и сделали вопросом своего престижа как сохранение Западного Берлина, в котором в 1958 году проживало два миллиона двести тысяч человек, так и обеспечение путей доступа, гарантировавших это сохранение. Предложенный Хрущевым отказ от Потсдамского соглашения привел бы к реальной отмене договора 1945 года о доступе к Западному Берлину, что вынудило бы Вашингтон, Лондон и Париж предположить, что близится новый Берлинский кризис.

Выступая перед своими коллегами в Президиуме, Микоян выражал свое несогласие постепенно и осторожно, чтобы избежать прямой конфронтации с настроенным решительно Хрущевым. Он порекомендовал Кремлю не торопиться с решением германского вопроса. «Почему бы не подождать, пока пройдут выборы в Западной Германии?» – сказал он, пытаясь оттянуть время. Западные немцы не придут на избирательные участки до декабря.

И, хотя представители хрущевского блока – более молодые члены Президиума, выигравшие от покровительства Хрущева, – высказались в поддержку радикального предложения первого секретаря, Микоян решил, что победа осталась за ним. 6 ноября Президиум не обнародовал никаких официальных указаний, и в тот день голосование по германскому вопросу не проводилось. Но это была лишь временная передышка, поскольку по установившейся советской практике все решения должны быть официально одобрены Президиумом.

Однако Хрущев истолковал результат заседания совсем иначе. Покидая заседание, он был уверен в поддержке своих сторонников, громко выразивших свое одобрение. Брежнев и Козлов одобрительно крикнули: «Мы должны начать!» А Кириленко, партийный деятель Украины, воскликнул: «Давайте разведем под ними костер!» Уверенный в том, что он смог склонить на свою сторону весь Президиум, Хрущев велел Громыко снова собрать его германских экспертов, чтобы подготовить речь, с которой ему предстояло обратиться к собравшимся в понедельник. До восточногерманского посла Иоганна Кёнига тоже дошли сведения, что выступление Хрущева 10 ноября принесет с собой «что-то новое»³¹. Однако работникам министерства иностранных дел не разрешили сообщать их восточногерманским коллегам об этом выступлении ничего конкретного.

Хотя Хрущев этого еще не знал, проигнорировав Микояна и нарушив установленный порядок рассмотрения дел в Президиуме, он инициировал кризис, который станет проверкой прочности его собственной власти. Давний коллега Хрущева Анастас Микоян покинул заседание, предположив, что никакого решения не принято. Но он не скоро даст Хрущеву забыть о его ошибке.

10 ноября, незадолго до того, как отправиться в московский Дворец спорта, Хрущев решил, что его польский гость станет первым восточноевропейским союзником, узнавшим подробности того, что он намерен сделать. Хрущев сообщил Гомулке, что он готовится вывести советскую миссию из Западного Берлина и выдворить американскую, британскую и французскую миссии из Восточного Берлина. Не было сомнений, что он мечтал переложить на восточных немцев всю ответственность советской стороны за наблюдение за контрольно-пропускными пунктами. Это они будут решать, как им поступать с путями доступа. Гомулка сразу же понял, как он впоследствии заявлял, что Хрущев хотел «ликвидировать западную часть Берлина»³².

Сообщая о своем решении решительно пересмотреть систему, установленную Потсдамским соглашением, Хрущев подчеркнул, что он понимает, с какими опасностями это сопряжено. Он ожидал, что «холодная война» будет такой же напряженной, как и в 1948 году, когда Сталин блокировал Западный Берлин. На этот раз Хрущев подозревал, что союзники откажутся признать восточногерманский контроль и все железнодорожное и автомобильное сообщение остановится. «Возникнет та или иная форма блокады, но у нас достаточно продовольствия. Мы будем снабжать продуктами и Западный Берлин. Мы этого не хотим, но население от этого пострадает»³³.

Хрущев заверил своего польского гостя, что, несмотря на кризис, который за этим последует, он не ожидает войны. «Будет напряженность, конечно... будет блокада. Они проверят нашу реакцию. В любом случае, – объяснил он, – нам придется проявить в этом вопросе большое хладнокровие». Хрущев сказал Гомулке, что, по его мнению, стоит пойти на риск, так как положение Западного Берлина невыносимо. «Западный Берлин существует, чтобы использовать его как базу для нападения на нас». Однако Хрущев полагал, что благодаря ядерному оружию мировая война из-за Берлина маловероятна. Хотя Советский Союз еще не нанес ракетного удара по Соединенным Штатам, он создал ракеты, которые могут поразить союзников США. Придумывая на ходу различие между этими двумя понятиями, Хрущев хвастался Гомулке: «Теперь Америка стала ближе к нам; наши ракеты могут напрямую ее поразить»³⁴.

Его выступление в тот день оказалось более длинным и не таким откровенным, как его беседа с Гомулкой. Но смысл был очевиден. «Время явно пришло, – заявил Хрущев, – чтобы подписавшие Потсдамское соглашение отказались от остатков оккупационного режима в Берлине и, следовательно, создали условия для нормализации положения в столице Германской Демократической Республики»³⁵. Потсдамское соглашение «устарело». Теперь, когда Соединенные

Штаты и их союзники в НАТО были готовы разрешить Западной Германии создать свою армию, которая будет сильнее армий Британии и Франции, вместе взятых, Москва, судя по всему, не видела для себя никакой пользы в этом соглашении. Единственная его часть, которую союзники пока соблюдали, касалась их оккупационных прав в Западном Берлине, и Хрущев не видел причины в сохранении этих прав. «Кто выигрывает от такой ситуации?» – задал он риторический вопрос. «Не Советский Союз», – подразумевался ответ. Поэтому СССР планировал передать восточным немцам те функции, которые он пока еще выполнял как один из четырех победителей Второй мировой войны. Восточногерманские солдаты будут патрулировать коридоры, ведущие из Западной Германии через восточногерманскую территорию в Западный Берлин, и проверять визы людей, посещающих город. Восточные немцы заменят и советских офицеров, координировавших контроль воздушного сообщения над прилегающей к Берлину более крупной территории. И, наконец, восточным немцам будет предоставлено полное право разрешать или не разрешать доступ к Западному Берлину через их воздушное пространство или территорию.

* * *

Первоначальная реакция Запада на выступление во Дворце спорта была сдержанной. Несмотря на резкий, негодующий язык, Хрущев так и не сказал, когда именно Советский Союз отзовет своих представителей из штаб-квартиры четырех держав, в которой осуществлялся надзор за Берлином, или когда он переложит на восточных немцев свою ответственность за пограничный контроль советской зоны.

Администрация Эйзенхауэра не видела никакой нужды в развернутом ответе. Были лишь даны указания низовому чиновнику государственного департамента в Вашингтоне. Он должен был еще раз подтвердить обязательства США перед Западным Берлином и опровергнуть мнение Хрущева о статусе Потсдамского соглашения. Французы и британцы сказали еще меньше. Тем временем в Москве три главных западных посла лихорадочно анализировали заявление Хрущева, чтобы увидеть, есть ли в нем какой-нибудь намек на то, что может произойти далее. Британский посол сэр Патрик Рейли решил в первую очередь получить самый точный перевод речи, переданной по радио «Москва». Он знал, что Лондону необходимо понять, употреблял ли Хрущев будущее время или просто сослагательное наклонение³⁶.

Спокойствие продлилось всего два дня. Хотя официально Хрущев не заявлял о прекращении советского участия в оккупации Германии, но находящиеся там советские военные явно получили разрешение

чинить препятствия западным коллегам при переходе в Западный Берлин и выходе оттуда. По закону военные четырех оккупационных держав могли перевозить в свои сектора Берлина людей и вооружение, не информируя об этом другие оккупационные власти. 12 ноября, в час дня по берлинскому времени, Советы продемонстрировали, что это изменение вот-вот произойдет. Они остановили три грузовика армии США, покидавшие Западный Берлин через контрольный пункт в юго-западной оконечности города, в Бабельсберге. Советы настаивали, что машины, прежде чем разрешить им следовать дальше, надо досматривать. Подчиняясь американским правилам, командующий контингентом отказался давать разрешение на досмотр. Тупиковая ситуация разрешилась через восемь часов, когда на место действия прибыл взвод американских танков. Как только Советы поняли, что американская армия готова применить силу, чтобы вызволить небольшую транспортную колонну, они освободили и людей, и грузовики³⁷.

Пограничный инцидент привел к изменению подхода и в Париже, в штаб-квартире НАТО, и среди членов американского объединенного комитета начальников штабов. То, что многие считали чисто политическим жестом Хрущева, имело теперь, судя по всему, военную составляющую. Как главнокомандующий Объединенными силами в Европе генерал Лорис Норстед, так и председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Нэйтан Твайниг посоветовали подготовить часть моторизованной пехоты, вывести ее из Западной Германии и обеспечить ее проезд по автобану – коридору через Восточную Германию в Западный Берлин. Тем самым предполагалось продемонстрировать, что обязательства западных союзников перед разделенным городом остаются в силе³⁸.

Фостер Даллес на инцидент в Бабельсберге отреагировал иначе. Он не хотел, чтобы западные союзники демонстрировали столь твердую решимость на этом этапе кризиса. Его мнение о стратегических последствиях действий Советов в Берлине и вокруг него существенно отличалось от того, как он оценивал положение на Ближнем Востоке. В июле он был разочарован нежеланием объединенного комитета начальников штабов подготовить военную операцию, чтобы помочь британцам в Персидском заливе. А здесь, как он полагал, армия США действует слишком быстро, готова военный ответ на действия Хрущева³⁹.

* * *

Запад не знал, что речь Хрущева привела в замешательство и Кремль. Инцидент в Бабельсберге не соответствовал представлениям всего советского руководства, и все усилия Запада проанализи-

ровать выступление от 10 ноября или разобратся, что происходит на месте, в Берлине, оказались тщетными. Никакая разведслужба или министерства иностранных дел, какими бы осведомленными и хорошо информированными они ни были, не могли предсказать, что именно советское правительство будет делать дальше. Решение Хрущева начать кризис из-за Берлина нанесло удар по его позициям с самой неожиданной стороны.

Речь от 10 ноября привела в ярость давнего союзника Хрущева Анастаса Микояна. «Это было, – позже вспоминал Микоян, – самым вопиющим нарушением партийной дисциплины»⁴⁰. Микоян считал, что он больше разбирается в международных делах, чем Хрущев, у которого, по мнению Микояна, были очень наивные представления о мире. В частности, Микоян полагал, что он понимает Германию лучше, чем Хрущев. Репутация Микояна была, может быть, несколько запятнана из-за неверной оценки ядерных амбиций Западной Германии, которую он вынес из своей встречи с Аденауэром в апреле 1958 года. И тем не менее он полагал, что политика, которую предлагает Хрущев, несет еще больше угроз для советской безопасности, чем все, что уже сделал Аденауэр.

Мало что известно о том, как начал свою интригу Микоян. Однако почти сразу же после речи во Дворце спорта ему стало ясно, что, если он хочет остановить Хрущева и не дать ему перевернуть Европу вверх дном, надо действовать быстро. 14 ноября Хрущев воспользовался своим выступлением перед выпускниками советских военных академий, чтобы намекнуть Западу, что Советский Союз собирается выдвинуть «окончательные предложения» по Берлину. Документ, сказал он, готовится⁴¹.

В своем стремлении пересмотреть новую германскую политику Микоян не мог рассчитывать на серьезную помощь. Одним возможным союзником был Громыко, команда германистов которого составила тезисы первоначальных предложений 3 ноября – до того, как через несколько дней им велели срочно готовить хрущевскую речь. Но Громыко, когда к нему обратился Микоян, дал понять, что не хочет бросать вызов Хрущеву. Другим возможным сторонником был советский президент Ворошилов, от которого Хрущев не потрудился избавиться после неудавшегося заговора в июне 1957 года. Летом старый маршал не медлил, когда усомнился в целесообразности решения Хрущева рисковать из-за Ирака, но на заседании 6 ноября ничего не сказал о Берлине. Единственная женщина в составе Президиума, Фурцева, тоже могла быть полезна. Она и Микоян были союзниками в борьбе за сокращение продолжительности рабочего дня и по некоторым другим социальным реформам, от которых Хрущев отказался как от слишком дорогостоящих. Фурцева тоже не высказалась о

предложениях Хрущева по Берлину, но у нее было даже меньше политического влияния, чем у Ворошилова. Она не могла помочь ничем, кроме одного своего голоса.

От новых людей Хрущева Микояну было еще меньше пользы. Десять из шестнадцати членов Президиума получили повышение после 1955 года и чувствовали себя в разной степени благодарными Хрущеву. В частности, своими должностями Хрущеву были обязаны Леонид Брежнев, Аверкий Аристов и Фрол Козлов; они вряд ли могли бросить вызов его внешней политике. В любом случае в международных делах они разбирались еще меньше, чем Хрущев. Главный идеолог Президиума Михаил Суслов был для Микояна темной лошадкой. Хитрый и безжалостный, Суслов поддержал берлинскую политику, но, возможно, его позицию можно было и изменить.

Шансы были неравными, однако Микоян решил, что у него нет иного выхода, кроме как попытаться воспрепятствовать потенциально губительной берлинской политике Хрущева. Он знал, что прямой вызов Хрущеву, по всей видимости, ни к чему не приведет, и поэтому, следуя добрым советским традициям, стал прилагать усилия, чтобы подорвать авторитет Хрущева обходным маневром.

Годами Микоян пытался сместить председателя КГБ Ивана Серова – человека, деяниями которого отмечены все страшные тридцатые годы. С началом десталинизации Советы пообещали людям обуздать самые жуткие устремления секретных служб. Но то, что во главе КГБ стоял Серов, сводило эту политику на нет. Задолго до споров по берлинскому вопросу Микоян пытался убедить Хрущева, что это некрасиво для власти – по-прежнему доверять советские службы безопасности такому одиозному человеку, как Серов. Но Микоян ничего не добился. Серов был одним из тех немногих, кому Хрущев доверял в Москве. Они стали действовать вместе еще тогда, когда Хрущев был заместителем Сталина в Украине, а Серов – его начальником службы безопасности. В Кремле и среди членов узкого круга советского общества ходили упорные слухи, что по указаниям Хрущева Серов лично наблюдал за уничтожением архивов, из которых явствовало, что они (то есть и Хрущев, и Серов) замешаны в преступлениях, совершенных в Украине⁴².

Будучи членом замкнутого мира Кремля, Микоян понимал, что, оказав давление на Серова, он мог напомнить Хрущеву, что его власти есть предел. Но он был опытным интриганом и понимал также, что не может возлагать свои надежды лишь на интригу против Серова. Хрущев возбудил против себя недовольство коллег своим жестким обращением со вставшим в немилость Николаем Булганиным. Добродушный бывший председатель Совета министров, он был выведен из Президиума в качестве наказания за поддержку заговорщи-

ков, пытавшихся сместить Хрущева в 1957 году. Микоян решил сыграть и на этом, притормозить новую берлинскую политику.

В октябре Президиум решил, что в рамках общественной кампании, проводившейся накануне XXI съезда партии, Кремль должен «подробней раскрыть суть антипартийной группы [заговорщиков переворота 1957 года]». Хрущев и его сторонники хотели, чтобы советские люди поняли, что его противники усомнились в его мудрости, плодотворности его трудов и энергии. Однако Президиум не решился использовать эту кампанию для того, чтобы уничтожить Булганина. Но Хрущев на это пошел, чтобы связать Булганина с тем, кто устроил в 1957 году заговор для его свержения⁴³. Микоян знал, что подобное проявление излишней политической жестокости свидетельствовало о том, что Хрущев зарвался, и это можно было использовать и для того, чтобы ослабить его влияние на внешнюю политику.

* * *

На секретном языке ЦРУ закрытые сообщества именовались «трудными целями» с точки зрения сбора информации. В Советском Союзе самой трудной целью из всех был Кремль. 18 ноября на неофициальном обеде с несколькими журналистами Аллен Даллес упомянул, что его озадачили публичные нападки на Булганина, сведения о которых его организация собрала в Москве. Помимо этого, Даллес ничего не знал о борьбе по поводу концепции берлинской политики или о будущем своего коллеги в КГБ⁴⁴. Но, поскольку он предположил, что Хрущев не пойдет на риск и не развяжет войну, чтобы выдворить западные державы из Западного Берлина, шеф ЦРУ не особенно беспокоился. Джеймс Рестон, посетивший собрание избранной публики, устроенное для «Нью-Йорк таймс», отметил, что причиной беззаботности Даллеса было его убеждение, будто «коммунисты знают, что серьезное усилие перекрыть наш доступ к Западному Берлину просто объединит Запад и создаст проблемы для коммунистов»⁴⁵.

Три главных западных посла в Москве разделяли мнение директора ЦРУ, что именно Хрущев полностью руководит берлинской политикой, хотя они были менее оптимистичны и не знали, как далеко он может зайти. Через несколько дней после выступления Хрущева новоприбывший посол США Льюэллин Томпсон, британский посол сэр Патрик Рейли и французский посол Морис Дежан обменялись мнениями о том, что, на их взгляд, происходит. Они не знали, что Микоян действует закулисно, чтобы минимизировать ущерб от обязательства Хрущева отказаться от исполнения Потсдамского соглашения. Но они понимали, что выходку Хрущева вызвали какие-то чрезвычайные обстоятельства. Как минимум, Хрущев хотел

укрепить статус ГДР «перед лицом растущей мощи Федеративной Республики»⁴⁶. Его главная цель состояла в том, чтобы добиться проведения встречи в верхах, на которой «воссоединение, если его вообще обсуждать, будет обсуждаться на его условиях». Лондон разделял мнение послов. Кроме того, аналитики британского Министерства иностранных дел справедливо предположили, что в изменении советских представлений о ближнесрочных последствиях их германской стратегии сыграла свою роль ядерная полемика. «Перспектива ядерного вооружения Федеративной Республики, – информировали британские дипломаты своего премьер-министра, – вот что могло быть причиной той спешности, с которой Хрущев предпринял усилие ослабить западное влияние на Федеративную Республику»⁴⁷.

* * *

На следующем заседании Президиума, 20 ноября, Микоян отчасти победил Хрущева. Имеющиеся у нас фрагментарные стенограммы этого заседания содержат лишь намек на то, как Микоян сплотил группу, чтобы сокрушить придуманную десять дней назад берлинскую политику Хрущева⁴⁸. За несколько дней до заседания Микоян, похоже, воспользовался вопросами обхождения с Булганиным и будущего Серова, чтобы заручиться поддержкой Михаила Суслова и Екатерины Фурцевой для пересмотра позиции, недавно занятой Хрущевым по германскому вопросу. Когда заседание началось, Хрущев неожиданно обнаружил, что ему придется защищать Серова и оправдывать недавнюю публичную кампанию против маршала Булганина.

Когда под напором этой критики Хрущев потерял бдительность, Микоян перешел к вопросу о пересмотре берлинской политики. Позже он вспоминал, как взял верх и навязал свою повестку, выступив с пространной речью о необходимости соблюдать Потсдамское соглашение⁴⁹. В результате «план», разработанный министерством иностранных дел в связи с опрометчивым обещанием, содержащимся в польской речи Хрущева, был отклонен Кремлем, проголосовавшим против него.

Предложение Хрущева об одностороннем отказе от Потсдамского соглашения было признано недействительным. И теперь его было нечем заменить. 20 ноября, несмотря на публичные заявления Хрущева и данное полякам обещание, что Потсдамское соглашение утратило свою силу, Советский Союз был вынужден срочно решать, что он скажет Западу и восточным немцам, когда его спросят, что представляет собой его новая политика.

Через несколько часов после начала заседания Президиума Громыко и его специалисты по Германии выработали двоякий подход, призванный заменить хрущевский диктат, его безапелляционное мнение о Потсдамском соглашении⁵⁰. Во-первых, министерство иностранных дел разработает новое обращение к западным державам, в котором будет отмечаться и то, что Советы по-прежнему поддерживают Потсдамское соглашение, и то, что Хрущев требует как изменения статуса Западного Берлина, так и отношений между оккупационными державами и двумя германскими государствами-преемниками. Во-вторых, было решено посмотреть, принесут ли результаты тайные каналы, обеспечивающие подход к Аденауэру⁵¹. Несмотря на множество доказательств, что этот пройдоха обманул их по ядерному вопросу, специалисты по советской внешней политике полагали, что, вероятно, можно будет чего-нибудь достичь, если связаться с западными немцами частным образом. Ветераны министерства иностранных дел вспоминали о сотрудничестве между Советским Союзом и Германией в двадцатых годах. И, хотя это совсем не было целью Хрущева или Ульбрихта, в министерстве еще существовала определенная надежда на то, что вдруг однажды удастся создать объединенную, нейтральную и, возможно, коммунистическую Германию. В самом крайнем случае была надежда на то, что, апеллируя к этой цели – нейтральная Германия, советские функционеры могут подтолкнуть западных немцев к поиску выхода из берлинского тупика. До окончания заседания Громыко порекомендовал Кремлю использовать австрийцев, чтобы передать экстренное сообщение в этом духе западногерманскому послу, Хансу Кроллю⁵². Неясно, знал ли тогда Хрущев, кто такой Кроль, но это неведение продлится недолго.

* * *

Родившийся в 1898 году в прусском городе Дойч-Пекар [в 1922 году он отошел Польше под названием «Пекары-Слёнске». – *Примеч. пер.*], Ханс Кроль вырос в маленьком городке, в миле от границы между Вильгельмовской Германией и императорской Россией. Мальчиком он рыбачил на реке, разделяющей две империи. Первые слова на русском, которым он научился, он узнал от рыбаков, кричавших с другого берега. Позже Кроль рассказывал об этих воспоминаниях детства, чтобы объяснить то почти мистическое представление о России, которое сложилось у него совсем рано, и энтузиазм, побуждавший его узнать об этой стране как можно больше⁵³.

В германское министерство иностранных дел Кроль пришел в трудные годы, наступившие после поражения в Первой мировой войне. Он и сам был тяжело ранен, сражаясь против союзников во

Франции. После выздоровления Кролль работал в комиссии, наблюдавшей за плебисцитом в его родной провинции Верхняя Силезия. Этой комиссии предстояло определить, присоединится ли она к только что получившей независимость Польше или останется в составе сильно сократившейся по своим размерам Германии, созданной Версальским договором. И, хотя большинством голосов люди проголосовали за то, чтобы остаться в составе Германии, победившие великие державы вынудили жителей родной провинции Кролля согласиться на раздел их территории. Этот опыт оказался для молодого Кролля болезненным. «Это было явным нарушением обещания, – писал он, – оскорбительным обманом населения района и насмешкой над самоопределением»⁵⁴. Это и побудило его поступить на службу в министерство иностранных дел Германии, где в двадцать два года он стал самым молодым атташе. Через три года Кролля направили в германское посольство в Москве.

В двадцатых годах он проработал два года в Москве и вскоре основательно овладел русским языком, работая с русскими и немцами Поволжья как представитель департамента внешней торговли германского Министерства иностранных дел. Это были годы Рапалльского договора. В 1923 году Веймарская республика и Советский Союз [тогда еще РСФСР. – *Примеч. пер.*] подписали договоры о сотрудничестве. Обе страны, отверженные международной системой, увидели смысл в очень тесном сотрудничестве, несмотря на расхождения в политике и идеологии. Германия хотела обойти ограничения численности ее армии, установленные Версальским договором, тогда как Москва была заинтересована в расширении торговли. Кролля, хотя он и был дипломатом очень низкого ранга, пригласили на оживленные дискуссии между германским послом и лидерами большевистской революции, многие из которых говорили по-немецки. Хотя некоторые большевики были поглощены интересами практического свойства, разница во взглядах между Москвой и Берлином означала, что эти отношения будут нелегкими. И тем не менее Кролль понял, насколько выгодны для Германии хорошие отношения с Востоком. Это понимание значимости восточной политики не покидало его никогда. Через тридцать лет Кролль привлек внимание Конрада Аденауэра, полагавшего, что Бонну нужен в Москве представитель, который говорит по-русски и, кроме того, способен расположить советское руководство к откровенности.

* * *

Хотя и не на официальном заседании, тем не менее, члены Президиума одобрили предложение министерства иностранных дел

составить новую ноту к другим оккупационным державам и подготовить тайный подход к западным немцам через австрийцев⁵⁵. 22 ноября Громыко лично явился к австрийскому послу барону Нихоласу фон Бишоффу, чтобы попросить его об этом особом одолжении. Ему хотелось, чтобы австриец понял, что Москва сомневается в правильности понимания западными немцами прямого подхода. Они, полагал Громыко, в эти напряженные времена вряд ли истолкуют его как-то иначе, нежели как пропаганду. В качестве альтернативы Кремль надеялся воспользоваться Бишоффом как «уважаемым каналом». Громыко попросил, чтобы вопрос «Почему Западная Германия берет ядерное оружие у Соединенных Штатов?» был бы первым, который Бишофф задаст Кролю. Австрийцу предстояло поднять вопрос и о нежелании Западной Германии наладить отношения с Восточной Германией. И, наконец, Громыко передал Бишоффу самое важное из имевшихся у него сообщений. «Передайте Вашему коллеге, западногерманскому послу, – говорилось в советской ноте, переданной Бишоффу для конфиденциального прочтения, – что заключение мирного договора с Германией может привести к решению всего германского вопроса». Бишофф сказал, что он выполнит это поручение. Пообещав не информировать ни свое посольство, ни кого-либо еще, барон фон Бишофф не стал тратить времени и немедленно связался с Хансом Кроллем⁵⁶.

Через пару часов оба встретились за совместным обедом. Своему германскому коллеге Бишофф не только передал то, что ему сказал советский министр иностранных дел, но даже превысил свои полномочия, сделав то, о чем его не просили Советы. Он написал от руки собственную ноту и передал ее Кролю, попросив, чтобы Бонн воспользоваться этой удобной возможностью вступить в прямые переговоры с Москвой, чтобы предотвратить войну в сердце Европы. Кроль был согласен, что мирный договор с Москвой стал бы «первым шагом», который откроет путь будущим инициативам на благо мира и стабильности в Центральной Европе. Он пообещал сражаться как лев за германский мирный договор. Однако он никак не показал, что его мнение как-то расходится с мнением его правительства. Наоборот, он полагал, что западногерманская позиция вынудит четыре державы урегулировать этот вопрос в первую очередь уже вполне проявила себя в том, что Западная Германия позволяла участвовать в любых мирных комиссиях и восточногерманским, и западногерманским «экспертам». Это было личное мнение Кроля, что эти эксперты будут взаимодействовать и таким образом создадут основы для воссоединения⁵⁷.

Пока Громыко прокладывал свой путь к Аденауэру, советское министерство иностранных дел завершало окончательное оформ-

ление новой дипломатической ноты. Ни Хрущев, ни Микоян не получили всего, на что надеялись, поскольку нота отражала позицию, представлявшую собой нечто среднее между их противоположными мнениями. Потсдамское соглашение скорее просто существовало и искусственно поддерживалось, чем исполнялось. Хотя Западу должны были сообщить, что Москва считает оккупационные зоны утратившими законную силу, она обещала подождать шесть месяцев, до конца мая, и только после этого приступить к односторонним действиям по этому вопросу. Трудно представить, чтобы какое-либо правительство избрало в качестве компромиссной позиции ультиматум, но только это Кремлю и оставалось после того, как было отвергнуто первоначальное радикальное предложение Хрущева.

Однако самым значительным изменением было не изменение срока начала реальных действий. Самое существенное заключалось в том новом предложении, которое сделает Москва относительно будущего Западного Берлина, и это будет то, что вначале Хрущев собирался предоставить восточным немцам. В новой дипломатической ноте предлагалось, чтобы после окончания оккупационного режима Западный Берлин стал вольным демилитаризованным городом – по сути, городом-государством, не связанным ни с НАТО, ни с Варшавским Договором. Вольные города, как правило, никогда не существовали очень долго до неизбежного поглощения своими соседями. Такой была участь довоенного Данцига и послевоенного Триеста. Однако советское министерство иностранных дел пришло к мнению, что это предложение удовлетворит Запад с его обязательством сохранять Западный Берлин некоммунистическим и станет гарантией того, что войска НАТО покинут город.

Видимо, Хрущев участвовал в составлении предложения по вольному городу, когда министерство иностранных дел всеми силами пыталось сформулировать новую германскую политику. Один бывший советский дипломат позже рассказал, что во второй половине ноября он присутствовал на заседании, на котором Хрущев изложил свою идею. Характерно, что, когда Громыко собрался зачитать проект ноты, Хрущев его беззастенчиво остановил. «Это не имеет значения, – заявил советский лидер. – Слушайте то, что скажу я – стенографист записывает. Если это совпадет с тем, что вы тут написали, – хорошо, а если нет, выбросьте ваши ноты в мусорную корзину». И Хрущев в общих чертах обрисовал свою идею вольного города. Завершая, он был настолько доволен собой, что хлопнул себя по колену и воскликнул: «Вот они там на Западе зашевелиятся, вот скажут, Хрущев, сукин сын, еще “вольный город” выдумал!»⁵⁸ Было так на самом деле или нет, но Хрущев сразу же загорелся идеей вольного города Западный Берлин.

Он был убежден, что Запад воспримет это как серьезную уступку его интересам⁵⁹.

Еще более вероятно, что Хрущев имел непосредственное отношение к решению ограничить ультиматум шестью месяцами, а не годом или больше. Он явно продолжал следить за ходом операции «Атом», когда неохотно одобрил откорректированную дипломатическую стратегию для Германии. Где-то в конце ноября или в начале декабря советские ракетные войска в составе 72-й инженерной бригады были переправлены на базы севернее Берлина. Сами ракеты еще не были доставлены в Восточную Германию, но они и ядерные боеголовки должны были прибыть в начале нового года. Весь комплекс, включающий двенадцать ракет «Р-5М» с ядерными боеголовками, мощностью в триста килотонн, должен был быть приведен в состояние боеготовности к маю 1959 года⁶⁰.

Есть все основания полагать, что Президиум никогда официально не пересматривал операцию «Атом» исходя из спора о германской стратегии Хрущева. Малин, позже осторожно упомянувший о решении разместить ядерные ракеты на Кубе, не оставил никаких записей о каких бы то ни было обсуждениях Президиума об этом размещении в ноябре или в декабре 1958 года. Нет никаких свидетельств и того, что решение Президиума продолжать ракетное развертывание обнаружилось в относящихся к 1958 году совершенно секретных кремлевских папках по Берлину. Историк Хоуп Харрисон, выдающаяся исследовательница советско-восточногерманских отношений, не нашла свидетельств этого развертывания в восточногерманских папках, так же как и никаких упоминаний, что Ульбрихт когда-либо говорил об этом⁶¹. Развертывание происходило в соответствии с решением 1955 года, предполагавшего, что Советский Союз, исходя из своих оккупационных прав, не будет просить одобрения Восточной Германии.

Проводившееся в 1958 году развертывание ракет в ходе операции «Атом» отражало представление Хрущева о политической роли ядерного оружия. За год до этого он поделился со своими коллегами своей странной уверенностью, что для достижения мира можно прибегать к угрозам. Во время другого, и тоже по-своему тягостного, обсуждения советского предложения по разоружению он употребил необычный оборот речи, чтобы объяснить, почему чем жестче предложение, тем лучше. «Цель, – сказал он, – дать отпор, принудить к разрядке»⁶². Для большинства государственных деятелей понятия отпора и разрядки были взаимоисключающими. Но не для Хрущева. Это была крестьянская логика. Напугай своего противника как следует – и он даст тебе то, что ты хочешь. Давая свое предварительное согласие на то, чтобы предложить концепцию вольного города как

уступку Западу, Хрущев понимал, что советская армия готова дать суровый отпор, если усилия дипломатии окажутся тщетными.

Президиум не стал ждать, когда непосредственно выскажут свое мнение посол Кролл или канцлер Аденауэр, и 24 ноября одобрил новую ноту, в которой говорилось о вольном городе Берлине⁶³. Это произошло через две недели после того, как Хрущев пообещал объявить новую политику, и было ощущение, что надо что-то сообщить Западу. Одобрение ноты означало, что Микоян и Громыко выиграли какое-то время для дипломатии. Первоочередной целью этих переговоров было создание вольного государства Западный Берлин, которое будет демилитаризовано и гарантировано решением ООН. Со временем Запад и Восточная Германия смогут включить этот город-государство в свободную конфедерацию, что позволит каждой из составных частей сохранить свой существующий политический характер.

Непреднамеренным следствием этого политического компромисса стало то, что в результате Советы оказались в гораздо более слабой позиции, чем тогда, когда использовали тактику давления, чтобы не допустить турок в Сирию в 1957 году или ровно за четыре месяца до этого англо-американцев – в Ирак. Тогда эти угрозы были предназначены для того, чтобы помешать немедленному военному вторжению вообще. А сейчас Советы пытались использовать угрозу перейти к действиям через шесть месяцев, чтобы принудить Запад пойти на уступки советской власти прямо сейчас. Если западные союзники не предпримут никаких действий, Советы столкнутся с неприятным выбором между самостоятельными военными действиями и отступлением.

Нота, которую в конечном счете направили 27 ноября, была вынужденным результатом кремлевской борьбы за власть, разногласий между Микояном и Хрущевым по поводу адекватных рисков, на которые можно пойти, вынуждая Запад принять представление Хрущева о приемлемом германском урегулировании. Эта поспешно придуманная стратегия компромисса оказалась в последующем большим бременем для Советов.

Новость о впечатляющем заседании, состоявшемся 24 ноября, в конце концов дошла до маршала Булганина, которому больше не разрешалось посещать эти заседания. Он знал о противодействии Микояна безрассудной берлинской инициативе Хрущева и, разумеется, сочувствовал позиции Микояна, исходя из его статуса в советской иерархии. Увидев Микояна в коридоре после заседания, Булганин воскликнул: «Ты победил!»⁶⁴

Эйзенхауэра известили о советской ноте всего через несколько часов после того, как ее получил его посол в Москве. Это произошло утром 27 ноября, когда президент отдыхал на своей ферме близ поля битвы эпохи гражданской войны, в Геттисберге, штат Пенсильвания. Он воспринял новости спокойно. Оказалось, что на самом деле все было гораздо лучше, чем он ожидал. За три дня до этого государственный секретарь Даллес сообщал о большой напряженности в военных кругах в Вашингтоне. «Все возбуждены, – писал он. – ОКНШ [объединенный комитет начальников штабов] хочет что-нибудь сделать быстро и немедленно, и [генерал Лорис] Норстед хочет, чтобы мы начали воевать»⁶⁵. Пентагон опасался, что следующим шагом Хрущева станет действие, более силовое вариант инцидента, который произошел в Бабельсберге 14 ноября. Несмотря на то что ультиматум устанавливал крайний срок, в этой новой дипломатической ноте говорилось о переговорах. После брифинга Эйзенхауэр позвонил Даллесу и получил хорошую новость, что британцы тоже успокоились. Премьер-министр отказывался признавать выводы доклада, который, получив хождение в британском министерстве иностранных дел после инцидента в Бабельсберге, призывал к скорейшему признанию Германской Демократической Республики. Меморандум привлек внимание американцев и обеспокоил их почти так же, как и неуверенность в последующих действиях Хрущева⁶⁶.

По поводу предложения Хрущева сделать Западный Берлин вольным городом Эйзенхауэр сказал государственному секретарю, что не возражает против этого представления в принципе, но лишь постольку, поскольку оно относится ко всему Берлину, включая советский сектор, который теперь был столицей Германской Демократической Республики. Эйзенхауэр этого не сказал, но предположил, что Ульбрихт и Хрущев никогда на это не согласятся. Даллес был так же спокоен, как и президент. Никто из них не думал, что потребуются какие-либо чрезвычайные действия. Хрущев дал союзникам шесть месяцев. Напряжение могло извести его так же, как и их⁶⁷.

Аденауэра советская нота тоже не обеспокоила. Он уже решил не использовать обходные каналы и не действовать через Кролля. Он и Кроль были согласны, что пойти на этот опасный шаг Хрущева вынудили внутривластные факторы. Они предположили, что на партийном съезде в январе советский руководитель мечтал представить западный саммит по Берлину как свой трофей. Ну почему, спрашивал себя Аденауэр, Бонн должен его выручать?⁶⁸

Через несколько дней через Кролля Аденауэр сообщил Советам, что нота от 27 ноября свела на нет все шансы на плодотворную дискуссию между Бонном и Москвой. Советские предложения отно-

сительно вольного города Западного Берлина были «сто процентно неприемлемыми». До тех пор пока Хрущев будет настаивать на этом изменении статус-кво, канцлер не видит способа решить эту проблему⁶⁹.

* * *

Самообладание Эйзенхауэра и Аденауэра уязвило Хрущева. Не желая проявлять свой страх, они лишали его возможности добиться тех изменений, которые он надеялся произвести в демилитаризированной Центральной Европе. А поскольку никто в Кремле, включая Хрущева, не хотел войны, шестимесячный ультиматум уже был обречен на неизбежное поражение.

Хотя Микоян тоже был автором этой новой берлинской политики, после схватки с Хрущевым его позиции усилились, и от внезапных международных затруднений Советского Союза он не пострадал. Через неделю после ноты от 27 ноября Серова сместили. После того как один из главных молодых союзников Хрущева, Николай Игнатов, введенный в Президиум после июня 1957 года, переоценил свои возможности, пытаясь защитить Серова, все, кто еще мог поддержать главу КГБ, отступились, и 3 декабря Хрущеву пришлось признать неизбежное⁷⁰.

Бедняга Хрущев проигрывал. В день отставки Серова он проявил свой гнев во время встречи с посетившим его сенатором США Хьюбертом Хамфри. Характеризуя Берлин как «кость в моем горле», Хрущев заверил американца, что Советы собираются «разрубить узел, который портит отношения между четырьмя державами»⁷¹. Желая продолжать давление на Вашингтон, Хрущев хотел, чтобы Хамфри передал Даллесу и Эйзенхауэру два сообщения – «Не угрожайте мне» и, которое не менее важно, «Каковы ваши встречные предложения?»⁷².

Но советский руководитель не просто встал в позу перед посетившим его американским законодателем. Он не был убежден, что дипломатия принесет результаты без периода крайней напряженности. Несмотря на бунт Микояна и смягчение тональности политического вызова, Хрущев не отказался от решения разместить ядерные ракеты в Восточной Германии. В декабре 1958 года СССР развернул в Восточной Германии двенадцать баллистических ракет средней дальности «Р-5». Развертывание происходило в условиях секретности: в самом деле, неизвестно, сколько членов Президиума в 1958 году об этом знали, хотя, предположительно, Хрущев собирался когда-нибудь известить западный мир об этой новой ядерной угрозе в Восточной Европе⁷³. Когда срок действия ультиматума подойдет к концу, ракеты должны быть нацелены на Лондон и Париж.

Микоян знал о принятом в 1955 году решении развернуть ядерное оружие в Восточной Германии, одобренном тогдашними членами Президиума, но неясно, информировали ли его о нынешнем состоянии операции «Атом». Если да, то тогда он почти наверняка возражал против этой идеи как излишне провокационной. В декабре 1958 года он прилагал большие усилия, чтобы лишить оснований берлинский ультиматум и предотвратить любой кризис в отношениях с Западом. 17 декабря советское министерство иностранных дел вручило послу США Томпсону ноту с просьбой о визовой помощи, чтобы Микоян смог поехать с «неофициальным визитом» в Вашингтон в качестве гостя советского посла Михаила Меньшикова⁷⁴. Микоян не привык посещать капиталистические страны частным образом, да и Меньшиков не был его другом. Кремль хотел, чтобы Микоян помог ослабить напряженность, вызванную бестактным отношением Хрущева к германской проблеме, посоветовавшись с администрацией Эйзенхауэра. Учитывая ценность визита этого высокопоставленного кремлевского руководителя, Вашингтон дал свое согласие.

Чтобы убедиться, что администрация получила сообщение, на следующий день журналист Фрэнк Хоулмэн снова побеседовал со своим советским связным из разведки, Юрием Гвоздевым, посылавшим ему сообщения во время Иракского кризиса несколькими месяцами ранее⁷⁵. Советский представитель сказал, что Кремль обратил внимание на некоторые положительные комментарии, сделанные Ричардом Никсоном во время его недавней поездки в Лондон, об участии Советского Союза во Второй мировой войне. Может, Никсон заинтересован в посещении Москвы? Хоулмэну показалось, будто Гвоздев сказал, что Москва «очень высоко оценила бы [визит] с точки зрения конструктивных предложений по Берлину». Журналист полагал, что он добыл «надежную информацию». После выступления Хрущева 10 ноября, когда Хоулмэн думал, что положение, судя по всему, очень безотрадное, советский агент ему сказал: «Не беспокойся о Берлине; никакой войны из-за Берлина не будет». В тот раз Гвоздев надеялся, что ответ поступит в течение двадцати четырех часов, но Вашингтон решил не посылать официального ответа. Явно, что любой будущий визит вице-президента будет зависеть от поведения Микояна в Соединенных Штатах.

Политика Кремля в отношении Берлина была совершенно не последовательной и потенциально опасной. Хрущев разработал советский ответ на Суэцкий и Иракский кризисы, и логика советских действий отражала его собственные представления о том, что должно сработать. Однако такая политика в отношении Берлина была компромиссом, не удовлетворившим архитектора советской политики. И теперь, когда появились доказательства, что ноты от 27 ноября ока-

залось недостаточно, чтобы принудить Запад к уступкам, в Москве уже не имелось никаких особенно конструктивных идей, чтобы убедить Запад сесть за стол переговоров. Тем, кто не знал об операции «Атом», казалось, что преимущество, которое Москва выиграла после переворота в Ираке, уже утрачено. А тем, кто о ракетном плане знал, было неясно, каким образом появление двенадцати баллистических ракет средней дальности севернее Берлина можно включить в реальную политическую стратегию. Судя по всему, Хрущев надеялся, что общее беспокойство, вызванное ультиматумом, а позднее усилившееся из-за ракет в Восточной Германии, вынудит Запад принять концепцию вольного города Западного Берлина. Это породило большие надежды, учитывая историю защиты блоком НАТО Западного Берлина времен сталинской блокады. Микоян наверняка думал так. И, надеясь привести дела в порядок, он поехал в Вашингтон, округ Колумбия.

Глава 9

ХРУЩЕВ В АМЕРИКЕ

Год, отмеченный масштабным пересмотром тактики Хрущева в «холодной войне», начался с прибытия в Соединенные Штаты его главного критика внешней политики. Анастас Микоян не был в Америке с 1936 года, когда он стал первым советским высокопоставленным работником, посетившим страну. В тот раз он приезжал якобы с миссией изучить консервные заводы США, хотя все знали, что он поехал туда для того, чтобы выведать, что правительство США и американский народ думают о Советском Союзе и Иосифе Сталине¹. Поездка 1959 года была такой же беспрецедентной, хотя на этот раз главное намерение Микояна заключалось не в том, чтобы что-то узнать об Америке и американцах. В качестве первого члена советской элиты, посетившего Соединенные Штаты после смерти Сталина, он был призван снизить уровень напряженности между сверхдержавами, объясняя, почему Берлин имеет такое значение для Кремля.

Общая важность поездки не ускользнула от внимания администрации Эйзенхауэра, хотя никто в Белом доме или вокруг него не понял, почему Микоян предпринял поездку сам. Ни государственный департамент, ни ЦРУ, у которого не было никаких шпионов или подслушивающих устройств в Кремле, не знали о борьбе за власть, которая предшествовала визиту. Не знали они и того, что Микоян возглавлял группировку, которая разработала смягченный вариант берлинской политики Хрущева.

Немало поработав над тем, чтобы смягчить позицию Хрущева, теперь Микоян надеялся смягчить западные толкования советских намерений. И администрация Эйзенхауэра предоставила ему для этого отличные возможности. Для него были устроены личные встречи как с президентом, так и с государственным секретарем, в ходе которых Микоян очень честно изложил основные принципы, стоявшие за советской внешней политикой. Советские руководители, объяснил он, – реалисты. В качестве примера он привел отношения Кремля с Насером, которые, как настаивал Микоян, нельзя объяснить идеологией. Москва очень хорошо знала, что Насер сажал в тюрьмы комму-

нистов. И тем не менее у Советского Союза и Египта было достаточно общих интересов, чтобы наладить плодотворное сотрудничество.

Несмотря на весь свой успех в конце 1958 года, когда Микояну удалось смягчить агрессивный тон политики Хрущева по Берлину, он не был независимым игроком. Микояну приходилось действовать по указаниям Президиума, и он привез с собой советскую памятную записку по Берлину, которая отражала компромиссную позицию, достигнутую в конце ноября. Однако Микоян приложил все усилия, чтобы дать понять принимающей стороне, что в Кремле есть люди, у которых больше терпения для обсуждения берлинского вопроса, чем у Хрущева. Микоян неоднократно подчеркивал, что нота Хрущева от 27 ноября – не ультиматум, хотя и признавал, что не мог отменить крайний срок единолично.

Делая эту попытку расширить обсуждение, направленное на урегулирование берлинского вопроса, Микоян не знал, как к нему относятся США. Хотя в берлинском вопросе он и представлял кремлевских пацифистов, но за тактической гибкостью стояли свои жесткие требования, ограничивавшие общность подходов, которой он мог достичь в обсуждениях с кем-либо из американского руководства. Он не согласился с мнением о том, что к Восточному и Западному Берлину нужно относиться одинаково. С его точки зрения, Восточный Берлин, естественно, принадлежал Восточной Германии, тогда как Западный Берлин, из-за его географического положения в глубине территории Восточной Германии, не мог принадлежать Западной Германии. Следовательно, Микоян мог утверждать, что восточные немцы имели право заявлять о советской зоне Берлина как о своей столице, тогда как Аденауэр не имел права контролировать совокупные бывшие американские, британские и французские зоны этого огромного германского города. В то же время у Микояна не сложилось впечатления, что Вашингтон готов выполнять свои обязательства перед Западным Берлином. Много лет критиковавший ошибки Сталина в международной политике, Микоян понимал, что наследие блокады Берлина 1948–1949 годов осложняло решение берлинского вопроса. Однако он не мог понять, что концепция вольного города будет истолкована лидерами США как синоним отказа от [западных] обязательств перед жителями Западного Берлина.

Поэтому сообщение, с которым Микоян прибыл к принимавшим его американцам, было нечетким и дезориентирующим. Нет, речь не шла об ультиматуме. Однако, когда его попросили ответить, как долго Советы могут ждать решения, ответ Микояна был обескураживающим: он настоятельно советовал американцам серьезно отнестись к необходимости двусторонних переговоров, сославшись на то, что шесть месяцев – «достаточный срок для переговоров». Для американ-

цев этот вариант был таким же ужасным, как и вариант ультиматума, даже если он и выглядел более приемлемым. Поэтому Эйзенхауэр и члены его внешнеполитической команды нашли Микояна достаточно любезным, хотя его визит не произвел на них благоприятного впечатления. «Я надеялся, что он готов к конструктивным переговорам, – позже вспоминал президент, – но это оказалось не так». Усилия Микояна приоткрыть, что скрывалось за зигзагами берлинской политики Советского Союза, судя по всему, ни к чему не привели². На некоторых он произвел даже еще менее благоприятное впечатление. Сын Эйзенхауэра Джон, который к концу второго президентского срока своего отца стал его важным доверенным лицом и советником, охарактеризовал второго самого влиятельного члена Президиума как человека, похожего на «продавца за прилавком на мясном рынке»³. Кроме того, младший Эйзенхауэр подозревал, что этот заурядный человек приехал сюда с неблагоприятной миссией. «Может быть, – писал он позже, – [Микоян] прислали для того, чтобы начать мутить воду»⁴.

Но в Москве, куда Микоян вернулся через три недели, его приняли совсем по-другому. Хрущев превозмог свое расстройство, вызванное результатами внешнеполитического спора о Берлине, и одобрил визит Микоян, назвав его «полезным» и «выгодным для нас»⁵. Он полагал, что достигнуто было многое. Прежде всего, американцы отнеслись с уважением к представителю Советского Союза. Визиты в Белый дом были для члена Президиума чем-то беспрецедентным. В Кремле, где никогда как следует не понимали, как действует свободная пресса, немалое впечатление произвело и то, что американские газеты подробно осветили это событие и, казалось, восхваляли усилия Микояна начать серьезные переговоры по Берлину. Однако в серьезных вопросах американцы ничего не пообещали. В лучшем случае казалось, что в Вашингтоне возник некоторый интерес ко встрече министров иностранных дел, но Эйзенхауэр по-прежнему был решительно настроен против встречи в верхах и не изменял своей позиции, защищая статус-кво в Западном Берлине⁶. Тем не менее советское руководство убедило себя не отказываться от надежды на успехи в дипломатии⁷.

«Вопрос о встрече в верхах вряд ли нужно форсировать сейчас», – объявил Хрущев на заседании Президиума в полном составе, которое состоялось после возвращения Микояна⁸. Если Запад это предложит, то Хрущев был готов разрешить Советскому Союзу участвовать в дискуссиях на уровне министров иностранных дел, которые, как он надеялся, в конце концов «легитимизируют идею заключения мирного договора с ГДР». Теперь Микояну было позволено сделать то, что он явно хотел сделать посредством своей американской Одиссеи, но

на что у него не было официального разрешения. Хрущев предложил устроить в этот день пресс-конференцию, на которой Микоян мог бы намекнуть, что крайний срок, 27 мая, может быть и продлен⁹. Если и возможно было урегулировать германский вопрос по-настоящему, то Хрущев, разумеется, собирался обговаривать условия сам, но Микоян заслужил право быть тем, кто смягчит ультиматум формально.

Комментарии Хрущева среди своего ближнего круга после возвращения Микояна свидетельствовали о том, что он сортирует свои представления о Берлинском кризисе, отделяя принципиальные требования от тех, которыми можно было пренебречь.

После визита Микояна Хрущев начал разрабатывать определенные идеи для потенциальных уступок, которые могли сделать переговоры более привлекательными для Запада. Теперь он был готов заверить НАТО, что западные войска могут оставаться в Западном Берлине до тех пор, пока не происходило увеличения их численности или их довооружения¹⁰. Это значительно отличалось от того проекта мирного договора, копии которого Советы послали в январе в Лондон, Париж и Вашингтон; в нем говорилось, что все западные войска должны покинуть Германию в течение года после заключения договора¹¹.

Сохранение Германской Демократической Республики было неременным минимальным требованием Хрущева. Ее сохранение, полагал он, зависело как от установленных официальных границ на востоке, которые тогда отражали решения великих держав, принятые после окончания мировой войны, но не обладали той обязательностью, которую устанавливает договор, так и в том, чтобы лишить НАТО возможности нарушить восточногерманский суверенитет. Из всех досадных элементов нынешнего положения в Берлине больше всего советского руководителя раздражало послевоенное право западных союзников летать в Западный Берлин без разрешения восточных немцев. Никакое решение германской проблемы не было бы приемлемым, если бы оно сохраняло воздушные коридоры для трех союзников. Хрущева очень задевал вопрос перелетов над восточногерманскими территориями. Он был возмущен тем, что американские самолеты-разведчики летали над Советским Союзом, ведь эти полеты свидетельствовали о слабости советской противовоздушной обороны и подстрекали к нападениям с Запада. Аналогично и полеты союзников в Западный Берлин открывали Восточную Германию для наблюдения. Однако даже здесь Хрущев показал своим коллегам, что следует проявить определенную готовность договариваться о контролируемой форме доступа по воздуху. Если западные самолеты будут сначала приземляться в аэропортах ГДР, где у пассажиров можно

будет проверить их визы, то потом эти самолеты смогут продолжить полет в Западный Берлин.

Хрущев полагал, что эти уступки могут вызвать определенную реакцию союзников, участвующих в переговорах о будущем Берлина и двух Германий. Разве НАТО будет против них возражать? Если только Запад не хотел воспользоваться Западным Берлином как военной базой для упреждающего нападения на Советский Союз или решил по какой-то причине передать Берлин Аденауэру, то предложения Хрущева, как он полагал, должны успокоить опасения Запада относительно будущего их анклава. Недооценивая символическое значение гарантированного доступа в Западный Берлин для западных держав, Хрущев предположил, что ему нужно лишь подходящее место, где можно будет сделать свои предложения.

* * *

Весной 1956 года Хрущев и Булганин совершили колоритную поездку в Соединенное Королевство. Это был их первый визит доброй воли в страну НАТО. Собираясь покинуть Лондон, оба советских руководителя пригласили тогдашнего премьер-министра Идена посетить Москву. Этому помешал Суэцкий кризис, стоивший Идену его поста, но приглашение по-прежнему оставалось в силе для его преемника Гарольда Макмиллана, мечтавшего предпринять эту поездку. Столкнувшись в начале 1959 года с нелегкой ситуацией на выборах и обеспокоенностью британской общественности берлинскими проблемами, Макмиллан решил, что ему нужно совершить этот визит. Когда Микоян завершал свою поездку по Соединенным Штатам, премьер-министр послал сообщение в Москву, что, по его мнению, настало время для визита.

Получив эту просьбу Макмиллана, Хрущев, располагая временем, получил шанс опробовать некоторые из возможных компромиссов по Западному Берлину, которые он обдумывал. Москва ответила британцу положительно, и визит был намечен на середину февраля.

Желание Макмиллана встретиться с Хрущевым в Вашингтоне встретил неблагосклонно. Президента Эйзенхауэра беспокоило, что в Москве британец может сделать нечто, что принесет ущерб. Беспокоился и государственный секретарь Фостер Даллес. Ему диагностировали рак на конечной стадии, но он оставался на своем посту до тех пор, пока позволяли силы. Американцы вспомнили, каким непоследовательным Макмиллан в качестве канцлера казначейства был во время Суэцкого кризиса. В начале кризиса он продемонстрировал напускную храбрость, сказав Даллесу на одной из встреч в августе 1956 года, что «если нам предстоит быть уничтоженными рус-

скими бомбами сейчас, то это было бы лучше, чем быть доведенными до беспомощного состояния из-за краха всего нашего положения за границей»¹². Но в конечном счете именно Макмиллан поднял бунт кабинета министров против Энтони Идена, когда стало ясно, что британская общественность и правительство США не поддержат англо-французское военное вмешательство. Чувствуя, что британский лидер так жаждал политического успеха в 1959 году, что, поддавшись искушению, он мог бы намекнуть на слабые места решительной позиции Запада по Берлину, Даллес в начале февраля приехал в Лондон, чтобы побудить его проявить решимость.

На самом деле Макмиллан уже рассматривал предложения, которые можно было сделать Советам в интересах всех западных союзников. На встрече с Даллесом он посоветовал, чтобы НАТО выступил с предложением «сократить» войска в Центральной Европе – предложением, аналогичным тем, с которыми уже давно выступали Советы. Кроме того, своими высказываниями он дал понять, что Соединенное Королевство может рассмотреть тот или иной вариант признания Восточной Германии. Хотя Макмиллан уже зашел слишком далеко, с точки зрения и Даллеса, и президента Эйзенхауэра, но он по крайней мере не перейдет черту и не предложит вывести войска союзников из Западного Берлина¹³.

Визит Даллеса в Англию не слишком умерил беспокойство США, опасавшихся, что единая позиция стран НАТО относительно будущего Берлина рискует перестать быть единой, как только Макмиллан приедет в Москву. Совершенно не зная об изменении настроений в Москве (правительство США не придавало значения комментариям Микояна на пресс-конференции 24 января) и совершенно упуская из виду способность Макмиллана выступить защитником интересов НАТО, правительство США предприняло решительные усилия, чтобы обесценить значение мини-саммита премьер-министра. Накануне поездки Макмиллана США направили Советам суровую дипломатическую ноту, в которой еще раз подтверждалось, что у западных держав «нет иного выбора, как снова заявить, что они оставляют за собой право защищать всеми адекватными способами свои пути сообщения со своими секторами Берлина». Это дипломатическое послание было официальным ответом Вашингтона на проект мирного договора, который Советы разослали в январе. Оно свидетельствовало о полном несогласии с советской позицией, но не предлагало никаких альтернатив. По мнению Вашингтона, за напряженность в Центральной Европе коммунисты могли винить лишь самих себя. Как «настойчивый и вопиющий отказ предоставить восточным немцам права человека и фундаментальные свободы», так и намерение Советского Союза «в одностороннем порядке отказаться от некото-

рых его международно признанных обязательств и обязанностей в отношении Берлина» были главными причинами всех возникающих там проблем¹⁴. Подачкой международному мнению было предложение администрации Эйзенхауэра провести переговоры между министерствами иностранных дел большой четверки.

Если цель Вашингтона состояла в том, чтобы свести на нет любую возможность для содержательной дискуссии между Макмилланом и Хрущевым и сделать советское руководство более непреклонным, то его дипломатическая нота достигла цели. Нота разозлила Хрущева настолько, что он совершенно отказался от мысли обсуждать с британцем какие-либо из его берлинских уступок. Теперь гордыня Хрущева была главным фактором, определяющим выбор тактики достижения своих целей в Берлине. Если он почувствует уверенность, что Запад его уважает и что он сможет добиться исполнения своих минимальных требований, то тогда тон Москвы станет мягче. И наоборот: если он почувствует, что его унижают, то его позиция станет более жесткой, несмотря на то, что придется заплатить цену в виде международной нестабильности. Отказ США отвечать на пространный проект договора какими-либо предложениями альтернативных сценариев для разрешения западноберлинского вопроса усилил разочарование Хрущева в традиционной дипломатии. Еще в ноябре он хотел занять всецело конфронтационную позицию, но Микоян убедил его попробовать дипломатию. Но теперь, когда нота США, по сути, говорила «нет», желание Хрущева бороться усилилось.

Визит Макмиллана, который, как предполагалось, должен был стать следующим шагом в дипломатическом решении Берлинского кризиса, теперь был потенциальной помехой для обоих политических лидеров. Внеочередное субботнее заседание Президиума Хрущев созвал всего за несколько часов до прибытия премьер-министра, чтобы отменить запланированные уступки и приступить к проведению новой, более жесткой, линии.

На заседании Хрущев снова разошелся во мнениях со своим Министерством иностранных дел и с Микояном¹⁵. Он отказался поддержать предложение министерства дать положительный ответ на американское предложение провести встречу министров иностранных дел. Если Москва ответит на предложение, доказывал он, то западные державы «подумают, что русские отступают». Зачем соглашаться на встречу с ними, если в ноте нет ничего, что свидетельствовало бы о каких-либо предполагаемых изменениях в позиции Запада? Хрущев предупредил своих коллег, что «Запад хочет заморозить вопрос на его нынешнем уровне». Он сказал: «Они втягивают нас в авантюру»¹⁶, – имея в виду, что Запад подталкивает Москву на провокационные действия.

Новое предложение Хрущева было таким: или должна состояться встреча в верхах с участием лидеров всех четырех великих держав, победителей Второй мировой войны, на которой они смогут обсудить неприемлемое положение в Берлине и обратить серьезное внимание на предотвращение милитаризации двух Германий, или не будет ничего. Своим коллегам Хрущев объяснил, что ждать решения этих вопросов уже нельзя, поскольку, если их не решать немедленно, это чревато последствиями. Новейшие тенденции в отношениях между США и Западной Германией, включая возможность приобретения бундесвером ядерного оружия, свидетельствовали о непрочности соглашения четырех держав, которым завершилась Вторая мировая война. Сколько времени потребуется Западу, чтобы уничтожить Восточную Германию, используя совокупность экономических, политических и, возможно, даже военных методов? «Мы хотим только одного – гарантировать статус-кво», – твердил Хрущев. Этого невозможно достичь посредством встречи министров иностранных дел или встречи с одним Макмилланом. Чтобы здесь появились новые инициативы, лучше всего организовать саммит глав правительств. А если согласиться на меньшее, то Запад получит шанс отсрочить решение вопроса, чтобы дать ситуации на месте по-прежнему изменяться в его пользу. Чтобы привлечь внимание Запада, полагал Хрущев, Советы должны угрожать военными действиями. «Если вы хотите идти напролом, используя все соответствующие средства... то и мы ответим соответствующими средствами»¹⁷.

Однако в 1959 году у Хрущева не было достаточной поддержки в Кремле, чтобы получить одобрение на непосредственное военное столкновение с Соединенными Штатами по Берлину, даже ради блефа. Микоян выступил в защиту советского министерства иностранных дел и успешно ходатайствовал о более примирительном толковании ноты США. «Я согласен с мнением министерства иностранных дел, – сказал Микоян. – [Западные державы] должны сделать нам некоторые уступки». Он добавил, что если Советы не согласятся на встречу министров иностранных дел, то «они заявят, что русские пытаются избежать переговоров»¹⁸.

Выступление Микояна помешало Хрущеву и его союзникам сострять немедленное решение Президиума по поводу того, что делать с Берлином дальше. Вместо этого министерству иностранных дел дали три дня, чтобы составить новый ответ на ноту США. А Хрущев, со своей стороны, будет тем временем вести переговоры со своим британским гостем, и визит Макмиллана может склонить чашу весов в пользу того подхода к Берлину, который предпочтительнее или для Микояна, или для Хрущева.

Гарольд Макмиллан не имел понятия о том, что он прибыл в самый разгар внешнеполитической бури. Однако, возможно, он был самым подготовленным западным лидером, способным с ней справиться. Его внешнеполитическая команда, в отличие от Даллеса и государственного департамента США, поняла, в чем заключается сущность желания Хрущева укрепить советские позиции в Восточной Европе, что расценивалось как одна из мер для демилитаризации «холодной войны». Это представитель Ее Величества в Москве, сэр Патрик Рейли, написал, что «главным устремлением» Хрущева было «не расширение империи, но получение возможности, при его жизни, “объявить коммунизм” в Советском Союзе [то есть отпраздновать осуществление экономического и социального потенциала коммунизма], вследствие чего СССР сможет догнать Соединенные Штаты по валовой продукции»¹⁹. Таким образом, причиной его стремления к разоружению была именно эта цель, а не попытка временно склонить пропаганду в свою сторону или расколоть НАТО. Хрущев не хотел, чтобы его «любимое детище» было уничтожено в ходе ядерной конфронтации. Для британца это обстоятельство создавало зону взаимного интереса между Востоком и Западом, ищущими возможность покончить с ядерными испытаниями и сократить запасы ядерных вооружений.

Кроме того, британец понимал, что, пока Советы будут настойчиво сравнивать себя с американцами, они будут действовать, испытывая огромный комплекс неполноценности. Макмиллан быстро почувствовал, что Хрущев был воплощением этого комплекса. Однако это понимание не означало, что британец всегда действовал тактично. По какой-то неизвестной причине Макмиллан решил, что будет благоразумно приехать в Москву в большой белой меховой шапке, которую он выкопал в одном из своих шкафов. В последний раз он надевал ее в 1940 году, когда приезжал в Финляндию как популярнейший аналитик событий финско-советской войны – войны, которую Москва охотно забыла бы²⁰.

Неясно, имела ли меховая шапка какое-нибудь значение для Хрущева. Вопреки совету Микояна и советского министерства иностранных дел придерживаться примирительной позиции, он решил быть грубым со своим гостем. В присутствии Макмиллана Хрущев произнес на общественном мероприятии речь, в которой осудил западный подход к берлинскому вопросу и заявил, что не согласится с тем, что встреча министров иностранных дел способна его разрешить. Состоявшийся на следующий день частный обед с Макмилланом превратился в сердитую перепалку между лидерами. Хрущев подлил масла в огонь, потребовав, чтобы Макмиллан объяснил западное

упрямство по вопросу Западного Берлина. Усилия британца представить точку зрения его партнеров по НАТО, с которыми, надо сказать, он не всегда соглашался, лишь разозлили Хрущева еще больше. Он бранил Макмиллана, обвиняя объединенный Запад в заговоре с Аденауэром, чтобы ликвидировать Восточную Германию. Когда Хрущев поклялся приложить усилия для заключения мирного договора с ГДР, Макмиллан вышел из себя. «Если вы будете пытаться нам как-то угрожать, – воскликнул обычно сдержанный британец, – вы развяжете третью мировую войну. Потому что мы не сдадимся, не сдадутся и американцы...» И тут Хрущев, почувствовав свою силу, крикнул: «Вы меня оскорбили!»²¹

26 февраля Хрущев заявил, что решил не сопровождать Макмиллана, как предполагал, в его поездке в Киев и Ленинград. Свое решение он объяснил внезапной необходимостью пломбировать зубы²². Несмотря на неубедительную отговорку, Макмиллан не стал возвращаться домой. Он продолжил свой визит, дав Хрущеву возможность успокоиться. За кулисами Микоян и министерство иностранных дел успешно убедили Хрущева не отказываться от возможности проведения встречи министров иностранных дел, если это было все, чего Москва могла добиться от Запада.

Когда Макмиллан вернулся в Москву, его встретили улыбками. У британского руководителя могло сложиться впечатление, что он имеет дело с маниакально-депрессивным режимом. Накануне своего отъезда из Ленинграда он получил от Хрущева телеграмму, в которой сообщил, что его зубная боль прошла, так как «стоматолог использовал прекрасное английское сверло новейшего образца!»²³ В Москве Макмиллан узнал, что ему разрешат выступить без цензуры по советскому телевидению: это будет первым телевизионным выступлением западного лидера. Не достигнув никакой договоренности по Берлину, оба лидера, однако, согласились, что уничтожение ядерного оружия и договор о временном запрете ядерных испытаний представляют взаимный интерес. Через несколько дней после возвращения Макмиллана домой результат секретных дискуссий в Москве был предан гласности. Советы обнародовали заявление, в котором настаивали на саммите, но соглашались и на встречу министров иностранных дел, если саммит пока невозможен. И, что еще важнее, через несколько недель Хрущев объявил о продлении ультиматума на шесть месяцев. Тем временем операция «Атом» (размещение в Восточной Германии дюжины советских баллистических ракет средней дальности) была завершена, все ракеты были приведены в состояние боеготовности. Теперь Москва имела возможность нанести ядерный удар по Парижу и Лондону. Однако Микоян очень успешно сдерживал Хрущева, и советский руководитель отказался от своего намерения

применить это новое оружие в 1959 году, чтобы возобновить свое балансирование на грани войны, добиваясь полного разрыва отношений между Востоком и Западом до тех пор, пока не будут решены проблемы Берлина.

* * *

В следующие несколько месяцев дипломатические контакты между Востоком и Западом заметно, вопреки обыкновению, активизировались. В мае 1959 года министры иностранных дел Франции, Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза собрались в Женеве для обсуждения берлинского вопроса. На заседания были приглашены наблюдатели и из Восточной, и из Западной Германии. Запад интересовало, признают ли Советы, что американцы, британцы и французы имеют право находиться в Западном Берлине. А Советы, в свою очередь, торопили западные державы согласиться на переговоры между Восточной и Западной Германией, предпринять шаги, чтобы ограничить использование Западного Берлина для дестабилизации Восточной Германии и признать, что положение ненормальное и должно было быть урегулировано. Тем временем в Соединенных Штатах Фостер Даллес, один их самых стойких противников Хрущева, умер от рака в возрасте семидесяти одного года. В апреле Даллеса заменили Кристианом Гертером, бывшим губернатором штата Массачусетс и конгрессменом, который, несмотря на свою незначительность, был решительным сторонником активной международной дипломатии.

Хрущевым, казалось, овладела неуверенность, и он не знал, как после смерти Даллеса и начала переговоров в Женеве вести дела дальше. Временами он кричал на всех и каждого, намекавших на то, что есть надежда на дипломатию, а временами он хватался не иначе как за соломинки, пытаясь убедить себя, что может стать поборником дипломатического подхода.

За одну из таких соломинок он ухватился прямо перед официальным началом встречи министров иностранных дел. Советский представитель – предположительно, сотрудник КГБ при делегации – телеграфировал, что там появилась возможность для успешных переговоров на «более узкой основе»²⁴. Доступные советские источники не проясняют, узнал ли об этом сотрудник КГБ от осведомителя в западной делегации или, используя одного из своих людей, попытался прозондировать тайные каналы, общаясь с западными дипломатами. Во всяком случае, советская разведка уловила симптомы того, что Запад может согласиться сократить численность своего одиннадцатитысячного контингента в Западном Берлине. И, хотя, судя по

всему, не наблюдалось никакого конкретного основания для этого сокращения, Хрущев воодушевился и захотел воспользоваться этой возможностью.

24 мая Хрущев посоветовал своим кремлевским коллегам использовать КГБ, чтобы сообщить Западу, что если он согласен на сокращение войск, то Советы сократят, а затем и выведут свой собственный контингент в Восточном Берлине. Тогда нынешнему оккупационному режиму в Западном Берлине будет позволено просуществовать лишь еще один или два года, и за это время Советы пообещают не подписывать мирный договор с Восточной Германией²⁵.

Из этой поддержанной КГБ дипломатии ничего не вышло, но то, что Хрущев на это пошел, свидетельствовало, что за пустыми угрозами скрывался руководитель, который надеялся на дипломатическое урегулирование. Однако Советы и без помощи КГБ поняли, что некоторые члены западных делегаций действительно обдумывают вариант сокращения их контингентов в Берлине. Министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд на открытом заседании упомянул, что численность военных можно сократить до восьми с половиной или даже до семи с половиной тысяч человек²⁶. Предложение ни к чему не привело, потому что делегация Соединенных Штатов во главе с государственным секретарем Гертером его отвергла.

На первом официальном заседании встречи министров иностранных дел Громыко представил проект соглашения по Западному Берлину, которое допускало присутствие небольшого контингента западных войск, как только Западный Берлин станет «вольным городом», но при условии, что это присутствие «никоим образом нельзя считать оккупацией территории»²⁷. Через неделю он недвусмысленно связал безотлагательное сокращение западных войск с советским обязательством отложить на один год подписание мирного договора²⁸. Советы выдвинули всего четыре предварительных условия. Помимо сокращения западных войск до «символической численности» Запад должен был согласиться положить конец «враждебной пропаганде против ГДР и других социалистических стран» и всем шпионским и диверсионным действиям, осуществляемым из Западного Берлина. И, наконец, он должен был согласиться не размещать никакого ядерного оружия или ракет в Западном Берлине.

Ответ Эйзенхауэра был немедленным и прямым. Новые советские предложения были «явно неприемлемым вызовом нашему положению в этом городе»²⁹, – написал он Хрущеву 15 июня.

В ответ Хрущев попытался испробовать новые методы³⁰. В пятидесятых годах в Кремле существовала практика посылать открытые письма американским президентам и почти сразу же публиковать их в советских газетах. Однако Хрущев хотел продемонстрировать опре-

деленную гибкость в отношениях с Эйзенхауэром и открыть путь к настоящей двусторонней дискуссии. Поэтому он написал ему письмо, первое частное письмо, когда-либо направленное советским руководителем в Белый дом. Этот необычный метод он использовал для того, чтобы подчеркнуть свою искреннюю озабоченность, стоявшую за нетерпением, с которым он ждал начала настоящих переговоров по Западному Берлину. Канцлер Аденауэр дал понять, что Западная Германия хотела бы, чтобы эти дискуссии по Берлину тянулись годами. «А тем временем, – объяснял Хрущев Эйзенхауэру, – ...политика милитаризации Западной Германии и политика подготовки к войне будет продолжаться». В конце письма Хрущев немного смягчился. Если встреча министров иностранных дел не окажется успешной, то более успешным, как знать, станет встреча в верхах. Во всяком случае, писал он, Советы хотят, чтобы Запад пошел на компромисс, определяя время, когда можно будет заключить соглашение.

На следующий день восточным немцам, приехавшим в Москву для переговоров на высшем уровне, Хрущев сказал, что дискуссии с Западом идут, по его мнению, в правильном направлении. Ему было приятно, что западные державы хотя бы готовы обсуждать будущий статус Берлина и допустить на переговоры наблюдателей из Восточной Германии, как это сделали и восточные немцы. Хрущев чувствовал, что надо только подождать – и Запад даст Москве и Восточному Берлину то, что им нужно, и хотел подготовить восточных немцев к решению Кремля полностью отказаться от ультиматума. «Давайте не будем назначать определенное время, – сказал Хрущев Ульбрихту. – Год или полтора года – это для нас не ключевой вопрос»³¹. Кроме того, он хотел, чтобы Ульбрихт понял, что решение, вероятно, может быть принято лишь на саммите глав правительств, поскольку Восточная Германия не могла рассчитывать, что на встрече министров иностранных дел она добьется чего-то значительного. «Из соображений престижа ни один уважающий себя премьер-министр не позволит своему министру иностранных дел, – сказал он Ульбрихту, – подписывать какое-либо соглашение по конкретным вопросам»³².

Встретившись 7 июля с посетившими страну американскими губернаторами, Хрущев проявил свой интерес к визиту в Соединенные Штаты и к встрече с президентом Эйзенхауэром³³. Если американцы согласятся, то Хрущев станет первым советским руководителем, когда-либо посещавшим Соединенные Штаты. 1959 год уже становился наиболее активным периодом личных встреч между советскими руководителями и их американскими партнерами; до сих пор в «холодной войне» такой активности еще никогда не наблюдалось. Когда Хрущев встречался с губернаторами штатов, член советского

Президиума Козлов уже завершал свою обширную десятидневную поездку в Соединенные Штаты. В конце июня Козлов встретился с президентом Эйзенхауэром. Встреча оказалась приятной, но безрезультатной³⁴. Хрущев надеялся, что ему, если представится возможность, повезет больше.

«Вашингтон пост» сообщила о реплике Хрущева во время встречи с членами американской делегации, и Эйзенхауэра спросили об этом на пресс-конференции, состоявшейся на следующий день. «Это было первое, что я услышал о заявлении Хрущева»³⁵, – позже вспоминал Эйзенхауэр. Президент был заинтригован идеей. После окончания пресс-конференции он позвонил своему новому государственному секретарю. «Заявление Хрущева, – сказал Эйзенхауэр Гертеру, – возможно, подскажет, каким образом сдвинуть дело с мертвой точки».

Инициатива Хрущева застала президента в то время, когда он размышлял о «холодной войне». Прямо перед этой утренней пресс-конференцией Эйзенхауэр принял очень трудное решение. ЦРУ добивалось согласия президента на то, чтобы послать самолет-разведчик «U-2» в советское воздушное пространство. В марте 1958 года Эйзенхауэр прервал полеты «U-2» после того, как Советы заявили протест против полетов этих самолетов над советским Дальним Востоком³⁶. Когда в 1954 году Эйзенхауэр одобрил проект использования «U-2», его убедили, что самолеты смогут влетать в советское воздушное пространство незамеченными³⁷. Однако после 1956 года Соединенные Штаты узнали, что Советы могут их обнаруживать, хотя у них еще не было возможности сбивать эти летающие на большой высоте самолеты. Полеты продолжались в значительной степени потому, что Фостер Даллес убедил скептически настроенного Эйзенхауэра, что Советы никогда не будут протестовать против этих полетов. «Чтобы сделать это, – резко заметил Даллес, – им придется признать и то, что мы годами продолжали летать над их территорией, пока они, Советы, были беспомощны что-нибудь с этим сделать»³⁸. И только в 1958 году Советы начали протестовать против полетов «U-2» но, когда они это сделали, Эйзенхауэр решил, что у него нет другого выхода, кроме как потребовать прекратить эти вылеты.

Эйзенхауэр воспринял советские протесты очень серьезно. Он полагал, что если бы советский самолет оказался в воздушном пространстве США незаконно, то это расценили бы как военную операцию, и ожидал, что реакция Хрущева будет аналогичной. Со времени последнего полета «U-2» прошло шестнадцать месяцев, и теперь разведывательные и дипломатические советники президента говорили ему, что следует пересмотреть этот запрет. В Конгрессе и разведывательном сообществе возникла обеспокоенность, вызванная темпами создания советских стратегических ракет. Гертер полагал, что по-

тенциальные результаты разведки в результате нескольких вылетов «U-2», когда будут сфотографированы советские пусковые ракетные установки, перевешивают дипломатические издержки в случае, если один из самолетов будет сбит. Таким же очевидным было и желание ЦРУ организовать вылеты. И Эйзенхауэр поневоле пришел к выводу, что о состоянии стратегического арсенала Хрущева в его стране не знают почти ничего. Тогда в то утро он дал разрешение на единственный вылет самолета «U-2»³⁹.

Неожиданное предложение Хрущева о государственном визите в Соединенные Штаты стало для Эйзенхауэра глотком свежего воздуха в день, когда он ощущал тяжесть лидерства в «холодной войне». Отменяя запрет на полеты «U-2», президент сказал людям из своего ближнего круга: «...мы достигли той точки, когда нам надо решить, пытаемся ли мы подготовиться вести войну или ее предотвратить»⁴⁰. В своей беседе с Гертером после пресс-конференции Эйзенхауэр сказал, что он предпочел бы привязать визит Хрущева к той или иной встрече в верхах, возможно, в канадском Квебеке, где Рузвельт и Черчилль дважды совещались во время Второй мировой войны. Этот возродившийся интерес к встречам на высшем уровне свидетельствовал о том, каким серьезным было для президента принятое им этим утром решение по «U-2». Эйзенхауэр полагал, что этого недостаточно, чтобы рисковать ради получения разведанных, но ему нужно рисковать, чтобы попытаться улучшить отношения – для того, чтобы эти опасные полеты «U-2» могли стать менее необходимыми. Эйзенхауэр пытался проводить политику встреч на высшем уровне в 1955 году, но его постигло разочарование. Летом 1958 года он не стал встречаться с Хрущевым по поводу Ирака, и, как только в ноябре того года Кремль предъявил свой берлинский ультиматум, Эйзенхауэр стал решительным противником любой встречи с советским руководителем. Для президента было бы унижительно, полагал он, встречаться со своим советским партнером под угрозой ультиматума. Но теперь Эйзенхауэр полагал, что настало время разрешить Хрущеву этот саммит.

В течение двух следующих дней Эйзенхауэр работал с Гертером над приглашением Хрущеву. Чтобы передать последнему секретное сообщение, можно было использовать Козлова, который должен был покинуть Соединенные Штаты 12 июля. Был составлен такой текст приглашения Хрущева в Соединенные Штаты, что в нем все еще ощущалось давнее нежелание Эйзенхауэра встречаться с ним один на один. В Белом доме считали, что он посылает Хрущеву адекватное приглашение. Если встреча министров иностранных дел принесет положительные результаты и берлинский ультиматум будет отозван, то визит Хрущева можно запланировать вместе с саммитом в

Квебеке. Однако государственный департамент сомневался, что приглашение составлено хоть сколько-нибудь выразительно⁴¹. Он был в этом настолько уверен, что, когда Хрущев получил приглашение, в госдепе заключили, что Эйзенхауэр пригласил его без всяких условий. Наконец-то одна из инициатив Хрущева принесла плоды⁴². Он собирался посетить родину своего большого противника.

* * *

Решение Эйзенхауэра стать первым американским президентом, приглашающим советского руководителя посетить Соединенные Штаты, не встретило никакого противодействия со стороны общественности. В результате исследования, организованного государственным департаментом, выяснилось, что большинство главных редакторов газет и комментаторов этот визит поддерживали⁴³. Громче всего о своем несогласии заявляли ветераны, представители Римской католической церкви и твердолобые консервативные обозреватели, полагавшие, что приглашение наделяло коммунистического диктатора той легитимностью, которой он не заслуживал. Несмотря на всеобщее одобрение визита, не многие американцы ожидали от него каких-либо прорывов.

Для Хрущева трехнедельная поездка, которая должна была начаться 15 сентября, предстояло стать в той же мере спектаклем, как и деловым визитом. Это было огромным достижением советского социализма, что Соединенные Штаты, самый страшный его враг, будет окружать советского руководителя великолепием и пышностью, подобающими визиту любого главы государства. Однако к гордости Хрущева примешивалось и определенное опасение. Он не мог избавиться от ощущения, что американцы предпримут те или иные действия, чтобы его унижить, то есть совершить «провокацию», как он ее назвал. И эти опасения, и неспособность собственного правительства Хрущева подготовить его к поездке выявились тогда, когда государственный департамент сообщил ему, что президент очень хочет, чтобы он посетил Кемп-Дэвид. То, о чем знал почти каждый американец или западный европеец, читавший газеты, явно огорошило советское министерство иностранных дел. Ни посол Меньшиков, ни американцы в Москве не имели ни малейшего представления о том, что такое Кемп-Дэвид и где он находится.

Получив приглашение в это незнакомое место, Хрущев немедленно представил в своем воображении нечто вроде визита в американский лагерь для интернированных. «Вот видите, как мы тогда боялись, что нас могут унижить, – позже вспоминал он. – Помню, когда устанавливались первые контакты с буржуазным миром, советскую

делегацию пригласили провести переговоры на Принцевых островах. В те времена в газетах так писали о Принцевых островах: это место, где собирают бездомных собак. Их туда якобы свозят, и там они доживают свой век... Тогда я приказал запросить наше посольство, что такое Кемп-Дэвид? Может быть, место, куда приглашают людей, которые не внушают доверия? Вроде какого-то карантинного учреждения»⁴⁴. Когда советники Хрущева рассказали, куда его на самом деле пригласили – в загородную резиденцию президента в горах Катоктин штата Мериленд, Хрущев обрадовался и, как он позже вспоминал, ему было немножко стыдно: «Сейчас это покажется смешным, а тогда это был для нас вопрос»⁴⁵.

Хрущев хотел приехать с шиком. Беспосадочные трансатлантические перелеты только начинались, и советский турбовинтовой самолет «Ту-114», который Хрущев велел создать в 1955 году, когда он испытал смущение, прилетев в Женеву на самом маленьком самолете – меньше, чем у любого из участников саммита великих держав, был одним из немногих самолетов, которые могли совершать такие полеты. Проблема для охранников Хрущева из КГБ состояла в том, что самолет находился только в экспериментальной стадии, и были выявлены недостатки в его конструкции. Микроскопические трещины были обнаружены в фюзеляже единственного действующего самолета во время его первого дальнего полета, в мае 1959 года. И тем не менее Хрущев настоял на полете именно на этом самолете. Он хотел, чтобы мир увидел, что советская технология может быть технологией мирового класса. В июне он заставил своего «наследника», Фрола Козлова, воспользоваться самолетом «Ту-114» для полета с визитом в Соединенные Штаты. Теперь то же самое сделает Хрущев.

Сергей Хрущев, сопровождавший отца в поездке в США, позже вспоминал, что самолет никогда не получит летного удостоверения. Конструктор Андрей Туполев свою уверенность в самолете продемонстрировал тем, что посоветовал Хрущевым взять с собой на борт его собственного сына Николая [на самом деле Алексея. – *Примеч. пер.*]. Несмотря на позерство Хрущева и авиаконструктора, существовало огромное опасение, что во время полета что-нибудь может случиться – и не по причине диверсии ЦРУ, а из-за советской некомпетентности. Руководство советского торгового флота приказало находившимся в Атлантическом океане советским траулерам и грузовым судам быть готовыми спасти делегацию Хрущева в случае падения самолета⁴⁶.

Меры предосторожности были приняты и на борту. Советские авиастроители соорудили специальный отсек в том месте, где крылья соприкасаются с фюзеляжем, чтобы разместить там команду инженеров Туполева. Во время полета они, вооружившись инструментами,

которые выглядели необычно, как стетоскопы, постоянно прислушивались, не появятся ли трещины, и всматривались в красные и зеленые оптические датчики, которые могли сигнализировать о каких-то других системных неполадках.

Хотя полет в конечном счете не представлял угрозы для жизни, он был мучением для Хрущевых. Турбовинты самолета создавали страшный шум, что не давало никому, кроме тех, кто мог спать очень крепко, хоть немного отдохнуть во время двенадцатичасового перелета. Хрущев проводил время, читая и нервничая. В то время, когда он не посылал телеграммы иностранным руководителям стран, над которыми пролетал «Ту-114», он думал о стране, с которой вот-вот встретится.

Перед вылетом из Советского Союза Хрущев получил последнюю возможность составить представление о тех людях, которые примут его в Америке. Вице-президент Ричард Никсон приезжал в СССР 23 июля, с десятидневным визитом. В Советский Союз Никсон прибыл, чтобы открыть выставку американской науки и технологии, однако будущий кандидат на должность президента от республиканцев тоже хотел на виду у всех показать, что он может перечить «мистеру Х.», как журналисты в шутку называли Хрущева. Советский руководитель уважал Никсона, но ужасно его не любил. Хрущев полагал, что после смерти Фостера Даллеса Никсон стал новым лидером той фракции в администрации Эйзенхауэра, которая пыталась помешать усилиям президента достичь разрядки с Москвой. Никсон, со своей стороны, считал Хрущева «человеком очень горячим и страшно воинственным»⁴⁷.

Знаменитый спор Никсона и Хрущева об их политических системах проходил на фоне модели американской кухни, представленной на выставке США в Москве. Никсон говорил о преимуществах жизни в Соединенных Штатах, тогда как Хрущев обругал электрическую соковыжималку, стоящую на стойке выставленной на обозрение кухни. Ссылаясь на нее, он говорил о том, как эта расточительная роскошь образцовой кухни свидетельствует о способности Соединенных Штатов удовлетворять потребности своих граждан. Похоже, оба политика находили огромное удовольствие во взаимном обмене колкостями⁴⁸. Однако во время визита вице-президент, как минимум, однажды испытал неудобство, и ему, возможно, грозила опасность. Офицеры секретной службы, прикомандированные к команде его охраны, обнаружили высокий уровень радиации в посольстве США, в спальне вице-президента и вокруг нее. Никсону об этом сообщили, но он все равно решил оттуда не съезжать. И тогда сотрудники его секретной службы разработали другой план. Офицеры расселись в спальне и начали громко ругать Советский Союз за попытку отравить вице-президента США радиацией. На следующий день уро-

вень радиации вернулся к нормальному. Откуда появилась радиация и была ли она связана с плохо работающим советским подслушивающим устройством, это так никогда и не выяснилось⁴⁹.

* * *

Прибытие Хрущева в Соединенные Штаты оказалось таким же комичным, каким был и сам полет. Возвышавшийся над землей на пятьдесят футов [1524 сантиметра. – *Примеч. пер.*], Ту-114 в то время был самым высоким в мире самолетом, хотя и не из-за советской гигантомании. Чтобы выдерживать большие расстояния, самолет был оснащен огромными пропеллерами, которые действовали как огромные вакуумные пылесосы, засасывающие птиц и вообще все, что имело несчастье оказаться слишком близко. А поскольку, как ходила молва, советские аэродромы были очень грязными – даже те аэродромы, которые использовались советскими военно-воздушными силами, никогда не очищались от мусора полностью, Туполев разместил двигатели максимально высоко над землей.

Но то, что было удобно для двигателей, было неудобно для пассажиров. Когда самолет начал выруливать на посадочную полосу авиабазы «Эндрюс», работники технической бригады поняли, что у них нет достаточно высокого трапа, чтобы принять это воздушное судно. Хрущеву и его команде придется выходить, воспользовавшись трапом аварийного выхода в задней части самолета. «Поэтому, – позже вспоминал Хрущев, – нам пришлось покидать самолет не официальным, достойным образом, предусмотренным протоколом, но практически сползая вниз, используя наши руки и ноги»⁵⁰.

Хрущев чувствовал себя несколько неуверенно, когда впервые ступил на американскую почву, и его приветствовал президент Эйзенхауэр. Он уверенно держался и в Индии, и в Соединенном Королевстве, но теперь оказался в стране, на которую так давно он смотрел с завистью и презрением. Перед поездкой представители Хрущева настояли на том, чтобы с ним обращались как с посещающим страну главой государства несмотря на то, что председателем Верховного Совета все еще был Климент Ворошилов. Одним из обычных ритуалов для прибывшего с визитом главы государства был смотр войск на площадке аэродрома. Хрущев обнаружил, что ему трудно держаться на равных с высоким и долговязым Дуайтом Эйзенхауэром. Жена посла Льюэллина Томпсона, никогда не видевшая Хрущева за пределами Советского Союза, ошеломленно смотрела на то, как он передвигается, быстрыми и короткими шагами, и это усиливало впечатление того, что ему все это доставляет трудности и неудобства⁵¹.

По совету Микояна Хрущев решил взять с собой и свою семью – жену Нину Петровну, сына Сергея и дочерей Раду и Юлию. При Сталине семьи кремлевских руководителей оставались в тени, и поэтому на Западе о них знали так мало, что, когда Хрущев стал Первым секретарем ЦК КПСС, существовали предположения, что он был женат на родственнице Молотова. Американские журналисты еще не знали, как зовут его детей, и несколько дней, из-за чрезвычайной застенчивости двух дочерей, не могли определить, кто из них Рада, а кто – Юлия. Были в ходу и недостоверные сведения, будто все дети родились от первого брака Хрущева. Старшая дочь, Юлия, была рождена от его первого брака с Ефросиньей Ивановной, умершей в 1919 году [Юлия Хрущева была удочеренной внучкой Никиты Хрущева, дочерью его старшего сына Леонида, пропавшего без вести в 1943 году. – *Ред.*], тогда как Рада и Сергей были детьми от его второй жены.

Стараясь произвести впечатление на американцев, Хрущев демонстрировал не только свою семью и очень большой самолет. В первой половине поездки у него было запланировано большое выступление в ООН. Текст речи включал заявление о советской инициативе достичь «всеобщего и полного разоружения». Это предложение было не новым: нечто подобное Кремль объявлял еще в 1955 году. Важно то, что Хрущев заявил, что он готов проявить больше терпения в переговорах о будущем Берлина, если так можно будет достичь ослабления международной напряженности через сокращение вооружений. Человек, который в ноябре 1958 года хотел отмахнуться от международных соглашений, позднее долго, около года, их обдумывал, чтобы снова проверить на практике. Что касается Берлина, то Хрущев знал, что ему придется отменить ультиматум, который на самом деле никогда не был стратегией, которая его устраивала. Он хотел в одностороннем порядке отменить совокупность неофициальных четырехсторонних соглашений, которые позволяли военным Соединенных Штатов, Франции и Великобритании размещаться в Западном Берлине и иметь свободный доступ к своим базам. Микоян и другие убеждали Хрущева, что лучше найти дипломатическое решение, к которому были бы причастны и западные державы, но это привело к бесплодной попытке запугать Запад. Хрущев собирался объяснить, чем были вызваны поспешные попытки убедить американцев признать существование трех Германий – коммунистического Востока, некоммунистического Запада и капиталистического, но неприсоединившегося Западного Берлина.

Хрущев прилагал большие усилия, чтобы правильно себя вести в начале поездки. Чтобы почтить память двух американских президентов, которыми восхищался, он – в сопровождении постоянного

представителя США при ООН Генри Кэбота Лоджа, который будет рядом с ним в течение всей поездки, – посетил сначала мемориал Линкольна. Хрущев приветствовал великое достижение Линкольна, отмену рабства, а потом театральным жестом поклонился памятнику задумчивого Линкольна⁵². Позднее – с Элеонорой Рузвельт – посетил имение Гайд Парк в штате Нью-Йорк и возложил цветы на могилу Франклина Делано Рузвельта, последнего американского руководителя, имевшего хорошие отношения с Москвой.

Какое-то время казалось, будто Хрущев и впрямь пропитался духом Гайд Парка. 15 сентября он намекнул принимавшим его американцам, что в берлинском вопросе Советы готовы подождать немного дольше. «Поверьте мне, – сказал он президенту Эйзенхауэру при их первой встрече, – нам хотелось бы достигнуть соглашения по Германии и, следовательно, по Берлину. Мы не собираемся действовать в одностороннем порядке»⁵³. Ультиматум был отменен полностью, но Хрущев дал понять, что его отменят. Через два дня в ООН он объявил о советской программе полного и всеобщего разоружения. Выдвинув эти два необычных предложения, Хрущев мечтал объехать Соединенные Штаты. Он должен был вернуться в Вашингтон 25 сентября и надеялся, что к тому времени у администрации появятся какие-нибудь содержательные ответы на его инициативы.

Перед тем как отправиться в свою большую поездку, Хрущев встретился с Эйзенхауэром, и эта встреча привела к небольшой, но неожиданной победе. Президент обрадовал советского руководителя, охарактеризовав берлинскую ситуацию как «ненормальную». Месяцами советские дипломаты использовали это слово, чтобы объяснить ситуацию, которая должна быть исправлена. Тот факт, что Эйзенхауэр выбрал именно это слово, не представлял собой никакой конкретной уступки со стороны американцев, но свидетельствовал о том, что стратегия Хрущева обращаться непосредственно к Эйзенхауэру, обходя всех профессиональных антикоммунистов в его окружении, могла принести результаты.

Однако в эти первые несколько дней не все складывалось хорошо. Хрущев обнаружил, что доносить свои мысли до американских журналистов довольно трудно. В национальном пресс-клубе в Вашингтоне, округ Колумбия, Хрущева попросили объяснить, что он имел в виду, когда поклялся: «Мы вас закопаем», общаясь с западными дипломатами в Москве в ноябре 1956 года. «Мы вас закопаем» – это русская пословица, которая на самом деле означала: «Я переживу тебя», или «Я буду жить так долго, что смогу прийти на твои похороны». Она передавала веру Хрущева, что советская система переживет капитализм. Однако многие на Западе истолковали эту фразу так, будто она значила, что Хрущев собирается уничтожить Соединенные

Штаты, – а это совершенно другое дело. Его попытка прояснить это недоразумение в Вашингтоне, похоже, только ухудшила ситуацию.

Хрущеву и его семье пришлось нелегко, они подвергались не только допросам свободной прессы. На улицах Вашингтона и Нью-Йорка им не давали пройти толпы людей, которые пришли на них просто посмотреть. Эти люди не приветствовали их и не кричали, в основном они просто молчали, словно встретили марсиан.

Одной из главных целей поездки Хрущева в Америку, может быть, самой важной его целью, было повидать американцев и показать им себя. «У меня нет рогов», – сказал он людям, слушавшим его в Нью-Йорке. Он хотел, чтобы американцы отказались от сложившихся у них предубеждений о нем и о Кремле, увидели его реального и советскую реальность, какой он ее знал.

Однако у Хрущева сложилось представление, будто между ним и американцами воздвигли стену, чтобы этого не произошло. Он не считал, что ему нужно так много окружающих его полицейских и закрытый лимузин. Хрущев обвинял и посла Лоджа, сопровождавшего его в поездке в качестве личной свиты, и государственный департамент, отвечавший за организацию поездки, полагая, что они действуют так, словно нарочно пытаются изолировать американских граждан от заразной твари.

* * *

Поездка едва не закончилась раньше срока – в Калифорнии. Хрущев, который был настороже, опасаясь попыток провокации, столкнулся с множеством случаев провокации в Лос-Анджелесе. Они начались с первого местного сановника, которому поручили его встретить. Виктор Картер, киномагнат, возглавлявший фирмы «Рипаблик студиос» и «Сити оф хоуп» и субсидировавший больницу в Калифорнии, несколько лет назад бежал из Ростова-на-Дону, города в южной России. Когда Картер заявил, что он еврей, Хрущев предположил, что он имеет дело с классовым врагом. Царским указом евреям запрещалось жить в Ростове-на-Дону, если только они не были богатыми купцами. В частных беседах Хрущев спрашивал, как истолковать тот факт, что американское правительство выбрало, чтобы его встретить, эмигранта из России. И все следующие сутки своего пребывания в Лос-Анджелесе всякое неудачное происшествие Хрущев приписывал злему гению сына еврейского купца⁵⁴.

В следующий раз Хрущев расстроился, когда членам его группы сообщили, что они не посетят Диснейленд. Для его посещения они специально оставили время в конце дня, но, как только семья села

обедать, советский руководитель узнал, что, по мнению полиции Лос-Анджелеса, посещение будет слишком опасным. Дети Хрущева были, естественно, разочарованы, да и сам он болезненно прореагировал на эти новости – не столько из-за того, что не исполнилось его желание увидеть Микки Мауса, о котором он, безусловно, ничего не знал, сколько из-за ощущения, что принимающая сторона снова взяла его в кольцо.

19 сентября на киностудии «Двадцатый век Фокс», куда семья была приглашена на роскошный обед, Хрущев громко сетовал, что ему и его семье не позволили посетить Диснейленд. «Может, там бушует какая-нибудь холера или находится стартовая площадка? – спросил он. – У вас такие сильные полицейские, что они могут поднять быка за рога, – и тем не менее они говорят, что его [Диснейленд] невозможно надежно защитить»⁵⁵. Хрущев был разочарован этим необычным сборищем сливок Голливуда⁵⁶. «Это больше всего похоже на большие голливудские похороны, которые я когда-либо посещал», – колко пошутил один из гостей. Среди трехсот пятидесяти человек, набившихся в «Парижском кафе» – ресторане киностудии «Двадцатый век Фокс» – были Джуди Гарленд, Эдвард Голденберг Робинсон, Сэмми Дэвис (младший), Грегори Пек, Джин Келли и Рита Хейворт. Во главе стола жена Хрущева Нина Петровна сидела между Фрэнком Синатрой и Бобом Хоупом, а вечно жизнерадостный Дэвид Нивен сидел как раз напротив⁵⁷. «Она такая милая», – восторженно признавался Нивен журналистам, отзываясь о первой леди Советского Союза. Комментарий Синатры был таким же характерным: «А еще она отлично болтает... свингует по-английски... И это я говорю не на моем джазовом жаргоне»⁵⁸.

После обеда Хрущева и его людей проводили до восьмой постановочной площадки, где был построен специальный балкон, чтобы группа могла наблюдать за съемками танцевального номера фильма «Канкан» студии «Фокс» – звездной постановки для Синатры, Луи Журдана и юной Ширли Маклейн. Демонстрация узеньких женских брюк и энергичных задов Хрущева не только не развеселила, но он решил, что все это зрелище было намеренно унижительным. Он пришел в негодование, когда рекламный фотограф киностудии попытался попросить двух женщин приподнять свои юбки и встать по бокам от Хрущева. Дипломатического скандала удалось избежать, когда отказались подыгрывать сами женщины.

Сотрудники государственного департамента, сопровождавшие Хрущева, были недовольны всем тем, что происходило на съемках фильма «Канкан», но больше всего успеху его визита угрожало то, что произошло в тот же день, но позже. Мэр Лос-Анджелеса Норрис Поулсон, не имевший особого влияния консерватор, похоже, соби-

рался вступить в публичный спор с Хрущевым. Поулсон должен был выступать на обеде в Лос-Анджелесе с обзором международных событий. Перед этим на коктейле посол Лодж сумел заранее получить черновик его речи. В первых строчках содержалась шутливая ссылка на уже знаменитое к тому времени утверждение Хрущева «Мы вас закопаем».

Лодж полагал, что Хрущев спокойно ответил на этот вопрос в Вашингтоне, но был уверен, что, если мэр Лос-Анджелеса снова спросит об этом за обедом, Хрущев вполне может и взорваться. Когда Лодж попросил Поулсона убрать намек, мэр отказался. «Речь уже написана и роздана, – сказал решительный Поулсон. – Слишком поздно ее менять»⁵⁹.

Все могло бы закончиться комично, если бы не участие второго самого влиятельного человека мира. После того как мэр Лос-Анджелеса сказал: «Мы не закопаем вас; вы не закопаете нас; мы будем дружно жить вместе», – Хрущев нанес ответный удар. Он прервал мэра и объявил изумленным слушателям, что, если для того, чтобы прилететь в Соединенные Штаты, ему пришлось потратить лишь двенадцать часов, то обратно он долетит, наверное, часов за десять, потому что полетит прямо в советский дальневосточный Владивосток из Калифорнии. Подозвав сына Туполева, сидевшего среди слушателей, Хрущев спросил: «Разве не так?» Хрущев чувствовал, что его выставили напоказ, как большого медведя в русском цирке, и что американцы воспринимают его именно так.

Возвратившись в гостиницу, Хрущев собрал всю делегацию в одном из номеров и принялся разглагольствовать. «Как смеет этот человек [Поулсон] нападать на гостя президента Соединенных Штатов?» – воскликнул Хрущев. Своей семье, своим советникам и их женам он сообщил, что серьезно думает над тем, чтобы прекратить поездку. Он не хотел ехать ни в Сан-Франциско, следующий пункт их маршрута, ни куда бы то ни было еще без извинения правительства США. Его тирада была столь яростной, что жена Громыко решила сбегать в ванную за успокоительным для него, но Хрущев бросил на нее говорящий взгляд. «Я давал выход моему негодованию, чтобы услышал сопровождающий нас американец, – позже вспоминал Хрущев. – Я был уверен, что в нашей комнате были подслушивающие устройства и что мистер Лодж, остановившийся в той же гостинице, сидит перед репродуктором с переводчиком и слушает весь наш разговор»⁶⁰.

В два часа ночи Громыко пришел в номер Лоджа, чтобы вручить ему официальную жалобу – на всякий случай, если подслушивающие устройства ФБР не работали. Советы могли бы пожаловаться на многое, но решили обратить особое внимание на женщину, кото-

рая стояла на углу улицы с черным флагом и надписью: «СМЕРТЬ ХРУЩЕВУ, ПАЛАЧУ ВЕНГРИИ». Советский руководитель думал, что она оказалась там потому, что этого захотел Эйзенхауэр. Лодж приложил все усилия, объясняя, что, поскольку Соединенные Штаты – свободная страна, эта женщина имела право на свое мнение, каким бы неприятным оно ни было для Белого дома или государственного департамента. Кроме того, он выразил свое сожаление по поводу аномального поведения некоторых американцев, которых встречал Хрущев. Громыко принял объяснение и вернулся в свой номер. Поездка был под угрозой. Лодж пошел спать, думая, что визит Хрущева «становится ужасным провалом». Он полагал, что надо изменить очень многое, чтобы его спасти⁶¹.

* * *

На следующее утро Лодж приступил к изменению характера поездки, проходившей под лозунгом «Хрущев осматривает Америку». Если Хрущев согласится, Лодж изменит правила обеспечения безопасности советского руководителя таким образом, чтобы он мог общаться с более простыми гражданами. И вдруг Лоджа осенило: пусть люди общаются с Хрущевым так, как если бы он был политическим кандидатом. По плану советская делегация должна была поехать на поезде в следующее место назначения, Сан-Франциско, и Лодж подумал, что в пути надо будет устроить несколько остановок в маленьких городках, словно для встречи с избирателями. Кроме того, он решил, что Хрущеву надо позволить общаться с журналистами в поезде. До сих пор репортеров к советскому руководителю не подпускали.

Хрущев начал день в мрачном настроении. Он надеялся, что его обидчик, мэр Поулсон, возьмет на себя труд проводить его на железнодорожной станции, сделав прощальное заявление. Но этого не случилось. Одинокий микрофон на платформе стоял, но мэра не было. Поняв, что больше Поулсона он не увидит, Хрущев колко заметил Лоджу, что мэр Лос-Анджелеса «пытался пукнуть, но наложил себе в штаны»⁶².

Новая стратегия Лоджа подействовала на настроение Хрущева магически. «Я чувствовал, что вы держали меня под домашним арестом шесть дней», – сказал ему Хрущев. Он бродил по поезду, приветствуя журналистов. Чтобы заманить советского руководителя в свой вагон, один предприимчивый журналист взял с собой большую бутылку водки и оставил ее открытой на столе рядом с собой. Хрущев решил пройти мимо открытой бутылки: после многолетних жалоб своей жены он пытался стать трезвенником, – но его характерная общительность проявила себя в полную силу⁶³. На станциях городов

Санта-Барбара и Сан-Луис-Обиспо он с нетерпением покидал поезд и врвался в толпу людей на платформе. Хрущев любил выставлять себя напоказ, и эти американцы не боялись ему улыбаться. Один человек произвел на Первого секретаря особенно сильное впечатление. На одной из двух остановок толпа окружила Хрущева так плотно, что он потерял свою медаль Ленинской премии, которую он гордо носил на пиджаке. Человек из толпы ее нашел и, вместо того чтобы оставить себе золотую медаль как сувенир, протянул ее послу Лоджу, который вернул ее Хрущеву еще до того, как тот обнаружил пропажу. «Я был очень обрадован этим, – позже вспоминал Хрущев, – и во мне пробудилось уважение к неведомому человеку»⁶⁴. Поездка в США приобрела новый оборот. С точки зрения Хрущева, она должна была стать гораздо лучше.

* * *

Росуэлл «Боб» Гарст из Айовы пообещал «не оставить камня на камне», если визит Хрущева на его ферму не станет центральным событием поездки советского руководителя⁶⁵. В числе нескольких фермеров из Айовы он был среди первых американцев, стремившихся к улучшению отношений с хрущевской Россией. Житница Америки была переполнена излишками, и жители Айовы мечтали найти рынок сбыта для своей пшеницы и проверить идеализм теории «одного мира» их земляка и бывшего вице-президента Генри Уоллеса. Четыре года назад, когда стал известен обращенный к советским людям призыв Хрущева создать собственный «айовский кукурузный пояс», влиятельный журналист из города Де-Мойн истолковал его так, что здесь будут приветствовать любых специалистов по сельскому хозяйству, которых Хрущев пошлет на американский Средний Запад. Москва согласилась и установила сельскохозяйственный обмен⁶⁶.

Хотя ферма Гарста не входила в официальный перечень ферм, которые советская делегация должна была посетить во время этого первого сельскохозяйственного обмена, Боб Гарст, в конечном счете, впечатлил советских людей больше всех других американских фермеров. Впервые внимание американской общественности Гарст привлек в 1948 году, когда его друг, знаменитый писатель Джон Дос Пассос, написал в журнале «Лайф» (*Life*) биографический очерк о Гарсте под названием «Революция в сельском хозяйстве»⁶⁷. Дос Пассос описал умеющего убеждать фермера, говорившего в манере, которая представляла собой нечто среднее «между манерой лектора, объясняющего решение вопроса у доски, и манерой адвоката, произносящего речь перед судом присяжных»⁶⁸. Во время Великой депрессии Гарст был одним из активистов движения за увеличение использования азота

как удобрения, особенно в производстве кукурузы. В результате к середине пятидесятых годов американские фермеры столкнулись с проблемой массовых излишков в главных зерновых районах⁶⁹.

Гарст был не только продавцом пшеницы и кукурузы, выращенных в Айове. Он чувствовал, что отношения между Востоком и Западом можно улучшить, если американцы помогут Советам решить некоторые из их проблем. В 1955 году он впервые посетил Восточную Европу и Советский Союз, чтобы увидеть советское сельское хозяйство своими глазами. Уже зная о Гарсте из сообщений, поступавших из Айовы, Хрущев попросил устроить ему встречу с этим энергичным пропагандистом американского способа вести сельское хозяйство. Хрущев, несомненно, увидел что-то свое в грубоватой самоуверенности Гарста и безграничном интересе к производству кукурузы. Последовало несколько ответных визитов Гарста, и между ними обоими завязалась оживленная переписка о сельском хозяйстве. В пятидесятых годах Хрущев писал Гарсту чаще, чем Эйзенхауэру.

Хрущев проникся доверием к Гарсту и рассказывал об американском фермере своим кремлевским коллегам, выступая в поддержку того или иного сельскохозяйственного метода⁷⁰. В июне 1958 года Хрущев послал на ферму Гарста на три месяца советскую делегацию – сеять кукурузу, нарезать сено и кормить скот⁷¹. Вернувшись домой, эти люди стали светилами сельского хозяйства. «Они учились у Гарста, – впоследствии хвастался Хрущев своим приятелям в Президиуме, – они не били баклуши, они действительно хорошо учились»⁷².

В последние годы Хрущев начал разбираться в ядерном оружии и подводных лодках, но его по-прежнему очень интересовало сельское хозяйство. Когда в поезде по пути в Калифорнию отношения Хрущева с Кэботом Лоджем улучшились, он признался, как для него важно сельское хозяйство. Пожалуй, самые важные сведения, которые поступили от советского руководителя принимавшим его американцам, содержались в его признании Лоджу – рассказе о низком уровне жизни советских граждан и необходимости для Москвы найти способ обеспечить их самым необходимым. Советский Союз, объяснял Хрущев, был словно «голодный человек, который только что проснулся и хочет есть. Такой человек не будет мыть руки перед едой... Поэтому Советский Союз теперь не пытается наладить производство каких-нибудь хитроумных потребительских товаров; он просто пытается удовлетворить основные потребности»⁷³.

Теперь была очередь Хрущева посетить Гарста, и посещение его фермы стало ключевым моментом его поездки в США. То, что Хрущев увидел в Кун-Рапидс штата Айова 23 сентября, усилило его собственные ожидания того, что он мог бы сделать в Советском Союзе.

Например, у фермы была очень эффективная система беспривязного содержания скота для его кормления, тогда как в Советском Союзе, как позже язвительно замечал Хрущев, «мы обеспечиваем каждую корову стойлом, каждой даем вилку и нож... Что за идиотизм!»⁷⁴

После посещения фермы Хрущев был, похоже, несколько уязвлен. Как он это так часто делал, когда чувствовал, что его одолел кто-то другой, он ответил бахвальством⁷⁵. В машине, на обратном пути в Де-Мойн, он начал говорить о новом советском самолете – о турбореактивном самолете с максимальной скоростью шестьсот сорок километров и полезной нагрузкой в четырнадцать метрических тонн. «Он может приземляться и на грунтовые поля», – сказал Хрущев, намекая на поля Айовы, которые он видел по обе стороны от себя, вокруг шоссе. После перелета из Де-Мойна в Питтсбург он пригласил принимавших его американцев и их жен в свое купе самолета, чтобы выпить. Он не мог остановиться, говоря о Гарсте. Ему понравилось, как фермер попытался лягнуть Гаррисона Солсбери из «Нью-Йорк таймс». Потеряв терпение, Солсбери натравил на Гарста двух журналистов, но оступился и едва не напоролся на кукурузный стебель⁷⁶.

Поездка на ферму изменила настроение Хрущева, и в этом настроении он приступил к следующему раунду переговоров с Эйзенхауэром. Эти встречи, которые должны были стать главным событием последних нескольких дней поездки Хрущева, проходили в комфортабельном Кемп-Дэвиде. Тон бесед был цивилизованным, иногда дружеским. От Эйзенхауэра Хрущев не услышал ничего, чего бы он не слышал ранее. Во время одной из бесед о Берлине президент США намекнул, что, по его мнению, Рузвельт и Трумэн ошиблись, поместив Запад в столь уязвимое положение посреди Восточной Германии. Однако Эйзенхауэр твердо заявил, что, несмотря на это сложное положение, он не сделает ничего, что противоречило бы нынешней политике США в регионе.

Но Хрущев все-таки выступил со своей инициативой. Ему хотелось, чтобы Эйзенхауэр знал, что он решил отказаться от своей стратегии ультиматумов. Выдвинутый в ноябре 1958 года ультиматум по Берлину не обсуждался после возвращения Микояна из Соединенных Штатов в этом же году, и, хотя ранее в другом разговоре Хрущев намекал, что ультиматум не был абсолютным, эта угроза оставалась. Сделав жест, показавший, что он может быть дипломатом, когда хочет, Хрущев посвятил Эйзенхауэра в свои планы. Он признал, что пытался навязать соглашение в 1958 году из чувства раздражения на «высокомерное» поведение Соединенных Штатов. В то время он считал положение постоянно ухудшающимся, казалось, не было доступного способа урегулировать вопрос дипломатически. Хрущев предложил, что, если Эйзенхауэр признает противодействие

Соединенных Штатов постоянному сохранению нынешнего состояния оккупации, то тогда Советы не будут настаивать на каком-либо крайнем сроке переговоров по Берлину. А поскольку политика США была неуклонно направлена на воссоединение в конечном счете двух Германий, Эйзенхауэр мог легко на это согласиться⁷⁷.

Лидеры достигли понимания и по другому вопросу. Хрущев признался Эйзенхауэру, что его очень беспокоят расходы СССР на вооружение.. Он утверждал, что для советского правительства разоружение – вопрос более важный, чем Берлин. Эйзенхауэр, надевшийся, что такова советская позиция, охотно согласился. После отмены советского ультиматума по Берлину и признания Хрущева, что разоружение – более важный предмет для обсуждения между двумя руководителями, Эйзенхауэр согласился на встречу в верхах лидеров четырех оккупационных держав до конца года.

Несмотря на кажущееся совпадение желаний сторон, Хрущев был несколько разочарован в Эйзенхауэре. Советский руководитель приехал в Кемп-Дэвид с полномочиями от Президиума достичь, если у него получится, соглашения, но создавалось впечатление, что президент США или не хотел, или не умел говорить о конкретных вопросах. Когда Эйзенхауэра спросили о позиции США по разоружению, он сказал лишь то, что его эксперты изучают речь Хрущева в ООН о «всеобщем и полном» разоружении. Усилия вывести президента на разговор о его собственных предпочтениях оказались безрезультатными. В конце концов, Хрущев заключил, что шестидесятидевятилетний Эйзенхауэр устал: «У него был вид человека, который побывал в проруби: он вымок, и с него стекает вода»⁷⁸. Однако Хрущев узнал то, что хотел, и правительство США обращалось с ним лучше, чем он этого ожидал.

Проведя в Советском Союзе около пяти лет, посол Томпсон понял, как повлияло это американское приключение на Хрущева. «Я убежден, – писал он, – что Хрущев был глубоко впечатлен богатством и мощью Соединенных Штатов как в материальном, так и в человеческом отношении». В частности, Томпсон выделил посещение фермы Гарстов. «Сравнение между маленьким фермерским хозяйством в Айове и аналогичным хозяйством в Советском Союзе, – писал он, – наверняка было очень разительным»⁷⁹. Влияние поездки Томпсон оценил правильно. Она придала Хрущеву храбрости идти на еще большие риски, чтобы создать такое советское общество и такой международный порядок, о которых он мечтал.

* * *

Через тридцать шесть часов после возвращения в Москву Хрущев вылетел в Пекин, где он собирался пропагандировать новую аме-

риканскую политику. Отношения между Индией и Китаем достигли точки кипения из-за пограничного спора, и Хрущев хотел обсудить возможность войны в Южной Азии в контексте достигнутого в Соединенных Штатах. Мао предстояло стать первым из социалистических союзников Хрущева, оценившим впечатление, которое произвел на него визит в США⁸⁰.

Советский лидер вез послание Эйзенхауэра китайскому руководству. Недавно над Китаем были сбиты два летчика из ЦРУ. Хотя первым делом признав, что судьба этих людей была вопросом китайской внутренней политики, Хрущев полагал, что американцев можно освободить. Он подчеркнул, что для Китая важно содействовать усилиям СССР снизить напряженность и улучшить международные отношения. Мао был ошеломлен тем, что его социалистический союзник заступает за капиталистических шпионов.

Но Хрущев хотел на этом настоять. Он чувствовал, что можно в скором времени ослабить международную напряженность, а это было условием, жизненно важным для его планов внутривнутриполитического возрождения СССР. Он не хотел, чтобы его китайский союзник сделал что-то, что помешало бы этому ослаблению. В этом духе Хрущев говорил и о своей озабоченности событиями в Юго-Восточной Азии. Он слышал, что северо-вьетнамская армия хотела усилить военную поддержку коммунистической группировки Патет Лао, участницы гражданской войны в соседнем Лаосе. Хрущев и Мао согласились, что сейчас не время расширять зону боевых действий в этой не имеющей выхода к морю стране.

Тем временем событие внутри страны напомнило Хрущеву о необходимости осуществлять его внутривнутриполитические реформы. В конце сентября из-за зарплат и цен на продовольствие вспыхнул бунт в Казахстане, на металлургическом заводе в Караганде. Президиум справился с кризисом, несмотря на отсутствие Хрущева, и к началу октября положение стабилизировалось, а бунтовщики оказались за решеткой⁸¹. Но Хрущев и Кремль понимали, что время не ждет. Окрыленный своими успехами в Америке и на Дальнем Востоке, Хрущев очень скоро предложит самую смелую реформу в своей карьере. Не только Советский Союз, но и сама «холодная война» изменят свой курс.

Глава 10

ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ

После поездки Хрущева в Соединенные Штаты «холодная война» вступила в период быстрых и разительных изменений. В ретроспективе конец осени и зиму 1959/1960 года можно считать одним из крупнейших поворотных пунктов в этой сорокалетней войне. По своей значимости этот период вполне сравним с событиями 1946 года, когда борьба между США и СССР впервые оказалась на переднем плане и в центре внимания мирового общественного мнения, и 1972 года, когда Вашингтон и Москва достигли стратегической разрядки. Лишь благодаря публикации документов кремлевского руководства теперь мы понимаем, что Хрущев использовал все имеющиеся у него возможности в попытках снизить уровень международной опасности и ограничить огромное бремя расходов на оборону. До него ни один советский руководитель не предпринимал столь смелой попытки завершить «холодную войну», и вновь ее предпримет лишь Михаил Горбачев.

28 сентября 1959 года, едва вернувшись в Москву, Хрущев, не теряя времени, дал понять партийным аппаратчикам и советскому народу, что, по его мнению, кризис в «холодной войне» уже преодолен. Возвышаясь настолько, насколько ему позволял пятифутовый [152 сантиметра. – *Примеч. пер.*] рост, и гораздо энергичнее, чем этого можно было ожидать после изнурительного трансатлантического перелета, Хрущев объявил прямо-таки о новой эре в отношениях сверхдержав. «Я могу сказать вам со всей откровенностью, дорогие товарищи, что на основании моих бесед и дискуссий по конкретным вопросам с президентом США, – сообщил Хрущев толпе официальных лиц в московском аэропорту «Внуково», – у меня сложилось впечатление, что он искренне стремится к окончанию “холодной войны”... Я уверен, – добавил он, – ... что мы можем многое сделать для мира»¹. Сойдя с трибуны, Хрущев удивил некоторых слушателей, воскликнув: «Да здравствует советско-американская дружба!»

Изменение риторики Хрущева не объяснялось ни пропагандой, ни благовоспитанностью – особенностью, которая была ему почти

не свойственна. В отношении советского руководителя к противостоянию с Соединенными Штатами произошло какое-то глубокое изменение. «Я доволен моей поездкой в США, – сказал Хрущев группе американских бизнесменов за несколько дней до отъезда из Нью-Йорка. – Мне кажется, что американский народ хочет прийти к соглашению и жить в мире». До поездки он мог твердить, что желания американского народа никогда не исполнятся, потому что этому мешает Уолл-стрит. Но теперь он уже не был убежден в этом, как раньше. Хотя и предостерегая себя, что не стоит «влезать в душу», он, похоже, надеялся, что в глубине души большинство американских бизнесменов предпочитает мир военным прибылям². Для Хрущева, полагавшего, что мир корпораций принимает политические решения на Западе, этот новый вывод имел большие и далеко идущие последствия.

Путешествуя по городам, от Нью-Йорка до Калифорнии, советский руководитель видел, каков там уровень жизни простых людей, и это было почти за пределами его понимания. Одно дело – рассматривать макет американской кухни на выставке, призванной рекламировать достижения Соединенных Штатов, как в 1959 году, когда поблизости находился приехавший в Москву с визитом Никсон. И совсем другое – видеть многочисленные ряды домов людей среднего класса вдоль железнодорожного пути из Нью-Йорка в Вашингтон. И Хрущев был вынужден признать, что американцы успешно обеспечили своим трудящимся тот уровень жизни, который, как он себе представлял, возможен лишь при развитом коммунизме. Поездка ни в коей мере не сделала его капиталистом, наоборот, пробудила в нем дух состязательности.

Хрущев всегда понимал, что Советский Союз, чтобы его граждане жили в комфорте, должен стать более эффективным. Даже без потрясения увиденным в Соединенных Штатах он имел у себя в стране множество свидетельств того, что дела обстояли неважно. Вместо достижений, намеченных семилетним планом, 1959 год принес снижение производительности труда, согласно одному из подсчетов, с 7,2 до 2,7 процента. Новости сельского хозяйства были еще хуже. Реально производство сельскохозяйственной продукции снизилось в 1959 году на 4,1 процента³. Не имея никакого понятия о роли, которую в послевоенном американском буме сыграл рынок, Хрущев предположил, что для решения проблем советской экономики нужны более мудрые решения Кремля и более компетентные люди для исполнения этих решений. В первые недели после своего возвращения он, обратив внимание на многочисленные видимые признаки неэффективности в устройстве советской жизни, стал преувеличивать их, чтобы настоять на своем. Заметив, что в больших американских

городах мэры тратят деньги на уход за газонами, а не на большие цветочные клумбы, Хрущев задался вопросом, стоит ли содержать занимающие большие площади теплицы, чтобы обсаживать главные бульвары Москвы цветами. Если они не нужны богатым американцам, то почему они должны быть у советских граждан?⁴ Аналогично он заметил, что в Нью-Йорке гораздо меньше фонарных столбов, чем в больших советских городах. «Зачем мы тратим электричество, производя свет, который нашим городам не нужен?»⁵ – спрашивал он. Если знаменитый нью-йоркский градостроитель Роберт Мозес не думал, что должно быть по два фонарных столба в каждом квартале, то почему городские власти Москвы думают иначе?

Хрущев полагал, что существует прямая связь между этим стремлением сделать Советский Союз более эффективным и переговорами об улучшении отношений с Соединенными Штатами. Хрущев долго боялся, что гонка вооружений с ее стремлением сравняться с Вашингтоном в военной мощи приведет его страну к банкротству. «Если нас заставят сделать это, – говорил он своему сыну Сергею, – то мы останемся без штанов»⁶. В 1958 году, во время первого государственного визита Насера в Советский Союз, Хрущев предупредил египетского руководителя не верить тому, что военные советники говорят об оборонных нуждах страны. «Вы даете им вдвое больше того, что они просили, и на следующий же день они скажут вам, что этого недостаточно [чтобы защищать страну]». Хрущев полагал, что гонка вооружений ослабляет возможности страны обеспечивать собственных граждан, и если какой-нибудь генерал или адмирал пытался это оспорить, то, как он советовал Насеру, «надо окатить их холодной водой»⁷.

* * *

Рост доверия Хрущева к намерениям США во внешней политике и его желание сравняться с американцами в достижениях экономики были необходимыми условиями, определившими его следующую крупную инициативу, однако осуществить ее смогли благодаря прорыву в советской ядерной технологии. Через три месяца после возвращения Хрущева из Нью-Йорка советские ученые-ядерщики предоставили ему беспрецедентную возможность проверить, каким радикальным может быть предпринятое им сокращение советского оборонного бюджета. Через шесть с половиной лет после того, как Кремль дал добро на ее создание, первая советская межконтинентальная баллистическая ракета «Р-7» была готова к вводу в эксплуатацию на двух пусковых установках в Плесецке. Хотя ракета использовалась для вывода «Спутника» в космос в октябре 1957 года, «Р-7» нуждалась в инженерной доработке до того, как ее можно было осна-

стить ядерной боеголовкой и включить в арсенал. Первый успешный запуск с Плесецка прошел в конце июля 1959 года, и теперь советские военные сообщали, что на космодроме можно разместить две ракеты «Р-7», каждая из которых обладала зарядом мощностью в три мегатонны, на обоих пусковых установках⁸. Хотя арсенал в сравнении с арсеналом США был крошечным, он имел символическое значение. Советский Союз наконец-то получил возможность нанести ракетно-ядерный удар по Соединенным Штатам.

Хрущев надеялся, что для достижения примерного паритета с Соединенными Штатами будет достаточно всего нескольких ядерных ракет такого рода. В 1958 году советские военные представили ему план создания обширной системы баз межконтинентальных баллистических ракет, что гарантировало бы ему полный паритет с ядерными силами США, какими, как ожидалось, они станут в шестидесятые годы⁹. Но Хрущев отклонил это предложение, исходя из логики того, что можно было бы назвать минимальным сдерживанием. Зачем тратить деньги на программу, которая вряд ли была бы по карману Советскому Союзу, когда ни один здравомыслящий руководитель, думал он, никогда не будет рисковать войной с СССР, пока у него меньше ядерных ракет? Нет свидетельств того, что Хрущев имел детальное представление о том, что повлечет за собой достаточное сдерживание, но у него было ощущение, что ему нужно лишь столько ракет, чтобы заставить любого президента США бояться потенциальных последствий обмена ядерными ударами. «Ракеты – не огурцы, – любил говорить он, – их нельзя съесть, и их нужно не больше определенного количества, чтобы отразить атаку»¹⁰.

Располагая новостями о новом ядерном средстве сдерживания Москвы, Хрущев сразу же стал менять подход своего правительства к «холодной войне». В Президиуме и Центральном Комитете некоторые выражали недовольство задержкой в подготовке к партийному пленуму, запланированному на конец декабря, но Хрущев хотел, чтобы повестка правительства включала еще один вопрос. В план заседания Президиума, назначенного на 14 декабря, был добавлен вопрос о военной стратегии. Обеспокоенный возможной реакцией своих коллег, Хрущев решил не преподносить свой новый военный план совершенно неожиданно. За несколько дней до заседания члены Президиума получили пространный меморандум с изложением того, что он задумал и почему¹¹.

* * *

Свое представление о будущем СССР Хрущев решил изложить декабрьским утром. «Каждый гражданин, – сказал он, – каждый житель Советского Союза должен все больше и больше и в полной мере

обеспечиваться; его потребности должны удовлетворяться за счет общественных фондов потребления»¹². Хрущев полагал, что слабая советская экономика не позволяет не только сделать лучше жизнь советских граждан, но и препятствует созданию бесклассового общества, которое, как предсказывали Маркс и Ленин, должно существовать при коммунизме. «Когда мы создадим материальные основы для коммунизма... станет ясно, где есть свобода, и где ее нет»¹³, – сказал Хрущев своим коллегам 14 декабря. Однако после своей недавней поездки в Соединенные Штаты он чувствовал себя вынужденным обсуждать, как далеко был Советский Союз от достижения этой утопии.

На этом секретном заседании, среди своих ближайших коллег, Хрущев признал то, что он вряд ли позволил бы себе сказать где-то еще. Во время своей американской поездки он хвастался ошеломляющим превосходством советской политической системы. Но за стенами Кремля Хрущев признавал, что больше он в это не вполне верил. Увиденное в Соединенных Штатах убедило его, что американцы гораздо ближе к образцу демократического общества, чем, как он ожидал, это должно быть при коммунизме. Он был поражен тем, что американцы нашли способ гарантировать мирную передачу власти от одного президента другому. Кроме того, он думал, что Москва может учиться на примере только что ратифицированной Двадцать второй поправки к Конституции США, ограничивающей пребывание в должности президента США двумя сроками по четыре года. «Когда у нас будет коммунизм, будет невозможно, чтобы человек оставался в одной должности навсегда... Нельзя использовать человека до тех пор, пока он не измотается»¹⁴. Хрущев предупреждал: «Если буржуазия и капиталисты не боятся, что их устои разрушатся из-за того, что после двух сроков избранный президент сменится, то тогда почему бояться нам? Что, разве мы не уверены в нашей системе или менее уверены, чем эти буржуи, капиталисты и помещики?»¹⁵

Хрущева расстраивало то, что должно пройти еще много лет, прежде чем можно будет приступить к этим политическим реформам в СССР. Он думал, что его система не сможет выдержать свободного голосования или регулярной передачи власти, пока советский уровень жизни будет оставаться низким. Советские люди, возможно, не поверят в превосходство коммунизма над капитализмом до тех пор, пока они будут плохо питаться, пока у них будет плохое жилье и неполная занятость, а граждане Запада будут иметь более высокий уровень жизни. Когда Хрущев предложил ограничить сроки пребывания у власти для кремлевских руководителей, он думал о смене поколений, об обновлении системы новой кровью, а не о замене членов коммунистической партии западными либералами или консерваторами. Хрущев полагал, что, пока страна не достигнет более высокого уровня

экономического развития, Москва не может рисковать, предоставляя своему народу демократию американского образца. «Чем дальше мы пойдем в подъеме экономики, – объяснял он, – тем глубже и сильнее будет основа для демократизации»¹⁶.

Хрущев не предложил своим кремлевским коллегам никакого конкретного плана улучшения советской экономики. Он лишь попросил, чтобы плановикам велели подготовить детальные изложения целей для каждого этапа на пути к коммунизму, что в реальности означало намерение достичь в Советском Союзе американского уровня жизни. Хрущев заявил, что это радикальное преобразование советской экономики должно осуществиться в срок от пятнадцати до двадцати лет. В 1957 году он заверял, что, как минимум, по производству мяса и молока Советский Союз догонит и перегонит Соединенные Штаты к 1970 году. Но на самом деле теперь, как и тогда, он не представлял, как долго Советскому Союзу придется их догонять. И все-таки Хрущев верил, что это возможно. А пока он хотел, чтобы Кремль послал ряд сигналов всем слоям советского общества, что Москва восприняла эту цель всерьез и надеется достигать систематических успехов в соответствии с неким четко определенным перечнем вех.

Немногочисленные конкретные предложения относительно повышения уровня жизни в СССР, которые имел в виду Хрущев, касались сокращения расходов на «холодную войну» с тем, чтобы направить больше средств на гражданскую экономику¹⁷. После завершения обсуждения в Президиуме политических целей Советского Союза в зал Кремля допустили самых влиятельных военных страны: им предстояло участвовать в продолжении заседания. Хрущеву было очень удобно со своими военачальниками; всех их он тщательно подобрал сам. Отставку получили беспокойный маршал Василий Соколовский, выражавший сомнение в подходе Хрущева к Ближнему Востоку, и неправильно мыслящий адмирал Николай Герасимович Кузнецов, мечты которого об огромном военно-морском флоте трех океанов довели бы государство до банкротства. Костяком новой военной элиты Хрущева были люди, сражавшиеся вместе с ним во Второй мировой войне, – маршалы Родион Малиновский, Иван Конев и Андрей Гречко. Кроме них существовало новое поколение военных, обязанных своей карьерой Хрущеву, – маршал Кирилл Москаленко, маршал М. И. Неделин и великий архитектор советской военной машины маршал Дмитрий Устинов. С этими людьми Хрущев разработал новую дерзкую советскую военную стратегию, нацеленную на победу в «холодной войне» без единого выстрела.

Отчаянно пытаясь придать борьбе сверхдержав новое направление и перейти от гонки вооружений к соревнованию политических идей и экономик, Хрущев полагал, что пришло время пойти на огром-

ный риск и заключить с Соединенными Штатами крупное соглашение о разоружении. Ранее в том же году советское правительство дало разрешение на параллельную разработку двух систем межконтинентального баллистического оружия – «Р-9» и «Р-16». Обе ракеты были легче и миниатюрнее, чем громоздкая «Р-7», которая вывела «Спутник» на орбиту. Хрущеву нужна была такая ракета, которую можно было бы разместить в подземных шахтах так, чтобы она была защищена от нападения США. По проекту «Р-16» имела дополнительное преимущество использования твердого топлива, а это означало, что к запуску ее можно подготовить быстрее, чем ракету на жидком топливе. Кроме того, она будет более устойчивой. Единственная проблема состояла в том, что создание систем «Р-9» и «Р-16» должно было занять целых шесть лет. Эти ракеты, хотя и не такие затратные, как обычное вооружение, тем не менее, были бременем для слабеющей экономики.

Перед Советами стоял сложнейший выбор. Уже заметно отставая от Соединенных Штатов в ядерной силе, Москва имела не так много военных решений, чтобы в скором времени сравняться с Вашингтоном. Хотя ракетная программа США едва догнала российскую программу, американские бомбардировщики с ядерным оружием размещались на воздушных базах НАТО в Европе всего в нескольких часах лета от Москвы. Эйзенхауэр уже имел возможность нанести упреждающий удар по СССР одним приказом, тогда как Хрущеву на это потребовались бы еще годы. Он предчувствовал, положение, похоже, лучше не станет. Из открытых источников было известно, что Соединенные Штаты тоже вложили средства в ядерные ракеты дальнего действия и в ракеты, которые можно запускать с подводных лодок. Ракетный разрыв в пользу США станет, вероятно, еще шире до того, как можно будет развернуть «Р-9» и «Р-16».

Сдерживаемый слабостью советской экономики и своими собственными представлениями о том, как добиться улучшения уровня жизни в ближайшем будущем, Хрущев не сделал выбора в пользу срочной программы перевооружения или даже ускорения разработки нового поколения ракет. Вместо этого он решил спекулировать на дипломатической стратегии, которая предотвратила бы затратную гонку вооружений с американцами. Его план состоял в том, чтобы на партийном пленуме в январе объявить о резком одностороннем сокращении советских вооруженных сил. Он предлагал сократить от миллиона до миллиона двухсот тысяч солдат – около трети действующего состава советской армии. Западные державы уже жаловались, что огромная армия СССР создавала постоянную угрозу безопасности Центральной Европы, в частности Германии. Теперь Хрущев покажет Вашингтону, Лондону и Парижу, что у Москвы нет военных планов, связанных с Бонном.

Президиум одобрил хрущевскую стратегию одностороннего разоружения, не выслушав ничего иного, кроме похвал отобранных им военачальников. Министр обороны Малиновский благословил сокращение личного состава и заверил Президиум, что Генеральный штаб уже разобрался с этими цифрами и может это сделать¹⁸. Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора маршал Конев тоже приветствовал сокращения, подчеркивая тот факт, что ядерная революция сделала это разоружение возможным без ущерба для советской безопасности. Такая же восторженная поддержка была оказана и более молодыми военными. Чтобы продемонстрировать свою готовность создавать ракетно-ядерные силы, Хрущев запланировал создать отдельный род войск советских вооруженных сил, оснащенных ядерным оружием, и хотел, чтобы этими войсками командовал маршал Неделин. Неудивительно, что Неделин выразил восхищение новой стратегией Хрущева и сокращением обычных вооружений. Так же поступил и его будущий заместитель в руководстве советскими ракетными войсками Кирилл Семенович Москаленко¹⁹. В 1941 году они оба служили в противотанковой бригаде и стали ценить самые передовые советские военные технологии. «Никита Сергеевич, – сказал Москаленко, выступая перед кремлевскими начальниками, – ваше предложение не только необходимо, но и запоздало». Москаленко был согласен с тем, что предложение Хрущева было «смелым и ответственным перед народом и историей. Мирная инициатива в наших руках». Затем будущий помощник Неделина начал перечислять обычное вооружение, которое тоже можно было считать устаревшим, включая танк «Т-34» и многое из армейской артиллерии²⁰.

Все советское руководство понимало, что Хрущев вынуждает страну пойти на огромный стратегический риск. Результатом этих решений будет создание советского «окна беззащитности». Даже ядерный энтузиаст Москаленко был вынужден признать, что СССР потребуется еще два года, чтобы создать надежный потенциал реагирования в случае, если Соединенные Штаты нанесут удар первыми. Из-за того, что Хрущев ограничил разработку и производство ракет и не увеличивал расходы на советские обычные вооружения, в начале шестидесятых годов Советский Союз был гораздо слабее Соединенных Штатов. Он будет иметь несколько ракет, которые, как полагал Хрущев, ему нужны, чтобы быть великой державой, но он не будет обладать даже аналогичной возможностью гарантированно нанести ответный ядерный удар в случае, если Соединенные Штаты первыми запустят свои ракеты, бомбардировщики и подводные лодки. В эти трудные годы секретность будет иметь первостепенное значение для обеспечения советской безопасности. Хрущеву придется не

только скрывать советскую уязвимость, но и искать способ использовать переговоры о разоружении для ослабления преимущества США в соотношении сил.

Для Хрущева в этом плане заключался и политический риск. Меморандум, копии которого были розданы перед заседанием, едва скрывал его тревогу, что этот подход сделал его уязвимым для политических атак потому, что в Соединенных Штатах он был слишком мягок: «Пожалуй, я не могу предвидеть всего. Но мне кажется, что эти мои предложения, если мы их осуществим, не причинят никакого вреда нашей стране и не будут угрожать нашей обороноспособности перед лицом враждебных сил, а скорее укрепят наш международный авторитет и усилят нашу страну»²¹. На самом заседании Хрущев говорил о необходимости начала кампании, направленной на популяризацию этого плана среди военного командования на местах и в военных комитетах в Кремле²². Он ожидал противодействия, особенно со стороны тех, кто потеряет работу, и пожилых отставных армейских офицеров. Чтобы укрепить решимость военных и коллег и, возможно, скрыть свою неуверенность, советский руководитель поклялся не щадить этих военных «ястребов». «[Давайте] выьем из них хвастовство... выгоним [их] из партии, действуя наступательно»²³.

* * *

Дуайт Эйзенхауэр, возможно, ухмыльнулся своей характерной усмешкой, когда ЦРУ сообщило, что теперь Хрущев хочет «выбить хвастовство» из советских военных «ястребов». Годами Хрущев был самым большим хвастуном из всех них, когда бахвалился предполагаемым военным превосходством Советского Союза. Со времен «Спутника» эти хвастливые заявления всегда касались и уровня производства ракет, которые могут достичь Америки. В феврале 1959 года Хрущев сообщил всем советским партийным функционерам, что «серийное производство межконтинентальных баллистических ракет было организовано»²⁴. Потом, в ноябре 1959 года, он заявил журналистам: «...теперь у нас такой запас ракет, такое количество ядерного и водородного оружия, что если они на нас нападут, мы сможем стереть наших потенциальных врагов с лица земли... За один год двести пятьдесят ракет с водородным зарядом сошли с конвейеров завода, который мы посетили»²⁵.

Президент Эйзенхауэр раскусил эти заявления. «А еще они говорили, что это они изобрели летательный аппарат, – насмешливо сказал он группе журналистов, – и автомобиль, и телефон, и другие вещи». Для Эйзенхауэра было важно не впадать в панику, когда речь шла о советской мощи. «Если мы будем остро реагировать на каждое

новое достижение вроде “Спутника”, – позже советовал он администрации Кеннеди, – то тогда нас разобьют»²⁶. Из своего долгого опыта военной службы Эйзенхауэр знал, как дорого обходятся армии, и не хотел, чтобы страх вынудил Соединенные Штаты пойти на чрезмерные расходы только потому, что ракету дальнего действия Москва запустила первой. Имело значение то, действительно ли у Советов есть настоящие ракеты, подтверждающие эти притязания. Все, что Эйзенхауэр узнал от ЦРУ и из других источников, так и не убедило его, что они у Советов есть.

Эйзенхауэр отлично понимал, на какой компромисс придется пойти его противнику. В начале 1959 года он нашел время внимательно изучить семилетний план Хрущева и понять, какие требования он предъявлял советской экономике²⁷. ЦРУ обратило внимание Эйзенхауэра на то, что прогнозируемые показатели экономического роста Кремля нереалистичны. Производительность труда была «большой проблемой», и Москва явно не имела возможности приобретать удобрения и машинное оборудование, благодаря которым советское сельское хозяйство могло бы стать достаточно эффективным для того, чтобы выполнить план²⁸. Для Хрущева единственным способом производить больше продовольствия было бы перенаправить капиталовложения в сельское хозяйство и повысить производительность труда или увеличить численность работников. Эйзенхауэр лучше, чем кто-либо в его администрации, понимал, что Кремль не сможет выполнять эту внутривластную повестку, одновременно создавая предреканные пессимистами Вашингтона огромные ядерные силы, которыми хвастался Хрущев.

Холодный ответ президента ни в коей мере не отражал отношения общественности Соединенных Штатов к национальной безопасности. Несмотря на позитивные аспекты поездки Хрущева, общество, вначале обеспокоенное «Спутником», чутко реагировало на свидетельства уязвимости США. Для многих американцев, даже одобрявших концепцию обороны Эйзенхауэра, совокупный баланс сил в конце пятидесятых годов зависел исключительно от численности межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в арсенале каждой страны. Администрация сделала себя уязвимой для критики, когда, добиваясь снижения затрат, решила пойти на обходной маневр в использовании ракетных технологий. Армия закупила меньше ракет «Атлант» [в дословной общепринятой, но неточной, транскрипции – «Атлас». – *Примеч. пер.*] и «Титан», ожидая создания твердотопливной ракеты «Минитмен» – более эффективной МБР. Развертывание первой «Минитмен», как предполагалось, произойдет не раньше 1962 года. Оставалось всего несколько лет до тех пор, когда, как опасались, у Советов будет гораздо больше ракет, чем у Соединенных

Штатов. Решение Белого дома не покупать большого количества ракет «Атлант» было особенно спорным, учитывая отделение фирмы «Конвэр» от корпорации «Дженерал Дайнемикс» – первого поставщика комплектующих для «Атланта», не упустившей возможности попытаться повлиять на дискуссию в обществе и принудить законодателей побороть скудость Эйзенхауэра.

Ожидая окончания работ над созданием ракеты «Минитмен», Эйзенхауэр, похоже, исходил из расчета количества ракет, которыми, как предполагалось, Советы будут располагать в 1961 году. Проблема Эйзенхауэра состояла в том, что его критики были людьми крикливыми, влиятельными и притязавшими на то, что у них есть ответ на этот имеющий первостепенное значение вопрос. В правительстве борьбу за дополнительные ассигнования на ракеты «Атлант», «Титан» и «Минитмен» вело Стратегическое командование ВВС, отвечавшее за американские межконтинентальные бомбардировщики и МБР. Стратегическое командование ВВС полагало, что к 1961 году у Советов будет сто пятьдесят МБР, то есть ровно столько, чтобы можно было уничтожить все тридцать баз Стратегического командования в Соединенных Штатах, а также двадцать других ключевых военных и гражданских целей, включая город Вашингтон, округ Колумбия. Стратегическое командование приложило усилия, чтобы познакомить с этими расчетами влиятельных «ястребов», таких как синдицированный газетный обозреватель Джозеф Олсоп. В письме к своему другу – отставному генералу Люсиусу Дюбиньону Клею, руководившему операциями США во время берлинской блокады, Олсоп одобрительно писал, что вышестоящие члены штаба Стратегического командования «не думают, да и я не думаю, что национальные оценки наверняка и совершенно ошибочны. Они только полагают, как и я со всей уверенностью полагаю, что имеются, возможно, весьма значительные погрешности, которые дают один шанс из трех, или четырех, или пяти, что мы получим тот ужасный результат, который я описал»²⁹.

Громче всех на Капитолийском холме о ракетном отставании говорил сенатор Стюарт Саймингтон, представитель Демократической партии из Миссури. Бывший министр военно-воздушных сил в администрации Трумэна, Саймингтон позиционировал себя как «ястреба», выдвигаясь от своей партии кандидатом на должность президента в 1960 году. Когда администрация Эйзенхауэра попыталась смягчить чрезмерную реакцию общественности и Конгресса на «Спутник», Саймингтон выступил с обвинением, что это безответственно – предпочитать сбалансированный бюджет национальной безопасности. «Что делать с правительством, – говорил он в сентябре 1959 года, – которое решает, что деньги важнее безопасности?»³⁰ На

проходивших той же осенью сенатских слушаниях он уверенно предсказал, что к 1962 году у Советов будет три тысячи МБР. Выступив с этим беспочвенным предсказанием, он приказал: «Занесите это в протокол»³¹. Как выяснилось, сенатор Саймингтон ошибся в своих прогнозах всего лишь на 2938 ракет. Недружелюбно настроенный по отношению к Москве, Саймингтон во время визита Хрущева ехидно заметил, что Конгресс обвинил бы Трумэна в государственном преступлении, если бы он осмелился пригласить в Америку Сталина. «Почему же сейчас многие из нас думают, что визит господина Хрущева принесет пользу?»³²

Саймингтон был отнюдь не единственным кандидатом на пост президента от демократов, понимавшим политическую пользу предостережений о ракетном отставании. Все главные кандидаты говорили так, как если бы было несомненно, что в 1960–1964 годах советские ракетно-ядерные запасы будут существенно превосходить арсенал США. Лидер сенатского большинства Линдон Бэйнс Джонсон, из штата Техас, нагнетал страхи перед ракетным отставанием, чтобы продемонстрировать свое понимание внешнеполитических вопросов³³. Сенатор Джон Кеннеди, от штата Массачусетс, тоже пугал призраком существующего у США «окна беззащитности». В середине 1958 года Кеннеди предупреждал, что Соединенные Штаты быстро приближаются к той ситуации, «когда наши собственные наступательные и оборонительные ядерные возможности будут настолько отставать от возможностей Советов, что это поставит нас в крайне опасное положение»³⁴.

Эйзенхауэра можно было извинить, если он испытывал ощущение дежавю, выслушивая эти некомпетентные разглагольствования о советских ракетных возможностях. За четыре года до этого почти те же самые люди ожесточенно спорили о том, больше ли у Советов межконтинентальных бомбардировщиков, чем у Соединенных Штатов. Оказалось, что паникеры ошибаются, но они искусно добились того, чтобы их не дискредитировали. Они спасли себя тем, что сослались на неожиданное решение Хрущева вкладывать средства в создание ракет, а не бомбардировщиков.

Самолет-разведчик «U-2» сыграл свою роль в разрушении мифа о том, что в 1956 году Советы опережают США по бомбардировщикам. Однако в 1959 году наблюдательные полеты «U-2» не давали той информации о советском производстве и развертывании ракет, чтобы можно было начать спор о ракетном отставании. Все полеты «U-2» над Советским Союзом были прекращены в 1958 году из-за страха Эйзенхауэра перед дипломатическими рисками, которые влекло нарушение советского воздушного пространства, и в середине 1959 года президент дал разрешение лишь на один полет. А разведчики и пере-

хваченные советские сообщения в той же степени не могли предоставить подробности, на основании которых можно было бы составить полную картину. Поэтому целых два года аналитики разведки США признавались вершителям политики, что у них нет возможности узнать, как осуществляется ракетная программа Хрущева. Они слышали его хвастовство, но, когда они посылали «U-2» фотографировать испытательные стенды или улавливать электронные сигналы, издаваемые ракетами во время испытательных полетов, выявленная численность не соответствовала той масштабной программе, о которой, по всей видимости, говорил Хрущев. Потребовалось произвести сто пятнадцать пробных полетов американских ракет, чтобы в месяц выявлять лишь по шесть МБР³⁵. Однако с лета 1957 года по май 1958 года ЦРУ выявило лишь шесть советских испытаний, и на протяжении оставшихся месяцев 1958 года и в течение 1959 года их выявлялось примерно столько же. Не имея никаких осведомителей среди разработчиков советской ракетной программы или в кругах, близких к Кремлю, ЦРУ не знало о решении Хрущева заморозить программу создания ракет «Р-7» и переключиться на разработку ракет «Р-16» и «Р-9».

Хотя у разведывательного сообщества США не было надежной информации о величине и возможностях советского стратегического ракетного арсенала, предполагалось, что разведка представит ежегодную оценку этого арсенала, чтобы помочь Пентагону составить бюджет американского производства ракет. В пятидесятых и шестидесятых годах директор ЦРУ курировал то, что называлось национальной разведывательной оценкой советской военной мощи, и сотрудники ЦРУ были главными составителями этих смет. Во время второго президентского срока Эйзенхауэра ЦРУ составило смету, представляющую собой нечто среднее между преувеличенными прогнозами военно-воздушных сил США относительно численности советских ракетных войск и более скромными прогнозируемыми показателями, представленными командованием армии США. В 1958 году, согласно этой средней оценке (средней между преувеличенными прогнозами ВВС и более скромными прогнозами командования армии), у Советов будет десять ракет «Р-7», через год – сто, а примерно в 1962 году – огромный арсенал из пятисот в общей сложности ракет. На основании этих разведанных ЦРУ представило свои расчеты, но предупредило, что эти цифры выбраны «произвольно, чтобы дать определенное представление о советских возможностях», и «не [курсив оригинала] представляют оценку возможных советских потребностей или запасов», они стали предметом спора о советских возможностях в ближайшей перспективе. Этот средний путь признали разумной реакцией на паникерство Стратегического командования

ВВС, Джо Олсопа и притязующих на президентство демократов³⁶. Однако даже и эта умеренная оценка сильно преувеличивала советские возможности.

* * *

Как и надеялся Хрущев, он привлек внимание администрации Эйзенхауэра своим заявлением об одностороннем сокращении войск, сделанным 14 января 1960 года, на открытом заседании Верховного Совета СССР. Это заявление впечатлило Эйзенхауэра как серьезное и позитивное, но с ним согласились не все советники президента. Однако Эйзенхауэр верил, что Хрущев пытается ослабить международную напряженность. Когда директор ЦРУ Аллен Даллес преуменьшил значение речи Хрущева, выступив на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) в день выступления Хрущева, Эйзенхауэр ему возразил. «[Это была] очень сильная речь, – настаивал президент, – особенно с военной точки зрения»³⁷. По мнению Эйзенхауэра, эффектный жест Хрущева был свидетельством реального разоружения и соответствовал идеям, которые советский руководитель излагал в Кемп-Дэвиде. Это стоило расценивать как первый конструктивный шаг³⁸.

Через неделю ЦРУ, изменив свое мнение, пришло к заключению, что инициатива Хрущева свидетельствует о существенном разоружении. На основании анализа публичных выступлений кремлевских деятелей после заявления Хрущева ЦРУ сделало вывод, что существует серьезное противодействие среди советских военных. Предстояло заранее уволить, как минимум, двести пятьдесят тысяч офицеров, и многие были недовольны. На заседании СНБ 21 января директор Центральной разведки Даллес пошел еще дальше. Он сообщил президенту, что они, может быть, являются свидетелями перелома в «холодной войне». Решение Хрущева продолжать эти масштабные сокращения обычных вооружений, заявил он, «похоже, исключает всеобщую войну как преднамеренную советскую политику». Кроме того, заявление Хрущева вынудило ЦРУ пересмотреть в меньшую сторону его оценки численности советской армии. В течение трех лет разведывательное сообщество отказывалась признавать опубликованную советскую статистику относительно обычных видов вооружения, считая ее слишком заниженной. Однако, учитывая сведения, которые ЦРУ почерпнуло из речи Хрущева и из сопутствующих ей источников, было похоже, что он сокращал миллион двести тысяч военных, что было меньше, чем предполагалось. Москва не могла надеяться оккупировать Европу с армией такого размера³⁹.

Имелось существенное различие между обнадеживающим толкованием предполагаемых действий Хрущева Эйзенхауэром и ЦРУ и здравым смыслом за пределами Белого дома. Советское заявление не оказало заметного влияния на жаркие публичные споры о предполагаемом ракетном отставании. На деле некоторые из других разделов речи Хрущева от 14 января могли и впрямь причинить ущерб его делу. Объявляя о сокращении в войсках, он еще раз подтвердил свою веру в ядерное сдерживание и хвастался превосходной ракетной технологией Советского Союза. Внимательный читатель увидел бы и то, что теперь он говорит, что успешный первый удар невозможен в мире, где обе стороны обладают ракетами и бомбардировщиками. А внимательный аналитик еще бы и понял, что язык выступления был таким, чтобы успокоить кое-кого у себя в стране, возмущившихся этим внезапным односторонним сокращением. Однако американское лобби, твердившее о ракетном отставании, не обратило на это внимания и совершенно проигнорировало сообщение о сокращении обычных вооружений. Гораздо больше этих лоббистов впечатлил состоявшийся через четыре дня после речи Хрущева успешный запуск ракеты «Р-7» с моделью боеголовки. Эта ракета пролетела более семи тысяч миль [более 11 265 километров. – *Примеч. пер.*]: запущенная из советской Центральной Азии, она долетела до намеченной цели в Тихом океане ровно к югу от штата Гавайи. Это испытание, первое в таком роде, произошло накануне больших дебатов в Конгрессе относительно оборонного бюджета на 1961 год.

Председатель Объединенного комитета начальников штабов Нэйтан Твайниг и назначенный на пост министра обороны Томас Гейтс присоединились к числу сомневающихся на Капитолийском холме, когда, выступая с замечаниями по оборонному бюджету 1961 года, они попытались отрицать существование ракетного отставания. Они объяснили, что даже если у Советов больше МБР, чем у Соединенных Штатов, Соединенные Штаты обладали более мощной ядерной огневой силой по бомбардировщикам дальнего действия и подводным лодкам, чем Советский Союз. Возможно, есть ракетное отставание, но отставания по возможности сдерживания нет, и именно возможность сдерживания определяла перспективу мира или, наоборот, войны⁴⁰. Однако предложения Конгресса нельзя было отклонить так просто. Выражая мнение многих влиятельных законодателей, председатель комитета по вооруженным силам сенатор Ричард Рассел, от штата Джорджия, сказал команде защитников Эйзенхауэра: «Я не могу согласиться с тем заявлением, что ракетного отставания не существует. Я думаю, оно есть»⁴¹.

Можно было ожидать, что демократическое большинство в Конгрессе отнесется к республиканской администрации скептически-

ски. Реальная проблема Эйзенхауэра состояла в том, что он, как и его противник Хрущев, столкнулся с сопротивлением своих собственных военных. Всего через четыре дня после выступления Хрущева генерал Томас Сарсфилд Пауэр, командующий стратегической авиацией США, произнес в Экономическом клубе Нью-Йорка речь, опровергавшую заявления администрации⁴². Он говорил о том будущем, когда Советы «смогут накопить достаточно ракет, чтобы уничтожить предназначенные для ответного удара наши ракеты и бомбардировщики прежде, чем мы успеем их сбить или уничтожить». Потом он привел статистику того, что нужно Советам, чтобы получить возможность для успешного первого удара: «Всего тремястами баллистическими ракетами Советский Союз может буквально уничтожить, всего за тридцать минут, все наши мощности для нанесения ответного удара». Пауэр потребовал, чтобы стратегические бомбардировщики находились в состоянии боеготовности всегда, чтобы иметь возможность нанести ответный удар в случае, если Хрущев нанесет его первым. В то время, по подсчетам специалистов военно-воздушных сил США, в воздухе всегда должно было находиться пятьдесят бомбардировщиков, чтобы обеспечить безопасность США. Вступающий в должность министр обороны Гейтс попытался оспорить статистику Пауэра. «Это нереалистично»⁴³, – сказал он Конгрессу, но убедил не многих.

С точки зрения Хрущева, самым неприятным эпизодом в споре о ракетном отставании, который, как он видел, разворачивался в газетах США, была череда чрезвычайно влиятельных статей Джозефа Олсопа, в которых были сконцентрированы все распространенные небылицы о ракетном отставании. В шести статьях, публикация которых началась 23 января, Олсоп изложил вопрос таким образом, чтобы создалось впечатление, будто в области ракетостроения Советы оказались далеко впереди⁴⁴. Он строил свою аргументацию на тезисе Пауэра, утверждавшего, что со ста пятьюдесятью МБР и ста пятьюдесятью ракетами промежуточной дальности, наносящими удары по европейским целям, Советы могут уничтожить все ядерное оружие НАТО. Затем он начал объяснять, что если советские ракетные заводы так же эффективны, как завод, изготовивший ракеты «Атлант» для Стратегического командования ВВС США, то в таком случае Хрущев может получить сто пятьдесят МБР за десять месяцев. Олсоп обвинил администрацию Эйзенхауэра в том, что она играет в русскую рулетку, отказываясь ускорить гонку вооружений из-за отсутствия твердых доказательств того, что у Советов так много ракет, сколько они могут иметь. «Ни одна в мире разведка не может быть абсолютно уверена, что закрытое советское общество, используя все ресурсы советской экономики, не произвело столько оружия,

сколько не более чем за десять месяцев выпускает при нормальной производительности один американский завод»⁴⁵. Не имея точных сведений о возможностях врага, Олсоп полагал, что, строя гипотезы как о его возможностях, так и намерениях, надо предполагать худшее. К несчастью для страны и для мира, рассуждения Олсопа оказались более убедительными, чем спокойствие президента Эйзенхауэра.

* * *

Статьи Олсопа и другие комментарии американской прессы разочаровали и рассердили Хрущева, получавшего ежедневные переводы самых важных обзоров и публикаций. Он подозревал, что за негативными оценками его речи в Верховном Совете стояла администрация. «Это не сами журналисты пишут, – сказал Хрущев, – а журналисты пишут о том, что думает правительство»⁴⁶. Его раздражала неспособность или нежелание правительства США признать, что он хочет разоружения, а не войны.

Кампания, развязанная такими алармистами, как Олсоп, помогла Хрущеву увидеть тот вред, который его собственное трехлетнее хвастовство нанесло возможности договориться с Соединенными Штатами. Разве он не заявлял, что Советский Союз может штамповать ракеты, «как сосиски»; разве он не хвастался способностью поджечь крупнейшие города США? Конечно, это не имело никакого смысла, потому что в январе 1960 года Соединенные Штаты лидировали по всем видам ядерных систем, даже в престижной ракетной гонке. Пока Джо Олсоп говорил о советском арсенале, включающем сто пятьдесят МБР, Хрущев знал, что их у него было только четыре и что у Соединенных Штатов их уже вдвое больше.

Поэтому Хрущев понял, что ему нужно придумать что-то, что разрушило бы расхожее американское представление о советском ракетном потенциале. Он предложит уничтожить все советские межконтинентальные баллистические ракеты. «Они винят нас за то, что мы ратуем за сокращение обычных вооружений, – сказал он своим коллегам в Президиуме через несколько дней после завершения публикации серии статей Олсопа. – А теперь давайте потребуем сокращений в сфере, где, как они думают, мы впереди»⁴⁷. Разве смогут Олсоп и алармисты, ссылающиеся на ракетное отставание, продолжать дискредитировать идею разоружения, если Советский Союз предложит избавиться от своих МБР?

На начальном этапе «холодной войны» Соединенные Штаты задавались вопросом, искренни ли Советы в своих призывах к разоружению. Сталин и Молотов имели обыкновение делать предложения исключительно в пропагандистских целях. В начале 1960 года

Хрущев поступил по-другому. Он полагал, что теперь, когда он может пожертвовать несколькими МБР, он имеет право говорить об уничтожении всех стратегических систем доставки. Это, может быть, сделает беспочвенными разговоры о ракетном отставании в Соединенных Штатах и, возможно, приведет к улучшению отношений между сверхдержавами.

Эту идею Хрущев позаимствовал у французов. Осенью французский представитель на организованных ООН переговорах по разоружению в Женеве Жюль Мок на общем заседании заявил об осуществимости такого шага. Неясно, удалось ли Хрущеву это запомнить, или, быть может, он вдохновился какой-то информацией, поступившей из французского правительства, по-прежнему бывшего благодатной средой для советского шпионажа. То, что идея была французской, предоставляло некоторые увлекательные возможности. В конце декабря 1959 года Хрущева пригласили на саммит большой четверки, который должен был состояться в Париже в мае следующего года. Сам Хрущев планировал посетить Францию в марте. Если все получится, то этому советскому предложению можно будет придать вид французского, прежде чем представить его западным державам.

Свою стратегию советский руководитель изложил на заседании в Кремле 1 февраля 1960 года. «Наша самая заветная мечта» – так Хрущев называл демонтаж западных военных альянсов: Организации Североатлантического договора, Организации Договора Юго-Восточной Азии и Организации Центрального Договора. Он считал эти альянсы агрессивными препятствиями на пути к реализации своей цели – перевод противостояния сверхдержав в экономическое и политическое соперничество между двумя системами.

Стратегия Хрущева была простой. Как он объяснял своим коллегам, он хотел вынудить Запад согласиться на разоружение, предложив ему то, что доказывало бы его искренность. К тому же он хотел предложить им нечто такое, на что могли бы согласиться обе стороны⁴⁸. Если у Хрущева это получится, то Советский Союз вскоре демонтирует свои ядерное оружие, флот и авиацию. Для победы мирового коммунизма это высокотехнологичное вооружение было не нужно.

В последний год власть Хрущева значительно усилилась, и Президиум охотно поддержал его предложение по разоружению. Единственное разногласие возникло по поводу того, когда и как Хрущев должен о нем объявить. Его союзник Леонид Брежнев полагал, что его нужно приберечь для его встречи в Париже с де Голлем в марте. Громыко, который, судя по всему, отнесся к этой идее без восторга, попросил Кремль подождать и посмотреть, поддержит ли мир прежний призыв Хрущева ко всеобщему и полному разоружению.

Военных советников Хрущева, судя по всему, не волновало, когда он об этом объявит, при условии что это произойдет на родине, – явно для того, чтобы не создалось впечатления, будто разоружение навязано ему Западом. Хрущев покинул собрание, так и не приняв решения. Однако на встрече в верхах в мае он делать это заявление не хотел. Похоже, Хрущев намеревался выступить с ним раньше.

Его непосредственная проблема заключалась в том, что ракеты, которые он предложил бы демонтировать, были очень уязвимыми. Советские инженеры-ракетостроители только теперь начали строить шахты – «укрепленные» позиции для следующего поколения межконтинентальных баллистических ракет «Р-16» и «Р-9», которые, как предполагалось, будут созданы в ближайшие годы. А пока было важно, чтобы Соединенные Штаты не обнаружили точного местонахождения тех немногих ракет, которые у него уже были. Имея всего четыре «Р-7» для защиты целой страны, Хрущев не мог согласиться ни на какую систему инспектирования прежде разоружения. Как только Соединенные Штаты и Советский Союз демонтируют свои ракеты, уже не будет опасно разрешать НАТО осматривать пусковые платформы в Плесецеке и Торетаме. А пока этого не произошло, Хрущев надеялся, что преимущества разоружения вынудят Соединенные Штаты пойти на риск самим, пока не начнется полноценный мониторинг.

* * *

О разоружении в начале февраля 1960 года думал и Дуайт Эйзенхауэр. В то время он был поглощен дискуссиями с Великобританией о том, как сделать реалистичное предложение о запрете всех ядерных испытаний. Британцам не терпелось приступить к делу как можно скорее, чтобы узаконить запрещение испытаний. Этого хотел и Эйзенхауэр. С 1958 года три мировые ядерные державы – Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз – соблюдали мораторий на испытания в атмосфере. В значительной степени это было реакцией в мире на обеспокоенность опасностью для здоровья, которой чреваты испытания. У японских рыбаков, попавших в воздушную яму от ядерных испытаний на атолле Бикини, проводившихся США в марте 1954 года, впоследствии, как обнаружилось, развился рак. Озабоченность усилилась еще больше, когда в европейском молоке обнаружился стронций-90 – радиоактивная частица, обнаруженная в ядерных осадках.

У Эйзенхауэра не было планов нарушать мораторий на испытания в атмосфере, заключенный между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако он был не готов подписывать договор,

оформлявший мораторий, если он не подлежал проверке. Для него было одинаково важны и возможность Соединенных Штатов контролировать соблюдение Советами моратория, и то, чтобы разведывательное сообщество США могло точно сосчитать советские ракеты. Утром 2 февраля президент сказал государственному секретарю Гертеру, что «вряд ли существует какое-нибудь отвечающее интересам двух сторон предложение в области разоружения, которое он не принял бы, если его исполнение можно проверять»⁴⁹. Проверка имела для Эйзенхауэра ключевое значение. Он не боялся мира без ядерного оружия. Его беспокоило, что Советы могут обмануть, чтобы добиться превосходства над Соединенными Штатами⁵⁰.

Если бы ЦРУ и КГБ умели распознавать замыслы противника, то Кремль и Белый дом узнали бы, что в феврале 1960 года два самых влиятельных человека в мире смотрели на вещи одинаково. Хрущев и Эйзенхауэр верили в необходимость уничтожения ядерного оружия, потому что оба были уверены, что если и нужны ядерные ракеты для сдерживания, то их должно быть мало. Свои представления Эйзенхауэр суммировал на пресс-конференции, состоявшейся 4 февраля: «Нам нужно столько, сколько *достаточно* [курсив наш. – Авт.], адекватно. Сдерживающее средство не должно иметь дополнительной силы, как только оно стало совершенно адекватным для того, чтобы заставить любого потенциального противника уважать ваше сдерживающее средство и, следовательно, заставить его действовать благоразумно»⁵¹. Вплоть до состоявшейся больше четверти века спустя встречи в верхах Рейгана и Горбачева в Рейкьявике руководители СССР и США никогда не были так близки к существенному сокращению запасов ядерного оружия. К 1986 году арсенал каждой страны достиг девяти тысяч боеголовок; в 1960 году их было только десять.

Через неделю после того, как Хрущев изложил кремлевским коллегам свои новые взгляды на разоружение, он попытался донести их до Эйзенхауэра. Он воспользовался визитом в Москву представителя США в ООН Генри Кэбота Лоджа. Лодж, сопровождавший Хрущева в поездке по Соединенным Штатам в сентябре, исполнял определенные неофициальные поручения в преддверии ожидавшегося в июне визита президента Эйзенхауэра. Это было одним из дополнительных результатов их встречи в Кемп-Дэвиде, на которой Хрущев пригласил Эйзенхауэра посетить Москву.

Во время американской поездки именно перед Лоджем Хрущев особенно хвастался. Однако как-то раз в Калифорнии, разоткровенничавшись, он еще и признался, что в советской экономике не все хорошо. Теперь, почти полгода спустя, советский руководитель был даже еще общительней и был готов признать, как сильно его страна отстала от Соединенных Штатов. Когда Лодж упомянул, как он

впечатлен состоянием советского жилищного строительства, Хрущев отмахнулся от похвалы: «Нам еще многое нужно сделать, прежде чем мы вас опередим». Но самый выразительный комментарий прозвучал тогда, когда Лодж упомянул, что Советы уже обогнали Соединенные Штаты в довольно многих сферах, одной из которых были стратегические ракеты. Хрущев решительно сказал: «Нет, это не так, действительно нет»⁵².

Американское сообщество национальной безопасности не могло понять смысла откровенности Хрущева. Лодж передал свои соображения государственному департаменту, но они не произвели на Вашингтон ни малейшего впечатления. Что касается Эйзенхауэра, если он даже узнал об этом диалоге, для него не было ничего нового в том, что Хрущев сказал Лоджу. Президент уже знал, что Соединенные Штаты вырвались вперед. Так же думал и лидер избирательной кампании от республиканцев Ричард Никсон, который в частных беседах с Эйзенхауэром и Алленом Даллесом соглашался, что отставание было мнимым. Проблема заключалась в том, что журналисты и военные лоббисты создали нездоровую атмосферу, в которой обсуждение реальных угроз Соединенным Штатам оказалось невозможным. Слишком много влиятельных людей – кандидаты на президентство от демократов, генералы ВВС, военные подрядчики, журналисты, специализировавшиеся на «национальной безопасности» – рассчитывали нажиться на мнимом «отставании», чтобы его можно было опровергнуть одной логикой.

* * *

Грипп помешал Хрущеву посетить Париж в марте, когда он надеялся прощупать интерес Запада к идее ядерного разоружения. Он перенес визит на конец марта и начало апреля. Прибыв в Париж, Хрущев очень позабавил французского президента, Шарля де Голля⁵³. Как объяснял Хрущев в Кремле в начале февраля, французские предложения по разоружению он обернет в свою пользу. Он позволил де Голлю затронуть в разговоре вопрос о «его» схеме уничтожения средств доставки ядерного оружия, а потом ее принял. Французы не испытывали никакого интереса к обычному разоружению. У них были тысячи военных в Алжире и несколько армейских подразделений, дислоцированных в тропической Африке и Лаосе, и они сохраняли обязательство защищать Западную Германию от советского нападения. Франция, недавно присоединившаяся к ядерному клубу после опытного испытания ядерной бомбы в Сахаре 13 февраля 1960 года, отставала от сверхдержав так сильно, что от ядерного

разоружения она выиграла бы сразу же. У французов еще не было никаких стратегических бомбардировщиков или ракет.

Кроме того, Хрущев использовал этот предварительный визит в Париж, чтобы подготовить условия для обсуждения вопроса о Берлине на саммите, запланированном на май. Хотя новая миротворческая стратегия Хрущева строилась на ядерном разоружении, он никогда не упускал из виду и германский вопрос. Он разделял с де Голлем его концепцию временного соглашения и собирался дать Западу два дополнительных года для заключения того или иного соглашения о будущем Западного Берлина. Хрущев объяснил де Голлю, что Запад должен понять: эта уступка – предел его терпения по данному вопросу. Если этот старый ловкач Аденауэр проживет два года и не допустит заключения соглашений, то Советы исполнят свою угрозу покончить с оккупацией тремя державами Западного Берлина одним росчерком пера.

Хрущев признался де Голлю, что суть его требований по Берлину оставалась той же самой. Западный Берлин должен стать вольным городом-государством. Он не может посредством плебисцита или какими-нибудь другими способами присоединиться к Федеративной Республике Германии в качестве *земли*, или провинции. Запад должен будет вывести свои войска из Западного Берлина. За защиту вольного города-государства должна отвечать ООН. Все пути доступа к Западному Берлину, по суше или воздуху, должны обговариваться с Восточной Германией.

Визит Хрущева к де Голлю произвел ожидаемый эффект. Он привел к активизации совещаний представителей Запада, готового к официальному изложению этих советских предложений на саммите. де Голль действовал как вестник, посетив сначала Макмиллана в Лондоне, а потом – Эйзенхауэра в Вашингтоне. И обоим де Голль объяснял, что советский руководитель принял французское предложение по разоружению⁵⁴. Говорил он и о возможности временного двухлетнего соглашения по Берлину, в результате чего еще один Берлинский кризис можно будет отложить как минимум до 1962 года.

Британцев обрадовало то, что они расценили как новое проявление гибкости Советов. Макмиллан полагал, что в своих тезисах по Берлину Хрущев возвращался к той позиции, которая была почти согласована на встрече министров иностранных дел в Женеве в 1959 году. «Возможно, господин Хрущев будет готов согласиться на такое урегулирование, – предположил британский премьер-министр посетившему его французскому лидеру, – если он предложит его сам»⁵⁵. Пожалуй, британский руководитель еще больше вдохновился тем, что французский президент сообщил ему о новой советской позиции относительно демонтажа систем доставки ядерного оружия.

Тогда британцы испытывали трудности, приступив к модернизации своих стратегических ядерных сил. Было очень затратно оставаться реальным игроком в ядерной игре. Де Голль, сказал он, надеялся, что на саммите стороны согласятся с принципом установления пределов численности стратегических бомбардировщиков и ракет в своих арсеналах, а потом и создадут постоянную комиссию для изучения этого вопроса. «Это было бы большим достижением»⁵⁶.

* * *

А тем временем в Вашингтоне спешно пытались опровергнуть заявления Джозефа Олсопа и Стюарта Саймингтона о ядерном отставании. В разведывательном сообществе США никто не обнаружил тех ста пятидесяти мест запуска, которые, как утверждал Олсоп, существовали в Советском Союзе. Аналитики ЦРУ, завершавшие свой ежегодный обзор советской ракетной программы, признали, что у них нет «непосредственных доказательств существования советских концепций развертывания МБР» или «намеренно созданных действующих мест запуска»⁵⁷. Однако разведка США выявила одиннадцать зон, где могло происходить развертывание МБР. О том, что были выбраны именно эти районы, не свидетельствовало почти ничего, кроме фрагментарных данных фотосъемки и наличия длинных железнодорожных линий.

Алармисты в разведывательном сообществе, возглавляемые командирами ВВС США, полагали, что до тех пор, пока все одиннадцать зон не будут сфотографированы, очень мало можно было бы сказать о будущем развертывании советских МБР. Аналитики из разведки особенно хотели фотографировать северно-центральную часть России. В 1959 году разведка США собрала доказательства существования новой установки МБР близ Плесецка, вдоль железнодорожной линии между Воводней и Мурманском. ЦРУ рассматривало два способа фотографирования северных районов⁵⁸. Если самолет «U-2» вылетит из Гренландии, то он сможет вторгнуться в советское воздушное пространство близ Новой Земли, а потом полететь дальше на юг, чтобы до возвращения успеть сфотографировать Плесецк. Другая идея была более дерзкой. Самолеты «U-2» никогда не летали напрямую через Советский Союз. До сих пор все самолеты долетали лишь до середины страны, а потом возвращались. Гипотетическая операция «Большой шлем» должна была начаться в Пакистане, предполагалось сфотографировать Советский Союз по диагонали из центрально-азиатских республик до Мурманска в Кольском заливе.

В конце 1959 года и в начале 1960-го президента Эйзенхауэра активно уговаривали использовать «U-2». Генерал Джеймс Дулиттл

из президентского Научно-консультативного совета по деятельности внешней разведки убеждал его отправить в небо над Советским Союзом как можно больше «U-2». Так же поступал и Аллен Даллес, полагавший, что одной из причин слабости работы ЦРУ по оценке советского ракетного развертывания было нежелание президента использовать «U-2»⁵⁹. С начала года Эйзенхауэр дал разрешение на два полета. Под давлением он дал разрешение на еще один, в конце марта. Уступая, он попросил своих советников по разведке не допускать, чтобы эта разведывательная программа подорвала его усилия в сфере дипломатии сверхдержав. «У меня один колоссальный актив на встрече в верхах, – сказал он. – ...Это [моя] репутация честного человека. Если один из этих самолетов будет сбит тогда, когда мы будем заняты честными, казалось бы, переговорами, то это смогут продемонстрировать в Москве, что лишит [меня] возможности предпринять эффективные действия»⁶⁰.

Эйзенхауэр предоставил ЦРУ выбирать между полетом из Гренландии и операцией «Большой шлем». Заместитель директора ЦРУ по планированию Ричард Бисселл, курировавший разработку «U-2», и его команда впоследствии решили попытаться сделать полет более продолжительным. Советская противовоздушная оборона была довольно сильна на севере, и поэтому влетать на территорию СССР с северной стороны было очень рискованно. В конце марта и начале апреля, когда планы для «Большого шлема» были уже готовы, возникло предположение, что советские радары на юге могут и не засечь «U-2». А к тому времени, когда советский радар засечет «Большой шлем» на севере, самолет уже полетит обратно.

Приняв это решение, Эйзенхауэр вскоре встретил премьер-министра Макмиллана в Кемп-Дэвиде. Президент был встревожен возможностями достижения соглашения в Париже. Теперь начало саммита четырех держав было перенесено на 16 мая. У него возникла идея предложить Советскому Союзу гарантию, что граница по Одере–Нейсе останется восточной границей ГДР. Он полагал, что если Хрущева убедить в том, что возрождающаяся Германия никогда не заберет себе обратно тех частей Пруссии, которые были переданы Польше в конце Второй мировой войны, то Советы, может быть, займут более примирительную позицию по отношению к западной части Берлина. Когда Макмиллан дал понять, что он готов обсудить, как им создать вольное государство Западный Берлин, Эйзенхауэр сказал, что он не может на это согласиться, учитывая, что, по его мнению, независимый Западный Берлин вскоре будет поглощен Востоком. Вместо этого он надеялся, что Хрущев выполнит то, о чем он говорил в Кемп-Дэвиде в 1959 году и снова, уже недавно, де Голлю в Париже, пообещав два года ничего не предпринимать по берлинскому вопро-

су. В отношении разоружения Эйзенхауэр пытался разработать такой план наблюдения, который могли бы принять Советы. Он имел в виду вариант своего предложения по «открытому небу», выдвинутый в 1955 году, – предложения, по которому Соединенные Штаты, СССР и Европа были бы разделены на зоны, а Хрущев получил бы возможность проводить поэтапные инспекции⁶¹.

Бисселлу поручили завершить полеты «U-2» до 19 апреля, но вмешалась непогода. «U-2» уже летал над Казахстаном и частью Урала 9 апреля, а потом благополучно вернулся домой. Поскольку Советы не заявили протест против этого полета, это усилило существовавшие в Вашингтоне предположения, что они не станут возражать и против других полетов «U-2». Бисселл попросил и получил отсрочку для операции «Большой шлем». Эйзенхауэр распорядился, что «одну дополнительную операцию провести можно, при условии что она будет завершена до 1 мая». Белый дом понимал, что Советы будут особенно оскорблены нарушением своего воздушного пространства 1 мая, в их самый главный государственный праздник. Однако приказ был сформулирован настолько нечетко, что Бисселл понял его по-своему: инструкция означает, будто в случае необходимости он может направить «U-2» в воздушное пространство Советского Союза и 1 мая⁶².

Глава 11

АВАРИЯ, ГРОХОТ КОТОРОЙ УСЛЫШАЛИ ВО ВСЕМ МИРЕ

В мае 1960 года Ленинград был окрашен в новые цвета. В тот год у традиционных кроваво-красных знамен с марксистско-ленинскими лозунгами в честь Первого мая появился несколько необычный соперник. Некоторые здания были только что окрашены в зеленые и желтые цвета, а вдоль главной железнодорожной линии в Москву появлялись новые заборы. Во втором городе России шел косметический ремонт: он готовился к приему особого американского гостя – человека, военные подвиги которого во Второй мировой войне завоевали ему место в сердцах советских людей. Ставшего теперь президентом Соединенных Штатов Дуайта Эйзенхауэра ожидали с государственным визитом в середине июня.

Однако никакого американского гостя, кем бы он ни был, не ждали этой весной в Поварне – деревне близ Свердловска в Уральских горах. Но 1 мая около одиннадцати часов утра по местному времени жители деревни услышали взрыв, и высоко в небе показался оранжево-белый парашют, на котором, судя по всему, висел человек. Находившийся дома по случаю Первомайского праздника П. Е. Асабин был поражен шумом и выбежал на улицу, где успел увидеть столб пыли, поднимающийся, а затем опускающийся на деревню. Начав говорить с соседом об этом странном шуме, Асабин заметил, что многие люди, выбегая из деревни, к чему-то устремляются. Потом в стороне, примерно в девяносто футах [в двадцати семи метрах. – *Примеч. пер.*], он увидел идущего к нему человека в парашюте. «Как только парашютист приземлился... Я придержал его и помог погасить парашют»¹.

В. Н. Глинских тоже видел таинственного парашютиста. Глинских работал в колхозе и разбрасывал навоз, используя самодельный, по советскому обычаю, автоматический разбрасыватель навоза. И тут он услышал звук удара. «Потом я внезапно взглянул на небо, – позже рассказывал Глинских в КГБ. – Высоко в небе я мог разглядеть что-то вроде шара... Когда шар опустился ниже, мне стало ясно, что это парашютист»².

В тот день было и несколько официальных наблюдателей. На командно-диспетчерском пункте свердловского гражданского аэропорта «Кольцово» свидетелями утреннего шоу стали два офицера КГБ – капитан В. П. Панков и лейтенант И. А. Ананьев. Обеспокоенные тем, что это может быть какой-то вражеской диверсионной операцией, они позвонили председателю местного колхоза, М. Н. Берману, приказав задержать чужака. И вскоре оба сотрудника КГБ мчались на своих мотоциклах к ближайшей деревне.

Тем временем около парашютиста собралась толпа крестьян. Сначала они предположили, что он советский. «Все в порядке?» – спрашивали они, пока некоторые помогали ему выпутаться из парашюта и освободиться от шлемофона и летного костюма. Но летчик, космонавт или кто бы то ни был их не понимал. Как только выяснилось, что он не русский, удивление сменилось подозрительностью и страхом. Один из жителей деревни увидел кобуру с пистолетом, а на стропах парашюта нечто похожее на финский охотничий нож. Второй крестьянин увидел другой парашют, красно-белый, спускавшийся с еще большей высоты. Используя язык жестов, крестьяне спросили военного: «Сколько вас?» Чужак показал один палец. Это их немного успокоило. Однако крестьяне решили действовать до прибытия властей. Человека посадили на заднее сиденье машины, двухцилиндрового «Москвича», и привезли в дом водителя Бермана, который посадил чужака в колхозную служебную машину и повез его в правление колхоза, к начальнику³.

Капитан Панков и лейтенант Ананьев уже ждали в правлении колхоза, когда туда привезли иностранца. Его осмотрела медсестра. У него была легкая ссадина на правой ноге, но, если не считать учащенного сердцебиения, он выглядел нормально. Потом его передали сотрудникам КГБ. У Панкова и Ананьева не была опыта допроса иностранных парашютистов. Однако для этого, как и почти для всего в КГБ, существовал протокол. Крестьяне принесли шлемофон и комбинезон мужчины. В шлем был вмонтирован радиоприбор, так что человек наверняка был каким-нибудь летчиком. Странно, но комбинезон сообщил о нем больше. В его бок была вшита листовка с американским флагом и надписью на нескольких языках, включая русский: «Я американец и не говорю на вашем языке. Мне нужны пища, убежище и помощь. Я не сделаю вам вреда. У меня нет злых намерений против вашего народа. Если вы мне поможете, то вас вознаградят за это»⁴. Как только сотрудники КГБ заполнили все документы на американского летчика, они отвезли парня в Свердловск, ближайший город, где было крупное отделение КГБ с англоговорящим переводчиком.

В Свердловске Фрэнсис Гэри Пауэрс наконец встретил кого-то, кто мог говорить хотя бы на ломаном английском. Он назвал свое имя, как от него потребовали, словно он был военнопленным. Переводчику КГБ понравилась булавка, обнаруженная в одном из карманов комбинезона, который колхозники забрали у Пауэрса. «Для чего эта булавка?» – «Это обыкновенная булавка, используемая для обычных вещей». В Женевской конвенции ничего не говорилось о характеристике приспособлений для самоубийства.

* * *

Хрущев еще не знал, кем был Фрэнсис Гэри Пауэрс, но о незаконном полете его самолета-разведчика «U-2» над СССР советский руководитель узнал еще тогда, когда проснулся утром 1 мая. Обычно семья первого секретаря сопровождала его на Красную площадь на традиционный парад, но в этом году привычный ход событий был прерван телефонным звонком от Малиновского, позвонившего в пять утра⁵. Советский министр обороны сказал Хрущеву, что за полчаса до этого был обнаружен вылетевший из Афганистана иностранный самолет, летевший над советской территорией к северу. Получивший 9 апреля суровый выговор от Президиума за то, что он не сбил «U-2», нарушивший советское военное пространство, Малиновский решил, что уж этот-то американский самолет-разведчик от него не скроется. Чтобы облегчить преследование, он приказал прервать все гражданское воздушное сообщение над большей частью территории Советского Союза⁶.

Хрущев пытался скрыть эту неоконченную историю от своей семьи, сказав им лишь, что сначала ему придется заехать в Кремль, а они подьедут позже, в другой машине. Подавленный и озабоченный, за завтраком он не сказал ни слова. Сын Хрущева Сергей знал, что не стоит спрашивать, в чем дело: «Что-то серьезное могло произойти в нашей большой стране, чего нам нельзя было знать дома»⁷. Но Хрущев не смог сохранять секрет долго. По дороге, сидя в машине с Сергеем, он сказал: «Они снова к нам залетели». – «Сколько их?» – спросил сын. – «Как и раньше, один. Он летит на большой высоте. На этот раз его обнаружили на границе, в том же самом месте»⁸.

Из первых сообщений Хрущев узнал, что «U-2» был уже около Торетама – в зоне, где располагалось три из теперь уже пяти существовавших в СССР пусковых платформ МБР. Когда перед выездом из дома сын спросил его, сможет ли командование советской противовоздушной обороны поймать этого нарушителя, Хрущев не проявил своего обычного оптимизма. В такую ярость его привело понимание того, что как хорошо и как легко американские самолеты-разведчики

обнаружили слабые места в советской обороне. «[Советские военачальники] заявляют, что они могут его сбить – если не промажут, – ответил Хрущев. – Ты прекрасно знаешь, что там у нас всего несколько “Т-3” [высотных истребителей-перехватчиков], и что у ракет на этой высоте небольшой радиус боевого действия. Все зависит от случая»⁹.

Когда лимузин Хрущева затормозил у Кремля, создалось впечатление, что советские военные подтверждают его пессимизм. Из-за государственного праздника имелось всего несколько «Т-3», чтобы поднять их в воздух по тревоге, а некоторые из советских ракетных установок противовоздушной обороны, над которыми пролетал Пауэрс, направляясь к северу, даже не были укомплектованы людьми. Однако в окрестностях Свердловска Пауэрс пролетал над двумя батальонами, вооруженными новыми советскими ракетами класса «земля–воздух» – ЗРК «С-75».

Советские командиры приказали первому батальону открыть огонь по самолету-нарушителю. Две ракеты заклинило при запуске, но одна успешно выстрелила. Она взорвалась прямо позади «U-2», и хрупкий самолет развалился на части. В суматохе второй батальон ракет «земля–воздух» тоже открыл стрельбу очередями, поразив один из самолетов «МиГ-19», преследовавший «U-2» на низкой высоте и погубив советского летчика. Именно этот красно-белый парашют того смертельно раненого летчика и увидели на небе Пауэрс и жители деревни Поварня.

Хрущев уже стоял на трибуне Мавзолея Ленина, приветствуя пестрые толпы людей, прибывших на Первомайскую демонстрацию, когда ему сообщили о захвате американского летчика. К трибуне кинулся командующий советской противовоздушной обороны, исполненный гордости за свою недавно созданную службу. Маршал Сергей Бирюзов был еще в своей боевой униформе, а не в полной парадной форме, которую он собирался надеть на празднование Первого мая. Это нарушение протокола вызвало небольшой переполох в зоне для членов кремлевских семей за первым рядом трибуны, где советская элита изо всех сил старалась понять смысл неожиданного появления Бирюзова¹⁰.

Хрущев обрадовался, услышав, что на этот раз американскому самолету-нарушителю не удалось скрыться. В Свердловск сразу же послали приказ привезти летчика в Москву. Его допрос было поручено вести лично председателю КГБ Александру Шелепину и Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, представлявшему Советский Союз на Нюрнбергском процессе. Пауэрса должны были содержать и допрашивать на ужасной Лубянке – главном управлении КГБ к северу от Красной площади.

«Билл Бейли не вернулся домой». Ричарду Бисселлу, заместителю директора ЦРУ по планированию, было страшно даже услышать эти слова – принятую в этой организации шифровку для сообщения о потере связи с «U-2». По крайней мере, полагал Бисселл, ему не стоит беспокоиться, что из-за этой неудачи Советы узнают что-то существенное. Обшивка «U-2» была такой хрупкой, и он летел на такой высоте, что самолет и его пилот наверняка погибли, если самолет сбили. Как сказал Бисселл президенту Эйзенхауэру, шанс был один на миллион, что летчик мог выжить после такой катастрофы¹⁰. Однако было жаль потерять Пауэрса. За четыре года сотрудничества с ЦРУ он совершил на «U-2» столько полетов над Советским Союзом, как ни один другой летчик.

В ЦРУ существовал запасной план действий на случай провала операции. Четыре года назад Бисселл разработал легенду, чтобы пустить ее в ход, если «U-2» когда-нибудь потеряется над вражеской территорией. Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию (реорганизованный в 1958 году как Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства – агентство НАСА) обнародует открытое заявление, что оно потеряло связь с самолетом «U-2», проводившим метеоисследования в верхних слоях атмосферы. Когда Бисселл предложил эту легенду прикрытия, свой протест заявили два ближайших научных советника президента Эйзенхауэра – Эдвин Лэнд, владелец корпорации «Polaroid», и Джеймс Киллиан, президент Массачусетского технологического института. По их мнению, для Соединенных Штатов было бы лучше сразу же признаться в этом шпионаже на больших высотах, объяснив его печальными требованиями «холодной войны». Однако Белый дом принял план Бисселла, который к 1960 году стал стандартным методом работы¹².

В плане ничего не говорилось о том, что должен делать летчик, если он выживет. Это был странный недосмотр, потому что пилоты «U-2» выживали в авариях в процессе подготовки. В декабре 1956 года пилот «U-2», страдавший от высотной болезни, повел свой самолет на слишком большой скорости, и он развалился в воздухе на очень большой высоте, над испытательным полигоном в Аризоне. Летчику удалось раскрыть парашют. Он выбрался из кабины на высоте двадцать восемь тысяч футов [8534 метра. – *Примеч. пер.*] и благополучно приземлился на парашюте¹³. Были и другие истории летчиков, выживавшие после аварий, но ни одного из них не сбивали. Возможно, это упущение свидетельствовало о предположении, что ни один пилот «U-2» не допустит, чтобы его захватили живым.

Об исчезновении самолета Эйзенхауэр узнал днем 1 мая. Он был в Кемп-Дэвиде и получал новости по телефону. Президенту просто сказали, что «U-2» запаздывает. Такого рода новости Эйзенхауэр боялся услышать больше всякого другого в своей администрации. Он считал себя целиком ответственным за полеты «U-2». Каждый из них он утверждал отдельно, и ему было всегда нелегко принимать решение. Эйзенхауэр дважды накладывал мораторий на эти полеты, считая, что они слишком провокационны. Теперь с потенциальным провалом он столкнулся прямо накануне долгожданного саммита сверхдержав. Было бы трудно представить себе более неудачный момент.

Даже если самолет и упал, Эйзенхауэр имел основания надеяться, что Советы узнают о задании не много. Его заверяли, что «U-2», который на самом деле был скорее планером, чем самолетом, настолько хрупкий, что ни летчик, ни чувствительное оборудование на борту после удара не выживут. «Это было жестокое предположение, – позже признавал Эйзенхауэр, – но меня заверили, что молодые летчики, вылетающие с этими заданиями, делали это совершенно сознательно и были мотивированы пламенным патриотизмом, хулиганской бравадой и определенными материальными стимулами»¹⁴.

* * *

Обстоятельные допросы Фрэнсиса Гэри Пауэрса начались 1 мая, сразу же после его прибытия в Москву. Узника выводили из камеры в большую комнату с длинным столом¹⁵. Там было около двенадцати человек, хотя имели значение только двое. Обстановка была удручающей и отталкивающей, но Пауэрс хотя бы мог быть благодарен допрашивающим, что они не применяли никаких пыток, включая не смертельную, но все-таки раздражающую пытку ярким светом, который направляли прямо в глаза заключенного. Отчет КГБ о его первом допросе заканчивался утверждением, что он «ответил на все вопросы». Авторы этой книги – первые исследователи, получившие доступ к материалам официальных советских допросов Пауэрса. На самом деле Пауэрс сказал очень мало существенного и ничего такого, что, в соответствии с политикой ЦРУ, было запрещено говорить попавшим в плен летчикам. Во время подготовки к полетам его проинструктировали, что если он попадет в плен, то он «совершенно свободен говорить всю правду о задании, за исключением некоторых характеристик воздушного судна»¹⁶. В соответствии с этими установками Пауэрс признал, что он – гражданский специалист, работающий на ЦРУ. Однако тем, кто его допрашивал, он не сообщил ни о крейсерской высоте «U-2», ни о том, сколько раз залетал на советскую территорию, утаил он и имена своих начальников из ЦРУ.

Он был готов рассказать лишь о булавке и теперь признал, что она и впрямь была необычной. «В ней содержится очень сильный яд. От укола этой булавки смерть наступает мгновенно», – признал Пауэрс и добавил, что ему ее специально дали «на случай зверств или пыток, но он мог использовать ее только для себя самого, а не для кого другого»¹⁷. И он сказал правду. Действительно, летчики имели право не брать с собой на задание средства для самоубийства, и им говорили, что их применение при любых обстоятельствах отдается на личное усмотрение¹⁸. Пауэрс решил все-таки рассказать о булавке, потому что его положение уже было достаточно плохим, не хватало только случайно причинить смерть кому-нибудь в КГБ¹⁹.

Тяжелый допрос начался через два дня, 3 мая²⁰. Шеф КГБ Шелепин спросил его, как ему удавалось поддерживать радиосвязь на большой высоте. Этот вопрос встревожил Пауэрса. Как он хорошо знал, «U-2» были оснащены радиосвязью, но летчикам со всей определенностью объясняли, когда их использовать. Когда самолет поднимался на крейсерскую высоту и был готов войти в воздушное пространство врага, летчик должен быть щелкнуть радиовыключателем: это был сигнал, что выполнение задания будет продолжено. После этого летчик должен был хранить полное радиомолчание до тех пор, пока не приземлится на дружественной базе²¹. Пауэрс выполнил эту инструкцию 1 мая. Он сохранял радиомолчание даже в трагические минуты после того, как услышал взрыв около своего самолета.

Пауэрс боялся, что, если он ответит на вопрос честно, за этим последуют другие вопросы, на основании которых Советы могут предположить, что у правительства США нет свидетельств, что после нападения на самолет он выжил. Пауэрс полагал, что Советы вряд ли его убьют, если Кремль предположит, будто в Вашингтоне считают, что он еще жив. И в первый раз после начала его испытаний Пауэрс перестал делать вид, будто пошел на сотрудничество. «Не думаю, что я могу ответить на этот вопрос, – сказал он, – это было бы не в моих интересах».

Следователи на него нажимали: «Но в ваших интересах на него ответить».

Пауэрс по-прежнему отказывался отвечать, но понимал выгоду поддержки интереса допрашивающих к вопросу о связи. Пожалуй, он сможет использовать этот вопрос, чтобы вынудить Советы публично заявить о том, что он жив, и тем самым гарантировав, что его не будут держать в плену неопределенно долго или убьют в тайне от международной общественности. «Моя мать очень больна, – ответил Пауэрс. – Если я не отвечу на вопрос, ваше правительство сможет сообщить в прессе, что я еще жив, и это было бы для меня очень приятно».

Уловка Пауэрса сработала. Теперь Шелепин и Руденко были убеждены, что американский летчик действительно скрывает что-то важное. Вначале «U-2» Пауэрса, петляя, удалялся от одного из центров расположения ракет «земля–воздух», защищающих Свердловск, и Советы заподозрили, что ЦРУ могло предупредить его об этом центре во время полета. Шелепин и Руденко добивались от Пауэрса более детального ответа. «Когда вы ответите на этот вопрос?» – спросили его.

Пауэрс заупрямился, решив отложить любые дальнейшие предметные разговоры. «Я не знаю... – ответил он. – Думаю, мне было бы выгодней не отвечать, чем отвечать на этот вопрос».

Председателя КГБ и генерального прокурора смутило его упрямство. «Мы настаиваем, чтобы вы ответили на этот вопрос», – сказали они. Если он не идет на сделку, то его еще можно будет запугать, заставив говорить. «Если вы не ответите, то это не только не в ваших интересах, но и может вам повредить». Пауэрс не сдавался. «Я бы предпочел не отвечать», – сказал он.

Пока Пауэрс не терял самообладания на Лубянке, в Вашингтоне была обнаружена заранее подготовленная легенда. 3 мая НАСА выступило с заявлением, что самолет, выполнявший общее задание НАСА и метеорологической службы Военно-воздушных сил США, судя по всему, потерпел крушение в районе озера Ван в Турции. «Во время полета в восточной Турции, – говорилось в сообщении, – летчик сообщил на аварийной частоте, что он испытывает трудности с кислородом»²². Советские власти не сомневались, что это ложь, но она имела такой побочный результат, который никогда бы не пришел в голову Бисселлу из ЦРУ. Упоминание об «аварийной частоте» усилило нетерпение КГБ и его стремление разузнать у пленного американского летчика то, что он знал о системе связи самолета «U-2».

* * *

Каким бы ни было удовлетворение от захвата Пауэрса, но этот незванный американский гость прибыл в неудобное для Хрущева время. Через две недели советский руководитель должен был вылететь в Париж на долгожданный саммит четырех держав, разгромивших нацистскую Германию в 1945 году: СССР, Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Объявив в январе об односторонних сокращениях в советской армии, Хрущев пытался сделать так, чтобы на предстоящей встрече в верхах его инициативы принесли максимальную пользу. Для этого весной он приезжал во Францию – сделать Шарля де Голля участником своего плана добиться от НАТО согласия на ограничение средств доставки ядерного оружия.

На родине Хрущев уже предпринимал различные маневры, чтобы обеспечить поддержку своей амбициозной внутри- и внешнеполитической повестки. Верховный Совет, где советские руководители традиционно произносили речь, напоминавшую заявление от имени Советского Союза, должен был собраться в первую неделю мая. Несколько месяцев Центральный Комитет готовил выступление с изложением того, каким будет следующий этап кампании, нацеленной на улучшение уровня жизни советских людей. Теперь Хрущев уже был готов отважиться на ряд мер, за которые члены Президиума Микоян и Фурцева безуспешно ратовали в 1958 году. Он собирался сообщить о сокращении рабочей недели с сорока восьми до сорока двух часов. Правительство увеличит объем средств, выделяемых на производство потребительских товаров. Одновременно советское государство «отменит» некоторые подоходные налоги, хотя увеличение налогов на заработную плату ослабит эффект этой «отмены». Таким было внутривнутриполитическое дополнение к его международной политике разрядки. Если ему удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами по демилитаризации «холодной войны», то у него появятся средства, чтобы изменить приоритеты расходов внутри страны.

В последние недели поддержка его политики одностороннего разоружения несколько ослабла. Пока в конце марта и начале апреля Хрущев был во Франции, Кремль получил анонимное письмо (по всей видимости, от представителя военного командования советской армии), в котором критиковались январские сокращения в армии²⁴. Хрущев, который мог без труда забыть об этом письме, наоборот, воспринял его как потенциально опасный симптом недовольства в советском офицерском корпусе. И он решил искоренить эту заразу инакомыслия сразу же, не дожидаясь ее распространения. И на самом первом заседании Президиума после своего возвращения 3 апреля Хрущев прочитал письмо вслух²⁵. Затем он демонстративно осудил уровень политической подготовки советских армейских командиров, которые из-за своего несогласия демонстрировали недостаточную преданность руководству Коммунистической партии. Он приказал улучшить эту подготовку и велел правительству разработать систему отчетов, чтобы следить за тем, что говорят командиры.

В высшем руководстве Кремля анонимное письмо понравилось, как минимум, одному человеку – маршалу Ворошилову, который упорно демонстрировал свою симпатию военным критикам усилий Хрущева сократить расходы на оборону²⁶. «Разве для нас правильно сокращать участки для строительства жилищ [для сотрудников гражданской авиации]?» – спросил Ворошилов на заседании Президиума в конце апреля, критикуя предложенный Хрущевым оборонный

бюджет. Хрущеву, отсутствовавшему на заседании, об этой реплике доложили²⁷.

* * *

Вначале новости о Пауэрсе не подтолкнули Хрущева к изменению его стратегии парижского саммита. Советский руководитель по-прежнему разделял почти мистическую веру в личное стремление Эйзенхауэра к миру. На предновогодней встрече, через несколько месяцев после своего возвращения из Соединенных Штатов, Хрущев сказал послу США: «Если только [Эйзенхауэр] сможет остаться на другой срок, то, я уверен, наши проблемы могут быть разрешены»²⁸. Хрущев чувствовал, что в этом отношении американский президент среди своих советников почти одинок. До смерти Фостера Даллеса в мае 1959 года Хрущев еще лелеял слабую надежду, что добродушный Эйзенхауэр своего добьется. А теперь, когда, судя по всему, президент одержал верх в Вашингтоне, Хрущев полагал, что сторонники жесткой линии в окружении Эйзенхауэра делают все, что могут, чтобы сорвать саммит. Кроме того, Хрущев подозревал, что директор ЦРУ Аллен Даллес намеренно приказал организовать вылет «U-2», чтобы помешать улучшению его отношений с Эйзенхауэром. И советский руководитель не собирался позволять начальнику американской разведки, чтобы это произошло.

Личное участия Эйзенхауэра в саммите было настолько важно для Хрущева, что его озабоченность распространялась и на состав американской делегации. В апреле президент предупредил Хрущева, что, если встреча продлится больше недели, ему придется уехать в Лиссабон, чтобы выполнить свое обещание премьер-министру Португалии. В таком случае делегацию возглавит Ричард Никсон. Хрущев не любил Никсона, подход которого к «холодной войне» напоминал ему Фостера Даллеса. Хрущев полагал, что, если делегацию возглавит Никсон, а не Эйзенхауэр. Соединенные Штаты обозначат свои интересы по-другому. Он заверил французов, что не собирается слоняться по Парижу, чтобы договариваться с вице-президентом США. «Я не уважаю Никсона»²⁹, – сказал он французскому послу в Москве.

Хрущев убедил себя, что сможет использовать инцидент с «U-2» для укрепления позиций Эйзенхауэра в борьбе с «ястребами» из его окружения. 28 апреля он, воспользовавшись своим выступлением в Баку в честь сорокалетия советской власти в Азербайджане, предупредил мир, что недавние действия США усложнили подготовку к саммиту. Теперь, когда в советском плену оказался американский летчик Пауэрс, Хрущев получил новые и лучшие доказательства яв-

ной шизофрении администрации Эйзенхауэра. Хрущев планировал рассказать о задании самолета «U-2» достаточно много, чтобы смутить бескомпромиссных американских солдат «холодной войны», но не доводить президента до того, чтобы поставить под угрозу сам саммит.

Когда в Лубянской тюрьме начались допросы Пауэрса, Хрущев решил, что Франция, где его вскоре примут, станет первой страной Запада, которой можно будет намекнуть, что Вашингтон снова вызывает у него озабоченность. Встречаясь с французским послом Морисом Дежаном 3 мая, в тот самый день, когда США объявили о потерянном самолете, производившем метеорологические наблюдения, Хрущев предупредил его, что «есть реальные основания сомневаться в желании некоторых руководителей найти решение обсуждаемых проблем»³⁰. Он не раскрыл эти основания, но воспользовался беседой, чтобы сообщить о своей обеспокоенности происками американских противников разрядки. В послании, датированном 30 апреля, де Голль намекнул, что, пожалуй, некоторые из встреч в Париже будут проводиться за закрытыми дверями³¹. На встрече с французским послом Хрущев сформулировал свой отказ от тайных встреч нежеланием давать западным «ястребам» никакой возможности сорвать саммит. Секретные переговоры, полагал он, позволят противникам разрядки избежать осуждения со стороны международного сообщества. Таким образом, заключил он, саммит «может быть сведен к нулю».

В беседе с французским послом Хрущев также упомянул, что своим мнением о международном положении он поделится с руководством партии во время сессии Верховного Совета, которая должна была начаться 5 мая. «В моем докладе будет доказано, неопровержимым образом, что есть люди, которые не хотят разрядки и вместо этого мечтают о возврате к холодной войне». Хрущев добавил: «Пока я не могу привести свидетельства того, о чем я говорю».

Через два дня, как Хрущев и обещал французскому послу, он, выступая на заседании Верховного Совета, обнародовал некоторые факты. Во время длившейся три с половиной часа речи, содержащей общие тезисы его системы внутривластных реформ, Хрущев сообщил, что 1 мая американский самолет, которому было поручено совершить «дерзкую провокацию, нацеленную на срыв встречи в верхах», нарушил советское воздушное пространство и был сбит³². Заметив, что эта операция была лишь самым последним свидетельством того, что «империалисты и милитаристы» в окружении Эйзенхауэра набираются сил, Хрущев выразил уверенность, что президент все еще хочет, чтобы предстоящие переговоры оказались успешными, хотя перед ним и стоит трудная задача контроли-

ровать свою собственную администрацию. Советский руководитель особо упомянул о новом американском государственном секретаре Кристиане Гертере, заместителе государственного секретаря Дугласе Диллоне и вице-президенте Никсоне как о представителях более жесткой линии. О возможности замены – в силу обстоятельств – Эйзенхауэра Никсоном на переговорах в Париже он отозвался как о попытке «доверить козлу капусту»³³. Сказав, что разоружение и «мирное урегулирование с Германией, включая вопрос Западного Берлина», являются «жизненно важными современными проблемами», Хрущев дал понять, что он по-прежнему намерен ехать в Париж, хотя уже не очень надеялся, что удастся чего-нибудь там достичь.

Хрущев говорил с позиции силы. Накануне Президиум одобрил ряд перемен в руководстве, которые он задумал для того, чтобы усилить свое влияние в этом органе³⁴. Маршала Ворошилова на посту советского президента [Председателя Президиума Верховного Совета СССР. – *Примеч. пер.*] заменили Брежневым. Это была совершенно формальная должность, но впоследствии Брежнев ее использует, чтобы взять власть. Ворошилов выйдет из состава Президиума в июле. Кроме того, Хрущев вывел из состава Президиума двух своих бывших ставленников – Николая Беляева и Алексея Кириченко. Он обвинил Беляева в недавних провалах на «целине» Казахстана. Переназначение Кириченко в советское посольство в Чехословакии было подготовлено еще за несколько недель, но никаких надежд на то, что он сможет сохранить место в Президиуме, не осталось. Одновременно Хрущев добавил трех новых союзников, сделав их полноправными членами Президиума – Алексея Косыгина, Николая Подгорного и Дмитрия Полянского.

В своем выступлении на Верховном Совете Хрущев ни разу не упомянул Фрэнсиса Гэри Пауэрса. Фактически он ничего не сказал о судьбе пилота сбитого американского самолета. Пока Хрущев предпочитал дать Вашингтону возможность запутаться в собственной лжи.

* * *

Первое сообщение в Вашингтон, что Пауэрс, может быть, жив, поступило из самого надежного источника. Яков Малик был заслуженным советским дипломатом. Иностранные дипломаты не могли узнать от него ничего нового, а для Кремля он был человеком надежным. Но алкоголь или возраст, видимо, подвели его на приеме в посольстве Эфиопии, состоявшемся после выступления Хрущева в Верховном Совете. Отвечая на вопрос шведского посла о судьбе летчика, Малик ответил: «Я не знаю точно. Его допрашивали». До сих пор никто не

подозревал, что американский летчик жив. Малик сразу же понял, что допустил оплошность, и попытался оправдаться. Сообщая в тот же день об этом инциденте советскому министерству иностранных дел, он объяснял, что нет оснований беспокоиться, что шведский посол расскажет об этом американцам. «Он как-никак нейтральный»³⁵.

Посол США Льюэллин «Томми» Томпсон, который на приеме мог услышать этот разговор, составил экстренное сообщение и без помощи шведского посла. В семь часов вечера по московскому времени он отправил администрации первую телеграмму с сообщением, что Пауэрс еще жив. Томпсон не был уверен на сто процентов – не мог быть уверен, что Малик сказал правду. В своей депеше домой он упомянул о «возможности» того, что Пауэрс жив³⁶.

За несколько часов до получения телеграммы Эйзенхауэр созвал Совет национальной безопасности, чтобы обсудить, как сохранить «дымовую завесу». В СНБ говорили о том, что сказал Хрущев в своем выступлении, упомянув о сбитом самолете. До сих пор никто еще не был готов учитывать возможность того, что летчик мог выжить, а какой-нибудь фрагмент самолета – сохраниться, став вещественным доказательством преступления³⁷.

Эйзенхауэр был того мнения, что следует настаивать на легенде про НАСА и больше ничего не говорить. Государственный секретарь Гертер и другие советники президента настаивали, чтобы он дал разрешение сделать новое заявление, которое продемонстрировало бы, что Соединенные Штаты, несмотря на хвастовство Хрущева, по-прежнему придерживаются своего первоначального (и ложного) объяснения. «Я согласился с мнением моих коллег»³⁸, – позже вспоминал Эйзенхауэр, и Соединенные Штаты пошли дальше по мрачному пути обмана международной общественности. Сотрудники государственного департамента заявили, что президент поручил провести «расследование», чтобы установить, как этому самолету удалось нарушить советское воздушное пространство. Кроме того, департамент заявил, что самолет, упомянутый Хрущевым, мог быть научным самолетом НАСА, летчик которого «сообщил о трудностях с кислородным оборудованием. Вполне возможно, – добавлялось в заявлении, – что после отказа кислородного оборудования, в результате чего летчик мог потерять сознание, самолет продолжал лететь на автопилоте значительное расстояние и случайно нарушил советское воздушное пространство»³⁹.

После того как днем телеграмма Томпсона привела бюрократический механизм в движение, администрации приходилось несладко из-за предположения, что Пауэрс в этой катастрофе мог выжить. И тем не менее государственный департамент по привычке подготовил дипломатическую ноту, в которой запрашивалась информация о

положении Пауэрса. Ее должны были вручить Советам на следующий день.

* * *

Пауэрс ничего не знал о драме, которая разворачивалась в Вашингтоне. В Москве допрашивали ежедневно, по одиннадцать часов в день. 6 мая Шелепин снова стал усиливать давление на Пауэрса. Повторив свое заявление от 5 мая, что американский летчик сообщил о трудностях с кислородом, государственный департамент бессознательно укрепил существовавшую в КГБ гипотезу, что пилот «U-2» поддерживал связь со своей базой. И Шелепин снова задал ему тот же вопрос. И Пауэрс снова отказался отвечать. «Ваше молчание не облегчает вашего положения»⁴⁰, – ответил шеф КГБ.

Как и в самый первый раз, когда Пауэрса спросили о возможностях радиосвязи на «U-2», он сослался на состояние здоровья своей матери, которое, он был уверен, улучшится, когда она узнает, что ее сын еще жив. На этот раз Шелепин решил сделать ему недвусмысленное предложение: «Если вы ответите на этот вопрос честно, то вам дадут возможность написать письмо вашей матери». Однако Пауэрс не стал отдавать то, что, как он считал, было последней картой, которую можно разыграть: «Дайте мне возможность написать моей матери и получить ответ, и я отвечу на все ваши вопросы»⁴¹.

* * *

Официальное «расследование» государственного департамента в отношении положения Пауэрса и сообщение информированных лиц об оплошности Якова Малика вынудили Хрущева наконец-то признать, что Пауэрс жив и находится под арестом. На заключительном заседании Верховного Совета 7 мая он – своим слушателям и всему миру – сообщил о том, что на самом деле было обнаружено в Свердловске 1 мая. Рассказывая об этой истории, Хрущев ее предельно драматизировал. В ответ на дружные крики «позор, позор» Хрущев развернул веером фотографии, якобы проявленные с пленки, обнаруженной в фотоаппаратах Пауэрса. На крики «бандиты, бандиты» он показал пропитанную ядом булавку, предназначенную для самоубийства летчика «U-2». Рассказывая об иностранной валюте и золоте, которые Пауэрс взял с собой в полет, чтобы давать взятки для возвращения домой, Хрущев высмеял предусмотрительность ЦРУ: «Зачем это все нужно в верхних слоях атмосферы?» И у него был ответ: «Или, может, летчик должен был подняться еще выше, на Марс, и собирался соблазнить марсианок?»⁴²

Новость о том, что Пауэрс жив, ошеломила Вашингтон. Эйзенхауэр был и удивлен, и разгневан. В своей речи Хрущев привел немало подробностей о программе «U-2», в том числе строго секретную информацию о том, что на самом деле самолеты вылетали из секретного аэродрома в Пакистане, а не из Турции. Эйзенхауэр предположил, что Пауэрс «начал говорить сразу же после того, как он приземлился»⁴³.

Комментируя разоблачительное выступление Хрущева, посол США в Москве посоветовал признать факт шпионажа, но не намекать, что разрешение на выполнение задания дал лично президент. «Это сохранит для нас, – подчеркнул Томпсон, – большое преимущество, которым мы обладаем, то есть уважение, которое советские и другие люди испытывают к президенту»⁴⁴.

Вначале Вашингтон последовал совету посла Томпсона. В ответ на этот последний спектакль Хрущева администрация официально признала, что «U-2» выполнял разведывательное задание, но что оно выполнялась без разрешения: «В результате расследования, проведенного по приказу президента, было установлено, что, если говорить о властях, то разрешений ни на какие полеты наподобие тех, о которых говорил Хрущев, не давалось». Как и надеялась администрация, мировая пресса преподнесла это заявление таким образом, будто, если президент Эйзенхауэр лично не давал разрешения на разведывательные полеты над Советским Союзом, тем самым создается впечатление, будто ЦРУ действовало само по себе, как какой-то своевольный субъект федерального правительства⁴⁵.

Реакция союзников Вашингтона свидетельствовала о серьезной озабоченности и опасении, что этот инцидент повлияет на предстоящий саммит. Публично британский и французский руководители продемонстрировали поддержку американскому президенту. Однако частным образом они его жестоко критиковали. «Американцы сделали большую глупость», – признавался в своем дневнике премьер-министр Макмиллан. И британский лидер имел все основания раздражаться. Идея парижского саммита принадлежала ему. Он верил в действенность личных встреч, в их положительное влияние на формирование высокой политики. Однако Макмиллан умел соблюдать баланс между шпионажем и дипломатией. Британцы, получавшие американские самолеты-разведчики в аренду, были участниками сверхсекретной программы перелетов на территорию СССР. Макмиллан прекратил эти полеты за несколько недель до саммита и сказал, что американцам следовало бы сделать то же самое⁴⁶.

Макмиллан хотел минимизировать последствия ошибки американцев. Он послал сообщение Эйзенхауэру, что в таких делах Вашингтону стоило бы подражать Британии. Одновременно бри-

танское правительство упорно отказывалось признавать любую разведывательную деятельность. На самом деле служба внешнеполитической разведки страны – Секретная разведывательная служба (СИС) – не имела официального статуса, закрепленного в законодательстве. Макмиллан хотел, чтобы Эйзенхауэр ничего не говорил.

Президент был недоволен тем, как его администрация официально объясняла дело «U-2». Ему не нравились последствия, ожидавшие его в случае, если он последует советам своего посла в Москве и британского премьер-министра. Разве можно было сделать так, чтобы мир думал, будто американские самолеты могут нарушать советское воздушное пространство (а это считается военной операцией) без разрешения сверху? В ядерную эпоху, когда можно уничтожить миллионы человек одиночными самолетами с водородными бомбами на борту, полет без разрешения был непростительным.

И Эйзенхауэр приказал государственному департаменту исправить сообщение. 9 мая государственный секретарь Гертер отказался от прежней характеристики полета как неразрешенного. Вместо этого государственный секретарь заявил, что такие полеты, даже нарушающие международное право, необходимы в условиях «холодной войны». Новая позиция администрации была такой, что президент разрешил осуществлять операции «U-2» вообще, но не давал разрешения на этот конкретный полет. Советы отказались принимать предложение президента Эйзенхауэра об «открытом небе» в 1955 году, и одним из следствий этого отказа стала программа полетов «U-2». Гертер не упомянул о роли американского общественного мнения США, вынудившего Эйзенхауэра вопреки его воле продолжать полеты «U-2», несмотря на предстоящий саммит, что было весьма рискованно. И международная пресса, и Советы заявление Гертера истолковали так, будто Соединенные Штаты настроены продолжать свою политику перелетов советской территории.

* * *

КГБ по-прежнему продолжало давить на Пауэрса, вынуждая его давать показания, несмотря на эффектное заявление Хрущева. Для этого летчику не сказали, что мир знает, что он жив. Однако Пауэрс еще два дня твердил, что о возможностях радиосвязи на борту «U-2» он будет говорить лишь на открытом суде или если получит доказательства того, что его родители знают, что он жив. И тогда Шелепин пришел к выводу, что следует поменять тактику. 10 мая Пауэрсу показали первые страницы газет «Известия» и «Нью-Йорк таймс» от 8 мая, где сообщалось о заявлении Хрущева, что американский летчик выжил после аварии. Переводчик прочитал комментарий Хрущева в

«Известиях»: «У нас есть и летчик, который жив и здоров». Пауэрс прочитал и некоторые американские региональные газеты, одна из которых цитировала слова отца Пауэрса: «Я собираюсь обратиться к господину Хрущеву лично, чтобы он был справедлив к моему мальчику. Как шахтер шахтера, я уверен, он меня выслушает». И это сняло царившее напряжение. Услышав в этих словах голос своего отца, Пауэрс заплакал⁴⁷.

Затем Пауэрс сказал, что готов ответить на один вопрос, которым люди, захватившие его в плен, были одержимы с начала этого испытания. Хотя и по-прежнему не собираясь рассказывать КГБ все, теперь Пауэрс думает, что он может отважиться на полезную полуправду: ведь если КГБ убьет его во время допроса, будет международный скандал. «Не было никакой радиосвязи с момента моего взлета и до момента, когда меня сбили», – сказал он, прекративший радиосвязь перед проникновением в советское воздушное пространство, как это делали все летчики «U-2». «Я мог выйти на связь с моей базой лишь за полчаса до приземления, – добавил он. – На самом деле дальность радиосвязи на “U-2” составляет лишь от четырехсот до пятидесяти миль». В действительности диапазон радиосвязи на «U-2» был гораздо больше (именно поэтому и сохранялось радиомолчание), но Советам этого знать не полагалось.

« – Вы не передали по радио, когда вас сбили? – недоверчиво отозвался Шелепин.

– У меня даже не было возможности послать хоть какой-то сигнал, – ответил Пауэрс.

– Почему вы не сказали нам об этом раньше? – спросил шеф КГБ.

– Если бы вы знали, что у меня не было никакой связи с моей базой и что люди из моей службы не знали, что со мной случилось, – хладнокровно объяснил Пауэрс, – то тогда, вероятно, вы бы не стали объявлять, что я жив и что со мной случилось».

Правдивый ответ вызвал неожиданную откровенность руководителя КГБ. «Дело не в вас, – сказал Шелепин. – Дело в том, что США совершили акт агрессии». Потом он объяснил, что, по его мнению, полет Пауэрса был сознательной провокацией, чтобы сорвать саммит, который должен был начаться всего через несколько дней. «А зачем еще было вас посылать?» – спросил Шелепин.

Ответ Пауэрса был резким и патриотичным. «Я не знаю, почему меня послали. Наверное, были веские основания». А затем он привел тот же аргумент, который президент Эйзенхауэр привел позже, в его первой публичной защите этого полета. Пауэрс вспомнил, что однажды он прочитал в газете, что были опасения, что Советский Союз планирует напасть на Соединенные Штаты. Когда люди, проводившие допрос, объяснили, что трудно отличить самолет вторжения, выле-

тевший с разведывательным заданием, от самолета с бомбами, с термоядерным оружием, Пауэрс объяснил, что отказывается признать, что его правительство идет на неоправданный риск. Для этого и была нужна эта разведка.

* * *

Несмотря на заявление государственного секретаря Гертера, Хрущев по-прежнему думал, что полет «U-2» был подстроен одним из противников Эйзенхауэра в Вашингтоне. Возможно, он полагал бы иначе, если бы услышал признание самого Эйзенхауэра о своем согласии на полет самолета-разведчика, но, поскольку этого не произошло, в 1960 году Хрущев собирался продолжать свою политику демилитаризации «холодной войны». Продолжалась подготовка к долгожданному официальному визиту в Соединенные Штаты главнокомандующего военно-воздушными силами СССР маршала Константина Вершинина. 14 мая Вершинин должен был выехать в Вашингтон, где его примут в Пентагоне. В таком же духе Хрущев приказал министерству иностранных дел продолжать и подготовку к парижскому саммиту. Он даже не дал себе труда отредактировать предложения для саммита, обсуждавшиеся с начала апреля.

Однако Хрущев начал сомневаться, правильного ли партнера в лице Эйзенхауэра он выбрал. Хрущев не был уверен, в какой степени президент был соучастником полета «U-2», и эта неуверенность проявилась через два дня, когда он с маршалом Бирюзовым пришли осмотреть обломки самолета «U-2», которые Советы выставили на публичное обозрение в Парке Горького. Собравшимся здесь журналистам Хрущев пожаловался на жесткое давление, которому добронамеренного американского президента подвергают сторонники жесткой линии в его окружении. Для своих нападок он выбрал государственного секретаря: «Не чувствуя себя виновным, не стыдясь наглых действий, он оправдывает их и говорит, что они будут продолжаться в будущем»⁴⁸. Но в первое время Хрущеву было явно трудно придерживаться своей линии не обвинять за преступление лично Эйзенхауэра. «Я ужаснулся, узнав, что президент поддерживал эти действия», – сказал он в ответ на вопрос, почему заявление государственного департамента от 9 мая повлияло на его мнение об Эйзенхауэре. Он все еще говорил о важности успешного саммита и намекал на будущий визит Эйзенхауэра в СССР, но его слова свидетельствовали о попытке изменить отношение. «Я человек, и у меня человеческие чувства. У меня были надежды, и они были преданы... Вы должны понять, что мы, русские, всегда идем до конца: когда мы играем, то играем, а когда мы деремся, то деремся»⁴⁹.

Президиум собрался на следующий день, 12 мая, чтобы официально одобрить инструкции и предложения, которые Хрущев и советская делегация должны были взять с собой в Париж. Судя по всему, никаких стенографических отчетов этого заседания не существует. Позднее ходили слухи, что в Президиуме возникли разногласия относительно того, стоит ли ехать Хрущеву⁵⁰. Однако Микоян не вспоминал об этом как об эпизоде истории борьбы Хрущева с министерством иностранных дел. Не фигурировал этот вопрос и в перечне претензий к Хрущеву после его свержения в октябре 1964 года⁵¹. Зато известно, что Президиум одобрил весь пакет предложений и проект инструкций по переговорам, который команда Громыко готовила больше месяца⁵².

Действительно, Хрущев получил полномочия продемонстрировать гибкость по общим протокольным вопросам в Париже. Если его западные партнеры откажутся принимать повестку переговоров, то ему не следует с ними спорить. Цель состояла в том, чтобы поощрять дискуссии с влиятельными персонами, вершителями западной политики. В отношении делегации США инструкции содержали и приятные, и неприятные для Эйзенхауэра моменты. Хрущев должен был напомнить президенту о плодотворных беседах, которые они вели во время его поездки в Америку. «Переговоры между США и СССР, – должен был сказать он, – оказали очень хорошее влияние на международное положение и, как надеялся Советский Союз, могли привести к очень хорошему началу установления общих отношений и взаимодействия между нашими странами».

Хрущев должен будет предъявить одно требование к американцам: Кремль ожидал, что Соединенные Штаты примут меры, чтобы прекратить все будущие вторжения в советское воздушное пространство. «Советский народ надеется не только жить в мире, но и дружить с американским народом»⁵³. И прекращение полетов «U-2» было для этого предварительным условием.

Директивы по берлинскому вопросу отражали искреннее желание сделать саммит успешным, но свидетельствовали о непонимании, каким образом этого достичь. Определяя, как обсуждать эти предложения в Париже, Президиум не подготовил никакой позиции для отступления. Было лишь решено, что переговоры по этому вопросу «должны вестись таким образом, чтобы у западных держав не оставалось сомнения в решимости Советского Союза заключить мирный договор по Германии, чтобы покончить с остатками прошлой войны – в частности, с оккупационным режимом в Западном Берлине»⁵⁴. Западу должно быть предложено двухлетнее временное соглашение. Как это себе представляли Хрущев и министерство иностранных дел, временное соглашение будет средством, которое позволит провести

переговоры четырех держав в более спокойной обстановке, но лишь на два года отсрочив то, чего Хрущев надеялся в приказном порядке достичь в 1958 году.

По вопросу о разоружении Советы могли предложить и больше. Они собирались приложить большие усилия для демонтажа средств доставки ядерного оружия на первом этапе всеобщего и полного разоружения. По вопросу о наблюдениях Хрущев был готов согласиться на любые инспекции на местах, которые будут осуществлять иностранные наблюдатели, убеждаясь в уничтожении МБР и межконтинентальных бомбардировщиков. Хотя предложения были еще очень неопределенными, западные державы вряд ли бы отвергли их сразу же. Из этого действительно могло что-то выйти.

* * *

За несколько дней до своего вылета в Париж Эйзенхауэр составил определенное представление о том, что может предложить на саммите Хрущев. С начала апреля Соединенные Штаты знали, чего ожидать: советский руководитель может использовать встречу, чтобы разъяснить, что он подразумевал под временным соглашением по Берлину, беседуя с де Голлем. После того как 9 мая Советы представили свои окончательные предложения французам, их перевели на английский язык для президента⁵⁵. Кроме того, французская сторона сообщила своим союзникам по НАТО о советском интересе к французскому предложению об уничтожении средств доставки ядерного оружия. На встречах членов НАТО, проходивших в конце апреля и начале мая, западные державы обсуждали, что эти меры могли означать на практике. Из всех участников встречи наиболее враждебно к этой идее относилась американская делегация. Государственный секретарь Гертер назвал французский интерес к этому предложению «неудобным для Запада». Он полагал, что Советы найдут способ обмануть, в результате чего вся концепция взаимного разоружения станет очень рискованной при отсутствии систематически работающего международного наблюдательного органа⁵⁶.

Эйзенхауэр не питал особых иллюзий относительно перспектив встречи в Париже, но и не относился к ним пессимистически. Ядерное разоружение он отвергал не столь решительно, как его новый государственный секретарь, но планировал продолжать настаивать на проверке, спрашивая себя, согласится ли когда-нибудь на это Хрущев. По берлинскому же вопросу, полагал он, почвы для переговоров почти не было. Он просто хотел, чтобы Советы признали статус-кво. Изменения могут затронуть лишь частности, возможно, включая сокращение численности контингентов союзников

в Западном Берлине. С одобрения Эйзенхауэра государственный департамент начал говорить о германском самоопределении, а не о германском воссоединении. Иначе говоря, если Советы думали, что в Германии должны произойти изменения, то в таком случае необходимо общегерманское голосование или хотя бы всеберлинское голосование. Соединенные Штаты были убеждены, что в любом случае германский народ проголосует за либеральный капитализм, а не за марксизм-ленинизм.

Дело «U-2» отвлекло Эйзенхауэра от подготовки к саммиту. Вместо того чтобы спокойно обдумывать сведения, поступавшие от британского и его собственного эксперта в Москве, и думать о том, как договариваться с Хрущевым, Эйзенхауэр был занят восстановлением своего контроля над национальной безопасностью. В своих мемуарах президент объяснял, что он считал себя обязанным взять на себя ответственность за этот инцидент. «Отрицание моего участия во всем деле, – аргументировал он, – было бы равноценно заявлению, что часть правительства Соединенных Штатов действовала безответственно, совершенно игнорируя надлежащий президентский контроль»⁵⁷. Будучи во время Второй мировой войны верховным главнокомандующим сил союзников, Эйзенхауэр принял несколько трудных и спорных решений. Он никогда не уклонялся от ответственности, решая, предпринимать ли высадку войск в Нормандии, давать ли бензин Третьей армии генерала Джорджа Патона или попытаться обойти русских, наступая на Берлин.

11 мая Эйзенхауэр воспользовался пресс-конференцией, чтобы устранить всякие сомнения в том, что он дал разрешение на вылет Пауэрса. Пресс-конференции были трудными для президента. Похоже, ему никогда не удавалось провести ни одну из них, не запутавшись в собственном синтаксисе. Иногда он делал это намеренно. Перед пресс-конференцией, проходившей в 1955 году, Эйзенхауэр заверил своего пресс-секретаря, Джеймса Хагерти: «Не волнуйся, Джим... Я их просто запутаю»⁵⁸. Но иногда просчеты были ненамеренными. Теперь же, 11 мая, Эйзенхауэр говорил необычно ясно. «Никто не хочет еще одного Перл-Харбора», – сказал он. Из-за секретности хрущевского Советского Союза Соединенные Штаты были вынуждены прибегнуть к шпионажу. Это было «неприятно, но жизненно необходимо»⁵⁹. А как же иначе Соединенные Штаты могли следить за теми военными силами, которые «способны предпринимать массированные внезапные нападения?» Эйзенхауэр хотел снизить уровень секретности в международных делах, потому что он знал, насколько она не совместима с безопасностью. Именно поэтому он и сделал в Женеве, в 1955 году, свое предложение по «открытому небу» и планировал повторить это предложение Хрущеву в Париже.

А пока он не собирался извиняться за то, что у него возникла потребность в шпионаже.

Через десять лет, на пенсии, Хрущев вспоминал, как он рассердился, узнав, что Белый дом упорно отрицал свою ответственность за разрешение на полет Пауэрса. «Пока президент Эйзенхауэр не ассоциировался с делом «U-2», – вспоминал Хрущев, – мы могли продолжать нашу политику укрепления советско-американских отношений, которая началась с моей поездки в Америку и моих бесед с Эйзенхауэром»⁶⁰. Однако на своей пресс-конференции 11 мая президент сделал это невозможным.

Заявление Эйзенхауэра поставило Хрущева в тупик. Усиление авторитета Советского Союза – иначе говоря, уважения США к его силе – имело первоочередное значение как для его программы строительства социализма, так и для достижения разрядки в Европе и торговли с Западом. Однако слова президента США внезапно привели к тому, что разрядка сверхдержав и советский престиж стали казаться понятиями несовместимыми. «И вот президент Соединенных Штатов, – позже вспоминал Хрущев, – человек, с которым мы должны были договариваться на встрече в Париже, защищал возмутительные, недопустимые действия!»

* * *

Хрущев, может быть, знал о заявлении Эйзенхауэра и до заседания Президиума, одобдившего 12 мая его директивы, но не допустил, чтобы оно изменило его тщательно разработанную стратегию саммита. Первым признаком грядущего взрыва было сделанное на следующий день заявление, что маршал Вершинин отложит свою поездку в Соединенные Штаты. Но только 14 мая, в тот самый день, когда Хрущев должен был отправиться в Париж, он признался своим коллегам, насколько его вывела из себя поддержка Эйзенхауэром инцидента с «U-2».

В аэропорту «Внуково» Хрущев поспешно собрал Малиновского и Громыко для импровизированного обсуждения с членами Президиума, приехавшими проводить делегацию. Олег Трояновский, помощник Хрущева по внешнеполитическим вопросам, вспоминал, что это происходило в застекленной ВИП-комнате недалеко от самолета⁶¹. Оказавшись на борту летевшего в Париж самолета «Ил-18», Хрущев заявил, что он действительно отказался от заготовленного сценария. Теснившимся вокруг него помощникам он сказал, что хочет, чтобы к следующему дню его речь переписали. Сотрудники должны быстро ее подготовить до прибытия в Париж, чтобы ее можно было отослать в Москву остальным членам Президиума для

официального одобрения⁶². Хрущев будет настаивать на извинении Соединенных Штатов – это будет ценой его участия в саммите. Если он его не получит, советская делегация покинет Париж, не обнародовав ни одного из своих предложений по разоружению или Берлину.

В Париже делегация направилась в советское посольство. Группа была в легкой панике. Новая речь должна была быть спешно написана и одобрена, а затем переведена на французский и английский. Заместитель Громыко жаловался тем, у кого было время слушать: «Ну и положение, ну и положение»⁶³. Теперь Хрущев был готов пожертвовать саммитом ради того, чтобы получить извинение от американцев за дело «U-2». Он хотел, чтобы Эйзенхауэр взял свои слова обратно и отказался от доводов в защиту воздушной разведки: «Суверенное государство не может позволить американскому президенту выйти сухим из воды с его вероломным заявлением»⁶⁴. Кроме того, Хрущев ожидал, что Соединенные Штаты накажут тех, кто «непосредственно виновен в сознательном нарушении» советского воздушного пространства, и заявят, что «в будущем они не будут нарушать государственные границы СССР на своих самолетах». Хрущев все еще верил, что единственным ответственным за миссию Пауэрса был Аллен Даллес. Он хотел лишь того, чтобы Эйзенхауэр это признал. Выработывая эту новую позицию, Хрущев спрашивал себя, есть ли какой-нибудь способ заставить президента извиниться. Потом он подумал: «Мы, видимо, не можем предложить наше гостеприимство тому, кто уже, так сказать, все испортил на столе того, кто его пригласил»⁶⁵. Он будет угрожать отменой своего приглашения Эйзенхауэру посетить СССР в июне. «Заряд гнева в нас накапливался»⁶⁶, – позже сказал Хрущев.

На следующее утро копию своего шестистраничного заявления, включая требование извинения от президента Эйзенхауэра, Хрущев передал принимающей стороне – французскому президенту Шарлю де Голлю. Косвенным образом он хотел, чтобы французский лидер принудил своего американского партнера уступить, чтобы переговоры могли продолжаться. Хрущев подчеркнул, что в международной политике американцы хотят жить по двойному стандарту. «Соединенные Штаты неоднократно заявляли, что если советские самолеты появятся над американской территорией, то Соединенные Штаты начнут ядерную войну против Советского Союза. Почему же тогда, в противоположной ситуации, они не ожидают такой же реакции? Что это за одностороннее право, на которое они притязают?»

Хрущев ожидал определенного сочувствия от де Голля, который был и сам раздражен мощью США. Как Хрущев объяснял на заседании Президиума в феврале, представив вначале свою французскую стратегию, он уже знал, что, в конечном счете, одна лишь француз-

ская позиция не станет определяющим фактором разрядки⁶⁷. Однако он прилагал большие усилия, чтобы привлечь де Голля на свою сторону – прежде всего, планируя связать советские предложения по разоружению с французской стратегией уничтожения средств доставки ядерного оружия. Саммит проходил в Париже, и де Голль, конечно, не захочет его провала. Однако, несмотря на веские основания ожидать противоположного, французский президент отказался сыграть на руку Хрущеву. Выслушав советского руководителя, изложившего свои новые требования, французский президент не проявил совершенно никакого сочувствия. Все страны шпионят, сказал де Голль, и вопрос об «U-2» – это дело Соединенных Штатов и Советского Союза. Он не хотел, чтобы Хрущев упускал из виду общую ситуацию. Саммит задуман, напомнил ему де Голль, чтобы решать более общие вопросы международной политики. Если Советы считают, что им нужно покинуть Париж, то это было бы неуместно, но это им самим решать, что им делать⁶⁸. Переговорив с де Голлем, Хрущев встретился с Макмилланом – предупредить, что саммит может быть сорван, если американцы не признают своей ошибки. Британский премьер-министр тоже выразил желание, чтобы Хрущев не позволил инциденту с «U-2» сорвать эту замечательную возможность улучшить международные отношения⁶⁹.

* * *

Эйзенхауэр прибыл в Париж 15 мая, когда поступило сообщение о выдвинутом Хрущевым в последнюю минуту настоятельным требовании извиниться. На встречах с французским и британским руководителями, проходившими, соответственно, в половине третьего и шесть часов вечера, Эйзенхауэр обсудил смысл советского требования. Он был решительно против того, чтобы приносить извинения, даже рискуя лишиться возможности совершить государственный визит в Москву⁷⁰. Однако Эйзенхауэр не думал, что дело до этого дойдет. Он разделял надежду своих западных коллег, что Хрущев уступит, если ему сказать, что альтернативой будет срыв встречи в верхах. Никто из участников не возлагал больших надежд на прорыв по берлинскому вопросу. Все согласились, что временное соглашение, по которому договор должен быть заключен в течение двух лет, равноценно новому советскому ультиматуму и неприемлемо. Однако три западных лидера полагали, что перспектива значительного прогресса в области разоружения может убедить Хрущева не уезжать.

При всей их уверенности, что разоружение – это именно та тема, которую стоит обсуждать с Советами, западные лидеры не могли прийти к общему мнению, как реагировать на заинтересованность

Хрущева в уничтожении бомбардировщиков и ракет. Как Хрущев и предполагал, французский президент отнесся к советской позиции с сочувствием. Де Голль усмотрел реальные возможности в соглашении о контроле над вооружениями, ограничивающем средства доставки ядерного оружия. Кроме того, он полагал, что соглашение о контроле над вооружениями обезвредит хрущевскую политику угроз в отношении Берлина. Во время частных бесед с французами и американцами Макмиллан принес Хрущеву некоторую пользу. Его беспокоила перспектива срыва саммита. В отличие от Де Голля, Макмиллан полагал, что Соединенные Штаты подумают над извинениями за разрешение на полет «U-2».

* * *

В понедельник утром, 16 мая, начался долгожданный саммит. Французский президент приготовил для этих переговоров эlegantное место, но события предыдущего дня их омрачили. Руководителей и их ближайших советников проводили на второй этаж Елисейского дворца. Войдя, Хрущев пожал руку Макмиллану, но всего лишь скользнул взглядом по Эйзенхауэру и американской делегации. С точки зрения Хрущева, таким образом он всего лишь подал знак: «Хорошо, мы вас видим»⁷¹.

Хрущев произнес свою первую речь. Нехарактерным для него было то, что он выступал сорок пять минут, избежав искушения отклониться от своего текста. «Я знал, что в такой ситуации, как эта, я не мог говорить, что попало. Каждое слово должно было быть точным...»⁷² Он повторил три требования, которые кратко сформулировал в беседах с французом и британцем накануне вечером. Если они не будут выполнены, заверял Хрущев, он уедет из Парижа, и Эйзенхауэра уже не пригласят посетить Советский Союз в июне.

Хрущев полагал, что эти требования могут быть приемлемыми для Эйзенхауэра. Он убедил себя, что, когда Эйзенхауэр выслушал перевод его выступления, он обернулся к Кристиану Гертеру и сказал: «Хорошо, почему бы и нет? Почему бы нам не согласиться и извиниться?»⁷³ Хрущев думал, что он это услышал, и повторял эту историю другим, пока не воспроизвел ее в своих мемуарах. Эйзенхауэр и Чарльз Болен, сидевший рядом, это отрицали⁷⁴. Это было любопытным случайным свидетельством, проливающим свет на психологию Хрущева, который, несмотря на все имевшиеся в его распоряжении доказательства, включая заявления самого Эйзенхауэра, отказывался верить, что Эйзенхауэр поддерживает политику полетов «U-2».

Эйзенхауэр был хорошо подготовлен к выступлению Хрущева. Он не извинился, но пообещал, что удовлетворит одно из трех тре-

бований Хрущева. Больше перелетов на советскую территорию не будет. Были у него и другие предложения. Как Эйзенхауэр дал понять на своей пресс-конференции перед саммитом, он снова выдвинет свое предложение 1955 года об «открытом небе». На этот раз для наблюдений он предложил использовать самолеты, находящиеся под контролем ООН, вместо советских или американских самолетов-разведчиков, надеясь, что это будет более приемлемо для Москвы.

Эйзенхауэр не понимал, насколько ненавистна Хрущеву идея открыть советское воздушное пространство для иностранных самолетов. Ни государственный департамент, ни ЦРУ не смогли ему рассказать, что одной из главных причин увольнения маршала Жукова в октябре 1957 года была его попытка уговорить Хрущева согласиться на предложение об «открытом небе»⁷⁵. Если бы Соединенным Штатам было позволено наблюдать за советскими стратегическими силами, то это поставило бы под угрозу рискованный план Хрущева реструктурировать Советский Союз и защитить социалистический мир, несмотря на стратегически более слабую позицию Советского Союза. Как бы мог Хрущев перенаправить средства в гражданскую экономику, если бы Соединенные Штаты узнали, насколько он слаб? Американцы боялись, что у него есть или очень скоро будут сто пятьдесят межконтинентальных баллистических ракет, хотя их у него было не более четырех, и он ожидал, что в 1960 году их будет у него немногим больше. У Соединенных Штатов, уже обладавших огромным преимуществом по стратегическим бомбардировщикам, было уже двенадцать МБР.

После выступления Эйзенхауэра наступил неловкий момент. «Никто не знал, что делать», – позже вспоминал Хрущев. Затем делегация США ушла, и встреча того дня завершилась. После этого мотивы и действия Хрущева становились все более сумасбродными. Сделав такую ставку на Эйзенхауэра, он понял, что у него нет реальной стратегии, как только стало ясно, что президент не извинится.

Своим кремлевским коллегам Хрущев послал эксцентричную телеграмму, подводя в ней итог заседанию. В ней он себя защищал, составив ее в показном, оптимистическом тоне. «Ситуация, какой она здесь создалась, еще раз доказывает правильность той линии, которую мы избрали. Союзники США по НАТО, хотя они и пытаются спасти лицо американцев, хотят нашего участия в саммите»⁷⁶. Это правда, что французский и британский руководители хотели, чтобы русские продолжали переговоры. Однако не было никаких свидетельств того, что они будут действовать в его пользу, чтобы заставить Эйзенхауэра извиниться. Судя по всему, телеграмма Хрущева говорила о том, что успех возможен, но сомнительно, чтобы он действительно в это верил.

После обеда Макмиллан – руководитель, больше других желавший не допустить срыва встречи, – позвонил Хрущеву в советское посольство и попросил его не уезжать. «Не могу сказать, что здесь все безоблачно, но если мы останемся еще на два-три дня, создавая основу для пространного обсуждения вопросов, то встречу можно будет отложить, и мы сможем уехать с ощущением, что дело будет продолжено»⁷⁷, – аргументировал Макмиллан. Кроме того, он попытался принизить значимость случая с «U-2» для советского престижа. Как и де Голль, он напомнил Хрущеву, что все страны шпионят друг за другом. «В каждом посольстве спрятаны микрофоны, – сказал Макмиллан. – Мы обнаруживаем их ежедневно, а к вечеру их место занимают новые. Они повсюду, даже в чернильницах... Я могу показать вам эти приспособления». Упомянув о приемной советского посольства, где он встречался с Хрущевым, Макмиллан добавил, чтобы произвести впечатление: «Наверняка эти приспособления есть даже и там. Так что давайте не будем лицемерами».

Макмиллан просил Хрущева подумать, каким образом остаться в Париже и продолжить участие в этих важных обсуждениях. «Прошу вас как друг обратить внимание на то, что я вам сказал... Повторяю, прошу вас как друг не доводить дело до предела сегодня или завтра, идти вперед, переходить к следующему этапу».

Хрущев дал понять, что он видит выход из этой запутанной ситуации. Он повторил Макмиллану свое твердое убеждение в том, что на самом деле Эйзенхауэр не несет ответственности за полет «U-2», что это была идея Аллена Даллеса. Директор ЦРУ оказывал давление на президента США, вынудив его дать разрешение на полет, и теперь Эйзенхауэр защищал Даллеса. Хрущев хотел лишь, чтобы Вашингтон признал, что он был не прав, поступив так нагло. «Советский Союз – не Куба, не Гватемала, не Панама, не Исландия». В конце встречи Хрущев был, казалось, умеренно оптимистичен в отношении следующего дня. Он поблагодарил Макмиллана за возможность обсудить саммит, а потом стал жаловаться. «Прошу вас, однако, повлиять на президента Эйзенхауэра». Однако во всем этом разговоре содержалась одна линия, свидетельствовавшая о том, каким трудным стал этот саммит для Хрущева: «Теперь я не верю Эйзенхауэру»⁷⁸. Хрущев, который так часто был в плену непреклонных убеждений, стал свидетелем того, как рухнуло едва ли не самое важное из них.

* * *

С начала 17 мая Хрущев действовал так, как если бы он уже решил, что советская делегация и он должны покинуть Париж. Макмиллану еще даже не предоставилась возможность встретиться с Эйзенхауэром,

а Хрущев уже устроил импровизированную пресс-конференцию на тротуаре перед советским посольством. Он сказал, что, похоже, очень скоро покинет Францию. Прямо накануне он уверял Де Голля, что не будет делать публичных заявлений. Затем Хрущев и Малиновский вместе с кортежем из журналистов и сотрудников посольства направились на автомобилях к полю битвы на Марне. Во время Первой мировой войны Малиновский вместе с бойцами имперской России останавливался в пригороде Парижа. Он хотел показать Хрущеву деревушку Плер-сюр-Марн, где он когда-то был на постое.

Когда советские представители выехали в Марну, западные лидеры собрались для обсуждения дальнейших действий. Эйзенхауэр снова сказал Макмиллану и де Голлю, что он не может принять советский ультиматум. Де Голль в последней попытке спасти саммит предложил пригласить Хрущева встретиться с ними в три часа дня. В советское посольство направили послание с просьбой пригласить Хрущева.

А Хрущев все утро наслаждался деревней Плер-сюр-Марн. Сын бывшего владельца дома, в котором когда-то останавливался на постои Малиновский, принес гостям несколько бутылок вина и сыр. Малиновский и Хрущев начали пить, и советский министр обороны рассказывал случаи из того времени, когда он был здесь. «У меня сложилось впечатление, – позже говорил Хрущев, – что старуха [жена покойного хозяина дома], видимо, не хотела предаваться воспоминаниям и вела себя с нами довольно сдержанно. На ее лице было написано некоторое равнодушие»⁷⁹. Они выпивали довольно долго, так что Малиновский начал говорить и о женщинах, которых он знал. «Малиновский был человеком, который любил женщин, особенно красивых», – заметил Хрущев. По мере того как разговоры становились все пикантнее, толпа подходивших французских крестьян становилась все гуще. И хотя прошло сорок лет, Малиновский все еще немного говорил по-французски. Это было настоящее зрелище.

Веселая компания вернулась в советское посольство в начале дня. Судя по всему, Хрущеву передали французское приглашение, как минимум, в два часа дня. Он не ответил на приглашение, не поехал на встречу и не позвонил ни де Голлю, ни Макмиллану. Хрущев решил, что саммит для него закончен. Справедливости ради следует спросить, насколько трезвым он был к тому времени⁸⁰. Однако телеграмма, которую он послал в Кремль, была четкой: «Изменения в ситуации, которое бы позволило нам остаться, не произошло. Поэтому мы решили покинуть Париж»⁸¹. В пятнадцать минут третьего Хрущев посоветовал Президиуму сообщить восточным немцам, чтобы они его пригласили. Он остановится у них по дороге домой, чтобы поговорить о Восточном Берлине. Хрущев хотел еще раз подтвердить свою

готовность разрешить германскую проблему. Это была его месть, поданная холодной, – месть Эйзенхауэру, унизившему его из-за полета «U-2».

В тот день три мировых лидера ожидали решения Хрущева, но он не хотел иметь с ними никаких дел. Дипломату низкого ранга он велел сообщить французам: «Если вопрос в том, чтобы обсуждать то, что обсуждалось вчера, то тогда встреча возможна, но не раньше пяти вечера, потому что Хрущев должен пообедать. Однако если предполагается обсуждать другие вопросы, то тогда господин Хрущев не придет»⁸². Сообщение было намеренной фикцией. «Господин Хрущев» уже решил, что не придет ни на какую встречу. Позже, тем же вечером, он велел известить французам, что покинет Париж на следующий день после пресс-конференции.

Услышав, что Хрущев уезжает, Эйзенхауэр так рассердился, что даже не мог заставить себя произнести имя советского руководителя. Хрущев стал «этим человеком». Да и де Голль тоже был сыт Хрущевым, чья поездка, без предупреждения, на Марну была последней каплей хамства, которое французский лидер был готов стерпеть. Макмиллан, знавший достаточно, чтобы не пытаться вынудить американцев принять условия Хрущева, был очень разочарован. «Саммит – на который я возлагал большие надежды и ради которого я работал больше двух лет, – взорвался, как вулкан! Это бесчестно; это трагично; это почти неслышанно...»⁸³ Как только он не винил своего старого друга Дуайта Эйзенхауэра за то, что тот не проявил здравомыслия в те недели, когда велась подготовка к саммиту!

* * *

Мировые газеты представили провал саммита как огромную катастрофу. Несмотря на дело «U-2», за недели, предшествовавшие мероприятию, ожидания усиливались. Теперь же, когда из встречи ничего не вышло, всеобщее разочарование было таким же чрезмерным.

В Москве КГБ отчитывало Фрэнсиса Гэри Пауэрса, показывая, как его полет привел к провалу саммита. Пауэрс ответил, что неправильно считать, будто он был козлом отпущения в каком-то заговоре правых в целях разрушения американско-советских отношений; «Какие бы люди ни организовали мой полет, но они, я так думаю, не хотели сорвать саммит. Если бы они знали, что этот полет сорвет саммит, они бы этого не сделали». Когда Пауэрса попросили осудить акты агрессии американских «реакционеров», он вежливо отказался. «Если я считаю эти полеты необходимыми для защиты безопасности Соединенных Штатов, я не буду их осуждать»⁸⁴.

В Вашингтоне у администрации были свои объяснения причин провала саммита. Под руководством двух многолетних знатоков советских дел Томми Томпсона и Чарльза Болена правительство США пришло к мнению, что Хрущев использовал дело «U-2» как предлог сорвать саммит. Многие в Вашингтоне до сих пор еще не вполне понимали смысл январского объявления Хрущевым одностороннего сокращения советских вооруженных сил. Они полагали, что Хрущев столкнулся с огромным противодействием военных его планам разрядки и потому нуждался в реальном прорыве по берлинскому вопросу в Париже, чтобы укрепить свой авторитет в Кремле. Когда в апреле Хрущеву стало ясно, что Запад не откажется от своего противодействия предложению о вольном городе и что он решительно настроен размещать войска НАТО в Западном Берлине, он стал искать предлог, чтобы отменить саммит. И этот предлог ему предоставил злополучный полет Пауэрса⁸⁵.

Эйзенхауэр, похоже, был того же мнения о том, что произошло в Париже. На следующий день после провала саммита он предложил такое объяснение в письме президенту Колумбии Альберто Льерасу Камарго: «В результате череды событий в Советском Союзе, которые мне пока не ясны, господин Хрущев, еще до вылета в Париж, наверняка решил, что прогресс на встрече в верхах был бы или нежелательным, или невозможным. Поэтому еще до начала встречи он начал преднамеренную кампанию, чтобы обеспечить ее провал и сделать так, чтобы ответственность за такой провал была возложена на Запад, особенно на Соединенные Штаты»⁸⁶.

Правительство США и Эйзенхауэр не поняли, что произошло на самом деле. Хрущев не хотел провала в Париже. Он разделял надежду президента, что встреча в верхах может привести к периоду ослабления международной напряженности. В самом деле, он, как и Эйзенхауэр, тоже инвестировал определенный политический капитал и личный авторитет в перспективу улучшения отношений. До 15 мая, через две недели после того, как Пауэрс приземлился на своем парашюте в России, советский лидер не хотел жертвовать всем, что он сделал для достижения разрядки с декабря 1959 года.

Однако разрядки не произошло. 1960-й год не стал поворотным пунктом в «холодной войне». Случилось ли это по вине всего одной неудачной шпионской миссии, как КГБ уверяло Пауэрса? Если резюмировать, то нет. Если посмотреть на то, что Соединенные Штаты и Советский Союз планировали сказать друг другу в Париже, можно утверждать, что решительный прорыв был бы невозможен по берлинскому вопросу и маловероятен – по разоружению. Запад был не склонен отказываться от своей поддержки Западного Берлина, а представления Хрущева об этом городе с ноября 1958 года не изменились.

По вопросу о разоружении, где его взгляды были более гибкими, русские, похоже, слишком опасались мощи США и их намерений, чтобы уступить просьбе Эйзенхауэра установить режим проверки, проводить инспекции на месте и в небе, в чем Вашингтон нуждался, чтобы преодолеть свое серьезное недоверие в Москве. Однако ход саммита, на котором к Советскому Союзу отнеслись бы как к равному, мог бы успокоить опасения непостоянного советского руководителя. Однако последствия инцидента с «U-2» были таковы, что сделали это невозможным.

Дело «U-2» выявило, что в конфронтации сверхдержав огромную роль имеет репутация. Оба лидера допустили, чтобы основой их самых важных решений, принятых в мае 1960 года, стали соображения личного престижа. В ключевые моменты ни тот, ни другой не поступались своей гордостью, хотя, если бы они ею поступились, то информация об американском летчике, оказавшемся на Лубянке, не была бы такой неутешительной. Однако дело было не в соображениях величия или тщеславия, причина была в другом. В войне, которая в большей степени была психологическим противостоянием, чем обычным сражением на поле боя, когда самая эффективная защита сверхдержавы подразумевала предотвращение нападения врага до того, как оно могло произойти, надежность каждого лидера имела огромное значение.

Через два месяца после провала в Париже Хрущев снова напомнил Вашингтону о важности престижа. Хотя полеты «U-2» были временно прекращены, Соединенные Штаты продолжали осуществлять разведывательные полеты вдоль границы с Советским Союзом. 1 июля советские ВВС сбили самолет-разведчик «RB-47», вылетевший с американской базы в Великобритании на задание над Баренцевым морем. Разведка США пришла к выводу, что самолет никогда не приближался к советскому воздушному пространству более, чем на тридцать миль [48 километров. – *Примеч. пер.*]. Советская сторона доказывала обратное. Четыре члена экипажа погибли при нападении. Двоих выживших летчиков взяли в плен, и Советы отказались возвращать их без расследования в ООН. Их посадили в советскую тюрьму вместе с Пауэрсом⁸⁷.

Суд над Пауэрсом состоялся в августе 1960 года. Он был приговорен к трем годам тюрьмы и дополнительным семи годам тяжелого труда. В феврале 1962 года его обменяли на советского разведчика Вильяма Фишера (он же Рудольф Абель) и освободили. Хотя правительство США и хлопотало об освобождении Пауэрса, на родину он вернулся под подозрением. Американцы и сменивший Даллеса на посту директора ЦРУ Джон Маккоун полагали, что из-за допросов в КГБ он пошел на предательство. Маккоун создал в ЦРУ следственную

комиссию под председательством федерального судьи Э. Барретта Преттимена для расследования действий Пауэрса. Комиссия определила, что Пауэрс предательства не совершал. Его деятельность расследовали и сенатские комиссии – по военной службе и международным отношениям. Однако эти расследования, как и выводы комиссии Преттимена были засекречены, что лишило Пауэрса возможности не только обелить свое имя, но и получить признание общественности⁸⁸. Делавшиеся на допросах Пауэрса стенограммы КГБ о его действиях оставались закрытыми до публикации этой книги.

* * *

Несмотря на урон, нанесенный уважительному отношению Хрущева к Эйзенхауэру из-за дела с «U-2», Хрущев не собирался полностью отказываться от поисков способов достижения разрядки с Западом. Через несколько недель после провала саммита Хрущев поручил советским представителям в Женеве представить план разоружения, который он собирался обнародовать в Париже⁸⁹. 7 июня 1960 года Советский Союз официально предложил сделать уничтожение всех стратегических ракет и бомбардировщиков первым шагом ко всеобщему и полному разоружению. И что еще важнее, Советы согласились на то, чтобы «все мероприятия, связанные с разоружением, проводились под строгим международным контролем с начала до конца». Иностранцы наблюдатели будут допущены на советскую территорию, но только после уничтожения оружия.

Кроме того, Хрущев дал понять, что он сохраняет терпение по берлинскому вопросу. Он все еще допускал, что для заключения соглашения потребуется встреча лидеров великих держав. Не склонный отважиться в ближайшее время на еще один Берлинский кризис, он предпочел политику выжидания до тех пор, пока в январе 1961 года Эйзенхауэра не сменит кто-то другой. Из оставшихся месяцев правления Эйзенхауэра вряд ли можно было, полагал он, извлечь что-то существенное.

Однако Хрущев не ожидал, что события в трех развивающихся странах, в трех разных частях света сделают невозможной полугодичную паузу в советско-американском состязании.

Глава 12

КАСТРО И ЛУМУМБА

Хрущев не видел неустранимого противоречия в том, чтобы, активно поддерживая новых союзников в «третьем мире», в то же время добиваться ослабления напряженности с Западом. В феврале 1960 года, всего через несколько дней после единоличного изменения советских предложений по разоружению и за три месяца до саммита в Париже, Хрущев одобрил планы создания в Москве нового университета – Дружбы народов – для молодых людей из Азии, Африки и Ближнего Востока, которые будут изучать марксизм-ленинизм и практические сельскохозяйственные и инженерные специальности¹. Открытие университета было запланировано на октябрь 1960 года. Он должен был принять пятьсот иностранных студентов из девяноста различных стран, как надеялись в Москве². Это был важный проект. «Университет обошелся нам в порядочную сумму, – позже вспоминал Хрущев, – но он того стоил»³.

Это произошло через много лет после того, как Москва организовала особый вуз для иностранных коммунистов. В 1921 году большевики в Ташкенте основали Коммунистический университет трудящихся Востока, чтобы содействовать революции в Индии и Центральной Азии. Через несколько лет Советы открыли Университет имени Сунь Ятсена для подготовки кадров для революции в Китае⁴. Сталин закрыл эти вузы, когда ресурсы режима он переориентировал на внутреннюю политику и отказался от поддержки международного коммунистического движения. Однако Хрущев хотел восстановить это направление советской внешнеполитической деятельности.

Вдохновленный недавними событиями, Хрущев стал уделять гораздо больше внимания поиску идейных сторонников в «третьем мире». С 1955 года он лидировал: подписывал договоры о поставке оружия, предоставлял субсидии и посылал делегации специалистов по промышленности и сельскому хозяйству: он хотел воспитать первое поколение лидеров «третьего мира», невзирая на их политическую принадлежность. Хотя народы только что ставших независимыми после Второй мировой войны стран, таких как Индия и

Индонезия, говорили на десятках разных языков, молились разным богам и были носителями разных исторических традиций, Хрущев рассматривал их как сплоченную группу, которую можно было обратить в марксизм-ленинизм. Он занимался этим пять лет, но его усилия не принесли тех результатов, на которые надеялась Москва. Оказалось, что лидеры были в большей степени националистическими, чем прогрессивными, и гораздо менее просоветскими, чем им полагалось бы быть с учетом тех денег, которые тратил на них Кремль.

Египетский президент Насер больше не считался надежным союзником СССР. Когда после революции 1958 года Ирак отказался от предложения Египта присоединиться к Объединенной Арабской Республике, Хрущев оказался замешанным в междоусобицу между иракским лидером, бригадным генералом Касимом, и Насером, – междоусобицу, которая, похоже, испортила его отношения с египетским лидером. Иракских коммунистов, входивших в правительственную коалицию, Насер винил за вялую поддержку Касимом арабского национализма и предполагал, что Москва руководила местными коммунистами. В 1959 году Насер арестовал еще больше своих собственных коммунистов и как публично, так и частным образом осуждал Хрущева за то, что в 1956 году, во время Суэцкого кризиса, он помог Египту недостаточно⁵. Недовольный преследованием коммунистов, Хрущев заявил египетскому послу Мохаммеду Аваду Эль-Коуни: «Мы считаем, что борьба против империализма под знаменем арабского национализма является прогрессивным явлением постольку, поскольку она укрепляет силы колониального и зависимого народа». Эль-Коуни ответил: «Но президент Насер – не антикоммунист, он только против арабских коммунистов»⁶.

Тем временем ослаб и союз Москвы с Ираком. В августе 1958 года Касим заявил Советам, что не боится коммунистической партии в иракском обществе. И действительно, некоторые видные деятели из ближнего круга Касима были членами партии. Коммунистом был и его двоюродный брат Махдави, верховный судья революционного суда страны⁷. Были коммунистами и личный помощник Касима, полковник Басфи, и главком ВВС Ирака, генерал Авкати⁸. Однако к началу 1960 года отношения между Касимом и коммунистической партией стали резко враждебными. Он считал партию ответственной за ряд кровавых стычек между курдскими коммунистами и правительственными войсками, происходившими в северном Ираке весной 1959 года и угрожавшими его власти в стране. Впоследствии Касим запретил все политические партии. В феврале 1960 года, когда Хрущев объявлял в Москве о создании Университета дружбы народов, ближайšie к Касиму коммунисты, празднуя новоселье генерала Авкати, заявили советскому послу о своей озабоченности направле-

нием, в котором шла страна⁹. Махдави рассказал о недавней встрече с Касимом, на которой он предостерег своего двоюродного брата, что его деспотическое правление укрепляет реакционные силы в стране за счет его прогрессивных союзников. Ответ Касима Махдави был дерзким: «Значит ли это, что ты устал от твоей работы в суде?»

Зимой 1960 года Москва восприняла этот прискорбный отчет от ее главных союзников в Багдаде настолько серьезно, что обратилась к своему традиционному миротворцу, Анастасу Микояну, и попросила согласия иракцев на экстренные переговоры на высшем уровне. Президиум поручил Микояну сообщить об «отношении Касима к коммунистической партии и о готовности коммунистов сотрудничать с ним»¹⁰. Ожидая, что эта беседа не принесет позитивных результатов, Кремль также поручил Микояну сказать Касиму, что Советский Союз, его главный поставщик оружия, «недоволен» его обхождением с Иракской коммунистической партией. В качестве напоминания о ценности сохранения благосклонного отношения Москвы, Микоян должен был привезти с собой некую информацию КГБ о западных планах свержения иракского лидера. Однако режим Касима проявил такое равнодушие к визиту Микояна, что его отложили до апреля¹¹.

* * *

Несмотря на неудачи на Ближнем Востоке, Хрущев не терял оптимизма. Открытие Университета дружбы народов в начале 1960 года не объяснялось пессимистическим отношением к возможностям СССР в «третьем мире». Плохие новости из Каира и Багдада уравнивались оптимистическими сообщениями о новых событиях в тех частях света, где раньше у Советского Союза никогда не было интересов. В конце 1958-го и в 1959 году, когда главными направлениями внешней политики Хрущева были прежде всего Берлин и разоружение, прошла вторая волна национального освобождения, которая изменила карту Африки, а в регионе Карибского моря и в Азии привела к власти постколониальные режимы. Первый переход к суверенитету произошел в Западной Африке, где Гана, бывшая британская колония «Золотой Берег», провозгласила свою независимость в 1956 году. За ней, в 1958 году, последовала бывшая французская западноафриканская колония Гвинея. Секу Туре, новый президент Гвинеи, обратился к Советскому Союзу вскоре после обретения независимости. «Когда я смотрю на Советский Союз, – сказал он посетившему его советскому дипломату, – я вижу в его лице надежного друга»¹².

С этим новым поколением лидеров у Москвы появились две ее самые блистательные надежды на распространение советского влияния в развивающемся мире. В 1960 году внимание всего мира привлек-

ли отношения Хрущева с Фиделем Кастро и Патрисом Лумумбой. Харизматичный молодой кубинский революционер и динамичный конголезский националист воплощали в себе те типы лидеров, которых Хрущев надеялся увидеть в «третьем мире». Хотя ни Кастро, ни Лумумба не были официальными членами коммунистической партии, обоих, казалось, удовлетворял марксизм-ленинизм, и это обнадеживало. И, самое главное, они обращались к Москве за указаниями и руководством.

В следующие месяцы Хрущев рискнет помочь Кастро и Лумумбе, когда местные события превратили две их страны в клетки на шахматной доске «холодной войны», за которые велись жаркие битвы. Близкое идеологическое родство между Москвой и этими двумя молодыми лидерами усилило опасения Вашингтона, эти союзы казались ему опаснее всех других, которые советский руководитель заключал на Ближнем Востоке. Это всколыхнуло темные страсти, и вскоре администрация предпримет активные попытки убить Кастро и Лумумбу. Однако, прежде чем рассказывать, как сражения «холодной войны» стали в 1960 году в «третьем мире» такими страшными, мы рассмотрим, как начинались отношения Москвы с этими молодыми лидерами. Ни в том, ни в другом случае Хрущев не делал первого шага.

* * *

Кубинская революция началась в 1956 году, когда Фидель Кастро повел отряд партизан, называвших себя «Движение 26 июля», в горы, где они время от времени нападали на представителей режима Фульхенсио Батисты. Последовав примеру Кубинской коммунистической партии под названием «Социалистическая народная партия» (*Partido Socialista Popular, PSP*), Москва сначала почти не обращала внимания на эту борьбу. Местные коммунисты, полагавшие, что революция должна произойти благодаря политическому восстанию городского рабочего класса, серьезно недооценивали Кастро и сомневались в революционном потенциале многочисленных кубинских крестьян. Однако, когда стало ясно, что движение Кастро завладевает воображением кубинцев и расшатывает режим Батисты, кубинские коммунисты перешли на их сторону, за ними последовала и Москва. В декабре 1958 года Кремль организовал небольшую тайную операцию: при посредничестве компании из Коста-Рики по морю революционерам были перевезены остатки германских винтовок времен Второй мировой войны¹³.

Однако не советская помощь повлияла на исход Кубинской революции. Войска Кастро вступили в Гавану еще до прибытия оружия.

В канун нового, 1958, года Батиста бежал из страны, и на следующее утро было провозглашено новое кубинское правительство под руководством «Движения 26 июля».

В 1959 году Советы постепенно узнавали Фиделя Кастро. Москва уже кое-что знала о его младшем брате, Рауле. Когда ему было чуть больше двадцати, Рауль посетил съезд молодежи в Румынии в Бухаресте и после возвращения оттуда присоединился к молодежному крылу Социалистической народной партии¹⁴. По свидетельству жены Рауля Вильмы Эспин, Рауль обсуждал это решение со старшим братом, который тогда учился на факультете права Гаванского университета. Фидель посоветовал Раулю «продолжать» и в 1953 году вступил в партию. Фидель уже был марксистом, но сказал Раулю, что не может, как и он, присоединиться к Социалистической народной партии. По словам Эспин, Фидель полагал, что, если он вступит в партию, его политическая карьера будет обречена¹⁵. Советы же, со своей стороны, никогда не были уверены, насколько Фидель был осведомлен о деятельности своего брата в Социалистической народной партии, и сомневались, что Фидель был марксистом-ленинцем¹⁶. Более того, Фидель, судя по всему, был революционером, собиравшимся придать социальной революции в стране собственное своеобразие. Одним словом, Латинская Америка в первую очередь должна была стать фиделистской. Фидель не нуждался ни в партии, ни в идеологическом руководстве из-за границы. Советы узнали об этом от кубинских коммунистов. Члены руководства Социалистической народной партии сообщили Москве, что Рауль к ней гораздо ближе, чем Фидель. Действительно, лидеры кубинских коммунистов рассказали, что Рауль и Эрнесто «Че» Гевара – коммунист родом из Аргентины, член узкого круга революционеров – ничего не говорили Фиделю о своей принадлежности к компартии, несмотря на их безмерную преданность этому человеку¹⁷.

О том, что возможны особые отношения с Фиделем Кастро и его режимом, Москва начала догадываться в апреле 1959 года, когда Рауль Кастро послал в Москву своего представителя, поручив ему попросить о советской помощи в подготовке марксистско-ленинских кадров в кубинской армии¹⁸. Кремль пошел навстречу кубинцам и направил семнадцать испанских военных-республиканцев, нашедших приют в Москве в 1938 году, после гражданской войны в Испании¹⁹. Следующий шаг был предпринят через несколько месяцев, когда кубинцы обратились к полякам за военным снаряжением. Кремль пересмотрел все продажи оружия своими сателлитами внеблоковым странам и в конце сентября 1959 года одобрил просьбу поляков послать в Гавану несколько принадлежавших советскому блоку танков²⁰. А через несколько недель на остров прибыл первый советский

представитель, посетивший Кубу после революции, – резидент КГБ Александр Алексеев²¹. Когда в январе 1960 года кубинцы обратились к чехам, попросив у них оружия, Кремль согласился²². В следующем месяце член Президиума Микоян посетил Кубу, чтобы открыто и широко продемонстрировать дружбу, открывая советскую выставку в Гаване. Микоян был воодушевлен тем, что он там увидел. «Я чувствовал себя так, словно вернулся в дни юности! – сообщал он в Кремль. – [Фидель] настоящий революционер. Такой же, как мы»²³.

Вначале Фидель Кастро ограничивал отношения Кубы с Москвой. Во время первой встречи с резидентом КГБ Алексеевым в октябре 1959 года он объяснил, что его подход к Кремлю обусловлен страхом возмездия со стороны США. «Для Насера это имело смысл, – сказал Кастро Алексееву, объясняя, почему Куба не будет просить оружие непосредственно у Москвы. – Во-первых, американский империализм был от него далеко, и вы рядом с Египтом. А мы? Мы так далеко... Не надо оружия. Мы не просим никакого оружия»²⁴. Кроме того, Кастро полагал, что реальная угроза его режиму была экономической, а не военной. «Все попытки вторжения со стороны США обречены на провал, – с уверенностью сказал он Алексееву на более поздней встрече, в феврале 1960 года. – Единственная опасность для Кубинской революции – это экономическая слабость Кубы и ее экономическая зависимость от США, которые могут применить санкции против Кубы. США могут уничтожить кубинскую экономику за один или два года. Но никогда, даже в случае смертельной опасности, мы не пойдем на сделку с американским империализмом. И в этих условиях СССР может сыграть решающую роль в упрочении нашей революции, помогая нам экономически»²⁵. Кроме того, Кастро хотел, чтобы кубинский народ не знал всего о его отношениях с Москвой. Антикоммунизм был глубоко укоренен в кубинском обществе, где римско-католическая церковь сохраняла свое сильное влияние, и Кастро не хотел устанавливать официальные отношения с Советским Союзом до тех пор, пока не будет более уверен в реакции общества.

Несмотря на предостережения Кастро, у Хрущева были основания оптимистически оценивать возможность укрепления связей между Кремлем и Кубой. Тридцатидвухлетний Кастро казался настоящим революционером и убежденным антиамериканцем.

* * *

18 апреля 1959 года, через три месяца после победоносного прибытия Кастро в Гавану, в советское посольство в столице Гвинеи Конакри вошел высокорослый конголезский активист по имени Патрис Лумумба. В то время Конго все еще оставался бельгийской

колонией, и Москва ничего не знала о Лумумбе и очень мало – о его родине²⁶. Накануне вечером гвинейский чиновник представил Лумумбу советскому послу, и они назначили встречу на следующий день. «В борьбе за независимость Конго, – объяснил Лумумба послу П. И. Герасимову, – достигнуты успехи»²⁷. Он был основателем партии «Национальное движение Конго» (НДК) – массовой организации, требовавшей независимости Конго от Бельгии. Родившийся в 1925 году, Лумумба получил лишь начальное образование, поскольку бельгийская колониальная администрация не давала среднего образования черным. В двадцать с небольшим Лумумба уехал работать на почту в Стэнливилль и со временем начал писать злободневные статьи для местного отделения Либеральной партии Бельгии. Оказавшись в тюрьме в 1956 году – якобы за хищение денег на службе, он написал политический трактат «Конго, земля будущего: под угрозой ли она?» («Le Congo, terre d'Avenir: est-il menacé?»). После того как Лумумбу в том же году выпустили на свободу, его политическая активность усилилась и радикализировалась. В октябре 1958 года он сыграл огромную роль в основании партии НДК, борющейся за независимость.

В апреле 1959 года Лумумба прозрачно намекнул советскому представителю, что он настроен просоветски, если вообще не прокоммунистически. Лумумба попросил разрешения тайно посетить Советский Союз, объяснив, что после возвращения из Москвы он будет лучше готов «разоблачать антисоветскую пропаганду, будто колониальные власти теперь все укрепляются в Африке»²⁸. Чтобы сохранить эту поездку в тайне от бельгийцев, гвинейцы уже пообещали Лумумбе разрешить уехать из Конакри, если Советы согласятся.

Кроме того, Лумумба попросил финансовой помощи у СССР. У него не было средств, чтобы вести пропаганду на огромной территории бельгийского Конго. Если его пропаганда принесет плоды, заверил он советского посла, то она лишит оснований «антисоветские выдумки» бельгийцев²⁹.

Встреча с советским послом была не единственной попыткой Лумумбы получить в 1959 году помощь от коммунистов. Через две недели он выехал в Брюссель для встречи с лидерами Коммунистической партии Бельгии, которых считал своими естественными союзниками. Его беседы с Альбером де Конинком, секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Бельгии, вызвали большой оптимизм среди бельгийских коммунистов, которым они заразили и Москву. «Конго, – объяснял де Конинк сотрудникам советского посольства после встречи с Лумумбой, – страна с наиболее благоприятными, по сравнению с другими африканскими странами, условиями для распространения марксизма»³⁰. В качестве доказательства он сослался на большое – по африканским стандартам – го-

родское население. В сравнении с десятью процентами во французской Западной Африке в Конго в городках или городах жили двадцать шесть процентов населения. Кроме того, де Конинк приветствовал тот факт, что партия, которой руководит Лумумба, – самая сильная в Конго и «фактически стоит во главе национально-освободительного движения». Не являясь коммунистом формально, Лумумба «стоит на прогрессивных позициях». Так коммунисты называли тех, кого они считали политически надежными.

Бельгийское Конго было потенциально богатой добычей. Обширная империя в Центральной Африке, простиравшаяся от устья реки Конго на Западном побережье континента на тысячу двести миль вглубь, минеральными ресурсами она была богаче любой другой африканской страны. Колония давала 9 процентов мирового производства меди, 49 процентов мирового производства кобальта, 69 процентов мирового производства промышленных алмазов и 6,5 процента мирового производства олова³¹. Во время Второй мировой войны Конго почти полностью финансировало бельгийское правительство в изгнании, а с 1945 года выработка его шахт почти удвоилась³². Москва была не особенно заинтересована в этих ресурсах, однако благодаря наличию этих ценных полезных ископаемых у Конго после обретения независимости были хорошие шансы стать процветающей страной и, следовательно, полезным союзником СССР.

В январе 1960 года конголезские переговорщики договорились с бельгийским правительством, что независимость будет провозглашена 30 июня. Этому будут предшествовать первые в стране парламентские выборы, которые пройдут в мае.

Лумумба, несомненно, был советским фаворитом в политической борьбе за Конго. В конце декабря 1959 года Кремль отверг коллективную просьбу о помощи от представителей другой коалиции, включая выдающихся конголезских националистов, не являвшихся союзниками Лумумбы³³. Москва не была уверена в идейной стойкости этих националистов, и Хрущев предпочел поставить на Лумумбу³⁴.

* * *

Была уже зима 1960 года, но правительство США знало удивительно мало о масштабах отношений Кремля с Кастро и не интересовалось Лумумбой. Ни ЦРУ, ни Агентство национальной безопасности, перехватывавшее и расшифровывавшее иностранные сообщения, не выявили информации о тайной поставке оружия советского блока в Гавану, которую Президиум одобрил в сентябре 1959 года и январе 1960 года. На контакты Лумумбы с советскими представителями обратили внимание, но их в значительной степени игнорировали.

Вашингтон прилагал большие усилия, пытаясь разобраться в Фиделе Кастро. Куба находилась всего в девяноста милях [144 километра. – *Примеч. пер.*] от побережья Флориды, и администрация Эйзенхауэра наблюдала за Кубинской революцией с очень близкого расстояния. В течение некоторого времени после того, как «Движение 26 июля» захватило контроль над островом, администрация не знала, как обращаться с Кастро. Вначале государственный департамент порекомендовал привлечь его на свою сторону. Тайному сотруднику ЦРУ поручили поговорить с Кастро во время поездки в Соединенные Штаты, предпринятой молодым лидером в апреле 1959 года. Заявления, сделанные Фиделем Кастро этому сотруднику, были очень обнадеживающими. Фактически эта поездка, отчасти организованная американской фирмой по связям с общественностью, обеспечила широкую поддержку мятежникам, не раскрыв будущих революционных целей Кастро. Во время своего пребывания в США Кастро повторял как заклинание: «Мы не коммунисты»³⁵. Он был настолько убедителен, что даже вице-президент Никсон, частным образом встречавшийся с Кастро в Вашингтоне, охарактеризовал его как антикоммуниста, общавшегося с Социалистической народной партией только по наивности³⁶.

Несмотря на такую положительную оценку, уже к концу 1959 года правительство США оценивало Кастро негативно. Когда в октябре 1959 года Фидель Кастро поставил своего брата Рауля во главе только что созданного министерства революционных вооруженных сил Кубы, это привело к дезертирству с острова нескольких высокопоставленных военных, что вызвало глубокую озабоченность в Вашингтоне. Перебежчики сообщили, что Рауль использовал ветеранов испанской гражданской войны для подготовки марксистских кадров в кубинских вооруженных силах. Белый дом знал, что Рауль, как и Че Гевара, был убежденным коммунистом, но не был уверен в их влиянии, как и во влиянии Социалистической народной партии на Фиделя. Эти перемены в кубинской армии, судя по всему, предвещали захват власти коммунистами. В начале ноября президент Эйзенхауэр решил, что у Соединенных Штатов нет иного выхода, кроме свержения режима Кастро. «Нет разумного основания, – разъяснял государственный департамент в меморандуме, проясняющем вопрос для президента, – строить нашу политику в надежде, что Кастро добровольно будет проводить такую политику и займет такую позицию, которая соответствовала бы минимуму требований безопасности Соединенных Штатов и политических интересов»³⁷. Следовательно, аргументировал государственный департамент, «длительное сохранение режима Кастро на Кубе в его нынешней форме окажет серьезное неблагоприятное воздействие на положение

Соединенных Штатов в Латинской Америке и создаст соответствующие преимущества для международного коммунизма». Президент Эйзенхауэр согласился.

Через месяц после этих перемен в политике США Аллен Даллес и ЦРУ подготовили предложения по свержению режима Кастро. ЦРУ даже требовало «тщательно продумать устранение Фиделя Кастро». Официально рекомендуя убийство в качестве одного из вариантов, ЦРУ утверждало: «Ни один из людей, близких к Фиделю – таких, как его брат Рауль или его соратник Че Гевара – не обладает таким же гипнотическим влиянием на массы. Многие осведомленные люди полагают, что устранение Фиделя значительно ускорит падение нынешнего правительства»³⁸.

Однако Эйзенхауэр не считал, что пора решать этот вопрос немедленно. Несмотря на его подозрительное отношение к Кастро, президент не дал хода планам ЦРУ. В начале 1960 года Белый дом наблюдал за тем, какое направление принимают события на острове.

* * *

Администрация Эйзенхауэра заняла выжидательную позицию и по отношению к событиям в Конго. Однако это объяснялось не столько большой неопределенностью, сколько общим равнодушием к бельгийской колонии. У Вашингтона было лишь смутное представление о Патрисе Лумумбе, и президент и его высшие советники по внешней политике совсем не думали о политическом будущем Конго. В начале 1960 года Вашингтон получал сообщения, что Лумумба получает деньги от Советов, но люди, следившие за этим вопросом, не были уверены, является ли это доказательством идейной приверженности или циничного оппортунизма.

Лумумба активно распространял некоторые из этих путаных сведений. В конце февраля 1960 года он, после консультаций с бельгийским правительством, встретился с послом США в Брюсселе. «Очень ясный, изощренный, пронизательный и беспринципный ум»³⁹, – писал посол Уильям Бёрден, характеризуя Лумумбу для государственного департамента. Лумумба, прибывший на полчаса позже и оставивший такси в стороне от посольства с невключенным счетчиком, поразил Бёрдена своим безраздельным оппортунизмом и экстравагантностью. «Он, вероятно, не соответствовал знаменитому определению, данному сто лет назад честному политику как человеку, который останется купленным, когда его купили»⁴⁰. [«An honest politician is one who, when he is bought, will stay bought» – фраза, принадлежащая Саймону Кэмерону (1799–1889), американскому политику, министру в администрации президента Линкольна. – *Примеч. пер.*]

Конголезец и впрямь вел свою игру. Он попытался убедить американцев, что Советы обратились к нему первыми, а не наоборот. Жалуясь Бёрдену, что Кремль оказывает на него давление, Лумумба сочинил затейливую историю о массе предложений посетить Москву, которые он, все до одного, «отверг... потому что полагал, что это влияние со стороны Востока очень неблагоприятное с точки зрения Конго»⁴¹. Не имея никакой противоречащей этому информации, посол США не опроверг слова Лумумбы сразу же. «Представляется очевидным, что, если Лумумба получает какую-нибудь особую помощь с Востока, он вполне готов совершенно предать поддерживающих его людей, поскольку это соответствует его целям». Когда Лумумба попросил пригласить его в Соединенные Штаты, Бёрден поддержал эту идею в телеграмме, позже направленной им в Вашингтон.

Встреча Лумумбы с Бёрденом не подтолкнула Вашингтон ни к каким действиям, и приглашения посетить Соединенные Штаты не последовало. Администрация еще не решила, что за Конго в «холодной войне» стоит бороться.

* * *

Кастро был первым из новых союзников Хрущева, содействовавшим усилению напряженности в отношениях между Востоком и Западом. 4 марта в порту Гаваны взорвался корабль «Ля Кувр» – французское судно, перевозившее бельгийские боеприпасы кубинской армии. От взрыва погибло больше ста человек – на самом корабле и на берегу. Этот трагический и загадочный взрыв спровоцировал ряд событий, связавших Хрущева и Советский Союз более серьезными, чем прежде, обязательствами с Кубой и вызвавших решительную реакцию администрации Эйзенхауэра.

Взрыв заставил Кастро усомниться в безопасности своего режима. Хотя и признавая, что у него нет никаких «юридических доказательств», он сказал Алексею из КГБ: «Я абсолютно уверен, что судно взорвали Соединенные Штаты»⁴². Кастро предположил, что за нападением стояло ЦРУ. 5 марта он открыто обвинил в трагедии Соединенные Штаты, но это обвинение Вашингтон сразу же отверг в заявлении для прессы⁴³. И действительно, хотя впоследствии разведка США устроила в Гаване довольно много взрывов, никогда не было никаких достоверных доказательств ее связи с «Ля Кувр».

Кастро был убежден, что за взрывом стоял Вашингтон. Поэтому он, поборов свое нежелание, решил обратиться за военной помощью непосредственно к Москве. Теперь он предполагал, что уничтожение «Ля Кувр» было только первым залпом в войне против режима. «Американцы решаются на крайние меры, – признался Кастро

Алексееву 6 марта за частным обедом. – Может ли [Куба] рассчитывать на помощь СССР в поставке товаров и оружия в случае блокады или интервенции [США]?» Кастро попросил Алексеева немедленно телеграфировать Хрущеву, чтобы тот дал указание советскому военно-морскому флоту послать для помощи Кубе подводные лодки. «У нас здесь очень много пещер, и все они необитаемы», – добавил он, намекая на тайные пристани. Несмотря на эту просьбу, толчком к которой стал взрыв судна, были устранены не все ограничения, препятствовавшие Кастро общаться с Москвой. В Гаване все еще не было советского посольства, и поэтому главным связным между режимами был Алексеев. Кастро сказал Алексееву, что, по его мнению, еще не время восстанавливать официальные дипломатические отношения между двумя странами. Он хотел, чтобы его альянс с Кремлем сохранялся в тайне до тех пор, пока он не будет уверен, что реакция кубинского народа не станет чрезмерной.

Получив отчет о встрече Алексеева с Кастро, Хрущев предпринял немедленные действия. До сих пор Хрущев не общался с Кастро непосредственно, но 12 марта он направил кубинскому лидеру личное письмо, предложив ему и совет, и оружие⁴⁴. К предстоящей разрядке в отношениях с Соединенными Штатами Хрущев относился с оптимизмом: злополучный Парижский саммит состоится только через два месяца, а Фрэнсис Гэри Пауэрс еще не вылетел на «U-2» и не пролетел над Россией. Отражением этого оптимизма стал и его обращенный к Кастро совет не относиться к администрации Эйзенхауэра с подозрением. «Несмотря на трудности и нарастающую напряженность ситуации, теперь США согласны ограничить себя мерами, призванными способствовать благоприятному развитию международных отношений, и ни при каких обстоятельствах не перейдут черту, чтобы предпринять открытую интервенцию против Кубы». Мнение Хрущева отражало оценку КГБ, который собрал информацию, свидетельствующую, что администрация Эйзенхауэра нападет на Кубу только в том случае, если ее спровоцируют⁴⁵. Но что могло ее спровоцировать? КГБ предположило, что такими факторами могут стать или нападение на военно-морскую базу США в заливе Гуантанамо, на восточной оконечности Кубы, или создание советской ракетной базы где-нибудь на острове.

Хотя Хрущев не разделял мнения Кастро, опасавшегося скорого нападения США, он был готов продать кубинцам любое оружие, которое, как они полагали, им было нужно. В своем письме Хрущев предложил Кастро обратиться с просьбой о морских поставках оружия к чешским или советским производителям, но ничего не говорил о цене. Кубинцы заплатили за оружие советского блока, полученное ими прежде. Но на этот раз они заплатить за него не смогут. Письмо

завершалось приглашением кубинскому руководителю впервые посетить Москву

«Вы можете сделать для меня письменный перевод на испанский?» – в волнении спросил Кастро, когда через несколько дней в Гаване Алексеев прочитал сделанный наспех перевод письма. Кастро был безмерно счастлив и сказал советскому представителю, что это письмо он положит в шкатулку с дорогими ему подарками, которую он прятал в горах. Вместе с письмом поступило странное советское предложение платить Кастро за «права» на его речи. Вначале гонорары составляли несколько сотен долларов США, но в 1961 году за собрание своих речей Кастро получит восемь тысяч долларов США⁴⁶. Это был всего лишь небольшая премия для Кастро, которую он мог использовать по своему усмотрению.

* * *

Публичная реакция Кастро на взрыв судна подтолкнула к действиям и Вашингтон, у которого уже не оставалось сомнений. Администрация обсуждала устранение Кастро еще с ноября, но пока для этого еще не было большой срочности. Однако после того, как Кастро развернул кампанию, в центре которой стояли утверждения о связи администрации с инцидентом на «Ля Кувр», США активизировали действия против Кастро. «Страноведы единодушны во мнении, что не стоит надеяться, будто США смогут когда-либо установить удовлетворительные отношения с кубинским правительством – до тех пор пока его возглавляют Фидель Кастро, Рауль Кастро, Че Гевара и аналогично мыслящие товарищи»⁴⁷, – написало 8 марта посольство США в Гаване, собрав мнения местного представителя ЦРУ и живущих там дипломатов.

Группа высокопоставленных советников Белого дома, включая советника президента по национальной безопасности Гордона Грея, встретилась для обсуждения Кубы в тот же день, когда в Вашингтон поступило сообщение из посольства⁴⁸. Заседание СНБ под председательством президента было запланировано на следующий день. Группа советников признала, что Соединенные Штаты не могут сосуществовать с Кастро, но привела четыре причины, почему военное вторжение США нецелесообразно: отсутствие какой-либо альтернативы Кастро; опасение, что нападение укрепит правительство Кастро; необходимость согласования с латиноамериканскими странами и, наконец, влияние на мировое общественное мнение. Как альтернативу вторжению группа предлагала экономические и дипломатические меры против режима Кастро.

Обсуждение на заседании СНБ 10 марта было более воинственным. Американские военные полагали, что Вашингтон должен рассмотреть вариант вторжения. В частности, в военно-морском флоте опасались, что Кастро вскоре попытается закрыть базу США в Гуантанамо. В докладе, подготовленном для заседания, руководитель военно-морскими операциями адмирал Арли Бёрк утверждал, что, если секретная операция «не принесет своевременного решения... Соединенные Штаты будут готовы прибегнуть к военным мерам»⁴⁹.

Несмотря на растущую озабоченность, о которой с тревогой говорили военные эксперты Эйзенхауэра, президент не стал спешить с решением проблемы Кастро. Он не согласился с тем, что существует какая-либо непосредственная угроза для Гуантанамо, и заверил свою команду, что, если хоть один из десяти тысяч живущих на Кубе граждан США окажется «в опасности», он даст приказ о вторжении. Вместо этого он хотел, чтобы его советники подумали об альтернативе Кастро. Он не собирался свергать режим в Гаване, не имея за кулисами подходящего замещения. В противном случае, предостерегал он, «мы получим на Кубе еще одну Калькуттскую черную дыру»⁵⁰. [Калькуттская черная дыра – вошедшее в историю название маленькой тюремной камеры-ямы в одном из калькуттских фортов, где в 1756 году в течение одной жаркой июньской ночи задохнулось множество защищавших город англичан, куда они были брошены бенгальским правителем; историческая метафора варварства и жестокости. – *Примеч. пер.*]

Результатом этих обсуждений стало возобновление интереса администрации к секретным решениям. 16 марта 5412-й комитет СНБ, курировавший планирование секретной операции, обсудил конкретные планы «замены режима Кастро другим, более заботящимся об истинных интересах кубинского народа и более приемлемым для США – таким образом, чтобы избежать всякой видимости вмешательства США»⁵¹. Отвечая на опасения Эйзенхауэра, высказанные им на заседании СНБ, группа подчеркнула, что первоочередной целью является создание «ответственной, привлекательной и единой кубинской оппозиции режиму Кастро»⁵².

Планы убийства были заморожены. Пока что администрация всего лишь поддерживала планы чинить препятствия Кастро. ЦРУ замыслило опылить галлюциногенным препаратом ЛСД сигару, которую агент подаст Кастро за несколько минут до начала его большого публичного выступления. Кроме того, оно разрабатывало способствующий удалению волос порошок, от которого из его бороды выпали бы волосы; увлеченные, может быть, легендой о Самсоне, сотрудники ЦРУ думали, что личная харизма Кастро исчезнет вместе с его бакенбардами. ЦРУ восприняло эту смехотворную идею так серьезно, что

стало искать подходящих агентов, чтобы, когда Кастро поедет за границу в следующий раз, они подкупили гостиничного слугу. И слуга посыпал бы ботинки кубинского лидера порошком, когда он оставит их за дверью своего номера, чтобы их начистили с вечера⁵³.

* * *

В течение нескольких недель после инцидента на «Ля Кувр» Кастро предпринял ряд шагов, чтобы радикализировать кубинскую революцию и рассекретить отношения с Хрущевым. В мае Куба установила официальные дипломатические отношения с Москвой, что дало возможность Советам открыть свое посольство в Гаване. В том же месяце Кастро сообщил действовавшим на Кубе американским нефтяным компаниям, что им придется очистить триста тысяч тонн сырой нефти, которую Советский Союз обещал продать Кубе. Он ожидал, что американские компании ответят отказом, и 10 июня кубинское правительство национализировало нефтеперерабатывающие заводы⁵⁴. Когда принадлежавшие иностранцам электрические компании Кубы отказались работать на советской нефти, Кастро национализировал и их.

Однако Кастро еще не избавился от своего страха перед Соединенными Штатами. Хотя он не имел точного представления о планах ЦРУ, он вскоре стал опасаться чересчур открыто проявлять солидарность своего режима с Москвой. В конце весны 1960 года Кастро заметил, что на Кубе усиливается противодействие его режиму. Некоторые контрреволюционеры ушли в горы с оружием, как это сделало «Движение 26 июля» в середине пятидесятых годов. В последнее время стали более резкими и заявления должностных лиц США.

В этой обстановке приглашение Хрущева посетить Москву было бесполезным. Вначале Фидель думал, что он может просто послать своего брата, который весной 1960 года собирался совершить поездку в главные восточноевропейские столицы и Пекин. Однако в конце июня Фидель пришел к выводу, что для его режима будет слишком опасен даже визит Рауля. «Сейчас, когда готовится вмешательство, – сказал Кастро Алексею 24 июня, – нашими врагами визит Рауля будет расценен как свидетельство новой ориентации Кубы, опирающейся на военную помощь СССР»⁵⁵.

Отсрочка визита Рауля Кастро произошла в не очень удобное для Хрущева время. Широкомасштабная деколонизация усилила напряженность в китайско-советских отношениях. Китайцы не одобряли осторожный подход Москвы к социальным движениям в Африке и странах Карибского бассейна. Мао и его коллеги полагали, что не-

желание Кремля применять силу в качестве инструмента политики приводило к тому, что он упускал возможности для распространения идей социализма. Эти разногласия обнаружились именно тогда, когда Кастро отложил визит своего брата. В начале июня 1960 года в Пекине на заседании Исполкома Всемирной Федерации профсоюзов (ВФП) китайцы и их союзники – бирманцы, северные вьетнамцы, суданцы, сомалийцы, аргентинцы, цейлонцы, японцы и занзибарцы – подвергли сомнению лидерство Хрущева в международном коммунистическом движении. Они критиковали Москву за недостаточную революционность, за поддержку теории мирного сосуществования, более привлекательной для буржуазных националистов, чем для коммунистов и ослаблявшей возможности для революционной деятельности. На критику из Бухареста Хрущев ответил через две недели. Недостаточно читать Маркса, заявил он. «Надо еще и правильно понимать прочитанное и применять его к специфическим условиям времени, в которое мы живем, принимая во внимание обстоятельства и реальный баланс сил»⁵⁶.

Хрущев считал, что намеченный на июль публичный визит Рауля Кастро имеет большое значение, и его беспокоило, что визит этот отложили. Советский руководитель, сомневавшийся, что военное вторжение США на Кубу этим летом неизбежно или вероятно, расценивал объяснение Кастро как жалкую отговорку. Более того, согласно новейшей советской информации, в своей запланированной зарубежной поездке Рауль собирался сделать и другие остановки, побывав в том числе и в Праге. Хрущев спрашивал себя, а не связана ли на самом деле отсрочка с событиями в Пекине или Бухаресте. До Кремля доходили сведения, что Рауль и некоторые другие кубинские революционеры испытывали определенную симпатию к более радикальной позиции Пекина. И Хрущев решил незамедлительно отвести всякие сомнения, его собственные или китайцев, по поводу Кубы и больше не сомневаться, считает ли она Москву своим ближайшим социалистическим союзником.

КГБ предрекал новые секретные операции США, но заверял Кремль, что администрация Эйзенхауэра вряд ли намерена теперь, как она не намеревалась и несколько месяцев назад, предпринимать военное нападение на Кубу⁵⁷. Предполагая, что риск небольшой, а потенциальные выгоды велики, Хрущев решил выступить публично с тем, чтобы заверить кубинцев, что их безопасность является жизненным интересом Советского Союза. 9 июля, выступая на Всероссийском съезде учителей, он заявил, что в случае необходимости Советский Союз будет защищать Кубу ядерным оружием. Он сказал: «Не следует забывать, что теперь Соединенные Штаты не находятся на таком недостижимом расстоянии от Советского Союза, как

прежде. Образно говоря, в случае необходимости советские артиллеристы могут своим ракетным огнем поддержать кубинский народ, если агрессивные силы в Пентагоне осмелятся начать интервенцию против Кубы. И пусть в Пентагоне не забывают, что, как показали последние испытания, у нас имеются ракеты, способные падать точно в заданный квадрат на расстоянии тринадцати тысяч километров. Это, если хотите, предостережение для тех, кто хотел бы решать международные проблемы силой, а не разумом»⁵⁸.

Это чрезвычайное заявление – первое с тех пор, как Советский Союз стал угрожать своим ядерным оружием для защиты страны «третьего мира» во время Суэцкого кризиса в 1956 году, – достигло цели, как и надеялся Хрущев. Фидель Кастро был так благодарен, что решил разрешить своему брату поехать в Советский Союз.

Рауль Кастро прибыл в Москву 17 июля, и его визит оказался дружеским и плодотворным. Молодой революционер хотел выразить свою и своего брата благодарность за советскую дипломатическую помощь. Они были убеждены, что заявление Хрущева от 9 июля нарушило планы США и предотвратило нападение.

У Хрущева был один совет для кубинцев. Несмотря на свое разочарование недавним провалом саммита четырех держав в Париже, он все еще сомневался, что Эйзенхауэр вторгнется на Кубу, если его не спровоцируют. Больше всего его беспокоило то, что кубинцы могут как-то спровоцировать контрудар США. «Мы не хотим войны, – предупредил Хрущев Рауля, – и вам не нужна война»⁵⁹.

Когда Рауль спросил: «Как вы думаете, США может организовать вторжение под флагом Организации американских государств, как это было в Корее, под флагом ООН?» – Хрущев ответил: «Теперь нет такой реальной возможности; [теперь] положение совершенно другое». Однако Хрущев не хотел, чтобы кубинцы думали, будто он собирается ограничить советскую военную помощь Кубе. «Если это полезно для вас, – сказал он, – мы можем дать вам больше»⁶⁰.

Во время встречи нашлось место и шуткам. Чтобы показать, с каким усердием кубинцы строят социалистическое общество, Рауль сказал о себе, что он трудится днем и ночью. В ответ Хрущев мимоходом пошутил: «Не работайте всю ночь. Если будете работать, совершите глупые ошибки»⁶¹.

Хрущев полагал, что во время этого визита удалось достичь всего, на что он надеялся. Куба стала очень надежной союзницей. И об этом доверии свидетельствовало изменение в документах КГБ. В августе 1960 года кодовое имя для дела, связанного с режимом Кастро, изменилось с «ЮНОШИ» на «АВАНПОСТ»⁶².

Встреча Хрущева с Раулем Кастро совпала с серьезными переменами в Конго, в результате которых отношения Советов с Лумумбой вскоре оказались причиной озабоченности международного сообщества. 30 июня Хрущев не присутствовал на церемонии провозглашения независимости, однако произошедшие далее события имели важные последствия для Советского Союза. В мае, во время первых в стране выборов, партия Лумумбы получила большинство голосов. Конго стало парламентской демократией с премьер-министром – главой правительства, и президентом – главой государства. Лумумба стал первым премьер-министром страны, а Жозеф Касаубу, тоже националист, но не член партии Лумумбы, – президентом.

В результате сделки, заключенной между Бельгией и конголезскими националистами, тысячу белых бельгийских офицеров назначили командирами в двадцатипяти тысячной армии Конго – «Форс Публик» (фр. Force Publique, дословно «Общественные силы»). Это произошло в день объявления независимости⁶³. Бельгийцев оставили и на гражданских должностях государственной службы нового правительства. Эту сделку вскоре раскрыли. Через несколько дней после обретения независимости конголезская армия распалась. Черные унтер-офицеры взбунтовались, заявив, что не хотят служить под командованием белых офицеров. Армия была парализована, беспорядки распространились на огромную территорию. Многие из ста тысяч европейцев, живших в Конго во время завоевания независимости, бежали из страны, опасаясь за свою жизнь. В их числе – гражданские служащие, у которых не было времени подготовить сменивших их конголезцев. Бельгийское правительство ответило тем, что 10 июля послало войска, чтобы защитить находившихся в стране иностранцев⁶⁴. В соответствии с договором о независимости Бельгия не могла перебрасывать войска в Конго без разрешения нового суверенного правительства. Однако Брюссель свои войска послал.

На следующий день положение в Конго еще больше осложнилось. При поддержке и одобрении бельгийцев конголезский военный по имени Моиз Чомбе провозгласил независимость медедобывающей провинции Катанга. Эта провинция, дававшая половину конголезского экспорта, была, безусловно, богатейшим регионом страны. За день до этого Чомбе попросил бельгийское правительство прислать десантников в столицу провинции Элизабетвиль. Стремясь защитить компанию «Союз горнодобывающих предприятий Верхней Катанги» (фр. Union Minière du Haut Katanga) – бельгийскую фирму, обладавшую монополией на добычу меди, – Брюссель послал войска и в Катангу.

Армия Конго, «Форс Пюблик», была дезорганизована, и 12 июля Лумумба вместе с Касавубу обратились в ООН с просьбой о вмешательстве. Это была беспрецедентная просьба для суверенного государства. Никогда прежде к ООН не обращались с просьбой послать войска в страну, находящуюся в состоянии гражданской войны. Два руководителя объяснили, что о международном вмешательстве они попросили для того, чтобы предотвращать «акты агрессии» бельгийских военных против конголезских граждан. Они просили, чтобы контингент ООН состоял лишь из граждан нейтральных стран. Подчеркивая экстренность ситуации, Лумумба и Касавубу пригрозили обратиться к странам, связанным с Движением неприсоединения, созданным на Бандунгской конференции 1955 года, включая Индию и Китай, если ООН не начнет действовать «незамедлительно»⁶⁵.

Касавубу не разделял заинтересованности Лумумбы в тесных связях с Москвой. Однако на следующий день он согласился направить совместное обращение в Москву, попросив Хрущева «ежечасно следить за развитием обстановки». Они добавляли: «Мы можем попросить о вмешательстве Советского Союза, если западный лагерь не прекратит свою агрессию против суверенитета Республики Конго». Копии телеграммы советский министр иностранных дел Громыко раздал всем членам и кандидатам в члены Президиума⁶⁶.

* * *

В начале июля Хрущев не имел желания вовлекать советскую армию в интервенцию в Африке. Конго представляло огромные логистические трудности для любой интервенции, поскольку у него не было крупных портов рядом с его главными городами, а это означало, что вся военная помощь должна доставляться по воздуху. Однако Хрущев предпочитал политическое решение. Это было в советских интересах – чтобы порядок восстановила ООН. Фаворитом Москвы уже был премьер-министр Конго, и ему на помощь приходило международное сообщество. 13 июля из Кремля поступило указание советскому представителю в ООН поддержать резолюцию Совета Безопасности, которая потребует создания контингента ООН для действий в Конго и немедленного вывода из страны бельгийских военных. Резолюция была принята тем же вечером единогласно, восемью голосами, при единодушном одобрении Вашингтона и Москвы. К обеим сверхдержавам обратились с просьбой оказать содействие, предоставив войскам ООН оружие и продукты⁶⁷. 15 июля Хрущев сообщил Касавубу и Лумумбе, что вмешательство ООН он считает «полезной вещью»⁶⁸. В этой телеграмме, которую Кремль обнародовал, Хрущев, кроме того, предостерег бельгийцев и их союзников: «Если

агрессия продолжится, несмотря на это решение [ООН], советское правительство заявляет, что может возникнуть необходимость в более действенных мерах»⁶⁹.

Передовые части контингента ООН начали прибывать в Конго в тот же день, когда была направлена телеграмма Хрущева. Как только Совет Безопасности принял уполномочивающую резолюцию, Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршёльд быстро сформировал военный контингент, вначале насчитывавший от четырех до пяти тысяч человек, набранных в основном из африканских стран.

Признательность Касаубу и Лумумбы была недолгой. Вскоре они разочаровались, узнав, что эти войска не будут введены в сепаратистскую провинцию Катанга. Решив не втягивать ООН в гражданскую войну, секретариат отказался от участия в конфликте между конголезским правительством и войсками Чомбе в Катанге.

* * *

Администрация Эйзенхауэра знала, что ее интересы в Конго отличаются от интересов Советского Союза. В день обретения Конго независимости ЦРУ, характеризуя его новое правительство, говорило, что оно имеет «левацкий оттенок», и предупреждало, что оно поддается коммунистическому влиянию⁷⁰. ЦРУ, получавшее, возможно, информацию от бельгийцев, утверждало, что пять из десяти членов кабинета министров Конго «симпатизируют коммунизму». И добавляло: «Сам Лумумба, похоже, занимает нейтральную позицию, испытывая симпатию к левым и склоняясь к оппортунизму»⁷¹.

Когда Конго стал погружаться в хаос, американская администрация поняла, что она может стать свидетельницей появления второй Кубы. Посольство США в Леопольдвиле открыто проводило параллель между Лумумбой и Кастро: «Наиболее серьезные усилия предпринимаются в Леопольдвиле, где они [Советы] добиваются успехов, намереваясь полностью привлечь на свою сторону Лумумбу и его последователей, как они это сделали с Кастро на Кубе. Теоретический шаблон очень похожий, но этот – в некоторых отношениях проще; конголезцы совершенно дезорганизованы, в политическом отношении они дети, и лишь ничтожное меньшинство имеет очень слабое представление о том, на чем их подловил Лумумба»⁷².

Вашингтон получил возможность лучше разобраться, был ли Лумумба вторым Кастро, когда 23 июля он прилетел в Соединенные Штаты по приглашению администрации. Конголезский премьер-министр решил выехать из страны в отчаянной попытке уговорить ООН помочь ему бороться с катангским сепаратизмом. Кроме того, он хотел вынудить американцев усилить давление на их бельгий-

ских союзников, заставив покинуть Конго. Прежде чем посетить Вашингтон, он планировал провести несколько дней в Нью-Йорке. Лумумба отстаивал свое дело в ООН. Он имел встречи с Генеральным секретарем Хаммаршёльдом и несколькими послами. Кроме того, он поспешил встретиться с первым заместителем советского министра иностранных дел Василием Кузнецовым⁷³.

Президент Эйзенхауэр не торопился принять Лумумбу, но 29 июля конголезскому лидеру предоставили полчаса для встречи с государственным секретарем Гертером. Лумумба произвел плохое впечатление на американцев. Присутствовавший на встрече заместитель Гертера Дуглас Диллон позже вспоминал, что Лумумба поразила его как «человек, охваченный таким пылом, который я могу назвать лишь мессианским... он совсем не был разумным существом»⁷⁴. Просьба о помощи, с которой Лумумба обратился к США и которая включала в себя самолет для него и Касавубу, чтобы облетать Конго, осталась без ответа. Администрация хотела, чтобы вся помощь конголезскому правительству шла через ООН, дабы не создать прецедент, которым могли бы воспользоваться Советы, предложив более высокую цену, чем Вашингтон⁷⁵.

Затем Лумумба отправился в Оттаву, но канадское правительство – так же, как и правительство США, – не оказало ему помощи. Расстроенный безуспешностью своих попыток, Лумумба встретился с советским послом в Канаде А. А. Арутюняном. Через несколько дней, вернувшись в Нью-Йорк, чтобы активнее отстаивать свое дело в ООН, Лумумба дополнил свой разговор с Арутюняном второй беседой с Кузнецовым⁷⁶. После этого Лумумба вылетел в Западную Европу – продолжать поиски союзников в борьбе против Брюсселя и Элизабетвиля.

Угроза советского вмешательства побудила ООН предпринять один из шагов, о которых просил Лумумба. 1 августа Москва обнародовала публичное заявление, что «в случае, если агрессия против Конго будет продолжаться... советское правительство без колебаний примет решительные меры, чтобы отразить агрессоров, которые... фактически действуют с одобрения всех колониальных держав НАТО», и назначила советского посла в Конго. На следующий день Хаммаршёльд заявил, что 6 августа войска ООН войдут в провинцию Катанга. Генеральный секретарь уже не раз говорил правительству США, что голубые каски ООН должны войти в Катангу, чтобы лишить Москву предлога для военной интервенции⁷⁷. И заявление Кремля подтвердило его правоту.

* * *

В первую неделю августа Хрущев понял, что бесполезно надеяться, что ООН сможет справиться с ситуацией, и решил придерживаться одностороннего подхода ко все ухудшающемуся положению в Конго. Катализатором могли стать слова Лумумбы, с которыми он обращался к советским представителям 25 июля, 31 июля или 1 августа. 5 августа Хрущев направил письмо Лумумбе – но, намеренно, не Касавубу, в котором содержалось обещание, что «Советский Союз готов предоставить и уже предоставляет Республике Конго всестороннюю поддержку и помощь⁷⁸. Хрущев добавил, что может потребоваться военная помощь СССР. «Трудности вашей борьбы очевидны, и мы о них знаем. Мы знаем, что империалисты строят всевозможные козни против вашего молодого правительства. Для достижения своих коварных целей они не гнушаются использовать любые способы. В их арсенале подрывных действий – не только диверсии и экономические маневры, но и организация заговоров и всякого рода террористических актов, что потребует особой бдительности народа и правительства Конго». Хрущев заверил Лумумбу, что в своем стремлении укрепить свое правительство, он получит «дружескую и бескорыстную помощь советского правительства». Кроме того, он заверил Лумумбу, что Советы заинтересованы в единстве Конго и считают катангских сепаратистов участниками западного заговора.

Решимость советского руководителя пойти на смелые действия в Конго возросла через несколько дней, когда ему стало известно, что вмешательства Кремля хотела бы и Гана. 6 августа, когда, вопреки обещанию Генерального секретаря, войска ООН так и не вошли в Катангу, президент Кваме Нкрума попросил у находившегося в Аккре советского поверенного в делах гарантий, что в случае начала войны в Центральной Африке Гана может рассчитывать на секретную тактическую помощь Москвы⁷⁹.

* * *

Пока Москва готовила свой ответ Нкруме, Хаммаршёльд сообщил Совету Безопасности ООН, что по совету Ральфа Банча, его личного представителя в Конго, он решил отложить введение войск ООН в отколовшуюся провинцию из-за вероятности того, что на них нападут катангцы. Он по-прежнему был готов их послать, но хотел получить согласие сепаратистов и Бельгии, которая все более открыто действовала как союзница и защитница Катанги⁸⁰. В ответ на инициативу Генерального секретаря Советы подготовили новую резолюцию Совета Безопасности, в которой было четко обозначено различие между подходами ООН и Кремля к кризису. Если Хаммаршёльд про-

должал надеяться на дипломатический путь восстановления порядка в Катанге, никоим образом не изменяя баланс ни в пользу Чомбе, ни в пользу Лумумбы, то Советы хотели, чтобы в мятежную провинцию вошли войска ООН, «положив конец действиям, направленным против территориальной целостности Республики Конго»⁸¹. Москва знала, что голосов в пользу этой резолюции у нее не будет. И 9 августа она отозвала свою резолюцию в пользу компромисса, предложенного Цейлоном (ныне – государство Шри-Ланка) и Тунисом. Они потребовали «немедленного» вывода бельгийских войск из Катанги и ввода в провинцию войск ООН, одновременно подтверждая, что войска ООН не имеют права участвовать в гражданской войне между конголезским правительством и Чомбе⁸².

Столкнувшись с нежеланием ООН защищать единство Конго, Кремль расширил свою поддержку центрального правительства в Леопольдвиле и его союзников. 11 августа Президиум одобрил письмо Хрущева, в котором тот заверял Гану, что она может рассчитывать на поставку советского оружия, если оно потребуется для конфликта в Конго. И, что еще важнее, Гана получила обещание, что «в этой борьбе африканскому народу будет оказана не только символическая поддержка, но и реальная помощь»⁸³. В тот же день в Конго прилетел советский транспортный самолет «Ил-14» – это был личный подарок Патрису Лумумбе⁸⁴.

Тем временем Лумумба вернулся в Леопольдвиль из своей продолжительной поездки в Соединенные Штаты и Европу. Хотя история резолюции ООН от 9 августа закончилась ничем, Лумумбу ободрило письмо Хрущева с обещанием оказать еще больше давления на ООН, чтобы она выступила в защиту единства Конго. 14 августа, на следующий день после призыва к единству в своем обращении к конголезскому народу, Лумумба написал письмо возвратившемуся в Конго Хаммаршёльду, выдвинув ему ряд требований. Центральное правительство хотело, чтобы аэропорты Конго защищали конголезские войска, а не силы ООН. Кроме того, оно хотело, чтобы в Катангу были направлены африканские и конголезские войска и все неафриканские войска ООН были оттуда выведены. И, наконец, оно хотело, чтобы правительству вернули все оружие, захваченное подразделениями ООН в Катанге. В течение следующих суток, хотя и Лумумба, и Хаммаршёльд находились в Леопольдвиле, они поддерживали связь перепиской. Они обменялись пятью письмами, и Лумумба раздражался все больше. В какой-то момент он заявил, что Хаммаршёльд как швед не беспристрастен, из-за династических связей между шведской и бельгийской королевскими семьями. В ответ на это Генеральный секретарь вернулся в Нью-Йорк, и отношения между обоими были разорваны⁸⁵.

И тогда Лумумба обратился с официальной просьбой к СССР о предоставлении военной помощи. Хотя Лумумба уверял, что Касавубу согласен обратиться с такой просьбой к Москве, позже конголезский президент это отрицал и вскоре использовал переориентацию правительства на Восток против его премьер-министра. Хрущев ждал обращения, и 20 августа Кремль согласился послать в Конго транспортные самолеты. Через пять дней Советы попросили у греческого правительства разрешения пролететь над территорией Греции и дозаправиться в Афинах. Греки, сообщившие о советской просьбе Соединенным Штатам, согласились, но при условии, что они смогут проверить, что везут самолеты⁸⁶. 28 августа десять самолетов «Ил-14» вылетели из Москвы в Леопольдвиль через Афины с грузом продовольствия для жителей Конго⁸⁷. Советская военная помощь поступала другим путем: через четыре дня пять грузовых самолетов «Ан-12» вылетели из Москвы в Конакри (Гвинея), наполненные оружием и боеприпасами для конголезцев⁸⁸.

* * *

Когда Хрущев принял непосредственное участие в конголезском конфликте, в Вашингтоне возникли тревожные опасения, что Конго может стать второй Кубой. В июле правительство США продолжало надеяться, что ООН сможет стабилизировать ситуацию и не даст Кремлю усилить свое влияние. Шли также споры о политике Лумумбы. «Несмотря на обвинения бельгийцев и конголезских противников Лумумбы, считающих его коммунистом, – заключило в конце июля Бюро разведки и исследований государственного департамента, – у нас нет никаких фактов в пользу этого утверждения»⁸⁹. Однако, когда в августе пришли новости, что советские транспортные самолеты летят в Конго, спор о Лумумбе сошел на нет.

Эти новости повлияли и на дискуссию по гораздо более общим вопросам, которая велась в администрации. Летние события в Конго, случившиеся после явного укрепления советских позиций на Кубе, наводили на мысль, что «третий мир» приближается к критической точке. А это требовало от США более энергичных действий, если они не хотят потерять весь регион, переходящий на сторону коммунизма. 1 августа Эйзенхауэр заявил членам своей внешнеполитической команды, что мир находится в гораздо более сильном «состоянии брожения», чем, насколько он помнил, это происходило за «последнее время». «Коммунисты, – добавил он, – пытаются взять это под свой контроль и преуспели настолько, что теперь студенты часто говорят, будто коммунисты думают о простых людях, тогда как Соединенные Штаты занимаются поддержкой архаичных режимов»⁹⁰.

18 августа 1960 года американская администрация начала серьезную подготовку к устранению премьер-министров и Конго, и Кубы⁹¹. На утреннем заседании СНБ президент сказал, что западные войска могут войти в Конго под флагом ООН. «Нам следует сделать это, даже если такая акция будет использована Советами в качестве основы для начала борьбы»⁹². Эйзенхауэр был убежден, что Лумумба находится на содержании у Советов, и в СНБ обсуждали слухи, кто именно писал его телеграммы и составлял его стратегические планы – бельгийские коммунисты или советские советники. Председатель Объединенного комитета начальников штабов попросил, чтобы Белый дом продумал, какие надо предпринять явные и секретные меры, чтобы оставить конголезский аэропорт и один порт вне контроля Советов. Он предрекал, что «секретная деятельность всего нескольких коммунистов, проникших на такие значимые объекты», может «угрожать главным морским путям стран свободного мира в южной Атлантике»⁹³. Объединенный комитет начальников штабов не представил никаких доказательств этого. Да он и никогда прежде не говорил о регионе южнее Сахары как о зоне жизненных интересов США. Однако тем августом в Вашингтоне эмоциональное напряжение уже достигло такого градуса. И после этого собрания началось официальное планирование секретной операции по свержению Лумумбы.

Тем утром ЦРУ проинформировало президента о новых успехах в разработке операции по устранению Кастро. Месяцами администрация следила за событиями на Кубе со страхом, реагируя на них все более активным планированием, но не действиями. А недавно, 21 июля, ЦРУ послало сообщение руководителю своей резидентуры в Гаване: «Возможное устранение трех верховных лидеров [Фиделя, Рауля и Че] серьезно рассматривается в штаб-квартире»⁹⁴. На следующий день тому же сотруднику сообщили: «Не выполняйте... Лучше этим не заниматься»⁹⁵.

Когда в августе Вашингтон изменил свое мнение, ЦРУ, вдохновившись этим, возобновило свое планирование. На этот раз оно предложило состоящую из трех пунктов инициативу, включая создание оппозиции, «черную» пропаганду (тайное распространение ложных слухов и утверждений о режиме) и парамилитарную подготовку ударной силы кубинских эмигрантов. Основная дискуссия касалась третьего пункта. Как подчеркивал Ричард Бисселл, «Царь Мидас» ЦРУ, полностью изменивший в пятидесятых годах программу самолетов-разведчиков «U-2», речь шла о подготовке в Гватемале пяти-сот эмигрантов для их внедрения в кубинские горы. Их можно было внедрять в страну группами по семьдесят пять человек, десантируя и снабжая их с воздуха. За несколько месяцев эти группировки войдут в контакт примерно с тысячей мятежников, которые, как предпола-

галось, активно борются с режимом на острове. Поскольку Бисселл был не вполне уверен, что внедрения бойцов нерегулярных формирований и нарастания в связи с этим сопротивления будет достаточно для свержения режима, ЦРУ начало думать о дублирующем вторжении эмигрантов с острова Сосен для создания базы, с которой могло бы действовать признанное Соединенными Штатами правительство в изгнании.

В такой обстановке администрация и поручила ЦРУ начать думать над тем, как убить и Патриса Лумумбу, и Фиделя Кастро. Правительство США однажды уже рассматривало политическое убийство в качестве инструмента внешней политики. В 1952–1954 годах ЦРУ изучало способы убийства ключевых деятелей Гватемалы, включая ее президента Хакобо Арбенса. Согласно внутреннему исследованию ЦРУ, «было отобрано несколько убийц, началась подготовка, были составлены пробные “списки кандидатов на устранение”»⁹⁶. Государственный департамент при президентах Трумэне и Эйзенхауэре знал об этих планах. Однако администрация Эйзенхауэра нашла другой способ устранить Арбенса еще до того, как ЦРУ получило официальный приказ использовать это особое средство⁹⁷.

Это одна из загадок «холодной войны» – то, что именно демократический Запад, а не Советский Союз, рассматривал политическое убийство как средство усиления своего влияния в «третьем мире». Нет никаких свидетельств, что в эпоху Хрущева Президиум когда-либо задумывался об убийстве Чомбе, или Касавубу, или лидеров сообщества кубинских эмигрантов, не говоря о лидерах таких развивающихся прозападных стран, как Тунис и Таиланд. Это различие могло свидетельствовать о природном оптимизме Хрущева относительно советских перспектив в регионе в сравнении с глубоким пессимизмом Дуайта Эйзенхауэра и даже пессимизмом его преемника, Джона Фицджералда Кеннеди, относительно перспектив США в «третьем мире».

В августе 1960 года ЦРУ установило контакты с членами мафии, чтобы планировать убийство Кастро⁹⁸. У мафии были свои причины хотеть устранения кубинского лидера: он закрыл в Гаване принадлежавшие ей казино. Однако устранение Лумумбы требовалось осуществить скорее, и на этот счет ЦРУ получало от Белого дома гораздо более четкие указания. 25 августа подкомитет СНБ, ответственный за планирование секретной операции, высказал мнение, что «планирование действий в Конго необязательно должно исключать “рассмотрение” особых действий, которые помогут избавиться от Лумумбы»⁹⁹. Через своего советника по национальной безопасности Эйзенхауэр уже сообщил этой группе, что он хочет «очень непо-

средственных действий в этой ситуации». 26 августа Аллен Даллес сообщил шефу ЦРУ в Конго: «Мы пришли к выводу, что устранение [Лумумбы] должно быть неотложной и первоочередной целью и что в существующих условиях это должно быть высшим приоритетом нашей секретной деятельности»¹⁰⁰. Резидентуре ЦРУ в Леопольдвиле разрешалось потратить до ста тысяч долларов для «выполнения любых срочных программ».

* * *

Отважившись на небольшое вмешательство в Африке, Хрущев решил сам поехать в ООН, чтобы заручиться поддержкой афроазиатских стран в пользу Лумумбы и Советского Союза. Новая сессия Генеральной Ассамблеи была запланирована на 20 сентября. Советский руководитель решил плыть на корабле. Скрипучий «Ту-114», перевозивший его через Атлантический океан в 1959 году, находился на ремонте, и ни один другой самолет советского воздушного флота не мог доставить его из Москвы в Нью-Йорк без остановок. Плавание на турбоэлектроходе «Балтика» займет десять дней, и поэтому Хрущев решил взять с собой нескольких руководителей стран восточного блока, чтобы провести с ними в пути несколько совещаний.

В начале сентября, когда Хрущев готовился выехать из Советского Союза, ситуация в Конго обострилась. Генеральный секретарь Хаммаршёльд потерял терпение в общении с Лумумбой и заявил американцам, что его надо «сломить»¹⁰¹. Руководитель ООН, теперь уже разделявший нелицеприятное мнение администрации Эйзенхауэра, убедился, что положение в Конго невозможно стабилизировать до тех пор, пока Лумумбу не выведут из игры. Хаммаршёльд «явно желает скорее решить вопрос с Лумумбой, – сообщал представитель США при ООН Генри Кэбот Лодж, – но хочет, чтобы последний сам содал для этого повод»¹⁰².

Не менее озабочен был и президент Касаубу, заверявший, что с ним никто не советовался относительно обращения Лумумбы к Хрущеву с просьбой предоставить советскую военную помощь. 5 сентября Касаубу сместил с должности Лумумбу, ссылаясь на то, что его политика отношений с Советами наводила на мысль, что он пытается превратить Конго в диктатуру.

Поступок Касаубу вызвал и конституционный кризис в Конго, и кризис в отношениях между Советским Союзом, поддерживавшим Лумумбу, и теми странами, которые его не поддерживали¹⁰³. По Конституции конголезский президент имел право уволить премьер-министра. Однако 9 сентября избранный конголезский парламент

проголосовал за отмену указа Касавубу относительно Лумумбы и 14 сентября потребовал перераспределить портфели внутри кабинета министров, оставив Лумумбу на должности премьер-министра, но избавившись от некоторых его союзников¹⁰⁴. Тем временем, опасаясь, что Советы попытаются осуществить вторжение, чтобы восстановить в должности Лумумбу, глава местной миссии ООН приказал закрыть аэропорты страны и отключить единственную радиостанцию Леопольдвиле после того, как Касавубу было позволено сделать публичное заявление об отставке Лумумбы¹⁰⁵.

Хрущев пришел в ярость, когда ему сообщили об этих событиях, и утратил последнее доверие к руководству ООН. В течение двух месяцев оно заявляло, что не может вмешиваться во внутренние дела Конго, а теперь встало на сторону Касавубу против союзника Хрущева. Советы отказались признавать отставку Лумумбы и продолжали разрабатывать планы помощи конголезской армии в нападении на Катангу. 5, 6 и 7 сентября советские транспортные самолеты, пилотируемые советскими гражданами, перевезли примерно сорок пятьдесят конголезских солдат из штаб-квартиры Лумумбы в Стэнливиле, в северном Конго, на юг – в целях возможной подготовки для нападения на военных Чомбе¹⁰⁶. Москва разрешила советским летчикам, с определенным риском для их самолетов, взлетать и приземляться на лугах около аэродромов, закрытых ООН¹⁰⁷.

Хрущев отправился в Соединенные Штаты 9 сентября и следил за событиями в Центральной Африке, находясь на борту теплохода. «Проплывая через Атлантический океан по пути в Нью-Йорк, – позже вспоминал Хрущев, – мы все время были в тесном контакте с нашим Министерством иностранных дел по поводу положения в Конго, посылая и получая шифровки, курсировавшие между нашим кораблем и Москвой»¹⁰⁸. Тем временем, хотя Хрущев не хотел оставлять Лумумбу, советское правительство ввело временный запрет на использование советских самолетов его сторонниками.

14 сентября Лумумба получил еще более сильный удар, отчасти подготовленный правительством США. Бывший личный секретарь Лумумбы Жозеф-Дезире Мобуту, которого он выдвинул на руководящую должность в Конголезской Национальной армии, организовал против него переворот. Мобуту захватил власть, заверив, что до конца года избранные руководители страны будут заменены беспартийными профессионалами, независимо от их религиозной принадлежности, а за это время может быть разрешен конституционный кризис. «Это не революция, – сказал Мобуту, – это перемирие»¹⁰⁹. В начале сентября, после того как Касавубу не удалось сместить Лумумбу, посольство США в Леопольдвиле начало интенсивные переговоры с Мобуту, получившим образование в Соединенных Штатах, под-

стрекая его предпринять действия против сторонников Лумумбы и советского блока¹¹⁰. 16 сентября солдаты Мобуту выгнали избранных представителей из здания парламента в Леопольдвиле, а на следующий день он велел представителям СССР и Чехословакии закрыть свои посольства. Хотя Касаубу и критиковал Мобуту за «наглость», ему было разрешено остаться президентом¹¹¹.

Переворот Мобуту и последующее выдворение советских дипломатов привели Хрущева в еще большую ярость, он возмущался Хаммаршёльдом и ООН. «Я плюю на ООН, – сказал Хрущев, реагируя на все более неутешительные новости из Конго. – Это не наша организация... Никчемный Хам сует свой нос в важные дела, которые его не касаются... Мы ему по-настоящему покажем»¹¹². Советскому представителю в ООН Валериану Зорину было поручено обвинить Хаммаршёльда в заговоре с американцами в целях устранения Лумумбы от власти¹¹³. Однако Хрущев не собирался на этом останавливаться. Он хотел отставки Хаммаршёльда и думал, что пора заодно упразднить и должность генерального секретаря. «На палубе теплохода мне пришла мысль, – объяснял через месяц Хрущев своим коллегам в Кремле, – о структуре ООН»¹¹⁴. Полагая, что речь идет о будущем ООН, он пришел к выводу, что совместно управлять организацией должна «тройка» из представителей трех групп стран мира – капиталистической, социалистической и нейтральной. Решив усилить давление на ООН, Хрущев, тем не менее, решил снизить непосредственный риск для Советов в конфликте в Конго. И Москва приказала советским летчикам и самолетам, которые уже временно прекратили, в зависимости от исхода событий, выполнять задания, связанные с поддержкой лумумбистов, возвратиться на родину вместе с советскими дипломатами¹¹⁵.

События, происходившие в ООН за несколько дней до прибытия Хрущева в Нью-Йорк, показали, что ему придется нелегко, когда он попытается заручиться поддержкой большинства, чтобы реформировать структуру руководства ООН и изменить ее политику в Конго. В ответ на обвинение Зорина Хаммаршёльд сослался на доверие, проявленное делегатами. Свидетельством этого была резолюция, предложенная делегацией Ганы. Аккра поддерживала Лумумбу, но не собиралась позволить Конго стать полем битвы в «холодной войне». Принятая единодушно 18 сентября семьюдесятью голосами, резолюция утверждала, что для выполнения резолюций Совета Безопасности Хаммаршёльд должен предпринять «решительные действия» и заявить, что ни одно государство не имеет права посылать оружие или военных в Конго, кроме как в составе миссии ООН. Воздержались от голосования лишь страны советского блока,

Франция и ЮАР. Ни один из новых союзников Хрущева в Африке или Азии не возразил против резолюции¹¹⁶.

* * *

Вашингтон был не более, чем Хрущев, уверен в исходе событий в Конго. Администрация не верила, что Мобуту без посторонней помощи сможет эффективно противостоять угрозе, исходящей от Лумумбы. 16 сентября Лумумба предал себя в руки ООН, подвергшей его обеспечивающему аресту. Ему была предоставлена охрана ООН и разрешено гулять по Леопольдвиллю. 24 сентября Аллен Даллес еще раз подтвердил желание Вашингтона «лишить Лумумбу всякой возможности вернуть себе пост в правительстве»¹¹⁷. Через два дня ЦРУ направило своего научного советника, доктора Сидни Готтлиба, в Конго с коллекцией ядов, чтобы применить их против Лумумбы. Считалось, что можно проникнуть в его дом и добавить яд в его зубную пасту¹¹⁸. Лоуренсу Девлину, главе резидентуры ЦРУ в Леопольдвиле, сказали, что приказ убить Лумумбу исходит от Эйзенхауэра. Когда Девлин спросил, действительно ли Готтлиб слышал эти слова от президента, тот ответил отрицательно, но объяснил, что Бисселл, влиятельный заместитель директора ЦРУ по планированию, заверил его, что президент дал приказ¹¹⁹.

* * *

Теплоход «Балтика» с Хрущевым и его делегацией на борту прибыл в гавань Нью-Йорка 19 сентября. Хрущев не сообщил американцам, как долго он планировал пробыть в Нью-Йорке. Ходили слухи, что Хрущев позвонит в колокол в честь наступления Нового года в городе, известном своей уличной вечеринкой на Таймс-сквер. В отличие от 1959 года администрация не расстилала перед ним никакой красной ковровой дорожки. О своей заинтересованности во встрече с президентом Эйзенхауэром Хрущев сообщал международной прессе, но президент не откликнулся и не послал ему приглашения.

В своей речи на Генеральной Ассамблее, которую Хрущев произнес через четыре дня, он возложил вину на западные державы за их козни в Конго. Хрущев отверг утверждение, будто Лумумба – коммунист, и предостерег Запад, чтобы он не праздновал свою победу над ним так рано. Затем он обрушился с критикой на руководство ООН. Назвав его «предвзятым», он тезисно представил свое мнение о «тройке» групп стран¹²⁰.

Хаммаршёльд отказался уходить в отставку. В своей спокойной, но решительной речи от 26 сентября он выступил в защиту должно-

сти генерального секретаря. «Это вопрос не о человеке, – сказал он, – но об организации»¹²¹.

Между заседаниями Хрущев встречался с мировыми лидерами, пытаясь заручиться их поддержкой для реструктурирования ООН. Он долго беседовал с Насером, президентом Объединенной Арабской Республики, и руководителем Ганы Кваме Нкрумой. Они оба получали советскую военную помощь и поддерживали Лумумбу – и все-таки разочаровали Хрущева. В конечном счете, с одним знаменательным исключением, ни один из союзников Советского Союза в «третьем мире» – Индия, Гана, Гвинея, Объединенная Арабская Республика – не поддержали требования Хрущева заменить Хаммаршёльда «тройкой». Самым открытым критиком Хаммаршёльда был президент Гвинеи Секу Туре, но, как и Нкрума, он лишь поддержал компромиссный план, который бы гарантировал, чтобы три заместителя Хаммаршёльда представляли каждую из трех групп стран мира.

Самый любопытный парадокс Хрущеву преподнес Нкрума. 6 августа африканский лидер попросил тайно предоставить его стране советскую военную помощь. Теперь же, во время их встречи в Нью-Йорке, он частным образом сказал Хрущеву, что «для Африки нет иного пути, кроме социализма», но на Генеральной Ассамблее отказался поддерживать критику Хаммаршёльда¹²².

Единственным исключением среди союзников Хрущева в «третьем мире» был Фидель Кастро. Впервые они встретились в советском консульстве, и вскоре между ними установились личные отношения. Затем кубинцы доказали свою дружбу тем, что вместе с Советами проголосовали против политики Хаммаршёльда в Конго и потребовали реформировать ООН.

Хрущев не мог завоевать достаточно голосов в поддержку своих предложений относительно ООН, но его энергичная дипломатия повлияла на подход Хаммаршёльда к операции в Конго. ООН сообщила своим представителям в Конго, что Лумумбу следует привлекать к участию в любых политических соглашениях. Когда Соединенные Штаты попросили ООН разрешить солдатам Мобуту арестовать Лумумбу, Генеральный секретарь отказался. Вместо этого он потребовал, чтобы Лумумбу держали под наблюдением и защитой ООН до тех пор, пока не будет заключен политический договор при участии всех сторон¹²³. Когда 10 октября солдаты Мобуту появились с ордером на арест в доме, где Лумумба находился под защитой ООН, солдаты из Ганы, охранявшие Лумумбу в составе сил ООН, велели им уйти¹²⁴.

Разочарованные внезапным нежеланием Генерального секретаря преследовать Лумумбу, Соединенные Штаты ускорили собственную деятельность, направленную на уничтожение смещенного с должно-

сти премьер-министра. ЦРУ рассматривало как использование конголезских агентов в покушении на убийство, так и «своего рода диверсионной группы», чтобы выкрасть Лумумбу, охранявшегося силами ООН. Девлин, руководитель отделения ЦРУ в Леопольдвиле, не хотел использовать яд, присланный ему из главного управления этой организации, и выбросил его в реку Конго¹²⁵. Вместо этого 17 октября он телеграфировал в Вашингтон, попросив, чтобы главное управление прислало «как можно скорее мощное ружье иностранного производства с оптическим прицелом и глушителем. Здесь охота бывает удачной, когда знаешь, где охотиться»¹²⁶.

* * *

На протяжении всех трех недель своего пребывания в Нью-Йорке Хрущев оставался в центре внимания. За день до отъезда он заверил, что этот визит произвел на него неизгладимое впечатление. Слушая дипломата из Филиппин, бичевавшего Советский Союз за его колониальную политику в Восточной Европе, Хрущев начал барабанить обоими кулаками по столу. Вообразив, что этот шум недостаточно громкий, он снял одну из своих сандалий и начал стучать ею. Смущенный Громыко, который выглядел так, словно он собирался «нырнуть в прорубь с ледяной водой», тоже снял свой ботинок и робко сопровождал своего начальника, как если бы барабанить ботинками было традиционно приемлемой формой протеста в ООН¹²⁷.

Обратно в Москву жизнерадостный Хрущев вылетел 13 октября на советском самолете. Хотя ни один из его африканских или азиатских союзников не поддержал предложения реформировать ООН, через два дня он заявил Президиуму, что поработал плодотворно. Он не сомневался в своей правоте, развязав кампанию против Хаммаршёльда, и действительно заявил своим коллегам, что впредь «мы не согласимся ни на какое разоружение, если не изменится структура ООН»¹²⁸. Не терпел он и того, чтобы кто-то оспаривал советскую политику в отношении Лумумбы и Конго. «[Политика] Конго складывается в нашу пользу, – сказал Хрущев. – Она дискредитирует империалистов и дискредитирует ООН». Если его коллеги и были не согласны, они, во всяком случае, промолчали.

* * *

При всем своем оптимизме во время этих кремлевских обсуждений Хрущев знал, что оба его поборника из «третьего мира» уязвимы. Теперь Лумумба был в оппозиции, а не в правительстве и под своего рода домашним арестом. Кастро все еще находился у власти, но имел убежденного врага в лице Дуайта Эйзенхауэра.

Всего через несколько дней после возвращения Хрущева в Москву Кремль начал получать из КГБ информацию, что Эйзенхауэр, вероятно, готовит военное нападение на Кубу, чтобы сделать в Белом доме рекламу своему вице-президенту. Никсон был участником трудной избирательной кампании, выступая против своего соперника от демократов Джона Кеннеди. «Готовились диверсии и террористические акты»¹²⁹, – сообщил за месяц до этого Александр Алексеев, резидент КГБ в Гаване, и отчеты продолжали поступать.

В ожидании внутрисполитических неурядиц Кастро уже начал на Кубе наступление на демократию. В августе он провел чистку в своей собственной службе безопасности, а 1 октября на Кубе была введена в действие система районного наблюдения, подобная той, которая была разработана восточными немцами, – система, поощрявшая соседей следить друг за другом. А недавно Кастро узнал, что может столкнуться и с другим вызовом – из-за границы. Коммунисты заметили, что сотрудники ЦРУ занимаются подготовкой кубинских эмигрантов, которых, как предположил Кастро, могли использовать в полномасштабном военном вторжении. Москва разделяла его озабоченность и начала пропагандистскую кампанию, чтобы остановить нападение американцев¹³⁰. 14 октября «Правда» утверждала, что «имеется все больше и больше фактов, доказывающих, что территория Гватемалы превращена в плацдарм агрессии против Кубы»¹³¹. Начиная с 18 октября «Известия» и «Правда» предостерегали Вашингтон от нападения. 25 октября в ООН Зорин обнародовал информацию о том, что США тренируют кубинских эмигрантов в соседних латиноамериканских странах, готовя их для свержения режима Кастро. В тот же день кубинцы послали тысячи ополченцев на южное побережье острова, где могли высадиться агрессоры из Гватемалы. 27 октября 1960 года кубинские вооруженные силы были приведены в состояние наивысшей степени боевой готовности¹³².

Хрущев ответил тем, что вновь подтвердил свою июльскую угрозу применить для защиты режима Кастро ядерное оружие. Однако на сей раз он полагал, что угроза Кастро была реальной. Новостное агентство ТАСС 29 октября обнародовало стенограмму интервью, данное Хрущевым кубинскому журналисту. В нем он предупреждал Соединенные Штаты, что не стоит вынуждать его исполнять «символическую» угрозу применить ядерное оружие¹³³.

Напряженность в регионе Карибского моря продолжалась еще десять дней. Когда 8 ноября Джон Кеннеди одержал, с незначительным перевесом, победу над Ричардом Никсоном, Советы и кубинцы с облегчением вздохнули. Нападения во время предварительных выборов, которого так опасались, не произошло.

Если Хрущев мог думать, что защитил Кастро, спасти Лумумбу ему было не по силам. В ноябре Советы проиграли важнейшую дипломатическую битву в ООН, когда Соединенные Штаты успешно отстояли назначение конголезской делегации во главе с Касаубу. За их предложение было подано пятьдесят три голоса при двадцати четырех «против» и девятнадцати воздержавшихся. Советы и их друзья проиграли, а победу обеспечили бывшие французские колонии в Западной Африке.

Узнав о победе Касаубу в Нью-Йорке, Лумумба принялся искать возможность заручиться поддержкой собственных сторонников. Воспользовавшись тропическим ливнем, в ночь на 28 ноября Лумумба сбежал из-под стражи охранявших его солдат ООН. Этот побег встревожил Мобуту и его западных союзников. Если Лумумба окажется в Стэнливиле, где множество его сторонников формировали отряды сопротивления Мобуту и Чомбе, то он может создать сепаратистское правительство и потребовать советской военной помощи. Пока его преследовали солдаты Мобуту, ЦРУ направило в Стэнливиле наемного убийцу, европейца с уголовным прошлым, с приказом убить Лумумбу. А в штаб-квартире ООН приказали войскам ООН отойти в сторону и предоставить событиям идти своим чередом.

Имя Лумумбы было хорошо известно в Конго, но мало кто знал, как он выглядит. Пока он и его люди ехали в автомобильной колонне, в сторону Стэнливиля, на протяжении семисот миль [1126 километров. – *Примеч. пер.*] их неоднократно останавливали жители племен, не верившие, что этот человек в спортивной рубашке был «спасителем» Лумумбой. «Ты врешь. Мы хорошо знаем Лумумбу. Он всегда носит костюмы и очки. А ты?»¹³⁴ – так один деревенский вождь якобы сказал Лумумбе. Эти промедления не беспокоили Лумумбу, который, пользуясь временем, произносил длинные речи в деревнях по пути своего следования. Очевидец одного из этих выступлений предупредил солдат Мобуту, и круг преследования сузился. 2 декабря Лумумбу арестовали на виду у солдат контингента ООН из Ганы. Когда военные попросили разрешения спасти Лумумбу, Нью-Йорк не отступил от своей позиции нейтралитета. И Лумумба исчез в тюрьме Мобуту.

* * *

В первые одиннадцать месяцев 1960 года Хрущев получил несколько суровых уроков, связанных с опасностями, которыми были чреваты поиски новых союзников в «третьем мире». Он предположил, что Соединенные Штаты сговорились с Хаммаршёльдом нейт-

рализовать Лумумбу, и у него было множество доказательств того, что Вашингтон пытался свергнуть Кастро. Не было никаких сомнений, что администрация, как минимум, решила лишить Москву всех этих союзников. Если Москва хотела приобретать новых союзников и впредь, то, как понимал Хрущев, политического и экономического соперничества может быть недостаточно. Он должен был быть готов идти на определенные военные риски. Юго-Восточная Азия – регион, который он до этого оставил китайцам и северным вьетнамцам, – должна была стать испытательным полигоном для этой новой формы стратегии мирного сосуществования.

Глава 13

ПРОВЕРКА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Переворот, совершившийся 9 августа 1960 года, стал сюрпризом для всех, кроме Второго батальона Королевской армии Лаоса и его командира Конг Ле. Конг обманул Соединенные Штаты, главного иностранного сторонника армии Лаоса, и США, попав в ловушку, ему помогли. За неделю до этого американские военные советники по просьбе Конга организовали для батальона учения на случай ночного переворота в столице. Свою просьбу Конг Ле и его люди объяснили тем, что им нужно знать это на случай, если когда-нибудь такую попытку предпримет коммунистическая организация Патет Лао.

Этот молодой командир, которому был всего двадцать шесть лет, не изъявлял желания стать генералиссимусом Лаоса. После удавшегося переворота он перестал сохранять лояльность к бывшему премьер-министру Лаоса Суванне Фуме и потребовал возврата к внешней политике подлинного нейтралитета. Конг Ле не был коммунистом, но считал себя антиамериканским националистом. И если в Египте Насеру вначале удавалось примирить свое желание улучшить отношения с Соединенными Штатами с ревностным национализмом, то это было гораздо труднее для националистов в Юго-Восточной Азии, где с 1954 года к Соединенным Штатам относились как к главной империалистической державе. Конг Ле недвусмысленно возложил вину за внедрение «холодной войны» в политику Лаоса на Соединенные Штаты. Главная задача, стоящая перед лаосским народом, как он сказал он через несколько месяцев после переворота, – «прогнать американцев»¹.

* * *

Переворот в Лаосе – стране, никогда прежде не привлекавшей его внимания, – соответствовал для Никиты Хрущева предсказуемой и желательной для него модели. Вот и снова появился еще один антиимпериалистический лидер, призванный возглавить националистическое движение в «третьем мире». Однако в августе 1960 года

Хрущев был слишком сильно занят националистами в Конго и на Кубе, чтобы обращать больше внимания на эти события в Лаосе.

На встрече в Женеве в 1954 году Советский Союз наряду с Китаем, Великобританией и Соединенными Штатами официально покончил с французской империей в Индокитае. Вьетнам был расколот пополам – до общих выборов, которые так никогда и не состоялись. Тем временем Лаосу и Камбодже была предоставлена независимость. Лаос, «страна миллиона слонов», насчитывал не больше трех миллионов человек. Бедная, отрезанная от моря, не имевшая значительных экономических ресурсов, она имела значение исключительно из-за своего расположения. Стиснутый между Вьетнамом на востоке, Китаем – на севере, Камбоджей – на юге и Таиландом – на западе, Лаос стал оспариваемой пограничной областью, когда Северный Вьетнам соперничал за единство с Южным Вьетнамом, а Таиланд стремился помешать тому, чтобы коммунистическое влияние проникло дальше, во внутренние районы Юго-Восточной Азии.

К большому разочарованию азиатских союзников Москвы в те первые пять лет, пока Хрущев был у власти, он проявил очень мало интереса к государствам-наследникам бывшего Индокитая. Но это не значило, что он испытывал антипатию к Юго-Восточной Азии. Он посетил Бирму и даже Индонезию, но никогда не давал себе труда остановиться в Северном Вьетнаме, не говоря уже об отрезанном от моря Лаосе². Хрущеву было физически некомфортно в тропиках. «Климат мне показался почти невыносимо жарким и влажным, – позже говорил он о своей поездке в Индонезию. – Я чувствовал себя так, словно все время был в сауне. Мое нижнее белье прилипало к телу, и было почти невозможно дышать»³. Однако от поездки в Ханой или Вьентьян его удерживала не погода. И действительно, в начале 1960 года он совершил свою вторую поездку в Юго-Восточную Азию. Неудобство вызывала у него политика Вьетнама.

Хрущев любил и уважал вьетнамского лидера Хо Ши Мина. «Во время моей политической карьеры я встречал многих людей, – вспоминал он в своих мемуарах, – но Хо Ши Мин произвел на меня совершенно особое впечатление. Верующие люди говорили о святых апостолах. Так вот, по тому, как жил Хо Ши Мин, и какое впечатление он производил на других людей, он был как один из тех “святых апостолов”. Он был апостолом Революции»⁴. Хо Ши Мин дружелюбно относился к Советскому Союзу до самой своей смерти в 1969 году, и, пока Хрущев был у власти, много раз посещал Москву. Однако вьетнамский лидер старел, и Москва все больше и больше расходилась во мнениях со следующим поколением лидеров, как правило, разделявшим мнение Пекина о Хрущеве и о революционном потенциале в Юго-Восточной Азии.

Как и в случае Китая, вьетнамские руководители стали с подозрением относиться к Хрущеву со времени XX съезда партии, особенно после того, как он ввел в оборот доктрину мирного сосуществования. Вначале вьетнамцы ее поддержали. Анастас Микоян, первый член Президиума, посетивший Северный Вьетнам, приехал в Ханой в 1956 году и обнаружил, что, пока Хо находится у власти, поддержка этой политике гарантирована⁵. Однако в 1958 году Хо перешел, так сказать, на неполный рабочий день пенсионера. Вьетнамские газеты стали называть его «дядя Хо», и он ограничил свои официальные функции советами, в основном по внешней политике. В 1959 году Северный Вьетнам стал придерживаться более революционной политики. На пятнадцатом пленуме Коммунистической партии Вьетнама тезис о мирном сосуществовании вьетнамцы заменили стратегией, нацеленной на объединение: «Главный путь развития революции в Южном Вьетнаме – путь яростной борьбы»⁶.

Для Москвы Лаос был неотделим от вьетнамской проблемы. Лидеры Демократической Республики Вьетнам, Северного Вьетнама, отождествляли политическое будущее Лаоса с их собственной борьбой за воссоединение Вьетнама под властью Ханоя. До 1945 года там существовала единственная Коммунистическая партия Индокитая под руководством Хо Ши Мина. Вьетнамцы составляли не только руководство коммунистической партии, но и большинство рядовых ее членов. Как в Москве хорошо знали, местная Коммунистическая партия Лаоса была немногочисленной. Средоточием националистического чувства в этой стране была фигура короля Лаоса. Однако после Женевской встречи вьетнамские товарищи продолжали создавать Лаосскую партию. Как вьетнамцы признавались Советам, большинство членов Лаосской партии вначале на самом деле были вьетнамцами⁷.

Москва оказывала мало помощи Народной партии Лаоса, или Патет Лао, со времени ее основания в марте 1955 года. Хотя и возглавляемая убежденным коммунистом, принцем Суфанувонгом, пользовавшимся поддержкой вьетнамцев и китайцев, Патет Лао была слишком малочисленной и политически не значительной, чтобы Москва сочла нужным делать для нее что-либо существенное. Вместо этого Хрущев предпочел продемонстрировать приверженность Москвы своей политике терпеливого политического перехода, сотрудничая со сводным братом Суфанувонга, премьер-министром Лаоса Суванной Фумой, убежденным сторонником нейтралитета.

Впервые Москва пообщалась с Суванной в 1956 году. В ответ на его призыв к нейтралитету во внешней политике Лаоса Советы попытались установить дипломатические отношения, что произошло летом 1956 года. Заявление об этом было сделано лаосскому правитель-

ству через советского представителя в Бангкоке⁸. Последовал обмен нотами, и обе стороны проявили интерес к переговорам об установлении дипломатических отношений. Дело продвинулось настолько, что Москва официально признала независимость и суверенитет страны⁹. Через неделю после этого в Будапешт вошли советские танки. Потом переговоры неожиданно прекратились. С ноября 1956 года по июль 1957 года лаосцы демонстрировали дипломатическую трусость.

Когда диалог с лаосской стороны возобновился, Вьетъян предложил установить отношения, но не хотел разрешать Советам открывать в стране посольство. Ссылаясь на невозможность содержать посольство в Москве и желая не допустить неравноправных дипломатических отношений, лаосцы предложили, чтобы Советы уполномочили их посла в Париже быть послом в Москве. Советы согласились и предложили, чтобы их посол в Камбодже действовал и как советский представитель в Лаосе. Москва выпустила совместное коммюнике, но потом Лаос опять замолчал. И это молчание длилось три года.

Соединенные Штаты следили за советско-лаосскими переговорами с тревогой и были озабочены политикой Суванны Фумы. В 1957 году Суванна и Суфанувонг подписали публичное соглашение, позволявшее политическому крылу Патет Лао – Патриотическому фронту Лаоса (Нео Лао Хак Сат) – участвовать в 1958 году во всеобщих выборах. Администрация предпочла не дожидаться его ратификации. Вскоре после выборов, на которых были избраны и введены в состав кабинета Суванны несколько коммунистических депутатов, поддерживаемая США политическая группировка вынудила его уйти в отставку и сформировала правительство из его правого крыла.

Появление Конг Ле и возвращение к власти Суванны в августе 1960 года предоставили Хрущеву вторую возможность показать китайцам и вьетнамцам, что сотрудничество с прогрессивными и нейтральными силами может привести к мирному превращению Лаоса в социалистическую страну. Одним из первых действий нового правительства было возобновление замороженных переговоров с Москвой о дипломатическом признании. В сентябре правительство Суванны сообщило Москве через советского посла в Камбодже, что оно хочет завершить переговоры о дипломатических отношениях¹⁰.

* * *

Хотя союзники Москвы в регионе считали мятеж Конг Ле событием как с положительными, так и с отрицательными сторонами, их порадовало, что это может привлечь в регион и саму Москву, и ее финансовые ресурсы. Северные вьетнамцы предложили себя рус-

ским в качестве наставников, которые объясняют, какова расстановка сил в Лаосе. Ханой был не против того, что Москва быстро восстановила дипломатические переговоры с Суванной, прерванные в 1957 году. Однако вьетнамцы хотели, чтобы Советы поняли, что Суванна в лучшем случае – временное решение. Как антикоммунистический сторонник нейтралитета, он с точки зрения Ханоя был очень опасен, потому что мог ограничить усилия коммунистов взять власть в собственной стране. Посол Северного Вьетнама в Пекине предупреждал своего советского коллегу, что Суванна с его антикоммунистическими склонностями был «как [бирманский премьер-министр] У Ну и [король Камбоджи] Сианук»¹¹. Москве сказали, что он «ненадежен».

Вьетнамцы надеялись, что мятеж в конечном счете подтолкнет Москву проявить определенный реальный интерес к поддерживаемому ими движению Патет Лао. Судя по всему, Ханой надеялся получать деньги от Советского Союза, расценивая его как источник помощи для Патет Лао. В прошлом Москва воздерживалась от предоставления какой-либо существенной помощи коммунистическим силам в Лаосе¹². Ханой не стеснялся считать своей заслугой то, что лаосское коммунистическое движение вообще существует. «Вьетнамцы играли ведущую роль в революционной борьбе индокитайского народа», – хвастались северные вьетнамцы Москве. Хо Ши Мин агитировал за революцию еще со времен Версальской конференции, завершившей Первую мировую войну. В 1930–1945 годах в Лаосе не было революционного движения, достойного упоминания. Лаосское националистическое движение началось лишь после совершившейся во Вьетнаме Августовской революции 1945 года. С помощью вьетнамцев Патет Лао сформировалась как независимая армия, ведущая борьбу против французов. «Эта армия, которая росла и укреплялась, включала в себя множество вьетнамцев, помогавших в организации политической работы и в подготовке кадров»¹³, – сказал Чан Ти Бинь, северо-вьетнамский сотрудник, которому поручили объяснять Советам реалии Лаоса. Тем временем Народная партия, созданная на принципах марксизма-ленинизма, возникла на основе объединенной организации, известной как Патриотический фронт Лаоса, Нео Лао Хак Сат.

Вьетнамцы пытались пробудить у Хрущева дух соперничества, подробно рассказывая, сколько денег выделяют на маленькое королевство Соединенные Штаты. Ханой подсчитал, что с 1955 по 1960 год Вашингтон выделил 169, 6 миллионов долларов. Большинство этих денег уходило на оплату жалования лаосских военных и гражданских служащих королевского правительства Лаоса. За этот период численность военных в армии Лаоса возросла от двадцати пяти до тридцати двух тысяч с дополнительным пятитысячным ополчением.

Тысяча французских солдат охраняла Королевский совет, а еще один отряд, состоявший из четырехсот военных советников, находился в Армии Лаоса под командованием французского генерал-лейтенанта.

Отличным свидетельством отсутствия у Хрущева интереса к Лаосу было то, что, никакая информация о событиях в азиатской стране – в отличие от Конго – не была достаточно важной, чтобы заставить его прервать игру в шаффлборд [игра, в которой клюшкой гоняют шайбы по разграфленной площадке. – *Примеч. пер.*]. В эту игру он играл на борту теплохода, который вез его на первое заседание Генеральной Ассамблеи ООН, открывавшейся в сентябре 1960 года. Нельзя утверждать точно, но, похоже, это безразличие было притворным. Хрущева все больше и больше заботили китайцы, которые, судя по всему, инспирировали действия наиболее активных вьетнамцев.

Тем летом отношения Хрущева с Китаем стали еще хуже. Китайско-советская напряженность сохранялась. Отношения между странами постоянно ухудшались с 1956 года, и времени не удалось залечить раны, нанесенные стремлением Хрущева к десталинизации и мирному сосуществованию. С годами Мао все больше и больше считал себя жертвой усилий Хрущева улучшить отношения с Западом. Когда в середине 1959 года Хрущев временно отказался от своей политики давления на западные державы относительно статуса Берлина, китайцам сказали, что Москва больше не сможет помогать Пекину создавать его собственную атомную бомбу, как было обещано в октябре 1957 года. Коммунистическая партия Советского Союза, известившая аналогичную китайскую партию о прекращении этой помощи, очень четко показала, как это связано с разрядкой. «Существует возможность, что усилия социалистических стран добиваться мира и ослабления международной напряженности окажутся под угрозой, – объясняла КПСС, – если это соглашение останется в силе, и Запад об этом узнает»¹⁴. Не помог и визит Хрущева в Пекин, состоявшийся в сентябре 1959 года, сразу же после его победоносной поездки в Соединенные Штаты. Преисполненный оптимизма относительно улучшения отношений с Вашингтоном, Хрущев привел в ярость принимавших его китайцев, пригласивших советского руководителя участвовать в праздновании победы Китайской революции¹⁵.

Летом 1960 года напряжение впервые привело к явному, как казалось, разрыву. На III съезде Румынской рабочей партии (РРП), проходившем в Бухаресте в июне 1960 года, китайские и советские делегаты осыпали друг друга оскорблениями. И Хрущев этого не вытерпел. «Ничего обидного для Китая мы не делали вплоть до тех пор, пока китайцы сами не стали нас распинать, – позже вспоминал Хрущев. – А уж если так, то и я не Христос, и я не подставил другую щеку»¹⁶. В июле 1960 года Советы объявили, что отзовут всех своих

советников из Китая. Дипломатические отношения между коммунистическими гигантами продолжались, но братские отношения, судя по всему, завершились.

* * *

В отличие от Кремля Белый дом всерьез отнесся к Лаосу как зоне конфликта «холодной войны». В пятидесятых годах Суванна администрации Эйзенхауэра не нравился: его нейтралитет считали нейтралитетом с левым уклоном и по-прежнему относились к нему без симпатии. В первые дни после переворота Вашингтон надеялся на устранение Конг Ле и на продолжение надежной антисоветской политики правительства принца Сомсанита, действовавшего при поддержке США. Этого не произошло. Конг Ле объявил о создании временного правительства из сорока человек, включавшего главарей Патет Лао. Он надеялся включить в него бывших премьер-министров Лаоса, Суванну Фуму и Бун Ума, но они отказались, предпочитая ожидать решения Национальной Ассамблеи Лаоса. Вскоре Ассамблея проголосовала за недоверие, распустив правительство Сомсанита. Король назначил Суванну Фуму премьер-министром, и 17 августа 1960 года Конг Ле передал ему власть.

Потерпев политический провал во Вьентьяне, администрация разделилась во мнении относительно того, что делать дальше. Посол США Уинтроп Браун полагал, что Соединенные Штаты должны конкурировать за поддержку Суванны. Вашингтон должен был быть готов предложить ему широкий ассортимент политической, военной и экономической помощи взамен на обязательство, что он не будет устанавливать отношения с Ханоем, Пекином или Москвой и не будет повторять ошибки 1958 года, вводя в свой кабинет членов Патет Лао. Государственный департамент и министерство обороны в большей степени заботились о сохранении Королевской армии Лаоса как жизнеспособной силы, которая вначале сдержит, а потом уничтожит Патет Лао. Этой армией командовал фаворит Вашингтона генерал Фуми Носаван, и, пока американцы спорили между собой, он уже готовил операции против опорных деревень Патет Лао в северной провинции¹⁷.

Эйзенхауэр был в числе тех, кого особенно тревожило положение в Лаосе. И это резко контрастировало с хладнокровием, проявленным им во время споров о ядерном отставании, которые ранее велись в том же году. Может быть, потому что о развивающемся мире президент знал меньше, чем о стратегическом балансе, его болезненно задевали любые ощутимые советские завоевания в «третьем мире». Используя выражение, ставшее известной метафорой, он сравнил

Лаос с костяшкой домино. «Падение Лаоса, его переход к коммунизму, может привести к последующему падению, как в падающем ряду костяшек домино, его пока еще свободных соседей, Камбоджи и Южного Вьетнама и, по всей вероятности, Таиланда и Бирмы. Такая цепь событий открыла бы путь к захвату коммунистами всей Юго-Восточной Азии»¹⁸.

Вашингтон действительно не имел четкого представления о происходящем в Лаосе. По словам штатного сотрудника администрации, проблема разведки состояла в том, что «приходилось собирать данные на основе информации от двух человек, которые посреди ночи встречаются на тропе в джунглях»¹⁹. Впоследствии Эйзенхауэр вспоминал: «Мы изучали отчеты разведки изо дня в день, а иногда и ежечасно»²⁰. Но это почти не помогло лучше узнать страну, которую президент называл «этой таинственной азиатской землей»²¹. Общий пессимизм, вызванный представлениями о силе коммунизма – или о слабости либерализма – в Юго-Восточной Азии, заставлял предполагать самое худшее, даже при отсутствии достоверных данных. В октябре Эйзенхауэр и его команда полагали, что «Суванна Фумуа был или сообщником, или пленником капитана Конг Ле, который, в свою очередь, был пособником коммунистической Патет Лао»²².

* * *

Советы тоже не имели представления о том, что происходило в октябре в Лаосе, но существовала определенная надежда, что они смогут что-нибудь выяснить. Назначенный посол Москвы Александр Абрамов, действующий советский посол в Камбодже и бывший посланник в Израиле, прибыл в Лаос 13 октября 1960 года. Послом его назначили за пять дней до этого. Ему в том числе было поручено послать в Москву сообщение с более точной оценкой характера и Суванны, и Конг Ле. Полезным источником информации был посол Индии во Вьетьяне Патном. По мнению индийского дипломата, Конг Ле был самым популярным человеком в Лаосе²³.

Индиец также подтвердил мнение вьетнамцев о том, что программа американской помощи в Лаосе оказалась политическим провалом. Не многие сельские жители Лаоса получили от нее пользу. Индийский посол сказал Абрамову, что из 30–32 миллионов долларов помощи двадцать пять миллионов пошло на армию; дополнительные три с половиной миллиона – на оплату деятельности американцев в стране, а полтора миллиона долларов были предназначены для покрытия дефицита бюджета Лаоса.

Через несколько дней после прибытия Абрамова с ним попросил встретиться Конг Ле. Он хотел, чтобы советский дипломат встретил-

ся с представителями Нео Лао Хак Сат – политического крыла Патет Лао. Однако Абрамов этого не сделал. Еще не встретившись с королем, он не получил официального благословения на то, чтобы быть послом при дворе. Более того, его беспокоило, что встреча с Патет Лао, особенно если она произойдет до встречи с Суванной, может создать у нейтралиста и короля неправильное представление о характере миссии.

Когда 27 октября Абрамов в конце концов встретился с Суванной, руководитель Лаоса незамедлительно сказал ему, что лаотянцы нуждаются в топливе «как для армии, так и для гражданских целей». Им было нужно топливо для самолетов и дизели для автомобилей. Правительство строило дорогу к бирманско-лаосской границе, которая должна была быть готова к декабрю, и Суванна надеялся, что тем временем Советы будут поставлять топливо самолетами²⁴.

* * *

Москва по-прежнему ничего не предпринимала в Лаосе. Кремль ожидал нового обращения Суванны и только после этого как-нибудь ответить на его просьбу о помощи. Не было и доказательств, что Москва увеличила помощь Патет Лао. Тем временем власть нейтралистского правительства начала стремительно слабеть. 14 ноября правительственный гарнизон, охранявший королевскую столицу Луанг-Прабанг, присоединился к антиправительственным силам под командованием Фуми Носавана. На публике Суванна пытался казаться уверенным, говоря репортерам: «Мы предпринимаем шаги, чтобы отвоевать Луанг-Прабанг»²⁵. Однако в действительности он сомневался. Когда Луанг-Прабанг перешел к союзнику Вашингтона, Вашингтон перестал притворяться, будто придерживается нейтралитета. 15 ноября он посоветовал лаосскому премьер-министру не пытаться отвоевывать его собственную столицу. «Нам... кажется, что столь явное применение силы обострит ситуацию еще больше, – заявил представитель государственного департамента, – это приведет к новым разногласиям и может способствовать дополнительным выгодам для коммунистов»²⁶. Однако именно вмешательство Вашингтона в интересах правых станет тем мощным импульсом, выгодным коммунистам. Хотя Суванна и знал, что Фуми Носавану поддерживают Соединенные Штаты, он запросил у американцев дополнительную военную помощь для Королевской армии Лаоса. Частным образом Вашингтон сообщил Суванне, чтобы он не ждал никакой дополнительной американской помощи, и у него осталось мало вариантов, чтобы сохранять видимость контроля над страной. 17 ноября правительство Суванны заявило, что оно признает Китайскую Народную

Республику и пошлет в Ханой и Пекин «миссии доброй воли»²⁷. На следующий день Суванна ввел в коалиционное правительство членов Патет Лао. Затем правительство Лаоса и Патет Лао выпустили совместное заявление, что Лаос принял помощь от Пекина и Ханоя²⁸.

Абрамов, который все еще был советским послом в Камбодже, возвратился в Пномпень в разгар подготовки к государственному визиту в Москву принца Нородома Сианука. И тут же получил сообщение, что Суванна Фума хочет как можно скорее встретиться с ним во Вьентьяне. Суванна послал свою просьбу 19 ноября, и 22 ноября Абрамов вернулся в Лаос.

На следующий день, 23 ноября, Суванна Фума рассказал советскому послу об ужасном положении²³. В результате блокады, введенной тайским правительством с благословения США, экономика Лаоса «пришла в полный упадок». По его подсчетам, многие тысячи тонн продуктов, предназначенных для его граждан, гнили в порту Бангкока. Официальная столица осталась без сахара, сала и молочных продуктов.

Суванна не только попросил о доставке продовольствия по воздуху, но и хотел бы обсудить более деликатный вопрос. Его армия снабжалась недостаточно, чтобы продолжать войну с Фуми Носаваном, потому что теперь Соединенные Штаты отказывались предоставлять Королевской армии Лаоса любую военную помощь. Суванна объяснил, что военной миссии США был уже послан перечень необходимого для трех пехотных батальонов и двух воздушно-десантных батальонов. Абрамов записал: «Суванна сказал, что этот перечень содержит в себе максимальные требования, и правительство Лаоса было бы счастливо, если бы советское правительство дало нам половину или хотя бы пятую часть того, что упомянуто в перечне». Суванна добавил: «Нам нужны... пистолеты, автоматы, пулеметы, минометы, гранатометы, легкая артиллерия и боеприпасы для всего этого». Суванна без обиняков сказал и о том, когда это должно быть доставлено: «Все это нужно как можно скорее».

Суванна объяснил, что потеря Луанг-Прабанга была «большой ошибкой для страны», и он имел сведения, что военное положение может ухудшиться. Фуми Носаван получал американскую военную помощь и американские доллары. Поэтому Суванна признался, что пытался сформировать правительство национального единства с представителями его группы, Патет Лао и даже «революционного комитета» Фуми Носавана. По словам Суванны, он сказал своему сводному брату, что только таким образом можно предотвратить расширение военных действий. «Без иностранного вмешательства, – сказал Суванна, – разделения в стране не будет». Суфанувонг и другие чле-

ны руководства Патет Лао согласились с предложением создать правительство национального единства.

Встреча с Абрамовым обрадовала Суванну. Советы подтвердили свое согласие поставлять продовольствие и топливо во Вьентьян, и Суванна, расставшись с Абрамовым, полагал, что все это будет срочно доставлено по воздуху «в течение трех или четырех дней». Он не знал, получит ли он какое-нибудь оружие. Хотя встреча была частной, о своем намерении просить экономическую и, «возможно», военную помощь у Советов он объявил на пресс-конференции за несколько часов до встречи с Абрамовым³⁰. Лаотянец не хотел действовать подло, тем самым ставя под удар любые будущие переговоры с Фуми Носаваном или Соединенными Штатами. После встречи Суванна сказал журналистам, что Советы согласились в скором времени доставить в Лаос по воздуху молоко, муку, сахар и двести двадцать тысяч галлонов [832 790 литров. – *Примеч. пер.*] бензина³¹.

* * *

Еще до того как Суванна объявил, что получит советскую помощь, администрация Эйзенхауэра искала повод, чтобы натравить своих союзников на лаосских правых. Дезертирство гарнизона в Луанг-Прабанге изменило военное положение на месте в пользу Фуми Носавана, а последующее решение Суванны ввести в правительство членов Патет Лао и признать красный Китай стало желанным предлогом, чтобы разрешить Фуми Носавану пойти в решительное наступление на нейтралистское правительство. На Вашингтон не произвело впечатления заявление Суванны от 20 ноября, что он расширит состав правительства, включив сторонников Фуми Носавана: Вашингтон расценивал это как чисто тактическую уловку. 21 ноября президент Эйзенхауэр приказал представителям США в Лаосе «немедленно рассекретить дело Фуми». Государственный департамент немедленно приказал главнокомандующему Тихоокеанским командованием Вооруженных сил (Commander in Chief, Pacific Fleet, сокращенно – CINCPAC) переслать платежи ЦРУ в войска Фуми Носавана, оказать ему необходимую поддержку с воздуха и «снять всякие военные ограничения, до сих пор налагавшиеся нами на Фуми»³².

Фуми Носаван ждал, когда Вашингтон даст ему разрешение напасть на войска Суванны, и сразу воспользовался этой новой возможностью. 30 ноября он совершил нападение из своего главного управления в Саваннакхете на границе с Таиландом, в ста милях [161 километр. – *Примеч. пер.*] южнее Вьентьяна³³. По американским и советским стандартам его ударные силы были небольшими и со-

стояли всего лишь из трех батальонов с несколькими танками, но в лаосской войне это было пугающе много.

Во Вьентьяне быстро разгадали, в чем дело. 2 декабря несколько сотен демонстрантов, дружественных Патет Лао, осудили намерения Суванны создать широкую коалицию, включавшую Фуми Носавана. «Выбор за вами, – объявил со ступеней Национальной Ассамблеи затравленный Суванна, – мир или война. Если вы хотите войны, можете отправить меня в отставку»³⁴. Тем временем Суванна попросил Фуми Носавана о прекращении огня и через американского посла попросил Эйзенхауэра не помогать Фуми Носавану, пока тот продолжает воевать³⁵.

Несмотря на опасное положение Суванны и его союзников из Патет Лао, Кремль не понимал чрезвычайности происходивших в стране событий. Обещанные советские продукты и запасы нефти должны были поступить в конце ноября. 3 декабря советское посольство во Вьентьяне заявило, что первая партия нефтепродуктов будет доставлена в тот же день. Абрамов поспешил в аэропорт, но обнаружил, что самолет, прилетевший на несколько часов позже, доставил лишь летчиков, совершивших «ознакомительный полет»³⁶. В конце концов через два дня пришли первые советские поставки. Пять самолетов «Ил-14» доставили всего сорок баррелей нефти³⁷. О начале советских воздушных поставок нефти Абрамов официально объявил 6 декабря. «Советское правительство и народ всегда оказывают помощь своим друзьям, оказавшимся в опасности»³⁸, – сказал он в аэропорту Вьентьяна, стоя перед советскими летчиками и их самолетами времен Второй мировой войны, некоторые из которых совсем недавно использовались для доставки помощи военным Лумумбы в Конго.

Слова Абрамова свидетельствовали о том, что он значительно опережает советскую политику. В Москве Хрущев все еще занимался тем, что считал гораздо более важными вопросами, чтобы всерьез инвестировать в Лаос. В Москву на экстренную встречу прибыли представители восьмидесяти одной коммунистической партии якобы для того, чтобы обсудить международное положение, но на самом деле – чтобы урегулировать китайско-советский спор. Время, чтобы рассмотреть просьбу Суванны о военной помощи, Кремль нашел лишь 7 декабря – через день после того, как делегации покинули Москву. Абрамову, все еще курсировавшему между Вьентьяном и Пномпенем, было немедленно приказано передать Суванне, что его просьба одобрена. Советы пообещали легкое вооружение трем пехотным батальонам и двум воздушно-десантным батальонам Королевской армии Лаоса. Однако Москва не поняла, что посылать оружие нужно быстро. Абрамову сказали, что поставка будет осуществлена в декабре и январе. Кроме того, разрешения пересекать воздушное пространство

Москва попросила у Пекина и Ханоя, чтобы доставлять это оружие непосредственно в Лаос³⁹.

Новости о том, что Москва наконец-то собралась вмешаться в ситуацию в Лаосе, вьетнамцы восприняли с некоторым разочарованием. Советское оружие предназначалось правительству Суванны, а не Патет Лао. Это Суванна должен был определить, чем он может поделиться с Патет Лао. Вьетнамцы, ожидавшие, что после поражения Фуми Носавана начнется вооруженная борьба между Патет Лао и Суванной, сочли политику Москвы недаленовидной.

* * *

Несмотря на предпочтения своего вьетнамского союзника, Хрущев решил рассматривать Лаос в качестве испытательного полигона для более гибкой и решительной стратегии мирного сосуществования. Недавно на Кубе и в Конго советский руководитель понял, что ему надо пойти на реальный риск, чтобы защитить идеологических союзников в развивающемся мире. В Лаосе он будет исходить из этих уроков, но проводить политику по-другому. Москва продолжит поддерживать своих идейных союзников, но, несмотря на возражения местных коммунистов, будет создавать и тактический военный альянс с нейтральстами. На это было несколько причин. Полагая, что Соединенные Штаты обладают в регионе решающим военным преимуществом, Хрущев не разделял оптимизма северных вьетнамцев и китайцев, уверенных, что мощная революция может победить в регионе, невзирая на предпочтения Вашингтона. Нет, советская стратегия будет нацелена на то, чтобы оттянуть время и дать возможность Патет Лао добиться политического преобладания в Лаосе. Поэтому Хрущев хотел, чтобы коммунисты Лаоса присоединились к объединенному фронту нейтральстов, который будет вооружаться Москвой и укрепится благодаря международному соглашению. «Главная задача в отношении Лаоса, – говорилось в начале 1961 года в докладе советского министерства иностранных дел, излагающего свою позицию, – бороться за ликвидацию источников иностранного вмешательства в этот регион и нейтрализацию этой страны»⁴⁰.

Содействие Суванне Фуме стало главной частью советской стратегии в Лаосе. Он пользовался международным доверием, и его представление о нейтральном, неприсоединившемся Лаосе в среднесрочной перспективе было правильным. Если Соединенные Штаты будут поставлять оружие врагу Суванны, то Москва решила предоставить такую же военную помощь, чтобы обеспечить победу нейт-

ралистов. Тем самым Хрущев сможет отстоять свою позицию перед Вашингтоном, Пекином и Ханоем.

* * *

Когда 10 декабря Абрамов наконец-то получил сообщение, что Кремль согласен посылать оружие, складывалось впечатление, что эта помощь поступит слишком поздно. Войска Фуми находились всего в пятидесяти милях [в восьмидесяти километрах. – *Примеч. пер.*] от Вьентьяна, и чувствовалась паника. Накануне ситуация вынудила Суванну объявить, что столицу, с ее 110-тысячным населением, защищать не будет. 9 декабря министр информации Суванны Киним Фолсена попросил Советы помочь ему прилететь в Ханой, чтобы лично передать письмо от Суванны к Хо Ши Мину с требованием немедленно оказать военную помощь. Абрамов предоставил свой самолет, и Фолсена получил от вьетнамцев обещание поддержать его⁴¹. Через три дня Фолсена при поддержке войск Конг Ле, который поспешил во Вьентьян, чтобы в последний раз оказать сопротивление Фуми, создал временное правительство, заменившее рухнувший режим Суванны. Суванна к тому времени уже покинул столицу.

Фолсена был человеком очень просоветских взглядов, но его возвышение не изменило отношения Хрущева к сложившейся ситуации. Советский руководитель не делал публичных заявлений о Лаосе. Советские представители порицали США за поддержку «агрессивных» действий Фуми Носавана, но Кремль решил не предостерегать Вашингтон о последствиях этой политики⁴². Единственным ответом Москвы на критическое положение была скромная военная поддержка. Первая из советских военных поставок поступила 12 декабря, когда военные Конг Ле получили партию гаубиц⁴³.

Советские артиллерийские орудия поступили поздно и не смогли предотвратить падения Вьентьяна. 20 декабря Абрамов и оставшиеся в столице члены правительства Суванны были вынуждены или покинуть город, или подвергнуться аресту. В конце месяца благодаря советским военным поставкам самолетами баланс начал изменяться в пользу нейтралистского правительства. Используя Ханой как центральный плацдарм, шесть советских транспортных самолетов «Ли-2» доставляли помощь войскам Конг Ле и Патет Лао в восточной части страны, которая была ближе всего к границе с Северным Вьетнамом. 31 декабря получившая оружие лаосская армия перешла в наступление, что вызвало панику в Белом доме и принесло облегчение Кремлю. Менее чем за месяц Конг Ле и Патет Лао отвоевали Вьентьян и изгнали из центрального Лаоса действовавшие при поддержке США войска Фуми.

В начале января Советы встретились с поляками, вьетнамцами и Суванной, чтобы обсудить ситуацию. Польша, которая вместе с Канадой и Индией создала комиссию международного контроля для проверки выполнения Женевского соглашения 1954 года, заявила, что «резюлюция по вопросу Лаоса зависит теперь от военного положения»⁴⁴. Москва не была столь уверена, и Хрущев решил объединить усилия с камбоджийским руководителем, принцем Сиануком, чтобы как можно скорее открыть международное совещание по поводу кризиса.

Хрущеву понравился оборот, который принимали события в Лаосе. Советская военная помощь, направленная на спасение союзника, оказалась более действенной, чем тем летом в Конго. Тем не менее он наверняка понимал, что, задержав военную помощь до тех пор, пока Вьентьян не оказался на грани падения, Москва почти провалила свою игру. Однажды в декабре китайский представитель в Ханое сказал своему советскому коллеге, что Москва должна «игнорировать все политические нюансы и сделать все, что можно, чтобы послать оружие в Лаос»⁴⁵. К счастью для Кремля, в конфликт было вовлечено так мало людей и оружия, что, хотя советская военная помощь поступила поздно, ей удалось предотвратить полный разгром коммунистических и нейтралистских вооруженных сил.

В начале 1961 года Хрущев ощутил необходимость систематизировать уроки, которые он получил в 1960 году в развивающемся мире. 6 января он произнес широко цитируемую речь о проблеме революции в «третьем мире». Не вполне отрекаясь от своей приверженности политике мирного сосуществования, он признал, что в определенные времена могут потребоваться военные действия, чтобы обеспечить успех национально-освободительных движений. Особо ссылаясь на гражданские войны во Вьетнаме и Алжире, Хрущев ввел понятие «священная война», чтобы охарактеризовать эти жестокие битвы. С учетом всего, что Хрущев вложил в свой политически мотивированный подход, это была большая уступка с его стороны. Теперь он надеялся, что эта уступка не будет означать советского участия во многих будущих малых войнах.

Советский руководитель недолго упивался восхищением, которое вызвало это заявление: вскоре события в Конго напомнили ему о хронической слабости советской позиции в «третьем мире»⁴⁶. С 2 декабря Патрис Лумумба оставался в тюрьме, куда его поместил командующий Конголезской армией Жозеф Мобуту. В середине января Кремль был обрадован новостями, что Лумумба поднял мятеж среди охранявших его солдат и бежал. Однако через четыре дня, 17 января, оптимизм снова уступил место гневу. Лумумба был вновь арестован солдатами Мобуту и отправлен в штаб-квартиру Моиза Чомбе в от-

делившейся провинции Катанга – в штаб-квартиру единственного человека в Конго, ненавидевшего Лумумбу больше, чем ненавидел его Жозеф Мобуту. И больше Лумумбу уже никогда не видели живым. Узнав об убийстве Лумумбы, Хрущев велел переименовать в его честь Университет дружбы народов. Советский руководитель все еще верил, что будущее сулит распространившемуся во всем мире социализму большие перспективы, но его тревожили битвы, которые велись в настоящем.

* * *

Уйдя с должности, Дуайт Эйзенхауэр не имел представления, насколько уязвимым Никита Хрущев ощущал себя в «третьем мире». Напротив, президент, судя по всему, был расстроен, что проблему советских успехов на Кубе и Лаосе он завещал своему преемнику. Несмотря на недавние успехи в Конго, Эйзенхауэр был еще охвачен страхом и тревогой, вызванными теми планами убийства, которые ЦРУ вынашивало в августе 1960 года. Лумумба умер, но Эйзенхауэр решил оставить своему преемнику, Джону Ф. Кеннеди, вопрос о том, что делать с Фиделем Кастро.

19 января, на прощальной встрече с избранным президентом, Эйзенхауэр, кроме того, настойчиво подчеркивал значимость Лаоса. Уходящий президент полагал, что от судьбы этой крошечной страны зависит будущее всего региона. «Это пробка в бутылке», – сказал он. Малоизвестная американскому народу гражданская война в Лаосе обрела особое значение в декабре 1960 года, когда Советский Союз начал свои поставки по воздуху из Ханоя правительственным силам левой ориентации. Для администрации Эйзенхауэра поступок Хрущева предвещал новое наступление. Он свидетельствовал о том, что Советы решили принять участие в войне, которую до сих пор вели лишь его социалистические союзники – Северный Вьетнам и, в меньшей степени, Китайская Народная Республика.

Новый президент привнес в проблему Лаоса и свои собственные представления. В 1951 году Кеннеди посетил Юго-Восточную Азию, будучи молодым конгрессменом. Во время этой поездки, включавшей остановки в Индокитае, Японии, Индии и Корее, он много слушал. Кеннеди, увидев национализм в действии, вернулся возбужденным и глубоко озабоченным неспособностью даже его однопартийцев-демократов понять, что национализм там не только сохранится, но и, если его надлежащим образом стимулировать, может стать полезной силой в развивающемся мире. После ожесточенных споров в Конгрессе в начале пятидесятых годов относительно того, кто «проиграл» Китай Мао Цзэдуну (споров, в которых Кеннеди был таким

же защитником тезиса, что «мы могли это предотвратить», как и всякий другой конгрессмен), американские законодатели не хотели даже казаться сторонниками любого нейтралистского движения, которое потенциально могло стать коммунистическим⁴⁷. Сначала как представитель, а позже как сенатор Кеннеди придерживался более гибкой политической линии в развивающемся мире и в конечном счете открыто поддержал деколонизацию и антикоммунизм и в Индокитае, и в Алжире⁴⁸.

Теперь, только вступая в должность президента, будущий противник Хрущева еще не решил, какой будет его политика на Кубе или в Лаосе. Но он знал, что нередко политическая непреклонность или неуклюжая дипломатия приводили к тому, что Соединенным Штатам не удавалось сделать своими друзьями тех, кто бы мог ими стать. Как и советский руководитель, Кеннеди понимал, что в бывших европейских владениях «так долго таившееся пламя национализма... теперь разгорелось... Колониализм – это не тема для разговора за чаем; это насущная пища миллионов»⁴⁹. Кеннеди ожидал, что во время его президентства «третий мир» станет основным фокусом «холодной войны».

Однако у Хрущева было собственное представление о том, в каком направлении развивается «холодная война». Надеясь, что его более энергичная защита молодых постколониальных союзников предотвратит грядущие кризисы в «третьем мире», он надеялся привлечь внимание Кеннеди к регионам, представлявшим более существенный интерес для Кремля.

Глава 14

«ОН СУКИН СЫН»

Политическую победу молодого Джона Ф. Кеннеди в ноябре 1960 года Хрущев расценил как возможность для продвижения своей повестки национальной безопасности. Советский посол Михаил Меншиков, «улыбчивый Майк», почти всем, кто мог быть связан с Кеннеди, намекал, что Хрущев хочет возобновить процесс разрядки международной напряженности, в значительной степени прекратившийся после Парижской встречи в верхах¹. Советский Союз решительно показал, что надеется на улучшение отношений со вступающей в должность администрацией, когда безоговорочно освободил двух летчиков самолета-разведчика «РБ-47» («RB-47»), которых он содержал под арестом с июля 1960 года. Внешнеполитическому сообществу в Вашингтоне представлялось очевидным, что Кремль не принимает во внимание никаких потенциальных опасений, связанных с тем, что Джон Кеннеди победил с небольшим преимуществом, и сразу же обращается с ним как с руководителем, призванным изменить ход «холодной войны».

Показателем того, с какой неприязнью Хрущев относился к Ричарду Никсону, был энтузиазм, с которым он приветствовал победителя от демократов. Исходя из того, что Хрущев узнал о «Джеке» Кеннеди, он почти не имел оснований возлагать большие надежды именно на этого американского политика. В ходе избирательной кампании Кеннеди критиковал уходящую администрацию за то, что ей не удалось ответить на советский вызов достаточно энергично. «Я не хочу быть президентом страны, погибающей под грибовидным облаком от взрыва ядерной боеголовки, – говорил Кеннеди в последние недели кампании группе таких же, как и он, американских ветеранов Второй мировой войны. – Но я не хочу быть и президентом страны, которую отбросили назад и которая перешла к обороне из-за ее нежелания смотреть в лицо фактам нашего национального существования, говорить правду, нести тяготы, налагаемые свободой, – страны, которая теряет свою силу, когда мир, как сказал Т. С. Элиот, завершает свое существование “не с взрывом, а с всхлипом”»².

По двум вопросам, которые были для Хрущева важнее всего – разоружения и германскому – Кеннеди во время избирательной кампании, судя по всему, занимал позиции более жесткие, чем его соперник Никсон. Кеннеди уверял избирателей, что приоритетом его администрации будет укрепление мощи США. Он собирался ускорить создание ракет, увеличить запасы обычных вооружений, восстановить международный престиж Америки – и только после этого начинать новый раунд переговоров с Хрущевым. Кеннеди неоднократно обещал защищать безопасность Западного Берлина и доступ Запада к городу. Кроме того, хотя он и уверял своих слушателей, что следующему президенту США придется договариваться с Хрущевым по Берлину, но во время кампании Кеннеди никогда не предлагал дипломатический план разрешения проблемы³.

Другим источником потенциального разочарования для Хрущева было то, что Кеннеди неоднократно критиковал советские достижения в «третьем мире». «В следующем десятилетии крупная внешнеполитическая битва произойдет не в Западной Европе и не непосредственно между Советским Союзом и Соединенными Штатами, – говорил кандидат. – Предстоит большая проверка, которая покажет, какая система распространяется шире, какая система решает проблемы людей в Латинской Америке, Африке и Азии»⁴. Среди стран, куда уже проник коммунизм, Кеннеди больше всего беспокоила Куба. «Кастро не просто еще один латиноамериканский диктатор – самодур, старающийся исключительно ради своей личной власти и выгоды. Его амбиции простираются далеко за пределы его собственных берегов. Он превратил остров Кубу во враждебного и воинственного коммунистического сателлита – в базу, с которой будет осуществлять коммунистическое проникновение и вести подрывную деятельность в обеих Америках»⁵. «Соединенные Штаты, – добавил Кеннеди, – ...вряд ли могут закрывать глаза на ракетную или подводную базу потенциального врага всего в девяноста милях [в 144 километрах. – *Примеч. пер.*] от наших берегов»⁶.

Основная информация о новом президенте США, доступная Хрущеву, также была аргументом в пользу осторожности. Родившийся в Бруклайне, штат Массачусетс, в 1917 году, Кеннеди был привилегированным ребенком. Окончив частную школу-интернат «Чоут» и затем Гарвардский университет, он получил необычное политическое образование, когда президент Франклин Рузвельт назначил его отца послом США при Сент-Джеймском дворе [официальное название двора британских монархов. – *Примеч. пер.*]. В Лондоне Джозеф Патрик Кеннеди добился известности заявлениями, что Британия ослабнет под гнетом борьбы с нацистами, ратуя за то, чтобы Соединенные Штаты не принимали никакого участия в ев-

ропейском соперничестве. Похоже, «Джо» Кеннеди больше беспокоила угроза, исходившая от Сталина, чем все, что Гитлер мог сделать в Америке. В Кремле обращали внимание Хрущева на влияние, которое старший Кеннеди мог оказать на представления Джона Кеннеди о внешней политике. И министерство иностранных дел, и КГБ в своих биографических справках о новом президенте указывали на резкую риторику Кеннеди в президентской кампании и неуклюже связывали ее с печально известным антикоммунизмом его отца⁷.

Министерство иностранных дел характеризовало Джона Кеннеди как «типичного прагматика», но было куда менее оптимистично в отношении перспектив переговоров по какому-либо из вопросов, имевших значение для Хрущева⁸. «В отношениях между США и СССР, – информировали Хрущева, – позиция Кеннеди... довольно противоречива». В новом лидере КГБ усматривал чуть больше либерализма, нежели прагматизма. Ключевые иностранные разведчики Хрущева пришли к выводу, что Кеннеди принадлежит к либеральному крылу Эдлая Стивенсона из Демократической партии, верившему в необходимость дипломатических компромиссов везде, где это возможно, для разрядки напряженности «холодной войны». А это предполагало большую вероятность того, что Кеннеди будет рассматривать передовые подходы к двусторонним проблемам⁹. Хотя КГБ и советское министерство иностранных дел расходились во мнениях относительно того, насколько сын разделял резкие взгляды отца, аналитики из обоих ведомств отмечали, что Кеннеди признавал несостоятельность концепции ракетного отставания и вряд ли будет участвовать в каких-либо существенных переговорах до тех пор, пока не создаст военную мощь США.

Среди этих бумаг, которые Хрущев мог читать или не читать, был скрыт самородок, то есть информация об одном любопытном кулуарном слухе, распространенном в Кремле и вокруг него. Хотя КГБ еще не был готов изложить на бумаге свое мнение о способностях нового президента как руководителя, министерство иностранных дел было готово охарактеризовать его как человека, «едва ли обладающего качествами выдающейся личности». Некоторым членам советского руководства казалось, что этот отпрыск богатой американской семьи, не имевший серьезного опыта работы в законодательной или исполнительной власти, не имеет никакого политического веса.

Это могло бы удивить многих западных поборников «холодной войны», но это был не тот противник, которому был бы рад Хрущев. Ему был нужен энергичный прагматик, который смог бы выступить против сил милитаризма и реакции, которые, как он полагал, неистовствовали в Вашингтоне. Опыт 1960 года, кульминацией которых стал инцидент с «U-2», укрепил его убежденность во внутренней не-

стабильности внешней политика США. Хрущев по-прежнему полагал, что Эйзенхауэр был человеком мира, добрые намерения которого сводились на нет ЦРУ и Пентагоном. Если Джон Кеннеди окажется сильным лидером, то, как надеялся Хрущев, он обуздает эти силы и будет честно договариваться с Москвой¹⁰. Эти представления были основаны на уверенности советского руководителя, что его собственные предложения, относятся ли они к доступу Запада к Берлину или к разоружению сверхдержав, в высшей степени разумны.

В конце ноября в Кремле Хрущев, общаясь с восточногерманским руководителем Вальтером Ульбрихтом, обрисовал в общих чертах свою стратегию обращения с новым президентом. Советский руководитель собирался разрешить берлинский вопрос в начале 1961 года, встретившись с Кеннеди. Для начала Хрущев хотел бы организовать встречу один на один, а не конференцию представителей четырех держав. Он планировал предложить «уступку» по Берлину, изначально подготовленную для Эйзенхауэра, временное соглашение по Западному Берлину с фиксированным предельным сроком, после которого Западный Берлин станет вольным городом без всяких оккупационных войск или особых путей доступа для войск НАТО. Если окажется, что Кеннеди не желает договариваться о приемлемом соглашении, советский блок снова прибегнет к ультиматуму.

Решение Хрущева ускорить рассмотрение берлинского вопроса в начале первого года пребывания Кеннеди в должности стало сюрпризом для Ульбрихта, которого не предупредили, что Советы обдумывают еще один ультиматум¹¹. Болезненный опыт ультиматума 1958 года заставил Ульбрихта скептически отнестись к решимости Хрущева. «Среди наших людей, – сказал Ульбрихт, – уже возникает такое настроение, когда они говорят, что вы лишь говорите о мирном договоре, но ничего для него не делаете. Мы не можем действовать так же [как мы действовали]»¹². Хрущев заверил его, что на этот раз все будет по-другому: «Если не будет временного соглашения, то тогда мы подпишем мирный договор с ГДР, и пусть они увидят свое поражение». Хрущев был уверен, что даже если эта попытка и вызовет временную напряженность, она не приведет к мировой войне. «Конечно, подписывая мирный договор, – сказал он, – мы должны будем привести наши ракеты в боевую готовность. Но, к счастью, наши противники пока еще не сошли с ума; они еще думают, и у них неплохие нервы»¹³. Однако Хрущев отказался предсказывать, произойдет ли кризис. Может, Кеннеди и согласится на их требования.

Примерно через день после того, как Ульбрихт покинул Кремль, Хрущев получил обнадеживающее сверхсекретное сообщение из Вашингтона. 1 декабря 1960 года Роберт Фрэнсис Кеннеди – брат избранного президента и победоносный руководитель избиратель-

ной кампании – дал получасовое интервью секретному сотруднику КГБ, работавшему под прикрытием советского журналиста. Неясно, знал ли Роберт Кеннеди наверняка, что этот журналист имел особый доступ к руководству; будущий Генеральный прокурор США, вероятно, уже предположил – и, как выяснилось, правильно, – что большинство советских журналистов были шпионами. Используя сотрудника КГБ, Роберт известил Москву о добрых намерениях своего брата. Избранный президент, сказал Роберт, «серьезно озабочен положением в Берлине и будет стараться найти способ урегулировать берлинскую проблему. Однако если в ближайшие несколько месяцев Советский Союз окажет давление по этому вопросу, то тогда Кеннеди будет, разумеется, защищать позицию Запада»¹⁴. Через несколько недель Хрущев написал Ульбрихту, чтобы объяснить, что американцы, как он и надеялся, пересматривают свою берлинскую политику¹⁵.

* * *

Вступая в должность, Кеннеди собирался возобновить тот дипломатический процесс, который резко оборвался после взрыва самолета Фрэнсиса Гэри Пауэрса в небе над Свердловском. Несмотря на всю жесткость речей о советском вызове, которые вел во время своей избирательной кампании Кеннеди, его конечная цель состояла в том, чтобы привлечь к делу Кремль и ослабить угрозу «холодной войны». «Мы вооружаемся наперегонки», – часто говорил он во время избирательной кампании, вспоминая Уинстона Черчилля¹⁶. Кеннеди полагал, что в деле «U-2» Эйзенхауэр действовал неумело, тем самым упустив реальную возможность установить такие отношения с Советами, которые снизили бы риск войны в Центральной Европе. «Было бы лучше, – позже сказал репортерам Кеннеди, – если бы президент извинился за аварию [«U-2»] на советской территории, а не прибегал бы, как он сделал, ко лжи, которая, как потом выяснилось, была ложью перед мировым общественным мнением»¹⁷.

Во время десятидневного переходного периода между выборами и инаугурацией команда Кеннеди собрала экспертов для изучения политики по всем аспектам отношений США с Советским Союзом. Группы этих экспертов выдвигали идеи для новых предложений и стратегий улучшения отношений. Предлагалось, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз активизировали культурный обмен. Кроме того, звучали предложения по расширению торговли между двумя странами, которую советовали не ограничивать продажей крабового мяса; были предложения о возможном сотрудничестве в космосе.

Но никаких новых идей по Берлину от Кеннеди не исходило. Кеннеди привлек к работе находившегося в отставке государственно-

го секретаря Гарри Трумэна Дина Ачесона, предложив ему подумать, как выйти из берлинского тупика. Однако еще до завершения этого процесса специалист по Германии Мартин Хилленбранд, много лет работавший в государственном департаменте, сформулировал вопрос, стоявший перед группой Ачесона. «Мы можем жить со статусом-кво в Берлине, но не можем брать на себя реальную инициативу, чтобы изменить его к лучшему, – написал он в январе 1961 года. – Советы и восточные немцы – всякий раз, когда они готовы к политическим последствиям, – могут, в большей или меньшей степени, изменить положение к худшему»¹⁸. С 1948 года, когда Сталин первым попытался удалить из Западного Берлина западных союзников, защита города и двух миллионов двухсот тысяч его жителей была в послевоенной Европе пробным камнем для престижа США. Ни один президент не мог упускать эту возможность. В конечном счете, каждый из тех, кого Кеннеди просил оценить эту проблему, приходил примерно к такому же выводу, который сделал для Кеннеди Хилленбранд: «Какой бы настоятельной ни была потребность найти какой-нибудь новый подход к проблеме, ситуация такова, что она с неизбежностью строго ограничивает практические варианты действий, доступных для Запада»¹⁹.

* * *

От внимания Кремля укрылся и другой имевший непосредственное значение политический обзор. В последние месяцы президентства Эйзенхауэра ускорилась секретная подготовка к устранению Фиделя Кастро. Несмотря на опасения Москвы и Гаваны, администрация никогда не планировала осуществлять убийство или насильственное смещение Кастро, чтобы обеспечить избрание президентом Ричарда Никсона. Тем не менее команда сотрудников ЦРУ под руководством бывшего куратора программы «U-2» Ричарда Бисселла неустанно работала над тем, чтобы представить Белому дому множество вариантов секретных операций. К тому времени, когда на смену одному президенту должен был прийти другой, специалисты пришли к заключению, что около тысячи кубинских эмигрантов, получивших подготовку по ведению партизанской войны на секретных объектах в Луизиане и Гватемале, могут нанести режиму смертельный удар.

Бисселл был дружен с Кеннеди еще с тех времен, когда существовал коктейльный клуб в вашингтонском районе Джорджтаун. Похоже, он был первым, кто ему намекнул, что ЦРУ надеется получить согласие Белого дома на радикальные действия на Кубе в самом начале президентства Кеннеди. 18 ноября 1960 года состоялась встреча, на которой Кеннеди получил его первый официальный отчет о планировании операций на Кубе. И директор ЦРУ Аллен Даллес,

и Бисселл покинули ее в уверенности, что новая администрация продолжит начатое Эйзенхауэром²⁰. В политике, нацеленной на устранение Кастро, перемен не будет. В феврале 1961 года ЦРУ составило свою программу действий, которую получил для просмотра, а потом и одобрил Объединенный комитет начальников штабов. В апреле Кеннеди дал временное согласие, хотя он всегда сохранял за собой право отменить операцию в последний момент.

Хотя Кремль кое-что знал о действиях Вашингтона против Кастро, Хрущев внушил себе, что намерения Кеннеди не должны вызывать опасений. Если события, которые произошли в Восточной Европе осенью 1956 года, усугубили опасения Хрущева относительно существовавшей на Ближнем Востоке угрозы Насеру, то подобное же влияние на советского руководителя оказали и внутрисполитические события начала 1961 года.

Семилетний план развития экономики СССР, о котором так громгласно заявляли в 1958 году, провалился. Кремль составил этот план на волне опасений, что материальные проблемы советских трудящихся приведут к политическому кризису наподобие того, который в 1956 году советские танки подавили в Будапеште. Во время своих инспекционных поездок по стране Хрущев увидел множество свидетельств, что советское государство не удовлетворяет даже самых насущных потребностей своих граждан. Дмитрий Полянский, член Бюро ЦК КПСС по РСФСР (самой крупной из пятнадцати республик СССР), заверял его, что запасов продовольствия в России достаточно. Когда же Хрущев обнаружил, что это не так, Полянский ответил: «Если вывести Москву и Ленинград из зоны нашей ответственности, то мы сможем себя прокормить». Скептически восприняв эту глупость, Хрущев спросил: «А Москву кому мы отдадим – Грузии?» В действительности советским людям не хватало мяса, молока и яиц. На колхозных рынках яйца, когда они появлялись, продавалась по цене, эквивалентной трем долларам за дюжину, тогда как батон хорошего русского хлеба стоил копейки²¹. Кремлю пришлось продать двадцать три тонны золота в Лондон (что было эквивалентно двадцати шести миллионам долларов), чтобы купить в Европе масло, потому что страна не могла произвести в достаточном количестве своего собственного²². В очередях за продуктами рассказывали анекдот: «Какой национальности были Адам и Ева?» Ответ был таким: «Русскими». На вопрос: «Почему?» – следовал ответ: «Потому что они оба были голыми, из еды у них было только одно яблоко, и они думали, что они в раю»²³.

Хрущев очень хорошо понимал, что его народ живет не в раю, и проблема была не просто в доступности масла. Вскоре после венгерского восстания Хрущев предупреждал своих коллег по Президиуму,

что для сохранения советской власти жилью имеет такое же политическое значение, как и еда. Поэтому в 1958 году Кремль пообещал построить два миллиона кубических метров нового жилья. В начале 1961 года нового жилья не хватало настолько, что по распоряжению Хрущева все новые строящиеся жилые дома должны быть выше стандартных пяти этажей, чтобы можно было угнаться за спросом на жилье. Но даже это временное решение оказалось неприменимым. Хрущеву пришлось отменить свой приказ, когда ему сообщили, что у СССР не хватает сырья, чтобы производить лифты для более высоких жилых домов²⁴. Вскоре кремлевские руководители обнаружили, что им придется решать, какие цифры придумывать для всех направлений семилетнего плана, чтобы разрыв между обещаниями и реальностью не казался таким огромным, каким он был на самом деле²⁵.

Хрущев был удивлен, как легко его подчиненные принимали это прискорбное положение дел. «Почему мы терпим это дерьмо в партии?»²⁶ – заметил он, узнав об областном начальнике, получившем повышение после того, как выполнил план по мясу, забив коров, необходимых для производства молока. Один партийный секретарь города в трехстах милях [в 482 километрах. – *Примеч. пер.*] от Москвы [речь идет о тамбовском партийном секретаре Золотухине. – *Примеч. пер.*] твердил, что допустил ошибку и требовал снять с него штаны, чтобы его выпорол лично Хрущев. «Он это три раза повторил, – позже говорил Хрущев. – Я уже не вытерпел и сказал ему: “Что это вы все штаны хотите снять и зад нам показать? Вы думаете доставить нам удовольствие? Какой это секретарь?”»²⁷

Хрущев шутил, но чувствовал угрозу провала, ведь он обещал советским людям, что к 1970 году СССР догонит и перегонит Соединенные Штаты. Безрадостные отчеты с мест вынудили его напомнить коллегам, что власть должна серьезно относиться к задаче обеспечить гражданам американский уровень жизни. «Помните, как Молотов и Каганович кричали на меня, когда я объявил, что мы догоним Америку?.. Они испугались призыва догнать Америку». Хрущев еще верил, что это возможно. Но это значило, что надо упорнее работать. «Что значит догнать Соединенные Штаты? – спрашивал он своих коллег в марте 1961 года. – Это значит напряженно думать. Прекратите всю эту суету»²⁸.

Другими неприятными и раздражающими факторами первых месяцев 1961 года были Китай и его странный маленький союзник в Европе – Албания. Ксенофобский албанский режим, во главе которого после разгрома нацистов на Балканах стоял Энвер Ходжа, солидаризировался с Китаем из опасения, что Хрущев и югославский Тито задумали разделить Юго-Восточную Европу. Определенную роль играла и идеология. Ходжа не собирался предоставлять албан-

цам даже умеренную либерализацию, которую он связывал с проводившейся Москвой кампанией десталинизации. Напряженность в отношениях между Советским Союзом и Албанией выявилась на IV съезде Албанской партии труда, состоявшемся в феврале 1961 года. Проходившие на нем дискуссии раздражали лично Хрущева: в Москву сообщали об албанцах, заменявших его официальные портреты во всех государственных зданиях старыми портретами Сталина, но почти никак не влияли на международные дела²⁹. Однако, когда Хрущев предложил разорвать все торговые связи с Албанией, Микоян ему напомнил, что реальное значение имеет Китай, и Мао может прореагировать слишком резко, если Советский Союз ополчится на его балканского друга³⁰.

Микоян был убедителен, и Хрущев из осторожности согласился выполнить его просьбу. Кроме того, по-настоящему беспокоило Кремль не китайское влияние в Европе, но то, что Пекин усложнял ситуацию в Юго-Восточной Азии. Китайцы солидаризировались с Патет Лао и северными вьетнамцами, чтобы добиться победы революции в Королевстве Лаос³¹. Положение резко изменилось после того, как в декабре 1960 года в результате наступления, предпринятого Фуми Носаваном при поддержке США, из страны пришлось бежать нейтралистскому премьер-министру Суванне Фуме и большинству руководителей коммунистического Патет Лао. В январе 1961 года успешное контрнаступление Патет Лао повысило шансы на победу Пекина и Ханоя. Однако, хотя Патет Лао и продолжал побеждать, Хрущев посоветовал коммунистическим властям обеих стран искать дипломатического решения кризиса в Лаосе. Убедившись, что, если наступление продолжится, действия Патет Лао могут подтолкнуть США к интервенции, он заявил, что прочные успехи в регионе достижимы лишь благодаря терпеливой политической борьбе³².

В марте Кеннеди помог Хрущеву обосновать этот тезис. На встрече с Громыко, прилетевшим в Соединенные Штаты, чтобы узнать взгляды Кеннеди на положение в Юго-Восточной Азии, президент США сказал советскому министру, что теперь Вашингтон поддерживает нейтралистское правительство Суванны Фумы. Кеннеди надеялся создать объединенный нейтральный Лаос с единой армией и коалиционным правительством, то есть проводил точно такую же политику, какую Хрущев отстаивал перед Пекином и Ханоем³³. Через четыре дня Советы передали северным вьетнамцам копию тех разделов русской стенограммы встречи, где речь шла о Лаосе, и попросили ознакомить с ней Политбюро Северного Вьетнама и его лидера Хо Ши Мина³⁴. Затем Москва обнародовала публичное заявление в поддержку прекращения огня в Лаосе и частным образом призвала Пекин, Ханой и Патет Лао последовать ее примеру. Хотя позже ки-

тайцы присоединились к Патет Лао, согласившись на прекращение огня, Москва понимала, что Мао решительно против создания объединенного Лаоса под властью нейтралистского правительства³⁵.

В этой атмосфере разочарования внутри страны и споров за ее пределами успешный полет 12 апреля космонавта Юрия Гагарина стал желанным событием, которое отвлекло от проблем и Хрущева, и советское руководство. Советский Союз, не способный накормить или по-настоящему обеспечить жильем своих граждан, стал, тем не менее, первой страной, запустившей человека в космос. Хрущев опасался, что полет Гагарина может сорваться, и отказался назначать его на 1 мая, чтобы возможная неудача не омрачила традиционного праздника. Однако его советники по космосу были уверены в успехе и перенесли дату полета на более раннюю дату, чтобы Москва гарантированно опередила американцев, готовивших астронавта Алана Шепарда к полету в первую неделю мая³⁶.

Хрущев, обрадовавшись сообщению об успешном полете Гагарина, велел устроить празднование – самое большое в стране после торжеств в честь окончания войны, проводившихся 9 мая 1945 года. Четыре истребителя «МиГ» сопровождали самолет «Ил-18», доставивший Гагарина в советскую столицу, и, прежде чем приземлиться в аэропорту Внуково, вся эта группа самолетов облетела вокруг Москвы. Люди стояли на улицах, на крышах и на балконах домов вдоль пути в центр города... Потом состоялся большой парад на Красной площади³⁷. Советский народ изголодался по празднованиям, и вызванный Гагариным общественный энтузиазм быстро охватил весь СССР³⁸. Хотя размах этих торжеств в Москве удивил даже членов семьи Хрущева, он понимал, что празднования помогли отвлечь советский народ от мрачной реальности повседневной жизни и явного краха его обещаний³⁹. Учитывая недавние отчеты о повсеместно низком качестве строительства жилья, которые получал Хрущев, он считал удачей, что ни один из балконов, заполненных зеваками, во время торжеств не рухнул⁴⁰.

* * *

На фоне этих событий советское руководство решило игнорировать все более многочисленные доказательства заговора США против Кастро. В апреле по Гаване прокатилась волна террористических взрывов и случилось несколько подозрительных пожаров. 13 апреля из-за поджога сгорел «Эль Энканто» – крупнейший на Кубе универсальный магазин⁴¹. А накануне резидент КГБ в городе Мехико сообщил, что, по данным источника в Коммунистической партии Гватемалы, всего через несколько дней произойдет более масштаб-

ное нападение, организованное США⁴². С лета 1960 года советские опасения, что Америка нанесет военный удар по Кастро, то усиливались, то ослабевали. Во многом так же, как в детской сказке про мальчика, кричавшего: «Волк!» – значимость этих опасений сходила на нет, когда всякий следующий раз обнаруживалось, что американские морские пехотинцы так и не высадились на Кубе⁴³.

Кроме того, Хрущев получил от Кеннеди два сигнала, свидетельствовавших о маловероятности американского нападения на Кастро. В марте посол США Томпсон отправился в Сибирь и проехал две тысячи миль [3218 километров. – *Примеч. пер.*], чтобы передать Хрущеву личное послание от президента, в котором говорилось, что пора организовать личную встречу: ее предлагалось провести в конце мая, в нейтральной европейской столице. 1 апреля Хрущев ответил Кеннеди письмом, в котором выражал свое согласие⁴⁴. Дата была еще не определена, но Кеннеди определенно хотел встретиться. Через неделю американцы попросили отложить встречу до июня и устроить ее в Вене.

Американское согласие на встречу в верхах было воспринято как свидетельство уважения нового президента к Хрущеву. Второй сигнал, который привел в замешательство советского руководителя, поступил в виде заявления Кеннеди, которое, судя по всему, подразумевало терпимое отношение к Кастро. В тот же день, когда отделение КГБ в Мехико подало сигнал тревоги, президент публично опроверг слухи, что Соединенные Штаты готовы напасть на Кубу. В ответ на вопрос, заданный ему на пресс-конференции, Кеннеди заявил, что «вооруженные силы Соединенных Штатов ни при каких условиях не нападут на Кубу. Правительство сделает все возможное, и думаю, может со всей ответственностью гарантировать, что ни в каких операциях на Кубе ни одного американца не участвует... Главный конфликт происходит не между Соединенными Штатами и Кубой. Он происходит среди самих кубинцев»⁴⁵.

Ответ Кеннеди не только укрепил мнение Хрущева, что Белый дом воздержится от боевых действий, но и успокоил всю советскую систему национальной безопасности сверху донизу. Предположив, что в отсутствие Александра Алексеева, резидента КГБ в Гаване, ничего не случится, в апреле ему разрешили покинуть Кубу, чтобы совершить поездку в Бразилию. Перед отъездом Алексеев стал свидетелем начального этапа американской кампании – нескольких нападений, совершенных антикастровскими диверсантами в центре Гаваны; их кульминацией стало вторжение в Залив Свиней. Позже Алексеев вспоминал, что даже он не предвидел никакой более серьезной угрозы: «Я видел [американские] бомбардировки... Но поче-

му мы не верили, что это вторжение будет таким масштабным? Не знаю... Мы просто в это не верили»⁴⁶.

Тревоги кубинцев несколько утихли после пресс-конференции Кеннеди. Че Гевара, встретившись 14 апреля с советским послом Сергеем Кудрявцевым, сказал, что «опасность вторжения в страну большими десантами внешних контрреволюционных сил теперь, по всей вероятности, пошла на убыль». У кубинцев имелись доказательства, что за пожаром в магазине «Эль Энканто» стояло правительство США. «Одна из таких [небольших] бомб, – сообщал Гевара Советам, – после пожара была найдена неразорвавшейся в помещении магазина [«Эль Энканто»] с клеймом “Армия США”». Однако даже Гевара полагал, что, хотя Кеннеди был таким же врагом кубинской революции, как и Эйзенхауэр, новый президент не был сторонником крайних мер. «Тактика несколько изменилась», – сообщал Гевара Кремлю. Тогда кубинцы полагали, что главными методами политики США являются дипломатическая изоляция и экономический саботаж⁴⁷.

Однако, когда через день после встречи Че с советским послом организованные американцами бомбардировки усилились, кубинцы снова насторожились. Взрывы в Гаване и городах Сантьяго-де-Куба и Сан-Антонио-де-лос-Баньос, которые произошли рано утром 15 апреля, вынудили Кастро объявить, что речь шла о подготовке к вторжению на остров. 16 апреля кубинские ВВС и ВМС приступили к открытому патрулированию, хотя у Гаваны не было точных сведений о том, когда произойдет нападение⁴⁸. А Москва, между тем, по-хуже, никаких нападений не ожидала.

17 апреля 1961 года в Москву поступили сведения, что кубинские мятежники при поддержке США высадились на трех участках морского берега вдоль Залива Свиной, и кубинское правительство в изгнании потребовало поднять на Кубе восстание⁴⁹. Хрущев думал, что эту провокацию директор ЦРУ Аллен Даллес устроил для того, чтобы сорвать предстоящую встречу с Кеннеди, – точно так же, как он отправил Фрэнсиса Гэри Пауэрса в полет на «U-2» для того, чтобы сорвать саммит в Париже. Не желая признавать, что он недооценил неприязнь Кеннеди к кубинскому режиму, Хрущев утешал себя отчетами КГБ, в которых говорилось, что главным ответственным за кубинский провал был Даллес⁵⁰. Например, резиденты КГБ сообщали из Лондона, что, по информации сотрудников посольства США, Кеннеди теперь сожалеет о том, что сохранил в своей администрации таких республиканцев, как Аллен Даллес и министр финансов Кларенс Дуглас Диллон⁵¹.

Новость об американской интервенции застала Кремль врасплох, кубинская разведка также не получала заранее никаких подробных

предупреждений, однако слабость тактических аспектов операции ЦРУ обрекла ее на провал. Поблизости от места высадки не было партизан, которые могли бы укрепить плацдарм для высадки морского десанта. Тысяча двести бойцов высадились в низинной, болотистой местности с одной-единственной дорогой. На рассвете, чтобы защитить побережье, по этой дороге двинулись колонны присланных из Советского Союза танков. Помимо слабости плана операции она страдала и от слабости президентского руководства. В последний момент Кеннеди отменил удар с воздуха, который мог бы обеспечить силам вторжения превосходство в воздухе. А поскольку этого не произошло, шесть самолетов ВВС Кастро потопили два корабля десантных сил, на одном из которых было радиотехническое оборудование отряда и боеприпасы. 19 апреля Соединенные Штаты начали вывозить из этой зоны всю, какую только смогли, технику и выводить оттуда бойцов. Более тысячи ста солдат, выживших после штурма, остались на Кубе в качестве пленных⁵².

* * *

Вторжение в Залив Свиней положило конец благодушному отношению Хрущева к администрации Кеннеди. Теперь советский руководитель даже и не знал, что ему думать о молодом президенте. Стояли за этим нападением президент Кеннеди, или его устроили такие сторонники жесткой линии, как Аллен Даллес? Хрущев не сразу составил свое мнение о том, что все это значило. 18 апреля он направил Кеннеди язвительный письменный протест. Но, помимо этого, он велел Андрею Громыко, лично вручившему ноту протеста послу Томпсону, подсластить горькую пилюлю словами, свидетельствовавшими о желании, чтобы «возникшие недавно разногласия были разрешены, и американо-советские отношения улучшились»⁵³. Хрущев надеялся, что Кеннеди даст понять, какое направление он собирается придать американо-советским отношениям.

* * *

Провал операции в Заливе Свиней оживил интерес Вашингтона к саммиту сверхдержав – к встрече Хрущева и Кеннеди. Президент решил, что, поскольку у него нет реальных предложений Советам и намерения пойти на уступки, на встрече с советским лидером он должен продемонстрировать силу своей президентской власти. И, хотя Кеннеди не остался безразличным к широкому политическому неодобрению, особенно в Западной Европе, операции на Кубе, его прежде всего волновало, что после этого фиаско Советы могли сделать вывод, что он – слабый президент.

Возможность ускорить подготовку к встрече в верхах президенту предоставил его брат – генеральный прокурор. По природе скрытный, Роберт Кеннеди был из числа людей, которым удобно действовать за кулисами. «Было бы очень полезно, если бы Генеральный прокурор Соединенных Штатов, – писала его многолетний секретарь Энджи Новелла, – всегда сообщал своим непосредственным сотрудникам, где он находится»⁵⁴. Когда от своего пресс-секретаря Эдвина Гутмана Роберт Кеннеди узнал, что бывший президент национального пресс-клуба, по его собственному заявлению, поддерживает личную связь с Москвой через советского дипломата, Роберт Кеннеди выразил желание встретиться с этим русским⁵⁵. Журналистом был вездесущий Фрэнк Хоулмэн, многолетний союзник Ричарда Никсона в прессе, надеявшийся при Кеннеди проникнуть в Белый дом, а дипломатом – человек, который с ним время от времени обедал, – Георгий Большаков, агент советской военной разведки (ГРУ). «Мой парень хочет встретиться с твоим парнем», – сказал Хоулмэн Гутману перед тем, как встреча была назначена. Позже генеральный прокурор и офицер ГРУ звонили друг другу напрямую.

Связь Большакова и РФК [инициалы Роберта Фрэнсиса Кеннеди, под которыми он был известен в Америке. – *Примеч. пер.*] столь значима для истории отношений Хрущева с Джоном Ф. Кеннеди, что история подготовки этой встречи заслуживает некоторого внимания. После нескольких недель трехсторонних переговоров под руководством Хоулмэна первая встреча была назначена на 9 мая. Начальник Большакова в отделе ГРУ при посольстве был заранее против любых встреч. Большие начальники в главном управлении ГРУ не хотели, чтобы Большаков занимался дипломатией. В Вашингтон его направили для того, чтобы вести разведку. Неизвестно, говорил ли заранее об этом зондировании своему начальнику Ивану Серову – человеку, которого Хрущев отчасти спас, переместив на должность начальника ГРУ после того, как в декабре 1958 года Микоян успешно спровоцировал его смещение с поста председателя КГБ. Во всяком случае, Большакову велели не спешить с этой встречей. То, что он сделал потом, было его личной инициативой.

Кроме того, братья Кеннеди, чтобы устроить эту встречу, разрабатывали и другие каналы. Никому из официальных членов внешнеполитической команды президента они не рассказывали о своем замысле выведать планы Хрущева перед саммитом. Макджордж Банди – аристократичный советник президента по вопросам национальной безопасности – позже философски назвал канал Большакова секретным, заявив, что информацией о нем братья ни с кем «не делились». Хотя и нанятый Кеннеди для координации внешней политики в Белом доме, Банди был отстранен от участия в инициативе

Большакова. Был отстранен от нее и новый государственный секретарь Дин Раск. В результате в неведении остались три самых опытных в стране кремленолога: Льюэллин Томпсон, согласившийся остаться на службе в качестве посла Кеннеди в Москве; Чарльз Болен, теперь устроившийся в государственном департаменте в качестве временного главного специалиста по советским делам, и Джордж Кеннан, вернувшийся в правительство после восьмилетнего простоя, чтобы служить человеком Кеннеди в Белграде⁵⁶. Позже Банди пришел к выводу, что братья Кеннеди слишком уж умничали, отстранив всех этих потенциальных советчиков именно для того, чтобы сохранять секретность канала Большакова⁵⁷.

В ходе подготовки к первой встрече братья обсуждали общие позиции США по главным вопросам, разделявшим две державы. Президент особенно хотел сосредоточить внимание Хрущева на заключении договора о запрете ядерных испытаний. С 1958 года сверхдержавы вели переговоры о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия и пока соблюдали добровольный мораторий на любые испытания. С самого начала возникли разногласия о том, каким образом проверять выполнение договора, и эти разногласия особенно усилились, когда ядерные державы разместили свое испытательное оборудование под землю. Американские и британские переговорщики указывали, что ежегодно на огромном советском материке регистрируются сотни случаев усиления сейсмической активности, и каждый из этих случаев мог быть необъявленным испытанием ядерного оружия. Позиция США заключалась в том, что они должны иметь право ежегодно проводить несколько проверок на месте, чтобы убедиться, что речь идет о природных явлениях.

Советская позиция относительно запрещения испытаний в 1960 году укрепилась. Кремлевские переговорщики никогда не соглашались ни на какие проверки на месте, расценивая их как попытку США вести разведку на советской территории. После кризиса в Конго Хрущев еще больше усложнил соглашение о проверке, исключив всякое участие ООН в проверке его соблюдения. Примерно в том же духе, каким было его предложение о реформе ООН, Хрущев хотел, чтобы мониторингом руководила «тройка» стран, представляющих каждый из двух блоков и страны нейтрального мира. Не вполне доверяя даже и «третьему миру», Хрущев, кроме того, настаивал на единодушии мнения «тройки» по поводу каждой предстоящей проверки.

Кеннеди был уверен, что он не должен сдаваться, позволяя Советам запрещать проверку подозрительных случаев на своей территории, но надеялся, что сможет снизить количество проверок на месте настолько, что Хрущев согласится. ДФК [аббревиатура имени Джона Фицджералда Кеннеди, известного в Америке как «Джей-Эф-

Кей». – *Примеч. пер.*] был убежденным сторонником запрещения испытаний⁵⁸. Кроме того, он не хотел возобновлять испытания отчасти и потому, что запрещение испытаний стало бы символом замечательного внешнеполитического достижения его только что приступившей к работе администрации.

Кеннеди собирался сделать и еще одно важное предложение. В конце апреля его администрация серьезно рассматривала вопрос об отправке американских морских пехотинцев в Таиланд, чтобы укрепить положение Суванны Фумы в Лаосе, и президент не хотел, чтобы Советы и их союзники опять вынуждали Соединенные Штаты к вмешательству. Если это возможно, то он бы хотел официально оформить в Вене то понимание, которого, судя по всему, он достиг с Хрущевым относительно нейтрализации объединенного Лаоса⁵⁹.

На первой встрече с Большаковым, состоявшейся 9 мая, Роберт Кеннеди четко обрисовал представление президента относительно общих принципов запрещения испытаний, перемежая свои слова любезностями об улучшении отношений и возможности создания нейтрального Лаоса⁶⁰. Президент, сообщил он, готов согласиться всего на десять ежегодных проверок на месте и на создание международной комиссии для проверки соблюдения условий договора – при условии, что ни одна из сторон не будет запрещать ее деятельность. Генеральный прокурор сказал, что его брат очень надеется достичь реальных результатов в Вене: «Президент не хочет повторять печальный опыт встречи Хрущева с Эйзенхауэром в Кемп-Дэвиде и надеется, что на этой предстоящей встрече будут заключены конкретные соглашения».

Братья Кеннеди ожидали, что Кремль станет действовать быстрее, как только Хрущев поймет, что президент США лично занят подготовкой реальных соглашений еще до начала встречи в верхах. Они полагали, что, как только доклад Большакова проанализируют в Москве, дипломатам каждой страны будет поручено прорабатывать детали соглашения о запрещении испытаний, которое может быть подписано через три недели, когда два лидера встретятся. Однако сообщение Большакова стало просто громом среди ясного неба для Хрущева, который все еще думал о том, на какую дату назначить встречу в верхах. 12 мая, возможно, даже не прочитав отчет Большакова о его встрече с Робертом Кеннеди, Хрущев подписал письмо президенту Кеннеди, предложив ему провести встречу в верхах в июне или в июле. В письме ничего не говорилось о запрещении испытаний, но упоминалось, что успехи в Лаосе вызывают оптимизм, но подчеркивалось, что проблема Западного Берлина «срочно требует» решения⁶¹.

Когда Хрущев наконец-то понял смысл отчет Большакова – он не знал этого офицера ГРУ, хотя его зять Алексей Аджубей был с ним знаком, – и был разочарован. Кеннеди ничего не сказал об интересе к Берлину, то есть о главной теме, которая, как надеялся Хрущев, будет первостепенной. Он был мало заинтересован в том, чтобы в Вене был подписан договор о запрещении испытаний. Наоборот, военачальники Хрущева говорили ему, что после двухлетней отсрочки Советскому Союзу пора возобновить испытания ядерного оружия. Несмотря на опасения некоторых представителей разведывательного сообщества США, Советы не нарушили мораторий на запрещение испытаний. Советские генералы, зная, что Хрущев заинтересован в сокращении расходов в ходе «холодной войны», упирали на то, что благодаря испытаниям советский ядерный арсенал станет более эффективным. Хотя Хрущеву и нравился этот аргумент, он не хотел стать первым, нарушившим мораторий. Мировое общественное мнение ополчилось против первой сверхдержавы, возобновившей испытания в атмосфере, которые, как считалось, распространяют вредные радиоактивные ионы. В отличие от Соединенных Штатов Советский Союз еще не мог проводить никаких подземных испытаний⁶².

Если Кеннеди решил, что главной темой встречи в верхах должно быть запрещение испытаний, то, как стало понятно Хрущеву, в ответ он, через свой тайный канал, не мог предложить ничего существенного. Единственным исключением были добрые слова о проблеме Лаоса. Хрущев попросил, чтобы на его послание ответили, поскольку ему было приятно узнать, что Кеннеди одобряет политику по нейтральному Лаосу, которой он, по всей видимости, следовал с марта. В противном случае министерствам иностранных дел и обороны придется дать стандартные ответы относительно запрещения испытаний и берлинского вопроса, чтобы у братьев Кеннеди был стимул предложить что-то более конкретное.

Сотрудникам Германского отдела Громыко пришлось изошряться, готовя тезисы бесед для Большакова, одновременно составляя обзорные материалы для Хрущева и членов делегации, чтобы те взяли их с собой в Вену. Советское министерство иностранных дел постоянно оказывалось в затруднительном положении, когда его – и неоднократно – заставляло врасплох непостоянство взглядов руководителя страны. Один раз в 1958 году и дважды в 1960-м Хрущев в последнюю минуту полностью изменял государственный подход к важнейшей внешнеполитической проблеме, не предупреждая сотрудников своего внешнеполитического ведомства. Возможно, ожидая того, что он снова собирается сделать то же самое, в середине мая министерство иностранных дел подготовило для встречи в Вене гораздо меньше предложений, чем оно это делало за несколько месяцев

до безрезультатного саммита в мае 1960 года⁶³. Громыко и его люди с таким же нетерпением, как Хрущев, ждали, что Роберт Кеннеди скажет на этих секретных переговорах.

А тем временем Хрущев, как если бы он нуждался в дополнительном давлении, получал сведения, которые лишь укрепили его решимость сделать центральной темой саммита вопрос о Берлине. В середине мая Ульбрихт сообщил, что он больше не может ждать, чтобы остановить поток восточных немцев, покидающих страну через Западный Берлин. В апреле 1961 года в регистрационном центре в Западном Берлине было зафиксировано вдвое больше беженцев, чем за тот же период в прошлом году. Это происходило в значительной степени из-за резкого ухудшения экономики Восточной Германии. Восточногерманский парламент не поддержал предложения поднять зарплаты и сократить продолжительность рабочей недели. При сокращении промышленного производства и снижении доходов от экспорта режим не мог себе позволить такой роскоши. Поэтому становилось все больше и больше людей, голосующих против социализма ногами. Это был вынужден неохотно признать и сам Ульбрихт: «При открытых границах такая социалистическая страна, как ГДР, не может вести мирное соревнование с такой империалистической страной, как Западная Германия»⁶⁴. Советский посол в Восточной Германии Михаил Первухин предупреждал Москву, что даже если это и усложнит «борьбу за мирный договор», восточные немцы теперь хотят закрыть секторальную границу между Восточным и Западным Берлином. Пожалуй, встречу в верхах можно использовать, советовал Первухин, для заключения хотя бы временного соглашения по Берлину, которое будет предшествовать общему соглашению по германскому вопросу.

* * *

Когда Роберт Кеннеди снова встретился с Большаковым 21 мая, этот проект использования тайного канала начал становиться совсем негодным. Генеральный прокурор был также разочарован сообщением Большакова, как и Хрущев, когда узнал о сути встречи, состоявшейся 9 мая. И тем не менее Роберт Кеннеди приготовил еще одно предложение по запрещению испытаний. Вашингтон согласится на «тройку» стран-наблюдателей, но не на вето. Кеннеди в нетерпении позвонил Большакову через два дня, надеясь, что получит из Москвы более обнадеживающие новости. «Пожалуйста, поторопите с ответом на поставленные вопросы»⁶⁵, – сказал он.

Хрущев считал, что успехи в переговорах по берлинскому вопросу должны стать показателем американского искусства управления

государством, однако теперь из отчета сотрудника ГРУ о встрече в Вашингтоне явствовало, что президент Кеннеди готов говорить практически обо всем, кроме Берлина. В ответ на заявление Большакова о необходимости мирного договора Роберт Кеннеди сказал, от лица своего брата: «Этот вопрос президент будет обсуждать с Хрущевым в Вене, но только обсуждать, а не стремиться заключить на этой встрече какое бы то ни было соглашение»⁶⁶. Попытка генерального прокурора оправдать неспособность Белого дома предложить что-то новое по вопросу о Берлине только усилила разочарование Хрущева. Президент, добавил Роберт Кеннеди 21 мая, «понимает важность решения германского вопроса, но это очень трудный вопрос, имеющий исторические корни, и для любого его решения правительству США нужно время»⁶⁷. Хрущев полагал, что он уже и так достаточно долго ждал.

Братья Кеннеди требовали ответа, и поэтому Хрущев решил дать его сам. Воспользовавшись визитом американских фигуристов, Хрущев пригласил посла Томпсона и его супругу в Кремль на каток. Он даст Вашингтону последний шанс понять, что Берлин – это главное препятствие к улучшению отношений. Если Кеннеди действительно заинтересован в разрядке, то он должен приехать в Вену с уступками по Берлину.

Такой трудный спор, как этот, на катке, американскому послу еще не приходилось вести. Хрущев беспрерывно одолевал Томпсона вопросами о Берлине, вынуждая высказываться на эту тему. Когда американский посол спросил, почему статус-кво нельзя сохранить еще на семь лет, советский руководитель взорвался. Статус-кво был для него неприемлем. Джейн Томпсон, жене посла, стало так неловко, что она пришла на помощь мужу и принялась обсуждать с Хрущевым, как долго могут ждать Советы решения. И, наконец, Льюэллин Томпсон, рассердившись, пригрозил Хрущеву: «Ладно, если вы примените силу, если вы хотите перекрыть нам доступ и наши пути сообщения силой, то тогда мы применим силу против силы». Хрущев ответил: «Вы понимаете это не совсем правильно. У нас совершенно нет никаких планов применить силу. Мы подпишем мирный договор, и именно так прекратятся ваши права, вытекающие из условий капитуляции». Он добавил, что Соединенные Штаты могут рассчитывать, что Советы и восточные немцы подпишут мирный договор после западногерманских выборов в сентябре и, несомненно, после съезда КПСС в октябре. Он предупредил, что американским военным в Западном Берлине «может быть, придется потуже затянуть пояса»⁶⁸.

К несчастью для Кеннеди, которому нужно было бы знать, что в Вене его ждет ловушка, Томпсон не принял в расчет многого из того, что сказал ему Хрущев⁶⁹. Многолетний кремлевский наблюдатель

понял, что советский руководитель очень хочет найти выход из берлинского тупика, и это для него – вопрос личного престижа. Томпсон был послом в 1959 году, когда Хрущев отступил по берлинскому вопросу в первый раз. Став свидетелем этого отступления, Томпсон теперь сомневался, что советский руководитель спровоцирует новый кризис. Но если он это сделает, предположил американский посол, то это произойдет не раньше съезда партии, намеченного на середину октября. Вполне «возможно, что Х[рущев] попытается слегка коснуться проблемы Берлина в безмятежной и легкой атмосфере»⁷⁰. Однако Томпсон ошибся.

* * *

После краха советской власти в 1991 году, когда появилось множество свидетельств того, что разговоры о красной угрозе были во многом бесосновательны, естественно задаться вопросом, насколько опасной была на самом деле «холодная война». Подходили ли мы когда-нибудь близко к грани ядерной войны? Документы из архива Хрущева, относящиеся к деятельности ЦК КПСС, свидетельствуют, что после заседания Президиума, состоявшегося 26 мая 1961 года, мир подошел к ядерной войне ближе, чем когда-либо с тех пор, как в августе 1949 года Советы испытали свою первую атомную бомбу. Даже если разговоры Хрущева о войне были, скорее, свидетельством его недовольства, чем нервного расстройтва, в тот день советский руководитель сознательно привел в движение машину войны. В доядерную эпоху такого рода решение имело лишь локальные последствия. В эпоху Кеннеди и Хрущева это проявление своеволия немедленно возымело глобальный масштаб.

Заседание 26 мая должно было стать последним заседанием Президиума перед поездкой Хрущева в Вену для встречи с Кеннеди, намеченную на 3 июня. Советский руководитель планировал поехать поездом, чтобы увидеть, стали ли урожайными кукурузные поля на Украине. Кроме того, чехи попросили его остановиться ненадолго у них, да и австрийские коммунисты тоже надеялись на общение с ним. Однако на самом деле Хрущев думал не об этих просьбах. Нет, он хотел придать новое, более опасное направление советской внешней политике. Похоже, Хрущев пригласил своего стенографиста на заседание, посвященное саммиту в Вене, только для того, чтобы предостеречь других кремлевских руководителей. После 1958 года он поступал так только тогда, когда собирался заявить о новой политике⁷¹. «Я придаю большое значение встрече с Кеннеди, – начал Хрущев, – потому что мы подходим к моменту, когда мы должны решить германский вопрос. Это ключевой вопрос».

Затем Хрущев сообщил своим коллегам, какого он мнения о Кеннеди. «Это сукин сын», – сказал он. Через два дня после беседы Хрущева и Томпсона во время их ледового «шоу» советский руководитель решил, что у него нет иного выхода, кроме как пойти на конфронтацию с администрацией Кеннеди в ближайшее время. Информация, полученная через обходной канал, через Большакова, и через прямой – через посла Томпсона, подтверждала, что Кеннеди не более готов согласиться на требования Хрущева по Берлину, чем ранее Эйзенхауэр.

«Мы не боимся германской агрессии... Германия... не начнет новую войну, – сказал Хрущев. – Самая опасная [страна] – это Америка». Вину за аномальную американскую политику он возлагал в большей степени на американскую систему управления, чем на отдельного человека. Инцидент в Заливе Свиней и разочаровавшая Хрущева информация, полученная через тайный канал переговоров, убедили его, что Кеннеди не контролирует свое правительство. Кеннеди, как и Эйзенхауэр, был пленником Пентагона и ЦРУ. «Именно поэтому мы не можем поручиться за Америку. Ее решения не основаны на логических принципах; скорее [она] управляется разными группами и внезапными случайными событиями. Именно поэтому Америка может легко начать войну, даже если она вполне осознает, согласно информации от военных кругов, что положение может ухудшиться. Именно поэтому могут появиться определенные силы и найти предлог, чтобы начать против нас войну».

В таких условиях терпеливый руководитель мог бы посоветовать сохранять спокойствие, наращивать советскую военную мощь, чтобы противостоять угрозам сумасбродных Соединенных Штатов, но Хрущев был нетерпелив. Он объявил своим коллегам, что собирается втянуть мир в величайший ядерный кризис «холодной войны». Хрущев не думал, что он выбирает войну, но был готов пойти на этот риск. Восточная Германия, краеугольный камень советских позиций в Восточной Европе, погибнет без договора, который закроет лазейку Западного Берлина и укрепит суверенитет Восточной Германии. Советские требования в отношении Берлина, полагал он, разумны, и американцев нужно заставить, даже под угрозой применения силы, их принять. «Риск, на который мы идем, он оправдан, я бы сказал, если в процентном отношении брать, больше, чем на 95 процентов, что войны не будет».

Хрущев описывал, как начнется этот кризис. Советский Союз подпишет мирный договор, а потом передаст восточногерманскому правительству контроль над воздушными, железнодорожными и шоссейными путями доступа [в Западный Берлин. – *Ред.*]. После этого Хрущев сообщил, как, по его мнению, закончится последний

раунд берлинской игры: «Мы не посягаем на Западный Берлин, мы не объявляем блокаду, [но] мы прерываем воздушное сообщение. Мы демонстрируем, что мы готовы разрешить воздушное сообщение, но при условии, что западные самолеты будут приземляться в аэропортах в ГДР, около Берлина. Мы не требуем отвода войск. Однако мы считаем их незаконными, хотя и не используем никакие силовые методы для их удаления. Мы не прекратим доставку продовольствия и не будем перерезать никакие другие дороги жизни. Мы будем придерживаться политики ненарушения чужих прав и невмешательства в дела Западного Берлина. Поэтому я не думаю, что из-за того, что состояние войны и оккупационный режим прекратятся, это приведет к войне».

Уверенность Хрущева, что он сможет этого добиться, проистекала из его предположения, что международное общественное мнение и западноевропейские члены НАТО не дадут Соединенным Штатам применить силу, чтобы защитить их положение в Западном Берлине. «[Французский президент Шарль] де Голль и [британский премьер-министр Гарольд] Макмиллан никогда не поддержат американцев в развязывании войны в нынешней Европе, – сказал Хрущев своим коллегам, – потому что в основном ядерное оружие будет развернуто на территории Западной Германии, Франции и Англии. Они умные люди, и они это понимают».

В Соединенных Штатах советники Кеннеди говорили президенту, что Хрущев имеет дело с противодействием сторонников жесткой линии, которым не нравились его усилия достичь разрядки с Западом. На самом деле Хрущев был творцом всей этой наступательной политики, направленной против Соединенных Штатов, и не имел никаких серьезных оснований, которые вынуждали бы его быть агрессивнее. Выслушав, как Хрущев охарактеризовал эту новую политику, лишь один из присутствующих на заседании членов Президиума нашел в себе смелость возразить против этого пути навстречу опасности.

Так же, как и в ноябре 1958 года, когда Хрущев ратовал за одностороннее прекращение контроля четырех держав, Анастас Микоян и теперь оставался одиноким голосом разума в Президиуме⁷². По мнению Микояна, вероятность, что война начнется из-за предложения Хрущева, гораздо выше, чем он предсказывал. Микоян не был уверен, что страха перед атомной войной будет достаточно, чтобы удержать страны НАТО от вступления в войну за свои права на Западный Берлин. «По моему мнению, – сказал он, – они могут начать военные действия без атомного оружия»⁷³. По сути, Микоян и Хрущев расходились во мнении о значении ядерного сдерживания в таком локальном конфликте, как берлинский. Хрущев предполагал, что Запад настолько испугается возможности всеобщей ядерной войны, что в

ответ на советскую блокаду Западного Берлина Кеннеди решит не начинать вообще никаких боевых действий. А Микоян полагал, что американцы могут ответить на советскую провокацию, прибегнув к обычным вооружениям. Кроме того, Микоян считал, что нужно учитывать характер нового американского президента. Кеннеди, если оказать на него давление, мог оказаться достойным противником⁷⁴. Он упомянул лишь о десятипроцентной возможности войны, но это была риторическая уловка, чтобы не дать Хрущеву выглядеть дураком. Микоян надеялся, что его коллеги поддержат его мнение, что предложение Хрущева скорее всего поставит Кеннеди в тупик, а это чревато катастрофическими последствиями. Он подчеркнул, что блокировка воздушных коридоров «серьезно ухудшит» ситуацию. Возможно, предположил он, если оставить их открытыми, Запад признает свершившийся факт.

Выступление Микояна привело Хрущева в ярость. Сейчас не 1958 год. Он не хотел идти на компромисс ни с кем. «Тогда по сути ничего не изменится, – заявил Хрущев. – Если мы сохраним только воздушное сообщение, то никаких реальных изменений не произойдет, изменения будут только юридическими. Американцы с удовольствием согласятся на то, что ты предложил, потому что это сохраняет их права».

Нежелательный спор с Микояном вынудил Хрущева напомнить коллегам, почему так важен Западный Берлин. Для него главный вопрос – это защита советского блока в целом и защита Восточной Германии в частности. Нельзя терпеть ничего, что подвергало опасности и то, и другое. Хрущев не боялся нападения на ГДР ни со стороны Западной Германии (хотя стремление Конрада Аденауэра получить ядерное оружие и вызывало беспокойство), ни остальных стран НАТО. Главная угроза для Восточной Германии была внутренней. Каждую неделю тысячи германских профессионалов покидали страну через Западный Берлин. Компромисс, который предлагал Микоян, не удовлетворил бы советского руководителя.

«Видишь ли, – сказал Хрущев, – если мы сохраним воздушное сообщение, то это обеспокоит немцев, правительство Ульбрихта. Он уже подчеркивает, что это невозможно, мы готовим инженеров, врачей, они покидают страну, и мы не можем ничего с этим поделать, это правда, что там им платят лучше; у образованных людей больше возможностей. Вот оно как! Поэтому если мы заявим эту позицию, то тогда, прежде всего, наши союзники по Варшавскому Договору почувствуют в этом действии нашу непоследовательность и неуверенность. В результате мы поколеблем их веру в нашу политику и, в первую очередь, в ГДР, а не только доверие Ульбрихта... Они почувствуют неуверенность... Нам не следует этого делать. Это значит

применять разные юридические основания, но фактически это будет то же самое, ворота остаются открытыми».

Раздосадованный тем, что Микоян ему мешает, Хрущев решил пойти дальше. Он не только заставит закрыть воздушный коридор, но и продемонстрирует свою решимость тем, что будет сбивать каждый самолет союзников, который попытается приземлиться в Западном Берлине: «Наша позиция очень сильна, но, конечно, сейчас мы должны будем действительно напугать их. Например, если они будут летать, нам придется сажать самолеты. Могут ли они ответить провокацией? Могут. Но если мы не будем сажать самолеты, это будет означать, что мы капитулируем. Я считаю – проглотят... Это еще и подтверждение, что если мы о чем-то заявляем, то мы это делаем. Одним словом, политика есть политика. Если мы хотим проводить свою политику и если мы хотим, чтобы нас признавали, уважали и боялись, надо быть твердыми».

Хрущев считал, что Запад не будет рисковать из-за Берлина даже обычной войной. По его мнению, баланс сил в Центральной Европе был столь неблагоприятен для НАТО, что в этом нет смысла. Настаивая на этом, он пришел в какое-то исступление. В последние недели Президиум решал вопросы военной помощи таким отдаленным странам, как Конго и Лаос. Хрущев явно устал искать способы свести на нет преимущество США в зонах, представляющих интерес для Москвы. Иное дело – Берлин. Здесь у Советов было превосходство в обычных вооружениях. «Что касается теперь обычных вооружений... эти соображения к Берлину не относятся. Этот вопрос нужно рассматривать в отношении Лаоса, Кубы, Конго и даже, пожалуй, Ирана. Но [в Берлине] мы тем временем сильнее, чем они, и они говорят: “У русских есть преимущество...” Это значит, что они согласятся. Мы представим это предложение и будем на нем настаивать. Тогда с этим согласятся».

Чтобы обеспечить как можно более явное советское преимущество в обычных вооружениях, Хрущев велел трем главным маршалам – министру обороны Родиону Малиновскому, начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Матвею Захарову и главнокомандующему Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора Андрею Гречко, чтобы они «хорошенько посмотрели, какое у нас соотношение сил в Германии и что нужно»⁷⁵.

В конце заседания высокую драму разбавила капля абсурда. Как только Хрущев закончил выступление, в котором он ратовал за развязывание международного кризиса, его спросили, стоит ли министерству иностранных дел продолжать готовить подарки для президента и миссис Кеннеди и членов американской делегации. Зная о пристра-

стии президента к деликатесам и предполагая, что ему нравится классическая музыка, люди из команды Громыко предложили подарить ему двенадцать баночек черной икры вместе с набором пластинок в кожаных чехлах с записями музыки русских и советских композиторов. Для миссис Кеннеди, полагали советские чиновники, подошел бы, в числе других подарков, серебряный кофейный сервиз на шесть персон⁷⁶. У Хрущева нашелся для его дипломатов язвительный ответ: «Подарки можно делать даже и перед войной».

* * *

Пока Хрущев ехал поездом через Украину и Чехословакию, Кеннеди и его делегация прилетели в Париж для предварительной встречи в верхах с французским президентом. Де Голль уже принимал у себя американского президента и советского руководителя, когда они встречались в последний раз, и Кеннеди нуждался в некоторых советах. Главный совет де Голля был таков: не имеет смысла вести переговоры по Берлину. Кеннеди будет возражать Хрущеву, так что Советам в конце концов придется признать статус-кво. «Это досадно для обеих сторон, что Берлин находится там, где он находится; и тем не менее он там»⁷⁷. Де Голль не беспокоила способность Хрущева мстить. Он напомнил Кеннеди, что у советского руководителя была привычка предъявлять ультиматумы, а потом о них забывать. «Если бы он хотел начать войну, – объяснил де Голль, – он бы ее уже начал»⁷⁸.

Де Голль заметил, что Кеннеди очень озабочен тем, что Хрущев сомневается в решимости Запада. «В отношении берлинского вопроса Запад не так слаб, как это думают», – сказал де Голль Кеннеди, сообщив ему, что совсем недавно Советы закупили у Франции шестьдесят тысяч тонн мяса⁷⁹.

Переговоры между Кеннеди и Хрущевым начались на следующий день после того, как Кеннеди покинул Париж. Утром 3 июня два руководителя встретились на ступенях посольства США в Вене. Улыбки тогда вполне могли бы быть искренними, но оказались мимолетными.

После обмена любезностями по поводу первой краткой встречи Хрущева и Кеннеди в 1959 году, во время посещения Хрущевым Капитолийского холма, первая беседа завершилась бесплодным обменом мнениями о возможности просчетов в мировой политике⁸⁰. По сути, разногласие отражало диаметрально различные взгляды на мировую политику, с которыми приехал на переговоры каждый из руководителей. Хрущев знал, что Соединенные Штаты могут, опираясь на военную силу, господствовать в любой части «третьего мира». Кеннеди, со своей стороны, не понимал, что в странах «третьего мира»

Хрущев редко был инициатором конфликтов. Нередко Советы лишь пользовались возможностями.

Дневная встреча прошла не лучше. Во время обеда Кеннеди пригласился и, похоже, понял, что переговоры начались плохо. Надеясь завязать какие-нибудь отношения, он попросил Хрущева сопроводить его в короткой прогулке по посольскому саду, во время которой будут присутствовать лишь их переводчики. Хрущев был более чем на полфута [на пятнадцать сантиметров. – *Примеч. пер.*] ниже Кеннеди, так что прогулка создавала для больной спины Кеннеди дополнительную нагрузку. Однако результат, судя по всему, стоил жертв. Кеннеди напомнил, что во время своего рода ледяной беседы на катке Хрущев сказал Томпсону, что сможет поговорить с президентом более откровенно, когда их не будут окружать помощники⁸¹.

Кеннеди спросил, как Хрущеву удалось найти время, чтобы давать пространные интервью журналисту Уолтеру Липпману и приехавшему с визитом американскому сенатору Хьюберту Хамфри, побывавшим в Москве весной⁸². Хрущев объяснил, что советская система дает ему время для такого рода встреч. Кеннеди был поражен и обратил внимание на то, что из-за трехчастной природы системы американского управления он много времени тратил на то, чтобы убеждать, льстить и советоваться с представителями разных ветвей власти. «Тогда почему бы вам не перейти на нашу систему?» – спросил Хрущев.

Поскольку отношения были еще натянутыми, Кеннеди предложил продолжить переговоры в помещении, но на этот раз без остальных членов своих делегаций. Возвратившись к предельно общим темам о том, что каждая страна делала для продвижения своего представления о будущем «третьего мира», президент дал понять, что хочет провести общую встречу, чтобы обсудить вопрос снижения уровня вооруженного противостояния в «третьем мире» и только после этого разбираться с деталями стоящих перед ними проблем, особенно проблемы запрещения испытаний и Берлина. Хорошо понимая, как идут обсуждения, Хрущев согласился посвятить еще несколько часов разговорам о таких абстрактных предложениях. Оставался всего один день для того, чтобы американцы предложили ему что-нибудь новое по берлинскому вопросу, и он не надеялся, что конфронтации удастся избежать.

Поэтому два мировых лидера провели еще три часа, разговаривая о том, что очень мало интересовало Хрущева. Оценивая ситуацию в целом, если такое возможно, становится очевидно, что Кеннеди не сказал ничего, за что ему потом было бы стыдно. Однако беседа способствовала усилению позиций Хрущева. Вскоре Кеннеди обнаружил, что ему приходится объяснять, почему Соединенные Штаты поддер-

живают отношения с диктатурами в Испании и Иране. «Политика США, – сказал Хрущев, объясняя поведение Фиделя Кастро и убитого Патриса Лумумбы их борьбой с империализмом, – это вода на мельницу коммунистов». Не желая полностью отказываться от надежды наладить с Хрущевым какое-нибудь взаимопонимание, Кеннеди не стал парировать. Он ни разу не упомянул ни Венгрию, ни случившиеся в 1953 году беспорядки в Восточном Берлине.

Наконец, на следующий день оба лидера занялись конкретными проблемами⁸³. Кеннеди, снова попытался найти ту человеческую сторону Хрущева, о которой ему говорили специалисты по советской политике, – он начал с нескольких биографических вопросов о детстве советского руководителя.

Хрущев, у которого не было настроения предаваться личным воспоминаниям, ответил речью о великолепных советских месторождениях железной руды, особенно около места его рождения. Затем Кеннеди переключился на Лаос – единственный регион, по которому, судя по всему, существовало некое подобие согласия. Если бы Хрущев хотел заинтересовать Кеннеди, то представился хороший шанс. У Хрущева были собственные проблемы в Лаосе, где китайцы, северные вьетнамцы и Патет Лао пытались вынудить его отказаться от нейтрализации. Он мог бы упомянуть, что у сверхдержав есть общий интерес – не допустить, чтобы эти региональные конфликты вышли из-под контроля. Если бы он это сделал, Кеннеди понимающе кивнул бы. Но Хрущев этого не сделал. Вместо этого он подверг критике политику США и таких их союзников, как Таиланд и Тайвань, как если бы они были единственными источниками нестабильности в Лаосе. Кроме того, он раскритиковал Кеннеди лично, когда президент попытался представить положение в Лаосе как нечто такое, что он унаследовал. Хрущев не согласился. Он слышал, что Кеннеди сам послал в регион американских морских пехотинцев, но потом приказ был отменен. Кеннеди знал, что это не так, но знал он и то, что был очень близок к тому, чтобы отдать такой приказ.

Утомившись от дискуссии по Лаосу, Хрущев взял инициативу в свои руки, чтобы перевести разговор на разоружение, ядерные испытания и Германию, зная, что в противном случае их время закончится, но они так и не коснутся этих вопросов. Прежде чем обратиться к этим темам, Кеннеди подтвердил, что он и Хрущев согласны, что Суванну Фуму следует поддерживать и что нейтрализация Лаоса должна быть достигнута. Громько и Раску, присоединившимся к лидерам на этой встрече, были даны указания, как продолжать обсуждение за обедом.

Спор о Лаосе оказался кратким, но ярким моментом встречи. Кеннеди будет разочарован словами Хрущева о договоре о запрете-

нии испытаний. Через несколько лет Роберт Кеннеди говорил, что разочарование его брата было дополнительным результатом определенного разочарования, которое Кремль передал Белому дому через Большакова⁸⁴. Советские протоколы заставляют усомниться в словах генерального прокурора⁸⁵. Скорее всего, Кеннеди просто не мог понять, на чем основано упрямство Хрущева. Он говорил так, словно хотел разрядки, и требовалось сделать первый шаг, но он боится его сделать.

Хрущев довольно долго пытался объяснить, что он хочет разоружения, а не контроля над вооружениями. Он не собирался сообщать Кеннеди, как это было в феврале 1960 года, во время легкомысленной болтовни с Кэботом Лоджем, что Советы столкнулись с ракетным отставанием. Вместо этого Хрущев объяснил, что хочет поэтапно уничтожить все оружие и что Соединенные Штаты могут проводить свои проверки, но *не до того*, как это оружие будет уничтожено. Он охарактеризовал запрещение испытаний как нечто гораздо менее важное, чем разоружение. И действительно, в мире без ядерного оружия запрещение испытаний было бы естественным побочным продуктом. Если Кеннеди настаивает на запрещении испытаний, то Хрущев может согласиться на запрещение одного из них, но Советский Союз должен иметь право вето на любой механизм принуждения, и во всяком случае не может быть многочисленных проверок на месте подозрительной сейсмической активности в СССР. Единственная уступка Хрущева заключалась в том, что Советский Союз позволит проводить три проверки в год. Кеннеди был подавлен. Он приехал в Вену, ожидая, что Хрущев согласится на десять инспекций на месте, и думал, что советский руководитель понимает, что ни для одной из сторон не может быть права вето. Он сказал Хрущеву, что его предложение напоминает ситуацию, при которой Хрущев и он живут в смежных комнатах, но никто не может зайти к другому, кроме как по приглашению. «Как в таких обстоятельствах и тот, и другой может быть уверен, что в комнате его соседа не происходит ничего подозрительного?» У Хрущева не было иного ответа, кроме как настаивать, чтобы Соединенные Штаты проявили достаточно смелости, чтобы поддержать разоружение.

Потом наступила очередь берлинского вопроса. Полтора дня Хрущев вел себя хорошо. Он не кричал, благоразумно не срываясь на грубость, как это бывало в Кремле. Однако от притворства не осталось и следа, когда он протянул Кеннеди памятную записку с проектом нового ультиматума от Москвы⁸⁶. Хрущев допускал, что его позиция по Германии повлияет на американо-советские отношения «в большой степени и даже больше, если Соединенные Штаты неправильно поймут советскую позицию». Затем он изложил основные

принципы своего подхода. Советский Союз не добивается особых выгод в Центральной Европе. Он всего лишь хочет уладить последние недоразумения – последствия Второй мировой войны. Для этого он хотел подписать мирный договор с Восточной Германией, который бы автоматически положил конец всем оккупационным установлениям, включая коридоры, ведущие в Западный Берлин. Прежде чем пойти на этот шаг, он хочет заключить соглашение лично с Кеннеди, чтобы Соединенные Штаты признали новую ситуацию. Однако, если это окажется невозможным, он готов заключить мирный договор в одностороннем порядке. Каким будет этот договор? Западные войска могут остаться в вольном городе, но только если Советы смогут разместить там и свои собственные войска. Кроме того, может быть заключено международное соглашение с целью защитить пути сообщения Западного Берлина с остальным миром, но никаких особых путей доступа – воздушных, шоссейных или железнодорожных – для НАТО не будет.

Кеннеди попытался объяснить, почему соглашение, за которое ратует Хрущев, для него неприемлемо так же, как и для его предшественника. «Здесь мы не говорим о Лаосе», – сказал Кеннеди. По его словам, альянс западных стран был настолько хрупким, что, если бы Америка решила отказаться от своих оккупационных обязательств в Западном Берлине, то ее союзники отнеслись бы к ним «как к простому клочку бумаги». Он добавил: «Когда мы говорим о Западном Берлине, мы говорим о Западной Европе».

Президент попытался понять, почему Хрущев так настаивает на изменении статус-кво в Центральной Европе. Он сказал советскому руководителю, что, по его убеждению, СССР так же силен, как и Соединенные Штаты, и верит, что Хрущев хочет улучшить отношения. Но тогда зачем заставлять Соединенные Штаты отказываться от прав, которые они завоевали, сражаясь в последней войне? Вновь заявив о том, что Соединенные Штаты потеряют своих союзников, если он примет позицию Хрущева, Кеннеди сказал, что президентом Соединенных Штатов он стал не для того, чтобы «руководить изоляцией своей страны».

Хрущев резко прервал Кеннеди: «То есть я должен понять это так, что вы не хотите мирного договора?» Затем он добавил, что амбиции Кеннеди, судя по всему, простираются до центра Москвы, если они заключаются в желании улучшить стратегическое положение Соединенных Штатов. Хрущев напомнил, что во Второй мировой войне он потерял сына, Громыко потерял двух братьев, Микоян тоже потерял сына. Если положить конец оккупации Германии, это создаст препятствия для реваншистов в Западной Германии, которые хотят воссоединить свою страну силой. Хрущев выразил сожаление,

что Кеннеди не хочет видеть, как будет полезно для мира во всем мире, если будет устранена эта возможность совершить злодеяние.

«Дальнейшее промедление невозможно, и в нем нет необходимости», – сказал Хрущев. «А мирный договор воспрепятствует доступу к Берлину?» – спросил Кеннеди. Хрущев ответил, что да. Затем он хладнокровно сказал Кеннеди, что еще может согласиться на шестимесячное временное соглашение – соглашение, которое, он надеялся, Эйзенхауэр принял бы в Париже. Однако этот жест был таким же бессмысленным теперь, каким он был и тогда, поскольку, как объяснил Хрущев, как только шесть месяцев истекнут, Советский Союз подпишет соглашение, которое он хотел, несмотря ни на что, заключить с восточными немцами. Во всяком случае, сказал Хрущев Кеннеди, он подпишет мирный договор до конца года.

Встреча прервалась, поскольку предстоял последний обед саммита. Он был неприятным для Кеннеди, который решил приложить все усилия, чтобы встреча не закончилась на такой грустной ноте. Его надежды на реальное улучшение отношений между сверхдержавами были разбиты. Расценивая это как свой последний шанс, он попросил Хрущева о конфиденциальной встрече после обеда. Президент все еще верил, что источником упрямства Хрущева было противодействие сторонников жесткой линии у него в стране. Может быть, наедине он заговорит по-другому.

Отведя Хрущева в сторону, Кеннеди подчеркнул, что он не хочет возвращаться домой, зная, что над его головой висит меч советского ультиматума⁸⁷. Он хотел, чтобы советский руководитель понял, в чем, с его точки зрения, заключается разница между мирным договором СССР – ГДР и утратой прав на доступ к Берлину. Он мог согласиться на первое, но не на последнее. Хрущев был столь же откровенен. Он сказал Кеннеди, что если Соединенные Штаты попытаются реализовать эти права после подписания мирного договора, то тогда последует военный ответ. Он, уже подготовивший Кремль к этой возможности, был убийственно серьезен. Кеннеди мог убедиться, что это не блеф. «Соединенным Штатам решать, – сказал Хрущев, – будет война или мир... Решение подписать мирный договор – твердое и окончательное, и Советский Союз подпишет его в декабре, если США откажутся от временного соглашения».

«Холодная зима предстоит», – ответил Кеннеди. Встреча в верхах была завершена.

Хрущев видел, как повлияла его грубость на Кеннеди, и был доволен своим поведением. На их последней встрече он заметил, что молодой американский лидер «не только встревожен, но и глубоко расстроен»⁸⁸. То, что Кеннеди производил впечатление несколько подавленного человека, впоследствии подтвердил австрийский канц-

лер Бруно Крайский, встретившийся с Хрущевым сразу же после того, как увидел отлет Кеннеди из венского аэропорта. «Президент в аэропорту был очень мрачным, – сказал Крайский Хрущеву. – Он казался расстроенным, и его лицо изменилось. Видимо, встреча оказалась для него неудачной». Но именно этого Хрущев и добивался. Он надеялся настоять на своем в вопросе о Берлине, но, раз уж ему этого не удалось, Хрущев хотел доставить американскому президенту неприятности. В ответ на замечание австрийца Хрущев сказал, что Кеннеди расстроился потому, что «президент еще не вполне понял, в какое время мы живем. Он еще не вполне понял, что произошла перегруппировка сил, и до сих пор живет политикой своих предшественников – особенно в отношении германского вопроса»⁸⁹.

В 1958 году у Хрущева не хватало власти в Москве, чтобы пойти в Берлине в атаку против Запада. Но на этот раз он решил добиться своего, чего бы это ему ни стоило. Сразу же после Вены Хрущев усилил свое давление на Соединенные Штаты и их союзников. На следующий день он приехал в Восточный Берлин, чтобы объявить, что 31 декабря – это крайний срок для заключения договора по Берлину. 9 июня ТАСС обнародовало памятную записку по Берлину, которую Хрущев вручил Кеннеди в Вене. Через неделю по советскому телевидению Хрущев повторил свое обещание подписать мирный договор к концу года. А позднее на свое выступление 21 июня по случаю двадцатой годовщины нацистского нападения на СССР он надел темно-зеленую форму советского генерал-лейтенанта и поклялся, что те, кто испытывают советскую решимость по берлинскому вопросу, «разделят участь Гитлера»⁹⁰.

Вернувшись в Кремль, Хрущев поторопил своих стенографистов сделать чистовую копию протокола его первой встречи с Кеннеди. Он хотел, чтобы копии были разосланы повсюду и были восприняты в качестве элемента политической битвы за Западный Берлин. «Встречи продемонстрировали мудрость жесткой линии по берлинскому вопросу, – гласила резолюция Центрального Комитета, принятая по указанию Хрущева. – Не должно быть иллюзий, будто президент Кеннеди или американское правительство уже готовы делать шаги, чтобы улучшить американско-советские отношения». Список тех, кому предназначались копии обычно сверхсекретного советского документа, свидетельствовал и об уверенности Хрущева, что он правильно вел себя с Кеннеди, и о том, что, по его мнению, он правильно понимает своих союзников. Иностранные коммунистические лидеры должны были получить свои собственные копии. Центральный Комитет настоял на том, чтобы включить в этот список и Фиделя Кастро, хотя Куба пока еще не считалась коммунистической или социалистической страной. Дружественных, но не разделявших комму-

нистической идеологии лидеров, предполагалось вкратце ознакомить с его содержанием. Советские послы в Камбодже, Египте, Ираке, Индии, Бразилии, Мексике и Гане, если назвать только несколько из восемнадцати включенных в перечень стран, должны были провести встречи, чтобы убедиться, что иностранные лидеры прочитают документ. Наконец, честь выслушать устное сообщение предоставили даже Тито. Однако его не сочли заслуживающим доверия настолько, чтобы вручить ему персональную копию⁹¹.

Настроение Хрущева было не просто решительным; оно было мрачным. Нетерпение, которым определялся его подход к новому президенту США, теперь было перенесено на его отношение к внутрисоюзным проблемам Советского Союза. Получив дополнительные сведения о росте безработицы, масштабах воровства и бродяжничества, в середине июня он потребовал отменить некоторые реформы в советской юридической системе, связанные с волной десталинизации, которую сам начал. Со времени устранения Кагановича и Молотова в 1957 году Хрущев еще никогда не был таким грубым, резким и авторитарным.

Причиной усиления недовольства среди населения и роста преступности он счел чрезмерную либерализацию. Реформа репрессивных органов – КГБ и милиции – зашла слишком далеко, полагал он, потому что «все сосредоточилось на морали»⁹². Когда Роман Руденко, Генеральный прокурор СССР, объяснил, что не всех воров приговаривают к смертной казни, Хрущев ответил: «Да пошли вы к чертовой матери... Грабители грабят, а вы законы им пишете. Что такое? Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никого не расстреливают, а эти грабят рабочих и крестьян».

«РУДЕНКО: Как бы вы меня ни ругали, но если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применить.

ХРУЩЕВ: У крестьян есть поговорка: “Худая трава из поля вон”. У Сталина была правильная позиция по этим вопросам. Он зашел слишком далеко, но мы никогда не имели никакой жалости к преступникам. Наша борьба с врагами должна быть безжалостной и прицельной».

Смысл заявлений Хрущева был достаточно зловещим для среднего советского гражданина, но, учитывая международный кризис, который он только что начал, это опасное настроение было чревато катастрофическими последствиями. Рассерженный, самонадеянный и расстроенный, в июле 1961 года он заставил принять ряд изменений в системе советской уголовной юстиции, которые расширили применение смертной казни, стали причиной роста численности охранных подразделений в КГБ и круто изменили тенденцию умеренной ли-

берализации, которая постепенно набирала темп в СССР начиная с 1956 года⁹³.

Решимость Хрущева была негибкой и в других отношениях. Выступая 8 июля перед выпускниками советских военных академий, он объявил об увеличении на одну треть советского оборонного бюджета и о прекращении дополнительных сокращений численности советских вооруженных сил, запланированных на 1961 год⁹⁴. В то время, когда все руководство понимало, что советской экономике грозит крах, это представляло собой резкое изменение большой политики 1959–1960 годов, личной кампании Хрущева, боровшегося за улучшение уровня жизни в стране через демилитаризацию и разрядку. Все это свидетельствовало о том, что Хрущев собирался балансировать на грани войны, однако, как если бы этого было мало, он говорил и об одностороннем прекращении моратория на запрещение испытаний, хотя раньше он заявлял Президиуму, он делать этого не намерен⁹⁵.

Глава 15

ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО

В том, что Хрущев пошел на риск, Джон Кеннеди винил самого себя. «Он просто положил меня на лопатки», – признавался президент Джеймсу «Скотти» Рестону сразу же после саммита в Вене¹. Кеннеди был убежден, что именно его собственный провал в Заливе Свиней вдохновил Хрущева оказать на него сильное давление по берлинскому вопросу. Еще до Вены Кеннеди беспокоился, что это может произойти, и пытался передать Советам через своего брата Роберта, что им не стоило бы его недооценивать². Очевидно, что-то вышло не так. Кеннеди спрашивал себя, не произошло ли это из-за его обращения с Хрущевым³. Джозеф Олсоп и издатель газеты «Вашингтон пост» Филипп Грэм были в числе близких друзей, приглашенных слушать Кеннеди, читавшего вслух стенограммы встречи, подготовленные государственным департаментом⁴. Подобно футбольному защитнику, пересматривающему записи игры, которую ему следовало выиграть, Кеннеди внимательно анализировал обмен репликами, чтобы понять, мог ли бы он сказать что-то еще, или, может, ему вообще не стоило что-нибудь говорить.

Вернувшись из Европы, Кеннеди несколько дней отдыхал в своем доме на бульваре Седьмого океана в курортном городе Палм-Бич. Выглядел он плохо. В марте во время церемонии посадки деревьев в столице Канады Оттаве он травмировал свою хронически слабую спину. От стресса, спровоцированного венскими событиями, боль обострилась, и в июне 1961 года корреспонденты Белого дома заметили, что президент снова стал пользоваться костылями. Люди, сопровождавшие его в полете из Флориды, видели, что хромающего президента на «борт номер один» подняли при помощи грузового крана для транспортировки фруктов. Кроме того, Кеннеди боролся с вирусной болезнью, для чего его врачи увеличили ежедневную дозу кортизона⁵. Из-за недостатка физической активности, вызванного болезнью спины, и отечности, которую приписывали действию кортизона, он выглядел довольно вялым и располневшим⁶.

Кеннеди вернулся в Вашингтон взвинченным, измученным опасениями. Заголовки трубили о новом Берлинском кризисе. Бескомпромиссный меморандум Хрущева появился в американских газетах после того, как его обнародовали Советы. Одновременно публиковались, можно сказать, ежедневные отчеты о его многочисленных заявлениях, подтверждающих крайний срок, намеченный на декабрь. Это было еще одним свидетельством, что Хрущев по-настоящему впал в ярость. В начале июля главный представитель советской стороны на проходивших в Женеве переговорах о запрещении ядерных испытаний заявил, что Москва, принимая во внимание американскую позицию, считает эти переговоры тратой времени⁷. Через несколько дней советские ВВС провели свой первый после 1956 года большой воздушный парад, чтобы похвастаться сверхзвуковым четырехмоторным самолетом дальнего действия «М-50», который по кодификации НАТО имел название «Баундер» («Bounder»)⁸. Запад видел «Баундер» и раньше, но его пролет рядом с Москвой послужил напоминанием о советских стратегических возможностях. Таким же напоминанием была и заметная статья, опубликованная в газете Алексея Аджубея «Известия». Ссылаясь на явно нелестное мнение генерального прокурора Роберта Кеннеди о советском подводном флоте, газета предупреждала: «Не делайте никаких просчетов, мистер Кеннеди, и не переоценивайте ваше атомное оружие. Соединенные Штаты давно утратили монополию на такое оружие»⁹.

В Белом доме разгорелся спор о том, как ответить на новый ультиматум Хрущева по Берлину. Кеннеди снова пригласил участвовать в обсуждениях ветерана сталинской Берлинской блокады 1948–1949 годов, бывшего государственного секретаря Трумэна – Дина Ачесона. Во время переходного периода, когда Кеннеди принимал власть, Ачесон возглавлял рабочую группу по Берлину, и теперь молодой президент попросил старого солдата «холодной войны» заняться согласованием ответов его администрации Хрущеву.

Ачесон принял вызов. Он подстрекал, торопил и унижал молодых сотрудников администрации, вынуждая их предложить Кеннеди несколько вариантов текста сообщения о непреклонности США. Он полагал, что именно западная решимость сыграла решающее значение, принудив завершить миром развязанный Сталиным Берлинский кризис. Несмотря на перемены в советском руководстве и недавние реформы в советском обществе, Ачесон полагал, что уроки предыдущего кризиса по-прежнему актуальны в условиях нынешней конфронтации. Он призывал срочно наращивать обычные вооружения в Европе и отказывался обсуждать возможность переговоров с Хрущевым до того, как Советы осознают решимость американского государства защищать, если потребуется, свои интересы и силой¹⁰.

Любопытно, что Кеннеди заручился поддержкой Ачесона. Будучи конгрессменом, к внешней политике администрации Трумэна Кеннеди относился весьма критично. Он присоединился к хору тех, кто обвинял Трумэна в «утрате» Китая из-за плохого обращения с Чан Кайши, и подвергал сомнению необходимость увольнения президентом Дугласа Макартура в 1951 году, во время Корейской войны. Однажды Кеннеди обрушился на администрацию Трумэна с таким градом упреков, что издававшаяся в Массачусетсе газета была вынуждена саркастически заявить, что «политическая суть речи Кеннеди состоит в том, что республиканцы должны постараться взять его на работу в свой отдел отношений с общественностью»¹¹.

Кеннеди недолюбливал Ачесона, которого считал властным, высокомерным и не всегда надежным. «[Дин Ачесон] думает, что с тех пор, как он ушел с должности, ничего не делали правильно»¹², – признался Кеннеди в 1961 году журналисту Теодору Уайту. И тем не менее Кеннеди понимал, что институты, помогавшие Соединенным Штатам выполнять задачу сдерживания советской мощи, были в значительной части делом рук этого бюрократа.

Кроме того, Кеннеди разделял многие из опасений Ачесона. Он знал, что не может вести переговоры под дулом пистолета. Опять речь шла о том, что «мы вооружаемся на пари». Хрущеву нужно было убедиться, что Соединенные Штаты готовы сражаться за то, чтобы сохранить свой доступ к Западному Берлину. Кеннеди уже стал поддерживать концепцию Максвелла Тейлора о важности обычных вооружений в противостоянии сверхдержав. Герой войны, мыслящий человек, доказавший свою выдержку в Арденнской операции Второй мировой войны, в конце пятидесятых годов Тейлор был почти единственным вдохновителем публичных обсуждений ядерной политики Эйзенхауэра. Тейлор доказывал, что, чересчур полагаясь на угрозу масштабного ядерного возмездия, Айк [распространенное в США прозвище Эйзенхауэра. – *Примеч. пер.*] обесценивал «валюту», какой было сдерживание. Вместо этого Тейлор отстаивал более сбалансированный подход к сдерживанию Хрущева, включая создание неядерных вооруженных сил США, чтобы Кремль понял, что обычная война возможна и в ядерную эпоху. То, что Хрущев по-прежнему грозил изменить статус-кво в Центральной Европе, было и для Тейлора, и для Кеннеди убедительным доказательством уверенности советского руководителя, что Соединенные Штаты слишком боятся последствий массированного ответного удара, чтобы бороться за что-то, кроме своего отечества. Надо было представить ему неоспоримые доказательства того, что США готовы защищать региональные интересы за границей обычным оружием.

В середине июля Кеннеди получил множество конкретных советов относительно того, как показать Советам, что США полны решимости. Большинство его советников полагали, что это был, по сути, кризис военный, как в 1948 году, а не политический, наподобие кризиса 1958 года, который Эйзенхауэр так хорошо разрешил, ничего не делая. Ачесон возглавлял группу, члены которой считали, что теперь возможность военного столкновения выше, чем в 1958 году. Хрущев был настолько озлоблен, что ему можно было нанести поражение в ограниченном сражении в Германии с помощью обычного оружия. «Хрущев, полагаю, почувствовал слабость и разобщенность на Западе и намерен использовать это до конца, – написал Ачесон своему прежнему начальнику Гарри Трумэну. – Потребовалось бы чуть больше одной или двух ошибок с любой стороны, чтобы мы оказались на грани ядерной войны»¹³. Вице-президент Линдон Б. Джонсон и заместитель министра обороны Пол Нитце поддержали бывшего государственного секретаря, ратуя за максимальную подготовку в кратчайшие сроки. Вскоре в их аргументах зазвучали нотки алармизма. «Ястребы» хотели, чтобы Кеннеди объявил в стране чрезвычайное положение. Ачесон предсказывал, что в Конгрессе произойдет бунт, если к концу июля Кеннеди этого не сделает. Джонсон согласился, аргументируя это тем, что Конгресс ждет, что президент проявит свои качества руководителя. Нитце утверждал, что если этого чрезвычайного положения не объявить сейчас, то маловероятно, чтобы на месте оказалось достаточно солдат и летчиков к концу 1961 года, когда они могут потребоваться для следующей битвы за Берлин¹⁴.

Кеннеди еще не решил, поддержать ли ему всю программу Ачесона, когда он получил информацию, позволившую полагать, что главная угроза была, скорее, политической, чем военной¹⁵. 13 июля Аллен Даллес, оставшийся директором ЦРУ до ноября, сообщил ему, что уже несколько месяцев ЦРУ и британцы совместно разрабатывают агента, который отлично понимает, что может быть на уме у кремлевских руководителей. Этим агентом был Олег Пеньковский, человек с необычайно большими связями. Он был полковником ГРУ, советской военной разведки¹⁶.

Пеньковский был приятелем главного маршала артиллерии Сергея Варенцова, кандидата в члены Центрального Комитета и депутата Верховного Совета. 25 июня во время приема Варенцов отвел Пеньковского в сторону, чтобы поговорить с ним о замыслах Хрущева. Оказалось, что это не только слухи. Варенцову удалось узнать, в чем состояла суть майского выступления Хрущева на Президиуме. «Вскоре после съезда партии [в октябре 1961 года] будет подписан мирный договор, – сказал он Пеньковскому. – Советское правительство знает, что подписание этого договора означает определенный

риск и опасность, но оно не беспокоится, потому что знает, что ФРГ [Федеративная Республика Германии, Западная Германия] пока еще не готова к войне, и ей нужно еще два или три года. Поэтому США, Британия и Франция не начнут большую войну и отступят. Мы тоже не хотим большой войны, но хотим заставить Запад начать переговоры с ГДР относительно правил передвижения по путям доступа, процедуры входа в Берлин и выхода из него и так далее»¹⁷. Потом «крот» повторил эту беседу своему западному куратору.

Один лишь отчет шпиона мог бы и не убедить, но одновременно, причем из в высшей степени надежных особых источников, Кеннеди получил информацию, что Хрущев разыгрывает очень слабую карту¹⁸. Американский спутник уже снял несколько беспрецедентных фотографий, демонстрирующих состояние советской ракетной программы. После того как был сбит «U-2» Пауэрса, Соединенные Штаты начали разрабатывать космическую программу «Корона» («Corona»), полагая, что благодаря этой программе можно будет определить масштаб советской ракетной угрозы. Информация, полученная благодаря недавно запущенному спутнику, свидетельствовала, что существует не более двух мест базирования МБР между Ленинградом (ныне – Санкт-Петербург) и Уральскими горами, с восемью в общей сложности пусковыми платформами¹⁹.

Кеннеди верил в существование ракетного отставания²⁰. Несмотря на некоторые свидетельства в пользу обратного и скептицизм министра обороны Роберта Макнамары, лишь в середине июля 1961 года Кеннеди понял, как сильно Советы отстают от Соединенных Штатов²¹. Незадолго до получения фотографий, сделанных спутником «Корона», разведывательное сообщество еще раз подтвердило президенту, что у Советов, по всей видимости, от пятидесяти до ста МБР²². Теперь же его заверяли, что их у Советов меньше двадцати. Этого было достаточно, чтобы – при условии их меткого наведения – уничтожить Нью-Йорк и Вашингтон, но они совсем не представляли той угрозы для обороны, о которой твердили алармисты. Ракетное отставание действительно существовало, но в пользу Соединенных Штатов, и оно было огромным. К тому времени у Соединенных Штатов имелся внушительный арсенал МБР в составе свыше двухсот ракет класса «Титан» и «Атлант», с сотнями новых твердотопливных ракет «Минитмен» в стадии разработки²³. Разрыв, судя по всему, был гораздо опаснее для Советского Союза, чем для Соединенных Штатов.

Некоторые разумные соображения, высказанные жителем Геттисберга [имеется в виду бывший президент Эйзенхауэр, живший на своем ранчо. – *Примеч. пер.*], подтвердили обнадеживающую информацию о состоянии ракетной программы в Советском

Союзе и Соединенных Штатах²⁴. Кеннеди поинтересовался мнением Эйзенхауэра о рассматриваемых им вариантах, отправив к бывшему президенту Даллеса и Макнамару, чтобы переговорить с ним на ранчо в Пенсильвании, где он жил на пенсии. Кроме того, Даллес и Макнамара взяли с собой новые данные, полученные спутником «Корона». Эйзенхауэр дал Кеннеди лучший совет, который он только мог получить во время кризиса. Он был не согласен с предсказанием Даллеса, что Хрущев, возможно, подвергнет Соединенные Штаты испытаниям после намеченных на сентябрь западногерманских выборов. Эйзенхауэр был уверен, что Соединенные Штаты настолько сильнее Советского Союза, что Хрущев не осмелится зайти слишком далеко. Когда Макнамара упомянул о появлении бомбардировщика «Баундер», Эйзенхауэр напомнил об абсурдности заявлений об отстаивании по количеству бомбардировщиков, которые распространялись в середине пятидесятых годов, и посоветовал новому министру обороны не принимать во внимание опасений, о которых твердили в Конгрессе. «Конгресс, – сказал он, – не способен обоснованно судить о военных программах». Суть его совета заключалась в том, что администрации Кеннеди не следует реагировать слишком остро. Если объявить в стране чрезвычайное положение, сказал он, то это «было бы худшей из возможных ошибок», поскольку это создало бы у Хрущева представление, будто «[ему] нужно нас лишь немного где-нибудь разозлить, чтобы вынудить к столь радикальным действиям».

Через два дня Кеннеди принял решение. Он предпочел подготовленность провокации, выбрав из предложения Ачесона элементы, необходимые для того, чтобы продемонстрировать готовность вести обычную войну в Центральной Европе, не вызывая паники²⁵. Он потребует масштабного наращивания оборонного бюджета и объявит призыв резервистов и Национальной гвардии, но не введет чрезвычайное положение в стране официально. Он и министерство обороны хотели, чтобы к январю 1962 года на месте было развернуто шесть дополнительных армейских дивизий, но Кеннеди знал, что это невозможно без объявления чрезвычайного положения, а он этого не хотел. Макнамара заверил президента, что этот масштабный призыв в армию можно отложить до начала сентября, и Кеннеди надеялся, что к тому времени Хрущев, может быть, откажется от своего ультиматума. Кроме того, Кеннеди подписал составленную в мягких тонах памятную записку, в которой Хрущева просили прекратить попытки силой навязать Западу неприемлемые договоренности.

Данные разведки, полученные от источников и со спутников, а также советы Эйзенхауэра и других людей усилили природную осторожность Кеннеди. В Вене он предупреждал Хрущева об опасностях просчета в ядерной схватке и не собирался совершать эту ошибку сам.

Готовя решение для президента, Макджордж Банди заметил, что видные американские обозреватели Уолтер Липпман и Джозеф Олсон одинаково полагали, что Кеннеди стоило бы управлять решением этой проблемы самому²⁶. Кеннеди согласился. 25 июля он обратился по телевидению с речью к народу. Цель этого выступления состояла в том, чтобы потребовать от Конгресса дополнительно три с четвертью миллиардов долларов на оборону и объявить мобилизацию. Кроме того, президент просил одобрить новую программу гражданской обороны, которая, скорее, свидетельствовала о доверии к обществу, чем представляла собой реалистический подход к защите страны в будущих ядерных кризисах.

Кеннеди намеренно не пригласил Ачесона и вице-президента Джонсона на собрание, на котором он впервые опробовал свое решение²⁷. Получив согласие Макнамары, Банди, государственного секретаря Раска, министра финансов Диллона, Максвелла Тейлора и своего брата, генерального прокурора, президент вынес свою программу на официальное одобрение всего Совета национальной безопасности и Ачесона. Хотя Кеннеди и получил твердую поддержку людей из своего ближнего круга советников, это решение оказалось для него очень трудным. После того вызова, который бросил ему Хрущев в Вене, мир наблюдает за тем, как он будет реагировать. Кеннеди, который мог быть настроен весьма пессимистически, чувствовал, что у него нет большого политического капитала ни внутри страны, ни за границей. «Есть предел поражениям, которые я могу оправдать всего лишь за двенадцать месяцев», – сказал он своему бывшему гарвардскому наставнику Джону Кеннету Гэлбрейту²⁸.

О сути этих решений администрация сообщила европейским союзникам еще до того, как Кеннеди выступил с речью. 20 июля послания президента были доставлены Аденауэру, де Голлю и Макмиллану. На следующий день Раск, прилетевший из Вашингтона в Париж, встретился с французским, британским и западногерманским министрами иностранных дел для обсуждения планов Кеннеди. До того как Кеннеди принял решение, Белый дом не консультировался с западными европейцами, но Вашингтон хотел, чтобы они изъявили желание оказать помощь во время кризиса, возникновение которого ожидали американцы.

* * *

Пока в Вашингтоне обсуждали ответ на советский ультиматум, Хрущев поехал в свой ежегодный отпуск на юг, в Пицунду. Там он собирался обдумать свой следующий ход в том шахматном турнире, каким был вопрос по Берлину. «Здесь я работаю более плодотвор-

но, – писал Хрущев, – потому что мое внимание не отвлекается на текущие вопросы, которых у меня множество... Здесь я могу сосредоточиться на главном»²⁹. Его дача была построена с таким расчетом, чтобы руководителю было в ней удобно. Из ее больших окон и с трех балконов он наслаждался великолепным видом Черного моря³⁰. Чтобы дать возможность полному Хрущеву совершать небольшие физические упражнения, около дома соорудили бассейн – предмет роскоши, в СССР практически не известный.

Однако в середине июля в этом красивом месте Хрущев чувствовал себя совсем не спокойно. Его все более тревожили отчеты об увеличении численности восточных немцев, бежавших из своей страны через Западный Берлин³¹. В первые полгода их было сто тысяч, из них двадцать тысяч – в одном лишь июне. После речей Хрущева об ультиматуме, произнесенных в конце июня и в начале июля, численность беженцев стала еще более впечатляющей³². Поток восточногерманских беженцев в Западный Берлин был теперь самым масштабным с октября 1955 года. Как говорил Хрущев на заседании Президиума в мае, он знал, что огромное большинство из них – это профессионалы, которых было бы трудно заменить³³. Еще тяжелее для него было то, что на Западе эти люди искали лучшей жизни, потому что уровень жизни в ГДР пока еще не шел ни в какое сравнение с западногерманским³⁴. «Вопрос о том, прогрессивна ли та или иная система, должен решаться с точки зрения политики, – сказал Хрущев. – Однако многие решают его своим желудком»³⁵.

Новости, поступившие в Пицунду из Соединенных Штатов, были не более обнадеживающими. Официальный ответ Кеннеди на советскую памятную записку по Берлину наконец-то пришел 18 июля и стал огромным разочарованием. Называя советскую инициативу «документом, который говорит о мире, но угрожает его нарушить», президент в послании, прилагавшемся к ответу США, посоветовал Хрущеву вновь подумать о предложениях Запада 1959 года, включавших свободные выборы для объединенного большого Берлина³⁶. От президента не поступило ни предложений о переговорах, ни новых смелых предложений. Вместо этого Вашингтон призывал Кремль «пересмотреть свой курс».

Примерно в третью неделю июля доходившие до Хрущева сообщения разведки усилили впечатление, что Белый дом готовится к затяжному кризису. Позже Хрущев говорил, что самым важным из этих сообщений было то, в котором предсказывалось, что Вашингтон намерен воспользоваться ситуацией в Восточной Германии. В 1953 году администрация Эйзенхауэра не стала вмешиваться, чтобы помочь восставшим в Восточном Берлине, поднявшим недолгий мятеж против восточногерманского режима. Однако Хрущев, который не был

уверен, что Кеннеди действительно контролирует собственное правительство, поверил, что нынешнее американское правительство может оказаться и не столь осторожным³⁷.

20 июля от своего ставленника председателя КГБ Александра Шелепина Хрущев узнал, что НАТО готовится отнестись к берлинскому вопросу как к военной проблеме. Советские источники в некоторых западноевропейских правительствах сообщали, что НАТО едина в своей решимости помешать Москве подписать мирный договор с Восточной Германией, который затронет бы права доступа в Западный Берлин. КГБ предсказывал, что если Хрущев будет настаивать на исполнении своего плана, то Запад «будет готов предпринять шаги, угрожающие безопасности Советского Союза». В Москву поступили свидетельства, что Запад серьезно планирует военные действия, чтобы отразить любую попытку изолировать Западный Берлин. Имелась информация и о том, что готовы планы политических, экономических и других невоенных санкций, призванных оказать давление на Москву, чтобы она отказалась от своих попыток³⁸.

Кроме того, Хрущев мог получать намеки на наращивание обычных вооружений, о котором Кеннеди в общих чертах говорил в своих письмах к трем крупным европейским лидерам. Могли сообщать ему и о содержании бесед Раска с министрами иностранных дел, с которыми он встречался в Париже. В начале шестидесятых годов советское проникновение в эти правительства было впечатляющим. В мае, например, Кремль получил копии документов, направленных французским правительством в НАТО, – документов, в которых были представлены позиции разных стран по берлинскому вопросу³⁹. Равным образом члены Президиума имели возможность читать копии переписки западногерманского посла с Бонном⁴⁰.

Столкнувшись с жестким меморандумом США и получив соответствующие данные разведки, Хрущев решил, что ему следует готовиться к гораздо более долгой и упорной конфронтации, чем ожидалось. Он уже отменил некоторые увольнения в армии и перераспределил средства в пользу своего министерства обороны, однако положение в Восточной Германии требовало немедленного внимания. Казалось, что режим Ульбрихта уже рухнет под напором этого кризиса, и теперь создавалось впечатление, что международная напряженность, вероятно, продлится до конца года.

Хрущев решил построить стену, проходящую через центр Берлина. Отчасти это было реакцией на совет Ульбрихта. Накануне саммита в Вене восточные немцы сообщили Москве, что их ближайшая цель – закрыть секторальную границу, через которую убегало так много восточных немцев. В 1961 году для них это было важнее мирного договора⁴¹. Хрущев давно понял, что это станет частью мирного соглашения,

но колебался, стоит ли предпринимать этот шаг до того, как будут исчерпаны все возможности его переговорной стратегии. Он знал, что к Берлинской стене Запад отнесется как к провокации, что, следовательно, усложнит все усилия заключить общий договор. Теперь же он полагал, что больше не может ждать, когда Запад найдет время для общего урегулирования.

Решение построить Берлинскую стену мог принять только Хрущев. Он контролировал все аспекты стратегии советского блока, нацеленной на урегулирование германского вопроса. Только он мог принять решение отделить меры пограничного контроля от более общей политики, направленной на изоляцию Западного Берлина с помощью мирного договора. Следовательно, только он нес ответственность за жизнь многих людей, которые раз и навсегда пострадают от этого решения.

Хрущев не испытывал угрызений совести от перспективы разделить миллионы немецких семей; члены некоторых из них, как выяснилось, не видели друг друга целое десятилетие. Хотя Хрущев все-таки, хотя и неохотно, понял их мотивацию, он не принимал в расчет ни интересы тысяч восточных немцев, учивших своих детей в западногерманских школах, ни интересы десятков тысяч рабочих, работавших за более высокую зарплату в Западном Берлине. Нет, они не вызвали у него такого же осуждения, как воры – те, кого он называл экономическими преступниками, которых он приговаривал к смерти в Советском Союзе. Однако бессердечность этого недавнего решения проявилась и в его отношении к проблеме Берлина. При всем своем сочувствии к тем, кто жил не так хорошо, как им следовало бы жить при коммунизме, Хрущев не испытывал человеческих чувств к тем, кто своими действиями угрожал его планам. Именно эта авторитарная слепота не давала ему даже понять, что такое для человека свобода.

Советской группе войск в Германии и восточногерманскому министерству иностранных дел были направлены указания совместно разработать план установления контроля над «большим Берлином», включая границу между восточным и западным секторами. «Выход или вход в Западный Берлин, – уточнялось в плане, – будет запрещен всем гражданам ГДР, за исключением людей со специальными пропусками»⁴². Одобренный 21 июля главнокомандующим советскими войсками в Германии план не касался политических вопросов. Казалось, ему предстояло стать частью мер, которые вступят в силу, как только Хрущев и Ульбрихт подпишут мирный договор, передающий имеющиеся обязательства Москвы Восточной Германии. Разумеется, его можно было выполнить и раньше. Требовалось лишь одно – политическое решение построить стену.

Хрущев хотел, чтобы официальное решение было принято руководителями стран Варшавского Договора в первые дни августа. В конце июля Президиум уже решил провести 3 августа встречу членов Варшавского Договора, чтобы обсудить положение в Берлине. В третью неделю июля Громыко написал повестку и подготовил приглашения на встречу, на которой будет обсуждаться закрытие секторальной границы Берлина⁴³. Хрущев настаивал на максимальной секретности; любая утечка информации на Запад могла бы вызвать упреждающий удар. Лишь Ульбрихту сообщат о причине собрания заранее. Другим руководителям стран Варшавского Договора об этом сообщат лишь 3 августа, когда они прибудут в Москву. Хрущев хотел, чтобы приглашения были разосланы 26 июля⁴⁴.

* * *

Утром 25 июля в Вашингтоне царил нервное возбуждение. «Нью-Йорк таймс» предсказывала, что выступление Кеннеди станет дополнением к его речи при вступлении в должность президента. «Это выступление, – отмечал обозреватель газеты Джеймс Рестон, – ознаменует начало новой гибкой политики не только для Берлина, но и для всего фронта “холодной войны”»⁴⁵. Слухи об этом выступлении появились в газетах еще несколько дней назад, и ожидалось, что Кеннеди ответит на угрозы Хрущева контрмерами, демонстрирующими решимость Соединенных Штатов.

В то утро Теодор Соренсен, главный спичрайтер Кеннеди, принес испещренный пометками президента экземпляр его выступления в семейную квартиру Кеннеди в Белом доме и обнаружил его сидящим в постели и опирающимся на нагревающую подушку, которая поддерживала его больную спину. Президент внес несколько последних изменений в свою речь, добавив в ее финал очень личную ноту. «Выдвигая свою кандидатуру на должность президента Соединенных Штатов, – небрежно писал он своим почти неразборчивым почерком, – я знал, что перед нашей страной стоят серьезные проблемы, но ни я и никто другой, не несущий на себе бремя этой должности, не мог и представить, каким тяжелым и неослабным будет это бремя... В эти дни и недели я прошу вашей помощи и вашего совета. Я прошу ваших предложений, если вы полагаете, что мы можем сделать лучше. Все мы, я знаю, любим нашу страну, и мы должны сделать все возможное, чтобы ей послужить»⁴⁶. Соренсен взял текст с изменениями и потом его напечатал.

Рукописное дополнение было нетипично исповедальным для человека, полагавшего, что руководство страной требует холодной беспристрастности. Пятидесяти миллионам предполагаемых теле-

зрителей и радиослушателей предлагали стать свидетелями той неуверенности, которую Кеннеди обычно скрывал почти ото всех, кроме нескольких членов семьи. Такие слова, произнесенные человеком, который всего полгода назад уверенно говорил о том, что готов «вынести любое бремя», стали бы признанием его уязвимости. Да, он будет нести это бремя, но оно будет нелегким. Никакие слова, до сих пор произнесенные этим президентом (а их будет гораздо больше в грядущие, полные кризисов годы), не будут такими горькими.

Произнести речь оказалось так же трудно, как и ее писать. Хотя трансляцию отложили до десяти часов вечера, когда уже заснут дети – по крайней мере Восточного побережья, в ту ночь дневная июльская жара, стоявшая в Вашингтоне, все еще не спадала. В начале шестидесятых кондиционеры воздуха были очень шумными, и президентские телережиссеры решили, что надо уменьшить мощность единственного источника прохладного воздуха в Овальном кабинете. Журналисты, освещавшие речь, называли помещение «духовкой». Телезрители, не имевшие понятия о температуре, которую выдерживал их президент, сделали вывод, что если Кеннеди часто вытирал свой лоб, то это свидетельствовало о его напряжении, что усиливало эффект его речи⁴⁷. «Теперь [Западный Берлин] стал – как никогда прежде, – сказал Кеннеди американскому народу, – великим местом испытания западного мужества и воли, той фокусной точкой, где наши священные обязательства... и советские амбиции приходят теперь в столкновение, имеющее первоочередное значение»⁴⁸. А потом, как если бы кто-то сомневался в том, что Кеннеди готов к этому испытанию, он добавил: «Я слышал, что говорят, будто Западный Берлин с военной точки зрения ненадежен, непригоден для обороны. Но таким был и Бастонь. [Имеется в виду Бастонское сражение – осадные бои, которые вели союзники в бельгийском городе Бастонь, сражаясь с немецкими войсками зимой 1944/1945 года, во время их наступления в Арденнах. В сражении принимала участие рота воздушно-десантной дивизии США. – *Примеч. пер.*] И таким, по сути, был Сталинград. Любое опасное место может стать надежным, если люди – смелые люди – сделают его таким»⁴⁹.

* * *

«Кеннеди объявил Советскому Союзу превентивную войну»⁵⁰, – рычал Хрущев на Джона Макклроя. Макклроя, специального советника Кеннеди по разоружению, Хрущев пригласил в Пицунду, чтобы он мог немедленно и лично ответить на очень ожидаемый отклик США. Макклрой был хорошо известен Хрущеву как один из основателей американского внешнеполитического ведомства. Бывший

помощник министра обороны США при Франклине Рузвельте Макклой служил Гарри Трумэну в качестве верховного комиссара зоны США в оккупированной Германии. Однако в середине июля Макклой приехал в Советский Союз не для того, чтобы обсуждать Германию; он возглавлял делегацию государственного департамента, призванную обсуждать контроль над вооружениями, и вдруг получил неожиданное приглашение посетить 25 июля Хрущева. Таким образом, Макклой стал первым представителем Запада, испытавшим на себе весь пыл досады Хрущева, раздраженного речью Кеннеди о Берлине.

Хотя Макклой этого и не подозревал, речь Кеннеди усилила решимость Хрущева возвести стену еще до того, как американцы что-нибудь предпримут. 26 июля Хрущев велел советскому послу в Восточном Берлине сказать Ульбрихту, что, по его мнению, «теперь мы должны использовать напряженность в международных отношениях, чтобы окружить Берлин железным кольцом. Это нужно сделать до подписания мирного договора»⁵¹. Хрущев объяснил, что международное положение вынудило его совершить этот поворот на сто восемьдесят градусов, обусловило его решение принять односторонние меры, чтобы остановить поток беженцев. Эта операция должна быть совместной. «Наши военные создадут это кольцо; но контролировать его будут ваши военные», – вот что, по указанию Хрущева, должен был сказать его посол Ульбрихту. Чтобы унять тревогу восточногерманского руководителя относительно решимости Советского Союза, которая могла бы возникнуть в эти особенно напряженные дни – тревогу, которая наверняка последует за строительством стены, Хрущев велел послу Первухину передать Ульбрихту, что «мы подходим к этому вопросу серьезно, и если он втянет нас в войну, то будет война».

Оставаясь по своему подходу инженером, Хрущев интересовался деталями того, как будет построена эта преграда. Он велел Первухину прислать ему планы, только что разработанные восточными немцами и советскими военными, и попросить Ульбрихта оценить, сколько времени займет вся операция. Кроме того, Хрущев хотел узнать, что собирается сказать Ульбрихт на встрече стран – участниц Варшавского Договора⁵². Хрущев хотел, чтобы во время заседания восточногерманский руководитель взял на себя инициативу и объяснил другим руководителям, почему это железное кольцо необходимо.

Ответ от Ульбрихта Хрущев получил на следующий день. Он был энергичным и восторженным. «Вот это решение!»⁵³ – написал Ульбрихт. Далее он заверил советское правительство, что, коль скоро решение принято, потребуется всего восемь дней, чтобы подготовить все мероприятия, необходимые для начала закрытия границы между

Восточным и Западным Берлином и усиления контроля вокруг всего Берлина. Особенно Хрущева беспокоили системы проезда – наземные электропоезда (S-bahn) и метрополитен (U-bahn), – пересекавшие границы секторов. Восточные немцы заверили его, что их закрытие займет лишь от четырех до пяти недель⁵⁴. В первые дни на всех пунктах пересечения будет выставлена охрана, но со временем ее заменят заграждениями.

* * *

После отъезда Макклоя из Пицунды 26 июля Хрущев несколько дней объезжал украинские колхозы, прежде чем 31 июля вернуться в Москву, чтобы встретиться с Ульбрихтом. Восточногерманский руководитель должен был приехать в Москву прежде других руководителей стран Варшавского Договора, чтобы он и Хрущев могли составить план их общей стратегии. Даже успокоившись, Ульбрихт снова стал опасаться западной реакции на любую восточногерманскую и советскую провокацию. Как и в ноябре 1960 года, немца беспокоила западная экономическая блокада.

Кремль ожидал, что эта проблема возникнет⁵⁵. Еще до возвращения Хрущева в Москву Микоян и Громыко составили проект контрмер на случай, если Запад подвергнет Восточную Германию экономической блокаде. Они предложили Восточной Германии ответить запретом всех невоенных перевозок из Западного Берлина в Западную Германию. Это станет «ударом по западногерманским фирмам, которые получали промышленные товары из Западного Берлина, но не помешает ни промышленному производству в Западном Берлине, ни снабжению населения продуктами»⁵⁶. Еще одно предложение о вариантах действия поступило от председателя КГБ Шелепина. 29 июля он предложил организовать во всем мире ряд мероприятий, чтобы «способствовать рассредоточению внимания и сил Соединенных Штатов и их сателлитов и связать их во время заключения германского мирного договора и урегулирования положения в Западном Берлине»⁵⁷. В частности, Шелепин ратовал за то, чтобы помогать революционным движениям в Латинской Америке, тем самым сбивая с толку Вашингтон.

Эти советы, если бы их приняли, стали бы знаком существенного перелома в методах конкуренции Хрущева с влиянием США в «третьем мире». До сих пор Кремль не создавал никаких национально-освободительных движений и неохотно поддерживал революционеров, предпочитавших вооруженное восстание построению социализма посредством политических диверсий. Среди предложений КГБ был план работы с кубинцами и сандинистским движением в Никарагуа,

с Сандинистским фронтом национального освобождения (СФНО, исп. Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN), поддержки революционных движений в Латинской Америке. Сам по себе СФНО должен был быть организован таким образом, чтобы иметь реальную возможность свергнуть диктатора Анастасио Сомосу⁵⁸.

1 августа Хрущев и Президиум одобрили план КГБ отвлечения внимания Соединенных Штатов «созданием очага беспокойства» в Латинской Америке. Это было свидетельством не столько нового представления о «третьем мире», сколько почти отчаянного желания ослабить решимость США в Берлинском кризисе. Хрущева информировали о том, что именно планировалось осуществить в Латинской Америке. Шелепин сообщил, что КГБ перевел на счета СФНО небольшую сумму денег и влиял на это движение через трех секретных агентов с кличками «Пимен», «Гидролог» и «Лот». Таким образом, КГБ перевел СФНО десять тысяч долларов США, чтобы закупить оружие и впоследствии завербовать двенадцать никарагуанских студентов в городе Мехико, готовя их к проведению операций против режима Сомосы⁵⁹.

Хрущева по-прежнему больше всего волновало положение в Берлине, и 3 августа он встретился с Ульбрихтом для его обсуждения. Не желая потворствовать несколько пораженческим настроениям Ульбрихта, Хрущев решил утаить от восточного немца необычайные планы Кремля. Он просто предложил, чтобы, как только заграждения будут воздвигнуты, Советы и восточные немцы в совместном коммюнике заявили, что это было сделано в интересах социалистического мира. Когда Ульбрихт попросил позволить ему что-нибудь сказать народу до того, как стена будет построена, чтобы предотвратить риск паралича экономики, Хрущев не согласился. Предрекая массовое бегство к выходам, он сказал восточному немцу, что лучший способ создать панику – это сообщить что-нибудь людям еще до того, как заграждения будут установлены. «Мы должны сделать это так же, как мы ввели в действие новый валютный режим», – сказал Хрущев, имея в виду то, как в начале пятидесятых годов советский режим внезапно ввел в оборот восточногерманскую марку⁶⁰. Он хотел, чтобы стена была построена без предупреждения, став внезапно свершившимся фактом.

Далее Хрущев вкратце рассказал о том, как, по его мнению, должно происходить это закрытие границы. Хотя он и желал, чтобы стена была построена тайно, тем не менее предложил дополнительно разместить советские танки вдоль границы с Федеративной Республикой Германии, за стеной из советских военных. Тем самым он собирался дать сигнал западным правительствам, не создавая военную панику среди населения Европы и Соединенных Штатов. Хрущев

не хотел провоцировать истерию в обществе; он просто хотел сделать то, что было необходимо, чтобы удержать Вашингтон, Бонн, Париж и Лондон от вмешательства в попытке помешать закрытию границы. Ульбрихт беспокоился, что этих шагов может быть недостаточно. «Возможно, вашим частям потребует подкрепление», – сказал он. Хрущев не согласился. «Это вызовет негативную реакцию (немцев), а в качестве демонстрации [силы] этот шаг не будет иметь никакого решающего значения»⁶¹.

Хрущев снова спросил, сколько на это может потребоваться времени. Теперь Ульбрихт полагал, что железное кольцо можно построить за две недели вместо тех восьми дней, о которых он говорил раньше, опираясь на свои расчеты. Для Москвы это было неплохо. В порыве великодушия Хрущев заверил немца, что именно ГДР должна решать, когда лучше начать операцию. Когда бы ГДР ни решила ее начать, Москва будет готова. «Датой начала пограничного контроля решили сделать 13 августа 1961 года, – позже вспоминал Хрущев. – Мы смеялись, что на Западе тринадцатое число считается несчастливym, но я сказал сомневающимся, что для нас и для всего социалистического лагеря это число станет счастливым»⁶². 13 августа было воскресеньем, и имело смысл начинать эту операцию в выходные, когда в Западном Берлине будет работать мало восточных немцев.

* * *

Несмотря на внедрение Пеньковского и своевременный визит Джона Макклоя, администрация Кеннеди не выявила никаких планов Хрущева. Разрабатывая план операции в Берлине, Кремль делал это в строжайшей секретности, даже рискуя вызвать раздражение своих союзников. Москва устроила обструкцию любопытному польскому лидеру Владиславу Гомулке, который все время расспрашивал о вопросах повестки предстоящего совещания первых секретарей стран Варшавского Договора⁶³. Операция «Стена» сохранялась в строгой тайне и в Москве. Указания КГБ и другим причастным к этому делу министерствам относительно мировой пропагандистской кампании, сопровождающей рассекречивание стены, не давались до последнего, насколько возможно, момента⁶⁴.

В своем письме в Кремль Ульбрихт настаивал на еще более строгих мерах для обеспечения безопасности операции. Возможно, вспоминая о том, как быстро в 1956 году копии секретного доклада Хрущева на XX съезде партии поступили на Запад, он не хотел, чтобы советское правительство подготовило какие-нибудь материалы для приезжающих в Москву делегаций – материалы, которые могли бы

раскрыть тайну. «Что касается этого совещания, – писал он, – то мы предоставим представителям братских партий только те материалы, которые могут быть опубликованы»⁶⁵.

Представители стран Варшавского Договора собрались в Москве 3 августа для трехдневного совещания по Берлину⁶⁶. Своими выступлениями Хрущев подготовил всех первых секретарей и к тому, что будет построена Берлинская стена, и к ожидаемой международной напряженности, которая после этого последует. «Никто не может дать гарантии, что войны не будет»⁶⁷, – сказал им Хрущев. Хотя и не ожидая никакого западного нападения, он уведомил своих товарищей, что блок должен «укрепить нашу оборону, укрепить наши военные силы... Мы должны, товарищи, продемонстрировать им нашу волю и решимость, [или они] скажут, что мы блефуем, и поэтому усилят давление на нас»⁶⁸. И Хрущев, и Ульбрихт, который произнес свою главную речь 4 августа, упомянули о большой вероятности западного экономического эмбарго против Восточной Германии. Москва и Восточный Берлин надеялись, что поляки, венгры и чехи найдут способ снизить определенное давление на восточногерманскую экономику в случае, если это произойдет.

Совещание закончилось 5 августа частичной победой Хрущева и Ульбрихта. Их социалистические союзники проявили великодушие, предложив моральную поддержку операции «Стена». Варшавский Договор принял резолюцию, одобряющую закрытие границы. Однако каждый из восточноевропейских лидеров напомнил Кремлю, что есть предел той экономической помощи, которую они могут предложить Восточной Германии. У них самих были слабые плановые экономики⁶⁹.

Возвратившись в Берлин сразу же после совещания, Ульбрихт занялся многочисленными приготовлениями, необходимыми для того, чтобы границу можно было закрыть через неделю. В понедельник, 7 августа, он проинформировал восточногерманское Политбюро о переговорах в Москве и о решении закрыть границу в ночь с 12 на 13 августа⁷⁰. В среду, 9 августа, он заверил Советы, что все необходимые приготовления будут завершены к субботе, и представил график мероприятий, которые будут проведены в выходные⁷¹.

Через советского посла в Восточном Берлине Ульбрихт проинформировал Хрущева, каким образом он планировал организовать события в ночь с 12 на 13 августа с тем, чтобы минимизировать возможность утечки информации на Запад. 12 августа, в самый последний момент, он пригласит официальных представителей кабинета министров восточногерманского правительства (Совета министров) в свой загородный дом под Берлином. Около полуночи он соберет эту группу для одобрения резолюции Варшавского Договора, требующей

закрыть границу. Пока министры будут покорно подписывать решение, восточногерманские полицейские выстроятся в шеренги вдоль секторальной границы и начнут разматывать колючую проволоку, которую раздадут им заранее, как бы для учений. Через девяносто минут, если все пройдет в соответствии с планом, официальное извещение о закрытии восточноберлинской границы пошлют в агентство печати ГДР для его распространения в мире⁷².

Хрущев получил это сообщение от Ульбрихта 10 августа – в тот же день, когда Кремль объявил, что маршал Иван Конев, бывший главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора, сыгравший большую роль в военной кампании Сталина против Гитлера, назначается главнокомандующим Группой советских войск в Германии. Хрущев ответил на высказанную ранее просьбу Ульбрихта сделать что-нибудь, чтобы подготовить восточногерманское население к предстоящим напряженным дням. Выбор для участия в берлинской операции такого героя войны, как Конев, свидетельствовал о непосредственном участии Москвы в том, что здесь произойдет⁷³.

Новый главнокомандующий очутился в Берлине чуть раньше, чем сделал свое заявление Хрущев. Хваткий человек с руками и лицом украинского крестьянина, Конев испытал удовольствие, удивив западных офицеров связи, которых назначили служить под его командованием. Американская, британская и французская миссии в Восточном Берлине были уже приглашены на намеченную на конец дня встречу с генерал-полковником Иваном Игнатьевичем Якубовским, главнокомандующим Группы советских войск в Германии. Прибыв на нее, они увидели стоящего рядом с Якубовским низкорослого Конева. «Господа, меня зовут Конев, – так, говорят, сказал он, сверкая глазами. – Может быть, вы обо мне слышали»⁷⁴. Собравшиеся командующие миссий могли лишь улыбнуться.

Назначение Конева было единственным публичным актом, о котором любой профессионал западной разведки мог бы впоследствии сказать как о возможном сигнале к предстоящим событиям⁷⁵. Однако тогда на это назначение не обратили внимания ни в Белом доме, ни даже в Пентагоне, не заподозрив изменений в тактике Хрущева.

Конев вскоре встретился с Ульбрихтом, чтобы убедиться, что восточные немцы действительно готовы к операции. Согласно составленному в июле плану, советские Вооруженные Силы во время операции будут оставаться на заднем плане, если только западные державы не пойдут на провокацию. В планах, направленных в советский Президиум в первые дни августа, не было ни упоминания о том, какие шаги могут предпринять советские вооруженные силы, если находящиеся в Берлине американские войска попытаются про-

верить, как будет действовать восточногерманская полиция на начальном этапе операции. Во время встречи с Ульбрихтом Конев подчеркнул два момента: во-первых, операция должна пройти быстро, и, во-вторых, эти мероприятия не должны повлиять на возможность граждан Западного Берлина въезжать в Западную Германию и выезжать из нее⁷⁶.

После того как Ульбрихт встретился с Коневым, высшее руководство восточногерманской полиции безопасности впервые проинструктировали о том, как должна пройти предстоящая операция. В пятницу, 11 августа, начальник восточногерманской полиции Эрих Мильке сообщил им кодовое название закрытия берлинской границы – операция «Роза» – и велел им производить все подготовительные работы «в строжайшей секретности»⁷⁷.

* * *

Рано утром 13 августа восточногерманская полиция начала натягивать колючую проволоку и блокировать дороги вдоль двадцатисемимильной [длиной в сорок три с половиной километра. – *Примеч. пер.*] границы Западного Берлина с Восточным Берлином и остальные шестьдесят девять миль [111 километров. – *Примеч. пер.*] границы с Восточной Германией. Вдоль линии, разделяющей два Берлина, настоящие заграждения будут построены лишь через два дня, но в течение нескольких первых часов операции «Роза» полиция стояла вдоль нее шеренгой, наподобие стены, чтобы предотвратить любое перемещение через исторические Бранденбургские ворота, некогда символ объединенной Германии. Железное кольцо Хрущева прорезало сто девяносто две улицы, тридцать две железнодорожные линии, восемь линий городских наземных электропоездов (S-bahn), четыре ветки метрополитена и три автобана⁷⁸. Там, где граница между Востоком и Западом проходила через реку или озеро, восточные немцы позже построили подводные преграды, но в тот первый день были организованы особые патрули морской пехоты. Остались нетронутыми три железнодорожные ветки и три проходившие через Восточную Германию шоссе, связывавшие Западный Берлин с Западной Германией. Цель операции «Роза», как уже напоминал Конев Ульбрихту, состояла в том, чтобы удержать восточногерманское население, а не в том, чтобы помешать движению из Западной Германии в Западный Берлин.

Этой операции предшествовало официальное решение восточногерманского правительства. В своем загородном доме Ульбрихт собрал Совет министров ГДР на рассвете 12 августа – раньше, чем планировалось изначально. Как выяснилось, им потребовалось до-

полнительное время для обсуждения плана, и только к одиннадцати вечера они пришли к согласию, что стену надо строить. Промедление создало для Ульбрихта некоторую неловкость, потому что, когда министров везли домой, они увидели советские и восточногерманские танки, уже получившие приказ начать движение, чтобы обеспечить подготовку к сооружению заграждений. Помимо этого несколько неловкого сбоя возникли и некоторые реальные трудности с полицейскими и железнодорожниками, которые были возмущены закрытием берлинской границы и отказывались оказывать содействие⁷⁹.

Советские военные представители сообщали в Москву, что операция прошла почти безупречно⁸⁰. Если и отмечалось определенное народное сопротивление вдоль границы, то его значение преуменьшалось. Казалось, что у восточных немцев все было под контролем, и ни разу за всю ночь люди Ульбрихта не попросили помощи у советских военных. Но лучше всего было то, что операция не только застала Запад врасплох, но и западные солдаты не покинули своих казарм. Не было никаких свидетельств того, чтобы гарнизоны НАТО в Западном Берлине приводились в состояние боеготовности.

* * *

Первые сообщения о строительстве заграждений, разделяющих Берлин, Кеннеди получил, когда возвращался с воскресной лодочной прогулки в Хайаниспорте. Закрытие границы закончилось уже больше восемнадцати часов назад, и он сердился, что ни ЦРУ, ни представители государственного департамента в Берлине никак его об этом не предупредили⁸¹. Но ведь он и впрямь ничего не мог поделаться с хрущевской стеной. Позже Теодор Соренсен резюмировал мнение, которое разделяли президент и его ближайшие сотрудники: стена была «незаконной, аморальной и негуманной, но не поводом для войны»⁸². Гораздо труднее было принять ощущение того, что она могла оказаться, по словам биографа Кеннеди Роберта Даллека, «находкой»⁸³. Администрация Кеннеди знала, что бегство восточных немцев через Западный Берлин – по подсчетам, три с половиной миллиона восточных немцев уже покинули свои дома, обосновавшись в центрах для беженцев в анклав, – создавало ежедневную угрозу стабильности германского сателлита Хрущева. Если благодаря стене этот отток резко прекратится, то это ослабит давление, вынуждающее Хрущева вести борьбу за заключение мирного договора. Поэтому единственной реакцией Кеннеди было бы подтверждение обязательств США перед Западным Берлином. Он сразу же направил в Западный Берлин отставного генерала Люсиуса Клея, героя воздушных поставок в Берлин 1948–1949 годов, и вице-президента Линдона

Джонсона, чтобы успокоить население разделенного города. Через неделю он послал автоколонну с тысячью шестьюстами солдат: им было поручено проехать по автобану с развернутым флагом и стать подкреплением для оккупационных войск США⁸⁴.

Кеннеди столкнулся с той же нравственной дилеммой, что и Эйзенхауэр во время Венгерского восстания 1956 года. Теперь, как и тогда, президент США полагал, что он должен проигнорировать затруднительное положение граждан социалистического блока, чтобы предотвратить более масштабную войну. Кеннеди не думал, что следствием предъявленного в Вене ультиматума сможет стать строительство стены. Как и прежде, его больше всего беспокоила попытка СССР задушить Западный Берлин с помощью военной операции. Хотя теперь новая стена, судя по всему, исключала вооруженное нападение Советов на Западный Берлин, западные пути доступа оставались уязвимыми. Кеннеди был не готов рисковать всем и пытаться разрушать стену, строившуюся на восточногерманской территории.

Протесты в Западном Берлине подчеркивали нравственное значение стены. Если ранним утром ее появление было в ошеломлении воспринято как свершившийся факт, то потом начались массовые протесты, особенно вдоль коридоров из только что натянутой колючей проволоки, разделяющей два Берлина. Ранним вечером с западной стороны Бранденбургских ворот собрались три тысячи человек. Когда они начали бросать камни в восточную сторону, восточногерманская полиция стала поливать их водой из брандспойтов со своей стороны. В юго-западной части города восточногерманская полиция принялась распылять из канистр слезоточивый газ, а затем дубинками начала разгонять разгневанную толпу западных немцев, хлынувших в Восточный Берлин. Тем временем отчаянные восточные немцы, включая полицейских, пытались прорываться или перепрыгивать через заграждения, которые в эти первые часы, когда разделение города только началось, были непрочными⁸⁵.

Несмотря на обиду и страх, которые испытывали берлинцы, федеральное правительство в Бонне сразу же осознало пользу стены. На следующий день после сооружения первых заграждений Аденауэр объявил, что он не прервет торговые связи с Восточной Германией. Грозные экономические санкции будут наложены лишь в том случае, если Кремль исполнит свою угрозу подписать мирный договор⁸⁶. Даже министр обороны в правительстве Аденауэра, сторонник жесткой линии Франц Йозеф Штраус, призывал западных немцев к спокойствию. «Если начнется стрельба, – сказал он, – никто не знает, с каким оружием она закончится»⁸⁷.

* * *

Хрущева успокоило отсутствие действенного ответа Запада. «Могла бы начаться война»⁸⁸, – сказал он. Там не только не отмечалось никаких усилий западной стороны снести заграждения, но Кеннеди, Макмиллан, де Голль и Аденауэр, судя по всему, не имели никаких ближайших планов наказать восточный блок за этот шаг. О тайных ответных мерах Кремля можно было забыть.

* * *

Сооружение стены не положило конец Берлинскому кризису 1961 года. Ни Советы, ни восточные немцы не думали, что, если приостановить поток беженцев, то проблема будет решена. В остальные дни августа советское правительство продолжало свою кампанию психологического давления на Запад, готовясь раскрыть карты, заявив о договоре. Впервые за почти двадцать лет иностранных военных атташе пригласили наблюдать за маневрами советской армии. На обозрение были представлены части, вооруженные тактическими ракетами с ядерными боеголовками⁸⁹. Однако никакое усилие продемонстрировать военные возможности не впечатляло больше, чем сделанное в конце месяца заявление, что СССР планирует прекратить действие добровольно установленного им самим моратория на ядерные испытания. Через два дня, после трех лет моратория, Советский Союз начал испытания ядерного оружия на своем испытательном полигоне в Семипалатинске, в Центральной Азии.

Вдохновившись советским примером, восточные немцы, осмелев, начали свои собственные провокации. 22 августа они объявили о создании стометровой ничейной полосы по обе стороны от Берлинской стены. Жителей Западного Берлина предупредили, что по ним могут открыть огонь, если они подойдут к границе ближе, чем на сто метров⁹⁰. На следующий день восточные немцы в одностороннем порядке сократили численность пунктов пересечения, которым могли пользоваться представители Запада, с семи до одного: этот пункт пропуска, известный как «Чекпойнт [контрольно-пропускной пункт. – *Примеч. пер.*] Чарли», находился на Фридрихштрассе⁹¹.

Советы были готовы признать дополнительные пограничные контрольно-пропускные пункты при условии, что они не повышают риска конфронтации с Западом в Берлине. Однако новые политические методы Ульбрихта, ни один из которых заблаговременно не получил одобрения Москвы, приводили к ограничению прав Запада. 24 августа советский посол и Конев встретились с Ульбрихтом, чтобы объяснить, почему неправильно объявлять о создании ничейной земли на западной стороне границы Берлина. «Создание стометровой

зоны безопасности на территории Западного Берлина и предоставление полиции права применять силу против нарушителей границы в этой зоне, – заявили советские представители, – может привести к столкновению между полицией ГДР и вооруженными силами западных держав». На следующий день Ульбрихт обнародовал постановление, которым отменялось создание зоны, и заверил Запад, что учреждения ГДР «не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела Западного Берлина»⁹². Однако он не стал отменять свой план сохранить лишь один контрольно-пропускной пункт, и Москва смирилась с этим актом неповиновения.

* * *

В конце августа советские и восточногерманские действия свидетельствовали о постоянных изменениях в политике. Все советские действия были, разумеется, согласованы, но Хрущев менял свое мнение. Он вернулся в Пицунду, где благодаря приятному уединению его воображение опять заработало.

Реакция Кеннеди на Берлинскую стену была спокойной, но реальность, свидетельствующая о готовности США выполнять военные обязательства перед Западным Берлином, усиливала решимость Хрущева сохранять этот созданный им же самим кризис. Несмотря на все намеки и данные разведки, полученные им до выступления Кеннеди 25 июля, Хрущев явно не был готов к такому масштабному наращиванию обычных вооружений, к которому приступил президент США. Во время встречи с Маккломом Хрущев попытался его напугать, подчеркнув превосходство Советского Союза в обычных вооружениях в Берлине и его окрестностях. «На каждую дивизию, которую вы пошлете в Европу, – сказал он, – мы можем ответить двумя нашими»⁹³. С начала этого кризиса Хрущев, уверенно предсказывая лишь пятипроцентную возможность войны, исходил из предположения, что позиции Соединенных Штатов в Берлине настолько слабы, что у них практически нет военной возможности их защищать. Однако благодаря мерам, перечисленным Кеннеди в его речи и затем осуществленным Соединенными Штатами и одобренным Европой, основная предпосылка берлинского гамбита Хрущева сошла на нет. Похоже, подтвердилось предсказание Микояна о готовности США вступить в борьбу с применением обычных вооружений, а не предположение Хрущева, что в ядерную эпоху война невозможна.

Хрущев, не привыкший честно обсуждать правила игры, не оставил истории свидетельства о подлинных причинах внезапного изменения своей позиции. Но он понимал, что загнал себя в угол⁹⁴. В конце августа он искал предлог, чтобы отозвать свой ультиматум. Хрущев

все еще мечтал о германском мирном договоре как об основе нового европейского урегулирования, однако последние несколько месяцев показали, что одной тактики жесткого давления недостаточно, чтобы заставить администрацию Кеннеди сдаться. Требовался новый подход: помимо кнотов, нужны были и несколько пряников.

В тысячах миль от СССР об изменении стратегии Хрущева пока еще не знали. Однако Вашингтоном овладел стойкий пессимизм, когда напряженность не ослабла и в конце лета. Дин Ачесон писал Гарри Трумэну, служившему ему во время этого кризиса своего рода духовником: «Думаю, этой осенью нас ожидает самое унижительное поражение из-за Берлина... Хотелось бы надеяться, что я ошибаюсь, но, думаю, вряд ли. Курс установлен, и события вот-вот произойдут»⁹⁵. Так же пессимистичен был и Джордж Кеннан, другой архитектор политики США, направленной на сдерживание Советского Союза. Вернувшись в августе из Белграда, где он служил послом администрации Кеннеди, Кеннан признался своему другу Артуру Шлезингеру-младшему: «Не могу допустить, чтобы будущее человечества устраивала – или расстраивала – группа людей, действующих на основе ограниченных перспектив и краткосрочных расчетов. Думаю, что единственное, что мне осталось в жизни, – это сделать все, что в моих силах, чтобы остановить войну»⁹⁶. Шлезингер, называвший эти дни «странными и унылыми», разделял его пессимизм. «Я смотрю на международные процессы более мрачно, – писал он другу, – чем смотрел на них летом 1939 года»⁹⁷.

Глава 16

«ГРОЗА В БЕРЛИНЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ»

26 августа корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Сайрес Сульцбергер получил неожиданную телеграмму, поступившую в его гостиницу на маленьком пелопоннесском острове Спеце. Юрий Жуков, хорошо подготовленный и обаятельный советский пресс-агент, видный защитник интересов Кремля с самого начала Корейской войны, приготовил для своего старого друга Сая интересные новости. Если журналист сможет приехать в Москву, то его примет Хрущев. Жуков посоветовал Сульцбергеру приехать в Москву 2 или 3 сентября, когда советский руководитель вернется из своего отпуска на Черном море. Жуков не сообщил, о чем хочет говорить Хрущев, но в августе 1961 года никто не говорил почти ни о чем, кроме Берлина¹.

Через несколько дней советский посол в Югославии сообщил своему американскому коллеге Джорджу Кеннану, что Никита Хрущев «восторженно поддержал дальнейшие переговоры» между послами по вопросу о Берлине². Вашингтон уже пытался использовать Кеннана, чтобы сообщить Кремлю о своей заинтересованности в дипломатии. Через день после того, как только начали возводить стену, государственный департамент уполномочил Кеннана поговорить с его советским коллегой, чтобы выведать, есть ли возможность найти подход к Хрущеву³. 14 августа Кремль был еще не готов. А теперь был.

Тем временем в Брюсселе поверенный в делах советского посольства неожиданно пригласил бельгийского министра иностранных дел посетить Хрущева в Москве. Поль-Анри Спаак, невысокий человек из маленькой страны, был тем не менее уважаемой фигурой в европейских делах⁴. До февраля 1961 года он был генеральным секретарем НАТО, а потом вернулся в Брюссель, чтобы стать министром иностранных дел. В конце июля Спаак использовал кружной путь, чтобы сообщить Москве о своей уверенности в возможности заключить соглашение, о котором договаривались⁵. До сих пор Москва не принимала его предложения.

...Изумительно низкорослый француз получил четвертое приглашение. В самых модных гостиных довоенного Парижа Поль Рейно был известен своим «высокомерием коротышки», который «ходит почти на цыпочках, чтобы казаться выше»⁶. В конце лета 1961 года этот восьмидесятитрехлетний бывший премьер-министр Франции собирался посетить Советский Союз, чтобы закрыть выставку французских товаров и технологии, проходившую в Москве⁷. Когда Кремль неожиданно предложил Рейно встретиться с Хрущевым, это предложение оказалось глубоко символичным. В мае 1941 года Рейно в знак протеста ушел в отставку, когда, Гитлер напал на Францию⁸, и именно к нему, к этому человеку из прошлого, решили обратиться за помощью в организации менее трагичной, хотя и значимой, капитуляции Запада в 1961 году.

В Пицунде Хрущев решил начать зондировать Запад на предмет возможности «запуска» переговоров. Обращения к Сульцбергеру и Кеннану были предприняты для того, чтобы наладить новый секретный канал связи с Кеннеди. Тем самым Хрущев пытался узнать, произошли ли какие-нибудь изменения в переговорной позиции Кеннеди. От Спаака и Рейно Хрущев ждал понимания и поддержки. Начиная осуществлять свою берлинскую стратегию, он ожидал, что западные европейцы усилят давление на Соединенные Штаты с тем, чтобы во избежание войны они согласились на советские условия⁹. По-прежнему убежденный, что их можно использовать, чтобы сломить решимость Америки, Хрущев решил добиваться расположения видных европейцев, уже проявивших интерес к примирению.

Пока его представители проводили эту дипломатическую кампанию, к самому Хрущеву обратились с неожиданной инициативой. Если этим летом личное послание от Хрущева стало самой большой неожиданностью для Кеннана, Рейно, Спаака и Сульцбергера, то гораздо больше потрясло самого Хрущева личное обращение к нему Конрада Аденауэра. 29 августа 1961 года западногерманский канцлер направил своему русскому коллеге секретное послание. Когда оно было доставлено западногерманским послом Кроллем, в советском министерстве иностранных дел его перевели, и перевод содержал следующее:

«Канцлер хочет, чтобы его противник знал, что он полностью согласен с Хрущевым, что к развивающейся серьезной ситуации нужно отнестись трезво, не поддаваясь эмоциям. Федеративная Республика знает, что ни Эйзенхауэр [*sic*], ни Хрущев не хотят войны. Однако не исключено, что война может вспыхнуть. Существуют две самые большие опасности – когда танки стоят против танков, на расстоянии всего нескольких метров, как это происходит сейчас в Берлине, и еще более существенная опасность неправильной оценки ситуации.

Федеративная Республика убеждена, что единственным выходом из положения являются переговоры, которые должны начаться как можно скорее. Позиция Федеративной Республики относительно направления переговоров полностью совпадает с позициями США и Великобритании. Как хорошо известно, Франция занимает особую позицию в отношении времени начала переговоров»¹⁰.

Открытая позиция руководителя Западной Германии заключалась в том, что переговоры с Москвой опасны, поскольку они могут привести к западным уступкам по Берлину. Однако через Кролля Аденауэр передал Кремлю, что, по его твердому мнению, у Советов, чтобы начать переговоры, нет причины ждать до западногерманских выборов, намеченных на 17 сентября. Более того, канцлер попросил Москву продемонстрировать свою готовность снизить напряженность, освободив последнюю группу германских граждан, оставшихся в плену в СССР¹¹. Инициатива Аденауэра сыграла на упорном представлении Хрущева, что в конечном счете ему удастся оторвать Бонн от Вашингтона. Может, это было просто предвыборной уловкой хитрого германского канцлера. И тем не менее Хрущев нуждался в любой европейской помощи, которой он только мог заручиться в предстоящих переговорах.

* * *

5 сентября Хрущев проговорил пять часов с Сайресом Сульцбергером. Он дал журналисту достаточно материала для нескольких сенсационных статей, а потом перешел к цели встречи. Сульцбергеру была передана, исключительно для Кеннеди, частная записка, в которой Хрущев предлагал, чтобы два лидера установили «своего рода неофициальные контакты... найти способ урегулировать кризис, не нанося ущерба престижу Соединенных Штатов». Он просил лишь, чтобы Кеннеди «в принципе» согласился «на мирный договор и вольный город»¹². Впервые он не потребовал, чтобы Кеннеди согласился с утратой прав Запада на доступ.

* * *

Инициатива встретила благодарный отклик. Кеннеди тоже напряженно думал о том, как договориться о выходе из этого кризиса¹³. В сентябре 1961 года президенту предстояло принять несколько неприятных решений. Если к началу нового года он хотел развернуть в Европе еще шесть дивизий, то он больше не мог откладывать объявления чрезвычайного положения в стране. Объединенный комитет начальников штабов и некоторые его помощники из числа гражданских служащих по-прежнему толковали его июльское решение просто как

попытку отсрочить неизбежное. Но Кеннеди сомневался, на самом ли деле в конце концов нужны эти шесть дивизий¹⁴. Кроме того, его вынуждали решить, возобновить ли американские ядерные испытания. Еще больше советников Кеннеди утверждали, что, если учитывать ряд советских испытаний в Семипалатинске, то у Соединенных Штатов действительно нет выбора¹⁵.

Кеннеди положительно прореагировал на новости о советском сближении с Джорджем Кеннаном еще до того, как Хрущев встретился с Сульцбергером. Похоже, Кремль был готов говорить, а не кричать, хотя Кеннеди хотел, чтобы эти обсуждения проходили на более высоком уровне, чем уровень Кеннана и советского посла Алексея Епишева. Советский министр иностранных дел Громыко, вероятно, придет в Нью-Йорк в этом же месяце, позже, – на открытие сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 3 сентября государственный департамент поручил Томпсону предложить Советам устроить переговоры между Раском и Громыко¹⁶. В то время Томпсона не было в Москве, и ему потребовалось несколько дней, чтобы сообщить Хрущеву, что Кеннеди заинтересован в переговорах¹⁷.

В Вашингтоне Кеннеди намекнул своим советникам о своем желании, чтобы эти переговоры имели реальные шансы на успех. 12 сентября он дал указание государственному секретарю Раску собрать небольшую группу советников для выработки позиции правительства на переговорах о завершении Берлинского кризиса¹⁸. То, что руководящую роль в этой инициативе Кеннеди отвел государственному департаменту, свидетельствовало о его отчаянии. С момента начала кризиса Кеннеди стал отзываться об американских дипломатах в целом как о «миске со студнем»¹⁹. Он сомневался, что в отсутствие твердого руководства государство сможет придумать что-то новое и оригинальное, чтобы предложить это Хрущеву. «Я говорю о настоящей переделке наших предложений для переговоров, – предупреждал он Раска, – а не о скромном дополнении». Официальный ответ США на июньский ультиматум Хрущева по Берлину – ответ, который Раск составил совместно с французами, британцами и западными немцами, – был безрезультатным. Кеннеди очень хорошо знал, что воссоединение Германии или воссоединение Берлина на основе свободных выборов не могло быть темой каких-либо дискуссий с Советами. «Эти предложения не могут служить предметом переговоров, – напомнил он Раску, – их пустота, в этом смысле, признана всеми»²⁰.

Кеннеди решил предельно сузить круг людей, которым поручалась эта задача – пересмотр позиции США. Дина Ачесона и Линдона Джонсона – людей, непреклонных в переговорах, – пришлось вывести из игры, и Кеннеди не хотел, чтобы кто-нибудь в Пентагоне знал, что он делает. В Белом доме об этом будут знать лишь советник пре-

зидента по вопросам национальной безопасности Макджордж Банди и спичрайтер Соренсен. Президент предоставил им определенный простор для творчества. Он был готов рассмотреть вопрос о том, чтобы сделать Западный Берлин вольным городом. Но он хотел, чтобы НАТО могла защищать город и его жителей без советского или восточногерманского вмешательства.

Кеннеди, ничего не зная о личном обращении Аденауэра к Хрущеву, ожидал, что западногерманский лидер окажется самым непреклонным союзником, которого будет труднее всех убедить в необходимости новых предложений, а особенно в том, что предполагало, что Западный Берлин может и не войти в состав Западной Германии. Как только новая повестка для переговоров была готова, Кеннеди решил послать кого-нибудь, кого уважал Аденауэр – может быть, даже Ачесона, – чтобы тот разрекламировал ее канцлеру. Но это, конечно, при условии, что сначала Кеннеди сможет разрекламировать повестку его собственным сторонникам жесткой линии.

* * *

В середине сентября – именно тогда, когда должны были начаться встречи Хрущева с двумя специально подобранными европейцами, он получил известие о желании Кеннеди, чтобы Раск и Громыко встретились в Нью-Йорке. Посол США не представил никакой новой позиции США, но Хрущев был воодушевлен тем, что Кеннеди хотя бы был готов, судя по всему, обсуждать его требования, связанные с Берлином. Он дал разрешение на советское участие в переговорах, начать которые предполагалось 21 сентября.

Тем временем события в Германии послужили напоминанием о риске, на который шли обе стороны, позволяя этому кризису продолжаться. 14 сентября, как раз после пяти часов вечера по центральноевропейскому времени, два реактивных истребителя западногерманских военно-воздушных сил, «F-84» «Тандерджет», вторглись в восточногерманское воздушное пространство близ Зленда, в семидесяти шести километрах юго-западнее Магдебурга. У советских ВВС были неизменные приказы сбивать самолеты, нарушавшие восточногерманское воздушное пространство. Однако ни один из восьми взлетевших советских истребителей не смог задержать самолеты «F-84» за двадцать одну минуту, пока они не приземлились в аэропорту «Берлин-Тегель» во французской зоне Западного Берлина. На следующий же день еще один западногерманский «F-84» снова нарушил восточногерманское воздушное пространство. Это нарушение продлилось лишь четыре минуты: ошибка советских ВВС оказалась менее грубой, но все-таки стала нежелательным свидетельством не-

прочности восточногерманского суверенитета. Эти два инцидента обеспокоили советское военное командование в Германии, и Хрущев подумал, что, несмотря на секретное послание Аденауэра, доставленное ему двумя неделями раньше, западные немцы, возможно, попытаются спровоцировать конфликт²¹.

Русский перевод своевременной статьи Уолтера Липпмана в «Нью-Йорк геральд трибюн» лег на стол Хрущева, когда он размышлял о значении этих событий. Статья под заголовком «Ядерная дипломатия» представляла собой пронизательное суждение эрудированного американца о природе международной политики в мире, где каждая из обеих сверхдержав способна уничтожить другую²². «Мы не поймем сущности конфронтации Хрущева и Кеннеди, – писал Липпман, – если не напомним себе, что ядерная война – не просто еще одна война, какие уже случались в истории, а совсем новый тип насилия». Хрущев согласился с этим анализом. Как-никак, это было основой его рискованной стратегии принудить Запад признать новый статус Западного Берлина. Советский руководитель полагал, что в мире, где господствует ядерное оружие, разумным людям надо бояться развязывать войну, предпочитая ей дипломатию и даже капитуляцию.

16 сентября Хрущев похвалил Липпмана и его статью Полю Рейно: «Он человек понимающий, и я согласен со многими его выводами. Он уверен, что теперь война означает самоубийство»²³. Однако Хрущев, видимо, не понял или предпочел не обсуждать заключительный тезис статьи Липпмана: «В эту ядерную эру, – заключал Липпман, – первостепенное правило международной политики состоит в том, чтобы большая ядерная держава не ставила другую большую ядерную державу в такое положение, где она должна выбирать между самоубийством и капитуляцией».

Всякие надежды Хрущева на то, что страх перед всеобщей ядерной войной сделает двух его европейских собеседников сговорчивыми, быстро рассеялись. Трехчасовая встреча Хрущева с Рейно была почти оперой-буфф. Француз оказался неуступчивым белым империалистом, в большей степени озабоченным желтой угрозой, чем ядерной опасностью. «В результате первых двух европейских войн мировое превосходство перешло к американцам, – сказал бывший премьер-министр, доказывая, что Хрущев обязан прекратить свое бряцание оружием. – Новая война завершится самоубийством белой расы, дав возможность Китаю господствовать в мире». От этих комментариев Хрущеву не было никакой пользы, и он не стал терять время, чтобы объяснить Рейно, что как интернационалист он ставит классовые интересы выше расовых. У советского руководителя были, несомненно, свои проблемы в отношениях с Мао, но он не собирался

придерживаться расовой точки зрения, говоря о своих китайских союзниках с этим представителем французской буржуазии²⁴.

Состоявшаяся через несколько дней встреча со Спааком была менее странной, но не более успешной. Бельгиец заинтересовал Кремль своим общением с поляками, которым он сказал, что «предложение предоставить Западному Берлину статус вольного города с определенными гарантиями доступа, которые, по заявлению Советского Союза, будут даны, может способствовать соглашению западных стран с ним [Хрущевым]»²⁵. Таким образом, Спаак стал первым западным актором внешней политики, который поддержал идею вольного города Западного Берлина в беседе с дипломатом советского блока. Однако вскоре надежды Хрущева рассеялись, как только бельгиец оказался в его кабинете, и оба принялись обсуждать конкретные вопросы. Спаак, хотя и поддерживал идею вольного Западного Берлина, в то же время хотел, чтобы НАТО сохранила свои особые пути доступа в город. Хрущев, завершая встречи с Рейно и Спааком, считал, что ему нужно все-таки встретиться с западноевропейским деятелем, который поддержал его определение вольного города Западного Берлина²⁶.

Хрущева можно было бы простить, если он полагал, что теперь он дает европейцам больше, чем получил взамен. В результате бесед с Рейно и Спааком Хрущев обнаружил, что ему нужно быть готовым стать свидетелем того, что ООН переместит свою штаб-квартиру в Западный Берлин²⁷. Это предположение придало трагизма его готовности согласиться на будущую независимость Западного Берлина и даже на то, чтобы он остался капиталистическим. В самом деле, Дуайт Эйзенхауэр когда-то размышлял о предложении перенести штаб-квартиру ООН в Западный Берлин, хотя Джон Фостер Даллес не дал хода этой идее²⁸. Кроме того, Хрущев обмолвился в разговоре со Спааком, что он не имеет в виду крайнего срока для начала переговоров, а это означало, что он, может быть, готов отменить угрожающий ультиматум и в 1961 году так же, как он это сделал в 1959 году. Как Спаак заявил на экстренном заседании Совета НАТО в конце сентября, Хрущев не особенно спешил. Советский руководитель, сказал он, «предпочитает отложенные переговоры поспешной войне»²⁹.

* * *

В Нью-Йорке Раск и Громыко приступили к переговорам 21 сентября после долгого обеда. Ни тот, ни другой не могли ни сказать, ни предложить ничего нового³⁰. Хрущев предполагал, что мяч теперь на стороне Кеннеди, а обзор берлинской политики – его администра-

ции, который Кеннеди велел начать 12 сентября и который будет завершен лишь через несколько недель.

И тем не менее Хрущев был удовлетворен этой первой встречей министров иностранных дел. Он одобритительно отметил, что Раск не сказал ничего критичного в отношении Берлинской стены. Как Громыко позднее заявил Центральному Комитету, «в [этих] переговорах представители США признают, что меры, принятые 13 августа 1961 года, отвечают жизненным интересам ГДР и других социалистических государств»³¹. Хрущеву, видимо, нравилось и то, что при Кеннеди перестали так же настойчиво, как при Эйзенхауэре, говорить лишь о вольном городе Большом Берлине, который включал и восточную, и западную половины города. И хотя каждая сторона по-прежнему рассматривала проблему Берлина по-своему, американцы теперь хотя бы были готовы обсуждать Западный Берлин, как если бы он был отдельным образованием.

Получив эти обнадеживающие новости из Нью-Йорка, Хрущев стал еще более энергично создавать максимально благоприятную атмосферу для переговоров. В конце августа он дал понять главным социалистическим союзникам в зонах особого интереса Кеннеди, что им следует проявлять сдержанность. В конце сентября он удвоил свои усилия, стремясь избежать проблем в Юго-Восточной Азии и в странах Карибского бассейна. Зная о восприимчивости США к событиям, затрагивающим Лаос и Кубу, Хрущев понял, что любые провокации в тех регионах могут повлиять на готовность Кеннеди пересмотреть политику США по отношению к Берлину.

* * *

Еще раньше, летом, китайский руководитель предсказывал, что под давлением США Хрущев может связать свою политику в отношении «третьего мира» со своими планами по Берлину. Во время своего июльского визита в Москву китайский министр иностранных дел Чэн И выразил озабоченность, что Советы пойдут на компромисс по Лаосу, чтобы получить больше выгод от сделки с Соединенными Штатами в Центральной Европе³². Пекин ожидал, что Запад попытается шантажировать советский блок, связав эти вопросы, и хотел, чтобы Москва не попала в ловушку. «Если мы пойдём на уступки по Лаосу, – сказал китаец, – это даст им основания думать, что мы уступим и по другим международным вопросам». Чэн И надеялся, что Советы не будут связывать положение в Юго-Восточной Азии с проблемой Берлина, чтобы добиться больше тактической гибкости в Азии³³.

Как Пекин и опасался, толерантное отношение Хрущева к рискованной политике вьетнамцев и китайцев в Лаосе (которая вообще-то никогда не была особенно рискованной) становилось все менее терпимым по мере того, как он пытался ослабить напряженность вокруг Берлина. 31 августа Кремль принял меры, призванные сдержать китайцев и северных вьетнамцев и содействовать сотрудничеству между коммунистическим Патет Лао и нейтралистами во главе с Суванной Фумой³⁴. Летом северные вьетнамцы и их лаосские клиенты проигнорировали единственный пункт Венского соглашения Хрущева и Кеннеди. Ханой отказался прекращать свою политику наращивания вооруженных сил Патет Лао и научил лаосцев системе двойной бухгалтерии, чтобы сохранять видимость выполнения советских требований проводить согласованную с нейтралистами полититку³⁵. Патет Лао прятал войска и боеприпасы от своего мнимого союзника – Суванны. Некоторые укрывались в зонах, контролируемых Патет Лао, на северо-востоке; другие находились за границей, в Северном Вьетнаме. В результате вооруженные силы Патет Лао были на самом деле в два раза больше, чем он заявлял об этом своим лаосским партнерам³⁶. Суванне не говорили и о секретном контингенте из двухсот северовьетнамских военных советников, находившихся в его стране.

Несколько месяцев Москва была сообщницей в том фарсе, оплачивая две трети расходов на содержание этой тайной армии. Хотя Хрущев и Кеннеди достигли понимания и выступили в поддержку объединенного и нейтрального Лаоса, северные вьетнамцы ожидали, что Советы продолжают свою тайную помощь, включая финансирование строительства секретной дороги из Северного Вьетнама в Лаос, которую можно было использовать для доставки этих «несуществующих» войск³⁷. Однако в третью неделю сентября Советы уведомили китайцев, северных вьетнамцев и Патет Лао, что тайную политику нужно прекратить³⁸. Москва еще не была готова потребовать расформирования тайной армии, но Кремль посоветовал Ханую и Патет Лао начать разрабатывать планы создания коалиционного правительства с Суванной. Это должно было снизить численность военных, которых они, как предполагалось, могли содержать. Кроме того, они должны были пересмотреть свои требования о помощи, поскольку уровень запросов был неприемлемым.

* * *

В отличие от китайцев и вьетнамцев, кубинцы не имели возможности разочароваться в Москве и потому были плохо подготовлены к тому, что внезапно, в сентябре 1961 года, Хрущев стал придерживаться более осторожной политики в отношении острова. Летом произошло

усиление организованной американцами секретной деятельности, что побудило Кастро в начале сентября попросить о дополнительной военной помощи и послать в Москву начальника генерального штаба кубинской армии Серхио дель Валье, поручив ему договариваться о размерах этой помощи. В длинном перечне пожеланий Кастро впервые содержалась его первая просьба о предоставлении лучших в советском арсенале ракет класса «земля–воздух». Из зенитного ракетного комплекса «С-75» (по классификации НАТО – «SA-2») в 1960 году был сбит «U-2» Фрэнсиса Гэри Пауэрса, и теперь правительство США запускало эти самолеты-разведчики над Кубой³⁹.

Вначале казалось, что кубинцы получают то, чего они хотели. 20 сентября кубинские и советские переговорщики договорились о помощи на 148 миллионов долларов, сорок процентов которых будут просто подарены, а остальная сумма будет выплачена через десятилетний заем с процентами и определенным бартером⁴⁰. Через неделю советский Совет министров одобрил эту рекомендацию. Но потом Президиум, подлинный центр советской власти, заморозил инициативу⁴¹.

Сложившееся у советской разведки представление, что США угрожают Кубе, не изменилось. КГБ продолжал предупреждать Москву о возможном вторжении Кеннеди. «Согласно надежным источникам, – телеграфировал начальник резидентуры КГБ Алексеев, – США готовят интервенцию против Кубы в конце ноября или в начале декабря и, по другим данным, в январе 1962 года»⁴². Но это не имело значения, потому что Хрущев отложил обсуждение просьбы Кастро о масштабной военной помощи, чтобы получить возможность провести переговоры с Белым домом.

Кроме того, Хрущев следил за всем, что, по мнению Вашингтона, могло оказаться провокационным в Центральной Европе. В последние недели сентября он просил Ульбрихта проявлять определенную сдержанность. Восточные немцы уже дали понять, что они мечтают взять в тиски американский военный контингент в Западном Берлине. «В нынешних обстоятельствах, – писал Хрущев Ульбрихту, – поскольку мероприятия по охране и контролю границ ГДР с Берлином были проведены успешно... таких шагов, которые могут обострить ситуацию, особенно в Берлине, следует избегать»⁴³.

* * *

Первоначальные усилия Хрущева ослабить конфликт сверхдержав Кеннеди не заметил. В третью неделю сентября президент смотрел в будущее с не характерным для него пессимизмом. Журналист, близкий к семье Кеннеди, смог мельком увидеть, каким было его на-

строение 22 сентября. Эли Эйбел был приглашен в Белый дом, чтобы обсудить возможность сделать официальное исследование первого срока президентства Кеннеди⁴⁴. Он увидел Кеннеди в его личном кабинете в тот самый момент, когда он собирался уехать на выходные в поселок Хайаниспорт. Под окном Эйбел слышал жужжание «борта номер один» – вертолета, на котором семья должна была улететь на полуостров Кейп-Код. «О чем вы думаете?» – спросил Кеннеди Эйбела. Когда Эйбел рассказал ему об идее книги, Кеннеди задумался. «Зачем писать книгу об администрации, которой нечего предьявить, кроме череды несчастий?» – сказал Кеннеди и начал говорить о том, что его занимало. Он так боялся допустить большую ошибку в берлинском вопросе, что вспомнил историю разгрома в Заливе Свиней. Время шло, но Кеннеди настолько увлекся, что забыл о том, что собирался, как было запланировано, уходить. Он крикнул своим помощникам, чтобы они велели вертолетчику «выключить эту штуку; я еще не ухожу». Позже Эйбел вспоминал о том, что произошло потом: «Какое-то время мы там провели в странном положении, когда я, частный гражданин, уверял президента Соединенных Штатов, что время его правления не было чередой несчастий; что с тех пор, как он вступил в должность, он, и я, и все его друзья должны гордиться его управлением; что ему предстоят великие дела».

Пока Кеннеди мучительно думал о том, что ему делать дальше, чтобы избежать вооруженной конфронтации из-за Берлина, Хрущев удивлялся, почему он не получил никакого ответа на зондирование намерений Кеннеди, которое он предпринял через сотрудника газеты «Нью-Йорк таймс» Сайреса Сульцбергера. 24 сентября советский пресс-атташе в Соединенных Штатах Михаил Харламов спросил пресс-секретаря президента Пьера Сэлинджера, получил ли Кеннеди послание. «Гроза в Берлине закончилась, – сказал Харламов. – Так ему и передайте»⁴⁵.

Кеннеди, который, возможно, не получил записки от Сульцбергера, получил это устное сообщение. Сэлинджер передал его Кеннеди в тот же день поздней ночью в номере нью-йоркской гостиницы, где президент остановился перед своим выступлением в ООН, которое должно было состояться на следующий день. Кеннеди покусывал незажженную сигару и был доволен услышанным. «Он не собирается признавать режим Ульбрихта – по крайней мере, не в этом году, – и это хорошие новости»⁴⁶.

Если Хрущев передал это сообщение для того, чтобы помешать президенту в одностороннем порядке обострить кризис, добавив себе очков своим выступлением в ООН, то ему не стоило беспокоиться. Кеннеди уже задумал использовать свое выступление, чтобы дать понять, что его правительство пересматривает дипломатический подход

к кризису. «Мы не обязаны придерживаться жестких правил... Мы не видим идеального решения... Но мы полагаем, что возможно заключить такое мирное соглашение, которое защитит свободу Западного Берлина, присутствие союзников и пути доступа, одновременно признавая исторические и законные интересы других в обеспечении европейской безопасности»⁴⁷. Хотя Хрущев мог и не считать это шагом вперед, но Кеннеди, кроме того, решил послать в Европу только одну дополнительную дивизию вместо шести, которые хотел развернуть Пентагон⁴⁸. Президент пытался не сделать чего-нибудь провокационного, пока еще было возможно уговорить Хрущева отказаться от своей угрозы подписать мирный договор в 1961 году.

* * *

Сообщение Харламова свидетельствовало о том, что Хрущев нетерпеливо ожидал от Вашингтона какого-нибудь эффектного признания того, что Берлинский кризис закончился. Вероятно, понимая, что сообщения, переданного от одного советского должностного лица американскому чиновнику, будет недостаточно, чтобы положить конец напряженности, через несколько дней Хрущев решил написать непосредственно Кеннеди. Он решил это сделать в частном письме, чтобы передать серьезность своей обеспокоенности и желания заключить соглашение. Это будет новой тактикой. Хрущев никогда не посылал частных писем Эйзенхауэру, даже если лидеры двух блоков разрешали Суэцкий, Иракский и Берлинский кризисы совместно.

Письмо, адресованное Кеннеди, начиналось намеренно лицемерно⁴⁹. Заметив, что мир ожидал, что встреча в Вене принесет «успокоение», Хрущев оговаривался: «К моему сожалению... этого не произошло». В том же духе он излагал и свои фантазии о том, как он якобы пытался восстановить хорошие отношения. Хрущев заявил, что в конце июня уже был готов послать письмо с предложениями, которые он не конкретизировал, но выступление Кеннеди от 25 июля сделало это невозможным. Нигде в письме не было ни намек на то, что, как минимум, до середины августа он намеренно предпочитал политику давления, чтобы настоять на своем.

Теперь Хрущев просил Кеннеди назначить специального представителя для консультаций. Переговоры Раска и Громько он хотел дополнить беседой посредством менее официального канала. Он снова предложил Джорджа Кеннана, но на этот раз добавил Льюэллина Томпсона в качестве возможного связного, через которого два руководителя могут обмениваться предложениями напрямую. Кроме того, Хрущев отметил, что существует большая возможность провести в скором времени встречу с Кеннеди в Москве. Создавалось впечатление

чатление, что время потекло вспять, и положение снова стало таким, каким оно было весной – до того, как Хрущев дал ход кризису.

Кеннеди ответил через несколько недель, но из этого обмена письмами ничего не вышло⁵⁰. Хрущев все еще не решил вопроса о западных путях доступа к Западному Берлину и отказывался дать согласие Соединенным Штатам оставить свои войска в городе без «разрешения» расположенного рядом советского контингента. Тем временем Кеннеди все еще не мог предложить ничего нового. В своем выступлении в ООН президент США не упомянул о том, как медленно происходил пересмотр концепции внешней политики в его собственной стране. И в первую очередь виноваты в этом европейцы. Французы были против переговоров, западные немцы робели. Государственному департаменту тоже было трудно разрабатывать новые идеи. При отсутствии новых предложений и вероятности дальнейшего осложнения западной дипломатии союзников Кеннеди не был заинтересован использовать своего брата или кого-то еще для личного подхода, который он испробовал еще до Вены, по вопросу о запрещении испытаний.

* * *

Когда Кеннеди не ответил Хрущеву на личные письма, тот отреагировал не так, как можно было бы ожидать. Возможно, причиной были данные разведки из Вашингтона. Благодаря источникам, сообщавшим сведения советской службе военной разведки, ГРУ, Хрущев имел неплохое представление о трудностях, с которыми сталкивался Кеннеди, пытаясь изменить политику США по Берлину. Георгий Большаков, в мае 1961 года служивший посредником между Робертом Кеннеди и Кремлем, собрал много полезной информации о подходе Кеннеди к берлинскому вопросу⁵¹.

Несмотря на просьбы Хрущева возобновить обсуждения через тайные каналы, братья Кеннеди решили не прибегать к помощи Большакова. Однако к этому времени его охотно стали принимать члены политической элиты Кеннеди, и он пользовался этим правом доступа, чтобы находить новые источники для обзора берлинской политики. Из источников, близких к Уолту Уитмену Ростоу, возглавлявшему управление планирования государственного департамента (а возможно, и к самому Ростоу), Большаков узнал, что Кеннеди рассматривает состоящий из трех пунктов план разрешения кризиса. (1) Сделать Западный Берлин международным городом, гарантировать его права и права свободного доступа к нему; (2) подтвердить существующие границы Германии; (3) создать демилитаризованную

зону в центре Европы и, возможно, зону, свободную от ядерного оружия⁵².

Кроме того, Большакову удалось сообщить, почему процесс так затянулся. Его осведомители в администрации возлагали вину на западных европейцев, особенно на французов. Вашингтон полагал, что де Голль, тщетно попытавшись завоевать симпатии Западной Германии, решил подорвать усилия по формированию союзнической политики⁵³. Хорошей новостью для Кремля было и то, что, согласно Большакову, американцы также заметили, что отношение Аденауэра к переговорам менялось. Казалось, что его позиция смягчилась⁵⁴.

* * *

В октябре 1961 года Хрущев решил пойти на еще один шаг, чтобы создать подходящие условия для переговоров с Соединенными Штатами по Берлину. Он хотел воспользоваться XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза, запланированным на середину октября, как поводом заявить, что Советский Союз отменит берлинский ультиматум. Хрущев не собирался прекращать Берлинский кризис: его требования и его цели оставались теми же, и он просто временно его приостанавливал. Тем не менее, учитывая все сказанное им о необходимости разрешить кризис в 1961 году (сказанное восточным немцам и, что гораздо важнее, его кремлевским коллегам), это становилось отступлением для него лично. Что мог предъять Хрущев как результат пятимесячной опасной международной напряженности, кроме безобразной Берлинской стены?

Выступая 17 октября на партийном съезде с заявлением, он изо всех сил пытался замаскировать свое поражение, преувеличивая значение того, на что пошел Кеннеди. Он предпринял этот шаг, сказал Хрущев, потому что «западные державы демонстрируют определенное понимание ситуации и склонны искать решения германской проблемы и вопроса Западного Берлина»⁵⁵.

Вначале Хрущев намеревался использовать этот съезд для того, чтобы подтвердить руководящую роль Москвы в мировом коммунистическом движении. Албанцы до сих пор не прекратили своего идейного бунта против советской партии, и азиатские партии были расстроены тем, что Москва снова осторожничает в Юго-Восточной Азии. В знак своего недовольства лаосские, вьетнамские и китайские коммунисты отказались поддержать Хрущева в его критике албанцев. Даже индонезийцы, которые в 1956 году вторили хрущевской критике Сталина, отказались высказаться в поддержку кампании Хрущева против албанцев.

Хрущев обнаружил противоречие между своими надеждами ослабить Берлинский кризис и своей целью теснее сплотить социалистический мир. Отказаться от обещания разрешить берлинскую ситуацию в 1961 году значило и дальше ослаблять роль Кремля как маяка социализма и вызывать еще более критическое отношение к своей любимой идее мирного сосуществования.

Кампанию критики возглавили китайцы, мастера коммунистической семиотики. Они хорошо знали, как досадить своим собратьям марксистам-ленинцам. Через несколько дней после своего доклада на съезде партии премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заявил, что он вернется в Пекин до окончания съезда. Никогда раньше китайцы не покидали большое международное коммунистическое собрание на его середине. Чтобы убедиться, что Хрущев почувствовал эту пощечину лично, Чжоу в день своего отъезда в одиночку совершил паломничество в Мавзолей Ленина–Сталина на Красной площади. Несмотря на хрущевскую кампанию десталинизации, мумифицированный Сталин был по-прежнему выставлен на обозрение рядом с Лениным. На саркофаге Сталина Чжоу оставил венок с красноречивой надписью: «Иосифу Виссарионовичу Сталину – великому марксисту-ленинцу»⁵⁶.

Самой резкой оказалась реакция восточных немцев. Ульбрихт избегал проявлять открытое несогласие с Хрущевым в Москве. Но, чтобы дать выход своему недовольству, он выбрал еще более эффективное средство. За год до этого восточногерманский руководитель с удовольствием наблюдал, как Хрущев готовится достичь своих максимальных целей. В первую очередь, Ульбрихт заботился о том, чтобы закрыть ворота Берлина, тогда как Хрущев настаивал на том, что для достижения того, что было нужно Восточной Германии – стать суверенным государством, – надо немедленно «подвести черту под Второй мировой войной». В ноябре 1960 года Хрущев уверял Ульбрихта, что это можно будет сделать в 1961 году, как только Восток поймет психологию Кеннеди. Теперь, после длившейся полгода пропагандистской кампании, для восточных немцев мирный договор стал ассоциироваться с внутрисполитической стабильностью. Да и Ульбрихт сам себя убедил, что одна лишь стена не сможет обеспечить ему ни политическую легитимность, ни экономическую безопасность. Внезапный отказ Хрущева от этой политики без каких-либо уступок со стороны Запада оскорбил его восточногерманского союзника, сделал мстительным. Перед тем как Хрущев отменил свой ультиматум, Кремль никого об этом не предупреждал, так что, судя по всему, Ульбрихт решил самостоятельно начать некоторые односторонние изменения⁵⁷.

22 октября 1961 года высокопоставленный американский дипломат Аллен Лайтнер, верховный представитель администрации США в Западном Берлине, пытался отвезти свою жену в театр, в Восточный Берлин, но вместо этого сам оказался в центре международного инцидента. Это его посещение Восточного Берлина было не первым. С 23 августа Лайтнер, как и все сотрудники западных союзников, для выхода в советскую зону был вынужден пользоваться лишь пограничным пунктом на Фридрихштрассе, известным как контрольно-пропускной пункт «Чарли». Хотя сокращение числа пунктов пропуска от семи до одного создало неудобства, Лайтнер без проблем переходил в Восточный Берлин через КПП «Чарли» и не думал, что в этот конкретный вечер будет как-то по-другому. Он не учитывал сложностей советско-восточногерманских отношений.

Вечером в четверть восьмого восточногерманская полиция «Фопос» [*Vopos* – полупрезрительное сокращение от «*Volks-polizei*», VP, – Народная полиция. – *Примеч. пер.*] остановила Лайтнеров, когда они попытались въехать на Фридрихштрассе на личной машине. Когда сотрудники «Фопоса» велели Лайтнеру предъявить удостоверение личности, он отказался и потребовал, чтобы его пропустили, поскольку имел на это право как член одной из находящихся в Берлине миссий четырех держав. Однако восточные немцы не позволили ему проехать. Тогда Лайтнер попросил о встрече с советским офицером. Восточные немцы заупрямились. Эта новая восточногерманская тактика была адресована как Москве, так и Западу.

Подождав около часа, Лайтнер решил рискнуть, объехав лабиринт дорожных заграждений, беспорядочно расставленных на первых нескольких ярдах территории Восточного Берлина. Однако в ту ночь ему не повезло. Как только машина выехала из этого лабиринта, несколько восточногерманских охранников встали в шеренгу, чтобы помешать ей ехать дальше. Лайтнер снова попросил встретиться с советским офицером. И ему снова отказали. Потеряв надежду попасть на спектакль в Восточном Берлине, Лайтнер и его жена тем не менее принципиально отказались подчиняться и уехали домой.

Когда советский офицер наконец-то прибыл на место в десять вечера, через три часа после того, как Лайтнеры впервые приехали на контрольно-пропускной пункт «Чарли», он мог лишь извиниться. Советский представитель сказал, что действия восточных немцев «были ошибочными, и ошибка будет исправлена»⁵⁸.

Однако восточные немцы не собирались этого делать. На следующее утро, к удивлению американского командования в Берлине и Хрущева в Кремле, Всеобщее немецкое информационное агентство

(Allgemeine Deutsche Nachrichtendienst, ADN) заявило, что гражданские лица, пересекающие границу берлинского сектора, должны предъявлять удостоверения личности⁵⁹. Это новое правило противоречило установленной практике четырех держав. До тех пор, если машины, на которых они ехали, имели военные или правительственные номерные знаки, гражданские представители беспрепятственно въезжали в Восточный Берлин. Если цель Ульбрихта состояла в том, чтобы спровоцировать конфликт между США и СССР, его желание почти исполнилось.

Генерал Люсиус Клей, который после сооружения стены стал официальным представителем Кеннеди в Западном Берлине, предположил, что новая политика представляла собой следующий этап советской стратегии вытеснения Запада из Берлина. Хотя Клея и выбрал сам Кеннеди, он зачастую действовал, по словам историка, «на совершенно другой волне»⁶⁰.

Клей прибыл в Берлин, полагая, что ему поручено помешать передаче любой дополнительной власти в Берлине коммунистам, какие бы опасности это за собой ни повлекло. На следующий день после того, как восточные немцы объявили свою новую политику, он в нетерпении запросил указания из Вашингтона, чтобы ей воспрепятствовать. Хотя Клей переоценивал контроль Москвы над положением на границе, у него было сверхъестественное представление о целях восточных немцев. «Я всегда думал, – писал он 23 октября государственному секретарю Раску, – что уничтожение прав союзников в Восточном Берлине имеет для ГДР большое значение и что будет сделано все возможное, чтобы выполнить эту цель прежде проведения каких-либо переговоров»⁶¹. Клей полагал, что Москву нужно заставить расплатиться за действия сотрудников «Фопоса», и посоветовал, чтобы Соединенные Штаты приостановили все попытки вести переговоры с Кремлем по берлинскому вопросу до тех пор, пока русские не будут готовы «гарантировать полное сохранение нынешнего статус-кво».

У Клея в администрации Кеннеди были свои поклонники, но в целом Вашингтон был озабочен тем, что он может вовлечь обе стороны в вооруженный конфликт из-за права ходить на обеды и спектакли в Восточный Берлин⁶². Хотя и опасаясь, что ситуация на границе между Восточным и Западным Берлином может внезапно выйти из-под контроля, Белый дом разрешил гражданским лицам в сопровождении вооруженной охраны проводить ежедневные проверки, чтобы защитить право дипломатов западных союзников пересекать границу между секторами. Во время каждого патрулирования на западной стороне контрольно-пропускного пункта «Чарли» размещались и американские танки «М48», составлявшие часть арьергарда⁶³. Первая такая проверка состоялась 25 октября, когда вооруженная

военная полиция сопроводила машину с официальными американскими номерными знаками прямо в Восточный Берлин после того, как восточногерманская полиция попыталась вынудить сидящих в машине американцев предъявить удостоверения личности⁶⁴. Однако Клей хотел, чтобы недовольство американцев Советами и их союзниками было продемонстрировано еще больше. Он попросил, чтобы на высшем уровне одобрили «силовой прорыв в восточный сектор, при котором на обратном пути будут снесены части стены». Белый дом пришел в ужас. Раск сразу же ответил, чтобы напомнить генералу: «Мы давно решили, что доступ в Восточный Берлин не представляет жизненного интереса, который оправдывал бы решительное применение силы для защиты и поддержки»⁶⁵.

После инцидента с Лайтнерами на границе прошло четыре дня, и Кеннеди чувствовал, что ему и Хрущеву пора вмешаться, чтобы не дать их местным представителям неумышленно спровоцировать войну. В тот же день, когда в Вашингтон поступила просьба Клея об обострении конфликта, Кеннеди использовал два канала, чтобы сообщить о своей озабоченности непосредственно Москве. Пока государственный департамент готовил указания для Томпсона, Кеннеди попросил своего брата возобновить секретные переговоры с Большаковым. Генеральный прокурор договорился о встрече с офицером ГРУ; она должна была состояться этим же вечером, 26 октября, в половине шестого⁶⁶.

Президент Кеннеди хотел, чтобы Хрущев понял и большое значение этой пограничной напряженности, и то, что она подрывала поступательный процесс изменения переговорной позиции Запада по Берлину. Он попросил Роберта Кеннеди прямо сказать Большакову, что Белый дом вот-вот решит этот вопрос со своими союзниками. Это был трудный процесс, и президент Кеннеди полагал, что он займет еще как минимум от четырех до шести недель. Одна из причин промедления, о которой генеральный прокурор не упомянул Большакову, заключалась в том, что Конрад Аденауэр будет иметь определенное влияние на результат, а он не планировал приехать в Вашингтон до конца ноября.

Кеннеди надеялся, что Хрущев поймет, что в его интересах помочь своему американскому коллеге во время этого трудного периода. «Советская и западная стороны должны избегать всяких действий в Германии или Берлине, которые могут привести к печальным инцидентам, подобным тем, что произошли недавно, и которые могли бы лишь усложнить для США процесс соглашения с их союзниками, – объяснил генеральный прокурор Большакову. – Если Хрущев даст подобные указания своим военным, то [президент] Кеннеди сделает то же самое»⁶⁷.

Маловероятно, что Хрущев получил это сообщение от Большакова до того, как ситуация в Берлине приняла самый серьезный после сооружения стены оборот. На следующее утро, 27 октября, десять советских танков неторопливо проехали по Фридрихштрассе и остановились напротив КПП «Чарли» в ожидании ежедневной вооруженной американской проверки. Хотя эту напряженность на границе первыми создали восточные немцы, именно американские проверки вызвали встречную реакцию Советов.

Когда американцы прибыли с проверкой на КПП, американские и советские танки уже стояли друг против друга у разделяющей сектора границы. Это была сцена, словно нарочно придуманная для эффектных фотографий, которые потом были перепечатаны всеми мировыми газетами. Поскольку танки на восточной стороне были без опознавательных знаков, которые Советы намеренно сняли, из местной резидентуры ЦРУ прислали на место представителя, чтобы определить национальность танкистов⁶⁸. Как Клей и ожидал, все они были советскими.

Кеннеди не видел большого смысла в том, чтобы заставлять своего посла подниматься с постели в Москве, где было еще раннее утро, и вынуждать его бежать в советское министерство иностранных дел. Раньше, 27 октября, Томпсон уже побывал в посольстве, чтобы пожаловаться на напряженность в разделенном городе, и не добился особой реакции. Теперь же ситуация в Берлине накалялась слишком быстро, чтобы ждать, пока посольство США в Москве вынудит Хрущева обратить на это внимание. Кеннеди позвонил Клею после обеда, чтобы получить новую информацию, и ему сказали, что количество советских танков у КПП «Чарли» возросло до тридцати⁶⁹. Услышав это, президент во второй раз за два дня послал своего брата к Большакову.

Генеральный прокурор и советский агент встретились поздно вечером 27 октября в половине двенадцатого по вашингтонскому времени. «Положение в Берлине осложнилось»⁷⁰, – объяснил Роберт Кеннеди. «Сегодня наш посол встретился с советским министром иностранных дел Громыко, который отклонил наше заявление относительно недавних инцидентов, которые произошли в Берлине. По нашему мнению, такое поведение бесполезно в то время, когда были предприняты усилия, чтобы найти способ разрешения этой (то есть берлинской) проблемы». И снова от имени президента Роберт Кеннеди попросил Кремль в течение четырех-шести недель не делать никаких громких заявлений о Берлине: «Нам кажется, что обе стороны обязаны принять необходимые меры, чтобы сохранять относительную сдержанность и спокойствие в течение следующих четы-

рех-шести недель. Еще один отказ от наших заявлений может оказать негативное влияние на будущие события»⁷¹.

После этой встречи Большаков бросился посылать телеграмму в Москву, где ее получили 28 октября примерно в семь утра. Донесение получили в главном управлении ГРУ, и оно вполне могло подтолкнуть Хрущева к следующему шагу, хотя в архивах Кремля не обнаружилось никаких следов этой телеграммы. Однако очевидно, что в то же утро, примерно около половины двенадцатого по московскому времени, Хрущев решил отвести свои танки от КПП на Фридрихштрассе. «Я знал, что Кеннеди искал способа отступить, – объяснил он через несколько дней. – Поэтому я решил, что если я отведу мои танки первым, то тогда он последует моему примеру; [и] он это сделал»⁷².

Отстранение Советов от пограничной конфронтации обострило у Ульбрихта ощущение того, что его бросили на произвол судьбы. Руководитель Восточной Германии был в Москве, участвуя в XXII съезде партии, когда на КПП «Чарли» сложилась напряженная и тупиковая ситуация. 27 октября из Москвы Ульбрихт направил экстренное послание, чтобы укрепить решимость своих коллег в Восточном Берлине⁷³. Он распорядился по-прежнему требовать удостоверения личности у западных военных в гражданской одежде. На следующий день после того, как Советы отказались от танкового противостояния, Ульбрихт не скрыл разочарования от своих коллег на родине, хотя вначале он избегал осуждать Советов напрямую. Вместо этого он подверг критике восточногерманское министерство обороны за то, что оно своевременно не разместило противотанковые заграждения на КПП «Чарли», чтобы не дать американским танкам приблизиться к границе⁷⁴.

Ульбрихт не стал больше ждать, чтобы заявить о своем разочаровании непосредственно Хрущеву. 30 октября он направил Хрущеву официальный документ, в котором излагал причины того, почему советское руководство поступило неправильно, отказавшись настаивать на обсуждении на съезде партии германского мирного договора. Стена не разрешила фундаментальных экономических проблем Восточной Германии. На самом деле, поскольку закрытие границы вынудило переместить близкие к границе промышленные предприятия и привело к увеличению расходов на оборону, теперь экономика ГДР пришла в еще большее расстройство. «Незаклучение мирного договора в этом году, – объяснял он, – и обострение отношений между двумя германскими государствами создают угрозу хозяйственному плану ГДР 1962 года»⁷⁵.

Ульбрихт доказывал, что ему нужно установить восточногерманский суверенитет посредством тактики свершившихся фактов.

Он попросил Хрущева не только одобрить односторонние действия, которые привели к напряженности у КПП «Чарли», но и подумать над тем, каким образом предупредить Вашингтон, что американская армия не имеет права посылать военные патрули на автобан. Поэтапно, шаг за шагом, он усилит свой контроль над путями доступа к Берлину, даже не вынуждая Запад думать о том, чтобы начать войну. Через четыре дня после отправки этого документа Ульбрихт встретился с Хрущевым, чтобы доказать свою правоту лично.

Встреча Ульбрихта и Хрущева 2 ноября 1961 года оказалась жестким, резким столкновением, которое потрясло Хрущева до глубины души⁷⁶. Советскому руководителю не понравилось большинство предложений Ульбрихта, а его поведение вызывало у него отвращение. Хрущев хотел, чтобы Берлин был ему благодарен за стену, которую он теперь считал победой ловкой советской политики. «Могли бы мы закрыть границу до 13 августа?» – спросил он Ульбрихта. – «Нет... противник мог бы предпринять контрмеры, – ответил самому себе Хрущев, – но к 13 августа он был уже обессилен». Теперь Хрущев настаивал, что весь ультиматум имел отношение к строительству стены. Никогда раньше он не приводил этот довод Ульбрихту. Кроме того, это помогало Хрущеву обвинять восточных немцев в том, что они не давали ему перенести кризис, подписав мирный договор. «Видите ли, мы знаем, что они готовят – экономическую блокаду. И это тогда будет для вас действительно легче?» Аргумент Хрущева состоял в том, что он не может форсировать берлинский вопрос, учитывая риск, что Запад может нанести урон эмбарго на торговлю с Восточной Германией.

Ульбрихт отказался возлагать на себя вину за решение Хрущева отменить ультиматум без заключения мирного договора. Однако Хрущев не считал восточногерманского руководителя равным себе, и советский лидер дал ему это понять со всей определенностью. Когда Ульбрихт сказал, что не знает, как объяснить советскую тактику восточногерманской общественности, Хрущев ответил, что его не волнует, какое объяснение он даст собственному народу. «Меня сейчас волнует только то, – сказал он, – что мы скажем друг другу. Я не согласен с теми, кто говорит, что чем дольше откладывается подписание мирного договора, тем хуже будет экономика ГДР. Это старая песня, что, мол, пока ГДР не освободится от экономической зависимости от Западной Германии, Аденауэр обязательно будет [вами помыкать]».

Хрущев пытался заставить Ульбрихта повиноваться. Когда восточный немец объяснил, что без западногерманских товаров «мы не выполним план», Хрущев сказал ему, что Советскому Союзу пришлось продать на четырехста пятьдесят миллионов долларов золота на Лондонской золотой бирже, чтобы приобрести твердую валюту,

которую Восточная Германия может использовать для покупки необходимого ей в Западной Германии. «Это невозможно, это неразумная политика, – протестовал Хрущев. – Мы живем независимо, не подчиняюсь ни доллару, ни фунту, ни марке. И вот ГДР не может этого сделать, и мы должны давать золото Лондону...»

В советской стенограмме этой жесткой встречи не упоминается, сдержался ли Ульбрихт, чтобы ее не покинуть⁷⁷. Хрущев его постоянно запугивал. Положение стало критическим, когда Хрущев рассеянно заявил, что в этом кризисе советские и восточногерманские интересы разные. Для Хрущева имел значение только такой мирный договор, который гарантировал бы удаление НАТО из Западного Берлина. Чувствуя, что Ульбрихту нужен просто подписанный клочок бумаги, он прикрикнул на своего упорствующего союзника: «Мирный договор не принесет никаких политических выгод... Разумеется, это полезно в пропагандистских целях, но ни в каких больше. [Однако] он выгоден для ГДР».

И это Ульбрихта разозлило. Он ехидно сказал: «Хорошо, тогда все ясно». Хрущев понял, что он проиграл в этом споре восточному немцу, и потребовал от Ульбрихта объяснить эту колкость. «Что ясно? Давайте, объясните, что ясно и что не ясно». Ульбрихт не удостоил его ответом.

Хрущев ничего не сказал о ведущихся переговорах с Кеннеди или каких-либо перспективах того, что он может вернуться к борьбе за мирный договор. Ульбрихт был его подчиненным и должен был довольствоваться хотя бы тем, что построили стену. Хрущев полагал, что его тайная дипломатия с американцами настолько важна, что отказался позволять Ульбрихту чинить дальнейшие препятствия военным западных союзников в Германии. Единственными уступками, которые он предоставил восточным немцам, были советы ужесточить гражданский контроль на границе. «Я за порядок, – сказал Хрущев. – Тогда дайте им понять, что убежать невозможно». Однако все остальное, чего хотел Ульбрихт, было слишком провокационным.

* * *

При всем хвастовстве Хрущева встреча с Ульбрихтом ослабила его самоуверенность. Хрущева возмущали восточногерманские требования: он много лет был стойким союзником Германии в Кремле, но понимал, что у Ульбрихта были причины сердиться на то, как обернулось берлинское дело. Восточные немцы предупреждали Хрущева не начинать Берлинский кризис в 1961 году, если только он не хотел добиться подписания мирного договора. Однако после его

заявления 17 октября на XXII съезде партии стало ясно, что в 1961 году Советский Союз действительно отказался от мирного договора.

Через несколько дней после напряженного спора с Ульбрихтом Хрущев подготовил необычно искреннее письмо для президента Кеннеди по берлинскому вопросу⁷⁸. «Дорогой господин президент, я пишу не для того, чтобы спорить с вами или попытаться лучше подготовить следующую отступную позицию, как ее называют дипломаты». Он хотел, чтобы Кеннеди понял, что, несмотря на приостановку ультиматума, Кремль по-прежнему считает чрезвычайно важным вопрос о заключении мирного договора и прекращении особых прав НАТО в Западном Берлине.

«Тем, кто старается сохранить оккупационный режим в Западной Германии, явно хотелось бы, чтобы Советский Союз взял на себя ответственность за транспортную полицию, обеспечивающую постоянное и бесконтрольное перемещение военной продукции западных держав в Западный Берлин». Далее он посетовал, что западные немцы используют Западный Берлин как плацдарм для подрывных действий в Восточной Германии. В завершение он напомнил Кеннеди, что Германскую Демократическую Республику нельзя постоянно лишать ее права контролировать пути доступа к Западному Берлину, поскольку все они проходят через ее территорию или над ее территорией.

Перечислив старые позиции, Хрущев сказал Кеннеди, что для него существует беспорный минимум. Не будет приемлемым никакое соглашение, разрешающее свободные воздушные коридоры в Западный Берлин. Кеннеди этого не знал, но вопрос о воздушных коридорах был основным пунктом споров между Хрущевым и Микояном, который в 1961 году был единственным открытым критиком внешней политики Кремля. Микоян не считал, что сохранение воздушных коридоров ведет к нарушению сделки. Хрущев смотрел на этот вопрос по-другому. Как только Западный Берлин станет вольным городом, западным самолетам не позволят влетать в него напрямую. От них будут требовать приземлиться и взлетать в ближайшем аэропорту Восточной Германии, чтобы позволить восточным немцам подвергать досмотру пассажиров и проверять груз самолета. Хрущев грустно писал: «[Это] не может считаться ухудшением условий доступа в Западный Берлин».

Кроме того, Хрущев решил сообщить своему американскому противнику о том трудном политическом положении, в котором он оказался. Он временно прекратил Берлинский кризис, ничего не получив от Соединенных Штатов взамен. «Если у вас есть еще какие-нибудь предложения – также на основе мирного урегулирования, – то мы охотно обменяемся с вами мнениями. Но если вы настаиваете

на сохранении неприкосновенности ваших оккупационных прав, я не вижу никакой перспективы. Вы должны понять, что мне некуда дальше отступать, сзади – пропасть».

Язык не был угрожающим. Хрущев ни в коей мере не возобновлял прежней угрозы, от которой он сам недавно отказался. Таким странным и беспрецедентным образом он обращался к Кеннеди за помощью в решении его берлинской проблемы. На съезде партии Хрущев прекратил публично грозить Западу за новую сделку по Берлину в 1961 году. В этом письме он, казалось, прекратил грозить Кеннеди и лично. По крайней мере, сейчас Хрущев ставил на то, что дипломатия, может быть, достигнет в Берлине того, чего не удалось добиться угрозами.

Глава 17

МЕНИСК

Осенью 1961 года баланс сил «холодной войны» резко изменился. С точки зрения грубой силы, военной и экономической, Соединенные Штаты и их союзники по-прежнему опережали советский блок. Изменился баланс влияния – тот фактор, который историки XIX века называли влиянием, а современные политологи называют мягкой силой. Ущерб, который Хрущев сам себе нанес в Берлине, все больше ослаблял и надежность советской власти. С одной стороны, это укрепило уверенность США в своих силах, с другой – вызвало скептическое отношение и сомнения среди самых значительных социалистических союзников Москвы.

Решение Хрущева прекратить конфронтацию из-за Берлина подкрепило тот вывод, к которому некоторые уже пришли в Вашингтоне: в стратегическом отношении Соединенные Штаты выигрывают состязание сил. 21 октября Джон Ф. Кеннеди и заместитель министра обороны Розуэлл Гилпэтрик сообщили крайне настороженной американской публике, что ядерный арсенал США количественно и качественно превосходит все имеющиеся у Хрущева вооружения. Давая согласие на то, чтобы Гилпэтрик выступил через четыре дня после хрущевского отказа от ультиматума по Берлину, Кеннеди руководствовался в первую очередь внутривластными соображениями. Он надеялся, что это выступление не только успокоит американцев, но и предостережет высокопоставленных американских военных и их союзников в Конгрессе, вынудив их больше не прибегать к тактике запугивания, чтобы получить ненужные заказы на вооружение. Например, ВВС ратовали за приобретение двух тысяч дополнительных МБР «Минитмен», и конгрессмены уже потребовали закупить бомбардировщики «В-70», чтобы противостоять якобы имеющейся у СССР эскадрилье бомбардировщиков «М-50» (по кодификации НАТО – «Bounder»)¹.

Изначально предполагалось, что предположение о ракетном отставании должен будет публично опровергнуть Роберт Макнамара, но из-за проблем с графиком проведения мероприятий речь на собра-

нии бизнесменов в Хот Спрингс, штат Виргиния, поручили произнести его заместителю Гиллэтрик². «Уверенность в нашей способности дать отпор действиям коммунистов или оказать сопротивление их шантажу основана на трезвой оценке сравнительной военной мощи обеих сторон. Дело в том, что ядерные силы для нанесения ответного удара, имеющиеся в этой стране, обладают такой разрушительной силой, что, если противник их применит, это станет для него актом самоуничтожения... Наши средства доставки ядерного оружия – как тактического, так и стратегического – исчисляются десятками тысяч, и у нас, разумеется, больше одной боеголовки на одно средство»³.

Когда первый год президентства Кеннеди подходил к концу, он, по наблюдению близких к нему людей, уже не выглядел таким напряженным. «Дела идут лучше»⁴, – сказал Кеннеди дружественному ему журналисту Хью Сайди. «Мы делаем некоторые успехи в разных направлениях». Другие же, оценивая удачливость президента, не скупились на похвалы. Поэт Карл Сэндберг, главным трудом которого было многотомное исследование президентства Линкольна военного времени, превозносил способности Кеннеди, успешно преодолевшего эту опасность, угрожавшую стране совсем недавно: «То, как он это делает, настолько замечательно, что даже не верится»⁵.

* * *

Осенью 1961 года казалось, что личная власть Хрущева достигла своего апогея. 30 октября по его указанию тело Иосифа Сталина вынесли из Мавзолея Ленина–Сталина. Размещенная над входом мраморная плита с выгравированными на ней именами теперь была прикрыта полотнищем, на котором было написано «ЛЕНИН». Впервые создавалось такое впечатление, что в пантеоне богов коммунизма Хрущев действительно затмил Сталина. Кроме того, в тот же день, в одиннадцать утра, Хрущев отпраздновал еще одну свою яркую победу. По его настоянию советские ученые-ядерщики взорвали самую большую из когда-либо созданных атомных бомб – пятидесятимегатонную бомбу, названную «Царь-бомбой»; она была взорвана в атмосфере над арктическим островом Новая Земля⁶. После саммита в Вене Хрущев приказал создать и взорвать «супербомбу» (вначале предполагалось, что мощность ее взрыва составит сто мегатонн в тротиловом эквиваленте), предполагая усилить давление на Соединенные Штаты и запугать их перед тем, как он выдвинет свой берлинский ультиматум.

Однако выяснилось, что, когда Хрущев произвел свой супервзрыв, берлинский ультиматум уже утратил свою силу. Более того, бомбу, сыгравшую свою роль в эффектном представлении политиче-

ского театра, было совершенно невозможно использовать в качестве оружия. Единственным советским самолетом, способным поднять ее в воздух, был медлительный бомбардировщик «Ту-95» (по кодификации НАТО, «Bear», «Медведь»), который можно было без труда сбить средствами воздушной обороны США. А мощность бомбы была такой, что если бы ее сбросили на Центральную Европу, то радиоактивное заражение распространилось бы и на жителей Восточной Европы.

Представление о власти Хрущева еще больше расходилось с реальностью за стенами Кремля, а решение по берлинскому вопросу серьезно подорвало его престиж. Когда кремлевские коллеги Хрущева одобрили ультиматум, переданный президенту Кеннеди во время саммита, они не ожидали, что в берлинском вопросе придется пойти, как и в 1959 году, на явное отступление. Правда, на этот раз члены Президиума не устроили открытого бунта, но Хрущев понимал, что ему нужно сделать свою берлинскую политику такой же последовательной, какой она была прежде.

В других странах советского блока Хрущева критиковали не столь сдержанно, как в Москве. Китайцы, поддержав берлинский ультиматум, надеялись, что Советский Союз не отступит до тех пор, пока Хрущев не добьется своего. После XXII съезда КПСС Пекин стал считать его слабым руководителем. В конце 1961 года восточногерманский посол в Пекине заметил, что китайцы задаются вопросом, почему Хрущев не проявил той же смелости, что и в 1956 году. «В случае Суэца, – полагали китайцы, – советский ультиматум, воспринятый всерьез, напугал империалистов и вынудил их прекратить агрессию». Однако на этот раз отступление Хрущева «лишь вынудит противника проводить еще более жесткую политику, выдвигать более существенные требования, осуществлять более масштабные провокации»⁷.

Любопытно, но именно китайцы первыми использовали отступление Хрущева в своих собственных целях, сразу же отвергнув тот политический подход, о котором Москва договорилась с местными коммунистическими партиями в Юго-Восточной Азии. В ноябре китайцы поддержали Патет Лао и спешно заключили соглашение, чтобы сформировать коалиционное правительство во главе с нейтралом Суванной Фумой⁸. Затем, через месяц, Пекин послал на две недели делегацию военных в Ханой: явно для того, чтобы обсудить будущие боевые действия в Лаосе в нарушение договора о прекращении огня, о котором договорились Кеннеди и Хрущев⁹.

Однако китайцы не понимали того, что понял Хрущев: неудачное столкновение с Кеннеди из-за Берлина и крушение американской иллюзии ракетного отставания свидетельствовали об серьезных не-

достатках курса Москвы после 1955 года, не позволивших правильно использовать свои разногласия с Западом. Политика ультиматумов в сочетании с ядерным блефом никогда не была удачной тактикой. На практике это привело к бурной реакции в американской прессе и в Конгрессе США, что не только способствовало увеличению расходов на оборону, но и вызвало подозрения в отношении Кремля, сделавшие невозможным реальное разоружение. И все-таки, пока американцы сомневались в своей мощи, был шанс, что это могло привести к определенным политическим компромиссам. Однако теперь они, похоже, понимают, что, как минимум, не отстают от Советов, а возможно, обогнали их. Ну и какую роль в такой международной обстановке мог играть ядерный блеф?

Столкнувшись с новым балансом сил, Хрущев в силу своего характера не мог отнестись к этому пассивно. Более осторожный руководитель, реагируя на новое соотношение сил с Соединенными Штатами и на собственную уязвимость, ответил бы попыткой добиться временной стратегической передышки. Если бы борьба была временно прекращена, то Советы получили бы возможность усовершенствовать свои технологии и поднять сельское хозяйство, создавая для будущего новые источники стратегической и экономической мощи. Но это был не его путь. Не говоря о том, что по своему характеру Хрущев не любил отказываться от инициативы в международных делах: он постоянно опасался, что Запад готов использовать любую видимую советскую слабость, чтобы разрушить коммунистическую систему. В 1955 году этот страх помешал Хрущеву принять предложение Эйзенхауэра об «открытом небе», а в 1962 году вынудил отказаться от тактики временного прекращения противостояния в международной политике. Вместо этого он пытался превратить тактику случайного блефа, используемую для достижения конкретной цели, в среднесрочную стратегию политического давления на Вашингтон и его союзников. Убеденный, что американцы и их президент, несмотря на их мощь, боятся, как и прежде, войны, Хрущев пришел к выводу, что сможет использовать эти страхи, как лилипуты из книги Свифта использовали веревки, чтобы удерживать великана Гулливера.

* * *

Ни в своих публичных заявлениях, ни позже в мемуарах Никита Хрущев не рассказывал о своей реакции на эти обескураживающие изменения баланса сил на мировой арене. Если бы он об этом рассказал, то его последующее поведение в опасном 1962 году не казалось бы таким загадочным. Лишь спустя сорок лет, после публикации стенограммы его замечаний кремлевским коллегам на заседании

неполного состава Президиума 8 января 1962 года мы можем понять, что именно вынуждало его идти на огромный риск, на который во время «холодной войны» не отважился пойти ни один руководитель¹⁰. Непосредственной причиной было разочарование Хрущева в текущих результатах переговоров по Берлину. За шесть дней до заседания Президиума состоялась встреча Андрея Громыко и американского посла Льюэллина Томпсона, на которой они обсуждали берлинский вопрос, и советскому министру иностранных дел потребовались новые указания. Всю осень Хрущев ожидал новых предложений от Кеннеди, который, дав указание составить политический обзор, тем временем консультировался со своими союзниками. Однако оказалось, что администрация не может предложить ничего нового – только создать международный орган по наблюдению за путями доступа к Западному Берлину. По крайне важному вопросу о будущем западных войск в Западном Берлине Вашингтон не сказал ничего. Хрущев был вынужден признать, что в 1961 году не принесли результатов ни ядерный блеф, ни дипломатия. Наступило время выработать новый курс.

«Враг силен, – соглашался Хрущев. – [Он] не слабее нас». Иногда для характеристики Соединенных Штатов руководители Кремля использовали менее угрожающее слово «противник», но в тот день у Хрущева не было настроения снисходить до таких тонкостей. «Именно поэтому он может использовать то же надежное средство против нас, которое мы пытались использовать против него, – позицию силы». В мае 1961 года Хрущев уверенно предсказывал, что он может заставить американцев сделать больше того, что они хотят, но это предсказание оказалось ошибочным. Своим отношением к Берлинскому кризису Белый дом продемонстрировал Хрущеву, что он готов бороться за сохранение доступа к Западному Берлину. «Именно поэтому никто не может предсказать, закончится эта игра войной или нет. [Теперь уже никто не может утверждать], – сказал он, – что война невозможна, что о войне не может быть и речи».

Хрущев признался не только в том, что недооценил решимость США. Разрабатывая свою стратегию, он ожидал, что такой симпатичный либеральный капиталист, как Кеннеди, и достаточно разумен, и достаточно силен для того, чтобы согласиться в берлинском вопросе на небольшое отступление ради разрядки в отношениях с Москвой. «Кто, в самом деле, решает подобный вопрос – заключать договор или нет, развязывать ли войну – то есть вопрос войны или мира? – риторически вопрошал, произнося свой монолог, Хрущев. – Решает Кеннеди». Но и это было не так. Кеннеди мог хотеть улучшения отношений, но у Хрущева не было оснований полагать, что он готов сделать все необходимое, чтобы это осуществить. «Но Кеннеди, конечно,

это не авторитет ни в моральном, ни в политическом, ни в государственном отношении», – неохотно констатировал Хрущев. «Это молодой человек, способный – этому надо отдать ему должное, – добавлял он. – Но пойти наперекор и повести за собой американскую общественность он не может». Теперь Хрущев думал, что внешней политикой США руководила система, которая, по его мнению, включала в себя американских плутократов, милитаристов и алармистов. Кеннеди, по его словам, «сам человек очень малоавторитетный в кругах, которые решают и направляют политику Соединенных Штатов Америки. Он не авторитетен ни для Рокфеллера, ни для Дюпона». Хрущев не пытался скрыть своего разочарования: «[Невозможно] сказать, кто лучше, Эйзенхауэр или Кеннеди – [они] один черт... Оба представляют тот же класс с разными оттенками».

Первые две ошибки Хрущева – неверное предположение, что Соединенные Штаты согласятся на его условия и что Кеннеди использует свой авторитет для сдерживания милитаристов в Вашингтоне, – объяснялись ожиданием советского руководителя, будто европейцы помогут ему одолеть американскую нетерпимость. Он предполагал, что страх западных европейцев перед войной свел на нет их возможную заинтересованность в сохранении статус-кво в Западном Берлине. Хрущев вспоминал слова, сказанные французам Рейно и бельгийцу Спааку: «Это самое большее, на что мы можем согласиться»¹¹. Вместо этого, к своему ужасу, он обнаружил, что в берлинском вопросе Запад един.

«Они не соглашаются, – понял Хрущев, – потому что все основано на непризнании всех их прав в Западном Берлине, на непризнании их права иметь там армию, на том, что наше понимание свободного доступа диаметрально противоположно толкованию и пониманию Запада. То, что они понимают как лишение их права на свободный доступ, мы понимаем как свободный доступ». Вывод Хрущева был пессимистичным. «Согласятся ли они на это сейчас? – спросил он себя. – Нет, не согласятся».

Хотя нет никаких свидетельств о разногласиях среди участников этого спектакля, они наверняка пришли в некоторое смятение, когда Хрущев заявил, что, несмотря на эту печальную правду, он хочет продолжать борьбу за соглашение с Западом по Западному Берлину. Он не собирался изменять своих минимальных требований для переговоров. Требования оставались прежними: никаких международных коридоров; никаких западных войск в Западном Берлине; Восточный Берлин остается частью Восточной Германии; Западный Берлин должен быть нейтральным городом с международным статусом. Хрущев не собирался отказываться от борьбы за соглашение на этих условиях. «Одним словом, – убеждал Хрущев сидевших перед ним партий-

ных руководителей, – сейчас говорить, что мы не выиграем, – рано. Мы еще должны нажимать. Я беру худшее – они не пойдут. Но уже сейчас соглашаться с тем, что ничего не принесет, рано. Так что эта игра стоит свеч».

Хрущев не знал, как долго Советский Союз будет играть в «игру», чтобы выиграть, и не мог предложить никаких новых идей относительно того, как Москве не отступить дальше тех пределов, которые она сама для себя наметила. Да, теперь он понимал, что можно подтолкнуть Соединенные Штаты к войне, но признавал, что войны не хочет. Тем не менее Хрущев считал, что невозможно добиться своего в борьбе с Америкой, если не использовать тактику давления.

Тогда он прибег к метафоре мениска на поверхности жидкости: ссылаясь на нее, Хрущев объяснял, что нужно создать состояние постоянного международного напряжения, которое, как он теперь полагал, необходимо для сохранения и продвижения советских интересов в мире, где стратегическое превосходство на стороне США: «Мы должны увеличивать давление, не впадать в спячку, и, усиливая, мы должны дать оппоненту почувствовать усиление. Но последняя капля не должна переполнить чашку. Это как мениск, который, по закону о поверхностном натяжении жидкости, возникает, чтобы жидкость не переливалась через край». Давление, объяснял Хрущев, нужно не для того, чтобы принуждать к изменениям, но просто для того, чтобы не дать американцам взять верх над советским блоком, пока они опережают в соперничестве сверхдержав. «Потому что, если у нас нет мениска, – сказал он, – мы позволяем противнику спокойно жить».

Признав, что прежние ультиматумы были ошибкой, Хрущев не стал устанавливать крайний срок для решения берлинской проблемы. В 1962 году он не хотел попасть в ловушку собственной риторики, как это было и в 1958, и в 1959, и в 1961 годах. Ориентация на крайние сроки лишала его тактической гибкости. Теперь Хрущев хотел так строить внешнюю политику, чтобы выводить Запад из равновесия до тех пор, пока Москва не окрепнет настолько, чтобы заставить американцев дать ему то, что он хочет. Хрущев, как и прежде, стремился урегулировать этот вопрос; просто не имело смысла необдуманно предъявлять еще один берлинский ультиматум. «С каждым годом наше материальное и духовное могущество растет, крепнут наши Вооруженные Силы. Следовательно, сосредоточиться на этом теперь или никогда? В самом ли деле этот вопрос стоит теперь на повестке дня? Нет, наоборот. Перед нами совсем не стоит этот вопрос, потому что, если не сегодня, он возникнет завтра». За этим оптимизмом Хрущева, хотя в тот день он об этом не сказал, стояла его уверенность в том, что предстоящее в скором времени развертывание следу-

ющего поколения советских межконтинентальных баллистических ракет «Р-9» и «Р-16» серьезно изменит американскую оценку советской мощи и положит конец самонадеянности Вашингтона.

Особое внимание советский руководитель обращал на логику этого нового подхода: «Необходимо вести наступательную политику, но мы должны продвигаться вперед разумно и не быть в этой игре похожими на игрока, который сначала ставит на кон все, что осталось у него в кармане, а потом хватается за пистолет и стреляется». Но Хрущев понимал, что такую тактику воспримут как слабость те представители советского блока, особенно китайцы, которые утверждали, что нужно продолжать предъявлять ультиматумы. «Поэтому наши друзья будут винить нас и эксплуатировать нас в этом вопросе... Но те, кто будет эксплуатировать, они сами знают, что сами себе гадят». Хрущева бесило, что теперь Пекин критиковал его за осторожность в берлинском вопросе. Однако во время Иракского кризиса 1958 года, вспоминал он, Мао его спросил: «Ну что, вы хотите воевать?» Когда Хрущев сказал: «Ни в коем случае», – Мао ответил: «Правильно, в этом нет необходимости». Хрущев полагал, что нынешнее поведение Мао объясняется напряженностью в советско-китайских отношениях. «Если бы у нас сейчас были хорошие отношения, то Мао Цзэдун написал бы нам дружественное письмо и спросил: “Вы хотите начинать войну из-за Западного Берлина?” – “Ни в коем случае, на кой черт он нам сдался?” И он был бы прав».

Хрущев хотел, чтобы советские представители припомнили Пекину его же собственные ультиматумы пятидесятых годов, выдвигавшиеся по поводу прибрежных островов Цзиньмэнь и Мацзу, оставшихся под управлением Чан Кайши. Еще он посоветовал подвергнуть жесткой критике Китай за его терпимое отношение к британскому управлению в Гонконге и португальскому – в Макао. Слушавшим его советским дипломатам Хрущев напомнил, что у китайцев было время, но они снова отказались применить силу, чтобы ликвидировать их собственные «западные берлины».

Кроме того, он посоветовал, какое объяснение следует давать восточным немцам и тем, кто удивляется, почему Советы еще не пошли дальше и не подписали сепаратный германский мирный договор. Хрущев напомнил своим слушателям, что цель берлинской стратегии – защитить восточногерманский суверенитет и престиж СССР. Договор, не решающий вопросов доступа и западного военного присутствия, не имеет ценности. В 1959 году Хрущев хотел объявить о прекращении прав Запада в Берлине в одностороннем порядке, но Микоян и другие убедили его, что цена этого шага пока еще слишком высока.

Хрущев не утаил от своих слушателей, что, по его мнению, «окончательная битва по вопросу о Западном Берлине» неизбежна. Но он не хотел вступать в нее до тех пор, пока не будет уверен, что страны Варшавского Договора смогут выдержать западную экономическую блокаду, которая, как он ожидал, станет первой реакцией НАТО на советско-восточногерманский мирный договор. Однако, надеясь, что эту борьбу не придется откладывать слишком надолго, Хрущев добавил: «Необходимо ускорить преобразование экономики ГДР, переориентировав ее с Западной Германии в основном на Советский Союз и другие социалистические страны. Это самое важное».

Тем временем, следуя этой новой политике постоянного давления, Хрущев велел своим представителям не допустить того, чтобы Восток или Запад предположили, будто Москва отказалась от берлинского урегулирования. «Ваш голос должен впечатлять людей его уверенностью... не бойтесь довести его до белого каления, иначе мы ничего не получим... Ведь если мы сейчас начнем отступать в дипломатических отношениях... тогда ваши переговоры окажутся бесполезны. В переговорах вы должны отстаивать наши интересы с той же уверенностью, как мы это делали до сих пор».

Эта замечательная политическая проповедь Хрущева завершилась предостережением, адресованным в той же степени ему самому, как и слушавшим его представителям своей внешнеполитической команды. Посоветовав не допускать, чтобы Берлин напал на советскую внешнюю политику, он образно охарактеризовал отношение к Западному Берлину: «Для нас Западный Берлин – это совсем не пристрастие пьяницы к алкоголю. И пусть, будьте добры, так оно и будет».

* * *

«Когда не знаешь, что происходит на самом деле, это расстраивает»¹². Льюэллин Томпсон, главный эксперт по СССР в аппарате Кеннеди, был, пожалуй, совсем не в курсе – при всем своем умении изучать Кремль. Первая встреча Томпсона с Громыко во время нового раунда переговоров по Берлину состоялась 2 января, и оба почти ни о чем тогда не заявили – лишь подтвердили наличие основных препятствий. Да американцу и самому было почти нечего предложить. Переоценка политической линии, к которой, по указанию президента Кеннеди, приступили в середине сентября, будет завершена лишь через три месяца. Несмотря на необходимость предложить что-то новое и потенциально интересное для Хрущева, этот процесс переоценки приводил в замешательство и самого Кеннеди. За три месяца изнуряющая политика союзников совершенно исчерпала свои возможно-

сти, и потому в указаниях Томпсону в 1962 году было мало такого, чего бы он не мог сказать от лица Дуайта Эйзенхауэра в 1958 году.

Президент обнаружил, что его европейские союзники не заинтересованы в том, чтобы западные участники переговоров предложили что-то новое. Свой ноябрьский визит в Вашингтон западногерманский канцлер Аденауэр использовал для того, чтобы попытаться сорвать любые потенциальные планы Кеннеди. Он был готов признать независимость Западного Берлина или Восточной Германии, чтобы это стало стимулом для Хрущева наконец-то согласиться на сохранение, на шестнадцать лет, западных путей доступа. А де Голль, со своей стороны, был против любых переговоров. Французский президент был, как никогда, уверен и настаивал на этом, беседуя с еще не заявившим о своей позиции Кеннеди до саммита в Вене, что, поскольку Хрущев не начнет войну, нет причин изменять статус-кво обеих Германий. Неучастие де Голля в переговорах не прекратило споров союзников, особенно с тех пор, как Макмиллан и британское правительство поддержали желание Вашингтона найти такую формулировку, которая убедила бы Хрущева больше не делать Берлин источником международной напряженности. Однако без активного участия французов Соединенные Штаты не могли быть уверены, что переговоры станут такой сделкой, которую признают все оккупационные державы. Вся эта неопределенность в сочетании с упорным противодействием Аденауэра мешала американцам выдвигать любые конструктивные политические предложения. Единственная новая идея, возникшая в результате всего этого процесса, включала в себя предложение создать орган управления международным доступом к Западному Берлину, поручив ему наблюдение за сохранением доступа для Запада после заключения мирного договора.

Казалось, что это предложение было чисто теоретическим. Однако тот факт, что Кеннеди думал о доступе, каким он станет после заключения мирного договора, свидетельствовал о том, что со временем он признает Западный Берлин отдельным образованием. А это было очень существенным отклонением от текущей западной политики с намерением оставить положение германского города таким же, каким оно и было. Неудивительно, что создание органа регулирования международного доступа было единственной идеей, которую Кеннеди не предложил для одобрения союзникам до тех пор, пока не рассказал о ней Советам. О своей идее он упомянул в конце ноября 1961 года в разговоре с зятем Никиты Хрущева Алексеем Аджубеем, что привело в ярость Аденауэра, когда он услышал об этом позже.

* * *

Если бы Льюэллину Томпсону было известно, о чем Хрущев говорил своим коллегам в январе 1962 года, он бы не удивился, что советский лидер считал целесообразным продолжать игру вокруг Берлина, чтобы получить интересные западные предложения. Его оборонительный тон тоже не удивил бы Томпсона – одного из самых пронизательных политиков, разглядевшего в Хрущеве комплекс неполноценности и предугадавшего будущие советско-китайские проблемы раньше большинства других американских кремленологов. Однако посол США не увидел и не мог понять, что в подходе советского руководителя к Берлину было мало такого, что, по мнению Томпсона, было бы основой для переговоров. Минимальные требования Хрущева никак не приближались к тому, что Соединенные Штаты могли бы принять, не отказываясь от своих обязательств перед западноберлинцами. Однако американский посол был склонен винить собственное правительство за то, что оно упускало возможность снизить градус напряженности в Центральной Европе. В частности, Томпсон полагал, что администрация могла бы, маневрируя, вынудить Хрущева не идти на такую конфронтацию после того, как стена в Берлине уже построена. Тот или иной компромисс можно было бы обсудить, однако, как в начале января Томпсон признавался своему другу Джорджу Кеннану, бывшему послу США в Москве, «трудность здесь в том, что Советы почти никогда не сообщают о своих условиях сделки первыми»¹³.

Переговоры между Томпсоном и Громыко возобновились 11 января. Громыко отверг предложение создать орган управления международным доступом: он «нарушил бы суверенитет ГДР и фактически создал бы государство в государстве». Кроме того, подчеркнул советский министр иностранных дел, если западные войска останутся в Западном Берлине после того, как он получит статус вольного города, советские войска тоже будут вынуждены там разместиться¹⁴. К тому же впервые в этих переговорах Советы потребовали, чтобы будущее соглашение включало в себя ряд общих гарантий, в том числе запрет на ядерное оружие для обеих Германий, пограничные гарантии для Восточной Германии и договор о ненападении между НАТО и Варшавским Договором. Выслушав то, что было поручено сказать Громыко, Томпсон заявил, что встреча оказалась «шагом назад»¹⁵.

* * *

Реакция Джона Кеннеди была такой же, как и у его посла. Советы не только отмахнулись от его предложений, но и, судя по всему, повышали ставку. При отсутствии других вариантов президент снова

обратился к секретному каналу связи своего брата, действовавшего через Георгия Большакова¹⁶. Пережив три месяца назад напряженные дни в связи с событиями на КПП «Чарли», братья Кеннеди ни разу не воспользовались этим средством, чтобы привлечь внимание лично Хрущева.

В середине января Большаков и генеральный прокурор встречались дважды¹⁷. Однако надежды на то, что Хрущев, может быть, нуждается во мнении человека более высокопоставленного, чем посол Томпсон, вскоре рассеялись. 18 января Хрущев использовал Большакова как мальчика на посылках, чтобы передать своему американскому коллеге жесткую ноту.

«[Мои] предложения никому не вредят», – утверждал Хрущев. Однако, если сложилось безвыходное положение, то в этом, по его мнению, следует винить американскую сторону. Чтобы объяснить эту американскую нетерпимость, Хрущев вновь обратился к теме власти. «Президент Соединенных Штатов сам сказал, да и все знают, что теперь баланс сил равный. Как же тогда, исходя из изначально равных условий, можно пытаться проводить политику посягательства на интересы СССР и его союзников – социалистических стран? Однако то, что предлагает правительство США, направлено именно против наших интересов»¹⁸. В конце своего письма Хрущев дал понять, что если Кеннеди не согласится на его условия, то он вынудит Вашингтон потерпеть поражение: «Если, со своей стороны, Соединенные Штаты не демонстрируют понимания, то через какое-то время мир увидит, как эта политика потерпит такое же или даже еще большее поражение, [чем] раньше».

Существовала довольно значительная разница между тем, как американско-советские отношения воспринимали в Москве, и тем, что о них думали братья Кеннеди. Хотя Хрущев и говорил в Кремле, что Кеннеди и Эйзенхауэр – «один черт», и почти не надеялся, что позицию президента США можно изменить убеждениями, сам Кеннеди все еще верил, что если наладить личную связь с советским руководителем, то можно будет снизить градус соперничества между США и СССР.

В январе 1962 года в процессе обсуждения берлинского вопроса отношения между Робертом Кеннеди и Георгием Большаковым стали более доверительными. Генерального прокурора восхищала грубоватая внешность подвижного, топорно сложенного русского. Вскоре Большаков стал постоянным гостем в доме Кеннеди в Хикори-Хилл. В один такой вечер, который участник пирушки, журналист Теодор Уайт, назвал «безумной ночью у Бобби», стало ясно, что Большаков принят в узкий круг приближенных¹⁹.

Братья Кеннеди тешили себя иллюзией, что еще есть возможность установить подобные человеческие отношения и с самим Хрущевым. Клану Кеннеди очень понравился Большаков, но у них еще не было оснований полагать, что Большаков близок к Хрущеву, а президент хотел наладить такую же тесную связь с кем-нибудь из ближнего круга Хрущева. Алексей Аджубей, зять Хрущева, был, несомненно, близок к советскому руководителю. Белый дом пригласил Аджубея на интервью у президента в сентябре 1961 года, но Кремль отложил эту встречу до конца ноября, примерно до Дня благодарения. В начале 1962 года Аджубей находился в долгой поездке по Латинской Америке и имел возможность приехать в США для такой встречи. Кеннеди попросил, чтобы ее устроили²⁰.

Когда Кеннеди готовился встретиться с Аджубеем, он исходил не только из опыта общения своего брата с Большаковым и своей встречи с Аджубеем в День благодарения. Одним из уроков, который Кеннеди, как ему казалось, получил в Вене, заключался в умении понять своего противника. Но он совершил огромную ошибку, вступив в первый же день в идеологический спор с идеологом. Кеннеди не был доктринером и был слишком прагматичным – и слишком ироничным, чтобы разделять какую бы то ни было идеологию. Однако, встретившись с Аджубеем, Кеннеди решил, что он должен попытаться говорить на языке, понятном Хрущеву; он будет говорить о власти, интересах, уважении и мире.

Президент и миссис Кеннеди пригласили Аджубея и его жену Раду, дочь Хрущева, на обед, который состоялся в Белом доме 30 января 1962 года. Хотя Рада Хрущева была лингвистом и бегло говорила как по-английски, так и по-французски, ее муж говорил по-английски с трудом²¹. Так что Большаков ходил за ним по пятам в качестве официального советского переводчика. После обеда и прогулки по дому Кеннеди и Аджубей направились в Овальный кабинет семейной половины Белого дома для более личной беседы. В ходе разговора Кеннеди попытался дать понять собеседнику, что надеется на то, что переговоры по широкому спектру вопросов пройдут в атмосфере взаимного уважения.

Проблемы начались сразу же, как только Кеннеди попытался установить основные правила этого взаимного уважения. Он хотел, чтобы Советы не только понимали интересы США, но и уважали их. Он хотел, чтобы Хрущев раз и навсегда признал, что Соединенные Штаты останутся в Западном Берлине надолго. Президент подчеркнул, что вопрос доступа не связан со статусом Западного Берлина, свобода которого должна быть гарантирована, и что он никогда не признает никакого соглашения, которое требовало бы отвода американских войск или присутствия советских войск в Западном Берлине. И, как

если бы этого было мало и чтобы разозлить Хрущева, Кеннеди предложил также заключить соглашение о сохранении существующего статус-кво в Западном Берлине на срок от трех до пяти лет.

У Кеннеди было свое мнение также о другом пункте разногласий между двумя блоками, и то, что он сказал по этому поводу, рассердит Хрущева, когда тот об этом узнает. Пытаясь заставить его почувствовать, как сильно затрагивают американцев события на Кубе, интересы США на острове Кеннеди сравнил с интересом Хрущева в Венгрии. Потом президент неуклюже рассказал, как он спросил Аллена Даллеса – человека, которого Хрущев ненавидел: почему советское вмешательство в Венгрии оказалось таким успешным, тогда как в Заливе Свиней американцы потерпели фиаско. «Вам надо учиться у русских, – так, по воспоминаниям Кеннеди, он сказал своему директору Центральной разведки. – Когда у них были трудности в Венгрии, они ликвидировали конфликт за три дня... Но вам, Даллес, это никогда не удавалось»²². Сравнение Кубы с Венгрией было едва ли не самым провокационным, к которому только мог прибегнуть Кеннеди, чтобы подчеркнуть свою решимость устранить недружественный режим, находившийся в сфере влияния США.

Затем Кеннеди, чтобы как-то разрешить эту насущную проблему, познакомил Аджубея со своим графиком. «Если я выставлю свою кандидатуру для переизбрания и кубинский вопрос останется в том же состоянии, что и сейчас, – сказал Кеннеди, – то Куба станет главным вопросом избирательной кампании и нам придется что-нибудь предпринять»²³. Это утверждение расстроило советского представителя даже больше, чем реплика по поводу Венгрии. «Это печальное и тревожное заявление», – ответил Аджубей. Когда Хрущеву сообщили об этом разговоре, мнение президента о Западном Берлине и Кубе навели советского руководителя на мысль, что Кеннеди чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов советским интересам в Европе и Карибском бассейне, и не собирался уступать в переговорах²⁴.

* * *

Встреча с Аджубеем положила конец продолжавшемуся целый месяц периоду, когда из Кремля поступали противоречивые сигналы. До сих пор советские внешнеполитические действия в отношении Берлина или иной региональной проблемы по-разному отражали жесткий настрой секретной речи о мениске. И действительно, в январе советские министерства обороны и иностранных дел действовали так, как если бы Берлинский кризис наконец-то закончился. Например, 10 января группа советских войск в Германии снизила

уровень тревоги с самого высокого до нормального и перестала посылать Хрущеву ежедневные доклады о статусе вооруженных сил США и положении в Берлине²⁵. Отношение министерства иностранных дел к некоторым критическим замечаниям восточных немцев также свидетельствовало о видимом ослаблении напряженности. Обычно на жалобы восточных немцев – в январе протест был направлен против использования армией США автобана – Советы активно реагировали, заявляя об ущемлении и своих собственных прав. Но в середине января этот вопрос они оставили без внимания²⁶.

Получив отчет Аджубея, Хрущев решил, что пришло время наполнить «стакан» до краев. В первую очередь, он напомнит Соединенным Штатам об их уязвимости в Центральной Европе, где он совершенно не хотел ждать разрешения вопроса еще пять лет. Ежедневно совершалось примерно шестьсот полетов по трем воздушным коридорам – в Западный Берлин и из него. С 1945 года Советы никогда не вводили никаких ограничений на использование этих коридоров Западом. Существовал четырехсторонний контроль безопасности в воздухе над Берлином, чтобы не давать советским и западным самолетам нечаянно сталкиваться, но западные союзники могли летать как угодно. Проблемы начались с неожиданного советского заявления 7 февраля, что следующим утром воздушное пространство южного воздушного коридора, шириной от трех до восьми тысяч футов [от 0,91 до 2,44 километров. – *Примеч. пер.*], будет на три часа закрыто для всех не советских самолетов. Прежде Советы никогда не препятствовали Западу пользоваться воздушным коридором. Одновременно они отказались сообщать о планах полетов своих собственных самолетов, как было не только принято, но и требовалось, и не гарантировали безопасности западных полетов в южном коридоре на зарезервированных заранее высотах. Это тоже было беспрецедентным²⁷. По совету генерала Клея, личного представителя Кеннеди в Западном Берлине, президент велел двум не имевшим оружия военным самолетам пролететь по южному воздушному коридору шириной от пяти до шести тысяч футов [от 1,52 до 1,83 километров. – *Примеч. пер.*] во время неудачной советской попытки закрыть коридор²⁸.

8 февраля Советы разрешили военно-транспортным самолетам «Ли-2» летать по южному воздушному коридору, как они предварительно и предупредили. 9 февраля советские ВВС объявили, что они закрывают и северный воздушный коридор. 14 и 15 февраля Советы вновь стали закрывать лишь южный коридор на ограниченное время. До 14 февраля никаких стычек между американскими и советскими военными самолетами не происходило. Однако и в тот день, и на следующий десять советских истребителей кружили вокруг шести

американских самолетов, пытавшихся влететь в южный коридор во время, «зарезервированное» Москвой²⁹.

Стратегию Хрущева Вальтер Ульбрихт понял неправильно. Восточногерманский руководитель истолковал притеснения, чинимые Советами западным самолетам, как свидетельство того, что в 1962 году Кремль готовится к новому Берлинскому кризису. Это обрадовало Ульбрихта, который все еще верил, что его экономические и политические проблемы можно разрешить лишь в том случае, если Москва подпишет с его режимом мирный договор. А поскольку Кремль намеревался сообщить совсем не об этом, восточногерманского руководителя вызвали в Кремль, на встречу, состоявшуюся 26 февраля.

Хрущев пытался объяснить свою стратегию продолжения давления на Запад без предъявления ультиматума. Он сказал о своем опасении, что, если он попытается подписать договор сейчас, то результатом станет введение Западом экономической блокады. С ноября 1961 года восточногерманская экономика стала еще слабее, и теперь можно было не сомневаться, что Берлин не сможет выполнить свой план развития экономики на 1962 год. Учитывая слабость восточногерманской экономики и ее зависимость от западногерманских поставок для промышленности – металлических труб, специальной стали и т. д., экономическая война с Западом приведет к катастрофе. «Мы должны применить давление, чтобы добиться мирного договора, – сказал советский руководитель. – Но мы не должны ставить вопрос таким образом: жизнь или смерть»³⁰.

Несмотря на усилия Хрущева убедить Ульбрихта удовлетвориться теми выгодами, которые Восточная Германия уже получила после строительства Берлинской стены, возведенной 13 августа, Ульбрихт считал, что стена не должна стать поводом отсрочить заключение мирного договора. «Значительная часть нашего населения, – сказал он, – начинает думать, что СССР и ГДР... не могут выполнить [этого обещания]». Кроме того, Ульбрихт со всей определенностью дал понять, что его собственное терпение подошло к концу. «Мы уже много лет вели эту пропаганду [в пользу подписания мирного договора]. Но сколько еще ждать?»

В надежде, что Советы предъявят Западу новый ультиматум, Ульбрихт посоветовал провести в конце лета совещание министров иностранных дел для составления мирного договора. «Даже если этот договор будет неудачным, – сказал он, – во время переговоров будут урегулированы вопросы о границе Восточной Германии и ее столицы».

Хрущев был уже не так откровенен с Ульбрихтом, как когда-то. Он не рассказал восточному немцу о своей новой масштабной стра-

тегии – усилить советскую мощь до тех пор, пока не станет возможным навязать Западу соглашение по Берлину. Хрущев снисходительно относился к восточногерманскому руководителю, советуя ему не допускать, чтобы западные немцы вынуждали его страну оставаться такой уязвимой. «Аденауэр загнал вас в ловушку и держит вас там», – презрительно сказал он. К тому же Хрущев не возлагал особых надежд на будущую сделку с Западом: «Думаю, что все, чего мы могли ожидать от Западного Берлина, мы уже получили 13 августа. Теперь наша задача в том, чтобы спокойно работать».

Ульбрихта этот ответ не удовлетворил, и тогда Хрущев подчеркнул, что если усложнять отношения сейчас, то это лишь углубит экономические трудности советского блока. «Это не привело бы к войне, но вы были бы первым, кто обратился бы к нам с просьбой дать сто миллионов долларов. А потом пришли бы Гомулка и Новотный», – сказал Хрущев, имея в виду польского и чешского руководителей. В конце разговора он намекнул, что его готовность ждать объясняется стремлением изменить соотношение сил. «Сейчас у нас есть баллистические ракеты средней дальности, которые могут пролететь две тысячи километров, и больше их у нас пока нет. [Зато] мы ускорили создание мощных [меж]континентальных ракет, и в следующем году у нас их будет достаточно». Говоря загадками, Хрущев завершил так: «Наша тактика должна состоять в том, чтобы нажимать, а потом ждать».

* * *

В марте 1962 года Хрущеву еще раз пришлось убедиться в американской мощи, и ему это было неприятно. 2 марта во время устроенной Робертом Кеннеди секретной встречи с Большаковым Белый дом проинформировал Кремль, что президент Кеннеди скоро объявит о возобновлении испытаний ядерного оружия в атмосфере. После принятого летом 1961 года решения Хрущева проводить испытания в атмосфере Кеннеди дал указание возобновить подземные испытания, но в связи с возражениями своих советников отложил возобновление испытаний в атмосфере. Он полагал, что испытания в атмосфере приводят к появлению в воздухе вредных взвешенных радиоактивных частиц, и знал, что эти испытания сделают Соединенные Штаты объектом международной критики.

«Президент искренне хочет избежать проведения ядерных испытаний и хочет заключить соглашение по этому вопросу с премьером Хрущевым»³¹, – объяснил Роберт Кеннеди. Частным образом Белый дом хотел передать Хрущеву, что эти испытания не будут проведены. Братья Кеннеди предложили Москве – через Большакова – за-

ключить сделку. Спустя несколько часов президент сообщит миру, что американские испытания в атмосфере возобновятся 15 апреля. Роберт Кеннеди объяснил, что президент готов встретиться с Хрущевым «в любое время», чтобы заключить договор о запрещении испытаний в атмосфере. Это частичное запрещение испытаний не потребует никаких инспекций на месте, потому что действующие в стране пневматические датчики без труда выявят нарушение. Генеральный прокурор объяснил, что его брат «мечтает» заключить соглашение.

И снова усилие президента Кеннеди воспользоваться дипломатией обходных путей лишь ухудшило положение, рассердив Хрущева. Эту попытку торга советский руководитель расценил как шантаж и не только отказался рассматривать вопрос о частичном запрещении испытаний, но и отменил одну небольшую уступку по разоружению, которую он предложил Кеннеди в Вене. Советской делегации в Женеве велели отозвать остававшееся открытым предложение ежегодно проводить на месте две-три инспекции. Кроме того, Хрущев добавил и свою ложку дегтя. Уже два месяца американские и советские представители вели переговоры об одновременных телетрансляциях выступлений двух руководителей в стране оппонента. Но тут Хрущев заявил Вашингтону, что эти трансляции несовместимы с духом инициативы Кеннеди, планировавшего объявить о ядерных испытаниях, намеченных на апрель.

В это время Хрущев получал от советской военной разведки очень тревожные сообщения, заставлявшие его опасаться, что американцы хотят извлечь выгоду из своего стратегического преимущества. В двух отчетах, датированных 9 и 11 марта 1962 года, ГРУ сообщало Кремлю, что непосредственно после венского саммита в июне 1961 года Пентагон серьезно обсуждал вопрос о нанесении первого ядерного удара по Советскому Союзу. Согласно источнику, который, как докладывали, находился в бюрократическом аппарате системы национальной безопасности США, от катастрофы спасло то, как американцы оценили советскую мощь после возобновления ядерных испытаний в сентябре³². Одно только это сообщение можно было бы расценить как крайне сомнительное, но, учитывая обеспокоенность Кремля и его разочарование из-за бесплодности как переговоров по Берлину, так и разговоров о разоружении, столь мрачные представления о замыслах США казались более правдоподобными.

Во время своей последней встречи с Хрущевым (перед тем как выехать в середине марта в Вашингтон в качестве нового посла Советского Союза в Соединенных Штатах) Анатолий Добрынин почувствовал, какое раздражение вызывает Кеннеди у советского руководителя. Говоря «эмоционально и пространно», Хрущев упомя-

нул Берлин как главную проблему, разделяющую две сверхдержавы. Потом он произнес диатрибу против Кеннеди, обвинив его в попытке использовать свое стратегическое превосходство против Советского Союза и упомянув баллистические ракеты промежуточной дальности, которые НАТО уже развернуло поблизости, в Турции. Американцы «чрезвычайно самонадеянны»³³, – заключил Хрущев.

В феврале Хрущев дал выход своему разочарованию действиями США, создав затруднения в берлинских воздушных коридорах. В марте, хотя его истребители снова вступили в эту игру и вели ее в середине месяца несколько дней, свою главную попытку уязвить Кеннеди Хрущев предпринял в Юго-Восточной Азии³⁴. Несколько месяцев Советы пытались убедить Патет Лао и их китайских и северовьетнамских покровителей не мешать развиваться мирному процессу. Однако азиатские коммунисты мечтали уничтожить поддерживаемый американцами гарнизон Фуми Носавана в Намтха – главном городе самой северной провинции с тем же названием. Хотя и малонаселенный, Намтха располагался недалеко от главного аэродрома, используемого США для снабжения войск Фуми Носавана на севере. Москву расстроил этот план, который, по ее мнению, возник в результате влияния китайцев на Патет Лао и его главных покровителей – северных вьетнамцев. Чтобы воспрепятствовать его исполнению, Хрущев пригласил в Москву лидера Патет Лао принца Суфанувонга на встречу, намеченную на январь. Во время подготовки к этому визиту советское министерство иностранных дел заявило, что Патет Лао и северные вьетнамцы уже предприняли «ряд наступательных действий контратакующего характера против бандитов Бун Ума и Носавана»³⁵.

Патет Лао и вьетнамцы сообщили Советам, что цель их операций в провинции Намтха – вынудить Фуми Носавана сесть за стол переговоров³⁶. Но у Москвы были свои сомнения. Кремлевские деятели опасались, что совместное наступление коммунистов даст Фуми Носавану предлог положить конец любым переговорам с нейтралистским лидером Лаоса Суванной Фумой, что, в свою очередь, позволит Патет Лао, вьетнамцам и китайцам «воспользоваться этим как оправданием своей политики силового разрешения лаосского вопроса»³⁷. Советы намеревались использовать встречу с Суфанувонгом, чтобы показать Мао, что, чего бы Китай ни хотел и на какие догматы ни опирался, «США и СССР не намерены воевать в Лаосе ради Китая».

Январские переговоры с лидером Патет Лао, казалось, привели к желаемому результату. Патет Лао сразу же отказался от расширения военной кампании в провинции Намтха. В начале февраля Суфанувонг заверил в Лаосе посла Александра Абрамова, что, хотя Намтха можно взять «за несколько часов» и его захват был «вопро-

сом политического престижа», Патет Лао не будет этого делать, «чтобы не давать никакого повода для провокации»³⁸.

Однако в начале марта Хрущев решил предоставить свободу действия Патет Лао, следуя своей политике усиления международного давления на Соединенные Штаты. Это не являлось отказом от политики мирного сосуществования в Лаосе; советские представители по-прежнему уговаривали Патет Лао согласиться на создание коалиционного правительства во главе с Суванной Фумой. Однако Советы перестали твердить Суфанувонгу и его азиатским союзникам о необходимости избежать военного столкновения в Намтха. На встрече глав четырех главных коммунистических партий региона, проходившей с 7 по 10 марта, советский представитель согласился закрыть глаза на продолжавшиеся в северном Лаосе военные приготовления. Кроме того, Советы согласились продолжать тайно снабжать Патет Лао – в дополнение к тому, что эта организация уже получала по условиям соглашения с Суванной Фумой³⁹.

В предстоящих беседах с представителями Патет Лао посол Абрамов пообещал воздерживаться от любых комментариев относительно весеннего наступления, которое открыто планировали руководители Патет Лао, северные вьетнамцы и китайцы. Взамен лаосцы пообещали не ужесточать эту военную кампанию. 20 марта Суфанувонг сообщил советскому послу, что Патет Лао собирается проводить политику «активной обороны», которая будет включать нападения на вражеские крепости в «освобожденных районах» Лаоса. Патет Лао хотел объяснить Москве, что эти операции велись «разумно, чтобы не привести к разрастанию военного конфликта»⁴⁰. На следующий день Абрамов вылетел в Ханой, чтобы сообщить лично Хо Ши Мину, что Советы позволят северным вьетнамцам, китайцам и Патет Лао определить, какие практические шаги требуется предпринять в регионе⁴¹.

Благодаря тому, что Хрущев отступил, позволив Патет Лао устроить кровавую баню военным Лаоса, действующим при поддержке Запада, китайцы мобилизовали 2149 солдат Народно-освободительной армии Китая, 1772 гражданских работников, привлекли 203 автомашины и 639 лошадей и мулов для осуществления военных поставок бойцам Патет Лао⁴². Этих людей и эти грузы из китайского военного гарнизона в Куньмине предстояло перебросить на юг, в провинцию Намтха. Численность солдат гарнизона Фуми Носавана в столице провинции возросла до пяти тысяч человек, и Патет Лао и его северовьетнамские военные советники полагали, что подкрепления из Китая требуются для того, чтобы впоследствии провести успешное наступление.

Весной 1962 года существовал такой регион мира, где Хрущев не хотел подвергать испытанию мощь США: Латинская Америка и страны Карибского бассейна. То, о чем Кеннеди говорил зятю Хрущеву, вновь вызвало опасения, что правительство США может попытаться предпринять второе вторжение на Кубу⁴³. В самом деле, в конце 1961 года Соединенные Штаты возобновили свою программу секретных действий против режима Кастро. В конце ноября Роберт Кеннеди и Ричард Гудвин, главный советник Белого дома по латиноамериканским делам, убедили президента в необходимости более активной политики против Фиделя Кастро. Операция, получившая название «Мангуст», включала в себя ряд мероприятий – подрывную деятельность, шпионаж и саботаж, нацеленных на то, чтобы настолько поднять политическую температуру на острове, чтобы привести к устранению Кастро путем переворота или контрреволюционной активности⁴⁴.

Советская разведка не смогла получить точные сведения о планировании операции «Мангуст», но в феврале Хрущеву сообщили об активизации программы подрывной деятельности США, направленной против Кастро. Это стало подтверждением мнения Аджубея относительно решимости Кеннеди разрешить стоящую перед ним проблему Кастро⁴⁵. Приказав закрыть для Запада воздушные коридоры и разрешив своим азиатским союзникам создавать беспорядки в Лаосе, на Кубе Хрущев предпочел перейти к обороне. Он возобновил приостановленную в октябре 1961 года военную помощь Гаване, пакет который стоил 133 миллиона долларов, и для его скорейшего одобрения включил этот вопрос в повестку заседания Президиума, намеченного на начало февраля⁴⁶. Кроме того, он дал указание пересмотреть параметры советской военной помощи Кастро, чтобы определить, требуется ли ее увеличить.

Советская военная программа была своевременно пересмотрена. Пока в 1961 году Хрущев отвлекался на Берлинский кризис, в советско-кубинских отношениях наступило охлаждение. И эта напряженность была вызвана не только промедлением с выделением военной помощи. Пытаясь укрепить свою власть, Кастро объединил «Движение 26 июля» с Кубинской коммунистической партией в единый революционный фронт под названием «Народно-социалистическая партия», НСП (Partido Socialista Popular, PSP), что привело к обострению его соперничества с традиционными кубинскими коммунистами. НСП и сторонники Фиделя придерживались разных мнений по вопросу о революционной стратегии. Кастро и Че Гевара считали, что руководители НСП с их догматизмом превратили эту партию в политический анахронизм. Большая их часть были негибаемыми сталинистами, считая, что страны «третьего

мира», чтобы прийти к коммунизму, предварительно должны пройти через стадию буржуазного капитализма. Кастро не мог забыть, что такие взгляды помешали НСП поддержать в середине пятидесятых годов его действия в горах Сьерра-Маэстры. Кастро признался как-то Александру Алексееву, главе резидентуры КГБ в Гаване: «В принципе, я не против политики мирного сосуществования, как, например, в таких странах, как Италия и Франция, где возможен мирный переход к социализму... Но в целом в Латинской Америке нет необходимых условий для такого подхода»⁴⁷.

Нагляднее других, с точки зрения Кастро, это теоретическое расхождение воплощал Анибаль Эскаланте, главный организатор НСП. «Эскаланте, – жаловался Кастро Алексееву, – лидер тех, кто верит, что к Латинской Америке применима теория мирного сосуществования»⁴⁸. Он представлял политическую угрозу и на Кубе. Может быть, за границей Эскаланте и не считался энергичным революционером, но на Кубе он был неутомимым политическим деятелем с большими амбициями, надевшимся завоевать себе выдающееся положение в новом кубинском революционном фронте – Объединенной революционной организации (ОРО). Устав от теоретических разногласий и чувствуя, что амбиции Эскаланте ему угрожают, Кастро исключил его из Объединенной революционной организации и позволил уехать из страны.

Против Эскаланте Кастро ополчился именно тогда, когда советское военное руководство завершало подготовку своей программы помощи Кубе. Отношения Кремля с Эскаланте были гораздо более длительными, чем с Кастро, так что, когда в начале апреля 1962 года отношения между ними обоими предельно ухудшились, Кремль озаботился последствиями, к которым могла привести эта конфронтация. У Москвы были две большие проблемы. Во-первых, ее беспокоило, что под влиянием Че Гевары, который, похоже, разделял взгляды Мао Цзэдуна, выступавшего за перманентную революцию, кубинский режим может поддержать китайское определение социализма и встать на сторону Китая. Во-вторых, Москву тревожило, что в отношениях с СССР Куба может занять более независимую позицию – примерно так, как это сделала Югославия.

У Кремля вызывало беспокойство не только обращение Кастро со своими коммунистами. В апреле 1961 года появились и другие свидетельства того, что кубинцы мечтают продемонстрировать свою независимость от Москвы. Во время своего долго откладывавшегося визита в Москву Рамиро Вальдес, начальник службы безопасности Кастро, попросил КГБ помочь ему создать на Кубе центр подготовки латиноамериканских партизан для революционной деятельности в Западном полушарии⁴⁹. Кубинцы имели основания полагать, что

Москву это может заинтересовать. В августе этого же года Президиум ЦК КПСС одобрил план работы с кубинцами и никарагуанскими сандинистами, нацеленной на поддержку революционных движений. Через три месяца КГБ разрешило создать учебный центр в Гондурасе для подготовки группы боевиков, которые могли бы создать «партизанский отряд на никарагуанской территории»⁵⁰.

Несмотря на то как КГБ уже поступил с никарагуанцами, в апреле 1962 года он лицемерно заявил кубинцам, что это будет всего лишь организация для сбора разведанных. «Мы не помогаем национально-освободительным движениям»⁵¹, – сказали Вальдесу.

Кубинцы этого не знали, но их использовали, чтобы понять, каковы внешние пределы рисков, на которые Хрущев готов пойти даже со своей стратегией мениска. Он был еще не готов бросить вызов Соединенным Штатам на ближайшей к ним территории. Никарагуанская операция была очень ограниченной – в 1961–1964 годах КГБ выделил на нее лишь двадцать пять тысяч долларов – и, вероятно, безосновательной, тогда как то, что планировали кубинцы, требовало более существенных затрат и должно было привлечь больше внимания⁵². Союзникам Хрущева в Юго-Восточной Азии позволили пойти в наступление на прозападную цитадель, поскольку в пограничном регионе Лаоса баланс сил складывался в пользу советского блока. Однако кубинские провокации были делом совсем другого порядка. Соединенные Штаты сохраняли в Карибском регионе подавляющее превосходство. Готовность Кастро к экспорту революции представлялась самоубийственной, учитывая очевидную обеспокоенность, которую вызывал у Кеннеди его режим.

Несмотря на настоятельную потребность соблюдать осторожность, Кремль не перестал опасаться, что сдерживание кубинских секретных служб может повредить советско-кубинским отношениям и подтолкнуть кое-кого из ближнего круга Кастро к сближению с Пекином. Для подтверждения того, что СССР остается главным социалистическим союзником Кубы, Хрущев безотлагательно предпринял такие действия, чтобы у Кастро не оставалось никаких сомнений в его поддержке. Москва позволила Анибалу Эскаланте въехать в СССР в качестве изгнанника, но уже через неделю после прибытия его осудили в «Известиях» за «сектантство». Кастро, как надеялся Хрущев, прочитал перевод этой статьи, и она его, по всей видимости, обрадовала. Тем временем Советы дали понять Гаване, что они расширят принятую в сентябре 1961 года программу военной помощи, включив в нее советских военных, береговой ракетный комплекс «Сопка» и десять самолетов-бомбардировщиков «Ил-28» (по кодификации НАТО – «Beagle» – «Гончая»)⁵³. Бомбардировщики могли долететь и до Майами. Объем поставок по первым двум статьям про-

граммы оказался не столь существенным, как об этом просил Кастро: две с половиной тысячи солдат вместо десяти тысяч и лишь одна батарея вместо трех. Однако этот жест со стороны СССР должен был гарантировать Кастро, что Советский Союз не будет вмешиваться в его внутривластные дела. Для обсуждения дальнейших военных потребностей режима на Кубу направили советского генерала.

* * *

В начале мая Хрущев получил обескураживающую информацию, угрожавшую всей его внешнеполитической стратегии. Когда в январе 1962 года Хрущев тайно объявил в Кремле о политике мениска, он полагал, что Москве не придется долго ждать, чтобы, усилив свои позиции, навязать Соединенным Штатам соглашение по Берлину, а затем – соглашение о запрещении испытаний ядерного оружия, добиться разоружения и, возможно, заключить договор между сверхдержавами о ненападении. Недаром в феврале он дал понять Вальтеру Ульбрихту, что 1963 год станет переломным моментом для заключения мирного договора и разрешения Берлинского кризиса.

Сведения о состоянии работ над созданием ракетно-ядерных комплексов дальнего действия «Р-9» и «Р-16», которые Хрущев получил в конце зимы, его обескуражили. Хотя пробный полет ракеты «Р-16» был произведен вовремя, он принес большие разочарования. Ракета должна была стать для Советского Союза надежным средством для нанесения ответного удара, если Соединенные Штаты нанесут удар первыми. Однако она оказалась настолько примитивной, что если не предполагать, что ракеты с ядерными боеголовками Советские планировали запустить первыми – в эпоху Хрущева ракет было так мало, что это было неосуществимо, – то это оружие можно было считать бесполезным. В феврале 1962 года Хрущеву сообщили, что «Р-16» не идет в сравнение с американской ракетной системой второго поколения «Минитмен»; первую из ракет этой системы предполагали поставить на вооружение в 1962 году⁵⁴. Советским командирам требовалось несколько часов, чтобы подготовить ракету к запуску, тогда как американскую ракету можно было подготовить к запуску за несколько минут. «Прежде чем нам удастся переместить «Р-16» и поднять ее на пусковую установку, от нас ничего не останется», – сказал Хрущеву начальник его ракетных войск⁵⁵.

Главным недостатком «Р-16» была летучесть ее топлива. Ставленник Хрущева маршал Митрофан Неделин, первый главнокомандующий новыми советскими ракетными войсками стратегического назначения, стал одним из сотни специалистов и наблюдателей, погибших в октябре 1960 года, когда «Р-16» загорелась и взорвалась

во время предстартовой подготовки⁵⁶. Кроме того, топливо в ракете «Р-16» было еще и очень едким. После того как ракета была заправлена, ее нужно было или немедленно использовать, или в течение нескольких дней слить все топливо и отправить ее обратно на завод для промывки и повторной калибровки. А вот американская ракета «Минитмен» работала на твердом топливе, что позволяло ей годами находиться в состоянии боеготовности. Судя по отчетам о состоянии разработки ракеты «Р-9», конкурировавшей с «Р-16» за право стать следующим поколением советских МБР, положение с ней было даже еще хуже. Полетные испытания этой ракеты обернулись чередой просчетов⁵⁷.

Не в пользу Советов были и количественные показатели. Первая из нескольких дюжин «Р-16» была поставлена на вооружение в начале 1962 года. До развертывания «Р-9» было еще далеко. Однако развертывание американских МБР в 1962 году свидетельствовало о чересчур поспешной и чрезмерной реакции на страх перед ракетным отставанием. С осени 1961 года по весну 1962-го количество американских МБР увеличилось более чем вдвое, с тридцати до семидесяти пяти. Из опубликованных отчетов Советы могли узнать, что к концу года арсенал США вместе с первыми ракетами «Минитмен» возрастет до двухсот с лишним МБР. Развертывание системы «Минитмен», представлявшей для Советов огромную стратегическую угрозу, должно было начаться осенью. Ходили слухи, что со временем в войска будет поставлена тысяча таких твердотопливных исполинов.

Между тем Хрущеву сообщали и неутешительные экономические новости. Весной каждого года в СССР начинался новый бюджетный цикл. С марта и летом плановики в правительстве, работая с членами Президиума, пытались подогнать статистику под показатели реального производства, которые на осеннем пленуме нужно было представить Центральному Комитету в качестве основы для планирования производства в будущем. Учет в Советском Союзе никогда не отличался точностью, но в 1962 году цифры, полученные Хрущевым, свидетельствовали о дефиците в сельском хозяйстве и промышленности. Статистика была настолько неутешительной, что Кремлю пришлось задуматься о повышении потребительских цен на товары отечественного производства, то есть предпринять то, чего никогда прежде в эпоху Хрущева делать даже не пытались. И в довершение ко всему выяснилось, что трудно сохранять уровень и недавно повышенных зарплат.

Столкнувшись с дефицитом средств, Хрущев велел трем своим главным экономическим советникам – Фролу Козлову, Алексею Косыгину и Анастасу Микояну – пересмотреть показатели оборонных расходов на будущий год. Им было поручено выяснить, можно ли урезать оборонные ассигнования на три с лишним миллиарда ру-

блей – примерно на три миллиарда долларов США⁵⁸. Хотя Хрущев и верил, что ядерная ракета – это средство поддержания баланса в международных отношениях, он никогда не соглашался с теми, кто хотел, чтобы их было просто больше. В 1959 году он сократил количество заявок на пусковые установки из-за их стоимости и был готов потребовать того же и в 1962 году, если это необходимо для защиты его внутривосточной экономической повестки.

Напряженные отношения, сложившиеся у Советского Союза с Соединенными Штатами из-за Лаоса, Берлина и Кубы, возлагали на советскую экономику еще более тяжелое бремя. Это не давало Хрущеву сократить, как он надеялся, рабочую неделю и увеличить капиталовложения в сельское хозяйство и промышленность. Он хотел сделать все возможное, чтобы помочь своим социалистическим союзникам, но уже не мог не принимать во внимание цены этих усилий⁵⁹.

Очевидно, на фоне множества внутривосточных разочарований в апреле Хрущев спросил Малиновского, существует ли более дешевый и быстрый способ обеспечить конкурентоспособность с американцами в отношении МБР. Хрущев был уверен, что на советскую ракетную программу уходит слишком много средств, и теперь уже не мог предсказать, когда советская промышленность и наука создадут столь нужное ему ядерное средство сдерживания⁶⁰. Неясно, когда произошла эта беседа, но поводом к ней могли стать новости о ядерных силах США. Хрущев еженедельно получал отчеты от Малиновского о состоянии поставленных на вооружение ракет США. 20 апреля 1962 года в Колорадо были размещены первые восемнадцать из сорока четырех американских ракет «Титан» – МБР первого поколения. Одновременно Соединенные Штаты продолжали начатое в 1961 году размещение нацеленных на Москву ракет промежуточной дальности «Юпитер»: тридцать из них было установлено в Италии и пятнадцать – в Турции⁶¹.

«А что, если запустить одного из наших ежей американцам в штаны?»⁶² – так будто бы Хрущев спросил Малиновского. Ежом называлась советская ядерная ракета, а под «штанами» американцев Хрущев подразумевал Карибский регион. Когда-то зимой 1962 года вечно изобретательный Хрущев объединил две идеи – советскую военную помощь, предназначенную для защиты Кубы, и стратегические выгоды от расположения Кубы для Советского Союза. Почему бы ей не стать для Москвы тем же, чем была для Америки Италия или Турция? Малиновский ответил, что, хотя с военной точки зрения эта идея была разумной, потребовалось бы серьезное политическое решение, чтобы запустить ядерного ежа к берегам Флориды. Хрущев попросил Малиновского поскорее собрать небольшую группу специ-

алистов, чтобы они подумали, как осуществить эту идею⁶³. Хрущев еще не решил, стоит ли идти на такой огромный риск, размещая ракеты на Кубе, хотя сама идея соответствовала его любви к смелым импровизациям.

* * *

Патет Лао, китайцы и вьетнамцы начали свое давно ожидавшееся весеннее наступление 6 мая. Как Кремль и надеялся, они разгромили своих противников: через несколько дней гарнизон генерала Фуми Носавана в Намтха был разбит. Фуми неблагоразумно разместил шесть тысяч человек в идеальном месте для засады – природном бассейне, образованном горной цепью. Когда объединенные силы вьетнамцев и Патет Лао окружили эту позицию, Фуми и его генералы бежали, что вынудило их американских советников оценить свою военную эффективность как нулевую. В конце концов весь гарнизон отступил с поля боя настолько далеко, насколько ему удалось. Как деликатно выразились американские наблюдатели, отступление было таким стремительным, что его можно было назвать «существенно опережающим любое преследование»⁶⁴.

Как принц Суфанувонг и предсказывал, пытаясь заинтересовать этой операцией Советы, захват Намтха полностью изменил баланс сил в боевых действиях. Теперь Патет Лао и северные вьетнамцы контролировали весь восточный Лаос, с севера до юга. ЦРУ полагало, что у Патет Лао имелись силы совершать наступления, подобные наступлению при Намтха, с целью захвата остававшихся у неприятеля больших городов во внутренних областях страны⁶⁵. На самом деле американская разведка полагала, что, хотя в численном отношении войска Фуми Носавана превосходили войска Патет Лао и Суванны в соотношении два к одному, они были еще не равноценны силам Патет Лао, и за две недели весь Лаос может перейти под контроль Патет Лао. Положение дел меняло присутствие северовьетнамских сил. По словам сотрудников ЦРУ, северные вьетнамцы – «превосходные» бойцы, «мастерски проводящие успешные и скоординированные атаки, невзирая на потери». И сдерживала их лишь неуверенность в возможной реакции США.

При Кеннеди в Белом доме никто не призывал к выжидательной позиции. Не участвуя в игре и ограничиваясь лишь наблюдением, бывший президент Эйзенхауэр все еще верил, что ключевое значение для спасения Южного Вьетнама и Таиланда от захвата коммунистами имеет контроль над Лаосом. При этом он не хотел, чтобы в Лаос посылали американских военных, и пообещал своему преемнику не делать никаких публичных призывов в этом духе. Вместо этого он посоветовал Кеннеди послать больше военных в Таиланд и Южный

Вьетнам, чтобы, укрепив позиции в Бангкоке и Сайгоне, дать тайцам и южным вьетнамцам возможность принять участие в операциях в Лаосе⁶⁶.

Для Кеннеди было отрадно услышать, что Эйзенхауэр не будет выступать за отправку американских солдат в Лаос – ни публично, ни частным образом. Он и сам этого не хотел. Однако, как и его предшественник, Кеннеди полагал, что если продемонстрировать силу, появится шанс удержать коммунистов от продолжения наступления. 14 мая он приказал тысяче восьмистам морских пехотинцев, эскадрону морских пехотинцев и эскадрилье военных летчиков высадиться в Таиланде следующим утром. Через две недели в Таиланде будет уже от пяти до шести тысяч американских военных⁶⁷. Кеннеди надеялся, что присутствие этих войск вынудит Кремль и его азиатских союзников согласиться на прекращение огня.

Известие о переброске американских войск в Таиланд Хрущев получил сразу же после своего прибытия в Болгарию; этот визит к социалистическому союзнику был запланированным⁶⁸. Советские военные сообщили, что 16 и 17 мая в Таиланде десантировалась тысяча восемьсот американских морских пехотинцев при поддержке двадцати штурмовых самолетов и двадцати вертолетов. Помимо этого контингента, расположившегося на расстоянии тридцати пяти – пятидесяти миль от лаосской границы, там имелась, по информации Советов, и другая группа военных. Она состояла из тысячи двухсот американских солдат, задержавшихся в Таиланде после недавних маневров и находившихся в тридцати пяти милях [в пятидесяти шести километрах. – *Примеч. пер.*] от границы. К югу от столицы Таиланда Бангкока советская разведка обнаружила летный отряд США, состоявший из двадцати пяти истребителей, нескольких транспортных самолетов и самолета-заправщика⁶⁹.

Хрущев надеялся, что США не пошлют военного подкрепления в Юго-Восточную Азию, но именно это и произошло. Если Хрущев и закрыл глаза на операцию в Намтха, из этого еще не следовало, что он забыл о своей давней оценке угроз для региона. Он никогда не соглашался с китайцами, когда речь шла о сложившемся там балансе сил. Китайские представители, разделяя явные опасения своих врагов-капиталистов, говорили об эффекте домино – о тех фишках домино, которые упадут от Лаоса до Малайзии, если влиятельные коммунистические партии сильно их подтолкнут. В противовес им Хрущев полагал, что американские военные, наоборот, возьмут верх, если им позволят беспрепятственно действовать в Юго-Восточной Азии⁷⁰. Учитывая, что войска Фуми Носавана уже превосходили по численности силы Патет Лао и его союзников, американские военные легко могли изменить баланс сил в пользу правых.

17 мая Хрущев, связавшись с Москвой, велел установить связь с братьями Кеннеди. Обеспокоенный тем, что размещение американских войск в Таиланде – только начало, Хрущев прибег к тайному каналу связи через Большакова, чтобы передать президенту Кеннеди, что он не стоял за атакой на Намтха. «Инцидент в Намтха, – должен был объяснить Большаков Роберту Кеннеди, – на самом деле был единичным и осуществлен теми людьми в регионе, которым надоели войска Фуми. Вот так обстоят дела». Большаков должен был сказать, что Хрущев по-прежнему не отступает от их договора в Вене, нацеленного на создание мирного, нейтрального Лаоса⁷¹.

Необходимость передавать это срочное сообщение для того, чтобы предотвратить более серьезное вмешательство США, была для Хрущева крайне унижительной. Быстрая переброска в Юго-Восточную Азию подчиняющихся Кеннеди дополнительных военных сил произошла и в мае 1962 года. Хотя на этот раз не столь масштабная, она, тем не менее, стала еще одним напоминанием о неблагоприятном балансе сил и о его последствиях для советской политики. Хрущев, никогда не отличавшийся терпением, решил, что его разочарование в этих международных реалиях достигло критической точки. Еще в марте, жалуюсь Анатолию Добрынину на мощь США, Хрущев поклялся: «Давно пора обрезать их длинные руки»⁷².

Узнав об отправке американских войск в Таиланд, Хрущев в тот же день публично заявил о том, какую роль во внешней политике США играет сила: «К какой логике может апеллировать империализм? Только к логике силы, и, руководствуясь этой логикой, они пытаются проводить политику с позиции силы. Покойный Даллес говорил об этом весьма откровенно»⁷³.

Во время последнего для него, перед отъездом в Болгарию, заседания Президиума Хрущев принял участие еще в одной дискуссии. Речь шла об отсутствии успехов в выполнении советских программ создания стратегического оружия – на земле, на море и в воздухе⁷⁴. Этот вопрос его по-прежнему беспокоил. Не оставляла его в покое и идея, которую он обсуждал с Малиновским в апреле: возможное использование Кубы как наиболее легкого способа укрепить советскую стратегическую позицию в гонке вооружений сверхдержав. Непосредственно перед вылетом в Болгарию Хрущев подписал письмо, адресованное Кастро. В нем излагался план советской военной помощи, которая поступит на остров в ближайший год или два. Не ожидая американского нападения на Кубу в 1962 году, Москва хотела подготовить Кастро к любым американским провокациям, которые могут произойти накануне предполагаемой кампании переизбрания Кеннеди в 1964 году.

Получив новости о состоянии дел в Лаосе, Хрущев начал пересматривать всю свою политику на 1962 год. Пожалуй, пришло время действовать, и ему не стоит ждать до 1963 года, чтобы заключить соглашение, которое разрешит германский конфликт, облегчит внутренние экономические затруднения в СССР и покончит с его военной уязвимостью в «третьем мире», особенно на Кубе. «Я ходил назад и вперед, – вспоминал он позже, – размышляя над тем, что делать»⁷⁵. Хрущев, никому неверявший своих «личных переживаний», устал руководить страной второго сорта и постоянно тревожиться о том, что его инициативам помешает более сильная сверхдержава. И Куба стала причиной всех многочисленных разочарований Хрущева⁷⁶. Пока Хрущев находился в Болгарии, у него окончательно созрела мысль об использовании Кубы в качестве базы для ядерных баллистических ракет как стратегического стопора. «Поскольку американцы уже окружили Советский Союз кольцом своих военных баз и ракетных установок различного назначения, – позже говорил Хрущев, объясняя свои тогдашние мысли, – мы должны отплатить той же монетой, дать им попробовать собственное лекарство, чтобы на себе почувствовать, каково живется под прицелом ядерного оружия»⁷⁷.

Если бы Кеннеди не послал войска в Юго-Восточную Азию, отвечая на захват Намтха, решился ли бы тогда Хрущев пойти на рискованный шаг, послав ракеты на Кубу? Трудно сказать, но, судя по всему, разрешение кубинского конфликта было для нетерпеливого и ненавидящего разочарования Хрущева идеей настолько удачной, что ей было невозможно долго сопротивляться. В 1961 году Хрущев оказался в стратегическом тупике, созданном в значительной степени им же самим. С 1959 года основой советской военной стратегии он сделал обладание ядерным оружием. Однако, когда выяснилось, что программа создания этого оружия выполняется медленнее и стоит дороже, чем ожидалось, Хрущев отказался вливать еще больше денег в то, что, судя по всему, было черной дырой. Одновременно он решил поиграть мускулами, чтобы добиться изменения статус-кво в Центральной Европе. Но после того, как Соединенные Штаты назвали его действия блефом в 1958 году и еще раз в 1961-м, Хрущев стал уязвимым для критики со стороны своих коммунистических союзников, особенно Восточной Германии и Китая. В 1962 году уязвимость Хрущева после Берлинского кризиса предыдущего года, усиленная присущим ему нетерпением и амбициями его главных внешнеполитических соперников на международной арене – Кеннеди и Мао, придала ему смелости пойти на дополнительный риск.

Вернувшись домой 20 мая, Хрущев действовал быстро. Еще в самолете, на обратном пути, своей идеей разместить ракеты на Кубе он поделился с Громыко и дал указание Малиновскому быть готовым

поддержат эту идею на заседании Президиума, намеченном на следующий день. Кроме того, он посоветовался с Микояном, которого, как всегда, расстроил новейший план Хрущева. Микоян заверил Хрущева, что американцы никогда не потерпят советские ракеты на Кубе. Микояну, побывавшему на острове, очень понравились молодые кубинские революционеры, но идея Хрущева была потенциально провальной. «Мы должны защищать Кубу, – сказал Микоян советскому руководителю, – но при таком подходе мы рискуем спровоцировать нападение на нее и потерять все»⁷⁸.

Менее чем через сутки после своего возвращения из Болгарии Хрущев официально представил свой план на одобрение Президиума. Он собрался в полном составе: все двенадцать членов Президиума, Малиновский, Громыко, несколько секретарей Центрального Комитета, главнокомандующий советскими ракетными войсками стратегического назначения маршал Сергей Бирюзов – словом, полный кворум⁷⁹. Благодаря публикации в 2003 году рассекреченных материалов Президиума наконец-то стало понятно, как именно Хрущев излагал свою идею в тот день. Позднее Хрущев говорил своим помощникам, что его план был подчеркнута альтруистичным и что он сам был движим исключительно необходимостью защищать Кубу. Однако, выступая перед своими коллегами, он сказал по-другому: «Это будет наступательная политика». Этот план, хотя и учитывал задачу Кастро сдерживать агрессию США, был рассчитан на то, чтобы принести гораздо больше выгод Советскому Союзу⁸⁰. В январе Хрущев уверенно заявил, что советская мощь усилилась настолько, что в 1963 году СССР вынудит Соединенные Штаты смириться с тем, чего Москва добивалась в Центральной Европе и в других регионах. И кубинское дело станет гарантией того, что это неизбежное изменение в балансе сил действительно произойдет.

Хрущев, объяснивший, что ракеты доставят тайно, предположил, что Соединенные Штаты не обрадуются этому изменению баланса сил. Хотя изначально не было известно, когда именно Хрущев предполагает сообщить о своих действиях миру, но, излагая свою идею, он сказал, что о наличии ракет на Кубе он объявит лишь после того, как они будут доставлены. Составить график их размещения Хрущев поручил Малиновскому и Бирюзову, но есть свидетельства, что он хотел, чтобы операцию провели быстро⁸¹. Ракеты останутся под советским командованием, однако с кубинцами заключат договор о совместной обороне. Это должно стать для них гарантией, что советские военные средства будут использованы для защиты их страны.

Как только Хрущев завершил свой монолог, среди присутствовавших возникли разногласия. «Споры продолжались долго», – вспоминал генерал-полковник Семен Павлович Иванов, делавший

записи для министерства обороны. Повторяя аргументы, которые он уже приводил Хрущеву частным образом, Микоян объединил вокруг себя тех, кто считал этот план опасным. Неясно, сколько человек разделяло его мнение, хотя впоследствии советский министр иностранных дел Громыко говорил, что подобные опасения имелись и у него. Главный оппонент Хрущева возражал против отправки на Кубу не только ракет, но и советских военных. Увидев, что его предложение встретило отпор, Хрущев прервал заседание и попросил его перенести⁸².

Через три дня члены Президиума снова собрались на официальное заседание, посвященное обсуждению предложения Хрущева. Этими несколькими днями он воспользовался для того, чтобы заручиться поддержкой. А Малиновский, воспользовавшись перерывом в заседаниях, подготовил план действий, чтобы продемонстрировать Президиуму, как можно осуществить операцию. На этой встрече выступили одиннадцать членов Президиума, Малиновский и Громыко. Все, какие могли быть, опасения, 24 мая себя не проявили. Голосование было единодушным. Даже Микоян, судя по стенограмме, высказался в пользу плана⁸³.

Единственным остававшимся реальным препятствием для осуществления ракетного плана был Фидель Кастро. Кубинцы, полагавшие, что обычного оружия и официального обязательства Москвы обеспечивать оборону их страны достаточно, чтобы удержать Соединенные Штаты, и ядерного оружия не просили.

Когда о плане сообщили резиденту КГБ Александру Алексееву, которому предстояло стать новым послом Москвы в Гаване, он предупредил Хрущева, что Кастро «испугается»; Алексеев усомнился, что кубинский руководитель даст согласие на размещение ракет⁸⁴. Пессимистический настрой Алексеева рассердил советского министра обороны, обдумывавшего этот план почти два месяца. «Как это ваша хваленая социалистическая Куба не примет ракеты? – прикрикнул Малиновский. – Я сражался в буржуазно-демократической Испании, и там открыто брали наше оружие, а вот Куба, социалистическая Куба, которой оно еще нужнее... как она может его не взять!»⁸⁵ Несмотря на энтузиазм Малиновского, к Алексееву, понимавшему режим Кастро лучше всякого другого советского работника, все-таки прислушались. Президиум решил отложить выполнение одобренного им плана и дожидаться согласия Кастро.

Хрущев хотел, чтобы идею ракетной базы Кастро представила советская делегация высокого уровня. Взяв группу специалистов по сельскому хозяйству, уже укомплектованную и получившую полномочия для работы на Кубе, он добавил к ней маршала Бирюзова и Алексеева. Накануне отъезда делегации в Гавану некоторым ее чле-

нам Хрущев сообщил еще несколько деталей своего сложного плана, стоявшего за этой рискованной инициативой. За чаем он заговорил о важности задания, порученного этим людям. «Ракеты нужны только для одного, – сказал он, – напугать их, сдержать их... пусть их стошнит их же лекарством». Хрущев признал, что его планы создания мощных советских Вооруженных Сил выполняются не так быстро, как он надеялся. «Соотношение сил неблагоприятно для нас, и единственный способ спасти Кубу – это разместить там ракеты»⁸⁶.

К тому же Хрущев объяснил, что если кубинцы примут его предложение, то он намерен сохранять операцию в секрете до выборов в Конгресс Соединенных Штатов, которые пройдут там 6 ноября. Американский народ воинственный, и Хрущев не собирается давать Кеннеди повод энергично реагировать на размещение ракет. Как только ракеты будут на месте, а выборы завершатся, он сам приедет в Соединенные Штаты, чтобы сообщить об этом и поговорить с Кеннеди. А затем посетит Кубу, чтобы подписать с Фиделем Кастро договор об обороне. Таков был план Хрущева. Но сначала ему было необходимо узнать, согласится ли Кастро на размещение ядерного оружия.

Глава 18

«Я ДУМАЮ, МЫ ВЫИГРАЕМ ЭТУ ОПЕРАЦИЮ»

Советское предложение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками удивило Фиделя Кастро. В прошлом году Москва дала ему меньше обычного оружия, чем, по его мнению и мнению его командующих, было нужно Кубе. Москва думала почти год, чтобы согласиться предоставить ему оборонительную помощь, гораздо менее существенную запрошенной в сентябре 1961 года. Но к маю 1962 года ракеты класса «земля–воздух» не только не прибыли, но Советы еще и стали поговаривать, что не смогут поставлять столько оружия, сколько его хотят кубинцы. То же самое произошло и с береговым ракетным комплексом «Сопка». Советы проигнорировали первоначальную просьбу Кастро о поставке трех комплексов, с которой он обратился в сентябре 1961 года. Однако, когда в апреле 1962 года Советы наконец уступили, то сказали, что могут пообещать лишь одну батарею. Кроме того, Кастро просил прислать на остров десять тысяч советских солдат. Он поостерегся говорить Советам, что их появление на острове подействует как спусковой механизм, но, несомненно, надеялся, что их присутствие послужат гарантией того, что всякое вторжение США будет истолковано Москвой как нападение на Советский Союз. Тогда Советы выдвинули встречное предложение, предложив направить на Кубу лишь три тысячи военных. При всех этих свидетельствах, что Советы не торопились предоставлять Кастро нужные ему средства обороны, предложение разместить наступательные баллистические ракеты прозвучало как гром среди ясного неба.

Официальным руководителем советской делегации, прибывшей на остров в конце мая 1962 года, был Шараф Рашидов, кандидат в члены Президиума ЦК от Узбекистана. Однако кубинцы быстро поняли, что реальная власть в этой группе принадлежит маршалу Сергею Семеновичу Бирюзову. Кастро объяснил Рашидову и Бирюзову, что его обрадовало советское предложение. Ему было неизвестно ни одного случая, чтобы Советы рассматривали вопрос о размещении ядерных ракет за пределами своей страны. Но он не был

готов поверить, что неожиданная щедрость Кремля объясняется заботой о защите Кубы. По его подсчетам, «Сопки», ракет «земля–воздух» и советского военного контингента было бы достаточно, чтобы защитить остров. Повторяя аргумент Хрущева, которым тот обосновывал свое предложение, члены советской делегации отрицали, что советский руководитель руководствуется какой-либо другой целью, кроме защиты режима Кастро.

Кастро можно извинить, если он нашел инициативу Москвы нелепой. Годами Советы твердили американцам, что они заблуждаются, опасаясь, что Куба станет еще одной базой советского режима. Незадолго до операции в Заливе Свиней Хрущев послал Кастро фрагмент из секретной беседы с послом США. «Мы не согласны с представлением США о Кубе», – выговаривал Хрущев Томпсону. Советский руководитель имел в виду тенденцию Вашингтона относиться к Кубе так же, как он относился к странам, граничащим с СССР. «США почему-то полагают, что имеют право размещать военные базы вдоль границ СССР. [Однако] при этом у нас не военная база на Кубе, а дружеские отношения с ней». В 1961 году, высмеивая американскую обеспокоенность, Хрущев даже позволил себе сарказм: «А в США уже критиковали СССР за строительство ракетной базы на Кубе»¹. Но теперь, через год, у Кастро складывалось впечатление, что на смену сарказму пришла реальность.

Советской делегации не удалось убедить кубинского руководителя, что ракеты доставят лишь для защиты революции, но он не видел оснований отклонять предложение, которое, вероятно, вынудит Советский Союз защищать его страну. И Кастро сказал своим гостям, что Куба согласна принять стратегические ракеты.

Получив хорошие новости, Хрущев рассекретил некоторые из обстоятельств отношений между двумя странами. До сих пор он никогда не был вполне откровенен с кубинцами, когда говорил о причинах, побудивших его рискнуть своим положением, но в благодарственном письме Кастро он признал, что на кону стоит не только защита Кубы, а нечто большее. Согласие Кастро, писал он, служит «дальнейшему закреплению победы кубинской революции и способствует большому успеху наших общих дел»².

* * *

Делегация Рашидова вернулась в Москву 8 июня 1962 года, и через два дня Хрущев назначил на воскресное утро чрезвычайное заседание Президиума, чтобы заслушать отчет делегации и официально одобрить кубинскую ракетную операцию.

Для своих коллег Хрущев приготовил не просто план отправить на Кубу пару ядерных ракет. 10 июня на заседании Президиума советский министр обороны Малиновский представил дерзкий план создания мощной советской военной базы в девяносто милях [в 145 километрах. – *Примеч. пер.*] от побережья США. В рамках операции «Анадырь» (это кодовое наименование она получила по названию сибирской реки, чтобы сбить с толку непосвященных) Советский Союз поставит сорок ядерных ракет, обслуживать которые будут пять ракетно-ядерных полков: три из них будут оснащены ракетами средней дальности «Р-12» и два – ракетами промежуточной дальности «Р-14». Атланта, столица штата Джорджия, находилась в пределах досягаемости ракеты средней дальности, если она будет запущена с Кубы, а ракета промежуточной дальности могла поразить как стратегические военные базы США на Среднем Западе, так и сам город Вашингтон. Размещение этих ракет на Кубе свидетельствовало бы о существенном усилении советской стратегической мощи. В середине 1962 года у Советов было лишь около двадцати стратегических летательных установок с ракетами, способными достигать Соединенных Штатов, однако все они были межконтинентальными баллистическими ракетами, размещенными в СССР³.

Согласно плану Хрущева и Малиновского, стратегические ракеты составляли основу того, что должно было стать масштабным советским военным присутствием на Кубе. Защищать ракеты на Кубе будут четыре мотострелковых полка, два танковых батальона, авиакрыло истребителей «МиГ-21», несколько батарей зенитных орудий и двенадцать ракетно-зенитных комплексов класса «земля–воздух» «С-75» (по классификации НАТО – «SA-2») со 144 ракетами-носителями. Каждый танковый батальон будет оснащен новейшими советскими танками «Т-55». Общая численность советской военной группировки составит 50 874 человек, десять тысяч из которых будут составлять четыре мотострелковых полка. Дополнительную ядерную ударную силу обеспечат 42 легких бомбардировщика «Ил-28», которые в состоянии нанести удар по Флориде. На вооружении будет шесть атомных бомб и два полка фронтовых крылатых ракет (ФКР) с 87 ракетами, оснащенными ядерными боеголовками, расположенными на территориях возможной высадки американского десанта. Помимо этих впечатляющих наземных и воздушных сил Москва планировала создать на Кубе базу подводных лодок, что упростило бы логистику патрулирования североамериканской береговой линии. Эти подводные лодки будут сопровождать крупную флотилию, которая обеспечит Советскому Союзу морское присутствие около острова⁴.

«Я думаю, мы выиграем эту операцию», – воскликнул Хрущев, выслушав Малиновского, перечислившего то вооружение, которое

вскоре сможет применить Советский Союз, разместив его на Кубе⁵. Советский руководитель едва мог сдержать свое волнение, однако, судя по стенограммам этого чрезвычайного заседания Президиума, состоявшегося в воскресенье в одиннадцать утра, он не объяснил, что значит «выиграем». Или он полагал, что если Вашингтон столкнется с советской мощью лицом к лицу, то Соединенные Штаты наконец-то отнесутся к Москве как к серьезному противнику? Трудно сказать, насколько адекватно в начале июня Хрущев представлял себе значение своей новой кубинской базы.

Однако, как свидетельствует новая, ранее сверхсекретная советская информация, в начале июля у него складывалось все более амбициозное представление о том, какое значение для СССР может иметь размещение оружия на Кубе. За три недели, которые прошли с тех пор, как Кастро согласился на размещение ракет, Хрущев основательно пересмотрел цели своей внешней политики на 1962 год. Этот год не будет годом новых дипломатических инициатив. Теперь он надеялся вывести американцев из равновесия, позволив международному положению оставаться таким же нестабильным, как мениск в стакане. И так будет продолжаться до тех пор, пока советская мощь достигнет такого уровня, чтобы можно будет принудить к заключению соглашений по таким вопросам, как Берлин, запрещение испытаний и Юго-Восточная Азия.

1 июля Хрущев рассказал о своем новом амбициозном плане коллегам по Президиуму. Для виду заседание было посвящено обсуждению советско-кубинского договора об обороне. Кубинского министра обороны Рауля Кастро ждали в Москве на следующий день: Гавана хотела подписать договор по ряду вопросов. Воспользовавшись случаем, Хрущев изложил некоторые свои идеи относительно дел в регионе, который никогда прежде не был связан с Кубой⁶.

Советский руководитель заявил о своем желании возобновить переговоры о соглашении по Западному Берлину. Он предложил отсрочить вывод одиннадцати тысяч западных военных из города таким образом, чтобы это не повредило престижу СССР. Сразу же после подписания мирного договора между западными державами и двумя Германиями западные гарнизоны будут сокращены наполовину, а потом останутся под управлением ООН. Ровно через год после подписания мирного договора оставшиеся пять с половиной тысяч западных солдат будут заменены войсками ООН, не представляющими Запад. Четыре года спустя, то есть в целом через шесть лет после подписания мирного договора, должны будут уйти все войска ООН. При таком плане не будет создано ничего подобного тому органу управления международным доступом, который предлагал Кеннеди, чтобы гарантировать западным самолетам и поездам возможность пересе-

кать, как и раньше, Восточную Германию, чтобы попасть в Западный Берлин. «Международный орган неприемлем»⁷, – заявил Хрущев на заседании 1 июля. Для успокоения американцев, опасавшихся, что на Западный Берлин нападут войска стран советского блока, роль ООН будет ограничена отправкой находящихся под ее эгидой военных контингентов. Хрущев хотел, чтобы в письме, адресованном Кеннеди, содержались эти предложения⁸.

Своим коллегам Хрущев сообщил, что его предложение содержит набор минимально приемлемых требований Москвы, и американцам придется их принять, даже если это и означало, что «положение начнет ухудшаться»⁹. В январе советский руководитель отказался провозгласить 1962 год Годом Берлина. «Разве такой вопрос сейчас на повестке дня? – спросил он своих коллег, а потом сам себе и ответил. – Нет, наоборот, перед нами совсем не стоит этот вопрос, потому что если не сегодня, то мы обратимся к нему завтра. Но если не сегодня, а завтра, разве это хуже? Что, разве это подорвет наши устои? Нет, несколько. Наоборот, наша мощь возрастает, наше влияние в мире возрастает, наш авторитет возрастает. Ну и тогда зачем нам идти на столь радикальный шаг?»¹⁰

Теперь же на секретном заседании Хрущев заявил своим коллегам, что пора пойти на этот радикальный шаг. Но почему? Стенограммы заседания Президиума от 1 июля фрагментарны, но есть основания полагать, что отчасти к этому подталкивала перспектива размещения крупных советских ракетных соединений в девяноста милях от Соединенных Штатов (при увеличении фактически в три раза численности советских стратегических ядерных ракет, летающих до Северной Америки). Не меньшее значение имело и раздражение Хрущева, возмущенного тем, что он считал еще одним проявлением спеси администрации Кеннеди. За две недели до этого министр обороны Роберт Макнамара произнес речь о ядерной политике США, выступив с ней перед выпускниками Мичиганского университета. Эта речь стала публичным подтверждением того радикального пересмотра западной ядерной стратегии, о котором он тайно поведал на совещании НАТО, состоявшемся в мае в Афинах. Советская разведка явно не заметила выступления в НАТО, но Хрущев мог спокойно прочитать о речи в городе Энн-Арбор, широко освещавшейся в мировой прессе. Слова Макнамары вызвали гнев советского руководителя, поскольку министр обороны заявил, что в будущем НАТО рассмотрит вопрос о перенацеливании своих ракет с городов на советские военные сооружения. Правительство США привело этот аргумент, поскольку рассчитывало отговорить французов, британцев и западных немцев от создания собственных ядерных сил, которые были неэффективными, с трудом поддавались контролю и вызыва-

ли озабоченность Советов. Лишь американское вооружение было технологически сложным и точным настолько, чтобы наносить удары по советским ракетным пусковым шахтам¹¹. Однако в словах Макнамары Хрущев услышал свое – то, что он так или иначе пытался представить атомную войну менее кровавой и, следовательно, более приемлемой. Через несколько минут после изложения плана новой берлинской кампании Хрущев обругал Макнамару на заседании Президиума, проходившем 1 июля. «Не нацеливать ракеты на города – как агрессивно! Какова их цель?»¹² – спросил он. Отвечая на свой же риторический вопрос, как ему часто нравилось делать, Хрущев сказал: «Приучить население к мысли, что ядерная война произойдет». Макнамара был повинен даже и в том, что заявил в Мичигане, что ядерные арсеналы США и СССР, по сути, равны. «Они не равны», – напомнил своим кремлевским слушателям Хрущев, которые, как и он, знали, что советские ядерные силы уступают американским. Он подозревал, что речь идет об уловке Макнамары, который, может быть, пытался обосновать стремительное наращивание американского ядерного потенциала. «Сколько же им нужно бомб?» – вопрошал Хрущев.

Желание Хрущева раскритиковать мощь США напоминало его уловки в ноябре 1958 года. Тогда предстоящее в скором времени размещение советских ядерных ракет в Восточной Германии укрепило его решимость сделать что-нибудь, чтобы помешать созданию ядерного альянса НАТО и ограничить его присутствие в Берлине. В 1959 году Хрущев обнаружил, что у него не хватает сил, чтобы вынудить Дуайта Эйзенхауэра уступить, и поэтому отказался от своего ультиматума. Но на сей раз Хрущев надеялся, что у него достаточно сил, чтобы добиться своего, и намекнул своим коллегам, какой может быть эта новая конфронтация. Хрущев размышлял, каким образом вынести этот вопрос на рассмотрение ООН, где или Советы, или нейтральная страна поднимут германский вопрос после того, как в ноябре на Кубе будут размещены ракеты. Он не разяснял, как он этого добьется, но заверил своих коллег, что это произойдет в обстановке кризиса. К тому же Хрущев, судя по всему, полагал, что, набрав очки во время последующего обсуждения в ООН, Москва сможет настоять на своем и получить желаемое.

Излагая свою новую берлинскую стратегию, Хрущев сообщил коллегам, что, прежде чем начинать новый мировой кризис, он намерен испробовать традиционную дипломатию. Он еще раз обратится к Кеннеди напрямую, убеждая его принять разумные советские предложения по Берлину, и только после этого отправится осенью в ООН. Хотя во время этого обсуждения Хрущев, похоже, не упоминал о Юго-Восточной Азии, имеются веские доказательства, что 1 июля

он думал и о дипломатическом решении, чтобы, при возможности, этим летом в Женеве настоять на нейтрализации Лаоса. 11 июня принцы Суванна Фума и Суфанувонг договорились о создании коалиционного правительства и потребовали созыва Женевской конференции, чтобы официально оформить нейтралитет Лаоса¹³. 2 июля Аверелл Гарриман, представитель США на этих обсуждениях, должен был встретиться в Москве с сотрудниками советского министерства иностранных дел, чтобы подтвердить желание Кеннеди добиваться мирной демилитаризации и политической нейтрализации Лаоса, и Хрущев собирался заверить Вашингтон, что это остается и его целью¹⁴.

Противоречие между готовностью Хрущева прибегнуть к дипломатии по вопросу о Лаосе и его склонностью к балансированию на грани войны в берлинском вопросе никак не проявилось на заседании Президиума 1 июля. До его завершения Президиум обсуждал Кубу, хотя связь этого вопроса с предстоящей конфронтацией из-за Берлина тоже не выявилась. Министр иностранных дел Громыко зачитал членам Президиума проект советско-кубинского договора об обороне, и они его одобрили. Помимо этого, Президиум официально поручил Хрущеву, Малиновскому и Громыко вступить в переговоры с Раулем Кастро. При этом Хрущев заверил остальных членов Президиума, что все вооружение, предназначенное для операции «Анадырь», будет доставлено морем к 1 ноября, и он попытается заставить американцев прекратить их пристальное наблюдение с воздуха за кораблями в международных водах, создававшее опасность для кораблей и секретности их грузов.

1 июля Хрущев получил от своих коллег все, что хотел. На этот раз, в отличие от 1958-го и 1961 годов, ему удалось осуществить коренной перелом в советской стратегии по Берлину без всяких споров. Член Президиума Микоян, неизменно подвергавший сомнению разумность берлинских кризисов, на заседании не присутствовал, и его отсутствием можно объяснить то, что 1 июля Хрущеву никто не возражал. Если позже, вернувшись в Кремль, Микоян и выражал какие-то сомнения, то эти замечания или остались незамеченными, или не имели заметного эффекта. Был взят твердый курс на конфронтацию¹⁵.

* * *

Рауль Кастро прибыл в Москву через несколько дней. Это был его второй приезд в советскую столицу. Когда он посетил ее двумя годами раньше, Советы впервые взяли на себя обязательство защищать Кубу. В тот раз Хрущев мог лишь теоретически пообещать применить ядерное оружие, если Соединенные Штаты осмелятся вторгнуться на

революционный остров. На этот раз у кубинского министра обороны было другое задание. Поскольку Хрущев предложил разместить на Кубе стратегическое ядерное оружие, Кастро хотел, чтобы Советы составили для него детальный договор об обороне.

В спецрейсе кубинских авиалиний вылетевшего из Гаваны кубинского министра обороны сопровождал генерал-майор А. А. Дементьев, командующий Группой советских военных специалистов на Кубе. Дементьев пытался предупредить своих начальников в Москве, что американские самолеты-разведчики «U-2» затруднят или вообще сделают невозможным сохранение секретности операции, как только начнется доставка ракет на остров. В мае его проигнорировали, но во время визита Рауля Кастро он снова поднял этот вопрос¹⁶.

Подробности двух бесед Кастро с Хрущевым, проходивших 3 и 8 июля 1962 года, по-прежнему неясны. Если советские сотрудники их и стенографировали, обнаружить эти записи не удалось. Со времени этого эпизода «холодной войны» прошло уже больше сорока лет, но кубинские протоколы остаются секретными. Однако публичные заявления Хрущева, с которыми он выступал в следующие дни, и его заявления, сделанные в строго секретной обстановке, свидетельствуют, что визит Кастро изменил его план кубинской операции в составе стратегической кампании 1962 года. Кубинцы и генерал Дементьев убедили Хрущева, что ради обеспечения безопасности операции ракеты класса «земля–воздух» нужно доставить до поставки ракет средней и промежуточной дальности. В соответствии с первоначальным советским планом ракеты класса «земля–воздух» предполагалось доставить двумя партиями: первую – в июле, вторую – в августе¹⁷. Кубинцы явно хотели, чтобы ракеты были доставлены за один месяц.

Обращаясь с этой просьбой, кубинцы делали различие между оружием, необходимым для их собственной обороны, и стратегическим оружием, которое Хрущев хотел разместить на острове в своих целях. Хрущев согласился с тем, что это различие существует. Объясняя причины изменения плана своим коллегам на заседании Президиума от 6 июля, состоявшемся после его первой встречи с Раулем Кастро, Хрущев сказал, что сначала нужно доставить «оборонительное» оружие, а оружие, предназначенное для осуществления его наступательного плана – стратегические ракеты, будет перевозиться потом¹⁸.

У кубинской просьбы было и другое последствие, смысл которого станет очевидным только осенью. Изначально Малиновский и плановики советского министерства обороны предполагали, что все ядерные ракеты будут доставлены на Кубу в первой половине июля. Их собирались доставить двумя партиями: в первой – ракеты средней дальности, во второй – промежуточной¹⁹. Теперь же, учитывая

желание кубинцев получить в первую очередь ракеты класса «земля–воздух», их доставку предполагалось отложить из-за дефицита необходимых для их перевозки кораблей. В соответствии с планом «Анадырь» у министерства морского флота, ответственного за перевозку всего груза, кроме ядерных боеголовок, доставлять которые поручалось военно-морскому флоту, имелось лишь изначально запланированное количество кораблей. Министерство иностранных дел все еще полагало, что весь план можно выполнить к 1 ноября, как надеялся Хрущев, однако вместо того, чтобы перевозить ракеты во время строительства пускового оборудования, теперь их планировали доставить позже.

В промежутке между встречами с Раулем Кастро Хрущев одобрил угрожающее письмо президенту Кеннеди по поводу Берлина. «События в мире, особенно в Западном Берлине и вокруг него, – писал Хрущев 5 июля, – подводят к выводу, что дальнейшая отсрочка в разрешении вопросов, связанных с германским мирным урегулированием, чревата такой угрозой миру, которую необходимо предотвратить уже [sic] сейчас, пока не слишком поздно»²⁰. Письмо содержало требование, которое было даже еще решительнее того, о чем Хрущев говорил своим коллегам 1 июля. Президенту Кеннеди сообщили, что Москва настаивает на немедленном пятидесятипроцентном сокращении западного контингента в Западном Берлине, который необходимо заменить военными из стран Варшавского Договора и из нейтральных, а также некоторых малых стран НАТО, таких как Дания. В первоначальном предложении Хрущева ничего не говорилось о вводе в Западный Берлин солдат из социалистических стран. В этом же письме он пообещал, что объединенный контингент НАТО, Варшавского Договора и нейтральных стран в количестве одиннадцати тысяч военных потом перейдет под управление ООН. В течение четырех лет весь контингент ООН будет постепенно выведен, при пропорциональном сокращении западной и не западной его частей. В своем предложении руководству Кремля, сделанном 1 июля, Хрущев продемонстрировал готовность согласиться на шестилетний переход к демилитаризации Западного Берлина. Не было сомнений, что уверенность Хрущева в том, что вскоре он в этой новой международной обстановке добьется своего, возрастала²¹.

Хрущев не согласовал это новое предложение с Восточной Германией. Отношения с Ульбрихтом ненамного улучшились после затруднений 1961 года, когда Хрущев отказался от своего ультиматума президенту Кеннеди на их встрече в Вене. По поводу новых инициатив Ульбрихту сообщили лишь, что Советский Союз и Соединенные Штаты собираются начать какие-то очень серьезные переговоры по поводу Берлина, и Хрущев намекнул, что, если вос-

точные немцы хотят ужесточить пограничный контроль, теперь самое время это сделать²².

* * *

Когда 5 июля Кеннеди прочитал письмо Хрущева, он сразу же понял, что грядут серьезные трудности. Новые требования свидетельствовали о нежелательности возобновления советского давления в целях немедленного заключения договора о будущем Берлина. Кроме того, они свидетельствовали о том, что Советы опять готовы подвергнуть испытанию решимость Кеннеди в Центральной Европе – его стремление урегулировать вопрос, который он должен был решить в 1961 году. Президент не представлял, какие международные события могли бы подтолкнуть Хрущева столь резко изменить свой тон. Усложняло ситуацию не только то, что письмо Хрущева свидетельствовало о его враждебности: советский руководитель был известен постоянными колебаниями своего настроения, а теперь оно было отвратительным, – но и то, что предложенные им условия были худшими из всего, что исходило от Кремля после 1958 года. Хрущев наверняка знал, думал Кеннеди, что эти условия неприемлемы. Но если советский руководитель в чем-то и сомневался, то Кеннеди не стал терять время и немедленно сообщил советскому руководству через посла Добрынина в Вашингтоне, что на подобную сделку не может согласиться ни один президент США²³.

Вручая 17 июля Добрынину письмо, содержащее официальный ответ его правительства Хрущеву, Кеннеди подчеркнул, что отношения между США и СССР принимают опасный оборот²⁴. Тщательно выбирая выражения, он объяснил, почему компромисс на условиях, предложенных Хрущевым, невозможен. Сохранение войск в Западном Берлине было «в жизненных интересах Соединенных Штатов». Следовательно, «ни одно из советских предложений по альтернативному урегулированию», сказал он, «не может быть принято». Отвод войск был бы «существенным отступлением». Никогда в истории великие державы не соглашались на отступление, кроме как под угрозой применения силы. Если он примет условия Хрущева, добавил Кеннеди, то «Европа перестанет верить в лидерство США. Это было бы большой победой для Советского Союза и большим поражением для Запада». Отказ Кеннеди было невозможно сформулировать яснее.

Через два дня после того, как его ответ передали в Москву, президент встретился со своими советниками по Берлину, чтобы обсудить новые обстоятельства и планы действия в условиях теперь уже ожидаемого кризиса. Кеннеди был очень недоволен нынешними военны-

ми планами НАТО, для реализации которых потребовалось бы после начала кризиса несколько дней. Если Советы или восточные немцы воспрепятствуют западному доступу к Западному Берлину, закрыв какой-либо из ведущих в город путей, Вашингтону придется немедленно принимать решение о применении ядерного оружия, потому что союзники США будут доставлять военных в регион очень медленно. План США был не лучше. Известный как Меморандум номер 109, определяющий порядок действий систем национальной безопасности (кодовое название – «Попона для пуделя», «Poodle Blanket»), он устанавливал шестидесятидневный период для дипломатии и мобилизации, который должен предшествовать действиям армии США. Когда в июне Кеннеди по привычке спросил о состоянии этих планов, ему ответили, что ни один из них не может быть осуществлен как минимум в течение нескольких месяцев²⁵.

Через несколько дней после этой отрезвляющей встречи со специалистами Кеннеди получил из Москвы новую партию плохих новостей. 25 июля Хрущев провел длившуюся пять часов встречу с послом Томпсоном, который собирался оставить свой пост и вернуться в Соединенные Штаты, чтобы стать главным советологом Кеннеди. Встреча началась утром в Москве, в кабинете Хрущева, и закончилась на его загородной даче. Оценка, которую Хрущев дал состоянию американо-советских отношений, была неутешительной. Он признал, что не слишком надеется на заключение какого-либо соглашения по запрещению испытаний ядерного оружия. «Он не думает, что Пентагон этого хочет»²⁶, – сообщил Томпсон в Вашингтон. Однако Белый дом обеспокоила не эта часть разговора. Когда посол уже собрался уходить, советский руководитель сказал, что ему нужно обсудить неприятный вопрос. Он заявил Томпсону, что из реакции Кеннеди на его предложение по Берлину явствует, что Вашингтон готов ждать решения этой проблемы бесконечно долго, но для Москвы этот сценарий неприемлем. Хрущев напомнил, что Соединенные Штаты часто говорили о некоторых вопросах, особенно о берлинском, как о вопросах престижа, но, похоже, никогда не принимали во внимание советский престиж. Это вопрос престижа СССР, объяснил Хрущев, чтобы положение с Берлином было как можно скорее урегулировано и соответствующие мирные договоры были подписаны.

Хрущев говорил спокойно и, хотя тема разговора оказалась зловещей, был удивительно радушен. Томпсон чувствовал, что он готов идти вперед, но «был глубоко озабочен»²⁷. В какой-то момент Хрущев попросил американского посла лично спросить президента Кеннеди, когда, по его мнению, положение с берлинским вопросом должно достичь критической стадии – до или после выборов в Конгресс, назначенных в Соединенных Штатах на 6 ноября. Хрущев сказал, что

хочет «помочь ему» – по-видимому, выиграть места для демократов, но не уточнил, что он имеет в виду, и Томпсон не настаивал на разъяснении²⁸.

Несмотря на явную заинтересованность Хрущева, намекнувшего на готовность ему помочь, Кеннеди был убежден, что назревает большой кризис. Он был президентом только полтора года, но уже столкнулся с последствиями и провалившейся тайной операции на Кубе, и неразрешимой, судя по всему, проблемы в Лаосе, и напряженности из-за Берлина, возникшей годом ранее. Однако в сравнении со всеми этими внешнеполитическими трудностями новый вызов был, похоже, гораздо серьезнее.

Когда президент осознал вероятность возникновения еще одного Берлинского кризиса, кто-то, вероятно, его брат Роберт, дал ему прочесть последнюю книгу Барбары Такман. В ее «Августовских пушках» подробно описывался извилистый путь, которым прошли великие державы, прежде чем развязать Первую мировую войну²⁹. Эта история произвела впечатление на Кеннеди: его поразило, как почти случайно была втянута в войну политическая элита эпохи британского короля Эдуарда. Но больше всего впечатлил диалог, в котором участвовал довоенный рейхсканцлер Германской империи Теобальд фон Бетман-Гольвег. На вопрос: «Но как это произошло?» – Бетман-Гольвег мог лишь ответить: «Ох, если бы мы только знали». По словам Роберта Кеннеди, Джон Ф. Кеннеди «не собирался оставлять такое наследство, пока он оставался президентом»³⁰.

Джон Кеннеди решил, что он обязан – и перед собой, и перед историей – оставить достоверную запись решений, которые ему предстояло принять, и той информации, на которой они основаны. Сообщив офицеру секретной службы Роберту Боаку о своей озабоченности недавними изменениями в американо-советских отношениях, президент велел установить секретную записывающую систему и в Овальном кабинете, и в зале собраний членов правительства, и наверху, в его личных покоях. Хотя в самом начале Кеннеди и хотел стать журналистом, но, вступив в выборную должность, дневник он уже не вел. Хитрый Джозеф Кеннеди говорил своим сыновьям: «Никогда ничего не записывайте», и Кеннеди прислушался к его совету³¹. И этот вакуум должны были заполнить магнитофонные записи. Кеннеди верно почувствовал, что в 1962 году Хрущев готов вступить в конфронтацию из-за Берлина, и хотел документировать шаги, которые он предпринял, чтобы избежать атомной войны.

Когда записывающая система была установлена, разведка США начала отмечать тревожные события, происходившие гораздо ближе. В сторону Кубы направлялись дюжины советских торговых судов с укрытыми грузами. Самолеты-разведчики НАТО обнаружили эти

корабли, когда они покидали Баренцево море на севере и Черное море на юге. Затем их обнаружили летавшие над Атлантическим океаном самолеты США. Это была самая крупная морская перевозка грузов на Кубу, и время транспортировки представлялось необычным.

Когда Вашингтон находился в полной неопределенности, не представляя себе советских намерений, офицер ГРУ Георгий Большаков сказал Роберту Кеннеди, что у него есть для него сообщение из Москвы. К такого рода помощи Большакова – передать сообщение – Кремль прибег лишь во второй раз. Когда генеральный прокурор сообщил президенту о просьбе Большакова с ним встретиться, он согласился. Встреча была назначена на 31 июля и должна была состояться в Овальном кабинете.

На заседании Президиума 1 июля Хрущев упомянул о том, что его тревожит слежка НАТО за охраняемыми караванами судов операции «Анадырь», и решил использовать Большакова, чтобы без посредников попросить Кеннеди прекратить назойливое воздушное наблюдение за советскими кораблями. Полеты НАТО совершались на очень низкой высоте, от ста пятидесяти до трехсот футов [от 45,72 до 91,44 метров. – *Примеч. пер.*] над кораблями³². Однажды самолет опустился так низко над кораблем, что летчик потерял управление и потерпел аварию в ста пятидесяти ярдах [в 137 метрах. – *Примеч. пер.*] от корабля³³. Это была рискованная просьба со стороны Хрущева, который тем самым привлекал внимание к армаде, направлявшейся к Кубе с ядерным оружием, но Москва хотела посмотреть, не поможет ли ей Кеннеди, сам того не подозревая, сохранить секрет.

Президент согласился удовлетворить просьбу Хрущева и воспользовался встречей как возможностью передать сообщение в Кремль через секретный канал связи – через Большакова. Обеспокоенный тем, что Хрущев срочно потребовал возобновить переговоры по Берлину, президент попросил его временно «отложить» этот вопрос³⁴.

Через несколько дней Большаков передал ответ Хрущева. Он поблагодарил президента за его «приказ ограничить наблюдения американских самолетов за советскими кораблями в открытых водах», но не стал благодарить Кеннеди за то, что приходится приостановить дело берлинского урегулирования. Хрущеву «хотелось бы понять, что Джон Ф. Кеннеди подразумевает под “откладыванием берлинского вопроса”»³⁵, – так было поручено сказать Большакову.

Кеннеди смутила непоследовательность Хрущева. В конце июля Соединенные Штаты и Советский Союз подписали многостороннее Женевское соглашение о нейтрализации Лаоса, предполагавшее отвод иностранных войск из страны. Если был достигнут такой прорыв в отношениях сверхдержав, то почему теперь Хрущев создавал проблемы и в Берлине и, возможно, в Карибском регионе? 1 августа

аналитики ЦРУ предупредили, что Хрущев решил возобновить давление на Запад, потому что «Советы, видимо, убеждены, что без значительного усиления давления никакого существенного изменения западной позиции [по Берлину] не достичь»³⁶. Но ЦРУ также предполагало, что есть предел рискам, на которые готов пойти Хрущев. Это предвещало всего лишь то, что западным самолетам в воздушных коридорах Советы снова начнут чинить препятствия, или, возможно, предпримут попытку помешать западным военным входить в Восточный Берлин вопреки соглашению четырех держав. Причиной, доложили президенту Кеннеди сотрудники ЦРУ, было то, что Советы «почти наверняка признают, что баланс военных сил не претерпел такого изменения, которое оправдало бы это [отказ от традиционной советской осторожности в ситуациях, касающихся прямой конфронтации Востока и Запада]».

Не зная, почему в таких обстоятельствах Хрущев хочет развязать второй кризис из-за Берлина, Кеннеди обратился к американцу, чаще всех встречавшемуся с Хрущевым и хорошо его знавшему – к Льюэллину Томпсону, только что завершившему свою четырехлетнюю службу в посольстве США в Москве.

Во время их встречи, состоявшейся 8 августа, Томпсон выразил больше разочарованности и неуверенности, чем понимания. «Это все равно, что иметь дело с шайкой торговцев контрабандным алкоголем и бандитов»³⁷, – сказал он без всякой явной иронии человеку, отец которого торговал алкоголем во времена сухого закона. Однако до отъезда из Москвы Томпсон узнал одну полезную новость. Он слышал, что Хрущев, вероятно, выступит, с изложением своей позиции по Берлину в ООН и предложил, чтобы Соединенные Штаты, заручившись поддержкой нейтральных стран, добились, чтобы они его гарантированно не поддержали³⁸.

Кеннеди и Томпсон обсудили недавние действия Хрущева. Кеннеди попросил Томпсона объяснить ему поведение русского на встрече в Париже, проходившей в 1960 году. Томпсон сказал президенту, что, по его мнению, оно объяснялось попыткой Хрущева сохранить лицо, когда он понял, что здесь ему не удастся решить вопрос о Берлине. К тому же Кеннеди хотелось поделиться собственными впечатлениями о встрече в Вене. «Для меня это было поучительно, – сказал он, – но... он оказался таким несговорчивым по берлинскому вопросу...»³⁹ Отвечая президенту, Томпсон предположил, что Хрущев занял такую позицию потому, что хотел продемонстрировать свою несговорчивость китайцам. Но Кеннеди не сдавался. Он подозревал, что Хрущев, как правило, проявляет решительную инициативу тогда, когда чувствует слабость американцев. «А вы не думаете, что кубинское дело и то, что мы не вторглись в Лаос, – спросил Кеннеди, – мог-

ли создать у него впечатление, что уступим в берлинском вопросе?»⁴⁰ Томпсон не согласился. «Ему всегда казалось, что он нас загнал в тупик в Берлине», – заметил он. «Да. Думаю, что да», – сказал президент, нервно усмехнувшись⁴¹.

* * *

В Москве советские эксперты по Германии готовились к осеннему кризису. 25 июля Европейский отдел министерства иностранных дел отослал письма советским послам на Ближнем Востоке и в Конго, запросив у них детальную информацию о войсках ООН. Бодрова в Израиле и Ерофеева в Египте попросили в течение двух недель сообщить сведения о системе развертывания, действиях и задачах сил ООН вдоль линии перемирия на Синае⁴². Кроме того, этот отдел, никогда раньше не проявлявший интереса к этому вопросу, запросил копии всех юридических документов, определявших присутствие ООН на Ближнем Востоке. В тот же день аналогичное задание поступило и советскому послу в Конго.

Между тем, разослав запросы в советские посольства, министерство иностранных дел потребовало предоставить сведения о случаях, когда в суверенных государствах закрывались иностранные военные базы. 28 июля аналогичные письма получили советские послы в Тунисе, Сирии, Ливане, Марокко и Ираке с требованием сообщить информацию о ликвидации иностранных военных баз в их регионах⁴³. У Советов не было посольства в Саудовской Аравии, так что послам Барковскому в Дамаске, Корневу в Бейруте и Вавилову в Багдаде велели собрать всю доступную информацию о том, как Соединенные Штаты демонтировали свою авиабазу в Дахране в Саудовской Аравии. От посольств в Тунисе и Марокко Москва хотела узнать, что делали французы, ликвидируя свои североафриканские базы. В каждом случае советскому послу сообщали, что эта информация нужна Москве к середине августа, но не говорили почему.

Министерство иностранных дел не сообщило своим послам, что эта информация была нужна в целях подготовки исходных документов для ноябрьской инициативы Хрущева, с которой он собирался выступить в ООН. Было очевидно, что Москва хотела подготовить детальное предложение об отводе войск НАТО из Западного Берлина и их замене войсками ООН.

* * *

Ноябрьская стратегия Хрущева была подобна классической детской игре в мышеловку: слишком многое нужно было сделать правильно для того, чтобы она сработала. И самое главное, ракеты для

Кубы должны были не только благополучно достичь места назначения, но и их размещение должно было происходить тайно. В соответствии с кодовым названием операции – «Анадырь», по названию реки в Сибири, – солдатам сказали, что их переправляют на советский Север.

Сохранение секретности этой операции в значительной степени возлагалось на КГБ. Советская служба внешней разведки контролировала перемещение лишь судов торгового флота, тогда как охрана военных кораблей возлагалась на ГРУ и военные службы безопасности. Советская разведка изобрела сложный способ максимально долго сохранять в тайне пункты назначения кораблей от капитанов, членов экипажей и пассажиров. Например, капитану оснащенного широкими люками транспортного судна «Полтава» предписывалось официально узнать о пункте назначения корабля лишь после того, как он пройдет Гибралтар, и лишь тогда он вскрыл запечатанный пакет в присутствии офицера КГБ, отвечающего за выполнение задания. Капитану сообщался пункт назначения, и ему предписывалось, чтобы он ни в коем случае не допускал на свое судно посторонних. Если возникнет опасность недружественного проникновения на судно, его предписывалось затопить.

Несмотря на эти меры предосторожности, советские военные догадывались, куда везут грузы. Сотрудники КГБ сообщали, что капитаны кораблей искренне недоумевали, когда, поднявшись в конце июля на борт предназначенного для них судна, они обнаруживали, что все мужчины на корабле были бородатыми и загорелыми, словно им предстояло присоединиться к Фиделю Кастро в горах Сьерра-Маэстра. На войсковом транспортном судне «Медногорск» офицер КГБ обнаружил, что большинство солдат и даже их командиров носили бакенбарды, бороды и усы. Растительность на лице намекала на то, что члены экипажа пытались походить на кубинских бойцов революционной армии – всемирно известных «барбудос», то есть «бородачей». Когда советских моряков спросили, почему они перестали бриться, те объяснили, что около двух месяцев назад, в начале июня, было приказано отрастить бороды тем, у кого их еще не было. Это означало, сообщил офицер КГБ, «что с самого начала члены этого экипажа знали, что их посылают на Кубу». То же самое относилось и к судну «Полтава», все члены команды которого, по сообщению сотрудников КГБ, были загорелыми и бородатыми русскими специалистами, и все они похоже было, куда направляются⁴⁴.

* * *

Хотя никто из этих бородатых и загорелых людей не стал тайным источником информации для ЦРУ, разведке США, тем не менее,

удалось передать в Белый дом такие сведения об этой переброске по морю, которые складывались в тревожную картину. Несмотря на гарантии, которые Кеннеди дал Хрущеву в конце июля, американские самолеты продолжали летать над советскими кораблями, находившимися в Атлантическом океане. В конце августа поступало все больше информации о том, что Советы начали поставку крупной партии грузов для режима Кастро. Несмотря на промахи с обеспечением безопасности операции «Анадырь», разведка США так и не смогла сколько-нибудь достоверно определить, что было на борту этих кораблей, находившихся за пределами территориальных вод. Однако летавшим над Кубой самолетам «U-2» удалось сфотографировать некоторые грузы, доставленные в кубинские порты. 29 августа в Белый дом сообщили, что на остров поступило множество ракет класса «земля–воздух».

В Вашингтоне точно не знали, какие грузы Советы перевозят морем на Кубу, и поэтому там возникли большие разногласия относительно целей Хрущева. Дин Раск и Макджордж Банди предположили, что речь идет о поставках обычного оружия, то есть примерно о том же, что Советы делали для других своих союзников из стран «третьего мира». Кроме того, они полагали, что теперь в фокусе агрессивных действий Хрущева находится Берлин, который, следовательно, и станет для Соединенных Штатов главной проблемой летом 1962 года. Однако Роберт Кеннеди и новый директор ЦРУ Джон Маккоун, заменивший Аллена Даллеса в ноябре 1961 года, не усматривали в размещении ракетного комплекса «С-75» («SA-2») ничего угрожающего. Маккоун, который, работая в правительстве, занимался в основном проблемой гонки ядерных вооружений, был убежден, что ракеты «земля–воздух» поставлялись на Кубу для защиты баллистических ракет. Он полагал, что советская ракетная база на Кубе создается для того, чтобы компенсировать Советам их неудачи, связанные с созданием конкурентоспособных межконтинентальных ракетных сил. Советское ракетное развертывание на Кубе тревожило Роберта Кеннеди еще в апреле 1961 года. В начале сентября 1962-го он и Маккоун советовали президенту выступить с предупреждением, чтобы удержать Хрущева от размещения на острове ядерного оружия. Кеннеди, разделяя опасения Банди и Раска относительно Берлина, при этом не хотел предпринимать таких действий в Карибском бассейне, которые Кремль мог бы считать провокационными.

4 сентября состоялось собрание членов команды национальной безопасности. Генеральный прокурор, пытаясь объяснить своему брату, что за событиями на Кубе может стоять нечто существенное, принялся размышлять: «Не думаю, что вопрос только в том, что нам нужно делать с этим [сейчас]. Думаю, это вопрос будущего Кубы...

Через три месяца... что-то произойдет, что-то еще произойдет через шесть месяцев... В конечном счете весьма вероятно, что они, может быть, построят там морскую базу для подводных лодок или разместят ракеты класса “земля–земля”»⁴⁵. Учитывая эту угрозу, Генеральный прокурор предлагал президенту заявить, что Соединенные Штаты не потерпят размещения на Кубе советского стратегического оружия.

Предложение Роберта Кеннеди вызвало среди собравшихся спор. Банди был не согласен с прогнозом генерального прокурора относительно действий Советов. Помощник президента по национальной безопасности был выдающимся аналитиком, но не понимал советской психологии. Он пытался понять правила поведения вместо того, чтобы задуматься о том, как Хрущев действовал под давлением ранее. Отметив, что все посланное Советами на Кубу до сих пор – это «действительно, насколько мы можем проводить эти различия, оборонительное оружие», Банди предположил, что его же будут посылать и впредь. Размещение стратегических ракет, предположил он, означало бы отказ от устоявшейся практики, что маловероятно. «[Это было бы] гораздо серьезнее того, – сказал он, – что мы уже видели в последние полтора года, того, что вполне соответствует их поведению во многих других странах»⁴⁶. Государственный секретарь Раск разделял оптимизм Банди, и его беспокоило, что чрезмерная реакция на советское военное строительство на Кубе может осложнить ситуацию вокруг Берлина. «Если мы скажем, что речь идет о ракетах “земля–земля” или уточним, что это ядерное оружие, то, думаю, мы можем вызвать своего рода панику, которую сами по себе факты сейчас не оправдывают»⁴⁷.

В то утро никакого решения не приняли. Заканчивая встречу президент попросил составить заявление по Кубе и предложил снова собраться днем. Генеральный прокурор должен был встретиться с Анатолием Добрыниным в четверть третьего пополудни – об этом советский представитель попросил еще несколько дней назад. Несмотря на почти единодушный скептицизм своих экспертов по национальной безопасности, теперь президент Кеннеди был склонен последовать стратегии, предложенной его братом, но решил подождать и узнать, что скажет Добрынин.

С советским послом встретился преисполненный решимости Бобби [Роберт. – *Примеч. пер.*] Кеннеди. «У правительства США, – сказал Добрынину генеральный прокурор, – вызывает растущую тревогу увеличение советских военных поставок на Кубу и появление там советских военных специалистов». В Соединенных Штатах беспокоились, что кубинцам будет передано наиболее передовое в техническом отношении новое советское оружие – ракеты «земля–воздух». «Кто остановит эмоциональных кубинцев, – спросил

Роберт Кеннеди, – от стрельбы по американским самолетам?» Потом он изложил свою любимую теорию. «Как нам относиться к таким поставкам на Кубу в перспективе, если следовать логике? Разве не может появиться более мощное оружие, достигающее территории Соединенных Штатов? А разве оно не может быть оснащено ядерными боеголовками? В таком случае Соединенные Штаты, разумеется, не смогут допустить, чтобы их безопасность зависела от того или иного решения нынешнего правительства Кубы»⁴⁸.

Роберт Кеннеди не мог избавиться от этого опасения. В полушутливой, как показалось Добрынину, манере он спросил: «А что, если ракеты с небольшими ядерными зарядами появятся у кубинцев, тогда что?»

Добрынин ответил, что это невозможно. «Как [вы] наверняка... хорошо знаете из встреч между А. А. Громыко и Раском, Советский Союз выступает против передачи и распространения ядерного оружия». Добрынин ничего не знал об операции «Анадырь». Он был настолько уверен в обоснованности своего отрицания, что добавил: «В будущем я стану настаивать на этой позиции, если американская сторона будет ее формулировать таким образом».

И здесь Кеннеди, встав со стула, сказал, что ему нужно вернуться в Белый дом, чтобы закончить работу над президентским заявлением по Кубе. «Я лишь хочу, чтобы в Советском Союзе поняли, какое волнение возникло в американском обществе из-за сообщений о советских военных поставках на Кубу, находящуюся всего в девяноста милях [в 145 километрах. – *Примеч. пер.*] от Соединенных Штатов»⁴⁹.

Добрынин не сказал ничего, что могло поколебать решимость Роберта Кеннеди подготовить предупреждение Москве от имени брата. Президентское заявление было готово к шести вечера, и, хотя язык этого документа был более мягким, чем хотелось бы генеральному прокурору, он, по сути, взял верх. Президент предупредил Советы о недопустимости размещения ракет на острове, и скептикам пришлось замолчать. Через час пресс-секретарь Пьер Сэлинджер зачитал заявление президента: «Нет доказательств, что на Кубе присутствуют какие-либо организованные боевые формирования из какой-либо страны советского блока. Нет данных ни о военных базах, предоставленных России, ни о нарушении договора 1934 года относительно Гуантанамо, ни о наличии наступательных ракет класса «земля–земля», ни о другом существенном наступательном потенциале, который находился бы у кубинцев или в ведении советских специалистов либо под их управлением. В противном случае возникли бы самые серьезные последствия». Добрынин, прочитавший заявление вечером того же дня, наверное, подумал, что молодые братья Кеннеди реагируют чересчур остро.

О заявлении Кеннеди Хрущев узнал во время своего летнего отпуска, который он проводил на Кавказе. В 1961 году он использовал свой отпуск в Пицунде, чтобы обдумать, как ослабить напряженность, вызванную Берлинским кризисом, но через год внезапное заявление Кеннеди вызвало у него другую реакцию. К 1 сентября никакого стратегического ядерного оружия на Кубе еще не было. Ракетные специалисты уже находились на острове и приступили к работе, но первая партия грузов с частями ракет должна была прибыть в Гавану лишь через несколько дней. А ядерные боеголовки еще находились на секретном хранении в Советском Союзе. В соответствии с пересмотренным планом «Анадырь» боеголовки не предполагалось загружать на корабли до начала октября.

Среди многочисленных решений, которые предстояло принять Хрущеву как советскому руководителю, это будет одним из самых важных. Хрущев еще мог отправить ракеты обратно и оставить на острове лишь оборонительное оружие. Вскоре у него будет на Кубе свыше пятидесяти тысяч советских военных и специалистов, и их присутствие может оказаться мощным средством сдерживания. Да и неужели, в конце концов, Соединенные Штаты действительно рискнут убить тысячи советских граждан, чтобы свергнуть Кастро? Кроме того, в августе 1962 года Кастро предложил Кремлю, чтобы обе страны объявили о подписании совместного договора об обороне. В то время Москва не сделала этого из опасения, что договор привлечет внимание американцев к планам Хрущева на острове. Однако в ответ на заявление Кеннеди от 4 сентября было бы своевременно заявить, что нападение США на Кубу будет расценено как нападение на любого из членов Варшавского Договора, что повлечет за собой последствия, понятные для Соединенных Штатов.

Однако размещение советских войск на острове и заключение советско-кубинского договора об обороне не позволили бы Хрущеву достичь более масштабных целей, которые он теперь связывал с этой ракетной операцией. Он хотел изменить международный баланс сил. Он хотел, чтобы Соединенные Штаты относились к нему с уважением, когда он называл какой-то регион сферой советского интереса. Отменить теперь операцию «Анадырь» значило бы отказаться от того масштабного договора с Соединенными Штатами, о котором Хрущев мечтал еще со времени своего первого визита к Эйзенхауэру в 1959 году. Больше всякого другого сотрудника администрации Кеннеди Хрущев стал учеником того американского государственного деятеля, которого он всегда больше всех боялся, – Фостера Даллеса. Хрущев пришел к твердому убеждению, что не существует альтернативы политике, которой следовал Джон Фостер

Даллес – политике достижения мира силой. Как только американцы станут по-настоящему бояться советской военной мощи, Хрущев заставит их признать то, что он считал разумной основой для улучшения отношений.

Посвященное Кубе заявление Кеннеди от 4 сентября осложнило эту стратегию, особенно когда через три дня Белый дом, судя по всему, подкрепил его действием, потребовав от военных комиссаров призвать сто пятьдесят тысяч резервистов. Советский руководитель не ожидал американского вторжения на Кубу до президентских выборов 1964 года, если оно вообще произойдет. Однако заявление президента и мобилизация резервистов сделали более вероятным, что вместо Берлинского кризиса, к которому Хрущев стремился, этой осенью он, вероятно, столкнется с военным противостоянием из-за Кубы. Полагаясь на свою испытанную стратегию отступления, 7 сентября Хрущев принял два решения. Во-первых, он попросил министерство обороны выделить двенадцать единиц тактического ядерного оружия советским мотострелковым бригадам, уже развернутым на Кубе⁵⁰. В отличие от стратегических ракет, способных поражать цели в Соединенных Штатах, эти ракеты имели дальность менее сорока миль [менее 64 километров. – *Примеч. пер.*], и их можно было использовать лишь в боевых условиях. В отличие от стратегических ракет эти ракеты Хрущев был готов применить против Соединенных Штатов, если американские морские пехотинцы нападут на советские позиции на острове.

Опасаясь, что Кеннеди может запланировать нападение в ближайшем будущем, Хрущев попросил министерство обороны отправить тактические ракеты самолетом. Но здесь его военные советники успешно выступили в защиту осторожности. Если бы какой-нибудь из самолетов, перевозящих эти ракеты, потерпел аварию, это могло привести к ядерной катастрофе. Зато тактические ракетные комплексы, известные в СССР как «Луна» (американцы, по классификации НАТО, называли их «FROG»), можно перевезти морем, грузовым кораблем «Индирикка», уже подготовленным в целях транспортировки ядерных боеголовок для баллистических ракет средней дальности.

Второе решение Хрущева, принятое 7 сентября, касалось приказа советским ВМС усилить безопасность судов, перевозящих ядерные ракеты, и повысить огневую мощь флотилии, направленной для защиты острова. Он хотел, чтобы подводные лодки с торпедами, снабженными ядерными боеголовками, сопровождали перевозящие боеголовки корабли, пока они плыли к Кубе, а потом надолго остались в Карибском море.

Пока происходили эти военные изменения, Хрущев пытался удерживать американцев от опрометчивых действий. 11 сентября агентство

ТАСС обнародовало официальное предупреждение Вашингтону. В нем говорилось, что Москва имеет право помогать кубинцам защищаться и что любое нападение на Кубу или на советские корабли, плывущие к острову, будет расцениваться как нападение на Советский Союз⁵¹.

Непреднамеренным последствием реакции Хрущева на заявление Кеннеди и объявленный призыв резервистов стала приостановка размещения на Кубе ракет дальнего действия. Дефицит советских кораблей привел к тому, что из-за отправки ракетных комплексов «Луна» ближнего действия приходилось откладывать отправку баллистических ракет. Теперь, после изменения графика, два корабля с баллистическими ракетами промежуточного действия «Р-14» должны были прибыть на Кубу 3–5 ноября⁵². Хрущев, судя по всему, не волновался. Он решил не предпринимать никаких действий по Берлину до выборов в Конгресс США, намеченных на 6 ноября, и собирался сначала доказать свою правоту в ООН⁵³. В середине сентября 1962 года два дня, так или иначе, судя по всему, ничего не могли изменить.

* * *

Приняв эти важные решения, Хрущев встретился в Пицунде с двумя известными американцами – поэтом Робертом Фростом и министром внутренних дел США Стюартом Юдаллом. Хрущев, проявив осторожность, не раскрывал своих планов ни одному из них. Путешествуя по Советскому Союзу, пожилой Фрост выступал с чтением стихов и ратовал за мир. Он надеялся встретиться с Хрущевым и резко, но по-отечески сказать ему, что советскому руководителю нужно перестать секретничать и создать благоприятный климат для примирения сверхдержав. Хрущев вел себя мягко с восьмидесяти-восьмилетним поэтом, приболевшим в Пицунде, но в разговоре с ним поднял вопрос о том, хватит ли у Кеннеди решимости бороться за мир. Фросту было невдомек, что Хрущев хотел просчитать реакцию президента на решение берлинского вопроса силой или компромиссным миром⁵⁴. А вот с Юдаллом Хрущев был резок, туманно намекнув, что вскоре советская мощь достигнет такого уровня, что СССР вынудит Соединенные Штаты сделать то, чего они не хотят делать. «Теперь мы можем сами наподдать вам»⁵⁵, – сказал он.

Однако другому представителю Запада Хрущев дал понять, что вскоре произойдет нечто очень значительное. Западногерманскому послу в Советском Союзе Хансу Кроллю Хрущев решил рассказать о своей стратегии в предстоящем Берлинском кризисе. Хрущев знал, что Кролля наказали за его усилия улучшить советско-западногерманские отношения. Члены провашигтонской группировки

в министерстве иностранных дел Западной Германии считали, что Кролль относится к Хрущеву слишком дружелюбно. То, что Кролль не потерял своей должности, могло объясниться только личной поддержкой со стороны Аденауэра. Хрущев считал посла человеком разумным и понимающим, и то, что Аденауэр держал его при себе, всегда оставалось загадкой этого умного германского руководителя. Но в сентябре 1962 года удача покинула Кролля, и вскоре его заменили другим дипломатом.

Хрущев ценил Кролля, который еще с двадцатых годов, будучи только начинающим сотрудником дипломатической службы, ратовал за улучшение отношений с русскими, сделав этот вопрос главным во внешней политике Западной Германии. Кролль не был коммунистом, но в качестве русскоговорящего дипломата полагал, что в силу географии и культуры русские, какой бы ни была идеология их режима, стали ценными торговыми и политическими партнерами. С 1958 года Кролль очень помогал Хрущеву, пытавшемуся заинтересовать некоторых представителей правительства Западной Германии особыми отношениями с Москвой. Теперь, когда Кролля назначали на другую должность, Хрущев был уже не столь бдительным и говорил с ним откровенней, чем с каким-либо другим иностранцем. Кролль пришел на встречу один, а Хрущева сопровождал лишь старейший сотрудник советского министерства иностранных дел⁵⁶.

Рассказав о трудностях своих отношений с проамериканской группировкой в министерстве иностранных дел Западной Германии, Кролль попросил Хрущева о снисхождении. Берлинский кризис свел на нет личные усилия Кролля улучшить отношения между Москвой и Бонном. В 1960 году Кролль говорил Хрущеву, что Западная Германия может пойти на ряд уступок, включая признание Восточной Германии и новой германско-польской границы по Одру–Нейсе, но никогда не согласится с потерей Западного Берлина. «И так будет всегда, – настаивал Кролль. – Берлин – наша историческая столица, а Бонн – только временная»⁵⁷. За прошедшие с тех пор два года Хрущев и Кролль согласились оставаться при своих мнениях по поводу того, что делать с Западным Берлином. Теперь же, уходя с должности посла, Кролль хотел знать, расскажет ли ему Хрущев о советских намерениях в отношении Берлина в оставшиеся месяцы 1962 года. За полгода до этого Хрущев с определенностью ему сказал, что никакого кризиса не предвидится, но теперь положение, судя по всему, изменилось. В заявлении от 11 сентября, посвященном Кубе, советское правительство упомянуло о Берлине мимоходом. В заявлении признавалось, что во время избирательной кампании в США не стоит ожидать решения вопроса, и содержалось требование «скорейшего заключения» германского мирного договора⁵⁸. «Вы, разуме-

ется, не обязаны отвечать на этот вопрос сейчас, я понимаю, – сказал Кролль. – Но, когда я вернусь в Бонн, канцлер спросит меня об этом в первую очередь»⁵⁹.

Кролль, несомненно, удивился, но Хрущев не пропустил его вопрос мимо ушей. «Мне очень нравились наши встречи, – ответил советский руководитель, – и, думаю, вы придерживаетесь реалистичного подхода к необходимости улучшения отношений, к стоящим перед нами проблемами. Мне нравится, как энергично вы настаивали на решении этих проблем».

Хрущев был вынужден признать, что Джон Кеннеди оказался заложником внутренней политики США. У Соединенных Штатов был президент, которому не хватало смелости убедить свой народ в необходимости заключения договора с Советским Союзом и положить конец «холодной войне». «Я все время говорил, встречаясь с американцами: если бы только Кеннеди оказался на высоте положения и понял свой долг перед историей – необходимость решать международные проблемы!» Хрущев сказал Кроллю, что президент США совершает серьезную политическую ошибку: «Если бы Кеннеди только понял, что если он решит берлинский вопрос и тем самым укрепит мир, то девяносто процентов американцев (и не только американцев) будут носить его на руках».

А если так, то президента Кеннеди надо вынудить принять это историческое решение. «Теперь мы свободны выбирать, когда это сделать», – объяснил Хрущев. Советский Союз подождет до выборов в Конгресс, которые пройдут 6 ноября, а потом будет добиваться создания вольного города Западного Берлина. «Мы уже все для этого подготовили», – добавил он.

«А разве американцы все еще не против?» – скептически спросил Кролль.

И Хрущев объяснил свою теорию, стоявшую за его стратегией достижения разрядки угрозой применения силы. «Думаю, Кеннеди нуждается в нас, чтобы сделать первый шаг. Кеннеди не может сказать первым: “Я согласен вывести мои войска из Западного Берлина”. Почему? Потому что Аденауэр и де Голль используют это против него. Кеннеди ждет, что его подтолкнут к пропасти – соглашение или война? Конечно, он не захочет войны; он уступит. Ни один разумный человек не может не согласиться с нами».

Но Хрущев не сказал Кроллю всего. Он не сказал, что чувствует себя так уверенно потому, что вскоре на Кубе будет размещено сорок советских ядерных ракет. И все-таки, беседуя с Кроллем, он не мог обойти вопрос о Кубе. Рассказав о психологической игре балансирования на грани войны, которую он собирался вести с американским президентом, через несколько минут Хрущев сам заговорил о Кубе.

Он не раскрывал всех деталей стратегии, но его реплика свидетельствовала о том, что больше всего беспокоит не перспектива американского вторжения на остров. «Кеннеди заявляет, что Куба угрожает Америке. Это идиотизм. Поэтому мы и обнародовали сегодняшнее обращение к американцам, что если они отменят призыв резервистов и восстановят нормальные отношения с Кубой, то Кубе не потребуется брать у нас оружие».

Благодаря Хрущеву Кролль получил достаточно информации, чтобы составить общую картину: говоря намеками, Хрущев раскрыл свой план действий, которые он предпримет после 6 ноября. «Не знаю, когда именно мы подпишем мирный договор с ГДР», – сказал он. Его министерство иностранных дел подготовило все документы, необходимые для создания нового свободного государства Западный Берлин и детализации участия ООН в выводе из города войск НАТО. Хрущев хотел, чтобы этот кризис из-за Берлина был последним.

Кролль понял, насколько важно то, что ему сказали. Хрущев, вероятно, догадывался, что сказал слишком много, и потому всячески пытался убедить западного немца, что в его представлении о возможной реакции Кеннеди на следующий кризис не было «ничего секретного». «Кажется, я уже начал говорить об этом», – сказал он. Но не начинал, и у Кролля были основания полагать, что это важная информация. В тот же день, 11 сентября, о своей встрече с Хрущевым он сообщил посольству США в Москве и канадскому послу, предупредив, что назревает большой Берлинский кризис. Однако западные коллеги Кролля не особенно ему доверяли. Он всегда казался слишком близким к Хрущеву, потому что они друг другу симпатизировали. Отчет о заявлениях Кролля поступил в государственный департамент 14 сентября, и через четыре дня эту информацию получили в Белом доме. Судя по всему, особое внимание на нее обратили лишь в аппарате вице-президента. «Перед отъездом Кролля из Москвы Хрущев очень настойчиво ему говорил, – писал полковник Ховард Буррис, военный помощник Джонсона, – что вскоре будут предприняты советские действия, направленные на заключение сепаратного мирного договора. Они начнутся заблаговременно, чтобы можно было обратиться в ООН, если это представится уместным или необходимым»⁶⁰. Буррис угрожающе добавил: «Хрущев заключил, что западные лидеры, как оказалось, так хотят избежать войны, что согласятся на договор и с ним примирятся». Расстроившись, что к предупреждению Кролля не отнеслись всерьез, военный помощник Джонсона завершил свой отчет так: «Судя по всему, наши дипломаты и некоторые политики не способны или не хотят признавать, что невозможно вежливо договориться с Советами по такому вопросу, как

Берлин. Русские традиционно и особенно в последнее время коммунисты понимают только силу и реагируют только на явную силу, на готовность ее применить и на твердо и ясно выраженные намерения делать это ради защиты государственной политики или позиции государства». Президент Кеннеди уже убедился, что Хрущев стремится к конфронтации из-за Берлина. Однако это предупреждение от Кролля, не вызывающего доверия западного дипломата, не беспокоило и вице-президента Джонсона, и его военного помощника. Они не задумались, почему Хрущев мог подумать, что ультиматум, предъявленный в ноябре 1962 года, вынудит Соединенные Штаты пойти на уступки, если та же самая тактика не привела ни к каким результатам ни в 1958, ни в 1961 годах. Эта новая информация не беспокоила и ЦРУ, не вынудила его пересмотреть свои позиции. 13 сентября оно представило обновленную версию своего особого мнения о советской тактике в отношении Берлина. Видимо, узнав о беседе Кролля с Хрущевым до того, как о ней стало известно в государственном департаменте, ЦРУ отметило, что «в последнее время Советы поощряют слухи, что вопрос о Берлине они поднимут этой осенью, на Генеральной Ассамблее». Однако ЦРУ не верило, что масштабная конфронтация между США и СССР сколько-нибудь более вероятна теперь, чем в августе⁶¹.

Между тем Кролля понял, что его предостережения не были восприняты всерьез ни и его собственным правительством, ни тем более союзниками Западной Германии. 28 сентября эти соображения были опубликованы. «ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ЗА БЕРЛИН ЗА ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ», – гласил заголовок статьи в консервативной «Deutsche Soldaten-Zeitung und National-Zeitung», представлявшей собой иностранное интервью с бывшим послом Западной Германии в СССР⁶². Кролля предсказывал, что Хрущев планирует начать «радикальные действия» после промежуточных выборов в Конгресс Соединенных Штатов. Он ожидал, что Советы подпишут сепаратный мирный договор с Восточной Германией и сразу же прекратят доступ войск НАТО в Западный Берлин. Кролля не отрицал, что источником этого прогноза была его беседа с Хрущевым.

Любопытно, что, судя по всему, ни один из социалистических союзников Хрущева, включая Восточную Германию, не получил аналогичной конфиденциальной информации о ноябрьской стратегии. Осенью 1962 года Хрущев и Ульбрихт, обмениваясь письмами, размышляли о том, как поднять сельское хозяйство Восточной Германии⁶³. Единственным социалистом, который мог составить более четкое представление о хитроумной осенней кампании, был принц Суфанувонг, встретившийся с Алексеем Косыгиным 28 сентября, пока Хрущев посещал Центральную Азию. Патет Лао всегда подо-

зревал, что может стать разменной монетой для Москвы, которая обменяет его на какие-нибудь выгоды в Берлине, и Кремль хотел его успокоить. «Мы ждем новых битв с американским империалистом на дипломатической арене, – сообщил Косыгин лаосскому партизану. – И это затронет, в частности, и берлинский вопрос, и Кубу, и другие вопросы»⁶⁴.

* * *

В середине сентября ВМФ СССР выполнил требование Хрущева усилить безопасность кубинской ракетной операции. Хрущев потребовал обеспечить особую защиту судов, перевозящих ядерные боеголовки. 18 сентября Совет обороны СССР представил ему обширный план, в соответствии с которым предполагалось направить на Кубу конвой сопровождения судов. Он состоял из семи подводных лодок проекта 629 с баллистическими ракетами (по кодификации НАТО – класса «Golf»), четырех торпедных подводных лодок проекта 641 (по кодификации НАТО – класса «Foxtrot», «Фокстрот»), двух крейсеров, двух кораблей с крылатыми ракетами, двух эсминцев и множества вспомогательных судов. Большинству судов флотилии будет приказано достичь Кубы 9 ноября. А поскольку подводным лодкам, чтобы достичь Кубы, потребуется вдвое больше времени, чем надводным кораблям, подводные лодки предполагалось отправить с Кольского полуострова 7 октября. Предназначенные для защиты Кубы, они должны были обеспечивать и защиту кораблей, перевозящих ракеты «Р-14» и боеголовки. Основная масса надводных кораблей должна отправиться в плавание примерно 20 октября и догнать подводные лодки южнее Бермудских островов, где в начале ноября советский военно-морской флот планировал провести трехдневные морские учения. Корабли, перевозящие ракеты «Р-14» и их ядерные боеголовки, а также сопровождавшие их подводные лодки должны были прибыть до 9 ноября⁶⁵.

В руководстве советского ВМФ понимали, что, если американцы обнаружат, что некоторые корабли следуют в сопровождении подводных лодок, Вашингтон поймет: на кораблях перевозят важные грузы. Подводные лодки класса «Foxtrot» работали на дизельных двигателях и поэтому им приходилось периодически всплывать, чтобы завести эти двигатели и перезарядить аккумуляторы, на которых подводные лодки работали под водой. Поэтому специалисты советовали, чтобы днем они оставались под водой и всплывали только по ночам.

Другим существенным изменением стало то, что по первоначальному плану подводные лодки классов «Golf» и «Foxtrot» не предназ-

начались для перевозки ядерного оружия. Однако по новому плану министерства обороны подводные лодки предполагалось оснастить ядерным оружием, и командиры подводных лодок класса «Golf» должны были получить список особых целей, чтобы «по сигналу из Москвы [они могли] атаковать наиболее значимые прибрежные цели США»⁶⁶.

В середине сентября Хрущев был встревожен настолько, что одобрил весь пересмотренный план военно-морских действий, предложенный Малиновским. Незадолго до этого военные сообщили Президиуму, что только в первые двенадцать дней сентября Соединенные Штаты осуществили пятьдесят разведывательных полетов над пятнадцатью советскими кораблями. При столь пристальном наблюдении, которому Соединенные Штаты и НАТО подвергали направлявшиеся на Кубу эскадры, Хрущев опасался международной реакции на перемещение в сторону Кубы двух крейсеров и двух эсминцев. Кроме того, он считал, что ему посоветовали отправить слишком много подводных лодок, и велел Малиновскому отказаться от идеи послать на Кубу семь подводных лодок класса «Golf» с баллистическими ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. Вместо них Хрущев велел послать лишь четыре дизель-электрические подводные лодки класса «Foxtrot» с торпедами, оснащенными ядерными боеголовками.

«Индибирка» с боеголовками для обоих ракетных комплексов «Луна» и для фронтовых крылатых ракет (ФКР) малого радиуса действия – ракетной системой, включенной в первоначальный план операции «Анадырь», покинула СССР 16 сентября, до пересмотра плана руководством военно-морского флота⁶⁷. В соответствии с прежним планом «Индибирке» не полагалось сопровождения из подводных лодок. Поэтому для ее защиты при приближении к водам США флотские командиры посоветовали направить, без сопровождения, одну из подводных лодок с баллистическими ракетами – подводную лодку проекта 611 (по кодификации НАТО – класса «Zulu») модификации «Б-75», чтобы встретиться с «Индибиркой» около Бермудских островов. В то время «Б-75» патрулировала береговую линию США, ожидая приказа, чтобы выпустить две свои ядерные ракеты «Р-11ФМ» по береговым целям⁶⁸.

Эти военные решения во многом успокоили Хрущева, и в конце сентября он снова задумался о том, как закончить «холодную войну» в ноябре. 28 сентября он направил в Белый дом письмо с предложением новой основы для договора о запрещении испытаний⁶⁹. Поскольку вряд ли можно было заключить соглашение о проверке его исполнения, Хрущев заявил, что он согласится на такой договор о запрете всех испытаний в атмосфере, в космическом пространстве

и под водой, который не потребует его проверки на советской территории. Однако он поставил условие, чтобы три ядерные державы – Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз – при этом соблюдали пятилетний мораторий на все подземные испытания, пока будут продолжаться переговоры по этому вопросу. Если соглашение о долговременном запрещении подземных испытаний не будет заключено в течение пяти лет, стороны получают право пересмотреть договор о запрещении испытаний в атмосфере. Свое письмо Хрущев завершил угрожающим упоминанием о разногласиях сверхдержав по вопросу о Западном Берлине, назвав их «горящим слоем топлива, грозящим опасностью»⁷⁰. В дополнение он написал: «Мы, с нашей стороны, снова говорим вам, что в отношении Западного Берлина мы ничего не сделаем до выборов в США. После выборов, видимо, во второй половине ноября, нужно будет, по нашему мнению, продолжить диалог». Потом Хрущев дал понять, что хотел бы еще раз встретиться с Кеннеди, чтобы обсудить все эти вопросы, – возможно, в ноябре. «Для поиска путей разрешения как этого вопроса [по Берлину], так и других неотложных международных проблем, – писал он, – очень важны личные контакты государственных деятелей на высшем уровне»⁷¹.

* * *

С Георгием Большаковым, любимцем семьи Кеннеди, было невозможно связаться, пока он несколько недель находился в Советском Союзе. В Соединенные Штаты Большаков вернулся с особым сообщением президенту от Хрущева. 8 октября он встретился с Бобби Кеннеди, попросив устроить ему встречу с президентом⁷².

Встретив в тот день своего друга, Большаков нашел его крайне подавленным. Он «был в непривычно мрачном настроении», – позже сообщил Большаков в посольство Добрынину. Роберт Кеннеди подчеркнул, что удручен оборотом, который приняли советско-американские отношения, пока Большаков был в отъезде. «Откровенно говоря, – сказал Роберт Кеннеди, – последние шаги Советского Союза в отношении Кубы рассердили президента, и мы истолковали их как меры, направленные против нас». Он добавил, что из-за промежуточных выборов президент, наверное, воспринимает эти изменения особенно чутко.

Роберт Кеннеди не спрашивал о мотивах Хрущева, и Большаков мог лишь отметить, что советский руководитель подчеркнул, что «для разумного решения вопросов мы должны исходить из реального соотношения сил, уважать суверенное право стран, не вмешиваясь в их внутренние дела». Хрущев не посвятил Большакова в тайну опе-

рации «Анадырь» и не сказал, почему в ноябре он будет очень доволен «реальным соотношением сил».

Относительно перспективы переговоров у Роберта Кеннеди были для Советов плохие новости. Он сказал Большакову, что президент пишет такой ответ на письмо Хрущева от 28 сентября, который, возможно, разочарует Кремль. Для Кеннеди было невозможно когда-либо согласиться на вывод всех западных войск из Западного Берлина, как, по условию Хрущева, это должно было произойти в течение четырех лет после подписания соглашения. Кроме того, для президента было невозможно согласиться на пятилетний мораторий на подземные испытания взамен на запрещение испытаний в атмосфере.

Роберт Кеннеди спросил Большакова, собирается ли Хрущев приехать этой осенью в ООН. Сомнительно, чтобы Большаков как посредник знал какие-либо детали предстоящей политической кампании Хрущева. Однако, судя по его ответу генеральному прокурору, возможность для того или иного экстренного визита оставалась. «Хрущев не собирается приезжать на Генеральную Ассамблею ООН до выборов в Конгресс, – сказал Большаков. – Однако, если у Хрущева возникнет необходимость выступить на Генеральной Ассамблее, он сможет приехать в Нью-Йорк после выборов». Кеннеди ничего не ответил.

На следующий день, 9 октября, президент Кеннеди поделился опасениями с французским министром иностранных дел Морисом Кув де Мюрвилем относительно того, что Хрущев замыслил сделать в ноябре. Вопрос, сказал он, состоит в том, «насколько они [западные державы] готовы рисковать». Кеннеди полагал, что Хрущев, «может быть», приедет в ноябре в Соединенные Штаты «под предлогом участия в заседании Генеральной Ассамблеи, чтобы поговорить с президентом о Берлине». Вызывает тревогу, заключил президент, что «из-за советских действий на Кубе» – под «действиями» он подразумевал наращивание оборонительного вооружения – «существенно снизилась перспектива заключения соглашения по Берлину». «Хрущев, – добавил президент, – может попытаться что-нибудь навязать»⁷³.

* * *

Точный сценарий действий Хрущева на ноябрь, если он когда-либо излагался на бумаге, обнаружить не удалось. Однако его можно реконструировать, исходя из отдельных действий. 6 ноября ракеты должны были прибыть на Кубу и быть приведены в состояние боеготовности, а его министерство иностранных дел подготовит шаблон для официальных договоров о легализации присутствия ООН в Западном Берлине и выводе западных войск. Кроме того, у него будет

проект договора о запрещении испытаний, который он сможет предложить Кеннеди, чтобы подсластить пилюлю, когда тот вынужденно согласится на свой выход из Берлина⁷⁴. Пока секретное развертывание войск на Кубе будет продолжаться еще пять недель, у Джона Кеннеди, полагал Хрущев, не будет иного выхода, кроме как принять советские условия, чтобы закончить «холодную войну» в 1962 году.

Глава 19

КУБИНСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС

Разгадывать замысел масштабной операции Хрущева начали благодаря полету американского самолета «U-2». И снова американская технология помогла доказать, что советский руководитель что-то замышляет. Через неделю после встречи генерального прокурора Кеннеди с Большаковым в начале октября 1962 года Макджордж Банди вместе с утренними газетами принес Джону Кеннеди плохие новости. Банди был среди тех, кто говорил Кеннеди в сентябре о том, что Хрущев вряд ли разместит стратегическое оружие на Кубе. Теперь же, 16 октября, он принес фотографии того, что, по мнению фотоаналитиков ЦРУ, представляло собой места размещения на Кубе баллистических ракет средней дальности. Олег Пеньковский, агент ЦРУ в ГРУ, оказавшийся таким полезным во время Берлинского кризиса годом раньше, полистал справочники по ракетам «Р-12», что помогло аналитикам понять смысл этих фотографий. И они уже совершенно не сомневались. Банди дал понять президенту, что не стоит сомневаться и ему.

Кеннеди сразу же решил, что Соединенные Штаты не могут согласиться с размещением советских ракет на Кубе. Хотя министр обороны Макнамара и уверял президента, что эти ракеты не нарушат преимущества Америки в стратегическом балансе сил, он пришел к выводу, что ракеты могут изменить психологический баланс сил в пользу Хрущева. Всего месяцем раньше Соединенные Штаты предупреджали о неприемлемости любого размещения советского наступательного оружия на Кубе и охарактеризовали ракеты как наступательное оружие. Позже Кремль пообещал – публично и через тайные каналы, что в его программу военных поставок на Кубу не будут входить ракеты. Американские союзники, не говоря об американском народе, усомнились бы в надежности слов президента США, если бы он внезапно радикально изменил свое мнение и признал ракеты как свершившийся факт.

В течение шести следующих дней Кеннеди тайно встречался с членами своей команды кубинских советников. Ее основу составляли:

генеральный прокурор, вице-президент, Макнамара, Банди, директор ЦРУ Джон Маккоун, государственный секретарь Дин Раск и его заместитель Алексис Джонсон, министр финансов Кларенс Дуглас Диллон, председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Максвелл Тейлор, спичрайтер Кеннеди Тед Соренсен и его главный советолог Льюэллин Томпсон. Со временем получившая название «Исполнительный комитет Совета национальной безопасности» («Исполком»), или «Экском» (от англ. «Executive Committee»), эта группа обсуждала кубинский вопрос и время от времени спорила о том, как убрать ракеты с Кубы.

Вначале Кеннеди отдавал предпочтение внезапному удару с воздуха, который уничтожит ракеты прежде, чем они станут угрозой для Соединенных Штатов. Американская разведка полагала, что они еще не приведены в состояние боеготовности. Уязвимость такого военного ответа стала очевидной для Кеннеди в ходе дискуссии. «Насколько эффективным может быть их уничтожение?»¹ – спросил он 16 октября. «Оно никогда не будет стопроцентным, господин президент, мы знаем, – ответил генерал Максвелл Тейлор. – Но подавляющее большинство ракет мы надеемся уничтожить первым ударом». Ни один командующий не мог гарантировать Кеннеди, что все обнаруженные ракетные базы можно уничтожить одним ударом, и никто не осмеливался предположить, что были выявлены все советские базы. Не более заманчивым был и другой вариант военного решения – массовое вторжение на Кубу наземных сил. По подсчетам Пентагона, потребовалась бы неделя, чтобы подготовить к вторжению все необходимые войска, и он не хотел начинать перемещение каких-либо войск прежде, чем все ракеты будут уничтожены ударом с воздуха. Если привести в действие войска раньше, то тем самым будет устранен элемент внезапности.

Был и еще один убедительный довод против внезапного наступления. Роберт Кеннеди напомнил брату, что для их поколения самым ярким синонимом вероломства стало решение японцев внезапно напасть на Перл-Харбор. Президент Кеннеди, ратовавший за действенность, которую мог гарантировать лишь удар с воздуха, вынужден был согласиться, что Москву надо так или иначе предупредить.

Риски, связанные с любым сценарием нападения, были столь велики, что Кеннеди начал рассматривать варианты дипломатического решения вопроса. 18 октября он попросил своего любимого спичрайтера Теодора Соренсена приступить к составлению тезисов письма к Хрущеву с предложением переговоров². Но в результате ни Соренсен, ни, что еще важнее, Кеннеди так и не придумали, как можно начать процесс с помощью дипломатии, чтобы не показаться слабыми. Зато президенту Кеннеди все больше и больше нравился проект его мини-

стра обороны Роберта Макнамары. Морская блокада или изоляция Кубы окажут давление на Советы, дав Хрущеву возможность подумать, хочет ли он ввергнуть мир в войну³. На начальной стадии блокада никак не могла повлиять на ракеты, уже размещенные на острове, и поэтому Кеннеди решил, что военные приготовления США надо продолжать, если уж нападение на существующие пусковые установки сочли неизбежным. Тем временем Соединенные Штаты будут искать поддержки своих союзников в полушарии и в НАТО, чтобы противостоять Хрущеву единым фронтом.

* * *

Острые политические дискуссии в Белом доме Кремль совершенно не замечал до 22 октября. Когда в Москве был уже день, местные резидентуры и КГБ, и ГРУ начали сообщать о необычной активности, зафиксированной этим утром в Белом доме и Пентагоне⁴. Через несколько часов, в половине второго пополудни по восточному поясному времени, Пьер Сэлинджер объявил прессе, что в семь часов вечера президент обратится с речью к народу «по вопросу государственной важности»⁵. Советская разведка не смогла предсказать, о какой внешнеполитической проблеме будет говорить Кеннеди. «В прессе подчеркивается, – писал из Вашингтона резидент ГРУ, – что причины этой официальной деятельности остаются сверхсекретными. Предполагается, что это будет иметь отношение к возможности применения новых мер в отношении Кубы или Берлина»⁶.

Хрущев быстро отреагировал на новости из Вашингтона, заключив, что, что бы ни сказал американский президент, это повлияет на его грандиозные планы на ноябрь. Кроме того, он подозревал, что Кеннеди что-нибудь скажет и о Кубе. Всего за несколько дней до этого Хрущев прочитал сообщения о недавних встречах советского министра иностранных дел Громыко с Кеннеди и Раском. Они прошли 18 октября в Вашингтоне, когда Громыко собирался вернуться в Москву после заседания в ООН. Из этих сообщений Хрущев сделал вывод об ужесточении позиции США в отношении Фиделя Кастро⁷.

Члену Президиума Фролу Козлову Хрущев поручил организовать экстренное ночное заседание Президиума. Козлов разделял мнение Хрущева, что Кремль вскоре столкнется с кризисом из-за Кубы. Когда Микоян спросил о причине этого незапланированного заседания, Козлов ответил: «Мы ждем важное выступление Кеннеди по поводу Кубы»⁸. На заседание были приглашены и советский министр обороны маршал Малиновский, и генерал-полковник Иванов, начальник Главного оперативного управления советского Генерального штаба. Чтобы предоставить Хрущеву информацию по вопросу, инте-

ресовавшему его в первую очередь, Малиновский собрал все доступные ему сведения о состоянии войск США в Карибском регионе, а Иванов подготовил краткий доклад о положении советских войск на Кубе.

Несмотря на убеждения некоторых высокопоставленных кремлевских деятелей, вопрос повестки дня этого заседания – «дальнейшие действия относительно Кубы и Берлина» – свидетельствовал о том, что в Кремле плохо понимали, с каким именно кризисом придется столкнуться⁹. За месяц до этого Хрущев с уверенностью сказал западногерманскому послу Хансу Кроллю, что именно он решит, когда произойдет следующий кризис в отношениях между США и СССР. Узнав о предстоящем выступлении Кеннеди, Хрущев был вынужден признать, что он уже не управляет событиями.

* * *

Заседание Президиума, начавшееся в понедельник 22 октября 1962 года, в десять часов вечера по московскому времени, было, возможно, самым напряженным за все время, пока Хрущев был у власти. «Стало известно, – начал советский руководитель, открывая заседание, на котором присутствовали все двенадцать членов Президиума, – что Кеннеди подготовил какое-то выступление»¹⁰. Он сказал, что, по его мнению, грядущий кризис будет связан с Кубой. Советское агентство новостей ТАСС уже сообщало (но, как выяснилось, неточно) о «сосредоточении кораблей военно-морских сил США с морскими пехотинцами». В Вашингтоне было три часа пополудни; до выступления Кеннеди оставалось четыре часа.

Хрущев предоставил слово Малиновскому, который заверил членов руководства, что Соединенные Штаты не готовят никакого упреждающего удара. «Не думаю, чтобы США сразу смогли предпринять молниеносные действия», – сказал он. «Если будет декларировано вторжение на Кубу, – заверил он Кремль, – то сутки еще пройдут, чтобы изготавиться»¹¹. Сотрудникам ГРУ в Гаване было поручено наблюдать за Флоридой. В то утро они с особым рвением пытались перехватить американские военные сообщения¹². Были получены сведения о новом сосредоточении войск во Флориде, но пока еще не имелось свидетельств вероятного нападения на Кубу в ближайшем будущем. Поэтому, как сказал Малиновский, он совершенно убежден, что у Президиума будет время обсудить то, о чем скажет Кеннеди. Во всяком случае, советский министр обороны выглядел несколько самоуверенным. «Видимо, выступление [Кеннеди] по радио – это предвыборный трюк». Малиновский думал, что пока еще

нет необходимости ставить размещенные на Кубе советские ракеты «Р-12», доставленные туда в конце сентября, «в часовую готовность».

Генерал Иванов из Генерального штаба, выступивший после Малиновского, сообщил о состоянии советских войск на острове и вокруг него. Выполняя принятое в Пицунде решение Хрущева, Иванов подготовил официальный план оперативных действий для советской группы войск на Кубе. В сентябре он приказал генерал-майору Игорю Стаценко, командиру ракетными подразделениями «Р-1» и «Р-14», ждать, когда Москва даст сигнал запускать ракеты¹³. Иванов объяснил Президиуму, что некоторые из размещенных на Кубе ракет «Р-12» приведены в состояние боеготовности¹⁴. Все их боеголовки прибыли на «Индибирке» еще до начала кризиса. Однако из-за изменений плана операции «Анадырь», внесенных в него в сентябре, ракет и боеголовок для ракет большей дальности «Р-14» на острове не было. Они находились в пути, и для их развертывания потребовалось бы определенное время. Корабли, перевозящие ракеты «Р-14» – «Касимов» и «Краснодар», не преодолели еще и половины пути до Кубы.

Ракеты малой дальности, или тактические ракеты, которые Хрущев запросил в сентябре, тоже были на острове. Кроме того, «Индибирка» доставила двенадцать установок тактических ракет «Луна» и сорок две фронтовые крылатые ракеты (ФКР) и присоединяемые к ним ядерные боеголовки. Ко времени заседания, проходившего 22 октября, ракетные комплексы «Луна» уже были включены в состав советских пехотных подразделений, а крылатые ракеты размещены как на прибрежных полигонах, так и близ кубинской границы с американской военно-морской базой в Гуантанамо. Пехотные подразделения и береговые установки должны были защищать остров и советские ракеты дальнего действия от любых попыток вторжения со стороны Соединенных Штатов или кубинских эмигрантов. Москва сохраняла контроль над ракетами «Луна» и ядерными боеголовками к ФКР, находившимися на специальной установке для хранения ядерных боеголовок под командованием полковника Николая Белобородова, в нескольких милях от пехотных подразделений и береговых установок.

Несмотря на эту впечатляющую демонстрацию мощи советского оружия, уже развернутого на острове, перспектива речи Кеннеди привела Хрущева в уныние. До главного управления КГБ дошел слух, что он якобы сказал: «Дело Ленина уничтожено» – примерно так же, говорят, и Сталин боялся краха Советского Союза в первые часы после нападения Германии в июне 1941 года¹⁵. Хрущев понял, что его стремление изменить стратегический баланс на самом деле может привести к тому, чего он больше всего хотел избежать, – к атомной войне. Смятение Хрущева проявилось в его словах, обращенных

к членам Президиума: «Дело в том, что мы не хотим развязывать войну, мы хотим припугнуть, сдержать силы в отношении Кубы»¹⁶. У Соединенных Штатов есть ракетные базы вокруг всего Советского Союза, которые «нас сдерживают», признал он. Так почему же СССР не может иметь и свою собственную базу?¹⁷

Хрущев сказал, что «согласен с выводами товарища Малиновского». Однако советский руководитель не разделял уверенности своего министра обороны, что Кеннеди не нападет на Кубу. Со времени операции в Заливе Свиней Хрущев в своих действиях все больше исходил из предположения, что Джон Кеннеди не вполне управляет правительством США. По мнению Хрущева, милитаристы и империалисты, кружившие вокруг Белого дома, способны влиять на Кеннеди в большей степени, чем в прошлом они определяли действия Эйзенхауэра за границей. Хрущев напомнил коллегам о заявлениях, которые президент Кеннеди сделал Громыко во время их встречи 18 октября. «Кеннеди выбирал слова очень тщательно, когда говорил о Кубе»¹⁸, – сделал он вывод, прочитав советскую стенограмму. Еще более тревожным было то, что сказал государственный секретарь США. «Во время встречи, – сказал Хрущев, – [Раск] вел спор о Берлине и им упивался, на самом деле намекая на Кубу». Хрущев с беспокойством добавил: «Раск сказал Громыко, что для Соединенных Штатов Куба – то же самое, чем была для нас Венгрия»¹⁹. Это было именно то сравнение, которое еще раньше, в том же году, уже встревожило Хрущева, когда его зять, Алексей Аджубей, рассказывал о своем разговоре с Кеннеди 30 января.

Хрущев полагал, что Соединенные Штаты уже давно искали повод для нападения на Кубу, а предстоящая речь означала, что американцы его нашли. «Трагичное – они могут напасть, мы ответим. Может вылиться в большую войну»²⁰. Хрущев пессимистично заключил: «Трудность – мы не сосредоточили всего, что хотели, и не обнародовали договора». По причинам, которые Хрущев не объяснил собравшимся, он полагал, что двадцать четыре ракеты «Р-12» с ядерными боеголовками, уже размещенные на острове, – это недостаточное средство сдерживания для защиты кубинцев. Вместо того чтобы предложить немедленно объявить, что у Москвы уже есть на Кубе ядерные ракеты (этот военный факт мог бы удержать американцев от всяких дальнейших действий против Кубы), Хрущев винил себя том, что не прислушался в конце августа к совету кубинцев и не обнародовал советско-кубинский договор об обороне. Почему-то он полагал, что это соглашение произвело бы на Кеннеди более глубокое впечатление, чем незавершенная операция «Анадырь». Любопытно, как объяснил в ту ночь сам Хрущев, что он, судя по всему, никогда не рассматривал возможность применения советского оружия где-нибудь

еще в мире, чтобы предотвратить нападение на Кубу. Например, он никогда не предлагал угрожать уязвимому аванпосту НАТО в Западном Берлине.

Недавно рассекреченные протоколы заседания проясняют, какие альтернативы рассматривал той ночью Хрущев. Выразив озабоченность, он быстро, один за другим, предложил несколько вариантов: «Один вариант: объявить по радио, что есть [советско-кубинское оборонительное] соглашение по Кубе», – сказал Хрущев. Потом он задался риторическим вопросом: «Как отреагируют на это Соединенные Штаты?» Хрущев считал наиболее вероятным три исхода: «Они могут объявить блокаду Кубы и ограничиться этим; или они могут захватить наши корабли, направляющиеся на Кубу; или они могут перестать думать о нападении на Кубу»²¹.

Хрущев считал, что Кремль должен подготовиться к тому, как реагировать в случае, если Кеннеди вторгнется на Кубу. Он размышлял вслух, не будет ли полезно, если произойдет худшее, передать контроль над ядерным оружием кубинцам: «Другой вариант: в случае нападения все средства являются кубинскими, и кубинцы заявляют, что они ответят»²². А иначе, сказал он своим коллегам, советские вооруженные силы должны быть готовы применить тактическое ядерное оружие, чтобы защитить свои позиции и режим Кастро, но «не применять пока стратегического оружия»²³.

Изложив эти варианты, Хрущев попросил объявить перерыв на пять-десять минут, «чтобы товарищи могли подумать и выразить свое мнение»²⁴. Нет никаких свидетельств, что когда-либо раньше руководство Кремля нашло время подумать, каким образом использовать войска, посланные по его приказу на Кубу, за двенадцать тысяч миль. В мае кремлевских руководителей попросили одобрить размещение ракет по чисто политическим причинам. В сентябре сам Хрущев решил добавить к ним ракеты «Луна». Советская военная доктрина допускала применение тактического оружия в бою – это допускалось и доктриной НАТО, но не существовало конкретного плана, как его можно использовать на Кубе. Приказ, возлагавший на советского командующего на Кубе обязанность решать, использовать ли его в зависимости от ситуации, никогда не был подписан в советском министерстве обороны. Другое тактическое оружие – крылатые ракеты ФКР – входило в первоначальный план, разработанный в мае, но, похоже, и здесь его использование никогда не рассматривалось политическим руководством Советского Союза до 22 октября, примерно до одиннадцати часов вечера.

После короткого перерыва кремлевские руководители получили две порции полезной информации. Из министерства иностранных дел сообщили, что государственный департамент США проинформировал посла Добрынина, что советское посольство получит экземпляр тезисов Кеннеди за час до его выступления, в час ночи по московскому времени. Министерство обороны добавило, что в Москву уже послано основанное на источниках советской военной разведки сообщение о консультациях, проходивших среди европейских послов стран – членов НАТО и послов южноамериканских стран.

Выслушав эти сообщения, ветераны Политбюро Анастас Микоян и пятидесятидевятилетний Михаил Сулов выразили озабоченность ухудшением положения в Карибском регионе и высказали мнение о неизбежности скорого нападения США на Кубу. Хрущев с ними не спорил. Потому-то он и хотел, чтобы его коллеги подумали, как поступить в случае крайней опасности. Настало время, полагал он, подумать об указаниях, которые Москва должна послать советскому командующему на Кубе генералу Иссе Плиеву. Хрущев уже что-то задумал. «Привести [войска] в боевую готовность», – приказал он. «Всеми силами, но на первых порах не применять атомное оружие». Однако при теперешнем настроении Хрущева подобного осторожного указания для него было мало. «Если десант [США], – продолжил диктовать Хрущев, – [применить] тактическое атомное оружие, а стратегическое – до указания»²⁵.

Согласно Анастасу Микояну, советский министр обороны Малиновский подготовил свой собственный проект инструкции, разрешавшей генералу Плиеву использовать для защиты острова все доступные средства. Когда Малиновский прочитал его вслух, Хрущев сердито ответил, что эта инструкция, похоже, предполагает применение ядерных ракет дальнего действия, а это «означает начало термоядерной войны»²⁶. Малиновский не знал, что на это ответить²⁷.

Обеспокоенный услышанным, Микоян еще раз – как он это уже делал в ключевые моменты, начиная с 1958 года, – попытался отвести Кремль от грани войны с Соединенными Штатами. Микоян раскритиковал высказанное раньше предложение Хрущева передать контроль над ракетами кубинцам – или сейчас, или позже, во время кризиса²⁸. «Если американцы поймут, что ракеты под нашим контролем, они будут исходить из предположения, что мы не предпримем попытки никакой [ядерной] авантюры, поскольку мы знаем, что будут последствия». Однако этого не произойдет, если Вашингтон подумает, что свой палец на кнопке держит Кастро. «Если они обнаружат, что ракеты принадлежат хозяевам острова, то они воспримут это как своего рода провокацию». Микоян полагал, что Вашингтон

может подумать, что кубинцы способны привести в действие ракеты. В этот момент максимальной опасности Микоян хотел, чтобы у американцев не оставалось ни малейшего сомнения, что, ракеты, и находятся и останутся под советским контролем*.

Благодаря выдвигению многих ставленников Хрущева в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов Микоян стал могущественнее, чем был в ноябре 1958 года, когда он вынудил Хрущева отказаться от одностороннего прекращения оккупационных прав США в Западном Берлине. И все-таки хитрый и опытный старожил Кремля, находившийся там сорок лет, все еще пользовался уважением, особенно в вопросах внешней политики. В 1961 году Микоян успешно отговорил Хрущева от намерения сбить западный самолет над Восточной Германией, чтобы продемонстрировать свое нетерпение из-за того, что переговоры по Берлину идут медленно. А в эту ночь слова Микояна вынудили Хрущева занять оборонительную позицию.

«Мы сохраним ракеты как советскую собственность под нашим исключительным контролем», – сказал Хрущев, согласившийся с мнением Микояна, что не следует провоцировать Вашингтон, передавая их Кастро. Однако он отказался уступать по другому, более существенному вопросу: следует ли вообще использовать советское ядерное оружие, чтобы спасти режим Кастро. «Если мы не применим ядерное оружие, – сказал Хрущев, – то они смогут захватить Кубу»²⁹. Если в этот критический момент Хрущев и надеялся на поддержку своего ставленника, министра обороны, то он ее не получил. «Сил, имеющихся у американцев в Карибском бассейне, – сказал Малиновский, – недостаточно, чтобы захватить остров»³⁰. Даже учитывая эту более оптимистическую оценку, Хрущев не был готов уступать ни на йоту по вопросу о применении тактического ядерного оружия. «Американцы могут вести огонь из своих ракетносителей [истребителей и ракетных установок во Флориде], – утверждал он, – не посылая никаких самолетов»³¹.

В этот момент обсуждения слово взял другой старейший член Президиума – первый заместитель председателя Совета Министров СССР Алексей Косыгин. Похоже, мы никогда не узнаем, что он сказал. Ни один из присутствовавших на том заседании стенографистов Президиума – ни Владимир Малин, ни Александр Серов – не записали его слов. Однако после выступления Косыгина фокус дискуссии резко изменился. Что бы ни сказал Косыгин, но он убедил коллег, что надо перестать думать о том, когда применить ядерное оружие, и начать думать о том, как управлять событиями, чтобы ядерная война не началась. Даже если стратегические ракеты не использовать,

---

* См. примечания авторов к изданию книги в бумажной обложке на странице 720.

ядерная война может начаться после того, как Москва применит свое тактическое оружие для защиты от американского десанта. Каждая из тактических ракет «Луна», размещенных вместе с советскими военными на Кубе, обладала дальностью в тридцать одну милю [около пятидесяти километров. – *Примеч. пер.*] и ядерной боеголовкой мощностью в две килотонны – достаточной для радиационного заражения территории в радиусе тысячи ярдов [около одного километра. – *Примеч. пер.*] от эпицентра взрыва. Тридцать шесть крылатых ракет (ФКР), уже развернутых на острове, были еще мощнее. Эти ракеты, обращенные в сторону моря и предназначенные для уничтожения вторгающихся армад, обладали радиусом действия в сто миль [161 километр. – *Примеч. пер.*] и боеголовками, разрушительная сила которых колебалась от 5,6 до 12 килотонн в тротиловом эквиваленте. На острове их было уже достаточно, чтобы уничтожить группу американских авианосцев³².

Хрущев уступил своим обеспокоенным коллегам. Пообещав, что не будет сделано ничего, что спровоцировало бы «применение ядерного оружия против Кубы», он потребовал пересмотреть инструкции командующему советскими войсками на острове. На этот раз в них говорилось, что в случае нападения, предпринятого США, Кремль разрешал Плиеву «использовать все средства, исключая средства “хозяйства Стаценко” [генерал-майора Игоря Демьяновича Стаценко, командира ракетной дивизии] и Белобородова [полковника Николая Константиновича Белобородова, начальника арсенала хранения ядерных зарядов]»³³. Плиев мог использовать ракеты «Луна» малой дальности и крылатые ракеты ФКР, но лишь с обычными боеголовками. Москва отказалась от боевого применения на Кубе всех имеющихся у нее средств. И снова осторожный Микоян помог предотвратить перерастание «холодной войны» в «горячую».

Опасаясь, что, если американская разведка перехватит этот приказ, Пентагон сможет использовать слабость Советов, Малиновский предложил не посылать инструкцию Плиеву до тех пор, пока Кремль не получит возможность ознакомиться с экземпляром речи Кеннеди, который правительство США обещало вручить русским в час ночи. «А то, – сказал он, – им дадим повод применить атомное оружие»³⁴.

Несмотря на оговорки Малиновского, Кремль решил не дожидаться появления текста речи Кеннеди. За пять минут до полуночи министерство обороны направило приказ на Кубу. Весь следующий час Президиум в полном составе ждал, затаив дыхание. В четверть второго ночи Василий Васильевич Кузнецов из министерства иностранных дел принес руководству русский перевод выступления Кеннеди. Президент США требовал от Советского Союза вывезти свои ядерные ракеты с Кубы и объявлял морскую блокаду острова, но пока не предпринимал других военных действий. «Мне кажется по его тону, – сказал Хрущев, быстро просмотревший свой экземп-

ляр, – что это не война против Кубы, а своего рода ультиматум»³⁵. Присутствующие расслабились. Тогда Хрущев предложил прервать заседание до утра, чтобы все они могли немного поспать. Сам он решил остаться в Кремле: там он поспит на кушетке в своем кабинете и будет доступен в любом экстренном случае.

Президиум сделал перерыв на ночь, прежде чем принять решение, что делать с советскими кораблями и подводными лодками, направляющимися навстречу военно-морскому флоту США. В своем выступлении Кеннеди не определил зоны или линии блокады, лишь пообещав, что «все суда всякого рода, направляющиеся на Кубу из любой страны или порта, будут, при обнаружении груза наступательного оружия, возвращены назад»³⁶. В открытых морях находились корабли с очень ценным советским наступательным оружием. Суда с ракетами «Р-14» и их боеголовками были в северной части Атлантического океана и направлялись к югу, тогда как четыре подводные лодки класса «Foxtrot», покинувшие свой порт приписки 1 октября, приближались к Кубе. Каждая из дизель-электрических подводных лодок класса «Foxtrot» была оснащена торпедой с ядерной боеголовкой.

Подводные лодки немного запаздывали. Ожидалось, что все они придут в кубинский порт Мариэль 21–23 октября. Ближе других к месту назначения была подводная лодка класса «Foxtrot», позже получившая, по кодификации НАТО, наименование «С-23», она находилась севернее Багамских островов, в двух днях плавания от них³⁷. Другие подводные лодки были рассредоточены по дуге, простиравшейся южнее Бермудских островов. Подводные лодки «С-18» и «С-19» находились более чем в трехстах милях [более чем в 483 километрах. – *Примеч. пер.*] южнее Бермудских островов, в трех днях напряженного пути от Кубы, а «С-26» шла за советским кораблем «Александровск», находясь более чем в двухстах милях [более чем в 322 километрах – *Примеч. пер.*] северо-восточнее Кубы, близ островов Теркс и Кайкос. «С-26» охраняла «Александровск», перевозивший ядерные боеголовки³⁸.

* * *

Кеннеди не знал о спорах в Москве. Часы, оставшиеся до своего выступления, он посвятил тому, чтобы заручиться политической поддержкой поэтапного подхода к выводу ракет с Кубы. Отказавшись от идеи военного нападения как первого шага, президент должен был успокоить как тех своих соотечественников, которые считали, что он сделал недостаточно, так и тех своих европейских и канадских союзников, которые опасались, что он сделал слишком много. Помощники

Кеннеди устроили для него встречу с лидерами Конгресса непосредственно перед его выступлением по телевидению и по радио.

Встреча с руководством Конгресса не принесла Кеннеди ничего хорошего. Сенатор Ричард Рассел, легендарный «серый кардинал» и грозный председатель комитета по вооруженным силам, поставил под вопрос решение администрации тянуть время на этом этапе. «Моя позиция такова, что эти люди были предупреждены», – сказал Рассел. Эти слова вызвали напряженный обмен репликами с президентом. «[Откладывая нападение], вы гарантируете только то, что, когда придет время и когда они воспользуются этими “МиГами”, чтобы атаковать наши корабли или сбросить несколько бомб около Майами или где-то в другом месте, и мы туда направимся, мы потеряем гораздо больше людей, чем мы их потеряли бы прямо сейчас», – заявил Рассел, и Кеннеди ему ответил: «Но, сенатор, мы не можем вторгнуться на Кубу... Нам потребуется какое-то время, чтобы собрать наши войска для вторжения на Кубу». А чтобы ни сенатор, ни кто-либо другой из присутствовавших не усомнился в его решимости, президент добавил: «Мы сейчас собираем эти войска, но они не в состоянии осуществить вторжение на Кубу в ближайшие двадцать четыре или сорок восемь часов»³⁹. И Кеннеди сделал страшное предсказание: «Но, думаю, дело до этого вполне может дойти к концу недели»⁴⁰.

* * *

Сама речь была готова днем. Соренсен вставил в нее фразы, предложенные государственным департаментом и генеральным прокурором. Из-за необходимости отразить нюансы мнений, проявившихся в спорах советников Кеннеди, процесс составления речи занял большую часть недели.

22 октября 1962 года в семь часов вечера президент Кеннеди начал выступление, которое потом вспоминало целое поколение, считая, что оно стало началом недели, полной тревог и страха. «Добрый вечер, сограждане. «Наша администрация, как мы и обещали, внимательно следила за военными приготовлениями СССР на Кубе». Кеннеди был непреклонен: ракеты не могут оставаться на Кубе. Назвав их размещение «намеренно провокационным и неоправданным изменением статус-кво», Кеннеди воспользовался примером из истории, чтобы продемонстрировать свою решимость. «Тридцатые годы преподали нам ясный урок: агрессивные устремления, не получившие резкого отпора, в конечном итоге приводят к войне». Объявляя блокаду всех судов, перевозящих «наступательные военные» грузы на Кубу, Кеннеди предупредил, что, возможно, это будет лишь первым шагом

того, что может обернуться затяжным и кровавым кризисом. «Никто не может в точности предвидеть, какое направление примет [кризис] или какие издержки и жертвы он за собой повлечет... Но опаснее всего было бы ничего не делать»⁴¹.

* * *

Вскоре работавшие по приказу Кеннеди взломщики кодов из Агентства национальной безопасности (АНБ) принялись изучать радиоканалы в поисках информации о советской реакции на речь Кеннеди. И им не пришлось долго ждать. 22 октября в четверть двенадцатого ночи по вашингтонскому времени (или в четверть седьмого утра 23 октября по московскому времени) – меньше, чем через четыре часа после выступления Кеннеди, – советским кораблям, находившимся в открытых морях, был послан, судя по всему, сигнал тревоги с распоряжением быть готовыми к экстренным указаниям. Сообщения были посланы шифром, который АНБ не смогло взломать, но, поскольку позывные этого сообщения передавались в незашифрованном виде, АНБ сделало вывод, что оно содержало в себе нечто чрезвычайное. До сих пор местом отправки всех сообщений советским судам, направлявшимся к Кубе, был южный портовый город Одесса. Однако на этот раз позывной для Одессы был заменен позывным для Москвы. Поэтому сотрудники американской радиоразведки, которые вслушивались в эти звуки, поняли, что вот-вот произойдет что-то важное. Указание поступило 23 октября в пять минут первого ночи (или в пять минут восьмого утра по московскому времени). Похоже, сообщение было послано отдельным кораблям, и первая партия инструкций предназначалась семи из них. Соединенным Штатам не удалось их взломать. Но не прошло и двух часов, как АНБ, проанализировав позывные, обнаружило, что корабли стали отвечать на сообщение один за другим.

Это случилось всего через несколько минут после рассвета первого дня этого международного кризиса. И уже при свете американские корабли и самолеты получили возможность увидеть то, чего взломщики кодов не могли определить своими силами, – продолжали ли советские корабли следовать своим курсом или поворачивали назад⁴².

Самым надежным ориентиром для Кеннеди в развивающемся кризисе была электронная и воздушная разведка. Накануне кризиса ЦРУ потеряло своего единственного «крота» в советских оборонных ведомствах. Прямо накануне заседания Президиума, состоявшегося 22 октября, КГБ арестовало Олега Пеньковского. Через день после ареста Пеньковский подписал письмо, в котором он обещал полное сотрудничество. Он обязался сообщать все подробности своих встреч

с сотрудниками МИ-6 и ЦРУ и участвовать в интересах КГБ в оперативном эксперименте, чтобы обмануть западные разведслужбы⁴³.

Если бы Пеньковский был на свободе, то он был бы очень полезен американцам в этом кризисе. Следующие дни в Вашингтоне оказались бы не столь напряженными, если бы администрация Кеннеди знала, что Хрущев уже пытается придумать, как избежать войны.

* * *

Президиум возобновил обсуждения 23 октября в десять утра по московскому времени. Состояние кремлевских руководителей оставалось напряженным, но их успокоило, что самый страшный сценарий – американского вторжения на Кубу – уже не рассматривался. Накануне вечером советское министерство иностранных дел, очень внимательно изучив выступление Кеннеди, составило три документа для рассмотрения руководством⁴⁴. Первым было общее заявление советского правительства о положении на Кубе; вторым – ряд указаний для советского представителя в ООН Валериана Зорина, а третьим – резолюция для представления в Совет Безопасности с осуждением действий США. Советским представителям были даны указания заручиться поддержкой стран «третьего мира», которые должны были отрицать обвинения США, что на Кубе находятся ядерные ракеты.

Одобрив проекты этих документов, Президиум в первую очередь озаботился составлением такого текста, который следовало послать непосредственно президенту Кеннеди. Взяв слово, Хрущев посоветовал дать Кеннеди шанс пересмотреть его приказ о блокаде. Президенту США надо было предложить «продемонстрировать благоразумие и отказаться от проводимых действий, которые могут привести к катастрофическим последствиям для мира во всем мире»⁴⁵. Кроме того, Хрущев решил занять в отношениях с Кеннеди позицию, слегка отличавшуюся от той, которую Советский Союз занимал публично. Вместо того чтобы отрицать наличие ядерных ракет на Кубе, он решил воспользоваться таким языком, который убедил бы Кеннеди, что оружие находится там исключительно в оборонительных целях. «Безотносительно к классу оружия, – диктовал Хрущев, – оно было доставлено. [И] оно было доставлено для защиты от нападения»⁴⁶. В июле, в присутствии тех самых людей, Хрущев характеризовал ракеты как наступательное оружие. Теперь же он надеялся убедить Кеннеди и весь мир, что они были на Кубе лишь для того, чтобы защищать революцию Кастро.

Узнав, что Кеннеди не объявил о нападении на Кубу, Хрущев испытал облегчение, но решил, что Советскому Союзу следует пересмотреть операцию «Анадырь». Последствия блокады США он не хотел

испытывать по двум причинам. Во-первых, Хрущев хотел избежать конфронтации, которая могла бы усилиться, и, во-вторых, он не хотел давать Соединенным Штатам возможности, захватив оружие, перевозимое каким-либо из его кораблей, узнать секреты стратегических технологий. Два корабля с большими люками, перевозившие ракеты «Р-14» – «Касимов» и «Краснодар», – были еще очень далеко от Кубы.

Размышляя вслух, Хрущев думал, следует ли дать приказ немедленно вернуться всем кораблям, перевозящим оружие. В итоге он решил, что кораблям, уже находящимся в Атлантическом океане, не следует плыть дальше подступов к Кубе до тех пор, пока ситуация не прояснится⁴⁷. Кораблям, еще не покинувшим Средиземное море, следует немедленно вернуться в их черноморские порты. Однако оставался открытым вопрос об «Александровске» – корабле, перевозившем боеголовки для ракет «Р-14» и для некоторых крылатых ракет ФРК берегового базирования. Он был в одном дне пути от побережья Кубы. Президиум решил рискнуть, приказав ему дойти до побережья как можно скорее.

Понимания, что эти изменения в операции могут огорчить кубинцев, Хрущев посоветовал сказать Кастро, что операция «частично удалась». Он хотел, чтобы кризис прекратился, а потом, «в случае необходимости, можно будет опять послать ракеты [“Р-14”]». Хрущев хотел, чтобы Гавана поняла, что сейчас для него важнее всего стабилизировать положение в регионе и утвердить через ООН право Кубы иметь то оружие, которое она считала необходимым для самозащиты.

Хрущев думал, что к вопросу эскорта из подводных лодок надо отнестись не так, как к вопросу о надводных кораблях. Он полагал, что подводные лодки еще можно использовать для защиты Кубы. Кроме того, Хрущев считал, что они смогут дойти до кубинского порта Мариэль так, что их не обнаружат. Записи заседания Президиума, состоявшего 23 октября, фрагментарны⁴⁹. Из этих фрагментов и воспоминаний Микояна явствует, что советское руководство ничего не знало о возможностях американского флота защищать себя от подводных лодок. Почти каждый советский подводник знал, что даже самая бесшумная подводная лодка 1962 года – а они были прямо-таки грохочущими музыкальными машинами в сравнении с теми подводными лодками, которые строились для флотов обеих стран позже, – издавала множество звуков и сигналов, начиная от звука падения чайной ложечки на борту до скрежета винтов двигателя и электрических импульсов аккумуляторов, обеспечивавших работу всей подводной лодки. В любой установленный день специально оборудованные самолеты военно-морского флота США «Орион» облетали в разных направлениях Атлантический океан и Карибское море, чтобы улавливать эти звуки при помощи датчиков, погружаемых в воду. Уловив, как им казалось, какие-нибудь звуки, командиры самолетов

сообщали об этом на корабль, который начинал использовать гидролокатор. Этот процесс американские моряки называли «выстукиванием», а их советские коллеги – «киданием горошин». Гидролокатор был очень эффективен при определении местоположения шумных «фокстротов».

И действительно, после 16 октября советские подводники начали сообщать своему руководству, что им слышно, как корабли развивают бурную деятельность⁵⁰. Советы пока еще не знали, почему это произошло, но после того как 14 октября самолеты-разведчики «U-2» обнаружили ракеты, это привело к значительному усилению присутствия военно-морского флота США в тех самых водах, где должны были проходить «фокстроты». 23 октября из-за длительного присутствия военно-морских судов США, как минимум, одному из «фокстротов» пришлось оставаться под водой так долго, что заряд его аккумуляторов значительно снизился.

Судя по всему, ничего этого Малиновский Президиуму не сообщал. А если он и сказал об этом Хрущеву заранее, то советский руководитель решил не рассматривать эту информацию на заседании Президиума. Однако главный критик внешней политики Хрущева Анастас Микоян был обеспокоен и полагал, что решение послать подводные лодки, чтобы проверить действие блокады США, было, видимо, ошибочным. Но Хрущев лишь наблюдал за тем, как Микоян пытается поставить Малиновского на место⁵¹. Министр обороны не уступил ни на йоту, когда Микоян стал настаивать, что рискованно оставлять эти подводные лодки в зоне блокады. Он был убежден, что военные корабли США могут их обнаружить. Кроме того, объяснил Микоян, Кремль должен учитывать, что поскольку Соединенные Штаты могут обнаружить эти четыре шумные дизельные подводные лодки, то их продолжающееся перемещение в зону блокады они могут истолковать как враждебный акт.

Малиновский отказался соглашаться с аргументами Микояна. Хотя и существовала вероятность, что некоторые из «фокстротов» могли быть обнаружены, советский министр обороны продолжал убеждать советское руководство, что подводным лодкам удастся достичь берегов Кубы так, что их и не увидят, и не услышат. В ответ Микоян сказал своим коллегам, что это абсурд и что это лишь создаст новую угрозу для Советского Союза, но на этот раз его никто не поддержал. Хрущев, Козлов, Брежнев и все остальные члены Президиума полагали, что Малиновский знает, о чем говорит, или, по крайней мере, решили помалкивать. Когда Микоян предложил, чтобы Президиум приказал подводным лодкам держаться на подступах к острову, его предложение отклонили. Затем был объявлен обеденный перерыв.

Во время обеденного перерыва Микоян предложил Хрущеву неофициально попросить членов Президиума вновь обратиться днем к вопросу о подводных лодках. «Я очень доверяю [моим опасениям], – сказал он Хрущеву, – и думаю, мы должны вернуться к этому вопросу о подводных лодках, потому что уверен, что отклонение моего предложения было ошибкой»⁵². И Хрущев поднимет этот вопрос после обеда.

* * *

Через два часа Президиум собрался снова, чтобы заслушать просьбу Микояна. Он снова предупредил своих коллег, что эти старые советские подводные лодки обнаружат сразу же, как только они нарушат блокаду, установленную США. И Малиновский опять принялся настаивать на том, что четыре лодки смогут «достичь берегов Кубы, и их не обнаружат». Советский министр обороны одержал верх и на этот раз.

После обеда члены Президиума собрались снова. Теперь предостережения Микояна относительно подводных лодок были восприняты всерьез, но лишь потому, что через сутки после начала кризиса наконец-то позвали высокопоставленного морского офицера и попросили его изложить свое мнение о подводных лодках. Любопытно, что именно Малиновский привел на заседание главнокомандующего военно-морского флота адмирала Сергея Горшкова, советского специалиста по боевому применению подводных лодок. Отношения между министерством обороны и советским военно-морским флотом были напряженными, и все-таки Малиновский неумышленно предоставил адмиралу Горшкову возможность сконфузить свое министерство перед Президиумом. Горшков знал, что военно-морской флот США может без труда обнаруживать подводные лодки класса «Фокстрот», не являющиеся новейшими достижениями советской технологии подводных лодок*.

На вечернем, третьем за один день, заседании Президиума, проходившем 23 октября, Горшков сосредоточился на обсуждении подводных лодок. Перед членами Президиума повесили карту вод, окружающих Кубу. Горшков старательно объяснил, что подвести подводные лодки к самым берегам Кубы очень трудно: чем ближе подходить к Кубе, тем меньше глубина воды. Кроме того, там множество крошечных островов, которые приходится, маневрируя, огибать. «Чтобы приблизиться к главному острову, судно должно пройти по очень узкому каналу, находящемуся под контролем радаров [ближайших] морских баз США... иначе говоря, невозможно проплыть по этому ка-

---

* См. примечания авторов к изданию книги в бумажной обложке на странице 720.

налу так, чтобы лодку не обнаружили». Как Микоян надеялся и ожидал, Горшков посоветовал держать четыре подводные лодки класса «Фокстрот» по периметру, в двух-трех днях морского пути от Кубы.

Микоян думал, что он победил. «Когда обнаружилась некомпетентность Малиновского, – позже вспоминал Микоян, – он уже не мог возражать». Хрущев, судя по всему, был согласен и поддержал новую инструкцию для командиров подводных лодок, предписывающую им держаться на расстоянии двух дней морского пути от Кубы.

* * *

Капитан Николай Шумков ничего не знал о споре в Кремле по поводу данных ему приказов. На его подводной лодке «С-18» класса «Фокстрот» было около семидесяти пяти человек экипажа*. Лодка длиной в триста футов [девяносто один метр. – *Примеч. пер.*] и шириной ровно в двадцать шесть футов [восемь метров. – *Примеч. пер.*] могла идти со скоростью восемнадцать узлов [33,336 километров в час. – *Примеч. пер.*] по морю и шестнадцать узлов [29,632 километра в час. – *Примеч. пер.*] – под водой. Разработанные для плавания в холодных водах, эти подводные лодки ни имели систем кондиционирования и охлаждения аккумуляторов. Если аккумуляторные батареи перегревались, они выпускали водород, что было по-настоящему опасно в тесном пространстве⁵³.

Помимо экипажа, продуктов и топлива каждый «Фокстрот» имел при себе двадцать две торпеды, одна из которых была с ядерной боеголовкой. Оружие – по приказу сверху – предназначалось только для самозащиты. Как вспоминал Шумков, «мы не могли использовать наше оружие самостоятельно». Однако все подводники знали, что в боевых условиях следовать указаниям Москвы невозможно. «Мы могли связываться с нашими командирами в определенное время, – вспоминал Шумков. – Американцы были на поверхности и могли связываться со своей базой в любое время... Поэтому могло случиться так, что американцам прикажут применить оружие, и мы ничего об этом не узнаем... что ставило нас в невыгодное положение».

Поздно вечером 23 октября «С-18», как и другие советские подводные лодки, всплыла, чтобы узнать новости. Чебрасов, главный радист «С-18», сказал: «Мы узнали об американской блокаде от командира». Шумков объявил команде: «На нашем пути находится американский флот, в частности, противолодочные корабли, но мы должны выполнять наше задание, чтобы продолжить его выполнение на Кубе»⁵⁴.

---

* См. примечание авторов к изданию книги в бумажной обложке на странице 720.

Несмотря на опасения Кремля, ни одна из подводных лодок не изменила своего курса, чтобы выйти из опасной зоны: то ли Хрущев и Малиновский решили оставить без внимания мнение Горшкова и Микояна, то ли флотское руководство не могло связаться со своими подводными лодками. Обе эти версии свидетельствуют, насколько непродуманными были попытки Хрущева снизить риск возникновения войны во время кризиса⁵⁵. Если до сих пор и существовали сомнения, что Соединенные Штаты задержат подводные лодки, то 23 октября они рассеялись. Пока Президиум спорил о том, какие приказы отдавать подводникам, посольство США передало командованию советского ВМФ ноту министерства обороны США, в которой подробно излагались методы идентификации подводных лодок пытавшихся прорвать блокаду⁵⁶.

24 октября, в десять часов утра по вашингтонскому времени, американцы начали блокаду. Американские корабли выстроились цепью вдоль внешнего края Вест-Индии [«Западная Индия», или «Западные Индии» – традиционно-историческое название островов Карибского моря. – *Примеч. пер.*]. А советские подводники все еще плыли навстречу им.

* * *

Рано утром 24 октября в Вашингтоне узнали, что советские надводные корабли остановились. В половине третьего ночи АНБ перехватило другое срочное сообщение из Одессы, адресованное всем советским кораблям. В следующем сообщении говорилось, что все дальнейшие сообщения будут поступать из Москвы⁵⁷. Через восемь часов, во время проходившего поздним утром заседания «Исполкома», президенту Кеннеди сообщили, что Управление военно-морской разведки выявило, что все шесть советских кораблей, находившиеся в территориальных водах Кубы, «или остановились, или повернули обратно»⁵⁸. Какое-то время в Белом доме не были уверены, то ли эти корабли уходили от Кубы с предназначенным для кубинцев грузом, то ли их маневры были частью советской операции поставок оружия. Пока это выясняли, министр обороны Макнамара объяснял Кеннеди, каким образом будет действовать военно-морской флот США в случае перехвата советской подводной лодки. Военно-морское командование США уже обнаружило три советские подводные лодки и полагало, что обнаружена также четвертая. Государственный департамент отправил свое сообщение в Москву накануне вечером, но после этого Макнамара решил изменить правила боя для истребителей (эсминцев) США. «Ситуация такова, – сказал он. – У нас есть глубинные бомбы с таким маленьким зарядом, что их можно сбросить, и они дей-

ствительно попадут в подводную лодку, но не причинят ей вреда». На вопрос, «учебные ли это глубинные бомбы», Макнамара ответил, что, поскольку, как предполагалось, Советы не смогут понять предупреждений, посланных с помощью гидролокатора, «эта глубинная бомба предупредит об опасности и заставит всплыть». Когда президент Кеннеди услышал, что его министр обороны в одностороннем порядке приказал военно-морскому флоту США отступить от принятых международных правил, которыми определялось, как надо всплывать неопознанным подводным лодкам (правил, запрещавших сбрасывать глубинные бомбы), для него наступило то, что Роберт Кеннеди позже назвал «временем величайшей тревоги». Президент, как позже отмечал в тот день его брат, «поднес руку к лицу, закрыл ею рот и сжал ее в кулак. Его глаза были напряженными, почти серыми, и мы просто смотрели друг на друга через стол»⁵⁹.

«Когда мы на них нападём? – потом спросил Кеннеди. – Думаю, что пока нам следовало бы подождать. Мы не хотим, чтобы первым судном, на которое мы нападём, была бы советская подводная лодка. Гораздо лучше, я думаю, если бы это был торговый корабль»⁶⁰. Макнамара не согласился: «Думаю, было бы крайне опасным, господин президент, пытаться откладывать нападение на эту подводную лодку в той ситуации, в какой мы находимся. Тогда мы можем легко потерять американский корабль». Учитывая озбоченность Макнамары, Кеннеди решил не менять указаний военно-морскому флоту⁶¹. Но его беспокоило, какой будет реакция Хрущева, если Советы потеряют подводную лодку или корабль. Он ожидал, что Советы ответят там, где они обладают географическим преимуществом: «Они скажут, что нет ни входа в Берлин, ни выхода из него – блокада»⁶². Эта перспектива его очень беспокоила: «Каким тогда будет наше положение? Что нам тогда делать?» И в те трудные дни это был не последний раз, когда Кеннеди испугался, что на решительные действия Соединенных Штатов во время Кубинского кризиса Советы могут ответить репрессиями против Берлина.

Пока Кеннеди обдумывал возможность конфронтации в Центральной Европе, директор ЦРУ Джон Маккоун вернулся с обнадеживающими новостями о кораблях, которые, по сообщению военных моряков, поворачивали назад: «Все эти корабли плывут на запад, все возвращаются на Кубу». Когда Кеннеди попросил уточнить, Маккоун добавил: «Они или остановили их, или повернули обратно». Эти корабли находились в Атлантическом океане, западнее Азорских островов. Не все советские корабли повернули назад, но среди вернувшихся были все с семифутовыми [свыше двух метров. – *Примеч. пер.*] люками, которые разведка США связывала с транспортировкой ракет.

Эти новости принесли некоторое облегчение, и в какой-то момент Дин Раск повернулся к Макджорджу Банди и прошептал: «Мы-то знаем, в чем дело, а он, я думаю, только догадывался». Кеннеди напомнил своим советникам, что Соединенные Штаты не тронут ни одного корабля, который остановился или повернул в противоположном направлении⁶³. Но советские подводные лодки назад не повернули.

Соединенные Штаты получили хорошие новости и на дипломатическом фронте. 23 октября Организация американских государств единодушно приняла резолюцию в поддержку карантина Кубы. Решение Кремля категорически отрицать наличие на Кубе ракет на заседании ООН ставило Валериана Зорина во все более невыносимое положение. Когда 25 октября постоянный представитель США при ООН Эдлай Стивенсон спросил Зорина, разместила ли Москва ракеты на Кубе, произошла сцена, во время которой состоялся один из самых известных обмен репликами времен «холодной войны»:

«ЗОРИН: Я нахожусь не в американском суде и поэтому не хочу отвечать на вопрос, который задается тоном прокурора.

СТИВЕНСОН: Сейчас вы находитесь перед судом мирового общественного мнения, и вы можете ответить “да” или “нет”.

ЗОРИН: В свое время вы получите ответ.

СТИВЕНСОН: Я готов ждать ответа на свой вопрос хоть до греческих календ»⁶⁴.

После этого Стивенсон показал аэрофотоснимки пусковых установок советских ракет. Эта сцена транслировалась по американскому телевидению в прямом эфире.

* * *

В четверг, 25 октября, настроение в Кремле было спокойным. Накануне Хрущев направил Кеннеди решительное послание, в котором американская морская блокада была названа незаконной, и содержался намек, что во избежание военной конфронтации Соединенные Штаты могут лишь отступить. «Естественно, – писал он, – мы не будем просто наблюдателями пиратских действий американских кораблей в открытом море»⁶⁵. Однако в тот день Хрущев рассматривал ситуацию вокруг Кубы по-другому. Он убедился, что должен взять на себя инициативу до того, как события выйдут из-под контроля. До унижения Зорина в ООН еще не дошло, когда Хрущев вновь созвал заседание Президиума, чтобы предложить выход из кризиса. Советский руководитель полагал, что настало время проявить тактическую гибкость, и предложил заключить честную

сделку⁶⁶. Если Кеннеди пообещает не вторгаться на Кубу, Хрущев отдаст приказ вывезти баллистические ракеты.

Хрущев попытался представить отступление как советский успех. «То, что американцы перетрусили, нет сомнения»⁶⁷, – сказал он. Имея в виду старую русскую поговорку, он добавил: «Видимо, Кеннеди спал с деревянным ножом». Его намек был слишком непонятным даже для такого многоопытного хитреца, как Микоян. «Почему с деревянным?» – спросил Микоян. «Когда человек первый раз идет на охоту на медведя, – объяснил Хрущев, – он берет с собой деревянный нож, чтобы очищать [его запачканные] штаны было легче». После этого обмена репликами напряжение среди присутствовавших ослабло.

Но на деле эта шутка имела отношение к самому Хрущеву. Это именно он в этот острый момент кризиса испугался и нуждался в подобном шутовском «оружии». Однако у него были и основания для надежды, что Кеннеди, может быть, пойдет на сделку. Правда, начиная свою операцию, Хрущев имел в виду и более амбициозные цели, помимо спасения Фиделя Кастро. Однако, если Кеннеди уступит, можно будет сказать, что ракетная программа, по крайней мере, предотвратила будущее нападение США на Кубу. Хрущев пытался убедить своих слушателей, что вывод с Кубы ракет «Р-12» произойдет не за счет советской безопасности. «Мы [еще] можем разбить США и с территории СССР», – сказал он, не вполне в это веря. Упомянув о последствиях, которые это будет иметь для его намерения начать осенью Берлинский кризис, Хрущев мимоходом бросил лишь одну малопонятную реплику: «[У нас] кое-что вышло, кое-что нет». После этого обсуждение вопросов, связанных с Берлином, сразу же стало табу.

Хрущеву было трудно продолжать свою браваду. Продолжая свою речь, он вынужденно признал, что и он, и другие испытали страх после выступления Кеннеди 22 октября. «Инициатива в наших руках, не надо бояться. [Мы] начали, и [потом] трусили».

«[Но] это не трусость, – не без раздражения сказал Хрущев, оправдывая предложенную сделку, – это благоразумный шаг». Куба не была для Советского Союза достаточно важным поводом, чтобы вступить из-за нее в войну с Соединенными Штатами, аргументировал он, потому что «не от Кубы зависит будущее, а от нашей страны». Тем не менее Хрущев не думал, что Москва должна оставить Гавану на произвол судьбы. Он предложил, что в обмен на обещание ненападения, которое дадут Соединенные Штаты, Советский Союз вывезет лишь баллистические ракеты «Р-12» – ракеты «Р-14» еще не прибыли, но оставит «другие ракеты», предположительно ракеты «Луна» с ядерными боеголовками и крылатые ракеты, для защиты кубинцев в

будущем. «Этим самым мы укрепим Кубу и спасем ее на два-три года. А через несколько лет еще труднее [для Соединенных Штатов] с ней справиться».

В тот вечер коллеги Хрущева проголосовали единогласно, одобряя это дипломатическое отступление. Никто из них, включая Микояна, не вынуждал Хрущева взять личную ответственность за эту катастрофу. Его призыв к благоразумию наверняка показался лицемерным тем, кто видел, как со времени встречи в Вене он неоднократно отстаивал курс балансирования на грани войны (теория мениска) ради достижения внешнеполитических целей СССР. Однако в тот напряженнейший вечер коллеги Хрущева предоставили ему право самому решить, когда обратиться с предложением к Кеннеди. Надо «оглядеться», сказал Хрущев, и найти правильное время, чтобы предложить сделку⁶⁸. Предложение будет сделано в письме президенту США, которое продиктует Хрущев. А пока, чтобы уменьшить риск возникновения войны, он посоветовал вернуть к советским берегам последний находившийся в открытом море корабль, перевозивший «специальный груз» (этот эвфемизм использовался для обозначения компонентов ядерного оружия).

С точки зрения амбициозных планов Хрущева на осень 1962 года крах операции «Анадырь» стал его серьезным личным поражением. Защита Кубы была не единственной заботой Хрущева и, разумеется, не главной причиной, в силу которой он решил послать на остров ядерные ракеты. Тем не менее это была хорошая позиция для отступления: для мира и для его кубинских союзников сделка не будет противоречить видимым целям советской политики по отношению к режиму острова. «Ракеты сыграли свою положительную роль, – заверил Хрущев своих коллег, – [и] если нужно, ракеты могут появиться там снова».

В ночь после заседания Хрущев, возможно, попросил прозондировать американцев, прежде чем послать письмо⁶⁹. Советская разведка докладывала, что Кеннеди не против того или иного дипломатического урегулирования. Но пока это было трудно утверждать, ибо до сих пор администрация Кеннеди не говорила напрямую ни с сотрудником ГРУ Большаковым, ни с послом Добрыниным. Несмотря на предпринятые Кремлем меры предосторожности, о заинтересованности Хрущева в дипломатическом урегулировании могли узнать в главном управлении КГБ. Председателя КГБ Владимира Семичастного не приглашали на заседание Президиума 25 октября⁷⁰. Однако там присутствовал его патрон, Александр Шелепин, бывший руководитель КГБ, ставший теперь полноправным членом Президиума. До конца своих дней Семичастный отрицал, что в ту ночь он получил особое поручение проверить заинтересованность Белого дома в дип-

ломатическом урегулировании. Однако уже на следующее утро глава резидентуры КГБ в Вашингтоне Александр Феклисов предложил американскому журналисту ту самую сделку, которая за несколько часов до этого обсуждалась в Кремле.

Феклисов, прибывший со своей миссией в Вашингтон в начале 1962 года, всегда считал обозревателя телекомпании «ABC News» Джона Скали полезным источником информации. «Он был из Бостона, и я считал, что он знаком с семьей Кеннеди»⁷¹, – вспоминал позже Феклисов. Феклисов был легендарным офицером советской разведки, когда-то он договорился со знаменитым шпионом, выдавшим ему информацию по атомной бомбе, Юлиусом Розенбергом. Лысоватый, деятельный, он принадлежал к поколению серьезных журналистов: начав свою карьеру в качестве журналиста печатной прессы, позже он стал пионером теленовостей. Скали больше привык находить источники информации, чем быть таким источником самому, но, когда в ФБР ему намекнули, что для страны будет неплохо, если он познакомится с Феклисовым, они начали регулярно встречаться⁷².

26 октября Феклисов позвонил Скали, чтобы пригласить его на срочную встречу. Они встретились за завтраком в ресторане «Оксидентал», около отеля «Уиллард». Ресторан не был местом для тайных встреч. Здесь любили бездельничать многие вашингтонские политические знаменитости – даже те, кто был не столь известен читателям газет. Свой столик был и у Ричарда Хелмса – высококлассного профессионала разведки и будущего директора ЦРУ.

О беседе, состоявшейся в тот день между Скали и Феклисовым, рассказывали по-разному. Из кремлевских стенограмм явствует, что более достоверна версия, которую впоследствии изложил Скали⁷³. Феклисов спросил у Скали, что он «думает» о плане из трех пунктов, предложенном для того, чтобы положить конец кризису:

1. Советские ракетные базы будут демонтированы под наблюдением ООН.
2. Фидель Кастро пообещает никогда не принимать никакого наступательного оружия.
3. В обмен на вышеизложенное Соединенные Штаты берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу.

Это был почти слово в слово тот же план, который накануне ночью Хрущев предложил своим коллегам в Москве. Скали немедленно передал этот план своему куратору из государственного департамента⁷⁴.

Какой бы ни была роль Кремля в этом зондировании, Хрущев уже решил не ждать никаких дальнейших вестей от Кеннеди перед тем, как отправить ему письмо. Он уже получил от своих коллег разрешение пойти на уступки, когда для этого настанет благоприятное время. И оно настало на следующий день. Рано утром в пятницу, 26 октября

ря, Хрущев получил множество сведений, указывающих на то, что американцы, по всей вероятности, готовятся совершить нападение 27 октября. Однако ни одно из этих сообщений не было проверенным. Лучшим из этих них был слух, который русский эмигрант, работавший барменом, услышал в Национальном пресс-клубе. Поздно вечером 25 октября Уоррен Роджерс из «Нью-Йорк геральд трибюн» и Роберт Донован, главный редактор этой газеты, расслабились в баре после напряженного дня. Пентагон только что назначил Роджерса своим репортером в случае вторжения на остров, и он думал, что на следующий день его могут вызвать во Флориду. Корреспондент агентства «Рейтер» в Вашингтоне П. Хеффернан и агент под кодовым именем «Гэм» рассказали сотрудникам ГРУ и КГБ примерно то же самое⁷⁵. И, наконец, примерно тогда же своими опасениями с советской военной разведкой поделился и кубинский президент Освальдо Дортикос⁷⁶. Под впечатлением от этих разрозненных сведений о настроениях в Белом доме Хрущев решил, что пора искать собственный дипломатический выход.

Посольство США получило длинное личное письмо Хрущева, адресованное Кеннеди, 26 октября, незадолго до пяти часов вечера по московскому времени. Хрущев предложил вывезти ракеты в обмен на обязательство США не вторгаться на остров. «Мы, со своей стороны, заявим, что [наши] корабли, идущие на Кубу, не везут никакого оружия. Вы же заявите о том, что Соединенные Штаты не вторгнутся своими войсками на Кубу и не будут поддерживать никакие другие силы, которые намеревались бы совершить вторжение на Кубу. Тогда необходимость присутствия наших военных специалистов на Кубе отпадет»⁷⁷. Чтобы убедиться, что Кеннеди понял, что именно подразумевается под вывозом ракет, Хрущев написал: «Если угрозы нет, то вооружения – это бремя для каждого народа. В таком случае вопрос об уничтожении не только того оружия, которое вы считаете наступательным, но и всякого другого оружия, будет выглядеть по-другому»⁷⁸.

* * *

Очень шумная консервная банка с ядерной торпедой поставила под удар усилия Хрущева выбраться из кубинского лабиринта без катастрофы. 26 октября аккумуляторные батареи подводной лодки Николая Шумкова разрядились почти полностью. Подводная лодка могла оставаться под водой лишь три или четыре дня – после этого батареи приходилось перезаряжать. У Шумкова не было возможности это сделать несколько дней, и двум бортовым двигателям не хватало мощности для работы. Для перезарядки аккумуляторов по-

требовалось бы пробыть на поверхности целый день, все это время дизельные двигатели должны были работать на смеси нефти и воздуха. Шумков знал, что в течение суток он нигде не найдет такого спокойного места, чтобы дать лодке всплыть для перезарядки, но должен был попытаться как-нибудь подзарядить аккумуляторы. И он был готов рискнуть, где бы ни застала его ночь. Попытавшись сделать это поздним вечером 25 октября, капитан потерпел неудачу, когда увидел американский корабль. Поэтому новую попытку он предпринял 26 октября, около десяти часов вечера времени Восточного побережья (или в двадцать пять минут третьего ночи всемирного времени). «Мы всплыли, и нам удалось перезарядить аккумуляторы почти два или три часа. [Потом] мне сказали, что с четырех направлений ко мне приближаются противолодочные американские военные корабли»⁷⁹. Ни подводная лодка, ни ее преследователи не использовали прожекторов, что было нарушением правил международного судоходства, но это был момент возможного боя, а не торговли.

Всплывшую подводную лодку американцы обнаружили с помощью приборов ночного видения и радиолокатора. Захватить «С-18» было проще простого. «Когда я услышал, что они нас обнаружили, – вспоминал Шумков, – я приказал остановить перезарядку и погружать лодку под воду». Начав погружение, медлительная из-за ослабления мощности своих двигателей «С-18» не заметила надвигающийся американский эсминец, бороздивший воду над боевой рубкой подводной лодки. «Та ночь едва не стала для нас катастрофической». Чтобы предупредить советскую подводную лодку о том, что она попала в игру с высокими ставками, американский корабль бросил в «С-18» три гранаты. «Когда они взорвали эти гранаты, – сказал Шумков, – я подумал, что они нас бомбят».

Отказавшись всплыть, Шумков приказал продолжать погружение, но вскоре возникла другая чрезвычайная ситуация. Ему сообщили, что в одном из отсеков подводной лодки образовалась течь. По инструкции при возникновении такого рода неполадки полагалось всплывать. Если просочится слишком много воды, подводная лодка могла потерять управление и затонуть. Шумков знал, что нельзя всплывать, если наверху все еще кружат американские корабли. К счастью, выяснилось, что это была тонкая трещина, которую команде удалось заделать. Шумков едва не погиб, дважды за один день. Неизвестно, узнал ли Кремль об этой стычке до окончания кризиса.

* * *

Во время встречи в Вене Джон Кеннеди расспрашивал Хрущева, почему у него хватает времени для долгих бесед с такими американ-

скими журналистами, как Уолтер Липпман⁸⁰. Хрущев никогда не учил английский, хотя его жена и дети выучили, но всегда спешил прочесть в переводе то, что писали о нем видные американские журналисты. Настолько, насколько Хрущев мог вообще одобрить буржуазные воззрения, он ценил реализм Липпмана. Журналист, который в годы своей учебы в Гарвардском университете был знаком с известным американским большевиком Джоном Ридом, похоже, понимал, что в международных отношениях возможно, а что невозможно. Часто он знал такое, что, по всей видимости, свидетельствовало о каких-то источниках секретной информации.

Однажды поздно вечером, в пятницу 26 октября, или ранним утром, в субботу 27 октября, Хрущеву дали статью Липпмана от 25 октября. Ее автор предлагал свой вариант дипломатической сделки, чтобы покончить с кризисом – вариант, отличавшийся от того, который Хрущев изложил в письме, уже отправленном Кеннеди. Проводя параллель между советской ракетной базой на Кубе и американской ракетной базой в Турции, где размещались ракеты «Юпитер», Липпман предлагал сверхдержавам демонтировать обе, чтобы закончить кризис.

На идею Липпмана Хрущев натолкнулся тогда, когда уже начинал опасаться реакции Кеннеди⁸¹. Прошло больше четырех дней с тех пор, как Кеннеди произнес речь, в которой объявил о карантине, и ничего не случилось. Президент США, может быть, знал, что некоторые из советских кораблей вернулись назад, но Хрущев в знак протеста против блокады продолжал посылать на Кубу безвредные грузовые суда и танкеры, на которых, наверное, уже производили досмотр. Почему же Белый дом пока не применил силу? К тому же Хрущев получил от разведки некоторую информацию о вторжении. Согласно Роджерсу и другим, нападение должно было произойти. Но пока не произошло.

Могло быть, Кеннеди делал ему через Липпмана предложение? Эта идея посетила Хрущева совсем недавно. Но даже если предложение Липпмана было лишь плодом его фантазии, тот факт, что администрация, казалось, была парализована, означал, что Хрущев, вероятно, может заключить соглашение на лучших условиях, чтобы закончить все дело. Охваченный такой уверенностью, которой он еще не чувствовал после кошмарной ночи 22 октября, Хрущев решил поднять ставку.

На заседании Президиума он предложил послать Кеннеди еще одно письмо. В нем содержалось требование, чтобы Кеннеди пообещал вывезти ракеты «Юпитер» *в дополнение* к условиям, обозначенным в письме от 26 октября. Таким образом и появилось знаменитое второе письмо периода ракетного кризиса. «Если мы это сделаем, – с восторгом сказал Хрущев, – то сможем победить»⁸².

Взволнованный перспективами, которые открывало это новое предложение, Хрущев хотел, чтобы письмо отослали немедленно. Кеннеди еще не ответил на его предложение от 26 октября; возможно, новое письмо не даст ему согласиться на менее выгодное предложение. Вместо того чтобы использовать секретный канал, как он это делал со своими прежними письмами, Хрущев велел зачитать его по радио «Москва». Так Фидель Кастро узнал, что Москва пытается договориться о ликвидации своей ракетной базы на Кубе.

* * *

Во время кризиса «Исполком» президента Кеннеди заседал непрерывно, и получение от Хрущева двух писем смутило и его самого, и его советников. Во-первых, Хрущев был, судя по всему, готов вывезти ракеты в обмен всего лишь на обещание не нападать на Кубу. Затем в субботу утром, 27 октября, «Исполком» получил открытое письмо Хрущева с призывом вывезти из Турции ракеты «Юпитер». Члены «Исполкома» разошлись во мнениях относительно причины этого изменения. Некоторые предполагали, что, возможно, сторонники жесткой линии из окружения Хрущева вынудили его потребовать поднять цену за вывоз ракет с Кубы. Но никто в окружении Кеннеди не мог и вообразить, что это сам Хрущев отчаянно пытался спасти лицо, чтобы добиться хоть небольшого изменения ядерного баланса сил.

Поздно вечером 27 октября пришли новости, что пилотируемый майором Рудольфом Андерсоном самолет «U-2» был сбит во время аэрофотосъемки над Кубой. Это усилило напряженность. Многие в Вашингтоне считали, что это была сознательная уловка, на которую пошла Москва, чтобы загнать в тупик Кеннеди, пока он ломал голову над двумя письмами. В конечном счете, президент решил дать официальный ответ лишь на первое письмо. Он и его советники расходились во мнении о том, как уклониться от требования Хрущева в отношении ракет «Юпитер», содержавшегося во втором письме. Если согласиться, пришлось бы привлечь и турок, которые уже дали понять, что не хотят, чтобы «Юпитеры» стали частью какой-либо сделки, и многие члены «Исполкома» были единогласно против того, чтобы оказывать эту уступку Хрущеву.

Однако Кеннеди был уверен, что «Юпитерами» можно и поступиться, чтобы избежать ядерной войны. И он отправил своего брата к советскому представителю для того, чтобы сделать предложение Советам частным образом. Большакова к тому времени заменили Добрыниным, которого Кремль считал более удачным каналом связи. С советским послом Роберт Кеннеди встретился в субботу поздно

вечером. Кеннеди заявил, что президент счел предложение Хрущева вывезти ракеты взамен на обязательство США не вторгаться «подходящей основой для урегулирования всего кубинского дела»⁸³. В ответ на вопрос о дополнительном требовании Хрущева вывезти ракеты «Юпитер» Кеннеди ответил: «Если в этом единственное препятствие к достижению урегулирования, о котором я упомянул раньше, то президент не видит никаких непреодолимых трудностей в решении этого вопроса». Он пообещал, что ракеты будут вывезены в срок «от четырех до пяти месяцев», и попросил, чтобы Советы поняли, что «огромная трудность для президента – это публичное обсуждение вопроса о Турции». Москве передали это сообщение. Уступка по «Юпитерам» должна была сохраниться в тайне.

* * *

28 октября, примерно в полдень, Хрущев собрал на своей даче под Москвой своих советников и весь Президиум. Ранним утром, менее чем через двенадцать часов после того как требование Хрущева относительно «Юпитеров» было выдвинуто, о нем стало известно в Белом доме. Хрущев чувствовал, что не может больше ждать. Он спешил закончить кризис, даже если при этом упустит возможность вынудить американцев демонтировать их ракетную базу в Турции. Поступившие с Кубы новые данные разведки были, пожалуй, еще более угрожающими, чем слухи о нападении, которые Хрущеву сообщили 26 октября. Без особого разрешения советский командир применил ракету «земля–воздух», чтобы сбить американский самолет-разведчик⁸⁴. К тому же Кастро, судя по всему, начинал действовать неразумно. Хрущев знал, что в ночь с 26 на 27 октября кубинский руководитель диктовал письмо послу Алексееву. Кастро выступал за то, чтобы при необходимости начать атомную войну для защиты чести Кубы и дела социализма. «Если они действительно совершат зверское нападение на Кубу, – писал он, – то это подходящий момент, чтобы, применив законную оборону, ликвидировать подобную опасность навсегда, каким бы жестоким и ужасным ни было это решение»⁸⁵.

До открытия архивов Кремля существовало мнение, что согласие Кеннеди на выдвинутое в последнюю минуту требование Хрущева вывезти ракеты из Турции было принято на основе дипломатического соглашения. Однако протоколы Президиума, которые вел Владимир Малин, не оставляют сомнения, что Хрущев решил согласиться на первую предложенную сделку задолго до того, как ему сообщили, что Джон Кеннеди, через своего брата Роберта, предложил демонтировать размещенные в Турции ракеты «Юпитер»⁸⁶. И Хрущев действи-

тельно продиктовал свои тезисы об уступках, которые нужно было оформить в виде письма президенту США еще до того, как он узнал об уступке, предложенной самим Кеннеди. Когда в зале заседаний узнали о беседе Роберта Кеннеди с Добрыниным, Хрущев очень обрадовался и, видимо, испытал облегчение. Он знал, что вывоз ракет «Юпитер» станет свидетельством того, что американцы вынужденно признают параллель между тем, что он пытался сделать на Кубе, и тем, чего администрация Эйзенхауэра и его преемник хотели добиться на территориях вокруг Советского Союза. Уступка, которая, видимо, была еще приятнее потому, что оказалась такой неожиданной и излишней, была для Хрущева формой оправдания.

Хрущев не изменил продиктованного им письма. Роберт Кеннеди попросил, чтобы уступку сохраняли в тайне между двумя самыми могущественными мировыми лидерами, и Хрущев согласился. Больше всего ему хотелось как можно скорее сообщить – в общих чертах – о завершении кризиса правительству США, и радиотрансляция подошла бы для этого лучше всего.

Кубинцы не играли никакой роли в переговорах Хрущева с Кеннеди. В последние дни кризиса Хрущев не утруждал себя общением с Кастро – даже тогда, когда он то считал себя победителем, то впадал в глубокое отчаяние, предполагая, что война вот-вот разразится. Позже, вспоминая о том, что с ним не советовались, а Хрущев внезапно решил вывезти баллистические ракеты, Кастро назвал это одним из самых больших «предательств» Кубинской революции. Больше всего Фиделя Кастро оскорбило то, что Хрущев хотел договориться за счет кубинского суверенитета, чтобы спасти свою шкуру. Советы знали, что Кастро не допустит в свою страну инспекторов, и тем не менее Хрущев в своих письмах от 26 и 27 октября в одностороннем порядке предложил Кеннеди инспектировать – в той или иной форме – ракетные базы, чтобы американцы убедились, что оружие вывезено. На заседании Президиума 28 октября, когда Хрущев окончательно сформулировал совокупность мероприятий, необходимых для разрешения кризиса, он обсудил возможность привлечения к инспектированию Общества Красного Креста, даже не подумав о том, что идея инспекции может быть неприемлемой для его кубинского союзника. Это было разновидностью того беззастенчивого пренебрежения интересами союзника, за которое Хрущев критиковал Сталина, – и теперь совершал тот же грех сам.

Любопытно, что во время кризиса Хрущев не нашел времени успокоить опасения одного из своих важных союзников. Вальтер Ульбрихт явно не принимал участия в подготовке к ноябрьскому выступлению Хрущева на заседании ООН, и ему, по всей видимости, не рассказали об операции «Анадырь». Осенью отношения с Восточной

Германией совсем испортились. Восточные немцы опять предложили такой пятилетний экономический план, который Советы сочли безответственным. 23 октября в числе других вопросов Кремль рассмотрел и доклад об экономическом положении в Восточной Германии⁸⁷. Знакомая история! Ульбрихт снова собирался закупать за границей больше товаров и хотел ради этого вынудить Советы продавать золото и тратить валюту. Вину за нежелание восточных немцев принимать во внимание экономические соображения Хрущев возложил на своего посла в Восточной Германии Первухина. Видимо, обеспокоенный перспективой уступок, которые в берлинском вопросе Кеннеди мог добиться от Хрущева, чтобы закончить кубинский кризис, Ульбрихт попросил Хрущева принять его 27 октября⁸⁸.

Согласившись на эту просьбу, Хрущев и несколько его кремлевских коллег встретились с большой делегацией высокопоставленных восточных немцев во главе с Ульбрихтом. Неизвестно, о чем они друг с другом говорили, но Ульбрихт уехал довольным. В отличие от Кастро Ульбрихт имел возможность договориться с Хрущевым лицом к лицу. После провала кубинской авантюры Хрущева с его притязаниями на стратегические выгоды экономические реформы приобрели еще большее значение в качестве гарантии будущего Восточной Германии.

* * *

Согласие Хрущева урегулировать кубинский кризис в Вашингтоне встретили с облегчением. В Белом доме об этом узнали 28 октября, в полдень по времени Восточного побережья⁸⁹. Джон Кеннеди предположил, что решающим фактором для заключения договора стало именно предложение о вывозе ракет из Турции. Не желая выдавать того, что он пошел на эту уступку в последнюю минуту, президент и Генеральный прокурор сообщили об этом лишь небольшой группе советников.

Не зная, что его уступка в отношении ракет была ключевым элементом более масштабной кампании Кремля, Кеннеди не имел представления о том, какого успеха он добился во время кризиса. Попытка Хрущева изменить баланс сил одним ударом провалилась. На этот риск он пошел в большей степени ради будущих завоеваний в Центральной Европе и Юго-Восточной Азии, чем ради защиты Фиделя Кастро. После Суэцкого кризиса 1956 года Хрущев полагал, что лишь демонстрация ядерной мощи может привести к такому политическому урегулированию, которого он добивался во всем мире. У него не было подлинного желания бороться за вывод западных войск из Западного Берлина, за привлечение на советскую сторону

Иордании, Ирака и Сирии или за то, чтобы прекратить американскую поддержку группы Фуми Носавана в Лаосе. В каждом из этих случаев он надеялся запугать Соединенные Штаты, вынудив их признать советское представление о справедливом исходе. В январе 1962 года Хрущев еще думал о том, когда пойти на этот шаг, но в конце весны он решил, что этот год будет годом того, что он назвал последней битвой⁹⁰.

Соглашение, о котором договорились 28 октября, было не тем результатом, на который рассчитывал Хрущев. После вывода ракет с Кубы что он приобретет от этой операции? Приблизится ли он к стратегическому паритету с Соединенными Штатами? Получил ли он договор о разоружении или согласие Кеннеди на вольный город Западный Берлин? Нет. Он получил лишь обещание США не вторгаться на Кубу (на самом деле этого вторжения Хрущев не ожидал, как минимум, до 1964 года) и секретное обещание американцев убрать несколько ракет из Турции.

Советского руководителя могло обрадовать то, что несколько дней Джону Кеннеди, судя по всему, пришлось поволноваться. Однако президент США не испугался. Это Хрущев был вынужден признать своим коллегам, что его внешнеполитическая инициатива стала слишком рискованной. События подтвердили и обоснованность опасений, которые Микоян высказывал в мае, и его осторожность в октябре. Теперь Хрущев лучше понимал, что развитием кризиса Кремль может управлять отнюдь не бесконтрольно. Опасное столкновение между подводными лодками «Фокстрот» и военно-морским флотом США удалось предотвратить лишь с трудом. В самый напряженный день кризиса, когда Москва надеялась на дипломатическое урегулирование, один из советских командиров без распоряжения сбил над Кубой американский самолет «U-2».

Хотя 28 октября Кеннеди беспокоился о политических издержках своих уступок по «Юпитерам», если секрет будет когда-нибудь раскрыт, у Хрущева было гораздо больше оснований беспокоиться о долгосрочном влиянии этого кризиса на его перспективы как руководителя. Кубинский ракетный кризис стал поворотным пунктом в подходе Хрущева к советской внешней политике и, следовательно, к «холодной войне».

Глава 20

«ОСТАВЛЯЯ ЗА КОРМОЙ СТРАХ»

После Кубинского кризиса Никите Хрущеву пришлось пересмотреть все свои подходы к противоборству с США в «холодной войне». В ноябре 1962 года придет конец резким изменениям внешней политики, так характерные для него с 1958 года. Вместо этого придется договариваться о достойном закрытии советской ракетной базы на Кубе.

Благодаря контактам между Кеннеди и Хрущевым, обменивавшимся письмами в конце октября, накал противостояния значительно снизился, положив конец самому напряженному периоду ракетного кризиса, однако до соглашения между двумя странами еще не дошло. За свое обещание вывезти с острова стратегические ракеты Хрущев получил лишь то, о чем Кеннеди писал 27 октября 1962 года: «Мы же, со своей стороны, согласимся – при условии создания с помощью ООН системы адекватных мер, обеспечивающих выполнение данных обязательств, – а) быстро отменить введенные в настоящий момент блокадные мероприятия и б) дать гарантии ненападения на Кубу»¹. Формулировки президента были более абстрактными, чем хотелось бы Хрущеву, но он с ними согласился. Помимо этого письменного обещания Хрущев получил и устное согласие, переданное через Роберта Кеннеди 27 октября: в течение четырех-пяти месяцев Соединенные Штаты вывезут пятнадцать ракет промежуточной дальности «Юпитер», размещенные в Турции ранее, в 1962 году. Кризис пошел на спад, и Кремль хотел закрепить эти полученные от США обязательства.

У Хрущева не было иного выхода, кроме как вовлечь Кастро в эту дипломатию. До сих пор советский руководитель не допускал кубинцев до участия в переговорах в связи с кризисом. Однако в письме от 27 октября Хрущев пообещал Кеннеди «заключить соглашение, чтобы дать возможность представителям ООН проверять демонтаж этих средств»². Для выполнения этого обещания требовалось согласие кубинцев на тот или иной режим инспекций на месте. Если сам Хрущев панически боялся допускать иностранных наблюдателей

в Советский Союз, то, полагал он, ради мирного завершения кризиса кубинцы должны согласиться на нарушение их собственного суверенитета.

От американцев Хрущев хотел получить официальное обязательство никогда не нападать на Кубу, которое можно было бы представить на рассмотрение в ООН в форме договора. Кроме того, он хотел, чтобы Соединенные Штаты сократили количество разведывательных полетов на высоких и низких высотах, несколько раз в день нарушавших воздушное пространство Кубы. Урегулированием этих вопросов Хрущев занимался в течение трех следующих недель.

Однако и Кастро, и Кеннеди создавали здесь сложности Кремля. 28 октября Кастро публично заявил о пяти требованиях, на которые должны согласиться Соединенные Штаты, чтобы он рассмотрел вопрос о завершении кубинского кризиса: Соединенные Штаты должны отменить экономические санкции против Кубы, включая торговое эмбарго; должны прекратить всякую подрывную деятельность; Вашингтон должен предотвратить «все пиратские нападения» с континентальной части Соединенных Штатов и из Пуэрто-Рико; самолеты США должны прекратить нарушать воздушное пространство Кубы и территориальные воды; и, что самое трудное, Соединенные Штаты должны уйти из своей военно-морской базы в Гуантанамо и отменить ее бессрочную аренду. Эти требования и без того создавали проблемы для Советов, полагавших, что кубинское руководство должно согласиться на дипломатическое урегулирование, предложенное Хрущевым, но Кастро в довершение всего добавил, что он ни при каких условиях не допустит на Кубу инспекторов ООН.

Кастро ополчился на обе сверхдержавы. Он чувствовал, что Хрущев его предал, а Кеннеди он совершенно не доверял. Посол Алексеев, посетивший кубинского лидера после объявления 28 октября о сделке сверхдержав, сообщил в Москву, что еще никогда не видел Фиделя Кастро таким подавленным и раздраженным³. У советского посла было ощущение, что Кастро полагал, будто вывоз советских стратегических ракет – это лишь первый шаг, и со временем Хрущев откажется от защиты Кубы. Кубинец опасался, что, несмотря на обещания Кеннеди, американцы воспользуются возможными уступками в советских договоренностях с Кубой, чтобы напасть на остров. Особенно оскорбительным для Кастро было предложение советской стороны согласиться на международное наблюдение за вывозом ракет. Кастро полагал, что Хрущев, прежде чем давать такое обещание президенту Кеннеди, должен был предварительно посоветоваться с Гаваной.

31 октября Кастро сказал Алексееву: «Если бы только некоторые кубинцы не могли понять советского решения демонтировать ракеты; его не понимают все кубинцы»⁴. Тем временем от представителей

советской разведки на острове Москва получала тревожные свидетельства, что это не преувеличение, что гнев и подозрительность кубинского руководства распространились и на кубинскую армию, и на разведслужбы⁵. Все без исключения кубинские сотрудники говорили советским представителям, что СССР проявил наивность, согласившись на сделку с Джоном Кеннеди.

Чтобы успокоить кубинцев, 2 ноября Хрущев послал в Гавану Микояна – единственного члена Президиума, побывавшего на Кубе. Его задача была чрезвычайно трудной. Микояну предстояло как-то отговорить Кастро от этих требований, одновременно заручившись его поддержкой заключения договора с американцами в его нынешнем формате.

Когда Микоян прилетел на Кубу, правительство США еще больше усложнило задачу Советов. Через Эдлая Стивенсона, представителя США в ООН, Кеннеди передал Хрущеву, что баллистические ракеты – это не единственное оружие, которое, как он ожидал, Советы вывезут с Кубы. Когда 27 октября Хрущев пообещал вывезти «средства, которые вы считаете наступательными», он имел в виду лишь баллистические ракеты средней дальности⁶. Стивенсон объяснил, что его правительство считало наступательным оружием и самолеты-бомбардировщики «Ил-28» (по кодификации НАТО – «Beagle» – «Гончая»), потому что они могут сбросить ядерные бомбы на южную Флориду. Военная ценность этих самолетов, не принадлежавших к последнему поколению советских бомбардировщиков средней дальности, была, в сравнении с ракетами, незначительной, однако необходимость вывозить еще одну систему вооружения помешала Хрущеву окончательно закрепить достигнутое соглашение. Кроме того, это требование представлялось ему бесосновательной попыткой усугубить его унижение.

Через два дня после того, как Кеннеди поднял вопрос о бомбардировщиках, Хрущев попытался отговорить его от слишком настойчивого стремления заставить Советы пойти на эту уступку. Это требование, написал он в частном порядке Кеннеди, «может привести не к улучшению наших отношений, но, наоборот, к их новому осложнению»⁷. Однако попытка Хрущева оказалась неудачной. «Уверю вас, – ответил 6 ноября Кеннеди, – что этот вопрос о самолетах “Ил-28” для нас совсем не незначительный»⁸.

* * *

Дерзость Кеннеди и раздражение Кастро, продемонстрированные сразу же после Кубинского ракетного кризиса, создавали для Кремля

немало проблем, но в довершение всего помехи начали чинить и китайцы. Вначале, после объявления о сделке Хрущева и Кеннеди, они не делали никаких официальных заявлений, но едва скрывали свою досаду. Сообщения о предложении Хрущева демонтировать ракеты китайские газеты печатали мелким шрифтом, в то же время цитируя китайских руководителей, безмерно восхвалявших сопротивление Кастро силам империализма⁹.

31 октября Мао Цзэдун и китайское руководство поменяли тактику и на первой полосе главной китайской газеты «Жэньминь жибао» (буквально: «Народная ежедневная газета») начали резко критиковать Хрущева. Его порицали за то, что он уступил «империалистическому усилию Соединенных Штатов запугать людей всего мира и принудить их к отступлению за счет Кубы»¹⁰. По мнению Пекина, обязательство Кеннеди не вторгаться на Кубу было «всего лишь обманом». В последующие дни китайские газеты не ослабляли своей оглушительной критики поведения Хрущева во время кризиса, называя его предательством марксистско-ленинских принципов. Одновременно Пекин поддержал пять требований Кастро как единственно приемлемую основу для завершения кризиса¹¹.

Чтобы еще нагляднее продемонстрировать свое неприятие плана кубинского урегулирования, режим Мао организовал в Пекине четырехдневные массовые демонстрации. Ежедневно десятки тысяч людей толпами шли к кубинскому посольству, демонстрируя солидарность¹². 6 ноября китайские газеты сравнивали действия Хрущева с усилиями Невилла Чемберлена умиротворить Адольфа Гитлера в Мюнхене. «Попытка применить мюнхенский опыт против кубинского народа, который уже стал независимым, – поучала газета “Жэньминь жибао”, – обречена на полный провал»¹³. Когда 7 ноября на мероприятии в честь годовщины большевистской революции советский посол попытался поднять тост за Хрущева, принимавшие его китайцы промолчали¹⁴. Дополнительное давление оказал и маленький союзник Китая на Балканах: государственная радиостанция Албании раскритиковала Хрущева за «современный ревизионизм», заявив, что коммунизм не сможет одержать победу над капитализмом, «торгуясь и делая уступки империализму»¹⁵.

* * *

Негодование Кастро, критика китайцев и даже новые требования Вашингтона не поколебали решимости Хрущева оформить соглашение с Кеннеди. В Гаване Микоян лицемерно хвалил пять требований Кастро, но настаивал, чтобы кубинское руководство согласилось на

один из вариантов инспектирования. На первой встрече с Кастро, состоявшейся 3 ноября, Микоян попытался смягчить уступку, которую Москва требовала от Гаваны. «Речь идет, – сказал он, – не о повсеместной проверке, а лишь об инспекции пусковых комплексов, известных американцам по результатам аэрофотосъемки, – мест расположения пусковых установок стратегических ракет»¹⁶. Микоян заверил Кастро, что СССР не ждет, чтобы Куба согласилась на какую-либо постоянную или всеобъемлющую проверку – такую, какую и сам Хрущев никогда бы не допустил на советской земле.

Однако Кастро стоял на своем. «Я хочу сказать товарищу Микояну, – заявил 5 ноября Кастро представителю Хрущева, – и то, что я говорю, отражает решение всего нашего народа: мы не согласимся на эту инспекцию». Для Кастро на карту был поставлен сам престиж его режима и его народа. «Мы имеем право сами защищать свое достоинство»¹⁷, – сказал он советскому представителю. Кроме того, он ожидал, что Москва поддержит его пять пунктов, как это уже сделали китайцы.

Упрямство Кастро лишь усилило разочарование Хрущева в китайцах, которые, судя по всему, старались изо всех сил, подстрекая кубинцев отказаться от руководства Москвы. «Конечно, самым легким способом поддержать Кубу был бы китайский способ, – сказал Хрущев своим коллегам в ноябре, на заседании Президиума. – Что они делали в самый острый, напряженный момент? Работники китайского посольства на Кубе пришли на донорский пункт и говорят: “Мы сдаем свою кровь для кубинцев”. Это довольно демагогический, дешевый способ!»¹⁸ Его раздражало, что китайцы, которые никогда не хотели или не могли внести существенный военный вклад в защиту Кубы, теперь публично критиковали его за стремление достичь безопасности методами дипломатии. «Кубе нужна была не кровь нескольких человек, – возмущался Хрущев, – а реальная военная и политическая поддержка, чтобы по земле не растекались человеческая кровь и плоть»¹⁹.

Хрущев имел все основания ожидать от китайцев определенного великодушия, а не презрения. С середины октября он поддерживал притязания Пекина на некоторые пограничные с Индией территории – отчасти за счет отношений Москвы с Нью-Дели²⁰. Советская поддержка продолжалась даже и тогда, когда 20 октября китайская армия вторглась в Кашмир, Западная Индия. Однако Москва поддержала китайцев не только на словах, но и отказалась выполнить индийский заказ на двенадцать реактивных истребителей «МиГ-21», которые предполагалось поставить в начале декабря²¹. Когда критическое отношение китайцев к кубинской сделке стало явным, Советы использовали прессу, чтобы напомнить китайцам, что Кремль по-

прежнему оказывает им поддержку в пограничном споре²². В начале ноября, все еще надеясь сохранить хорошие отношения с Пекином, Хрущев послал премьер-министру Индии открытое письмо, в котором объяснил, почему Москва будет продолжать поддерживать китайскую позицию²³.

Демонстрации в Пекине и китайская пропагандистская кампания рассердили Хрущева настолько, что он решился на резкое изменение позиции Москвы в китайско-индийском конфликте. 5 ноября «Правда» объявила о полном пересмотре советской позиции. В официально утвержденной статье отсутствовали всякие ссылки на законность китайских притязаний. «Необходимо, – писали редакторы «Правды», – прекратить огонь и сесть за круглый стол переговоров, не выдвигая никаких условий»²⁴. Кроме того, Хрущев решил дать индийцам заказанные ими советские истребители и выполнить прежнее обещание поставить Индии полтора миллиона тонн очищенной нефти²⁵.

* * *

Настаивая в ноябре 1962 года на жесткой политике, чтобы поставить китайцев на место, Хрущев в то же время решил обращаться с Джоном Ф. Кеннеди совсем по-другому. В отношении Хрущева к борьбе с Соединенными Штатами происходил существенный сдвиг, и первые признаки этого проявились в те дни, когда ракетный кризис, достигнув своей высшей точки, пошел на спад. Вспыльчивый, нетерпеливый Хрущев имел основания сердиться на Кеннеди. Продолжающиеся переговоры в Нью-Йорке, целью которых была формулировка обязательства о ненападении, застопорились из-за настоятельного требования американцев эвакуировать советские бомбардировщики. И все-таки Хрущев решил не винить президента США, а, наоборот, возложил на него еще больше надежд.

Продуманная стратегия добиваться дипломатических уступок от Соединенных Штатов, к которой Хрущев прибегал в ноябре 1962 года, не принесла результатов, но, тем не менее, он предположил, что ракетный кризис может способствовать соглашению с Кеннеди по разоружению и, возможно, по Берлину. Отчасти источником этих надежд стали результаты состоявшихся 6 ноября 1962 года выборов в Конгресс и губернаторских выборов. Демократы из партии Кеннеди потеряли в палате представителей меньше мест, чем обычно они теряли на промежуточных выборах, и получили места в Сенате. Особенно приятным для Хрущева было поражение «старого друга Никсона» в губернаторской гонке в Калифорнии. «Все агрессивные американ-

ские кандидаты, – позже говорил Хрущев британскому дипломату, – были отвергнуты благоразумными американскими избирателями»²⁶. На приеме, состоявшемся в день после выборов, Хрущев сказал новому послу США Фую Д. Колеру, что «мы можем не любить друг друга, но мы должны жить вместе и можем даже обнять друг друга, если это нужно для выживания мира»²⁷.

Однако более существенной причиной будущих действий Хрущева было его благожелательное отношение к своему партнеру из Белого дома. Поведение Кеннеди во время кризиса навело Хрущева на мысль не только о том, что этот американский президент предпочитает дипломатические решения, но и что он достаточно силен для того, чтобы дать отпор мощному давлению тех своих политиков, которые требовали применить военную силу. Сразу же после кризиса Хрущев получил дополнительные доказательства, насколько правительство США было готово начать военные действия на Карибах. 1 ноября Уолтер Липпман, любимый американский журналист Хрущева, подтвердил послу Добрынину, что война сверхдержав должна была разразиться через несколько часов, когда 28 октября послание Хрущева передали по радио «Москва»²⁸. Липпман ошибочно полагал, что Кеннеди уже приказал нанести воздушный удар по Кубе 29 или 30 октября. Это совпадало с некоторыми сообщениями советской разведки о том, что на Капитолийском холме испытали облегчение, когда не произошло того, что ожидалось²⁹.

На второй неделе ноября Хрущев заметил, что и в Вашингтоне действуют аналогичным образом. Хотя публично администрация продолжала придерживаться жесткой линии, настаивая на безусловной эвакуации советских бомбардировщиков, Москва начала получать секретные сообщения о результатах зондирования братьев Кеннеди, и они свидетельствовали, что президент мог удовлетвориться и меньшим, чем безусловный вывоз с территории Кубы советских бомбардировщиков «Ил-28».

9 ноября, прежде чем одеваться к официальному обеду, Роберт Кеннеди ненадолго встретился у себя дома с Георгием Большаковым, чтобы поделиться «своим личным мнением» о решении проблемы бомбардировщиков «Ил-28». С самого начала кризиса генеральный прокурор не встречался с русским посредником напрямую, хотя некоторые из его друзей и коллег сохраняли этот канал связи для Белого дома. Роберт Кеннеди был разочарован, что Большакова использовали для передачи дезинформации о советских военных поставках на Кубу, но он по-прежнему доверял ему больше, чем советскому послу, который, как он подозревал, не всегда точно передавал Хрущеву слова президента. Роберт Кеннеди попросил Большакова передать своему начальству, что Соединенные Штаты, возможно, удовлетворятся

одним из двух вариантов: или Хрущев заключит джентльменское соглашение об эвакуации бомбардировщиков в обозримые сроки, или Советы могут просто заверить Соединенные Штаты, что, пока бомбардировщики остаются на Кубе, их будут пилотировать советские летчики. Как раз за день до этого газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что представитель Кубы в ООН Карлос Лечуга сказал представителям других стран, что бомбардировщики – это кубинская собственность, и их не вернут³⁰.

Сделав это предложение, Белый дом или кто-то близкий к президенту Кеннеди струсил. Через час после своей краткой встречи с Большаковым Роберт Кеннеди, позвонив ему, сообщил, что частично отказывается от предложения. Он заявил, что неправильно выразился, когда сказал, что бомбардировщики могут остаться, если они будут всегда под советским управлением; его правительство удовлетворится никак не меньшим, чем полным удалением самолетов «Ил-28». Хотя Советы были разочарованы тем, что Белый дом отозвал свое предложение, однако то, что Роберт Кеннеди сказал советскому представителю, укрепило уверенность Хрущева, что президент США надеялся на дипломатическое решение даже при жестком внутривнутриполитическом давлении, чтобы заставить Советы эвакуировать бомбардировщики.

Образ Джона Кеннеди как энергичного лидера Кремль воспринял неслучайно. Белый дом, через Роберта Кеннеди, сознательно внедрил этот образ в советское сознание, чтобы облегчить урегулирование последних оставшихся вопросов ракетного кризиса. «Идея Бобби такова, что в правительстве [США] есть только один миролюбец, – объяснял советник Совета национальной безопасности Макджордж Банди, характеризуя информацию, переданную в ноябре в Кремль через секретный канал, – но он со всех сторон окружен милитаристами, и это неплохой образ. Так вот, Бобби кормит его этой чепухой, господин президент»³¹. Белый дом надеялся привлечь на свою сторону Хрущева, чтобы тот помог Кеннеди укротить его критиков внутри страны.

Хрущев поверил аргументу, что это в интересах Советского Союза – помочь Кеннеди. 10 ноября, на следующий день после разговора Большакова и Роберта Кеннеди, Хрущев сказал своим кремлевским коллегам, что пора рассмотреть вопрос об эвакуации бомбардировщиков³². Хотя Роберт Кеннеди, судя по всему, отказался от предложения урегулировать вопрос с самолетами «Ил-28», Хрущев полагал, что, в конечном счете, братья Кеннеди пойдут на тайную сделку по бомбардировщикам – так же, как они это сделали, чтобы вынудить вывезти ракеты. Помимо того, что Кремль узнал от Большакова, Москва получала сообщения, что Вашингтон может удовлетворить-

ся советским обещанием никогда не увеличивать количество своих бомбардировщиков на Кубе или, возможно, согласится на советский вариант эвакуации самолетов, хотя и не сразу. Хрущев полагал, что у него есть возможность торговаться с Соединенными Штатами по этому вопросу. Если Вашингтон будет сильно настаивать и если Кеннеди пойдет на обострение кризиса, Москва уступит. Советам не были нужны бомбардировщики на Кубе; они являлись частью плана создания на острове советской военной базы наступательного оружия, но эта база уже не казалась Хрущеву политически полезной. Более того, у советского руководителя было ощущение, что этот жест может укрепить внутривнутриполитические позиции Кеннеди. В письме, направленном в тот же день президенту Кеннеди, Хрущев попытался вернуться к предложению, полученному накануне от брата президента: «Поскольку вы выражаете опасение, что это вооружение может представлять определенную угрозу США или другим странам Западного полушария, не обладающим адекватными средствами защиты, мы приняли решение, чтобы эти самолеты пилотировались нашими летчиками». Но потом он добавил: «Мы не будем настаивать на том, чтобы постоянно держать эти самолеты на Кубе. В этом вопросе у нас есть свои трудности. Поэтому мы даем джентльменское обещание, что мы эвакуируем самолеты «Ил-28» со всем их персоналом и обслуживанием – хотя не сейчас, а позже». Хрущев объяснил, что «должны созреть условия, чтобы их вывезти»³³.

Говоря «созреть», Хрущев имел в виду, что на эту уступку ему нужно получить согласие кубинцев. Он не общался с Кастро 26, 27 и 28 октября, когда возникла угроза войны с Вашингтоном, и, несмотря на раздражающие возражения Микояна, Хрущев в какой-то степени понимал, почему Кастро настаивал, чтобы с ним советовались.

Кроме того, Хрущев давал понять, что за эвакуацию бомбардировщиков он может потребовать определенную цену. Действующий Генеральный секретарь ООН У Тан посоветовал создать в Карибском море наблюдательные посты ООН для предотвращения агрессии в регионе. Советы поддержали это предложение и добавили свое собственное. Вспоминая советскую инициативу пятидесятых годов, Хрущев предложил, чтобы две сверхдержавы послали инспекторов на железные дороги, в аэропорты и в другие транспортные узлы как в Южной части Соединенных Штатов, так и в Западной части СССР, что стало бы частью первого этапа взаимного разоружения.

В тот же день письмо с разъяснением своей стратегии Хрущев направил находившемуся в Гаване Микояну. Он сообщил своему коллеге, что, хотя Кремль и готов уступить по вопросу о бомбардировщиках, имеет смысл немного подождать, не согласятся ли Соединенные Штаты на что-то, не предполагающее их полного удаления. Хрущев

подчеркнул, что Кеннеди столкнулся со столь сильным внутривнутриполитическим давлением, что в советских интересах – помочь ему с вопросом о бомбардировщиках. Он полагал, что по своей инициативе Кеннеди никогда бы не потребовал удаления самолетов «Ил-28»³⁴.

* * *

В Вашингтоне Кеннеди не знал, что Хрущев пытался его выручить, помочь в политическом отношении. На письмо Хрущева Роберт Кеннеди ответил от лица своего брата 12 ноября. Президент Кеннеди не мог принять неопределенное советское обещание убрать бомбардировщики. Однако он был бы удовлетворен, если бы Хрущев приказал эвакуировать бомбардировщики в течение тридцати дней. Кроме того, в ответе содержалась уступка Хрущеву, у которого, как было известно американцам из сообщений разведки, были проблемы в Гаване. Соединенные Штаты давали обещание снять морской карантин без подтверждения ООН о вывозе советских ракет. 12 ноября Роберт Кеннеди устно передал это предложение президенту советскому послу³⁵.

Тогда Хрущев решил сделать этот торг более определенным. 13 ноября Президиум согласился заявить Белому дому, что советское правительство может вывезти самолеты «Ил-28» в течение тридцати дней, но предпочло бы сделать это за два или три месяца. В своем личном ответе президенту, отправленном на следующий день, Хрущев сообщил, что он, вероятно, согласится на конкретные сроки для эвакуации «Ил-28», «может быть, даже раньше того срока, который определил я, и, может быть, даже раньше того срока, который определили вы», при условии, если Кеннеди согласится на советское предложение ввести режим инспекции ООН в Карибском регионе, включая наблюдательные посты вдоль побережья Флориды и на Кубе³⁶.

Между тем Хрущев терял терпение, дожидаясь согласия Кастро. Москва предположила, что сможет заключить с Вашингтоном соглашение по Кубе лишь в том случае, если будут даны определенные гарантии проведения инспекций на Кубе, но Кастро по-прежнему возражал против любых иностранных инспекций. Информировав Микояна о решении Президиума торговаться с Кеннеди, Хрущев не мог скрыть своего разочарования кубинским лидером. «Из-за своей молодости, – сетовал Хрущев, – [Кастро] не может себя вести как следует» и «не понимает трудностей», с которыми пытается справиться Кремль³⁷.

Советы резко перестали торговаться, когда Москва получила от разведки информацию, из которой следовало, что Кеннеди вот-вот

потеряет контроль над армией США. 15 ноября Хрущев прочитал сообщение от резидента КГБ в Нью-Йорке, основанное на беседах с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в ООН Томасом Хэмилтоном и журналистом из «Нью-Йорк геральд трибюн». Оба журналиста утверждали, что на встрече в Белом доме, состоявшейся 12 ноября, «начальники Пентагона» потребовали, чтобы Кеннеди предъявил Советскому Союзу безоговорочный ультиматум, требующий как удаления бомбардировщиков «Ил-28», так и проведения силами ООН проверок советских ракетных установок и авиабаз на Кубе. Если эти требования не будут выполнены, то, как настаивал Пентагон, Соединенные Штаты должны осуществить немедленное вторжение на Кубу³⁸. Москва восприняла это сообщение настолько серьезно, что 16 ноября потребовала подтверждения этой информации от резидентуры КГБ в Нью-Йорке.

Армия США действительно была готова нанести удар. 16 ноября начальник штаба ВВС Кёртис Лемей сказал Кеннеди, что если США предпримут нападение с воздуха, то советские «Ил-28» можно будет легко уничтожить. «Операция довольно простая, – сказал он главнокомандующему. – Ее можно провести за несколько минут»³⁹. Американская разведка обнаружила девять самолетов в ангарах аэропорта города Ольгин на юго-востоке Кубы и тридцать два – в аэропорту города Сан-Хулиан в западной части острова. Штурмовые силы США будут включать сорок восемь самолетов (двадцать четыре из них – бомбардировщики, остальные предназначены для подавления огня и предотвращения любых попыток самолетов-истребителей «МиГ» сорвать атаку). Военно-морской флот США был также готов ужесточить блокаду, чтобы помешать доставке на остров нефти или смазочных материалов, предназначенных для промышленных целей. «Мы готовы нагнать страх в любое время», – сказал адмирал Джордж Андерсон. Однако армия США, остававшаяся под жестким гражданским контролем, не могла нанести удар без приказа президента, а Кеннеди еще не отдавал никакого приказа о вооруженном нападении.

Хотя эта тревожная информация из Соединенных Штатов оказалась неверной, она изменила мнение Хрущева о том, стоит ли рисковать, дожидаясь решения Кеннеди согласиться на эвакуацию бомбардировщиков «Ил-28» на основании договоренностей. Повлияли на решение Хрущева и поступавшие с Кубы сообщения, что Кастро готов начать военный конфликт с Соединенными Штатами. Стремясь вынудить Соединенные Штаты сократить количество разведывательных полетов на низкой высоте (а они продолжались, несмотря на ослабление напряженности после обмена письмами между Москвой и Вашингтоном), Кастро сообщил кубинским зенитчикам, что 17 или 18 ноября они будут иметь право открывать огонь по американским

самолетам-разведчикам. Советские военные по-прежнему управляли зенитными ракетами класса «земля–воздух», достигавшими высотных самолетов «U-2», но находившиеся под кубинским командованием оборонительные подразделения могли представлять угрозу для американских самолетов, летавших на низких высотах. Сообщая о своей решимости Вашингтону, Кастро предупредил и действующего Генерального секретаря ООН У Тана, что намерен атаковать самолеты, нарушающие кубинское воздушное пространство.

16 ноября Хрущев заявил на заседании Президиума, что самолеты «Ил-28» нужно эвакуировать немедленно. И на этот раз за усиление опасности в Карибском регионе он не стал винить Кеннеди. Он направил свой гнев на Кастро, угрожавшего сбивать американские самолеты. «Это просто безрассудная бравада»⁴⁰, – сказал Хрущев, сожалея о решении Кастро покончить с конфронтацией на Карибах таким образом. Действия кубинского лидера после 28 октября показали, что Кастро гораздо менее надежен, чем полагал Хрущев. «Нам наука», – признался Хрущев своим коллегам. Он не думал, что кубинцы и в дальнейшем заслуживают терпения Москвы. «Дело достигло критической точки: или будем сотрудничать, или отзываем своих людей». Меньше всего Хрущев хотел повторения таких же напряженных дней, как в конце октября. Однако коллеги убедили его дать Кастро последний шанс согласиться на уступку по самолетам «Ил-28», и Советы отложили свое объявление об уступках Кеннеди.

Учитывая риск столкновения между Кубой и США, Хрущев ради ослабления напряженности принял еще одно важное решение. Советский Союз вывезет все оборонительное ядерное оружие, которое он доставил на острова. Вначале советские военные планировали, что со временем будут переданы под управление кубинцев хотя бы тактические ракетные комплексы «Луна», все еще вооруженные ядерными боеголовками. Однако, разгневавшись на Кастро, Хрущев отменил даже и это незначительное распространение ядерного оружия. Ракеты ближнего действия «Луна», как и некоторые крылатые ракеты ФКР, останутся на острове, но без ядерных боеголовок⁴¹.

Терпение, проявленное Кремлем в отношении Кубы, начало приносить результаты. 17 и 18 ноября Кастро не приказывал своим артиллеристам сбивать летавшие на низкой высоте самолеты-разведчики (летавшие на большой высоте «U-2» оставались уязвимыми лишь для ракет класса «земля–воздух», остававшихся на Кубе под советским управлением). Затем после продолжавшейся весь день консультации Кастро с его ближайшими советниками 19 ноября он сообщил Микояну, что его правительство смирится с утратой бомбардировщиков, но никаких независимых инспекций на острове не допустит.

20 ноября посол Добрынин сообщил Роберту Кеннеди, что самолеты «Ил-28» покинут Кубу в течение тридцати дней. В ответ президент объявил о снятии блокады 20 ноября, всего через несколько часов после получения известия о советской уступке. Американским и советским переговорщикам еще предстояло договориться об официальном оформлении обязательства Кеннеди не вторгаться на остров. Однако Москве не удалось убедить Кастро согласиться на инспектирование на месте, что сделало этот договор невозможным. Чтобы успокоить американцев и убедить их, что ракеты действительно вывозятся, Советы наскоро наладили систему проверки, не требовавшую участия Кубы. Капитанам кораблей, увозивших баллистические ракеты средней дальности «Р-12» обратно в Советский Союз, дали указание снять с ракет брезентовые чехлы, чтобы они были видны американским самолетам, фотографировавшим сверху. На следующий день советские военные понизили уровень боевой готовности, и в вооруженных силах США началась демобилизация. Кубинский ракетный кризис наконец-то закончился.

* * *

Любопытно, что соглашение по самолетам «Ил-28», включавшее в себя еще одно американское требование, после которого Советы начали покидать остров, никак не поколебало исходного представления Хрущева, убежденного, что и ракетный кризис вообще и, в частности, общий опыт угрозы ядерной катастрофы в конце октября убедили американцев, что советские интересы им следует воспринимать всерьез. В этой обстановке советский руководитель оптимистически относился к будущим переговорам сверхдержав, направленным на снижение цены и опасности «холодной войны».

12 ноября Хрущев опробовал несколько новых идей для следующего раунда переговоров, изложив их на прощальной аудиенции покидающему свой пост британскому послу Фрэнку Робертсу⁴². Хрущев сказал Робертсу, что, учитывая явное изменение американского общественного мнения, он считает возможным всеобъемлющий запрет на испытания ядерного оружия и что ради успокоения Кеннеди он готов разрешить международным инспекторам наблюдать за работой автоматических сейсморазведочных станций на советской территории. Хрущев упомянул, что СССР скоро завершит последнюю серию ядерных испытаний, и он полагает, что дальнейших испытаний не потребуется. Однако Хрущев утаил от Робертса, что, дабы подсластить сделку, он даже задумался о том, чтобы раз-

решить несколько символических проводимых на месте проверок подозрительной сейсмической активности.

Вызвав интерес британского посла, Хрущев сразу же поднял берлинский вопрос, повторив, что он остается препятствием на пути к улучшению отношений между Востоком и Западом через запрещение испытаний ядерного оружия и, в конечном счете, разоружение. Хрущев не слишком настаивал, но дал понять, что этот вопрос остается для него важным. Берлинский вопрос был одним из трех, которые, по его мнению, уже «созрели», чтобы заключать по ним соглашение. Остальными были вопросы о приеме Китая в ООН, который, по его мнению, был неизбежен, и подписание договора о ненападении между НАТО и Варшавским Договором.

В разговоре с британским послом Хрущев не упомянул о непрекращающейся внутривластной борьбе с Китаем. Однако советский руководитель понимал, что любые новые усилия, которые он предпринял бы для углубления перспектив мирного сосуществования с Западом, приведут в бешенство китайцев. Но это, казалось, его уже не волновало. На следующий день после того, как Кеннеди снял морскую блокаду с Кубы, Хрущев начал проводить новую политику в Юго-Восточной Азии, которая, он был уверен, укрепит отношения с Вашингтоном за счет советско-китайских отношений. В начале ноября Патет Лао сбил американский транспортный самолет, доставлявший грузы нейтралитскому правительству Суванны Фумы. Патет Лао официально объявил об этом нападении 21 ноября – в тот же день, когда в Кремле обсуждали еще одну просьбу лаосских коммунистов о предоставлении им тайной помощи. С июля Хрущев относился к этому иначе – с тех пор, как советский самолет нарушил дух, если не букву, заключенного в июле 1962 года соглашения о нейтралитете в Лаосе. Патет Лао сохранял незаявленные войска в областях, граничащих с Китаем и Северным Вьетнамом, которые с конца 1960 года снабжали Китай и Советский Союз, не сообщая об этом премьер-министру нейтралитского правительства Суванне Фуме. Однако теперь Хрущев полагал, что ему нужно покончить с нарушением советских требований. Заключенное в июле 1962 года соглашение в Лаосе могло служить образцом для международного сотрудничества в Западном Берлине. Но даже если этот образец не был результативным, по крайней мере, любая неудача Советского Союза выполнить его обязательства в Лаосе будет использована врагами Советов на Западе, чтобы отклонить всякое будущее соглашение по Берлину.

21 ноября на заседании Президиума Хрущев взорвался, прочитав сообщение от Патет Лао с требованием предоставить дополнительную тайную помощь. «Мы этого не сделаем!» – заверял он своих

коллег. Годами Советы пытались отговорить Патет Лао от ненужных рисков, но этот совет, как правило, противоречил тому, что лаосские коммунисты слышали от своих сторонников в Ханое и Пекине. Единственное исключение из этой политики осторожности имело место тогда, когда в СССР руководствовались правилом мениска: тогда Хрущев закрыл глаза на предпринятое в мае при поддержке Китая и Северного Вьетнама вторжение Патет Лао в Намтха. Это вторжение привело к отправке в Таиланд дополнительных американских войск и едва не привело к американскому военному вторжению в Лаос. После ракетного кризиса Хрущев был уже не намерен опускать руки и смотреть, как его социалистические союзники идут на этот риск. «Главное [сейчас] – мир. Мир заключим [на Карибах] без побежденных и победителей. Если мы будем продолжать ту же политику, – сказал Хрущев, – то это будет не в интересах левых». Он хотел, чтобы преемник Абрамова в должности посла во Вьетнаме предупредил Патет Лао, что если они решат игнорировать указания Москвы и начнут войну против Суванны, то эта война будет их внутренним делом. Полагая, что на кону стоят гораздо более важные вопросы, Хрущев был готов умыть руки и предоставить лаосских коммунистов самим себе: «Мы сделали все, что могли»⁴³.

* * *

29 ноября Микоян на обратном пути домой из Гаваны остановился в Вашингтоне. Хрущев хотел, чтобы посланник Кремля подтвердил его мнение, что пришло время продвигаться к более существенным договорам сверхдержав. Кроме того, Микоян должен был подкрепить новое объяснение Хрущевым причин Кубинского кризиса. «Советский Союз не заслуживает никаких упреков. Никто не поверит, что наращивание вооружений на Кубе было наступательным и направленным против Соединенных Штатов»⁴⁴. Микоян, возражавший против всей операции, знал, что Хрущев считал ракеты наступательным оружием. Размещение оружия на Кубе было логическим следствием опасной теории мениска, которой придерживался Хрущев, его стратегии согласованного давления на Соединенные Штаты. Микояну была ненавистна эта политика, но в присутствии президента Кеннеди он был счастлив сделать вид, что ее никогда не существовало.

Разговор был важен и по другим причинам. Президент Кеннеди нуждался в помощи Хрущева, чтобы полностью избавиться от советского военного присутствия на Кубе. Хотя американская разведка сознательно занижала реальную численность советского военного

контингента на Кубе в три раза, Кеннеди все еще полагал, что семнадцать тысяч военных, которые, по подсчетам ЦРУ, были у Хрущева на острове – это слишком много. Согласно советской стенограмме этой встречи, в какой-то момент Кеннеди сказал: «Я знаю, что Хрущев не обещал этого в письмах ко мне, но я надеюсь, что Советский Союз выведет эти войска»⁴⁵. Ответ Микояна, фигурировавший и в советском, и в американском протоколах этой встречи, был лаконичным: «Мы сделаем все, что обещали, не больше и не меньше»⁴⁶.

Когда Микоян вернулся в Москву, за решительные действия на Кубе его благодарило все руководство. Первое после возвращения Микояна заседание Президиума Хрущев, выступая перед коллегами, посвятил анализу кубинской ракетной операции, которая, как он заверял, обернулась огромным успехом. «Куба осталась, – утверждал он, – центром революционного движения»⁴⁷. И, что еще важнее, кризис раз и навсегда показал, что Соединенные Штаты уважают советские интересы и советскую мощь. «Соединенные Штаты были вынуждены признать, что у нас есть наши собственные интересы в Западном полушарии». Кроме того, сказал Хрущев ликующе: «Мы участники Мирового клуба. Они и сами испугались».

Главной мотивацией Хрущева, которой он руководствовался, размещая ракеты на Кубе, было достижение своего рода равновесия сил устрашения, баланса сил сверхдержав. Теперь он полагал, что добился этой цели даже и после их вывода. Выступая перед Микояном и своими коллегами, Хрущев расхваливал самого себя, утверждая, что он знал, когда надо было вывезти ракеты: «Если бы еще продержались, то, может быть, и ничего бы не было».

На заседании Президиума 3 декабря Хрущев не стал официально заявлять о новом подходе к иностранным делам в свете вновь возникшего недавно в Америке уважения к советской мощи. Однако в заключительной части заседания он намекнул, что в обозримом будущем Советы уже не станут использовать тактику давления; она уже вышла из употребления. Везде, где возможно, Москва будет искать компромисс с Вашингтоном. Намек прозвучал тогда, когда Микоян сообщил о просьбе Кеннеди, чтобы Советы вывели с Кубы всех оставшихся там военных. Не вынуждая принимать решения и не выражая недовольства, Хрущев заявил своим коллегам, что он и министр обороны подумают, как это сделать.

В первую неделю декабря Хрущев продолжал размышлять, как привлечь Соединенные Штаты к серьезным обсуждениям. Первым шагом, он знал, был бы полный отказ от его июльских угроз вновь выдвинуть ультиматум по берлинскому вопросу. Второй шаг предполагал, что он предложит Кеннеди нечто такое, что сделает возможным договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия.

С самых первых тайных переговоров между Робертом Кеннеди и Георгием Большаковым, проходивших в мае 1961 года, братья Кеннеди внушали Хрущеву: реальность такова, что договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия должен подлежать независимым проверкам, чтобы он был одобрен Сенатом США, который, согласно Конституции США, должен ратифицировать договоры. На практике это означало, что должны проводиться инспекции на месте определенного процента неидентифицированных сейсмических явлений, ежегодно фиксируемых в Советском Союзе. В январе 1961 года США предлагали ежегодную квоту в двадцать таких инспекций на месте. Ко времени Кубинского ракетного кризиса эта квота сократилась до двенадцати.

30 октября на переговорах в Женеве с американским переговорщиком по разоружению Артуром Дином у советского заместителя министра иностранных дел Василия Кузнецова сложилось четкое впечатление, что Вашингтон может существенно снизить эту квоту. В самом деле, позиция США менялась. Кеннеди, хотевший заключения этого договора, частным порядком уже обдумывал сокращение этого количества до восьми. Но или Кузнецов неправильно понял, или Дин неправильно выразился. Почему-то Кузнецов сделал из беседы вывод, что Сенат США одобрит договор при условии, что Советы возьмут на себя обязательство разрешать три инспекции в год⁴⁸.

Получив эту информацию от советского министерства иностранных дел, Хрущев решил предоставить Соединенным Штатам право проводить без объявления три инспекции советской территории для проверки неидентифицированной сейсмической активности. «Когда мы дали наше согласие, – позже объяснял Хрущев, – мы считали его символическим. Это была уступка для президента, принимая во внимание его положение»⁴⁹.

* * *

В начале декабря Хрущев признался важному иностранному гостю, что спор с китайцами сыграл определенную роль в его готовности пойти на компромисс с Кеннеди ради заключения договора о запрещении испытаний ядерного оружия. Известный активист антивоенного движения Норман Казинс (по основной работе – издатель журнала «Сатердей ревью») в начале декабря 1962 года прибыл в Москву в качестве эmissара римского папы Иоанна XXIII, чтобы выяснить позицию Хрущева. От людей из окружения Хрущева Казинс узнал, что советский руководитель намеревается доказать китайцам, что политика мирного сосуществования может привести к разряд-

ке и принести пользу странам советского блока⁵⁰. Через несколько дней Хрущев доказывал это Казинсу сам. «Китайцы говорят, что я испугался, – сказал в частной беседе советский руководитель американцу. – Конечно, я испугался. Было бы ненормально не испугаться. Меня пугало то, что могло произойти в моей стране – или в вашей стране, или во всех других странах, которые могла опустошить ядерная война. Если то, что я испугался, означает, что я помог предотвратить такое безумие, то тогда я рад, что я испугался. Одна из проблем современного мира в том, что не все люди достаточно напуганы опасностью ядерной войны»⁵¹. После этого Хрущев сделал эффектный жест, чтобы показать, что, по его мнению, есть еще по крайней мере два других мировых лидера, которые разделяют его понимание разрушительности ядерного оружия. Подойдя к своему столу, он вынул из него несколько листов бумаги и характерным для него неразборчивым почерком написал два отдельных рождественских поздравления – для Джона Кеннеди и для римского папы⁵².

Через неделю после встречи с Казинсом Хрущев направил Кеннеди два более секретных послания. В этих письмах он недвусмысленно отказался от угрозы своего нового ультиматума по Берлину и представил президенту новое предложение по договору о запрещении испытаний ядерного оружия. Прежде чем предложить эту уступку, он дождался, пока советские военные приступят к последней серии запланированных испытаний в атмосфере⁵³. Своим коллегам в Кремле Хрущев говорил, что согласится на три инспекции на месте – это «очень большая уступка, потому что она означает согласие на разведчиков»⁵⁴. Однако он полагал, что ему нужно «уступить» Кеннеди⁵⁵. Хрущев считал, что сложились условия, чтобы 1963 год стал годом международных достижений, добиться которых за три года до этого Советскому Союзу не удалось из-за сбитого в мае 1960 года самолета «U-2» Фрэнсиса Гэри Пауэрса.

* * *

Третье ежегодное послание «О положении в стране», с которым Джон Кеннеди обратился к Конгрессу в январе 1963 года, отражало ощущение удовлетворенности тем направлением, которое принимали события в мире. Вся жизнь связанной с морем, президент воспользовался языком мореплавателей, чтобы проиллюстрировать опасности, которые несет с собой «холодная война». «Друзья, я завершаю это послание с некоторым оптимизмом. Нас не усыпили ни временный штиль, ни чуть более ясное небо над нами. Мы знаем, что в этом году под нами – бурные волны, а за горизонтом – бури.

Кажется, что теперь ветра перемен дуют сильнее, чем прежде – как в мире коммунизма, так и в нашем собственном. Сто семьдесят пять лет мы плыли с этими попутными ветрами, и волны свободы нам благоприятствовали. Мы ведем наш корабль курсом надежды – как сказал Томас Джефферсон, “оставляя за кормой страх”⁵⁶. Американский руководитель чувствовал, что в хрущевском отношении к миру что-то изменилось, или советское руководство отказалось, судя по всему, от стратегии балансирования на грани войны в своей внешней политике. Несомненно, что именно это Кеннеди прочитал между строк в письмах, которые Хрущев тайно посылал ему после снятия блокады с Кубы. За неделю до этого из Москвы пришло третье письмо, в котором повторялись те же тезисы. Кеннеди напомнил своим слушателям, что если миру представилась «передышка», то это не повод для самоуспокоения. «Благодушие или самодовольство могут стать такой же угрозой нашей безопасности, как и оружие нашего противника. Недолгое затишье не обещает мира. Опасные проблемы остаются от Кубы до Южно-Китайского моря. Мировой прогноз таков, что в этот год нам надо не отдыхать, а выполнять обязательства и использовать возможности»⁵⁷.

Нарастающее между Китаем и Советским Союзом отчуждение Кеннеди считал самой большой переменной в международной системе. «Теперь, думаю, нам надо учитывать, что происходит между Советским Союзом и Китаем, – сказал он в ноябре своим внешнеполитическим советникам. – В самом деле, Хрущева ежедневно критикуют, приравнивая его политику к новому Мюнхену и умиротворению, и китайцы яростно на него нападают. Вылется ли это в разрыв между ними, я не знаю». Кеннеди обратил внимание и на изменение тона замечаний Хрущева о Берлине. «Он отзывается о Берлине лучше, чем прежде, – заметил президент своим советникам. – Значит ли это что-нибудь, я не знаю. Но, я думаю... Я совершенно согласен, что он лжец, а Кастро возмутителен, и совершенно не думаю, что Хрущев лучше кого-нибудь еще в Советском Союзе и что мы должны быть великодушны с Хрущевым потому, что его критикуют китайцы. Но, по крайней мере, мы должны учитывать, что там вот-вот произойдет большое столкновение, но к чему оно приведет и полезно ли оно для нас – я не знаю»⁵⁸. Когда Кеннеди был настроен более оптимистично, он имел основания полагать, что эта напряженность в отношениях между двумя коммунистическими гигантами может вывести «холодную войну» из того опасного чередования кризисов и передышек, которое было характерно для каждого года его президентства со времени вступления в должность.

Через день после того, как Кеннеди обрисовал положение в США, с аналогичным важным заявлением выступил в Берлине и Хрущев.

Советский руководитель уже пришел к выводу, что 1963 год будет годом, как сказал Кеннеди, «обязательств и возможностей». Хрущев воспользовался возможностью, чтобы публично отказаться от своей угрозы выдвинуть новый ультиматум по Берлину – угрозы, от которой он уже частным образом отказался в своем письме Кеннеди месяцем раньше. Он дал понять, что в 1963 году Берлин не станет причиной кризиса. Зато строительство Берлинской стены в 1961 году Хрущев представил как «самый важный шаг» и сказал, что теперь подписание советско-восточногерманского мирного договора «уже не является проблемой, как раньше, пока не были приняты защитные меры»⁵⁹. Хрущев вновь заявил о желательности перехода американских войсках в Западном Берлине под управление ООН, но эта идея была представлена как надежда, а не как требование.

Усиление активности продолжалось. На следующий день Кремль опубликовал тексты декабрьских писем Хрущева Белому дому. Через неделю министр иностранных дел Громыко посетил посла США Фоя Колера, попросив его передать Кеннеди, что советское руководство готово возобновить переговоры по Берлину. Тон речи Громыко не был требовательным, и он не обещал, что советская позиция изменится. Однако сама форма, в которой была выражена просьба, свидетельствовала о том, что обстановка по сравнению с летом 1962 года изменилась⁶⁰.

Кроме того, Хрущев полагал, что настало время пойти на мировую с китайцами. Почему-то он пришел к убеждению, что сможет склонить Мао на свою сторону и улучшить отношения и с Пекином, и с Вашингтоном одновременно. В декабре 1963 года он призвал Пекин положить конец ежедневной критике Кремля в газетах и пообещал, что и советские газеты сделают то же самое. Однако его попытка снизить градус напряженности китайско-советских отношений не означала, что все забыто. Хрущев был по-прежнему сердит на Мао и на китайских руководителей. «Китайцы – дураки»⁶¹, – откровенно сказал Хрущев в конце января. Тем не менее он призвал своих коллег к снисходительности, которую теперь, как хотел Хрущев, необходимо отразить в советской внешней политике: «Отношение должно быть более терпимым, необязательно тащить их к кресту... Мы должны способствовать процессу избавления [их] от ошибочных воззрений, должны им помочь избавиться от [их] недостатков»⁶².

* * *

Эти признаки того, что Советский Союз возобновляет борьбу за мир, в Белом доме восприняли со смешанным чувством разочарования и надежды. Несмотря на дружелюбный тон декабрьских писем

Хрущева, в них не содержалось ничего нового. В письме о Берлине вновь перечислялись все те же старые средства, а письмо о запрещении испытаний ядерного оружия свидетельствовало лишь о возвращении к советской позиции периода бывшего президента Эйзенхауэра, что было для Соединенных Штатов по-прежнему неприемлемо.

Кеннеди воспользовался изменением отношения СССР к вопросу о проверках выполнения условий договора о запрещении испытаний как поводом для очередного пересмотра официальной позиции США. Самый энергичный в своей администрации, поборник запрещения испытаний ядерного оружия, президент не жалел сил, убеждая своих советников, что американское требование можно снизить до шести ежегодных инспекций. Он признавал, что если прежнюю официальную квоту сократить вдвое, с двенадцати до шести проверок в год, то это повлечет за собой большую опасность, что можно не зафиксировать некоторые советские секретные испытания. Однако, встретившись 8 февраля 1963 года со своими ключевыми советниками по контролю над вооружениями, президент обрисовал логику, стоявшую за любыми будущими уступками Советам в переговорах о запрещении испытаний ядерного оружия. Охотно допустив, что, как он предполагает, Советы попытаются обмануть, президент объяснил, что любая опасность, к которой может привести этот обман, перевешивается выгодой, которую приобретут Соединенные Штаты: помешав созданию китайского ядерного оружия, они вынудят Москву помочь им заключить всеобъемлющий всемирный договор о запрещении испытаний ядерного оружия⁶³. Кеннеди сомневался, что сможет уговорить Сенат согласиться на шесть инспекций, но он был готов попытаться. При этом он знал, что никогда не сможет уговорить Сенат на три инспекции в год⁶⁴.

* * *

Пока Кеннеди и Хрущев искали общие точки для заключения соглашения сверхдержав, мир не стоял на месте. 8 февраля 1963 года члены партии Баас свергли и убили Абд аль-Карима Касима. ЦРУ замышляло устранить Касима с конца пятидесятых годов, и его точная роль в подготовке событий февраля 1963 года остается неясной. «Мы не организовывали этот переворот... [хотя] мы его очень хорошо прикрывали»⁶⁵, – вспоминал Джеймс Критчфилд, проводивший тогда операции ЦРУ на Ближнем Востоке. Однако главный участник иракских событий, генеральный секретарь партии Баас Али Салих ас-Саади характеризовал роль разведки США совсем по-другому: «Мы пришли к власти следом за ЦРУ»⁶⁶. ЦРУ не только использовало свою резидентуру в посольстве США в Багдаде, сделав ее местом

общения с руководителями переворота, но и, видимо, задействовало, чтобы посылать указания, свою секретную радиостанцию в Кувейте⁶⁷. У ЦРУ явно были свои агенты среди заговорщиков, однако самого активного из всей группы – Абдель-Салама Арефа, который вскоре станет президентом Ирака, – среди них не было⁶⁸. Какой бы ни была роль ЦРУ в перевороте, он был очень кровавым, и Соединенные Штаты его исход удовлетворил. Касим, безжизненное тело которого сбросили в Тигр, перестал быть угрозой для американских интересов на Ближнем Востоке.

Вначале Москва ничего не знала о связях нового режима с Соединенными Штатами и лелеяла надежду, что этот политический переворот не приведет к полной потере ее политических инвестиций в эту страну. Касим не был идеальным клиентом. Хотя он охотно получал советскую помощь в огромных размерах – Ирак был третьим крупнейшим получателем помощи после Кубы и Египта, – к Иракской коммунистической партии он относился гораздо более сурово, чем ожидали Советы. В апреле 1960 года Кремль послал в Багдад Микояна, чтобы напомнить Касиму, что иракские коммунисты были в числе его самых решительных сторонников. Иракский руководитель ответил лишь вежливым замечанием, что Советскому Союзу не следует вмешиваться во внутренние дела Ирака⁶⁹. Кремлевские руководители знали, что новое правительство восстановит отношения с Насером. Однако подлинный вопрос состоял в том, будет ли правительство, заявляющее о себе как о нейтральном, националистическом, социалистическом и антикоммунистическом, хоть сколько-нибудь отличаться от Египта, установившего в 1955 году хорошие отношения с Москвой. Желая воспользоваться шансом, Советский Союз присоединился к западным державам и также признал новое правительство всего через несколько дней после переворота⁷⁰.

Однако через несколько дней в Москву поступили страшные новости: новый режим Ирака оказался откровенно антикоммунистическим. Иракские танки передвигались по улицам, сея панику, правительство Арефа начало преследовать местных коммунистов. Семь тысяч человек, заподозренных в принадлежности к коммунистам, были арестованы, и примерно столько же человек, как считается, были убиты⁷¹. Кремль чувствовал себя бессильным и никак не мог остановить террор баасистов. 19 февраля советский Красный Крест обратился к международному Красному Кресту с просьбой «использовать свой авторитет и свою власть, чтобы прекратить смертоубийство»⁷². Советский композитор Дмитрий Шостакович, поэт Илья Эренбург и другие члены Советского комитета защиты мира тоже потребовали начать международную кампанию против убийств. В Москве студенты Университета дружбы народов имени Патриса

Лумумбы (первоначально – Университета дружбы народов помощи странам, получившим свободу от колониальной зависимости) вышли на демонстрацию протеста. Они несли транспаранты с осуждающими надписями: «Фашизм в Ираке». Но эти обращения остались незамеченными.

Москву беспокоило, что Египет никак не отозвался на продолжение преследований иракских коммунистов со стороны партии Баас. 23 февраля Ирак обвинил «некоторые социалистические государства» в том, что они пытаются спровоцировать курдские племена северного Ирака на свержение его режима⁷³. На следующий день иракским руководством был арестован первый секретарь Иракской коммунистической партии, Хусейн Ахмед ар-Рады, и двое других партийных лидеров, а четвертый, оказавший сопротивление при аресте, был убит⁷⁴. Иракские коммунисты подвергались репрессиям при явном пособничестве Насера, и это свидетельствовало, что от ближневосточной политики Хрущева, судя по всему, ничего не осталось.

Хрущев не ожидал кровопролития в Ираке, и потребовалось некоторое время, чтобы крах внешней политики в том регионе стал для него очевидным. 9 февраля он казался жизнерадостным, когда позировал фотографу, готовясь к интервью международному медиамагнату Рою Герберту Томсону (впоследствии прозванному «бароном Томсоном с Флит-стрит»). Когда Томсон подарил самому Хрущеву часы на батарееках, а «миссис Хрущевой» – наручные часы с бриллиантами, советский руководитель пошутил: «Большое спасибо. Выглядит, как какая-то адская машина, которую придумали капиталисты, чтобы взорвать коммунистический мир. Я скажу жене, чтобы она примерила их первой». И добавил: «У югославов есть поговорка, что они все – за равенство женщин, так что, если им нужно идти по минному полю, они пускают туда женщин первыми»⁷⁵. Однако, когда Хрущев имел возможность высказываться конфиденциально, он не скрывал своего огорчения сообщениями из Ирака. «Баасисты позаимствовали свои методы у Гитлера, – позже говорил Хрущев членам посетившей СССР военной делегации из Египта. – В Ираке они преследуют не только коммунистов и других прогрессивных деятелей, – добавил он, – но даже арабских националистов и защитников мира». Вспоминая, чем руководствовались в СССР, поддерживая свергнутый режим Касима, Хрущев сокрушался: «Мы надеялись, что революция будет развиваться в прогрессивном направлении»⁷⁶.

* * *

Обычно Хрущев, реагируя на крупные события в «третьем мире», так или иначе критиковал Соединенные Штаты или международное

сообщество. В 1956 году и потом в 1958-м он бросил вызов англо-американскому доминированию на Ближнем Востоке, чтобы защитить и египетскую, и иракскую революции. В 1960 году он грозил Вашингтону и требовал радикального изменения структуры ООН, чтобы обеспечить сохранение режимов Кастро и Лумумбы. В 1962 году переброска американских войск к границам Лаоса существенно усилила у Хрущева ощущение, что его окружили и, может быть, стала последней каплей, вынудившей его принять решение разместить ракеты на Кубе. Однако, когда в феврале 1963 года Иракская революция обманула ожидания Хрущева, он не стал реагировать на это со своей обычной горячностью. Утрата Ирака и подозрения, что Насер помогал Арефу отдалить Ирак от Москвы, раньше вполне могли бы спровоцировать Хрущева на какие-нибудь действия. Но теперь было похоже, что Кремль с этим смирился.

Зимой и весной 1963 года внутривластные события напоминали Хрущеву, что не время продолжать противостояние с Соединенными Штатами. В первые месяцы 1963 года появились новые доказательства того, что советская экономика даже еще слабее, чем предполагал Кремль в конце 1962 года. 27 февраля, во время выступления в Калинин [теперь – город Тверь, к северо-западу от Москвы], Хрущев вновь попытался подготовить советский народ к тому, что его уровень жизни будет, возможно, повышаться не так быстро, как было обещано. Он намекнул, что это в значительной степени объясняется стремлением сравняться с Соединенными Штатами в гонке вооружений и ее стоимостью, и попросил советских граждан «дать нам» время обеспечить их товарами потребления⁷⁷. В начале марта советское правительство издало собрание выступлений Хрущева о сельском хозяйстве, но не включило в них даже упоминания о кампании 1957 года под лозунгом «Догнать и перегнать Америку». Уже обнародовав данные, свидетельствующие, что в 1962 году было произведено лишь сорок процентов мяса от объема производства, запланированного на начало шестидесятых годов, Кремль не желал напоминать советским гражданам о своих обещаниях⁷⁸. В середине марта Хрущев уволил своего министра сельского хозяйства.

Хрущева очень беспокоило, к чему могла привести неспособность его режима удовлетворить потребности граждан. За первые три месяца 1963 года он трижды выступал с большими речами об идеологии⁷⁹. Открыто выражая свою озабоченность влиянием буржуазных тенденций на советскую жизнь, Хрущев, несомненно, обращался к своим левым критикам в Пекине, Тиране и других странах социалистического блока, которые он хотел убедить, что какие-либо поиски компромисса с Вашингтоном не означают ослабления коммунисти-

ческой дисциплины. Однако в фокусе его забот прежде всего находилось положение в стране.

Особенно ярким выражением этой озабоченности было внезапное изменение отношения Хрущева к космической программе. Ранее в том же году Хрущев намекнул посетившему его Рою Томсону, что Советский Союз может отказаться от участия в космической гонке. На вопрос Томсона, когда Советский Союз отправит человека на Луну, Хрущев ответил с обезоруживающей откровенностью: «Скажу совершенно искренне, я не знаю – я не хочу делать вид или заниматься пустой болтовней... Это не срочно. Да это и не главная тема нашей жизни. Пусть до Луны торопятся добраться те, кто на этой Земле живет плохо. Мы не собираемся этого делать»⁸⁰. При спаде в советской экономике не имело смысла тратить средства на лунные программы.

В марте Хрущев решил, что советский народ и страны социалистического блока необходимо воодушевить, чего бы это ни стоило. Космическая программа была той сферой, в которой Советы сравнялись с американцами, и в те дни китайско-советской напряженности она была полезна и для того, чтобы поставить китайцев на место. Мао уже несколько лет не мог создать свою собственную космическую программу. «Неправильно останавливать строительство “Востока” [советского космического корабля с людьми на борту]», – заявил Хрущев на заседании Президиума 21 марта, накануне своего отъезда на юг⁸¹. Кроме того, он потребовал, чтобы в советскую космическую программу на 1963 год включили женщину-космонавта – первую женщину, которая отправится в космос.

* * *

Несмотря на все эти внутренние проблемы и на вызов, брошенный ему в Ираке, Хрущев решил не отказываться от предпринятых после Кубинского кризиса усилий снизить напряженность в отношениях с Соединенными Штатами. В середине марта, как он и обещал, с Кубы были выведены дополнительно посланные туда советские войска. И это произошло не только потому, что Хрущев хотел помочь Кеннеди. Кубинцы жаловались на отсутствие дисциплины среди военных, причиной многих происшествий было пьянство⁸². Однако Советы понимали, что будет выгодно Кеннеди, и важно снизить давление на него правых. На основании последних донесений из КГБ складывалась уже знакомая картина: на американского президента оказывают давление, вынуждая его возобновить кампанию, которую вели США, добиваясь свержения Кастро⁸³. Кроме того, Советы хоте-

ли, чтобы Кеннеди обязательно выполнил свое обещание вывезти из Турции ракеты «Юпитер».

Позже, в марте, вера Хрущева в Кеннеди была, судя по всему, вознаграждена. С тех пор как в октябре Роберт Кеннеди сделал предложение от лица своего брата, советское правительство внимательно следило за ситуацией с ракетами «Юпитер» в Турции. В феврале КГБ сообщил, что турецкое правительство решительно возражает против вывоза ракет, находящихся около Измира⁸⁴. Тем не менее к концу марта все ракеты были вывезены, и правительство США проинформировало Москву, что оно выполнило свои обязательства. Кроме того, турки сочли необходимым пригласить местного советского посла, дав ему возможность осмотреть ракетные базы, откуда были вывезены ракеты. «Только козы блуждали по этой опустевшей земле, – позже вспоминал посол Н. С. Рыжов, – а оставшиеся бетонные плиты растащили местные крестьяне»⁸⁵. Однако Рыжова, посетившего место бывшей базы вместе с советским военным атташе, успокоило наличие нескольких металлических брусьев, которые, как он предположил, для чего-то использовались на демонтированной американской военной базе. Вернувшись тем вечером в турецкую столицу, он спросил турецкого премьер-министра, не свидетельствовало ли наличие этих брусьев о плане позже вновь разместить здесь баллистические ракеты. На следующий день турецкое правительство приказало уничтожить брусья⁸⁶.

В конце марта Хрущев уехал на юг, на свою дачу в Пицунде, чтобы немного отдохнуть. Но перед отъездом он приготовил кое-что для китайцев. 9 марта Пекин наконец-то ответил Хрущеву на его призыв к миру и пригласил посетить Пекин. Это был бы первый за четыре года визит советского руководителя⁸⁷. Однако Хрущев не хотел ехать в Китай, хотя и был готов встретиться с Мао в Москве, если китайский лидер к нему приедет. Своему министерству иностранных дел Хрущев велел тщательно подготовить ответ Мао. «Но не в полемической форме»⁸⁸, – предупредил он. Хотя письмо, поступившее в ответ от китайцев, и предлагало перемирие, китайцы, судя по всему, собирались критиковать советскую политику по отношению к Югославии, которую Мао считал чересчур снисходительной к нарушениям коммунистических догматов, допускаемым Тито. Хрущев хотел написать собственное письмо, чтобы почтительно напомнить китайцам, что Москва считала Белград союзником и Пекин должен это признать.

В первые дни своего отдыха в Пицунде Хрущев подписал новое письмо к Кеннеди. После вывоза из Турции ракет «Юпитер» Хрущев решил оказать на президента США небольшое давление, чтобы тот уделил больше внимания важным вопросам, стоящим перед двумя

сверхдержавами. Но это уже не было возвратом к тому балансированию на грани войны, как в 1962 году. Хрущев просто хотел напомнить Кеннеди о декабрьских инициативах и подтолкнуть Вашингтон к выработке каких-нибудь новых идей. Но из-за отсутствия у Хрущева обходительности тон этого письма, в конечном счете, оказался, скорее, угрожающим, чем настойчивым. И все-таки Хрущев был полон решимости не начинать нового кризиса с Кеннеди.

* * *

Весной 1963 года в администрации Кеннеди возник вопрос, не собирается ли шестидесятидевятилетний Хрущев на пенсию. В конце марта источник ЦРУ в Москве сообщил, что в день своего рождения, 17 апреля, Хрущев подаст в отставку с поста председателя Совета Министров. «Предполагаемая источником причина такова, – объяснялось в сообщении, – коллеги Хрущева думают, что для него будет затруднительно лично вести предстоящие переговоры с китайцами»⁸⁹. Правительство США сочло эту информацию достаточно важной, чтобы поделиться ею с британцами, но им было нечего добавить. «У нас нет достоверных сведений о том, что происходит в советском Президиуме», – написал британский чиновник в докладе, направленном премьер-министру Макмиллану⁹⁰.

Хотя аналитики ЦРУ в Вашингтоне и дипломатические сотрудники посольства в Москве недооценивали слухи о скорой отставке Хрущева, ссылаясь на то, что он не из тех, кто уходит с поста, находясь в обороне, Белый дом получил сообщения из разных дополнительных источников, предполагавших, что «в СССР происходит глубокий, но не проявляющий себя кризис»⁹¹. Высокопрофессиональный доклад, написанный в основном Уолтом Ростом, начальником управления планирования государственного департамента, строился на анализе того Советского Союза, который будет после Хрущева. Однако Ростом не был специалистом по советским делам, а главный аналитик положения дел в Кремле, работавший для президентской администрации, был еще менее оптимистичен. Льюэллина Томпсона беспокоило, что в ответ на давление Китая Хрущев может перейти к гораздо более жесткой политике в отношении Запада. «Я все больше и больше опасаюсь, – писал Томпсон Раску в начале апреля, – что у Советов может возникнуть искушение сбить один из наших многочисленных самолетов, летающих вдоль границы с Советским Союзом»⁹².

В разгар вашингтонских споров о будущем Хрущева советский посол Добрынин неожиданно попросил устроить ему 3 апреля частную встречу с Робертом Кеннеди⁹³. В тот же день Добрынин явился в

министерство юстиции с посланием от Хрущева, завернутым в газету. Необычным было не только то, каким образом это послание доставили. И сам документ был длинным, на двадцать пять страниц, и написан без соблюдения формальностей, принятых в переписке между лидерами стран. Русские назвали это послание «красноречивым», и по его стилю было ясно, кто был его автором. Прочитав его, генеральный прокурор расстроился. «Он полон яда»⁹⁴, – признался он позже своему брату. В письме упорно повторялись стандартные аргументы Хрущева, которые он всегда выдвигал против американской позиции по запрещению испытаний ядерного оружия, Берлину и Кубе. Роберт Кеннеди был удивлен, как мало существовавшее в СССР понимание Соединенных Штатов изменилось за те два года, пока он и брат вели переговоры с Хрущевым. «Словно человек прилетел с Марса и его написал»⁹⁵, – сказал Кеннеди.

Братья сначала встретились наедине, чтобы обсудить это послание самим, прежде чем переговорить с остальными членами правительства. Президент усмотрел в документе как нельзя более явное свидетельство того, что «холодная война» достигла переломного момента. В ноябре 1962 года он просил своих советников подумать над тем, что может произойти, если из-за напряженности советско-китайских отношений Хрущеву придется сделать выбор между конфронтацией с Западом и сосуществованием с ним. Теперь Кеннеди решил сделать эффектный жест, который повлиял бы на решение Хрущева. И они с братом договорились, что Роберт срочно вылетит в Москву и встретится там с Хрущевым. Миссия генерального прокурора состояла в том, чтобы попытаться исправить ошибочное представление советского руководителя о намерениях Белого дома⁹⁶.

Однако эта поездка так никогда и не состоялась. Когда через три дня президент предложил обсудить эту идею своим внешнеполитическим советникам, его никто не поддержал. Раск и Банди вежливо, но твердо посоветовали не посылать генерального прокурора с особой миссией. Президент всячески старался убедить их, что его брат в качестве эмиссара принес бы пользу, но потом уступил и одобрил предложение Раска, чтобы в Москву поехал Аверелл Гарриман, бывший посол США в Москве. Предполагалось, что Гарриман отправится в СССР в конце месяца⁹⁷.

Норман Казинс, независимый активист антивоенного движения, уже запланировал через несколько дней вернуться в Москву, и президент Кеннеди решил воспользоваться его посредничеством, чтобы передать личное сообщение Хрущеву. «Дин Раск уже говорил вам, что мы надеемся добиться запрещения испытаний ядерного оружия, – сказал президент Казинсу перед его отъездом⁹⁸. Кеннеди хотел, чтобы Хрущев понял, что Соединенные Штаты никогда не согласятся

на договор, легализующий лишь три ежегодные инспекции на месте. «Я надеюсь, что все дело в искреннем недопонимании. Попробуйте убедить премьера Хрущева признать то, что это было искреннее недопонимание». И 10 апреля Казинс выехал из Соединенных Штатов.

* * *

«Я приеду только туда, – сказал Хрущев своему американскому гостю, – где мне предложат что-то существенное». Хрущев привез Казинса в Пицунду 12 апреля; американец провел в Москве только ночь. Хрущев сказал гостю, что в Пицунде он работал над своим выступлением на XX съезде партии и над предложениями для XXII съезда, а теперь, как он сказал, «у меня зреет кое-что еще». Он сказал, что планирует объявить об этом на партийном пленуме в середине мая⁹⁹.

«Вот что я сделаю, прежде чем обсуждать что-то существенное». Хрущев сказал Казинсу, что за проведенные им в Пицунде три недели он встречался всего с тремя людьми. Его жизнь протекала по спокойному заведенному порядку: утром он делал зарядку, играл в бадминтон со своим тренером или врачом, потом шел на массаж, долго гулял и купался в бассейне. «Потом я выхожу из дома, чтобы немного подумать, возвращаюсь и диктую. Когда устаю, выхожу гулять снова, а потом снова диктую». В конце дня Хрущев снова шел на массаж.

Казинс, опытный врач, обратил внимание на состояние здоровья Хрущева. В Москве ходили слухи, что у него высокое давление. Казинс не мог подтвердить этого наверняка. «Могу только сказать, – говорил он позже президенту Кеннеди, – что, поиграв в бадминтон десять или двадцать минут, он не казался слишком запыхавшимся для шестидесятидевятилетнего человека. Он подвижный, с хорошей реакцией, со здоровым цветом лица. Садясь поговорить, он сохранял превосходную концентрацию». Необычным, по мнению Казинса, было то, что Хрущев, похоже, был способен выпить много алкоголя. «Я был поражен его способностью». За обедом Хрущев выпивал две рюмки водки, две рюмки вина и полторы рюмки коньяка.

Хрущев предупредил Казинса, что он готов завершить переговоры с Западом относительно запрещения испытаний ядерного оружия. Повторив, что, по его мнению, он пошел на те уступки Кеннеди, которые были ему нужны для утверждения договора в американском Сенате, Хрущев заявил, что на дальнейшие уступки не пойдет. «Мы протянули руку, но ее не приняли... а теперь я должен заботиться о национальной безопасности». Хрущев уверял, что его ученые и военные оказывали на него большое давление, чтобы возобновить ис-

пытания ядерного оружия. Они внесли такие усовершенствования, которые, как они надеялись, сработают. Кроме того, по их словам, в Соединенных Штатах испытаний ядерного оружия провели на семьдесят процентов больше, чем в Советском Союзе. Если Хрущев хочет удержать этих внутренних оппонентов в узде, то он должен подписать договор, не наносящий ущерба советской безопасности. Поэтому больше никаких уступок не будет. «Уверяю вас: я и так зашел слишком далеко, и это для меня предел».

Хрущев планировал вернуться в Москву примерно через неделю, и у Казинса сложилось отчетливое впечатление, что Советы, видимо, отзовут свое предложение об инспекциях на месте и возобновят испытания. «Господин председатель, – сказал Казинс, – вы меня просто убили. Если упустить эту возможность, то другой, может быть, уже никогда не представится». Советский руководитель ответил: «Да, верно, может, еще двадцать лет. Может, мы еще двадцать лет будем продолжать в том же духе, но скажите президенту, что я устал... Вы не единственный, кого просто убили». Хрущев предупредил Казинса и таким образом намекнул Вашингтону, что в середине мая он сделает какое-то заявление.

* * *

Хотя Хрущев не собирался усиливать давление в «третьем мире», события, которые произошли в апреле 1963 года в Лаосе, в тысячах миль от него, стали, похоже, подтверждением его предостережений Норману Казинсу. Тревожное перемирие, едва установившееся в этой беспокойной стране, прервалось в том же апреле. Армейская группировка, поддерживавшая Патет Лао, вышла из-под командования Конг Ле и теперь атаковала вооруженные силы правительства Суванны. Затем, 8 апреля, лидер Патет Лао принц Суфанувонг покинул столицу Лаоса Вьентьян и выехал в зону, контролируемую силами Патет Лао, что привело к углублению раскола в коалиционном правительстве. Хотя в Вашингтоне не были уверены, действительно ли Советы контролируют Патет Лао, администрация не сомневалась, что северные вьетнамцы и их лаосские союзники начали наступление в регионе.

19, 20 и 22 апреля Кеннеди встречался со своими внешнеполитическими советниками, обсуждая, каким образом оказать давление на Москву и Ханой, чтобы они сдержали своего лаосского союзника. Президента беспокоило, что Женевское соглашение по Лаосу было нарушено одновременно с поражением сил нейтраллистов в этой стране.

Не зная, отвечать силой или по дипломатическим каналам, президент попросил Пентагон разработать военные варианты действий США, включая повторную отправку американских морских пехотинцев в Таиланд (выведенных оттуда в 1962 году). Или, может быть, стоило предпринять какие-нибудь действия против северных вьетнамцев, или даже применить давление на Кубу, чтобы привлечь внимание Кремля. Кеннеди хотел, чтобы Аверелл Гарриман, уже собиравшийся вылететь в Москву, заявил лично Хрущеву, что США обеспокоены положением в Лаосе. Президент еще верил, что советская внешняя политика достигла переломного момента и на нее можно повлиять¹⁰⁰.

Казинс рассказал Кеннеди о своей встрече с Хрущевым, когда президент обдумывал варианты своих действий в Юго-Восточной Азии. Во время разговора в Овальном кабинете, тайно записанного президентом на магнитофон, Казинс предупредил, что Хрущев, возможно, сделает на майском пленуме жесткое заявление, и призвал Соединенные Штаты предпринять что-нибудь, чтобы этому помешать. Казинс выдвинул два предложения. Во-первых, чтобы Соединенные Штаты временно согласились на всеобъемлющее запрещение испытаний ядерного оружия на советских условиях, на испытательный шестимесячный срок. Кеннеди отверг это предложение. Кроме того, Казинс предложил Кеннеди обратиться с большим миротворческим заявлением. Вспомнив о выступлении президента на Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 1961 года, когда Кеннеди говорил о необходимости заменить гонку вооружений гонкой мира, Казинс сказал, что пора напомнить Советам о миротворческих обязательствах США. Кеннеди выслушал это предложение с интересом, согласившись с Казинсом, что если, как он опасался, в Кремле усилятся сторонники жесткой линии, то это вызовет «реакцию на это, тем самым укрепив положение сторонников Никсона»¹⁰¹.

В первую неделю мая главный спичрайтер президента Тед Соренсен позвонил Казинсу, сообщив ему, что Кеннеди понравилось его предложение выступить с большим миротворческим заявлением. Белый дом полагал, что отличная возможность для этого представится 10 июня, когда президент выступит с речью на выпускном акте в Американском университете в Вашингтоне. Соренсен попросил Казинса прислать свои соображения на этот счет.

* * *

Загорелый и с виду жизнерадостный, Хрущев вернулся в Москву 20 апреля¹⁰². Через три дня он встретился с послом США Колером и британским послом сэром Хэмфри Тревельяном, представившими от

своих правительств аналогичные предложения о запрещении испытаний ядерного оружия. «В этом сообщении нет ничего существенного», – ответил Хрущев послам. Вашингтон и Лондон по-прежнему настаивали на договоре, предполагавшем больше трех ежегодных инспекций на месте. «Вы хотите получить право внедрить своих шпионов, которые будут получать указания от разведывательного агентства, – сказал Хрущев. – Мы с этим не согласны. Мы не потерпим никаких шпионов». Снова подняв вопрос о Берлине, Хрущев напомнил представителям обоих правительств, что бесполезно надеяться на договор о контроле над вооружениями, если не будет достигнут прогресс по этому вопросу. «Вы не хотите решить германский вопрос, но он – самый важный. Но важно не это, а важно то, что германский вопрос остается, пока вы не хотите его решить»¹⁰³. Но такая нотация, представлявшая советскую внешнюю политику, прозвучала последний раз; больше к такому тону в СССР не вернуться.

Джон Кеннеди был прав, считая, что весна 1963 года станет поворотным пунктом в «холодной войне». 25 апреля Никита Хрущев пригласил на заседание партийного Президиума своего министра обороны Родиона Малиновского. Советский руководитель хотел разработать основные направления нового внешнеполитического курса Москвы и велел Малиновскому убедить кремлевских коллег, что этот новый подход не повредит безопасности советского государства¹⁰⁴.

Из Пицунды Хрущев вернулся с двумя новыми убеждениями. Во-первых, теперь он был уверен, что берлинский вопрос больше не должен препятствовать серьезным американско-советским соглашениям. Во-вторых, он полагал, что если невозможно заключить с Западом договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, то Москва должна согласиться на частичное запрещение, делающее незаконными испытания в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Будут продолжаться лишь испытания под землей. Начиная с ноября Хрущев уже не прибегал к тактике давления, характерной для его внешнеполитической стратегии после 1958 года. С того же времени он смягчил и свою риторику по берлинскому вопросу. 25 апреля, в ходе дискуссий на заседании Президиума, Хрущев собирался сделать эти тенденции новым официальным подходом к отношениям с Соединенными Штатами.

Пересказав свой бесплодный разговор с западными послами, Хрущев предложил новую политику контроля над вооружениями. Изложив мнение военных советников, считавших, что Советскому Союзу больше не требуется проводить испытания в атмосфере, Хрущев предложил добиваться заключения договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия без дополнительных условий. В сентябре он предложил Кеннеди заключить договор о частич-

ном запрещении испытаний ядерного оружия, но потом выдвинул условие, что американцы тоже должны согласиться на пятилетний мораторий на испытания под землей. Кроме того, Хрущев разъяснил, что Советский Союз задумается об отмене частичного запрещения испытаний ядерного оружия, если через пять лет не будет заключено соглашения о постоянном запрещении подземных испытаний¹⁰⁵. Теперь Хрущев уже не упоминал о подземных испытаниях и вместо этого подчеркивал пропагандистские преимущества устранения главного источника радиационного заражения в воде и воздухе. Заявив, что Москва должна быть готова предложить этот договор Западу, Хрущев ничего не сказал о переговорах по Берлину. Кеннеди и Макмиллан получают договор о частичном запрещении испытаний, не расплатившись за него уступками по Берлину.

Как это Хрущев уже сделал 25 октября 1962 года, когда он просил одобрения своих коллег, чтобы предложить Кеннеди сделку, которая покончила бы с ракетным кризисом, он и теперь оставил за собой право выбрать время, чтобы сделать это предложение американцам и британцам. «Думаю, что по этому вопросу мы сможем заключить договор немедленно... нужно лишь составить проект... Мы можем теперь же выработать тактику и определить время, когда это для нас наиболее выгодно»¹⁰⁶.

Об этом резком изменении в советском внешнеполитическом курсе Хрущев ничего не сказал особому посланнику Кеннеди Авереллу Гарриману, встретившись с ним на следующий день для обсуждения лаосского вопроса. Хрущев просто попытался донести до Вашингтона мысль, что, хотя он по-прежнему верит в женевские договоренности, на самом деле сверхдержавам следует заботиться о вещах куда более существенных, чем крошечный Лаос. В этой стране всего два миллиона жителей, сказал Хрущев Гарриману, и «в Лаосе не происходит ничего по-настоящему серьезного». Он полагал, что США и СССР должны очень постараться «не обращать на него внимания»¹⁰⁷. Заметив, что Хрущева не интересует полемика с Кеннеди по поводу недавних событий в Юго-Восточной Азии, его американские гости сочли эту незаинтересованность обескураживающей и довольно комичной. «Хрущев нетерпеливо твердил, что он не знает всех этих глупых лаосских имен или людей, которым они принадлежат»¹⁰⁸, – впоследствии сообщал Белому дому Майкл Форрестол, сотрудник Совета национальной безопасности США, сопровождавший в поездке Гарримана. Однако всего через несколько недель Хрущев воспользуется неожиданной возможностью, чтобы сообщить Кеннеди и всему миру о своих новых приоритетах.

На дипломатическом приеме в Бонне западногерманский канцлер отвел советского посла в сторону. Это произошло в конце мая 1963 года. До отставки восьмидесятивосьмилетнего Конрада Аденауэра оставалось всего несколько месяцев, но, прежде чем уйти с должности, он хотел кое-что сделать. Послу Андрею Смирнову Аденауэр сказал, что он надеется на масштабную нормализацию отношений с Москвой. Канцлер объяснил, что давно мечтал о таком договоре, но в силу внутренних и внешнеполитических причин это было невозможно¹⁰⁹.

Аденауэр пытался передать Советам, что зачастую он был вынужден в одиночку бороться за улучшение отношений. В 1955 году, решив восстановить дипломатические отношения с Москвой, он столкнулся с противодействием не только своего министра иностранных дел Генриха фон Брентано ди Тремеццо и статс-секретаря германского министерства иностранных дел Вальтера Хальштейна, но и многих других членов его правительства. Однако Фон Брентано и Хальштейн по-прежнему противодействовали восточной политике. Это они избрали первого германского посла в Москве – человека, оказавшегося совершенно не подходящим, а когда второму послу, Хансу Кроллю, удалось наладить прямую связь с Хрущевым, противники улучшения отношений с Москвой сделали все возможное, чтобы его отозвать. «В конце концов, – сказал Аденауэр, – Кролль оказался в таком положении, что для него стало невозможно оставаться в должности посла в Москве». Аденауэр представил себя почти пассивным участником отставки Кролля. «И, разумеется, все это могло бы обернуться таким образом без совета наших союзников».

Аденауэр полагал, что его замечания произведут на Советы большое впечатление. Он сказал Смирнову, чтобы Советский Союз не обращал особого внимания на сообщения о том, что в октябре он уйдет в отставку. «Когда мне уйти в отставку – это только мое дело, – сказал он, – я не прекратил и не собираюсь прекращать бороться за осуществление моих планов». Кроме того, он поставил себе в заслугу недавние результативные переговоры, которые с советскими представителями в Бонне провел бывший посол Кролль.

В апреле и начале мая Кролль, с одобрения Аденауэра, посетил Смирнова. Во время этих встреч Кролль не только жаловался на то, как с ним обращалось проамериканское лобби в Министерстве иностранных дел Западной Германии, опасавшемся улучшения отношений с СССР, но и пытался воодушевить Кремль использовать последние моменты эпохи Аденауэра, чтобы предпринять что-нибудь эффективное. Кролль сказал, что, судя по намекам Аденауэра, его могут вернуть в Москву. «Разве вы обычно не приезжаете в Россию в от-

пуск?» – спросил канцлер Кролля. Бывший посол Западной Германии сказал Смирнову, что он вернется в Москву лишь в том случае, если Советы представят новое предложение. Кроме того, он намекнул, что Аденауэр, может быть, и не уйдет в отставку в 1963 году, если наметится какой-нибудь прогресс в отношениях с Москвой¹¹⁰.

Решение западногерманского канцлера говорить с Советами напрямую превратило предпринятое Кроллем пробное зондирование в серьезную возможность. Хрущев давно верил, что альянс с Западной Германией возможен и что, несмотря на огромные идеологические различия, у обеих стран общие географические и экономические интересы. Хотя Хрущев и не ожидал, что тем германским руководителем, который признает эти взаимные интересы, станет Аденауэр, он все-таки сохранял надежду, что канцлер наконец-то прозрел. В 1955 году Аденауэр изумил американцев, установив дипломатические отношения с Советским Союзом, хотя он годами обещал, что этого не сделает.

Аденауэр и Кролль встретились 4 июня, чтобы обсудить, каким образом поддерживать интерес Советского Союза. 11 июня с Кроллем встретился советский посол. У Аденауэра не было никаких новых предложений, но он был готов послать Кролля в Москву, чтобы тот договорился о соглашении до того, как канцлер уйдет в отставку. Аденауэр говорил о достижении «гражданского мира» и сообщил Москве, что согласен заморозить положение в нынешнем виде – с двумя Германиями, разделенным Берлином, без изменений послевоенной польско-германской границы – на тридцать лет¹¹¹.

* * *

Пока Аденауэр шел на тайное сближение с Советами, администрация Кеннеди продолжала готовить выступление президента в Американском университете, запланированное на 10 июня; ему предстояло стать весомым поводом для примирения сверхдержав. В конце мая Макджордж Банди попросил Артура Шлезингера и других вдумчивых либералов из президентской администрации прислать свои соображения Теодору Соренсену, уже побеседовавшему с Норманом Казинсом¹¹². Соренсен разыскал некоторые фрагменты из того обращения Кеннеди, с которым он предполагал выступить по советскому телевидению весной 1962 года¹¹³. Проект телевизионной трансляции речей двух руководителей пришлось отменить из-за решения Кеннеди возобновить испытания ядерного оружия, а также из-за стратегии мениска, которой придерживался Хрущев. То, что задумал президент, было гораздо радикальнее тех идей о взаимопонимании, которые он собирался поддержать годом ранее.

Кубинский ракетный кризис позволил ему прибегнуть к другой риторике. «Президент вполне мог поддерживать ключевые моменты своей речи в Американском университете и до 1963 года, – позже вспоминал Банди, – но он не думал, что может заявить о них публично»¹¹⁴. «Холодная война» длилась уже почти два десятилетия, и американцы крайне скептически относились к политикам, которые говорили, что Советы – не дьяволы. Кеннеди не обольщался, зная, что коммунизму не по силам изменить свою репрессивную природу, но в последний год он узнал о Хрущеве нечто очень важное. Поведение Хрущева во время кризиса, когда стало явным его разочарование, показало, что он испытывает благоразумное уважение к военной мощи США и понимает, что возможны и случайности, и неверные толкования. В последние годы своего президентства Дуайт Эйзенхауэр пытался приучить общественность к реальности советской угрозы. Однако не преуспев, Эйзенхауэр уступил место молодому человеку, который выиграл на президентских выборах отчасти потому, что сыграл на опасениях, будто старый генерал Второй мировой войны позволил хитрому Хрущеву прошмыгнуть мимо него, пока тот играл в гольф. Но, пробыв президентом почти тысячу дней, «молодой человек» наконец сообразил, что неправильно понимал советскую угрозу. К тому же он полагал, что после успеха на Кубе у него достаточно общественной поддержки, чтобы использовать Овальный кабинет в качестве того, что в начале века Теодор Рузвельт назвал «первоклассной кафедрой проповедника».

Выступая перед выпускниками Американского университета 1963 года, Кеннеди выразил надежду, что мир, в который они вступают, будет гораздо счастливее того мира, в который вступили их отцы, закончив учебу в конце тридцатых годов. Он полагал, что прочный мир возможен, но он не может быть навязан одной стороной. «Не “Американский мир” [лат. *Pax Americana* – часть системы мироустройства, сложившаяся после Второй мировой войны; часть биполярного мира, противостоящая так называемому «Советскому миру», «*Pax Sovietica*». Синоним США как доминанты западного мира. – *Примеч. пер.*], навязанный этому миру американским оружием войны... не просто мир для американцев, но мир для всех людей; не просто мир для нашего времени, но и мир на все времена»¹¹⁵. Обращаясь к выпускникам, Кеннеди обращался через них ко всем остальным жителям страны и всему миру. «Некоторые говорят, что бесполезно говорить о мире во всем мире... до тех пор, пока руководители Советского Союза не займут более просвещенную позицию. И я надеюсь, что они ее займут. Полагаю, мы сможем им помочь это сделать. Но я также считаю, что мы должны пересмотреть и нашу собственную позицию»¹¹⁶. В своей речи при вступлении в должность

президента Кеннеди призвал американцев «вынести любые тяготы» во имя справедливости в своей стране и свободы за ее пределами. Теперь же он призвал американцев отказаться от духовного изоляционизма, расширить свой кругозор, чтобы представить себе, как думают их противники. Умиротворение – это не цель; цель – понимание. «Мы должны вести дела так, чтобы это стало в интересах коммунистов – согласиться на настоящий мир... позволить каждому народу избрать свое собственное будущее – при условии, что этот выбор не будет мешать выбору других»¹¹⁷. Кеннеди согласился с исходной посылкой, что две сверхдержавы могут мирно сосуществовать. «В конечном счете самое главное, что всех нас связывает – это то, что все мы живем на этой планете. Все мы дышим одним воздухом. Все мы заботимся о будущем наших детей. И все мы смертны». Кеннеди взял на себя обязательство (надеясь, что его поддержит и народ) положить конец этому опасному моменту «холодной войны». «Уверенно и бесстрашно мы трудимся не ради стратегии уничтожения, но ради стратегии мира»¹¹⁸.

* * *

Через три дня Хрущев объявил о своей собственной стратегии мира. Он не упомянул о речи, с которой президент Кеннеди только что выступил в Американском университете, но она произвела на советского руководителя сильное впечатление. Хрущев заявил, что речь Кеннеди была лучшей из всех произнесенных американскими президентами после Рузвельта¹¹⁹. Убеждая свои коллег по Президиуму в необходимости разрядки, Хрущев не упоминал о новом климате в отношениях с Соединенными Штатами, он обсуждал смысл тайного подхода Аденауэра.

С 1955 года в СССР надеялись, что западные немцы предпримут нечто подобное. И хотя были основания сомневаться в искренности Аденауэра, западногерманская инициатива наконец-то дала Хрущеву повод отказаться от безуспешной берлинской политики. «Давайте изменим тактику, – сказал он на официальном заседании Президиума 13 июня. – Мы не получим договора от американцев». Он напомнил о неудачной логике берлинских кризисов. У Соединенных Штатов всегда было наготове оружие экономического эмбарго, которое серьезно повредило бы Восточной Германии. Поэтому Хрущев мог давить на американцев лишь до сих пор. Теперь же западные немцы искали способ обойти американцев.

Хрущев полагал, что имеются причины, делающие возможным заключение договора с немцами. Он давно понял, что эконо-

мические связи могут сблизить две страны гораздо теснее. Хрущев с симпатией вспоминал широкое экономическое сотрудничество между Веймарской Германией и сталинской Россией. Основой для этого сотрудничества стал Рапальский договор, подписанный этими двумя государствами в 1922 году. В последние годы объем торговли Западной Германией с Советским Союзом возрос, и в 1962 году Советы обратились к германским промышленникам с предложением покупать у них стальные трубы. «Мы действительно партнеры, – объяснял 13 июня своим коллегам Хрущев. – А вот американцы, британцы, французы – соперники». Хрущев полагал, что особые отношения с Западной Германией возможны. «Рапалло выгоден и для Федеративной Республики, и для Советского Союза»¹²⁰.

Хрущев велел министерству иностранных дел подготовить указания для переговоров с представителями Аденауэра. Они смогут сами решить, приехать ли им в Советский Союз в качестве официальной делегации или в отпуск, как это раньше делал Кролль. Хрущев сказал своим коллегам, что, как он ожидает, американцы согласятся на более тесные западногерманско-советские отношения. Их не испугает эта перспектива. Он думал, что окажут сопротивление только французы, которых огорчит возможность утраты особых отношений с Бонном.

В конце марта были вывезены ракеты «Юпитер». Кроме того, инициатива Аденауэра и речь Кеннеди в Американском университете укрепили уверенность Хрущева, что в 1963 году для него настало время внести свой самый большой вклад в разрядку с Западом. В апреле Хрущев сказал, что Кремль готов предложить американцам и британцам договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, но это произойдет тогда, когда решит Москва. И теперь он полагал, что момент настал.

2 июля 1963 года Хрущев объявил, что он готов согласиться на договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия. Об этом он публично заявил в Восточном Берлине, что было весьма уместно. Похоронив свою берлинскую стратегию, которой Хрущев следовал четыре года, он сделал возможным обсуждение вопроса о запрещении испытаний.

Вашингтон и Лондон встретили это заявление с энтузиазмом и сразу же направили своих переговорщиков в Москву. Через три недели договор был составлен и подписан тремя правительствами. Для многих подписание договора стало символом начала разрядки в «холодной войне». Однако Кеннеди и Макмиллан не знали, что Хрущев не собирался предлагать дополнительных мер укрепления доверия. Советская политика не стала более гибкой ни по вопросу о всеобщем разоружении, ни по Берлину, если о нем снова возникнет дискуссия. Еще более неутешительным стало бы понимание, что, согласившись

на частичное запрещение испытаний ядерного оружия, Хрущев по-прежнему стремится конкурировать с Западом за новых союзников в «третьем мире» и в индустриально развитых странах. Сейчас, как и всегда, начиная с 1955 года, цель Хрущева оставалась прежней: улучшить климат для этого соперничества, когда оружием станут идеи, и лучшей выгодой – сокращение военных бюджетов. Именно это он всегда понимал под мирным сосуществованием.

* * *

Хрущев не питал иллюзий относительно влияния договора о запрещении испытаний ядерного оружия на отношения между Москвой и Пекином. Не говоря об идеологическом неприятии китайцами договоренностей с Соединенными Штатами, Пекин хотел обзавестись собственным ядерным оружием, что было бы гораздо труднее при международном давлении и запрете на испытания ядерного оружия. Однако, по мнению Хрущева, предпринятые им с начала года попытки улучшить отношения с Китаем оказались настолько непродуктивными, что ему было почти нечего терять. В январе он сказал своим коллегам, что, если не прекратить раскол между Москвой и Китаем, который он называл политикой разрыва, это приведет лишь к усилению национализма в коммунистическом движении. «Разрыв – это не коммунистический путь»¹²¹. Хрущев полагал, что Советский Союз должен продемонстрировать терпение, которого ожидают от мирового лидера. «Мы прокладываем путь к будущему... [и нам надо] проявить терпимость». Позже, в мае 1963 года, когда Кастро посетил Советский Союз, Хрущев признал, что он действительно не понимает, почему существует напряженность в китайско-советских отношениях. «Вот я себя спрашиваю, – сказал он Кастро, – в чем расхождение? Мы за мир, и они за мир. Мы за сосуществование, и они тоже. В чем же проблема?»¹²²

Он признал, что китайцы завидуют Советскому Союзу, его преимущественному положению среди стран социалистического блока. «Они хотят быть первой скрипкой»¹²³, – сказал Хрущев. Пекин должен был признать, что это невозможно. Поскольку китайцы заявляли, что они следуют учению Ленина, Хрущев предположил, что любые идеологические различия должны, в конечном счете, разрешаться в пользу Москвы, родины ленинизма. До конца своих дней Хрущев никогда не понимал, что эта позиция содержит в себе элемент имперскости.

Через несколько дней после выступления Хрущева в Восточном Берлине, когда он предложил частичное запрещение испытаний ядер-

ного оружия, в Москве состоялась двусторонняя встреча представителей китайской и советской коммунистических партий. Вопросы повестки этой встречи обе стороны согласовывали несколько месяцев. В результате ни Хрущев, ни Мао так и не решили приехать в столицу своих оппонентов. Вместо них участниками встречи стали Михаил Сулов, высокопоставленные сотрудники Международного отдела Центрального Комитета КПСС и члены китайской делегации во главе с Дэн Сяопином. Переговоры завершились провалом. После пятнадцатичасовой вступительной речи Дэна обе делегации сразу же начали обмениваться колкостями. Китайцы раскритиковали Москву за ее «неревOLUTIONIONную» политику. Якобы с 1956 года Советы увлеклись несправедливыми нападками на Сталина вместо того, чтобы четко признать собственные ошибки. Именно рьяным антисталинизмом Хрущева, по мнению Дэна, объяснялась нестабильность в Восточной Европе, проявившаяся в 1956 году. Он критиковал Хрущева за его попытки достичь компромисса с Соединенными Штатами: «Соединенные Штаты Америки – империалистическая страна, а Советский Союз – социалистическая страна. Как могут сосуществовать эти две страны, принадлежащие к двум фундаментально разным социальным системам, как они могут наладить общее сотрудничество?.. Это совершенно немыслимо, в этом отношении нельзя поддаваться иллюзиям»¹²⁴.

Кроме того, он раскритиковал Хрущева за его попытки распространить доктрину мирного сосуществования на «третий мир». В 1958 году Кубинская коммунистическая партия («Социалистическая народная партия», НСП; Partido Socialista Popular, PSP) выступила против революции Кастро, заклеив ее как «путчизм» и «терроризм». Если бы позволили действовать Анибалу Эскаланте и другим лидерам НСП, то Куба никогда бы не стала коммунистической страной. Аналогично китайцы критиковали отношение Москвы к алжирской и иракской коммунистическим партиям. Под давлением Москвы в 1957 году Алжирская коммунистическая партия была вынуждена отказаться от вооруженной борьбы «и тем самым утратила свое место в политической жизни страны». Китайцы считали, что Москва виновата в том, что в феврале 1963 года партии Баас удалось так легко захватить власть в Ираке. Подтолкнув Иракскую коммунистическую партию к сотрудничеству с Касимом, Москва на самом деле ослабила коммунистическое движение, оставив его незащищенным перед баасистами¹²⁵.

Хотя это и не было полной неожиданностью, но переговоры положили начало периоду более трудных китайско-советских отношений. «Пришло время дать китайцам открытый бой», – заявил Хрущев

на одном из первых заседаний в Кремле после отъезда китайской делегации¹²⁶.

* * *

Через восемь месяцев после окончания Кубинского ракетного кризиса в международной политике произошел радикальный перелом, во многом обусловленный переменой в международной стратегии Хрущева. В середине лета 1963 года отношения Советского Союза с Соединенными Штатами были лучше, чем с Китайской Народной Республикой. Предприняв ряд односторонних действий, Хрущев перестал считать берлинский вопрос первоочередным вопросом международной повестки, каким он по его воле стал с ноября 1958 года. Столкнувшись весной 1963 года с рядом неудач и внутри страны, и за границей, он предпочел путь уступок и дискуссий, а не напряженности. Хрущев позволил себе изменить подход, и мир стал безопасней, хотя теперь кремлевскому руководителю предстояло беспокоиться тем, что советский блок, похоже, существовал скорее в теории, чем на практике.

Глава 21

НАСЛЕДИЕ

О своей смерти Хрущев начал думать с тех пор, как в конце весны 1963 года с Фролом Козловым случился серьезный инсульт. Козлов был человеком неоднозначным, и одно время его считали возможным преемником Хрущева. Однако Хрущева встревожило то, что он, будучи сравнительно молодым человеком – ему было пятьдесят пять лет, когда Хрущеву было шестьдесят девять, тяжело заболел. Узнав эту новость, он через какое-то время признался сыну, что постарел, «да и остальные члены Президиума – деды пенсионного возраста». Сам Хрущев стал членом Политбюро в сорок пять лет. «Подходящий, – по его словам, – возраст для больших дел – есть силы, есть время впереди»¹.

Хрущев уже давно задумывался о пенсии. Посетив Соединенные Штаты впервые в 1959 году, он изумил своих коллег, сообщив им, что не намерен, по примеру Ленина и Сталина, умирать, находясь в должности. «Нельзя использовать человека до тех пор, пока он не износится»², – сказал Хрущев. «Если буржуа и капиталисты не боятся, что эти их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться?»³

Однако в 1963 году крепкий шестидесятидевятилетний Хрущев не думал о скорой смерти. Своему сыну он сказал, что планирует оставаться в должности до XXIII съезда партии, который должен состояться через два с лишним года. Помимо разрядки отношений с Кеннеди в 1963 году Хрущев начал масштабные экономические реформы внутри страны. Ранее в том же году он начал масштабную реорганизацию советской промышленности, несмотря на возражения Микояна, воспротивившегося расформированию промышленных групп республиканского уровня на родном для него Кавказе⁴. Так что у Хрущева были причины оставаться в должности достаточно долго, чтобы увидеть определенную отдачу от сделанных по его распоряжению огромных капиталовложений в химическую промышленность. В борьбе Хрущева за химизацию было нечто мессианское, вроде его убежденности в важности возделывания кукурузы, к которому

он пришел в середине пятидесятых годов. Первокласная советская химическая промышленность, считал он, создаст запасы удобрений для повышения урожая и увеличения объема советской текстильной промышленности благодаря замене натуральных волокон на синтетические.

Впервые после 1955 года внешняя политика не была приоритетной для Хрущева. Из-за китайско-советских отношений борьба сверхдержав перестала быть самой трудной международной проблемой Кремля. В отношениях Хрущева с Соединенными Штатами осенью 1963 года наступил своего рода застой. 30 сентября Соединенные Штаты попытались наладить новый секретный канал связи с Хрущевым. Кеннеди посоветовал Кремлю дать разрешение на конфиденциальные встречи президентского пресс-секретаря Пьера Сэлинджера с полковником Г. В. Карповичем – сотрудником резидентуры КГБ в посольстве в Вашингтоне.

Канал связи Сэлинджера и Карповича еще не установился, когда события 22 ноября 1963 года в техасском Далласе дали Хрущеву страшный повод задуматься о бренности человеческой жизни. Услышав об убийстве Кеннеди, Хрущев решил, что президент был убит в результате заговора. КГБ всеми силами пытался найти доказательства того, что в убийстве Кеннеди виноваты правые милитаристы и нефтяные бароны, но смог представить Кремлю лишь разрозненные фрагменты неподтвержденной информации. Отсутствие доказательств не помешало Хрущеву утвердиться в самых мрачных подозрениях относительно американского общества. Длившиеся десять лет переговоры и встречи на высшем уровне с американцами не изменили его непоколебимой уверенности в существовании двух Америк. Кеннеди был представителем лучшей Америки, которая, хотя и антисоветская, была благоразумной, умеренно прогрессивной и антивоенной. Другая Америка была агрессивной и думающей лишь о наживе. Эту последнюю Хрущев считал враждебной и теперь был убежден, что именно эта злая Америка и убила Кеннеди.

Свою обеспокоенность смертью молодого американского руководителя Хрущев проявил в том, что явился в посольство США и расписался в книге соболезнований. Микоян поехал на похороны Кеннеди, представляя Хрущева и весь Советский Союз и предполагая встретиться с новым президентом Линдоном Бэйнсом Джонсоном.

Утрата Кеннеди стала для Хрущева еще одним напоминанием о непрочности его видимого успеха за границей. В конце 1963 года и в начале 1964 года он снова попытался улучшить отношения с Китайской Народной Республикой, но без особого успеха. Китайцы возобновили пограничные споры с Россией, возникшие еще до образования двух коммунистических государств. В январе 1964 года по-

слал свою собственную «энциклику» большинству мировых лидеров, призвав к мирному урегулированию пограничных споров. Китай это послание просто проигнорировал, и больше никаких переговоров по пограничному спору Китай и СССР не вели. Москва стала свидетельницей охлаждения отношений и с Северным Вьетнамом, который не только последовал примеру Китая, но и осуждал подход Москвы к борьбе за коммунизм в Юго-Восточной Азии, все больше и больше предполагавший невмешательство.

Хрущев продолжал разъезжать по миру в поисках друзей. В мае он присутствовал на церемонии открытия Асуанской плотины в Египте, а в июне отправился в Скандинавские страны. Церемония в Египте, символизировавшая позитивные изменения в советско-египетских отношениях, ради которых Хрущев упорно трудился почти десять лет, напомнила ему и о неудачах советской политики в регионе. Хрущева посадили рядом с руководителем Ирака антикоммунистом Абдель-Саламом Арефом, и ему оставалось лишь сохранять самообладание. Во время своих конфиденциальных встреч с египтянами члены советской делегации подняли неловкий вопрос о преследовании Насером египетских коммунистов. «Как это возможно, – спрашивали советские представители, – проводить политику антикоммунизма в стране, строящей социализм?» И все-таки Хрущев вернулся с Ближнего Востока в надежде, что Советский Союз сможет и впредь расширять свое влияние в этом регионе. 26 мая он доложил Президиуму, что Насер, похоже, готов помочь Москве с Арефом. Сопровождавший Хрущева министр иностранных дел Громыко заметил, что Насер был «серьезной политической фигурой»; он мог быть «неподатливым по многим вопросам, но он пытался понять наши взгляды». Однако Хрущев предупредил, что будущие успехи зависят от умения Кремля реагировать на арабский национализм. Местные коммунисты, такие как лидер сирийских коммунистов Халед Багдаш, совместно выступали против арабского единства, которое они считали совершенно не совместимым с социалистической революцией. Хотя Москва разделяла эти опасения по поводу национализма, из поездки Хрущев вернулся с ощущением, что в этом регионе Москве следует быть прагматичнее. «Придерживаясь этого лозунга [против арабского национализма], – сказал он, – мы не добьемся расположения арабов... У нас нет причин быть против арабского единства. Этот вопрос следует разработать». Советский руководитель был убежден, что Москве надо подумать о более существенном участии в делах Ближнего Востока. Он полагал, что Насер по-настоящему прогрессивен и что в регионе есть и другие подобные ему люди. Однако приманкой была не только идеология. Движимый инстинктом состязательности, Хрущев, возвратившись на родину, был готов предложить Кремлю пойти на предоставление

арабам дополнительных систем вооружений. Если Москва не будет активнее действовать на Ближнем Востоке, предостерег Хрущев своих коллег в Президиуме, «[туда] могут проникнуть китайцы»⁵.

Однако самой большой угрозой для Хрущева были не китайцы. Пока он находился за границей, группа его коллег из Президиума начала объединяться против него. По общим отзывам, это противодействие вдохновили отнюдь не бесплодные отношения с Вашингтоном и не конфронтация с Пекином. Хрущев терял влияние потому, что управлял Кремлем все более авторитарно.

Вопрос о школьном образовании, точнее о количестве лет, которое советские дети проводят в школе, – вот что сделало противодействие Хрущеву достоянием общественности. Хрущев, считавший общее образование источником свободомыслия, хотел ограничить стандартное советское образование восьмью классами. В 1958 году он стал зачинщиком кампании за реформу советского образования. Как средство борьбы с теми, кого он называл туеядцами, Хрущев потребовал увеличить на один год продолжительность срока получения полного среднего образования – с 10 до 11⁶. Дополнительный год был в основном посвящен профессионально-техническому образованию. Два дня в неделю советские школьники должны были проводить на предприятиях, где их обучали различным специальностям. Через шесть лет Хрущев признал этот эксперимент неудачным. Однако вместо того, чтобы принять решение об упразднении профессионально-технической подготовки и предназначить дополнительный год для изучения точных и гуманитарных наук, Хрущев решил сократить количество часов, которые советские школьники проводили в классе.

Эта программа вызвала сильное сопротивление в Президиуме. Дискуссия, которая началась в декабре 1963 года и продолжалась до июля 1964 года, воспротивилась Хрущеву, опасавшемуся увеличения численности в стране интеллигенции, таких людей, как Микоян, который считал, что Советскому Союзу нужно больше ученых, чтобы быть в состоянии конкурировать с Западом⁷. Именно в таких дискуссиях Хрущев наглядно проявил свою ортодоксальную приверженность марксизму-ленинизму и глубокий антиинтеллектуализм. «Те, кто поддерживают идею системы одиннадцатилетнего образования, – сказал он в декабре 1963 года, – поддерживают политически ошибочную линию»⁸. Он хотел, чтобы советская молодежь начинала работать после восьмого класса. «Главное, – сказал Хрущев, повторяя свой привычный аргумент, – приучить [школьника] работать»⁹. Несмотря на его настойчивость, к 30 июля руководство так и не смогло прийти к единому мнению.

Проблемы начались для Хрущева в августе, когда он авторитарно объявил об упразднении в советских школах одиннадцатого класса¹⁰.

Учитывая, что Президиум еще не принял решения о реформе образования, его действие представляло собой бесцеремонное пренебрежение советским ритуалом. Даже в зените своего могущества, непосредственно перед кубинской катастрофой, он демонстрировал уважение к принципу вынесения решений в Президиуме большинством голосов. Силы, сплотившиеся против Хрущева, в 1964 году были для него слишком сильны, чтобы можно было простить это пренебрежение.

* * *

Зачинщиком заговора стал человек, который больше всех выиграет от устранения Хрущева – советский президент [Председатель Президиума Верховного Совета СССР. – *Примеч. пер.*] Леонид Брежнев. Ставленник Хрущева, тоже родом из Украины, Брежнев был на десять лет моложе Первого секретаря, и он возвысился с тех пор, как в 1960 году стал советским президентом. Брежнев, как и Хрущев, был очарован ракетами и космосом, и какое-то время Брежневу разрешали докладывать об этих вопросах Президиуму. Позже он дал слово, что в космосе Советскому Союзу не будет равных. На его стороне был Николай Подгорный, член Президиума с 1960 года. Подгорный, как и Брежнев, также выиграл от покровительства Хрущева.

Нуждаясь в поддержке советских секретных служб, Брежнев обратился к секретарю Центрального Комитета КПСС Александру Шелепину, который до 1961 года был председателем КГБ и сохранил там особые связи. Уговаривать Шелепина не пришлось. В отличие от коллег, не довольных Хрущевым из-за его внутривластных неудач, Шелепин был готов избавиться от Хрущева из-за его внешнеполитических маневров, особенно из-за начинавшейся разрядки в отношениях с Соединенными Штатами. Шелепин полагал, что компромисс с Соединенными Штатами был в лучшем случае временным, и представление Хрущева о всеобщем отказе от военного соперничества казалось ему бесплодной фантазией. Кроме того, его не устраивали попытки Хрущева сформировать советскую внешнюю политику таким образом, чтобы она способствовала поддержке националистических режимов в «третьем мире». Шелепин не разделял оптимистического представления Хрущева, считавшего, что постколониальные режимы будут всегда служить интересам Москвы и ее стремлению распространять коммунизм по всему миру.

Сигналом для Шелепина, возможно, стал визит Хрущев в Египет. Шелепин полагал, что Хрущев слишком старался понравиться антикоммунистическим лидерам «третьего мира» и в результате жертво-

вал советским достоинством. Мысль о том, что Хрущев и такой человек, как президент Ирака Ареф, находились во время торжеств на одной сцене вместе, вызывало у него отвращение.

Единственной сферой, в которой у Шелепина не было разногласий с Хрущевым, была советская политика по отношению к Пекину. Шелепин считал, что от Мао исходит угроза. Однако при этом он винил Хрущева за размолвку с Ханоем, которую приписывал не ошибкам Москвы в ее отношениях с китайцами, но бескомпромиссному стремлению Хрущева заключить соглашение с американцами в Лаосе.

Шелепину удалось заручиться поддержкой своего давнего протеже Владимира Семичастного, который в 1961 году сменил его в должности председателя КГБ. Семичастный был многим обязан Хрущеву, но еще больше – Шелепину. Продвижение Семичастного в КГБ было лишь самым последним случаем передачи ему постов Шелепиным по мере того, как сам Шелепин поднимался по кремлевской иерархической лестнице. Сначала Семичастный был заместителем Шелепина, потом сменил его на посту Первого секретаря ЦК ВЛКСМ, главы Комсомола. Они оба символизировали новое поколение советских управленцев, «комсомольцев», к которым в шестидесятых годах передаст эстафету старое поколение сталинистов.

В 1963 году в какой-то момент Брежнев, Подгорный и Шелепин, пользуясь многочисленными отлучками Хрущева из Москвы, начали готовить заговор. Имеются разрозненные свидетельства того, с какими трудностями сталкивались заговорщики, решая, как лучше устранить Хрущева. Весной 1964 года Брежнев обратился к Шелепину и Семичастному с просьбой подумать, как убить Хрущева. Может быть, стоило устроить аварию его самолету в одной из заграничных поездок. Какое-то время планы заговорщиков были связаны с длительной поездкой Хрущева в скандинавские страны, но в конце концов от этой идеи отказались. Круг заговорщиков расширился настолько, что их главы имели основания полагать, что Хрущев потеряет голос в Центральном Комитете.

Примечательно, что о заговоре Никита Хрущев стал догадываться лишь через несколько месяцев, благодаря утечкам информации. Родные Хрущева узнали о заговоре сразу же после возвращения его из Египта. Верный человек, начальник охраны Н. Г. Игнатов, многолетнего члена Президиума Центрального Комитета, сообщил сыну Хрущева Сергею, что Игнатов разъезжает по стране, вербует сторонников смещения Хрущева¹¹. Этот человек, Василий Галюков, называл ключевых заговорщиков, включая Шелепина, Брежнева и Подгорного, и утверждал, что заговор готовится уже давно. Переворот

был намечен на октябрь и должен был произойти до пленума партии, намеченного на ноябрь.

Хрущев пренебрег предостережением. «Когда я рассказал отцу о полученной от Галюкова разоблачительной информации, – позже вспоминал Сергей Хрущев, – он и поверил, и не поверил». Хрущев все еще был уверен в своей власти в партии и советском государстве. Он предотвратил серьезную попытку сместить его в 1957 году и сомневался, что против него могли организовать столь опасный заговор. «Брежнев, Шелепин, Подгорный – такие разные люди... Невероятно!»¹²

Единственным человеком, к которому обратился Хрущев, был его старый товарищ Микоян. После Кубы их отношения улучшились. Хрущев был благодарен Микояну за его плодотворные переговоры с кубинцами в ноябре 1962 года, когда казалось, что Кастро готов драться и с американцами, и с Советами. Но теперь еще важнее было то, что Микоян снова начал относиться к Хрущеву с уважением. Спор о подводных лодках, который они вели в октябре 1962 года, был забыт. Принятое в июне 1963 года решение Хрущева положить конец своей донкихотской берлинской политике стало для Микояна знаком, что советская внешняя политика наконец-то приняла правильное направление. Пять лет Микоян прилагал все силы, чтобы обуздать инстинкты Хрущева, одновременно поддерживая врожденную веру руководителя в возможность компромисса с Западом. Хрущев попросил Микояна встретиться с Галюковым, начальником охраны Игнатова, и разобраться.

Кроме того, Хрущев дал понять заговорщикам, что наблюдает за ними. Он встретился с Подгорным, который энергично опроверг подозрения. Разумеется, уже через несколько часов Шелепин и Брежнев знали, что им нужно или действовать скорее, или отказаться от своего замысла.

Увидев реакцию отца на конфиденциальную информацию, Сергей Хрущев был разочарован. Он нашел, что его отец «повел себя странно, нелогично и необъяснимо». Хрущев не позволил слухам о заговоре изменить его намерение в первую неделю октября отправиться в отпуск в Пицунду. Он только попросил Микояна посетить его после разговора с Галюковым.

Советский руководитель полагал, что может расстроить любой план, подготовленный его врагами. Наверняка неизвестно, какой совет дал Микоян, если он вообще его давал. Последующее поведение Хрущева явно наводит на мысль, что Микоян посоветовал ему оставить хотя бы один из его постов, чтобы сохранить свою линию во внешней политике.

Хрущев взял с собой Микояна и в Гагры, где 12 октября по видеосвязи наблюдал за запуском первого в мире космического корабля с экипажем из трех космонавтов. При всех своих экономических трудностях Советский Союз снова обязался превзойти Соединенные Штаты в космосе. На следующий день у Хрущева была запланирована встреча с личным представителем Шарля де Голля. Расписание позволяло провести часовую встречу, а потом устроить официальный обед для Гастона Палевского, многолетнего союзника французского президента. Однако новости из Москвы нарушили это расписание¹³.

Пока Хрущев разговаривал по космической связи с экипажем космического корабля «Восток-3», Брежнев собрал в Москве почти весь Президиум, чтобы спланировать его отставку. В последние недели к заговору привлекли главного идеолога Кремля Михаила Суслова и главного экономического советника Хрущева Алексея Косыгина. Было решено вызвать в тот же день Хрущева в Кремль на заседание. Брежнев позвонил в Пицунду и сказал Хрущеву, что Президиум планирует встретиться для обсуждения «разных вопросов» и что Хрущеву нужно там быть¹⁴.

Хрущев не торопился покидать Пицунду. «Отец сопротивлялся: откуда такая спешка, можно во всем разобраться и после отпуска, время терпит»¹⁵, – вспоминал Сергей Хрущев. Для решения второстепенных вопросов для Президиума было естественно встречаться и без Первого секретаря. 8 октября Суслов провел заседание, посвященное формированию редакционной комиссии для предстоящего пленума Коммунистической партии¹⁶. Хрущев сказал, что он подумает, вернуться ли ему для участия в заседании, намеченном на следующий день. Брежнева всегда считали изумительным подхалимом. Вскоре эти таланты ему уже не понадобятся, однако в тот день он без зазрения совести льстил Хрущеву, чтобы добиться его возвращения: «Мы не можем решить без Вас... Мы просим Вас приехать»¹⁷.

Хрущев не стал себя затруднять, чтобы перезвонить Брежневу. Он подумал о просьбе и решил, что ему надо вернуться. Вечером 12 октября Хрущев велел передать Палевскому, что обед отменяется (под тем предлогом, что ему нужно утром вернуться в Москву, чтобы организовать прием для космонавтов «Востока»), и у него есть возможность ненадолго встретиться с ним в половине десятого утра¹⁸.

На следующее утро, 13 октября, в лагере Хрущева не было паники. Он произвел сильное впечатление на своего французского гостя, с которым недолго общался. Хрущев был «в прекрасной форме, и по нему совсем нельзя было сказать, что он страдает от старости или болезней»¹⁹, – позже рассказывал Палевский. Хрущев, казавшийся умиротворенным, сказал Палевскому, что СССР может согласиться на статус-кво в Германии. «Мы можем ждать, – сказал Хрущев. – Мы

терпеливы»²⁰. Есть лишь косвенное свидетельство того, о чем думал Хрущев, предполагавший, с чем он столкнется в Москве в тот же день. Он одобрительно сказал Палевскому, что такие политические деятели, как де Голль, покидают свой пост, только когда умирают²¹.

В полночь Брежнев узнал от сотрудников КГБ, что Хрущев все-таки прилетит в Москву. Служба Владимира Семичастного проверяла безопасность борта Генерального [Первого] секретаря. Вскоре после того, как родные Хрущева попросили, чтобы самолет был готов, Семичастный позвонил Брежневу и предупредил, что самолет уже на взлетной полосе и готов к вылету. Брежнев велел Семичастному прибыть в Москву, в аэропорт, чтобы сопровождать в Кремль Хрущева и Микояна. Все участники этой драмы (в общей сложности их набралось двадцать пять человек, включая Хрущева) должны были собраться в зале заседаний Президиума на втором этаже здания бывшего царского Сената, чтобы попытаться приговорить Хрущева к политическому забвению²¹.

В самолете Хрущев заметил что-то неладное. Сотрудники КГБ заменили его обычных охранников новыми людьми. Выйдя из самолета, Хрущев увидел, что там его ожидали только двое – Семичастный и М. П. Георгадзе, грузинский союзник Микояна. Вероятно, подозревая, каким будет ответ, Хрущев спросил ожидавшего его начальника КГБ: «Где остальные?» И Семичастный ответил: «Все собрались в Кремле. Ждут вас». На секунду дав волю человеческим чувствам, Семичастный потом спросил: «Вы хотите сначала пообедать дома или пообедаете в Кремле?» У Хрущева пропал аппетит: «Поехали в Кремль»²², – сказал он.

Оказавшись в Москве, Хрущев вместе с Микояном поехали в Кремль в длинном черном лимузине «ЗИЛ», которым он обычно пользовался. Теперь уже не узнаешь, какую стратегию они придумали (если придумали ее вообще), пока ехали. Скрывал ли Микоян от Хрущева, насколько опасен готовящийся против него заговор? Или только сейчас они оба поняли, насколько этот заговор стал серьезным? Микоян посоветовал Хрущеву быть готовым передать пост председателя Совета министров Косыгину, чтобы сохранить контроль над партией. Хрущев должен был выйти из состава Совета министров. «Я не собираюсь бороться», – сказал он Микояну. Потом они оба сели в лифт и поднялись на второй этаж, где уже шло заседание Президиума. Незаметно для обоих, пока они входили в лифт, охранников Хрущева, находившихся на первом этаже, разоружили и велели расходиться по домам. Для охраны Никиты Хрущева они уже больше не потребуются²³.

Брежнев, сидевший, когда Хрущев вошел, на обычном месте Хрущева, задал тон всему последующему, перечислив случаи, когда

советский руководитель действовал авторитарно²⁴. Один за другим остальные коллеги Хрущева, большинство которых когда-то были его ставленниками, не скупились на критику, порицая методы его руководства. Они подчеркивали, что Хрущев не уважает систему коллективного руководства, то есть обвиняли его именно в том, в чем он и сам когда-то обвинял Лаврентия Берия и потом – Георгия Маленкова.

Самый красноречивый из оппонентов Хрущева Александр Шелепин критиковал низвергнутого лидера за то, что он распространял легенды о советских достижениях: «Откуда вы взяли – “дела у нас идут хорошо”?»²⁵ – спросил он. Шелепин бойко перечислял внутривосточные неудачи. Темп экономического роста за десять лет упал. Ежегодный прирост национального дохода упал с одиннадцати до четырех процентов. В сельском хозяйстве – карусель с ненастроенным производством, резервами и дефицитом. Усилия Хрущева стимулировать промышленность через реорганизацию управления привели к отрыву «науки от производства». Затем Шелепин взял под прицел главный принцип внешней политики Хрущева. Он считал, что курс на мирное сосуществование был опасным. «С империализмом мы должны быть строже. Вы, – сказал он Хрущеву, как если бы он один поддерживал эту политику, – отступаете от главной линии». Шелепин перечислил внешнеполитические ошибки Хрущева. Он обвинял Хрущева в том, что в 1956 году Хрущев, без всяких на то причин, привел Москву к грани войны из-за Суэцкого кризиса. Высказываясь по берлинскому вопросу, Шелепин заявил, что позиция Хрущева «ущерб нанесла». Кубинский ракетный кризис он охарактеризовал еще более жестко: операция «Анадырь» была «рискованной авантюрой», а во время кризиса, разразившегося в Карибском регионе, Хрущев «жонглировал судьбами народов». Шелепин утверждал, что считает ошибкой желание Хрущева рисковать столь многим, чтобы вынудить Соединенные Штаты признать советскую позицию. «Лозунг “если СССР и США договорятся – все будет в порядке” – неправильно». Единственное, о чем Шелепин отозвался с одобрением – это лишь о том, как Хрущев решал вопрос с Китаем. Эта политика была «правильной», сказал Шелепин, хотя ее следовало бы проводить «гибче». Критику поддержали и другие, обвинявшие Хрущева в том, что он повел страну по неправильному пути из-за его «нездорового соревнования с Америкой».

Дискуссия продолжалась и на следующий день, когда Хрущеву и его единственному защитнику, Анастасу Микояну, предоставили возможность высказаться. Микоян и критиковал Хрущева, и хвалил его. «Во внешней политике, – объяснил Микоян, – вначале Хрущев мало владел внешней политикой, но быстро овладел»²⁶. Микоян на-

помнил собравшимся, что он выступал против берлинской политики Хрущева. «В общем, – добавил он, – я выступал правильно». Кроме того, Микоян напомнил, как во время Кубинского ракетного кризиса он пытался снизить риск войны. «Я спорил, – сказал он, – доказывал, что подводный флот послать – сама идея на грани авантюризма». Однако в конце Микоян отказался возлагать вину на Хрущева за все эти ошибки. Он хотел, чтобы Хрущев потерял часть своих постов, но при этом не был исключен из Президиума. Микоян был единственным человеком, отводившим Хрущеву политическую роль в будущем. «Не могу вступить в сделку со своей совестью», – сказал Брежнев, задавая тон тому, что будет дальше. – Освободить товарища Хрущева от занимаемых постов, разделить посты».

Хрущев смирился с тем, что ему придется все потерять. «Вы меня кругом обмазали говном, а я говорю: “Правильно”», – сказал он с присущей ему грубоватостью. Хотя Хрущев понимал, что его увольняют в основном не из-за его внешней политики, он выступил в ее защиту. Хрущев сказал, что риск, на который он пошел во время Карибского ракетного кризиса, был «неизбежным», и попросил коллег подумать над стоявшей перед ним проблемой. Кроме того, он попросил отнестись с пониманием к его берлинской политике, которая, по его мнению, «так хорошо закончилась». Но это были его последние попытки говорить с вызовом. «Я не прошу у вас милости... – завершил свое выступление Хрущев. – Я понимаю, что меня, моей персоны уже нет». Обладая замечательной проницательностью, Хрущев нашел в себе силы напомнить коллегам, что, хотя он и стал жертвой этого мероприятия, тот факт, что оно произошло, свидетельствовал об одном из его величайших достижений как Первого секретаря ЦК КПСС. «Я сейчас переживаю и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность Первого секретаря ЦК и говорить полным голосом», – засвидетельствовал он. А потом, в истинно большевистском духе, Хрущев попросил о своей отставке. Выйдя из зала заседаний, он заметил, что его охрану уже уволили, а его лимузин «ЗИЛ» заменили «Волгой». В одно мгновение его когда-то безмерная власть и все ее атрибуты стали историей²⁸.

* * *

15 октября 1964 года об отставке Хрущева сообщило ТАСС. Это стало сюрпризом для Запада. Советская пресса приписывала смену власти «преклонному возрасту и ухудшению состояния здоровья», но никто этому не поверил²⁹. Характеризуя произошедшее как «политический переворот», британский посол объяснил Лондону, что «ка-

кие бы приготовления к его отставке ни велись, они велись в тайне от нас, от огромного большинства народа и, видимо, от самой жертвы»³⁰. В последние годы слухи об отставке Хрущева распространялись во время празднования его дня рождения ежегодно. Некоторые из них поддерживал сам Хрущев. В апреле 1963 года «Правда» процитировала его слова: «Все понимают, что я не могу всегда занимать пост, который теперь занимаю в партии и в государстве»³¹. В феврале 1964 года посетивший Хрущева высокопоставленный итальянский деятель спросил его, не собирается ли он писать мемуары. «Возможно, – шутливо, но с неумышленной пронизательностью ответил Хрущев, – когда они меня прогонят».

Правительство США восприняло отставку Хрущева прежде всего как знак недовольства его методами руководства внутри страны, а не как предзнаменование новых неприятностей в «холодной войне»³². 16 октября президент Линдон Бэйнс Джонсон встретился с ближайшими членами своей команды национальной безопасности, чтобы обсудить смену руководства в СССР³³. Государственный секретарь Раск и посол Томпсон подчеркнули, что Вашингтону совершенно не стоит беспокоиться из-за этих перемен в советском руководстве. Они вполне могли повлечь за собой ослабление напряженности в «холодной войне». «В конце концов, – аргументировал Раск, – это Хрущев привел к Берлинскому кризису и к Кубинскому ракетному кризису в 1962 году». Джонсон согласился с мнением своих советников, что подход должен быть «осторожным, но твердым».

В тот же день, позднее, ТАСС сообщило о назначении Леонида Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС, а Алексея Косыгина – председателем Совета министров. Затем советский посол Добрынин посетил Джонсона, чтобы непосредственно, от лица новых кремлевских вождей, заверить его, что советская внешняя политика не изменится. Она по-прежнему «нацелена на мирное сосуществование и ослабление напряженности»³⁴. И это успокоило американцев, если у них еще и оставались какие-нибудь опасения.

Союзники СССР реагировали по-разному. Представитель Северного Вьетнама в Париже сказал французскому представителю, что советская политика давно была в Юго-Восточной Азии неправильной из-за «отсутствия интереса» Хрущева к региону³⁵. В Северном Вьетнаме думали, что Советы выполняли свои социалистические обязательства ненадлежащим образом, и после отставки Хрущева есть шанс, что Москва полностью посвятит себя борьбе Ханоя за контроль над Южным Вьетнамом. Реакция союзников из Восточной Европы была сдержанной.

* * *

Заседания Президиума, проходившие 13 и 14 октября 1964 года, положили начало спору, определявшему советскую внешнюю политику после Хрущева. После Кубинского ракетного кризиса Хрущев стал больше соглашаться с мнением Микояна по вопросам войны и мира и поэтому отстранил некоторых из тех, кого он выдвинул из партийного аппарата. Эти люди поддерживали лишь одну сторону стратегии Хрущева. Они одобряли усилия заставить Вашингтон признать советские интересы и приветствовали появление новых союзников в «третьем мире». Однако Шелепин и Сулов с подозрением относились ко всему, что было похоже на глобальное партнерство с Вашингтоном.

На ближайшие несколько лет Кремль отказался от сложной хрущевской стратегии изменения «холодной войны» и сконцентрировался на увеличении запасов стратегического оружия. Лишь после отставки Шелепина в конце шестидесятых годов и углубления напряженности китайско-советских отношений Леонид Брежнев возродил формулу Хрущева: сотрудничество в стратегическом плане, конкуренция в развивающемся мире.

* * *

Генри Киссинджер понял, перед какой дилеммой стояли лидеры сверхдержав в разгаре «холодной войны». «Когда власть становится более грозной, – писал он в качестве преподавателя Гарвардского университета незадолго до перехода на службу в правительство, – она становится и абстрактной, неосязаемой, неуловимой»³⁶. Хотя Хрущев никогда не посещал университета, он инстинктивно понимал эту проблему. Определяя направление советской внешней политики, он пытался сделать власть менее абстрактной, более осязаемой и доступной.

Когда Хрущев поднялся на вершину власти, международное положение СССР вряд ли могло быть хуже. Он контролировал требующую затрат непокорную империю Варшавского Договора в Восточной Европе, которая уже начала распадаться, ошибки Сталина восстановили против Москвы некогда дружественную Югославию. В активе баланса отношений с социалистическим лагерем были прочные отношения Кремля с Китайской Народной Республикой. Однако напряженность, характерная для отношений между Пекином и Москвой, становилась все более явной. Помимо Восточной Европы, Китая и союзников в Юго-Восточной Азии, у Москвы было мало друзей. Обратившись в сторону Запада, Кремль столкнулся с единым и самоуверенным врагом. В 1955 году Соединенные Штаты значительно

обогнали Советский Союз и в военном, и в экономическом отношении. Вашингтон возглавлял военный альянс, в котором хорошо знали о советских недостатках и хотели использовать их ради дипломатических приобретений.

Хрущев отказался принимать мир на этих условиях. Едва выйдя на международную арену, он попытался изменить статус-кво. Зачарованные его колоритными выходками и крестьянским юмором, люди, наблюдавшие за этим порывистым и непостоянным человеком, как правило, не замечали в нем стратега. Однако при всем бахвальстве Хрущева цели его были последовательными. Хрущев старался избежать войны с Соединенными Штатами, в то же время пытаясь завоевать уважение американцев, поддержать уже существующие социалистические страны и новых союзников за границей, повысить уровень жизни своего народа, но при этом и создавая достаточные стратегические силы. Убежденный в преимуществах марксизма-ленинизма, он возлагал вину за внешнеполитические проблемы на Сталина с его политическими крайностями и на военное соревнование с Западом. Хрущев мечтал о большом договоре с Соединенными Штатами. Это привело бы к демилитаризации «холодной войны» и позволило ему перенаправить ресурсы в гражданскую экономику, ограничив борьбу между Востоком и Западом идеологией и экономикой, где, он был убежден, история в конечном счете докажет его правоту.

Изменялась лишь стратегия достижения этого соглашения. Хрущев, любивший покачиваться на спасательном круге, когда он купался в своем бассейне в Пицунде, так же колебался из стороны в сторону и в международной политике: он то пытался соблазнить Запад, то собирался его запугать. Предлагаемые им «пряники» были обещаниями взаимного разоружения, всеобъемлющего запрещения испытаний ядерного оружия и всемирного договора о ненападении. Когда эти уступки, как он увидел, не дали результата, он попытался добиться своего, впечатляя Вашингтон советской военной мощи.

Хрущев никогда не отказывался от своей уверенности, что с учетом превосходящей мощи США ключом к достижению его целей было изменение политики Вашингтона. Поднявшись на верхнюю ступень кремлевской лестницы, Хрущев почти ничего не знал о внешней политике. В пятидесятых годах он увидел, что американские лидеры все больше полагаются на ядерное оружие и как на средство защиты, и как на инструмент мировой политики. Президент Эйзенхауэр понимал, что оборонные расходы могут нанести ущерб экономике страны, и стал придерживаться стратегии «нового подхода», согласно которой ядерное оружие – это более дешевое средство сдерживания, чем миллионные армии, и именно на него надо полагаться. А воин-

ственный Джон Фостер Даллес приветствовал политическую пользу ядерного оружия. Стратегическую мощь США – или, как называл ее Даллес, эту «позицию силы» – можно было использовать, чтобы заставить Советы согласиться на уступки и вернуть завоевания, которых Сталин добился во Второй мировой войне.

Научившись у своих американских учителей, что при соответствующих обстоятельствах ядерное оружие может стать источником реальной и весомой политической силы, Хрущев в основном разыгрывал ядерную карту. «Цель – объяснил он своим коллегам в 1957 году, – дать отпор, добиться разрядки»³⁷. Взяв на вооружение то то, что политологи называют дипломатией принуждения, Хрущев пытался заставить Соединенные Штаты бояться последствий неприятия советских позиций в международных переговорах. «Дубина», которой он размахивал в 1956, 1958, 1960, 1961 и, последний раз, в 1962 годах, была угрозой применить ядерное оружие, если противник не будет уважать интересы СССР.

В конечном счете ни одна из стратегий Хрущева не принесла Кремлю большого выигрыша. Недоверие между сверхдержавами было слишком велико, чтобы Соединенные Штаты согласились на разоружение на условиях Хрущева. И он не помог своему делу, решительно воспротивившись любому настоящему режиму проверок. И это тоже было побочным следствием его страха перед Соединенными Штатами. Хрущев был убежден, что, если дать разрешение на проверки на месте или на воздушную разведку, это позволит Соединенным Штатам заглянуть за кулисы советской власти и, подобно героям «Волшебника страны Оз» [По сюжету одноименной книги американского писателя Лаймена Баума, жители страны Оз носили зеленые очки и потому верили, что стены города сооружены из драгоценного камня, на чем и держалось могущество Великого Оза, под которым подразумевался президент США Мак-Кинли. – *Примеч. пер.*], увидеть подлинную слабость Кремля. Хотя и Дуайт Эйзенхауэр, и Джон Кеннеди соглашались на подлежащее проверке сокращение вооружений, ни тот, ни другой не были готовы представить на рассмотрение Сената договор, основанный на слепой вере. Более того, хотя Хрущев и предложил сократить обычные вооружения, этого никогда не было достаточно, чтобы полностью устранить угрозу для Западной Германии, которую представляли для нее приграничные дивизии, дислоцированные на западе СССР. Хотя Хрущев и обещал договор о ненападении, его было недостаточно, чтобы преодолеть пропасть недоверия, особенно когда она углубилась в 1956 году из-за советских репрессий в Венгрии. Запад был не готов обменять свое преимущество в стратегических вооружениях на клочок бумаги. Аналогично и стремление к заключению всеобъемлю-

щего договора о запрещении испытаний ядерного оружия осталось ни к чему не привело, натолкнувшись на вопрос о проверке.

Политическое чутье Хрущева подвело его и тогда, когда он пытался договориться о выходе из берлинского тупика. Хрущев никогда не был готов позволить Западу сохранить его особые отношения с Западным Берлином. Хотя Хрущев и был свидетелем первого Берлинского кризиса и обвинял Сталина, столь неуклюже втянувшего Советский Союз в ненужный и бесполезный конфликт, он не учитывал его долговременного влияния на западных политиков. С 1948 года, нравилось это Москве или нет, защита Западного Берлина стала показателем обязательств США по отношению к европейской безопасности. Хрущев никогда не признавал, что на эту уступку Вашингтон не пойдет без войны.

Взрыв национализма в «третьем мире» сделал слабую надежду на доверие между сверхдержавами еще более призрачной. Хрущев и его американские соперники стали заложниками превратностей судьбы в странах, где нескольких самолетов с оружием и одного харизматического лидера было достаточно, чтобы установить новый режим. Одним из великих мифов «холодной войны» была легенда о том, что сверхдержавы дирижируют событиями в этих регионах с помощью своих марионеток. Однако Касим, Кастро, Нкрума, Туре, Лумумба, Суванна и Насер не были марионетками. Напротив, они очень умело натравливали сверхдержавы друг на друга. И тем не менее Вашингтон и Москва соперничали за благосклонность этих лидеров, и соперничество постоянно сводило на нет любые победы в спорах по главным вопросам, разделявшим сверхдержавы в Европе или внутри страны.

Таким же сомнительным было и использование Хрущевым дипломатии принуждения. Ему удалось сделать 1958–1962 годы самым опасным периодом «холодной войны», не заключив большого соглашения. Угроза ядерной войны полезна лишь в том случае, если враг действительно верит, что вы ни перед чем не остановитесь. Однако, когда Соединенные Штаты осознавали свое стратегическое преимущество, эти высокомерные вызовы становились детскими играми, которые Хрущев всегда прекращал первым.

Именно склонность Хрущева идти на риск и рисковать развязыванием войны, чтобы добиться мира, сбивала с толку американских президентов. Эйзенхауэр был достаточно самоуверенным, чтобы не принимать эти вызовы. Он не стал лезть из кожи вон, чтобы урегулировать берлинский вопрос в ноябре 1958 года или оплакивать неудачу Парижского саммита в 1960 году. До Кубинского ракетного кризиса более молодой и не столь опытный Кеннеди больше поддавался хрущевской тактике давления. В ядерную эпоху его больше, чем Эйзенхауэра, тревожила возможность просчета, волновало, какое

впечатление его действия производят на иностранных лидеров, особенно кремлевских. Именно поэтому в августе 1962 года он спросил Льюэллина Томпсона: «А вы не думаете, что кубинское дело и то, что мы не вошли в Лаос, могут создать у него впечатление, будто мы собираемся уступить в Берлине?»³⁸ Позже оказалось, что нет. Хрущев хотел, чтобы американский президент стал возражать Пентагону и ЦРУ, которые, как полагал советский руководитель, были идеологами американского милитаризма. Но если президент был слабым, а до Кубинского ракетного кризиса Хрущев полагал, что Кеннеди – слабый президент, он считал, что ему не остается ничего другого, кроме как прибегнуть к ядерным угрозам, чтобы направить американцев в нужном ему направлении. «Мы не боимся германской агрессии... Эта Германия не начнет новую войну. Самая опасная [страна] – это Америка»³⁹, – утверждал, находясь в отвратительном настроении, Хрущев накануне своего отъезда в Вену весной 1961 года.

Стал ли бы кто-либо из преемников Сталина решать проблему советского стратегического отставания аналогичным образом? Конечно, существовали структурные причины, в силу которых Советский Союз так сильно отставал от Соединенных Штатов. Советская командная экономика пошла на спад в конце пятидесятых годов, и это падение замедлится лишь из-за резкого роста цен на нефть в семидесятых годах. Однако Хрущев принимал рискованные решения, которые лишь увеличили военное отставание и усугубили положение в советской экономике. Он решил осуществлять политику «нового курса» СССР, не построив столько ракет, сколько могла позволить себе Москва. Он решил не строить авианосцы, тем самым лишив СССР возможности быстро и надежно перебрасывать войска в другие регионы мира. Он неоднократно сокращал численность советских военных. Однако, сознательно сокращая военные расходы, обременявшие советскую мирную экономику, Хрущев в то же время увеличивал количество советских обязательств перед заморскими странами, предоставляя оружие по себестоимости или ниже Ираку, Египту, Сирии, Афганистану, Индонезии, Индии, Лаосу, Северному Вьетнаму, Конго и Кубе. В результате он все больше верил атрибутам советской власти [так у авторов книги. – *Ред.*] и все меньше замечал ее реальное отсутствие.

Но эта стратегия, хотя и опасная, не была совершенно бесплодной. К 1960 году в ядерном арсенале Хрущева имелось несколько ракет, способных достичь Америки. Его готовность грозить этими ракетами создала у западных политиков ощущение неудобства и неуверенности, они не исключали, что, в конечном счете, Хрущев начнет действовать, поддавшись своим порывам. Это не дало Хрущеву заключить ни

договора по Западному Берлину, которого он добивался, ни соглашения о сокращении вооружений, но сдержало Джона Кеннеди, когда в разгар Кубинского ракетного кризиса он размышлял о вторжении на Кубу, а также вынудило американского президента и его преемников признать Восточную Германию. Заключенный в 1962 году договор между Кеннеди и Хрущевым соблюдался, и Кастро уже можно было не тревожиться, опасаясь военной интервенции США. Запад больше никогда не попытается заставить Советы признать общие выборы в воссоединенной Германии предварительным условием договора о европейской безопасности. В семидесятых годах НАТО признала существование Восточной Германии, и Соединенные Штаты присоединились к странам Европы, включая СССР, и подписали Хельсинские соглашения, определившие стандарт защиты прав человека на всем континенте.

Когда в апреле 1963 года Хрущев отказался от дипломатии принуждения, мир стал свидетелем того, что назвали разрядкой в отношениях сверхдержав. Хрущев отделил трудноразрешимый берлинский вопрос от успехов в контроле над вооружениями и согласился на частичное запрещение испытаний ядерного оружия. В июле 1963 года Кеннеди сказал, что «темноту пронзил луч света»⁴⁰. Причиной его энтузиазма была недооценка основных намерений Хрущева и преувеличение его готовности в любой момент, начиная с 1958 года, применить силу, чтобы добиться своих целей.

Тактика давления, к которой прибегал Хрущев, действительно обошлась ему слишком дорого. И его риторика, и его действия подтверждали наихудшие опасения относительно его целей, став стимулом для масштабного военного строительства в Америке и усложнив попытки американских президентов добиться того или иного сосуществования. Образ Советского Союза, трижды за пять лет отказывавшегося от своих угроз, свидетельствовал о слабости Кремля, который придавал смелости лишь китайцам пойти своим собственным путем в международных делах. Внутри страны эти отступления подрывали доверие к Хрущеву как к руководителю.

По иронии судьбы Хрущев ушел из политики именно тогда, когда он решил совершенно отказаться от тактики давления в пользу дипломатии. В эти последние часы, пока Хрущев находился у власти, Микоян сетовал, что его отправили в отставку именно тогда, когда он наконец-то стал проводить правильную внешнюю политику. А это значит, что если бы Хрущеву дали время, то он бы подошел ближе к своей более глобальной цели – демилитаризации «холодной войны». Его преемники ускорили наращивание оборонных вооружений, чтобы больше никогда не испытать такого унижения, как во время Кубинского кризиса. Однако, учитывая динамику «холодной вой-

ны» и характер Хрущева, так же вероятно, что, останься он у власти, что-нибудь могло бы привести к еще одному берлинскому ультиматуму в 1965 или в 1966 годах. Более того, трудно представить, что, несмотря на недовольство Хрущева Северным Вьетнамом, он одобрил бы Линдона Джонсона, который пошел на эскалацию войны во Вьетнаме, потому что это снова создало бы опасность для советского престижа, а потом пришлось бы что-нибудь делать, чтобы его спасти.

Однако несомненно, что, как только после Кубинского ракетного кризиса Хрущев отказался от тактики балансирования на грани войны, борьба сверхдержав стала более предсказуемой и менее опасной. С 1963 года до советского вторжения в Афганистан в 1979-м центрами основных изменений в мире были Пекин, Гавана и Ханой. В 1973 году Советский Союз и Соединенные Штаты вступили в очень напряженный, но недолгий конфликт на Ближнем Востоке, но тогда Москва ощущала себя гораздо менее уязвимой, чем в 1956 году. После отставки Хрущева уже ни один советский руководитель больше не говорил, что ради мира нужно подойти к грани войны. До Михаила Горбачева, положившего конец «холодной войне», ни один советский руководитель уже никогда не пленит мир своим обаянием.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не была бы написана без любезной помощи многих коллег, друзей и организаций. Мы очень благодарны сотрудникам Центра Миллера по связям с общественностью при университете Виргинии (Miller Center of Public Affairs), содействовавшим первой российской публикации черновых протокольных записей заседаний Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза времен Хрущева. Благодаря этой публикации Нафтали помог А.А. Фурсенко, главному редактору их издания, и его российским сотрудникам написать примечания к этим документам. Без настойчивости Александра Фурсенко эти документы никогда бы не были рассекречены. Энергично поддерживал нашу работу и Филип Дэвид Зеликов, тогдашний директор Центра Миллера, и члены его правления, а также: директор Центра Миллера Вистар Моррис; начальник Зеликова профессор Робин Казен; секретарь Тимоти Нафтали Лоррейн Сеттимо, и Ольга Рюкина, помогавшая с переводом ключевых документов Кремля. Кроме того, мы хотели бы поблагодарить за помощь посла Петра Владимировича Стегния, бывшего директора Историко-документального департамента МИД России, и Наталью Георгиевну Томилину, директора Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и ее коллегу Михаила Прозуменщикова. Изыскания в этих замечательных российских организациях принесли нам обоим огромную пользу. Важной частью нашей работы были интервью, и мы бы хотели особо упомянуть о терпеливой помощи Серго Микояна; сына Никиты Хрущева – Сергея, его дочери Рады и его внука Никиты Хрущева-младшего. Мы также благодарны Эрнесту Мэю, который вместе с Филипом Зеликовым предложил нам принять участие в Суэцком проекте Гарвардского университета, и Виталию Афиани, превосходному архивисту, прежнему сотруднику РГАНИ и нынешнему сотруднику Российской академии наук. И, наконец, мы хотим поблагодарить нашего агента, Джона Хокинса, и нашего преданного редактора и друга, Дрейка Макфили, и его способного молодого помощника, Брендана Карри, в Нортоне.

Александр Фурсенко хотел бы особо выделить В. Н. Якушева, А. С. Степанова и С. Н. Мельчина, сотрудников Архива Президента Российской Федерации, а также редакторов серии «Архивы Кремля» А. К. Сорокина и В. А. Смирнова и их коллег – Б. Н. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, Н. Л. Корсакову, Л. М. Млечина, В. В. Носкова, В. Н. Плешкова и В. О. Печатнова. В Соединенном Королевстве ему оказали любезную помощь Питер Браун и Джейн Лайдон из Британской академии, а также Лоуренс Фридмэн и Кристофер Эндрю. Помощь Александру Фурсенко во Франции оказали Морис Аймар и Соня Кольпар – в фонде «Дом наук о человеке» (Foundation Maison des Sciences de L'Homme) и Морис Вейс, Жан Суту и Изабель Нойшвандер – в Национальном архиве (Archives Nationales). Тимоти Нафтали также хотел бы поблагодарить Зэкери Кэрабелла, Барта Аронсона, Фреда Лоджевалла, Маркса Трахтенберга, Ирва Геллмана, Мела Леффлера и Дэвида Колемана за проникательные замечания и предложения по поводу рукописи. Он также благодарен за дружеское участие: своей матери и Роберту Фельдману, Кенту Джермэни, Джерри Хейнс, Хоуп Харрисон, Сержу и Дебби Лакруа, Глории Нафтали, Жану-Рене Шефферу, Гордону Ноулсу, Нилу Халтрэну, Мэтту Ваксману и Энди Томпкинсу. Эта книга не была бы написана без музыки Тимоти Нафтали – Лоры Моренчек, остававшейся преданным другом и внимательным редактором, несмотря на все ее обязательства. Кроме того, ему помогли опытные сотрудники из: мемориальной библиотеки Стерлинга Йельского университета; Библиотеки Никсона в его родном городе; Национального управления архивов и документации в городе Лагуна-Нигел; отдела рукописей и архивов Библиотеки Конгресса; Гуверовского института и из президентской библиотеки Джона Ф. Кеннеди. В частности, он хотел бы поблагодарить Дэвида Хейта и Кэтлин Страсс из президентской библиотеки Дуайта Д. Эйзенхауэра, Реджину Гринвелл из библиотеки Линдона Б. Джонсона, Роберта Хэмилтона из архива Роя Герберта Томсона, Тома Блэнтонна из Архива национальной безопасности, Мэрироуз Гроссман из президентской библиотеки Джона Ф. Кеннеди и Джозефа Леливелда, обеспечившего ему доступ в архивы газеты «Нью-Йорк таймс».

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes / transl., ed. by J. L. Schecter, V. V. Luchkov. Boston: Little, Brown and Co., 1990. P. 3.
- ² Оригиналы записанных на магнитофон воспоминаний Н. С. Хрущева хранятся в библиотеке Колумбийского университета. В 1970–1990 гг. появились три тома его воспоминаний в английском переводе. Струб Тэлбот перевел первые два, см.: Khrushchev Remembers / transl., ed. by S. Talbott. Boston: Little, Brown and Co., 1970; Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott. Boston: Little, Brown and Co., 1974. Дж. Шектер и В. Лучков издали третий том, см. сноску 1.
- ³ Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes / transl., ed. by J. L. Schecter, V. V. Luchkov... P. 3.
- ⁴ *Kotkin S.* Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970–2000. New York: Oxford Univ. Press, 2001. P. 32–33.

Глава 1. Восходящая красная звезда

- ¹ Интервью (1963 г.), сэр Уильям Хейтер, собрание материалов телекомпании «Эн-Би-Си» (NBC) для серии «Смерть Сталина», Гуверовский институт. Интервью содержится в материалах исследований, подготовленных для телевизионного документального фильма, посвященного десятой годовщине смерти Сталина.
- ² Там же.
- ³ Там же; *Clifton D.* Bulganin Is Premier as Malenkov Resigns, but Khrushchev Is Viewed as Real Leader; Moscow Shake-Up; Malenkov Avows Guilt for Shortcomings in Agriculture // *New York Times*. February 9. 1955.
- ⁴ Хейтер – в Лондон. «Mr. Molotov Speech on Foreign Affairs to the Supreme Soviet». February 14. 1955 // Архив премьер-министра [далее – Prem.] 11/1015// Национальный архив Великобритании [далее – National Archives – UK].
- ⁵ Меморандум дискуссий на 236-м заседании Совета национальной безопасности. Вашингтон, 10 февраля 1955 года // *Foreign Relations of the United States* [далее – FRUS]. 1955–1957. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1989. Vol. 24. P. 27.

- ⁶ Harriman Terms News Disturbing; Governor, former U. S. Envoy to Moscow, Sees Return to Stalin Arms Policy // *New York Times*. February 9. 1955.
- ⁷ Bedell Smith Worried; Ex-Envoy Says He Can Find No Comfort in Soviet Shake-up // *New York Times*. February 9. 1955.
- ⁸ London Sees End of «Coexistence»; Malenkov's Fall Viewed Also as Return to One-Man Rule—Bulganan called «Front»; Effect Held Domestic; Paris Feels Shift Is No Reply to Western Policy – Rome Fears «Tough Course» // *New York Times*. February 9. 1955.
- ⁹ Дневниковая запись пресс-секретаря президента (Хагерти), 8 февраля 1955 года // *FRUS. 1955–1957. Vol. 24. P. 24.*
- ¹⁰ Меморандум дискуссий на 236-м заседании Совета национальной безопасности. 10 февраля 1955 года // *Ibid.* P. 25, 27.
- ¹¹ *Reston J.* «Private memorandum, conversation with John Foster Dulles, July, 6. 1955, Carlton Hotel, Washington, D. C.» // *A. W. Dulles File. A. H. Sulzberger Papers. New York Times Archives* [Дело Аллена Уэлша Даллеса. Архив Артура Сульцбергера. Архивы «Нью-Йорк таймс»] [далее – *A. W. Dulles File*].
- ¹² Стенограмма от 7 июня 1963 года // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко; отв. сост. В. Ю. Афиани; сост. З. К. Вотдопьянова, А. М. Орехов, А. Л. Панина, М. Ю. Прозуменщиков, А. С. Стыкалин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. (Серия: «Архивы Кремля») [далее – Архивы Кремля].
- ¹³ *Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics* / ed. by F. Chuev. Chicago: Ivan R. Dee, 1993. P. 337–338.
- ¹⁴ Другими полноправными членами были Иосиф Сталин, Лев Каменев, Лев Троцкий и Николай Крестинский. Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин и М. И. Калинин были кандидатами в члены первого Политбюро. См.: *Pipes R.* *Russia under the Bolshevik Regime*. New York: Vintage Books, 1995. P. 439; *Shapiro L.* *The Communist Party of the Soviet Union*. New York: Vintage Books, 1971. P. 647.
- ¹⁵ В 1919 г. в состав Центрального Комитета входило меньше ста человек – представителей местных, региональных и республиканских коммунистических организаций, а также представителей советских силовых служб. Официально избранные на съездах партии члены Центрального Комитета могли заменяться между съездами генеральным секретарем. В 1955 г. в Центральном Комитете было около трехсот человек, см.: *Shapiro L.* *Op. cit.* P. 587–593.
- ¹⁶ Полноправные члены: Георгий Маленков, Никита Хрущев, Вячеслав Молотов, Николай Булганин, Анастас Микоян, Лазарь Каганович, Максим Сабуров, Михаил Первухин и Климент Ворошилов, см.: *Ibid.* P. 649.
- ¹⁷ Протокол [104] от 22 января 1955 г. // Архивы Кремля.

- ¹⁸ Эти слухи распространялись Ральфом Паркером, корреспондентом газеты «Лондон дейли уоркер», который, как подозревало ЦРУ, был агентом КГБ, см.: *Bohlen Ch. E. Witness to History, 1929–1969.* New York: W. W. Norton and Co., 1973. P. 369.
- ¹⁹ Протокол [104] от 22 января 1955 г. // Архивы Кремля. Помимо девяти полноправных членов в начале 1955 г. в состав Президиума входили кандидаты в члены Президиума Алексей Кириченко, Николай Шверник и Михаил Суслов.
- ²⁰ Существует две причины так полагать. Во-первых, сразу же после того, как Хрущев представил свою рекомендацию, Ворошилов выразил определенное сомнение в соглашении: «Я был за товарища Булганина, но [может быть, необходим] не военный», – а это подразумевало, что он был причастен к проводившимся ранее обсуждениям. Во-вторых, сообщалось, что Молотов выдвинул в поддержку Булганина ряд таких аргументов, которые могли быть заранее согласованы.
- ²¹ *Harrison H. Driving the Soviets up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961.* Princenton: Princenton Univ. Press, 2003. P. 34–38.
- ²² Помимо Соединенных Штатов странами-основательницами были Канада, Великобритания, Франция, Исландия, Дания, Норвегия, Португалия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Италия.
- ²³ Цит. по: *Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era.* New York: W. W. Norton and Co., 2003. P. 332.
- ²⁴ ЦРУ, Справочник по Берлину, 27 декабря 1961 г. // National Science Foundation [Национальный научный фонд; далее – NSF], Киссинджер. Д. 462. JFK Library [Президентская библиотека-музей Джона Ф. Кеннеди].
- ²⁵ *Christopher A., Mitrokhin V. The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB.* New York: Basic Books, 1999. P. 357.
- ²⁶ *Ibid.* P. 358.
- ²⁷ Интервью (1963 г.), сэр Уильям Хейтер...
- ²⁸ Болен – в государственный департамент, 8 ноября 1954 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 8. P. 1260.
- ²⁹ Даллес А. «Текущая разведывательная оценка советской политики». 30 апреля 1954 г. // ЦРУ. Даллес – собрание документов о свободе информации. То, что Даллес ошибся, указывая национальность Хрущева, свидетельствует об ограниченности имевшихся в США сведений о главных советских фигурах. Хрущев не был украинцем. Он вырос в Украине в русскоговорящей семье. Мы благодарим Макса Холланда за возможность ознакомиться с обширными материалами Даллеса, выданными ему ЦРУ в соответствии с Законом о свободе информации.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Ibid.*

- ³² *Трояновский О.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 176. Записи Малина за 24 января и 7 февраля 1955 г. (на последнем заседании перед объявлением новой австрийской политики) не содержат никаких свидетельств о спорах между Молотовым и Хрущевым о новой австрийской политике.
- ³³ Этот аргумент выдвинул Владислав Зубок в главе «The Case of Divided Germany, 1953–1964», см.: Nikita Khrushchev / ed. by W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. New Haven: Yale Univ. Press, 2000.
- ³⁴ Воспоминания Хрущева сильны тем, что в них представлена суть споров, но хронология событий отражена в них не столь удачно. Однако из записей Малина явствует, что Молотов рассчитывал время, чтобы положить конец политике линкиджа, назначалась дата приглашения австрийцев для начала переговоров. В них же подтверждается то, о чем позже рассказывал Хрущев, говоривший, что он оказывал давление на Молотова, чтобы подписать договор после выступления 8 февраля; см. также: Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes / transl., ed. by J. L. Schecter, V. V. Luchkov... P. 72–80.
- ³⁵ Ibid. P. 76.
- ³⁶ Ibid. P. 72–80. Хотя нет оснований ставить под сомнение воспоминания Хрущева по этому поводу, не было обнаружено никаких протоколов 107–119 заседаний – в период с 8 февраля по 18 мая 1955 г., см.: Архивы Кремля.
- ³⁷ История этих переговоров и того, что произошло сразу после них, очень хорошо рассказана Гюнтером Бишофом в статье «The Making of the Austrian Treaty on the Road to Geneva», см.: Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955 / ed. by G. Bischof, S. Dockrill. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 2000.
- ³⁸ Цит. по: Documents Diplomatiques Français [далее – DDF]. 1955. Vol. 1. Примечание к записи номер 243. Ministère des Affaires Étrangères, Commission de Publication des Documents Français. Paris: Imprimerie Nationale, 1987. P. 561.
- ³⁹ *Salisbury H. E.* Zhukov: Rising Star in the Kremlin // New York Times Magazine. May 8. 1955.
- ⁴⁰ Стенограмма июльского пленума 1995 г. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 43; цит. по: Протокол 120 от 19 мая 1955 г. Примечание 4 // Архивы Кремля.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Протокол 120 от 19 мая 1955 г. Примечание 3 // Там же.
- ⁴³ Протокол 120 от 19 мая 1955 г. // Там же.
- ⁴⁴ Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes / transl., ed. by J. L. Schecter, V. V. Luchkov... P. 76.
- ⁴⁵ Протокол 120 от 19 мая 1955 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁶ Протоколы 121 и 122 от 23 и 25 мая 1955 г. // Там же.

- ⁴⁷ Khrushchev Remembers / transl., ed. by S. Talbott... P. 379.
- ⁴⁸ Интервью (1963 г.), Эдвард Крэнкшоу, собрание материалов телекомпании «Эн-Би-Си» (NBC) для серии «Смерть Сталина», Гуверовский институт.
- ⁴⁹ Интервью (1963 год), Филипп Бен, собрание материалов телекомпании «Эн-Би-Си» (NBC) для серии «Смерть Сталина», Гуверовский институт.
- ⁵⁰ Протокол 125 от 6 июня 1955 г. // Архивы Кремля.
- ⁵¹ Протокол 121 от 23 мая 1955 г. // Там же.
- ⁵² Протокол 125 от 6 июня 1955 г. // Там же.
- ⁵³ Протокол 126 от 8 июня 1955 г. // Там же.
- ⁵⁴ Через несколько лет, уже после отставки, Молотов говорил о борьбе вокруг Югославии как о моменте, когда Хрущев перевернул советскую политику вверх дном, см.: Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics... P. 351.
- ⁵⁵ Стенограмма июльского пленума 1995 г. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 43; цит. по: Протокол 120 от 19 мая 1955 г. Примечание 4 // Архивы Кремля.

Глава 2. Женева

- ¹ *Larres K.* Churchill's Cold War: The Politics of Personal Diplomacy. New Haven: Yale Univ. Press, 2002. Passim.
- ² Reds Offer West Germany New Status // Washington Post and Times Herald. January 16. 1955.
- ³ *Barber H. W. [et al.]*. The United States in World Affairs. 1955. New York: Harper and Brothers, 1956. P. 35.
- ⁴ *Ibid.* P. 37.
- ⁵ *Bloomfield L. P., Clemens W. C., Jr., Franklyn G.* Khrushchev and the Arms Race: Soviet Interest in Arms Control and Disarmament, 1954–1964. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1966. P. 22–25.
- ⁶ *Bukharin O. [et al.]*. Russian Strategic Nuclear Forces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. Table 8.1. P. 487–487. Статистика, относящаяся к испытаниям в США, приведена по состоянию на 10 мая 1955 г. Свои предложения по разоружению в СССР выдвинули во время испытаний, проводившихся в США.
- ⁷ *D'Este C.* Eisenhower: A Soldier's Life. New York: Henry Holt, 2000. P. 693.
- ⁸ Роберт Каро написал блистательное исследование битвы вокруг поправки Брикера, как называли эту законодательную инициативу, см.: *Caro R. A.* The Years of Lyndon Johnson: Master of the Senate. New York: Knopf, 2002. P. 527–541.
- ⁹ *Divine R. A.* The Sputnik Challenge. New York: Oxford Univ. Press, 1993. P. 18.

- ¹⁰ В одной из конфиденциальных пресс-конференций Аллен Даллес намекал на оценку его брата, сказав, что он менее оптимистичен относительно скорого краха Советов, см.: Памятная запись беседы, Лоуренс, 14 июля 1955 г. // A. W. Dulles File.
- ¹¹ Цит. по: *Immerman R. H.* Trust in the Lord but Keep Your Powder Dry // *Cold War Respite...* 2000. P. 48–49.
- ¹² *Ibid.* P. 46.
- ¹³ Памятная запись, Лоуренс, 14 июля 1955 г. // A. W. Dulles File.
- ¹⁴ Меморандум дискуссий, Совет национальной безопасности, 20 октября 1955 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 5. P. 618.b.
- ¹⁵ Цит. по: *Snead D. L.* The Gaither Committee, Eisenhower and the Cold War. Columbus: Ohio State Univ. Press, 1999. P. 39.
- ¹⁶ *Taubman W.* Op. cit. P. 43–44.
- ¹⁷ Протокол 99 от 20 декабря 1954 г.; Протокол 106 от 7 февраля 1955 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁸ *Watching the Bear: Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union* / eds. G. K. Haines, R. E. Leggett. Washington, D. C.: Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 2003. P. 142–143.
- ¹⁹ *Sulzberger C. L.* Molotov Proposes 4 Powers Reduce Forces in Germany // *New York Times*. February 5. 1954; East German Army Put at 80 000 in White Paper Issued in Britain // *New York Times*. July 14. 1954; *Baldwin H. W.* Is Time on Our Side – or Russia's? // *New York Times Magazine*. August 1. 1954.
- ²⁰ *Albright R. C.* Symington Seeks Aerial Arms Probe // *Washington Post and Times Herald*. May 18. 1955.
- ²¹ *Freedman L.* US Intelligence and the Soviet Strategic Threat. 2nd ed. London: Macmillan, 1986. P. 66–67; *Norris J. G.* Red Warplanes Strides Revealed by Pentagon // *Washington Post and Times Herald*. May 14. 1955.
- ²² Протокол 120 от 19 мая 1955 г. // Архивы Кремля.
- ²³ *Clifton D.* Khrushchev Sees Fruitful Parley If West Is Honest; Attends U. S. Fete; Denies Any Weakness Calling Soviet Solid as Never Before // *New York Times*. July 5. 1955.
- ²⁴ *Galbraith W.* U. S. Accepts Soviet Offer to Pay Plane Damage // *Washington Post and Times Herald*. July 8. 1955.
- ²⁵ Протокол 130, заседание от 12 июня 1955 г. // Архивы Кремля.
- ²⁶ *Abel E.* Dulles to Insist on German Unity as Big Four Topic // *New York Times*. June 29. 1955.
- ²⁷ TASS Statement of Soviet Views on Big Four Parley // *New York Times*. July 13. 1955.

- ²⁸ *Khrushchev S. N. Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower* // University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 2000. P. 83.
- ²⁹ *Bohlen Ch. E.* Op. cit. P. 382.
- ³⁰ Khrushchev Remembers / transl., ed. by S. Talbott... P. 397.
- ³¹ Ibid. P. 398.
- ³² Советский меморандум этой встречи находится в фонде 5 РГАНИ, американский меморандум см.: FRUS. 1955–1957. Vol. 5. P. 408–418.
- ³³ Памятная запись беседы ДДЭ и Жукова, 20 июля 1955 г. // Ibid. Vol. 5. P. 409.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid. P. 412–413.
- ³⁸ Протокол 106 от 6 августа 1957 г. // Архивы Кремля.
- ³⁹ *Bohlen Ch. E.* Op. cit. P. 384–385.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ *Daniel C.* Russians See End of «Cold War» and a Milder Line in Their Press // New York Times. July 25. 1955.
- ⁴² Mikoyan Hails Parley; Says Result Was «Good» as It Changed Atmosphere // New York Times. July 24. 1955.
- ⁴³ Nixon Bans Umbrellas as Reminder of Munich // New York Times. July 25. 1955.
- ⁴⁴ *Gabbett H.* Found Evidence of New World Friendliness, Says President // Washington Post and Times Herald. July 25. 1955.
- ⁴⁵ Conference Views of U. S. Editors // Washington Post and Times Herald. July 25. 1955.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ What Happened at Geneva // New York Times. July 24. 1955.
- ⁴⁸ CIA's Analysis of the Soviet Union. 1947–1991: A Documentary Collections / eds. Haines G. K., Leggett R. E. Washington, D.C: Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 2001. P. 142–143.
- ⁴⁹ Памятная запись беседы НСХ и Бертольда Байтца, январь 1960 г. // МИД. Ведущий западногерманский промышленник Байтц был президентом промышленного концерна «Крупп».
- ⁵⁰ Т. Куприков, руководитель Первого отдела Комитета информации МИД. «Канцлер Федеративной Республики Германии (политическая характеристика)». 2 сентября 1955 г. // СВР; В. Здоров, руководитель Информационного бюро Службы внешней разведки КГБ, «Справка о кан-

цлере Федеративной Республики Германии Конраде Аденауэре», 6 сентября 1955 г. // Там же.

- ⁵¹ В. Здоров, руководитель Информационного бюро Службы внешней разведки КГБ, «Справка о канцлере Федеративной Республики Германии Конраде Аденауэре», 6 сентября 1955 г. ...
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Т. Куприков, руководитель Первого отдела Комитета информации МИД. 2 сентября 1955 года. «Канцлер Федеративной Республики Германии (политическая характеристика)»...
- ⁵⁴ Даллес – Аденауэру, 15 августа 1955 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 5. P. 548.
- ⁵⁵ Ibid. P. 550.
- ⁵⁶ Заявление Хрущева восточным немцам 17 сентября 1955 г., выдержка из донесения Армстронга государственному секретарю // Recent Communist Statements. December 13. 1955. RG 59. INR. 1945–1960, Box 14. NARA–II.
- ⁵⁷ *Middleton D.* Geneva Opening; A Pallid Revival; Lines Familiar, July's Stars Have Left Cast and Famed «Spirit» Seems Harsher // *New York Times*. October 28. 1955.
- ⁵⁸ Протокол 168 от 6 ноября 1955 г. Примечание 2 // Архивы Кремля; цит. по: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 327. Л. 2–5.
- ⁵⁹ Протокол 168 от 6 ноября 1955 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁰ Протокол 168 (продолжение) от 7 ноября 1955 г. // Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Hangen W.* Molotov Flying to Geneva, Carrying «Better Baggage», Remark Made in Moscow Held by Some to Mean He Will Offer Plan to End Stalemate on German Unity // *New York Times*. November 8. 1955.
- ⁶³ *Roberts Ch. M.* Closes Door on German Settlement; Unexpected Stand Could Reopen «Cold War»; Big 3 Recess Conference // *Washington Post and Times Herald*. November 9. 1955; *Middleton D.* Soviet Bars German Unity Except on Its Own Terms; West Is Shocked by Stand; Atmosphere Grim; Molotov's Implications So Wide Dulles Halts the Sitting // *New York Times*. November 9. 1955.
- ⁶⁴ *Roberts Ch. M.* «Geneva Spirit» Broken, Dulles Tells Molotov // *Washington Post and Times Herald*. November 10. 1955.
- ⁶⁵ *Middleton D.* Big 4 Conference Drops Discussion of German Unity; Geneva Step Taken on West's Insistence after Molotov Bars Negotiation of Issue; Soviet Stand Assailed; Macmillan Says Attitude May Gravely Affect Other Items – Dulles Sees Injustice // *New York Times*. November 10. 1955.
- ⁶⁶ *Lippmann W.* Geneva Gamble // *Washington Post and Times Herald*. November 10. 1955.

- ⁶⁷ *Sullivan W.* Soviet Says Rule in Berlin Is Over; Commandant Aseerts City Is East German Capital Now—Rejects U. S. protest // *New York Times*. November 30. 1955.
- ⁶⁸ *Handler M. S.* East Germans Put on West Frontier; Soviet Said to Withdraw Troops into Interior—Political Link Implied // *New York Times*. November 23. 1955.

Глава 3. Оружие в Египет

- ¹ Слух прошел в номере газеты «Нью-Йорк таймс» от 3 июня 1955 г.; о «шутке» Молотова та же газета сообщала в номере от 10 июля 1955 г.
- ² Выдержка из речи Хрущева, произнесенной 26 ноября в Бангалоре, в сообщении У. Парка Армстронга государственному секретарю // *Recent Communist Statements*. December 13. 1955. RG 59. INR 1945–1960. Box 14. NARA—II.
- ³ *Зайцев Г.* «К поездке тов. Шепилова в Египет», 18 июля 1955 г. // *РГАНИ*. 5/30/123. Л. 194–200.
- ⁴ Цит. по: *Kyle K. Suez*. New York: St. Martin's Press, 1991. P. 55.
- ⁵ *Yaqub S.* Containing Arab Nationalism: The Eisenhower Doctrine and the Middle East. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2003. P. 25–26.
- ⁶ Памятная запись беседы Солода и Жукова, 8 июля 1955 г. // МИД. 087, 17/5/34. Л. 206–210. Когда Москва продемонстрировала, что готова помочь Египту в строительстве дамбы и не возражает против продажи оружия Насеру, египетский лидер внезапно, по всей видимости, утратил интерес. В июле 1954 г. он прекратил переговоры об оружии с советским послом.
- ⁷ Жуков – Молотову: «Положение в Гватемале», 14 апреля 1953 г. 06 (Дела Молотова) // МИД. 129/2050/284; «Хроника событий: июнь 1954 года – ноябрь 1954 года» // МИД. 110 (Мексиканская редакция, Отдел Латинской Америки). 14/30/8. В доказательство того, что Вашингтон тоже это знал, см.: *Karabell Z.* Architects of Intervention: The United States, the Third World, and the Cold War, 1946–1962. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 1999. P. 103; см. также: *Schlesinger S., Kinzer S.* Bitter Fruit: The Story of the American Coup in Guatemala. Garden City. New York: Anchor Books, 1982.
- ⁸ Цит. по: *Karabell Z.* Op. cit. P. 111–112.
- ⁹ *Ibid.* P. 128–131.
- ¹⁰ *Cullather N.* Operation PBSUCCESS: The United States and Guatemala, 1952–1954. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 1999. P. 58.
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² Цит. по: *Gleijeses P.* Shattered Hope: The Guatemalan Revolution and the United States, 1944–1954. Princenton, Princenton Univ. Press, 1992. P. 299.
- ¹³ Ричард Биссел, цит. по: *Cullather N.* Op. cit. P. 52.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 61.

- ¹⁵ Молотов – советской миссии в ООН, 24 июня 1954 г. 06 (Дела Молотова) // МИД. 129/250/289. Нам не удалось получить доступ к материалам КГБ по Гватемале 1954 г., которые, вероятно, поступали из резидентуры КГБ в г. Мехико. Однако в сообщении, переданном в Президиум, министерство иностранных дел сообщало о том, что ему не удалось установить надежную связь с правительством Гватемалы. Как мы еще увидим, Президиум регулярно использовал каналы разведки для связи с иностранными лидерами, если это было необходимо и возможно.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Министр иностранных дел Гильермо Торрьельо – Молотову, 25 июня 1954 г., получено в 12:15 // МИД. 06. 129/250/289.
- ¹⁸ *Sharon A., Chanoff D. Warrior: An Autobiography of Ariel Sharon.* New York: Simon and Schuster, 1989. P. 102–109. Палестинские партизаны и египетские военные действительно проникали в Израиль из сектора Газа, но правительство Насера отрицало, что оно давало разрешение на эти операции. После этого налета в феврале, в результате которого погибли тридцать восемь арабов, и другого, летом 1955 г., египтяне позже говорили, что они дали официальное разрешение на диверсионные операции, См.: *Yaqub S.* Op. cit. P. 39.
- ¹⁹ Встреча Хрущева и Насера 30 апреля 1958 г. 10:00 // МИД.
- ²⁰ *Laqueur W. Z. The Soviet Union and the Middle East.* New York: Praeger, 1959. P. 199–200.
- ²¹ Даниил Солод, памятная записка о встрече с Насером, 21 мая 1955 г. // МИД. 087. 18/3/36. Л. 176–180.
- ²² Хрущев сообщал об этой беседе, выступая на заседании Президиума. Протокол 125 от 6 июня 1955 г. // Архивы Кремля.
- ²³ Показательной была информация, полученная от румынского поверенного в делах в Каире, Иона Джорджеску, который в июне 1954 г. сказал, что Насеру нужно американское оружие для снабжения его собственной армии. Согласно информации румынского дипломата, посол Индии в Египте пытался убедить Насера, что было бы ошибкой брать оружие у США, см.: Памятная записка беседы Солода и Джорджеску, 16 июня 1954 г. // МИД. 087. 17/34/5.
- ²⁴ *Hahn P. The United States, Great Britain, and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the Early Cold War.* Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1991. P. 184–185.
- ²⁵ Байроуд – в государственный департамент, 9 июня 1955 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 14. P. 237–240.
- ²⁶ Байроуд – в государственный департамент, 17 июня 1955 г. // Ibid. P. 255–256.
- ²⁷ Ibid. P. 165–179.
- ²⁸ Ibid. P. 188–192.

- ²⁹ Памятная запись. Государственный департамент, 8 июня 1955 г. // Ibid. P. 231–233.
- ³⁰ Телеграмма 2214. Государственный департамент – в Египет. 17 июня 1955 г. // Ibid. P. 256. No. 2.
- ³¹ Телеграмма, Каир – в государственный департамент. 2 июля 1955 г. // Ibid. P. 274.
- ³² Памятная записка, Сан-Франциско, 24 июня 1955 г. // Ibid. P. 265–266.
- ³³ Двумя другими секретарями, введенными в состав Президиума, были Аверкий Аристов и Николай Беляев. Они играли важную роль в подготовке XX съезда партии в 1956 г.
- ³⁴ Шепилов, памятная записка, 1956 г. // МИД.
- ³⁵ *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. С. 171.
- ³⁶ Памятная запись встречи Солода и Эль-Коуни, 18 июля 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 4–5. Насер велел послу Мохаммеду Аваду Эль-Коуни, вернувшемуся в Каир, доставить это сообщение Солоду.
- ³⁷ *Lacouture J.* Nasser: A Biography. New York: Knopf, 1973. P. 45–47.
- ³⁸ *Laqueur W. Z.* Op. cit. P. 199–200.
- ³⁹ Солод. Памятная запись о встрече с майором Салахом Салемом // МИД. 087. 18/3/36. Л. 201–207.
- ⁴⁰ Памятная запись беседы Солода и Али Сабри, 22 августа 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 40–44.
- ⁴¹ Eisenhower Oral History [Устные свидетельства Эйзенхауэра]. Интервью с Эндрю Гудпастером [записано доктором Томасом Соупсом]. 11 октября 1977 г.
- ⁴² Даллес – Байроуду, 23 августа 1955 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 14. P. 382–383.
- ⁴³ Байроуд – в государственный департамент, 24 августа 1955 г. // Ibid. P. 387–388.
- ⁴⁴ Солод, памятная запись беседы с Али Сабри, 4 сентября 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 6.
- ⁴⁵ Государственный департамент – государственному секретарю, Нью-Йорк, 19 сентября 1955 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 14. P. 481. Сотрудники Даллеса зачитали ему телеграмму из Каира и проинформировали его об инструкциях Байроуду.
- ⁴⁶ Государственный департамент – в Каир, 20 сентября 1955 г. // Ibid. P. 482; Каир – в государственный департамент, 20 сентября 1955 г. // Ibid. P. 483–484.
- ⁴⁷ Редакционное примечание. // Ibid. P. 483.
- ⁴⁸ Телефонный разговор Эйзенхауэра и Джона Фостера Даллеса [далее – ДФД], 23 сентября 1955 г. // Ibid. P. 509–510; телефонный разговор

Аллена Уэлша Даллеса [далее – АУД]и ДФД, 24 сентября 1955 г. // Ibid. P. 511–512.

- ⁴⁹ Один из ближайших помощников Насера, Мухаммед Хайкал, позже представлял себя биографом Насера и хранителем государственных документов Насера после смерти последнего в 1970 г. Однако зачастую рассказы Хайкала так резко отличаются от фактов, соержащихся в советских, американских и британских документах, что в этом можно усомниться. Особенно далеки от истины сообщения Хайкала, касающиеся отношений Насера с великими державами в 1955 г.
- ⁵⁰ Рузвельт послал две телеграммы об этой встрече, которые ЦРУ перенаправило государственному секретарю в Нью-Йорк, см.: Государственный департамент (Вашингтон) – в миссию США при ООН, 27 сентября 1955 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 14. P. 320–322. Сведения о численности самолетов МиГ-15, проданных в Египет, см.: Памятная запись беседы Солода и Насера, 10 декабря 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 304–307.
- ⁵¹ Телеграмма Аллена Даллеса Кермиту Рузвельту была продублирована Фостеру Даллесу в Нью-Йорк как телеграмма от Гувер ДФД (Н-Й), 27 сентября 1955 г. // Ibid. P. 522–523.
- ⁵² Памятная запись беседы Солода с Али Сабри, 26 сентября 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 117–121.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *Heikal M.* The Cairo Documents: The Inside Story of Nasser and His Relationship with World Leaders, Rebels, and Statesmen. New York: Doubleday, 1973. P. 51.
- ⁵⁵ Памятная запись беседы Солода и Насера, 29 сентября 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 124–128.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid. 1 октября 1955 г. Л. 135–141.
- ⁵⁸ Ibid. 29 сентября 1955 г. Л. 124–128.
- ⁵⁹ Ibid. 5 октября 1955 г.
- ⁶⁰ Ibid. 29 сентября 1955 г. Л. 124–128; 5 октября 1955 г.
- ⁶¹ Солод, встреча с Насером. 18 октября 1955 г. // Ibid. Л. 167–174.
- ⁶² Памятная запись о встрече Солода и Насера, 5 октября 1955 г. // Ibid.
- ⁶³ Солод рассказал Насеру об ожидаемом прибытии «Краснодара» 20 или 21 октября на их встрече, состоявшейся 18 октября, см.: Памятная запись о встрече Солода и Насера, 18 октября 1955 г. // Ibid. Л. 167–174.
- ⁶⁴ «Джулио Чезаре» с его десятью 12,6-дюймовыми орудиями был самым большим кораблем, переданным Советскому Союзу из захваченных флотов Италии, нацистской Германии и императорской Японии; аналогичный по уровню, поврежденный, авианосец «Граф Цеппелин» никогда не использовался Москвой. См.: *Mitchell D. W.* A History of Russian and Soviet Sea Power. New York: Macmillan, 1974. P. 473.

- ⁶⁵ Ibid. P. 387.
- ⁶⁶ Протокол 169 от 16 ноября 1955 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Kerrick R.* «Soviet Naval Strategy and Missions, 1946–1960» // *The Sources of Soviet Naval Conduct* / ed. by Ph. S. Gillette, W. C. Frank, Jr. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1990. P. 181.
- ⁶⁹ *Mitchell D. W.* Op. cit. P. 476.
- ⁷⁰ Солод, встреча с Насером 10 декабря 1955 г. // МИД. 087. 18/4/37. Л. 304–307. На этой встрече советская сторона проинформировала Насера об ответе на его просьбу.
- ⁷¹ Протокол 169 от 16 ноября 1955 г. // Архивы Кремля. Сначала Президиум обсуждал отправку дополнительного оружия Египту 7 ноября после телеграммы, полученной из Каира. Протокол 168 от 7 ноября 1955 г. // Там же.
- ⁷² Протокол 169 от 16 ноября 1955 г. // Там же.
- ⁷³ *Тургаринов И.* 2 августа 1956 г. «О проекте строительства Асуанской плотины» // МИД. 087. 19/4/40. Л. 48–65.
- ⁷⁴ «Торговое соглашение между СССР и Египтом». 24 марта 1954 г. // МИД.
- ⁷⁵ *Тургаринов И.* Указ. соч.
- ⁷⁶ Советы хорошо знали, что египтяне это делают, см.: Там же.
- ⁷⁷ Редакционное примечание // FRUS. 1955–1957. Vol. 14. P. 797.
- ⁷⁸ Иден – Эйзенхауэру, 27 ноября 1955 г. // Ibid. P. 808–809.
- ⁷⁹ *Kyle K.* Op. cit. P. 82–85.
- ⁸⁰ *Зайцев Г.* Краткий отчет о советских предложениях Египту по финансированию строительства Асуанской плотины. 5 января 1956 года // МИД.
- ⁸¹ Протокол 175 (продолжение) от 22 декабря 1955 г. // Архивы Кремля.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Протокол 122 от 16 декабря 1955 г. // Там же.
- ⁸⁴ Протокол 122 (продолжение) от 22 декабря 1955 г. // Там же.

Глава 4. Суэц

- ¹ *Itaam A. A.* «Ali Sabri Yatadhakir» [«Али Сабри вспоминает»]. Beirut: Dar al-Wahdah, 1998. P. 20; цит. по: *Alterman J.* The View from Cairo, Developments to July 31, 1956 // *The Suez Crisis and Its Teachings: Case Studies for a conference at the American Academy of Arts & Sciences, February 15–16, 1997* [далее – May and Zelikow Suez compilation]. Авторы благодарны Эрнесту Мею и Филипу Зеликову, организаторам конференции, за возможность ознакомиться с этим значительным собранием отличных материалов по Суэцкому кризису.

- ² *Hahn P.* Op. cit. P. 202–204.
- ³ *Imaam A. A.* Op. cit. P. 20.
- ⁴ *Karabell Z.* Parting the Desert: The Creation of the Suez Canal. New York: Knopf, 2003. P. 269; Гудпастер, меморандум беседы с президентом, 27 июля 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 6. О расчетах риска Насера см.: Мухаммед Хайкал, цит. по: *Sellers J. A.* Military Lessons: the British perspective // The Suez–Sinai Crisis 1956; Retrospective and Reappraisal / ed. by S. Troen, M. Shemesh. New York: Columbia Univ. Press, 1990. P. 24.
- ⁵ *Kyle K.* Op. cit. P. 132–134.
- ⁶ *Haikal M.* Milafaat al-Sulways. P. 460–463; цит. по: *Alterman J.* Op. cit.
- ⁷ *Kyle K.* Op. cit. P. 132–134.
- ⁸ Насер не обещал, что разрешит Израилю пользоваться каналом.
- ⁹ Памятная запись о встрече Шепилова и Амера, 18 июня 1956 г. // МИД. 6/1956/1А/13/3. От имени Кремля Шепилов недвусмысленно отклонил просьбу Египта о предоставлении танков «Т–54» и самолетов «МиГ–19», объяснив, что они еще проходят проверку в СССР и не могут быть экспортированы.
- ¹⁰ Евгений Киселев – в МИД. 26 июля 1956 г. // МИД. В должности советского посла Киселев заменил Даниила Солода весной 1956 г.
- ¹¹ *Тургаринов И.* Указ. соч.
- ¹² Памятная запись о встрече Шепилова и Амера, 18 июня 1956 г. // МИД. 6/1956/1А/13/3. От имени Кремля Шепилов недвусмысленно отклонил просьбу Египта о предоставлении танков «Т–54» и самолетов «МиГ–19», объяснив, что они еще проходят проверку в СССР и не могут быть экспортированы.
- ¹³ [Протокол 185] от 1 февраля 1956 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁴ Протокол 187 от 9 февраля 1956 г. // Там же.
- ¹⁵ Охаб, цит. по: *Taubman W.* Op. cit. P. 290.
- ¹⁶ Ibid. P. 288–289; *Tompson W. J.* Khrushchev: A Political Life. New York: St. Martin's Griffin, 1997. P. 166–167.
- ¹⁷ Памятная запись о встрече Шепилова и Эль-Коуни, 27 июля 1956 г. // МИД. 087 1956, 19/38/2. Л. 2–11.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Нури аль-Саид, цит. по: *Nickles D.* «The View from London, Developments until August 1, 1956» // May and Zelikow Suez compilation. Селвин Ллойд говорит об этой дискуссии в: *Lloyd S.* Suez, 1956: A Personal Account. London: Coronet, 1980. P. 74.
- ²⁰ *Kunz D.* The Economic Diplomacy of the Suez Crisis. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1991. P. 130.

- ²¹ *Amery J.* The Suez Group: A Retrospective on Suez // Retrospective and Reappraisal / ed. by S. Troen, M. Shemesh... P. 117–118.
- ²² *Rhodes J. R.* Anthony Eden: A Biography. New York: McGraw-Hill, 1987. P. 456–457.
- ²³ Это не было официальным собранием кабинета министров Идена. Судя по всему, были приглашены лишь те министры, которым случилось оказаться на официальном обеде для иракцев // *Ibid.* P. 454.
- ²⁴ Фостер [Лондон] – государственному департаменту. 27 июля 1956 г. [5:00] // FRUS. 1955–1957. Washington, D. C.: Government Printing Office. Vol. 16. P. 3–5.
- ²⁵ Молле, цит. по: *Cogan Ch. G.* The View from Paris, Developments until July 31, 1956 // May and Zelikow Suez compilation.
- ²⁶ О французских инвестициях в Алжир см.: *Hitchcock W.* The Struggle for Europe: The Turbulent History of a Divided Continent, 1945–2002. New York: Doubleday, 2002. P. 184–192.
- ²⁷ Эли, цит. по: Там же.
- ²⁸ Жан Шовель, французское посольство (Лондон) – Жоксу лично, 28 июля 1956 г. // Генеральный секретариат. Суэц 82. Суэцкий кризис 1956–1957. Французские дипломатические архивы.
- ²⁹ *Rhodes J. R.* Op. cit. P. 458; *Sellers J. A.* Op. cit. P. 24.
- ³⁰ Жан Шовель, французское посольство (Лондон) – Жоксу лично, 28 июля 1956 г. // Генеральный секретариат, Суэц 82, Суэцкий кризис 1956–1957, Французские дипломатические архивы. 1 августа Альбер Тома, генеральный директор французского министерства обороны, сказал сотруднику министерства обороны Израиля (и позже – премьер-министру) Шимону Пересу: «Англичане и французы в принципе решили проводить совместную военную операцию по завоеванию канала». Операция должна была занять три недели, и Британия поставила условием, чтобы Израиль в ней не участвовал, см.: Дневник Давида Бен-Гуриона, 3 августа 1956 г. / изд. и пер. С. И. Троен // Retrospective and Reappraisal. P. 291–292.
- ³¹ Даллес, цит. по: *Bowie R. R.* Eisenhower, Dulles, and the Suez Crisis // Suez 1956: The Crisis and Its Consequences / ed. by W. R. Louis, R. Owen. New York: Oxford Univ. Press, 1989. P. 191.
- ³² *Ibid.*
- ³³ *Eisenhower D. D.* The White House Years: Waging Peace, 1956–1961. Garden City. New York: Doubleday, 1965. P. 39.
- ³⁴ Телефонный разговор ДФД и ДДЭ, 29 июля 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 38–39.
- ³⁵ Мёрфи [Лондон] – в государственный департамент, 29 июля 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 35–36.

- ³⁶ 28 июня 1956 г. на основе рекомендаций Эль-Коуни заместитель Шепилова Владимир Семенов и заведующий Отделом стран Ближнего и Среднего Востока Григорий Зайцев выработали ряд предложений для Президиума // МИД. 19/39/8. Л. 1.
- ³⁷ Встреча Семенова и Эль-Коуни. 1 августа 1956 г. // МИД. 19/13/7.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Болен – государственному секретарю, 1 августа 1956 г. // RG 89. State Department Decimal File. Box 10. 974.7301/8–156. NARA–II.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Встреча Семенова и Эль-Коуни 1 августа 1956 г. // МИД. 19/13/7.
- ⁴² *Афиани В. Ю., Иванов Н. С.* Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 г. (по материалам ЦСД). Авторы благодарны за эту замечательную работу двум архивистам. Она основана на секретных материалах, сведения о которых приведены на карточках, хранившихся в Секретариате Коммунистической партии Советского Союза. [Далее этот источник будет упоминаться как: *Афиани–Иванов*. Указ. соч.] Хотя Афиани и Иванов перечисляют несколько перехваченных в посольстве США телеграмм, которые были переданы Президиуму, они не утверждают, что КГБ зафиксировал все телеграфные сообщения посольства. Государственный департамент, обнаруживший советскую систему наблюдения в начале шестидесятых годов, пришел к выводу, что советская разведка могла получать все телеграммы посольства до того, как эту систему демонтировали. Подсчет ущерба от этого перехвата приводится в приложениях к меморандуму Джейкоба Бима к мистеру Генри от 27 мая 1964 г. в: Records of Llewellyn E. Thompson, 1961–1970, State Department Records, Box 10. RG 59. NARA–II. Соединенные Штаты полагали, что перехват начался еще в 1953 г., но из подборки Афиани и Иванова можно сделать вывод, что он начался лишь в 1956 г.
- ⁴³ Встреча Семенова и Эль-Коуни. 1 августа 1956 г. // МИД. 19/13/7.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Мерфи [Лондон] – в государственный департамент, 31 июля 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 61.
- ⁴⁶ Памятная записка, 31 июля 1956 г. // Ibid. P. 63.
- ⁴⁷ Докладная записка, 1 августа 1956 г. // Ibid. P. 95.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ *Sellers J. A.* Op. cit. P. 28–29.
- ⁵⁰ Протокол 30 от 3 августа 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.

- ⁵⁴ Aircraft Carriers Prepare to Sail; Merchant Ships Taken Over // Times (London). August 4. 1956.
- ⁵⁵ Precautionary Army Measures // Times (London). August 3. 1956.
- ⁵⁶ Встреча Насера и Киселева. 3 августа 1956 г. // АПРФ.
- ⁵⁷ Ссылка на Кабул вызывает замешательство. У Афганистана, разумеется, не было нефти на продажу. Вероятно, Насер сказал: «Кувейт».
- ⁵⁸ Насер бравировал, чтобы вынудить Советы действовать. Он никогда не угрожал Соединенным Штатам террором.
- ⁵⁹ Протокол 31 от 5 августа 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Неру решил посетить совещание еще до того, как он выслушал мнение Москвы. Сразу после полуночи 8 августа Москва получила письмо от Неру, в котором объяснялось решение Индии. Индия полагала, что участие не будет символизировать одобрение действий Запада в этом кризисе. Неру сообщил Советам, что, хотя присутствие на совещании в интересах Индии, он полностью поддерживал решение Насера не посылать никого из Каира. Кроме того, Индия всецело поддерживала национализацию канала. Это было суверенным правом Египта. Но Неру добавил, что у Индии тоже были свои интересы. В Лондоне подход Индии воспринимался как ее поддержка принципа свободного использования канала, как это запечатлено в конвенции 1888 г. 8 августа 1956 г. Нью-Дели – в Москву // МИД. 01/02/15.
- ⁶² Протокол 31 (продолжение) от 9 августа 1956 г.; Протокол 32 от 11 августа 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁶³ Протокол 169 от 16 ноября 1955 г. // Там же.
- ⁶⁴ Протокол 32 от 11 августа 1956 г. // Там же.
- ⁶⁵ Там же. Чтобы успокоить тревогу своих коллег, Хрущев также предложил, чтобы в Лондоне Шепилов не скрывал ошибок Насера. Его речь в Александрии была «провокационной, возбужденной». Кроме того, Хрущев хотел, чтобы советские дипломаты согласовали свои действия с партнерами – коллегами из Индии и Индонезии.
- ⁶⁶ *Афиани–Иванов*. Указ. соч.
- ⁶⁷ Отчет КГБ от 14 августа 1956 г. // АПРФ. Авторам не удалось найти подтверждения в государственных архивах США или Израиля, что эта встреча имела место.
- ⁶⁸ Меморандум дискуссий, 14 августа 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 198–199.
- ⁶⁹ Shepilov Says «No» Too, but Not Harshly; His Manner Is Not So Stiff as Molotov's // New York Times. August 24. 1956.
- ⁷⁰ Delegates' Arrival in London of Suez Conference; Mr. Shepilov on equality of States // Times (London). August 4. 1956.

- ⁷¹ Ср. проект Кузнецова «Советское заявление по вопросу об организации [международной] конференции» от 14 августа 1956 г. (МИД, 01/02/20) с проектом Шепилова (МИД. 01/02/19). Шепилов переписал этот документ примерно 20 августа.
- ⁷² Телеграмма 10107, ДФД – в Вашингтон. 16 августа 1956 г. // RG 59. State Department Decimal File. Box 10. 974.7301. NARA–II.
- ⁷³ Телеграмма 10119, ДФД – в Вашингтон. 16 августа 1956 г. // RG 59. State Department Decimal File. Box 10. 974.7301. 8–1656. NARA–II; см. также: FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 206–209.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Телеграмма, 17 августа 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 216–218.
- ⁷⁷ ДДЭ. 17 августа 1956 г. // Ibid. P. 218–219.
- ⁷⁸ Памятная запись, 18 августа 1956 г. // Ibid. P. 221–226.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ ДФД – ДДЭ. 18 августа 1956 г. // Ibid. P. 227.
- ⁸¹ Государственный департамент – ДФД (Лондон), 18 августа 1956 г. // Ibid. P. 230–231.
- ⁸² ДДЭ – ДФД. 19 августа 1956 г. // Ibid. P. 232–233.
- ⁸³ Khrushchev Warns West on a Suez War // New York Times. August 24. 1956.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Дмитрий Шепилов: Правда. 1996. 5 и 10 августа.
- ⁸⁶ Dale Jr. E. L. Suez Committee Asks Quick Reply by Egypt on Talk // New York Times. August 25. 1956.
- ⁸⁷ Дмитрий Шепилов: Правда. 1996. 5 и 10 августа.
- ⁸⁸ Протокол 37 от 27 августа 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁸⁹ Киселев – в МИД. 29 августа 1956 г. // АПРФ.
- ⁹⁰ Протокол 38. Заседание Президиума от 31 августа 1956 г. // АПРФ.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Инструкция Центрального Комитета [далее – ЦК] от 30 августа 1956 г. // АПРФ.
- ⁹⁴ Афиани–Иванов. Указ. соч.
- ⁹⁵ 24 февраля 1956 г. Андрей Громько направил Сулову и Молотову просьбу разрешить Элиоту и Фрезеру (Берджессу и Маклину) встретиться с двумя британскими лидерами, приезжавшими в Москву, и с С. Расселлом, корреспондентом газеты «Дейли Уоркер», которого тоже ждали в советской столице // РГАНИ. Ф. 5, микрофильм рулон 4581. Д. 162. С. 37–38. 26 ок-

- тября 1956 г Хрущев получил доклад о последовавшей встрече Берджесса с Томом Дрибергом и с политиком Лейбористской партии, членом парламента Конни Циллиаксом // РГАНИ. Ф. 5. Микрофильм рулон 4582. Д.163. Л. 119–127.
- ⁹⁶ И. Тугаринов – Никите Хрущеву, 14 августа 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5. Микрофильм рулон 4581. Д. 162. Л.114–116.
- ⁹⁷ *Афиани–Иванов*. Указ. соч.
- ⁹⁸ Там же. 6 сентября копии стенограммы этой беседы были розданы членам Президиума.
- ⁹⁹ *Афиани–Иванов*. Указ. соч.
- ¹⁰⁰ Там же. В начале октября Президиум проголосовал за то, чтобы разрешить КГБ послать эту охранную команду Насеру в связи с угрозой покушения.
- ¹⁰¹ *Cradock P.* Know Your Enemy: How the Joint Intelligence Committee Saw the World. London: John Murray, 2002. P. 117.
- ¹⁰² *Ibid.* P. 117, 124.
- ¹⁰³ Справка «О военных мероприятиях западных держав в связи с национализацией Египтом компании Суэцкого канала». ГРУ. Сентябрь 1956 г. Из контекста явствует, что она была написана после 27 сентября 1956 г. Что касается возможного участия США, в докладе утверждалось, что «вооруженные силы Англии, Франции и Соединенных Штатов в Средиземном море проводят учения по десантированию».
- ¹⁰⁴ *Тугаринов И.* «Расстановка политических сил в Англии по Суэцкому вопросу». 25 сентября 1956 г. // МИД. 087. 19/39/8. Л. 60–66.
- ¹⁰⁵ *Тугаринов И.* «Расстановка политических сил во Франции по Суэцкому вопросу». 29 сентября 1956 г. // МИД. 19/39/8. Л. 69–75.
- ¹⁰⁶ Шепилов, цит. по: *Kyle K.* Op. cit. P. 272.
- ¹⁰⁷ *Афиани–Иванов*. Указ. соч.
- ¹⁰⁸ Рузвельт. Отчет о беседе по Суэцу, Каир, 9 октября 1956 г. // RG 59. 58D776. INR. 1945–1960, Box 11. NARA–II.
- ¹⁰⁹ Хотя это и не является окончательным доказательством, но симптоматично, что ни в стенограммах Малина заседания Президиума 11 октября, ни в архивах министерства иностранных дел нет свидетельств того, что в начале октября Президиум занимался этим запросом. Показательно и то, что во время обсуждений египетской проблемы, проводившихся 4 и 5 ноября 1956 г., члены Президиума не упоминали о непосредственной советской военной помощи, предложенной в октябре, см.: Протокол 41 (продолжение) от 4 ноября 1956 г. и Протокол 52 от 5 ноября 1956 г. // Архивы Кремля. О реакции США на эту просьбу см.: FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 674–675, 678–681. Соединенные Штаты истолковали инициативу Насера как положительное свидетельство египетской заинтересованности договориться о мирном окончании кризиса. Однако в последовавшие

дни администрация не оказала никакого дополнительного давления на британцев. Эйзенхауэр не верил тому, что Насер сказал о его отношениях с Москвой. 11 октября президент написал Идену, что Советы «довольно крепко держат Насера» // Письмо ДДЭ к Идену. 11 октября 1956 г. // Ibid. P. 694.

- ¹¹⁰ 11 октября, во время встречи с египетским послом, у Шепилова сложилось впечатление, что для достижения соглашения Каир должен принять западное предложение исключить Москву из объединения пользователей Суэцким каналом // Шепилов – в ЦК, 11 октября 1956 г. // АПРФ.
- ¹¹¹ Телепередача «Народ спрашивает президента» 12 октября 1956 г. Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower, 1956. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1958. P. 903–921.

Глава 5. Двойной кризис

- ¹ Протокол 36 от 24 августа 1956 г. // Архивы Кремля.
- ² Протокол 44 от 4 октября 1956 г. // Там же. Хрущева на этом заседании не было.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 365.
- ⁵ *Jackson W. G. Allen Welsh Dulles as Director of Central Intelligence, February 26, 1953n – November 29. 1961. Vol. 5. Intelligence Support for Policy* (неопубликованная история ЦРУ, июль 1973 г., рассекречена в 1994 г.).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ *Lucas W. S. Divided We Stand: Britain, the US and the Suez Crisis. London: Nodder and Stoughton, 1991. P. 215.*
- ⁸ *Cradock P. Op. cit. P. 121.*
- ⁹ Хрущев, цит. по: *Taubman W. Op. cit. P. 293.*
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Таубман цитирует автобиографический рассказ Микояна о польских событиях 1956 г., продиктованный им 28 мая 1960 г., см.: *Taubman W. Op. cit. P. 294. No. 86.*
- ¹² Протокол 47 от 21 октября 1956 г. // Архивы Кремля.
- ¹³ *Kyle K. Op. cit. P. 317.*
- ¹⁴ В конечном счете, нападение англичан и французов произошло через 48 часов после нападения Израиля. В последнюю минуту британцы решили начать атаку чуть позже.
- ¹⁵ Справка «О военных мероприятиях западных держав в связи с национализацией Египтом компании Суэцкого канала». Сентябрь 1956 г. // ГРУ.
- ¹⁶ Справка «О сирийском президенте Шукри Куатли». Октябрь 1956 г. // ГРУ.

- ¹⁷ Семенов – Эль-Коуни, 16 октября 1956 г. // МИД. 087. 19/38/2. Л. 78–84.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Громыко – НСХ, см.: Памятная запись беседы Д. А. Элиота (Берджесса) с Томасом Дрибергом, 26 октября 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5 (ролики 4582). Оп. 30. Д. 163. Л. 119–123.
- ²⁰ Это явствует из заявлений Хрущева на заседании Президиума 5 ноября 1956 г. // Архивы Кремля.
- ²¹ Примечание 3. Документ 73: «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы». М., РОССПЭН, 1998.
- ²² Протокол 48 от 23 октября 1956 г. // Архивы Кремля.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Kramer M.* New Evidence on Soviet Decision-making an the 1956 Polish an Hungarian Crises // *CWHP Dulletin. Issues 89.* Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Soldiers, Winter 1996–1997. P 366–367.
- ²⁵ Эти сведения содержатся в: Протокол 81 от 28 октября 1956 г. // Архивы Кремля. В стенограмме сообщается, что, по сообщению Сулова, погибли 600 советских солдат и лишь 350 венгров, но это, судя по всему, ошибка.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Herzog Ch.* The Suez–Sinai Campaign: Background // *The Suez–Sinai Crisis 1956...* P. 8–9.
- ²⁸ Цит. по: *Kyle K.* Op. cit. P. 358.
- ²⁹ *Ibid.* P. 359.
- ³⁰ Цит в: *Kunz D.* Op. cit. P. 120.
- ³¹ *Merta E. L.* The View from Washington, October 14–November 30, 1956 // *May and Zelikow Suez compilation.*
- ³² Письмо было отправлено 30 октября, см.: ДДЭ – Идену, 30 октября 1956 г. // *FRUS. 1955–1957.* Washington D. C.: Government Printing Office, 1990. Vol. 16. P. 848–850.
- ³³ *Merta E. L.* Op. cit.
- ³⁴ Покойный Ричард Нойштадт сделал это пронциательное замечание на организованной Гарвардским университетом конференции в Американской академии искусств и наук, проходившей 15–16 февраля 1997 г.
- ³⁵ Памятная запись беседы, 29 октября 1956 г. 19:15 // *FRUS. 1955–1957.* Vol. 16. P. 835.
- ³⁶ Киселев – в МИД. 31 октября 1956 г. // МИД.
- ³⁷ Насер – НСХ, без даты [вероятно, в начале ноября 1956 г.] // АПРФ.
- ³⁸ Штеменко (ГРУ) – Жукову. 30 октября 1956 г. // ГРУ.
- ³⁹ Протокол 49 от 30 октября 1956 г. // Архивы Кремля.

- ⁴⁰ Протокол 49 (продолжение) от 30 октября 1956 г. // Там же.
- ⁴¹ С. Штеменко – Жукову. 4 ноября 1956 г. // ГРУ.
- ⁴² Протокол 49 (продолжение) от 31 октября 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁴³ Киселев – в МИД. 31 октября 1956 г. // МИД.
- ⁴⁴ *Saivetz C. R.* The View from Moscow: October 14 – November 30 1956 // May and Zelikow Suez compilation.
- ⁴⁵ Таубман говорит о 20 тысячах пострадавших венгров и 15 тысячах советских людей, см.: *Taubman W.* Op. cit. P. 299.
- ⁴⁶ С. Штеменко – Жукову. 4 ноября 1956 г. ГРУ. Прекрасный обзор действий Насера в этот период содержится в: *Alterman J.* Op. cit.
- ⁴⁷ Протокол 52 от 5 ноября 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁸ *Bukharin O. [et al.]*. Op. cit. P. 177–179.
- ⁴⁹ Развертывание ракет «Р-5М» Президиум одобрил лишь в конце 1957 г., см.: Протокол 128 от 7 декабря 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁵⁰ Протокол 52 от 5 ноября 1956 г. // Там же.
- ⁵¹ Памятная беседа с президентом, 5 ноября 1956 г., 17:00 // FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 1000–1001.
- ⁵² Телеграмма, Париж – в государственный департамент. 6 ноября 1956 г. 2:00 // Ibid. P. 1012.
- ⁵³ *Kunz D.* Op. cit. P. 116–152.
- ⁵⁴ *Reilly P.* Memoirs. Bodleian Library, Oxford. (Воспоминания Патрика Рейли в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета.)
- ⁵⁵ Интервью Тимоти Нафтали с Честером Купером, апрель 2005 г.
- ⁵⁶ FRUS. 1955–1957. Vol. 16. P. 1029. Note 1.

Глава 6. «Комета Хрущева»

- ¹ Интервью Нафтали с Дино Бруджони. Гавана. 13 октября 2002 г. Бруджони был фотоаналитиком ЦРУ, который принес фотографии на совещание Эйзенхауэру.
- ² *Kyle K.* Op. cit. P. 545.
- ³ «Egyptian Proposal to Cooperate with U. S.», 8 ноября 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Washington, D. C.: Government Printing Office. Vol. 16. P. 1087.
- ⁴ См.: Комментарии Эйзенхауэра на 303-м заседании Совета национальной безопасности, 8 ноября 1956 г. // FRUS. Vol. 16. P. 1070–1086.
- ⁵ *Eisenhower D. D.* The White House Years... P. 180. В ответ на просьбу исполнительной власти о совместных действиях Конгресс США принял совместную резолюцию по Ближнему Востоку, которую президент подписал как закон 9 марта 1957 г.
- ⁶ Ibid. P. 182–183.

- ⁷ Краткое обсуждение истории «Доктрины Эйзенхауэра» см.: *Schulzinger R. D. The Impact of Suez on United States Middle East Policy, 1957–1958 // Retrospective and Reappraisal / ed. by S. Troen, M. Shemesh...*
- ⁸ Протокол 58 от 20 ноября 1956 г. // Архивы Кремля.
- ⁹ Протокол 61 от 29 ноября 1956 г.; Протокол 62 от 6 декабря 1956 г. // Там же.
- ¹⁰ Статистика КГБ, цит. по: *Applebaum A. Gulag: A History. New York: Doubleday, 2003. P. 579.*
- ¹¹ Хрущев, цит. по: *Ibid. P. 514.*
- ¹² Протокол 62 от 6 декабря 1956 г. // Архивы Кремля.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ На основе анализа рассказов бывших заключенных Эпплбаум приходит к выводу, что люди, симпатизировавшие венграм, начали появляться в системе ГУЛАГ в 1957 г., см.: *Applebaum A. Op. cit. P. 529.*
- ¹⁵ О критическом отношении Микояна к поведению Хрущева во время Суэцкого кризиса см.: Заседание Президиума от 14 октября 1964 г. [без номера протокола] // Архивы Кремля. Однако его критические высказывания о политике Хрущева во время Суэцкого кризиса, высказанные в октябре 1964 г., были мягкими в сравнении с замечаниями Александра Шелепина, сурово осудившего рискованную политику Хрущева во время этого кризиса. Общая критика поведения Хрущева в ходе кризиса представлена в документе, подготовленном главварями государственного переворота, успешно устранившего его в октябре 1964 г. Многие из активных участников этого переворота были в 1957 г. выдвинутыми Хрущевым, см.: «Президиум Центрального Комитета КПСС – к октябрьскому Пленуму ЦК Коммунистической партии Советского Союза», не позднее 14 октября 1964 г. (проект) // РГАНИ.
- ¹⁶ Протокол 68 от 11 января 1957 г. // Архивы Кремля. Возможно, будучи слишком восприимчивым к критике тех, кто порицал его за слишком усердную и рискованную помощь Египету, Хрущев спросил своих коллег, не спровоцирует ли предоставление этой помощи «[дальнейшее] предоставление помощи Египту». Однако, если не считать ворчания Молотова, все решительно высказались за поддержку этих поставок оружия.
- ¹⁷ Инструкция. Москва – в Дамаск. 27 марта 1957 г. // МИД.
- ¹⁸ Протокол 89 от 13 апреля 1957 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁹ Протокол 90 от 18 апреля 1957 г. // Там же.
- ²⁰ Протокол 89 от 13 апреля 1957 г. // Там же.
- ²¹ Там же. Протокол 91 от 23 апреля 1957 г. // Там же.
- ²² Государственный департамент США: *United States Participation in the United Nations: Report by the President to the Congress for the Year [1957]. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1958. P. 17.*

- ²³ Трое были не согласны с хрущевской реформой управления экономикой. Каганович их поддерживал; Молотов – нет. Маленков поддерживал с осторожностью и почти всегда сохранял нейтралитет, см.: Протокол 85 от 27 марта 1957 г. // Архивы Кремля.
- ²⁴ *McCauley M.* Khrushchev and Development of Soviet Agriculture: The Virgin Land Program, 1953–1964. London: Macmillan, 1976. P. 80.
- ²⁵ *Ibid.* P. 91.
- ²⁶ *Taubman W.* *Op. cit.* 305.
- ²⁷ Цит. по: Nikita Sergeevich Khrushchev, Major Speech Chronology // Joseph Alsop Collection. Box 46. Library of Congress. [Архив Джозефа Олсона. Библиотека Конгресса]. Этот документ нашелся среди материалов, подготовленных, судя по всему, правительством США и переданных Олсону перед его поездкой в Советский Союз в 1958 г.
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ Цит. по: *Taubman W.* *Op. cit.* 305.
- ³⁰ На заседании Президиума в феврале 1961 г. Хрущев пренебрежительно отозвался о реакции Молотова, Маленкова и Кагановича на его кампанию «догнать и перегнать Америку»: «Они испугались призыва догнать Америку. Но я был уверен, что [было] возможно быстро догнать Америку». Стенограмма от 16 февраля 1961 г. // Архивы Кремля.
- ³¹ Там же.
- ³² Протокол 88 от 6 апреля 1957 г. // Там же.
- ³³ В июне 1957 г. было 11 полноправных членов Президиума: Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, Кириченко, Маленков, Микоян, Молотов, Первухин, Сабуров и Суслов.
- ³⁴ *Taubman W.* *Op. cit.* P. 312.
- ³⁵ Первухин, Маленков, Молотов и Каганович – все они не были согласны с Хрущевым, см.: Протокол 98 от 15 июня 1957 г. // Архивы Кремля.
- ³⁶ *Taubman W.* *Op. cit.* 310–324; *Tompson W. J.* *Op. cit.* P. 179–184; см. также: *Ковалева Н.* Молотов, Маленков, Каганович, 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.
- ³⁷ Цит. по: *Tompson W. J.* *Op. cit.* P. 184. Томпсон написал очень содержательный обзор политики заговора 1957 г.
- ³⁸ *Dickson P.* Sputnik: The Shock of the Century. New York; Walker and Co., 2001. P. 94–95.
- ³⁹ Диксон пишет, что ЦРУ и министерство обороны соревновались между собой, кто дешифрует бипы первым // *Ibid.* P. 113.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 105–106.

- ⁴¹ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 259.
- ⁴² Ibid. P. 88–89.
- ⁴³ Цит. по: *Dickson P.* Op. cit. P. 11.
- ⁴⁴ Ibid. P. 24.
- ⁴⁵ Ibid. P. 117.
- ⁴⁶ *Perret G.* Eisenhower. New York: Random House, 1999. P. 557–561.
- ⁴⁷ *Dickson P.* Op. cit. P. 119.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ *Eisenhower J. S. D.* Stricly Personal. Garden City. New York: Doubleday, 1974. P. 199.
- ⁵⁰ Протокол 116 от 10 октября 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁵¹ Протокол 117 от 17 октября 1957 г. // Там же.
- ⁵² Протокол 106 от 6 августа 1957 г.; см. рассуждения Хрущева об этом разногласии как составной части обвинения против Жукова. Протокол 121 от 26 октября 1957 г. // Там же.
- ⁵³ Протокол 176 от 24 декабря 1955 г. // Там же. Во время спора о флоте Жуков утверждал: «Нам нужны плавучие базы».
- ⁵⁴ Протокол 103 от 26 июля 1957 г. // Там же.
- ⁵⁵ Протокол 117 от 17 октября 1957 г. // Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Протокол 118 от 19 октября 1957 г. // Там же.
- ⁵⁸ Протокол 120 от 25 октября 1957 г. // Там же.
- ⁵⁹ Протокол 121 от 26 октября 1957 г. // Там же.
- ⁶⁰ Протокол 117 от 17 октября 1957 г. // Там же.
- ⁶¹ *Stebbins R. P.* The United States in World Affairs, 1957. New York: Harper and Brothers, 1958. P. 138.
- ⁶² Протокол 122 от 2 ноября 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁶³ Детальная характеристика советских и американских предложений и встречных предложений содержится в: U. S. Department of State, Documents of Disarmament, 1945–1959. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1960. Vol. 2. Документы 213 и 215 и карты 1, 2.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Протокол 116 от 10 октября 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁶ Протокол 126 от 15 ноября 1957 г. // Ф. 3. Оп. 12. Д. 1008. Л. 30–30а.
- ⁶⁷ Интервью Александра Фурсенко, взятое им в сентябре 2005 г. у бывшего кремлевского охранника, работавшего тогда в этом здании.

Глава 7. Переворот в Ираке

- ¹ Имя Абд аль-Карима Касима транслитерируется по-разному. Существуют и такие его написания, как Кассим и Кассем. Мы выбрали транслитерацию, которую обычно предпочитают исследователи.
- ² Переговоры между СССР и Объединенной Арабской Республикой (ОАР). Протоколы. 30 апреля 1958 г., в 10:00 // МИД; см. также: Переговоры между СССР и ОАР. Протоколы. 14 мая 1958 г. // МИД.
- ³ Хрущев сообщил это египетскому правительству во время встречи с фельдмаршалом Амером в июне 1963 г.; см.: Меморандум беседы Хрущева и Амера 9 июня 1963 г. // АПРФ. 52–1-561.
- ⁴ В конце шестидесятых годов Хрущев вспоминал, что Кремль знал о контактах между Касимом и коммунистами и что ему говорили, что Касим считал себя коммунистом, см.: Khrushchev Remembers / transl., ed. by S. Talbott... P. 438. Сведения того времени фрагментарны, но они не противоречат более поздним воспоминаниям Хрущева, см. стенограмму ЦК от 4 августа 1958 г. и встречу Хрущева с Амером в июне 1963 г. В ней Хрущев обсуждает отношения между Касимом и коммунистами, но уверяет египтян, что об этом не знал. Справедливо предположить, что по этому вопросу Хрущев хотел ввести в заблуждение антикоммунистическое правительство Насера. Памятная запись беседы Хрущева и Амера, 9 июня 1963 г. // АПРФ. 52–1-561.
- ⁵ См.: Сирийское досье // МИД. 0128. 1958. 21/28/4.
- ⁶ Это было сказано Насеру 17 июля 1958 г., см.: *Heikal M. The Sphinx and the Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East.* New York: Harper and Row, 1978. P. 98.
- ⁷ Протокол 116 от 10 октября 1957 г. // Ф. 3. О. 12. Д.1008. Л. 8–11.
- ⁸ О Соединенных Штатах в этом кризисе см.: *Lesch D. W. Syria and United States: Eisenhower's Cold War In The Middle East.* Boulder, Colo.: Westview Press, 1992, passim. В мае 1958 г. Хрущев говорил с Насером о важности сдерживания в сирийском кризисе, см.: Памятная запись переговоров СССР и ОАР, 14 мая 1957 г. // МИД.
- ⁹ Протокол 126 от 15 ноября 1957 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁰ Хронология этого кризиса строится на том, что на первом заседании Президиума после Иракской революции единственная существенная внешнеполитическая дискуссия касалась разрешения китайской проблемы, см.: Протокол 163 от 15 июля 1958 г. // Там же.
- ¹¹ CIA, Special National Intelligence Estimate [ЦРУ, специальные национальные разведывательные сводки], 30–2-58. «Middle East Crisis» [«Ближневосточный кризис»], 22 июля 1958 // FRUS. 1958–1960. Vol. 12. P. 88.
- ¹² Памятная запись, Брайс Харлоу, 14 июля 1958 г., 14:35 // FRUS. 1959–1960. Vol. 11. Приложение, микроплёнка 278/2.

- ¹³ *Ashton N. J. Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism. 1955–1959. London: Macmillan, 1996. P. 165–181.*
- ¹⁴ Великолепный обзор политики Ливана до и во время кризиса 1958 г. см.: *Karabell Z. Op. cit. P. 136–172.*
- ¹⁵ *Ashton N. J. Op. cit. P. 113.*
- ¹⁶ Памятный разговор. Роберт Катлер. 14 июля 1958 г., 10:55–12:05 // FRUS. 1958–1960. Vol. 12. Приложение, микропленка 274. Саиб Салам был лидером мятежных сил в Бейруте. Во время встречи с сотрудником ЦРУ Майлзом Коуплендом 27 июля 1958 г. Насер признал, что, по его предположению, телефонные звонки Салама в Дамаск были записаны. Насер сказал, что теперь он пытается сдержать Салама, см.: Телеграмма, Каир – государственному секретарю, 28 июля 1958 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 12. Приложение, микропленка 545.
- ¹⁷ Государственный департамент, см.: Памятная записка «Ливан», 15 июня 1958 г.; цит. по: *Little D. His Finest Hour? Eisenhower, Lebanon, and the 1958 Middle East Crisis // Diplomatic History. Vol. 20. No. 1. Winter 1996. P. 41–42.*
- ¹⁸ Памятная записка, 14 июля 1958 г., 14:35 // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. P. 220.
- ¹⁹ Памятная записка. Роберт Катлер, 14 июля 1958 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. Приложение, микропленка 274.
- ²⁰ Памятная записка, 14 июля 1958 г., 10:30 // Там же. С. 211–215.
- ²¹ Как изначально предполагалось, в операции должны были участвовать две боевые армейские группы из Европы и три батальона морской пехоты, два штурмовых авианосца и группа других надводных судов, а также корпус тактических воздушных сил, ударные воздушные группы, которые были развернуты в турецком городе Адана. Одна из боевых групп позже была исключена из операции // *Situation Report on Lebanon (1) [Доклад о положении в Ливане], 16 июля 1958 г., Records of White House Staff Secretary Subject Series, Department of Defence subseries, Joint Chiefs of Staff [Стенограммы секретариата Белого дома. Министерство обороны. Объединенный комитет начальников штабов]. Vol 2 (I), Библиотека ДДЭ. Авторы благодарны архивисту библиотеки Эйзенхауэра Дэвиду Хейту, привлечшему внимание к этой серии.*
- ²² Эйзенхауэр обсуждал свое предположение о «толпообразных действиях» иракских революционеров в письме к Джорджу Хамфри от 22 июля 1958 г. Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Vol. 12. P. 331.
- ²³ Памятная записка, 17 июля 1958 г., 14:30 // *Ibid. P. 776–777.* Телефонный разговор Даллеса и Никсона, 15 июля 1958 г. Телефонные разговоры ДФД, микрофильм. University Publications of America [Университетские издания Америки].
- ²⁴ *Ibid.*

- ²⁵ Памятная запись беседы, 14 июля 1958 г., 10:50 // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. P. 213.
- ²⁶ Ibid. P. 226.
- ²⁷ Roger L. W. Harold Macmillan and the Middle East Crisis of 1958 // Elie Kedemie Memorial Lecture, Proceedings of the British Academy. Vol. 94. Oxford, U. K.: Oxford Univ. Press. P. 207–208. Авторы благодарны доктору Тейлору Фэйну, привлечшему наше внимание к этой важной статье.
- ²⁸ Ibid. P. 211.
- ²⁹ Macmillan H. Riding the Storm, 1956–1959. London: Macmillan, 1971. P. 523; цит. по: Fain T. W. The United States, Great Britain, and Iraq: Confronting Radical Arab Nationalism in the Persian Gulf Region, 1958–1959. Неопубликованная рукопись.
- ³⁰ Меморандум Совета национальных разведывательных сводок АУД. «Обзор Кувейта». 16 марта 1959 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 12. P. 784. Note 3.
- ³¹ Телефонный разговор. 14 июля 1958 г. 17:43 // Там же. Vol. 11. P. 232–233.
- ³² Отчет о телефонном разговоре Эйзенхауэра и Макмиллана. 14 июля 1958 г. 17:43 // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. Микрофиша. Приложение 284; Меморандум ДФД для отчета. 14 июля 1958 г. // Ibid. Микрофиша. Приложение 285.
- ³³ Heikal M. Op. cit. P. 98. Хайкал слышал, как Хрущев говорил это Насеру во время их встречи 17 июля.
- ³⁴ Text of Soviet Statement on Midest // Washington Post and Times Herald. July 17. 1958. В отношении заседания Президиума 16 июля 1968 г. (протокол 164) не было найдено никаких заявлений. Однако в своей дневниковой записи от 16 июля 1958 г. югославский посол Велько Мичунович описывает две встречи с Хрущевым, в которых советский руководитель обсуждал эти решения Президиума. Мичунович встречался с Хрущевым, чтобы планировать тайный визит Насера, см.: *Mičunović V. Moscow Diary / trans. by David Floyd. Garden City. N. Y.: Doubleday, 1980. P. 409–411.*
- ³⁵ В В. Кузнецов – в ЦК. 16 июля 1958 г. // АПРФ.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Отчеты о поездке Насера см.: Heikal M. Op. cit. P. 76–102; Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 438–439; Комментарии Хрущева маршалу Амеру в июне 1963 г. // АПРФ.
- ³⁸ *Mičunović V. Op. cit. P. 409–411.*
- ³⁹ См.: *Fursenko A., Naftali T. «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964. New York: Norton, 1997. P. 109–111.*
- ⁴⁰ «Holeman» [Хоулмэн]. Вох 347. General Correspondence [Общая корреспонденция]. Richard M. Nixon Pre-Presidential Papers [Документы Ричарда Никсона до президентства]. Vice President [далее – РМН]. NARA-LN.

- ⁴¹ Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 366–367.
- ⁴² Ричард Никсон – Фрэнку Хоулмэну, 12 ноября 1955. «Holeman» [Хоулмэн]. Box 347. General Correspondence [Общая корреспонденция]. РМН. NARA–LN. Они познакомились в 1948 г., когда Никсон просматривал газетные заголовки в поисках правды об Алжере Хиссе, вежливом бывшем штатном сотруднике государственного департамента, которого считали советским агентом, а Хоулмэн только начал свою карьеру. В 1952 г. «Дейли ньюс» командировала Хоулмэна в группу журналистов, сопровождавших Никсона в поездке по стране. В конце кампании он и будущий вице-президент завязали приятельские отношения и вскоре стали называть друг друга по именам. В 1956 г., когда национальный пресс-клуб пригласил Хэролда Стассена, человека, собиравшегося заменить Эйзенхауэра, когда бы он ушел в отставку, Хоулмэн счел себя обязанным послать сообщение сотрудникам Никсона, что он «просто хотел конфиденциально прояснить, что мы пригласили его лишь потому, что о нем пишут, и только поэтому!» Фрэнк Хоулмэн – РМН. 24 июля 1956 г. // Box 347. General Correspondence [Общая корреспонденция]. РМН. NARA–LN.
- ⁴³ Bulgarian Maneuvers with Russians Reported // Washington Post and Herald Tribune. July 18. 1958; Bulgarian Maneuvers with Russians Reported // Ibid. July 20. 1958.
- ⁴⁴ Heikal M. Op. cit. P. 98.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Caruthers O. Nasser, in Moscow, Cautions Khrushchev Imperiling Peace // New York Times. July 19, 1958.
- ⁴⁷ Памятная запись переговоров СССР и ОАР, 14 мая 1958 г. // АПРФ.
- ⁴⁸ Хрущев упоминал об этой яркой встрече в письме, которое он послал Насеру в апреле 1959 г., когда СССР, находясь в гуще борьбы между Египтом и Ираком, подвергался критике со стороны Насера за непредоставление необходимой военной помощи Каиру. НСХ – Насеру, 12 апреля 1959 г. // МИД. Ф. 087. 22/12/49. Л. 45–65.
- ⁴⁹ Выдержка из протокола 169 заседания Президиума от 26 июля 1958 г. // АПРФ. На этом заседании, где руководство обсуждало первый план отправки оружия в Багдад, Советы пересмотрели историю просьб Ирака о военных поставках.
- ⁵⁰ Протокол 170 от 18 июля 1958 г. // АПРФ; Касим – Хрущеву. 18 июля 1958 г. // АПРФ.
- ⁵¹ Baker R. Dulles Doubtful of Soviet Action // New York Times. July 19. 1958.
- ⁵² Председатель объединенного комитета начальников штабов Твайнинг попросил, чтобы для отправки подготовили и 101-ю воздушно-десантную дивизию. Эйзенхауэр отклонил эту просьбу, поскольку дефицит военноморского транспорта предполагал, что придется фрахтовать частные суда и это рассекретит перемещения и усилит международную напряженность,

- см.: Памятная запись беседы ДДЭ и Твайнига. 15 июля 1958 г., 11:25 // FRUS. 1955–1960. Vol. 11. P. 246. Твайниг рассчитывал, что погрузка десантной дивизии и ее оборудования займет 10 дней.
- ⁵³ Памятная запись беседы, 16 июля 1958 г. // Ibid. P. 75.
- ⁵⁴ Памятная запись беседы ДДЭ и Селвина Ллойда, 17 июля 1958 г. // Ibid. P. 321.
- ⁵⁵ Ibid; Памятная запись беседы АУД и Ллойда // Ibid. P. 319–320.
- ⁵⁶ FRUS. 1958–1960. Vol. 12. P. 93. Note 1.
- ⁵⁷ Памятная запись беседы, 17 июля 1958 г. // Ibid. P. 326.
- ⁵⁸ Виконт Худ – в министерство иностранных дел Соединенного Королевства. 15 июля 1958 г. // Prem. 11/2368 // National Archives – UK.
- ⁵⁹ Майкл Райт – в министерство иностранных дел Соединенного Королевства. 24 ноября 1958 г., из Багдада // Prem. 11/2368 // National Archives – UK.
- ⁶⁰ Proclamation by Brigadier Kassem, prime minister of Iraq, on oil policy [Заявление бригадного генерала Касима, премьер-министра Ирака, о нефтяной политике]. Багдад, 18 июля 1958 г. // Documents on International Affairs, 1958 / ed. by G. King. London: Oxford Univ. Press, 1962. P. 300.
- ⁶¹ Д. Боукер – в министерство иностранных дел Соединенного Королевства. 17 июля 1958 г. // National Archives – UK. 71/134199.
- ⁶² Макмиллан и Ллойд. 18 июля 1958 г. // National Archives – UK, 1/2408; цит. по: *Ashton N.J.* Op. cit. P. 178.
- ⁶³ Даллес сказал Ллойд, что, по его мнению, сдержанность выражений, характерная для Ирака, была «показной, чтобы обмануть Запад», см.: Памятная запись беседы Даллеса и Ллойда, 19 июля 1958 г., 18:00 // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. P. 342.
- ⁶⁴ О гарантиях ОАР в отношении территории Ираку президенту Эйзенхауэру сообщили 18 июля 1958 г. Нота Эндрю Гудпастера. Июль 1958 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. Микрофильм 446.
- ⁶⁵ Альфан – в Париж, 18 июля 1958 г. // DDF, 1958. Vol. 2. Документ номер 56. Ministère des Affaires Étrangères, Commission de Publication des Documents Français [Министерство иностранных дел, комитет издания французских документов]. Paris: Imprimerie Nationale, 1993. P. 110. Note 2. Содержание упомянутой телеграммы суммировано в примечании.
- ⁶⁶ 20 июля Даллес сообщил, что президентом, по согласованию с британцами, было решено «не поддерживать военных действий, чтобы отвоевать Ирак», см.: Памятная запись беседы с ДДЭ, 20 июля 1958 г., 15:45 // FRUS. 1958–1960. Vol. 12. P. 83.
- ⁶⁷ Телеграмма государственного секретаря в посольство в Лондоне, 18 июля 1958 г. 20:30 // Ibid. Vol. 11. P. 325; Памятная записка Ллойда Даллесу, 19 июля 1958 г., 18:00 // Ibid. Альфан – в Париж, 19 июля 1958 г.; DDF, 1958. Vol. 2. Документ 56.

- ⁶⁸ Памятная запись, 20 июля 1958 г., 15:45 // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. P. 349.
- ⁶⁹ Генеральный консул Соединенного королевства (в Стамбуле) – министерству иностранных дел Соединенного королевства, 17 июля 1958 г. // Prem. 11/2368 // National Archives – UK.
- ⁷⁰ Альфан – в Париж, 19 июля 1958 г. // DDF, 1958. Vol. 2. Документ 56. На заседании Президиума от 19 июля Михаил Сулов прямо упомянул о разногласиях Парижа с Лондоном и Вашингтоном относительно разрешения кризиса на Ближнем Востоке. Стенограмма от 19 июля 1958 г. // Архивы Кремля.
- ⁷¹ Британцы сделали вывод, что вмешательство Турции «может вынудить новое правительство Ирака призвать русских к вмешательству. Это изменило бы всю военную ситуацию на Ближнем Востоке, что было бы для нас крайне невыгодно». Министерство иностранных дел Соединенного королевства – государственному департаменту США. 18 июля 1958 г. // Prem. 11/2368 // National Archives – UK.
- ⁷² Интервью с Брауном см.: *New York Journal-American*. July 16. 1958; цит. по: *Красная звезда*. 1958. 17 июля.
- ⁷³ Стенограмма от 19 июля 1958 г. // Архивы Кремля.
- ⁷⁴ В письме к Насеру Хрущев на основании своих выводов объяснил, что его очень озаботило вмешательство Пакистана, Ирана или Турции в Ирак. НСХ – Насеру, 12 апреля 1959 г. // МИД.
- ⁷⁵ Стенограмма от 19 июля 1958 г. // Архивы Кремля.
- ⁷⁶ *Lacqueur W. Stalin: The Glasnost Revelations*. New York: Scribner's, 1990; Appendix 3. «Voroshilov». [Приложение 3, «Ворошилов»]. *Khrushchev Remembers: The Last Testament* / transl., ed. by S. Talbott... P. 554–555.
- ⁷⁷ Именно старый маршал предвозвестил завершение карьеры Жукова в Кремле, когда на виду у всех коллег назвал его «не вполне партийным человеком». Протокол 121 от 26 октября 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁷⁸ Протокол 157 от 7 июня 1958 г. // Там же.
- ⁷⁹ Стенограмма от 19 июля 1958 г. // Там же.
- ⁸⁰ Text of Khrushchev Message on Summit Parley // *New York Times*. July 20, 1958.
- ⁸¹ FRUS. 1958–1960. Vol. 11. P. 56. Note 5.
- ⁸² Объединенный комитет начальников штабов, оперативная сводка от 22 июля 1958 г. // Records of White House Staff Secretary, subject series, Department of Defense subseries, Joint Chiefs of Staff [Стенограммы секретариата Белого дома. Министерство обороны. Объединенный комитет начальников штабов]. Vol. 2 (1). Библиотека ДДЭ.
- ⁸³ Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Vol. 11. P. 372.
- ⁸⁴ Соколовский и Скачков – в ЦК, 25 июля 1958 г. // АПРФ.

- ⁸⁵ Протокол 169 от 26 июля 1958 г. // Там же.
- ⁸⁶ Герасимов (Каир) – в ЦК, 28 июля 1958 г. // Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Герасимов (Каир) – в ЦК, 11 августа 1958 г. // Там же.
- ⁸⁹ Протокол 169 от 26 июля 1958 г. // Там же.
- ⁹⁰ См.: Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 472, 19–34; Запись беседы Хрущева и Мао от 31 июля 1958 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ⁹¹ Протокол 163 от 15 июля 1958 г. // Архивы Кремля.
- ⁹² См. реплики Хрущева на встрече с Мао, состоявшейся 31 июля, и его воспоминания: Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 19–34. Обсуждение отставки адмирала Кузнецова см. в гл. 3 «Оружие для Египта».
- ⁹³ *Пихоя Р.* Советский Союз. История власти. 1945–1991. М.: Изд-во РАН, 1991. С. 203–208.
- ⁹⁴ См.: Памятная запись разговора НСХ и Насера, 14 мая 1958 г. // АПРФ. 51/1/561.
- ⁹⁵ 15 июля Президиум решил поручить Микояну составить текст письма (см.: Протокол 163 от 15 июля 1958 г. // Архивы Кремля), но этому помешал Хрущев, см. рассуждение Хрущева об этом решении послать собственное частное письмо: Памятная запись беседы НСХ и Мао, 31 июля 1958 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ⁹⁶ См.: Переписка НСХ и Мао. // Там же.
- ⁹⁷ См.: *Chen J.* Mao's China and the Cold War. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2001. P. 163–205.
- ⁹⁸ Протокол 168 от 24 июля 1958 г. // Архивы Кремля.
- ⁹⁹ О своем решении поехать в Пекин в разгар Ближневосточного кризиса Хрущев рассказал 3 августа, во время встречи с Мао, см.: Памятная запись переговоров, 3 августа 1958 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ¹⁰⁰ Редакционное примечание // FRUS. 1959–1960. Vol. 11. P. 406–407.
- ¹⁰¹ Меморандум от 28 июля 1958 г. Павел Юдин, референтура по Китаю // МИД, 0100, 51/432/6. 1958 г.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Советская памятная запись беседы Мао и Хрущева, 31 июля 1958 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ¹⁰⁴ Peiping Hits U. S. // Washington Post and Times Herald. July 17, 1958.
- ¹⁰⁵ *Ashton N. J.* Op. cit.

- ¹⁰⁶ Памятная запись переговоров НСХ и Мао, 3 августа 1958 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ¹⁰⁷ Стенограмма от 4 августа 1958 г. // Архивы Кремля [по второму вопросу].
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. На заседании Совета безопасности представитель Китая сидел рядом с представителем СССР.
- ¹¹⁰ Хрущев полагал, что пора закончить военные учения и в пограничном юго-восточном регионе СССР, и в Болгарии. Он дал указание передать по радио сообщение об окончании учений, уточнив, что ответственный за проведение этих учений, маршал Андрей Гречко, возвратился в Москву для отчета. Одновременно болгарам сообщили, что они могут прекратить свои учения.
- ¹¹¹ Зайцев – в ЦК, 24 августа 1958 г. // АПРФ.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Это произошло несколькими днями раньше, 31 июля 1958 г.
- ¹¹⁴ «Tough Line» May Gain // New York Times. August 7. 1958.

Глава 8. «Кость в моем горле»

- ¹ Хрущев подчеркнул это на заседании Президиума от 4 августа 1958 г., см.: Стенограмма от 4 августа 1958 г. // Архивы Кремля.
- ² Памятная запись переговоров НСХ и Насера, май 1958 г. // АПРФ.
- ³ Памятная запись переговоров Андрея Громыко и посла Тарази, 21 октября 1958 г. // МИД. 087. Тарази сопровождал Амера во время его визита в СССР.
- ⁴ Над этим вопросом работали многие прекрасные историки. Однако самым вдумчивым из них остается Марк Трахтенберг, проанализировавший этот кризис сначала в своей статье «The Berlin Crisis» [«Берлинский кризис»] в: *History and Strategy*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1991, – а затем в своей основательной книге: *Trachtenberg M. A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945–1963*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1999. Мы обнаружили, что, хотя Трахтенберг и не располагал для работы материалами из СССР, он догадался, что Хрущев был обеспокоен усилением армии Западной Германии и особенно стремлением Аденауэра получить ядерное оружие. Хотя эта обеспокоенность и не была главной причиной советской политики ультиматумов 1958 г., она в значительной степени ей содействовала.
- ⁵ *Williams Ch. Adenauer: The Father of the New Germany*. New York: Wiley, 2000. P. 23–24. Уильямс отмечает, что первое упоминание об этой истории содержится в авторизованной биографии Аденауэра, написанной Паулем Веймаром и опубликованной в 1955 г.

- ⁶ *Critchfield J. Partners at the Creation. Annapolis, Maryland: Naval Institute Press, 2003. P. 131–150.*
- ⁷ Председатель СДПГ Эрих Олленхауэр не придерживался нейтральной позиции, но возражал против того, чтобы войска НАТО в Германии обладали ядерным оружием, и призывал к более слаженным переговорам с Москвой. Чтобы смягчить нападки СДПГ на внешнюю политику Западной Германии, Аденауэр подчеркивал, что его правительство поддерживает предстоящие переговоры в ООН о всеобщем разоружении.
- ⁸ Памятная запись переговоров, 1 мая 1957 г. Делегация США на встрече министров Североатлантического совета // Conference Files 1949–1963. Entry 3051B, CF 878. RG 59. NARA–II. Авторы книги благодарны Лоре Моренчек, обнаружившей этот документ.
- ⁹ Памятная запись о визите Аденауэра, 26 мая 1957 г. // *Idid.* CF 888. RG 59. NARA–II. В СССР верили в эти заверения, что явствует из стенограмм встреч Микояна с Аденауэром в апреле 1958 г., см.: МИД. 0757. ФРГ 1958. 3/17/3. Л. 30–51.
- ¹⁰ *Schwarch H. P. Adenauer: Der Staatsmann: 1952–1967. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1991.* Шварц, официальный биограф Аденауэра, характеризует это время как апогей его власти.
- ¹¹ Телеграмма Брюса государственному секретарю от 24 марта 1958 г. // 662a.00/3–2458. RG 59. NARA–II.
- ¹² Таким было общее мнение Кремля и советского министерства иностранных дел, см.: «Результаты визита Микояна в Бонн», май 1958 г.; «Доклад об отношениях между СССР и ФРГ», август 1958 г. // МИД.
- ¹³ Протокол 146 от 29 марта 1958 г; Протокол 147 от 31 марта 1958 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁴ Памятная запись переговоров Микояна и Аденауэра, 26 апреля 1958 г. // МИД. 0757, ФРГ 1958, 3/7/3; советское посольство в Бонне, «Результаты визита Микояна в ФРГ», 13 мая 1958 г. // МИД. 0757, ФРГ 1958, 3/18/16.
- ¹⁵ В ноябре 1958 года Хрущев дал понять, что догадывается о признании Соединенными Штатами ядерных сил Западной Германии. См.: Протокол 190 от 6 ноября 1958 г. // Архивы Кремля. Марк Трахтенберг пишет, что политика США, направленная на совместное обладание ядерным оружием с его союзниками, включая Западную Германию, была в тот период действительно «чрезвычайно либеральной». Однако, судя по всему, администрация Эйзенхауэра или откладывала рассмотрение просьбы о предоставлении тактического ядерного оружия, с которой Аденауэр обратился в мае 1957 г., или находила какую-то особую причину ее не одобрять. В 1960 г. администрация избрала другую политику, предпочитая создание объединенных европейских ядерных сил созданию отдельных ядерных арсеналов ее союзниками. *Trachtenberg M.* Op. cit. P. 204–215.
- ¹⁶ ЦРУ, сообщения по Берлину от 27 декабря 1961 г. // NSF. Киссинджер. Д. 462 // JFK Library.

- ¹⁷ *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1996. P. 196.
- ¹⁸ *Harrison H.* Ulbricht and the Concrete «Rose»: New Archival Evidence on the Dynamics of Soviet-East German Relations and the Berlin Crisis // Cold War International History Project [далее – CWIHP]. Working Paper No. 5. P. 8–21.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Громыко – в ЦК, 3 ноября 1958 г. // АПРФ. 3–64–718. Л. 185.
- ²¹ Там же.
- ²² Протокол 188 от 23 октября 1958 г. // Архивы Кремля.
- ²³ Протокол 190 от 6 ноября 1958 г. // Там же.
- ²⁴ Авторы благодарны немецкому историку Маттиасу Улю за его советы и помощь. Доктор Уль и Владимир Ивкин разыскали документы в Москве и Кобленце, свидетельствующие о советском плане развертывания в 1955 г. баллистических ракет средней дальности и о долговременном развертывании в 1958 г. советских ядерных сил в Восточной Германии, см.: *Uhl M., Ivkin V. I.* «Operation Atom»: The Soviet Union's Stationing of Nuclear Missiles in the German Democratic Republic, 1959 // CWIHP Bulletin. Issue 12/13. Winter–Spring. 2001. P. 299–307. Записи Малина подтверждают, что во время Суэцкого кризиса в 1956 г. ракеты «Р-5м» не были развернуты, но в них нет упоминаний о решении размещать их в Восточной Германии в 1958 г.
- ²⁵ *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 128.
- ²⁶ *Frankel M.* Consumer Wooded at Moscow Fete // New York Times. November 7. 1958.
- ²⁷ Это событие реконструировано на основании составленных Малинным стенограмм заседания и более поздних воспоминаний Микояна, см.: Протокол 190 от 6 ноября 1958 г. // Архивы Кремля.
- ²⁸ О страхе Громыко перед Хрущевым сообщал Андрей Александров-Агентов, бывший помощник Громыко; цит. по: *Taubman W.* Op. cit. P. 398.
- ²⁹ *Wheeler-Bennett J. W., Nichols A.* The Semblance of Peace: The Political Settlement after the Second World War. New York: St. Martin's, 1972. P. 278–279.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ *König J.* «Comments on the Preparation of the Steps of the Soviet Government Concerning a Change in the Status of West Berlin», 4 декабря 1958 г. // Архивы министерства иностранных дел ГДР. Перевод Х. Харрисона см.: CWIHP Bulletin. Vol. 4. P. 36–38.
- ³² Цит. по: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 107.
- ³³ CWIHP Bulletin. «Стенограммы бесед между делегацией ПНР [Польской народной республики] и правительством СССР. 25 октября – 10 ноября

1958 г.; *Selvage D. Khrushchev's November 1958 Berlin Ultimatum: New Evidence from Polish Archives; Introduction, Translation and Annotation by Douglas Selvage*. URL: www.wilsoncenter.org (дата обращения – 20 февраля 2006 г.). Доктор Селвидж провел основательные изыскания в польских источниках, собирая материалы для своей неопубликованной докторской диссертации «Poland, the German Democratic Republic and the German Question. 1955–1967» [«Польша, Германская Демократическая Республика и германский вопрос, 1955–1967 годы»]. (Йельский университет, декабрь 1998 г.).

³⁴ Ibid.

³⁵ Выступление Хрущева 10 ноября 1958 г. // U. S. Department of State, Documents on Germany, 1944–1985. Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1985. P. 542–546.

³⁶ Рейли – в Лондон, 11 ноября 1958 г. // Prem. 11/2715 // National Archives – UK.

³⁷ FRUS. 1958–1960. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1993. Vol. 8. P. 69. Note 1.

³⁸ Телефонный разговор Даллеса и Макелроя от 17 ноября 1958 г. // Ibid. P. 81. Телефонный разговор Даллеса и Макелроя от 18 ноября 1958 г. // Ibid. P. 85. 16 ноября Норстед официально попросил разрешения послать на автобан колонну военных машин.

³⁹ Разговаривая по телефону с Эйзенхауэром, Даллес назвал эти взгляды «крайними». Телефонный разговор от 18 ноября 1958 г. // Ibid. P. 84–85.

⁴⁰ В своих воспоминаниях Микоян пишет, что Хрущев произнес речь от 10 ноября, предварительно не посоветовавшись с Президиумом. На самом деле обсуждение происходило и Микоян на нем присутствовал. Однако Микоян сделал оговорку, что советский руководитель выступил с речью, не получив никаких указаний от Президиума. См.: *Микоян А.* Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 604–605.

⁴¹ Soviet to Submit Plan // New York Times. November 15. 1958.

⁴² Они принимали меры предосторожности, чтобы не говорить об этом там, где их могли подслушать. Но однажды, оказавшись среди родных Хрущева, Серов проговорился, и присутствовавшие на всю жизнь это запомнили. Это произошло за обедом, на даче Хрущева, в его отсутствие. Серова разговорил зять Хрущева, главный редактор газеты «Правда» Алексей Аджубей. Аджубей интересовали недавно поступившие от поляков запросы относительно того, что на самом деле произошло в Катинском лесу. Для дочери Хрущева Рады, жены Аджубея, и его сына Сергея эта история была плодом пропаганды «холодной войны» – историей, сфабрикованной для того, чтобы возложить на Москву вину за то, что сделали приспешники Гитлера. Ответ Серова был столь же неожиданным, сколь и обескураживающим. Он извинялся за то, что белорусские чекисты, сотрудники секретных служб, оказались такими неумелыми: «Они не могли справиться с таким пустяковым делом». Потом Сергей Хрущев вспоминал, как Серов

проболтался: «На Украине, когда я там был, таких дел было гораздо больше. Но об этом ничего не говорили, никто ничего не узнал». Сколько убили Серов? Сколько велел Серову убить Хрущев? Дети Хрущева никогда не спрашивали об этом своего отца. Им было слишком страшно. *Khrushchev S.* Op. cit. P. 165–166.

⁴³ См.: Протокол 188 от 23 октября 1958 г. // Архивы Кремля.

⁴⁴ Записи Джеймса Рестона от 19 ноября 1958 г. // A. W. Dulles File.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Брукс Ричардс – Филипу де Сулуэта, 19 ноября 1958 г. // Prem. 11/2715 // National Archives – UK.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Протокол 191 от 20 ноября 1958 г. // National Archives – UK.

⁴⁹ *Микоян А.* Указ. соч. С. 605.

⁵⁰ Предложение Громыко побеседовать с западногерманским послом зафиксировано в меморандуме Центральному Комитету от 20 ноября. Похоже, оно было подготовлено не для обсуждения на заседании Президиума, намеченном на тот же день. В стенограммах Малина за тот день оно не упоминается. Президиум одобрил это предложение 21 ноября и присвоил ему номер следующего протокола, см. выдержку из: Протокол 192 от 21 ноября 1958 г. // АПРФ. 3–64–718. С. 212, – или ссылки на решение Президиума 192/2 от 21 ноября 1958 г. В собрании инициатив Бишоффа. МИД, 0757, ФРГ 1958, 3/18/14 и 065 // МИД. Третий Европейский отдел. 1958, 42/224/3.

⁵¹ О предыстории этой инициативы см.: Записка о Бишоффе от 20 ноября 1958 г. // МИД.0757. ФРГ 1958. 3/18/14; Громыко – в ЦК, 20 ноября 1958 г. / АПРФ. 3–64–718. Л. 197.

⁵² Громыко – в ЦК, 20 ноября 1958 г. // АПРФ. 3–64–718. Л. 185.

⁵³ *Kroll H.* Lebenserinnerungen eines Botschafters. Cologne: Liepenheuer U. Witsch, 1967. P. 15–17.

⁵⁴ Ibid. P. 19.

⁵⁵ Выписка из: Протокол 192 от 21 ноября 1958 г. // АПРФ. 3–64–718. С. 212.

⁵⁶ Памятная запись переговоров Громыко и Бишоффа, 22 ноября 1958 г. // МИД. 065. Третий Европейский отдел. 1958. 42/244/3.

⁵⁷ Памятная запись переговоров Громыко и Бишоффа, 24 ноября 1958 г. // Там же. 1958. 065. 42/224/3. Именно так Бишофф рассказал о своей встрече с Громыко. Копии этого меморандума раздали членам Президиума 27 ноября. Его экземпляр см.: АПРФ. 3–64–719. С. 3.

⁵⁸ *Александров-Агентов А.* От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 71, 103; *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 109.

- ⁵⁹ Проект ноты министерства иностранных дел, содержащей предложение о вольном городе, датирован 22 ноября, см.: Громыко – в ЦК, 22 ноября 1958 г. // АПРФ. 3–64–719. С. 65–79. Выступление Хрущева могло состояться 21 или 22 ноября.
- ⁶⁰ *Uhl M., Ivkin V. I.* Op. cit.
- ⁶¹ *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 129.
- ⁶² Протокол 73 от 6 февраля 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁶³ Выписка из: Протокол 192 от 24 ноября 1958 г. // АПРФ. 3–64–719. Л. 5.
- ⁶⁴ *Микоян А.* Указ. соч. С. 605.
- ⁶⁵ Телефонный разговор ДДЭ и ДФД от 24 ноября 1958 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 8. P. 119.
- ⁶⁶ Британская позиция в сжатом виде представлена в телеграмме государственного департамента в Бонн от 17 ноября 1958 г. // Ibid. P. 82–83. Комментарии Селвина Ллойда содержатся в телеграмме из Лондона в государственный департамент от 19 ноября 1958 г. // Ibid. P. 86–88.
- ⁶⁷ Редакционное примечание // Ibid.; Телефонный разговор ДФД и ДДЭ от 30 ноября 1958 г. // Ibid. P. 142–143.
- ⁶⁸ Посольство в Бонне – в государственный департамент, 28 ноября 1958 г. // Ibid. P. 136–137.
- ⁶⁹ Это сообщение передано в СССР Бишоффом, который встретился с Кроллем после возвращения из Бонна и после того, как была обнародована новая нота, см.: Памятная запись переговоров Громыко и Бишоффа, 3 декабря 1958 г. // МИД. Третий Европейский отдел. 065. 1958. 42/224/3.
- ⁷⁰ Историю этого последнего акта в драме Серова можно реконструировать по воспоминаниям Микояна: *Микоян А.* Указ. соч. С. 607–608 – и записям Малина на заседании Президиума от 3 декабря: Протокол 194 от 3 декабря 1958 г. «О Серове». // Архивы Кремля.
- ⁷¹ Посольство в Москве – в государственный департамент, 3 декабря 1958 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 8. P. 148–152.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ *Uhl M., Ivkin V. I.* Op. cit.; *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 128.
- ⁷⁴ Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. Part I. P. 207. Советская нота датирована 16 ноября 1958 г.
- ⁷⁵ 18 декабря 1958 г. Папка «Holeman». General Correspondence [Хоулмэн. Общая корреспонденция]. РМН. Вох 347. NARA–LN.

Глава 9. Хрущев в Америке

- ¹ Микоян мог что-то знать о консервных заводах, но открытие им мороженого оказало глубокое влияние на советскую жизнь. Попробовав первый вафельный рожок с мороженым, Микоян получил лицензию на исполь-

зование американского оборудования для производства мороженого. Все следующие 30 лет, вплоть до краха Советского Союза, стандартное мороженое советского образца, воспроизводило то, которое Микоян попробовал в Соединенных Штатах.

² *Eisenhower D. D.* The White House Years... P. 340.

³ *Eisenhower J. S. D.* Strictly Personal. Garden City... P. 218.

⁴ Ibid.

⁵ Примечание к протоколу 203 от 24 января 1959 г. // Архивы Кремля.

⁶ *Taubman W.* Op. cit. P. 409.

⁷ В своей прекрасной биографии Никиты Хрущева Таубман, исходя из воспоминаний Сергея Хрущева, приходит к выводу, что советский руководитель был разочарован визитом Микояна (см.: Ibid. P. 409–410). На самом деле все было как раз наоборот, что и объясняет действия Хрущева на протяжении этого года.

⁸ Примечание к протоколу 203 от 24 января 1959 г. // Архивы Кремля. Микоян вернулся 21 января.

⁹ См. всю первую полосу газеты «Нью-Йорк таймс» от 25 января 1959 г., посвященную пресс-конференции. На своей пресс-конференции Микоян сказал, что «главное – не установить крайний срок, но вести переговоры».

¹⁰ Примечание к протоколу 204 от 11 февраля 1959 г. // Архивы Кремля.

¹¹ Советский проект мирного договора с Германией, 10 января 1959 г. // U. S. Department of State. Documents on Germany. 1944–1985. Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1985. P. 594–607.

¹² Памятная запись беседы, 1 августа 1956 г. // FRUS. 1955–1957. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1992. Vol. 16. P. 108.

¹³ Государственный секретарь – в государственный департамент, 5 февраля 1959 г. // FRUS. 1958–1960. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1993. Vol. 8. P. 321–322.

¹⁴ Послание из Соединенных Штатов в Советский Союз с предложением провести встречу министров иностранных дел по Германии, 16 февраля 1959 г. // U. S. Department of State, Documents on Germany, 1944–1985. P. 607–608. Для объяснения советской политики ЦРУ и государственный департамент исходили из того, что Хрущев – заложник «ястребов» советской иерархии, а берлинский вопрос является советским планом подрыва единства НАТО. При таких условиях переговоры были фактически невозможны. Можно было надеяться лишь на то, что советских представителей удастся отговорить от их требования этих радикальных изменений статус-кво в Германии. Именно такая попытка и была предпринята в этом послании.

¹⁵ Это ясно из реплик Микояна на заседании Президиума от 21 февраля 1959 г., см.: Протокол 206 от 21 февраля 1959 г. // Архивы Кремля.

- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Протокол 206 от 21 февраля 1959 г. // Там же.
- ¹⁹ Сэр Патрик Рейли – Макмиллану, 25 августа 1958 г. // Prem. 11/5115 // National Archives – UK. Доказательством того, что Макмиллан согласился с этим мнением, является замечание его помощника Филипа де Сулуэта Дональду Теббиту в министерстве иностранных дел Соединенного королевства, сентябрь 1958 г., см. также: Prem. 11/5115 // National Archives – UK.
- ²⁰ *Horne A.* Macmillan, 1957–1986. London: Macmillan, 1989. P. 122.
- ²¹ *Ibid.* P. 125.
- ²² Патрик Дин (Москва) – Хойер Миллар (Лондон), 26 февраля 1959 г. // Prem. 11/2715 // National Archives – UK.
- ²³ *Horne A.* Op. cit. P. 126.
- ²⁴ Протокол 219 от 24 мая 1959 г. // Архивы Кремля. 23 мая некто Гришин послал телеграмму из Женевы, требуя инструкций для общения с неким Либихом. Гришин не числился среди ключевых сотрудников министерства иностранных дел, сопровождавших Громыко, а личность Либиха не установлена. Однако из обсуждений в Кремле явствует, что Либих, который был, возможно, европейским дипломатом или журналистом, находился в контакте с американцами, действуя в интересах советской разведки.
- ²⁵ Протокол 219 от 24 мая 1959 г. // Там же. Одновременно Советы приняли решение послать в Соединенные Штаты члена Президиума Козлова на открытие в Нью-Йорке, в конце июня, советской выставки науки, технологии и культуры.
- ²⁶ *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 122.
- ²⁷ Протокол о гарантиях статуса вольного города Западного Берлина. Не датирован, но представлен на рассмотрение совещания советской делегацией 30 мая 1959 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 13. P. 810–811.
- ²⁸ Гертер – в государственный департамент, 9 июня 1959 г. // *Ibid.* Vol. 8. P. 865–867.
- ²⁹ ДДЭ – НСХ, 15 июня 1959 г. // *Ibid.* P. 901–903.
- ³⁰ НСХ – ДДЭ, 17 июня 1959 г. // *Ibid.* P. 913–917.
- ³¹ Хрущев, цит. по.: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 127.
- ³² *Ibid.* P. 122.
- ³³ Телефонный разговор Гертера и ДДЭ 8 июля 1959 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. P. 308–309.
- ³⁴ *Eisenhower D. D.* The White House Years... P. 405.
- ³⁵ *Ibid.*

- ³⁶ *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* [CIA History Staff]. The CIA and the U-2 Program, 1954–1972. Washington, D. C.: Center for the Study of Intelligence, CIA, 1998. P. 144, 162–163.
- ³⁷ Ibid. P. 122.
- ³⁸ Цит. по: *Eisenhower D. D.* Op. cit. P. 46.
- ³⁹ Как только стало очевидно, что Хрущев приедет в Соединенные Штаты, Эйзенхауэр снова временно прекратил полеты самолетов «U-2» над территорией СССР. Однако, озабоченный состоянием программы создания советских ракет, он разрешил ЦРУ организовать 14 полетов самолетов-разведчиков вдоль советской границы для сбора данных электронной разведки. Они зафиксировали тепловое излучение советских ракет во время их тестирования, см.: *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 163.
- ⁴⁰ Памятная запись беседы, 8 июля 1959 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. P. 306–307.
- ⁴¹ См.: FRUS. 1958–1960. Vol. 10. P. 307–319.
- ⁴² Получив приглашение через Козлова 13 июля, накануне своей поездки в Польшу, Хрущев дал официальное согласие через неделю. НСХ – ДДЭ, 21 июля 1959 г. // Ibid. P. 324–325.
- ⁴³ *Foster H. S.* «American Opinion on Khrushchev's Visit», 8 октября 1959 г. // RG 59. Office of Soviet Union Affairs. Subject Files. 1957–1963. Box 4. NARA-II.
- ⁴⁴ *Khrushchev Remembers: The Last Testament* // transl., ed. by S. Talbott... P. 372.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Любопытная история о семье Хрущева и об их хлипком «борте номер один» рассказана Сергеем Хрущевым, см.: *Khrushchev S.* Op. cit. P. 328–330.
- ⁴⁷ Цит. по: *Hitchcock W.* Op. cit. P. 184–192.
- ⁴⁸ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 324.
- ⁴⁹ Воспоминания этого охранника находятся в библиотеке президента Никсона, в его родном городе Йорба-Линда (Калифорния). Авторы благодарны Ирвину Геллману, указавшему им на этот документ.
- ⁵⁰ *Khrushchev Remembers: The Last Testament* // transl., ed. by S. Talbott... P. 376.
- ⁵¹ Mrs. Llewellyn D. Thompson [memorandum] // RG 59. Office of Soviet Union Affairs, Subject Files, 1957–1963, Box 4, NARA-II.
- ⁵² *Khrushchev Pays Lincoln Homage* // New York Times. September 17, 1959.
- ⁵³ Памятная запись переговоров, 15 сентября 1959 г. «USSR–Vienna Meeting, Background Documents, 1953–1961 (c), Reading Material», // Box 126. JFK Library.
- ⁵⁴ *Lodge H. C.* Train Trip from Los Angeles to San Francisco/ September 21, 1959 // RG 59. Office of Soviet Union Affairs. Subject Files. 1957–1963. Box 4. NARA-II. Аналогично о своей реакции на Виктора Картера вспомнил и

- Хрущев, см.: Khrushchev Remembers: The Last Testament // transl., ed. by S. Talbott... P. 385.
- ⁵⁵ Hollywood Greets Premier in Star-Studded Welcome // Los Angeles Times. September 20, 1959.
- ⁵⁶ Накануне «Парижское кафе» было обследовано счетчиком Гейгера. Проводивший обследование полицейский из Лос-Анджелеса объяснял: «Мы просто проверяли “горячие точки”. Не то, чтобы мы боялись взрыва. Просто мы предпринимали меры предосторожности против излучения какой-либо вредной радиации, которая могла бы повредить пище или напиткам Хрущева». Film Studio Checked for Any Radiation // Los Angeles Times, September 20, 1959.
- ⁵⁷ Mme. K. Talks Children with Sinatra at Lunch // Los Angeles Times. September 20, 1959.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Lodge H. C. The Storm Has Many Eyes: A Personal Narrative. New York: Norton, 1973. P. 166–167.
- ⁶⁰ Khrushchev Remembers: The Last Testament // transl., ed. by S. Talbott... P. 389.
- ⁶¹ Lodge H. C. Op. cit. P. 168.
- ⁶² «The Scatology and Ribaldry of N. S. Khrushchev». December 1959 // RG 59. Office of Soviet Union Affairs. Subject Files. 1957–1963. Box 5. NARA–II.
- ⁶³ Интервью Нафтали (в марте 2001 г.) с Сандером Ванокуром – журналистом, участвовавшим в поездке.
- ⁶⁴ Khrushchev Remembers: The Last Testament // transl., ed. by S. Talbott... P. 390.
- ⁶⁵ Росуэлл Гарст – НСХ, 9 сентября 1959 г. // Letters from an American Farmer: The Eastern European and Russian Correspondence of Roswell Garst / ed. by R. Lowitt, H. Lee. De Kalb: Northern Illinois Univ. Press, 1987. P. 148–151.
- ⁶⁶ Ibid. P. XII.
- ⁶⁷ Lee H. Roswell Garst: A Biography. Ames: Iowa State University Press, 1984. P. 153–215, passim.
- ⁶⁸ Цит. по: Letters from an American Farmer... P. XIII.
- ⁶⁹ Lee H. Op. cit.
- ⁷⁰ Стенограмма от 16 декабря 1960 г.; Стенограмма от 16 февраля 1961 г.; Стенограмма от 25 апреля 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁷¹ Lee H. Op. cit. P. 219.
- ⁷² Стенограмма от 16 декабря 1960 г. // Архивы Кремля.
- ⁷³ Лодж (памятная запись беседы). «Train Trip from Los Angeles to San Francisco», 21 сентября 1959 г. // RG 59. Office of Soviet Union Affairs. Subject Files. 1957–1963. Box 4. NARA–II.
- ⁷⁴ Стенограмма от 16 декабря 1960 г. // Архивы Кремля.

- ⁷⁵ Lodge H. B. «Car Trip to Garst Farm». 23 сентября 1959 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. 442–443.
- ⁷⁶ Mrs. Llewellyn Thompson [memorandum] // RG 59. Office of Soviet Union Affairs. Subject Files. 1957–1963. Box 4. NARA–II.
- ⁷⁷ Встречи Эйзенхауэра и Хрущева, 26 сентября 1959 г. 9:20, 13:00; 27 сентября 1959 г. 11:45. «USSR–Vienna Meeting, Background Documents, 1953–1961 (с). Reading Material» // Box 126. JFK Library.
- ⁷⁸ Khrushchev Remembers: The Last Testament // transl., ed. by S. Talbott... P. 412.
- ⁷⁹ Томпсон – Фюю Колеру, «Observations Gained during My Tour of the United States with Chairman Khrushchev», 28 сентября 1959 г. // RG 59. Office of Soviet Union Affairs. Subject Files. 1957–1963. Box 4. NARA–II.
- ⁸⁰ Переговоры Н. С. Хрущева с Мао Цзедунем 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2.
- ⁸¹ Протокол 240 от 25 сентября 1959 г.; Протокол 242 от 2 октября 1959 г. // Архивы Кремля.

Глава 10. Великий замысел

- ¹ Nikita S. Khrushchev. «Speech by N. S. Khrushchev, Moscow Airport, September 28, 1959 // Khrushchev in America: Full texts of the Speeches Made by N. S. Khrushchev on His Tour of the United States, September 15–27, 1959. New York: Crosscurrents Press, 1960. P. 228–231.
- ² Встреча с американскими бизнесменами, 24 сентября 1959 г. // Ibid. P. 182.
- ³ *Evangelista M.* «Why Keep Such an Army? Khrushchev's Troop Reductions» // *CWHP Bulletin. Working Paper No. 19. December 1997. P. 25–26.* Эвангелиста приводит оценки Ютты Тидтке.
- ⁴ Стенограмма от 16 декабря 1960 г. // Архивы Кремля.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 281.
- ⁷ Встреча НСХ с Насером от 14 мая 1958 г. // АПРФ. 52–1-561.
- ⁸ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 282–283.
- ⁹ Ibid. С. 280–282.
- ¹⁰ Правда. 1960. 29 мая; цит. по: *Evangelista M.* Op. cit. P. 39.
- ¹¹ Меморандум НСХ Президиуму ЦК КПСС от 8 декабря 1959 г. / пер. Вл. Зубок // *CWHP Bulletin, Winter 1996–1997.*
- ¹² Стенограмма «Обсуждение на заседании Президиума ЦК по вопросу о программе партии» от 14 декабря 1959 г. // Архивы Кремля.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Заявления Хрущева его коллеги встретили с энтузиазмом. Микоян, Аристов и Козлов поняли, что их положению ничего не угрожает. Однако они оценили требование Хрущева уделить дополнительное внимание социальному обеспечению и повышению уровню жизни отдельных граждан.
- ¹⁷ Стенографист не присутствовал при обсуждении военного вопроса «О дальнейших шагах относительно борьбы за ослабление международной напряженности». Однако протоколы этого обсуждения Малин записал: Протокол 253 от 14 декабря 1959 г. // Там же.
- ¹⁸ Единственной оговоркой было замечание Малиновского, что сокращения не должны коснуться советских войск в Восточной Германии. «Там наши войска, – утверждал маршал, – оказывают значительное влияние на наших противников».
- ¹⁹ В то время Москаленко был командующим Московским военным округом.
- ²⁰ Протокол 253 от 14 декабря 1959 г. // Там же.
- ²¹ Меморандум НСХ Президиуму ЦК КПСС от 8 декабря 1959 г. / пер. Вл. Зубок // *CWHP Bulletin*. Winter 1996–1997.
- ²² Президиум решил, что меморандум Хрущева от 8 декабря будет зачитан всем командующим 18 декабря.
- ²³ Протокол 253 от 14 декабря 1959 г. // Архивы Кремля.
- ²⁴ *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 160.
- ²⁵ *Ibid.* P. 164.
- ²⁶ Памятная запись беседы Эйзенхауэра с Макнамарой, Даллесом и Лемницером, 15 июля 1961 г. // *Memoranda of Conferences (1961–1963)* [Меморандумы совещаний], *Post-Presidential* [после президентства]. Augusta–Walter Reed Seies. Box 2 [Серия Огаста–Уолтер Рид]. Box 2. DDE Library [Президентская библиотека-музей Дуайта Дэвида Эйзенхауэра].
- ²⁷ 2 февраля 1959 г. ЦРУ направило президенту записку о семилетнем плане. Через два дня сын президента, Джон, позвонил в ЦРУ, чтобы сообщить, что президент прочитал меморандум «с большим интересом», см.: Document 9–0693. Allen W. Dulles Collection, *Holand-Freedom of Information Act*.
- ²⁸ *Ibid.* В течение двух лет аналитики, работая в неблагодарной, как правило, области исследования рабочей силы, предупреждали своих начальников, что у Кремля нет рабочей силы, необходимой для выполнения целей семилетнего плана, см. электронное приложение к кн.: [CIA History Staff] *CIA's Analysis of the Soviet Union...* Однако в ЦРУ не знали, что в Кремле обсуждали план сокращения часов рабочей недели, что делало проблему нехватки рабочих рук еще более важной для Москвы.
- ²⁹ Джозеф Олсоп – Люсиусу Клею, 28 февраля 1959 г. // *General Correspondence* [Общая корреспонденция]. Box 15. Документы Джозефа и Стюарта Олсопов. Библиотека Конгресса.

- ³⁰ Truman Would Not Have Dared Invite Stalin, Symington Says // New York Times. September 28, 1959.
- ³¹ *Jackson W. A. S.* Op.cit.
- ³² Ibid.
- ³³ The Great Debate over to Adequacy of Our Defence // New York Times. February 7. 1960.
- ³⁴ «United States Military and Diplomatic Policies – Preparing for the Gap». Congressional Record. August 14. 1958 // Pre-Presidential Papers, «60 Campaign – Press & Publicity», «Defense + Disarmament, Missile Gap». Box 1029. JFK Library.
- ³⁵ *Jackson W. A. S.* Op. cit. Vol. 5. P. 62.
- ³⁶ Ibid. P. 70.
- ³⁷ Памятная запись 432-го заседания СНБ, 14 января 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. P. 498–499.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Обсуждение на 433-м заседании СНБ, четверг, 21 января 1960 г. СНБ. Микрофиша 249/1 // FRUS. Приложение. Документ 235.
- ⁴⁰ Ibid. Vol 5. P. 94.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² *Porter R. S. A. C.* Chief Urges Defense Speed-up // New York Times. January 20, 1960.
- ⁴³ The Great Debate over to Adequacy of Our Defence // New York Times. February 7, 1960.
- ⁴⁴ *Alsop J.* The Missile Gap: Basic Facts // New York Herald Tribune. January 25, 1960. Папка «Олсоп». РМН. NARA–LN.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Стенограмма от 1 февраля 1960 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Хрущев недвусмысленно противопоставлял дух этого подхода тактике своего бывшего неутомимого критика Вячеслава Молотова, который любил ставить Запад в заведомо не выгодное, с точки зрения пропаганды, положение, делая предложения, которые Кремль и не собирался принимать. Чтобы показать свое умение вести переговоры, Хрущев напомнил Президиуму, что Молотов публично настаивал на общегерманских выборах.
- ⁴⁹ Памятная запись беседы ДДЭ и Гертера, 2 февраля 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 3. P. 834.
- ⁵⁰ Меморандум обсуждения, заседание СНБ. 18 февраля 1960 г. // Ibid. P. 840.

- ⁵¹ Transcript of Eisenhower's News Conference on Domestic and Foreign Matters // New York Times. February 4, 1960.
- ⁵² Лодж (Москва) – государственному секретарю, 9 февраля 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. P. 507–509.
- ⁵³ См. «Entretiens de Général de Gaulle et M. Khrouchtchev». 23–25 марта и 1–2 апреля 1960 г. // DDF. 1960. Vol. 1. Примечание к записи номер 146. Paris, Imprimerie Nationale, 1995.
- ⁵⁴ Памятные записи бесед Макмиллана и Де Голля, 5 апреля 1960 г., 18:00, и 6 апреля 1960 г., 9:45 (в присутствии их министров иностранных дел) // Prem. 11/3001 // National Archives – UK. Министерство иностранных дел Соединенного королевства оформило рассказ Де Голля о его беседах с Хрущевым в виде «сверхсекретного» доклада «Визит Хрущева во Францию», который, по всей видимости, стал основой для беседы с американцами [без даты] // Prem. 11/3001 // National Archives – UK.
- ⁵⁵ Памятная запись беседы Макмиллана и Де Голля, 5 апреля 1960 г., 18:00 // Prem. 11/3001 // National Archives – UK.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ *Jackson W. A. S.* Op. cit. Vol. 5. P. 88–89.
- ⁵⁸ *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 170–172.
- ⁵⁹ Ibid. P. 167.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Памятная запись беседы ДДЭ и Макмиллана // FRUS. 1958–1960. Vol. 9. P. 258–262.
- ⁶² В своих воспоминаниях Бисселл искажает указание президента, так что создается впечатление, будто ему разрешили организовать полет «U-2» с единственной оговоркой – чтобы «никакие операции не осуществлялись после первого мая», см.: *Bissell R. M. Jr., Lewis J. E., Pudlo F. T.* Reflections of a Cold Warrior: From Yalta to the Bay of Pigs. New Haven: Yale Univ. Press, 1996. P. 125.

Глава 11. Авария, грохот которой услышали во всем мире

- ¹ Протоколы показаний свидетелей – П. Е. Асабина (2 мая), В. Н. Глинских (3 мая), М. Н. Бермана (4 мая), В. П. Панкова (17 мая), И. А. Ананьева (17 мая 1960 года) // Центральный архив ФСБ.
- ² Там же.
- ³ Этот рассказ основан на протоколах показаний свидетелей – П. Е. Асабина (2 мая), В. Н. Глинских (3 мая), М. Н. Бермана (4 мая), В. П. Панкова (17 мая), И. А. Ананьева (17 мая 1960 г.) (Центральный архив ФСБ России) и на воспоминаниях Фрэнсиса Гэри Пауэрса, см.: *Powers F. G.* Operation Overflight. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970. P. 89–90.

- ⁴ Ibid; *Beschloss M.* Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair. New York: Harper and Row, 1986. P. 15.
- ⁵ Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 443.
- ⁶ *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 176; *Khrushchev S.* Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower. Op. cit. P. 368.
- ⁷ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 369.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. P. 370.
- ¹⁰ Ibid. P. 379–380.
- ¹¹ *Bissell R. M. Jr., Lewis J. E., Pudlo F. T.* Op. cit. P. 127.
- ¹² *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 89–90.
- ¹³ Ibid. P. 80.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ *Powers F. G.* Op. cit. P. 99.
- ¹⁶ CIA, Operations Policy. Letter No. 6. December 9. 1957. Attachment C to CIA. Report of the Board of Inquiry into the Case of Francis Gary Powers. February 27. 1962 // CIA Electronic Reading Room [далее – ERR]. URL: www.ucia.gov (дата обращения – 20 февраля 2006 г.).
- ¹⁷ Протокол допроса Фрэнсиса Гэри Пауэрса от 1 мая 1960 г. // Центральный архив ФСБ России.
- ¹⁸ CIA. Report of the Board of Inquiry into the Case of Francis Gary Powers. February 27. 1962 // CIA ERR.
- ¹⁹ Пауэрс вспоминал, что о булавке он предупредил советских сотрудников во время своего первого допроса в Москве. *Powers F. G.* Op. cit. P. 102.
- ²⁰ 2 мая после менее строго допроса сотрудники госбезопасности устроили Пауэрсу короткую автомобильную прогулку по Москве // Ibid. P. 107–108.
- ²¹ *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 176.
- ²² *Beschloss M.* Op. cit. P. 39.
- ²³ Конспект обсуждения плана налоговой реформы содержится в протоколе 266 от 25 февраля 1960 г. (см. : Архивы Кремля), однако лучшее резюме плана Хрущева от 5 мая содержится в: *Thompson W. J.* Khrushchev: A Political Life. New York, St. Martin's Griffin, 1997. P. 222.
- ²⁴ Письмо датировано 5 марта 1960 г.; см.: Протокол 274 от 7 апреля 1960 г. // Архивы Кремля.
- ²⁵ Там же. Заседание Президиума состоялось 7 апреля.
- ²⁶ Суть произошедшего явствует из его обсуждения на заседании Президиума, см.: Протокол 275 от 15 апреля 1960 г. // Там же.

²⁷ Ворошилов бросил эту реплику на заседании Президиума, см.: Протокол 277 от 28 апреля 1960 г. // Там же. На этом же заседании он подверг критике политику стимулирования вторичной переработки металлолома, назвав ее серьезной ошибкой. С начала года Ворошилов критиковал Хрущева все чаще. В январе он подверг критике новую программу жилищного строительства, которая была тесно связана с Хрущевым. Ворошилов говорил, что из-за столь низкого качества строительства она непопулярна среди населения, см.: Протокол 259 от 13 января 1960 г. // Там же. В феврале, во время поездки в Индию, Ворошилов даже не пытался скрыть своего презрения к советскому министерству иностранных дел. Он публично назвал подхалимом заместителя министра иностранных дел Василия Кузнецова, но ему удалось оскорбить и принимавших его индусов: выходя из мемориальной усыпальцы, он сплюнул. В ходе этой же поездки Ворошилов открыто нарушил протокол Президиума: Во время дипломатического приема он поступил по-своему и заговорил с китайским послом, не получив предварительного разрешения своих кремлевских коллег, см.: Протокол 263 от 9 февраля 1960 г. // Архивы Кремля.

²⁸ *Taubman W.* Op. cit. P. 449.

²⁹ Памятная запись беседы НСХ и Дежана, 3 мая 1960 г. // АПРФ. 4-64-736.

³⁰ Имеется два отчета о важной беседе Хрущева и Дежана от 3 мая. Французская версия, датированная 4 мая 1960, содержится в: DDF. 1960. Т. 1. Запись 198. Paris: Imprimerie Nationale, 1995. Советская версия, датированная 4 мая, содержится в: АПРФ. 4-64-736.

³¹ Шарль де Голль – Никите Хрущеву, 30 апреля 1960 г. / DDF. Т. 1. Запись 191.

³² *Osgood C.* Premier Is Bitter // *New York Times.* May 6, 1960.

³³ Ibid.

³⁴ Протокол от 4 мая 1960 г. // Архивы Кремля.

³⁵ Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1953. Vol. 10. Part 1. P. 511; *Khrushchev S.* Op. cit. P. 382.

³⁶ Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. Part 1. P. 511.

³⁷ Ibid. P. 510–511.

³⁸ *Eisenhower D. D.* The White House Years... P. 549.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Протокол допроса Фрэнсиса Гэри Пауэрса от 6 мая 1960 г. // Центральный архив ФСБ России.

⁴¹ Там же.

⁴² Excerpts From Premier Khrushchev's Remarks on U. S. Jet Downed in Soviet // *New York Times.* May 8. 1960.

- ⁴³ Памятная запись обсуждения в СНБ, 24 мая 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. Part 1. P. 524. На самом деле об этом можно было судить по карте, которая находилась в кабине самолета и уцелела после аварии. Пауэрс даже не знал о ней, см.: CIA, Report of the Board of Inquiry into the Case of Francis Gary Powers, 2 февраля 1962 г. // FOIA [Freedom of Information Act, Закон о свободе информации], ERR. Это представление о Пауэрсе сохранялось в администрациях Эйзенхауэра и Кеннеди, вынудив преемника Аллена Даллеса на посту директора ЦРУ, Джона Маккоуна, сопротивляться попыткам реабилитировать Пауэрса. В феврале 1962 г. в результате внутренней проверки ЦРУ было установлено, что Пауэрс следовал инструкциям и во время допросов в СССР не сделал ничего неправильного. Протоколы советского времени, прочитанные в процессе подготовки этой книги это не только подтверждают, но и свидетельствуют о том, как ловко Пауэрс обманывал тех, кто его допрашивал, защищая и государственную безопасность, и свою жизнь.
- ⁴⁴ Томпсон – государственному секретарю, 7 мая 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. Part 1. P. 515.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Британцы назвали свою программу «Старик» («Oldster»), см.: *Horne A.* Op. cit. P. 225–226.
- ⁴⁷ Протоколы допросов Фрэнсиса Гэри Пауэрса от 8 и 10 мая 1960 г. Центральный архив ФСБ; *Powers F. G.* Op. cit. P. 133.
- ⁴⁸ *Beschloss M.* Op. cit. P. 262.
- ⁴⁹ О том, как Хрущев характеризует свою стратегию, см.: *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott...* P. 446–447. Выдержки из заявлений Хрущева на его неофициальной пресс-конференции в парке имени Горького появились в газете «Нью-Йорк таймс» от 12 мая 1960 года. Советские цензоры попытались смягчить эти высказывания об Эйзенхауэре. См.: *Beschloss.* Op. cit. P. 263.
- ⁵⁰ *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott...*; цит. по: *Khrushchev S.* Op. cit. P. 459.
- ⁵¹ «Президиум ЦК КПСС – октябрьскому пленуму ЦК КПСС» (не позднее 14 октября 1962 г., проект) // РГАНИ.
- ⁵² Выдержка из протокола 280 от 12 мая 1960 г. // АПРФ. 3-64-737. С. 1–79. Помимо Хрущева в состав официальной делегации входили: Громыко, Малиновский, В. В. Кузнецов, В. А. Зорин, С. А. Виноградов, А. А. Солдатов, М. А. Мельников, Г. А. Жуков, Л. Ф. Ильичев, П. А. Сатюков, А. И. Аджубей, Г. Г. Шуйский, В. С. Лебедев, О. А. Трояновский, А. Ф. Добрынин, В. Ф. Грубьяков, А. А. Крохин, генерал-полковник А. А. Грызлов и С. М. Кудрявцев.
- ⁵³ Выдержка из протокола 280 от 12 мая 1960 г. // АПРФ. 4-64-737.
- ⁵⁴ Там же.

- ⁵⁵ Телефонный разговор Парижа с государственным департаментом, 13 мая 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 9. P. 395–379; Памятная запись разговора глав правительств, 15 мая 1960 г. // Там же. С. 418.
- ⁵⁶ Памятная запись разговора с президентом Эйзенхауэром, 15 мая 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 9. P. 415; Памятная запись беседы министров иностранных дел о разоружении, 13 апреля 1960 г. // Там же. С. 318.
- ⁵⁷ *Eisenhower D. D. The White House Years...* P. 553.
- ⁵⁸ *Wicker T. D. D. Eisenhower. New York: Times Books, 2000. P. 80.*
- ⁵⁹ ДДЭ, пресс-конференция президента, 11 мая 1960 г. // *Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight D. Eisenhower, 1960–1961. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1961. P. 403–414.*
- ⁶⁰ *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 447.*
- ⁶¹ *Трояновский О. «Внешняя политика Н. С. Хрущева» // Taubman W. Op. cit. P. 460. По воспоминаниям Хрущева, он принял это решение в самолете, а не в аэропорту перед вылетом, см.: Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 450–451. Однако эта разница несущественна. Имеет значение то, что он принял это решение после заседания, состоявшегося 12 мая, а это потребовало одобрения Президиума 14 мая, на расстоянии.*
- ⁶² НСХ (Париж) – в ЦК, 14 мая 1960 г. Эта телеграмма состояла из пяти страниц // АПРФ. 3–64–738.
- ⁶³ *Трояновский О. Через годы и расстояния... С. 226.*
- ⁶⁴ Эти условия появились в официальном заявлении Хрущева, см.: *New York Times. May 17. 1960.*
- ⁶⁵ *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 452.*
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ Стенограмма от 1 февраля 1960 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁸ Французская стенограмма встречи де Голля и Хрущева от 15 мая 1960 г. (с 11:30 до 12: 45) содержится в: *DDF. 1960. Т. 1. Запись 221. Документ II. С. 645–648. Paris: Imprimerie Nationale, 1995; советская стенограмма в: АПРФ. 3–64–738. С. 33–43.*
- ⁶⁹ Памятная запись беседы Хрущева с Макмилланом, 15 мая 1960 г. // АПРФ. 3–64–738.
- ⁷⁰ Памятные записи бесед, 15 мая 1960 г., 14:30 и 18:00 // *FRUS. 1958–1960. Vol. 9. P. 417–422, 426–435.*
- ⁷¹ *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 454.*
- ⁷² *Ibid.*
- ⁷³ *Ibid. P. 454–455.*

- ⁷⁴ Хрущев рассказал об этом Авереллу Гарриману, пересказавшему эту историю в 1962 г. Джошу Кеннеди. Гарриман сказал ДФК, что Болен это отрицал, см.: *Presidential Recordings: John F. Kennedy.* / ed. by T. Naftaly. Vol. 1. *The Great Crises.* New York: Norton, 2001. 8 августа 1962 г. Встреча, посвященная Китаю и Конго. С. 280–281. В своей книге «*The White House Years: Waging Peace*» Эйзенхауэр даже не упоминает, что он собирался извиниться.
- ⁷⁵ Протокол 121 от 26 октября 1957 г. // Архивы Кремля.
- ⁷⁶ Хрущев – в ЦК, 16 мая 1960 г. // АПРФ. 3–64–738.
- ⁷⁷ Памятная запись беседы Хрущева и Максвиллана, 16 мая 1960 г., 21:00 // Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 101.
- ⁷⁹ *Khrushchev Remembers: The Last Testament* / transl., ed. by S. Talbott... P. 458.
- ⁸⁰ Любопытно, что в своих воспоминаниях Хрущев ничего не пишет о том, что днем он бывал в посольстве или посылал телеграмму в Москву. В упомянутой выше книге говорится (С. 459), что он вернулся в посольство тем же вечером.
- ⁸¹ Хрущев – в ЦК, 17 мая 1960 г. // АПРФ. 3–64–738.
- ⁸² Памятная запись, 17 мая 1960 г., 15:00 // FRUS. 1958–1960. Vol. 9. P. 468.
- ⁸³ Цит. по: *Horne A.* Op. cit. Vol. 2. P. 228.
- ⁸⁴ Стенограмма допроса Пауэрса, 10 июня 1960 г. // Центральный архив ФСБ России.
- ⁸⁵ Томпсон обсуждал эти теории с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Сайресом Сульцбергером перед отъездом в Париж, см.: *Sulzberger C. L.* *The Last of the Giants.* New York: Macmillan, 1970. P. 669–670.
- ⁸⁶ ДДЭ – Льерасу Камарго, 19 мая 1960 г. № 1541 // *The Papers of Dwight David Eisenhower.* Vol. 20. *The Presidency: Keeping the Peace* / ed. by L. Galambos, D. van Ee. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2001.
- ⁸⁷ Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Vol. 10. Part 1. P. 540–542.
- ⁸⁸ *Pedlow G. W., Welzenbach D. E.* Op. cit. P. 184–187.
- ⁸⁹ [Советский Союз] «Основные положения договора о всеобщем и полном разоружении», представленные на Женевскую конференцию 7 июня 1960 г., см.: *Documents on International Affairs, 1960* / ed. by R. Gott, J. Major, G. Warner. London: Oxford Univ. Press, 1961.

Глава 12. Кастро и Лумумба

- ¹ Президиум одобрил план создания Университета дружбы народов 5 февраля 1960 г. // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 783. С. 12–15; цит. по: Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 313. Чтобы этот вуз не превратил-

ся в гетто для африканцев, в СССР решили, что от 20 до 30 процентов его студентов должны составлять советские граждане или люди из других стран социалистического блока. В. П. Елютин, министр высшего и среднего специального образования СССР, и С. В. Румянцев, ректор Университета дружбы народов // НСХ, 12 апреля 1960 г. // Там же. С. 312–313.

- ² *Rubinstein A. Z. Friendship University // Soviet Survey: A Quarterly Review of Cultural Trends. No. 34. October–December 1960. P. 8–10.*
- ³ *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 317.*
- ⁴ *Rubinstein A. Z. Op. cit. P. 8–10.*
- ⁵ НСХ – Насеру, 12 апреля 1959 г. // МИД. 0507.
- ⁶ Памятная запись разговора НСХ и Эль-Коуни, 22 мая 1959 г. // АПРФ. 52–1-561.
- ⁷ Встреча Зайцева и Махдави, 18 февраля 1960 г. // МИД. В 1959 г. Громыко характеризовал Махдави как «одного из самых выдающихся прогрессивных деятелей» Ирака. Дети Махдави учились в Советском Союзе, и в августе 1959 г. он попросил разрешения приехать в Советский Союз для отдыха и лечения. В СССР спросили мнения члена Политбюро Коммунистической партии Ирака, которому понравилась идея направить Махдави в Советский Союз. 26 августа 1959 г. Президиум одобрил визит, см.: Громыко – Политбюро (24 августа 1959 г. // МИД. 24/22/12. С. 41) с примечанием об одобрении Президиума.
- ⁸ Встреча Зайцева и Махдави, 18 февраля 1960 г. // МИД.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Выдержка из протокола 274 заседания Президиума от 7 апреля 1960 г. «Памятная записка для А. И. Микояна для его встречи с А. К. Касимом» // АПРФ.
- ¹¹ Когда иракцы наконец-то разрешили Касиму посетить СССР в начале апреля, Микоян нашел его несговорчивым. После того как Микоян посетовал на обращение с иракскими коммунистами, многим из которых грозила в тюрьме смертная казнь, Касим от него отмахнулся: «Это внутреннее дело». Встреча Микояна с Касимом, 14 апреля 1960 г. // АПРФ.
- ¹² Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Отчет советского посла Герасимова о поездке в Гвинею, 1–13 декабря и 20 декабря 1958 г. Документ 123.
- ¹³ Выдержка из протокола 198 заседания Президиума от 27 декабря 1958 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 871. Детали секретной операции явствуют из меморандума, датированного тем же числом. Его копии были розданы участникам собрания. Протокол стал основой для составления досье.
- ¹⁴ В 1995 г. Фурсенко взял интервью у ветерана советской военной разведки, ГРУ, сообщившего о том, что Рауль Кастро был завербован Раулем Вальдесом Виво, возглавлявшим молодежное крыло PSP.

- ¹⁵ В октябре 2002 г. Нафтали взял интервью у Вильмы Эспин, жены Рауля Кастро. Она рассказала, что ее муж вступил в саму партию, а не в ее молодежное отделение.
- ¹⁶ Анибаль Эскаланте – в ЦК, 3 апреля 1962 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 903. С. 39–42. Эскаланте, многолетний и высокопоставленный руководитель Социалистической народной партии, рассказал Советам, как Фидель Кастро «узнал» о тайном, до того времени, членстве Рауля Кастро и Че Гевары в СНП (PSP) на бурной встрече в марте 1962 г. Через год КГБ повторил ту же версию событий в своей справке о Фиделе Кастро, подготовленной накануне его первого визита в СССР. Семичастный – в ЦК, 25 апреля 1963 г., см.: «Справка о Фиделе Кастро». СВР. Дело 88497. Том 1. С. 361–375. Однако лучший друг Рауля Кастро в КГБ, Николай Леонов, полагал, что Кремлю было известно, что Эскаланте знал не все. Он вспоминал, как Фидель Кастро узнал, что Рауль был коммунистом. Леонов полагал, что Эспин, по сути, права, хотя и сомневался, что у Рауля было время вступить в СНП (он мог вступить лишь в ее молодежное крыло) до того, как в 1953 г. братья Кастро предприняли штурм на казарму Кубинской армии Монкада, были арестованы, а затем высланы в Мексику. Интервью у Леонова Нафтали взял в Гаване, в октябре 2002 г.
- ¹⁷ Анибаль Эскаланте – в ЦК, 3 апреля 1962 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 903. Л. 39–42.
- ¹⁸ Пономарев и Мухитдинов – в ЦК, 15 апреля 1959 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 874.
- ¹⁹ Резолюция Президиума. Протокол 214 от 23 апреля 1959 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 871.
- ²⁰ Кобанов (Международный отдел ЦК) – в ЦК, 30 сентября 1959 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 874. Л. 16.
- ²¹ Интервью Фурсенко с Александром Алексеевым, 16 февраля 1994 г.
- ²² Резолюция Президиума. 29 января 1960 г. // АПРФ. Она могла содержать в протоколе 261. Это решение не зафиксировано в стенограмме Малина.
- ²³ Цит. по: *Frankel M.* High Noon in the Cold War: Kennedy, Khrushchev and the Cuban Missile Crisis. New York: Presidio Press, 2004. P. 63.
- ²⁴ Интервью Фурсенко с Алексеевым, 16 февраля 1994 г.
- ²⁵ Телеграмма. Алексеев (Гавана) – в Центр. 7 февраля 1960 г. // СВР. Д. 78825. Л. 108–112.
- ²⁶ В январе 1959 г. генеральный секретарь Коммунистической партии Бельгии, присутствовавший на XXI съезде КПСС в Москве, обсуждал с советскими функционерами возможность отправки конголезских студентов в Москву.
- ²⁷ Памятная запись о встрече с Патрисом Лумумбой советского посла в Гвинее П. И. Герасимова, 28 апреля 1959 г. // АПРФ. Ф. 0590, 1/1/1; Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 135.

- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Памятная запись о встрече с Де Конинком по положению в Конго. Б. А. Кавинов, первый секретарь советского посольства в Брюсселе, 27 апреля 1959 г. // Там же. Документ 136.
- ³¹ *Reader J. Africa: A Biography of the Continent.* New York: Vintage Books, 1997. P. 651.
- ³² Ibid. P. 637, 651.
- ³³ Памятная запись о встрече с Пьером Мулеле, Антуаном Кинготоло и Рафаэлем Кинки, 28 декабря 1959 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 137.
- ³⁴ Памятная запись о встрече Савинова с Де Конинком, 27 апреля 1959 г. // Там же. Документ 136.
- ³⁵ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 5–10.
- ³⁶ *Safford J. J. The Nixon–Castro Meeting of 19 April 1959* // *Diplomatic History.* 1980. No. 4. P. 426–431.
- ³⁷ Меморандум для президента, 5 ноября 1959 г. // Bay of Pigs Collection. National Security Archive [Архив «Залив Свиней». Архив национальной безопасности].
- ³⁸ Д. К. Кинг, начальник подразделения Западного полушария – Даллесу, 11 декабря 1959 г. // Ibid. На этом документе имеется пометка, что на следующий день Даллес одобрил это предложение.
- ³⁹ Памятная запись о встрече Бердена с Лумумбой, 25 февраля 1960 г. // *FRUS. 1958–1960.* Washington D. C.: Government Printing Office, 1992. Vol. 14. P. 263.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Алексеев (Гавана) – в ЦК, 8 марта 1960 г. // СВР. Д. 78825. Л. 164–166. Хрущев получил копию этого доклада. Он приводится в: АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 871. Л. 42–45.
- ⁴³ Памятная запись, 7 марта 1960 г. // *FRUS. 1958–1960.* Vol. 6. P. 823.
- ⁴⁴ Протокол 270 от 12 марта 1960 г.; ЦК – Алексееву, 12 марта 1960 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 871.
- ⁴⁵ А. Сахаровский, начальник Первого Главного управления КГБ – заместителю министра иностранных дел В. С. Семенову, 18 июля 1960 г. // СВР. Д. 84124. Т. 12.
- ⁴⁶ Архив секретариата ЦК КПСС // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 954. Л. 169.
- ⁴⁷ Телеграмма, 8 марта 1960 г. 19:00 // *FRUS.* Vol. 6. P. 824–825.

- ⁴⁸ Редакционное примечание // Там же. С. 826–827.
- ⁴⁹ Докладная записка от Руботтома государственному секретарю. 9 марта 1960 г. «Обсуждение Кубы в СНБ. 10 марта 1960 г.» // Там же. С. 829.
- ⁵⁰ Памятная запись 436-го заседания СНБ, 10 марта 1960 г. // Там же. С. 832–837.
- ⁵¹ 5412-й комитет СНБ, «Программа секретной операции против режима Кастро». 16 марта 1960 г. // Там же. С. 850–851.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ U. S. Senate. Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders. An Interim Report of the Select Committee to Study Government Operations with Respect to Intelligence Activities. November 20, 1975. Washington D. C.: Government Printing Office, 1975. P. 72.
- ⁵⁴ Начальник КГБ Александр Шелепин – в ЦК, 18 июня 1960 г. // СВР. Д. 86447. Л. 319–320. *Taibo II P. I. Ernesto Guevara, también conocido como el Che*. Пер. на английский М. М. Робертса: *Guevara Also Known as Che*. New York, St. Martin's Press, 1997. P. 305.
- ⁵⁵ Шелепин – в ЦК, 24 июня 1960 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 893. Л. 33–34.
- ⁵⁶ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 49–50.
- ⁵⁷ А. Сахаровский, начальник Первого Главного управления КГБ – заместителю министра иностранных дел В. С. Семенову, 18 июля 1960 г. // СВР. Д. 84124. Т. 12.
- ⁵⁸ U. S. State Department, «Principal Soviet Public Statements on Defense of Cuba». Cuban Missile Crisis Collection. National Security Archive [Архив «Кубинский ракетный кризис». Архив национальной безопасности].
- ⁵⁹ Памятная запись беседы НСХ и Рауля Кастро. 18 июля 1960 г. // АПРФ.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Интервью Фурсенко с Борисом Пономаревым. 1994 г.
- ⁶² *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 55.
- ⁶³ Public Papers of the Secretaries-General of the United Nations. Vol. 55: 1960–1961, Dag Hammarskjöld. Selected and edited with commentary by A. W. Cordier and Wilder Foote. New York: Columbia Univ. Press, 1975.
- ⁶⁴ *Hoskyns C.* The Congo since Independence, January 1960–December 1961. London: Oxford Univ. Press, 1965. P. 95–96.
- ⁶⁵ Public Papers of the Secretaries-General. Vol. 5. P. 19.
- ⁶⁶ Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 138.
- ⁶⁷ *Hamilton T.* U. S. and Soviet Asked to Supply Vehicles and Food for New Unit // New York Times. July 15, 1960.

- ⁶⁸ *Topping S.* Khrushchev Tells the West to Keep Its Hands off Congo; Replies to New Republic's Appeal for Intervention by Soviet If Needed; U. S. Accuses Russian; Says «Irresponsible» Charge Is Part of Current Attempt to Inflamm Atmosphere // *New York Times*. July 16. 1960. Русский оригинал в: Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 140.
- ⁶⁹ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 129.
- ⁷⁰ Редакционное примечание // *FRUS*. Vol. 14. P. 280.
- ⁷¹ *Ibid.*
- ⁷² Телеграмма. Тимберлейк (Леопольдвиль) – в государственный департамент. 29 августа 1960 г. // *Ibid.* P. 448.
- ⁷³ *Kalb M. G.* The Congo Cables: The Cold War in Africa – from Eisenhower to Kennedy. New York: Macmillan, 1982. P. 35.
- ⁷⁴ Диллон, цит. по: *Ibid.* P. 37.
- ⁷⁵ *Ibid.* P. 36–37.
- ⁷⁶ *Ibid.* P. 37–41.
- ⁷⁷ *Ibid.* P. 42.
- ⁷⁸ НСХ – Лумумбе, 5 августа 1960 г. // Русский оригинал в: Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 141.
- ⁷⁹ Громько – в ЦК, 9 августа 1960 г. // Там же. Документ 119. Дата просьбы Нкрумы упоминается в черновике ответа Хрущева, датированного 6 августа // Там же. Документ 120.
- ⁸⁰ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 161–165, 167.
- ⁸¹ *Ibid.* P. 169.
- ⁸² *Ibid.* P. 169–170; *Kalb M. G.* Op. cit. P. 44.
- ⁸³ МИД – в ЦК. Черновик письма, 8 августа 1950 г. Русский оригинал в: Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 120, прим. 1, свидетельствует о том, что этот проект был одобрен 11 апреля.
- ⁸⁴ Справка МИД СССР о поставке советских самолетов в африканские страны в связи с предоставлением помощи республике Конго (июнь–август 1960 г.) Русский оригинал в: Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 143.
- ⁸⁵ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 174.
- ⁸⁶ Документ 191, прим. 3 // *FRUS*. 1958–1960. Vol. 14. P. 447.
- ⁸⁷ Справка МИД СССР о поставке советских самолетов в африканские страны в связи с предоставлением помощи республике Конго (июнь–август 1960 г.) // Русский оригинал в: Россия и Африка. Документы и материалы.

XVIII в. – 1960 г. Т. II / под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова... Документ 143.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Докладная записка директора Бюро разведки и исследований – в государственный департамент. 25 июля 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 14. P. 356.

⁹⁰ Памятная записка о беседе с ДДЭ, 1 августа 1960 г. // Там же. С. 377.

⁹¹ U. S. Senate, Alleged Assassination Plots... P. 13–16, 73–74.

⁹² Памятная запись обсуждения на 456-м заседании СНБ, 18 августа 1960 г. // FRUS. 1958–1960. Vol. 14. P. 424.

⁹³ Объединенный комитет начальников штабов (Твайнинг) – государственному секретарю. 18 августа 1960 г. // Там же. С. 425–427.

⁹⁴ U. S. Senate, Alleged Assassination Plots... P. 73.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ *Haines G. K.* CIA History Staff Analysis: CIA and Guatemala Assassination Proposals 1952–1954. Washington, D. C.: CIA, June 1995.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ U. S. Senate. Alleged Assassination Plotsюю. P. 74–79.

⁹⁹ Ibid. P. 60.

¹⁰⁰ Редакционное примечание // FRUS. 1958–1960. Vol. 14. P. 443.

¹⁰¹ Телеграмма. Генри Кэбот Лодж [Нью-Йорк] – в государственный департамент, 26 августа 1960 г. // Там же. С. 444–446.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 219–221.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 71–75.

¹⁰⁶ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 194.

¹⁰⁷ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 75.

¹⁰⁸ *Khrushchev Remembers: The Last Testament* / transl., ed. by S. Talbott... P. 482.

¹⁰⁹ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 214.

¹¹⁰ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 92–93.

¹¹¹ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 214.

¹¹² *Taubman W.* Op. cit. P. 477.

¹¹³ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 103–104.

¹¹⁴ Протокол 306 от 15 октября 1960 г. // Архивы Кремля.

¹¹⁵ *Hoskyns C.* Op. cit. P. 248.

- ¹¹⁶ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 104.
- ¹¹⁷ U. S. Senate. Alleged Assassination Plots... P. 24.
- ¹¹⁸ *Ibid.* P. 24–25.
- ¹¹⁹ См. комментарии Лоуренса Девлина [Lawrence Devlin, начальник резидентуры ЦРУ в Конго. – *Примеч. пер.*] на международной конференции, посвященной истории «холодной войны». Cold War International History Project's Critical Oral History Conference «The 1960–1961 Congo Crisis», 22–24 сентября 2004 г. Авторы благодарны Кристиану Остерману, директору CWINP, разрешившему нам ознакомиться с изданной стенограммой этой конференции.
- ¹²⁰ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 111.
- ¹²¹ *Ibid.* P. 112.
- ¹²² Протокол 306 от 15 октября 1960 г. // Архивы Кремля.
- ¹²³ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 135.
- ¹²⁴ *Ibid.* P. 136.
- ¹²⁵ См.: *Devlin L.* The 1960–1961 Congo Crisis...
- ¹²⁶ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 133.
- ¹²⁷ *Taubman W.* Op. cit. P. 475–476.
- ¹²⁸ Протокол 306 от 15 октября 1960 г. // Архивы Кремля.
- ¹²⁹ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 63.
- ¹³⁰ *Ibid.* P. 65–70.
- ¹³¹ Pravda Charge Plot by U. S. // New York Times. October 15, 1960.
- ¹³² *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 65–70.
- ¹³³ *Ibid.*
- ¹³⁴ *Ibid.* P. 161.

Глава 13. Проверка в Юго-Восточной Азии

- ¹ Дневник советского посла Александра Абрамова, встреча с Конг Ле, 17 октября 1960 г. // МИД. 0570, 6/3/2.
- ² Бирму и Индонезию он посетил весной 1960 г. Это был второй визит Хрущева в Бирму.
- ³ *Khrushchev Remembers: The Last Testament* / transl., ed. by S. Talbott... P. 315.
- ⁴ *Ibid.* P. 480.
- ⁵ *Duiker W.J.* Ho Chi Minh: A Life. New York: Thcia, 2000. P. 493–495.
- ⁶ *Ibid.* P. 510–513.
- ⁷ Памятная запись беседы советского посла в Китайской Народной Республике С. Червоненко с послом Демократической Республики Вьетнам

- в Китайской Народной Республике Чан Ти Бинем, 13 октября 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/5.
- ⁸ Рабочий вариант документа о советско-лаосских отношениях [без даты] // МИД. 0570, 6/3/5.
- ⁹ Эта нота была вручена послу Лаоса в Таиланде 23 октября 1956 г. // МИД. 0570. 6/3/5.
- ¹⁰ Справка «О Лаосе». МИД. 0570.
- ¹¹ С. Червоненко, встреча с послом Северного Вьетнама Чан Ти Бинем. 13 октября 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/5.
- ¹² Северовьетнамские источники утверждают, что до декабря 1960 г. Советы не предоставляли Лаосу никакой помощи. Но трудно представить, что в сороковых и пятидесятых годах Международный отдел Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза игнорировал Коммунистическую партию Индокитая и ее преемницу – Коммунистическую партию Лаоса.
- ¹³ Памятная запись беседы советского посла в КНР С. Червоненко с послом ДРВ в Китае Чан Ти Бинем, 13 октября 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/5.
- ¹⁴ Цит. по: *Chen J., Yang K. Chinese Politics and the Collapse of the Sino-Soviet Alliance // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963 / ed. by O. A. Westad. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press, 1998. P. 272.*
- ¹⁵ *Ibid.* P. 273.
- ¹⁶ *Khrushchev Remembers: The Last Testament / transl., ed. by S. Talbott... P. 464.*
- ¹⁷ См. неопубликованную диссертацию Гарвардского университета: *Eliades G. United States Decision-making in Laos, 1942–1962. P. 333–372.* В ней содержится превосходный анализ этих споров, которые велись в администрации Эйзенхаура во второй половине шестидесятых годов.
- ¹⁸ *Eisenhower D. D. Op. cit. P. 607.*
- ¹⁹ *Eliades G. Op. cit. P. 256.*
- ²⁰ *Eisenhower D. D. Op. cit. P. 608.*
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Ibid.*
- ²³ Дневник советского посла Александра Абрамова, встреча с послом Индии Патномом. 13 октября 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/2.
- ²⁴ Памятная запись беседы Суванны и Абрамова, 27 октября 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/2.
- ²⁵ *New Laos Drive Ordered // Washington Post and Times Herald. November 15. 1960.*
- ²⁶ *U. S. Urges Laos Drop Attack Plan; Fears Move on Right-Wing Force in Luang Prabang Would Aid Pro-Reds // New York Times. November 16. 1960.*

- ²⁷ *Nevard J.* Laos to Seek Ties with Red Chinese; Missions Going to Peiping and North Vietnam – A Top General Defects to Rebels // *New York Times*. November 18, 1960.
- ²⁸ Reds Taken into Laos Cabinet // *Washington Post and Times Herald*. November 19. 1960.
- ²⁹ Памятная запись беседы Абрамова и Суванны Фумы, 23 ноября 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/2.
- ³⁰ Laos Regime Hints at Call for Red Aid // *Washington Post and Times Herald*. November 23. 1960.
- ³¹ Soviet Aid to Arrive in Laos in Few Days // *New York Times*. November 24. 1960; Reds to Fly Supplies to Laos // *Washington Post and Times Herald*. November 24. 1960.
- ³² *Eliades G.* Op. cit. P. 349.
- ³³ Laotians Report Rightist Attack; Premier Says 3 Battalions and Armor Are Striking 100 miles from Capital // *New York Times*. December 1. 1960.
- ³⁴ *Essoyan R.* Laos Leftists Protest Inclusion of Rightists in All-Party Coalition // *Washington Post and Times Herald*. December 3. 1960.
- ³⁵ *Nevard J.* Laos Calls on US to Halt Rebel Aid; Premier Also Discloses Bid for Cease-fire Agreement with Attacking Rightists // *New York Times*. December 6, 1960.
- ³⁶ *Nevard J.* Laos Confirms Rightist Attack; Premier Tells of Fighting 100 miles from Capital – Sends Reinforcement // *New York Times*. December 4, 1960.
- ³⁷ *Nevard J.* Rightist Troops Advance in Laos; Cross River at Scene of Fighting 100 miles East of Neutralist Capital // *New York Times*. December 5. 1960.
- ³⁸ *Nevard J.* Soviet Says U. S. Fans War in Laos; Envoy in Vientiane Hints of Intervention If Neutralist Regime Is Imperiled // *New York Times*. December 6, 1960; *Dommen A.* Conflict in Laos: The Politics of Neutralization / rev. ed. New York: Praeger, 1971. P. 164.
- ³⁹ Резолюция от 7 декабря 1960 г. // АПРФ. Часть советских поставок перевозилась по железной дороге через китайско-советскую границу в Нанкин, а затем – самолетами в Ханой и Вьентьян. 10 декабря 1960 г. к советско-китайской границе прибыло 11 железнодорожных вагонов с оружием и 35 вагонов с нефтепродуктами, см.: Памятная запись беседы Н. Г. Сударикова и Ли Сяня, 10 декабря 1960 г. // МИД. 0100. 53/455/13. Л. 53; цит. по: *Gaiduk I. V.* Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press, 2003. P. 143.
- ⁴⁰ Справка «О Лаосе». 14 марта 1961 г. // МИД. 0570. 7/6/12. С. 1–3.
- ⁴¹ Памятные записи бесед Александра Абрамова и Кинима Фолсены, 9 и 10 декабря 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/2.
- ⁴² *Dommen A.* Laotian Army Chief Proclaims Military Rule // *Washington Post and Times Herald*. December 11. 1960.

- ⁴³ *Nevard J.* Soviet Guns Sent into Laos by Air; Pro-Red in Power; Artillery Bolsters Vientiane Defense against Pro-West Forces outside City // *New York Times*. December 12. 1960.
- ⁴⁴ Памятная запись беседы В. В. Кузнецова и посла Польши Б. Ящука, 9 января 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14.
- ⁴⁵ Дневник Александра Абрамова. 2–20 декабря 1960 г. // МИД. 0570. 6/3/2.
- ⁴⁶ *Kalb M. G.* Op. cit. P. 184–189.
- ⁴⁷ *Parmet H. S.* Jack: The Struggles of John F. Kennedy. New York: Dial Press. 1980. P. 226–229.
- ⁴⁸ *Dallek R.* Un Finished Life: John F. Kennedy. 1917–1963. Boston: Little, Brown and Co., 2003. P. 222–223.
- ⁴⁹ *Parmet H. S.* Op. cit. P. 227.

Глава 14. «Он сукин сын»

- ¹ *Bohlen Ch. E.* Op. cit. P. 475.
- ² American Legion Convention, Miami Beach, Florida. October 18, 1960. U. S. Senate. The Speeches, Remarks, Press Conferences and Statements of Senator John F. Kennedy, August 1 through November 7, 1960. Committee on Commerce, 87th Congress. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1961, 1961.
- ³ *Ibid.*, passim.
- ⁴ Там же. Фресно, Калифорния. 9 сентября 1960 г.
- ⁵ Там же. Цинциннати, Огайо. 6 октября 1960 г.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Громыко – НСХ, 3 августа 1960 г. // Центр хранения современной документации [далее – ЦХСД]. 5/30/335. С. 92–108. Воспроизведено в: *CWHP Bulletin*. No. 4. Fall 1994. P. 65–67. Управление информации (отдел 16) – руководителю отдела Д. 31 мая 1961 г. С. 96–109 // СВР.
- ⁸ Громыко – НСХ, 3 августа 1960 г. // ЦХСД. 5/30/335. С. 92–108. Воспроизведено в: *CWHP Bulletin*. No. 4. Fall 1994. P. 65–67.
- ⁹ Управление информации (отдел 16) – руководителю отдела Д, 31 мая 1961 г. С. 96–109 // СВР.
- ¹⁰ Мнение Хрущева о руководстве Соединенных Штатов ясно изложено в двух стенографических отчетах заседаний Президиума от 26 мая 1961 г. и 8 января 1962 г. // Архивы Кремля.
- ¹¹ См.: Памятные записи бесед Ульбрихта и Хрущева (в восточногерманской версии), 30 ноября 1960 г., 15 сентября 1961 г., 31 октября 1961 г. // *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»... Papers, appendices*; Памятная запись беседы Ульбрихта и Хрущева (в советской версии), 30 ноября 1960 г. // АПРФ.

- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Шелепин – НСХ, 3 декабря 1960 г. // СВР.
- ¹⁵ НСХ – Ульбрихту, 30 января 1961 г. // *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...*
- ¹⁶ Реплики в городе Мадера (Калифорния), 9 сентября 1960 г., см.: U. S. Senate. The Speeches, Remarks, Press Conferences and Statements of Senator John F. Kennedy...
- ¹⁷ Пресс-конференция ДЖК. 28 июля 1969 г. // *Ibid.*
- ¹⁸ Цит. по неопубликованной диссертации: *Coleman D. G. The Greatest Issue of All: Berlin, National Security and the Cold War* (Квинслендский университет, 2000. Р. 236–237). Авторы благодарны профессору Колеману, ознакомившему их со своей убедительно аргументированной и основательной диссертацией.
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Helgerson J. Getting to Know the President: CIA Briefings of Presidential Candidates 1952–1992.* Washington, D. C.: Center for the Study of Intelligence, CIA. Ch. 3, *passim.*
- ²¹ Гаррисон Солсбери анализирует цены начала 1962 г., см.: *Salisbury H. E. A New Russia?* New York: Harper and Row, 1962. Р. 120.
- ²² Стенограмма от 16 февраля 1961 г. // Архивы Кремля.
- ²³ *Salisbury H. E. A Op. cit.* Р. 120.
- ²⁴ *Ibid.* О последствиях решения увеличить высотность этих домов см.: Стенограмма от 17 июня 1961 г. // Архивы Кремля.
- ²⁵ Протокол 320 от 23 марта 1961 г. // Там же.
- ²⁶ Стенограмма от 16 февраля 1961 г. // Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Протокол 321 от 25 марта 1961 г. // Там же.
- ²⁹ *Griffith W. E. Albania and the Sino-Soviet Rift.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1963. Р. 81. На своем партийном съезде, в феврале, албанцы обрушились с критикой на Хрущева в присутствии советской делегации, возглавляемой членом Президиума Петром Поспеловым. Режим Энвера Ходжи в Тиране разделял мнение Пекина, что Хрущев слишком снисходителен к западным капиталистам.
- ³⁰ Протокол 316 от 24 февраля 1961 г. // Архивы Кремля.
- ³¹ Справка «О Лаосе», 14 марта 1961 г. // МИД. 0570. 7/6/19.
- ³² Там же.
- ³³ Телеграмма ДФК Раску (Бангкок), 27 марта 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 24. Р. 105–107. Эта телеграмма, в которой президент рассказал о своей

встрече с Громько – единственный из обнаруженных американских документов. Среди документов советского министерства иностранных дел о Лаосе памятной записи не обнаружено.

- ³⁴ Памятная запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР Г. Пушкина и заместителя премьер-министра ДРВ Нгуена Зуи Хиня, 1 апреля 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14.
- ³⁵ О своей поддержке прекращения огня Советы заявили 7 апреля, см.: Заявление Патет Лао в ответ на советскую позицию. 7 апреля 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14. Телефонграмма советского посла Червоненко (Пекин) в Москву. 12 апреля 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14. Оценка памятной записки по Китаю, 12 мая 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14.
- ³⁶ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 431.
- ³⁷ Ibid. P. 433–434.
- ³⁸ Фурсенко, находившийся в то время в Ленинграде, вспоминает искреннюю гордость тех жителей второго города СССР, которые вышли на улицы, чтобы отпраздновать достижение Гагарина.
- ³⁹ Сергей Хрущев вспоминает, как его удивил масштаб празднования.
- ⁴⁰ На заседании Президиума в июне 1961 г. Хрущев обсудил проблему обрушения балконов, см.: Сенограмма от 17 июня 1961 г. // Архивы Кремля.
- ⁴¹ Канадское посольство в Гаване – в Оттаву. 26 апреля 1961 г. «Bay of Pigs: 40 Years After: Briefing Book of International Documentation from Brazilian, British, Canadian, Czech and Russian Archives». Международная конференция. Гаваана, 20–24 марта 2001 года.
- ⁴² КГБ (город Мехико) – в Центр. 12 апреля 1961 г. // СВР.
- ⁴³ См.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 47–92.
- ⁴⁴ Томпсон – государственному секретарю. 1 апреля 1961 г. // Record Group 59. State Department Central Decimal File, 611.61. NARA-II.
- ⁴⁵ Пресс-конференция президента. 12 апреля 1961 г. // Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President. January 20 to December 31, 1961. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1962. P. 258–259.
- ⁴⁶ Интервью А. Фурсенко с Александром Алексеевым. 1993 г., см. также: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 89.
- ⁴⁷ Памятная запись беседы Эрнесто Гевары и С. М. Кудрявцева, 14 апреля 1961 г. // Bay of Pigs Collection. National Security Archive.
- ⁴⁸ Канадское посольство в Гаване – в Оттаву. 26 апреля 1961 г. // «Bay of Pigs: 40 Years After». О том, что о дате вторжения в Залив Свиней Кастро не знал заранее, можно сделать вывод из его выступления перед кубинским народом 23 апреля, см.: Канадское посольство в Гаване – в Оттаву. 27 апреля 1961 г. // Там же.

- ⁴⁹ Гавана – в Центр. 17 апреля 1961 г. // СВР. Дело 88631. С. 169–170; см.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 93–94. (Здесь рассказывается о действиях советской разведки в этих неожиданных обстоятельствах.)
- ⁵⁰ Афины – в Центр. 28 апреля 1961 г. // СВР. Дело 87701 (март 1961 года – август 1962 г.: внутренняя и экономическая политика США). С. 31; Вашингтон – в Центр. 30 апреля 1961 г. // СВР. Дело 87701. С. 31; Лондон – в Центр. 29 апреля 1961 г. // СВР. Дело 87701. С. 32. На самом деле Кеннеди провел внутреннюю проверку роли разведки в провале. Советская информация об этой внутренней проверке операции в Заливе Свиней крайне скудна. Во-первых, сообщалось, что проводить эту проверку было поручено Телфорду Тейлору, бывшему обвинителю на Нюрнбергском процессе со стороны США, но фактически ее курировал генерал Максвелл Тейлор – военный советник президента Кеннеди, а позже – председатель Объединенного комитета начальников штабов. Париж – в Центр. 3 июня 1961 г. // СВР. С. 49.
- ⁵¹ Источником был журналист по имени Вальд, корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибьюн». Лондон – в Центр. 29 апреля 1961 г. // СВР. Д. 87701. Л. 32.
- ⁵² См.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 92–97; Канадское посольство в Гаване – в Оттаву. 27 апреля 1961 г. // «Bay of Pigs: 40 Years After».
- ⁵³ 25 апреля 1961 г. // АПРФ. 3/65/900. С. 119.
- ⁵⁴ *Thomas E. Robert Kennedy: His Life.* New York: Simon and Schuster, 2000; фотографии с комментариями на вкладышах.
- ⁵⁵ Интервью Нафтали с Эдвином О. Гатманом. 14 июля 1994 г.
- ⁵⁶ Интервью Тимоти Нафтали с Макджорджем Банди. Ноябрь 1995 г.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Доказательства того, что Кеннеди был сторонником всеобъемлющего запрещения испытаний ядерного оружия, см.: *Presidential Recordings: John F. Kennedy. The Great Crises* // ed. by T. Naftaly... Vol. 1. P. 132–186.
- ⁵⁹ Своим ближайшим сотрудникам Кеннеди говорил, что, если бы не его собственный опыт в Лаосе, то в апреле 1961 г. он послал бы туда военных. О том, как далеко он зашел, см.: *Freedman L. Kennedy's Wars: Berlin, Cuba, Laos and Vietnam.* New York: Oxford Univ. Press, 2000. P. 299–304.
- ⁶⁰ 9 мая 1961 г. Конспективное сообщение «Краткое совещание: беседа Г. Большакова с Р. Кеннеди (9 мая 1961 г. – 14 декабря 1962 г.) // ГРУ. Ни одного американского сообщения об этой встрече обнаружить не удалось.
- ⁶¹ НСХ – ДФК. 12 мая 1961 г. (доставлено 16 мая 1961 г.) // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 18–21.
- ⁶² На заседании Президиума от 26 мая 1961 г. Хрущев говорил о давлении на него военных. Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля. О неготовности СССР проводить подземные испытания он говорил на заседании

Президиума в апреле 1963 г., см.: Стенограмма, апрель 1963 г. // Архивы Кремля.

- ⁶³ Протокол 329 от 18 мая 1961 г. содержит указания относительно встречи Большакова с РФК // АПРФ. 3-66-311.
- ⁶⁴ Первухин – в МИД. 19 мая 1961 г.; цит. по: *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...* Р. 36.
- ⁶⁵ О встрече, состоявшейся 21 мая 1961 г., мы знаем благодаря двум конспектам встреч РФК и Большакова, подготовленным ГРУ, советской службой военной разведки. О первом, подготовленном в 1995 г., мы уже упоминали. Он называется «Краткое совещание: беседа Г. Большакова с Р. Кеннеди (9 мая 1961 года – 14 декабря 1962 года)». Второй, подготовленный в 1999 г., включает только беседы, связанные с германским вопросом: «Краткое совещание: беседа Г. Н. Большакова с Р. Кеннеди и ближайшим окружением его и президента Д. Кеннеди по германскому вопросу (21 мая 1961 года–13 апреля 1962 года)». Впоследствии о нем будет упоминаться как о «Кратком совещании по германскому вопросу (21 мая 1961 года – 13 апреля 1962 года)».
- ⁶⁶ Совещание от 21 мая 1961 г. // «Краткое совещание по германскому вопросу (21 мая 1961 года – 13 апреля 1962 года)» // ГРУ.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Томпсон – государственному секретарю. 24 мая 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. Р. 66–69. Томпсон не приводит никаких прямых цитат. Они взяты из слов Хрущева на заседании Президиума от 26 мая, см.: Стенограмма от 26 мая 1961 г. Ответы Роберта Кеннеди на вопросы Большакова см в: Совещание от 24 мая 1961 г. // «Краткое совещание: беседа Г. Большакова с Р. Кеннеди (9 мая 1961 года – 14 декабря 1962 года)» // ГРУ.
- ⁶⁹ Томпсон, ничего не знавший о переговорах, проходивших при посредничестве Роберта Кеннеди, был плохо подготовлен к этой встрече. Президенту следовало бы предупредить Томпсона, что Хрущев – против запрещения испытаний и пытается навязать диалог по Берлину. Через Большакова Кеннеди хотел выяснить, что имел в виду Хрущев, когда говорил, что американским военным «придется потуже затянуть пояса». Однако Большаков никак не мог прокомментировать это высказывание, и Кремль не предоставил ему по этому поводу никакой другой рабочей информации, см.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. Р. 123–124.
- ⁷⁰ Томпсон – государственному секретарю. 27 мая 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. Р. 77–78.
- ⁷¹ Хрущев не пригласил стенографиста на заседание от 7 ноября 1958 г., на котором он безуспешно пытался положить конец Потсдамскому соглашению. Однако в разгар Иракского кризиса и во время дискуссий о XXI съезде партии стенографист присутствовал. То, что для советского министерства иностранных дел это стало сюрпризом, явствует из материалов, которые оно подготовило для заседания 26 мая. Заместитель министра иностранных дел В. В. Кузнецов написал меморандум, в котором предлагались воз-

можные темы для обсуждений, но в нем ничего не говорилось об объявлении ультиматума по Берлину. Кузнецов, 26 мая 1961 г. // АПРФ. З/66/311. С. 58–61. В деле о встрече в Вене из АПРФ нет никаких упоминаний о том, что памятная записка по Берлину с предложением шестимячного ультиматума (записка, которую Хрущев вручил Кеннеди 4 июня) была подготовлена до заседания Президиума, проходившего 26 мая.

⁷² Стенографист не занес в протокол возражения Микояна. Об аргументации Микояна можно судить на основании записей Малина во время заседания и записанного ответа Хрущева Микояну, см.: Стенограмма от 26 мая 1961 г.; Протокол 331 от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля.

⁷³ Протокол 331 от 26 мая 1961 г. // Там же.

⁷⁴ Анатолий Добрынин присутствовал на этом заседании в качестве руководителя Американского отдела советского министерства иностранных дел. Его краткое воспоминание об этом заседании служит дополнением к записям Малина и к стенографическому отчету, см.: *Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

⁷⁵ Чтобы заявить о своей решимости, Хрущев добавил, что он готов тратить деньги на обычные вооружения в Германии: «Если там нужны подкрепления, то мы можем предоставить дополнительное вооружение. Об этом нужно хорошенько подумать, чтобы не спешить с этим. Во-первых, мы должны доставить туда артиллерию и обычное вооружение, а потом и военных, чтобы там у нас были прочные позиции в случае провокации. У нас есть на это полгода. Так что можно не спешить, подумать об этом теперь, и сообщить ваши выводы потом, в течение двух недель. Если потребуется дополнительная мобилизация, ее можно будет провести, не объявляя ее. Там нужны подкрепления, потому что надо соответствовать действительности».

⁷⁶ Список подарков Центральный Комитет официально одобрил 27 мая. «Список, подарки на память и сувениры для возможного вручения во время пребывания Н. С. Хрущева в Австрии». 27 мая 1961 г. // АПРФ.

⁷⁷ Памятная записка, 31 мая 1961 г., 12:30 // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 81.

⁷⁸ Там же. P. 82.

⁷⁹ Памятная записка, 14:50 // Там же. С. 86.

⁸⁰ Памятная записка, 3 июня 1961 г., 12:45 // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 172–178.

⁸¹ Москва – государственному секретарю. 24 мая 1961 г. 8:33 // State Department Central Decimal File, 1960–1963, 611.61. NARA-II.

⁸² Памятная записка, 3 июня 1961 г., 15:00 // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 182–197.

⁸³ Памятная записка, 4 июня 1961 г., 10:15 // Там же. С. 206–225.

- ⁸⁴ Robert Kennedy in His Own Words: The Unpublished Recollections of the Kennedy Years // eds. O. Guthman O., E., Sh. Jeffrey. New York: Bantam, 1988. P. 258.
- ⁸⁵ Заявления Большакова основаны на данных из двух разных архивов. О реакции Хрущева на предложения Кеннеди о запрещении испытаний можно судить на основании третьего, см.: Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля.
- ⁸⁶ Эта памятная записка – необычный документ. Она носит следы спешки или скрытого недовольства рискованностью Хрущева, существовавшего в советском министерстве иностранных дел. Сообщение о шестимесячном ультиматуме теряется среди рассуждений о трудностях, предстоящих двум Германиям, если они никогда не заключат соглашения, см.: U. S. Department of State. Documents on Germany, 1944–1985. Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1985. P. 729–732. Несмотря на путаный язык документа, совершенно очевидно, что крайним сроком Хрущев считал декабрь 1961 г.: это явствует и из его комментариев президенту Кеннеди, и из его более поздних выступлений, от Восточной Германии до Москвы.
- ⁸⁷ Памятная записка, 4 июня 1961 г., 15:15 // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 229–230.
- ⁸⁸ Khrushchev Remembers: The Last Testament // transl., ed. by S. Talbott... P. 499.
- ⁸⁹ Ibid. P. 501.
- ⁹⁰ Внешний вид Хрущева был описан в: *Slusser R. M.* The Berlin Crisis of 1961: Soviet-American Relations and the Struggle for Power in the Kremlin, June–November 1961. Baltimore; London: Johns Hopkins Univ. Press, 1973. P. 5–15; *Taubman W.* Op. cit. P. 590.
- ⁹¹ ЦРУ достало экземпляр этой резолюции, датированной 17 июня 1961 г. // RG 59. Lot 74D379. Bohlen Papers. Box 26. NARA–II.
- ⁹² Стенограмма от 17 июня 1961 г. Все цитаты, относящиеся к решению Хрущева восстановить смертную казнь за дополнительные преступления, взяты из этого источника.
- ⁹³ *Loś M. W.* Communist Ideology, Law and Crime. New York: St. Martin's Press, 1989. P. 93–94; *Solomon P. H., Jr.* Soviet Criminologists and Criminal Policy: Specialists in Policy-Making. New York: Columbia Univ. Press, 1978. P. 68–69.
- ⁹⁴ Выступление от 8 июля цит. по: *Slusser R. M.* Op. cit. P. 51–57.
- ⁹⁵ Хрущев заявлял об этом и 26 мая, когда он сказал Президиуму, что надо подождать, когда американцы нарушат мораторий, см.: Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля. В интервью Владиславу Зубку Юрий Смирнов, член группы исследователей Сахаровского центра, вспоминал, как 10 июля 1961 г. Хрущев встревожил сообщество стран, обладающих ядерным оружием, когда заявил о своем намерении отменить мораторий, см.: *Zubok V., Pleshakov C.* Op. cit. P. 253, 333, 64.

Глава 15. Железное кольцо

- ¹ Джеймсу «Скотти» Рестону из «Нью-Йорк таймс» разрешили встретиться с Кеннеди в посольстве США, когда президент отдыхал после своей последней встречи с Хрущевым. Кеннеди, доверившись ему, рассказал, почему, судя по всему, все вышло так плохо. *Reston J. Deadline: A Memoir. New York, Random House, 1991. P. 299. Цит. по: Dallek R. Op. cit. P. 413.*
- ² Совещание от 9 мая 1961 года // «Краткое совещание: беседа Г. Большакова с Р. Кеннеди (9 мая 1961 года – 14 декабря 1962 года)» // ГРУ.
- ³ *Dallek R. Op. cit. P. 413–414.*
- ⁴ *Bohlen Ch. E. Op. cit. P. 483.*
- ⁵ Кеннеди страдал от болезни Аддисона, вызывающей хронический дефицит адреналина. О многочисленных заболеваниях президента см.: *Dallek R. Op. cit.*
- ⁶ В эту команду входил опытный корреспондент Белого дома Хью Сайди, см.: *Sidey H. John F. Kennedy, President. New York: Atheneum, 1964. P. 173–174.*
- ⁷ *Dallek R. Op. cit. P. 418.*
- ⁸ *Baldwin H. W. Soviet Air Power Rouses Congress // New York Times. July 23. 1961.*
- ⁹ *Topping S. Soviet Says Navy Has Atomic Edge // New York Times. July 22. 1961.*
- ¹⁰ *Chace J. Acheson: The Secretary of State Who Created the American World. New York: Simon and Schuster, 1998. P. 381–394, passim; Brinkley D. Dean Acheson: The Cold War Years 1953–1971. New Haven: Yale Univ. Press, 1992. P. 108–153, passim.*
- ¹¹ Цит. по: *Parmet H. S. Op. cit. P. 208.*
- ¹² *White Th. «JFK–2». Notebook. Box 80 // Theodore White Papers, Harvard Univ [Документы Теодора Уайта. Гарвардский университет].*
- ¹³ Дин Ачесон – Гарри Трумэну, 4 августа 1961 г. // Truman Post-Presidential Papers: Name File: Acheson, Dean – Correspondence, 1960–1963 // HST Library [Библиотека Гарри Эс Трумэна].
- ¹⁴ См.: Памятная запись заседания информационной группы по Германии и Берлину, 12 июля 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Washington D. C.: Government Printing Office, 1992. Vol. 14. P. 187–191; Памятная запись [Банди] на заседании СНБ, 13 июля 1961 г. // Ibid. P. 192–194. Заметки о заседании СНБ [Лемницер]. 13 июля 1961 г. // Ibid. P. 194–196.
- ¹⁵ О мнении Кеннеди накануне его ознакомления с этой информацией см.: Памятная запись [Банди] на заседании СНБ, 13 июля 1961 г. // Ibid. P. 194. О времени принятия им решений по Берлину см.: *Sorensen Th. C. Kennedy. New York: Harper and Row, 1965. P. 587–591.*

- ¹⁶ *Schechter J. L., Deriabin P. S.* The Spy Who Saved the World: How a Soviet Colonel Changed the Course of the Cold War. New York: C. Scribners' Sons, 1992. P.188–189.
- ¹⁷ Ibid. P. 186.
- ¹⁸ Памятная запись беседы министра обороны Роберта Макнамары с Дуайтом Эйзенхауэром подтверждает, что эта информация была получена в Белом доме до того, как 17 июля Кеннеди принял решение по Берлину, см.: Памятная запись, 15 июля 1961 г., меморандум совещания, 1961–1963 // Post-Presidential [Документы после президентства], Augusta–Walter Reed Series [серия Огаста–Уолтер Рид], Box 2 // DDE Library. Однако результаты космической разведывательной программы «Corona» не отражались в официальных национальных разведывательных сводках до сентября 1961 г., см.: National Intelligence Estimate, 11–8-61. 21 сентября 1961 г.; Corona: America' First Satellite Program // ed. by K. Ruffner. Washington, D. C.: Center for the Study of Intelligence, CIA, 1995. P. 127–156. Этот вариант национальных разведывательных сводок от 11 августа 1961 г. свидетельствует о том, что после рассекречивания программы «Corona» в 1995 г. могли производиться дополнительные запуски.
- ¹⁹ См.: Памятная запись, 15 июля 1961 г., меморандум совещания, 1961–1963 // Post-Presidential. Augusta–Walter Reed Series. Box 2. DDE Library.
- ²⁰ Позже Кеннеди размышлял о своей ошибочной вере в ракетное отставание. Об этом он говорил в своей пространной дискуссии об оборонном бюджете, записанной им на магнитофон 5 декабря 1962 г. Авторы книги благодарны Дэвиду Колеману, участнику программы президентских записей Миллеровского центра (Miller Center's Presidential Recordings), представившему конспект стенограммы этой беседы.
- ²¹ О Макнамаре и ракетном отставании см.: *Shapley D.* Promise and Power: The Life and Times of Robert McNamara. Boston: Little, Brown and Co., 1992. P. 97–99.
- ²² National Intelligence Estimate (NIE) [Национальные разведывательные сводки], 11–8–61. 7 июня 1961 г.; *Steury D. P.* Estimates of Soviet Military Power, 1954 to 1984. Washington, D. C.: Center for the Study of Intelligence, CIA, 1994.
- ²³ *Roman P. J.* Eisenhower and the Missile Gap. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1995. P. 184.
- ²⁴ Памятная запись, 15 июля 1961 г., меморандум совещания, 1961–1963 // Post-Presidential. Augusta–Walter Reed Series. Box 2 // DDE Library.
- ²⁵ Макджордж Банди объясняет, каким образом, по крайней мере, он и Теодор Соренсен поняли, что за июльскими решениями Кеннеди стоит это соображение, см.: *Bundy M.* Danger and Survival: Choices about the Bomb in the First Fifty Years. New York: Random House, 1988. P. 374–375.
- ²⁶ Памятная запись, Банди, 10 июня 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 107–109.

- ²⁷ Памятная запись, 17 июля 1961 г. // Ibid. P. 209–212. Кеннеди позаботился и о том, чтобы в координационную группу, созданную им в тот день для ежедневного мониторинга кризиса, не входили ни Ачесон, ни Линдон Джонсон.
- ²⁸ *Dallek R.* Op. cit. P. 417.
- ²⁹ НСХ – ДФК, 29 сентября 1961 г. // FRUS. 1961. Vol. 6. P. 25.
- ³⁰ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 208.
- ³¹ Об «утечке мозгов» Хрущев отзывался как об «огромной угрозе» ГДР, см.: *Khrushchev Remembers* // transl., ed. by S. Talbott... P. 456.
- ³² *Catudal H. M.* Kennedy and the Berlin Wall Crisis: A Case Study in U. S. Decision Making. Berlin: Berlin-Verlag, 1980. P. 164.
- ³³ Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 30 ноября 1960 г. // АПРФ.
- ³⁴ Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля; см.: *Khrushchev Remembers* // transl., ed. by S. Talbott... P. 57.
- ³⁵ *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes* / transl., ed. by J. L. Schecter, V. V. Luchkov... P. 168.
- ³⁶ Заявление президента относительно ответа США на памятную записку советского правительства по Германии и Берлину, 19 июля 1961 г. *Public Papers of the Presidents of the United States: John Kennedy, January 20 – December 31, 1961.* Washington, D. C.: Government Printing Office, 1962. Document 292. P. 521–523.
- ³⁷ Позднее, во время встречи с Ульбрихтом, Хрущев намекнул, насколько важной для него была эта информация с конца июля 1961 г., см.: Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 3 августа 1961 г. // АПРФ.
- ³⁸ Шелепин – НСХ, 20 июля 1961 г. // Там же. Для этого Хрущеву КГБ был не нужен. В выпуске журнала «Ньюсуик» от 3 июля, появившемся в газетных киосках в конце июня, излагались во многом те же самые шаги, которые Пентагон посоветовал Кеннеди.
- ³⁹ Обсуждение этих разведданных см.: Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Первухин – Громыко, 19 мая 1961 г.; цит. по: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 170–171.
- ⁴² «Меры по усилению контроля и защиты внешнего кольца и секторальных границ Большого Берлина», подписаны 21 июля 1961 г. заместителем министра внутренних дел ГДР генерал-майором Зайфертом; начальником штаба МВД полковником Циде и начальником штаба германской пограничной полиции генерал-майором Боровко. Одобрены начальником штаба Группы советских войск в Германии генерал-лейтенантом Арико, см.: АПРФ. 3–64–744. С. 53–56.
- ⁴³ Громыко – в ЦК, 22–23 июля 1961 г. // Там же. Л. 21.

- ⁴⁴ Советский посол Пацуро (Варшава) – в Москву, 27 июля 1961 г. // Там же. Л. 121–122. Характеризуя свою встречу с Гомулкой 26 июля, Пацуро говорил, что следовал указаниям Центрального Комитета.
- ⁴⁵ *Reston J. Kennedy to Speak on Berlin Tonight* // *New York Times*. July 25. 1961.
- ⁴⁶ *Sorensen Th. S. Op. cit.* P. 591–592.
- ⁴⁷ Kennedy: «A Wider Choice» // *Newsweek*. August 7. 1961.
- ⁴⁸ *Ibid.*
- ⁴⁹ Радио- и телевизионное сообщениз американскому народу о Берлинском кризисе, 25 июля 1961 г. // *Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy...* P. 533–540. Соренсен, написавший большую часть речи, приписал Максвеллу Тейлору строчки, сравнивающие защиту Западного Берлина с защитой Бастони, о которой Тейлор знал по своему собственному опыту, и упоминание о Сталинграде, о защите которого Хрущев знал по собственному опыту. См.: *Sorensen Th. S. Op. cit.* P. 591.
- ⁵⁰ Телеграмма Макклоя Раску, 29 июля 1961 г. // *FRUS. 1960–1961. Vol. 14.* P. 235.
- ⁵¹ В материалах Президиума, относящихся к кризису, не обнаружено записей сообщения Хрущева Первухину. Мы предполагаем, что Хрущев передал информацию Ульбрихту, воспользовавшись спецсвязью. В архивных материалах имеется ответная телеграмма Первухина. Чтобы восстановить ход событий, мы воспользовались и этой телеграммой, и пересказом этой истории Хрущевым Ульбрихту в августе, см.: Телеграмма Первухина НСХ, 27 июля 1961 г. // АПРФ. 3–64–744; Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 3 августа 1961 г. // Там же.
- ⁵² 24 июля Политбюро Восточной Германии одобрило проект выступления Ульбрихта, в котором упоминалось лишь об усилении контроля на границе Берлина, а не о ее закрытии. Судя по всему, восточные немцы еще не решили, закроют ли пограничный сектор до подписания мирного договора. Они ждали разрешения из Москвы. О дискуссии в восточногерманском Политбюро 24 июля и о стилистике проекта выступления Ульбрихта см.: *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...* P. 189–190.
- ⁵³ *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes* / transl., ed. by J. L. Schechter, V. V. Luchkov... P. 169. Старейший сотрудник советского министерства иностранных дел Юлий Квицинский вспоминал, что в первую неделю июля Хрущев сообщил Ульбрихту, что он готов разрешить восточным немцам построить стену. Однако тональность сообщения Первухина от 27 июля наводит на мысль, что окончательное одобрение Хрущева поступило позже, 26 июля. О Квицинском см.: *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...* P. 186–187.
- ⁵⁴ Первухин – НСХ. 27 июля 1961 г. // АПРФ. 3–64–744.
- ⁵⁵ Собрание стенограмм Малина не поможет восстановить историю деятельности Политбюро, связанной со строительством Берлинской стены, пото-

му что в нем нет записей о заседаниях в промежутке между протоколом 334 от 17 июня 1961 г. и протоколом 349 от 7 октября 1961 г. [Архивы Кремля]. Из информации в «Правде» Роберт Шлассер установил, что Хрущев не возвращался в Москву до 31 июля, см.: *Slusser R. M.* Op. cit. P. 95–96. Официальное заседание Президиума в Пицунде тоже можно исключить. Если бы Хрущеву удалось собрать руководство в Пицунде до того, как 27 июля он позволил Первухину в Восточный Берлин, то Макклой заметил бы эту активность.

⁵⁶ Микоян и Громыко – в ЦК, 29 июля 1961 г. // РГАНИ. 3/14/947. С. 26–42; цит. по: *Murphy D., Kondrashev S., Bailey G.* Battleground Berlin: The CIA vs. KGB in the Cold War. New Haven: Yale Univ. Press, 1997. P. 499.

⁵⁷ *Zubok V., Pleshakov C.* Op. cit. P. 253–254.

⁵⁸ *Andrew Ch., Mitrokhin V.* The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World. New York: Basic Books, 2005. P. 40–43.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 3 августа 1961 г. // АПРФ.

⁶¹ Там же.

⁶² *Khrushchev Remembers: The Last Testament* / transl., ed. by S. Talbott... P. 506.

⁶³ Гомулка – в ЦК, 30 июля 1961 г. // АПРФ.

⁶⁴ *Murphy D. [et al.]* Op. cit. P. 373, 499. Note 32.

⁶⁵ Ульбрихт – в ЦК КПСС, 29 июля 1961 г. // АПРФ. 3–64–744. Л. 130.

⁶⁶ Преваходную характеристику этого совещания представителей стран стран Варшавского Договора см.: *Harrison H.* Ulbricht and the Concrete «Rose»... P. 194–205.

⁶⁷ Слова Хрущева см.: Ibid. P. 201.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ О «выкручивании рук» социалистических союзников по вопросу экономической помощи Восточной Германии см.: Ibid. P. 199–202. Доказательством того, что они приняли резолюцию в поддержку закрытия секторальных границ, является запись беседы Первухина и Хрущева от 10 августа 1961 г. // АПРФ. 3–64–745. Л. 125.

⁷⁰ *Harrison H.* Ulbricht and the Concrete «Rose»... P. 205.

⁷¹ Первухин – Хрущеву, 10 августа 1961 г. // АПРФ. 3–64–745. Л. 125.

⁷² Там же. Сведения о раздаче колючей проволоки взяты из работы: *Wyden P.* Wall; цит. по: *Murphy D. [et al.]* Op. cit. P. 377.

⁷³ *Khrushchev Remembers* / transl., ed. by S. Talbott... P. 457; *Khrushchev Remembers: The Last Testament* / transl., ed. by S. Talbott... P. 505.

⁷⁴ *Cate C.* The Ideas of August: The Berlin Wall Crisis, 1961. New York: M. Evans, 1978. P. 178–181.

- ⁷⁵ CIA, Current Intelligence Weekly Summary [сводка текущей информации за неделю]. 17 августа 1961 г. // *On the Front Lines of the Cold War: Documents on the Intelligence War in Berlin, 1946 to 1961*. CIA History Staff / ed. by D. P. Steury. Washington, D. C.: Center for the Study of Intelligence. 1999.
- ⁷⁶ Первухин, Конев, Чуйков – Хрущеву, 10–12 августа 1961 г. // АПРФ. 3-64-745. Л. 133–135.
- ⁷⁷ *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...* P. 205.
- ⁷⁸ URL: www.wall-berlin.org, Германский исторический музей (Берлин). (дата обращения – 17 июня 2003 г.).
- ⁷⁹ Ульбрихт рассказал об этом Хрущеву во время их встречи в ноябре 1961 г. НСХ и Ульбрихт. 2 ноября 1961 г. // АПРФ.
- ⁸⁰ Маршал Конев и генерал Арико – НСХ, 13 августа 1961 г. Там же. 3-65-745. С. 140–141. Они также сообщили, что восточногерманская полиция хорошо со всем справилась и что большая часть населения не возражала против мероприятий.
- ⁸¹ *Bundy M.* Op. cit. P. 398.
- ⁸² *Sorensen Th. S.* Op. cit. P. 593. 18 августа Кеннеди официально объявил, что правительство США не будет применять силу для прорыва стены; *Chase J.* Op. cit. P. 393–394.
- ⁸³ *Dallek R.* Op. cit. P. 426. После того как Джозеф Олсоп в своей статье объяснил пользу стены, Кеннеди послал ему рукописную записку, конфиденциально сообщив ему о своем согласии. *Alsop J. W., Platt A.* «I've Seen the Best of It»: *Memoirs*. New York: Norton, 1992. P. 446.
- ⁸⁴ *Dallek R.* Op. cit. P. 425–427; см. также: *Sorensen Th. S.* Op. cit. P. 593–595.
- ⁸⁵ *Tusa A.* *The Last Division: A History of Berlin, 1945–1989*. Reading, Mass., Addison-Wesley, 1997. P. 282–286; *Murphy D. [et al.]*. Op. cit. P. 378–381.
- ⁸⁶ ЦРУ сообщило о заявлении Аденауэра, см.: *On the Front Lines of the Cold War* / ed. by D. P. Steury... P. 525–526.
- ⁸⁷ *Ibid.* P. 530.
- ⁸⁸ *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes* / transl., ed. by J. L. Schecter, V. V. Luchkov... P. 170.
- ⁸⁹ *Topping S.* *Russia Exhibits Atomic Infantry* // *New York Times*. August 18. 1961.
- ⁹⁰ Громыко и Малиновский – в Центральный Комитет. 7 июля 1962 г. (в этом докладе пересказываются события 1961 г.) // МИД. 0742. 7/28/54. С. 10–13.
- ⁹¹ Ульбрихт – Хрущеву, 31 октября 1961 г. // АПРФ. В этом письме Ульбрихт пересказал историю августовского решения. Первухин был против идеи сокращения численности контрольно-пропускных пунктов, но Ульбрихт все равно поступил по-своему.

- ⁹² Громыко и Малиновский – в Центральный Комитет. 7 июля 1962 г. // МИД. 0742, 7/28/54. С. 10–13. В середине 1962 г. Ульбрихт вновь попытался создать зону безопасности, но СССР снова ответил отказом.
- ⁹³ Через несколько дней Хрущев напомнил эти слова для Ульбрихта. Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 1 августа 1961 г. // АПРФ.
- ⁹⁴ См.: письмо НСХ к ДФК, 9 ноября 1961 г. // FRUS. Vol. 6. P. 45–57.
- ⁹⁵ Ачесон – Трумэну, 21 сентября 1961 г. // Harry Truman Library. Авторы благодарны архивисту Рэнди Сомеллу, предоставившему этот документ.
- ⁹⁶ *Schlesinger A. Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House.* Boston: Houghton, Mifflin, 1965. P. 397.
- ⁹⁷ Ibid. P. 397–398.

Глава 16. «Гроза в Берлине закончилась»

- ¹ *Slusser R. M.* Op. cit. P. 190–210; *Sulzberger C. L.* The Last of the Giants... P. 786.
- ² Редакционное примечание // FRUS. 1961–1963. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1993. Vol. 14. P. 387.
- ³ Раск – Кеннану, 14 августа 1961 г. // *Steininger R.* Der Mauerbau: die Westmächte und Adenauer in der Berlinkrise 1958–1963. München: Olzog, 2001. P. 267–268.
- ⁴ Джон Кеннеди полагал, что Спаак проявил «большое мужество и выдержку», отказав в поддержке Бельгии Моизу Чомбе и катангскому сепаратизму в Конго, см.: *Sorensen Th. S.* Op. cit. P. 637.
- ⁵ Памятная запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР Николая Фириубина и посла Польши Ястужка, 20 июля 1961 г. // МИД. 7/5/14, 0570. Поляки попросили об этой встрече в Москве с советским министром иностранных дел, чтобы сообщить о негласно полученной информации бельгийцев по Западному Берлину. Вначале бельгийский сотрудник по фамилии Ламбиотт вышел на связь с польским посольством в Брюсселе. А потом сам Спаак явился непосредственно в польское посольство, чтобы изложить свои соображения о возможном урегулировании. Он стал первым бывшим сотрудником НАТО, заявившим о своей поддержке идеи свободного города Западный Берлин.
- ⁶ *May E.* Strange Victory: Hitler's Conquest of France. New York: Hill and Wang, 2000. P. 325.
- ⁷ Talk with Khrushchev encourages Reynaud // New York Times. September 16. 1961; *Reynaud M. P. M.* Khrushchev a jugé en homme d'Etat la Vrai Valeur du Problème de Berlin // Le Monde. September 19. 1961.
- ⁸ *May E.* Op. cit. P. 337.
- ⁹ Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля. Единственным утешительным моментом отчета КГБ от 20 июля было то, что, несмотря на кажущееся единство НАТО, европейцы были гораздо менее готовы приме-

нить силу для защиты путей доступа в Западный Берлин, чем американцы. Шелепин – НСХ 20 июля 1961 г. // АПРФ.

- ¹⁰ Памятная запись беседы Кузнецова с Кроллем, 29 августа 1961 г. // Там же. 3–64–746.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Sulzberger C. L.* Op. cit. P. 801–802.
- ¹³ Эта президентская инициатива, скорее всего, была предпринята до получения Вашингтоном частного послания Хрущева. Сульцбергеру удалось переслать это послание Кеннеди лишь 10 сентября, см.: Редакционное примечание // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 401–402.
- ¹⁴ См.: National Security Action Memorandum 92. 8 сентября 1961 г. // Ibid. P. 398–399.
- ¹⁵ Памятная запись беседы Максвелла Тейлора и ДФК, 8 сентября 1961 г. // Ibid. Vol. 7. P. 168–170.
- ¹⁶ Раск – Томсону. 3 сентября 1961 г. // Ibid. Vol. 14. P. 388–389.
- ¹⁷ Томпсон – Раску. 7 сентября 1961 г. // Ibid. P. 394–395.
- ¹⁸ Памятная запись беседы ДФК с Дином Раском, 12 сентября 1961 г. // Ibid. P. 402–403.
- ¹⁹ *Sidey H.* John F. Kennedy, President. Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1964. P. 178.
- ²⁰ ДФК – Раску, переговоры по Берлину, 12 сентября 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 402.
- ²¹ См.: Ежедневные отчеты из министерства обороны (подписанные Малиновским и Захаровым) в Центральный Комитет, 15 и 16 сентября 1961 г. // Hoover Institution Library and Archives [Библиотека и архивы Гуверовского института], Palo Alto, CA [Пало-Альто, Калифорния]. Ф. 89, микрофильм. О реакции советского командования в Германии можно судить по выступлению начала октября 1961 г. (возможно, маршала Конева) перед руководством коммунистической партии в армии // Hoover Institution Library and Archives. Ф. 89, микрофильм. На этой встрече с Рейно 16 сентября Хрущев спросил: «Как вы думаете, западные немцы хотят войны?» Москва (Дежан) – в Париж, 16 сентября 1961 // DDF. № 111, 1961. Vol. 11.
- ²² *Lippmann W.* Nuclear Diplomacy // New York Herald Tribune. September 14. 1961.
- ²³ Москва (Дежан) – в Париж. 16 сентября 1961 г. // DDF. No. 111. 1961. Vol. 11.
- ²⁴ Москва (Дежан) – в Париж. 16 сентября 1961 г. // Ibid.; Paris: Imprimerie Nationale, 1998.
- ²⁵ Памятная запись беседы Фирюбина и польского посла Ястука, 29 июля 1961 г. // МИД. 7/5/14.

- ²⁶ *Spaak P.-H.* Combats inachevés. Vol. 2. De l'espoir aux déceptions. Paris: Inyard, 1969. P. 334–342. Подробно рассказав о своей поездке в Москву, Спаак, однако, не упомянул в воспоминаниях о своих июльских инициативах через поляков. Спаак утверждал, что Хрушев позвал его к себе в августе, потому что в качестве генерального секретаря НАТО он был в хороших отношениях с советским послом в Париже Сергеем Виноградовым.
- ²⁷ *Reynaud M. P.* Op. cit.; *Topping S.* Moscow Suggest the U. N. Be Moved to West Berline // *New York Times*. September 20. 1961.
- ²⁸ Памятная запись, Аллен Даллес, 22 августа 1961 г. // Вох 82. «Germany Berlin—General 8/22/61». JFK Library. Эйзенхауэр пересказал эту историю Даллесу 20 августа, на совещании по Берлину, организованном администрацией Кеннеди.
- ²⁹ *Gruson S.* Spaak Says Soviet Backs Wide Talks with No Deadline // *New York Times*. September 25. 1961; *Spaak P.-H.* Op. cit. Vol. 2. P. 338.
- ³⁰ Телеграмма из государственного департамента в Париж, резюмирующая беседу Раска и Громыко от 21 сентября // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 431–433.
- ³¹ Громыко – в Центральный Комитет, 22 октября 1951 г.; цит.по: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 209.
- ³² См.: Встречи Чэн И с Громыко, 5 и 6 июля 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14.
- ³³ Памятная запись встречи Чэн И с Громыко, 5 июля 1961 г. // Там же.
- ³⁴ Эти указания были направлены советскому послу в Северном Вьетнаме, Сурену Товмасыну, см.: Ханой (посол Товмасын) – в Москву, 14 ноября 1961 г., отчет о встрече, проведенной в Ханое по просьбе Северного Вьетнама 22–25 сентября 1961 г. // Там же. 0570, 7/5/15.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ «Просьба о помощи королевского правительства и Патет Лао – первая половина 1961 года и 1962 год» // Там же. 0570, 7/5/15. Л. 132–159. Патет Лао заявил, что у него в Лаосе 8100 солдат и 400 солдат законно проходят подготовку в Северном Вьетнаме. Однако кроме этих людей Патет Лао фактически обладал тайной армией численностью 13 324 человек, а 1100 его бойцов проходили подготовку в Северном Вьетнаме.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: Ханой (посол Сурен Товмасын) – в Москву, 14 ноября 1961 г., отчет о встрече, проведенной в Ханое по просьбе Северного Вьетнама 22–25 сентября 1961 г. // Там же. 0570, 7/5/15. Северные вьетнамцы не просто лгали Суванне Фуме, но и препятствовали тому, чтобы большая часть советской помощи поступала в Патет Лао. Чтобы ослабить поддержку Москвой Патет Лао, вьетнамские военные поменяли советские винтовки на американские винтовки «Энфилд», произведенные в 1903 г.: их они подобрали на местах сражений в конце Второй мировой войны. Бойцы Патет Лао не имели представления, что ржавые, старые винтовки, которые они получали, были военной добычей. Видимо, более совершенное советское ору-

жие вьетнамцы переправили морем на юг, чтобы помогать мятежникам в Южном Вьетнаме. На сентябрьском совещании у советских представителей создалось впечатление, что китайцы закулисно руководили представителями и Лаоса, и Северного Вьетнама. Однако в итоге, когда Москва пообещала предоставлять Патет Лао некоторую помощь, китайцы решили продемонстрировать солидарность с Советами, несмотря на коренные разногласия с ними по тактическим вопросам.

- ³⁹ Относительно этой деятельности см.: Телеграммы из Гаваны (от Алексеева) в Москву, 19 июля 1961 г., 22 июля 1961 г. // СВР. Относительно письма Кастро к НСХ от 4 сентября 1961 г. см.: АПРФ. 3–65–872. Л. 136–138.
- ⁴⁰ Кубинцы попросили восемь дивизий ракет класса «земля–воздух» (в общей сложности 360 зенитных ракетных комплексов «С-75», или «SA-2»), 412 танков, 100 транспортных средств и 282 зенитные пушки.
- ⁴¹ Единственной помощью, которую согласились направить в конце 1961 г., были четыре противоторпедных и противолодочных снаряда, отправленных морем на корабле «Тбилиси», см.: Телеграмма Алексеева в Москву, 21 января 1962 г. // СВР.
- ⁴² Телеграмма Алексеева в Москву, 11 ноября 1961 г. // СВР.
- ⁴³ НСХ – Ульбрихту, 28 сентября 1961 г. // Архивы СЕПГ; *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...*
- ⁴⁴ Elie Abel Oral History [Устный рассказ Эли Эйбела], 18 марта 1970 г. / JFK Library. В январе Эйбелу предложили должность пресс-секретаря Пентагона, но он от нее отказался, чтобы зарабатывать деньги для своей семьи. Тем не менее его отношения оставались тесными, см.: *Elie A. Kennedy after 8 Months Is Tempted by Adversity* // *Detroit News*. September 23. 1961.
- ⁴⁵ *Salinger P. With Kennedy*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1966. P. 191.
- ⁴⁶ Цит. по: *Dallek R. Op. cit.* P. 431.
- ⁴⁷ Выступление в Нью-Йорке перед Генеральной Ассамблеей ООН, 25 сентября 1961 г. // *Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President. January 20 to December 31, 1961*. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1962. P. 625; *Dallek R. Op. cit.* P. 431.
- ⁴⁸ Памятная запись беседы ДЖК и Тейлора, 18 сентября 1961 г. // FRUS. Vol. 14. P. 428–429.
- ⁴⁹ НСХ – ДФК, 29 сентября 1961 г. // *Ibid.* Vol. 6. P. 25–38.
- ⁵⁰ ДФК – НСХ, 16 октября 1961 г. // *Ibid.* P. 38–44.
- ⁵¹ Количество сообщений от сотрудников КГБ, поступавших осенью 1961 г., неизвестно. Информаторы ГРУ действовали, судя по всему, более эффективно.
- ⁵² «Встреча Большакова с информатором», 8 октября 1961 г. Обзоры Большакова по германскому вопросу (21 мая 1961 г. – 13 апреля 1962 г.) // ГРУ.

- ⁵³ Скрупулезный анализ реальной политики Франции во время Берлинского кризиса см.: *Trachtenberg M.* A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945–1963. Op. cit. P. 267–274.
- ⁵⁴ «Встреча Большакова с информатором», 21 октября 1961 г. Обзоры Большакова по германскому вопросу (21 мая 1961 г. – 13 апреля 1962 г.) // ГРУ.
- ⁵⁵ *Schlesinger A.* Op. cit. P. 400.
- ⁵⁶ *Slusser R. M.* Op. cit. P. 342.
- ⁵⁷ Москва направила в ГДР делегацию высокого уровня для участия в торжествах в честь двенадцатой годовщины ее основания, проходивших 5–8 октября, однако нет сведений о каких-либо поступавших в то время предупреждениях, см.: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 210. Поведение Ульбрихта на встрече с Хрущевым, состоявшейся 2 ноября, свидетельствует о том, что его не предупредили.
- ⁵⁸ Аллен Лайтнер – в государственный департамент, 23 октября 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 524–525.
- ⁵⁹ Ibid. P. 532. Note 1. 25 октября советский министр иностранных дел Громыко и министр обороны Малиновский попросили Хрущева «попросить товарища Ульбрихта принять меры, чтобы прекратить подобные действия полиции и властей ГДР, которые создают напряженность, не соответствующую требованиям данного момента». Харрисон ссылается на изыскания Брайса Мэннинга в архивах советского генерального штаба, см.: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 213.
- ⁶⁰ *Gelb N.* The Berlin Wall: Kennedy, Khrushchev, and a Showdown in the Heart of Europe. New York: Times Books, 1986. P. 238.
- ⁶¹ Клей – Раску, 24 октября 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 532–534.
- ⁶² Фой Колер, заместитель государственного секретаря по европейским делам, возглавлявший специальную комиссию по Берлину, был расстроен, когда 24 октября Клей не прозондировал ситуацию в Восточном Берлине. Клей, прежде чем приступить к действиям, решил подождать дальнейших указаний. Промедление Клея Колер счел «тактической ошибкой» // Там же. С. 535.
- ⁶³ *Tusa A.* Op. cit. P. 335–336.
- ⁶⁴ *Kenworthy E. W.* German Ride Act // New York Times. October 26. 1961.
- ⁶⁵ Раск – Клею, 26 октября 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 540.
- ⁶⁶ Эта встреча была устроена Эдвином Гутманом, см.: *RFK Date Diary, RFK Papers* [Датированный дневник РФК. Документы РФК], JFK Library.
- ⁶⁷ Отчет Большакова, 26 октября 1961 г. Обзоры Большакова по германскому вопросу (21 мая 1961 г. – 13 апреля 1962 г.) // ГРУ.
- ⁶⁸ *Tusa A.* Op. cit. P. 336.
- ⁶⁹ Редакционное примечание // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 544.

⁷⁰ Обзоры Большакова по германскому вопросу // ГРУ. В дневнике Роберта Кеннеди нет упоминаний об этой встрече. В 1964 г., в рамках организованной Джоном Кеннеди программы «устной истории» (Oral History Program) [имеется в виду социологический метод, основанный на сборе воспоминаний и впечатлений ныне живущих людей, участников исторических и общественных событий. – *Примеч. пер.*], Роберт Кеннеди вспоминал, что 27 октября, во время встречи с Большаковым он попросил передать Хрущеву просьбу президента отвести советские танки в течение суток. Вскоре эта просьба стала частью истории конфликта на КПШ «Чарли». Однако в материалах ГРУ нет никакого упоминания ни о танковом противостоянии, ни об этой просьбе американского президента отвести советские танки в течение суток. В деле АПРФ, относящемся к Берлину 1961 г., не обнаружено ни отчета, ни телеграммы Большакова от 27 октября. Сведения о том, когда начался отвод советских танков (в половине одиннадцатого утра по Берлинскому времени), см.: Редакционное примечание // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 544.

⁷¹ Ibid.

⁷² Памятная запись беседы Хрущева и Кролля, 9 ноября 1961 г. // АПРФ.

⁷³ *Harrison H. Driving the Soviets up the Wall...* P. 214.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ульбрихт и делегация Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) на XXII съезде КПСС в Москве // НСХ, 30 октября 1961 г. Приложение «К» к книге: *Harrison H. Ulbricht and the Concrete «Rose»...* По производству станков ГДР недовыполнит план 1961 г. на 2,5 процента, а в строительстве – на 5,3 процента. Поэтому Берлин ожидал, что в 1962 г. импорт увеличится на 13 процентов. В 1961 г. Советский Союз организовал экстренную поставку сырья, чтобы компенсировать то, чего Восточная Германия не могла получить из Западной Германии или купить в других странах. Эти поставки предполагалось продолжать лишь до середины 1962 г. «Исходя из того, что повлечет за собой мирный договор, – добавил Ульбрихт, – этого срока будет уже недостаточно».

⁷⁶ Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 2 ноября 1961 г. // АПРФ.

⁷⁷ Там же. Восточногерманскую стенограмму этой важной встречи обнаружить не удалось, см.: *Harrison H. Driving the Soviets up the Wall...* P. 306. Note 338.

⁷⁸ НСХ – ДФК, 9 ноября 1961 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 45–57.

Глава 17. Мениск

¹ Интервью О'Брайена с Розуэллом Гилпэтриком, 30 июня 1970 а. // JFK Library. В конечном счете, ВВС заказали тысячу ракет «Минитмен».

² О предыстории этого выступления см.: «Устная история» Гилпэтрика от 30 июня 1970 г. в Библиотеке Джона Ф. Кеннеди; *Gaddis J. L. We Now Know: Rethinking Cold War History*. New York: Oxford Univ. Press, 1997. P. 256–

257. Над выступлением, прежде чем его лично просмотрел Кеннеди, работали министерство обороны и государственный департамент.

³ Цит. по: *Sidey H.* John F. Kennedy, President. New York: Atheneum, 1964. P. 218.

⁴ Ibid. P. 220.

⁵ Ibid. P. 218.

⁶ URL: www.nuclearweaponarchive.org/Russia/Tsarbomba (дата обращения – 28 ноября 2005 г.); *Adamsky V., Smirnov Y.* Moscow's Biggest Bomb: the 50–Megaton Test of October 1961 // CWIHP Bulletin. Issue 4. Fall 1994. P. 3, 19–21.

⁷ Памятная запись беседы посла ГДР в Пекине Йозефа Хенгена с польским советником-посланником посольства Польши в Пекине, 1 декабря 1961 г.; цит. по: *Harrison H.* Driving the Soviets up the Wall... P. 240.

⁸ Превосходное свидетельство изменения политики Китая в Юго-Восточной Азии принадлежит Мареку Тхее, польскому члену трехсторонней Международной контрольной комиссии, см.: *Thee M.* Notes of a Witness: Laos and the Second Indochinese War. New York: Random House, 1973. P. 180–205; Справка (предшествующая визиту Суфанувонга в СССР). 26 января 1962 г. // МИД. 0570, 8/8/15.

⁹ Справка (предшествующая визиту Суфанувонга в СССР). 26 января 1962 г. // Там же.

¹⁰ Протокол 11 от 8 января 1962 г. // Там же. Наиболее значительным из отсутствующих был Микоян, оппонент Хрущева по берлинскому вопросу, который в 1961 г. открыто предсказывал неприятности. Шелепин и Брежнев тоже отсутствовали. Зато гостевые места занимали Громыко и некоторые из ключевых специалистов второго уровня по внешней политике – представители Центрального Комитета и министерства иностранных дел.

¹¹ Хрущев вспоминал, что то же самое он сказал председателю совета министров Италии Аминторе Фанфани и министру иностранных дел Норвегии Хальвару Ланге.

¹² Томпсон – Кеннану, 5 января 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1998. Vol. 5. P. 347.

¹³ Ibid. P. 346–348.

¹⁴ Томпсон – Раску, 12 января 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 751–755.

¹⁵ Москва (Томпсон) – в государственный департамент, 12 января 1962 г. // Ibid. P. 751–755.

¹⁶ Обзор. 12 января 1962 г. Обзоры встреч Большакова и Роберта Кеннеди (9 мая 1961 г. – 14 декабря 1962 г.) // ГРУ.

¹⁷ Там же.

- ¹⁸ НСХ – ДФК, 18 января 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 14. P. 763–766.
- ¹⁹ Теодор Уайт. «Пятница, 26-го» // Theodore White Papers, Box 193, Binder «May 1961–December 1962», Harvard [Документы Теодора Уайта. Коробка 193. Папка «Май 1961 года–декабрь 1962 года», Гарвард]. Авторы книги благодарны Лоре Моренчек, обнаружившей этот документ.
- ²⁰ Белый дом не приглашал посла США Томпсона участвовать во встрече с Аджубеем. Томпсон услышал о своем приглашении в США по радио «Москва» 25 января 1962 г., см.: Томпсон – Болену, 25 января 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 353.
- ²¹ *Salinger P.* Op. cit. P. 213–214.
- ²² Аджубей – в ЦК. 12 марта 1962 г. // АПРФ.
- ²³ Аджубей – в Москву. 30 января 1962 г. // Там же. Американских меморандумов беседы, состоявшейся поле обеда, обнаружить не удалось. Существует лишь памятная записка не присутствовавшего на встрече сотрудника – записка, основанная на сведениях, которые сообщил ему президент Кеннеди уже потом. Акаловский, 30 января 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 356–360.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Малиновский и Захаров – в ЦК. 10 января 1962 г. «Берлинский доклад» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 399. Ролик 4620. В тот же день советский министр обороны, ежедневно посылавший отчеты в Центральный Комитет о положении в Германии, сократил их периодичность до одного в неделю.
- ²⁶ 20 января 1962 г. // МИД. Министерство иностранных дел отклонило рекомендацию Первухина Москве подать жалобу на американцев за использование автобана американскими военными. Советскому послу в Восточном Берлине сообщили, что в таком протесте нет необходимости.
- ²⁷ CIA, Current Intelligence Weekly Review [сводка текущей информации за неделю]. 16 февраля 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 369–370.
- ²⁸ Фой Колер. Меморандум для записи, 7 февраля 1962 г. // Ibid. Vol. 14. P. 792.
- ²⁹ CIA, Current Intelligence Weekly Review, 16 февраля 1962 г. ... Захаров и Малиновский – в ЦК, 17 февраля 1962 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 399. С. 57. Этот документ характеризует эту операцию как осуществленную по приказу командования Группы советских войск в Германии. Из него явствует, что Кремль знал об этом решении и, видимо, его одобрил.
- ³⁰ Памятная запись беседы НСХ и Ульбрихта, 26 февраля 1962 г. // АПРФ.
- ³¹ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 154–155.
- ³² Справка (сводка) // ГРУ. Это происходило в то время, когда Кеннеди в интервью Стюарту Олсопу, опубликованном в журнале «Saturday Evening Post», намекнул, что в случае необходимости он применит ядерное оружие первым, см.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 177.

- ³³ Добрынин А. Ф. Указ. соч.
- ³⁴ Раск – государственному департаменту. 13 марта 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 15. P. 40–41.
- ³⁵ Справка (предшествующая визиту Суфанувонга в СССР). 26 января 1962 г. // МИД. 0570. 8/8/15.
- ³⁶ Памятная запись беседы Абрамова и Суфанувонга, 3 февраля 1962 г. // Там же. 8/7/5.
- ³⁷ Справка (предшествующая визиту Суфанувонга в СССР). 26 января 1962 г. // Там же. 8/8/15.
- ³⁸ Памятная запись беседы Абрамова и Суфанувонга, 3 февраля 1962 г. // Там же. 8/7/5.
- ³⁹ Памятная запись беседы Абрамова и Лю Чуня, представителя китайской экономической и культурной миссии в Лаосе, 29 марта 1962 г.; Памятная запись беседы Абрамова и Ле Ван Хуана, заместителя председателя государственного Комитета планирования Северного Вьетнама, 31 марта 1962 г. // МИД. 0570, 8/7/5. Лю Чунь и Ле Ван Хуан рассказали Абрамову о договоре, ранее заключенном в этом месяце на четырехсторонней встрече.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Thee M.* Op. cit. P. 241–242. Абрамов вручил своему польскому коллеге экземпляр письма, которое Москва передала для Хо Ши Мина.
- ⁴² *Lifeng D.* Jianguohou junshi xingdong quanlu [Полные данные о военных операциях со времени основания Китайской народной республики] (Тайюань: Шанси, Народный университет, 1994. С. 355); цит. по: *Хань Чжао.* Политика Китая по отношению к нейтралитету Лаоса, 1961–1975, неопубликованный доклад. Авторы благодарны господину Чжао, аспиранту Виргинского университета, предоставившему этот документ. См. также: *Qiang Z.* China and the Vietnam Wars, 1950–1975. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2000. P. 104.
- ⁴³ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 153.
- ⁴⁴ Ibid. P. 143–145.
- ⁴⁵ Ibid. P. 159–160.
- ⁴⁶ Он был одобрен 8 февраля 1962 г., см.: Ibid. P. 154.
- ⁴⁷ Памятная запись беседы Алексеева и Кастро, 6 февраля 1963 г. // АПРФ.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 167–168.
- ⁵⁰ *Andrew Ch., Mitrokhin V.* Op. cit. P. 43.
- ⁵¹ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 167–168.

- ⁵² Сведения о Никарагуанской операции, осуществленной Андарой и Убедой, действовавшему под псевдонимом «Прим», см.: *Andrew Ch., Mitrokhin V.* Op. cit. P. 43.
- ⁵³ Решение Президиума от 9 апреля 1962 г. // АПРФ.
- ⁵⁴ На этом совещании присутствовал Сергей Хрущев, см.: *Khrushchev S. N.* Op. cit. P. 468–482.
- ⁵⁵ Ibid. P. 474.
- ⁵⁶ Техническую информацию о «Р-16» см.: *Bukharin O. [et al.]* Op. cit. P. 189–192.
- ⁵⁷ О «Р-9» см.: *Khrushchev S. N.* Op. cit. P. 474; *Bukharin O. [et al.]* Op. cit. P. 192–195; *Harford J. Korolev: How One Man Masterminded the Soviet Drive to Beat America to the Moon.* New York: Wiley, 1997. P. 117–120.
- ⁵⁸ Стенограмма от 31 мая 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Протокол 30 от 4 мая 1962 г. // Там же.
- ⁶¹ *Nash Ph. The Other Missiles of October: Eisenhower, Kennedy, and the Jupiters, 1957–1963.* Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1997.
- ⁶² Единственным источником сведений об этой беседе является книга историка и генерал-полковника Дмитрия Волкогонова: *Volkogonov D. Autopsy for an Empire: The Seven Leaders Who Built the Soviet Regime.* New York: Free Press, 1998. P. 236. [Оригинал: *Волкогонов Д. А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в двух книгах / А. В. Коротков.* М.: Новости, 1995.] В качестве советника президента Бориса Ельцина Волкогонов обладал исключительным и широким доступом к политическим и военным документам советской эпохи.
- ⁶³ Там же. В официальной истории российского министерства обороны тоже упоминается, что часть административной работы для этой операции должна была быть выполнена до поездки Хрущева в Болгарию, см.: На краю пропасти. М., 1994. С. 35–40.
- ⁶⁴ Итоги брифинга министра обороны Роберта Макнамары суммированы в памятной записке «Meeting with Congressional Leaders» [«Встреча с руководством Конгресса»], 15 мая 1962 г., 09:15 // FRUS. 1961–1963. Vol. 24. P. 770.
- ⁶⁵ Послание директору ЦРУ Маккоуну, 13 мая 1962 г. // Ibid. P. 763; Памятная записка от 15 мая 1962 г. // Ibid. P. 770.
- ⁶⁶ Памятная записка, 13 мая 1962 г. // Ibid. P. 760.
- ⁶⁷ Меморандум. Форрестол –ДФК, 14 мая 1962 г. // Ibid. P. 767–768.
- ⁶⁸ Хрущев заявил об этом 18 мая в своем выступлении близ города Плевена в Болгарии, см.: *Current Digest of the Soviet Press* [Сводка текущей советской прессы]. Vol. 14. Note 20. June 13, 1962. P. 4. Хрущев пробыл в Болгарии с 14 по 20 мая.

- ⁶⁹ Захаров и Малиновский – в ЦК, 26 мая 1962 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 399.
- ⁷⁰ Стенограмма от 26 мая 1961 г. О китайской оценке положения в Юго-Восточной Азии см.: Выступление заместителя министра иностранных дел Ко Бан Фи на четырехсторонней встрече глав социалистических государств по Лаосу в Ханое, 23 сентября 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/15; Памятная запись беседы Громько и Чэнь И, 6 июля 1961 г. // МИД. 0570. 7/5/14.
- ⁷¹ Суть сообщения Большакова представлена в памятной записке, составленной Дином Раском после беседы с Робертом Кеннеди, см.: FRUS. 1961–1963. Vol. 24. P. 782. Note 2. Советскую стенограмму обнаружить не удалось. Однако тот факт, что 17 мая Большаков и РФК встречались дважды, обсуждая положение в Лаосе, не укрылся от внимания сотрудников ГРУ, написавших отчет о встречах Большакова и Роберта Кеннеди.
- ⁷² *Добрынин А. Ф.* Указ. соч.
- ⁷³ Current Digest of the Soviet Press [Сводка текущей советской прессы]. Vol. 14. Note 20. June 13. 1962. P. 4.
- ⁷⁴ Протокол 30 от 4 мая 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁷⁵ Khrushchev Remembers / transl., ed. by S. Talbott... P. 494.
- ⁷⁶ Джон Льюис Гэддис использует эту изящную метафору для характеристики Кубинского ракетного кризиса. Так же полезно подумать и о том, каким образом решение кубинского вопроса в конечном счете связалось с усилиями Хрущева решить все его проблемы, см.: *Gaddis J. L.* Op. cit. P. 261.
- ⁷⁷ Khrushchev Remembers / transl., ed. by S. Talbott... P. 494.
- ⁷⁸ *Микоян А.* Указ. соч. С. 606.
- ⁷⁹ Протокол 32 от 21 мая 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁸⁰ Там же. В этом выступлении наступательную сущность своего плана Хрущев характеризовал загадочно. И только благодаря изучению сопутствующих материалов и позднейших записей Малина стало понятно, что стратегические ядерные ракеты он считал наступательным оружием, размещаемым в первую очередь для того, чтобы установить равновесие сил устрашения с Соединенными Штатами.
- ⁸¹ Малин записал реплику Хрущева: «Товарищи Малиновский и Бирюзов должны сделать расчеты, подсчитать время для выполнения задания», см.: Протокол 32 от 21 мая 1962 г. // Там же.
- ⁸² Протокол 32 от 21 мая 1962 г. // Там же; *Волкогонов Д. А.* Указ. соч. С. 421–422. Историю того, как в Кремле отнеслись к решению Хрущева послать ракеты на Кубу, мы в своей книге (*Fursenko A., Naftali T.* Op. cit.) восстанавливали по разным источникам информации. Мы опирались на информацию о заседании Совета обороны, состоявшемся 21 мая и описанном в книге Д. А. Волкогонова «Семь вождей», а также на краткие записи генерал-полковника Семена Павловича Иванова, сделанные им на заседании

Президиума от 24 мая 1962 г., и на краткую характеристику решения, принятого Президиумом 24 мая. Тогда мы не располагали записями Малина, сделанными им на заседаниях Президиума 21 и 24 мая, когда обсуждалось предложение. Стенограммы Малина показывают, что потребовалось провести два заседания Президиума, чтобы принять предложение, но даже и после этого операция официально не одобрялась руководством КПСС, пока не дали своего согласия кубинцы. Теперь представляется очевидным, что заседание 21 мая было совместным мероприятием Совета обороны и Президиума (в Совет обороны входили представители военного командования). Из стенограммы Малина на заседании Президиума от 24 мая неясно, рассматривался ли на нем вопрос о совместном заседании Совета обороны и Президиума, см.: Протокол 32 (продолжение) от 24 мая 1962 г. // Архивы Кремля.

⁸³ Протокол 32 (продолжение) от 24 мая 1962 г. // Там же.

⁸⁴ Интервью Фурсенко с Александром Алексеевым. 16 февраля 1994 г.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 182.

Глава 18. «Я думаю, мы выиграем эту операцию»

¹ Резолюция от 11 апреля 1961 г. // АПРФ.

² НСХ – Кастро, 12 июня 1962 г. / Там же. Ф. 3. Оп. 65. Д. 872. С. 58–59.

³ *Garthoff R. L.* Reflections on the Cuban Missile Crisis / rev. ed. Washington, D. C.: Brookings Institution, 1989. P. 206. Гартофф цитирует генерала Дмитрия Волконогова.

⁴ На краю пропасти... С. 54, 73–74.

⁵ Протокол 35 от 10 июня 1962 г. // Архивы Кремля.

⁶ Протокол 39 от 1 июля 1962 г. // Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ ам же.

¹⁰ Стенограмма от 8 января 1962 г. // Там же.

¹¹ *Shapley D.* Op cit. P. 140–146.

¹² Протокол 39 от 1 июля 1962 г. // Архивы Кремля.

¹³ Меморандум от Майкла Форрестала Макджорджу Банди, 11 июня 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1994. Vol. 24. P. 837–839; см. также примечание 1.

¹⁴ Телеграмма Аверелла Гарримана государственному секретарю, 3 июля 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 19. P. 860–862. В этой телеграмме Гарриман рассказал о своей встрече 2 июля с заместителем министра ино-

странных дел СССР Георгием Максимовичем Пушкиным, зачитавшим личное послание Хрущева.

- ¹⁵ Посланник Кеннеди, Аверелл Гарриман, ничего не знавший о сути заседания Президиума 1 июля, тем не менее сообщил о том, что в тот день Микояна в Кремле не было. Гарриман – в Вашингтон, 3 июля 1962 г. // *Ibid.* Vol. 24. P. 860.
- ¹⁶ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 191.
- ¹⁷ *Малиновский Р., Захаров М.* «Согласно вашим указаниям, министерство обороны рекомендует...», 24 мая 1962 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ¹⁸ Протокол 40 от 6 июля 1962 г. // Архивы Кремля. Хотя об изменении плана свидетельствовали и другие материалы, доступные в девяностых годах, авторам, пока они писали книгу «Адская игра» (*Fursenko A., Naftali T.* Op. cit.), не было известно ни об этой реплике, ни о том различии, которое проводил Хрущев между разными видами оружия.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ НСХ – ДФК (недатированное) // FRUS. 1961–1963. Vol. 15. P. 207–212.
- ²² НСХ – Ульбрихту, 11 июля 1962 г. // АПРФ.
- ²³ Даже до этой недавней публикации советских документов некоторые проницательные исследователи обратили внимание на резкое изменение советской риторики по берлинскому вопросу, которое произошло в июле 1962 г., и сделали вывод, что здесь может быть связь с майским решением Хрущева послать ракеты на Кубу, см.: *The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis / concise ed.*; eds. E. R. May Ph. D. Zelikow. New York: Norton, 2001, 2002; *Allison G. T., Zelikow Ph. D.* *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis.* 2nd ed. New York: Longman, 1999. Мы полагаем, что Хрущев вряд ли думал о Западном Берлине, когда во время поездки в Болгарию решил разместить ракеты на Кубе. Планы Хрущева на 1962 г. были, что для него характерно, весьма динамичными. В мае цели кубинской операции были расплывчатыми, отражая тот факт, что решение провести операцию было продиктовано общим беспокойством, вызванным мировым балансом сил. Однако к июлю Хрущев явно разработал более конкретную стратегию масштабной политической кампании на 1962 г. – кампании, которая примет свои окончательные очертания только после того, как Кеннеди отвергнет последнее усилие Москвы достичь дипломатического соглашения по Западному Берлину.
- ²⁴ Памятная запись беседы ДФК и Добрынина, 17 июля 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 15. P. 223.
- ²⁵ Меморандум «Встреча с президентом относительно планов по Берлину», 19 июля 1962 г. 10:00; *The Presidential Recordings: John F. Kennedy, The Great Crises / eds. T. Naftali, Ph. Zelikow.* New York: Norton, 2001. Vol. 1. P. 203–226.

- ²⁶ Телеграмма Томпсона в государственный департамент, 26 июля 1962 г. 13:00 // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 465.
- ²⁷ Телеграмма Томпсона в государственный департамент, 26 июля 1962 г. 13:00 // Ibid. Vol. 15. P. 254.
- ²⁸ Телеграмма Томпсона в государственный департамент, 25 июля 1962 г. 16:00 // Ibid. P. 252–253.
- ²⁹ *Naftali T.* Introduction: Five Hundred Days [Предисловие. Пятьсот дней] // The Presidential Recordings: John F. Kennedy... P. XLI–XIV.
- ³⁰ Robert Kennedy in His Own Words... P. 168.
- ³¹ Цит. по.: *Thomas E.* Op. cit.
- ³² Захаров и Иванов – Косыгину, 12 сентября 1962 г. // АПРФ.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Указания советскому послу (Добрынину) (не датировано, но явно в ответ на встречу Роберта Кеннеди и Большакова 31 июля 1962 г.) // АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 316. С. 194–195.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ CIA. Special National Intelligence Estimate [ЦРУ, специальные национальные разведывательные сводки], «Soviet Intentions with Respect to Berlin» [«Советские намерения в отношении Берлина»], 1 августа 1962 г. // NSF. Box D. C. 100 // LBJ Library. Остин Техас.
- ³⁷ Meeting with Llewellyn Thompson on Khrushchev [Встреча с Льюэллином Томпсоном о Хрущеве], 8 августа 1962 г. // The Presidential Recordings: John F. Kennedy... P. 270.
- ³⁸ Томпсон – в государственный департамент, 28 июля 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 15. P. 255.
- ³⁹ Meeting with Llewellyn Thompson on Khrushchev... // The Presidential Recordings: John F. Kennedy... P. 266.
- ⁴⁰ Ibid. P. 267.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Владимир Сергеевич Лавров, Третий Европейский отдел, – Михаилу Федоровичу Бодрову, 25 июля 1962 г. «Материалы о политическом и экономическом положении в Западном Берлине», 1962 г. // МИД. 7/54/29; Владимир Сергеевич Лавров – Владимиру Ивановичу Ерофееву, 25 июля 1962 г. // Там же.
- ⁴³ Москва (Третий Европейский отдел) – в Тунис; Москва – в Дамаск; Москва – в Бейрут; Москва – в Рабат; Москва – в Багдад, 28 июля 1962 г. «Материалы о политическом и экономическом положении в Западном Берлине», 1962 г. // МИД. 7/54/29.

- ⁴⁴ Доклад ответственного сотрудника КГБ из Украинской ССР в Николаевской области от 24 августа 1962 г. Доклад сотрудника КГБ Совету министров Азербайджанской ССР от 30 августа 1962 года. // ФСБ.
- ⁴⁵ The Presidential Recordings: John F. Kennedy, The Great Crises... P. 25.
- ⁴⁶ Ibid. P. 27.
- ⁴⁷ Ibid. P. 29.
- ⁴⁸ *Добрынин А. Ф.* Из дневника советского посла в Соединенные Штаты. 13 сентября 1962 г. // АПРФ.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Малиновский – Хрущеву, 6 сентября 1962 г. // Архив Волкогорова в Библиотеке Конгресса. Свою резолюцию Хрущев написал на этом меморандуме.
- ⁵¹ CIA memorandum, 12 сентября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 10. P. 1055. Note 1.
- ⁵² Иванов, справка-доклад «Об изменении части операции “Анадырь” в сентябре–октябре 1962 года». 13 сентября 1962 г. // Архив Волкогорова в Библиотеке Конгресса.
- ⁵³ Меморандум, от военного помощника вице-президента (Бурриса) – Линдону Джонсону, «Khrushchev Moves toward Berlin Showdown» [«Хрущев приближается к окончательному урегулированию берлинского вопроса»], 18 сентября 1962 г. // RUS. 1961–1963. Vol. 15. P. 119. В конце августа Хрущев сказал генеральному секретарю ООН У Тану, что он намерен привлечь ООН к своим попыткам вынудить Соединенные Штаты вывести их войска из Западного Берлина. У Тан посоветовал ему для решения этого вопроса воспользоваться существующими рамками четырех государств, а не прибегать к помощи ООН.
- ⁵⁴ *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 211; *Reeve F. D.* Robert Frost in Russia. Boston: Little, Brown and Co., 1964.
- ⁵⁵ Стюарт Юдалл, отчет о поездке в Пицунду (без даты). Cuban Missile Crisis Collection. National Security Archive [«Кубинский ракетный кризис». Архив национальной безопасности].
- ⁵⁶ Памятная запись беседы НСХ с Кроллем, 11 сентября 1962 г. // МИД. 0757. 7/33/2.
- ⁵⁷ Памятная запись беседы НСХ с Кроллем, 8 января 1960 г. // Там же. 0757. 7/33/2.
- ⁵⁸ Цит. по: CIA memorandum, 12 сентября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 10. P. 1055–1056.
- ⁵⁹ Памятная запись беседы НСХ с Кроллем, 11 сентября 1962 г. // МИД. 0757. 7/33/2.
- ⁶⁰ Меморандум, от военного помощника вице-президента (Бурриса) – Линдону Джонсону. «Khrushchev Moves toward Berlin Showdown»

[«Хрущев приближается к окончательному урегулированию берлинского вопроса»]. 18 сентября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 15. P. 324–325.

- ⁶¹ CIA, Special National Intelligence Estimate [ЦРУ, специальные национальные разведывательные сводки], «Current Soviet Tactics on Berlin» [«Нынешняя советская тактика по берлинскому вопросу»], 13 сентября 1962 г. // NSF. Box 100 // LBJ Library.
- ⁶² Endkampf um Berlin in 4 Wochen [Финальная битва за Берлин за четыре недели] // Deutsche Soldaten-Zeitung und National-Zeitung [Немецкая солдатская и национальная газета]. 28 сентября 1962 г. Авторы книги благодарны Дэвиду Колеману, обнаружившему это доказательство публичной кампании Кролля.
- ⁶³ Протокол от 14 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁴ Памятная запись беседы Косыгина и Суфанувонга, 28 сентября 1962 г. // МИД. 0570. 8/7/3.
- ⁶⁵ Захаров и Фокин – Совету обороны (только для Хрущева). 18 сентября 1962 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ⁶⁶ Командующему советскими войсками на Кубе, 8 сентября 1962 г. // Там же.
- ⁶⁷ Захаров – Косыгину, 16 сентября 1962 г. // АПРФ.
- ⁶⁸ Захаров и Фокин – НСХ, 25 сентября 1962 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ⁶⁹ НСХ – ДФК, 28 сентября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 151–162.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Добрынин – НСХ, 9 октября 1962 г. // Архив Волкогонова в Библиотеке Конгресса.
- ⁷³ Памятная запись беседы ДФК с Кув де Мюрвилем, 9 октября 1962 г. // FRUS. Vol. 15. P. 351–355. Французская стенограмма беседы, см.: DDF. 1962. Paris: Imprimerie Nationale, 1999. Vol. 2. P. 283–286.
- ⁷⁴ О связи между договором о запрещении испытаний ядерного оружия и Берлином Хрущев рассказал на сверхсекретном заседании Президиума в 1963 г., см.: Стенограмм от 17 апреля 1963 г. // Архивы Кремля. 14 октября 1962 г. Хрущев заявил о необходимости выработать новый язык для договора о запрещении испытаний ядерного оружия. Протокол 59 от 14 октября 1962 г. // Архивы Кремля.

Глава 19. Кубинский ракетный кризис

¹ The Presidential Recordings: John F. Kennedy... Vol. 2. P. 413.

² Ibid. P. 512–572.

³ Ibid. P. 464–466.

- ⁴ Чижев – в Центр, 22 октября 1962 г. // ГРУ.
- ⁵ Сводка (подготовлена в 1994 г.), отчеты ГРУ от 22 октября 1962 г.
- ⁶ Чижев – в Центр, 22 октября 1962 г. // ГРУ.
- ⁷ Записи А. К. Серова, 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ⁸ Эта реконструкция заседаний Президиума от 22 и 23 октября гораздо полнее той, которую мы могли представить в 1997 г. Дополнением к стенограммам Малина служат фрагменты из неопубликованных воспоминаний Микояна. В 1999 г. часть воспоминаний Микояна была опубликована в России под названием «Так было». Однако та часть воспоминаний, в которой рассказывалось о Кубинском ракетном кризисе, не была опубликована. Она была надиктована Микояном 19 января 1963 г. и хранится в архиве Микояна в РГАСПИ. Другим новым источником являются записи А. К. Серова, сотрудника Общего отдела ЦК, присутствовавшего на заседании. Его записи хранятся в РГАНИ. Если не оговаривается особо, то все ссылки на протокольные записи относятся к заметкам Малина.
- ⁹ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁰ Записи А. К. Серова от 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ¹¹ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ¹² Гавана – в Центр, 23 октября 1962 г. // ГРУ.
- ¹³ Правила боевого использования ракетных комплексов «Луна» перечислены в военных планах Иванова, см.: Архив Волконогова в Библиотеке Конгресса.
- ¹⁴ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁵ Интервью Александра Фурсенко и Тимоти Нафтали с Владимиром Семичастным, июнь 1994 г.
- ¹⁶ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁷ Записи А. К. Серова от 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ²¹ Там же. Записи А. К. Серова от 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ²² Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Записи А. К. Серова от 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ²⁵ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ²⁶ Неопубликованные воспоминания Микояна. // РГАСПИ.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.

- ²⁹ Записи А. К. Серова от 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² На краю пропасти... С. 58, 73; *Волкогонов Д. А.* Указ. соч. С. 423.
- ³³ Телеграмма была послана по каналам КГБ на Кубу. Исторический архив и военный мемориальный центр Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации [далее – АГШРФ]. Ф. 16. Оп. 3753. Д. 1. Папка 3573.
- ³⁴ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ³⁵ Записи А. К. Серова от 22 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ³⁶ Radio and Television Report to the American People on the Soviet Arms Buildup in Cuba [Радио- и телевизионное обращения к американскому народу по поводу наращивания советских Вооруженных Сил на Кубе]. Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, 1962; Containing the Public Messages, Speeches and Statements of the President. January 1 to December 31, 1962. Washington, D. C.: Government Printing Office, 1963. P. 807.
- ³⁷ Для удобства мы используем американские названия четырех «фокстротов» в том порядке, в каком они были обнаружены ВМФ США. Первой обнаружили подводную лодку Шумкова, «С-18». Следующей – «С-19», затем – «С-20» (позже получившей другой порядковый номер, «С-26»), затем – «С-23». Советское название подводной лодки «С-18» – «Б-130». Остальные носили наименования «Б-4», «Б-36» и «Б-59», но нам не удалось установить соответствие между этими обозначениями и обозначениями по классификации НАТО. О противолодочных операциях американского ВМФ во время Кубинского ракетного кризиса см.: Cuban Missile Crisis Collection. Submarine File. National Security Archive [«Кубинский ракетный кризис». Дело «Подводные лодки». Архив национальной безопасности].
- ³⁸ Авторы благодарны Уильяму Берру и Томасу Блэнтону из Архива национальной безопасности, предоставившим информацию о местонахождении советских подводных лодок во время кризиса.
- ³⁹ The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis... P. 173.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Radio and Television Report to the American People on the Soviet Arms Buildup in Cuba [Радио- и телевизионное обращения к американскому народу по поводу наращивания советских Вооруженных Сил на Кубе], 22 октября 1962 г. Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, 1962. Loc. cit. P. 809.
- ⁴² Информация, полученная Тимоти Нафтали от Агентства национальной безопасности (National Security Agency, NSA).

- ⁴³ Допросы Олега Пеньковского // Центральный архив ФСБ России.
- ⁴⁴ Протокол 60 (продолжение) от 23 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁵ НСХ – ДФК, 23 октября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 166.
- ⁴⁶ Протокол 60 (продолжение) от 23 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁷ Этим кораблям не приказывали возвращаться до 25 октября, см.: Протокол 61 от 25 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁸ Протокол 60 от 22 октября 1962 г. // Архивы Кремля. Эта запись начинается 22 октября, однако из самого документа явствует, что она включает в себя стенограммы дискуссий двух заседаний 23 октября.
- ⁴⁹ Серов оформил обсуждения, проходившие 23 октября, как продолжение протокола 60 (заседания 22 октября).
- ⁵⁰ Интервью Нафтали с капитаном второго ранга (в отставке) Вадимом Орловым. Гавана, Куба, октябрь 2002 г. Во время кризиса Орлов был офицером разведки на подводной лодке «Б–59».
- ⁵¹ Неопубликованные воспоминания Микояна // РГАСПИ.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Стенограмма, интервью с Николаем Шумковым. Шотландское подразделение телерадиовещательной компании «Би-Би-Си». Авторы благодарны Джекки Хейз и Россу Уилсону, предоставившим им записи интервью времен Кубинского ракетного кризиса из шотландского подразделения Би-Би-Си.
- ⁵⁴ Стенограмма, интервью с «Альбертом» Чебрасовым. Шотландское подразделение телерадиовещательной компании «Би-Би-Си».
- ⁵⁵ Микоян был уверен, что приказ послан. Не только в своих воспоминаниях, но и позже, в рассказе о состоявшемся в октябре 1964 г. заседании, на котором был уволен Хрущев, Микоян подчеркивал важность завершения миссии подводных лодок во время кризиса (Протокол 162 от 8 октября 1964 г. // Архивы Кремля). Однако и американские отчеты о положении подводных лодок, и воспоминания выживших советских командиров опровергают уверенность Микояна, что такой приказ был действительно отдан. Общий приказ не отдавался, но капитанам подводных лодок приказывалось по очереди возвращаться – по мере того, как их вынуждали всплывать командиры ВМФ США или разряжались аккумуляторы. Однако эти приказы были посланы после 27 октября – апогея кризиса.
- ⁵⁶ Заместитель государственного секретаря по политическим делам У. Алексис Джонсон обсуждал эту ноту на заседании «Исполкома» от 24 октября, см.: The Presidential Recordings: John F. Kennedy... Vol. 3. P. 192.
- ⁵⁷ Ibid. P. 184.
- ⁵⁸ Ibid. P. 191.

- ⁵⁹ Ibid. P. 193. О репликах Роберта Кеннеди во время заседания см. в кн.: *Schlesinger A. Jr. Robert Kennedy and His Times*. New York: Random House, 1978. P. 514.
- ⁶⁰ The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis... Vol. 3. P. 194.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Ibid. P. 195.
- ⁶³ Ibid. P. 196–197.
- ⁶⁴ Цит. по: *Dallek R.* Op. cit. P. 564–565.
- ⁶⁵ НСХ – ДФК, 24 октября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 170.
- ⁶⁶ Протокол 61 от 25 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁷ Памятная запись А. К. Серова, 25 октября 1962 г. // РГАНИ.
- ⁶⁸ Эта цитата в памятной записи Серова отсутствует. Она взята из протокола Малина, составленного им во время заседания, см.: Протокол 61 от 25 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁶⁹ Запись Серова была для нас недоступна, когда мы писали книгу «Адская игра» (*Fursenko A., Naftali T.* Op. cit.). Она показывает, что решение положить конец кризису дипломатическими методами было принято ночью в среду, 25 октября. Это наводит на мысль, что состоявшиеся на следующий день переговоры Скали и Феклисова вполне могли быть пробной миротворческой инициативой, предпринятой по указанию Хрущева или кого-то близкого к нему после того, как Президиум наметил новую линию поведения. Сходство языка этого решения и языка, которым говорил Феклисов 26 октября, слишком очевидно, чтобы это могло быть простым совпадением.
- ⁷⁰ Действительно, председателя КГБ не приглашали во время кризиса ни на одно из заседаний Президиума. Интервью Фурсенко и Нафтали с Семичастным, 1994 г.
- ⁷¹ Интервью Фурсенко и Нафтали с Александром Феклисовым, сентябрь 1994 г.
- ⁷² Интервью Нафтали с Джоном Скали, июль 1994 г.
- ⁷³ «Каллистрат» (Феклисов) – в Центр, 26 октября 1962 г. // СВР. Д. 116. Т. 1. Л. 1062–1064.
- ⁷⁴ «Заметки Джона Скали о первой встрече с советником советского посольства и офицером КГБ Александром Фоминым, 26 октября 1962 года». Документ 43 // *The Cuban Missile Crisis* / eds. L. Chang, P. Kornbluh. New York: New Press, 1992.
- ⁷⁵ Марков – Серову, 26 октября 1962 г. // ГРУ; «Каллистрат» (Феклисов) – в Центр. 25 октября 1962 г. // СВР. Д. 116. Т. 1. Л. 1034. Хеффернан разговаривал с представителями и КГБ, и ГРУ. «Гэм» был источником КГБ.
- ⁷⁶ Муров (из Гаваны) – Серову, 24 октября 1962 г. // ГРУ.

- ⁷⁷ НСХ – ДФК, 26 октября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 176–177.
- ⁷⁸ Там же. С. 176.
- ⁷⁹ Стенограмма, интервью с Николаем Шумковым. Шотландское подразделение телерадиовещательной компании «Би-Би-Си».
- ⁸⁰ Памятная запись, 3 июня 1961 г., 15:00 // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 182.
- ⁸¹ Микоян сказал кубинцам, что Хрущева вдохновила и подсказала ему мысль статья Липпмана. Памятная запись Микояна, 4 ноября 1962 г. // АПРФ.
- ⁸² Протокол 63 от 27 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁸³ Добрынин – в МИД. 27 октября 1962 г. // МИД. С. 171. Этот документ является источником всех цитат этого заседания.
- ⁸⁴ 26 октября советский командир на Кубе получил разрешение применить силу против нападения с воздуха, но не против отдельного самолета «U-2», см.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 277–278.
- ⁸⁵ Ibid. P. 272.
- ⁸⁶ Протокол 64 от 28 октября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁸⁷ Протокол 60 (продолжение) от 23 октября 1962 г. // Там же.
- ⁸⁸ Ульбрихт – НСХ, октябрь 1962 г. // АПРФ.
- ⁸⁹ О хронологии событий этого дня в Вашингтоне см.: *Fursenko A., Naftali T.* Op. cit. P. 287–289; *The Kennedy Tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis...* Vol. 3. P. 512–525.
- ⁹⁰ Стенограмма от 8 января 1962 г. // Архивы Кремля.

Глава 20. «Оставляя за кормой страх»

- ¹ ДФК – НСХ, 27 октября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 182.
- ² НСХ – ДФК, 28 октября 1962 г. // Ibid. P. 184.
- ³ Алексеев – в Москву, 29 октября 1962 г. // АПРФ.
- ⁴ Алексеев – в Москву, 31 октября 1962 г. // Там же.
- ⁵ КГБ (Гавана) – в Центр, 29 октября 1962 г. // СВР. КГБ сообщал о беседах Кастро с руководством кубинской армии и о комментариях начальника кубинской разведки, Мануэля Пинеиро. КГБ (Гавана) – в Центр, 1 ноября 1962 г. // СВР. Здесь КГБ сообщал о недовольстве Советским Союзом в министерстве внутренних дел Кубы и в других министерствах, а также в кубинской армии.
- ⁶ НСХ – ДФК, 27 октября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 179.
- ⁷ НСХ – ДФК (без даты). // Ibid. P. 200.
- ⁸ ДФК – НСХ, 6 ноября 1962 г. // Ibid. P. 201.

- ⁹ China Press Sees K as Week Man [Китайская пресса считает Хрущева слабым человеком] // Washington Post and Times Herald. October 31, 1962.
- ¹⁰ *Trumbull R.* Peking Criticizes Russians on Cuba; Party Warns Soviet Must Back It in India Dispute // New York Times. November 1. 1962.
- ¹¹ Castro Defended in Crisis // New York Times. November 3. 1962; *Topping S.* Red-Block Conflict Seen on Cuba and War in India // New York Times. November 2. 1962.
- ¹² Демонстрации были многочисленными, хотя и трудно определить насколько. Британское новостное агентство «Рейтер» сообщало о тысячах демонстрантов 3 ноября, хотя по официальной китайской статистике их было 300 тысяч. Chou Reaffirms Support of Cuba; Gives Impetus to Anti-US Drive in Peking Speech // New York Times. November 4. 1962. Chinese Marchers Back Kuba («Рейтер») // New York Times. November 4. 1962. Peking Condemns «Appeasing» of US; Red Paper Pledges Support of Castro's Defiant Stand // New York Times. November 6. 1962; *Roderick J.* Chinese Liken Soviet Action on Cuba to Munich Appeasement // Washington Post. November 6. 1962.
- ¹³ *Roderick J.* Op. cit.
- ¹⁴ *Kellet-Long A.* Soviet Envoy's Praise of Khrushchev Meets Silence at Peking Celebration // Washington Post and Times Herald. November 7. 1962.
- ¹⁵ Soviet Policy on Cuba Is Attacked by Albania // Washington Post and Times Herald. November 8. 1962.
- ¹⁶ Памятная запись, 4 ноября 1962 г. // CWIHP Bulletin. No. 4. Spring 1995.
- ¹⁷ Микоян – НСХ, 6 ноября 1962 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 908. Л. 184.
- ¹⁸ Протокол 65 заседания Президиума от 15 ноября 1962 г. // Там же. Ф. 3. Оп. 65. Д. 911.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Протокол 58 от 11 ноября 1962 г.; Протокол 59 от 14 ноября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ²¹ Там же.
- ²² MiG Deal with India Appears Off; Russian Official Supports Peking in Border Clash // Washington Post and Times Herald. October 30. 1962.
- ²³ *Rosenthal A. M.* India' Hope for Support by Soviet All but Ended; Khrushchev Letter to Nehru Speaks of Friendship, but Says Moscow Will Continue Backing Red China // New York Times. November 4. 1962.
- ²⁴ *Topping S.* Soviet Indicates to Return to Neutrality on India // New York Times. November 6. 1962.
- ²⁵ Nehru Says Soviet Jets Will Arrive; MiGs are expected Next Month Despite Conflict with China// Washington Post and Times Herald. November 1. 1962; India Says Soviet Union Will Honor Oil Commitment // New York

- Times. November 14. 1962; Soviet Again Promises MiGs // New York Times. November 19. 1962.
- ²⁶ Москва – государственному секретарю, 13 ноября 1962, 21:00 (первый раздел из двух) // NSF. JFK Library.
- ²⁷ Сэр Фрэнк Робертс – лорду Хоуму, 19 ноября 1962 г. // Prem. 11/3996. 83827 // National Archives – UK.
- ²⁸ Телеграмма Добрынина в Москву, 1 ноября 1962 г. // АПРФ.
- ²⁹ Телеграмма, КГБ (Вашингтон) – в Центр, 31 октября 1962 г. // СВР. Д. 90238. Т. 1. КГБ цитировал трех сотрудников Конгресса.
- ³⁰ *Hamilton Th. J.* Cuba Bars Return of Soviet Planes // New York Times. November 9. 1962.
- ³¹ Заседание «Исполкома» от 14 ноября 1962 г., с 17:45 до 18:02. Неопубликованная стенограмма Дэвида Колемана. Авторы книги благодарны Дэвиду Колеману, предоставившему эту стенограмму.
- ³² НСХ – Микояну, выдержка из протокола 65 от 10 ноября 1962 г. // АПРФ. 3–65–909, 44–45.
- ³³ НСХ– ДФК (без даты) // FRUS. 1961–1963. Vol. 6. P. 207.
- ³⁴ НСХ – Микояну, выдержка из протокола 65 от 10 ноября 1962 г. // АПРФ. 3–65–909, 44–45.
- ³⁵ Редакционное примечание // FRUS. Vol. 6. P. 209.
- ³⁶ НСХ– ДФК, 14 ноября 1962 г. // Ibid. P. 211.
- ³⁷ НСХ – Микояну, выдержка из протокола 65 от 13 ноября 1962 г. // АПРФ. 3–65–909.
- ³⁸ КГБ (Нью-Йорк) – в Центр. 15 декабря 1962 г. // СВР. Дело 90238. «Копии – Хрущеву, Козлову, Громыко, Малиновскому».
- ³⁹ President's Office Files, Presidential Recordings [Дела администрации президента, президентские записи]. Запись 60 // JFK Library.
- ⁴⁰ Протокол 66 от 16 ноября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁴¹ *Колеман Д.* «Ракеты в ноябре, декабре, январе, феврале. Тактические ракеты на Кубе». Неопубликованная рукопись.
- ⁴² Робертс – в Лондон, 12 ноября 1962 г. // National Archives – UK.
- ⁴³ Протокол 68 от 21 ноября 1962 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁴ Памятная запись (сделана Эдвардом Гленном) беседы Кеннеди и Микояна, 29 ноября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 11. P. 545–562.
- ⁴⁵ Памятная запись (сделана Ю. Виноградовым и И. Бубновым) беседы Микояна и Кеннеди, 29 ноября 1962 г. // АПРФ.
- ⁴⁶ Там же. Памятная запись (сделана Эдвардом Гленном) беседы Кеннеди и Микояна, 29 ноября 1962 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 11. P. 545–562.
- ⁴⁷ Протокол 71 от 3 декабря 1962 г. // Архивы Кремля.

- ⁴⁸ В архивах США не обнаружено стенограмм беседы, состоявшейся 30 ноября. Не найдено их пока и в российских архивах. Относительно американских попыток представить, что мог сказать Дин, поскольку ему не давалось указаний предлагать три инспекции, см.: Редакционное примечание // FRUS. 1961–1963. Vol. 7. P. 623–625.
- ⁴⁹ Стенограмма от 25 апреля 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁵⁰ *Cousins N. The Improbable Triumvirate: John F. Kennedy, Pope John, Nikita Khrushchev.* New York: Norton, 1972. P. 32–33.
- ⁵¹ Ibid. P. 46.
- ⁵² Ibid. P. 57.
- ⁵³ Эти последние испытания, проходившие на северном испытательном полигоне, на Новой Земле, длились с 18 по 25 декабря 1962 г.
- ⁵⁴ Стенограмма от 25 апреля 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Kennedy J. F. Third Annual Message* [Третье ежегодное послание], 14 января 1963 г. // *The State of the Union Messages of the Presidents, 1790–1966.* Vol. III, 1905–1966 / ed. by Fred L. Israel. New York: Chelsea House, Robert Hector, 1966. P. 3144–3154.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Стенограмма заседания, 16 ноября 1962 г., 16:05–16:45. Авторы книги благодарны Дэвиду Колеману, предоставившему расшифровку этой записи, над которой он работал как главный расшифровщик. В своей окончательной форме стенограмма будет опубликована в четвертом томе стенограмм президентских магнитофонных записей, изданных Миллеровским центром [Miller Center's Presidential Recordings], в собрании записей Джона Кеннеди. Под упоминанием о «Мюнхене» имеется в виду проходившая в 1938 г. встреча французов и британцев (так называемый Мюнхенский договор), на которой они согласились позволить нацистской Германии оккупировать Судетскую область (Судетенланд) Чехословакии.
- ⁵⁹ CIA. *Current Intelligence Weekly Review* [сводка текущей информации за неделю], 18 января 1963 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 609.
- ⁶⁰ Телеграмма, Москва – в государственный департамент, 26 января 1963 г., 18:00 // Ibid. Vol. 5. P. 480–481.
- ⁶¹ Протокол 80 от 29 января 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Редакционное примечание // FRUS. 1961–1963. Vol. 7. P. 644–647.
- ⁶⁴ Свою позицию Кеннеди обозначил в разговоре с Норманом Казинсом, записанным 22 апреля 1963 г., см.: Запись 82. *Presidential Office Files, Presidential Recordings* [Дела администрации президента, президентские записи] // JFK Library.

- ⁶⁵ Нафтали, телефонное интервью с Джеймсом Критчфилдом, 25 ноября 2002 г. В качестве руководителя ближневосточного отдела ЦРУ, который он возглавлял с 1960 по 1968 г., Критчфилд курировал деятельность США в Ираке.
- ⁶⁶ Цит. по: *Cockburn A., Cockburn P. Out of the Ashes: The Resurrection of Saddam Hussein*. New York: HarperCollins, 1999. P. 74.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Нафтали, интервью с Джеймсом Критчфилдом, 18 августа 2001 г.
- ⁶⁹ Встреча Микояна и Касима, 14 апреля 1960 г. // АПРФ; меморандум Микояну для переговоров с Касимом; Протокол 274 от 7 апреля 1960 г. // АПРФ.
- ⁷⁰ *Szulc T. U. S. and Britain Recognize Iraq; Soviet Also Acts; Speedy Decision Is Made by Washington, Which Finds New Regime Stable; Anti-Nasser Bloc in Middle East Moves to Counter Any Links to Cairo* // *New York Times*. February 12. 1963.
- ⁷¹ *Batatu H. The Old Social Classes and The Revolutionary Movements In Iraq: A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of Its Communists, Ba'athists, and Free Officers*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1978. P. 985–989.
- ⁷² *Soviet Bloc Campaigns against Iraqi Regime* // *Washington Post and Times Herald*. February 20. 1963.
- ⁷³ *Iraqi Accuses Red Bloc of Plotting Overthrow* // *Washington Post and Times Herald*. February 24. 1963.
- ⁷⁴ *High Iraqi Red Killed, Others Arrested* // *Washington Post and Times Herald*. February 25. 1963. В конечном счете, Ар-Рады был убит новым иракским режимом, см.: *Batatu H. Op. cit.* P. 675.
- ⁷⁵ Интервью с НСХ в субботу утром, 9 февраля 1963 г., в Кремле. Неопубликованная стенограмма. Архив Роя Герберта Томсона, Торонто. Авторы благодарны нынешнему «барону Томсону» за разрешение ознакомиться с этим документом и его процитировать. Они также благодарны за помощь архивисту Роберту Хэмилтону, Дэвиду Томсону и профессору Уэсли Уарку.
- ⁷⁶ Памятная запись беседы Хрущева с маршалом Хакимом Амером, 9 июня 1963 г. // АПРФ. 52-1-561. Во время этой интересной беседы Амер отрицал участие Египта в баасистском перевороте февраля 1963 г. и добавил, что Насер впоследствии предупредил Арефа, что преследования коммунистов осложнят отношения Ирака с социалистическими странами. Египтяне назвали более высокую цифру убитых в Ираке коммунистов (16 тысяч человек). Хрущев, со своей стороны, напомнил о советской поддержке Касима, упомянув, что в июле 1958 г. Кремль предоставил Ираку, опасавшемуся нападения со стороны Турции, Пакистана и Ирана, военную помощь без официального договора. Когда впоследствии стало очевидно, что Касим использует «диктаторские методы», Кремль послал

- к нему Анастаса Микояна с просьбой изменить эти методы. Хотя Касим отказался, баасисты, заключил Хрущев, были еще большим злом для Ирака.
- ⁷⁷ Интервью сэра Хэмфри Тревельяна с Хрущевым 6 марта // Prem. 11/4498 // National Archives – UK; *Bloomfield L. P., Clemens W. C. Jr., Griffiths F.* Op. cit. P. 230–231.
- ⁷⁸ *Schwartz H.* Soviet Wipes Out Promise to Raise Meat Allowances // New York Times. March 4. 1963.
- ⁷⁹ *Salisbury H. E.* The Khrushchev Line; Premier Stiffens His Ideology at Home before Risking It in Conflict with China // New York Times. March 12. 1963.
- ⁸⁰ Интервью, 9 февраля 1963 г. Неопубликованная стенограмма. Архив Роя Герберта Томсона, Торонто, Канада.
- ⁸¹ Протокол 89 от 21 марта 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁸² Памятная запись беседы Алексеева и Кастро, 6 февраля 1963 г. // МИД.
- ⁸³ КГБ, телеграмма (Нью-Йорк) – в Центр, 21 февраля 1963 г.; КГБ, Телеграмма (Вашингтон) – в Центр, 1 марта 1963 г. // СВР;
- ⁸⁴ Доклад КГБ в МИД и ГРУ, 19 февраля 1963 г. // АПРФ.
- ⁸⁵ Интервью Фурсенко с послом Н. С. Рыжовым, 4 января 1995 г.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Topping S.* Chinese Suggest Khrushchev Visit and Party Truce; Willing to Receive Another Russian or Send Official of Their Own to Moscow; Neither Side Retreats; but Notes Are Conciliatory–Peking Insists on Rebuke to «Yugoslav Revisionism» // New York Times. March 14. 1963.
- ⁸⁸ Протокол 87 от 12 марта 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁸⁹ Вашингтон (сэр Дэвид Ормсби-Гор) – в министерство иностранных дел Соединенного королевства, 28 марта 1963 г. // Prem. 11/4496 // National Archives – UK. Это была экстренная сверхсекретная телеграмма, которой сообщили информацию, полученную в тот день в Вашингтоне в 04:00.
- ⁹⁰ Гарольд Качча – Филипу де Сулуэта, 3 апреля 1963 г. // Ibid. 11/4496 // National Archives – UK.
- ⁹¹ Там же. Информация для аналитиков ЦРУ, охарактеризованная британским послом Ормсби-Гором. О позиции посольства США в Москве см.: Меморандум Филипу де Сулуэта, 29 марта 1963 г. // Ibid. О поступавшей в Белый дом опровергающей информации см. «Highlights from the Secretary of State's Policy Planning Meeting» [«Главные тезисы заседания отдела политического планирования государственного департамента»], 26 марта 1963 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. 5. P. 654.
- ⁹² Томпсон – Раску. 3 апреля 1963 г. // Ibid. P. 663.
- ⁹³ РФК –ДФК, 3 апреля 1963 г. // Ibid. Vol. 6. 1963. P. 262.

- ⁹⁴ Запись 79–2, встреча 6 апреля 1963 г. President's Office Files, Presidential Recordings [Дела администрации президента, президентские записи] // JFK Library.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. Об этой закулисной деятельности можно судить из заявлений президента и Генерального прокурора во время этой встречи.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ *Cousins N.* Op. cit. P. 79.
- ⁹⁹ Запись 82. Дела администрации президента, президентские записи // JFK Library.
- ¹⁰⁰ Встреча, посвященная Лаосу, 19 апреля 1963 г.; заседание СНБ по Лаосу, 20 апреля 1963 года; заседание СНБ по Лаосу, 22 апреля 1963 года; запись 82. Дела администрации президента, президентские записи // JFK Library.
- ¹⁰¹ Встреча с Норманом Казинсом, 22 апреля 1963 г. Запись 82. Дела администрации президента, президентские записи // JFK Library.
- ¹⁰² K Back at Work Ignores Attack in Albania Press [Хрущев, вернувшись в работе, игнорирует критику в албанской прессе] // Washington Post and Times. April 21. 1963.
- ¹⁰³ О своей встрече с британским и американским послами, состоявшейся 23 апреля, Хрущев рассказал на заседании Президиума 25 апреля, см.: Стенограмма от 25 апреля 1963 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁰⁴ Протокол 94 от 25 апреля 1963 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁰⁵ НСХ – ДФК, 28 сентября 1962 г. // FRUS. 1961–1963 Vol. 6. P. 152–161.
- ¹⁰⁶ Стенограмма от 25 апреля 1963 г. // Архивы Кремля.
- ¹⁰⁷ Памятная запись беседы Хрущева и Гарримана, 26 апреля 1963 г. // FRUS. 1961–1963. Vol. XXIV. P. 1000–1005.
- ¹⁰⁸ Меморандум для записи, 30 апреля 1963 г. // Ibid. P. 1006.
- ¹⁰⁹ Смирнов – в МИД. [29?] мая 1963 г. // МИД. 0757 1963. 8/35/5.
- ¹¹⁰ Смирнов – в МИД. 6 апреля и 17 мая 1963 г. // Там же.
- ¹¹¹ Смирнов – в МИД. 14 июня 1963 г. // Там же. 8/35/4–5. Кролль приехал в Советский Союз летом 1963 г., и ему передали личное послание от Хрущева для вручения Аденауэру. Однако Аденауэр никогда на него не ответил. 10 октября 1963 г. Аденауэр сказал советскому послу Смирнову, что у него «нет времени [отвечать]». Смирнов – в МИД. 10 октября 1963 г. // Там же.
- ¹¹² *Schlesinger A.* Op. cit. P. 900; *Sorensen Th. S.* Op. cit. P. 730.
- ¹¹³ *Sorensen Th. S.* Op. cit. P. 730.
- ¹¹⁴ Интервью Нафтали с Макджорджем Банди. 15 ноября 1995 г.

- ¹¹⁵ *Sorensen Th. S.* Op. cit. P. 731.
- ¹¹⁶ Ibid.
- ¹¹⁷ Ibid. P. 732.
- ¹¹⁸ Ibid.
- ¹¹⁹ *Taubman W.* Op. cit. P. 602.
- ¹²⁰ Протокол [120] от 13 июня 1963 г. // Архивы Кремля.
- ¹²¹ Протокол 80 от 29 января 1963 г. // Там же.
- ¹²² Стенограмма от 7 июня 1963 г. // Там же.
- ¹²³ Памятная запись беседы НСХ и Кастро, 5 мая 1963 г. // АПРФ.
- ¹²⁴ Цит. по: *Westard O. A. Sino-Soviet Alliance and the United States // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963 / ed. by O. A. Westad. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center, 1998. P. 180.*
- ¹²⁵ Стенограммы встреч делегаций КПСС и КПК. Москва, 5–20 июля 1963 г. Приложение 17 // Архивы Кремля. С. 385–386.
- ¹²⁶ Протокол 107 от 23 июля 1963 г. // Архивы Кремля.

Глава 21. Наследие

- ¹ *Khrushchev S. Khrushchev on Khrushchev: An Inside Account of the Man and His Era, by His Son, Sergei Khrushchev / transl. W. S. Taubman. Boston: Little, Brown and Co., 1990. P. 30–32.*
- ² Стенограмма от 16 декабря 1959 г. // Архивы Кремля.
- ³ Там же.
- ⁴ *Taubman W.* Op. cit. P. 613.
- ⁵ Протокол 145 от 26 мая 1964 г. // Архивы Кремля.
- ⁶ Soviet School Retreat. Editorial [Советская школа отступает. Редакционная статья] // *New York Times*. August 14. 1964.
- ⁷ Протокол 126 от 23 декабря 1963 г. // Архивы Кремля.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Протокол 152 от 30 июля 1964 г. // Там же.
- ¹⁰ Soviet School Retreat. Editorial... На чрезвычайном заседании Президиума, отправившем Хрущева в отставку, другие члены Президиума сурово критиковали его за авторитарную реформу образования. Протокол (без номера) от 13 октября 1964 г. // Архивы Кремля.
- ¹¹ *Khrushchev S.* Op. cit. P. 725–726.
- ¹² Там же.
- ¹³ Хронология последних дней пребывания Хрущева в должности была составлена британским посольством в Москве. Тревельян – в министерство

иностраннных дел Соединенного королевства, 16 октября 1964 г. министерство иностранных дел Соединенного королевства. 371/177665 // National Archives – УК.

¹⁴ «Как смещали Н. С. Хрущева». Интервью с Владимиром Семичастным // Аргументы и факты. 1989. № 20, май. С. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Протокол 162 от 8 октября 1964 г. // Архивы Кремля.

¹⁷ *Taubman W.* Op. cit. P. 5.

¹⁸ «Как смещали Н. С. Хрущева». Интервью с Владимиром Семичастным... Относительно звонка Палевскому см.: Г. А. Ф. Холер, британское посольство в Москве, 21 октября 1964 г. // Министерство иностранных дел Соединенного королевства. 371/177665 // National Archives – УК. Холер беседовал с Палевским.

¹⁹ Цит. в докладе Тревельяна министерству иностранных дел Соединенного королевства «Обстоятельства свержения господина Хрущева». 2 ноября 1964 г. // Министерство иностранных дел Соединенного королевства. 371/177666 // National Archives – УК.

²⁰ Бодэ – Кув де Мюрвилю, 16 октября 1964 г. // DDF, 1964. Vol. 2. No. 136. Брюссель – Петер Ланг, 2002.

²¹ Цит. по: Доклад Тревельяна министерству иностранных дел Соединенного королевства «Обстоятельства свержения господина Хрущева». 2 ноября 1964 г. ...

²² «Как смещали Н. С. Хрущева», интервью с Владимиром Семичастным... С. 5; *Taubman W.* Op. cit. P. 10.

²³ Интервью Фурсенко со старыми сотрудниками охраны Кремля. Октябрь 2005 г.

²⁴ Протокол (без номера) от 13 октября 1964 г. // Архивы Кремля.

²⁵ Там же.

²⁶ Протокол (без номера, продолжение) от 14 октября 1964 г. // Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Интервью Фурсенко со старыми сотрудниками охраны Кремля. Октябрь 2005 г.

²⁹ Телеграмма из Москвы в Вашингтон, 16 октября 1964 г. // FRUS. 1964–1968. Vol. 14. P. 122–123.

³⁰ Тревельян – министерству иностранных дел Соединенного королевства «Обстоятельства свержения господина Хрущева». 2 ноября 1964 г...

³¹ Цит. по: Деша Томаса Браймлоу, британское посольство (Москва), 6 марта 1964 г. // Министерство иностранных дел Соединенного королевства, 371/1771665 // National Archives – УК.

- ³² Донесение разведки, Бюро разведки и исследований – государственному департаменту 15 октября 1964 г. // FRUS. 1964–1968. Vol. 14. P. 119–121; Памятная запись. Встреча исполнительного комитета СНБ, 16 октября 1964 г. // Ibid. P. 124–125.
- ³³ Памятная запись, встреча исполнительного комитета СНБ, 16 октября 1964 г. // Ibid.
- ³⁴ Памятная запись беседы Добрынина и ЛБД, 16 октября 1964 г. // Ibid. P. 127–130.
- ³⁵ Г. А. Ф. Холер, британское посольство в Париже, 24 октября 1964 г. // Министерство иностранных дел Соединенного королевства, 371/177667 // National Archives – UK.
- ³⁶ *Kissinger H. A. Central Issues of American Foreign Policy (1968)* [*Киссинджер Г. Центральные вопросы американской внешней политики*]; воспроизведено в качестве документа 4, см.: FRUS. 1969–1976. Vol. 1. P. 26.
- ³⁷ Протокол 73 от 6 февраля 1957 г. // Архивы Кремля.
- ³⁸ The Presidential Recordings: John F. Kennedy... Vol. 1. P. 267.
- ³⁹ Стенограмма от 26 мая 1961 г. // Архивы Кремля.
- ⁴⁰ Джон Ф. Кеннеди, 26 июля 1963 г.; цит. по: Life. August 9. 1963.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

CWINP – Cold War International History Project [Международный исторический проект «Холодная война» – программа историко-политических исследований, созданная в 1991 году при международном исследовательском центре имени Вудро Вильсона, Вашингтон]

DDF – Documents Diplomatiques Français [«Французские дипломатические документы» – многотомное издание архива министерства иностранных дел Франции, включающее наиболее значимые документы внешней политики Франции]

ERR – CIA Electronic Reading Room [«электронный читальный зал ЦРУ» – сайт ЦРУ с рассекреченными документами разведки]

FRUS – Foreign Relations of the United States [«Международные отношения Соединенных Штатов» – многотомное издание государственного департамента США, включающее наиболее значимые дипломатические и внешнеполитические документы США]

NARA-II – National Archives and Records Administration, College Park, Maryland (Национальное управление архивов и документации. США, Мэрилендский университет в Колледж-Парке)

NARA-LN – National Archives and Records Administration, Laguna Niguel (Национальное управление архивов и документации. США, город Лагуна-Нигел, Калифорния)

National Archives-UK – Национальный архив Великобритании (Кью, Лондон)

NSF – National Science Foundation (Национальный научный фонд) [независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий]

RMN (PMH) – Ричард Милхауз Никсон, вице-президент США

АПРФ – Архив Президента Российской Федерации

Архивы Кремля – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т.

Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко; отв. сост. В. Ю. Афиани; сост. З. К. Водопьянова, А. М. Орехов, А. Л. Панина, М. Ю. Прозруменщиков, А. С. Стыкалин. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. (серия «Архивы Кремля»).

АУД – Аллен Уэлш Даллес, директор Центральной разведки (ЦРУ)

ГРУ – Главное разведывательное управление СССР (теперь – Главное управление Генерального штаба Российской Федерации)

ДДЭ – президент Дуайт Дэвид Эйзенхауэр

ДФД – государственный секретарь Джон Фостер Даллес

ДФК – президент Джон Фицджеральд Кеннеди

ЛБД – президент Линдон Бэйнс Джонсон

МИД – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ, бывший Архив МИД СССР)

НСХ – Никита Сергеевич Хрущёв

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РФК – Роберт Фрэнсис Кеннеди, генеральный прокурор США

СВР – Архив Службы внешней разведки Российской Федерации

СНБ – Совет национальной безопасности (National Security Council) – консультативный орган при президенте США

ФСБ – Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦК – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель Рудольф 325
Абрамов Александр 369–373, 375,
478, 479, 570, 675, 676, 677, 678,
699
Авидар Йосеф 109, 110
Авкати, генерал 328
Аденауэр Конрад 51–54, 56, 57,
208–214, 219, 226, 230, 231, 232,
235–237, 241, 244, 249, 252, 291,
401, 418, 432, 433, 437, 438, 440,
441, 449, 453, 456, 469, 476, 515,
516, 589, 590, 592, 593, 625, 650,
651, 690, 717
Аджубей Алексей 395, 413, 469,
472–474, 480, 529, 653, 666, 698
Алексеев Александр 332, 337, 338,
339, 341, 359, 389, 445, 481, 491,
552, 557, 670, 671, 680, 694, 699,
702, 711, 716
Аллен Джордж 81
Аль-Куатли Шукри 134, 148, 637
Аль-Саид Нури 67, 97, 134, 176, 181,
191, 631
Амер Абдель Хахим 72, 74, 94, 186,
207, 631, 643, 645, 650, 715
Ананьев И. А. 296, 663
Андерсон Джордж 566
Андерсон Роберт 87
Андерсон Рудольф 551
Андропов Юрий 127
Арбенс Хакобо 63–66, 80, 352
Ареф Абдель-Салам 577, 579, 599,
602, 715
Аристов Аверкий 219, 227, 628, 661
Ар-Рады Хусейн Ахмед 578, 715
Арутюнян А. А. 347
Асабин П. Е. 295, 663
Ас-Саади Али Салих 576
Ачесон Дин 384, 413, 414, 415, 417,
418, 435, 439, 440, 685, 687, 691
Багдаш Халед 177, 599
Байроуд Генри 69, 70, 71, 76, 77, 80,
82, 627, 628
Банди Макджордж 392, 393, 418,
440, 509, 510, 524, 525, 544, 563,
583, 590, 591, 681, 685, 686, 702,
717
Банч Ральф 348
Барковский (советский посол в
Сирии) 507
Басфи, полковник 328
Батиста Фульхенсио 330, 331
Батлер Р. («Рэб») 122
Белобородов Николай 528, 533
Беляев Николай 306, 628
Бен-Гурион Давид 132, 133, 632
Бёрден Уильям 336, 337, 671
Бёрджесс Гай 120, 135, 141, 635, 636,
638
Берия Лаврентий 9, 10, 12, 171, 606
Бёрк Арли 340

- Берман М. Н. 296, 663
Берут Болеслав 19
Бетман-Гольвег Теобальд, фон 504
Бирюзов Сергей 298, 312, 490, 491, 493, 701
Бисселл Ричард 293, 294, 299, 302, 351, 352, 356, 384, 385, 626, 663
Бишоф Гюнтер 621
Бишофф Николас, фон 232, 654, 655
Блэк Юджин 86, 93
Бодров Михаил, советский посол в Израиле 507, 704
Болен Чарльз («Чип») 14, 23, 42, 48, 109, 110, 319, 324, 393, 620, 633, 668, 698
Большаков Георгий 187, 392, 393–397, 399, 406, 448, 449, 453–455, 471, 472, 476, 488, 505, 521, 522, 524, 546, 551, 562, 563, 572, 681, 682, 684, 685, 694–697, 701, 704
Браун Ева 221
Браун Уинтроп 368
Браун Чарльз 193, 197, 648
Брежнев Леонид 172, 220, 222, 227, 287, 306, 539, 601–605, 607, 608, 609, 697
Брентано ди Тремещо Генрих, фон 589
Булганин Николай 12, 14, 15, 18, 26, 27, 28, 30–32, 41–43, 45, 49, 53, 54, 88, 89, 110, 117, 149, 151, 163–165, 172, 227, 228, 229, 235, 244, 619, 620, 641
Бун Ум, принц 368, 478
Буррис Ховард 517, 705
- Вавилов**, советский посол в Ираке 507
Вальдес Рамиро 481, 482
Вершинин Константин 312, 316
- Волков Александр 11
Ворошилов Климент 18, 56, 137, 163, 165, 195, 196, 197, 226, 227, 258, 303, 306, 619, 620, 641, 648, 665
Вудс Роуз Мэри 188
- Гагарин Юрий 388, 680
Галюков Василий 602, 603
Гарднер, вице-президент Всемирного банка 86
Гарленд Джуди 262
Гарриман Уильям Аверелл 14, 499, 583, 586, 588, 668, 702, 703, 717
Гарст Росуэлл («Боб») 265–268, 659
Гвоздев Юрий 187, 188, 190, 238
Гевара Эрнесто «Че» 331, 335, 336, 339, 390, 480, 481, 670, 680
Гейтс Томас 284, 285
Георгадзе М. П. 605
Герасимов П. И. 333, 649, 669, 670
Герё Эрнё 127, 135–137
Гергер Кристиан 250, 251, 253, 254, 289, 306, 307, 310, 312, 314, 319, 347, 657, 662
«Гидролог» 426
Гилпэтрик Розуэлл 460, 461, 696
Гинденбург Пауль, фон 210
Гитлер Адольф 21, 27, 49, 73, 100, 123, 168, 180, 194, 195, 210, 211, 220, 221, 381, 409, 429, 437, 539, 578, 653
Глинских В. Н. 295, 663
Гомулка Владислав 126, 127, 128, 131, 132, 135, 136, 142, 146, 219, 223, 427, 476, 688, 689
Горбачев Михаил 270, 289, 615, 654
Горшков Сергей 540, 541, 542, 720
Готвальд Клемент 19
Готтлиб Сидни 356
Грей Гордон 339

- Гречко Андрей 275, 402, 650
 Григулевич Иосиф 23
 Громыко Андрей 165, 174, 211, 215, 220, 222, 226, 230, 232, 233, 235, 251, 263, 264, 287, 313, 316, 317, 345, 358, 387, 391, 395, 396, 403, 405, 407, 422, 425, 439, 440, 442, 443, 447, 454, 464, 468, 470, 489, 490, 491, 499, 511, 526, 529, 575, 599, 635, 638, 650, 652, 654, 655, 657, 666, 669, 673, 678, 680, 687, 689, 690, 691, 693, 695, 697, 701, 713
 Гротеволь Отто 19
 Грэм Филип 412
 Гувер Герберт 87
 Гувер Джон Эдгар 188
 Гудвин Ричард 480
 Гудпастер Эндрю 76, 628, 631, 647
 Гутман Эдвин 392, 695
 Гэлбрейт Джон Кеннет 418
 «Гэм» (советский агент) 548, 710
 «Д. А. Элиот», см. Бёрджесс Гай
 Даллек Роберт 431
 Даллес Аллен Уэлш (АУД) 13, 23, 36, 37, 78, 79, 181, 228, 281, 290, 293, 304, 317, 321, 356, 384, 390, 391, 415, 417, 473, 509, 619, 620, 623, 629, 645, 647, 671, 666, 693
 Даллес Джон Фостер (ДФД) 13, 15, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 50, 52, 53, 55, 58, 64, 65, 70, 71, 75–78, 79, 80, 86, 90, 100, 101, 103, 104, 111, 112, 113–118, 121, 154, 177, 179, 182, 183, 185, 187, 188, 190–192, 194, 197, 198, 210, 225, 236, 237, 244, 245, 248, 250, 253, 257, 304, 442, 512, 513, 611, 625, 628, 629, 632, 635, 644, 645, 644, 647, 653, 655, 661
 Дауд Мухаммед 89
 Даян Моше 129
 Де Голль Шарль 194, 196, 197, 204, 287, 290, 291, 292, 293, 302, 305, 314, 317–319, 321–323, 400, 403, 418, 433, 449, 469, 516, 604, 605, 663, 665, 667
 Де Конинк Альбер 333, 334, 671
 Де Лессепс Фердинанд 93
 Дежан Морис 228, 305, 665, 692
 Дель Валье Серхио 445
 Дементьев А. А. 500
 Джеймс Роберт Родс 98
 Джефферсон Томас 574
 Джонсон Алексис 525, 709,
 Джонсон Линдон Бэйнс (ЛБД) 169, 281, 415, 418, 431, 432, 439, 517, 518, 598, 608, 615, 617, 687, 705, 720
 Джорджеску Йон 627
 Диллон Дуглас 149, 152, 306, 347, 390, 418, 525, 673
 Дин Артур 572, 714
 Добрынин Анатолий 477, 488, 502, 510, 511, 521, 531, 546, 551, 553, 562, 568, 582, 608, 666, 683, 699, 701, 703–706, 711, 713, 720
 Донован Роберт 548
 Дортикос Освальдо 548
 Дос Пассос Джон 265
 Дриберг Том 120, 135, 636, 638
 Дулиттл Джеймс 292
 Дэвис Сэмми (мл.) 262
 Дэн Сяопин 595
 Епишев Алексей 439
 Ерофеев Владимир, советский посол в Египте 507, 704

- Желтов Алексей** 172
- Жуков Георгий** 26, 27, 28, 31, 35, 41, 44–48, 50, 109, 132, 134, 136, 142, 148, 159, 160, 164, 170–174, 196, 200, 221, 320, 624, 626, 638, 639, 642, 648, 666
- Жуков Юрий** 436
- Журдан Луи** 262
- Захаров Матвей** 402, 692, 698, 701, 703, 704, 706
- Зорин Валериан** 174, 355, 359, 537, 544, 666
- Зубок Владислав** 621, 660, 661
- Ибрагим Хасан** 86
- Иванов Семен** 490, 526, 527, 528, 701, 704, 705, 707
- Игнатов Николай** 237, 602, 603
- Иден Энтопи** 34, 37, 38, 54, 57, 61, 67, 86, 87, 93, 97, 98, 99, 103, 105, 107, 120–122, 124, 129–131, 133, 135, 139, 140, 149–152, 183, 184, 202, 244, 245, 630, 632, 637, 638
- Иоанн XXIII, римский папа** 572
- Каганович Лазарь** 18, 31, 39, 56, 89, 132, 136, 156, 162, 163, 165, 170, 174, 386, 410, 619, 641
- Кадар Янош** 146
- Казинс Норман** 572, 573, 583–586, 590, 714, 717
- Камарго Альберто Льерас** 324, 668
- Кардель Эдвард** 30
- Карпович Г. В.** 598
- Картер Виктор** 261, 658
- Касавубу Жозеф** 344–348, 350, 352–355, 360
- Касим Абд аль-Карим** 176–178, 183–186, 189–192, 199, 202–205, 328, 329, 576–578, 595, 612, 643, 646, 647, 669, 715, 716
- Кастро Рауль** 331, 335, 336, 339, 341–343, 496, 499, 500, 501, 669, 670, 672
- Кастро Теодоро, см. Григулевич Иосиф**
- Кастро Фидель** 330–332, 335, 336, 339, 341, 343, 351, 352, 357, 358–361, 377, 380, 384, 385, 388–392, 405, 409, 445, 481–483, 488, 490–494, 500, 508, 509, 512, 526, 530–532, 537, 538, 545, 547, 551–554, 556–560, 564–568, 574, 579, 580, 594, 595, 603, 612, 614, 670, 672, 680, 694, 699, 702, 711, 716, 718
- Квицинский Юлий** 688
- Келли Джин** 262
- Кёниг Иоганн** 222
- Кеннан Джордж Ф.** 393, 435, 436, 437, 439, 447, 470, 691, 697
- Кеннеди Джозеф** 380, 381, 504
- Кеннеди Джон Ф. (ДФК)** 6, 7, 10, 45, 187, 279, 281, 352, 359, 377–385, 387, 389, 390–395, 397–409, 412–420, 422–424, 427, 431–435, 437–450, 452–455, 457–462, 464, 465, 468–474, 476–478, 480, 482, 486–489, 492, 496–499, 501–506, 509, 510, 512–514, 516–518, 521, 523–531, 533–537, 542–559, 561–576, 580–588, 590, 591–593, 597, 598, 611–614, 617, 620, 667, 668, 681–687, 690–693, 696–698, 703, 713, 714, 720
- Кеннеди Жаклин** 402, 403, 472
- Кеннеди Роберт Ф. (РФК)** 382, 383, 392–397, 406, 413, 448, 453, 454, 471, 472, 476, 477, 480, 488, 504,

- 505, 509–511, 521, 522, 524, 525,
543, 551–553, 556, 562, 563, 565,
568, 572, 581–583, 681, 682, 685,
696, 697, 701, 704, 710
- Керенский Александр 88
- Киллиан Джеймс 299
- Ким Ир Сен 14
- Киним Фолсена 375, 677
- Кириленко Андрей, советский пар-
тийный деятель 222
- Кириченко Алексей 220, 306, 620,
641
- Киселев Евгений 106, 140, 145, 146,
631, 634, 635, 638, 639
- Киссинджер Генри 609, 620, 651, 720
- Клей Люсиус Дюбиньон 280, 431,
452, 453, 454, 474, 661, 695
- Козлов Фрол 220, 222, 227, 253, 254,
256, 484, 526, 539, 597, 657, 658,
661, 713
- Колер Фой Д. 562, 575, 586, 660, 695,
698
- Конг Ле 362, 365, 368, 369, 375, 585,
675
- Копев Иван 275, 277, 429, 430, 433,
690, 692
- Корнев Василий, советский посол в
Ливане 507
- Королев Сергей 166, 167, 170
- Косыгин Алексей 306, 484, 518, 519,
532, 604, 605, 608, 704, 706
- Коупленд Майлз 644
- Крайский Бруно 409
- Критчфилд Джеймс 576, 715
- Кроль Ханс 230–232, 235, 236, 437,
438, 514–518, 527, 589, 590, 593,
655, 692, 696, 705, 706, 717
- Крэнкшоу Эдвард 29, 30, 622
- Кув де Мюрвиль Морис 522, 706,
719
- Кудрявцев Сергей 390, 666, 680
- Кузнецов Василий 113, 347, 533, 572,
635, 645, 665, 666, 678, 682, 683,
- Кузнецов Николай 83, 275, 649, 692
- Купер Честер 151, 639
- Лайтнер Аллен 451, 453, 695
- Лемей Кёртис 566
- Ленин Владимир 12, 15, 17, 20, 26,
54, 101, 170, 274, 298, 450, 461,
528, 594, 597
- Леонов Николай 670
- Лечуга Карлос 563
- Линкольн Авраам 260, 336, 461
- Липпман Уолтер 58, 404, 418, 441,
550, 562, 711
- Ллойд Селвин 97, 113, 116, 122, 129,
130, 133, 152, 190, 192, 251, 631,
647, 655
- Лодж Генри Кэбот 260, 261, 263–
266, 289, 290, 353, 406, 659, 663,
674
- Луис Уильям Роджер 184
- Лумумба Патрис 327, 330, 332–334,
336, 337, 344, 345, 346–358, 360,
361, 373, 376, 377, 405, 578, 579,
612, 668, 670, 671, 673
- Лэнд Эдвин 299
- Лю Шаоци 142
- Макартур Дуглас 414
- Маккарти Джозеф 28
- Макклинток Роберт 205
- Макклой Джон 423–425, 427, 434,
688, 689
- Маккормак Джон 65
- Маккоун Джон 325, 509, 525, 543,
666, 700
- Маклейн Ширли 262
- Маклин Дональд 120, 141, 635

- Макмиллан Гарольд 150, 151,
183–185, 192, 194, 197, 202, 204,
244–249, 291, 293, 309, 310, 318,
319, 321–323, 400, 418, 433, 469,
582, 588, 593, 645, 647, 657, 663,
667
- Макнамара Роберт 416–418, 460,
497, 498, 524–526, 542, 543, 661,
686, 700
- «Макс», см. Григулевич Иосиф
- Маленков Георгий 9–18, 22–24, 28,
68, 72, 89, 90, 108, 110, 111, 118,
156–165, 170, 606, 619, 641
- Малик Яков 306–308
- Малин Владимир 7, 193, 218, 234,
532, 552, 621, 636, 652, 654, 655,
661, 670, 683, 688, 701, 702, 707,
710
- Малиновский Родион 172, 174, 175,
220, 275, 277, 297, 316, 322, 402,
485, 488–491, 495, 499, 500, 520,
526–529, 531–533, 539–542, 587,
661, 666, 690–692, 695, 698, 701,
703, 705, 713, 720
- Мао Цзэдун 127, 142, 178, 180,
200–204, 206, 269, 341, 367, 377,
387, 388, 441, 467, 478, 481, 489,
559, 575, 580, 581, 595, 602, 649,
650, 660
- Маркс Карл 54, 274, 342
- Махдави, иракский верховный
судья 328, 329, 669
- Меир Голда 129
- Мензис Роберт 116, 118, 119, 121
- Меньшиков Михаил 238, 255, 379
- Микоян Анастас 27–30, 49, 53, 56,
57, 89, 96, 132, 136, 137, 145,
157, 159, 161, 164, 172–174, 195,
196, 197, 200, 211, 212, 219–222,
226–229, 233, 235, 237–249,
259, 267, 303, 313, 329, 332, 364,
387, 392, 400–402, 407, 425, 434,
458, 467, 484, 490, 491, 499, 526,
531–533, 538–542, 545, 546, 555,
558, 559, 560, 564, 565, 567, 570,
571, 577, 597, 598, 600, 603–607,
609, 614, 616, 619, 637, 640, 641,
649, 651–656, 661, 669, 683, 689,
697, 701, 703, 707, 709, 711–713,
715, 716
- Мильке Эрих 430
- Мичунович Велько 645
- Мобуту Жозеф-Дезире 354–357,
360, 376, 377
- Мозес Роберт 272
- Мок Жюль 287
- Молле Ги 99, 129, 140, 149, 152, 202,
632
- Молотов Вячеслав 9–13, 16–18,
20–34, 42, 43, 52, 54–58, 60, 61,
66, 72, 77, 89, 90, 93, 95, 112, 132,
136, 155–163, 165, 170, 174, 259,
286, 386, 410, 619–622, 626, 627,
635, 640, 641, 662
- Монктон Уолтер 129
- Монтгомери Бернард Лоу 35
- Мосаддык Мохаммед 96
- Москаленко Кирилл 275, 277, 661
- Муссолини Бенито 97
- Мясищев В. М. 39
- Нагиб Мохаммед 61, 62**
- Надь Имре 128, 135–137, 142–144,
146, 155, 156
- Насер Гамаль Абдель 60, 62, 63,
66–87, 91–95, 97–126, 129–135,
137–141, 143, 146–150, 152–155,
157, 158, 165, 175–177, 179–181,
183–186, 188–193, 199, 200, 202,
205, 207, 240, 272, 328, 332, 357,

- 362, 385, 577, 578, 579, 599, 612,
626–631, 634, 636–639, 643–646,
648–650, 660, 669, 715
- Неделин Митрофан 275, 277, 483
- Неру Джавахарлал 88, 107, 149, 194,
634
- Нивен Дэвид 262
- Никсон Ричард 49, 50, 112, 125, 182,
187, 188, 194, 238, 257, 271, 290,
304, 306, 335, 359, 379, 380, 384,
392, 561, 586, 617, 644–646, 658
- Нитце Пол 415
- Нкрума Кваме 348, 357, 612, 673
- Новелла Энджи 392
- Новотный Антонин 476
- Номи Анри 99
- Норстед Лорис 225, 236, 653
- Нури аль-Саид, см. Аль-Саид Нури
- Олленхауэр Эрих 651**
- Олсоп Джозеф 280, 283, 285, 286,
292, 412, 418, 641, 661, 662, 690
- Охаб Эдвард 96, 126, 127, 131, 631
- Палевский Гастон 604, 605, 719**
- Панков В. П. 296, 663
- Патон Джордж 315
- Пауэр Томас Сарсфилд 285
- Пауэрс Фрэнсис Гэри 297–302,
304–312, 315–317, 323–326, 338,
383, 390, 416, 445, 573, 663–666,
668
- Пек Грегори 262
- Пеньковский Олег 415, 427, 524,
536, 537, 709
- Первухин Михаил 118, 163, 165,
214, 396, 424, 554, 619, 641, 682,
687–690, 698
- Перес Шимон 632
- «Пимен» 426
- Пино Кристиан 133, 149
- Плиев Исса 531, 533
- Подгорный Николай 306, 601–603
- Полянский Дмитрий 306, 385
- Поспелов Петр 679
- Поулсон Норрис 262, 263, 264
- Преттимен Э. Барретт 326
- Рагаб Хусейн 85**
- Райк Ласло 127, 128
- Ракоши Матьяш 127
- Раск Дин 393, 405, 418, 420, 439, 440,
442, 443, 447, 452, 453, 509–511,
525, 526, 529, 544, 582, 583, 608,
679, 688, 691, 692, 693, 695, 697,
699, 701, 716
- Рассел Ричард 284, 535
- Рассел С. 635
- Рашидов Шараф 493, 494
- Рейган Рональд 289
- Рейли Патрик 151, 152, 224, 228, 248,
639, 653, 657
- Рейно Поль 437, 441, 442, 465, 692
- Рестон Джеймс «Скотти» 228, 412,
422, 654, 685
- Рид Джон 550
- Робертс Фрэнк 568, 713
- Робинсон Эдвард Голденберг 262
- Роджерс Уоррен 548, 550
- Розенберг Юлиус 547
- Рокоссовский Константин 131
- Рокфеллер Нельсон 38, 465
- Роммель Эрвин 61
- Ростоу Уолт Уитмен 448, 582
- Руденко Роман 298, 302, 410
- Рузвельт Кермит 78, 79, 80, 82, 123,
629, 636
- Рузвельт Теодор 591
- Рузвельт Франклин Делано 14, 35,
221, 254, 260, 267, 380, 424, 592

- Рузвельт Элеонора 260
Рыжов Никита 581, 716
- Сабри Али 70, 75, 79, 80, 123, 124,
140, 141, 628, 629, 630
Сабуров Максим 163, 619, 641
Сайди Хью 461, 685
Саймингтон Стюарт 41, 280, 281, 292
Салам Саиб 644
Салем Салах 74, 628
Сауд, король Саудовской Аравии
181
Секу Туре Ахмед 329, 357
Семичастный Владимир 546, 602,
605, 670, 707, 710, 719
Серов Александр 532, 707, 708, 709,
710
Серов Иван 163, 227, 229, 237, 392,
653, 654, 655
Сианук Нородом, король Камбоджи
366, 371, 376
Синатра Фрэнк 262
Скали Джон 547, 710
Скачков Семен 199, 648
Скрипко Николай 188
Смирнов Андрей 589, 590, 717
Смирнов Юрий 684
Смит Уолтер Беделл 14
Соколовский Василий 175, 199, 275,
648
Солод Даниил 69, 74, 79–82, 87,
626–631
Солсбери Гаррисон 26, 267, 679
Сомоса Анастасио 426
Сомсанит, принц Лаоса 368
Соренсен Теодор 422, 431, 440, 525,
535, 586, 590, 686, 688
Спаак Поль-Анри 436, 437, 442, 465,
491, 493
- Сталин Иосиф 8–12, 14–27, 29, 32,
33, 35, 39, 40, 51, 54, 61, 84, 95,
136, 142, 156, 161, 171, 213, 219,
221, 223, 227, 240, 241, 259, 281,
286, 327, 381, 384, 387, 410, 413,
429, 449, 450, 461, 528, 553, 595,
597, 609–613, 618, 619, 622
Стассен Хэролд 646
Стаценко Игорь 528, 533
Стивенсон Эдлай 125, 381, 544, 558
Суванна Фума 362, 364, 365, 366,
368–376, 387, 394, 405, 444, 462,
478, 479, 486, 499, 569, 570, 585,
612, 676, 677, 693
Сульцбергер Сайрес 436, 437, 438,
439, 446, 619, 668, 692
Суслов Михаил 96, 136, 137, 194,
220, 227, 229, 531, 595, 604, 609,
620, 635, 638, 641, 648
Суфанувонг, принц Лаоса 364, 365,
371, 478, 479, 486, 499, 518, 585,
697, 699, 706
«Счастливым случаем» («Lucky
Break»), агент 86
Сэлинджер Пьер 446, 511, 526, 598
Сэндберг Карл 461
- Такман Барбара 504
Таубман Уильям 38, 637, 639, 656
Твайнинг Нэйтан 182, 225, 284, 646,
647, 674
Тейлор Максвелл 414, 418, 525, 681,
688, 692, 694
Тейлор Телфорд 681
Тито Иосип Броз 19, 20, 22, 23, 25,
27, 29–31, 34, 69, 72, 127, 136,
142, 146, 156, 386, 410, 581
Тома Альбер 632
Томпсон Джейн 397

- Томпсон Льюэллин («Томми») 228, 238, 258, 268, 307, 309, 324, 389, 391, 393, 397, 398, 399, 404, 439, 447, 453, 454, 464, 468–471, 494, 503, 504, 506, 507, 525, 582, 608, 613, 641, 660, 666, 668, 680, 682, 692, 697, 698, 704, 716,
- Томсон Рой Герберт 578, 580, 617, 692, 715, 716
- Тревельян Хэмфри 586, 716, 718, 719
- Троцкий Лев 27, 619
- Трояновский Олег 316, 621, 666, 667
- Трумэн Гарри Эс 14, 21, 26, 32, 41, 64, 219, 267, 280, 281, 352, 384, 413–415, 424, 435, 685, 691
- Туполев Андрей 256, 258, 263
- Туполев Николай 256, 263
- Тухачевский Михаил 164
- У**
- Ну 89, 366
- У Тан 564, 567, 705
- Уайт Теодор 414, 471, 685, 698
- Ульбрих Вальтер 19, 213, 214, 218, 230, 234, 236, 252, 382, 383, 396, 401, 420–422, 424–431, 433, 434, 445, 446, 450, 452, 455–458, 475, 476, 483, 501, 518, 553, 554, 678, 679, 687–691, 694, 695, 696, 698, 703, 711
- Уоллес Генри 265
- Устинов Дмитрий 275
- Фавзи** Мохаммед 94, 124, 125
- Фарук, король Египта 61, 62, 75, 91, 134
- Фейсал, король Ирака 97, 177, 181, 207
- Феклисов Александр 547, 710
- Фишер Вильям, см. Абель Рудольф
- Фон Браун Вернер 168, 169
- Фор Эдгар 34
- Форрестол Майкл 588, 700, 702
- «Фрезер», см. Маклин Дональд
- Френкель Макс 218
- Фрост Роберт 514
- Фуми Новаван 368, 370–375, 387, 478, 479, 486, 487, 488, 555
- Фурцева Екатерина 216–219, 226, 229, 303
- Хагерти** К. Джеймс 13, 14, 315, 619
- Хайкал Мухаммед 123, 124, 629, 631, 645
- Хальштейн Вальтер 589
- Хаммаршёльд Даг 346–349, 353, 355–358, 360
- Хамфри Джордж 87, 644
- Хамфри Хьюберт 237, 404
- Харламов Михаил 446, 447
- Харрисон Хоуп 234, 617, 652, 695
- Хейворт Рита 262
- Хейтер Уильям 11, 12, 23, 151, 618, 620
- Хелмс Ричард 547
- Херст Уильям Рэндольф 34
- Хилленбранд Мартин 384
- Хильми Самир 86
- Хисс Алжер 646
- Хо Ши Мин 363, 364, 366, 375, 387, 479, 699
- Ходжа Энвер 386, 679
- Хоулмэн Фрэнк 187, 188, 238, 392, 645, 646, 655
- Хоуп Боб 262, 617
- Хрушев Никита (НСХ) 5–13, 15–34, 36, 38–49, 51–61, 63, 66, 68, 69, 71–73, 81, 83–85, 88–91, 93–97, 99–102, 105–110, 113, 115–118, 120, 122, 123, 125–128, 131, 132, 135–137, 140–149, 152–167, 169–

- 178, 182, 183, 185–220, 222–230, 233–244, 246–279, 281–291, 293, 294, 297, 298, 302–330, 332, 334, 337, 338, 341–346, 348–350, 352–367, 373–383, 385–431, 433–451, 453–480, 482–492, 494–507, 509, 510, 512–534, 537–576, 578–616, 618–622, 625–627, 634, 636–643, 645, 646, 648–668, 671, 673, 675, 678–685, 687–693, 695–697, 700, 701, 703–706, 709–713, 715–720
- Хрущев Сергей 259, 272, 297, 602, 616, 653
- Хрущева Ефросинья Ивановна 259
- Хрущева Нина Петровна 259, 262
- Хрущева Рада 259, 472, 616, 653
- Хрущева Юлия 259
- Худ Гарольд Качча, виконт 191, 198, 647
- Хусейн Абдель Насер 72
- Хусейн Ахмед 80
- Хусейн, король Иордании 98, 134, 181, 190
- Хэмилтон Томас 566
- Чан Кайши** 204, 206, 414, 467
- Чан Ти Бинь** 366, 676
- Чебрасов, радист подводной лодки 541, 709
- Чемберлен Невилл 49, 97, 559
- Черчилль Уинстон 32, 34, 36, 37, 97, 220, 221, 254, 383,
- Чжоу Эньлай 202, 450
- Чомбе Моиз 344, 346, 349, 352, 354, 360, 376, 691
- Чэн И 443, 693
- Чэнь Цзянь 201
- Шамун Камиль** 179, 180, 183, 198, 205
- Шарет Моше 71
- Шарон Ариэль 67, 138
- Шелепин Александр 298, 301, 302, 308, 310, 311, 420, 425, 426, 546, 601–603, 606, 609, 640, 672, 679, 687, 692, 697
- Шепард Алан 388
- Шепилов Дмитрий 30, 60, 71–73, 93–96, 101, 107, 108, 110–118, 123, 125, 136, 142, 165, 170, 174, 626, 628, 631, 633–637
- Шехаб Фуад 205
- Шлезингер Артур (мл.) 435, 590
- Шостакович Дмитрий 577
- Штраус Франц Йозеф 210, 432
- Шумков Николай 541, 548, 549, 708, 709, 711, 720
- Эйбел Эли** 446, 694
- Эйзенхауэр Джон 242, 661
- Эйзенхауэр Дуайт (ДДЭ) 10, 13–15, 26, 32, 34–38, 40, 41, 42, 44–50, 53, 57–64, 69, 70, 76, 78, 86, 87, 95, 100, 101, 103, 104, 106, 111, 112, 114–116, 123, 124, 125, 128, 138–140, 148–151, 153–155, 158, 159, 167–169, 173, 177–187, 190, 192, 194–198, 201, 203, 204, 206, 207, 212, 215, 221, 224, 236–238, 240, 242, 244–246, 251–255, 257, 258, 260, 264, 266–269, 276, 278, 279–286, 288–295, 299, 300, 304–307, 309–326, 335–338, 340, 342, 343, 346, 347, 350–353, 356, 358, 359, 368, 369, 372, 373, 377, 382–385, 390, 394, 399, 408, 414–417, 419, 432, 437, 442, 443, 447, 463, 465, 469, 471, 486, 487, 498, 512, 529, 553, 576, 591, 610–612, 617, 624, 628, 630, 632,

635, 637–640, 644–648, 651, 653,
655, 657, 658, 660–663, 666–668,
674, 676, 686, 693

Эйзенхауэр Мейми 44

Эли Поль 99,

Элиот Т. С. (Томас Стернз) 120, 379

Эль-Каиссуни Абдель Моним 86, 87

Эль-Коуни Мохаммед Авад 96, 134,
328, 628, 631, 633, 638, 669

Энгельс Фридрих 54

Эренбург Илья 577

Эскаланте Анибаль 481, 482, 595,
670

Эспин Вильма 331, 670

Эттли Клемент 32, 219

Юдалл Стюарт 514, 705

Юдин Павел 200–202, 649

Якубовский Иван 429

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Восходящая красная звезда	11
Глава 2. Женева	32
Глава 3. Оружие для Египта	60
Глава 4. Суэц	91
Глава 5. Двойной кризис	126
Глава 6. «Комета Хрущева»	153
Глава 7. Переворот в Ираке	176
Глава 8. «Кость в моем горле»	207
Глава 9. Хрущев в Америке	240
Глава 10. Великий замысел	270
Глава 11. Авария, грохот которой услышали во всем мире	295
Глава 12. Кастро и Лумумба	327
Глава 13. Проверка в Юго-Восточной Азии	362
Глава 14. «Он сукин сын»	379
Глава 15. Железное кольцо	412
Глава 16. «Гроза в Берлине закончилась»	436
Глава 17. Мениск	460
Глава 18. «Я думаю, мы выиграем эту операцию»	493
Глава 19. Кубинский ракетный кризис	524
Глава 20. «Оставляя за кормой страх»	556
Глава 21. Наследие	597
Благодарности	616
Примечания	618
Список сокращений	721
Указатель имен	723

Научное издание

Фурсенко Александр Александрович
Нафтали Тимати

«Холодная война» Хрущева.
Тайная история противника Америки

Перевод с английского языка
Валентины Трифионовны Веденеевой,
Ольги Рашиотовны Щелоковой

Ведущий редактор *Н. А. Вольничик*
Редактор *К. В. Пальнова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Н. Н. Першакова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.11.2018.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 46.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

«Колодная война» Хрущева

Книга канадско-американского исследователя Тимоти Нафтали и известного российского историка академика Александра Александровича Фурсенко (1927–2008) посвящена исследованию внешней политики СССР, проводившейся Н. С. Хрущевым. На основании многочисленных источников из российских, американских и европейских архивов авторы проследили сложную динамику взаимодействия Хрущева с президентами США – Дуайтом Эйзенхауэром и Джоном Кеннеди – взаимодействия, для которого было характерно как стремление к превосходству, так одновременно и к мирному сосуществованию. За это исследование А. А. Фурсенко и Т. Нафтали в 2007 году были награждены престижной британской премией – медалью герцога Вестминстерского за военную литературу (The 2007 Duke of Westminster's Medal for Military Literature).

